ČASOPIS PRO

SLOVANSKOU FILOLOGII

SLAVIA

VOLUME 5

1926/27

SLAVIA

ČASOPIS PRO SLOVANSKOU FILOLOGII

S podporou

ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník V.

TISKEM A NÁKLADEM

ČESKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE

1926—1927.

Reprinted with the permission of the Original Publishers

JOHNSON REPRINT CORPORATION
111 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10003

JOHNSON REPRINT COMPANY LTD
Berkeley Square House, London, W1X6BA

First Reprinting 1970, Johnson Reprint Corporation

Printed in the United States of America

Obsah ročníku pátého.

Články: Strana
Brückner A.: Wzory etymologji i krytyki źródłowej. II. . . . . 417—438
Долобко Милий: Нóчь-ночéсь, óсень-осенéсь, зимá-зимýсь, лéто-лéтось . . . . 678—717
Дурново Н. и Ушаков Д.: Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения . . . . 342—347
Гудзий Н.: Аллитерация и ассонанс у Тютчева . . . . 456—469
Chlumský J.: La mélodie des voyelles accentuées et l'influence des consonnes sur la mélodie des voyelles . . . . 233—249
Janów Jan: Źródła Ewangelji Peresopnickiej . . . . 470—499
Кашин Н.: Островский и Мольер . . . . 107—135
Liewehr Ferdinand: Der č. Ortsname *Bechyně, Bechyň* . . . 209—213
Mošin Vladimir: »Treće« rusko pleme . . . . 763—781
Murko M.: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven 65—99, 277—302, 500—534, 718—744
Paul K.: Bartoloměj Kopitar a Pavla Josefa Šafaříka Geschichte der slawischen Sprache und Literatur . . . . 58— 64
Перетц В.: К вопросу о еврейско-русском литературном общении 267—276
Розенкранц И.: Мотив одиночества у Лермонтова . . . . . 100—106
Ružičić G.: Razvitak srpskohrvatskog gen. pl. na -*ā* . . . . . . 214—232
Селищевъ А.: Къ изученiю старопечатныхъ болгарскихъ книгъ 250—266
Смаль Стоцький Роман: Українська мова в етимольогічному словарі Е. Бернекера . . . . 1— 57
Соболевскiй А.: Этимологическiя замѣтки . . . . 439—450
Соболевскiй А.: Замѣтки по славянской морфологiи . . . . 451—455
Stender-Petersen Ad.: Zur etymologie des urslav. *gorazdъ* . . 665—676
Вальденберг В.: Посошков и Крижанич в их общественнополитических воззрениях . . . . 745—762
Варнеке Б.: Погодинъ и Шиллеръ . . . . 339—341
Van Wijk N.: Evangelistar und Tetraevangelium 677
Зеленин Дм.: Женские головные уборы восточных (русских) Славян . . . . 303—338, 535—556

Kritiky a referáty:
Ангеловъ Б.: Българска литература. Часть II. (А. Селищев) . 164—170
Аргунов П. А.: Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты (Юрий Иванов) . . . . 813—814
Bonkáló Sándor: Az orozs irodalom története (Dějiny ruské literatury) (A. Petrov) . . . . 175—179
Capidan Th.: Raporturile lingvistice slavo-române. Influenţa română asupra limbei bulgare (Ст. Младеновъ) . . . . 146—157
Cronia Arturo: L'enigma del glagolismo in Dalmazia dalle origini all'epoca presente (Fr. Pastrnek) . . . . 593—594
Danilevič Vasil: Археологична Минувшина Київщини (L. Niederle) 633—635
Díla Alberta Siče o lidovém umění Slovinců (D. Stránská) . . . 182—186
Chotch P.: Bibliografia del Montenegro (M. Gavazzi) . . . . . . 817—819
Jaký vliv měla latinská Vulgáta na staro-slovanský překlad evangelní (Jos. Vajs) . . . . 158—162
Юшков С. В.: Феодальные отношения в Киевской Руси. (Юрий Иванов) . . . . 628—633

Каманін Іван: Олександра Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651) (А. Гераклитов) . . . . 814—817
Каринский Н. М.: Образцы письма древнейшего периода истории русской книги (J. Vajs) . . . . 797—800
Кульбакин Ст. М.: Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу (Николай Дурново) . . . . 563—571
Лёсік Язеп: Сынтакс Беларускае мовы (Иосиф Волк-Левонович) . . . . 571—592
Ludoznawstwo polskie w latach 1922—1925 (St. Bystroń) 378—390, 614—625
Meillet A. et Vaillant A.: Grammaire de la langue serbo-croate (С. Кульбакинъ) . . . . 141—145
Nejedlý Zdeněk: Bedřich Smetana. Díl I-II. (Miroslav Zelenka) 805—813
Nopcsa Franz bar.: Albanien. — Bauten, Trachten und Geräte Nordalbaniens (M. Gavazzi) . . . . 625—628
O pochodzenie nazwy miejscowej *Bratislava*. Kilka uwag krytycznych (Witold Taszycki) . . . . 136—139
Островский А. Н. 1823—1923. Сборник статей под редакцией Б. В. Варнеке (П. Бузук) . . . . 179—180
Páta Josef: Úvod do studia lužickosrbského písemnictví (Witold Taszycki) . . . . 170—174
Paul K.: Dvě povídky L. K. Lazareviće (O. Kolman) . . 366—378, 594—614
Петерсон М. Н.: Очерк синтаксиса русского языка. — Русский язык. Пособие для преподавателей (Николай Дурново) . 350—357
Sborník prací věnovaných profesoru dru Janu Máchalovi k sedmdesátým narozeninám 1855—1925 (Frank Wollman) . . . . 800—805
Schwela G.: Vergleichende Grammatik der ober- und niedersorbischen Sprache (Witold Taszycki) . . . . 357—359
Sievers E.: Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising; Altslawisch ē und *ja* (N. van Wijk) . . . . 557—563
Słoński St.: Tak zwane perfektum w językach słowiańskich (N. van Wijk) . . . . 348—350
Słoński Stanisław: Wybór tekstów starosłowiańskich (С. Кульбакинъ) 782—784
Смаль Стоцький Ст.: Розвиток поглядів про семю словянських мов і їх взаїмне споріднення (N. van Wijk) . . . . 139—141
Шахматов А. А.. Очерк современного русского литературного языка (Николай Дурново) . . . . 784—797
Vajs Josef: Kniha Rut v překladě staro-slovanském (Fr. Pastrnek) 162—164
Волков Р. М.: Исследование о сказке (П. Бузук) . . . . 180—181
Weingart Miloš: Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské. Část II., oddíl 2. (Вл. Розовъ) . . . . 359—365
Zbirka jugoslavenskih ornamenata. Svezak 1. (D. Stránská) . . . 181—182

Nekrology:

† Benjo Stefan Conev (Jos. Páta) . . . . 636—638
† Volodymyr Hnatjuk (J. Polívka) . . . . 820—822

Zprávy:

Деятельность Общества истории литературы (Москва) в 1923 – 25 гг. (А. Седельников) . . . . 187—190
Замѣтка къ исторіи славянскихъ старопечатныхъ книгъ (М. Корнѣева-Петфуланъ) . . . . 190—194
Georgieviciana v knihovně Národního muzea v Praze (V. Burian) 202
Проф. С. П. Шестаков. (К сорокалетию ученой деятельности 1886—1926 г. г.) (Ю. А. И.) . . . . 391—392
K jubileu prof. Jana Łośe (W. T.) . . . . 392—394
Обзоръ трудовъ по византиновѣдѣнію съ 1914 г. (Г. Вернадскій) . . . . 395—408, 639—653

Strana
Sofijská Národní knihovna (Jos. Páta) . . . . 653—654
Vědecké styky francouzsko-ruské (J. Frček) 654
Personalia 654
Jihoslovanská národopisná musea (Drahuše Stránská) . . . . 826—839
Organisace slavistických studií ve Francii (Jan Frček) . . . . . 839—848
»Тьма« Андреева и »Записки из подполья» Достоевского (Clarence Augustus Manning) . . . . 850—852
Wotgrono knězu Taszyckemu (B. Šẃela) 857

Bibliografické zprávy:

Историко-литературный сборникъ посв. В. И. Срезневскому (1891—1916) (А. Б.) 194—196. — Науковий Збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії України I. (Ст. Смаль-Стоцький) 196—197. — Пам'яти Г. С. Сковороди (1722—1922) (П. Б.) 197. — Красный Архив I—VIII (А. Бемъ) 197—201. — N. Cartojan: La légende d'Abgar dans l'ancienne littérature roumaine (N. Cartojan) 201—202. — Wład. Łega: Przyczynki do poznania kultury łużyckiej na Pomorzu (L. N.) 202—203. — F. M. Bartoš: Soupis rukopisů Národního musea sv. I. (S. Petíra) 203. — Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte (L. Silberstein) 203. — Josef Fuhrich: Diferenční slovník polsko-český (Mir. Zelenka) 394—395. — Литература въ русскихъ журналахъ. Литературная Мысль. Альманах. I—III. (А. Бемъ) 408—411. — En l'honneur et en mémoire de Louis Leger. Сборникъ въ честь и въ паметь на Луи Леже 1843—1923 (Ст. Младеновъ) 823—826. — Sborník k poctě Pavla Boyera (E. A. Ljackij) 848—850. — Литература въ русскихъ журналахъ. Печать и революция 1923—1925 (А. Бемъ) 852—856. — Aurelio Palmieri: La geografia politica della Russia Sovietista (П. Савицкій) 856—857.

Výtahy z časopisů:

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ Т XXIII—XXVII. (1918—1922) (Л. Копецкій) 204—208, 412—414, 655—660, 858—864. — Listy filologické. Ročník LII. 1925. (J. K.) 414—415. — Časopis pro moderní filologii a literatury. Ročník XII. 1925—1926. (J. K.) 415—416. — Archiv für slavische Philologie. XXXIX. (J. K.) 660—662. — Časopis Národního Musea. Ročník 98. (J. K.) 663—664. — Revue des Etudes Slaves V. (J. K.) 864—866. — Македонски Прегледъ (А. М. Селищев) 866.

Rejstříky . . . . 867—886

Ve Année — Table des matières.

Articles: Page

Brückner A.: Modèles d'étymologie et de critique des sources II. 417—438
Dolobko Milij: Nóčь-nočésь, óseпь-osenésь, zimá-zimúsь, léto-létosь 678—717
Durnovo N. et Ušakov D.: Essai de transcription phonétique de la prononciation littéraire russe . . . . 342—347
Gudzij N.: L'allitération et l'assonance dans Tjutčev . . . . 456—469
Chlumský J.: La mélodie des voyelles accentuées et l'influence des consonnes sur la mélodie des voyelles . . . . 233—249
Janów Jan: Les sources de l'Evangile de Peresopnica . . . . 470—499
Kašin N.: Ostrovskij et Molière . . . . 107—135
Liewehr Ferdinand: Der č. Ortsname *Bechyně, Bechyň* . . . . 209—213
Mošin Vladimir: La «troisième» tribu russe . . . . 763—781
Murko M.: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven 65—99, 267—302, 500—534, 718—744
Paul K.: B. Kopitar et Geschichte der slawischen Sprache und Literatur de P. J. Šafařík . . . . 58—64
Peretc V.: Sur la question de la communauté littéraire judéo-russe 267—276
Rosenkrantz J.: Le motif de la solitude dans Lermontov . . . . 100—106
Ružičić G.: Le développement du génitif pluriel en -$\bar{a}$ dans la langue serbocroate . . . . 214—232
Seliščev A.: Contribution à l'étude des incunables bulgares . . . 250—266
Smal' Stoćkyj Roman: La langue ukraïnienne dans le dictionnaire étymologique de E. Berneker . . . . 1—57
Sobolevskij A.: Remarques étymologiques . . . . 439—450
Sobolevskij A.: Remarques sur la morphologie slave . . . . . . 451—455
Stender-Petersen Ad.: Zur Etymologie der urslav. *gorazdъ* . . 665—676
Val'denberg V.: Les idées sociales et politiques de Pososkov et Križanič . . . . 745—762
Varneke B.: Pogodin et Schiller . . . . 339—341
van Wijk N.: Evangelistar und Tetraevangelium 677
Zelenin Dm.: Les coiffures de femmes chez les Slaves Orientaux (Russes) . . . . 303—338, 535—556

Critiques et comptes-rendus:

Sur l'origine de la dénomination de la ville de *Bratislava*. Quelques remarques critiques (Witold Taszycki) . . . . 136—139
Quelle influence a eue le latin de la Vulgate sur la traduction vieux-slave de l'Evangile (Jos. Vajs) . . . . 158—162
Les œuvres d'Albert Sič sur l'art populaire des Slovènes (Drahuše Stránská) . . . . 182—186
L'Edition tchèque de deux contes de L. K. Lazarević (Otakar Kolman) . . . . 366—378, 594—614
Le folk-lore polonais pendant les années 1922—1925 (Jan St. Bystroń) . . . . 378—390, 614—625
Angelov B.: Littérature bulgare: 2e partie (A. Seliščev) . . . . . 164—170
Argunov P. A.: Le paysan et l'agriculteur à l'époque de la charte judiciaire de Pskov (Jurij Ivanov) . . . . 813—814
Bonkáló Sandor: Histoire de la littérature russe (A. Petrov) . . . 175—179

Page
Capidan Th.: Raporturile linguistice slavo-române. Influența română asupra limbei bulgare (St. Mladenov) . . . . 146—157
Collection d'ornements yougoslaves. Fasc. I (D. Stránská) . . . . 181—182
Chotch P.: Bibliographie du Montenégro (M. Gavazzi) . . . . . . 817—819
Cronia Arturo: L'enigma del glagolismo un Dalmazia dalle origini all'epoca presente (Fr. Pastrnek) . . . . 593—594
Danilevič V.: Le passé archéologique de la région de Kijev (L. Niederle) 633—635
Juškov S. V.: La féodalité dans la Russie Kiévienne (Jurij Ivanov) 628—633
Kamanin Ivan-Olexandra Vitvićka: Les filigranes des papiers des documents ukrainiens des XVIème et XVIIème Siècles (A. Geraklitov) . . . . 814—817
Karinskij N. M.: Modèles d'écriture de l'époque la plus ancienne de l'histoire de la littérature russe (J. Vajs) . . . . 797—800
Kuľbakin St. M.: Recherches paléographiques et linguistiques sur l'Evangile de Miroslav (Nicolas Durnovo) . . . . 563—571
Lësik Jazep: La syntaxe du blanc-russe (Joseph Volk-Levonovič) 571—592
Meillet A. et Vaillant A.: Grammaire de la langue serbo-croate (S. Kul'bakin) . . . . 141—145
Nejedlý Zdeněk: Bedřich Smetana (partie I—II) (Miroslav Zelenka) 805—813
Nopcsa Franc bar.: Albanien-Bauten, Trachten und Geräte Nordalbaniens (M. Gavazzi) . . . . 625—628
Ostrovskij A. N. 1823—1923. Recueil d'articles sous la rédaction de B. V. Varneke (P. Buzuk) . . . . 179—180
Páta J.: Introduction à l'étude de la littérature serbe de Lusace (Witold Taszycki) . . . . 170—174
Peterson M. N.: Aperçu de la syntaxe de la langue russe.— La langue russe. Manuel pour les maîtres (Nicolas Durnovo) . . . . 350—357
Recueil de travaux consacrés au professeur Dr. Jan Máchal en l'honneur de son soixante-dixième anniversaire (1855—1925) (Frank Wollman) . . . . 800—805
Schwela G.: Vergleichende Grammatik der ober- und niedersorbischen Sprache (Witold Taszycki) . . . . 357—359
Sievers E.: Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising; Altslawisch ē und *ja* (N. van Wijk) . . . . 557—563
Słoński St.: Ce qu'on appelle le perfectum dans les langues slaves (N. van Wijk) . . . . 348—350
Słoński Stanisław: Choix de textes vieux-slaves (S. Kul'bakin) . . 782—784
Smal' Stoćkyj St.: L'évolution des idées sur la famille des langues slaves et leurs rapports de parenté mutuelle (N. van Wijk) . . 139—141
Šachmatov A. A.: Précis de la langue littéraire russe contemporaine (Nicolas Durnovo) . . . . 784—797
Vajs Josef: Le livre de Ruth dans la traduction vieux-slave (Fr. Pastrnek) . . . . 162—164
Volkov R. M.: Recherches sur la légende (P. Buzuk) . . . . . . 180—181
Weingart Miloš: Les chroniques byzantines dans la littérature vieux slave II, 2 (Vl. Rozov) . . . . 359—365

Nécrologies:

† Benjo Stefan Conev (Jos. Páta) . . . . 636—638
† Volodymyr Hnatjuk (J. Polívka) . . . . 820—822

Notes et informations:

Activité de la Société d'Histoire de la Littérature (Moscou) en 1923—1925 (A. Sedel'nikov) . . . . 187—190
Note sur l'histoire des incunables slaves (N. Kornjeeva-Petfulan) 190—194
Georgieviciana dans la bibliothèque du Musée National de Prague (V. Burian) 202
Prof. S. P. Šestakov. (A l'occasion du quarantenaire de son activité scientifique: 1886—1926.) (J. A. I.) . . . . 391—392

Page
A propos du jubilé de Jan Łoś (W. T.) . . . . 392—394
Aperçu des travaux sur le byzantinisme depuis 1914 (G. Vernadskij) . . . . 395—408, 639—653
La bibliothèque nationale de Sofia. (Jos. Páta) . . . . 653—654
Les relations scientifiques franco-russes (J. Frček) 654
Personalia 654
Les musées ethnographiques yougo-slaves (Drahuše Stránská) . 826—839
L'organisation des études de slavistique en France (Jan Frček) . 839—848
Les «Ténèbres» d'Andreev et «Souvenir de littérature clandestine» de Dostojevskij (Clarence Augustus Manning) . . . . . . 850—852
Réponse à Mr Taszycki (G. Śwéla) 857

Renseignements bibliographiques:

Recueil historico-littéraire consacré à V. I. Sreznevskij (1891—1916) (A. B.) 194—196. — Recueil scientifique de la chaire d'histoire de l'Ukraïne de Charkov. I. (St. Smal'-Stoćkyj) 196—197. — A la mémoire de G. S. Skovoroda (1722—1922) (P. B.) 197. — Archives rouges I—VIII (A. Bem) 197—201. — N. Cartojan: La légende d'Abgar dans l'ancienne littérature roumaine (N. Cartojan) 201—202. — Wład. Łega: Contributions à la connaissance de la civilisation lusacienne en Poméranie (L. N.) 202—203. — F. M. Bartoš: Catalogue des manuscrits du Musée National fasc. I. (S. Petíra) 203. — Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte (L. Silberstein) 203. — Josef Fuhrich: Dictionnaire des différences entre le polonais et le tchèque (Mir. Zelenka) 394—395. — La littérature dans les revues russes. Literaturnaja Mysl. Almanach, I—III (A. Bem) 408—411. — En l'honneur et en mémoire de Louis Leger (St. Mladenov) 823—826. — Mélanges Paul Boyer (E. A. Ljackij) 848—850. — La littérature dans les revues russes. La presse et la Révolution (1923—1925) (A. Bem) 852—856. — Aurelio Palmieri: La géographie politique de la Russie soviétiste (P. Savickij) 856—857.

Revue des périodiques:

Izvěstija Otdělenija russkago jazyka i slovesnosti Ros. Akademii Nauk. T. XXIII—XXVII (1918—1922) (L. Kopeckij) 204—208, 412—414, 655—660, 858—864. — Listy filologické LII (J. K.) 414—415. — Časopis pro moderní filologii a literatury XII (1925—1926) (J. K.) 415—416. — Archiv für slavische Philologie. XXXIX. (J. K.) 660—662. — Časopis Národního musea. Tome 98 (J. K.) 663—664. — Revue des Etudes Slaves V. (J. K.) 864—866. — Makedonski Pregled (A. M. Seliščev) 866.

Index . . . . 867—886

Українська мова в етимольоґічному словарі Е. Бернекера т. I.

1. Етимольоґічний словар проф. Еріха Бернекера (Slavisches Etymologisches Wörterbuch von Dr. Erich Berneker, o. Professor an der Universität in München, erster Band, A—L, Heidelberg 1908—1913. Carl Winter's Universitätsbuchhandlung), що почав виходити 1908. р. в серії Indogermanische Bibliothek, видаваної Г. Гіртом і В. Штрайтберґом, лежить перед нами в свойому першому томі, що обіймає букви від *А* до *Л* включно.

Цей твір покликаний виповнити велику прогалину в порівнюючому словянознавстві. А саме має він заступити етимольоґічний словар Мікльосича, який перестарів ся. Отже потреба нової синтези, нового опрацьовання словянської етимолоґії згідно з поступами нашої науки відчувалась загально. І учителями і учениками.

Тому нема що дивувати ся, що етимольоґічний словар проф. Бернекера від видання початкових зшитків першого тому стоїть в осередку наукової дискусії та критики.

2. Про нього забірали слово всі видатні робітники на ниві порівнюючої словянської фільольоґії та того мосту, що від неї веде до порівнюючого індоевропейського язикознавства: Мейє (Meillet), Розвадовський, Фасмер, Брікнер та покійний Яґіч. І крім напів неґативного становища Розвадовського (Rocz. slaw. II), цей твір стрінув ся з великим признанням. Ці розправи обговорювали загальні принципи укладу словаря, поодинокі етимольоґії, питання чужих слів, реконструовані початкові форми та всі иньші проблєми в цілій їх ширині та розгалуженнях.

Із вузшого становища бажав би я в оцих рядках заняти ся твором Е. Бернекера, із становища однієї мови — української. Я обмежу ся на цю тему, бо думаю, що тепер, де перший том закінчений, найпершим завданням поодиноких словянських фільольоґій повинно б бути, доставити чим мога найбільше повний мовний матеріял із поодиноких мов для перегляду,

доповнення, критики. Коли б це з кожної слов. мови було систематично зроблене, то — на мою думку — успішне опрацьовання цього поля та поглублення нашого знання було би в великій мірі прискорене й улегчене.

3. При опрацьованню української мови стояв проф. Бернекер перед трудним завданням. Задля загальних умов та передвоєнних обставин життя українська фільольоґія була і є ще доси дуже бідна на лєксикоґрафічні твори. Всього навсього можна згадати: Малоруско-Німецкий словар Євгенія Желеховського I, II, 1886, далї: Словарь Украинскаго Языка Б. Г. Грінченка, I, II, III, IV, 1907—1908, та по части: З. Кузєлї: Словар чужих слів 1910. Коли ще додати діялєктичні матеріяли Верхратського та Шухевича, то на цьому й конець.

Із цих творів Желеховський цілком перестарілий, неповний. І матеріял його — що до акценту та значіння — у великій мірі — галицько-український. Словар Грінченка — хоть велика праця, перша спроба лєксикоґрафічного збору української мови і як така на наші довоєнні часи дуже велике діло — але з наукового становища що до свого укладу він середньої вартости. На кожному кроцї помічають ся і що до значіння, де часто оказіональне від узуального не відрізнено, і що до акценту неточности, неповности. А словар Кузєлї це перша праця про чужі слова в українській мові і його ціль властиво практична.

Із сказаного ясно, що український словесний матеріял не є вповні зібраний, а ще меньше опрацьований — і треба тільки сподіватись, що новий словар, який лагодить Всеукраїнська Академія Наук, буде в цьому напрямкові крок вперед.

4. Українська мова в словарі проф. Бернекера опрацьована так добре, як воно ліпше при теперішньому станї укр. фільольоґії і бути не може. В дальших зшитках і Грінченка матеріял вповнї узгляднений, навіть акцентові ріжниції супроти Желеховського зазначені; цілий ряд дуже влучних пояснень поданий що до укр. форм, і навіть Верхратського діялєктичні праці використані.

Цей теперішний стан укр. фільольоґії є заразом причиною, що спонукала мене написати ось цих кілька заміток, які я низше подаю.

a) Перед усім: ф о н е т и ч н а т р а н с к р и п ц і я. Я не застановляю ся над такими транскрипціями як: „Gramatyka“

стор. 14 Граматика Огоновського) намість „Hramatyka“ та Hryněenko“ намість „Hrinčenko“, бо це очивидні друкарські помилки. Та хотів би я звернути увагу на такі транскрипції: *олм : choųm; голка : hoųka; фалд : faųd; фалш : faųš; діл : dių; лагол : hlahoų; горілка : horiųka; диявол, дявол : ďavoų*. В літературній мові тут всюди є *-л-* (невокалїзоване), тому й треба ранскрібувати: *fałš, fałd, dił* і т. д., бо ці транскрипцією переданi форми є тілько в деяких діялєктах. З другого боку *ів-, -ев-, -ов-, -ав-* транскрибовані *-iv-, -ev-, -ov-, -av-* намість *ių-, -oų-, -eų, -aų-*, приміром: *борóдавка : boródavka; здорóв : zdoróv; дерéвня : derévńa; говорів : hovoŕiv* (296 s. v. *gal'ь*). Далї не адоволняє почасти система для визначення мягчення (палятаізації). Теоретично проф. Бернекер, розуміеть ся, в повному раві, кожну шелестівку перед *-i-* визначувати знаком паяталїзації ′, щоби тим самим зазначити пересунення артикуяцийної бази в тому напрямкові. Але коли цей принцип строго ереводити, то треба вжити иньших знаків, щоби віддати звуову форму наведених українських слів, бо инакше повстає деяке замішання. Я подам приміри: *дївер : d′iver; d′ių : діл* начить задля теоретично правильного принципу тут практично при ґрафічному переданню не розріжнені *-d′i-* і *-d″i*, або: *нїв : hńiv* (намість *hńių*), *гній : hńij;* тут не розріжнені: *ńi* і *ńi*. Тому, на мою думку, ліпше було би тільки для другого роду, . зн. для справдїшного мягчення, уживати паляталїзацийного знаку ′, а теоретичне пересунення бази в напрямку до *-i-* ри першім роді не зазначувати ґрафічно взагалї. Для *-р-* пропонував би таки повернути в певних випадках до *-ŕj-;* риміром: *чирица : čyŕica* (намість *čyrýća*); *hoŕáčyj : горячий*. 3 першій транскрипції *-ŕ-* мало би означати пересунення бази, але в другій *-ŕ- = -ŕj-*; я замічаю в дальших зшитках, що проф. Бернекер перестав писати *-ŕi-*, а пише *-ri-* і тим амим зарезервував знак ′ при *-р- (-r-)* властиво вже для *-й-* приміром: *horiųka, chrin, hriš, hrib, — kŕak, kŕataty śa, kŕakaty)*. 3 транскрипції: *девясил — deváasyų* (намість: *devjasýł*) знак ′ уживаєть ся також для *-й-*.

Та тим самим нарушуєть ся і ціла теоретична підстава цеї системи, яка транскрибує: *bézḿin, ḱirkýj, b́is*. Я маю враження, що шановний автор переходить до нової системи транскрипції української мови в своїх послїднїх зшитках, якою поправляє вказані недостачі. Він пише: *kim — kit;*

кість — *kist'*; (але знову: *купіти* — *kypíty*). Але це конець кінцем дрібниці, які тому, що українську мову знає, не роблять труднощів.

б) Увагу наших українських фільольоґів хотів би я звернути на питання чужих слів в українській мові та намітити ті точки, які слід було б опрацювати. Бо це їх діло доставити ці матеріяли.

1. Німецькі слова. Словар проф. Бернекера по більшій части заступає думку, що німецькі слова дістали ся в українську мову за польським посередництвом. Тому вони всї долучені в скобках до польського джерела.

Я хотів би звернути увагу на велику кольонізацію німецьку в українські краї та зазначити, що німецькі слова в великій части перейшли безпосередно в українську мову. Ми мусимо оцінити ці факти, що навіть Львів в XV—XVI століттях був властиво німецьким містом; перед вели в ньому німецькі купці, маґістрат урядував по німецьки. Великі німецькі кольонії були і в Перемишлї, Сяноку, Коросні і вся торговля в глибину України до Дніпра була здебільша в німецьких руках (гл. R. Kaindl: Geschichte der Deutschen in den Karpathenländern). Та не тільки торговлю, а й ремісників, цехи, маґдебурське право треба в цьому звязкові взяти на увагу. Найліпший доказ на те, як навіть первісно французькі слова переходили за німецьким посередництвом в укр. мову, є в Грінченка Словарі (під *боти*), де він цитує пісню: *та на козаку боти та німецької роботи.* Коли ще взяти всю новійшу кольонізацію Німців в українській етноґрафічній території, то я переконаний, що моя висловлена думка вповні обґрунтована.

Треба тільки знайти головні принципи, як виділити німецькі слова в ці дві ґрупи.

2. Польські слова. Що кожного українського читача Бернекерового словаря поражає, то це той превеликий вплив польської мови на українську. Українська мова там поставлена зараз після російської і при Ableitungen російська є більше заступлена і опрацьована, ніж українська. Але коли зрівняти істнуючі українські форми тої ґрупи, особливо вирази для культурного життя, з російськими та польськими то завсїди майже повна згідність замічаєть ся з польською мовою, а не з російською. Це вповні зрозуміле і має сво

сторичні причини. Та польська мова мала не тільки великий вплив на український словотвір, а була і мостом, яким із заходу вандрували до нас слова і нїмецькі, і латинські, і французькі, і мадярські.

Черговим завданням було б ці питання опрацювати.

3. Південне пасмо в широкому значінню: Туреччина, Румунїя, Мадярщина — також чекає ще на своїх дослїдників а з ним звязані ще два важні питання: грецьких та італійських слів.

Грецькі слова — це завдяки дослїдам Фасмера поле опрацьоване. Що до італїйських, то я знов не можу приняти погляду словаря про польське посередництво. Над Чорним морем були в середнїх віках багаті італїйські кольонії, основані Дженовою (Ґенуою), Пізою і т. д. Торговля в глибину краю була дуже жива і при цїй нагодї неодно слово там закорінилось (гл. Михайло Грушівський, Історія України VI, 2, параґ. I, 2, — тут зіставлена і цїла лїтература про торговельні зносини Чорного моря з італїйськими містами). Тому я не думаю, щоби *гармата* була з польского *harmata*, а задля г- навпаки і т. и.

Питання турецьких та румунських слів в українській мові дуже замотане і я сумнїваю ся, чи взагалї вдасть ся його цїлком розмотати та видїлити, котрі турецькі слова прийшли прямо із побережжя, а котрі за румунським або мадярським посередництвом. Нам треба буде приняти чорноморську полосу побереж з Дунаєм та Днїпром як таке поле, де протягом столїть дуже богато впливів перехрещувалось, перемішувалось і яка тому і почасти затемнена.

Але як найвшидшого опрацьовання вимагає вплив румунської мови на українську. Від побережжя Чорного моря через Бесарабію аж до Буковини ці два народи живуть сусїдами. Яцимирський внїс дещо сьвітла на вплив словянських сусїдів на румунську мову, але вплив румунської мови на мову словянських її сусїдів, особливо на українську — це мало оброблене поле.

4. Російська мова не могла не лишити своїх слїдів в українській мові за останнї столїття. Які слова закорінились в народї з великого апарату армії, школи та церкви колишньої російської імперії, цей темат також нетиканий, так само — для котрих нових чужих слів ця мова була нам посередником.

Ось ці питання насувають ся при перепрацьованню листків словаря проф. Бернекера як чергові завдання для опрацьовання українського засобу слів.

в) Мені здаєть ся, що в словарі треба би звернути більше уваги на увесь той словесний матеріял, який має свою основу в окликах (інтерєкціях), звуконаслідуваннях. Всі словянські народи здебільшого ще селяни — мужики, хлібороби, і увесь той сьвіт, що маніфестуєть ся для них ухом — шуми, крики, згуки, гомони — дуже цікавий. Всі ці клички зьвірів, діточа мова, звуконаслідування мають також свою історію, розвиток та свій словотвір і уявляють собою мовний сирівець великого значіння.

Я хотів би вказати і на його практичну вартість для етимольоґії на прикладі, який подаю під осуд авторам цитованих пояснень.

Під *golsъ* Бернекер замічає, що Мікльосич ставить сюди ще польс. *hałas* „Lärm, Geräusch", *hałasować* „lärmen", яке на його думку не може бути з чес. *hlas,* як це Gebauer (AslPh. 1. 69) думає. Він цитує Брікнера (Slav. Fremdw. im Lit. 67) та білорус. *hałaśić*, *hałasovać* „brüllen, schreien"; *hałasy* „Gerücht" та уважаэ ці слова за основу польських і українських: *галас* „Lärm, Schrei".

Фасмера (Rocz. Slaw. IV. 162) це пояснення Бернекера-Брікнера не задовольняє. Він доходить до рішення, що це слово первісно іранського походження і зіставляє його з *γalas* „Stimme", яке він знайшов в одному осетинському говорі (в диґорському діялєкті), та бере за правдоподібну дату його переходу часи перед походом Сьвятослава проти Хазарів, мотивуючи це дуже бистроумно історично-ґеоґрафічними арґументами.

Я сумніваю ся і прохаю передумати ось що:

Передусім одно є безперечно певне: це слово є в польській мові задля *h-* чуже. По друге: треба приглянутись в який розряд воно в тих мовах належить, де воно мабуть старше. Коли я приглядаюсь до української мови, то я мушу його вставити в ту дуже велику ґрупу звуконаслідувань, на які ця мова така багата. І в цім розряді, в цій ґрупі за примічаємо певний порядок що до словотвору, а особливо що до творення т. зв. Streckformen. Один із засобів для її творення є такий:

бáмкати — балáмкати
чáпати — чалáпати
чéпати — челéпати
чúкати — чилúкати
гáйкати — галáйкати
гáкати — галáкати

і так цілий ряд других. Коли я маю в мові побіч *галасати* — *гасати*, то я маю підставу для твердження, що це є тільки Streckform (розтягнена форма) до *гасати*, а *гасати* є < *гайсати*. Із *галасати* що йно утворене *галас* на лад иньших слів, які мають значіння звязане з шумом, гуком: *ляпас, викрутас, закрутас, обертас*.

г) Далї йдуть замітки ріжного роду. Вони справляють або значіння, або пояснення, або пропонують авторові вставку в головну нотатку (там, де українська мова не заступлена, це зазначено: укр. 0). Далї вказують вони, як народна етимольоґія працює що до чужих слів та дає їм українську форму і своєрідний зміст, так що вони почувають ся в народї не чужими, а українськими. Там, де це цікаво, подані також паралєльні форми до зазначених слів иньших словянських мов.

Цї замітки писані ще до р. 1912 і були переслані шановному авторові словаря. Воєнне лихолїття не дало їх впорядкувати та видати. Що йно тепер я маю змогу це зробити з приміткою, що вони тепер переглянені далеко від центрів слявістики. Тому й прохаю товаришів, хоть всї подані слова провірені в Грінченка або Желеховського, як що знайдуть яку неточність, її вибачити. Мої нотатки не бажають бути нїчим иньшим, як скромними замітками до великої працї проф. Е. Бернекера та подякою за всї поучення, які я винїс із його книжки.

А.

aba — укр. 0; сюди: габá ,weisser türkischer Wollstoff'; подане польське: *haba*, задля свойого *h-* укр. походження.

ābat укр. 0; сюди: опáт ,römisch-katholischer Priester, Abt'; з польського.

ablъko — сюди ще: я́блуко, я́бко (з польського).

abolnь — подане: я́блінка є здрібнїле до: я́блоня, я́блуня.

ačę,ačiti — сюди треба передусїм вставити: обáчити ,sehen, bemerken'; обáчність ,Vorsicht, Voraussicht'; обачіння ,Aufmerk-

samkeit'; не-оба́чно ,unvorsichtig'; далї: зоба́чити ,erblicken'; зоба́чення ,Wiedersehen'; тому я не бачу причини уважати подані форми: ба́чити, поба́чити, за первісно польські, а думаю, що вони розвились на укр. ґрунтї на підставі помилкового розуміння префіксу. Окрім того тут треба би ще подати вирази як: а́ч яке́ нївро́ку! ,ja, da schau her!'; ач яки́й ,schau ihn nur einmal an!'.

ágrest, крім поданої форми: а́ґрус, належать сюди: а́ґрест, а́ґрист, а́ґрис, а́грист, всї за польським посередництвом; далї: я́ґрост, яке вказує на народню етимольоґію в напрямкові до: рости́ ,wachsen'; форму а́ґрус, а́грус можна пояснити впливом деяких рослинних назв: блава́тус.

aje — до значіння додати ,Hode'.

ákōv, укр. О; сюди: о́ко ,Eimermass'; це слово цїлком злучилось із: о́ко, во́ко ,Auge', розуміється тепер у цьому звязку як якась «наочна міра» ,Augenmass'.

akridъ, поданого укр.: окри́да ,Heuschrecke' в народнїй мові немає.

alaďja, укр. форми цього старого чужого слова: ола́ддє, ола́док, ола́дка ,Buttergebackenes' живуть тільки через народно-етимольоґічний звязок із: ла́дити (стра́ву) ,bereiten (Speisen)', яке є на тім полї спеціяльним терміном.

almužno, укр. О; сюди: ялму́жна ,Almosen, milde Gabe', з польського.

alyj, укр. О; сюди: діялєк.: я́лий ,rotglänzend', яли́тися ,rotglänzen'.

alь, укр. О; може сюди: яли́ти ,abhärmen, welken'.

angelъ, сюди прийотовані форми: я́нгел, я́нгол, я́нголь.

ankvra, укр. О; сюди: я́кір, -ору ,Anker'.

anteríja, укр. О; сюди: антере́в ,Zigeunergewand'; андара́к ,Frauenrock', вставити в замітку до нїм.: Unterrock.

apajǫ, apati — укр. О; у цїй неяснїй групі треба найти місце для: за́пно ,es wurmt ihn, ist unangenehm' у фразї: йому за́пно! Далї треба найти ще основу для: я́пина ,Geschwülste am Baum'; япинува́тий ,mit Geschwülsten bedeckt'.

áras, укр. О; сюди: га́рас, га́рус ,Kameelgarn'; гарасі́вка ,rote, schmale Binde aus grober Wolle oder Kameelgarn'.

armáta, укр. гарма́та не взяте з польського harmata а задля *-г-* навпаки; сюди ще білоруське: гарма́та.

arьtъ — тут хотів би я зробити уважним на укр.: ярміз, ярміс, ярмис ,Mittel, Gegenstand, Vorwand'; значіння не цілком ясне; ярміс знаходити ,Verwendung finden, ordnen'; гл. Грінченко 542. Може це і щось чуже.

ask, укр.: ящик означає передусім не ,Butterbüchse', а ,Wagenkorb, Kutschkasten'; це вказує найліпше на шлях переходу цього слова: старошведськ. asker ,kleines Fahrzeug'.

astrębъ (ь) — сюди ще форми: астря́б; далі: я́стер, -ера; коли вона не є тільки анальогією до: гайстер ,Storch', то треба її також мати на увазї при етимольогії цього слова.

at, укр. О; сюди через рум. hață, hațăș ,Fohlen': гачу́р ,Hengst', гача́, -ати ,Fohlen'.

avorъ + — сюди ще форма: явори́н, -ина; вона не є старою, а тільки авґментація як: цьвіт: цьвітин.

azbuky, до акценту не: а́збука, а азбу́ка; у долїшну замітку вставити: абе́тка ,Fibel, Alphabet'.

B.

bacajǫ, bacati — ,Lautnachahmung'. Ця сїмя представляєть ся з ріжноманїтним вокалїзмом ось як:

бац! ,Lautnachamende Interjektion, insbesondere für den Schlag der Widder gebraucht'; бац-баран! ба́цнути ,einen Schall verursachen, schlagen, losfeuern', ба́цькати ,etwas oft berühren, — beschmutzen'.

буц!; баран буц! ,wie oben'; буцати ,(vom Widder) mit dem Kopfe schlagen, sich mit dem Kopfe anschlagen'; сюди і: бу́цьо ,Apfel (Kindersprache)'.

биць-биць! ,Lockruf für Kälber und Schafe'; би́ця ,gehörnte Haustiere; Widder, Ochs, Kuh (Kindersprache)'.

badajǫ, badati — укр. О; сюди: бади́лля; баді́лля ,Pflanzenstengel, Collectv.'; бадили́на ,Stengel, Stecken'.

bagajǫ, bagati — задля значіння видаєть ся менї конечним поставити: бага́ттє до: *bagъrъ 2.*

bachajǫ, bachati — укр. О; сюди: ба́хур ,kleines Kind, Schreier'; бахурня́ ,Kinder, Collectv.'.

bajǫ, bajati 1. — до значіння додати також: ,voraussagen, wahrsagen'; бая́ння ,Erzählung, Wahrsagung'.

bakier, сюди ще форми: ба́кер, ба́кир, бе́кер; до значіння: стояти з кимсь на бакер ,mit jemandem böse sein'; менї все йде на ба́кер ,ich habe kein Glück'.

bākla, укр. О; сюди: фа́кля ‚Fackel‘.

bakšíš, укр. О; сюди: бакши́ш ‚Bestechung‘.

bakъ̆r, укр. О; сюди: баки́р ‚Kupferkessel‘.

bala — думка Розвадовського Rocz. Slaw. II. 104 стор., що слова: ба́лка, ба́лище, є чужі, безумовно правильна.

bala — я з етимольоґічної замітки бачу, що для укр. бала́кати немає пояснення, яке би задовольняло. Я предкладаю отаке: бала́кати є Streckform із ба́кати ‚ба (ei freilich!), ei-freilich sagen‘. Отже: той сам проблєм, що «галасати — гасати». З одного боку є звязок із *ba-*, з другого із ґрупою *bekajǫ, bekati* (порівняй відповідні артикули Бернекера). Далї: баламутити є контамінацією із балакати і мутити; її основа в тому, що «мутити комусь голову або душу» можна тільки словами, отже: балаканням. Відповідні польські, российські та чеські слова укр. походження.

balàban: значіння ‚gross‘ є також ще задержане: балаба́нка ‚grosse Kartoffelart‘: балабан ‚Schwätzer‘ треба звідсїлля видїлити і поставити до *bolbol'ǫ, bolboliti*; також я непевний, чи значіння ‚grosse Kartoffelart‘ не є із балабухи ‚Pfannkuchen, grosses Gebäck‘.

balbes, сюди ще: бельбас.

balda, укр. О; сюди: балда́ ‚Beil, grosse Axt‘; воно підпірає думку Фасмера Rocz. Slav. IV. 166 ст., що це слово із турецьк. balta ‚Axt‘.

balvanъ, сюди також форми: болва́н, ба́лван, бува́н; бовванїти ‚in undeutlichen aber grossen Umrissen erscheinen‘.

balyk, укр. О; сюди: бали́к ‚gedörrter Fisch‘.

balьji, balujǫ, balovati — сюди ще дуже характеристичне: балу́-балу́ ‚Ausdruck für Schwätzen, Plaudern‘; ба́ли ‚Gerüchte‘.

bandéra, укр. О; банде́рия ‚mit Fahnen geschmücktes Ehrengeleite‘ із польського; воно властиво є перехрестком слова банда ‚Bande‘ і польського: bandera ‚Flagge‘.

baňa + 1, до значіння: ба́нити ‚waschen, baden — schlagen‘.

baňa + 2, до значіння: ба́нька ‚Tragfass für Flüssigkeiten‘ > ‚Augapfel‘; банька́ч ‚Glotzäugiger‘.

barajǫ, barati — до цеї неясної ґрупи можна би поставити: ба́ри ‚Herumschwatzen, Beschwörungen (?)‘.

barchat, до замітки ‚aus dem Deutschen‘ треба вставити: барха́н; далї: барща́н є так само як сербохорватські та слов. форми з мадяр.: bársony.

baška, в замітку вставити: шлик ,eine Pelzmützenart, herabhängender Mützenzapfen der Kosaken'.

bašta, сюди ще форма: бахта.

batę (baťa) — сюди ще форма: бáтя; бадíка із рум. badică > bade.

batъ — до значіння: батура ,Stock, Peitschenstiel'; також: батýга; батувáти ,in Stücke schneiden, peitschen, fesseln (insbesondere Pferde fesseln'; > батóвá ,Lager der Lastpferde der Kosaken, Abteilung, voreinander gespannte Ochsenpaare'; батовúй ,zum Lastentragen bestimmt'.

bavlna та чи українська форма із польського? Для вирішення треба узглянднити також форми: бáвол͡на (із цього подана форма: бáвовна а не бавóвна); далї: бáвовник, бáвниця, бáвуна, бáвина, бáвна; всї слова наголошені на першому складї (проти польськ. bawełna); бáвна мабуть із чеського, а для других форм треба шукати прямого джерела в діялєктах німецьких колонїстів; сюди ще білоруськ. бáволна.

bavǫ, baviti — сюди ще: бáва, бавойка (dialect.) ,gastfreundliche Frau, Hausfrau'; бáвка, зáбавка ,Spielzeug'.

bebrъ; *bobr*; *bьbrъ* — сюди ще вставити: бобéр, - брá; бобрó; і мабуть: бобúрь, бобирá ,eine Fischart'.

bekajǫ, bekati — ,Lautnachahmend'; отже сюди ще: бé-бацюбé ,Lockruf für Schafe'; до значіння: ,blöcken — weinen — heulen'.

Сюди (або до: *beba*) треба в осібну замітку видїлити: бе! (вираз обридження) ,Interjection des Ekels, der Verabscheuung'; бéка, бéця ,etwas Eckelhaftes'; бéцяти ,sich entleeren, beschmutzen, Kindspr.'.

berkovec, укр. О; сюди: бéрковець ,dslbe'.

bermę — сюди ще: берéмок, оберéмок ,Last, Bürde'; оберéм, -ему ,dslbe';

berǫ, bьrati — сюди до долїшного уступу вставити: брáнка ,Assentierung'; брáля ,Hanfarbeiterin'; беркúй ,leicht auffassend'.

berskletъ — сюди ще: бересклéн.

bersky + — до акценту: не борóсква а бороскві́; сюди ще: брóслива ,Pfirsich'; це є народньо-етимольоґічна звязь із: слúва ,Pflaume, Zwetschke'.

berza — сюди ще: бéрезень, -зня; бéрезінь, -зня; бéрезіль, -оля ,März'.

besěda — сюди ще: бéседа ,Unterhaltung, Gespräch, > Gelage, sitzende Gesellschaft'; бесéдувати ,sich unterhalten'; бесéдка ,Ruder-

bank im Boot'; ці форми мають свою вартість для вирішення питання, яке обговорюєть ся в долїшній замітцї. Пояснення Бернекера підпірає ще оця форма фрази: Там у покóях сиди́ть цáрська чéсна бесéда ‚dort in den Gemächern da sitzt die ruhmvolle, königliche Tafel-Gesellschaft' (Грінченко 53).

bèstija, укр. О; сюди: бéстія ‚Schimpfwort, auch auf Haustiere angewendet'; бéштати ‚schimpfen'; із польського.

bezmen, сюди ще: бедзвін, бедзмін ‚dsslbe'.

bědǫ, běditi, běda — Желеховський перевів бідити неточно; значіння є передовсім: ‚Not leiden, in schweren Verhältnissen leben'; сюди ще: побіда ‚Sieg'; побіди́ти ‚siegen'; до розвитку значіння: бідкувáти ‚sich um etwas sorgen'.

běgnǫ, běgnǫti; běžǫ, běžati — сюди ще: бігýнка ‚Dysenterie, Durchfall'; бігунéць ‚ein Kind, das laufen lernt'; збіг ‚Flucht'; збіглéць ‚Flüchtling'.

bělъ — паралєлями до наведених слов. форм і значінь є: біль, означає ще: ‚Fett, Zwirn, weisse Farbe'; більчóк, білтóк ‚Eiweiss'; біли́ти ‚weissmachen, waschen, bleichen'; білýха ‚weisse Kuh, Ziege'; білогóлова ‚Frauenzimmer'.

Наведене: бíлка ‚Eichhörnchen' є fem. до білик; галицьке: біла ‚Münzenbenennung, Zehnheller' є щось нового (оказіональне значіння) і його тут вставити не можна.

běsъ — сюди ще: бісóвщина ‚Zauberei'.

bičkija, укр. О; сюди: бичáк ‚Messer, Hauer'; бічкó ‚krummes Messer'; остання форма уподібнена до: бічни́й ‚seitlich'.

birajǫ, birati — сюди укр. паралєлї: перебірáти ‚übernehmen'; прибірáти ‚Ordnung machen'; вибирáти ‚auswählen'; набірáти ‚anschwellen, voll werden'; побірáти ‚empfangen'; убірáти ‚ankleiden, schmücken'; одбірáти ‚abnehmen'; збирати ‚sammeln'.

До: ‚Iterativstufe' вставити: бирка ‚Kerbholz'; биркувáти ‚Zeichen machen, vermerken, einkerben'.

bìskup, укр. О; сюди: би́скуп, бíскуп ‚Bischof'; бискýпство, бíскупство ‚Bischofsitz'.

У замітку вставити: єпíскоп, епи́скоп.

blagъ — укр. О; сюди: благувáтий ‚tölpelhaft, geistig minderwertig'; сюди також: благи́й в значінню ‚schwach, minderwertig, alt': коли хлїб благи́й, то його не жнуть а косять ‚wenn das Getreide schwach gewachsen ist, so wird es nicht mit der Sichel, sondern mit der Sense geschnitten'; віз у нього благéнький ‚er hat einen schwachen, minderwertigen Wagen'.

Ці українські слова є правдоподібним джерелом поданих польських.

bławat, до акценту не бла́ват а блава́т; сюди ще: блавата́с, блава́тус ,dslbe'; блевіт є анальоґія до катеґорії рослин як: блекіт.

blechčiji, укр. О; сюди: бля́ха ,Blech'; бляха́р ,Sprengler'.

blekajǫ, blekati — укр. О; сюди: блекота́ти ,stammeln, gurgeln'; із відмінним вокалїзмом можна би сюда, як звуконаслїдування, поставити: бля́кати ,schwätzen'; бля́вкати ,dslbe'.

blędǫ, blęsti — укр. О; сюди: блядь, блядувати; ці форми уживають ся як русицизми в народї; сюди далї із польського: бле́ндати — пле́нтати ,herumirren'.

blěja, blějati — до акценту не: блея́ти, а бле́яти.

blěskъ — укр. О; сюди: бляск ,Glanz' із польського.

blichajǫ, blichati — укр. О; сюди блихувати ,schlagen', блехувати ,dslbe.'; значіння оце робить однак деякі труднощі, хотяй із ,klatschendes Geräusch' можна вивести ,schlagen'; з другим вокалїзмом сюди ще: блюхави́на ,Landregen, langes Regenwetter'.

blizna — сюди ще: близно́, блезно́ ,Fadenbruch im Gewebe, Webefehler'.

blizь; blizъ — сюди ще: близни́ти ,Zwillinge gebären'; бли́зень ,die Nähe'; бли́жний ,der Nächste'; до акценту: не бли́зець, а близе́ць. Тут хотїв би я ще зробити уважним на форму: бли́гий, блиго́мий ,nahe'.

bloska — сюди ще: бло́ска ,dslbe'.

blǫdъ, до значіння »блуд« ще ,Fehler, Sünde, böser Geist'; до блукати ще: блу́ква ,Weideplatz, Tummelplatz für Vieh'.

blъcha — сюди ще: блоша́нка ,Nachthemd'.

blьskъ, blьsnǫ, blьsnǫti — у замітцї є наведене ческе blikati ,blicken, blinzeln' із поданням німецького джерела: mhd. blick ,Glanz, Blitz, Blick'; blicken ,blicken, schauen, glänzen, blitzen'. Я сумнїваюсь в цьому; хотїв би тут зробити уважним на укр. блик ,Interjection für Blinzeln'; бли́кати ,blinzeln, blicken'; ці слова мабуть старі і чергуються із блим!, бли́мати в тому самому значінні. До цього слова: порів. AslPh. 35, 349; до розвитку поняття ,blinzeln — blicken' порів. ще замітку: *ględajǫ, ględati.*

bl'uzgajǫ, bl'uzgati — до акценту: не блюзну́ти, а блю́знути. Подібний розвиток поняття як в польській мові ,lästern,

schmähen, Gotteslästerliches reden', замічаємо і в нас: блюзни́ти ,Gotteslästerliches reden'; блю́зник ,Gotteslästerer'; блюзнї́рство ,Gotteslästerung'; це певно польський вплив, який сягає і в росийську і білоруську мову: блюзнерство, блюзнерь; і в цьому самому значінні і в литовській мові: blùznyju, blùznyti ,lästern'.

bogъ 1., сюди ще: fem. божи́ця, боги́ня; божо́к -жка, бо́жище ,Idol'; на-бо́жний ,fromm'; божкува́ти ,fasten'; божни́ця ,Judentempel'; божевільний ,verrückt'.

bogъ 2., сюди ще паралєльні форми: небо́га ,Verwandtschaftsgrad: Vetter — armes Wesen' (із цього жидівське: nebbich); небора́ка ,armer Kerl'; небіщик ,Verstorbener'; небіж, небожа́тко ,Vetter, armes Wesen'.

bòh, укр. О; сюди: богу́н ,Tiermagen, Dörrstange für Fische'; хотяй друге значіння не виключає, що джерела треба шукати на сході.

bochnik, сюди ще форми: буха́н, бухане́ць ,Laib Brot — Stoss, Schlag'; це є народньо-етимольоґічне уподібнення до *buchaję, buchati* 1: бу́хати ,schlagen' — отже: ,Brot kneten' та бухти ,Schmalzkuchen' до *buchnę, buchnęti.*

bokъ — сюди ще: бо́чити ,auf die Seite schauen, — auf die Seite fahren, — ausweichen', -ся ,mit jemandem böse sein'.

bolbol'ę, bolboliti ,Lautnachahmend'. Сюди треба примістити із відмінним вокалїзмом: балабій! ,Lockruf für Böcke'; балабо́нити ,murmeln, summen, klirren', балабо́шити ,schwätzen'; балаба́нити ,dslbe', белебе́нити ,dslbe; два останнї слова чергують ся із: баландї́ти, белендї́ти ,dslbe'; гляди ще: *bьlbъ,* лит. blebenù, blebénti ,plappern, schwatzen'.

bolgъ — сюди ще: блага́ти ,bitten, flehen'; блажи́ти ся ,sich fügen, einwilligen'.

bolna 1., сюди ще (із польського) бланяр, болонкар ,Glaser'; блони́ця ,eine Krankheit (russ. крупъ)'.

bolto — сюди ще: балта ,Pfütze'; із рум. baltă.

bol'arinъ, до значіння: бояри́н головно ,Brautführer'.

bordlo — сюде ще основне: боро́ло ,Felsspalte'.

bordy + — в замітку долїшну вставити: борі́дка ,Schneide der Axt'.

borgъ — сюди ще основне: борі́г ,dsslbe'.

bornь, borna; borniti — сюди ще: бро́ня ,Waffe, Rüstung'; до бронї! ,zu den Waffen'; із польського; я сумніваю ся, що

вони належать до brъńa; далї ще сюда із польського: брама, бряма ,Tor'.

borzda — сюди ще: борозня́к ,Engerling'; борозди́ти комусь ,Schwierigkeiten machen'.

borъ 1 — сюди ще: побір ,Steuer'; до значіння: збір ,Milchprodukte: Butter, Sahne'; збірка ,Versammlung'; до цього слова прилучилось народньою етимольоґією: біржа, і творить: збіржа.

bor'ǫ, borti — до *borъ укр. О; сюди: за-бо́ра ,Steinwehren auf den Dnjeprporogen'.

bosil'ak, васильок не означає ,Kornblume', а ,Basilienkraut'.

bosъ — до значіння ,barfuss' додати ,nackt, kahl'; чоловік з бо́сою гу́бою ,ein Mann ohne Schnurbart'.

bot, укр. О: сюди: бот, бо́тик, бото́к ,Schuh'; бут, бу́тик, бути́нок ,Halbschuh', із польського.

bot- (but-), сюди ще: бутнїти ,anschwellen'; задля цього значіння можна сюда поставити: бута́ ,Stolz, Hochmut', бута́ти ,stolzieren, prahlen'.

Польському: butwieć ,modern, faulen' відповідає: бутві́ти ,faulen, modern; бутля́вий ,verfault, vermodert'.

botajǫ, botati — укр. О; сюди треба поставити: бо́втати ,durcheinanderschütteln', -ся ,im Wasser plätschern'; бовт ,Fischstange, ein Werkzeug zum Mischen von Flüssigkeiten'; цї форми що до свого вокалїзму стоять під впливом звуконаслїдуючого: бовть! ,Interjection: Wassergeräusch (beim Fallen eines Gegenstandes ins Wasser)'. Далї ще: бо́втиця ,klirrendes Metallknöpfchen'; бо́втнути ,ins Wasser fallen, plappern'; порівняй ще: *bьltajǫ, bьltati*.

botьjanъ + — укр. О; сюди: бо́цян, бо́цюн ,Storch' із польського.

bǫbъlь (bǫbul'a) — до розвитку значіння: бу́бен ,kleiner Junge, Knirps'; бу́бар ,uneheliches Kind'; тому із бе́нкарт (із нїм. Bankert) повстає форма: бу́карт.

bǫbьnъ — ,Lautnachahmung für einen dumpfen Ton'; сюди, треба поставити цїлу сїмю звуконаслїдуючих слів, що показують ріжний вокалїзм та звуконаслїдуючу поправку *-м-*:

бум! бум! ,Interjection für einen dumpfen Ton, Trommel, Glocke', бу́мкати ,brummen, dumpfe Töne hervorrufen'; бумбу́мкати ,dslbe'.

бам! ,Interjection für den hellen Glockenschlag'; ба́мкати ,läuten'; бамба́мкати ,dslbe'; бала́мкати, бамбиля́ти ,dslbe, auch hin und her bewegen'.

бом! Interjection für den Glockenschlag'; бóмкати ,schwatzen, plappern'; сюда я поставив би бомок ,Hummel'; і бомбáр ,Maikäfer'; це послїдне слово наведене при brъḿǫ, brъměti.

бéмкати ,helle Töne hervorrufen, plappern'; бéмба ,Trottel'.

бім! бім! ,Interjection für schrille Glöckchentöne'; бíмкати ,schlecht Klavier spielen'; бімбувáти ,die Zeit vergeuden'.

bram, укр. О; сюди: брам ,Pelzstreifen, Verbrämung'; бáрма ,Livree, Mundur, Gewand'; в цьому значінню перемішалось і злучилось із барва ,Mundur, Anzug'.

bŕambor, укр.: мандибýрка, бандýра, барабóля, барбóля, барабіль, бaрабін, барабóня, ґарабóля, ґардибýрка < німецького: Brandenburg або nhd. grundbirne, dial. grumbire (Leskien). Я сумнїваюся. Я хотїв би таке пояснення запропонувати: мандибурка є з *magdyburka, отже ,Magdeburger Kartoffelart'; це слово сперлось тепер в народньо-етимольоґічному звязку на: бýрий ,dunkel, grau'; тому і скорочення: бурка ,Kartoffel'.

бандура є тільки оказіональне значіння цього слова для назви картоплї із перенесенням назви круглого струменту на другу круглу річ.

барабóля, барбóля є мабуть румунського або мадярського походженя; я вказую на рум. barabulă ,Kartoffel', мадярське: baraból y ,knollige Kerbel, Tollkerbel'; сюди ще форма: барабуля, яка має народньо-етимольоґічний звязок із: буля ,Kugel, Semmel, Kinderspr.' далї і ,Kartoffel' (до: *bula-*); і ось це скорочене буля ,Kartoffel', почуваєть ся в народній мові як основа для: бýльва, бýльба ,Kartoffel' < лат. bulbus. У формах: барабіль, барабін, є вплив рослинних катеґорій, порівняй: барвíн, березіль; так само і барабоня. — Але це слово не ограничене тільки на укр. і болг. мову, а є і в російській: барабóля ,Kartoffel' (Даль, 118); при цьому впадає в очі: барáбать, барáблить ,zerreissen, in der Erde graben, mit den Händen wühlen — durcheinanderschütteln'; щось подібного є в укр.: бараб-óсити ,schlagen, poltern, schwatzen'. Коли це щось старого, то можна би припустити, що це слово повстало на словянському ґрунтї із формансом: -оля, -уля; потім почали розуміти; бараб-оля, бараб-уля як: бара-боля, бара-буля.

ґарабóля є контамінація із: ґара ,Wagenkiste zum Verführen von Kartoffeln (Želech.)' до: *kára* і бара-бóля.

ґардибýрка є знову контамінація: мандибурка, під впливом скорочення: бýрка, із першою частиною неясного джерела;

можна догадувати ся: гард, ґард ,Zaun aus Steinen im Wasser zum Fischfang'; ґарди́ти ,solche Abteilungen machen', отже ,Überwinterungsplätze für Kartoffel graben (?)'; або ліпше: гардовина-гордови́на ,Umzäunung'.

Сюди ще: балабу́рка; це контамінація: балабух ,Pfannkuchen' і бу́рка.

bredina — укр. О; сюди мабуть: бредуле́ць ,Ledum palustre L'.

bredo̧, bresti — бридня́ із польського? Але ми маємо і форму: бредня́ із тим самим значінням. Тому що є ще подібні форми від **bridъ* ,Eckel' бре- і бри- є перемішані; це вказує і значіння: бридня́ ,verächtliches Geschwätz'; сюди ще: брести́ ся ,phantasieren'.

brešo̧, brechati — до значіння додати ,lügen'; брехли́вість ,Lügenhaftigkeit', бре́ха ,Lügnerin'; брехуне́ць ,Advocat'; із відмінним вокалїзмом тут ще треба вставити: брьо́хати ,auf das Wasser schlagen, im Schmutz, Schlamm waten'; брьо́хнути ,fallen, werfen, schlagen'.

bręčo̧, bręčati — ,Lautnachahmend'; сюди ще: бринь, брень! Interjection für klingende Töne, Saiten'; ї з ,Lautberichtigungen': бри́нькати, бриньжа́ти, брямжа́ти ,summen, klirren, klingen'.

bro̧kъ — укр. О; сюди треба ,mit Lautberichtigung' вставити: брунь! ,Schallinterjection'; брунїти, бруньча́ти ,summen'.

brudъ — дода́ти ще до значіння: бруд ,Ausfluss bei der Geburt'; ви́-брудок, -дка, Frühgeburt'.

bruja — укр. О; сюди: бруя ,Strommschnelle, Luftzug'; із відмінним вокалїзмом: броїти, наброїти ,etwas anstellen, sich etwas zu Schulden kommen lassen'; це поняття розвинулось мабуть із ,in der Nacht nicht den Harn halten können'; гляди білоруські слова; або до: *brojь*, вставити із розвитком поняття ,falsch rechnen'; брояки́ ,Name der Strommschwellen des Dnjester und Bug'.

bronъ — сюди ще дуже замітне: брунька ,Knospe'.

brukajo̧, brukati — укр. О; сюди: бruка́ти, забрука́ти ,besudeln, beschmutzen'; у мові відчуваєть ся споріднення із бруд — бруди́ти; менї видаєть ся, що із цїєї групи треба би виділити слова як рос. брука́ть, бруха́ть, у значінню ,werfen', або серб. brükati se ,auslachen'; порівняй: бру́ка́ти ,gurgeln, gieren (Tauben)'; бру́ку́! ,Schallnachahmung des Taubengierens'; їх основа буде звуконаслїдування.

brun, укр. О; сюди: бруна́т ,dunkelbraune Farbe'; бруна́тка ,dunkelbraune Kartoffelart'; укр. бру́ня, пруня ,Pflaumenart' буде

із італїйського через польське посередництво; цї слова почувають ся тепер як одна сїмя.

bryčka, до значіння: брика ,schweres Lastfuhrwerk'; бричка ,leichter Korbwagen' не відчуваєть ся як чуже слово задля народньо-етимольоґічної звязи із: брикати ,leicht springen (von Pferden besonders)'.

bryla — до замітки із італїйського ombrello ще і укр. бриль (брúлик, брúлець) ,Hut'; прóстий бриль ,Strohhut'; із польського?

brynda, укр. О; сюди: бриндувáти ся ,sich schmücken, Festkleider anziehen'; за-брúндзати ся ,beschmutzen' (спіднúцю забрúндзати ,den Rock mit Schlamm beim Gehen bespritzen') буде або із чеського bryndati ,pantschen', або із *bryndza:* робити бриндзю > забриндзатися.

bryzgają, bryzgati — порівняй етимольоґічну замітку із фразою: сьміхом брúзнути ,in Lachen ausbrechen'; далї сюди: за-бризгати ,beschmutzen'.

brьmą, brьměti — укр. О; порівняй кашуб. břmjel ,Hummel із: жмель ,Hummel'.

brьńą, brьněti — є передусїм споріднене із: *bręčą, bręčati;* послїдні форми там наведені під ,Lautberichtigungen' є тільки розширення та звуконаслїдуючі нюянси цієї основи.

bŕuchъ, bŕucho — укр. О; сюди: брýхо, брю́хо, бріх, ,Bauch' Wanst'; бріхáч ,Dickbauch'; брухáтий ,dickbauchig'.

bugъ, укр. О; мабуть сюди: бýгало ,Feuerring?'; це слово ще затримане у старій обрядовій піснї, із затемненим значінням: не летú ж огнéний бýгало . . . Грінченко 105. До питання звязаного із цим словом порівняй Rocz. Slaw. II. 108. Чи може треба це слово розуміти як: бýхало — бýхати (огонь бухає)?

buchają, buchati 1. — до значіння бухати ,herausschlagen von der Flamme, lodern'.

buchają, buchati 2., укр. О; сюди: бухтíти, бубен бухтїє ,die Trommel dröhnt dumpf'.

Під *buchają, buchati* 1, 2 — яке ще має перезвук (Ablaut) *bъch*-у *bъchъ; bъchną, bъchnąti* — ми мусимо обговорити форми із відмінним вокалїзмом цієї багатої сїмї слів. Вона представлять ся в укр. мові так:

бах! ,Lautnachahmende Interjection (Schuss, Fall), Plumps!', бабáх ,dssbe'; бáхати, ба-бáхати ,knallen, stossen, schlagen'.

бех! ,wie oben: Lautnachahmung‘; бе-бéх ,dsslbe‘; бéхати, бе-éхати ,schlagen etwas weiches, fallen auf etwas weiches, schiessen‘; éвхати, бебéвхати ,dsslbe‘.

бух! ,wie oben: Lautnachahmung‘; бу-бух ,dsslbe‘; бýхати, у-бýхати ,werfen, schiessen, schlagen‘; бухи́ — бухи́ ,Interjection: usten‘; бухкотїти ,donnern‘.

bukajǫ (bučǫ), bukati — сюди ,mit Lautberichtigung‘: бóв-ати, бéвкати, ,brüllen, dumpf tönen, heulen‘; далї вставити: учни́й ,stolz, übermütig, geräuschvoll‘; бýчність ,Stolz, Übermut‘.

buchnǫ, buchnǫti — із відмінним вокалїзмом сюди нале-жить: бахтáти ,stark wachsen‘.

bula (bul̄a) — укр. О; сюди: бýлька ,Bläschen, Kügelchen‘, улькáтий ,Glotzäugiger‘; очі ви́булити ,anglotzen‘.

bumaga, сюди ще: бомáга ,dsslbe‘; порівняй етимольоґічну амітку.

bunt, до значіння: бунт ,ein Päckchen von Tabak, Zwirn, eide — Aufstand‘.

buńǫ, buniti — бунїти находимо ще у формі: бжунїти, яке ає вставлене -ж- для лїпшого звуконаслїдування; порівняй: ичати, жабонїти і. т. д.; далї ще з відмінним вокалїзмом оди вставити: бинчáти, би́нькати ,summen, schwirren‘; бинч lummel‘; биндюк, бендяк ,dsslbe‘.

Під осібною заміткою варта спімнути: бинь—бинь! ,Lockruf r Kühe‘; биня ,Kuh, Kinderspr.‘; биньо ,heulendes Kind, Kinderspr.‘.

búr, укр. О; сюди: ґбур Lümmel, Grobian‘, із польськ.

buŕǫ — в долїшню замітку із італь. bora вставити ще: óра, бóрва ,Sturmwind, Orkan‘; борвій ,dsslbe‘, є вже уподіб-ення до віяти ,blasen, wehen‘; посередником було може турецьк. óra ,Sturmwind‘.

bútara сюди ще: бýтир ,kleine Hausgeräte, Hauseinrichtungs-egenstände‘; це є основа рос. бýторъ, яке отже можна цїлком обре виводити із мадя́рського bútor.

búza 2, укр. О; сюди: бýзя ,Mündchen, Kinderspr.‘; дáти бýзї üssen‘; далї білоруськ. буся ,Kuss‘; бýсиць ,küssen (Kinderspr.)‘.

buka 3, укр. О; сюди: бузувáти ,bestrafen, schlagen, aus-helten, Verweiss erteilen‘ із польськ.; сюди і білоруськ. бузó-аць ,schlagen, hauen‘.

bъčьvь, bъčьka + — сюди ще бутля, ботля за рум. італь. осередництвом < bute; але і мадярськ. butella (із італь.) мож-иве; рум. butelcă буде із укр. бутелька.

bъdьńь + — сюди ще: пу́тня ‚Eimer‘; далї до замітки: бути́ти ‚schlagen, fällen‘, бу́тина ‚Holzschlag‘, бутина́р ‚Holzarbeiter im Schlag‘; бу́тин ‚gefällter Klotz‘; та це можна поставити і до *bútam* < італь. bottare, buttare ‚stossen, schlagen‘ і додумуватись, що італїйські робітники занесли цю термінольоґію в Карпатські лїси і звідсїля перебрали її другі; рум. butnar із бо́днар.

bъrbotъ — сюди ще: бормота́ти, бурмота́ти ‚murmeln‘.

bъrkajǫ, bъrkati — намість: боркут, буркут ‚sprudelnder Säuerling‘ (із мадярського, румун.: burcut, borcut) сюди поставити: бо́ркати ‚stutzen der Hühnerflügel, jemanden besänftigen‘; борко́нь ‚Pflanze, Melilotus officinalis‘.

bъrtь — із відмінним вокалїзмом: бурт ‚ausgebohrtes Loch im Balken zum Einstellen der Bretter‘; бурти́ти ‚bohren‘; може це під впливом: *bur?*

bъzъ — сюди ще форми: без, бе́зу; бе́зя (із польськ.); буз; бзік; далї бу́зде́рево.

byrajǫ, byrati — укр. О; сюди би́рса ‚Orkan, Sturmwind‘.

bьlkъ — сюди: белькота́ти, булькота́ти ‚stammeln, brodeln, glucken‘.

C.

capajǫ, capati — до замітки ‚Als Entlehnung ins Slawische sind aufzufassen‘, вставити: цапі́на, сапі́на, ‚ein hackenartiges Werkzeug zum Schleppen von Holzbalken im Schlag‘.

Етимольоґія цього слова така: ‚Lautnachahmend: Interjection beim schnellen Erhaschen‘; менї здаєть ся, що цю основу треба би розширити так: кожде скоре, раптовне вхоплення якогось предмету викликує також якийсь стук, звук; таким чином розвиваєть ся поняття ‚тупотїти, гримати, шуміти‘, яке перемішуєть ся далї із ‚бити, скакати, ударяти‘, виходячи із основи ‚кількократно вхопити, доторкнутись предмету‘. Тому я слова як сербське cüpkati ‚hüpfen‘, чеськ. cupati ‚schwach mit den Füssen stampfen‘, під *cipъka* поставив би лїпше ось у цю ґрупу.

В укр. мові вона представляєть ся однак перемішаною із ще одною інтерекцією, що також виражає ‚би́стрий рух і згук‘, це є: цяп! ‚Interjection beim Fall der Tropfen‘, і котра доводить до того самого розвитку поняття як: капати—капля; а ця є знову злучена із звуконаслїдуючим: цяп! ‚Interjection zum Anrufen der Hühner‘ (гляди: *cipa*), з якою вона подїляє звукову основу поняття.

Таким чином ми маємо ґрупу: цап-, цяп-, якої основне поняття є ,рух і згук' і яка представляєть ся у цій ширині так:

цап! ,Interjection beim schnellen Erhaschen'; ца́пати ,schnell ergreifen, reissen'.

цяп! ,Interjection beim Fall der Tropfen, Lockruf der Hühner', ця́пати ,tröpfeln, melken, schmatzen'; цяпкати ,piepen, piepsen — tröpfeln, träufeln'; цяпка ,Hühnchen, junges Huhn — ein Bischen, ein Tröpfchen'.

цо́пати, цьопати ,klopfen', цьо́пка ,Goldammer — ein Bischen'.

цуп! ,Interjection beim Greifen', цу́па! ,Interjection beim Springen, Hüpfen'; цу́пати ,stampfen', цу́пити ,fassen, haschen nach etwas'; цу́пкати ,mit Geräusch herabfallen (Obst vom Baume) — stampfen'.

цю́пати, цю́пкати ,leicht hauen, schlagen — fallen — schmatzen; küssen'; цюпота́ти ,plätschern — plappern'.

це́пати ,schlagen, knarren'.

цєп! ,Lockruf an die Hühner'; ці́пати ,piepen'; цєпя́та ,junge Hühner'.

ціп! ,Lockruf an die Küchlein, Hühner', ці́пкати ,piepen'; ці́пка ,Hühnchen'.

Взаїмні впливи, розвитки понять, не дозволяють цап-, від цяп- віддїлити в осібні групи і вимагають спільного обговорення.

cech до долїшної замітки: укр. О; сюди: цїха́ ,Merkmal, Zeichen'; цїхува́ти ,vermerken, stempeln der Bäume im Holzschlag'; це́ха ,Vereinszeichen, Fahne'.

cembra, укр. форми я доповнив би із поясненням так: ця́мра, ця́мрина ,Brunnenkasten'; ці слова попали під вплив других форм звязаних із колодязем та щоденним життям: цебе́р ,Brunneneimer', цебе́рка ,Eiseneimer', цебри́ти ,mit dem Eimer Wasser holen'; польськ. ceber; росс. це́беръ, це́баръ, цы́баръ, це́бръ ,eiserner Eimer zum Wasserholen' < нім. Zober, Zuber; крім того впливає ще: ведро́ ,Wassereimer'; і так після цього маємо: цябро́ ,ausgehöhltes Gefäss'; далї форми: цебри́на, цямрина, цебрувати = це́мбрувати ,den Brunnen einfassen'; форми: цімбра, цімбри́на будуть цїлком нові із нїмецьких діялєктів.

cęgi, укр. О; сюди: обце́ньґи ,Zange'; із польськ.

cěpo, *cěpiti* — до замітки ,Bildungen in der Bedeutung »erstarren, steif werden«, укр. О; сюди: ціпенїти, заціпенїти ,erstarren, steif werden'.

cěsaŕь — цар, ца́рина ,Schlagbaum, Weideplatz, Acker'; у значінню ,Schlagbaum' ца́рина належить до цар із *cěsaŕь*; але як ,Weideplatz, Acker' із рум. ţarine < лат. terra; так само укр. цара ,fremdes Land, Fremde' є із рум. ţară ,Land'.

cica — оця ґрупа ,Lallwörter der Kindersprache' представляє ся із ріжним вокалїзмом в укр. мові так:

ціця ,Brust, Zitze', ціца́ти ,saugen'.

ци́цка, ци́ця ,Brust, Zitze'.

ця́ця ,alles Schöne, Kinderspr.'; цяцянка ,Spielzeug'; ця́цяти ся spielen'.

цуц! цуцу́! ,Lockruf für Hunde'; цуцу́кати ,die Hunde rufen'; цуц, цуцик, цуценя́ ,junger, noch saugender Hund'; цу́цляти ,saugen'.

цю́ця ,Hund, Kinderspr.'; цю́цяти, urinieren, Kinderspr.'; цюцї! ,Interjection: das Kind will hinaus'.

Порівняй до цуц-, цюць- ще: *kuč*-.

cikajǫ, cikati — ,Alles lautnachahmend'; ця ґрупа виглядає в укр. мові так:

цї́к! ,ein Ruf auf die Schafe, damit sie weitergehen'; цї́кати ,auf die Schafe rufen'; цї́вкати ,piepen', цївку́н ,Singdrossel'.

цекота́ти ,plappern'.

ци́кати ,läppern'; циконї́ти ,zittern'.

цок! ,Schallinterjection: Schlagen auf etwas hartes'; цо́кати ,schlagen, ticken, klappern (mit den Zähnen)'; цо́кати ся ,die Ostereier an einander schlagen'; цокота́ти ,plappern'.

цу́кати, цю́кати ,mit der Axt auf Holz schlagen'.

cìmiter, до замітки »із мадярськ. cinterem« вставити ще укр. ци́нтір.

cìn, укр. ци́на є із польськ. cyna; але: цї́нь ,Zinn'; цї́на ,Zinngefäss' будуть нові форми із нїмецького.

clo, укр. О; сюди: цло ,Zoll'; із польськ.

cofać, укр. О; сюди: цо́фати ся ,sich zurückziehen', із польськ. ца́фати ,dsslbe'; чи це може до: *căf*?

cuca — укр. О; гляди: *cica*; цюцї! ,das Kind will harnen' цю́цяти ,harnen, Kinderspr.'; чергуєть ся із: сюсї! сю́сяти ,dsslbe'

cùkar, чи укр. цу́кор із польськ.? Форма цу́кер можлива але цу́кор, цу́кур, тяжче; це є все прямі переходи із нїмецького; до замітки ,із грецького' вставити: са́хар; під впливом цього маємо потім: цу́кар.

cuŕǫ, curěti — укр. О; сюди оця ґрупа, якої основа ,Lautnachahmung':

цю̀р! цюр! ,Interjection für Rinnen'; цю́рити, цю́ріти, цюркотї́ти ,sprudeln, rinnen, stark giessen'.

цурува́ти ,mit Geächtze winden, drehen'.

цо́ркати ,leicht klopfen, klirren'; цоркотї́ти ,balzen (Auerhahn), die Sense klopfen'.

цва́ркати ,zwitschern, unverständlich sprechen'.

це́ркати ,melken, spritzen'; цве́ркати ,dsslbe'.

ци́ркати ,melken, spritzen'; цви́ркати ,das Geräusch beim Melken'.

цір! цір! ,Interjection für das Vogelgezwitscher'; ціркати, цірча́ти ,zwitschern, piepen'; цві́ркати ,dsslbe'; також: цвірінь! цьвірінькати ,piepen, plappern'; цвіркун ,Grille'.

Як ми бачимо, форми цар-, цвар- чергуються з собою. Остання представляє собою звуконаслї́дуючу поправку.

cwał, укр. О; сюди: чвал ,Galopp'; чваль ,Raschheit, Behendigkeit'; чвало́м, чвале́м ,im Galopp, im gestreckten Lauf'.

До замітки: чамбу́л ,reitende Streifwache der Kosaken oder Tataren' < dschag. čapaul ,Angriff'; але звідкілля взялось тодї в укр. слові *-м-*? Може лїпше було б поставити це слово до čambúl (Radloff III. 1942) ,ein breiter Riemen mit einer Schlinge; wenn man denselben über die Beute wirft, so zieht sich das eine Ende zusammen; mit demselben werden Gefangene gemacht'; із цього останнього значіння можна би виходити.

cvik, укр. О; сюди: цьві́кати ,unhöflich reden, sticheln'; цьві́чити ,üben, abrichten'; цві́чення ,Übung' із польськ. (властиво із військового австр. жарґону).

cьrkajǫ, *cьrkati* — укр. О; гляди: *cuŕǫ*, *curěti*.

Загальна замітка.

Український мовний матеріял потребує ще оцих артикулів у словарі:

1. цмок! ,Interjection für einen Schmatz, Kuss'; цмо́кати (mit den Lippen schmatzen, schlürfen, küssen'; цмокотї́ти ,gurgeln, rauschen'.

цма́кати ,schmatzen'.

Але їх пожна поставити і до smoktati, smakъ.

2. цьом! ,Interjection für einen Schmatz, Kuss'; цьо́мати ,küssen, Kindsprch.'; цьомкати ,zwitschern (Vogel), schmatzen'.

цям! ,Interjection für das Schmatzen mit den Lippen'; ця́мкати ,mit den Lippen schmatzen'.

3. цвіг! ,Interjection für den Peitschenknall, — schlag'; цвігати ,mit der Peitsche schlagen, geisseln'; цвіг ,Geissel';

цвúгати, цвúгнути ,klopfen, schlagen';

цвя́гнути ,mit der Peitsche stark schlagen';

цьвох! ,Interjection für den Peitschenschlag'; цьвóхати ,peitschen, schlagen'.

4. цáхати ,schreien, poltern';

цóхля, цьóхля ,eine redelustige Frau';

цéхлити ,kreischen (Elster)':

5. цінь! цінь-цінь! ,Interjection für das Vogelgezwitscher'; ці́нькати ,vom Laute des Finken: zwitschern'; цінькало ,Fink, Haubenlerche':

цень! ,Interjection für Geplapper'; цвенькати ,zwitschern, unverständlich sprechen'; цвентю́х ,redelustiger Mensch'.

цьонь! ,Lockruf der Pferde, Schweine'; цьонька ,Pferd, Schwein, Kinderspr.'; цьонтати = цінкати; цьонкати ,grunzen (Schwein)';

цюник ,Spatz, Rohrammer'.

Всї вони в своїй основі полягати муть на звуконаслїдуванню.

Č.

čača — укр. О; сюди 1. ця́ця ,Alles Schöne, Kinderspr.'; ця́цянка, Spielzeug'; ця́цяти ся ,spielen'; ця́цькати ся ,Umstände machen'; але на мою думку їх лїпше лишити при *cica* — гляди там); 2. чі́ча, чі́чка ,Blume, schöne Sachen, Spielzeug, auch Kinderspr.'; чі́чаний ,schön, rosettengeschmückt'; чічки́ plur. ,künstliche Blumen, die als Kopfschmuck von den Mädchen benützt werden'.

Здогад, висказаний Розвадовським (Rocz. Slaw. II. 75) що до походження цього слова, мабуть оправданий і я находжу в словарі Радлова форми, що могли би бути його джерелом: ,kas. tel. alt. čäčäk ,die Blume, die Blühte'; čačak ,ein Kopfschmuck der Frauen', čičak ,die Blume'; але і турецьк. chichek ,Blühte, Blume'.

Але і мадярське csics, csicsó ,die Zierrat, der Schmuck' треба ще узглядннити.

Із укр. буде рум. cicea ,lieblich angenehm', ciceagliŭ ,blumenartig', бо вони ограничені на Буковину.

čachnǫ, čachnǫti — сюди ще (Schwundstuffe): чхну́ти ,hinsiechen'.

čajьka — чайка має два значіння, Kiebitz, Möwe — Barke' Я здогадуюсь, що в обох значіннях є на сході джерело цього

ова, і вказую на турецьк. chày ‚ein Fluss, Stromm, Bach‘; nàylak ‚Geier, Habicht‘; мадярськ. csajka ‚Kahn‘; csajkó ‚Ohrenäfer, Zangenkäfer‘; sajka ‚Boot, Barke‘; рум. șaică ‚ein Boot, Barke uf der Donau und dem Schwarzen Meer‘.

čalъ — укр. О; сюди: при-чали́ти ‚ein Fahrzeug an das fer ziehen und anbinden, ans Ufer stossen, landen‘; прича́л ‚ein au, womit das Fahrzeug angebunden wird, Landung, das Festbinden es Fahrzeuges am Ufer, Landungsplatz, Hafen‘; ча́лка ‚Landungslatz‘; ча́лити ся ‚mit jemandem verkehren‘.

čapajǫ, čapati — менї видається, що тут треба виходити з первісного звуконаслїдування: ‚щось скоро вхопити — стукути, гримнути — із шумом ходити, водою, болотами лазити‘; я сїмя представляє ся так:

ча́пати ‚ergreifen, reissen, — langsam herumgehen‘; чала́пати m Kot herumgehen, die Füsse im Wasser pantschen‘, ча́пайло, япайло ‚Bachstelze‘.

че́пати reissen; челе́пати ‚waten, plätschernd gehen auf aufeweichter Strasse‘; чепуля́ти ‚hinken‘.

чо́пнути ‚anschlagen‘;

чу́пати ‚wankend gehen‘;

тому звязок *čapľa* із цею ґрупою є цїлком певний.

čaprak, укр. О; сюди: чапра́к ‚Satteldecke‘.

čara 1, ча́рка є demin. до ча́ра ‚kelchartige Trinkschale‘.

čara 2, укр. О; сюди може: ча́ркати ‚streicheln, streifen, antossen‘; лїпше до *čьrkajǫ, čьrkati* — че́рхавий ‚knorrig‘ (?)

čáta, як джерело укр. польськ. слів подане мадярськ. csata Schlacht, Scharmützel, Herde, Horde‘; я хотїв би предложити друге ояснення, виходячи із укр. фрази: лежа́ти на чатах ‚auf Vorosten sein, wachen‘; іти, стояти на чати ‚auf Vorposten sein, tehen‘; чати у степах відбувались таким чином, що на стовпі, бо дереві побудовувалась плятформа із дашком із соломи чи алуззя і туди по драбинї вилїзали козаки на чати; тому я це лово поставив би до турецьк. chàti ‚Dachgestell‘.

čavъka — сюди передовсім: ча́вкати, чва́кати ‚schnalzen, chmatzen‘.

-če, укр. О; сюди: конь-че.

čemodan, укр. О: сюди: чемода́н, чамайда́н ‚Koffer‘.

чемайда́н не є, як Фасмер (Rocz. Slaw. IV) думає, під впливом майдан ‚freier, unbebauter Platz‘, а є контамінація із майда́ти ‚wedeln — (occasionell) — wandern, gehen‘; отже ‚Reisetasche‘.

čeremъša — укр. О; сюди: Черемош ‚Nebenfluss des Pruth, Flussname‘.

četa — укр. О; сюди: четá ‚Paar (neu aufgenommen); старе є: чіт чи лишка? ‚gerade — ungerade?‘; до цього порівняй Rozwadowski, Rocz. Slaw. II.

čerša, čersьńa + — сюди ще черéха ‚grosse, fleischige Kirsche (Prunus Puracina)‘; та чи це є стара форма?

čędo — сюди ще: нащáдок ‚Nachkomme‘; нащади́ти (хлопця жінці) ‚einen Knaben dem Weibe erzeugen‘; — ся ‚seinen Anfang nehmen, aufkommen, zur Welt kommen wollen — aufkeimen‘; порівняй із значінням цих слів етимольоґічну замітку!

čęstь — друк. ошибка; не ščáste, а ščásťe.

čik, укр. О; сюди: чик ‚Schlammpeizker, Wetterfisch‘.

činъ, čińǫ, činiti — розвиток поняття: ‚machen, tun, — zaubern‘ замічаємо і в укр. мові: чинки́ ‚Zauberei, Hexerei‘; чиніта ‚Zauberer‘; далі сюди ще: нáчиння ‚Tafelgerät‘; причи́на ‚Ursache‘; таким чином ‚auf diese Art und Weise‘; чинбá ‚Gärben, Zubereitung des Leders‘; чинбáр ‚Gerber‘.

čirikajǫ, čirikati — основа ‚Lautnachahmung‘; ця група представляє ся так:

чíркати, чірíкати ‚zierpen, trillern‘; чíрка ‚Singvogel, Kinderspr.‘;

чи́ркати, чичи́ркати ‚zwitschern‘; чиркун ‚Regenpfeiffer‘;

чéркати, черкотáти ‚rieseln, leise rauschen — klingen‘; черчет ‚Singvogel‘;

чуркотíти ‚rieseln‘; чýркало ‚Quelle‘.

čistъ — до значіння чистинá ще ‚freies Feld, freie Stelle im Walde‘.

čitъ—укр.О; сюди: чи́тавий ‚grossgewachsen, schön, ordentlich‘.

čobot, джерело тур. čabata означає ‚Bastschuhe‘; тому треба для теперішнього поняття ‚Stiefel, Lederschuhe‘ приняти злуку із боти ‚Stiefel, Lederschuh‘, до *bot*.

čohá, укр. чýга, чугáня ‚wollenes Oberkleid, eine Art Mantel‘ так само як і польськ. czuha, на мою думку, не є із турецьк. осм. čoha, а із мадярськ. czuha ‚Kleid, Kutte, Schafpelz; weisser grober Mantel, Decke‘.

čok- (čuk-): ‚Lautnachahmender Stamm‘; ось така реконструкція основ, як тут, підходить багацько ліпше для слів цього роду. Ця ґрупа представляєть ся так:

чик ‚Interjection für den Ausdruck des Schnittes, eines Zwitscherlautes‘; чи́кати ‚schneiden, zwitschern‘; чикотáти ‚zwitschern, krei

schen'; **чик, чикач, чикіт** ,Elster'; **чикір** ,Kohlmeise'; **чили́кнути** ,einen Zwitscherlaut einmal geben'.

чекота́ти ,zwitschern, kreischen'; **чиче́кати** ,kreischen (Elster)'.

чок! ,Interjection für das Klirren Anschlagen'; **чокати** ,klirren'.

чук ,Interjection für den Hopps beim Sprung'; **чу́кати** ,ein Kind in den Händen wiegen, aufwerfen — schnalzen'; **чуки́кати** ,dsslbe'.

čorba, укр. О; сюди: щербá ,Suppe, Ausgekochtes'; (?); це слово відповідає поданому росс. слову.

čučǫ, čučati — укр. О; сюди чакнути (чякнути Ž.) ,sich niederducken'; далї ще: чу́чва ,kleiner, hässlicher Mensch, verkümmertes Geschöpf'; чу́чверіти ,verkümmern, elend werden, einschrumpfen, abmagern'; чу́чело ,vermummte Larve'.

čuchъ, čuchajǫ, čuchati — укр. О; сюди: чух ,Brandgeruch, Dunst, Gestank'; чу́хнути ,üblen Geruch los werden'.

čukъ — укр. О; сюди чукурлї́й ,Haubenlerche, Wasserstaar'.

čvьrčǫ, čvьrčati — укр. О; сюди: чві́ркати ,zierpen, zwitschern'.

čьbanъ — до долїшної замітки вставити: чобáн ,Holzgefäss für Milch' < мадярськ. szobán.

čьbъrъ + — може сюди: чубе́рка, чубáрка ,Milcheimer'.

čьkajǫ, čьkati — чикнути ,schneiden' належить до *čok-(čuk-)*.

čьlgajǫ, čьlgati — укр. О; сюди: чóвгати ся ,schlendern'; човг ,Kratzfuss'.

čьlnъ — форми чоле́н в укр. мові немає; сюди: човнó, чове́н; діялєкт.: чóник, чóнок ,Weberschiffchen'; до цього слова гляди: Smal-Stockyj-Gartner: Grammatik der ukr. Sprache 56.

čьma — укр. О; сюди: чмале́ний ,quällend, dumpf'; чманї́ти ,hinbrütend hocken'.

čьparъ — укр. О; може сюда: чепрáга, чепря́га ,Spange Klammer'.

čьrmь — укр. О; сюди: че́рмань ,Blut-Blau-Campecheholz'; чермóха, черму́ха ,Rotauge'.

Загальна замітка.

Український мовний матеріял потребує ще таких артикулів у словарі:

1. **чах!** ,Interjection für einen Schnitt, leises Schleichen'; **чáкати** ,etwas abschneiden; fortgehen, forteilen'; **чáхнути, чарáхнути** ,einen wichtigen Schnitt, Stoss führen'; **чварáхнути** ,laut fallen'.

чвохнути ,etwas anschlagen'; **чвохтї́ти** ,schmatzen'.

чух! чухи́-чухи́! ,Interjection für Kratzen, Reiben'; чу́хати ся ,sich kratzen'; чу́хавка ,Krätze';

чіхати ся ,sich kratzen'.

2. чмих! ,Interjection für eine schnelle Bewegung, — einen Lufthauch'; чмиха́ти, чмихну́ти ,forteilen, verschwinden, — blasen, schnauben'; чи́мхати, чи́мсати ,rupfen, zupfen'.

че́мхати, че́мсати ,zupfen, rupfen, — schnell gehen, eilen, laufen'; чемши́ти ,hinschleichen'.

чмовх ,Spechtmeise, Kleiber'; чмо́вхати, чо́мхати, чі́мхати ,den Hanf zupfen, reissen'.

Обидві ґрупи мабуть будуть корінними варіянтами до *češǫ, česati.*

D.

dáda укр. О; сюди в замітку вставити: де́дьо, де́дє ,Vater'; да́дос ,Haupt einer Zigeunerbande'; останнє із мадярськ. dáde ,alter Zigeuner'.

-daja, -dajь — укр. О; сюди: прода́й ,Verkauf'; на прода́й ,zum Verkauf'.

damgá, укр. О; сюди: тамо́жня ,Zollhaus'; тамо́жений ,zum Zollhaus gehörig'.

daněk, укр. О; сюди: да́нїель ,Dammhirsch'; із польськ. увійшло як ловецький вираз.

dàrda італїйськ. dardo ,Speer' увійшло в слов. мови за посередництвом мадярськ. dárda ,Lanze, Spiess', та рум. dardă ,dsslbe'; (укр. дарда́н ,Tölpel' є із рум. dărdăi ,brummen, plappern' і сюди не належить).

delí, укр. О; сюди я вставив би за посередництвом мадярськ. deli ,schön, herrlich': дельо́на ,schönes Fräulein, Frau'; дело́нний ,schön, anmutig'.

dèmeškinja, укр. О; сюди треба вставити в замітку до: Damascus, damascēnus, італь. damaschino: дама́ска, дамасце́нка, дамаші́вка ,Damascenersäbel, Damascenerdolch'; до італь. еспансь. damasco належить: адама́шок, -шка; адама́шка, одама́ш, голдама́ш ,Damast'.

deńga, укр. О; сюди: де́нежка ,Kupfermünze, ¼ Kopekengeldstück' (із російськ.); де́нежний ,reich, vermögend'.

derъ (dera) — укр. О; сюди: шкуро-де́р ,Schinder, Geldleiher деркий ,rauh'; дьор, дьо́ру да́ти ,jemanden durchhauen, durchprügeln'.

desьnъ — укр. О; сюди: де́сна, десни́ця ‚rechte Hand; ‚це́сний ‚rechts‘; із церковслов.; де́сьбіч, десьбічний ‚auf der rechten Seite gelegen‘.

dętelъ — у замітку ‚Bezeichnung für Klee‘ треба вставити: дятли́на, дя́тловина ‚roter Klee‘.

dělo; dělają, dělati — до значіння: неді́ля ‚Sonntag‘ вставити ще ‚Woche‘; далї сюди ще: по-неді́лок ‚Montag‘.

děva — сюди ще: дїво́йник ‚Spanischer Klee‘.

dirają, dirati — до ‚Nominalbildungen‘ вставити: зди́рник, зди́рця ‚Schinder, Plünderer‘; зди́рство, зди́рщина ‚Plünderung, Schinderei, Betrug‘.

divъ, укр. О; див ‚etwas Böses; (böse Gottheit der Finsternis, Želech.)‘; щоб на те́бе див прийшо́в ‚ein Fluch: du sollst etwas Bösem begegnen, der Böse möge über dich kommen!‘

divan, укр. О; сюди: дива́н ‚türkische Ratsversammlung‘; дива́н ‚Teppich — Sofa‘.

dobь — укр. О; сюди: до́блесть ‚schöner Vorzug, Tugend‘; із церковслов.

dolamá, я не бачу причини, щоби укр. та російськ. слова були із польськ.; скорше навпаки.

dolbъ — укр. О; сюди: доло́бкувати ‚reifeln‘; долуба́ти ‚meisseln, stochern, ausstechen‘; долоба́ло ‚Meisselwerkzeug‘.

dostokan, укр. О; сюди: стака́н, стака́нчик ‚Trinkglass, Humpen‘.

dǫsają, dǫsati — укр. О; сюди: ду́сати ся ‚schwer atmen, keuchen, — sich ärgern‘; дуси́ти ‚würgen‘; -ся ‚ersticken, nicht atmen können‘; ду́скати ‚quetschen, würgen, strangulieren‘.

draban(a)t, укр. О; сюди: драба́нт ‚Trabant‘.

drabъ — укр. О; сюди: драба́ня ‚lumpiges, in Fetzen gekleidetes Weib‘; дараба́н ‚zerschlagener Topf‘ (?).

dragają, dragati — укр. О; з-дріга́ти ся, здрига́ти ся ‚sich rühren, betroffen werden, schaudern, erbeben, erzittern‘; дра́глий ‚zitternd‘; драглїти ‚sich regen, — herabhängen, — gerinnen, erstarren‘; задля останього значіння порівняй ще: *drъgają drъgati*; до виразу: хмари драглїють ‚die Wolken tragen Schnee, Unwetter‘; порівняй — *dorga 3* — словінські форми з ‚Schwundstufe‘.

drasają, drasati (draskają, draskati) — укр. О; сюди з відмінним вокалїзмом: дро́скати, дро́снути ‚ritzen, verletzen‘; -ся ‚rissig werden, zerspringen, sich splittern‘; дро́ска ‚Ritze, Sprung,

Splitter'; далї порівняй: дра́шпати, драшину́ти ,ritzen, verletzen'; драшпа́к ,alter Besen' із етимольоґічною заміткою.

dreka — порівняй: дра́ка ,Geschrei, Schlägerei' це належить до: драти, ,reissen', -ся ,sich herumschlagen': *derǫ, dьrati.*

dręzga — укр. О; тут треба би спімнути: дриз ,Reisig, dürres Holz zum Feueranmachen'; може ще і дрясен, -ену ,eine Pflanze, Polygonum hydropiper'; порівняй етимольоґічну замітку.

dręselъ, dręchlъ — до drąch — укр. О; сюди друхнїти ,vermodern'; (?) — дру́хнути ,prasseln, knarren' обо це є *друзгнути (?).

drěkъ — укр. О; сюди: дрі́чний ,schön, artig'; дрі́чний хлопець ,stämmiger, wackerer Bursch'; із словацького.

dripa — укр. О; сюди: дріпа ,schäbige, garstige Person'; за-дріпа, за-дріпанка ,Dirne, liederliche Person'; дри́пи ,Fetzen Lappen'; за-дри́пати ся ,sich mit Kot bespritzen'.

drombulja для укр. дри́мба треба передовсїм узглянднити рум. drămbă ,Brummeisen'; не як Фасмер думає: trîmbă ,Trompete' Rocz. slaw. IV.

drozdъ, drozgъ — дрозд і дало: дрізд; гляди Словар Грінченка.

drozgajǫ, drozgati — сюди можна би поставити: друхота́ти ,zerschmettern'; із *друзготати я думаю; укр. дру́зати ,schneiden', робить задля форми і значіння труднощі; можливо що і воно із *друзгати; але так само можливий і звязок контамінаційний із *drusajǫ і *duzajǫ?

drǫkъ — укр. О; сюди я поставив би: друцькати ,zerstossen, zu Brei schlagen' із: *drozgajǫ, drozgati.*

drъgajǫ, drъgati; drъžǫ, drъžati — порівняй: *dragajǫ, dragati*; далї сюди: драглї ,Sulze'; дре́гнути ,einen Schwung machen', дражнїти ,es fallen Regenschauer'.

duda, укр. ду́два ,Schierling, Kälberkropf' я виділив би звідсїля задля його значіння і поставив би до мадярськ. dúdva ,Unkraut'.

duhán, доха́н із мадярськ. dohány, але духа́н, дуга́н ,eine Sorte Rauchtabak'; дуганя́р ,Tabakschmuggler' є із турецьк duxan.

dūka, до замітки вставити укр. ду́кат; польськ. dúkat ,grosse Gold- oder Silbermünze'.

dūplī, у замітку вставити: ди́плик ,Schnepfe'.

džeb, сюди ще: дзьобе́нка ,Tasche, Hirtentasche'.

džigér, укр. О; сюди: джиґиря ‚Gurgel, Leber, Lungen eines chafes‘.

dъno — сюди ще: денце ‚Boden, Deckel‘; днище ‚ein Webegerät‘.

dъrъt'ǫ, dъrъtati — сюди ще: дати дúптю ‚jemanden durchhauen‘.

dygajǫ, dygati, сюди ще: дьóгнути, дьоґнýти ‚einen Stich ben, einen Schlag, eine Zuckung verursachen‘, мене дьóгнуло сéрце ‚es war für mich ein Stich ins Herz‘; дюґати, ‚stechen‘ рівняй ще: *dьgna.*

dьľa, dьľǫ, dьliti — сюди передовсїм: дляти ся ‚säumen, in e Länge ziehen‘.

dьmějǫ, dьměti — на перший погляд можна сюди поставити: мнáти ‚zum Essen die Gäste aufrufen, bitten, bewegen, anspornen, ut zusprechen‘; але менї здаєть ся, що воно із рум. demnare nladen, zusprechen, höflich sein‘.

dьnь — сюди ще: днувáти, днювáти ‚den Tag zubringen, rleben‘; як днувáли? ‚übliche Begrüssung der Huzulen: wie ben sie den Tag zugebracht? Wie geht es Ihnen?‘; сегóдня eute‘; далї до замітки вставити: тúждень ‚Woche‘.

dьrba — укр. О; сюди: дéрба ‚Rodeland‘; дербúна ‚Rasen-ick‘; дéрбати ‚Rasenstücke schneiden‘.

dьrdoŕǫ, dьrdoriti — укр. О; сюди: дердер! ‚ein Spiel im eislauf mit einer Schnarre‘; дúрдати ‚trippeln, kleine Schritte achen, hüpfen‘; дирдóха ‚mutwilliges Mädchen‘.

dьrgajǫ, dьrgati — дéргати (передовсїм лен) ‚Flachs riffeln‘; лї сюди ще: дéргало, дéргавка ‚Flachsraufe, Riffel‘, задúрга änkerei, Streit‘.

dьrkajǫ, dьrkati — укр. О; сюди: дéркати, деркотїти ‚knarren, appern‘; далї ще: деркáвий ‚stotternd‘; дерлéнькати ‚vom Bam-eln der kleinen Glocken‘.

dьrľajǫ, dьrľati — укр. О; може сюда з відмінним вокалїз-м: дрúлити, дрýлити, друлáти ‚wegstossen, wegschieben‘; друл chiebekarren‘.

dьrskajǫ, dьrskati — укр. О; сюди може: дрись! ‚Interjection r eine runde Bewegung‘.

Загальна замітка.

Я роблю уважним на:

дан ‚Säule‘; дáна ‚Göttin der Wasserkraft, vorgestellt als le-ensvolles, schönes Mädchen‘; данáва ‚Name eines Berges‘, гай-інати ‚Frühlingslieder singen‘.

E.

edьnъ (edinъ) — одине́ць означає передовсім ‚einziger Sohn, Kind'; одина́к ‚dsslbe'; єдна́ти ся ‚sich versöhnen, einig werden'.

ei (eji) — сюди ще: їй Бо́гу ‚bei Gott! (ein Schwur)'.

elьćь — укр. О; сюди: яле́ць, -лця́ ‚ein Fisch (alburnus lucidus, leuciscus vulgaris).

emǫ, imati — до: ‚Nominalbildungen' вставити: при-є́мний ‚angenehm'; ємки́й ‚zugreifend, fassend'; є́мність ‚Fassungsvermögen'; є́мко, adv. ‚schnell, pfiffig, klug'; нає́мник, наймит ‚Knecht'; за́ймище, займа́нщина ‚occupiertes Land'.

Ę.

ęčǫ, ęčati — сюди ще: заїка́ти ся ‚stottern, mit der Zunge anstossen'; заїка ‚Stotterer'.

ętŕǫ, ętriti — сюди ще: заятри́ти ‚jemanden in Zorn bringen', -ся ‚in Wut geraten'.

ęzykъ — сюди ще: о́зор ‚Ochsenzunge', (із польськ.).

Ě.

ěmь, ěsti — сюди ще: обі́сти ся ‚sich anfressen'; наї́сти ся ‚sich satt essen'; далї: снїда́ти ‚frühstücken'; снїда́нок ‚Frühstück'.

ěsьnъ — сюди ще: ясні́ти ‚es tagt'; ви́-яснити ‚etwas erklären'.

ěždžь — укр. О; сюди: яшка́р ‚Kaulbars'.

F.

fàca, я сумнїваю ся, щоби укр. фа́цка ‚Ohrfeige' була із польського та щоби ці слова були із венеціянськ. fazza ‚Gesicht'; між укр. польськ. словами а італїйськ. є основна ріжниця в поняттю; фа́цка не можна відлучити від фа́цнути, фа́цкати ‚ohrfeigen', фи́цнути, фи́цкати ‚anschlagen, mit etwas scharf werfen, ausschlagen'; я думаю, що вони почасти полягають на звуконаслїдуючих інтерєкціях: фиц! хвиц! ‚Interjection für das Ausschlagen eines Pferdes, einen scharfen Schlag'; почасти треба вишукати румунські або мадярські слова, що могли послужити для них основою.

facolet, до угорськ. fátyol ще поставити: фа́тьол ‚weisses Kopftuch, mit welchem die Neuvermählte bedeckt wird'.

fajda, укр. О; сюди: хвайда ‚Nutzen, Gewinn (Грінченко) — eine Art Gesellschaftsspiel mit Nachfragen nach einem von Hand zu Hand gegebenem Gegenstand (Münze) (Желеховський)'.

fânta, укр. О; у замітці fant ‚Pfand'; сюди: фантува́ти ‚pfänen'; за-фантува́ти ‚verpfänden'; фант ‚Pfand'; фа́нти ‚Pfänderiel'.

farfor, сюди ще: фа́рфур, фарфу́рка ‚Porzellan, Porzellanller'.

fariž, укр. О; сюди: хвари́нник ‚Pferdehändler, Pferdemakler'.

fazol, сюди ще: фасу́ля; далї: квасо́ля ‚dsslbe', яке народньоимольоґічно оперло ся на: квасний ‚säuerlich, bitter'.

fela, укр. О; сюди: хвель, фель ‚Gattung, Art'; (дивного велю чоловік ‚ein Mensch von einer eigentümlichen Art' (Грінєнко).

figa, в долїшну замітку ще вставити: пі́гва ‚Quitte'.

filar, укр. О; сюди: фіЛяр ‚Pfeiler, Säule' (із польськ.).

fîn, укр. О; сюди: фа́йний ‚schön, gut'; із польськ. або рямо із нїмецького.

fochr, укр. О; сюди: фохи ‚Launen, Umstände machen' (із ольськ.); так само: вахля́р ‚Fächer'; вахлярува́тий ‚fächerrmig'.

fortna, укр. О; сюди: фі́ртка, хвіртка ‚Pforte, Gartentür' з польськ.).

fortúna, до значіння ‚фортуна' ще і ‚Sturm, Unwetter'; тому оно в цьому значінню не із польського, а із рум. furtúnă turm'.

framuga, укр. О; сюди: фраму́га ‚Nische';

fresuji, із укр. фрасува́ти ‚sich beunruhigen, sich kümmern' уде рум. frașui ‚sich sorgen — stöhnen'.

frymuśny, укр. О; в замітці; сюди вставити: фараму́шка uppe; Gemisch von Mehl und Stärkemehl zum Bestreichen der 'ände', фарму́га, фарму́ґа ‚dsslbe'; я не думаю, що польські укр. слова є із mhd. wai(m)muos, а звертаю увагу на рум. rămușie ‚Brotkrümmchen, Überreste'; fărâma, fărîma ‚Scherben, ümmer, Überbleibsel'; fărîmare ‚zerbrechen, zerkrümmeln, zerückeln, — reiben, zerstossen, zerquetschen'; форми польські: waruszka, warmuz будуть скорочення і народно-етимольоґічний звязок із: war ‚Ausgekochtes'; в укр. словах такий звязок відуваєть ся до мука́, мучни́й (діяль. мущни́й) ‚Mehl, mehlig'.

fukajǫ, fukati, Lautnachahmend; ось ця група предавляєть ся із ріжноманїтним вокалїзмом так:

фа́кнути ‚stark blasen — auslöschen' до: фа́кати ‚schnauben'; файкати ‚hin und her wehen, blasen, — flackern';

фи́кати ,aufbrausen, zornig werden'; фик ,ungezogener Bengel';
фи́нкати ,zischen';
фі́вкати ,pfeifen, schreien';
фу́кати ,aufblasen, — anschnauben, — schelten'; фук ,Zank, Geschrei'; фу́кавиця ,Schneegestöber'.
фю́кати ,flattern; — pfeifen'; далї сюди ще:
фуґа́ти ,schleudern, werfen'; фуґа́ ,Schneegestöber'.
fura, сюди ще: фі́ра, хýра ,Fuhre'.
furka, укр. О; сюди: фу́рка ,Rocken, Spinnrocken'.
fustán, до рум. fustă я поставив би: фу́ста, фу́сти ,Wäsche'; порівняй: *chǫžba*.
fъfľ'ą, fъflati — Lautnachahmend; ця ґрупа виглядає ось як:
фо́фляти ,lispeln'.
фафу́ла ,Trottel, Taugenichts'.
фу́фела, фу́фелиця ,heftiger Staubwind, Gestöber, — Schneegestöber'.
fъrkajǫ, fъrkati Lautnachahmend; ця група має такий вигляд:
фі́ркати, фірча́ти ,zirpen, schnurren';
фи́ркати ,herumtollen, ausschlagen';
фа́ркнути ,zischelnd auflodern (Flammen)';
фо́ркати ,schnauben';
фу́ркати ,schwirren, huschen'; фур-фур! ,Interjection für den Vogelflug, für das Aufflattern, — oder für das Summen des Spinnrades'; фу́ркало ,Kreisel'; фурча́ти, фурчі́ти ,schnurren, schwirren'; чи сюди не лїпше поставити і: фурка ,Spinnrocken' гляди: *furca?*
фр-фр! ,Interjection für das Aufflattern'; фруз ,Sägebockkäfer';

Загальна замітка.

Мовний матеріял жадає ще таких точок:

1. фут! фут! ,Interjection für den Vogeltriller'; фути́ти, футі́ти ,schnauben, blasen'; фу́ткати ,schnarren, dumpf trillern'; фу́тькало ,Sumpfschildkröte — Brausekopf'.

фіть! фіть! ,Interjection beim raschen Wegfliegen — Vogeltriller'; фі́тькати ,zirpen, zwitschern', фі́тик ,Wisperlein, Laubvogel'; фі́тькавка ,dsslbe'.

2. фо́скати ,pfauchen (Katze) — böse sein, zanken'; фо́шкавка ,Stäubling'; чи не лїпше сюда поставити: фохи ,Launen' від *fochr?*

фу́шкати ,mit Geräusch, Gezisch ausströmen'; фу́шкавка ,Spritze'.

фи́скавка ,schwarze Schlange, Kreuzotter (Pelias berus)' (фисти ,pfauchen, zischen, pfeifen'; фи́ща ,Ungewitter, Sturm' до: *vistajǫ, chvistati*).

3. фо́лькати ,plappern'; фльо́кати ,undeutlich reden — plappern'.

флюкува́ти ,plappern — schwatzen'.

4. Всї слова на *ф* — як початковий звук, які були переняті давнїйших часах в укр. мову, показують подвійну початкову форму у Грінченка: *-хв-* і *-ф-*. Тому що звук *-ф-* є власиво чужий укр. мові, то треба уважати *-хв-* за правильного ступника чужого *-ф-*. Де стоїть тільки *ф-*, без паралєльної форми, там це слово є перебране в новійших часах. Тому ло би правильно наводити у словарі: хва́лда, хвальш, артýх, хвасо́ля, хверша́л, хверя́ззя, хвіялка, хвиґлюва́ти, ртка, хвýзія, хвиґа; всї ці форми є у Грінченка.

G.

gadajǫ, gadati — у замітку ще: на-ганýти ,sich erinnern, anden erinnern'; за́ганка ,Rätsel'; загану́ти ,fragen'.

gad'ajǫ, gad'ati — укр. О; сюди: до-гаджа́ти кому ,es einem ht machen, zu Gefallen tun'; у-годжа́ти ,dsslbe'; на взір: годи́ти h versöhnen, friedlich vereinigen'.

gagajǫ, gagati — укр. О; сюди: гага́кати ,schreien, überat reden, plappern'; гага́ра, гага́к ,Seetaucher'; сюди далї накать ще форми із звуконаслїдуючою поправкою -ґ- та відним вокалїзмом:

ґа́ґати ,schnattern'.

гигота́ти ,wiehern', гиги́! ,Interjection für das Lachen, Weinen, ehern'; ґи́ґати ,schnattern'; ґи́ґнути ,verenden, verrecken, (den en Laut von sich geben)'.

ґе́ґати ,schnattern (Gänse, Enten)'; ґеґеґе́! ,Interjection für Schnattern'.

гігота́ти ,wiehern'.

Чи не лїпше було би, так як *čok- (čuk-)*, зібрати під одну ку: ,Lautnachahmender Stamm' і *gagajǫ, gagati* і *gogot'ǫ, otati*, яких основа є звуконаслїдування і долучити ще ци і »*gugajǫ, gugati* ‖ Lallwörter der Kindersprache«, які так ло полягають на звуконаслїдуванню; менї здаєть ся, що зіть *gǫgъńǫ, gǫgъnati* не можна із цієї сїмї виділяти.

gájda, сюди ще: гайда, гайда́рка ,Flöte'.

gajtán, укр. гайта́н є слово головно уживане карпатськими пастухами, тому воно буде із рум. găitan ‚Rundschnur, Gürtelschnur‘.

gała, сюди ще із укр. рум. găluşcă ‚Kügelchen, Kloss, eine Speise: Krautwickerl‘.

galeta, до акценту: ґеле́та і ґе́лета; тому що укр. ґе́лево ‚dicker Bauch‘ уживаєть ся особливо і майже виключно у говорах карпатських, які граничать із Угорщиною, я не можу припустити, що це слово могло повстати із перехрестки: ґелета ‚Scheffel‘ і черево ‚Bauch‘; менї видаєть ся, що воно із мадярськ. gelyvás, gelyva ‚kröpfig, bauchig‘; golyva ‚Kropf, Geschwulst an Menschen und Tieren‘; ось то ґел- находимо ще в другому гуцульському виразові: ґелю́х ‚Bauch, Dickbauch, Eingeweide‘, що також говорить проти того пояснення. До угорськ. golyva гляди Мікльосич E. C. 71 і *glěvъ*.

gàlija, урк. O; сюди може: галя́ра ‚Boot‘, яке мало би закінчення під впливом ґале́ра; та це може бути також форма, яка повстала із останього слова.

galъ — укр. O; сюди ще з основним поняттям ‚schwarz‘ га́лиця ‚schwarze Schlange, Geflügel‘; у Гуцулів означає це слово ‚alles, was Schaden macht, Geflügel, Schlangen, Hirsche‘; га́лка ‚schwarzes Eichhörnchen, schwarzes Käferchen‘.

galǫ, galiti 2 — укр. O; сюди може із відмінним вокалїзмом: гильня́ ‚Wolfsrudel während der Brunstzeit‘; гильни́ти ся ‚in Rudeln umherlaufen (von Wölfen während der Brunstzeit)‘; далї нагальність ‚Heftigkeit, Ungestüm, Dringlichkeit‘; мабуть також на-гали́ти, на-гили́ти ‚jemandem etwas zuschanzen, durch Begünstigung zuweisen‘.

galǫ, galiti 3 — сюди передовсїм: гал ‚eine Waldlichtung, Waldwiese‘; га́ло ‚Waldlichtung, Waldsee‘.

gamrat, сюди ще: ґахува́ти ся ‚sich ausschmücken, sich auffallend aufputzen‘; далї: ка́мрат ‚Kamerad‘; буде мабуть новійшого часу і є перебране із нїмецького військового жарґону в Австрії; старим буде (із народньою етимольоґією: бра ‚Bruder‘): камбрат ‚Kamerad‘.

garkajǫ, garkati — ‖ Lautnachahmend; оця ґрупа має таки вигляд:

гар! гар! ‚Interjection für Knurren, Hundegebell, — Zank‘; га́ркати ‚knurren, bellen, — streiten, zanken‘; гарка́ч ‚Fuchs‘; гарку́ ‚böser, zanklustiger Mensch‘; гарча́ти, гари́кати, гару́кати, гар

йкати ,dsslbe'; (гарк-: грак-) грак! ,Interjection für den Fall nes Gegenstandes, ein Gepolter'; гра́кнути, гря́кнути ,mit Gepolter fallen'.

гир! гир! ,Interjection für Knurren'; ги́ркати ,knurren — streiten, nken'.

гур! гур! ,Interjection für dumpfe Töne'; гу́ркати ,poltern, opfen, schlagen'; гу́ркіт ,Getöse, Gerassel'; гу́ркало ,Poltergeist, einer Wasserfall'; гурли́кати ,girren, gurren'; (гурк-: грук-) грюк! nterjection für den wuchtigen Fall'; грю́кнути ,wuchtig fallen'; эуча́ти ,dumpf dröhnen'; гругу́рати (із гургу́рати) ,dsslbe'.

Форми грак-, гряк-, грюк- можна поставити і до: *grajǫ, rajati; gračǫ, grakati.*

gaťь — в замітку вставити: гаїти ,mit grünen Zweigen chmücken'; за-гаїти (чим-щось) ,vollstopfen, verlegen'; про-гаїти ufräumen, Platz machen'; про-гаїти ліс ,auslichten'; ці останні начіння могли б може послужити підставою для вияснення ого етимольоґії, бо вони вказують на *gaľǫ, galiti.*

gaťa — до га́ча ,Fohlen', га́чур ,junger Hengst' гляди: *at.*

gavornъ — до долішної замітки ще: жа́й-воронок ,Lerche'; побіч: жайвір, -ора; порівняй: гайвор побіч гайворон); у гайорон перша части́на є: гай! гай! ,Interjection zum Verscheuchen er schädlichen Vögel, Raubvögel'.

gav'ǫ, gaviti — укр. О; сюди: ога́вний ,ungeheuer, groß'; га́вний дощ ,ein fürchterlicher Regen'; гавя́зний ,ungeheuer, gross'.

gazda, укр. О; сюди; ґазда́, газда́ ,Hausherr, Herr, Wirt, andmann'; ґазди́ня fem.; ґаздівство́ ,die Wirtschaft'; ґаздува́ти virtschaften'; в Галичині та на Буковині загально вживане. еляни між собою уживають цю назву тільки для того, хто ає власне хозяйство, отже є в німецькому розумінні: ,Bauer'. іський народ не відчуває цієї нюанси і уживає це слово балачці із кождим селянином як титул; воно є почасти із адярського gazda ,Wirt', почасти із рум. gazdă ,dsslbe', яке е тут треба вставити.

gazъ; gažǫ, gaziti — укр. О; сюди може: о-га́знути ,sich mit eif, Schneekügelchen bedecken'.

gerdán, укр. О; сюди: ґерда́н ,mit Glaskorallen gesticktes Band, as von Mädchen als Halsschmuck, von den Burschen als Hutchmuck benützt wird'; тому що це слово головно буковинськоесарабське, то воно є із рум. gherdan, ghiordán ,Frauenhalsband'.

glazъ — укр. О; сюди: глазки́ ,Senkbleie des Fischnetzes'.

glenъ — укр. О; сюди: гли́мати ‚schlucken, gierig fressen‘.

glěta, укр. О; сюди: глейт ‚Glasur auf den Töpfen‘.

glezьnъ — сюди передовсім: гле́зень, -зня ‚eine Art Pflanze‘.

ględają, ględati — сюди ще варта вставити: по́гляд ‚Blick, Ansicht über eine Sache‘; гляди́ло ‚Spiegel‘; вз-гля́д ‚Rücksicht‘; до-гляда́ти, на-гляда́ти ‚beaufsichtigen‘; до: ‚Stümmelformen‘ вставити: гляд! гля! ‚da schau!‘.

glěvъ — укр. О; сюди: глевки́й ‚lettig, bindig, — teigig, klebrig, wasserstriemig‘, глеє́вий ‚schlammig‘; глеві́ти, зглеві́ти ‚verderben (vom Käse)‘.

glina — укр. О; сюди: гли́на ‚Töpfererde, Lehm‘; глине́ць ‚Aluminium‘; глини́ще ‚der Ort, wo Lehm gegraben wird‘.

globa — до значіння: глоба ‚1. ein von Natur aus schiefgebogener (herabgedrückter) Baum; 2. Eisenkeil; 3. Kummer, Sorge‘; порівняй етимольоґічну замітку.

glob'ą, globiti — укр. О; сюди: гло́бити ‚1. mit keilförmigen Pflöcken den »вал« in der Mühle befestigen; 2. kalfatern, mit Werg verstopfen‘; за-гло́бити ‚vernieten, verkeilen, mit Keilen befestigen‘; з-гло́бити ‚zusammenfügen, eng verbinden‘; до »Nominalbildungen« вставити: глобо́к ‚ein Keilchen, das zur Befestigung der Sense an den Holzhalter in den Sensenring eingeschlagen wird‘; до *glab* — вставити: гла́бці ‚Schlittenkufen‘; о-гла́бля, о-гла́блї ‚Blasen am Zahnfleisch der Pferde‘; до останнього поняття порівняй етимольоґічну замітку.

glob'ą, globiti 2 — укр. О; сюди треба на мою думку вставити: глобити у поняттю, яке уживаєть ся в заклинаннях, де лихорадка відповідає, що вона іде: »сїпать і кидать, і трясти, і пекти, і знобить, і глобить, і кров пить, і кість ломить«; Грінченко поставив коло цього слова питайник; його значіння є безумовно ‚aushöhlen, ausnagen‘, і воно належить сюди; глиб ‚Erdhöhle‘.

glota — сюди ще на мою думку і: голо́та ‚arme Leute, Pöbel, eine Schar von Gesindel‘; тепер це слово почуваєть ся як утворене від: го́лий ‚nackt‘; порівняй замітку про: Ansatz **gъlota*.

glьb'ą, glьběti — укр. О; сюди мабуть: глибати ‚schwer mit den Flügeln bewegen, schwer mit Mühe fliegen‘; гли́бнути, гли́бнїти ‚die Kraft verlieren‘; порівняй ще: *chaba*.

glьzdają, glьzdati — укр. О; гли́зявий ‚schlüpfrig, klebrig‘.

gmâjna, укр. О; сюди: ґмі́на, гмі́на, Gemeinde — Gemeindehaus‘ (із польськ. — діял. в Галичинї).

godъ; god'ǫ, goditi — сюди ще: годи́ти ся ‚es klärt sich (vom Wetter)'; у-годи́ти ‚jemandem recht machen'; годи́ти ‚vergleichen, versöhnen'; — кому ‚gefällig sein'; до *goda*: у-го́да ‚Vertrag'; з-го́да ‚Eintracht, Versöhnung'; із польськ. godło ‚Wahlspruch, Losung' є: ґе́дло ‚Befehl, Auftrag'.

gojь; gojǫ, gojiti — сюди ще: го́йний ‚freigebig, grossmütig'; го́йно ‚grossartig'; у цьому значінню із польськ.

golmę 2. укр. О; сюди: о-голо́мшити, за-голо́мшити ‚betäuben'; при-голо́мшити кого ‚jmd. ohnmächtig machen'; голомши́вий ‚körperlich schwach, schäbig'.

golva — сюди ще до *golvьnъ*: по-голо́вне ‚Steuer, Kopfsteuer'; далї: голова́ч ‚Grosskopf'; голова́тиця ‚eine Fischart'; до ‚Komposita': пу́-головець ‚Kaulquappe' (порівняй слов. pá-glavec ‚dsslbe'), о-гла́в, о-гла́вець ‚Pferdegeschirr, Halfter'.

gomola — у замітку ще: гомила́ ‚eine Graspflanze Strauch'; гомелува́тий ‚gelockt, wellenartig, reisigartig' (гомелува́та со́сна).

gomon, сюди ще: гумоня́ва ‚Geschrei, Lärm'; у замітку вставити: гам ‚Lärm, Streit'.

gora — до *gorьńь*: гі́рниця ‚Dachstube'; гірни́ця ‚Steinbruch'; гірня́к ‚Bergbewohner'; го́рище ‚Dachkammer'; до ‚Komposita': взгі́рря ‚Anhöhe, Gesenk des Berges'; під-гі́рря ‚Hügelland vor den Bergen', па́-горок ‚Hügel'.

gordъ — сюди ще: городи́ще ‚Ort, an welchem in alter Zeit Befestigungen waren'.

gorno; gorńǫ, gorniti — укр. О; сюди: гряний; Грінченко переводить ‚grün'; бо це слово уживаєть ся завсїди у злуцї: гряна недїля—зелені свята ‚Pfingsten'; очевидно воно не означає ‚зелений', а взяте із церковслов. і затратило значіння; гре́ний ‚dsslbe'; грену́ха ‚ein Pfingstlied'.

gornostajь — поняття „Hermelin, Wiesel' трохи вже притемнене; народ розуміє під ‚горностай' часто якогось ‚птаха', а поети етимольоґізують це слово: гора + стати (Пачовський: Розсипані перли: дишуть груди горностаї ‚es atmen die aufrechtstehenden Brüste').

gorьkъ — сюди ще: гірки́ня ‚Bitterpilz'; гірчи́ти ‚bitter machen'; до замітки *gorucha вставити: гору́щка (Demin. до гору́ха) ‚Barbarakraut, Senfkraut'.

gořǫ, gorěti — сюди ще: грянь, lodernde Kohlen, — Lichtnelke'; далї: за-горі́лець ‚Fanatiker'; за-горі́лий ‚sonnengebräunt — heissblütig (Temperament)'.

gospodь — 6) gospodyńi укр. О; сюди: господи́ня ‚die Hausfrau, die Wirtin'; є загально вживане як fem. до господар.

govędo — сюди передовсім: го́вядо (діял. го́вєдо) ‚Hornvieh'; (гове́до ‚ein Schimpfwort' із словацького).

gǫba 2 — сюди ще: гу́бка ‚Feuerschwamm'; польськ. huba ‚Schwamm', hubka ‚Feuerschwamm' будуть скорше із укр. як із ческ. мови.

gǫstъ — сюди ще: густина́, гуща́к, гущ ‚Dickicht, Gebüsch'; ча́сто-гу́сто ‚sehr oft'; гу́сто ‚oft'.

gǫzъ — сюди ще: гузня́нка ‚Mastdarm'; із польськ.: ґу́зик, ґу́дзик ‚Knopf'; ґуз, ґудз ‚Knoten, Beule'; ґуздрати ся ‚zögern, herumbasteln'; подібні до польських *k*-формів є: кустре́ць ‚Furunkel, Geschwür, Struppe'; (кустри́ця ‚eine Pflanze' належить до *kustъ*).

grajǫ, grajati — сюди вставити: з-ґра́я ‚Haufen, lärmende Schar'; із *у*-вокалїзмом: гру́яти ‚krähen, krächzen' (во́рон груе ‚der Rabe krächzt').

gramata, сюди ще: грама́тка ‚A. B. C., Erinnerungsbuch'.

grana (*granъ*) — сюди ще: гро́но ‚(Wein)-Traube'; грони́ти ся ‚sich zu Traubenbüscheln verbinden, — auswachsen'; у замітку ‚рослин': грани́ця ‚cetraria islandica, ein Moos'.

granь; granića — із польск. gruń: ґрунь ‚Bergrücken'; порівняй ще: рум. gruńŭ ‚Kinn'; granițǎ ‚Grenze'.

grězdьjь — укр. О; з відмінним вокалїзмом: грізд, грозду ‚Schliesszapfen, Propfen'.

grochotъ — сюди ще із відмінним вокалїзмом: гря́хнути ‚mit Gepolter fallen'.

gromъ — сюди ще: громни́ця ‚ein Feiertag': стрітеннє ‚Mariä Lichtmess; — Kirchenkerze, Talisman gegen den Blitzschlag'.

grędajǫ, grędati — порівняй польськ. grędać się ‚sich drehen, winden', із: гряди́ти (ша́пку на го́лову) ‚die Mütze auf den Kopf aufsetzen (aufdrücken)', далї діял. гружа́ти ‚drehen, rühren'; гружа́ти масло ‚Butter machen'.

grǫzь; grǫžǫ, grǫziti — сюди ще: грузи́ло ‚Gesenke am Fischernetz'; далї до nhd. grus ‚Schutt' ще: грузь ‚Trümmer, Schutt'.

grьmǫ, grьměti — сюди ще вставити з відмінним вокалїзмом:

грима́ти, гримо́та, гримотї́ти — гирмо́та, гирмотї́ти ‚poltern, schlagen, dumpf tönen'.

грі́мати ‚herumpoltern, stampfen, schreien, zanken'.

грумотїти ‚dumpf kollern, rasseln‘.

guba; сюди ще: три-ґу́ба́ч ‚einer, der grosse Lippen hat‘.

gugaję, gugati — чи не буде польськ. guga ‚Beule‘ із мадярськ. guga ‚Drüsengeschwulst, Kropf‘; ? Укр. ґу́ґля ‚Beule‘; уґлюва́тий ‚mit Geschwüren bedeckt‘ будуть також із чужого жерела; може мадярськ. gugyela ‚der Ballen‘.

gukъ; gukaję, gukati — ‖ Lautnachahmend; ця ґрупа представлять ся так:

га́кати, гага́кати ‚plappern, schwätzen‘; галя́кати ‚dsslbe‘.

гука́ти ‚laut rufen‘; гугу́кати ‚dsslbe‘; гук ‚Lärm, Wasserfall‘, у́кало ‚Rohrdrommel‘; гулю́кати ‚zanken‘.

гик ‚Geschrei zum Aufscheuchen‘; ги́кати ‚stottern‘.

гавк ‚Hundegebell‘; гавкотня́ ‚dsslbe‘; га́вкати ‚bellen, kläffen‘.

ги́вкати ‚rufen, krächzen (Eule)‘.

У основі є всякі інтерєкції: га! гу! гугу!; гав! гив! які иражають звуки окруження.

guľa — укр. О; сюди: гу́ля, ґуля, ґу́лька ‚Geschwür, Beule‘.

guľę, guliti — укр. О; сюди: гили́ти ‚schlagen, hauen‘.

guščerъ — укр. О; сюди: ґущір ‚Hitzfieber wegen Erkältung‘; орівняй слов. kúščer ‚Geschwüre der Halsmandeln‘; укр. слово уде із рум. guşter ‚Krankheit, Bräune, Krupp‘ і буде отже ‚Rückntlehnung‘.

gъmъžę, gъmъzati — сюди ще: ґе́мзати, ге́мзати ‚kitzeln‘; имзїти ‚wimmeln‘.

gъrnъ — сюди ще: горне́ць ‚Topf‘; народньоетимольоґічний плив від гаря́чий, роз-гар-ювати: гарнець; із польськ.: ґа́рець ‚ein Mass‘.

gъrstь — сюди ще: го́рстка ‚eine kleine Anzahl‘; при́-горщ, ри́-гірщ ‚handvoll‘.

gъrzdavъ — укр. О; сюди мабуть: горзити ся ‚sich spreizen‘; орзи́на ‚Faschine, Geflecht aus Reisig‘.

gyb'ę (gybaję), gybati — до долїшної замітки вставити: Іере-гин-сько ‚ein Ortsname in Galizien‘.

gydъ — сюди ще: о-ги́да ‚Ekel, Abscheu‘; о-ги́дно ‚ekelhaft‘; ольське: ohyda, hydzić się будуть із укр. мови.

gyža — укр. О; сюди: гижки́, гишки́ ‚kalte Füsse als Gallertpeise‘; ги́шель ‚Schienbein‘ (dial.)‘.

Загальна замітка.

Укр. мовний матеріял потребує ще цих точок:

1. гам ‚Interjection für das Mundzumachen, Schlucken, Essen Kinderspr.‘; га́мати ‚essen, Kindspr.‘; порівняй із цим: gùmām, gùmati ‚gierig fressen‘ під *gum- (gom-)*.

2. геп! геп-геп! ‚Interjection für den Schlag, Fall‘, ге́пати, геге́пати, герге́пати ‚wuchtig schlagen, — fallen‘; ге́па ‚Hinterkopf — Rücken‘.

гоп! ‚Interjection für den Fall, — Sprung‘; го́пати ‚schlagen, — springen‘; гопа́к ‚Springtanz‘; го́пкати; ‚springen, hüpfen‘.

гуп! гуп-гуп! ‚Interjection für den dumpfen Schlag, Fall‘, гу́пати ‚dumpf schlagen‘; гу́пало ‚Rohrdommel (Moorochse)‘; гупгу́пати ‚dsslbe‘.

3. гаца́ти ‚hüpfen, tanzen, sich tummeln‘.

гець! ‚Interjection für den Sprung, Hüpfen, — Ruf für die Hunde zum Beissen einer Person‘.

гиц! ‚Interjection für den Sprung‘; ги́цкати ‚hüpfen, springen‘; ги́цати ‚auf dem Pferde beim Reiten gerüttelt werden‘.

гоц! го́ца! ‚Interjection für den Sprung‘; гоца́к ‚ein Tanz mit Spring- und Hupffiguren‘; гоц, plur. гоци ‚Sprünge‘; взяти когось на го́цки ‚aus jemandem einen Narren machen‘; го́ця ‚Frosch, Kinderspr.‘

гуц! гуц-гуц! ‚Interjection für das Springen, nach oben geworfen werden, Schaukeln‘; гу́цати ‚ein Kind hätschelnd nach oben werfen‘; гу́ця ‚Wiege, Kindsprch.‘

4. гай! гай! ‚Ein Ruf zum Verscheuchen der Raubvögel‘; га́йкати ‚Raubvögel, Geflügel verscheuchen, wegtreiben‘; гала́йкати ‚herumschreien‘; гала́йстра ‚Volkshaufen, Kinder‘.

гей! ‚Ein Ruf auf die Ochsen: Vorwärts!‘; ге́йкати ‚schreien, antreiben‘; ге́йкати ся ‚sich sorgen machen‘.

гий! гій! ‚Ein Ruf zum Verscheuchen des Wildes‘; гі́йкати ‚schreien, schimpfen‘.

гой! ‚wie oben‘; го́йкати ‚schreien‘; гойк ‚Geschrei, Lärm‘.

гуй-ц! ‚Interjection zum Verscheuchen der Ferkel‘.

5. гісь! ‚Interjection zum Vorwärtstreiben der Schafe‘.

гейсь! ‚Interjection zum Vorwärtstreiben der Ochsen‘.

гайса́ти, гаса́ти ‚herumtollen, herumlaufen, herumtanzen, hüpfen‘; галаса́ти ‚herumschreien, lärmen‘; га́лас ‚Lärm‘; галаса́йко ‚Schreier‘.

6. гала́! ‚Interjection zum Vertreiben des Geflügels: fort!‘; гала́кати ‚schreien‘.

гиль! ги́ля! ‚Interjection zum Verscheuchen der Gänse besonders, auch Geflügel, Tauben‘.

гель-гель! ‚Lautnachahmung des Gänsegeschnatters‘; ґель-ґель! ‚dsslbe‘; ґе́лькати, ґе́льґати ‚schnattern‘; гелькотїти ‚dsslbe‘.

гуль! гуль! ‚Lockruf für Tauben‘; гулї! ‚dsslbe‘; гу́ля ‚Taube, Kinderspr.‘

7. гу́ттю! ‚Verscheuchungsruf für das Wild, — Wölfe‘.

го́ть-та́ ‚Ein Ruf auf Pferde: Vorwärts‘.

ги́ть-тя́, ге́т-та́, ‚dsslbe‘.

8. грег-ота́ти, ґре́ґати ‚quaken‘.

H.

hajdamak(a), польське hajdamaka-із укр.

hajduk, укр. гайдук буде прямо із мадярського або рум. haĭduc.

hák, укр. О; сюди: гак ‚Haken, Angelhaken, Hufeisennagel, Ackermass‘.

haléř, укр. О; сюди: ге́лєр, ги́лєр ‚Heller‘ (це із нїмецького — новійшого часу).

ham, укр. О; сюди: гамува́ти ‚hemmen‘; — кров ‚Blut stillen‘; — ся ‚sich zurückhalten, kaltes Blut bewahren‘; гамуле́ць ‚Bremse‘.

hámišnyj, під увагу ще рум.: hamiși ‚arglistig, hinterlistig‘.

hana, сюди передовсїм: га́на ‚Schimpf, Schmach‘; на-га́на ‚Tadel, Rüge‘.

harap, сюди під увагу рум.: arapnic, harapnic ‚lange Peitsche, Geissel‘; hărăpăi (hărtapăli) ‚zerstückeln, zerschlagen, prügeln, hauen, zerren, zausen‘.

hejtman, укр. атама́н, отама́н, ватама́н означає передовсїм ‚Anführer einer Abteilung der Kosaken, — Anführer, Aufseher über eine Gruppe von Schnittern, Fischern, Arbeitern‘. Цї слова не є з польського: hetman; із цього польськ. слова є ге́тьман ‚Oberster Befehlshaber der Kosaken, Regent der Ukraine‘. І тут виринає питання яким чином це слово *ге́тьман*, яке по сей час задержало свою форму і дуже живе історичне поняття, могло змінити ся в *атама́н, отаман, ватама́н* і так звузити своє поняття? Нї польське hetman, нї укр. *гетьман* не можуть, на мою думку, бути основою для них.

Може можливе таке пояснення: укр. ге́тьман перейшло в рум., де воно звучить hátman ‚Heerführer, Befehlshaber'; і на цьому ґрунті звужуєть ся поняття. Це слово повертає в укр. мову як гата́ма́н (із вставкою *-а-* для гармонії звука, як це часто в укр. мові буває), — і в ньому має перевагу ось це звужене поняття.

Форма *ата́ма́н* затратила аспірацію; форму *ота́ма́н* пояснює явище, що часто вживані слова, які починаються на *-а-*, перемінюють його в *-о-*: Одам, Адам; Ондрій, Андрій; Оврам, Аврам; форма *вата́ма́н* є контамінація *атаман* із *вата́га* (із тат. vataha ‚Menge, eine Bande, Fischereigenossenschaft'), *ва́та́жок* ‚Oberhirt, Räuberhauptmann'.

Але треба продумати і таку можливість: загально ще й тепер уживаєть ся на Україні для назви, титула провідника слово *батько*. Це є решта традицийних козацьких звичаїв, які знову свій корінь мати муть у подібних традиціях турко-татарських. Батьку мій — як фраза, з якою звертаєть ся хтось при розговорі до свого провідника, звучить по тур. ata-my ‚Mein Vater-Führer'; при дуже вузьких зносинах козацтва із Турками можна припустити, що *atamy у змислї ‚Führer' було в тих часах перебране із турецького і вступило в контамінацію із *гетьман,* другим словом із значінням ‚Führer', перебераючи його окінчення *-ман.*

herbata, укр. О. сюди: герба́та, гарба́та ‚Tee'.

honositi, укр. О; сюди: гонорува́ти ся ‚sich rühmen, prahlen, groß machen'.

hýřiti, укр. О; сюди: за-ги́рити ‚verderben, verlieren, vergeuden'.

Ch.

chab'ǫ, chabiti 1 — сюди ще також: ха́ба, хабе́та ‚Pferd, Schindmähre'.

hájde, укр. О; сюди: гайда́ ‚vorwärts, marsch!';

häjkati (häjkām), укр. О; сюди: га́йкати ‚scheuchen, jagen, vor sich hintreiben'; гайта́ч ‚Treiber'; порівняй замітку 4 ст. 42.

chajǫ, chajati (*chati*) — сюди передовсім: ха́я ‚sorgenloses, ruhiges Leben'.

hărām, hărati, укр. О; сюди мабуть: гарата́ти ‚schlagen, zerstören, zerstückeln'; чи не можна би уважати основою цього слова рум. hărăt ‚Kämpfer, Kämpe'; hărăți ‚reizen, necken, — plänkeln, scharmützeln' (Tiktin, Rum.-Deutsch. Wtbuch. 721)? ети-

мольоґія рум. слова непевна: або до рум. harţ ,Kampf', яке є з польск. harć, або до црковнослов. rъvati, серб. hrvati ,kämpfen'; коли Тіктіна думки правильні, то це є Rückentlehnung.

charalug, укр. O; сюди: харалу́жний ,stählern'; харалу́жний меч ,stählernes Schwert'.

chasa, укр. O; сюди: ха́зїя ,Gesindel, Haufen'.

hătăr, сюди ще у долїшну замітку: кота́ра ,Feldhütte, Feldumzäumung'.

chlapajǫ, chlapati — укр. O; сюди: хлап ,Schnarre am Musikinstrument'; під впливом *ля́пати, хя́лпати* ,klatschen, spritzen, є паралєлї до польськ. і сербськ. слів ,Regenwetter': хля́панина, хля́пани́ця, хля́пави́ця ,kottiges, regnerisches Wetter'.

Далї сюди ще: хлепта́ти ,schlürfen'; і до долїшньої замітки треба вставити: хла́нути ,gierig sein'; хлан ,Abgrund'; за-хла́ний, за-хла́нний ,habgierig, habsüchtig'; за-хла́нність ,Habsucht'.

chlastajǫ, chlastati — сюди ще: хло́ста ,eine Tracht Prügel'; хло́сти дати ,durchhauen, strafén';

chlępajǫ, chlępati — укр. O; сюди: хля́пати ,klatschen, spritzen'; хляп! ,Interjection für einen Spritzer, Wassergeräusch'; хля́пайло ,Plauderer'; далї варіянт: хля́бати ,wanken, sich hin und her bewegen'; із відмінним вокалїзмом сюди ще:

хльоп! ,Interjection für das Wassergeräusch'; хльо́пати ,plätschern';

хлюп! ,wie oben, besonders: Wellenschlag'; хлю́пати ,vom Klatschen der Wellen, — plätschern'; хлюптати (порівняй: хлепта́ти) ,schlürfen'; порівняй: *chъlbajǫ, chъlbati* — польські: chlupać, chłupać.

chlěbъ + — сюди ще: хлїби́ти ,schmeicheln'; під-хлї́бство ,Schmeichelei'; під-хлїбля́ти ,schmeicheln'.

chlǫdъ — укр. O; сюди: хлуди́на ,Reisig, Strauch'.

chlujǫ, chlujati — сюди ще: хлю́нути ,sich plötzlich ergiessen, — vom Hervorbrechen des Wassers'.

chmyl'ati — укр. O; сюди: хмула́ ,Phlegmatiker'; хму́лавий ,welk, matt, trüb (Wasser)'; хмули́стий ,mürrisch, unrein'.

chodъ; chod'ǫ, choditi — сюди ще ці паралєлї: за́-хід ,Westen'; при́-хід ,Eingang, Einkommen'; хода́к ,Bauernschuhe'; хідни́к ,Pfad'.

chocholъ (chochъlъ) — сюди ще з відмінним вокалїзмом: хихля́лий ,buschig (Haar, Tannenreisig)'; хахула́тий ,buschig, schopfartig (Vogel)'.

chъbъtъ — укр. O; сюди: хопта́ ,Unkraut, Attich'; хобда; хобза.

chylъ — сюди ще: на́-хил ,Liebhaberei'; при-хи́льний ,wohlwollend, zugetan'.

chyńǫ, chyniti — укр. O; із задержанням основного поняття від *chylъ* ,schwach, welk, gebeugt'; сюди належить діял.: хи́ндя, хінди ,Fieber, Influenza'.

chýr, сюди ще прокля́ття »а гир би ти загі́рив ся« ,jede Spur (Gerücht) möge nach dir verschwinden — verloren gehen'.

chyrъ — до долїшньої замітки вставити до польських форм: харла́к, харла́й ,armer Teufel'.

chyt'ǫ, chytiti — до долїшньої замітки вставити: хисти́ти ,verdecken, verwahren, schützen'; — ся ,beschützen, verstecken'; хисткий ,wankend, kränkelnd'.

I.

ičǫ, ikati — сюди ще: и́кати, за-ги́кувати ся ,stammeln, mit der Zunge anstossen', ги́кавка ,Schlucken'.

igo — укр. O; сюди: и́жиця ,Buchstabenbezeichnung'; и́жицю прописать ,jemanden durchhauen'.

ikra 1 — до значіння треба замітити ще: ікра́ ,Kuheuter'.

ikuna, укр. O; сюди: ікона ,Heiligenbild'; іконоста́с ,Bilderwand (Altarwand) in der Kirche', канаста́с є під впливом: кана́рхати, гляди: *kanarchъ*.

imela — сюди ще: ямели́на ,Pflanze'.

indyk, сюди ще: и́ндюр, и́ндор після: качуп, качоп.

istъba + — у етимольоґічну замітку вставити ще як Rückentlehnung із мадярськ. szoba ,Stube' укр. со́ба ,Zelle'.

izjan, укр. O; сюди: изя́н ,Verlust, Schaden' (тільки в Желеховського Слов.).

izumrud, укр. O; сюди: изумру́д ,Smaragd'; изумру́довий ,smaragden'.

J.

jagla — укр. O; сюди: я́гли plur., ягли́ця ,Engelwurz'; ягли́чка ,Busch-Windröschen'.

jamurluk, укр. форми: ярму́лка, ярмі́лка є народно-етимольоґічні уподібнення до ярмо ,Joch', на підставі круглої форми ярма.

jarlyk, укр. O; сюди: ярли́к ,Schein, Freizettel, Pass'.

jasák, укр. О; сюди може належить: яса́ ,Bekanntmachung, ufruf, — Ehrensalut durch Geschützschüsse'; яси́ти ,verkünden, nmelden'; ясува́ти ,dsslbe'.

-jašǫ, -jasati, -jasъ. — тут ще замітити: о́-паска ,Gürtel'; á-паска ,dsslbe'; о-паса́ння ,Umfassung'.

jaučǫ, jaukati — укр. О; сюди з відмінним вокалїзмом: о́йкати, я́йкати ,jammern, wehklagen'; вони полягають на йой! й! ,Interjectionen beim Wehklagen', я́вкати ,wimmern'.

jelito — укр. О; сюди: ялити́ plur. ,Eingeweide, Magen, Gedärme'.

jelъkъ — укр. О; сюди: ї́лки́й, єлки́й, илки́й ,ranzig'.

jugajǫ, jugati — укр. О; сюди: ю́гнути ,forthuschen, entkommen, entfliehen'.

jutit', сюди: при-ю́т ,Obdach', прию́тний ,gastlich, freundlich'.

К.

kabak, у значінню: ,Krug, Schenke' є кабак із первісного німецького джерела: kabache, kabacke; але як ,Kürbis, — Kopf' е слово є із kabak (Radloff II. B. 437) ,der Kürbis'; мадярськ. abak ,Kürbisflasche'; kobak ,Kürbisflasche, Pilgerflasche, — der eere Schädel, Hohlkopf'; сюди ще: кабачки́ plur. ,Kürbissamen'.

kačka, сюди ще: ка́чур, ка́чор, ка́чер, ка́тир ,Enterrich'; хтїв би зробити уважним на: kačir (Radloff II. B. 340), де наведений цитат, в котрому це слово означає ,grosser ogel'.

kačúla, укр. О; може сюди: качу́лка, качуле́я ,Mohnkopf'.

kadyk, укр. О; сюди: кадик ,Adamsapfel'.

kafar, укр. О; сюди: ка́фар ,ein Rammblock, Ramme'.

kafr, укр. О; сюди камфо́ра ,Kampfer'; камфорі́вка ,Kampferspiritus'; камфоро́вець ,Kampferbaum'.

kalabalъ́k, укр. О; сюди: калаба́ли́к ,Gezänk, Hader, Tumult, Virrwarr'; скорочено: кабали́к ,dsslbe'.

kalafát'ъ, укр. О; сюди: конопа́дити, коно́пити ,belästigen, eizen, necken, locken'; -ся ,vor langer Weile vergehen, in Unruhe ein'; коно́па, коно́падь ,unruhiges Verhalten, Unruhe'; — падає а кого ,es juckt jemanden'.

kalafjor, сюди ще: кара́фйол ,Blumenkohl'.

kalafonja, укр. О; сюди: кольофо́нїя ,Geigenharz'.

kalarapa, сюди ще з народньою етимольоґією: ріпа ,Rübe': каляріпа ,Kohlrabi'; також: ґалярепа уживане.

chъbъtъ — укр. О; сюди: хопта́ ‚Unkraut, Attich‘; хобда; хобза.

chylъ — сюди ще: на́-хил ‚Liebhaberei‘; при-хи́льний ‚wohlwollend, zugetan‘.

chyńǫ, chyniti — укр. О; із задержанням основного поняття від *chylъ* ‚schwach, welk, gebeugt‘; сюди належить діял.: хи́ндя, хінди ‚Fieber, Influenza‘.

chýr, сюди ще прокля́ття »а гир би ти заги́рив ся« ‚jede Spur (Gerücht) möge nach dir verschwinden — verloren gehen‘.

chyrъ — до долїшньої замітки вставити до польських форм: харла́к, харла́й ‚armer Teufel‘.

chyt'ǫ, chytiti — до долїшньої замітки вставити: хисти́ти ‚verdecken, verwahren, schützen‘; — ся ‚beschützen, verstecken‘; хистки́й ‚wankend, kränkelnd‘.

I.

ičǫ, ikati — сюди ще: и́кати, за-ги́кувати ся ‚stammeln, mit der Zunge anstossen‘, ги́кавка ‚Schlucken‘.

igo — укр. О; сюди: и́жиця ‚Buchstabenbezeichnung‘; и́жицю прописать ‚jemanden durchhauen‘.

ikra 1 — до значіння треба замітити ще: ікра́ ‚Kuheuter‘.

ikuna, укр. О; сюди: ікона ‚Heiligenbild‘; іконоста́с ‚Bilderwand (Altarwand) in der Kirche‘, канаста́с є під впливом: кана́рхати, гляди: *kanarchъ*.

imela — сюди ще: ямели́на ‚Pflanze‘.

indyk, сюди ще: и́ндюр, и́ндор після: качуп, качоп.

istъba + — у етимольоґічну замітку вставити ще як Rückentlehnung із мадярськ. szoba ‚Stube‘ укр. со́ба ‚Zelle‘.

izjan, укр. О; сюди: изя́н ‚Verlust, Schaden‘ (тільки в Желеховського Слов.).

izumrud, укр. О; сюди: изумру́д ‚Smaragd‘; изумру́довий ‚smaragden‘.

J.

jagla — укр. О; сюди: я́гли plur., яглйця ‚Engelwurz‘; ягли́чка ‚Busch-Windröschen‘.

jamurluk, укр. форми: ярму́лка, ярмі́лка є народно-етимольоґічні уподібнення до ярмо ‚Joch‘, на підставі круглої форми ярма.

jarlyk, укр. О; сюди: ярли́к ‚Schein, Freizettel, Pass‘.

jasák, укр. О; сюди може належить: ясá ‚Bekanntmachung, Aufruf, — Ehrensalut durch Geschützschüsse‘; яси́ти ‚verkünden, anmelden‘; ясувáти ‚dsslbe‘.

-jašę, -jasati, -jasъ. — тут ще замітити: ó-паска ‚Gürtel‘; зá-паска ‚dsslbe‘; о-пасáння ‚Umfassung‘.

jaučę, jaukati — укр. О; сюди з відмінним вокалїзмом: йóйкати, я́йкати ‚jammern, wehklagen‘; вони полягають на йой! яй! ‚Interjectionen beim Wehklagen‘, я́вкати ‚wimmern‘.

jelito — укр. О; сюди: ялити́ plur. ‚Eingeweide, Magen, Gedärme‘.

jelъkъ — укр. О; сюди: їлки́й, єлки́й, илки́й ‚ranzig‘.

jugaję, jugati — укр. О; сюди: ю́гнути ‚forthuschen, entkommen, entfliehen‘.

jutit', сюди: при-ю́т ‚Obdach‘, прию́тний ‚gastlich, freundlich‘.

K.

kabak, у значінню: ‚Krug, Schenke‘ є кабак із первісного німецького джерела: kabache, kabacke; але як ‚Kürbis, — Kopf‘ це слово є із kabak (Radloff II. B. 437) ‚der Kürbis‘; мадярськ. kabak ‚Kürbisflasche‘; kobak ‚Kürbisflasche, Pilgerflasche, — der leere Schädel, Hohlkopf‘; сюди ще: кабачки́ plur. ‚Kürbissamen‘.

kačka, сюди ще: кáчур, кáчор, кáчер, кáтир ‚Enterrich‘; я хтїв би зробити уважним на: kačir (Radloff II. B. 340), де є наведений цитат, в котрому це слово означає ‚grosser Vogel‘.

kačúla, укр. О; може сюди: качу́лка, качулéя ‚Mohnkopf‘.

kadyk, укр. О; сюди: кадик ‚Adamsapfel‘.

kafar, укр. О; сюди: кáфар ‚ein Rammblock, Ramme‘.

kafr, укр. О; сюди камфóра ‚Kampfer‘; камфорівка ‚Kampferspiritus‘; камфорóвець ‚Kampferbaum‘.

kalabalъ̆k, укр. О; сюди: калабáли́к ‚Gezänk, Hader, Tumult, Wirrwarr‘; скорочено: кабали́к ‚dsslbe‘.

kalafát'ъ, укр. О; сюди: конопáдити, конóпити ‚belästigen, reizen, necken, locken‘; -ся ‚vor langer Weile vergehen, in Unruhe sein‘; конóпа, конóпадь ‚unruhiges Verhalten, Unruhe‘; — падає на кого ‚es juckt jemanden‘.

kalafjor, сюди ще: карáфйол ‚Blumenkohl‘.

kalafonja, укр. О; сюди: кольофóнїя ‚Geigenharz‘.

kalarapa, сюди ще з народньою етимольоґією: ріпа ‚Rübe‘: каляріпа ‚Kohlrabi‘; також: ґалярепа уживане.

kàlavre, укр. O; сюди: калаве́рцї plur. ‚Stiefel mit aufgeschlagenen Röhren‘.

kalъ — сюди ще: кали́ло ‚Lehm zum Tünchen‘; калени́ця ‚Schüssel zum Bereiten vom Lehmgebrei‘; за-ка́л, за-ка́лець ‚nicht ausgebackener Teig im Brod‘.

kàmp, укр. O; сюди вставити: ке́мпа, кимпи́на ‚Flussinsel, Werder‘.

kan 2, укр. O; сюди мабуть: кана́р coll. ‚Schöpse, Böcke‘.

kanak, укр. O; сюди мабуть: через мадярськ. kankó ‚Bauernkleid‘ ка́нка ‚Kopfreif — Frauenkleid‘; або це належить також до *kamka.*

kanát, у замітку вставити: кана́т ‚Seil, Tau‘.

kándža, укр. O; сюди мабуть із народно-етимольоґічним опертям на *дзюб* ‚Schnabel‘ капдзю́ба ‚der Haken‘.

kânta, укр. O; канді́йка, конді́йка ‚eine Art hölzernes Gefäss — bauchiges Gefäss mit einer Schneppe, — zum Weihen des Wassers in der Kirche‘; остання форма оперла ся на кондак ‚kurzer Kirschenlobgesang‘; порівняй із цими словами рос. кандея́ ‚Kanne‘.

kantár, сюди ще: це́тнар ‚Zentner‘ 〉 со́тнар.

kanura 1, укр. O; сюди: ка́нур ‚Fetzen, Lumpen‘;

kanura 2, укр. O; сюди: кану́ра ‚Erdhöhle‘.

kaptur, сюди ще: хавту́ра ‚Überreste des Totenmahles‘; хавтур ‚Bestechung, — Pfarrereinkommen in natura‘; хапту́р, хаптура ‚dsslbe‘; народно-етимольоґічний звязок із: хапа́ти ‚schnappen‘; далї сюди ще: капту́р ‚Mönchskapuze, Frauenhaube‘; капту́рник ‚Mönch‘; у замітку вставити: капара́н ‚Mantel der Donaukosaken mit Ärmeln — порівняй сͅерб. kopòran ‚Art Kleid mit Ärmeln‘.

kapь — укр. O; сюди ка́пище ‚Götzenbild‘; із церковслов.

kapǫ́, kapati — сюди ще: с-ка́пати ‚unerwartet sterben‘; ка́пка ‚ein Bischen, ein Tröpfchen‘; капра́вий ‚triefäugig‘; відмінно: копра́вий ‚dsslbe‘; ко́пра ‚Augentriefwasser‘.

kára, сюди ще: ґа́ра ‚Fuhre, Wagenkiste‘; кару́ца ‚Kutsche‘.

karban, укр. O; сюди: скарбо́на, скарбо́нька ‚Geldkästchen in der Kirche, Gotteskasten‘; церк. вираз.

karda, укр. O; сюди: ка́рда ‚Eisenbürste zum Krempeln, Reinigen der Pferdehaare, Wollkratze‘.

kàrdūn, укр. O; сюди може: кардо́вник ‚Sparganium simplex; — ramosum‘.

karnéř, укр. O; сюди: карна́вка ‚Kirchenbüchse, Sparbüchse‘.

karpúz, сюди ще: гарбу́з а з нього польск. harbuz.

kartof'el': ґартофля є контамінація: ґара ,Wagenkiste zum Abführen der Kartoffeln' і картофля; карто́ха, карто́шка є вплив рослинних закінчень: -оха, -ошка, -ошки.

kasajǫ, kasati — (друкар. ошибка: kasati намість: kasaty); вставити до 1. за-каса́ти ся ,sich schürzen, — aufschürzen'; до 2. за-каса́ти кого́сь ,jemanden überholen (von Pferden)'.

kastřъ', укр. О; сюди: кастра́т ,Verschnittener'; каструва́ти ,kastrieren'.

kâšta, укр. О; сюди: ка́шта ,Kasten, Schriftkasten, Setzkasten'.

katrán, укр. О; сюди мабуть: катра́н ,eine Pflanze, crambe tatarica'; із перенесенням запаху на квітку.

katrъga, сюди ще: ка́терга ,dsslbe'.

kával 2, сюди ще: ,шту́ка і кава́лок'! ,eine nicht ganz glaubwürdige Erzählung'; із nhd. kabel: ка́белка, ка́балка ,mit Pech eingeschmiertes Tau, Seil'.

kavъka — сюди ще з відмінним вокалїзмом: ке́вкати ,krächzen'.

kéča, укр. О; сюди може: ке́ца ,zottige Wollendecke'.

kerván, укр. О: сюди: карава́н, карава́на ,grosser Wagen, Trauerwagen, einander folgende Reihen von Menschen, Wagen, Booten'.

kiló, укр. О; сюди: кила́ ,ein Mass'.

kina, укр. О; сюди мабуть: кинї́вний ,launig, kapriziös'.

kipa, укр. О; сюди: ки́па ,Ballen, dicke Frau, — ungeschickter Mensch'.

kizil, укр. О; сюди може: ки́злик ,eine Art Blume (Želechowski)'.

kladǫ, klasti 2 — неясне: не-кла́н ,Beiwort des wilden Ebers in der Fabel' пояснює Грінченко із каба́н-некла́н; каба́н-нїкла́н; каба́н-ікла́н і воно малоб значіння ,der Eber mit grossen Zähnen'.

klępъ — укр. О; сюди: кля́па ,alte Kuh'.

kloc укр. О; сюди: кльоц ,Baumklotz, Stamm; (waldtechnischer Ausdruck)'.

kločǫ, klokati, — укр. О; сюди: кльо́кати ,glucksen' кльо́чити, balzen'; кльо́ка ,Gluckhenne; kvok — лїпше поставити до *kvakati.*

klomb, укр. О; сюди: кльомб ,Blumenbeet'; із польськ.

klopъ 2 — укр. О; сюди: клоп ,Wanze'.

klъcajǫ, klъcati 2 — сюди ще із звуконаслїдуючими вставками: кла́цати ‚mit den Zähnen zusammenschlagen'; кла́нцати, кла́мцати ‚dsslbe'; кленца́к ‚Kernbeisser'.

knafel, укр. О; сюди: кно́пка, кно́пки ‚Knopf'.

kńukajǫ, kńukati — укр. О; сюди: за-книвча́ти ‚winseln'.

koka, укр. О; сюди: ко́ко ‚Ei, Kinderspr.'; коко-ру́дка із кокогру́дка ‚Klümpchen, Tannenzapfen'.

kolačь, до значіння: ‚radförmiges Festgebäck'.

kolędra, укр. О; сюди: каля́ндра, коля́ндра ‚Pflanze, coriandrum sativum'.

kolimogъ, сюди ще: колїмажар ‚Wagenschmiereverkäufer'; порівняй сербськ. kolimaha ‚Wagenschmiere'.

kolo — до замітки вставити ще: коля́са ‚Kalesche'.

kolt'ǫ, koltiti — до другого відділу вставити: колота́ти ‚klopfen, pochen (vom Herzen)'; кола́т, -ту ‚ein Klopfschlag'.

komolъ, укр. О; сюди: коме́ль, -мля́ ‚dickes Ende eines Balken'; комо́лий ‚hörnerlos'.

komora 3, укр. О; сюди: за-кама́рок ‚Schlupfwinkel, Versteck'.

komže 4, укр. О; сюди: камізе́лька, камізе́лок ‚Weste'.

konop'a + — замітити: коно́пля-коло́пня.

konъ — 1. за́-кі́н не означає ‚Beichte' а ‚heil. Abendmahl, Kommunion'. 3. сюди ще: ко́ньче, коне́чно ‚notwendig, dringend'.

kopa — до значіння: копа́ ‚Bund von 60 Garben'.

kopьje — до другого відділу вставити: копій, -ія́ ‚Münze'.

korab'ь + — сюди ще: карабе́ль ‚Schiff'; у замітку вставити до фінськ. karvas ‚kleines Ruderschiff' ще: карба́с ‚grösseres Boot'.

kormola + — сюди ще основа: коромо́ла ‚Verschwörung'.

korpavъ (**chorp-*) — укр. О; сюди: хра́павий ‚rauhrissig, uneben'.

korstělь (*chorst-) — укр. О; сюди хорості́ль, хорусті́ль ‚Wiesenschnarrer'.

kortъ — сюди ще вставити: два́-крат, три́-крат (із црквслов.).

korvajь — тут слїд замітити народну етимольоґію: корогвай із опертям на: корогва́ ‚Fahne'; порівняй значіння ‚Festgebäck'.

kostelъ 2, укр. О; сюди: каштеля́н ‚Burgverwalter-Senator'; каштеля́нство ‚Senatorenwürde' із польськ.

kostь — до другого відділу вставити ще (до порівнання із польськ. kostkać, koškać ‚in die Hände klatschen') ко́ськати ‚beruhigen; streicheln, — Pferde anlocken'; ко́ся ‚Pferd Kindspr.' кось-кось! ‚Interjection zum Anlocken der Pferde'; тому мабуть

ці слова ліпше поставити: *kosnǫ, kosnǫti,* бо вони розвились із поняття ,Pferde anrühren, streicheln'.

koš, до транскрипції: не koševój, а koševýj; далї сюди ще: коше́й ,dreigliedrige Kollonne, Haufen'.

kotъ 1 — до третого віддїлу: укр. О; сюди: кота́ра, Hürde, Umzäunung für die Schafherde, — Vorhang'.

kotъ 2 (**koty:*) ,ко́тва Lehnwort wegen *o*'; сюди однак ще вставити: кі́тва, кі́твиця ,Anker'.

kotʼǫ, kotiti — в другий віддїл вставити ще: котуля́ти ,wälzen'; далї сюди ще: кі́ткати ,kitzeln'.

kover, сюди ще фо́рми: кобе́р, -бра; кобе́рець ,Teppich'.

kovylʼь: укр. ковінька означає рід підкованої палки; але це значіння може бути не первісне.

kǫdrь — сюди із мадярськ. ще: кундо́сити, контоси́ти ,die Wolle krämpeln'; ку́ндель ,Hunderufname'.

krampuju, укр. О; сюди: крамплюва́ти ,krämpeln, die Wolle kratzen'; крампель ,Krämpel'; крампу́лець ,ein Teil des Webstuhles'.

krasa 3. — сюди ще: красота́ ,Schönheit'; красу́ля ,rotbraune Kuh'; кра́шанка ,Osterei'.

krešǫ, kresati: порівняй слов. kręmsati ,mit stumpfer Hacke hauen' із кре́мсати ,behauen — etwas verpfuschen'; чи це *-м-* не буде вплив *kremy, kremene* — бо ще й тепер в народї є звязок живий фрази: кре́мінь креса́ти ,mit dem Feuerstein Feuer schlagen'.

krękajǫ, krękati: – тут можна би вставити із поясненням, що наведені слова представляють форми із звуконаслїдуючими поправками, ще:

кра́нькати, кра́нкати ,krächzen, ächzen (Rabe)';
крунькати, кругунькати ,dsslbe';
кра́мкати ,krächzen';
кру́мкати ,dsslbe'; крумка́ч ,Rabe'.

krěkъ — укр. О; сюди належить: жабо-крякі́вка, та воно впало жертвою народної етимольоґії: крякати ,krächzen, — quaken' і означає: ,ein mit Fröschen angefüllter Teich'.

križь, неясне: по-чикри́жити ,zerstückeln, zerschneiden' я пояснив би так: кри́жити, крижа́ти ,kreuzförmig legen, — kreuzen' перемішалось в значінню із: криши́ти ,zerkrümmeln — zerschneiden', і вступило в контамінацію із: по-чи́кати ,zerschneiden, zerstückeln, (sehr oft gebraucht in der Kinderspr.)'. Або і правдоподобнїйше: по-чи́кати і по-криши́ти дали: по-чик-ришити,

а тому, що ріжуть часто хліб чи другі річі навхрест: *-ж-* із крижáти вплинуло на це слово і дало: почикри́жити; воно булоб отже подвійною контамінацією і властиво сюди і не належало би; сюди ще вставити: кряж ‚Rückenkreuz — Hügel'; кряжи́ти ‚schwer arbeiten, ohne den Rücken aufzurichten'.

krokajǫ, krokati — укр. О; сюди: крокотíй ‚Schlangenkraut'.

krugla, укр. О; сюди: кру́жка ‚Krug, Flasche — Armenbüchse'; народньо-етимольоґічний звязок із кружля́ти ‚im Kreise herumreichen', або кру́глий ‚rund'.

kruchъ — до етимоль. замітки: я роблю уважним на осамотніле: кру́нутися ‚sich beeilen, sputen'; коли би *крунути було ‚stampfen — schnelle Schritte machen', то його тут можна б використати.

krul'ǫ, kruliti — укр. О; сюди: крулáк ‚ein Haken'.

krustalь, укр. О; сюди: кристáль, криштáль ‚Kristallglas'.

krъcha, укр. О; сюди: крішка ‚ein Bischen, ein Bröckchen'.

kry, krъve — сюди ще: су-крóвиця ‚Blutwasser'; крéвний ‚Verwandter'.

kryjǫ, kryti — сюди ще: по-кри́вало ‚Decke'; скри́то adv. ‚heimlich'; криївка ‚Versteck'.

kšaft, укр. О; сюди: ґешефт, гешефт ‚Geschäft' (нове — властиво із жидівського жарґону).

küga, укр. О; сюди: кугá ‚eine starkriechende Seepflanze, Typha'.

kuka — укр. О; може сюда: кукáн ‚eine Schlinge, auf die Fische aufgehängt werden'.

kukolь, укр. О; сюди: ґу́ґля ‚Kapuze'.

kukuvika — сюди ще: кувáкати ‚quaken, kreischen', ку́вик ‚Eule'.

kuleb'aka, в укр. мові маємо від кулíш утворене: кулéба ‚stark durchgekochter куліш (Mehlspeise)'; із кінцївкою -яка було би тодї від цієї основи: росс. кулебя́ка; цим би було оце слово може пояснене; в звязку із: куліш я роблю уважним на рум. culeșă ‚Kukuruzpolenta'; в циганських говорах є gulysch, kulysch ‚Gekochtes — Gemischtes'; і чи не треба тут ще взяти на увагу мадярськ. gulyáshús, gulyas ‚Gulaschfleisch'?

kul'ǫ, kuliti — у другий віддїл належить ще: клигати ‚mit Mühe den Gang erhalten'.

kumajǫ, kumati — укр. О; може сюди осамотніле: скумáсно adv. ‚schrecklich'; це поняття могло би повстати через кінцївку -асний із *скумний.

kunkają, kunkati — укр. О; сюди ка́нькати ,jammern, wimmern'.

kursarь, укр. О; сюди в замітку: корса́р ,Seeräuber'; корсарство ,Seeräubertum'; гузар, гусар ,Husare'.

kutę, kutiti, укр. О; сюди: ску́ток ,Wirkung, Effect, Resultat'; скуто́чний ,wirkungsvoll, wirksam'; із польськ.

kvakają, kvakati, ліпше булоб взяти сюди kvok- із kločą, klokati, та злучити із kvik- із замітки kvičą, kvičati, в оден Lautnachahmender Stamm; порівняй до останнього ще: кві́кати ,winseln, schreien'.

kvękają, kvękati — укр. О; сюди із звукоуподібненням: кв́анькати ,quengeln, in winselndem Tone klagen'.

kvьrknę, kvьrknęti — укр. О; порівняй *cuŕę, curěti* — сюди: церкати, цвиркати, цвіркати ,zwitschern, piepen, zirpen'.

kъdьlo (?) — сюди: ко́дкати ,glucksen (von der Gluckhenne)'; отже ,aufziehen — grossziehen'.

kъchnę, kъchnęti — сюди ще з відмінним вокалїзмом: ках! кахи́! ,Interjection für Husten'; ка́хкати, кахи́кати, каха́кати ,husten'.

kъltają, kъltati, сюди ще: ковтки́ ,Ohrgehänge'.

kъmetъ + — сюди ще: кметува́ти ,überlegen, nachdenken'; кметли́вий ,vernünftig'.

kъpъ — сюди ще: кпи́ти, кпили́ти ,jemanden zum Narren halten, verspotten'; кпи, кпи́ни ,Spott, Hohngeberde'.

kъrkają, kъrkati — укр. О; сюди: ко́ркати, коркота́ти ,gackern';
ки́ркати ,von der Henne: aufschreien beim Flattern';
ку́ркати ,brummen (im Bauch)'.

kъrsъ — сюди ще: ко́рса ,von Natur gekrümmter Baum (an einer Seite nur), der bearbeitet und als Schlittenkufe benützt wird'.

kъsenьćь — в другий віддїл вставити ще із розвитком поняття ,Gewimmel — Brausen'; куш-потї́ти ,brausen — sausen'.

L.

lābām, укр. О; сюди: лайба ,Schlampe'; лабзюкати ,plappern, betteln'; ля́бдати ,plappern, schwatzen'.

lad, укр. О; сюди: ла́да ,Lade, Kasten'.

lagun укр. О; сюди: лагу́н ,Teerfass der Salzfahrer — Tschumaky'.

lagъvь + — укр. О; сюди (або контамінація із *lachań*): лагане́ць ,eine Art Büchse, Gefäss mit Reifen'; лагано́к ,Fässchen aus einem ausgehöhlten Baumstumpf'.

lala, укр. О; сюди (із рум.): лельо ,Väterchen, schmeichelnde Anrede an höhere Personen'.

laloka, укр. О; сюди може: лялькó ,Linse im Auge'.

lapajǫ, lapati 2 – укр. О; сюди: лапотáти ,plappern, schwätzen'; далї сюди: ля́пати ,plätschern, plappern'; ля́пас ,ein Schlag, Ohrfeige'; ля́пкати ,klatschen, spritzen – klopfen'; порівняй: хляпати.

lecijan, укр. О; із наведеного рум. dințură, dinzură є: джинджу́ра, джинджóра ,Pflanze, Gentianae'.

lelьkъ — тут вставити:

лелéкати ,stöhnen, ächzen'.

лулу́кати ,ächzen, krächzen (Eule, Kauz).

лолотїти ,brausen, schäumen (Wasser).

У цьому звязку: лелéка ,Reiher, Storch' не робить вражіння чужого слова.

lekořice, укр. О; сюди: люкрéція ,Süssholz, Lakritzensaft, Bärenzucker'; із польськ.

lemęzъ — укр. О; сюди: лéмза ,Herumschwärmer'; порівняй до значіння польські слова.

léno, укр. О; сюди: лéно ,Lehen'; ленник ,Lehensmann'; лéнча прися́га ,Lehenseid'.

lever, укр. О; сюди: лївáр, лї́вер ,Stechheber'.

levhart, укр. О; сюди: лямпáрт ,Leopard'; із польськ.

lędo — укр. О; сюди: лядо ,erhöhter Platz im Walde, bewachsen mit schlanken Tannen'; ляди́на ,Tanne, die hier wächst'.

lędvьja — сюди передовсїм: по-ля́двиця ,Lendenbraten'.

lęgǫ, legti — до спеціялїзованого значіння ,weithin ertönen, sich schallend verbreiten' вставити: розлягати ся (голос, гомін, крик) ,widerhallen'.

lěpъ 2; lěpǫ, lěpiti — сюди ще вставити в осібний відділ: при-липáти, ли́пнути ,klebrig sein';

lětь 2 — укр. О; сюди: за-льóти ,Kurmachen, Liebeleien'; із польськ.

libajǫ, libati — укр. О; сюди можна би поставити: ли́бати ,langsam etwas schnappen'; ли́бати очи́ма ,mit den Angen werfen'; ли́бити ,aufheben — sammeln'; либонїти ,wimmern'.

lib'ǫ, libiti 1 — укр. О; сюди: лїбéць ,Stange mit einem Köder zum Krebsfang'.

lifk, укр. О; сюди: лéйбик ,Jacke, Leibchen, — besonders Frauenleibchen'; роз-лéйбаний ,mit offenen Kleidern, zerzaust'; послїдне слово може належить до *läbām.*

likъ 2; lice — до ,Nominale Ableitungen' ще вставити: поличник ,Maulschelle'; об-личчя ,Angesicht'.

lipa — до значіння: ли́пень ще ,Lindenhonig'.

litra, до рос. литра ще вставити: лїтра ,Liter'; далї: лїбра (лїбра паперу) ,12 Bogen Papier'.

lobъžǫ, lobъzati, у другий віддїл вставити: лабу́знитись, підлабу́знюватись ,sich einschmeicheln, den Hof machen'; лабза́ ,Bettler'.

loktuše, укр. О; може сюди: лanту́х ,ein Kopftuch der Frauen' з laken-tuch; але воно може бути також із: Leintuch.

lonьćь — укр. О; може сюди: лонька; значіння неясне; Грінченко переводить ,Löffel', — але так само може бути ,Topf'.

lötar, укр. О; сюди: лотр, ло́дер ,Taugenichts, Lump'.

ludiť, укр. О; сюди: лютува́ти, за-люто́вувати ,löten'.

lugá, укр. О; сюди: луг ,Lauge'.

lulá, сюди передовсїм основа: люла́ ,grosse Pfeife'.

luna 2, укр. О; сюди: лу́нути ,plötzlich umkommen, sterben'.

luža, укр. О; сюди: лу́жа ,Pfütze, Kotlache'.

lyskař, укр. О; сюди: риска́ль ,eiserner Spaten'.

Льондон 12. IV. 1924.

Роман Смаль Стоцький.

Bartoloměj Kopitar a Pavla Josefa Šafaříka Geschichte der slawischen Sprache und Literatur.

Z Bratislavy zajížděl často Šafařík do Vídně, zde setkal se nejednou s B. Kopitarem, počal si s ním dopisovati a zdálo se, že mezi oběma vyvine se co nejužší poměr přátelský. Jméno Šafaříkovo bylo jistě dobře známo Kopitarovi, neb náš mladý učenec ještě za svého pobytu v Jeně přispíval verši a články do Hromádkových Prvotin pěkných umění. V nich neušel asi pozornosti vídeňského slavisty Šafaříkův příspěvek »Promluvení k Slovákům«, otištěný zde 1/I. 1817. Již jeho počátek, kde autor Slovákům dává za příklad Srby, prozrazuje vliv Kopitarův. Mezi Srby probouzejí národnost Raićové, Jankovićové, Solarićové a jiní, v Mušickém oživují srbští Pindarové a v srbských lidových písních z mrtvých vstávají rapsodové homerští. To připomíná velmi silně Kopitarův článek: »Blick auf die slavischen Mundarten, ihre Literatur nnd die Hülfsmittel sie zu studieren«, otištěný ve Wiener Allgemeine Zeitung 1813, str. 542. Na tuto shodu upozornil ruský znatel Kopitarovy vědecké činnosti N. Petrovskij.[1]) Nebyl to však jediný pramen Šafaříkův pro jeho Promluvení, sám zde doporučuje svým čtenářům, chtějí-li se přesvědčiti o ceně lidových srbských písní, aby si přečetli, co o nich napsal vídeňský recensent v březnu r. 1816. Jest to Kopitarova recense Vukovy Narodne Srbske Pěsnarice.[2]) Šafařík podobně jako Kopitar cituje tu výrok Leakův o jazyce novořeckých lidových písní a aplikuje jej pak na své slovenské krajany, řka, že Slovák může se přiučiti svému jazyku jen ze slovenských lidových písní, poněvadž drsnatý jazyk učených spisovatelů (míní tím české spisovatele) není jazyk prostého lidu. Připojil k tomuto svému článku Šafařík jako ukázku několik slo-

---

[1]) Pervyje gody dějatelnosti V. Kopitarja. Kazaň, 1906, str. 611—612. Jmenovaný článek jest přepracován ze staršího článku Kopitarova Patriotische Phantasien eines Slaven (Kleinere Schriften str. 61—70) a byl přeložen Jungmannem do češtiny a otištěn v Prvotinách r. 1813 č. XVII. str. 65: O slovanských nářečích a prostředcích jim se naučiti.

[2]) Wiener Allg. Z. 8/III. 1816, Kleinere Schriften str. 347, Petrovskij op. cit. str. 600—612, Stojanović: Život i rad Vuka Stef. Karadžića str. 109.

venských písní a promlouvaje o jejich pravopise, podotýká, že se naň nebudou horšiti ani Dobrovský ani Kopitar. Závislost Šafaříkova na Kopitarovi, zjištěná Petrovským, jest dosti značná a jest jen malou ukázkou vlivu vídeňského slavisty na našeho učence v jeho Geschichte. Práce Kopitarovy a Dobrovského byly v této době skutečně jediným pramenem, odkud mohl Šafařík čerpati spolehlivé poučení. V obou tehdejších představitelích slovanské vědy viděl jistou a pevnou autoritu vědeckou. Petrovskij uvádí na různých stránkách svého obšírného spisu shody mezi pracemi Kopitarovými a tímto dílem Šafaříkovým. Nevysvětloval bych vždy stejné myšlenky jako vliv Kopitarův, zvláště ty, jež mohl si při svém studiu Šafařík osvojiti jiným způsobem. Myšlenka zpěvnosti, melodičnosti slovanských jazyků a fakt, že Rusové a Srbové zanedbávali[1]) a zanedbávají svůj domácí jazyk v písemnictví, není lze považovati za takové přejetí, zvláště, když myšlenka o libozvučnosti a zpěvnosti byla všeobecně známa u našich buditelů a když uvedený fakt o zanedbávání domácího jazyka mohl Šafařík docela dobře poznati v svém působišti novosadském. Proto také není lze souhlasiti s Petrovským, praví-li na str. 175 svého spisu, že Šafařík opakoval v Geschichte str. 42 myšlenku, o schopnosti slovanských jazyků napodobiti staroklasická metra z Kopitarovy mluvnice str. 256. Šafařík byl již o tom dříve přesvědčen, mluví pro to Počátky českého básnictví a také i ta okolnost, že již r. 1820 brzy po svém příchodu do Nového Sadu pomýšlel na zavedení časomíry v srbském básnictví.[2]) Kdekoli mluví v Geschichte o časomíře, nikde se o Kopitarovi nezmiňuje, tedy myslím, že v tomto ohledu jest každý vliv se strany Kopitarovy vyloučen. Mimo to musí se uvážiti, že mluvnici Kopitarovu neměl ještě v ruce ani roku 1823, o čemž bude řeč později. Všude, kde doporučuje Slovanům časomíru, mluví samostatně, jako by to bylo jeho přesvědčení. Jediné mohli bychom připustiti, že snad o této otázce mluvil s Kopitarem ve Vídni, to však jest pouhá domněnka, odnikud nedoložená.

Jinak jest tomu, tvrdí-li Petrovskij na str. 744, že Kopitarova stať »Blick« poskytla Šafaříkovi plán pro jeho Geschichte. Nachází pro to bezpečný důvod v nadpise této stati Kopitarovy a jeho českém přeložení, jehož jen malou obměnou jest původní název tohoto spisu Šafaříkova, uvedený v jeho dopise Palackému z 22/IV. 1817: Krátká historie literatury slovanské dle všech nářečí s připomenutím pro-

---

[1]) Geschichte Šafaříkova str. 39, 61; Petrovskij op. cit. 252, 255.

[2]) Paul: Úsilí českých buditelů zavésti časomíru do jihoslovanského básnictví. Slavia II. str. 335.

středků jim se učiti.[1]) Správně usuzuje Petrovskij: Dobrovského Slavín a Slovanka nemohly podati Šafaříkovi uceleného obrazu všech slovanských literatur, nemohly mu tedy tyto dva jinak důležité sborníčky býti ani vzorem ani hlavním pramenem, zvláště, když sám Šafařík na str. 70 praví: gehaltvollen Umriß der slawischen Gesammtliteratur haben die Herrn Kopitar und Rakowiecki geliefert«, a když mezi prameny uvádí také onu stať Kopitarovu.

Šafařík, dohotovuje svou Geschichte a připravuje ji k tisku, neměl po ruce všech nutných knih, sháněl se po nich, jak viděti z jeho korespondence s Kollárem, Hamuljakem, Vukem a jinými. Roku 1823 neviděl ještě Kopitarovy mluvnice a rád by byl měl aspoň výtah z jeho recense Dobrovského Institutiones,[2]) vyšla ve vídeňských Jahrbücher der Literatur 1822, XVII, str. 66—107. Petrovskij, pokud to spadá v rámec jeho studie o činnosti Kopitarově, uvádí tato paralelní místa neb myšlenky z uvedených spisů obou našich slávistů a pokládá je u Šafaříka za přejaté z Kopitarovy mluvnice:[3])

1. Šaf. str. 64: slovanský kmen »nur noch der Stufen der ästhetischen und wissenschaftlichen Cultur ermangelt, auf der einst die Griechen standen, um diesen in der Realisirung der Idee eines reinen Menschenthums nahe zu kommen«. Kopitar str. XI—XII: »was vermisst dabei der Philosoph, selbst zum Ideale eines Erdbürgers, als-wissenschaftliche Cultur«.

2. Šaf. str. 35: jazyk není vinen germanismy, které se v něm vyskytují, tím vinni jsou spisovatelé. V tom smyslu se vyslovil i Kopitar str. 215.

3. Šaf. str. 40 cituje chybně jeden verš Goethův, podobně jako Kopitar na str. 256.

4. Petrovskij poukazuje, že oba rádi citují[4]) Herdera a Schlözera a že oba mluví o božském požehnání, jehož se dostalo Slovanům vynalezením písma. Šafařík na str. 59 uvádí slova Kopitarova v uvozovkách »die göttliche Wohlthat der Buchstaben, diese Vorbedingung aller Cultur« (Kopitar str. XV.), ale Š. neříká, odkud tento citát vzal.

---

[1]) Petrovskij op. cit. 265 a n. Osvěta 1895 str. 118, Korespon. a zápisky Fr. Palackého II. str. 13—14.

[2]) Dopisy Šafaříkovy Kollárovi z 2/II. a 24/V. 1823. ČČM. 1873 str. 133, 139.

[3]) Petrovskij op. cit. str. 121—122, 166, 175, 197.

[4]) Šafařík na str. 16 cituje totéž místo z Herdera jako Kopitar na str. XI Oba v úvodě, mluvíce o velikosti slovanského plemene a rozlehlosti jeho sídel odvolávají se na Schlözera, Šaf. str. 1. Kop. str. III.

K tomu, co jsem našel u Petrovského, připojil bych ještě jeden důkaz vlivu Kopitarova na Šafaříka. Kopitar usiloval o to, aby Slované píšící latinkou sjednotili se v pravopise, měl k tomu samého Dobrovského, od něho požadoval, aby se stal druhým Cyrilem a také v své mluvnici na str. 15 píše: že překážky, které v tisku působí různá označení slovanských hlásek (míní tím písmena s nadřádkovými čárkami neb háčky), byly by se odstranily, »wenn sich nur einmahl die Gelehrten der lateinisch-schreibenden Slaven-Hälfte zu einem gleichförmigen Alphabeth verstehen könnten«. Podobně soudí i Šafařík na str. 69 svého spisu, kde ovšem praví, že, co se jeho týče, dává přednost cyrilské před latinskou, neb: nach meiner innigen Überzeugung das kyrillische Alphabeth sich mehr zu einer Pasigraphie für Slawen eigne, als das lateinische«. Kopitar na str. XXV. svého spisu ukazuje, jak různě píší spisovatelé dalmatští na př. Della Bella a Voltiggi. Také Šafařík při chorvatských spisovatelích, hlavně při slovníkářích všímá si otázky pravopisné na př. při Mikaljovi (str. 254) Della Bellovi (str. 256) Voltiggim (str. 260) a Jambrešićovi (str. 269).

Mnohé z těchto shod, kdybychom je posuzovali bez ohledu na stejné citování veršů Goethových a na stejný zájem Šafaříkův s Kopitarem o slovanský pravopis latinskými písmeny, jsou takové, že i zde by se mohlo říci a tvrditi, že jsou to shody náhodné, k nimž Šafařík mohl dospěti také jiným způsobem. Uvážíme-li však za jakých poměrů pracoval Šafařík svou Geschichte či lépe řečeno ji kompiloval, neváháme v nich viděti stopy vlivu vídeňského slavisty. V této domněnce nás pak posilují i četná doslova opsaná místa v díle Šafaříkově z Kopitarovy mluvnice. Uvedu pouze příslušné stránky, po případě i řádky obou spisů míním, že to postačí, aby se závislost Šafaříkova na spise Kopitarově viděla:

1. Šaf. str. 64, ř. 15 — str. 65, ř. 5, Kop. str. XX, posl. ř. — XXII, ř. 11.
2. Šaf. str. 65, ř. 5—29, Kop. str. XXV, ř. 2 — str. XXVI, ř. 8.
3. Šaf. str. 279—280, Kop. str. XXXIII—XXXIV.
4. Šaf. str. 284—286, Kop. str. XLI—XLVII.

Šafařík neudává podrobně stránky Kopitarova spisu, stačí mu říci na př. XX ff. Aby snad i přes to nebylo mu vytýkáno, že jest plagiatorem, v poznámce na str. 288 doznává, že z tohoto spisu Kopitarova »ein großer Theil der gegenwärtigen Zusammenstellung wörtlich entlehnt worden ist«.

Také Pražák v svém spise Dějiny spisovné slovenštiny po dobu Štúrovu[1]) shledává ve výroku Šafaříkově: Das slowakische bildet den Übergang von der böhmischen zur windischkroatischen Mundart von der Ordnung *A* zur Ordnung *B* (str. 375), shodu s Kopitarem, který na str. XX. praví, že všech pět hlavních slovanských dialektů může se rozděliti do dvou skupin: k jedné z nich patří ruský, chorvatský a ilyrský jazyk, k druhé pak český a polský a pokračuje: »der Slovake in Ungern würde das Übergangsglied ausmachen und folglich die Erlernung dieses Unterdialekts die aller übrigen erleichtern«. Ani zde nemůže býti nijaké pochybnosti, odkud Šafařík čerpal.

Z knihy Šafaříkovy se přesvědčujeme, jak si Šafařík mnoho vážil Kopitara; jeho poznámky o cyrilici nazývá důvtipnými (str. 94 »scharfsinnig«), staví Kopitara mezi přední slovanské pracovníky (str. 65, 125), uznává jeho zásluhy o správné popsání knih jihoslovanských protestantů (str. 243, 266, 283) a zvláště nadšeně vyslovuje se o jeho mluvnici na str. 286, ona dělá v kraňské literatuře epochu a dodává, že p. Marcus »willkürliche Neuerungen werden bald vergessen werden«.[2])

Ještě v krátkosti promluvíme o dvou recensích Kopitarových, z prvé, v níž Kopitar recensuje spis Dobrovského o slovanských učitelích Cyrilu a Metodu, cituje Šafařík str. 85 místo, kde tento prohlašuje papežské listy dané Metodovi za nepravé a pochybuje o vysvěcení Metodově na biskupa moravského a pannonského. Více použil Kopitarovy recense o Dobrovského Institutiones, z ní na str. 103—105 uvádí Kopitarovo mínění o vlasti cirkevní slovanštiny, pak na str. 115 poukazuje na srovnání řeckého a slovanského jazyka, pokud se v řeckém jazyce a řecké topografii slovanská slova vyskytují. Odvolává se na ni na různých stránkách na př. 125, 133, 241 a podle ní píše o nové bulharštině na str. 223 a o zlomcích frisinských na str. 276.

Kopitar, dopisuje si s Šafaříkem, dobře věděl o díle, které hotovil jeho novosadský přítel, který se na něho nejednou obratil s prosbou,[3]) aby mu zaopatřil tu neb onu knihu. Zajímal se tedy o ně a sám napsal Šafaříkovi dopis o slovinské literatuře; přišel však již příliš pozdě a tak z něho mohl Šafařík jen něco v svých dodatcích použíti: Píše o tom Vukovi dne 7/XI 1825:[4]) »... daß ich

[1]) Str. 197.
[2]) Také charakter řeči slovinské popsal Šafařík str. 274-5 podle Kopitara str. XXXVI, 457 a na str. 278 cituje jedno místo o Truberovi z Kopitarovy mluvnice str. XXXIII, XVI.
[3]) Vukova Prepiska IV. 619, 642. — [4]) Tamtéž IV. str. 622.

des Herrn Kopitar Schreiben mit einigen Nachtragen für die slovenische Sprache und Literatur erhalten habe. Zwar ist der Abschnitt über die slovenische Sprache etc. schon gedruckt; ich habe das Mitgetheilte dort bereits — bis auf den Herrn Ravnikar, dessen Verdienste ich in dem Nachtrag auszeichnen will — angeführt. Dessen ungeachtet danke ich dem Herrn v. Kopitar für die gütige Mittheilung«. Šafařík otiskl skutečně zprávu o Ravnikarovi.[1])

Ač Šafařík v otázce vlasti církevní slovanštiny a v otázce stáří písma hlaholského byl nakloněn dáti za pravdu Dobrovskému, přece Kopitar byl s touto knihou spokojen, píše na př. Koeppenovi 20./IV. 1826: »Schaffariks Geschichte der sl. Liter. nach allen Mundarten ist recht reich und brav«, a 12./VII. t. r. opět se vyjadřuje: Schaffarik geffällt mir im Ganzen auch recht sehr, wiewohl Dobr. ihn für einen Phrasendrechsler hält«.[2]) Sám však Dobrovského k tomu měl, aby recensi o této knize napsal, píše Dobrovskému 3./V. 1826: Feceris bene et recte, si, praeter Libussam et alia ridicula, quae Šaffarik communia habet cum Jungmann et ipso Palacký, illius aut potius metropolitae calumnias de finibus (Absichten) litteraturae ex parte Sanctissimi Pontificis correxeris«.[3]) Dobrovský tomu vyhověl jen částečně, hlavně v své recensi obrátil se proti Libušinu soudu a proti názoru Šafaříkovu o slovanské metrice. Kopitar ujišťoval Šafaříka, že bude tato recense »potěšná a laskavá« a v únoru 1827 mu psal: »In proximis Jahrbücher 1827 recensuit te et Jungmann cum severa benevolentia patriarcha«.[4]) Recense byla dosti ostrá, Kopitar však ji zmírnil, píše o tom Vukovi 29./VIII. 1836:[5]) »Dobr. hat eine ziemlich strenge Rec. des Buches vom Šaf. u. Jungmann eingesandt, die ich gemildert habe, ohne jedoch an den gegründeten Ausstellungen u. Verbesserungen etwas zu ändern«. Z toho všeho jest viděti, jak Kopitar smýšlel o tomto prvém větším díle Šafaříkově a jak nechtěl, aby snad ostrým posudkem Dobrovského nebyl odvrácen od další své práce. Může se říci, že Kopitar jistě již tenkráte mnoho dobrého od Šafaříka očekával ve prospěch slovanské vědy. Nesouhlasil s Dobrovským, když mu tento 23./VI. 1826 napsal: Schaffarik ist ein unseliger Abschreiber und Phrasendrechsler.

Jiná zásluha Kopitarova o tento spis Šafaříkův spočívá v jeho snaze, aby mu získal předplatitete a aby známost o něm byla roz-

---

[1]) Geschichte druhé vyd. str. 287 ř. 16.
[2]) Jagić Briefwechsel I. str. 696, 701.
[3]) Tamtéž I. str. 542.
[4]) Polívka ČČH. I. str. 172 srv. K. Jireček Osvěta 1895 str. 795, ČČM. 1874 str. 75.
[5]) Vukova Prepiska I. str. 288.

šiřena nejen mezi Slovany, nýbrž i mezi jinými národy. Podařilo se jemu samému opatřiti deset předplatitelů[1]) a sám staral se o jeho poslání německým recensentům a jiným.[2]) Hamuljak připisuje k dopisu Vukovu Kopitarovi z 15.—27./V. 1826 několik řádek: »Die 12 Ex. der Schaffarik'schen Geschichte sind zum verschenken an jene russ. u. poln. Herrn Literatoren bestimmt, welche Ew. Wohlgeboren selbst meinen werden«.[3]) Také Kopitar Vuka pobádal, aby knihu tuto svým ruským přátelům poslal. Vuk tak učinil[4]) a také polského filologa Bandtkeho[5]) na ni upozornil. Vuk sám se o to přičinil, aby mezi Srby byla co nejvíce poznána. O tom mnoho důkazů podává jeho korespondence.[6])

Touto účastí přímou i nepřímou na Šafaříkově Geschichte osvětluje se nejlépe jejich přátelský poměr v druhé polovici dvacátých let minulého století. Zde je nejlépe dokumentována ochota Kopitarova podporovati Šafaříka v jeho vědeckých pracích. Jestliže však Kopitar pobízel Dobrovského, aby zkritisoval vedle Libušina soudu i jiné podvrhy, nebylo to namířeno proti Šafaříkovi, nýbrž proti pražským vlastencům, k jichž kruhu vlastně tehdy Šafařík ještě nepatřil. Kopitar věděl dobře, že Šafařík čerpal mnoho poučení z jeho prací a proto mohl právem psáti Vostokovi, že Šafařík je jeho žák.[7])

K. Paul.

---

[1]) Polívka ČČH. I. str. 173.

[2]) Vukova prepiska I. 276, 279, Poslal ji na př. Bowringovi srv. dopis Šafaříkův Bowringovi z 17./XII. 1826, Věstník K. C. Spol. Nauk. 1912 str. 15.

[3]) Vukova Prepiska I. str. 272. Srv. dopisy Hamuljakovy Vukovi Prepiska V. 319 a n. Šafařík ponechával Kopitarovi na vůli, aby je poslal, komu by chtěl. Vukova Prepiska I. str. 280—281.

[4]) Vukova Prepiska dopisy Vuka a Koeppena III. str. 556, 564.

[5]) Vukova Prepiska V. 434—438. Francev Pol. Slavjanověděnije str. 163. Paul P. J. Šafařík a Poláci Sbornik prof. J. Máchala str. 59, Vuk St. Karadžić a Poláci, Slavia IV. str. 271.

[6]) Srv. dopisy Vuk-Brlić, V. 98, 106, 216, 119, D. Davidović II. 75, 77, 79, 581, Dragosavljević V. 235, Adelung III. 444, Gagić III 10. 11, 13, 14, Vladisavljević IV. 361, 371, S. Ilić IV. 310, 318, vše ve Vukově Prepisce v uvedených svazcích.

[7]) Vostokova Perepiska str. 349.

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.[1]

(Fortsetzung.)

IV.

Fortschritte der Gegenreformation in der Schrift ınd in der Begründung einer gemeinsamen Schriftsprache. Bartholomaeus Kašić. Namen ür die Schriftsprache. Verschlechterung der Sprache der Kirchenbücher.

Wenn wir die literarische Tätigkeit der südslavischen Re-ormation und *Gegenreformation* vergleichen, können wir *ge-visse Fortschritte* bemerken. Die Protestanten legten infolge hrer Herkunft besonderes Gewicht auf glagolitische Drucke, gaben cyrillische auf und endeten mit lateinischen; in Rom trug nan jedoch den faktischen Verhältnissen mehr Rechnung, be-gann mit lateinischen (1582) und cyrillischen (1583), ließ glago-itische notgedrungen[2]) erst nach Jahrzehnten folgen (R. Le-akovićs Nauk karstjanski, eine Übersetzung des Katechismus Bellarminos, erschien 1628) und beschränkte sich auch da meist uf Bücher, die für den römisch-katholischen slavischen Ritus notwendig waren. Es ist ganz falsch, wenn sogar ein Philologe om Range St. Novakovićs meint, man habe in Rom auch die yrillische Schrift der bosnischen Franziskaner „nicht halb so ern gesehen wie die oberdalmatinische Glagoliza". Richtig ist las Gegenteil, denn man wußte in Rom ganz gut, daß die cy-illische Schrift viel mehr verbreitet und daher für die Union-estrebungen ersprießlicher war als die „viel schwierigere" gla-golitische.[3]) Überhaupt hatte man in Rom gar keine Bedenken gegen die cyrillische Schrift, auch gegen ihren „serbischen Cha-

---

[1]) S. Slavia IV. 499 f., 684 f.

[2]) Vgl. a. a. O. 516.

[3]) Istorija srpske književnosti, 2. Aufl., 167.

rakter" [1]) nicht, ebensowenig wie gegen die Lettern der protestantischen Druckerei von Urach-Tübingen,[2]) mit denen ,,Nauk karstjanski" im J. 1628, ,,Azbukividnjak" 1629, Missale 1631 und ,,Izpravnik" 1635 gedruckt wurden;[3]) ihre Herkunft wurde allerdings von der Propaganda verschwiegen, doch im Brevier vom J. 1648., für das sie neue Lettern angeschafft hatte, ließ sie anmerken: ,,Illyrici typi A. D. Ferdinando II. ... Congreg. de Propaganda Fide ... donati." Man betrachtete in Rom das glagolitische und cyrillische Alphabet als ,,slavisch" (pismo slovinsko" kehrt häufig wieder) oder ,,illyrisch",[4]) druckte beide nebeneinander ab,[5]) schätzte ihre Vorzüge gegenüber der damaligen unbeholfenen [6]) und verschiedenartigen lateinischen Graphik,[7]) bevorzugte aber im Gebrauch außerhalb der Kirche immer mehr die cyrillische Schrift als die leichtere und praktischere, so daß sich derselben auch glagolitische Priester bedienten.[8]) Nichts ist bezeichnender für die Wertschätzung der beiden Alphabete in Rom als die Tatsache, daß die serbokroatische Bibelübersetzung des Jesuiten B. Kašić im ersten Drittel des 17. Jahrh. auch deshalb nicht gedruckt wurde, weil sich nach dem Gutachten der Revisoren nicht ,,mit den Buchstaben des hl. Hieronymus oder des hl. Cyrillus" geschrieben war.[9])

Natürlich haben die bosnischen Franziskaner auch die ,,serbische Unzialschrift" nicht ,,aus religiöser Angst" gemie-

---

[1]) Vgl. ein römisches Gutachten aus dem J. 1627; La Bucuizza serve in pochi paesi et è più difficile della ciuriliza e quelli, che adesso si servono della Bucuiza più volontieri si serviranno della Ciuriliza. Starine B. 24., 18.

[2]) Vgl. Sim. Budinei Breve istruzione per imparare il carattere Serviano e la lingua Illyrica, sive brevis instructio ad condiscendum characterem Serbicum et linguam Illyricam. Venetiis, 1597. Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. II. 100.

[3]) Fr. Kidrič, Naši Zapiski VI. (1909), 172.

[4]) Starine B. 24., 18.

[5]) So im Azbukividnjak slovinskij von R. Levaković (1629) und Bukvar slavenskij von M. Karaman. Šafařík Gesch. d. südsl. Lit. I. 163—164, II. 100.

[6]) In dieser Hinsicht sind auch die bosnischen Franziskaner nicht frei von Mängeln, indem sie der lateinischen Graphik des Serbokroatischen auch in cyrillischen Drucken so weit folgten, daß sie erweichtes l und n durch ein vorgesetztes cyrillisches ћ, das italienische gl und gn nachahmend, bezeichneten.

[7]) So suchte B. Kašić seine lateinische Graphik mit der glagolitischen und cyrillischen in Einklang zu bringen. M. Stojković, Rad B. 220, S. 244, 263.

[8]) Schon an der Scheide des 14. und 15. Jahrh. kommt in einer Handschrift von Tours, die von einem nach Frankreich verschlagenen Priester *Georgius de Slavonia* oder *de Rain* (Rann, slovenisch Brežice) neben glagolitischen und lateinischen Texten ein cyrillisches Alphabet vor, das ein Diakon Pavel aus Krbava (Kroatien) schrieb. L. Leger, Jagić-Festschrift, 116; M. Kos, Slavia III. 370—394

[9]) M. Stojković, Rad B. 220, 256.

den,[1]) sondern machten in den westlichen, vom byzantinischen Traditionalismus freieren Gebieten, die unter dem Einfluß der glagolitischen und lateinischen Graphik ausgebildete cyrillische Lapidar- und Kursivschrift auch zu ihrer Bücherschrift.[2]) Ihre Klagen über die Seltenheit und das Verschwinden dieser Lettern in den Buchdruckereien Italiens[3]) sind aber wörtlich zu nehmen, denn begreiflicherweise waren nicht leicht gute Setzer zu finden,[4]) für solche fremde Schriften gab es auch damals erhöhte Sondertarife und die Lettern konnten ohne Nebenabsichten in Verstoß geraten, weil sie verhältnismäßig doch selten gebraucht wurden. Nach der Erfindung der Buchdruckerkunst konnte in solchen Grenzgebieten nach der glagolitischen auch die cyrillische Schrift mit der lateinischen nicht leicht konkurrieren.[5]) Trotzdem hielten die Franziskaner an dieser bosnisch-cyrillischen Schrift ungemein fest, so daß ihr Provinzial noch 1737 die lateinische selbst zum Privatgebrauch *verbot*, denn auch die Buchstaben seien eine den Völkern gespendete Gabe Gottes,[6]) bis im 19. Jahrh. auch sie den übrigen Kroaten in der Annahme der lateinischen Schrift folgten. Übrigens war die bosnische cyrillische Schrift auch den Orthodoxen und Mohammedanern geläufig[7]) und bei den letzteren wird sie noch heute in Begsfamilien von Frauen gehütet, mit denen Söhne mit Hochschulbildung und kroatischer Gesinnung noch in ihr korrespondieren müssen.[8]) Aus dem Ganzen ersieht man, daß *religiöse*

---

[1]) St. Novaković o. c. 168. Übrigens ließ Stiepan Matijević seinen Ispoviedaonik in der gewöhnlichen cyrillischen Schrift 1630 in Rom in der Druckerei der Propaganda drucken. Šafařík, Gesch. der südsl.Lit., II. 214.

[2]) Proben der bosnischen und gewöhnlichen cyrillischen Bücherschrift vgl. bei D. Prohaska, Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegowina, 12. Vgl. auch Ć. Truhelka, Bosančica, S. A. aus Glasnik zem. muzeja u Bosni i Hercegovini, B. IV. (1899). Aus seiner Darstellung, die aber nicht immer auf Beifall der Philologen rechnen kann, ersieht man auch, daß die Ausbildung dieser bosnisch-cyrillischen Schrift eine lange Geschichte hat.

[3]) Prohaska o. c. 16.

[4]) Vgl. die Klagen M. Divkovićs, Bosanski Prijatelj, I. 29.

[5]) In ähnlicher Weise trägt heute zur Verbreitung der lateinischen Schrift die Schreibmaschine bei. Eine Maschine, mit der man nur serbokroatisch in cyrillischer Schrift schreibt, ist natürlich weniger brauchbar als eine solche, mit der man außer serbokroatisch und slovenisch auch französisch, deutsch und englisch, unter Umständen auch čechisch und polnisch schreiben kann.

[6]) Cum etiam litterae dona Dei sint specialiter nationibus et linguis datae, quae multis non dantur, si contemptores horum donorum efficiemur, majoribus etiam donis privabimur. Batinić, Djelovanje franjevaca III. 101.

[7]) Ć. Truhelba o. c. 18.

[8]) Der von Ć. Truhelba erwähnte Individualismus gehr so weit, daß sogar in einzelnen Begsfamilien besondere Zeichen üblich sind, wie ich mich noch 1913 in der Herzegowina überzeugen konnte. Um so mehr ist es daher begreiflich, daß

Momente[1]) *bei Erklärung der Schriftfragen unter den Südslaven mit Vorsicht zu gebrauchen sind und daß sie in den Zeiten der Gegenreformation für eine Zurückdrängung der cyrillischen Schrift ganz gewiß nicht in Betracht kommen.* Ebenso darf man ihre bosnische Spezialität, die übrigens auch in Dalmatien und Kroatien üblich war, nicht überschätzen; es hat auch keinen Sinn, sie in wissenschaftlichen Publikationen wiederaufleben zu lassen, wenn es sich nicht um genaue Reproduktionen von Inschriften und Schriftproben handelt.[2])

Den größten und bedeutungsvollsten Fortschritt verdankt der Gegenreformation die *Schriftsprache.* Die Protestanten schrieben den Čadialekt, wie er im äußersten Nordwesten des serbokroatischen Sprachgebietes, in Istrien, im Kroatischen Küstenlande und auf den Quarnerischen Inseln sowie im nördlichen und mittleren Dalmatien gesprochen wurde. In Istrien war der Boden für eine Literaturentwicklung allerdings nicht besonders günstig, doch in den dalmatinischen Städten, wie Zara (slav. Zadar), Šibenik und Spalato (Split), sowie auf den dalmatinischen Inseln wie Lesina (Hvar), gab es außer der Geistlichkeit auch eine sehr gebildete Aristokratie und einen Bürgerstand, deren Angehörige im 16. Jahrhundert zu Hause nur slavisch sprachen und auch die Literatur in der Volkssprache pflegten.[3]) Das

---

sich in den katholischen Klöstern ein Typus der cyrillischen Schrift ausbildete, der von dem des mohammedanischen Adels verschieden war, doch waren diese Unterschiede nicht wesentlich.

[1]) Zur falschen Beurteilung der bosnisch-cyrillischen Schrift trug wohl auch der Umstand bei, daß sie J. Jukić schon 1850 (Bosanski Prijatelj I. 26) „bosnisch-katholisches Alphabet" nannte.

[2]) Im Glasnik zemaljsbog muzeja su Bosnu i Hercegovinu B. 26. wurde sogar eine Chronik des 17. Jahrhunderts in solcher Schrift abgedruckt, die schon wegen der ungemein kleinen Lettern nicht einmal Historiker und Philologen werden lesen können. Wem würde es in Westeuropa einfallen, Chroniken oder Urkunden des 17. Jahrh. in der Kursive abzudrucken und dafür noch besondere Lettern gießen lassen! Einige photographische Schrifttafeln hätten der Wissenschaft und auch der guten Absicht vielmehr gedient, der Text wäre aber im cyrillischen oder lateinischen Druck allgemein zugänglich geworden.

[3]) C. Jireček, Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters, Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Kl. B. XLVIII., S. 100—101. Speziell für Zara sei erwähnt, daß der dortige Dichter Juraj Baraković, ein Priester, in seiner Vila Slovinka (gedruckt zuerst in Venedig 1613, Stari pisci hrv. XVII., S. 127—128) an einem Gastmahle, bei welchem „niko dite mladolitno" um Mitternacht eine lyrisch-epische bugarštica singt, folgende „Herren" (gospoda) teilnehmen läßt;

Tetrišići slavne hiže,
pak Rozići s Civaleli,
Peruzići z Barbareli,
svih tih slava svit obsiže,

auf diesem Gebiete entstandene Lektionarium wurde 1495 gedruckt, ebenso die dichterischen Werke von Marko Marulić aus Spalato (Judita 1521, 1522), von Hanibal Lučić (Skladanje 1556) und von Peter Hektorović (Ribanje 1568), beide von der Insel Lesina, die *erste* Nachahmung der Arcadia Sannazaros „Planine“ (beendet 1536, gedruckt 1569) von Peter Zoranić und „Vazetje Sigeta grada“ (1584) von Brno Karnarutić, beide aus Zara. Auch die ersten Schriftsteller der Gegenreformation kamen aus diesen Gebieten: S. Budinić aus Zara, A. Komulović aus Spalato. Die Sprache von Spalato galt nach dem Bericht des Venezianers Giustiniano aus dem Jahre 1553 bei den Slaven Dalmatiens soviel wie das Toskanische in Italien.[1]) Ebenderselben Ansicht huldigte noch 1595 der aus Šibenik gebürtige Faust Vrančić (Verantius),[2]) ein in ganz Europa berühmter Architekt, Gelehrter und Schriftsteller (schrieb auch in der Volkssprache „Život nikoliko izabranih divic“, Romae 1606), der in der Vorrede zum ersten serbokroatischen Wörterbuch[3]) unter allen slavischen Sprachen von der Adria bis Asien „dalmaticam“ vorziehen möchte, „quod inter reliquas *purissimum* (sc. idioma) sit, quemadmodum inter *Italica Hetruscum*“ (d. i. lingua Toscana). Trotzdem gibt nach wenigen Jahren der Jesuit Bartul Kašić in der ersten Grammatik der serbokroatischen Sprache (*Institutionum linguae Illyricae libri duo* Authore Bartholomeo Cassio Curictensi Societatis Jesu, Editio prima, Romae, Apud Aloysium Zanettum MDCIIII in 8⁰ pp. 189) seinen Mutterdialekt zugunsten einer „allgemeineren“ Schriftsprache auf, erhebt während seiner fruchtbaren schriftstellerischen Tätigkeit den „bosnischen“ auf

---

Grižogoni, Cedulini
i Krešavi i Galelli,
Krnaruti, Pećareli,
Fafonići, Galjardini.

Für den Bürgerstand ist charakteristisch der kroatisch-patriotische Dichter und Schriftsteller Ivan Tanzlinger-Zanotti, Sohn eines eingewanderten deutschen Handwerkers und einer Kroatin (den italienischen Namen Zanotti führte er nach seinem Stiefvater). Građa V. 45.

[1]) S. Ljubić, Commissiones et relationes venetae, II (Monumenta spect. hist. Slavorum meridion. VIII.), 215.

[2]) S. Ljubić, Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske II 442—443.

[3]) Fausti Verantii Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, *Dalmaticae* et Ungaricae. Venetiis, 1595. Wiederabgedruckt und vermehrt von Peter Loderecker. Dictionarium septem diversarum linguarum (nach Dalmaticae; Bohemicae. Polonicae), Prag 1605. Hauptsächlich aus dieser Ausgabe gerieten die „dalmatischen“ Wörter auch in polnische und russische Wörterbücher.

den literarischen Thron und legt die Grundlage zur gemeinsamen Schriftsprache der Kroaten und Serben.

Zur Erklärung dieses überraschenden und folgenschweren Umschwunges empfiehlt es sich einiges vorauszuschicken. Kašićs Grammatik wurde schon 1865 von I. Macun [1]) mit der slovenischen von A. Bohorić verglichen und höher gewertet, 1890 zeigte aber M. Šrepel in einer akademischen Abhandlung,[2]) daß sich Kašić den Grammatiker Aldus Manutius (Institutiones grammaticae, Venedig 1508 und speziell ihren Wiederabdruck Grammaticarum Institutionum libri IV, Venedig 1581) zum Muster genommen hat, druckte auch die wichtige Vorrede aus dem Rituale Romanum ab, wo Kašić begründete, warum er „bosnisch" schreibt, und auch einen kurzen Auszug aus der lateinischen Autobiographie Kašićs. Aus der Vorrede zur Grammatik wurde auch ihre Entstehungsgeschichte mit den Worten wiedergegeben: „... Nemo enim adhuc extiterat (quod sciam), quem authorem sequi possem, cuius praecepta de Illyrico sermone, litteris consignata prodierint. Neque vero, ut opus hoc *primus* aggrederer, inducere animum potuissem, nisi eorum accessisset authoritas, quorum voluntati nefas est repugnare. Quo autem ipsi consilio id fecerint, ut et *nostra e societate delecti nonnulli in hac lingua perdiscenda studium suum atque operam collocarent*, et *quo iis discendi labor minueretur, eiusdem linguae Institutiones aliquae conscriberentur*, facile is, ut opinor, intelliget, cui sit exploratum, *quo in loco apud Illyricos hoc tempore res Christiana versetur*. Nam sive ob diuturnam ac miseram cum Religionis Catholicae hostibus consuetudinem, sive *ob magnam doctorum proborumque Pastorum penuriam* innumerabiles propemodum in tantis tenebris inscitiae iacent, ut cetera, quae ex inscitia oriuntur, mala taceantur, *ut ne prima quidem Christianae Religionis elementa satis illorum plerisque sint nota. Quare sapienter est a nostrae Societatis Moderatoribus constitutum, ut eius nationis lingua vernacula, quae apud plurimos populos latissime patet, addiscatur ab iis, qui ad eios erudiendos idonei censeantur.*"

Auf diese Stelle und speziell ihren Schlußsatz, aus dem deutlich hervorgeht, daß die Jesuitenkreise in Rom selbst zum Erlernen und demgemäß auch zum Schreiben der für die Missi-

[1]) Književnik II. 109—113.
[2]) *Rad* jugoslavenske akademije CII., SA. 31 S.

onstätigkeit notwendigen „illyrischen“ Sprache jenen Volksdialekt wählten, der am meisten verbreitet war, habe ich zuerst 1906 in meinem Aufsatz „Kroaten und Serben“ [1]) und 1908 in meiner „Geschichte der älteren südslavischen Literaturen“ (S. 9) und in späteren Artikeln hingewiesen, endlich 1921 in einer kurzen slovenischen Abhandlung „Anfänge der gemeinsamen Schriftsprache der Kroaten und Serben“ [2]) näher begründet. Diese Ausführungen wurden von den Literarhistorikern Pavle Popović [3]) und Fr. Kidrič [4]) voll gewürdigt, in linguistischen Kreisen aber mit kurzen skeptischen Bemerkungen aufgenommen.[5]) Kašićs Grammatik, die begreiflicherweise und erwiesenermaßen [6]) alle folgenden bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts beeinflußt hat, wird überhaupt nicht beachtet und sogar von A. Leskien in seiner „Grammatik der serbokroatischen Sprache“ (Heidelberg 1914) in den Literaturangaben (Seite XXXVII) nicht einmal erwähnt, obwohl sie schon dem von Kopitar gut unterrichteten Jakob Grimm bekannt war.[7]) Die vortreffliche „Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnoga jezika“ von T. Maretić (1899) beschreibt normativ die Sprache Vuk Karadžićs und seines Schülers Gj. Daničić, auf deren Material auch A. Leskien seine glänzende Darstellung ihrer Sprache aufbaute und dabei mit seinen inhaltsreichen Bemerkungen über die phonetische und morphologische Entwicklung derselben allzusehr kargte. Sonst steht bei den serbokroatischen Grammatikern die Dialektologie im Vordergrunde, Arbeiten über Geschichte der Schriftsprache sind noch selten und genügen auch nicht den heutigen Anforderungen, wie z. B. die von Fr. Fancev über die Sprache der serbokroatischen protestantischen Drucke.[8])

---

[1]) Oesterreichische Rundschau, B. IX., 243. In serbo-kroatischer Übersetzung; Hrvati i Srbi, Osiek 1907.

[2]) Prace lingwistyczne ofiarowane *Janowi Baudouinowi de Courtenay*, Kraków, 1921, S. 116—124.

[3]) Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор II., 118—119.

[4]) Ljubljanski Zvon 1922, S. 188—190.

[5]) Јужнословенски филолог III. 266.

[6]) S. Bosanac, Nastavni Vjesnik IX. 529f.

[7]) Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik, S. XVI. Dort auf S. XIX. gebraucht der von Kopitar gut unterrichtete Jakob Grimm zuerst in deutscher Sprache die richtige Bezeichnung *serbokroatisch*, als er von Albert Fortis sprach, „der einige gefühlvolle morlackische (d. h. serbisch-kroatische) Lieder bekannt machte“.

[8]) Vgl. meine Abhandlung: Nekoliko reči o jeziku srpsko-hrvatskih protestantskih knjiga, Даничићев Зборник, Београд-Љубљана 1925, S. 72—106.

Meine Anregungen fielen jedoch bei meinem Schüler M. Stojković auf fruchtbaren Boden, so daß wir ihm eine kurze Würdigung der römischen Gegenreformation, eine Charakteristik der Tätigkeit B. Kašićs und eine biographisch-bibliographische Darstellung seines Lebens [1]) zu verdanken haben. Die letzte Arbeit bietet auch eine vollständigere Ausbeute der Autobiographie Kašićs [2]) und Auszüge aus den Vorredend er meisten seiner Werke, die sehr selten und wenig zugänglich sind. Auf Grund dieser Materialien will ich den bedeutendsten Schriftsteller der Gegenreformation und seine Verdienste für die einheitliche Schriftsprache in aller Kürze schildern.

Bartul (Bartholomäus) *Kašić* (latinisiert *Cassius*) wurde als Sohn eines venezianischen Marinesoldaten, der an der Schlacht von Lepanto teilgenommen hatte, am 15. August 1575 in Pag (it. Pago), dem Hauptort der Quarnernischen, noch zu Dalmatien gehörigen Insel Pag geboren, auf welcher der ikavische (ursl. ě = i) Čadialekt gesprochen wird.[3]) Sprachlich stand also Kašić den südslavischen Protestanten sehr nahe, namentlich Anton Dalmatins Dialekt dürfte mit dem seinigen identisch gewesen sein. Da er im Alter von 2 Jahren seinen Vater verloren hatte, wurde er von seiner frommen Mutter und von seinem Oheim Luka Deodat, Erzpriester der Pager Domkirche, sorgfältig erzogen und sang häufig mit andern Schülern im Chor, ebenso in Zara, wo er die unteren Klassen der Gymnasialstudien beendete. 1590 verließ er sein Vaterhaus für immer und wurde am Allerheiligenfest in das Illyrische Collegium in Loreto aufgenommen, wo er „litteras humaniores" studierte, und gehörte zu den 12 Jünglingen (von 30), welche auf Anordnung des Papstes Clemens VIII. 1593 in „das römische Seminar" [4]) gebracht wurden. Bei der Aufnahmsprüfung wurde er

---

[1]) Die beiden ersten Abhandlungen im Nastavni Vjesnik XXII. (Zagreb 1913). Bartuo Kašić D. I. Pažanin, Rad jsl. akad. 220/96, 170—263. Diese reichhaltige und gründliche Abhandlung verzichtet auf eine zusammenhängende literarhistorische Darstellung. Eine sehr wünschenswerte Abhandlung über die Sprache Kašićs konnte der Verfasser wegen besonders ungünstiger Umstände, die durch die Folgen des Weltkrieges hervorgerufen wurden, bisher nicht vollenden.

[2]) Die Partien über die Missionen Kašićs in der Türkei veröffentlichte vollständig G. Fermendžin, Acta Bosnae, Monumenta spect. historiam Slavorum merid., XXIII., 342—366.

[3]) M. Kušar, Rapski dijalekat, Rad jsl. akad. CXVIII., 2—3.

[4]) Nach der Autobiographie (Stojković o. c. 176) befand es sich bei der Kirche des hl. Mahutus und hl. Bartholomäus, beim Obelisken in der Nähe des alten Hauses des römischen Collegiums, wo gerade um diese Zeit die herrliche Kirche zu Ehren des hl. Ignatius von Loyola gebaut wurde.

allein in die Humanitätsklasse aufgenommen, wollte aber mit seinen Genossen in der ersten Klasse der „Grammatik" bleiben. Immer war er der Erste im Aufsatz, in Prosa und Versen. 1595 trat er als Novize in den Jesuitenorden, vollendete 1604 drei Jahre der Philosophie und studierte dann 4 Jahre die Theologie; zum Priester wurde er am 12. März 1606 im Alter von 31 (nicht 21!) Jahren geweiht.

Als Kašić noch Rhetorik studierte, mußte er selbst Lehrer der Grammatik werden. Am Ende des Jahres 1598 wurde er aber von diesem Amte enthoben und zu einem höheren befohlen:[1]) „a Superioribus *pro Accademia linguae Illyricae cogitur scribere Institutiones grammatice*, primaque rudimenta eiusdem lingue, quibus accademici Domi in collegio ad adiscendam facilius linguam instituerentur. De qua *accademia Clemens VIII.* adloquens cum *P. Claudio Aquauiua*, Praeposito Generali Societatis magna cum voluptate et laudatione locutus est, *commendavitque summopere* studium linguae Illyrice." So begann Kašić im Jubiläumsjahre 1600 seine Institutiones zu schreiben, nur für die Akademie tätig und frei von anderen Sorgen. Als das Werk, welches viel schwieriger war als er erwartete, vollendet wurde, mußte er vieles Notwendige wegen der zu großen Druckkosten auslassen und gab 1604 seine Institutiones „P. Claudio sic imperante" heraus.

Man stand bisher ratlos vor der Frage, was eine solche Akademie war. Eine Antwort darauf gibt die gerade von dem genannten General Claudius Aquauiua nach langen Vorarbeiten im J. 1599 herausgegebene Studienordnung, welche mit geringen Zusätzen aus dem J. 1616 bis zur Aufhebung des Jesuitenordens in Geltung blieb. Darin gibt es gegen Ende besondere „Regulae Accademiae",[2]) die von Bernhard Duhr S. J. in seinem Werk „Die Studienordnung der Gesellschaft Jesu"[3]) zusammengefaßt worden sind.[4]) Mit Recht wird eine solche Schülerakademie (Academia scholasticorum) mit den späteren Seminarien und akademischwissenschaftlichen Vereinen auf den

[1]) Stojković o. c., 178. Auch bei M. Šrepel o. c. 29.

[2]) G. M. Pachtler, Ratio studiorum et Institutiones Scholasticae Societatis Jesu, Tomus II. (Berlin 1887) = Monumenta Germaniae paedagogica B. V., S. 460—481.

[3]) Freiburg i. B. 1896.

[4]) O. c. S. 128 136 Auf S. 271—280 ist auch eine deutsche Übersetzung der „Regeln für die Akademie" wiedergegeben.

Universitäten verglichen, was aus dem ersten Punkt ihrer Satzungen hervorgeht: „Academiae nomine intelligimus coetum studiosorum (*ingenio et pietate praestantium*) ex omnibus scholasticis delectum, qui aliquo ex nostris Praefecto, conveniunt, ut peculiares quasdam habeant exercitationes ad studia pertinentes.“[1])

Die Jünglinge sollten lernen, die freien Augenblicke gut und fruchtbar zu verwenden, akademische Schülervorträge sollten eine gute Vorschule für die künftige Lehrtätigkeit und die wissenschaftliche Verwertung des Gelernten sein. In der Leitung war das monarchische und das demokratische Prinzip vereinigt. Der Rektor des Kollegs wählte einen Vorsitzenden („moderator“ oder „praefectus Academiae“) aus den Professoren oder den übrigen Patres, die Mitglieder aber wählten alle drei bis vier Monate mit geheimen Stimmzetteln und mit Stimmenmehrheit den „Magistrat“ der Akademie, nämlich den *Rektor*, seine 2 *Räte* und den *Sekretär*, auch andere Würdenträger, wenn die große Anzahl der Mitglieder es nötig machte.[2]) Die eigentliche Leitung war Aufgabe des Schüler-Rektors. Der Sekretär führte ein genaues Buch über die Mitglieder und ihre Sitzungen. Die Akademie hatte drei Stufen: die Akademie der Grammatiker, bei denen der Hauptteil der Arbeit dem P. Moderator zufiel, der Humanisten und Rhetoriker, welche Versammlungen an Sonntagen und sonst freien Tagen abhielten, und der Theologen und Philosophen, die tägliche Versammlungen hatten und als Rektor einen Theologen, in Ausnahmsfällen einen Philosophen wählten. Eine Spezialität waren die *griechische* und die *hebräische Akademie*, die auf einen kleinen Kreis beschränkt blieben, wöchentlich 2—3mal, und zwar an freien Tagen ihre Zusammenkünfte hatten und solche Übungen veranstalteten, daß daraus tüchtige Vertreter der beiden Sprachen im Privat- und öffentlichen Leben hervorgingen.

Nach dem Muster der griechischen oder hebräischen Akademie war offenbar auch die „Academia linguae Illyricae“ eingerichtet, denn die Pflege der „illyrischen“ Sprache war in den allgemeinen Akademien in *Rom* wohl nicht denkbar. Daß die Jesuiten die Muttersprache und die Volkssprache überhaupt nicht verachteten und nicht vernachlässigten, steht heute fest,

---

[1]) Pachtler o. c. S. 460.
[2]) Duhr o. c. 129.

zum mindesten treffen solche Vorwürfe für das 16. oder 17. Jahrhundert ihre Gegner ebenso oder noch mehr. Allerdings bildete die Muttersprache keinen besonderen Lehrgegenstand; denn schon um 1580 beschied der General Aquaviva abschlägig das Ansuchen des aquitanischen Provinzials auf Einführung des obligaten Unterrichts der Muttersprache, „da die Lektüre der heimischen Schriftsteller und Predigtübungen in der Muttersprache zum gewünschten Ziele hinreichten“.[1]) Dieser Grundsatz hatte fortan Geltung. Die Studienordnung von 1586 betonte die Notwendigkeit der Kenntnis „linguae patriae pro concionibus, pro confessionibus, pro litteris, pro communi vitae consuetudine“. Nach der endgültigen Ratio studiorum von 1599 war in den untersten drei Gymnasialklassen das Lateinsprechen noch nicht allgemeine Regel. Die alten Autoren wurden zum Schluß in die Vulgärsprache übersetzt. Noch mehr konnten in der Humanität die Autoren in die Muttersprache, aber möglichst klassisch übersetzt werden. In der Syntax gehörte die Übersetzung der Autoren in die Muttersprache zu den Klassenübungen; in ihr wurden die Pensa diktiert und geschrieben.[2])

Die gemeinsame Regel des Ordens hatte die Vorschrift, daß alle die Sprache des Landes lernen, in welchem sie wohnen, und verlangte für die Scholastiker,[3]) d. h. „Ordensmitglieder, die sich in den Studien befinden“, ausdrücklich, daß sie die Volkssprache gründlich lernen sollen.[4]) Schon der Gründer des Ordens hat verordnet, daß an allen Orten, wo die Gesellschaft sich aufhält, alle die Landessprache sprechen. Dementsprechend mußten in Rom alle Mitglieder gründlich italienisch lernen, am Innsbrucker Kollegium wurde aber deutsch und italienisch unterrichtet. Die besondere Fürsorge, welche Clemens VIII. und der

---

[1]) B. Duhr o. c. 107.

[2]) Ib. 108.

[3]) Ib. 30.

[4]) Ib. 109. Georg *Mertz*; Die Pädagogik der Jesuiten, S. 28, zieht daraus den Schluß, daß man nur bei den Scholastikern, die später als Prediger und Beichtväter verwendet wurden, die Notwendigkeit einer Rücksichtnahme auf die Muttersprache verlangte, während den Schülern überhaupt der Unterricht in derselben vorenthalten blieb. Die Schrift von G. Mertz, einem Katholiken, der den Jesuiten vom Standpunkt des religiösen Friedens und nationaler Interessen nicht wohlgesinnt ist, bekämpft in vielen Punkten die Anschauungen und Resultate der Werke von Pachtler und Duhr. Viele Widersprüche werden dadurch erledigt, daß man natürlich einen Unterschied zwischen dem 16. und 17. Jahrh. und der späteren Zeit machen muß. Wenn G. Mertz meint, „daß die Jesuiten nur unter dem Drange der Umstände der Muttersprache in Deutschland Zugeständnisse gemacht haben, während sie in anderen Ländern ihrer alten Gewohnheit treu blieben“ (102), so war das bezüglich der südslavischen Länder nicht einmal in Rom der Fall.

Jesuitengeneral Claudius Aquaviva der Illyrischen Akademie widmeten, wird begreiflich durch die großen Ziele,[1]) die man in Rom unter den Südslaven, besonders unter denen der Türkei verfolgte. Zu diesem Zwecke mußten Priester, welche als Missionäre, Visitatoren und Legaten auf dem Balkan wirken sollten, auch sprachlich sehr gut herangebildet werden, und zwar nicht bloß die in Rom oder später in Loreto studierenden Südslaven, sondern wegen des herrschenden Priestermangels auch Italiener. Daß diese in der Tat die illyrische Sprache sehr gut erlernen konnten, beweisen die bedeutenden lexikographischen Leistungen von Micalia und Dellabella. Der letztere eignete sich als Missionär in Spalato und Ragusa die Sprache des Landes in besonders hervorragender Weise an: Ad linguam slavonicam addiscendam diligenter incubuit, tantamque eius sermonis scientiam adeptus est, ut pure et emendate, eleganterque Slavonice loquendi magister haberetur.[2])

Da über die Illyrische Akademie bisher kein Aktenmaterial bekannt ist, so müssen wir uns eine Vorstellung über ihre Tätigkeit aus den Bestimmungen für die griechische und hebräische Akademie machen. Diese übten nicht bloß die Grammatik, Philologie, den Stil, sondern auch die Lektüre und die Literatur der beiden Sprachen; Abhandlungen wurden verfaßt, vorgelesen und diskutiert; irgend ein griechischer Autor oder ein Buch des Alten Testamentes wird abschnittweise zur Übersetzung und Erklärung unter die Akademiker verteilt und so zum Gemeingut aller.[3])

Bei solchen Übungen drängte sich von selbst die Frage auf, welcher von den südslavischen Dialekten, über deren Verschiedenheit man durch die in Rom weilenden Priester und Schüler sowie aus den bisherigen Berichten der Visitatoren der Balkanländer unterrichtet sein konnte, zur Grundlage der Übungen gewählt werden sollte. Praktisch hätten die Frage die Mitglieder der Akademie zu lösen gehabt, doch diese wären kaum zu einer Einigung und namentlich zu dem Grundsatz gekommen, nach dem sich Kašić bei der Abfassung seiner Grammatik richten mußte. Nach den Bestimmungen für die Aufnahme der Jesuitenzöglinge waren offenbar die Dalmatiner in der Überzahl, aber

[1]) Vgl. Slavia IV. 687 f.
[2]) Illyrici sacri autore Daniele Farlato T. III., 522.
[3]) B. Duhr, Die Studienordnung der Gesellschaft Jesu, 135.

ihr Dialekt blieb nicht siegreich, obgleich er literarisch ganz gut vertreten war und speziell der Dialekt von Spalato als Toskanisch angesehen wurde.[1]) Hier griffen die Moderatores Societatis nostrae ein. Das konnten nach dem Wortlaute der Regeln für die Akademie die Patres sein, die an der Spitze der Illyrischen Akademie standen und mit den Anschauungen der leitenden römischen Kreise sehr gut vertraut waren, oder diese leitenden Kreise selbst, für welche die Bezeichnung Moderatores naheliegt und auch bezeugt ist.[2])

Jedenfalls atmet die Bestimmung dieser Moderatores, daß die am meisten verbreitete Volkssprache (lingua vernacula) zur Grundlage des „illyrischen" Unterrichts gewählt werden sollte, den Geist des von einem Willen geleiteten und auf das Praktische und Zweckmäßige gerichteten Jesuitenordens,[3]) und bietet einen neuen Beitrag zu den Beweisen, deß es wirklich keine besseren und geschickteren Lehrer gab als die Jesuiten.[4]) Von besonderer Bedeutung ist aber die Tatsache, daß die Illyrische

---

[1]) Vgl. o. S. 68—69,

[2]) So lesen wir z. B. in dem handschriftlichen Werk von Bašić (Bassich) Georgius S. J.: Elogia Jesuitarum Ragusinorum: Quapropter ei viri Patricii omnem lapidem moverunt, ut *Moderatores Societatis J.* Patrem Cassium in Pannoniam vel alibi mitterent, et Ragusinis in eiusdem locum P. Joannem Gradium sufficerent. Votis Patriciorum annuerant *Societatis Moderatores* Joannemque nostrum, postquam theologiae curriculum explevit, Ragusam miserunt... Stojković o. c. 197.

[3]) Realenzyklopädie f. protest. Theologie VIII., 746.

[4]) H. Boehmer (protest. Theolog), Die Jesuiten, 3. Aufl., 132. Hier möchte ich bemerken, daß ich in der Oesterreichischen Rundschau B. IX., S. 243 und in der Geschichte der älteren südsl. Lit., 9, mich darauf berief, daß *die Jesuiten* in ähnlicher Weise in süddeutschen Schulen *die Sprache Luthers* lehrten. Ich stützte mich dabei auf H. Paul, Grundriß der deutschen Philologie I. 23: „Der Grammatik des Clajus gelang es, in die Schulen einzudringen, merkwurdigerweise wurde sie trotz ihres ausgesprochenen Protestantismus besonders in den süddeutschen Jesuitenschulen verwendet." Diese Anschauung, die, wie mich M. H. Jellinek in Wien aufmerksam machte, in letzter Linie auf K. von Raumer (Der Unterricht im Deutschen, 3, 25ff., Geschichte der Pädagogik[4], III. 125ff.) zurückgeht, wird jetzt öfters bestritten. Immerhin gibt auch Fr. Kluge (Von Luther bis Lessing, 128) zu, daß die auf Luthers Schriften aufgebaute Grammatik des Joh. Clajus „nicht ohne Einfluß auf die Katholiken" blieb. Burdach (Einigung der neuhochdeutschen Schriftsprache, 9) meint, daß die Katholiken dem Vordringen der ketzerischen Gemeinsprache zähen Widerstand entgegengesetzt haben. „Die Einführung der Grammatik des Clajus in katholischen Schulen will dagegen wenig besagen (? jede Sprachreform wird am besten durch die Schulen verbreitet): in weiterem Umfang geschah sie auch erst in der zweiten Hälfte des 17. Jahrh., als Luthers Deutsch schon veraltet war." Aus der „Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik" (I. S. 77 f.) von Max Hermann Jellinek und aus seinen brieflichen Mitteilungen ersehe ich, daß diese Frage wirklich sehr verwickelt ist. Ich sehe daher von einer weiteren Stellungnahme ab, mache aber darauf aufmerksam, daß man in Rom selbst, wie meine Ausführungen zeigen, jedenfalls keine Bedenken gegen eine Sprache hatte, die der Mehrzahl nach Orthodoxe und Mohammedaner sprachen.

Akademie unter dem unmittelbaren Einfluß des Generals Claudius Aquaviva stand, „unstreitig des größten Herrschertalents, welches die Gesellschaft je besessen hat.“ [1]) Allerdings wurde dieser Grundsatz nicht gleich und konsequent durchgeführt, sondern allmählich, und Kašić selbst repräsentiert die ganze Entwicklung von seinem dalmatinischen Čadialekt bis zu dem ragusanischen und bosnischen Štodialekt.

Kašić bekam als 24jähriger Jüngling die Aufgabe, die erste Grammatik der serbokroatischen Sprache zu schreiben. Daß sie sehr schwierig war, ist selbstverständlich; dazu kam noch der Umstand, daß er schon 15 Jahre, wie er selbst klagt, von seiner Heimat entfernt war und wohl keine Gelegenheit hatte, sich in seiner Muttersprache zu üben, bis die römischen Kreise ihre Wichtigkeit erkannten. Nach den Ausführungen von M. Šrepel hielt er sich zwar allzustark an die lateinische Grammatik des Aldus Manutius, doch bewies er auch große Selbständigkeit in der Bearbeitung vieler Partien, namentlich der Deklination.[2]) Uns interessiert die Frage, inwieweit er „die am meisten verbreitete Volkssprache“ zur Grundlage nahm. Wenn wir uns ein Urteil nach den von Šrepel zitierten Wörtern und wenigen Sätzen bilden dürfen, so müssen wir sagen, daß er noch sehr stark an seinem dalmatinischen Dialekt festhielt. Wir finden zwar an einer Stelle *što* (S. 12), doch unter den Pronomina *što* ili *ča*, *zač ne* und *zašto ne* (S. 20), ebenso werden „što- und čakavische Deklinationsformen ohne strenge Grenzen nebeneinander gestellt“ (28), z. B. Gen. Pl. gòlubov, golubâ, golubî (14), vrimên, vriménâ, vriménî (15), Inst. Pl. z golubim, s golubìma, s golubî (14), s vriméni, s vrimènima, sà zlátima, zláti, zlatimi (15), aber in der Lautlehre verrät er fast durchweg den Časprecher. Der Akzent ist nach Šrepel „gewiß ganz“ čakavisch (12), vgl. osál,[3]) posál (14), otàc, otcà, ocà (15), jesàm, jesì, jesmò, jestè, jesù (21), *ě* wird regelmäßig durch *i* wiedergegeben: sfidòk, vríme, vìttar, vìtra, dvìsti, dvìsto, prilípi, blídi, dim, jim, gdi, ovdi, ondi, vazdì, prid, sprid, eine Ausnahme bildet nur venčac, venčaca, venčaci (15), *l* wird am Ende nicht vokalisiert: pakal, oral, posal, für ursl. *d'* finden wir *j*: zgaja se,

[1]) Realenzyklopädie f. protest. Theologie, VIII., 770.
[2]) Rad CII., SA. 14, 28.
[3]) Da mir Kašićs Grammatik nicht zur Verfügung stand, konnte ich die aus ihr genommenen Akzentbezeichnungen M. Šrepels nicht nachprüfen.

prigaja (25), meju (meu 26), doch auch vodjah neben vojaše (23). Allerdings reichen manche dieser Eigentümlichkeiten wie *i* für *ě*, j für *đ* weit in štokavische Gebiete, ebenso wie der alte Akzent im Südwesten und auch in manchen Gebieten Bosniens erhalten ist. Da Kašić bis dahin keine Gelegenheit hatte, mit jekavischen und ekavischen Serben Bekanntschaft zu machen, so konnte er den Abstand von der „am meisten verbreiteten Volkssprache" umsoweniger fühlen. Seinen Gesichtskreis erweiterten erst spätere Schicksale, namentlich seine Wanderjahre.

Bald nach seiner Priesterweihe 1606 wurde Kašić zum Poenitentiarius der Peterskirche in Rom bestellt „ad audiendas confessiones omnium Nationum utentium Latino atque Italico idiomate, atque etiam *in primis sue Nationis Illyrica aut Dalmatica lingua*, immo vero *Croatica, Carniolica et etiam Bulgarica* ex Thracia Constantinopolitana ad se accedentium." [1]) Wie man sieht, hatte er als Beichtvater für *alle* Südslaven, von den Slovenen bis zu den Bulgaren zu fungieren. Die große sprachliche Verwandtschaft aller Südslaven, die schon von den Protestanten und nach ihnen von den Katholiken noch mehr betont wurde, erfreute sich also der Anerkennung auch in Rom.

1609—1612 weilte Kašić als Missionär in Ragusa (sl. Dubrovnik), wo er von einigen Nobiles sehr freundlich aufgenommen, vom Präsidenten der Republik (Rektor, sl. knez) aber mit den Worten empfangen wurde: Admiror, inquit, vestri praepositi generalis Prudentiam, qui vos misit in urbem nostram a Senatu nostro nec invitatos nec vocatos." [2]) Auf diese und die weitere Frage: „Venistis ad dissidium concitandum inter nos in Senatu nostro?" antwortete Kašić mit dem Hinweis auf das große Ansehen des Ordens beim Papste und den katholischen Fürsten und auf seine Tätigkeit in der ganzen Welt, auch unter Türken und Heiden. Als Prediger und Beichtvater in „dalmatinischer" Sprache fand er Beifall bei den Frauen und Töchtern des Adels und betätigte sich auch als Lehrer von der Fibel angefangen bis zu den Humaniora.

Von besonderer Wichtigkeit waren zwei Missionen nach der Türkei in den Jahren 1612—13 und 1618—1620, bei denen er als Superior von zwei Ordensmitgliedern begleitet wurde. Die erste Mission erwirkte beim Papste der bosnische Priester S. I.

---

[1]) Stojković o. c. 179.
[2]) Ib. 181.

Matković, damit die Jesuiten Gelegenheit hätten, die unglückliche Lage der Christen unter dem türkischen Joch kennen zu lernen. Paul V. sendete die Mission „in dominium turcicum per Europam ad universos christifideles, praecipue catholicos in fidei dogmatibus confirmandos atque ab haeresibus schismateque graeco protegendos atque ad catholicam fidem revocandos, si qui forte aberrassent".[1]) Kašić und seine Begleiter reisten mit ragusanischen Kaufleuten, die sich in der Türkei besonderer Privilegien erfreuten, und waren wie diese bekleidet und bewaffnet. Zum Schutze hatten sie einen Janitscharen mit. Sie zogen auf dem üblichen bosnischen Handelsweg über Trebinje, Gacko, Čemerno, Foča, Srebrenica und Valjevo nach Belgrad (Kašić übersetzt Alba urbs und lehnt Alba Graeca ab, weil dort niemals Griechen, sondern Serben (Serbilii, d. i. Srblji) geherrscht haben). Von hieraus besucht er u. a. Mitrovica, Vukovar, Osijek (Esseg) in Slavonien, Pečuh (Fünfkirchen) im südlichen Ungarn und Smederevo in Serbien. Er hatte öfters Gelegenheit zu Gesprächen mit Arianern, Lutheranern, Kalvinisten, Schismatikern und natürlich auch mit den „Türken", „etiam Illyrice loquentibus", die er auf seiner Rückreise in Neapel also rühmt: „Agunt cum patribus humanius Turcae, quam Haeretici, Ariani, Calvinistae atque Luterani, qui multos catholicos ad illorum prava dogmata pertraxerunt." [2])

Die zweite Missionsreise führte ihn ebenso nach Belgrad, wo er einige Monate ausruhte und Bücher in „dalmatinischer" (im Perivoj od djevstva: *našijem slovinskijem jezikom* napisah u *srbskom* Biogradu) und zwei Apologien des katholischen Glaubens gegen die Häretiker in lateinischer Sprache (bisher unbekannt) schrieb, und von hier nach Slavonien und Temešvar. In Tiburjanci in Slavonien traf er einen Österreicher Peter, dem Namen nach einen Katholiken, der aber seinen Sohn in protestantischen Schulen erzogen hatte. Dieser wurde dann Prediger in dem von Katholiken und Lutheranern bewohnten Dorfe. Überhaupt hatte Kašić öfters Gelegenheit, häretische Lehren und lutherische Prediger zu bekämpfen, „welche mit Reden und Liedern das Volk zum Übertritt zum Protestantismus zu bewegen suchten." Beachtenswert ist, daß er auf der Rückreise nach Ragusa als Begleiter hatte: einen schismatischen Serben

[1]) Ib. 185.
[2]) Ib. 188.

(Serblius), einen jungen Ragusaner, einen Juden und natürlich auch einen türkischen Janitscharen (vgl. seine Vorrede zum Rituale Romanum über seinen Verkehr mit Andersgläubigen).

In der Zeit zwischen beiden Missionen hielt er sich in Rom auf, wo er viel mit dem Kardinal Bellarmino verhandelte (er empfahl den Priester Matković, der ihn auf der ersten Missionsreise begleitet hatte, als Bischof, aber die Franziskaner kämpften dagegen mit Erfolg an), und 1614—1618 als Poenitentiarius in Loreto. Von 1620—1633 oder 1634 weilte er abermals in Ragusa als Leiter (rector) einer Residenz. Auch diesmal wurde er unfreundlich empfangen. Als einige Senatoren von seiner Ankunft am Stadttor hörten, eilten sie zum Erzbischof und verlangten, Kašić sollte gleich wieder nach Belgrad zurückkehren; einige Senatoren besuchten heimlich seine Predigten und notierten genau, „was immer er dem Volk" (gemeint sind cives de populo, d. pučani) „riet oder was er über ihre politische Verwaltung und zugunsten der Bürger aus dem Volke sprach".[1]) Kurz: Kašić wurde demokratischer Umtriebe verdächtigt. Inwieweit das seiner Persönlichkeit und der Tätigkeit der Jesuiten im slavischen Süden entsprach, kann ich auf Grund des vorliegenden Materials nicht feststellen. 1622 suchte man ihn zu entfernen, damit dem Ragusaner I. Gradić, der die theologischen Studien bei den Jesuiten in Rom beendigt hatte, Platz gemacht werde. Dieser starb jedoch bald. Sonst wurde Kašić sehr viel wegen seiner Sprache von den „Aristarchen" von Ragusa angefeindet, obgleich er in dieser Hinsicht im Vergleich zu seinen Grundsätzen sogar zu viel Konzessionen machte, erfreute sich aber als eifriger Prediger großer Beliebtheit und wirkte als Missionär auch auf dem Festland von Ragusa und auf seinen Inseln.

Aus Ragusa kehrte Kašić nach Rom als Poenitentiarius der Peterskirche zurück. Als solcher zensurierte er 1635 die von R. Levaković besorgte Ausgabe des „Ispravnik" von S. Budinić, woraus hervorgeht, daß er auch mit der glagolitischen Schrift gut vertraut war. Im Alter von 75 und 76 Jahren beschrieb er sein Leben bis zum Schluß des Aufenthaltes in Ragusa, nicht ohne greisenhafte Schwächen, und starb am 28. Dezember 1650 in Rom.

Überall, wo sich Kašić aufhielt, sogar auf der Reise in Belgrad, war er literarisch tätig. Außer der Grammatik wurden von

[1]) Ib. 196.

ihm gedruckt: Meditationen und Gebete[1]) (1613,[2]) geschrieben in Ragusa), Geschichte des Marienhäuschens von Loreto (1617), Geistliche Lieder vom Lobe Gottes[3]) (1617), eine Christenlehre (Doctrina christiana brevis Bellarmini), Leben des hl. Ignatius gekürzt (1623), Garten der Jungfräulichkeit oder Lebensbeschreibung von Jungfrauen (Venedig 1628), Spiegel der Christenlehre (1631), Kleines Speculum (Zarcalo malo, erwähnt in der Vorrede zum Rituale Romanum, bisher nicht aufgefunden), Ordnung der Messe (Red od mise, in ähnlicher Weise bezeugt und unbekannt), Leben des hl. Franziskus Xav. (1637), Leben unseres Herrn Jesus Christus (1638), Übersetzung des Rituale Romanum (1640), Kalender aus dem Römischen Missal und Bekenntnis des wahren Glaubens (1640, Separatabdruck aus dem Rituale Romanum mit den noch heute üblichen kroatischen Monatsnamen), Die Nachfolge Christi von Thomas von Kempis (1641), Episteln (und Evangelien) aus dem Römischen Missal (1641). Im Zarcalo duhovno von Mauro Orbini (Rom 1641), das auf Betreiben Kašić's das Licht der Welt erblickt hat, finden wir von ihm eine Epistel in Versen und eine in Prosa mit bemerkenswerten Äußerungen über die Graphik des Serbokroatischen in Lateinschrift.

Ungedruckt blieb von seinen serbokroatischen Werken die Übersetzung der ganzen Heiligen Schrift. Kašić arbeitete an derselben seit dem Jahre 1622 und besonders seit 1625 ex mandato sacrae Congregationis de Propaganda Fide.[4]) Die Übersetzung des Neuen Testamentes (ex textu Latino in Illyricum seu Slavonicum idioma) ließ der Erzbischof von Ragusa Thomas Celesius infolge eines aus Rom erhaltenen Auftrages prüfen und approbierte[5]) sie am 20. Juli 1631, am 17. März 1633 in Rom

[1]) Die Originaltitel s. in der „Bibliographie" der Abhandlung von M. Stojković o. c. S. 211—263.

[2]) Erschienen sind alle Werke in Rom, wenn nicht ausdrücklich das Gegenteil bemerkt wird.

[3]) Leicht zugänglich, weil nach einer Handschrift wieder abgedruckt von K. Horvat, Građa jsl. akad. VII., 200—237.

[4]) Auf dem Titelblatt der jetzt in Zagreb bewahrten Handschrift. Građa za povijest kńiževnosti hrvatske, II. 43.

[5]) Beachtenswert sind aus dem Gutachten der Zensoren die Worte: Immo vero hanc *unam* translationem (sublatis quibusdam aliis deficientibus in multis et a vero sensu aberrantibus) ad divinam gloriam fidemque catholicam propagandam, conservandam et defendendam contra haereticos, schismaticos et infideles, Illiricis sacerdotibus catholicis ceterisque fidelibus peroportunam ac pernecessariam comprobarunt et dignam clarissima luce iudicarunt. Građa II. 44.

auch der Erzbischof Petrus von Antivari.[1]) Leider halfen diese Empfehlungen und die späteren eindringlichen Bitten Kašićs in der lateinischen Vorrede zum Rituale Romanum[2]) und im besonders eindrucksvollen Memorandum an Urban VIII.[3]) nichts, denn die römischen Revisoren, Anhänger des glagolitischen und cyrillischen Bücherdrucks, welche die slavische Kirchensprache als solche und als „Literatursprache" weitererhalten wollten, äußerten sich ungünstig über die Übersetzung, aber auch die Grundsätze der römischen Kirche über die Unzulässigkeit der Übersetzung der Bibel in eine Vulgärsprache ohne Kommentar dürften mitbestimmend gewesen sein.[4]) Natürlich müssen wir es Kašić hoch anrechnen, daß er eine Übersetzung der Heiligen Schrift in die Volkssprache mit Berufung auf den Brief des Apostels Paulus an Timotheus II. 3 (v. 14—17) befürwortete,[5]) und die Bibel als eine der größten Wohltaten Gottes betrachtete.[6]) Für die Literatur der Kroaten und Serben und namentlich für ihre Literatursprache war das ein großer Verlust, daß seine Bibel nicht gedruckt wurde, denn zum Unterschiede von den Čechen und Polen erhielten sie solche Übersetzungen erst im 19. Jahrhundert; für die Katholiken erschien M. P. Katančić's Übersetzung des Alten und Neuen Testa-

[1]) Der Erzbischof von Antivari zählt die Länder auf, für welche die Übersetzung bestimmt sei: Quam translationem sicubi Provinciis, Ragusinae nimirum Herzegovinae, Bosniae ac Seruiae commune aptam ac perceptu facilem testor, ita dignum censeo, ut typis mandetur. L. c.

[2]) Abgedruckt von Stojković o. c. 241—242. In der ausführlicheren serbokroatischen Vorrede bat er die Geistlichkeit, bei den Erzbischöfen und Bischöfen dahin zu wirken, daß sie den Kardinälen den Druck seiner Bibelübersetzung empfehlen.

[3]) Abgedruckt von Stojković o. c. 205. Kašić studierte die kirchenslavischen Übersetzungen aus alten Codices, verglich sie mit der Vulgata und fertigte in acht Jahren eine Übersetzung *communiori* dialecto Illyrica in lateinischer Schrift für Priester des lateinischen Ritus an. Die Einheit des Glaubens und die Tätigkeit der Prediger erfordern es, daß sie die hl. Schrift aus den reinsten Quellen schöpfen. Höchst wertvoll ist die weitere Begründung; Neque vero expedit, *ut quilibet Parochus, aut verbi Dei Concinator sibi versionem ex latino Illyricam faciat concionando, aut ex tempore interpretando, cum paucissimi inveniantur, qui Latinam linguam bene intelligant, et recte interpretentur. Una igitur ac certa versio Illyricis necessaria est Sacerdotibus, ne tot fiant versiones quot nunc sunt eruntque consequentibus saeculis sacerdotes.* Ein lehrreiches Beispiel, wie schlecht die Priester die Evangelientexte übersetzten, bringt der slovenische Reformator Pr. Trubar in der Vorrede zum Ersten Teil des Neuen Testamentes (1557); „Invenietis asinam alligatam et pullam cum ea" gab ein Geistlicher bei Cilli mit den Worten wieder; „Bote nešli eno oslico peruezano inu enu pišče (= junges Huhn!) per nee."

[4]) Stojković o. c. 257.

[5]) Vorrede zum Rituale Romanum, abgedruckt von Stojković o. c. 244.

[6]) Stojković o. c. 257.

ments 1831, die Bibel von Ivan M. Škarić aber erst in den Jahren 1858—1861.[1])

Die Titel der 17 gedruckten Werke und die ungedruckte Bibelübersetzung sowie die vorangehenden kurzen biographischen Angaben müssen genügen, um eine Vorstellung vom Wirken des bedeutendsten Schriftstellers der Gegenreformation unter den Kroaten zu geben. Uns interessiert hier das *Problem der von ihm gesprochenen und geschriebenen Sprache.*

Wir haben oben gesehen, daß Kašić der ihm in Rom gegebenen Aufgabe, eine Grammatik des am meisten verbreiteten Volksdialektes der „illyrischen" Sprache zu schreiben, nicht genügte und nicht genügen konnte. Sein weiteres Leben gab ihm viel Gelegenheit zum Nachdenken und zur praktischen Durchführung des Grundsatzes, den er sich von seinen Obern angeeignet hatte. In Ragusa hielt er seine ersten Frühpredigten für das Volk in der Domkirche „Dalmatico idiomate, aliquantum a Ragusino discrepante, nihilominus tamen satisque intelligibili; nondum enim perceperat pronuntiandi modum, atque propriam Loci Dialectum".[2]) Er war ehrlich bemüht, diesen Eigentümlichkeiten Rechnung zu tragen, denn in seiner ersten[3]) und auch in den späteren Schriften gibt es Ragusanismen mehr als billig.[4]) Doch die Ragusanischen „Scholastici", d. h. seine Ordensbrüder,[5]) waren mit seinen „in communem Dalmaticae nationis utilitatem" geschriebenen Büchern nicht zufrieden, sodaß er sich öfters sogar vor dem General in Rom verteidigen mußte. Kašić selbst berichtet darüber in seiner Autobiographie:[6]) „Quidquid enim P. Cassius *communi eloquio Nationi universae* scribebat, Aristarchis Ragusinis displicebat: Aiebant enim isti non esse elocutum Patrem solitaria unius Ragusino

---

[1]) Vgl.V. Jagić, Die serbokroatischen Übersetzungen der Bibel, Archiv f. slav. Phil. XXXIV., 49ff.

[2]) Stojković o. c. 181.

[3]) Vgl. die Widmung des „Nacin od meditationi i molitvae" an zwei Nonnen in Ragusa, Stojković o. c. 212.

[4]) Vgl. Stojković o. c. 239.

[5]) Daß das Wort nicht in dem heute üblichen Sinne, etwa wie das weiter zitierte „Aristarchen", zu verstehen ist, beweist der Umstand, daß ihn seine Neider beim General anfeindeten und daß er sich bei diesem rechtfertigte und um seine Enthebung ansuchte. Unter „Scholastici Soc. Jesu" werden Ordensmitglieder verstanden, die sich in den Studien befanden (B. Duhr, Die Studienordnung der Gesellschaft Jesu, 30, 266). Letzteres dürfte in unserem Falle allerdings nicht ganz stimmen, aber Kašić kann den Ausdruck auch deshalb gebraucht haben, um seine Gegner herabzusetzen (etwa „grüne Jungen").

[6]) Stojković o. c. 199.

ırbis elocutione, qua extra urbis muros vix unus reperietur qui oquatur in toto ipsorum Dominio, nedum in tota Dalmatia aut n Illyrico, seu in Pannoniis. Sibi enim ipsis soli blandiuntur, ac i mellitis verbis ipsi soli sermocinantur, cum tamen ipsorum ermones pleni sunt vocabulis Italicis, Graecis, Latinis aliisque ontortis in Ragusinam dialectum et pronuntiationem. E. g. ınum dictum: ‚Penituit me' sic ipsi: ‚Pentisko san se' pro verbo)almatico: ‚pokajo sam se', et quoniam istius modis loquendi ıumquam P. Cassius uti voluit, Patri Generali Romae dixerunt psius Scripta grata Ragusinis non futura.“ Man sieht, Kašić vollte für die „ganze Nation“ schreiben und warf der Sprache on Ragusa mit Recht allzuviel romanische, aus dem alten)almatischen, Lateinischen und Italienischen übernommene Elemente vor. In einem sehr energischen Schreiben, das er am 7. VII. 1625 an den General richtete, verlangte er eine „lingua ommune nazionale“; seine Schriften seien geschrieben nicht ‚in lingua Ragusea: ma in lingua più commune della mia naione“.[1]) Auf dieses und ein zweites Schreiben antwortete der General Mutio Vitelleschi mit Trostbriefen und erhörte nicht Kašić's Wunsch um Enthebng vom Superiorat der Residenz n Ragusa.

Als Kašić endlich nach Rom zurückkehrte, erhielt er 1635 on der Propaganda den Auftrag, das Rituale Romanum in die ‚illyrische“ Sprache zu übersetzen. Die Sprache dieses Werkes[2]) vurde von Kašić wohl überlegt, denn schon am 15. August 1636 chrieb er seine serbokroatische Vorrede, in welcher er endgültig ınd deutlich sein Programm niederlegte. Darin sagt er wörtich:[3]) „Ich habe darüber oft nachgedacht und im Gespräche nit andern erforscht, auf welche Weise wir unsere slavischen Sprechweisen (naša besidenja slovinska) am besten und anenehmsten schreiben und aussprechen könnten: wir konnten einen Weg finden, wie man nicht bloß allen Ländern, sogar iner einzelnen Stadt willfahren könnte, denn jeder Mensch obt den Dialekt und die Sprechweise seiner Stadt, der Kroate,)almatiner, Bosniake, Ragusaner, Serbe (Hrvat, Dalmatin, Bošnjak, Dubrovčanin, Srbljin).“ Er hält es daher für vernünf-

[1]) Ib. 201.
[2]) Rituale Romanum Urbani VIII. Pont. Max. Jussu editam illyrica lingua. Romae. Ex typographia Sac. Congreg. de Propag. fide. MDCXL. 4⁰. 18 (unpagierte) + 82 (Kalender) + 450 (Rituale).
[3]) Stojković o. c. 243.

tig, daß jener Schriftsteller, welcher in „unserer (naški) Sprache“ etwas schreiben will, sich bemühen müsse, „soviel als nur möglich in jenem Dialekt zu schreiben, den er geschickt bei vielen kennen gelernt hat, daß er der allgemeinste ist, und daß ihn jedermann leicht verstehen und mit Nutzen lesen kann; er möge irgendwie vielen Genüge tun.“

Auf diese Weise wollte Kašić auch sein Rituale übersetzen, da „er mit vielen Leuten verschiedener (süd)slavischer Länder gesprochen und verkehrt hat, in der Welt herumwandernd; und ich selbst habe ihre derartigen Reden verstanden, sie aber meine“. In der Klammer nennt er: Krstjani (katholische Christen), Rašani (Rascianer, Rascia = Raška, Name für die Wiege des Serbischen Staates), Srblji Poluvirci (halbgläubige Serben), und Türken (Turci).

Darauf folgt die wichtigste Stelle: „Wenn ich also *bosnisch* (bosanski) diese Worte schreibe: ‚Poslao sam, učio sam, rekao sam, und ähnliche andere, so wehre ich nicht unserem Dalmatiner, daß er dieselben Worte nicht auf seine Art wende, ebenso andere, und sage: ‚Poslal sam, učil sam, rekal sam‘, noch weniger dem Ragusaner zu sagen: ‚Poslo sam, reko sam‘. Wenn ich aber schreibe ‚što‘ oder ‚šta‘, wehre ich nicht dem Dalmatiner zu sagen ‚ča‘, ebenso auch in anderen Worten, welche nicht nach der Art seiner Stadt oder seines Ortes geschrieben sein werden, indem jeder in seiner Art einen Buchstaben nach seinem Brauch ändert; so haben wir nicht die einen oder die andern zu tadeln mit der Behauptung, daß sie mit verschiedenem Akzent sprechen (zanose)“. Den Seelsorgern gibt Kašić bekannt, daß er in dieser „allgemeinen Sprache“ nicht bloß das Rituale, sondern auch die Heilige Schrift übersetzt hat, ebenso das Evangelistar.

Auch die Frage der Orthographie oder richtiger Graphik behandelt er in dieser Vorrede. Er beklagt es, daß jeder Schriftsteller anders schreibt, erörtert das in seiner Grammatik durchgeführte System, nennt von den Schriftstellern, die mit lateinischer Schrift geschrieben haben, einen aus Spalato, 2 aus Zara, 7 aus Ragusa, 1 von der Insel Hvar (Lesina), 1 aus Trogir (Traù), 1 aus Bosnien (Bandulavić), war aber mit Rücksicht darauf, daß jeder die lateinischen Buchstaben anders gebraucht, bestrebt, seine Schriften, die er aufzählt, nach der Lehre seiner Grammatik auf *eine* Art (jednim načinom) zu schreiben und zu drucken.

Die lateinische Vorrede im Rituale an Urban VIII. gibt
ıllgemein denselben Gedanken wieder: „. . . Meum itaque fuit *Sacra iubente Congregatione*, cum adhuc essem in Basilica Vati-:ana Paenitentiarius Illyricus, diuturno labore *in paene infinita diomatis Illyrici varietate* perscribere *communiori dialecto Illy-ricis*. . . Ego vero meos labores qualescunque ad *communiorem juandam dialectum Illyricam* redactos Tuae Sanctitati . . . con-secrare constitui. . .“ [1])

Kašić entsagte also im Laufe der Jahre seinem dalmatini-ichen Čadialekt und wählte den štokavischen, aber nicht den iterarisch reichsten von Ragusa, wo er so viele Jahre gewirkt ıatte, sondern den von Bosnien, worunter auch die Herzego-vina zu verstehen ist; diesen lernte er nicht bloß auf seinen Reisen kennen, sondern konnte ihn täglich von den Herzego-vinern auf dem Markte von Ragusa studieren, wie es später ler Dichter Palmotić tat. Maßgebend war aber für seine Wahl ınd die Bezeichnung der Literatursprache gewiß auch die ;roße politische Rolle, die Bosnien um diese Zeit spielte, denn igentlich vereinigte es die Mehrzahl der Kroaten und Serben n der Türkei. Nicht minder wichtig war die Vereinigung aller ürkischen Katholiken in *einer* Ordensprovinz der Franziska-ıer.[2]) Eine interessante Parallelerscheinung hierzu bietet die Vichtigkeit des in der Türkei erneuerten serbischen Patri-ırchates in Peć (1557—1766) auch für die Literatur.[3])

Wenn man Kašićs mustergültige Sprache studieren wollte, o müßte man vor allem das Rituale Romanum und die Über-etzung der Bibel, deren Herausgabe eine Ehrenpflicht der Süd-lavischen Akademie der Wissenschaft sein sollte, berücksichtigt verden. Stojković [4]) hat aber noch gut hervorgehoben, daß ine besonders schöne, regelmäßige und glatt dahinfließende prache in dem 1638 gedruckten Život Gospodina našega Is-arsta zu finden ist, welches Werk ihm das beste von allen zu ein scheint. Die Sprache des Evangelistars (Pistule) hat jedoch er eigentliche Herausgeber D. Lucas Natalis in den ragusani-chen Dialekt umgeschrieben.[5]) Außerdem wäre wohl zu be-

---

[1]) Stojković o. c. 241.
[2]) S. Slavia IV. 694 ff.
[3]) Pavle Popović, Југословенска књижевност као целина, Глас срп. р. акад. CIV/60, S. 8.
[4]) O. c. 239.
[5]) Stojković o. c. 252.

achten, wie weit Kašić vom Lectionarium des Bernardin Splječanin oder dessen späteren Ausgaben und von dem Bosnier Bandulavić abhängig ist.

Hier genügt es zu konstatieren, daß Kašić seinen späteren Werken tatsächlich den bosnischen, bezw. herzegowinischen Dialekt zu Grunde legte, dabei aber von der gleichfalls što- und jekavischen Volks- und Literatursprache von Ragusa, wo er ungefähr 16 Jahre zugebracht hatte, stark beeinflußt wurde. Häufige Spuren des Ikavismus und andere Eigentümlichkeiten, wie das Schwanken im Gebrauch von *j* und *đ* können als Reste seines Mutterdialektes oder teilweise als Ragusanismen oder auch als Eigentümlichkeiten der westbosnischen Katholiken (auch in der Literatur) und Mohammedaner erklärt werden.

Hauptsache bleibt jedoch das deutlich formulierte Prinzip einer auf dem bosnischen Dialekt aufgebauten literarischen Gemeinsprache. Um die Wirkung dieses Prinzips richtig zu würdigen, muß man im Auge behalten, daß Kašićs Grammatik allen folgenden Grammatikern und Lexikographen bis ins 19. Jahrhundert bekannt war,[1]) und daß sich das Rituale Romanum in den Händen aller Geistlichen befand[2]) und oft neu aufgelegt wurde.[3]) Was aber allgemein ist, gilt gewöhnlich auch als schön. Kašić selbst lehnt noch diesen Gedanken ausdrücklich ab, weil jeder Mensch seinen Dialekt lobe (jere sfaki čovik sfoga grada govor i besidenje hvali),[4]) doch schon sein Zeitgenosse, der Jesuit Jakob Micalia[5]) (so schreibt er sich lateinisch in seinem Thesaurus linguae Illyricae, it. Micaglia), geboren in Pescia in der Provinz Lucca (1600), der acht Jahre als Missionär in Temesvar im ehemaligen südlichen Ungarn wirkte, sich längere Zeit auch in Dalmatien und Ragusa aufhielt und als Poenitentiar in Loreto starb (1654), verpflanzte die italienischen

---

[1]) Es würde zu weit führen, hier näher darauf einzugehen. Auf die stark[e] Abhängigkeit der Grammatik Dellabellas in seinem Dizionario Italiano-Latino Illyrico (1728 und 1785) hat Stj. Bosanac hingewiesen (Nastavni Vjesnik IX., 529). Diese Grammatik erlebte eine neue Auflage noch 1837 in Ragusa; Principij ele[-]mentari della Grammatica illyrica. Auf Dellabella stützen sich die späteren Gram[-]matiken von Relković, Voltiggi, Appendini und Š. Starčević (Ign. Berlić, Gram[-]matik der illyrischen Sprache, Ofen 1833, S. V—VI.)

[2]) Es ist noch heute von Kašićs Werken antiquarisch am leichtesten au[f]zutreiben.

[3]) Stojković o. c. 247.

[4]) Ib. 243.

[5]) Vgl. über ihn die Abhandlung von M. Rešetar, Archiv f. slav. Phil., 33, 407 f

3egriffe von der Schönheit der Lingua Toscana in bocca Romana leich zu den Südslaven und machte in der Einleitung zu seinem Vörterbuch[1]) aus Kašićs bosnischem Dialekt den schönsten: ,io hò procurato di mettere in questo Dittionario le parole più celte et il'dialetto più bello; perche si come nella lingua Italiana. n quanto al Dialetto, e varietà de vocaboli... benche vi sia randissima varietà nel parlare; nulla dimeno, quando si scrive gn'ùn affetta la lingva Toscana, ò Romana, conoscendo, che uella fra tutte sia la più bella e che convenghi, che i libri si crivano in quella. Così anco sono molti, e varii li modi di parlare n lingva illirica, ma ogn' un dice, che *la lingva Bosnese sia la iù bella* perció tutti gli scrittori ilirici doverebbero affettarla el scrivere, il che hò procurato di far io in questo Dittionario."

Zu seiner Arbeit eiferte ihn der Priestermangel in der Türkei n, wo der katholische Glaube sehr viel zu leiden habe. Dem vürde abgeholfen werden, wenn Knaben (pueri) studieren könn-en, dazu seien vor allem Dictionarium und Grammatica not-vendig. Über die Orthographie äußert er sich zuerst lateinisch, lann serbokroatisch mit der Tendenz, das lateinische Alphabet ür das Serbokroatische möglichst dem Lautwert des Lateini-chen und Italienischen anzupassen, wobei er gute Kenntnisse ler cyrillischen Schrift (er druckt cyrillisches ж ab, um die chreibung von *sg* für *ž* vorzuschlagen) und gesprochener und eschriebener dialektischer Eigentümlichkeiten (*r̥*, *đ*) verrät.)ie dem Wortschatze vorangehende Grammatik hat den Unter-icht des Italienischen zum Zweck, beruht also nur mittelbar uf Kašić. Es ist auffällig, daß er sich als den ersten Lexiko-raphen des Serbokroatischen betrachtet, Vrančić gar nicht ennt und sogar behauptet, daß ein so nützliches Buch, wie es lle Völker besitzen, bisher niemand im „slovinski jezik" ver-aßt habe. Das kann man insoweit rechtfertigen, daß er das rste Wörterbuch schrieb, in dem das Schlagwort „illyrisch"

---

[1]) *Blago jezika slovinskoga* illi *Slovnik*, u kome izgovaraju (im Orig. mit dem)ruckfehler: -rara-) se rječí slovinske Latinski, i Diački. *Thesaurus linguae illy-icae* sive Dictionarium illyricum, in quo verba Illyrice, Italice et Latine reddantur, abore P. Jacobi *Micalia* Societ. Jesu collectum. Ex sumptibus sacrae congr. de ropag. fide impressum. Laureti 1649. Das Wörterbuch war schon 1646 nieder-eschrieben. Ort und Jahr des Druckes sind nicht genau, denn vollendet wurde erselbe in Ancona 1651. Die Bezeichnung *Slovnik* gehört, da slovo im Serbo-roatischen nicht Wort, sondern Buchstabe bedeutet, entschieden zu den Ent-hnungen aus dem Čechischen oder Polnischen, deren K. Štrekelj bei Micalia nehrere nachgewiesen hat. Archiv f. slav. Phil., 31, 194f.

oder „slovinski“ war. Er kann aber Vrančić auch absichtlich verschwiegen haben, denn dieser betrachtete noch 50 Jahre zuvor den *dalmatinischen* Čadialekt als lingua Toscana. Micalia bekämpft aber in dem Kapitel über die Orthographie ausdrücklich ein Hauptmerkmal des čakavischen Dialektes, *j* für *đ*: nicht *meja, meju, tuji, riji, viju* sei zu schreiben anstatt *meghja, meghju, tughji, righji, vighju*, weil *meja meju* nicht gesprochen (!) werde.[1] Dagegen ist er bezüglich des Ikavismus nicht konsequent und setzt nebeneinander: simme sjemme, bižati bježati, sjekirra und sikirra, sjesti siditi, sjediti sisti, ja die ikavischen Formen haben das Übergewicht, wofür er Anhaltspunkte in den dalmatinischen, bis zu einem gewissen Grade sogar in den ragusanischen, und in den bosnischen Schriftstellern hatte. Diese Erscheinung ist überhaupt noch lange zu beobachten, daß die schönste štokavische Sprache ikavisch geschrieben wurde (vgl. den Dalmatiner Andrija Kačić-Miošić um die Mitte des 18. und den slavonischen Schriftsteller A. M. Reljković u. a. in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts.) Es ist richtig, daß eine Analyse seines Wortschatzes schwierig ist, wie Rešetar[2]) hervorhebt, da ihm verschiedenartiges Material vorlag; nach meiner Überzeugung jedenfalls auch das Wörterbuch von Vrančić, wahrscheinlich in der von Loderecker mit dem čechischen und polnischen Wortschatz vermehrten Ausgabe (Prag 1605), denn nur aus dieser kann er die polnischen und čechischen Wörter geschöpft haben.[3])

Micalias Wörterbuch war nun neben Kašićs Grammatik und Schriften das leuchtende Vorbild für die folgenden Generationen, namentlich in der zweiten Hälfte des 17. und in dem ersten Viertel des 18. Jahrhunderts, als es noch allein dastand. Von den Dichtern, die ihm folgten, interessiert uns am meisten der Jesuitenzögling[4]) Gjono (Julius) *Palmotić* (1606—1657), der fruchtbarste[5]) und wegen seiner Improvisationsfähigkeit überschätzte Dichter Ragusas, bekannt durch sein religiöses Epos Christiade und zahlreiche Dramen. Die Christiade gab nach seinem Tode sein Bruder Georg 1670 in Rom heraus und widmete sie dem Kardinal Barberini, der Kustos der Vatikani-

---

[1]) O. c. Blatt 7v.
[2]) Arch. f. sl. Phil. 33, 469.
[3]) S. o. S. 89 Anm.
[4]) Rad jsl. ak. 68, S. 71.
[5]) Stari pisci hrvatski B. 12—14, 19.

schen Bibliothek Stephan Gradić (Gradius) schrieb aber als Einleitung: „De vita, ingenio et studiis auctoris".[1] Hier erfahren wir, wie Palmotić eifrig bemüht war, eine von fremden Elementen reine Sprache zu schreiben und mit Rücksicht auf die Manigfaltigkeit der slavischen Sprache nicht die Spraches einer Vaterstadt, sondern die der benachbarten Bosnier wählte, welche durch ihre körperlichen Vorzüge ebenso hervorragen, wie durch ihre Sprechweise[2]) und geradezu für Würde und Eleganz geboren seien. Es ist viel Wahres an dieser Würde und Eleganz der benachbarten Herzegowiner, die bei der mehrere Jahrhunderte währenden türkischen Herrschaft besonders auffällt, aber für Palmotić waren in Wirklichkeit doch die von den römischen Kreisen, von Kašić und Micalia übernommenen Grundsätze seiner jesuitischen Lehrer maßgebend.

Mit Recht hat schon Jagić[3]) hervorgehoben: „Dieses Zeugnis kann füglich verallgemeinert und nicht nur auf die bedeutendsten Dichter Ragusas des 17. und 18. Jahrhunderts übertragen, sondern auch bei den meisten Schriftstellern Dalmatiens stillschweigend vorausgesetzt werden, da schon damals das Bestreben sich regte und häufig zum Ausdruck kam, in sprachlicher Beziehung aus dem engen Rahmen der Befriedigung lokaler Bedürfnisse herauszutreten und weiteren Lesekreisen zu dienen. Alle ohne Ausnahme wiesen dabei auf Bosnien und die Herzegowina als dasjenige Land hin, an dessen schöne und reine Mundart man sich vorzüglich halten müsse."

Der nächste Grammatiker und Lexikograph Ardelio Dellabella, gleichfalls aus Italien (aus Foggia in Apulien) gebürtiger Jesuit,[4]) bringt in seinem Dizionario Italiano-Latino-Illirico

---

[1]) Abgedruckt von A. Pavić, Rad 68, S. 70—77..

[2]) Ib. 76. Ich gebe die bezeichnenden, vom ragusanischen Panslavismus erfüllten Sätze des redseligen Gradić im Original wieder: Magnae autem illi curae fuit in hoc praecipue poemate sermonis ratio, ut purum illum et cum a caeteris tum maxime a vitio peregrinitatis emucalatum praestaret. Cum autem animadverteret linguam slavam ob amplitudinem terrarum et gentium, quas amplectitur, varietatem in plures veluti dialectos dispertitam, *genus orationis secutus est, non quidem suis civibus usurpatum*, quippe qui neque a stirpe, etiam diximus, Slavi sunt, et assiduo cum Italis caeterisque externis gentibus commercio dictione gaudent peregrinis cum vocibus tum loquendi formulis passim scatente, *sed quod vicinis Bosnensibus in usu est, quae gentes, ut specie ac dignitate corporis, ita loquendi genere ad grauitatem et elegantiam a natura factae videntur*; multoque magis corum sermo ad extremas Podoliae Moscoviaeque morem, quam quo interiecti Bohemi et Poloni utantur accedit.

[3]) Die Aufgaben der Erforschung der südslavischen Dialekte, S.A. aus dem Anzeiger der phil.-hist. Kl. der Akademie der Wissenschaften in Wien, Jahrg. 1897, Nr. XI., S. 2. — [4]) Vgl. Slavia IV. 700.

(Venezia 1728) nicht bloß eine auf Kašić fußende Grammatik des Serbokroatischen,[1]) sondern folgt ihm auch in der Theorie vom bosnischen Dialekt, betrachtet aber den ragusanischen als schöner: „Il dialetto di cui mi servo, si è il Bosnese, e'l Raguseo stimato il migliore.“ [2]) Wir haben gesehen, welche Kämpfe Kašić mit den Ragusanern zu bestehen hatte, weil er ihrem Dialekt nicht genügend Rechnung trug, und daß sein Evangelistar (Pistule) sogar im Widerspruch mit seiner Theorie und Praxis „in ragusanischer Sprache“ erschien. Die Sprache des einzigen christlichen Staatswesens auf dem Balkan während der Türkenherrschaft, die Sprache der Stadt, die eine verhältnismäßig sehr reiche und eine sehr schöne Literatur hervorgebracht hatte, konnte nicht ganz in den Hintergrund gedrängt werden. Dellabella behauptet weiter, daß er als Autoren Dalmatiner und Ragusaner zitiere, in Wirklichkeit stützt er sich aber überwiegend auf Ragusaner und bietet Zitate nur aus Kašić und noch vier andern Dalmatinern: Alberti, Hektorović, Ivanišević und Komulić, dagegen zu unserer Überraschung aus keinem einzigen bosnischen Schriftsteller. Die Zeilen haben sich geändert: nach dem Karlowitzer Frieden gab es in der Türkei kein Groß-Bosnien mehr, der größere Teil der türkischen Katholiken kam unter christliche Herrschaft und die Tätigkeit der römischen Propaganda war überhaupt schon erlahmt.

Merkwürdige Bedeutungen finden wir bei Dellabella unter dem Schlagwort: Barbaro di favella (zum Unterschied von Barbaro, adiett. gentilitio, si dice d'huomini stranieri, è poco humani), sermone barbarus, *Čâkavac*, Neskladan u rječih; Far barbarismo, Upàsti u zarječje, *čâkati*, zareći se, *zâći u čâkanje*; Barbarismo, errore di linguaggio nel parlare, ò *nello scrivere*, zarečje, *čâkanje*, neskladnost u rječi. Das Wörterbuch der Südslavischen Akademie (I. 863) erklärt *čákavac* „qui verba corrupte pronuntiat“ (kommt noch beim Ragusaner Stulli vor), *čákati*, verba corrupte pronuntiare, von *čkati* (*čačkati*), tako da je *a* među č i *k* umetnuto, a značenja polaze od *udarati*. Bei *čkati* und *čákati* rostro tundere (aus der Lika) handelt es sich wohl um Schallnachahmungen, aber Dellabellas *čakavac* möchte ich nicht von *čákavac* = Časprecher trennen, wie es im Rječnik der Südslav. Akademie geschieht. Die Worte *čakavac* und *kekavac* (so bei Vuk Karadžić

[1]) Vgl. S. 88, Anm. 1.
[2]) O. c. Blatt 2.

für *kajkavac*, die Form entspricht also lautlich nicht dem, was sie bezeichnen soll, einen Kaj-Sprecher) brauchen nicht erst von Vuk Karadžić zu stammen, sind aber durch ihn in die grammatische Literatur eingeführt worden. Bezeichnungen für Volksteile nach einem auffälligen Wort gehören zu den gewöhnlichsten Erscheinungen in den slavischen Sprachen, z. B.: *Mijaci* in Makedonien, welche *mija* (aus altem *my*) statt des sonst üblichen *nije* sprechen, *esti* (sprechen so statt *e*, 3. Person Sing. des Verbums jesmь).[1]) Die Bewohner des mittleren Nordteiles von Serbien werden *Kanovci* genannt, weil sie in der Umgangssprache sehr oft das Wörtchen *káno* (kao ono?) gebrauchen. Der Name wurde auch auf diejenigen Landleute übertragen, bei denen wie bei den Kanovci die gedehnte Betonung (z. B. čóvek, žéna, vóda, dúkat u. s. w.) vorherrschend ist, wenn auch das Wörtchen *kano* bei ihnen nicht üblich ist.[2]) Unter allen Slovenen sind bekannt die Bewohner zwischen Mur und Drau als *Prleki*, weil sie *prle* (statt *prej* = früher) für den Komparativ *prvlje* von *prvo* sprechen. Auf die *Štekárji* des Jauntales (Podjunsko narečje) im östlichen Kärnten, welche *šta, što, štu, šteka* für das Pronomen *ta, to* und die Adverbia *tu, teka* (= tukaj) sprechen, hat schon W. Jarnik[3]) 1842 aufmerksam gemacht. Unter den Ruthenen südlich der Karpathen (Podkarpatskaja Rus') gibt es *cotaki* (co = ukr. ščo, r. što), *sotaki, ceperjaki, lemaki, lišaki*. Allgemein bekannt sind die Lemken in den Karpathen, die sich selbst Rusnjaki nennen, aber von den Nachbarn *Lemki* genannt werden, weil sie *lem* = *lišь, tolьko* sprechen.[4]) Unter den Kašuben gibt es *Niniacy* nach *ninia* für *ejže! no!*, *Belocy* nach *bel* für *był*, unter den Schlesiern *Jacki* nach *jacy* für *tylko*, bei den Kleinpolen *Kajacy* nach *kaj*[5]) für *gdzie*.[6])

Ein besonders reichhaltiges Material derartiger Bezeichnungen, die meist als *Spitznamen* empfunden werden, stellte

[1]) 31. В. Кѫнчов, Македония, 31.

[2]) Archiv f. sl. Ph. 16. B., 132 f.

[3]) Kolo, I, 1842, 48. Dr. M. Potočnik, Vojvodina Koroška 154. Wie mich Dr. F. Kotnik (Ptuj) aufmerksam macht, beginnen die Štekarji in Šmarjeta v Rožu (Rosental) und reichen bis in die Umgebung von Slovenji Gradec (Windischgraz) in der ehemaligen südlichen Steiermark. K. Štrekelj erklärte seinen Hörern die Entstehung von *šta* u. s. w. aus *vidiš ta* 〉 *višta* 〉 *šta*.

[4]) Т. Д. Флоринскій, Славянское племя, 42.

[5]) A. Fischer, Lud polski, 15—16.

[6]) J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, II., 277.

mir für die Čechen und Slovaken Dr. Bohuslav Havránek zur Verfügung. *Buláci, bulák, bulka* unter den Choden im westlichen Böhmen sprechen *bul* für *byl* und *bulák* bezeichnet dann auch einen Choden in altertümlicher Kleidung überhaupt.[1]) *Půjďáci* und *pudáci, půjďačka, Půjďácko, Pudacko, půjďačina* werden im südlichen Böhmen nach *půjdu* und *pudu* (Vodňansko) unterschieden.[2]) *Tiťáci* im südlichen Böhmen heißen nach dem auslautenden *ť* für ursprüngliches *ti.*[3]) *Simionáci* sprechen *sim* für *sem, jsem.*[4]) *Petáci* um Litomyšl werden von den Nachbarn verhöhnt, weil sie *pet* für *pět* sprechen;[5]) dem Autor, der ihren Dialekt beschrieben hatte, wurde, als er wieder in der Gegend erschien, von einem wohlwollenden Manne geraten, sofort zu verschwinden, damit er nicht eine tüchtige Tracht Prügel davontrage. *Prtlíci* ist der Spitzname für Bewohner Mährens, die *prtel, prtlík* für *pytel, pytlík* (überhaupt *r* für *y*, z. B. auch *mrdlo*) sprechen. Sogar das prothetische *v* vor *o* gab den Anstoß zum Spitznamen *vopóni* unter den Hannaken,[7]) unter denen es bei Tovačov auch *Ps*e*ci* (= psíci) gibt, weil sie *e* für *i* und *y* sprechen (z. B. veliké psék).[8]) *Cotáci* und *Sotáci* in der östlichen Slovakei werden nach *co* und *so* für das schriftgemäße *čo* genannt.[9]) Die *Sotaken* kannte schon J. Šafařík[10]) und wollte in ihnen Nachkommen der im 5. Jahrhundert erwähnten *Satagen, Satagarii*[11]) erblicken. Sogar in deutscher Sprache hörte ich in meinen Jugendjahren in Steiermark für Čechen die wegwerfende Bezeichnung *Copaken* nach dem häufigen *co pak* = was denn?

Da Dellabella als čakavac einen Menschen bezeichnet, der schlecht spricht und *schreibt*, so haben wir es offenbar mit einem pejorativen Volksnamen zu tun, der in Ragusa leicht aufkommen konnte, da es innerhalb seiner Mauern den Čakavismus zurückdrängte, Ča-Sprecher in der nächsten Nähe hatte

---

1) J. Fr. Hruška, Dialektický slovník chodský, 15; B. Němcová (aus dem J. 1856) Poh. vesnice, Spisy 3. 62, vyd. Gebauer; Šembera, Základové dialektologie čsl., 16; Trávníček, O českém jazyce, 21, 95.

2) Jos. Holeček, Naši III., 65, 157, 158, 310, 314.

3) Vydra, Popis i rozbor nářečí hornoblanického, 4, 15; Travníček o. c. 17, 95.

4) Trávníček o. c. 19, 95; Dušek, Hláskosloví nářečí jihočeských, 2, 30.

5) Hodura, Nářečí litomyšlské, 8.

6) Trávníček o. c. 32, 95; Bartoš, Dialekt. moravská, 2, 246.

7) O. Bystřina, Jak si naši škádlivají, 45.

8) O. c. 11.

9) Czambel, Slovenská reč, 12f.; O. Broch, Studien an der slov.-kleinrussischen Sprachgrenze, 12.

10) Geschichte der slaw. Sprache u. Lit., 377.

11) ČČM. 1834, I., 42.

‌nd sie häufig aus dem übrigen Dalmatien zu hören bekam. ‌edenfalls war Čakavac zu Beginn des 18. Jahrhunderts in Ra- ‌usa bereits minderwertig und bietet einen interessanten Beitrag ‌um Rückgange des čakavischen Dialektes.

Merkwürdigerweise hat man sich bisher gar nicht die Frage ‌orgelegt, warum der Dialekt des Lektionariums und der Dichter ‌larulić, H. Lucić, Hektorović, Zoranić, Baraković usw. all- ‌nählich aus der Literatur ganz verschwindet.[1]) Das ist um so ‌uffälliger, als es sich um eine Erscheinung handelt, die *zum ‌nindesten von derselben Bedeutung ist, wie das Aufgeben des ‌Kajdialektes im 19. Jahrh. durch die Zagreber Illyrier.* Die wich- ‌igste Ursache bildete natürlich die von Rom ausgehende und ‌on Kašić begonnene Theorie und Praxis einer gemeinsamen ‌iteratursprache. Gefördert wurde dieser Prozeß durch den ‌nateriellen und geistigen Rückgang des čakavischen Dalmatien, ‌amentlich seiner Städte. Die Bevölkerung zog sich vor den ‌ürken auf den freien Küstenstreif und auf die Inseln zurück, ‌us Kroatien wanderten aber die Čakaver nach dem westlichen ‌Jngarn (heute die Mehrzahl im österreichischen Burgenland) ‌is in die Umgebung von Bratislava (Preßburg) und kleine Teile ‌ogar nach Niederösterreich und Mähren aus. Der ohnehin nicht ‌tarke Stammkörper wurde durch solche Abwanderungen sehr ‌eschwächt und die Što-Sprecher, welche die Türken vor sich ‌ertrieben oder als ihnen notwendige Raja mitführten, mögen ‌n der Tat die zurückgebliebene čakavische Bevölkerung teil- ‌veise assimiliert haben, wie sich Miklosich[2]) das Vordringen ‌ler Serben vorstellte, obgleich Rešetar[3]) das entschieden leugnet ‌ınd die Ausbreitung der Štokaver nur dem türkischen Schwert ‌uschreibt. Für eine Assimilierung des Čadialektes sogar durch ‌len Kajdialekt bietet ein interessantes Beispiel der Gorski Kotar ‌n Kroatien, das Bergland östlich von Fiume, dessen čakavische ‌Bevölkerung während der Türkenherrschaft nach Krain aus- ‌vanderte, nach dem Karlowitzer Frieden aber zurückkehrte

[1]) Einige Angaben über das Vordringen des Štokavischen in der Literatur ‌indet man in Rešetars Abhandlung: Die Čakavština und deren einstige und jetzige ‌Grenzen. Archiv f. slav. Phil., XIII., 93ff. Wichtig ist z. B. die Tatsache, daß ‌n der Übersetzung des I. und II. Buches des Aeineis Vergils von J. Zanotti- ‌anzlinger (Venedig, 1688) aus Zara der štokavische Dialekt schon völlig Ober- ‌and nimmt. L. c. 194.

[2]) Vgl. Grammatik d. slav. Spr., I², 392.

[3]) Der štokavische Dialekt, 38.

und dabei den slovenischen Kajdialekt mitbrachte, der den čakavischen im Laufe des 18. Jahrhunderts ganz verdrängte.[1])

Die Städte verarmten durch die Kriegszeiten und die venezianische Kolonisationspolitik, welche nicht einmal den Bischöfen Schulen zu errichten erlaubte und nach 1699 ganz Dalmatien als Ausbeutungsobjekt erhielt, und wurden immer mehr italienisiert, sonst gelangte aber im Bildungswesen das Latein wieder zur ausschließlichen Herrschaft. Das interessanteste Beispiel bietet Ragusa, wo die einheimischen Jesuiten dem ihrem Orden eigenen Internationalismus und seinem Latein soweit huldigten, daß das „südslavische Athen" in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts *wieder* hervorragende Latinisten hatte, von denen Benedikt Stay (Stojković) nach dem Beispiel von Lukrez's De rerum natura die Philosophie von Descartes und Newton in glatte Hexameter brachte, Raimund Kunić Homers Ilias (Rom 1776), Theokrits Idyllen und fast alle Dichter der griechischen Anthologie in das Lateinische übersetzte und selber Vergil, Katull und Horaz nachahmte (Raimundi Cunichii Ragusini epigrammata, Ragusa 1827), B. Zamanja (it. Zamagna) Homers Odyssee (1777), alle Werke Hesiods und teilweise auch Theokrit in lateinische Verse kleidete. Noch zu Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts betätigten sich in ähnlicher Weise Georg Ferić, M. F. Galjuf und Junius Resti (Carmina, Padua 1816) durch Übersetzungen aus dem Griechischen und Serbokroatischen und durch eigene lateinische Dichtungen.[2])

Die nationale Literatur ging daher im 18. Jahrhundert in Dalmatien und Ragusa überhaupt stark zurück, im 19. spielten aber beide Gebiete lange gar keine Rolle. Zum Glück war die Idee einer gemeinsamen Literatursprache schon fest verankert, und die Traditionen von Ragusa, Dalmatien und Bosnien fanden nach dem Karlowitzer Frieden 1699 eine natürliche Fortsetzung in den štokavischen katholischen Gebieten von Slavonien und Kroatien (hauptsächlich in der Lika). Von den slavonischen Schriftstellern interessiert uns am meisten der noch von Theodor Mommsen mit Ehren genannte Archäologe Math. P. Katančić, der sich gar nicht übel als pseudo-klassizistischer Dichter im

---

[1]) R. Strohal, Osobine današnjega delničkoga narječja, *Rad* jsl. akad. 153, S. 115.

[2]) B. Vodnik, Povijest hrv. književnosti, 312—318; Đ. Körbler, Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka, I., 892—893.

„bosnischen Dialekt" versuchte, dem dalmatinischen Nachahmer des Volksliedes um die Mitte des 18. Jahrhunderts Andrija Kačić ebendenselben Dialekt zuschreibt,[1]) 1815 in Ofen (Budim) Etymologicon Illyricum ad leges philologiae *dialecto bosnensi* exactum vollendete[2]) und eine Übersetzung des Alten Testamentes „u jezik slavno-ilyrički *izgovora Bosanskog*"[3]) herausgab (u Budimu 1831). Auch die Bulgaren fehlen nicht in seiner südslavischen Gemeinschaft, denn er setzt auseinander, daß sie „Illyrice loquuntur".[4])

Es ließe sich noch manches anführen, wie das Ideal einer gemeinsamen Schriftsprache mit der Bevorzugung des „bosnischen" und mit ihm des ragusanischen Dialektes bis ins 19. Jahrhundert fortwirkte, als die Zagreber Illyrier seit 1830 der alten Idee einer literarischen und im Hintergrunde wenigstens teilweise auch einer politischen Vereinigung *aller* Südslaven im Geiste der romantischen Strömungen einen neuen Anstoß gaben und tatsächlich eine Einheit der Literatursprache der Kroaten und Serben erreichten, indem sie noch den zweiten von den Kroaten seit der Reformation geschriebenen, vom Štokavischen noch mehr als das Čakavische entfernten Kajdialekt einer höheren Idee zum Opfer brachten. Unter den slavischen Völkern ist das eine einzig dastehende Erscheinung in einer Zeit, als sich die Kleinrussen (Ukrainer) sprachlich von den Großrussen und die Slovaken von den Čechen trennten, und verdient umso größere Bewunderung, da dieses Opfer die Hauptstadt einer politischen und einer noch größeren kulturellen Einheit gebracht hat. In Zagreb wollte man eine gemeinsame Schriftsprache aus den Dialekten des „Dreieinigen Königreiches" Kroatien, Dalmatien und Slavonien schaffen, und schon I. Derkos[5]) dachte 1832 auch an ein literarium nobiscum commercium mit den Serben der Vojvodina und des Fürstentums. In Bezug auf die praktische Durchführung dieses Programms gab es zwei Strömungen: die eine hielt sich mehr an die Klassiker der dalma-

[1]) Eum (Ovidium) nuper quidam, opere *Fructuum auctumnalium* imitari conatus est, *dialecto Bosnensi.* — Kačić Dalmata, ubi omnia Bosnensi dialecto expressa videas. Math. Petr. Katancich, Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum (Zagrabiae, 1795), 56.

[2]) Šafařík, Geschichte der südsl. Lit., II. 115.

[3]) J. Kukuljević, Bibliografia hrv., 66. Auf dem Titelblatt des Neuen Testamentes fehlt diese Angabe.

[4]) Math. Petr. Katancich, De Istro eiusque accolis, 142—143.

[5]) *Genius patriae* super dormientibus suis filiis... S. 38, 45.

tinisch-ragusanischen Literatur, die andere bevorzugte die Volkssprache, welche die älteren und zeitgenössischen Schriftsteller aus Slavonien und Militär-Kroatien vermittelten und Vuk Karadžić auf serbischer Seite in seinen berühmt gewordenen Sammlungen der Volkslieder und anderer Erzeugnisse der traditionellen Literatur als klassisches Muster aufstellte. Die Vereinigung mit den Serben ist eben erst dadurch möglich geworden, daß Vuk Karadžić dem kirchenslavisch-russisch-serbischen Gemisch in der Literatur den Krieg erklärte und den herzegowinischen, „südlichen" Dialekt seines Vaterhauses auf den literarischen Thron erhob. Als er dann auf seinen Reisen in Kroatien, Dalmatien und Montenegro die Sprache der südwestlichen Gebiete und die Literatur Ragusas kennen lernte, machte er verschiedene Konzessionen auch Ragusa und Bosnien, namentlich seinen Städten. So begann er statt *đ* und ć, die in der Herzegowina, Boka und in Montenegro für *dj- tj* gesprochen werden, die ursprünglichen Laute zu schreiben;[1]) also nicht mehr ђед, ђевојка, ђеца, виђети, гђе, овђе, онђе, врћети, лећети, ћерати u. s. w., sondern дјед, дјевојка, дјеца, видјети, гдје, овдје, ондје, вртјети, тјерати, was er eine städtische, eine Herrenmundart des südlichen Dialektes nennen möchte (i za ovo moglo bi se reći, da je varoški-gospodski-govor južnoga narječja). Ebenso wie vor den Städten Bosniens macht er eine Verbeugung auch vor Ragusa und bekennt, daß den südlichen Dialekt „viele Ragusaner" schrieben, nur *je* und *ije* nicht unterschieden, und sagt dann wörtlich: „U nas ja sam najprije počeo pisati tijem narječjem, i to po Hercegovačkome govoru; ovo pak sad pišem po Dubrovačkome, da bi se i ono u svemu narodu bolje poznalo.[2])" Vuk Karadžić machte also zuletzt der Sprache von Ragusa theoretisch dieselben Konzessionen wie Ardelio Dellabella schon 1728, nur ging er in der Praxis nicht so weit.

1850 wurde von den hervorragendsten kroatischen und serbischen Schriftstellern und Gelehrten im Verein mit dem Slovenen Miklosich von Wien aus proklamiert, daß die Serben und die Kroaten *ein* Volk sind und daher auch *eine* Literatur haben müssen. Unter den Gründen, warum der „südliche" Dia-

---

[1]) Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, књ. III., 37.

[2]) Ib. 38.

lekt als gemeinschaftliche Schriftsprache empfohlen wurde, ist auch die Rücksicht auf „die ganze alte ragusanische Literatur" erwähnt.[1]) Vuk Karadžić arbeitete die „Hauptregeln" für diesen südlichen Dialekt aus,[2]) wiederholte kurz die oben zitierte Stelle, verlangte u. a., daß nach *r e* für ursl. *ě*, also *grešnik*, nicht *griješnik*, wie er in seinem Vaterhause hörte, geschrieben werde, und ließ die Wahl frei zwischen *dobrijeh*, *dobrijem* und *dobrih*, *dobrim*, weil beides in Ragusa und Montenegro gesprochen werde.

Vollständig ist die gewünschte Einheit in der Praxis auch heute noch nicht durchgeführt, denn gerade bei den Serben des früheren Königreiches und der Vojvodina wurde der östliche ekavische Dialekt in der Literatur üblich, weshalb wir vor der merkwürdigen Tatsache stehen, daß Vuk Karadžićs Schriftsprache heute überwiegend von Kroaten und Mohammedanern mit dem lateinischen Alphabet geschrieben wird. Die heute in der Wissenschaft üblichen Vorstellungen von der „serbischen", „serbischen *oder* kroatischen" (oder umgekehrt), jetzt „serbokroatischen",[3]) aus den Werken von Vuk Karadžić geschöpften Schriftsprache sind überholt. A. Belić[4]) hat recht, wenn er in seiner Besprechung von Leskiens „Grammatik der serbokroatischen Sprache" betont, daß diese sowie die Grammatka hrvatskoga ili srpskoga jezika von T. Maretić keine Grammatik der zeitgenössischen Schriftsprache und beide gleichmäßig unzeitgemäß sind. Nur muß man auch auf die Zeit *vor* Vuk Karadžić sehr weit zurückgehen, denn die üblichen Vorstellungen von einer wirklichen Geschichte der serbokroatischen Schriftsprache sind noch mehr unzeitgemäß.

(Fortsetzung folgt.)

M. Murko.

---

[1]) Ib. 300.

[2]) Ib. 301—303.

[3]) Diese den Tatsachen am besten entsprechende Bezeichnung wurde zuerst 1824 von Jakob Grimm unter Kopitars Einfluß (s. o. S. 71, Anm. 7.) gebraucht, dann aber von diesem selbst (Glagolita Clozianus, p. LIII—LV): Dialectus illyrica, rectius serbochrovatica sive chrovato-serbica.

[4]) Rocznik slawistyczny, IX., 133—156.

Мотив одиночества у Лермонтова.

1.

Мотив одиночества один из самых излюбленных у Л-ва он нашел себе воплощение в различных образах. Одним и таких образов является дубовый листок, оторвавшийся о родной ветки. Этот образ как бы символизирует одиночество В сильном преобладании этого образа в творчестве Л-ва имели влияние чисто внешние обстоятельства жизни поэта. Известно что поэт еще в юных летах потерял мать, отец умер, когда поэ был еще 16-ти лет от роду. Семейные нелады между бабушкой поэта и отцом, конечно, наложили известную печать на устана вливавшееся тогда миросозерцание молодого поэта. Л-в, заме чает Спасович, „был несомненно человек беспочвенный, раз общенный со средою, что и служило причиною его тоски и пессимизма".[1] Возможно, что приведенное замечание Спасовича до известной степени верно, но мы полагаем, что главной причиной пессимизма Л-ва были именно личные обстоятельства

Поэт с юных лет сильно страдал от одиночества. Он рано потерял мать и отца.

> Он не имел ни брата ни сестры,
> И тайных мук его никто не ведал. (II, 166.[2])

Известно, что Л-в не отличался большой откровенностью и не всякому признавался в одиночестве, царившем в его душе. Только в своих произведениях он был вполне искреннен.

Нигде он не встречал сочувствия, никто не мог понять его душевных запросов. Даже и родные, по своему любившие его, не могли все понять мятежной, стремящейся к идеалам души поэта. Всю жизнь его мучило сознание, что „некому руку подать в минуту душевной невзгоды" (II, 286).

Поэт часто противопоставляет общему ликованию чье-нибудь одинокое, тайное страдание. На царском пиру Кирибеевич сидел задумавшись —

---

[1]) В. Спасович. Байронизм у Пушкина и Лермонтова. „Вестник Европы" 1888, IV, 506.

[2]) Ссылки по Академическому Изданию соч. Л-ва ПГ. 1910—13.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь,
А в груди его была дума крепкая. (II, 216).

Казот сидел на пиршестве задумчив

Один, покинутый безумными друзьями (II, 263).

В эпилоге ,,Демона" вечно молодой, ликующей природе противополагается старый одинокий замок Гудала (II, 381—82). Тоже см. в ,,Маскараде":

(Арбенин):

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной,
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой! (III, 217).

Срв. также стих. ,,I-го января" (II, 277—78) и ,,Не верь себе" (II, 256).

Человек-вечный, одинокий странник. Об этом Л-в говорит постоянно.

Брожу один, как отчужденный. (I, 59).
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой. (86).
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных. (I, 107).
Гонимый миром странник (I, 300).

срв. еще I, 168. № 187.

Зораим в поэме ,,Ангел смерти":

1831. 85. На земле был только странник, —
Людьми и небом был гоним. (I, 315).

Селим (,,Аул Бастунджи"):

1831. Странствовал в пустынях одинок. (I, 345).

Поэт о себе самом:

1836. Я в мыслях вечный странник... (II, 188).
1837. Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного (II, 208).

(,,Молитва" прежде называлась ,,Молитва странника". II, 447, IV, 332).

1837. Тебе, Казбек, о страж Востока,
Привез я — странник — свой поклон. (II, 213).

Печорин: ,,Право, мне необходимо путешествовать: я цыган" (IV, 308). ,,Я сделался ужасным бродягой; а право я расположен к этому роду жизни (IV, 330).

Почти все герои Л-ва, как например, Арсений (,,Боярин Орша"). Печорин, Демон-странники.

. К самому поэту вполне применимы слова Библии: ,,Странник я у Тебя, пришлец, как и все отцы мои“ (Пс. XXXIX, 13). ,,Странник я на земле“ (Пс. CXIX. 19).

2.

Наиболее яркое воплощение символ одиночества получил в образе листка, оторвавшегося от родимой ветки. Образ этот часто встречается и в народной и в искусственной поэзии, являясь символом одиночества, сиротства. Например, в народной поэзии мы часто встречаем выражения вроде: ,,Отломилася веточка от серебряного деревца“, ,,Что ты, ветка бедная, ты куда плывешь?“ и т. д.

Срв. малорусск. песню:

Ты кленовий листоньку!
Куди тебе вітер несе?
Чі з гори да в долину?
Чі в чужу украіну?

Так и ,,русский князь Игорь“, замечает Потебня, как ,,дубовый листок оторвался от ветки родимой“.[1]) Там же находим: ,,Опадание листьев, в малорусских народных песнях является ,,символом разлуки“; в болгарской песне поется: ,,Черней лес, черней, милый, вдвоем станем чернеть: ты потерявши зеленый лист, и я потерявши первую любовь (первую милую)“ — Потебня op. cit.

Нечто подобное встречаем также в Библии: ,,Мы увяли как лист, и грехи наши, как ветер, уносят нас“ (Пс. LXIV, 5).

Срв. у Гомера:

Листьям в дубравах подобны сыны человеков:
Ветер одни по земле развевает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает, и с новой весной возрастают;
Так человеки: сии нарождаются, те погибают.[2])

у Байрона:

Подобны блеклым мы листам
Далеко бурей унесенным.[3])

Сравнение человека с одиноким сухим листком, оторванном бурей от родной ветки давно было готово у Л-ва.

В одном частном письме от 1831 г. Л-в пишет: ,,Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листы осени“ (IV, 305).

---

[1]) Потебня. „Слово о полку Игореве“. Воронеж. 1878, стр. 114—15.
[2]) „Илиада“. Перевод Гнедича. СПБ. 1892. VI, 146—9.
[3]) „Газел“. Еврейские мелодии. Перевод Плещеева. Соч. Байрона изд. Брокгауза. I. 99.

Впервые встречаем этот образ в стихотворении „Осень“ (1829 г.):

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят; (I, 1).
1829. Везде один, природы сын,
Не знал он друга средь людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!...
1829. 5. Мы дети севера, как здешние растенья,
Живем недолго, быстро увядаем...
(„Монолог“. I, 74.[1])
1830. Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей;
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.
5. Что за важность, если ветер
Мой листок одинокий
Унесет далеко, далеко...
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая? („Песня“ I, 88).
1830. . . . . ветер . . . .
. . . .
5. . . . листы обрывая, ломает и гнет. (I, 168).
20. . . . . я
Ненужный член в пиру людском
Младая ветвь на пне сухом. (I, 286. „Стансы“).
1830. . . . пылный лист, встречая жар дневной,
524. Трепещет все на ветке молодой.
(„Литвинка“ I, 218).
1831. Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою.
Так куст растет над бездною морскою,
15. И лист, грозой, оборванный плывет
По произволу странствующих вод. („К“. I, 296).
Лист отпавший вновь не зацветет. (I, 214.)
Селим
350. . . . полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный грозой,
Летит крутясь по степи голубой!..
(I, 343, строфа XL). „Аул Бастунджи“.
1832. . . . плод до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый.
(II, 16—17. „Он был рожден“).

Этот образ позднее вошел в „Думу“.

1833—34. . . . . стон
От губ сомкнутых оторвался,
180. Как лист, от ветви молодой,
Измятый летнею грозой. (II, 94. „Хаджи-Абрек“).
1837. И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока.
(II, 210, „Гляжу на будущность“).

[1]) В стихотворении „Монолог“ видят нервый набросок знаменитой „Думы“. см. Н. Котляревский. М. Ю. Л-в. 1891. стр. 48.

1838. . . . . плод. до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!
(II, 252. „Дума“).

. . . . угрюм и одинок
Грозой оторванный листок. („Мцыри“. II, 311),

Демон

. . . . жил забыт и одинок —
Грозой оторванный листок —
Угрюм и волен . . . . (II, 400).

1841. Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь ухатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя . . .
. . . .
. . . . . я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой. (II, 345).

срв. еще:

Она прижалась к юноше. Листок
Так жмется к ветке, бурю ожидая.
. . . .
(„Сашка“. гл. I. строфа 42. II, 156.)

Образ листка связан у Л-ва еще с любовью к дубу. Дуб, вообще, был одним из любимых деревьев у поэта, см. нпр. стих. „Выхожу один я на дорогу“, „Боярин Орша“, II, 130, I, 78—79 ст. 5—9, I, 242 ст. 544—56 и др.

Из произведенного нами хронологического обзора видно, что образ листка оторванного от ветки преследовал поэта с самого начала его творчества вплоть до его смерти, все развиваясь и видоизменяясь. Образ этот один из самых любимых у поэта.

Небезинтересно будет сопоставить этот образ с другими аналогичными образами у других поэтов.

Образ этот можно встретить также и в иностранной поэзии. Особенно следует отметить „Листок“ французского поэта Арно (Antoine-Vincent Arnault, 1766—1839). Мы видим, что по годам, Арно был современником Л-ва, и поэт наш, хорошо владевший иностранными языками, возможно был знаком с произведениями Арно. Из всех своих произведений Арно прославился своим сборником „Fables et poésies“, вышедшем в 1825 г. в Париже. В этом сборнике было помещено стихотворение „Листок“, имевшее необычайный успех, обошедшее весь мир и все хрестоматии и незабытое до сих пор. Для сравнения приводим текст Арно:

De ta tige detachée,
Pauvre feuille dessechée,

Où va-tu? Je n'en sais rien.
L'orage à brisé le chêne
Qui seul était mon soutien.
De son inconstante haleine,
Le zéphir ou l'aquilon
Depuis ce jour me promène
De la forêt à la plaine,
De la montagne au vallon.
Je vais où le vent me mène.
Sans me plaindre ou m'effrayer;
Je vais où va toute chose,
Où va la feuille de rose
Et la feuille de l'aurier.

Конец стихотворения Арно напоминает конец ,,Chant d'automne" P. Verlaine:

Et je m'en vais
Au vent mauvais
Qui m'importe
Deça, delà
Pareil à la
Feuille morte.

Стихотвор. ,,Листок" Арно часто переводилось на русский язык; напр. укажем на переводы: В. Л. Пушкина (дяди поэта[1]) К(нязя) Ш(аликова),[2]) в 1818 г. ,,Листок" перевели — В. А. Жуковский[3]) и Д. Давыдов.[4]) Для полноты упомянем еще о стихотворении (вернее стихотворном упражнении) Л. С. Пушкина (брат поэта) 17, III. 1821 г., опубликованном Б. Л. Модзалевским в издании ,,Пушкин и современники", вып. XVII—XVIII, стр. 7.

Выше мы указали, что сборник Арно появился в 1825 г., а перевод ,,Листка" еще ранее; возможно, что это стихотв. попало в Россию в рукописном списке через посредство ездивших за границу.

Подобный мотив ,,сухого листка" мы встречаем и у Пушкина; но это стихотворение по общему своему тону скорее напоминает Л-ва, чем самого автора:

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты!
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец!
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец!
Как бури слышен зимний свист,

---

[1]) Труды О-ва любителей Российской словесности. 1817 г. VII.
[2]) В. Е. 1817 г. ч. XCIII.
[3]) Сочинения. В. А. Ж. СПБ. 1824, т. II, стр. 234.
[4]) Сочинения. Д. Д. 1895. т. I, стр. 42.

10. Так поздним хладом пораженный,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

Из всего выше изложенного можно заключить, что обра листка оторванного от ветки родимой имеет своим источником с одной стороны, народную поэзию, где он часто встречается с другой — влияние искусственной поэзии, как русской, та и иностранной. Этот образ встречался и до Л-ва, но тольк он сумел выразить его, после многих вариаций, в изящно и гармоничной форме. После Л-ва можно нередко встретит этот образ у русских поэтов.

Как мы уже выше говорили, образ этот, символ грусти тоски и одиночества — один из наиболее любимых образо у Л-ва. Поэт хотел выразить символически своим любимы образом свои скрытые душевные страдания и свою трагеди одиночества. „Идея ужаса одиночества", замечает Иванов Разумник, „как кошмар преследовала Л-ва всю жизнь . . В этом одиночестве и таилась гибель Л-ва; в этой гибели и заключалась кара за дерзкий разрыв с мещанством".[1])

Берлин-Штеглиц 1924, 15—19/III.

И. Розенкранц.

---

[1]) История русской общественной мысли. т. I. 667. Москва. 1908.

Островский и Мольер.

(Дорогой памяти незабвенного учителя Алексея Николаевича Веселовского.)

I. К вопросу об источниках комедии А. Н. Островского: „Бедность не порок".

Так как в русской литературе было высказано мнение, о котором специально будет речь ниже, что названная комедия А. Н. Островского написана под влиянием Мольера, то вполне естественно, что для правильной оценки и анализа данного мнения в этюде, посвященном Островскому и Мольеру, необходимо прежде всего остановиться на вопросе об источниках комедии „Бедность не порок". Вопрос этот, как известно, не раз привлекал к себе внимание исследователей, хотя и до сих пор остается открытым, так что и поэтому он нуждается в пересмотре. Но прежде чем приступить к этому пересмотру, мне хотелось бы сделать несколько замечаний.

Прежде всего, думается мне, было бы методологической ошибкой вырвать нашу комедию из ряда предшествующих ей произведений самого же Островского и рассматривать только ее отношение к произведениям какого-либо другого автора. Должно предварительно остановиться на вопросе о том, нет ли какой-либо связи между настоящей пьесой Островского и его же комедиями, ей предшествующими. Я, конечно, не имею здесь в виду ту общую связь, что все эти пьесы изображают один и тот же купеческой быт. Нет, мне кажется, нужно отметить связь и в другом отношении. Какая сторона жизни прежде всего бросается в глаза в интересующей нас комедии нашего великого драматурга? Ясно, что здесь противопоставляются ложное увлечение внешней стороной цивилизации со всеми его отрицательными сторонами и добрые качества людей простых, непосредственных.

Не затрагивалось-ли однако первое явление и в прежних произведениях Островского? Невольно припоминается Подхалюзин с его сходством с французом, некоторое его пристрастие к французскому диалекту, обещание выучиться танцам, затем

Липочка с ее образованием, с ее танцами, с желанием выйти замуж за благородного и завести в доме все по моде, далее Недопекин в ком. „Утро молодого человека". Наконец в данном случае обращают на себя внимание слова Русакова („Не в свои сани не садись"): „Опять эту моду выдумали, прежде ее не было, так лучше было, право! Проще жили, ну и народ честней был". При этом следует заметить, что приведенные слова вставлены потом, а раньше стояло: „А уж особенно кто по моде живет, по нынешнему. Вот у нас есть кой-кто из купцов, в Москву ездют, моду — то все разводят."[1])

Таким образом наша комедия в этом отношении не стоит одиноко среди других произведений Островского. Но только ясно, что в предшествующих пьесах данный вопрос не служил главной их темой, а затрагивался сравнительно мимоходом. В комедии же „Бедность не порок" Островский впервые поставил его так широко.

Что же натолкнуло его на такую постановку данного вопроса? В этом случае, мне думается, чужие образцы и могли сыграть известную роль. Но все дело в том, что это был за образец? К разбору этого вопроса мы теперь перейдем.

II. „Бедность не порок" и комедия Плавильщикова „Сиделец".

Первый, так сказать затронув целину, поднял вопрос об источниках названной комедии Островского А. А. Фомин, сопоставив ее[2]) с комедией Плавильщикова: „Сиделец", в которой между прочим приказчик женится на хозяйской дочери. Автор „Истории русского театра" Б. В. Варнеке эту тогда еще „единственную попытку выяснить крайне важный вопрос об источниках творчества Островского" признает совершенно неудавшейся.[3])

Возражение Б. В. Варнеке представляется мне вполне основательным. Изучение рукописи комедии: „Бедность не порок" показало, как постепенно создавался у Островского образ Мити,[4]) которого только и можно сопоставлять с главным персонажем „Сидельца". Сначала, повидимому, драматург вовсе не думал делать Митю приказчиком Торцова, по первоначальному замыслу

[1]) См. мои „Этюды об А. Н. Островском". Т. II, стр. 159. М. 1913.
[2]) Русская Мысль, 1893 г., кн. 3. Ст. А. А. Фомина: „Старое в новом."
[3]) Театр и Искусство, 1904 г., №№ 5 и 6.
[4]) „Этюды об А. Н. Островском". Т. II, стр. 171—176.

он был сыном бедной вдовы, в доме которой и должно было происходить первое явление первого действия. При создании этого лица у Островского, очевидно, мелькал сначала образ народного поэта, подобного Кольцову: не даром Митя и переписывает „по праздникам стихотворения господина Кольцова", да и его собственные стихи написаны в духе того же поэта — прасола. Должно еще заметить, что эта черта личности Мити, т. е. его деятельность на поприще стихотворства, первоначально особенно подчеркивалась и выдвигалась в комедии и только потом она поставлена в должные рамки, соответствовавшие действительности.

Эти наблюдения над созданием данного образа нашим драматургом исключают, мне кажется, всякую возможность влияния в данном случае комедии Плавильщикова: „Сиделец", так как в ней нет почти ничего общего с комедией Островского. Есть только один общий мотив — женитьба приказчика на хозяйской дочери, но у обоих авторов он разработан совершенно самостоятельно. А кроме того этот же самый мотив, только опять-таки в другой обработке встречался уже у самого Островского в комедии: „Свои люди — сочтемся", где женитьба Подхалюзина на Липочке также представляет вариацию этого мотива. Равным образом впоследствии мы встретим его в комедии: „Правда хорошо, а счастье лучше". Наблюдать это явление в жизни Островский мог на каждом шагу, и помощь комедии Плавильщикова тут была совершенно не нужна.

III. „Бедность не порок" и комедия Сувэстра: „L'oncle Baptiste".

Другое сопоставление нашей комедии было сделано Д. Д. Языковым,[1]) который по поводу ее пишет следующее: „Эта пьеса, по своей основе, близко напоминает французскую комедию: „L'oncle Baptiste", переделанную Кайзером на немецкий язык под заглавием: „Stadt und Land, oder Onkel Sebastian aus Oesterreich",[2]) и Фурманном по русски, под заглавием: „Дядя Пахом" (Репертуар, 1844 г., кн. 5).

[1]) Д. Д. Языков: „Обзор жизни и трудов покойных писателей". Вып. 6-й.

[2]) Точное заглавие этой пьесы Кайзера (Kaiser Friedrich): „Stadt und Land, oder: Der Viehhändler aus Ober-Oesterreich. Posse mit Gesang in zwei Akten." Wien. 1845.

Раньше Д. Д. Языкова сделал это сопоставление комедии Островского с „весьма известной“ французской пьесой „L'oncle Baptiste“ и особенно удачной ее немецкой переделкой театральный рецензент „С. Петербург. Ведомостей“ (1854 г. IX, 22; № 210), который напомнил читателям об этой немецкой „народной“ комедии, как он называет эту переделку, „чтобы указать на сходство ее основы с основой комедии г. Островского.“ Указывая, на сходство двух произведений, рецензент не имеет в виду упрекать в заимствовании русского автора, „которому, говорит он, легко быть может пьеса Кайзера была совершенно неизвестна, тем более, что на русской сцене ее давали уже весьма давно и не часто.“ Здесь речь идет или о комедии „Дядя Пахом“, или о постановке пьесы Кайзера на русской сцене на немецком языке, так как в русском переводе ее на нашей сцене не ставили.

Б. В. Варнеке цитированное выше указание Д. Д. Языкова также считает неудачным, так как „в действительности все сходство исчерпывается тем, что в обеих пьесах выведены братья с различными характерами, при чем Пахом своим вмешательством спасает счастье своей племянницы, а это еще не дает права сравнивать его хотя в каком-нибудь отношении с Любимом Торцовым.“ [1])

Д. Д. Языков и Б. В. Варнеке допустили, на мой взгляд, довольно существенную ошибку. Комедию Островского они сопоставляли с пьесой Фурманна, которая сама представляла собою переделку, тогда как следовало обратиться к ее оригиналу, не потому только, что комедия „Дядя Пахом“ — слабая вещь, а главное потому, что она переделка. Нет сомнения, что Островский знал не только эту последнюю, но также и ее оригинал.

Двухактная комедия „L'oncle Baptiste“ принадлежит Эмилю Сувэстру [2]) и в первый раз шла в Париже, на сцене театра Gymnase Dramatique, 11 февраля 1842 года. Познакомимся с ее содержанием.

В захолустном городке Монтаржи живут два брата Дюпон-Поль, фабрикант машин, и Батист, простой механик. У Поля есть дочь Эмма, в которую влюблен ее кузен Артур де-Рестуль, инженер. У Батиста — жена Лолотта, подстать ему, простая жен-

---

[1]) Русский биографический словарь. СП. 1905. В статье об А. Н. Островском, стр. 441.

[2]) Ни Д. Д. Языков, ни Б. В. Варнеке автора этой комедии не указывали. Рецензент „С.-Петерб. Ведомостей“ ошибочно предполагал автором ее Баяра. Я пользуюсь изданием 1901 года: „L'oncle Baptiste“. Comedie en deux actes par Emile Souvestre, Paris. P.-V. Stock, editeur. 1901.

щина, которую он и зовет „ma bourgeoise“ (моя мещаночка). Батист боготворит своего брата, который изобрел какой-то новый конденсатор и является для него прямо Наполеоном.

Торговый агент Кентен, желая продать находящийся в Париже какой-то громадный завод, чтобы получить „trois pour cent“ комиссионных, всячески убеждает Поля Дюпон купить этот завод, говоря, что там он скорее будет в состоянии выполнить свои проекты, использовать свои открытия. Останавливает Поля Дюпон от покупки только чисто финансовая сторона дела: для эксплоатации завода нужны большие средства. Кентен обещает и тут ему помочь и найти столько капиталов, сколько потребуется.

Как раз Батист выиграл в это время процесс, который дал ему сорок две тысячи франков. С женой своей он пришел к брату, чтобы пригласить его на обед, но тот с дочерью не могут принять этого приглашения, так как они в свою очередь ждут к себе инженера де-Рестуль и им приходится таким образом пригласить и Батиста с женой. Выходит так, что супруги Дюпон как бы напросились на обед, и оставшись одни, они долго не решаются принять приглашение, пока одно обстоятельство не побудило дядю Батиста сделать это. Упомянутое обстоятельство — встреча с Кентеном, который рассказывает им о намерении их брата переехать в Париж. Дело в том, что, как передал Полю Дюпон Кентен, приятель Артура де Рестуль по школе, дядя последнего барон Верне (Verneux) ничего не имеет против брака Артура с Эммой, но при условии, чтобы порвать связь с остальными членами семьи, т. е. дядей Батистом и его женой. — Рассерженный как отказом брата, так и его словами, что даст отчет в тех деньгах, которые он (Батист) ему (Полю) доверил, дядя Батист поссорившись покидает дом брата, чем и оканчивается первое действие.

Второе действие происходит в Париже. Идут приготовления к свадьбе Эммы, ожидают приезда матери Артура. Тщеславный барон, произносящий фамилию Дюпон, как Де-Пон, в восхищении от Эммы. А между тем ее отец испытывает затруднения, так как один торговый дом, который ему был должен, прекратил платежи, и таким образом Полю Дюпон предстоит разорение. Обращаются к Кентену, который согласен достать денег, но вместо „trois pour cent“ просит уже „dix pour cent“. Но тут на сцену снова появляется дядя Батист, который и выручает своего брата. Предварительно однако он чуть было его не погубил. Они с женой

приехали так неожиданно потому, что Эмма, извещая их о своей свадьбе, написала им такое письмо, какого „сам кюре не написал бы.“ И Батист сказал своей старухе: „Они хотят приехать к нам в Монтаржи, прекрасно, но лучше мы отправимся к ним в Париж. В дорогу! . . . и вот мы здесь.“ Нарушенный мир был восстановлен. Но скоро снова начались трения. Батист хочет купить какое-то промышленное заведение (Minoterie), но для этой цели у него не хватает пяти тысяч франков, и он обращается к брату с просьбой ссудить ему эти деньги. Поль, сам находясь в затруднительном положении, конечно, не может их одолжить и рассказывает ему про свои дела, прося только никому не говорить о них, особенно жене. А Лолотта как раз уже разузнала, что они стесняют знатную родню, что барону даже не хотят говорить об их приезде и всячески стараются устроить так, чтобы они не встречались. Окончательно раскрывает им глаза Кентен, откровенно рассказавший им все дело. Пораженные слышанным, супруги Дюпон удаляются.

Но встречи их с бароном предотвратить не удалось. Батист, несмотря ни на какие противодействия, врывается в гостиную, притом в совершенно пьяном виде, и рассказывает о том, как он просил у брата пять тысяч франков, как тот ему отказал, потому что сам нуждается и накануне банкротства. Это, конечно, производит ошеломляющее действие на окружающих, особенно на Кентена, который поэтому уже совсем отказывается ссудить Полю денег. Лолотта, разузнавши о том, что барон хочет уехать, что свадьбе ее племянницы не бывать, доказывает Батисту, что он — виновник несчастья с его братом. Батист одумывается, отказывается от покупки Minoterie и вносит свои деньги за брата. Правда, ему недостает небольшой суммы, но Кентен, видя, что банкротство не грозит Полю, снова согласен ссудить ему денег. Таким образом дело уладилось.

Также устраивает Батист и брак своей племянницы с Артуром. Увидев барона, он начинает припоминать, что когда-то встречался уже с ним. Оказывается, что, когда он был на военной службе и в чине сержант-майора принимал участие в битве при Лютцене, то его лейтенант Готье де Соверне (конечно, никто иной, как барон Верне, когда-то носивший это имя) хотел передаться неприятелю, и был отдан приказ о смертной казни барона, которого он с тех пор больше уже не видал, а самый документ (приказ о казни) сохранился у Батиста. Ясно, что барон теперь всецело

в руках последнего, но он все еще не соглашается на брак Эммы с Артуром, имея в виду такое нежелательное для него родство. Тогда Батист еще раз показывает свое великодушие: он согласен сойти с дороги, уехать к себе в Монтаржи и никогда более не показываться в Париж, лишь бы только его племянница была счастлива. Документ же, столь компрометирующий барона, станет тогда фамильным и, конечно, перейдет к барону. Все таким образом устраивается благополучно, благодаря великодушию этого простого и подчас грубого человека. Вот содержание комедии: „L'oncle Baptiste".

Если бы мы стали искать полного сходства между только что названной пьесой и знаменитой комедией Островского, то конечно мы бы его не нашли, да и было бы большой ошибкой его искать. Не следует забывать, что произведение Эмиля Сувэстра, хотя оно дало сюжет двум переделкам и, что́ возможно, хотя я этого и не утверждаю, могло дать толчок творчеству нашего великого драматурга, в сущности — вещь очень слабая. Наивная Эмма и прекрасный во всех отношениях молодой человек Артур де Рестуль — бледные, безжизненные лица. Поль Дюпон — типичный благородный отец старинной французской драмы, равно как и тщеславный барон — такое же общее место. Кентен, конечно, не может и в счет итти: это просто служебная роль. Лучше удались автору супруги Дюпон, но и тут он испортил дело, наградив Батиста таким непомерным великодушием.

Нечего, конечно, и думать найти у Островского что-нибудь соответствующее этим безжизненным персонажам Сувэстра. Митя, при всех его добродетельных качествах, тип прямо выхваченный из жизни. Можно провести параллель только между Лолоттой и Пелагеей Егоровной, женой Гордея Карпыча Торцова: и та и другая по всем своим привычкам la bourgeoise, но понятно настолько отличающаяся одна от другой, насколько французская жизнь отличается от русской. Нельзя также проводить параллель между дядей Батистом и Любимом Торцовым, хотя их роли в пьесах и одинаковые.

Но можно, думается мне, найти сходство в основе между обеими пьесами, не делая, впрочем, из этого наблюдения никаких выводов относительно влияния французской пьесы на русскую: и тут и там доказывается одно и тоже общее положение, что бедные и простые люди могут обладать такими ценными душевными качествами, каких нет у богатых и знатных людей. Далее

есть сходство и в подробностях, хотя только в одной. Сцена встречи Любима Торцова с Коршуновым по существу дела напоминает подобную же сцену у Сувэстра: встречу пьяного дяди Батиста с бароном Верне, с которым они, как оказалось, раньше встречались, как были раньше знакомы и упомянутые персонажи Островского, но конечно условия и обстановка знакомства и встречи в обоих случаях были различны.

Следует еще обратить внимание на то, что комедия „Бедность не порок" по первоначальному замыслу автора предполагалась не в трех действиях, а в двух, как и комедия Сувэстра: в черновой рукописи (Рум. № 3098) в заголовке комедии в словах „в 2-х действиях" цифра 2 исправлена на 3, затем после явления 4-го второго акта в рукописном сценарии стояло слово „финал" в самом тексте этой рукописи комедия имела опять-таки 2 действия и оканчивалась помолвкой Любови Гордеевны за Коршунова, и только уже потом автор прибавил третье действие. Но из этого факта еще нельзя сделать вывода, что комедия Сувэстра оказала то или другое влияние на возникновение комедии „Бедность не порок". Дело в том, что в первой черновой рукописи (Рум. № 3098) наша комедия носит заглавие: „Гордым Бог противится", хотя уже в тексте в этой же рукописи набросаны, очевидно, слова Любима Карпыча к брату, из которых взята пословица, вложенная в комедии в уста Любима Торцова (д. 3-е, явл. 15) и послужившая потом заглавием пьесы. Затем упомянутый уже мною первоначальный сценарий не имеет ничего общего с планом французской комедии. Вот этот сценарий: „Действие 1-ое. Явл. 1-ое у вдовы. Вд[ова][1]) и сын. — объясн.[2]) надежды. Явл. 2-ое Тоже и Торц. — 2.[3]) характ. бр.[4]) но не отнимает надежды. Явл. 3. Тоже и М[ать] съ доч. общ. разг. Явл. 4. с[ын] и д[очь] и Тор. стихи и мечты. Явл. 5. Тоже М[ать] и вд[ова]. надежда породниться. матушка.[5]) Явл. 6.[6]) Торц. 1[7]) и теже. Явл. 7.[8]) Те же без Торц. 1-го и М[ать] съ доч. Явл. 8[9]) С[ын] один. надежды.

---

[1]) Поставленного в [ ] в данном случае и в других в рукописи нет: добавлено предположительно.

[2]) После этого слова стоит зачеркнутое „что".

[3]) Т. е. второй; ясно, что имеется в виду Любим Торцов, которому еще не было придумано имени.

[4]) Очевидно, надо читать: „характеризует брата".

[5]) Внизу этой строки стоит отдельное слово „мудрен".

[6]) Сначала стояло 4, а потом исправлено на 6. Слева приписка „гордость".

[7]) Т. е. первый; очевидно, имеется в виду Гордей Карп. Торцов.

[8]) Сначала стояло 5, а потом исправлено на 7.

[9]) Сначала стояло 6, а потом исправлено на 8.

Действие 2-ое у Торц. Явл. 1. Девушки и парни играют. Яв. 2. Старухи и Торц. (различ. подч.). Яв. 3. Торц. и Коршунов. Яв. 4. Финал.

Действие 3 у Торц. Яв. 1-ое Мать и сын. Яв. 2. Торц. и сын. Яв. 3. Девушки. Яв. 4. Тор. и Коршунов. Яв. 5. Тор. 2 пьяный. Яв. 6. Без Тор. пьяного. Яв. 7. Без Коршунова. Яв. 8. Тоже и Тор. пьяный.“

По поводу первого действия должно сделать такое замечание. Очевидно, сначала преполагалось в нем 6 явлений, потом же внесено еще два: 4 и 5, написанные уже 4, 5 и 6 явления соответственно стали таким образом 6, 7 и 8-м. Но в конце концов все это действие перечеркнуто карандашом, и слева в вертикальном направлении сделана надпись: „Не годится“. Далее, как понимать выражение „финал“. Очевидно, как я уже говорил, по первоначальному плану комедия должна была иметь только два действия и оканчиваться, как свидетельствует рукопись № 3098, помолвкой Любови Гордеевны за Коршунова. Но потом автор создает новый план и дополняет комедию третьим актом, где выдвигается роль Любима Торцова (Торцова 2-го), где происходят недоразумения между нареченным зятем и тестем, и комедия заканчивается благополучным исходом для влюбленных, да и с самим Гордеем Карпычем совершается благодетельный нравственный переворот. Думать же, что и по первоначальному плану финал был тот же самый, что и теперь в окончательной редакции, вряд-ли возможно: для чего же было в таком случае прибавлять новое третье действие?

Какова была, как говорится, основная мысль комедии по первоначальному замыслу, трудно сказать с точностью; можно только отметить, что особенно подчеркивалась, как гласит приписка около 6-го явления 1-го действия, гордость главного персонажа, отсюда и его имя Гордей, отсюда же и название пьесы: „Гордым Бог противится“, впоследствии признанное неудачным и замененное другим, причем, как мы видели, выражение „бедность не порок“ уже встречалось в черновой рукописи № 3098.

Таким образом ясно, что при первоначальном замысле основная мысль комедии еще не вполне выяснилась, сама комедия не имела ничего общего с пьесой Сувэстра, и следовательно ни в коем случае нельзя сказать, что французский драматург натолкнул русского на создание его комедии: очевидно, последняя была задумана ее автором совершенно самостоятельно. Это в высшей сте-

пени вероятно еще и потому, что уже и в предшествующих произведениях своих Островский отмечал бытовое явление русской жизни, именно ложное увлечение внешней стороной цивилизации. Только раньше, как мы видели, Островский касался этого явления мимоходом, теперь он задумал остановиться на нем более обстоятельно, избрав его главным предметом своего произведения.

В полном согласии с этим находится и уже отмеченная нами кропотливая работа Островского над своим произведением, которая обнаруживается из изучения рукописи его комедии. Не следует при этом упускать из внимания и того, что наш драматург был сравнительно еще молодой писатель, обладавший не таким большим опытом, как впоследствии.

Но что касается изменения плана комедии, дополнения нового акта, то тут опять может возникнуть вопрос, не сделано-ли это все драматургом под влиянием чужого образца, каковым в данном случае могла быть пьеса Сувэстра, с которой в окончательной редакции произведения Островского, как мы видели все же обнаруживается сходство, хотя бы и не большое. Ведь не должно забывать, что Островскому не давался план комедии что поэтому он мог искать таких образцов, которые помогли бы ему в разработке его плана, а известно, что задумана наша комедия 10-го июля 1853 г., а начата 22-го августа того же года За это время драматург мог припомнить пьесу Сувэстра, которая судя по начитанности Островского, была, вероятно, ему и ранее известна и которая теперь и могла оказать ему посильную помощь. В чем же была эта предполагаемая помощь? Можно думать, что по аналогии с комедией Сувэстра Островский изменил развязку своей комедии и для этого придал Любиму Торцову служебную роль, поссорив благодаря ему Гордея Карпыча с Коршуновым и устроив брак Любови Гордеевны и Мити, подобно тому как у Сувэстра эту служебную роль выполнил дядя Батист С этой целью и введена была сцена встречи Любима Торцова с Коршуновым, аналогичная сцене встречи дяди Батиста и барона Верне.

Мог ли однако Островский так относиться к предполагаемому оригиналу, как это нам представляется возможным, иными словами, возможно-ли такое частичное влияние? Некоторый свет на этот вопрос, мне думается, может пролить письмо нашего драматурга к Бурдину от 28 апреля 1870 г.: „Благодарю тебя, любезнейший друг, за известия. Книги я получил и просмотрел

„Les faux bons hommes“ я знаю давно; переделать на русские нравы эту пьесу едва ли можно, в ней все парижское: нравы, характеры, биржевая игра, живописцы. Если хочешь, чтобы я перевел ее для тебя — я, пожалуй, переведу. Что действительно хорошо в пьесе, это два характера „Peponet и Bassecourt“.[1]) Подобно тому, как в комедии „Les faux bons hommes“ Островский высоко оценил только два характера, так и в комедии Сувэстра он мог оценить ее общую идею и некоторые подробности, как известную нам сцену встречи двух лиц, расстройство свадьбы благодаря ссоре, и эти подробности он и приспособил к своей пьесе, воспользовавшись ими, как своего рода рамками, в которые он влагал свое содержание. Несомненно, что все краски для своей комедии, т. е. типы, образы, все это взято из знакомой драматургу жизни русского купечества, где он и раньше мог наблюдать подобные явления. Теперь только разрозненные наблюдения складывались у него в одну общую картину.

Все сказанное в настоящей главе можно резюмировать в следующих словах. Островский задумал свою комедию: „Бедность не порок“ совершенно самостоятельно. По первоначальному замыслу в комедии было два действия и оканчивалась она помолвкой Любови Гордеевны за Коршунова. Но драматург остался недоволен первоначальным планом комедии, сценарий первого действия совсем зачеркнул и написал новый, а главное прибавил третье действие. И возможно, что это последнее сделано им под влиянием комедии Сувэстра „L'oncle Baptiste“. Влияние это сказалось в том, что драматург выдвинул на первый план Любима Торцова, придав ему вместе с тем и служебную роль в развитии действия комедии, изменил развязку комедии, расстроив помолвку Любови Гордеевны за Коршунова и устроив свадьбу ее с Митей, и ввел в свою комедию сцену встречи Любима Торцова с Коршуновым, аналогичную сцене встречи пьяного дяди Батиста с бароном Верне.

Я предвижу возможность подобного же возражения мне, какое сделал Б. В. Варнеке Д. Д. Языкову, находя неудачным произведенное им сопоставление комедии Островского с пьесой „Дядя Пахом“: „в действительности все сходство исчерпывается тем,

---

[1]) А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма из собрания Госуд. Театр. Музея имени А. А. Бахрушина. Под ред. Н. Л. Бродского, Н. П. Кашина при ближайшем участии А. А. Бахрушина. Москва-Петроград. 1923 Стр. 109, письмо № 171. См. также Артист 1891 г., декабрь, № 18, стр. 84.

что в обеих пьесах выведены братья с различными характерами, причем Пахом своим вмешательством спасает счастье своей племянницы, а это еще не дает права сравнивать его хотя в какомнибудь отношении с Любимом Торцовым.“ Поставьте в цитированных строках вместо „Пахом“ — „Батист“, и возражение готово.

Но я и не думаю сравнивать Любима Торцова с дядей Батистом, равно как и Пелагею Егоровну с Лолоттой. Та и другая пара (Любим и Пелагея Егоровна с одной стороны, Баптист с женой — с другой) самобытные явления породившей их русской и французской жизни и самостоятельные создания их авторов. Я вовсе не хочу утверждать, чтобы не могло быть подобного сходства в персонажах Островского и какого-либо другого автора, служившего ему предполагаемым оригиналом, как говорится, оказавшего на него влияние. Я хочу лишь сказать, что даже при наличности этого влияния указанного сходства может и не быть, ибо влияние может выразиться и в другом отношении. Если же мы будем искать такого поразительного сходства, так ведь это значит приравнивать Островского к какому-нибудь Фурманну или Кайзеру. Островский даже в тех случаях, когда брал за образец какого-нибудь другого автора, иностранного или русского, это безразлично, всегда оставался самобытным и самостоятельным писателем.[1])

Не следует забывать и того, что Островский и других авторов оценивал не только с точки зрения художественной (это само собою разумеется), но также и с той стороны, нельзя ли чемунибудь у них поучиться, т. е. иными словами позаимствовать, но конечно в лучшем смысле этого слова, а не в смысле плагиата. Вот что пишет он 4 мая 1879 г. Бурдину, посылая ему „Театр Коцебу“ из своей библиотеки: „Не знаю только, зачем понадобилась тебе эта сентиментальная кислятина, в которой ни комизма ни драматизма ни на грош нет, и которую читать человеку, понимающему драматическое искусство, противно.“[2]) А еще раньше 31 августа 1876 г., благодаря того же Бурдина за присланные книги, он пишет: „Додэ — драматург еще неустановившийся: он мечется из стороны в сторону и ищет настоящего пути; найдет-ли он его, не знаю; но все-таки и у него есть чему поучиться.“[3])

[1]) См. мои „Этюды об А. Н. Островском.“ Т. I. М. 1912.

[2]) А. Н. Островский и Бурдин, стр. 279. См. также „Артист“, 1892 г. февраль, № 20, стр. 16.

[3]) А. Н. Островский и Бурдин, стр. 208. См. также „Артист“, 1892 г. январь, № 19, стр. 23.

Задача исследователя и заключается в том, чтобы определить, чему научился наш драматург в каждом таком отдельном случае. Решение этого вопроса и определит и характер и объем влияния, оказанного на него тем или другим автором. Если же мы будем подходить к решению этого вопроса с заранее обдуманным намерением обнаружить сходство в том-то и в том-то, мы рискуем не только не найти влияния в таком большом объеме, но и просмотреть то немногое, что там есть.

IV. „Бедность не порок“ и „Bourgeois gentilhomme“ Мольера.

Вопросу об источниках комедии „Бедность не порок“ посвящена статья М. Кагана,[1]) который сопоставляет комедию Островского с „Bourgeois gentilhomme“ Мольера. Попутно, как бы в виде введения к своему сравнительному анализу двух комедий, он останавливается вообще на вопросе о знакомстве Островского с Мольером и о влиянии последнего на нашего драматурга. Оставляя пока в стороне этот общий вопрос, остановимся лишь на частном, на сравнительном анализе двух знаменитых произведений.

„В комедии Мольера, пишет М. Каган, намечается следующая коллизия: на одной стороне представлен Журдэн — тип тщеславного выскочки из мещан, зараженный манией дворянства — тип отрицательный, на другой стороне его жена — тип положительный. Между ней и Журдэном борьба на почве противоположных интересов — борьба, оканчивающаяся победой г-жи Журдэн. На стороне последней сочувствие автора. Ее Мольер резко противопоставляет, как здоровый и жизнеспособный элемент тем дряхлым представителям ее среды, которых отравила болезненная мания дворянства и галантности. На основе только что намеченной коллизии разыгрывается и любовная интрига, а именно любовь Люсили (дочери Журдэна) и Клеонта, встречающая вначале помеху в простом происхождении героя, в желании отца выдать дочь непременно за знатного; но любовь эта пользуется сочувствием и поддержкой г-жи Журдэн и после долгих препятствий увенчивается успехом.“ [2])

---

[1]) Мирон Каган. „Мещанин во дворянстве“ Мольера и „Бедность не порок“ Островского. Филологич. Записки 1914 г. и отд. Киев, 1915 г. стр. 1—17.

[2]) Назван. соч., стр. 8—9.

Обращаясь к русской комедии, наш исследователь находит не трудным „проследить сходство основного содержания пьесы Мольера и произведения Островского. Гордей Карпыч, говорит он, является тем же мещанином во дворянстве, как Журдэн. Его, как и Журдэна, в преклонном возрасте одолевает блажь быть похожим на благородного. Он также, как и его мольеровский прообраз, перестраивает у себя дома все на новый манер, причем они оба печалятся, что их здесь никто не может оценить. Причуды Гордея Карпыча, как и причуды героя французской комедии, встречают отпор в лице простой и честной женщины, которая, как и жена Журдэна, является защитницей мещанского уклада жизни.“ [1])

Конечно, есть много общего между Журдэном и Гордеем Карпычем, но есть и разница. Последний вовсе не мечтает о дворянстве, о знати, он только хочет „всякую моду подражать“, да в конце концов с ним случился переворот, он стал, по его собственным словам, „другой человек“ и не знал, как ему „и в голову вошла такая гнилая фантазия“. Между тем Журдэн так и остается неизменным поклонником дворянства. Вполне возможно, что „произведение французского писателя . . . разъяснило русскому драматургу некоторые явления, свившие себе гнездо и в русской действительности“.[2]) Но нельзя согласиться с дальнейшими словами М. Кагана, что „тип мещанина в дворянстве, встреченный Островским и в купеческом быту, невольно заставил его обратиться к мольеровской интерпретации этого типа“. Зачем Островскому было обращаться к ней, когда он мог дать свою собственную интерпретацию этого типа. Мольеровское произведение могло уяснить русскому драматургу встреченное им в русском быту явление, показать, что Гордей Карпыч в сущности разновидность типа „мещанина в дворянстве“, но разновидность, имеющая свои особенности, и Островский обрисовал эту разновидность прямо с натуры, без всякого влияния Мольера.

Но если в данном случае можно говорить о том, что Мольер помог Островскому уяснить известное явление русской жизни хотя последний мог обойтись и без этой помощи, то безусловно нельзя утверждать, как это делает М. Каган, что „в основном содержании комедии, в схеме ее построения, в распределении главных ролей Островский следовал Мольеру“. Кстати сказать, ре-

[1]) Там же, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 16.

зюмируя в конце своей статьи все сказанное, М. Каган ни слова не говорит о влиянии Мольера в указанном отношении. Далее, уже выше упоминалось, что тип, подобный Гордею Карпычу, и раньше намечался Островским, но только вскользь, мимоходом. Затем, как мы знаем, из рукописного текста, пьеса сначала предполагалась в двух действиях и кончалась помолвкой Любови Гордеевны и Коршунова, т. е. совершенно иначе, чем в комедии Мольера. Далее, первоначально в числе действующих лиц была мать Мити Устинья Петровна, бедная вдова, и первое действие должно было происходить у нее. Поэтому говорить об единстве места в комедии Островского должно только с оговоркой, что в первоначальной редакции его не было. Что касается единства времени, то опять-таки в слова г. Кагана вкралась неточность: пьеса разыгрывается в течение не одного дня, как он утверждает, а двух, так как третье действие происходит на другой день, как это можно видеть из слов Мити Пелагее Егоровне: „Вечор-то, как у вас вечеринка-то была“ (Д. III, явл. 5). Наконец, выше приведенный первоначальный сценарий, как легко заключить, не имеет ничего общего со сценарием Мольеровской комедии. Таким образом, совершенно невозможно утверждать, что Островский в схеме построения своей пьесы следовал французскому комику.

М. Каган придает особенное значение сцене святочного вечера с ряжеными и находит несомненным, что именно Мольер натолкнул нашего драматурга на введение во второй акт своей комедии подобной сцены. Правда, исследователь наш несколько непоследователен, так как через несколько строк он уже замечает, что эта сцена создана Островским „сознательно или бессознательно“ под влиянием Мольера. Если бессознательно, то какое же это влияние? Затем утверждение г. Кагана, что „сцена ряженья в обеих комедиях сыграла одинаково решающую роль“, является каким-то сплошным недоразумением. „В этой сцене, говорит наш автор, определилась судьба возлюбленных“. Но это можно сказать только о Мольеровской комедии, потому что у Островского нет ничего подобного, а даже совсем наоборот, так как нельзя же назвать возлюбленными Любовь Гордеевну и Коршунова, судьба которых, да и то не окончательно, определилась в этой сцене. Далее, Мольеру эта сцена была необходима для развязки комедии, отсюда и умышленное переряживание и умышленный обман. У Островского вообще действие комедии происходит на святках, и сцена с ряжеными введена

просто как бытовое явление, дающее возможность обрисовать среду, в которой происходит действие.

Представляются безусловной натяжкой и все разсуждения нашего автора о „борьбе в пьесе Островского . . . между двумя противоположными лицами, воплощающими два противоположных миросозерцания“, т. е. между Гордеем Карпычем и Пелагеей Егоровной. Какая тут может быть борьба, когда сама Пелагея Егоровна говорит: „Что-жь я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею!“ (Д. III, явл. 7).

Полное недоумение вызывают слова г. Кагана, будто „в обе пьесы введены персонажи с общим ходом пьесы не связанные, но появляющиеся, как deus ex machina в тот момент, когда авторы желают в благоприятном смысле разрешить узел комедии“. Утверждать, что Любим Торцов в комедии „Бедность не порок“ только „deus ex machina“, значит совершенно не понимать комедии и класть ее на прокрустово ложе Мольеровского влияния.

Ясно, таким образом, что о Мольеровском влиянии при создании комедии „Бедность не порок“ в собственном смысле этого слова не может быть и речи. Можно предположительно говорить о том, что Мольер разъяснил Островскому „некоторые явления, свившие себе место в русской действительности“, но и только. Все же остальные разсуждения г. Кагана о влиянии „Bourgeois gentilhomme“ при создании комедии Островского слишком слабы или слишком натянуты. Но несомненно, что общий вопрос, мимоходом им затронутый, вопрос вообще о влиянии Мольера на Островского очень важен и требует более обстоятельного расследования.

V. „Не было ни гроша, да вдруг алтын“ и „L'avare“ Мольера.

Как Островский относился к Мольеру, ясно видно из письма нашего драматурга к поэтессе А. Д. Мысовской, в котором, говоря о Карло Гоцци, он замечает, что этот знаменитый итальянец „написал всего семь пьес из народных сказок, а стоит наряду с Мольером и проч. великими поэтами“. Продолжая свое письмо, А. Н. пишет: „Еще очень меня интересует ваш перевод „Mariage forcée“. Что стихи хороши, в этом я не сомневаюсь; но если он верен подлиннику, это откроет для меня самые заманчивые переспективы. Мы с вами переведем все пьесы Мольера —

вы стихотворные, а я прозаические, и издадим роскошным образом. Это будет драгоценнейший подарок публике и мы с вами поставим себе памятник навеки.“ [1])

В таком отношении Островского к Мольеру, конечно, нет ничего удивительного: богатством ситуаций, образов, бьющим через край и заразительным комизмом, как внешним, так и внутренним, французский комик чарующе действует и на современного читателя и зрителя. Поэтому вполне возможным является влияние Мольера на русского драматурга, тем более, что сам Островский находил чему научиться даже сравнительно у меньших величин, как напр. у Додэ, которого он в то же время считал еще драматургом неустановившимся.

Одну из попыток сопоставления пьес двух наших писателей, принадлежащую М. Кагану, как мы видели, нельзя однако признать удачной. Попробую предложить с своей стороны другую.

Единственный образ Островского, созданный, можно думать, под влиянием Мольера, это-Крутицкий в „Не было ни гроша, да вдруг алтын,“ который конечно напрашивается на сопоставление с Гарпагоном. Правда, прежде всего бросается в глаза существенное различие этих двух персонажей. Дело в том, что Гарпагон, как уже указывалось не раз в литературе, тип комический. „У Мольера, говорит Ю. Веселовский, артистический по тонкости и яркости анализ психологии скупца получил исключительно комическую, потешную окраску: лишний пример того, как то-же самое явление может быть иногда затронуто в литературных произведениях с двух совершенно различных сторон.“ [2]) Даже в самый патетический момент своей пьесы, когда, обнаружив пропажу шкатулки с деньгами, Гарпагон произносит сильный, ничуть не комический монолог, французский комик и тут не удержался от того, чтобы не вставить в этот монолог слова: „Умираю... умер... похоронили“..., рассчитанные исключительно на то, чтобы рассмешить публику, ровно как и включить в комедию разного рода сцены, опять-таки введенные в нее с той-же самой целью.

Далее, можно заранее утверждать, что полного сходства между названными пьесами и быть не можеть: „Скупой“ Мо-

[1]) Новые материалы для биографии А. Н. Островского. Рус. Мысль. 1890 г. кн. XII. стр. 6—7.

[2]) Библиотека великих писателей — под ред. проф. С. А. Венгерова. Мольер. Изд. Брокгауз-Ефрона: СПБ. Т. II. 1913 г. См. вступит. этюд Юрия Веселовского к „Скупому“, стр. 194.

льера — прежде всего комедия характеров, в которой изображение быта на втором плане, которая к тому же полна отражений классической комедии, вряд-ли уместных в русской комедии, ярко бытовой. Кроме того пьеса Островского только по названию комедия, по существу же она глубокая драма, жуткая своей обыденностью и заурядностью. Можно еще назвать ее комедией по благополучной развязке, правда, омрачающейся тем, что ее бы не было, если бы не случилось самоубийства Крутицкого.

Что касается бытового характера комедии Островского, то тут приходится сделать оговорку. Конечно, Крутицкий — явление русской жизни, а потому этот образ должен быть отнесен к разряду бытовых, но с другой стороны некоторые его монологи, произнесенные им после потери денег, имеют исключительно психологический характер, объясняя ту тоску, которая овладевает скупцом в подобных обстоятельствах и в этом случае замечается сходство его с Гарпагоном, так как тот и другой высказывают почти одни и те же мысли, только выражая их различно. „Ох, бедные мои денежки, друзья мои милые, отняли вас у меня! Отняли мою опору, мою утеху, мою радость: все для меня кончено, и нечего мне больше делать на этом свете!.. Не могу я без вас жить! В глазах потемнело... дух захватило...“ („Скупой“, 9 IV, яв. 7). Сопоставьте с этими словами Гарпагона следующие речи Крутицкого: „Вот, говорили, там (в Тюфелевой роще) нынче весной один закладчик повесился; обокрали его на двадцать тысяч. Да и есть от чего. Как это пережить! Как пережить? невозможно! У всякого своя радость, своя утеха; он копил, берег, в том и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, одне только деньги, одне свои деньги, а украли деньги, нет денег, зачем ему жить? Зачем жить-то? Что делать-то на свете?...“ и т. д. („Не было ни гроша...“, д. V, явл. 1-ое). Несомненно, что и здесь мы имеем дело с психологией скупца, правда, нашедшей ярко бытовое выражение.

Обратите внимание еще на такую подробность. Собираясь послать „скорей за комисарами, за сержантами, за приставами, за судьями, за виселицами, за палачами“, Гарпагон заканчивает свой монолог словами: „Всех до одного перевешаю, а не найду денег — сам повешусь!“ Но он деньги нашел, и ему не было нужды в самоубийстве, тем более, что такая развязка и не входила в замысел автора. Крутицкий же не нашел не украденных

у него, а им же самим потерянныхъ денег, и вполне естественно, что после своих речей и ввиду переживаемого им душевного состояния он кончил самоубийством, повесившись в саду купца Епишкина или, как говорит Елеся, зацепившись за дерево. Затем оба они, и Гарпагон и Крутицкий ростовщики, которых и обокрасть не жалеют ни Лафлеш, ни Елеся.

Вот, мне думается, главные и существенные черты сходства двух наших персонажей. Но есть и другие. Крутицкий, как его характеризует Мигачева, „только ругается, да ворчит", подобно Гарпагону, который при первом своем появлении на сцену бранит Лафлеша, слугу своего сына. Мотивы для ссоры у обоих одинаковы: боязнь прослыть богатым, страх обнаружить свои деньги и т. п. Далее Гарпагон скупостью доводит своих детей до того, что они готовы бросить отца, уехать куда-нибудь и таким путем освободиться от невыносимого гнета. Крутицкий также благодаря скупости угнетает свою жену и племянницу, заставляя последнюю итти за милостыней, отнимая у нее собранные ею деньги и в конце концов толкая ее на то, чтобы продать себя.

Оба драматурга, наконец, прибегают к одному и тому же приему для характеристики душевного состояния своих героев. Гарпагон, желая поймать вора, сам себя ловит за руку со словами: „Кто это?.. Стой!.. Отдай мои деньги, мошенник!.. Ах, это я... Я потерял голову, не знаю, где я, что я и что я делаю!.." Крутицкий же не узнает своего голоса и думает, что это кто-то другой сказал: „Ищи, Михей, ищи! (Оглядывается.) А? Кто тут? Да никого нет. Я сам же сказал, а других ищу."

Таким образом Мольеровский Гарпагон является прообразом Крутицкого. Само собою разумеется, что последний не мог быт простою копиею первого: Островский слишком крупный и самобытный художник, чтобы только копировать. Он, конечно, сумел остаться оригинальным и в обработке типа скупого, хотя и имел пред собою в качестве образца создание французского комика. Он прежде всего перенес его в русскую жизнь и создал для него подходящую обстановку, представив его вместе с тем явлением этой же самой русской жизни до такой степени, что вне ее он уже немыслим. Затем, по справедливым словам В. Авсеенко,[1]) Крутицкий не поставлен на ходули, не задрапирован в тогу классического скупца", и до известной степени можно

[1]) Русский Мир. 1882 г., № 27. Статья А. О.

согласиться с этим критиком, что „в широком освещении его превосходно задуманного характера чувствуются традиции русской литературной школы.“ Но так сказать исходным пунктом был все таки Мольер: он навел Островского на мысль заняться типом скупого. Далее, подобно Мольеру наш драматург останавливается и на психологии скупца, обрисовав то душевное состояние, которое он переживает, утратив деньги. За французским комиком следовал он, как только что мы видели, и в особых приемах для характеристики душевного состояния своего героя. Вот чему научился Островский у своего великого собрата по оружию, как это особенно ясно видно из произведенных мною сопоставлений.

Но не сказалось-ли влияние Мольера еще в каком-нибудь отношении в данной пьесе? Не было-ли еще каких-нибудь мотивов у французского автора, которые бы mutatis mutandis оказались использованными у русского. В этом случае прежде всего обращает на себя внимание рассказ сына Гарпагона Клеанта своей сестре Элизе о той девушке, которую он полюбил и которая живет с больною матерью, страстно любит ее и ласково за ней ухаживает. „Я узнал стороной, говорит он, что оне очень небогаты и с большим трудом перебиваются. Представь-же себе, Элиза, радость облегчить нужду той, которую любишь, и помочь хорошим людям хоть немного, но так, чтобы они не заметили! Представь и пойми, каково мне чувствовать, что я, по скупости отца, принужден отказаться от этой радости и ничем, ничем не могу доказать свою любовь!“ (9. I., явл. 2-ое). Вся эта тирада слишком отзывается скорее целью поучать, чем рисовать действительные нравы. Строгий реалист Островский разрабатывает этот же самый мотив, но совершенно иначе, именно в строго реальных тонах. Он берет явления, выхваченные прямо из жизни. Безжизненную или в лучшем случае очень бледную Мариану он заменяет племянницей Крутицкого Настей, выросшей в совершенно иной обстановке, чем та, в какой ей теперь приходится жить, воспитанной ее крестной матерью, богатой барыней, которая обещала ее и замуж выдать и „награждение“ дать, а вместо того выгнала ее, так как на красоту Настеньки стали все прельщаться, а на ее дочерей никто и не смотрел. Точно также женихом Настеньки является не добродетельный, но зато и бесцветный молодой человек, вроде Клеанта, а „шалопай совершеннейший“, бьющий баклуши, откуда, конечно, взята его и фа-

милия „Баклушин“. Правда, он служит, но жалованья ему хватает только на платье, да и то он чуть не всем портным в Москве должен, так что об его помощи Настеньке не может быть и речи, тем более, что он сам ищет богатой невесты, чтобы поправить свои дела.

Вероятно, Мольер же подсказал Островскому и другой мотив, в котором у обоих драматургов фигурируют молодые люди, т. е. Клеант и Баклушин, и который опять-таки, должно заметить, разработан русским драматургом совершенно оригинально. Клеант, чтобы занять денег, в конце концов приходит к своему отцу. Баклушин оказывается должным Крутицкому, дяде любимой им девушки.

Наконец, можно отметить еще один мотив, общий обоим писателям, но разработанный каждым из них совершенно оригинально, причем в смысле бытовой яркости приходится отдать предпочтение Островскому, как и вообще должно заметить, что с бытовой точки зрения комедия Островского несравненно выше предполагаемого оригинала, хотя бы таким и являлся »L'avare« Мольера. Мотив этот — приглашение полиции, шире разработанный русским автором. У Мольера комиссар является только по приглашению Гарпагона, чтобы произвести дознание о краже. У Островского квартальный Тигрий Львович Лютов появляется не один раз, и в том числе один раз по предварительному уговору с Крутицким, чтобы захватить на месте преступления воров, которые, как думал последний, придут его ограбить. Конечно, разница в разработке указанного мотива заключается не в том, что квартальный появляется несколько раз в комедии, а комиссар один. Квартальный Тигрий Львович Лютов не только составляет неотъемлемую часть всей этой картины русской жизни, без которой эта картина не была бы полна, но и до известной степени влияет на ход действия, внося некоторое разнообразие в него, так как не прикажи он мещанке Мигачевой „без рассуждений“ выкрасить забор, ее сын Елеся не выкрасил бы вместе с тем и своей будущей тещи, не нужен был бы ему и двугривенный на голландскую сажу, не нужно было бы доставлять и письма от Баклушина Настеньке, за что он как раз и получил этот самый двугривенный. Так, точно колесики часового механизма, цепляется одна подробность за другую. Ясное доказательство, что заимствовав мотив, как известного рода форму, Островский заполнил эту форму своим оригинальным содержанием.

Я не думаю, чтобы нужно было особенно подчеркивать, что обе комедии в пяти действиях, что и у Островского декорация не меняется, и до известной степени соблюдается у него единство времени: действие кончается на другой день, так что в общей сложности продолжается или сутки, или немного больше. Что касается места действия должно отметить одну подробность. В обеих комедиях фигурирует сад, составляющий существенную часть декорации, так как в саду Гарпагон прячет свою шкатулку с деньгами, которую оттуда было легче украсть, в саду же „зацепился за дерево“ и Крутицкий. Вполне естественно поэтому заключить, что и в русскую комедию сад попал из французского оригинала, причем опять-таки Островский, заимствовав чужой мотив, использовал его совершенно самостоятельно.

Итак, мне представляется несомненным, что при создании комедии Островского „Не было ни гроша, да вдруг алтын“ сказалось влияние комедии Мольера „Скупой“. Но если даже согласиться с этим предположением, все-же, как мы видели, приходится отметить, что это влияние частичное, что многое в комедии Мольера оставлено нашим драматургом в стороне, как чуждое нашей жизни, и поэтому возникает вопрос, возможно-ли такое частичное влияние хотя бы и Мольера. Выше я уже приводил письмо Островского к Бурдину по поводу пьесы »Les faux bons hommes«, переделать которую он считал невозможным ввиду того, что в ней все парижское, и в которой он особенно ценил два характера: Peponet и Bassecourt. А вот что он писал в том же письме по поводу драмы Паоло Джакометти »La morte civile«: Гражданскую смерть надо сильно переделать: Из Corrado сделать не убийцу, а политического преступника, или по крайней мере, ради цензуры, только намекнуть и громить не уголовный кодекс, а монахов; пожалуй, что-нибудь и выйдет; а назвать: „Дочь преступника“. Если так поступал наш драматург в случаях заведомой переделки чужой пьесы, когда последняя все таки сохраняла свою самостоятельность, то тем более мог он так действовать в тех случаях, когда он создавал оригинальное произведение, лишь находясь под влиянием чужой пьесы, дававшей ему материал главным образом с чисто формальной стороны. Ясно таким образом, что Островский относился к своему образцу совершенно самостоятельно и брал из него только так сказать здоровые зародыши, которые и давали под его пером великолепные побеги.

VI. Еще по вопросу о Мольеровском влиянии. Отзывы критики.

Ограничивалось-ли влияние Мольера на Островского проанализированным случаем, или можно установить его и в других отношениях? Прежде чем перейти к этому вопросу, отмечу, что писали раньше вообще о влияния французского комика на нашего драматурга.

Одним из первых, отозвавшихся на него, был, насколько мне известно, А. Н. Баженов, который в своей рецензии[1]) на „Пучину“ Островского писал между прочим: „Во второй картине Кисельников с головой погрузился в пучину; его ругает жена, ругает тесть, ругает теща, ругает родная дочь, ругает даже кухарка Аксинья. Для того, чтобы дать возможность Погуляеву сказать: „вот тебе и душа в душу“, автор заставляет пучинников (т. е. действующих лиц „Пучины“ Н. К.) сначала похвастаться, что „у них промежду собой нежность есть“, и потом сейчас же из-за пустяков в пух и прах разругаться. Вот мы кричим, что Мольер устарел, восклицает критик, а сами нет, нет, да и пощипываем его. Кланяемся вам, Триссотин и Вадиус (»Les femmes savantes«, д. III, сц. 5)! От вас, вашей манерой искусно ссориться на сцене позаимствовались многие и многие из наших театральных героинь и героев, от чадолюбивых матушек в водевиле „Беда от нежного сердца“ до пучинников г. Островского“. Я не буду останавливаться на вопросе о том, что именно указанная А. Н. Баженовым сцена из Мольеровской комедии оказала влияние на нашего драматурга. Важно отметить указание критика на то, что возможно было такого рода частичное влияние Мольера, выражающееся в заимствовании приемов, тех или других мотивов и т. п., одним словом возможность того, что сам Островский охарактеризовал словами: „есть чему поучиться“.

Я называю это влияние „частичным“ в отличие от того общего влияния Мольеровских форм комедии, кульминационным пунктом которого, по выражению С. А. Венгерова, нельзя не признать „Горе от ума“. Менее тесной, хотя все-же несомненной считает названный ученый связь творчества Гоголя с Мольером, выражающуюся прежде всего в ряде чисто-мольеровских приемов. „После Гоголя, продолжает он, мольеровские формы комедии исчезают из русского драматического творчества. Театр

[1]) Антракт. 1863 г. 17 апр. № 14. Перепечатано в „Сочинениях и переводах“ А. Н. Баженова. М. 1869, Т. I, стр. 604—605.

Островского прочно утверждает на русской сцене комедию бытовую."[1]) Эти слова С. А. Венгерова можно признать верными только с некоторой оговоркой, так как несмотря на исчезновение мольеровских форм комедии влияние французского комика на русских драматургов все-таки могло иметь место, посредственно или непосредственно. В этом случае более справедливым является замечание выдающегося русского мольериста Алексея Николаевича Веселовского: „Гоголевская традиция, опиравшаяся на заветы Мольера, передалась позднейшей нашей комедии. Театр Островского, при всей его национализации и бытовых корнях, был верен ей".[2]) Через посредство Гоголя влияние Мольера передавалось и другим русским драматургам, но возможно-ли точно установить, в чем заключалось такое посредственное влияние? В этом случае приходят на память имеющие сюда некоторое отношение слова самого Островского в его письме к Ф. А. Бурдину от 29 октября 1873 г.: „Ты еще находишь ошибку в том, писал он своему другу, что после окончания пьэсы идет разговор о картах; да помилуй, ради Бога, это обыкновенный, вековой, классический прием, ты его найдешь и у испанцев и у Шекспира.[3]) Но кому отдать приоритет, испанцам или Шекспиру, Гоголю или Мольеру, если бы мы захотели точно указать первоисточник влияния? Поэтому вполне естественно рецензент „Современного Мира" ставит вопрос: „не имел-ли Мольер непосредственного влияния на творчество Островского, не к излюбленному ли мотиву »Depit amoureux« (Любовный досады), проходящему через три его комедии (»Depit amoureux«, „Тартюф" и „Мещанин во дворянстве") восходит аналогичная сцена в „Шутниках". Не напоминает-ли помещица Гурмыжская в „Лесе" и ее два поклонника графиню Эскарбаньяс и ее женихов? Подобных предположений при чтении Островского возникает множество".[4])

С замечанием о сходстве помещицы Гурмыжской и графини Эскарбаньяс вряд-ли можно согласиться. Скорее можно было бы сопоставить такие образы, как Снегурочка и Психея, души ко-

---

[1]) Библ. велик. писат. по ред. С. А. Венгерова. Мольер. Т. I. СПБ. 1912. См. статью „От редакции".

[2]) Там-же См. биографич. очерк Мольера, принадлежащий А. Н. Веселовскому, стр. LXII.

[3]) А Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма, стр. 182 или Артист. 1892. № 19, стр. 22.

[4]) „Современный Мир". 1912 г., № 11, стр. 365. Цитировано также у М. Кагана, назв. соч.

торых у обеих вначале были холодны, но опять-таки эти параллели, собственно говоря, мало что доказывают. Вот что касается мотива любовной досады, то это замечание вполне справедливо, тем более, что этот же мотив до некоторой степени применяется и в комедии „Старый друг лучше новых двух", а не только в „Шутниках", хотя правда, в последней пьесе он использован более широко.

Одним из излюбленных приемов старинной драмы, русской и иностранной, было давать действующим лицам имена и фамилии, указывающие на их характер, за что нередко критика упрекала Островского. Но к чести последнего, как и некоторых других драматургов, должно сказать то, что у него это нисколько̀ не портило дела; нередко даже образы выходили настолько ярки, что имена их становились нарицательными. Возьмем для примера хотя-бы Подхалюзина. Несомненно, что избранное автором исключительно с целью подчеркнуть характер действующего лица, оно как раз стало нарицательным, благодаря художественности самого образа. Особенно интересной в этом отношении является фамилия Юсова, знаменательность которой первоначально даже совершенно не замечается и раскрылась только после специального расследования[1]). И как раз у Мольера мы находим такие же удачные подборы знаменательных имен. Возьмем хотя бы его судебного пристава Лоайаль в „Тартюфе", этого законника с довольно беззаконным видом, нотариуса Дебонфуа с его лукавством и уменьем влезать в душу в „Мнимом больном", Сотанвиля в комедии „Жорж Данден" с его глупой чванливостью и т. п.

Но если относительно указанного приема может возникнуть спор, кто является его источником, так как он был очень распространенным, то относительно другого приема в этом смысле не можст быть никакого сомнения. Мольер как нельзя более часто дает одни и те же имена своим действующим лицам в разных комедиях, в различные свои пьесы он вводит одни и те же персонажи. Имена Сганареля и Маскариля, Горжибюса и др. пестрят тут и там в его пьесах. Островский также прибегает к этому приему, хотя конечно и реже Мольера, что вполне естественно. Если бы он стал так же часто применять его, не

[1]) Н. П. Кашин. Откуда взял Островский фамилию Юсова? В сборнике: Островский. Новые матерьялы. Письма. Труды и дни. Статьи. Под ред. М. Д. Беляева. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Гос. Издат. Ленинград. 1924. Стр. 297—302

мало бы упреков пришлось ему выслушать от критиков, из которых иные не могли даже не упрекнуть его за то, что он три пьесы посвятил Бальзаминову. Должно отметить впрочем то искусство, с каким иногда Островский применял этот прием. Возьмите его Глумова, который фигурирует, как известно, и в „На всякого мудреца довольно простоты", где он играет главную роль, и в „Бешеных деньгах", уже в качестве сравнительно второстепенного персонажа. Но обратите внимание на то, как прекрасно этот второй Глумов дополняет первого. Читатель оставался в неизвестности, что же сталось с Егором Дмитричем, какая судьба постигла его с его стремлением найти богатую невесту. Глумов „Бешеных денег" как раз и дополняет этот пробел в биографии данного действующего лица, благодаря чему получился один цельный образ.

Старой комедией также культивировался один прием, правда, всего раз примененный Островским в комедии „Свои люди — сочтемся", это — обращение действующих лиц к публике. Мольер очень часто пользовался им: примеры его можно найти и в „Cocu imaginaire", и в „Школе мужей", и наконец в „Скупом".

У Островскаго есть характерная особенность: в нескольких своих пьесах он упоминает названия чужих пьес, как напр. в „Пучине" идет речь о „Жизни игрока", в „Горячем сердце" вспоминается „Двумужница", в „Без вины виноватых" артистка Кручинина говорит о леди Микельсфильд (из драмы Гуцкова „Richard Savage"), роль которой она играла. Именно у Мольера особенно часто мы находим тот же прием упоминания других пьес с тою только разницей, что он говорит о своих же комедиях. Так в „Мизантропе" Филинт говорит Альсесту:

„Мы вместе выросли, приятель мне давно вы:
Не „Школу-ли мужей" мы разыграть готовы?
Похожи мы на тех двух братьев . . ." (Д. I. Явл. 1).

В „Казакине" Маскариль разсказывает: „Ну, что? . . . Мне вспомнилось одно театральное представление, разыгранное провинциальною группой странствующих актеров вроде покойного . . . Тэс . . . дай Бог память . . . (произнося слово чихает) Тэсписа! . . . — будьте здоровы! . . . — называлось оно, кажется, „Казакин". Это был недурной фарс некоего малого, по имени Вольер . . . „Мольер . . . придворного обойщика его величества . . ." и т. д.[1])

[1]) Мольер, указ. изд., т. II. С. П. Б 1913, стр. 593.

В „Горячем сердце“ Вася Шустрый, рассказывая о похождениях подрядчика Хлынова, между прочим говорит: „Я когда в Москве был, „Двумужницу“ видел — так там с лодки прямо так из ружья и стреляет. Уж на что лучше“ (Д. I, Явл. 4-ое). Если по поводу разговора о картах А. Н. Островский восклицал, что это вековой, классический прием, который можно найти и у испанцев, и у Шекспира, то по поводу только что цитированного воспоминания Васи Шустрого о виденном им театральном он, вероятно, сослался бы на Мольера.

На него же должен был бы сослаться наш драматург и в другом случае. Всем памятна эффектная сцена в „Бешеных деньгах“, когда Телятев, обнимая Кучумова, говорит: „И в рубище почтенна добродетель!“ Нечто подобное находим мы и у Мольера. В „Школе жен“ II-е действие заканчивается такими словами Арнольфа:

„Довольно!
Я здесь хозяин . . . ну! Так слушаться меня!“

„Эти стихи (C'est assez, je suis maitre, je parle: allez, obeissez), по словам комментатора, представляют собою дословное повторение того, что в пьесе Пьера Корнеля „Sertorius“ говорит Помпей, обращаясь к Перпенне, который пытался ему возражать — в шестой сцене пятого действия. Перенесение этих стихов из трагедии в комедию носило характер шутки, в сущности-довольно безобидной, но все-же задевшей самолюбивого Корнеля . . .“ [1]) У Островского как раз словам Державина придан шуточный характер, какого они конечно у Державина не имели. Но несмотря на это, я не решаюсь из произведенного мною сопоставления сделать вывод, что Островский заимствовал у Мольера данный прием: ведь прежде всего нужно знать, что отмеченные стихи принадлежат Корнелю, а не самому Мольеру, хотя вряд-ли наш драматург не был знаком с произведениями великого французского трагика. У Островского впрочем приведенный случай цитирования чужих стихов не единственный: припомните в „На всякого мудреца“ генерала Крутицкого, который можно сказать душит Мамаеву цитатами из трагедий.

В своей интересной заметке о „Приемах творчества“ Островского [2]) Б. В. Варнеке останавливается на одном из них, который

---

[1]) Там же, т. I, стр. 607.

[2]) Б. В. Варнеке. Заметки об Островском. Гл. IX. Рус. Филолог. Вестн. 1916 г. № 1—2.

дал благотворные результаты. Речь идет о „приеме контрастов“, когда сопоставляются в пьесе два противоположных характера, благодаря которому не мало выиграла яркость женских образов, хотя бы напр. пьесы: „На бойком месте“. Интересно отметить еще одну подробность в применении Островским этого приема, которую уважаемый ученый справедливо считает „едва ли случайной“ и которая состоит в том, что за очень незначительными исключениями, к числу которых надо отнести царицу Анну и Василису, Островский не заставляет сталкиваться в общей борьбе таких представителей противоположных характеров. Наоборот, в громадном большинстве случаев они у него идут рука об руку, дополняя друг друга, подобно Мольеровским Филенту и Альцесту“. В свою очередь я назову „едва ли случайным“ это сопоставление Островского с Мольером. Правда, „этот прием был в особенном ходу у французских драматургов-классиков“. Им с большим успехом пользовался и Расин. А из многих случаев применения того же приема у Мольера особенно удачным оказалось противопоставление в „Мизантропе пылкому безудержному Альцесту рассудительного Филента“. Невольно напрашивается вопрос, не был ли и в данном случае Молъер учителем Островского?

Мои наблюдения над сходными приемами творчества двух названных драматургов были бы не полны, если бы мы не обратили внимания на одну особенность их творчества, без которой, пожалуй, нельзя было бы объяснить то благоговейное отношение к Мольеру, какое мы выше отметили у Островского. Должен оговориться, что эта особенность в свое время была уже отмечена Н. И. Николаевым в его живо написанном очерке: „А. Н. Островский и значение его в русском театре и литературе“.[1] „Творчество А. Н. Островского“, писал он, „всегда оставалось объективно-художественным, подчиняясь в своем творческом процессе лишь глубокому и искреннему желанию автора возможно полнее и ближе проникнуть в самые основы народной жизни посредством изображения нравов той или другой среды общества и создания типов, т. е. лиц, наиболее полно и характерно отразивших в себе черты, принадлежащие тому или другому классу русского общества. Этой стороной своего дарования Островский приближается к Мо-

[1]) Н. И. Николаев Эфемериды. Киев. 1912, стр. 613. Это сопоставление Островского и Мольера проф. Б. В. Варнеке называет удачным. См. „Заметки об Островском“. Рус. Фил. Вестн. 1916, № 1—2. Отдельн. оттиск стр. 12.

льеру, ибо нигде черты и свойства, принадлежащие данному классу общества и данной эпохе, не получают такого яркого выражения, как-бы заслоняя собою вневременные общечеловеческие особенности героев, как у него и у Мольера.“ Вот это сходство в характере творчества обоих драматургов и объясняет с одной стороны, как я выше сказал, пиэтет Островского к Мольеру, а с другой-возможность влияния последнего на первого. Вместе с тем оно как-бы предопределяет характер этого влияния. Заимствуя тот или другой тип или образ у Мольера, Островский конечно придаст ему соответствующую бытовую окраску и окружит его соответствующей бытовой обстановкой, заимствуя таким образом как-бы только форму, в которую вложит оригинальное содержание. Так это было, как мы видели, в единственном случае такого влияния французского комика на Островского, именно при создании последним своего скупца, прообразом которого служил Гарпагон Мольера.

Москва. 1918—1924.

Н. Кашин.

Kritiky a referáty.

O pochodzenie nazwy miejscowej *Bratislava*.

(Kilka uwag krytycznych.)

»Staletí žila Bratislava pod příkrovem dvou jmen, cizími ústy zkomolených — slovanských, Pressburg a Pozsony, až teprve novodobá svoboda pomohla starobylému rázu jejího původního jména opět k novému životu. Byl to Pavel Josef Šafařík, který prvý ve svých Slovanských Starožitnostech upozornil na to, že v německém Prešpurku ukryté je slovanské Břecislav, Břetislav.[1]) Jméno to našel doloženo v starých annálech Hermanna Contracta z r. 1042 (»Heimenburg et *Brecesburg* [właściwie *Brezesburg*]«). A od té doby udržovalo se jméno to aspoň v kruzích slovenské vlastenecké společnosti. Štúrovci psali zpravidla »Břetislav« anebo »Břetislava«, později Bratislava.«

Tak rzecz pojmuje prof. Václav Chaloupecký w rozprawie p. t. K nejstarším dějinám Bratislavy (Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského v Bratislave, roč. I. čís. 9, r. 1922, str. 219). Poza przytoczoną jeszcze dwa razy pojawia się w starych dokumentach nazwa *Bratislavy* w postaci pozwalającej bez trudności przypuszczać słowiańską podstawę używanego przez wieki całe dla jej oznaczenia niemieckiego *Pressburga*. Jedną z nich podają Annales Boiorum Jana Aventina z początku XVI w.: Posonium — *Wratislaburgium*. Jest to jednak wymysł Aventina. Drugą wydobywa Chaloupecký z t. zw. Annales Altahenses z w. XI, znanych nam w odpisie początku w. XVI: urbs *Preslawaspurch* pod r. 1052.

Idzie teraz tylko o to, aby odgadnąć, jaki słowiański twór imienniczy kryje się pod powłoką nieudolnie przez niemieckich pisarzy zanotowanej nazwy słowiańskiej miejscowości. Idzie o stwierdzenie, czy przypuszczenie Chaloupeckiego jest trafne a rozwiązanie zagadki przez niego podane jedyne, czy też można na razie conajmniej z równą dozą prawdopodobieństwa podać inne niejasnej sprawy rozwikłanie. Do zdania historyka Chaloupeckiego przyłączył się także filolog słowiański prof. Miloš Weingart w artykule: Bratislava — Pressburg — Posonium (Sb. fil. fak. univ. v Bratislave, roč. I, čís. 17, r. 1923, str. 811—29), usiłując na podstawie rozważań językowych wykazać jego prawdziwość. W rozprawce swojej wychodzi zatem prof. Weingart z założenia, że istotnie nazwa miejscowa *Bratislava* stoi w związku z czeskiem imieniem o formie *(*Bręcislav 〉 *Břacislav 〉 *Břěcislav 〉 *Břecislav 〉) Břetislav*. Człon drugi imienia nie przed stawia oczywista żadnych trudności, część pierwszą łączy Weingart z pierwiastkiem *bręk-*, spotykanym w całym szeregu dziś jeszcze

[1]) Šafařík P. J., Starožitnosti II, § 42, c. 3.

używanych słowiańskich wyrazów, jako to pol. *brzęczeć*, czes. *brečeti* i dial. *břečeti*, rosyj. *břakatь* itp. Objaśniwszy formę członu pierwszego, z którem to objaśnieniem z punktu widzenia onomastycznego zgodzić się ostatecznie można, przechodzi Weingart do określenie znaczeniowej strony imienia. Znaczy ono wedle niego tyle, co »bojovný«, »v ryku válečném statečný«, zatem tyle, co greckie *βοὴν ἀγαθός*. Od tego to imienia pochodząca nazwa miejscowa brzmiała w XI w. **Břěcislava*; restytuowana przez patrjotów słowackich w połowie wieku dziewiętnastego dla ponownego oznaczenia miasta, które o swej dawnej słowiańskiej nazwie zapomniało, przybrała postać *Bratislava*, zgodną z wymogami fonetyki literackiego języka słowackiego.

Artykuł Weingarta nie zdobył sobie jednak powszechnego uznania. Wystąpił przeciwko niemu przedewszystkiem węgierski slawista J. Melich w rozprawie p. t.: Die Namen von Preßburg (Zeitschrift für slavische Philologie, I/1—2, 1924, str. 79—101). Szczegółowo zarzutami Melicha (częściowo tylko słusznemi) zajmować się nie będę. Dla mojego celu wystarczy stwierdzić, że ostatecznie i Melich — nie bezpośrednio coprawda — u kolebki *Bratislavy* widzi *Brzetysława*. Różnica pomiędzy zapatrywaniem jego a Weingarta polega jedynie na tem, że dla Melicha założycielem osady nie był książę czeski o imieniu, które dziś brzmiałoby *Břetislav* (panował 1037—1055), nazwa jej pochodzi raczej od niemiecko-bawarskiego imienia **Pręzi-slav* 〉 **Pręz-slav* 〉 *Preslav*, w którem, co się jego genealogji tyczy, kryje się czeskie lub słowackie imię **Břacislav* 〈 **Bręcislav*. Trzeba więc osadę, o której mowa, połączyć z kolonizacją niemiecką. Dzisiejsza nazwa *Bratislava* jest nazwą bez dłuższej przeszłości, jest ona wytworem ruchu odrodzeńczego Słowaków w czterdziestych i sześćdziesiątych latach ubiegłego stulecia. Wówczas to miasto zwane po niemiecku *Pressburg*, po węgiersku *Pozsony* poczęto nazywać po słowacku *Vratislava, Brecislava, Břetislava, Bratislavia, Bratislava, Rastislava,* najczęściej przecież *Bratislava*. Ta ostatnia nazwa dziś się ogólnie przyjęła.

Z linją wytyczną wywodów Melicha godzi się także Ernest Schwarz w artykuliku p. t.: Nochmals der Name Preßburg (Zeitschr. f. slav. Phil., II/1—2, 1925, str. 58—61). Nie podziela tylko zdania węgierskiego uczonego, jakoby niemiecka forma imienna *Preslav* wywodziła się z imienia **Břacislav* a właściwie dawniejszej jego postaci **Bręcislav*. Dla Schwarza imieniem podstawowem był *Prěslav*. Tak jednak czy owak, faktem jest i jego zdaniem niezbitym, że »nazwa Preßburg świadczy o niemieckiem zaludnieniu conajmniej od lat tysiąca« (l. c. 61).

Zaraz następny zeszyt Zeitschr. f. slav. Phil. (t. II, 3/4, 1925) przynosi jeszcze jeden nazwie *Bratislavy* poświęcony przyczynek. Przyczynkiem tym jest artykuł Roberta Holtzmanna p. t.: Die älteste Namensform für Preßburg, str. 372—9. Rozumie pod nią Holtzmann zapiskę *Brezalauspurc*, którą, mówiąc o bitwie stoczonej pod Pressburgiem w r. 907 między Niemcami i Węgrami, przechowały t. zw. Annales Juvavenses maximi. Annale te spisane w połowie w. XII są ekscerptem z wcześniejszych (nieznanych nam dzisiaj) t. zw. Annales Juvavenses antiqui, obejmujących wypadki z lat 725—956, a założonych w r. 830 i potem sy-

stematycznie uzupełnianych. Można więc zapiskę *Brezalauspurc* z pewnemi zresztą zastrzeżeniami łączyć z początkiem w. X. Wszystko to jasne i logiczne. Językowe jednak rozważania Holtzmanna dopatrującego się w zapisce *Brzetysława* w starej postaci **Bręcislav* nie wytrzymują krytyki. Robią ona wrażenie motywowania poglądu powziętego a priori. Nie przekonają chyba nikogo. Dodam, że *Brzetysław* Holtzmanna nie jest księciem czeskim, lecz tylko czeskim lub słowackim budowniczym i dowódcą twierdzy, postawionej nad Dunajem dla obrony państwa wielkomorawskiego.

Rozejrzawszy zbliska rozważania omówionych autorów i ich stosunek do siebie, nie możemy wyciągnąć z nich innego wniosku, jak tylko ten, że sprawa bynajmniej nie jest jeszcze rozstrzygnięta. Sprawa ta poruszana w sposób dotychczasowy nigdy rozstrzygnięta nie będzie, zwłaszcza jeżeli w pracach jej poświęconych brać górę będzie nie rzetelna chęć rozjaśnienia mroków dokoła niej nagromadzonych, lecz tylko dążność, jak u pierwszych czterech autorów, rzekomo naukowego usprawiedliwienia słusznych czy niesłusznych uroszczeń narodowych. A jednak pewne pozytywne rezultaty przynoszą ad hoc robione rozprawy Weingarta, Melicha, Schwarza oraz Holtzmanna, mianowicie nie ulegające wątpliwości stwierdzenie faktu, że w nazwie *Pressburg* tkwi pierwiastek słowiański, następnie, że obecna *Bratislava* jest nazwą sztucznie zrekonstruowaną. Idzie teraz o oznaczenie tego słowiańskiego pierwiastka. Dojść do niego będzie można jedynie przy bardzo dokładnem, systematycznem poszukiwaniu. To jedno. Po drugie trzeba będzie zebrany pełny materjał rozpatrzeć krytycznie. Nie wystarczy zatem ogólnie powiedzieć, że »nazwa [scil. *Pressburga*] zapisywana jest w XI i XII w. — *Brezisburg, Brezibure, Brezizburch, Preslawaspurch, Bresburg, Bresburch, Bresburh* — w późniejszych stuleciach *Presburch, Presburc, Prespurch*« (Melich l. c. 79—80), konieczną rzeczą będzie osobno potraktować zapisy wyciągnięte z oryginalnych dokumentów, osobno z kopij i falsyfikatów, osobno wreszcie z kronik. Różną bowiem doniosłość dowodową będą posiadać te trzy kategorje zapisów. Żadną więc miarą nie wolno ich stawiać na jednym poziomie. I dalej jeszcze. Badacz, który się pokusi o rozwiązanie zagadki, będącej istotą poruszanego tu zagadnienia, nie może nie znać stosunków narzeczowych niemczyzny X—XI w. Znajomość ich będzie mu wielce pomocna w rzuceniu należytego światła na pochodzenie naszej nazwy. Pozwoli mu ona stwierdzić, która z nasuwających się możliwości najwięcej jest prawdzie podobna. A możliwości tych może być kilka. Czyby przypadkiem nie należało wziąć tutaj pod uwagę również *Vratislava*, o czem zresztą mimochodem napomyka już Chaloupecký (l. c. 220). Myśl ta przychodzi sama przez się, gdy przypomnimy sobie, jakto v innych coprawda warunkach dialektycznych polski *Wrocław*, a raczej jego oficjalna czesko-łacińska nazwa *Vratislavia* przeszła w niemiecki *Breslau*. Byłoby także rzeczą dobrą nie ograniczyć się w badaniu na sam *Pressburg*, lecz owszem badanie rozszerzyć na nazwy z tego czy innego względu podobne, możnaby nadto poddać równoczesnemu rozważeniu nazwy pobliskie i dopiero na tych szerokich podstawach budować taką czy inną hipotezę. Do wyczerpania wszystkich środków krytycznego zbadania oma-

wianej nazwy jeszcze bardzo daleko. Chyba więc mocno przedwczesnem będzie przypuszczenie Chaloupeckiego i Weingarta, że to wspomniany już książę czeski *Brzetysław*, znacząc granice swojego państwa, założył *Bratislavę*. Rezultat, do którego doszli Chaloupecký i Weingart (a ostatecznie i Holtzmann) wart jest w zupełności wyników Melicha a zwłaszcza Schwarza, dla których *Bratislava* jest córą niemieckiej kultury.

Praga, w maju 1926.

Witold Taszycki.

Др. Ст. Смаль Стоцький. **Розвиток поглядів про семю словянських мов і їх взаїмне споріднення.** (Юбилейний Збірник наукового товариства імени Шевчепка у Львові в пятьдесятиліття основання 1873—1923). У Львові, 1925.

Der große Wert dieser Abhandlung besteht in der kritischen Besprechung der Ansichten derjenigen Gelehrten, welche von Dobrovskýs Zeiten an über das Verwandtschaftsproblem der slavischen Sprachen geschrieben haben, und diese Übersicht ist auch für den Fachgenossen, der das Problem und seine Geschichte studiert hat, in vielen Punkten belehrend. Der Verfasser selber steht auf dem Standpunkte der ukrainischen Grammatik von ihm selber und Gartner, d. h. er anerkennt keine russische Gruppe, welche sowohl Kleinrussisch wie Großrussisch umfasst; überhaupt leugnet er das Vorhandensein von Gruppen, indem er eine konsequentere Durchführung des Schmidtschen Wellenprinzips fordert als er bei andern Forschern findet; so wird Jagić der Vorwurf gemacht, daß er die genealogische Theorie Schleichers und die Wellentheorie Schmidts angewandt hat, je nachdem sie ihm in den einzelnen Fällen gefielen.

Ich muß gestehen, daß ich noch immer mit Jagić glaube, daß die beiden Theorien ihre Berechtigung haben. An der Richtigkeit der Schmidtschen Theorie dort, wo ein zusammenhängendes Dialektgebiet vorliegt, ist kaum Zweifel möglich; je größer aber die Isolierung wird, in welcher sich eine Gruppe von Leuten ihren frühern Stammesgenossen gegenüber befindet, um so mehr macht in der Entwicklung der Sprache das Stammbaumprinzip sich geltend. Wenden wir diese theoretischen Wahrheiten auf das Problem der slavischen Sprachverwandtschaft an, so konstatieren wir, daß Süd- und Westslavisch von dem Augenblicke an, wo Deutsche und Madjaren anfingen sie voneinander zu trennen, ohne gegenseitige Beeinflussung, ohne Ausbreitung der »Sprachwellen« jenseits der deutsch-madjarischen Zwischenzone sich weiter entwickelt haben. Im Osten waren Süd- und Westslaven wohl schon früher voneinander getrennt; das haben die Untersuchungen Chaloupeckýs sehr wahrscheindlich gemacht (Staré Slovensko 69 f., Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě III, 141). Gerade so ist eine scharfe Sprachgrenze zwischen Slovaken und Polen einerseits, Klein- und Weißrussen anderseits zu konstatieren; es existieren freilich Mischdialekte und es liegen zahlreiche Fälle gegenseitiger Beeinflussung vor, aber das sind sämtlich jüngere Erscheinungen; von alten Übergangsmundarten keine Spur; während innerhalb des Westsla-

vischen die genealogische Methode kaum anwendbar ist (nicht nur Šachmatov, sondern sogar Rozwadowski in der Encyklopedya Polska sind in dieser Richtung zu weit gegangen) und wir besser mit der Wellentheorie arbeiten, lässt sich diese letzte nicht mehr verwenden, sobald wir die polnisch-russische oder slovakisch-russische Sprachgrenze ins Auge fassen, wenn wir jedenfalls sekundäre Sprachmischung ausser Betracht lassen. Innerhalb des Südslavischen erweist uns Schleichers Methode grössere Dienste als auf westslavischen Gebiete. Während die Untersuchungen von Belić und Ramovš (Revue des études slaves I, 20 ff., III, 48 ff.) die allmählichen Übergänge auf slovenisch-serbokroatischem Gebiete und die ursprüngliche Einheitlichkeit dieser ganzen Gruppe nachgewiesen haben, sind die »Sprachwellen« auf dem Übergangsgebiete zwischen Bulgarisch und Serbokroatisch offenbar ziemlich jung und müssen wir für eine ältere Periode eine Jahrhunderte lange Unterbrechung der direkten Beziehungen annehmen; in meiner Abhandlung: Taalkundige en historiese gegevens betreffende de oudste betrekkingen tussen Serven en Bulgaren (1923) nahm ich an, daß eine romanische Bevölkerung diese zwei slavischen Gruppen voneinander getrennt hat.

Was die von den meisten Forschern und auch von mir angenommene russische Gruppe betrifft, so ist hier nach meiner Ansicht sowohl die homogene Entwicklung der ganzen Gruppe etwa im VIII, IX, X. Jh. wie auch ihre Isoliertheit sowohl den westlichen wie den südlichen Slaven gegenüber vollständig klar; die Verhältnisse sind sogar durchsichtiger als auf andern Teilen des slavischen Gebietes. Vor kurzem schrieb ich über die slavischen Verwandtschaftsverhältnisse einen Aufsatz (Revue des études slaves IV, 5 ff.), welchen Smal-Stockyj wohl noch nicht kannte, als er seine Abhandlung schrieb; ich darf mich jetzt wohl mit einer Verweisung auf diesen Aufsatz begnügen. Nur auf einen Punkt möchte ich noch eingehen. Smal-Stockyj meint (s. 32), daß die Kirchensprache die wirklichen Sprachverhältnisse des Kievschen Russlands für uns verborgen hält. Gewissermassen ist das richtig: die importierte Kirchen- und Schriftsprache hat im Laufe der Jahrhunderte mehrere Bulgarismen bewahrt, — anderseits aber zeigen bereits die ältesten russisch-kirchenslavischen Texte, was ihren Lautbestand betrifft, die deutlichen Spuren ihrer russischen Herkunft, und, gerade so wie in den altbulgarischen Handschriften, sind in den altrussischen dialektische Eigentümlichkeiten der Schreiber sehr häufig; für die Chronologie der russischen Sprachentwickelung enthalten die russisch-kirchenslavischen Texte manches wichtige Zeugnis. Wenn in XI. Jh. Südrussland eine bedeutend von den nördlichen Provinzen abweichende Sprache gehabt hätte, so würde das sich aus den Handschriften nachweisen lassen. Wenn das nicht der Fall ist, so ist das eine — allerdings überflüssige — Bestätigung der Annahme einer allgemein-russischen Grundsprache, — an deren Existenz ausser Von-Smal-Stockyj und Gartner sehr wenige Forscher gezweifelt haben. Auch in den neuen historischen Grammatiken von Buzuk (Коротка історія української мові I. Одеса 1924) und Durnovo (Очерк истории русского языка. Москва-Ленинград 1924) werden Groß- und Kleinrussisch als zu einer russischen Gruppe gehörig betrachtet. Eine Rekonstruktion

der urrussischen Sprache ist, wenn auch nur annähernd, möglich — und auch für die Rekonstruktion des Urslavischen, welches soviel später zu bestehen aufhörte als etwa Urgermanisch oder Urkeltisch, verfügen wir über ein zuverlässigeres Material als Smal-Stockyj S. 40 f. meint.

Leiden

N. van Wijk.

Meillet A. et Vaillant A.: **Grammaire de la langue serbo croate.** (Collection de grammaires de l'Institut d'Etudes slaves. III.) Paris, Librairie ancienne Honoré Champion, 1924. VIII + 302.

Предъ нами обширная описательная грамматика сербско-хорватскаго языка, за цѣнность которой въ достаточной мѣрѣ ручается уже самое имя столь извѣстнаго французскаго лингвиста проф. А. Мейе. Исторія написанія книги, которую узнаемъ изъ предисловія, еще болѣе повышаетъ довѣріе къ ней: А. Мейе, составляя книгу во время войны, пользовался совѣтами нашего лучшаго знатока сербско-хорватскаго языка, А. Белича. Затѣмъ трудъ бытъ пересмотрѣнъ его авторомъ, А. Мейе, въ бытность его въ Бѣлградѣ, совмѣстно съ двумя молодыми сербскими учеными, учениками А. Белича, М. Ивковичемъ и М. Павловичемъ. Послѣ этого рукопись грамматики была передана второму автору книги, проф. A. Vaillant, который переработалъ ее, пользуясь опять таки наставленіями А. Белича, въ бытность свою въ теченіе одного года въ Бѣлградѣ; онъ придалъ многимъ главамъ новую форму, установилъ детали, обогатилъ и прецизировалъ многое, сохранивъ въ тоже время общій планъ, какой книга имѣла въ первоначальной редакціи А. Мейе. Въ такомъ видѣ работа была еще разъ бѣгло пересмотрѣна профессоромъ Мейе и сдана въ печать, причемъ и во время коррегированія ея А. Беличемъ было дано много цѣнныхъ указаній.

Эта исторія книги дѣлаетъ понятнымъ, что неточности и недосмотры, неизбѣжные во всякомъ челозѣческомъ трудѣ, въ ней крайне рѣдкое явленіе. Они отмѣчены уже компетентной критикой въ лицѣ М. Решетара (**J. Ф. IV, 245—250 с. с.**).

Грамматикѣ предшествуетъ краткая библіографія, въ которой указаны важнѣйшіе грамматики и словари сербско-хорватскаго языка, и введеніе; въ послѣднемъ дается понятіе о территоріи этого языка, о главныхъ нарѣчіяхъ его и о томъ, что разумѣется подъ литературнымъ сербо-хорватскимъ языкомъ. Авторы, подчеркивая различія между литературнымъ языкомъ Бѣлграда съ одной стороны и Загреба съ другой въ словарномъ отношеніи, приводятъ такія параллели, какъ загребское *kàzalište* и бѣлградское *pòzorište*, з. *kȍlodvōr* и б. *stänica*, з. *šȉbica* и б. *mašína*. Слѣдовало отмѣтить въ этомъ отношеніи какъ общую черту бѣлградскаго говора сравнительно съ загребскимъ, обиліе словъ турецкаго происхожденія.

Не вполнѣ точно въ этомъ отдѣлѣ утвержденіе, что сербо-хорватскій литературный языкъ совершенно свободенъ отъ вліянія литературной традиціи („nullement troublé par une tradition littéraire" 11 с.): ср. такіе пережитки древней литературной эпохи, какъ *prävedan*, *ȍpština*,

srěštenik. и отраженія болѣе новой эпохи вліянія словяно-русскаго языка, какъ *žrtva. gord — gorditi se. ućešće. tăčka* — въ хорватскомъ даже прямо *tŏčka*. какъ въ русскомъ, *načelo. podneblje* и т. п.

Послѣ введенія (1 11 с.) идетъ самая грамматика; матеріалъ расположенъ въ такомъ порядкѣ: фонетика; склоненіе именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій; числительныя; употребленіе именныхъ формъ (родъ, число, падежи, примѣчанія о предлогахъ); образованіе именъ; глаголъ; синтаксисъ.

Задача разсматриваемой грамматики — практическая: дать описаніе сербо-хорватскаго языка, имѣя въ виду тѣхъ, кто желаетъ получить „ясное и полное представленіе" о немъ, не входя однако въ крайнія детали.

Полагаю, что книга достигаетъ этой цѣли. Во всякомъ случаѣ обстоятельность — ея характерная черта. Можетъ даже явиться вопросъ: не слишкомъ ли богато ея содержаніе, и не слѣдовало бы пойти еще дальше въ пренебреженіи деталями?

Авторы грамматики на первомъ мѣстѣ даютъ факты литературнаго языка Бѣлграда, параллельно отмѣчая данныя хорватскаго литературнаго языка. Не ограничиваясь однако этими двумя категоріями фактовъ, они вводятъ и третью категорію: данныя другихъ говоровъ. Мнѣ представляется, что имѣя въ виду практическую цѣль книги, было бы лучше ограничиться первыми двумя категоріями, не затемняя общее представленіе о сербо-хорватскомъ языкѣ, и безъ того сложное, благодаря двойственности его содержанія (языкъ Бѣлграда и языкъ Загреба) — пестрыми фактами другихъ діалектовъ. Все равно всѣхъ діалектическихъ данныхъ авторы своимъ читателямъ далеко дать не могли.

Замѣчу тутъ кстати, что приводя діалектическіе факты, слѣдовало бы всегда указывать, какому діалекту данный фактъ принадлежитъ: гдѣ говорятъ, напр. *sàna* (gen. s. отъ *săn* — 62 с.), какому говору принадлежатъ формы nom. s. *käm, krëm. pläm* (72 с.) и. т. п.

Съ той же точки зрѣнія, т. е. имѣя въ виду практическій характеръ книги — является вопросъ: цѣлесообразно ли въ ней давать столь детальную акцентологическую характеристику отдѣльныхъ типовъ склоненія, какая дается въ книгѣ. Въ связи съ тѣмъ же практическимъ характеромъ руководства находится сознательное исключеніе авторами научнаго освѣщенія регистрируемыхъ явленій. Конечно, это естественно и неизбѣжно въ большинствѣ случаевъ, но въ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ, хотя бы и весьма рѣдкихъ случаяхъ, безъ научнаго освѣщенія фактовъ обойтись было нельзя, ибо приведеніе ихъ безъ таковогo не даетъ читателю ничего. Такъ, напримѣръ, — на стр. 40 говорится объ отсутствіи *t, d* въ *plèla, prěla* при *plètem, prédēm,* и примѣры эти сопоставляются съ *sèdlo, mètla*. Причины этой противоположности остаются для читателя неясными.

Точно также неясно читателю, какъ понимать происхожденіе *dž* въ *ȍtadžbina:* слово это приводится, какъ примѣръ измѣненія глухого согласнаго предъ звонкимъ въ звонкій: „de *ȍtac* ‚père', *ȍtačkī* ‚paternel' on a le dérivé *ȍtadžbina* ‚patrie'" (18 с.). Читателю, незнакомому съ научной стороной дѣла, останется неясно, ведетъ ли авторъ *ȍtadžbina*

отъ *òtac* или отъ *òtački*, какъ неяснымъ останется и взаимное отношеніе *òtac* и *òtački*. Такъ какъ основнымъ является *òtac*, то можетъ возникнуть мысль, что *òtac-bina* 〉 *òtadžbina*, или же столь же ложное представленіе, что *òtačk-bina* 〉 *òtadžbina*. На стр. 17, говоря объ упрощеніи группъ согласныхъ, авторы приводятъ, какъ примѣръ выпаденія согласнаго *k* въ группѣ *ckn*, компаративъ *dòcnije*, — будто бы изъ *docknije*; если бы была сдѣлана попытка болѣе глубокаго, научнаго освѣщенія этого случая, то авторамъ пришлось бы отказаться отъ этого примѣра вовсе: изъ первоначальнаго *do-kъsn-ije* (ср. **късн҄ѣти** въ Codex Marianus и др.) никакъ нельзя получить **docknije*, ибо оно должно дать **doksnije*, а отсюда можетъ получиться либо *doknije*, либо *dosknije*; *dosknije* можетъ дать *dosnije* (ср. *pisnuti* изъ *pisk-nu-ti*), но во всякомъ случаѣ не *docknije*. Какъ предполагаетъ Белић (Лет. Мат. Срп. CC, 185 с.), первоначальное **doksnije* дало **dotsnije*, откуда — *docnije*. Авторы безъ достаточной критики воспользовались относительно *docnije* объясненіемъ Маретича (Gramatika i stilistika 292 c.).

Вообще, я думаю, что авторамъ не слѣдовало вовсе касаться такихъ сторонъ сербскаго языка, о которыхъ въ сущности нельзя дать „ясное и полное понятіе“ („une idée nette et complète“ V c.) читателю безъ привлеченія историческаго метода. Таковой стороной языка я считаю чередованіе гласныхъ. Въ самомъ дѣлѣ: что даетъ читателю безъ научныхъ объясненій, чередованіе *a*: „звуковой нуль“ въ такихъ примѣрахъ, какъ *päs* — *psä*, *sän* — *snä* (41 с.), разъ такое чередованіе наблюдается далеко не во всѣхъ случаяхъ: ср. *dân* — *dâna*, *brät* — *bräta*, *svät* — *sväta* и т. п.? Или: что даютъ чередованія *bräti* — *bèrēm*, *kläti* — *köljem*, *mȑknuti* — *mráčiti* безъ надлежащихъ объясненій? Еще менѣе основаній было приводить такія туманныя для читателя, если не дать ему научное освѣщеніе фактовъ, чередованія, какъ чередованія *n* : *ē* въ *pȍčnēm* : *počēti*, *kùnēm* : *kléti*, или какъ чередованіе *u* : *m* въ *nàduti* : *nȁdmēm*. Указывать на эти чередованія въ грамматикѣ практическаго характера имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они имѣли характеръ морфологическихъ знаковъ или средствомъ обозначенія семазіологическихъ различій. Во всякомъ случаѣ болѣе дало бы читателю чередованіе *va* : *i*, о которомъ авторы не упоминаютъ, такъ какъ оно по крайней мѣрѣ открываетъ ему интересную этимологическую связь между *hvätati* и *hȉtati*, *hîtan*, между *kväsiti* и *kȉsnuti*, *kȉseo*.

Разсматривая склоненіе именъ существительныхъ, авторы даютъ слѣдующую группировку типовъ этого склоненія: 1. склоненіе именъ муж. рода, 2. склоненіе именъ средняго рода, 3. склоненіе именъ женск. рода на *-a* и 4. склоненіе именъ женск. рода на согласный (*stvâr*, *lâž* и т. п.). Не будемъ говорить о томъ, насколько соотвѣтствуетъ такая группировка языковому чувству носителей современнаго сербохорватскаго языка: объ этомъ ср. А. Белича въ RESl. II, 69—79. Можно признать пріемлемой съ практической точки зрѣнія такую группировку съ одной лишь оговоркой: слѣдовало все же выдѣлить въ особый типъ склоненія — склоненіе такихъ именъ, какъ *vréme* — *vrȅmena* и *ždrȅbe* : *ždrȅbeta*, такъ какъ отношенія эти значительно отличаются отъ отношеній *pȍlje* — *pȍlja*, *mȍre* — *mȍra*. Гораздо больше сомнѣній вызываетъ группи-

ровка глаголовъ, какую находимъ въ книгѣ. На стр. 166 (§ 186), говоря о презенсѣ, авторы находятъ, что всѣ формы презенса („sauf quelques verbes anomaux", о которыхъ говорится въ § 196: *jèsam, hòću*), - могутъ быть отнесены къ одному изъ трехъ слѣдующихъ типовъ: 1. *glȅdām — glȅdāš* и т. д. — *glȅdajū* (3. pl.); 2. *čìnīm — čìnīš* и т. д. — *čìnē* (3. pl.); 3. *gȉnēm-gȉnēš* и т. д. — *gȉnū* (3. pl.). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться: въ глаголахъ типа *gȉnēm* сознаніе говорящихъ нерѣдко выдѣляетъ совершенно ясно суффиксъ *-nu, -ne* (*klȉknēm : klȉčēm, dȉgnēm : dȉžēm, sȉgnēm : sȉžēm, nȉknēm : nȉčēm* и т. п.; послѣ того, что говорится въ § 31 о чередованіи согласныхъ *k, g* и *č, ž* эти отношенія ясны и для читателя несерба); а если такъ, то неудобно подъ типъ *gȉnēm* подводить и формы презенса типа *lȁžēm* — 3 pl. *lȁžū*; далѣе ни подъ одинъ изъ трехъ типовъ, установленныхъ выше, по моему мнѣнію, не подойдетъ презенсъ *bȉjēm — bȉjū*, или *čȕjēm — čȕjū* или *kùpujēm — kùpujū*, ибо отношеніе (1) *glȅdā-m : glȅda-jū* не параллельно отношеніямъ (2) *bȉ-jēm : bȉ-jū, čȕ-jēm : čȕ-jū, kùpu-jēm : kùpu-jū;* нельзя эти отношенія (2) подвести и подъ типъ *gȉnēm : gȉnū* хотя бы по выше приведеннымъ соображеніямъ о выдѣленіи сознаніемъ говорящихъ въ глаголахъ этого типа суффикса *-ne- : -nu-*.

Впрочемъ, настоящая классификація глаголовъ дается авторами нѣсколько ниже (§ 214 и слѣд.) на основаніи отношенія основы презенса и основы аориста-инфинитива. Трудно признать эту классификацію удачной. Въ ней различаются: I. шесть „нормальныхъ" типовъ, а именно 1. глаголы на *-ām* въ презенсѣ и *-ati* въ инфинитивѣ, 2. глаголы на *-īm : -iti*, 3. глаголы на *-ovati : -ujēm* и *-ivati : ujēm* (*daròvati : dàrujēm* и *kazívati : kàzujēm*), 4. глаголы на *-nēm : -nuti*, 5. глаголы на *-ati* въ инфинитивѣ и *-ēm* въ презенсѣ съ измѣненіемъ предшествующаго согласнымъ (*pís-ati : pîšē-m*), 6. глаголы на *-eti, -ati* въ инфинитивѣ, *-īm* въ презенсѣ; II. глаголы, которые авторы называютъ „сильными" („forts"), это глаголы типа *trésti, plésti*, затѣмъ типа *čȕ-ti, bȉti*, также *plèti* (презенсъ *plévēm*), *žívsti — žívēm, làgati — lȁžēm, dȕti — dȕjēm*, (и *dmêm*), *vàpiti — vàpijēm, ȕmeti — ȕmēm, mréti — mrêm, pȅti — pòjēm, sȁti* (*sȉsati*) : *sêm* (*sȉsām* или *sȉšēm*), *zvȁti — zòvēm, gnȁti — žȅnēm, brȁti — bȅrēm, klȁti — kȍljēm, slȁti — šȁljēm, pòčeti — počnēm, ȕzēti : ȕzmēm, žeti — žmêm, -duti — -dmēm, -sūti — -spêm, dȁti — dâm, dȅti — dȅnem* и т. п.; III. глаголы неправильные („irréguliers"): *bȉti — jèsam, htȅti — hòc'u, ȉc'i — ȉdēm.*

Мнѣ неясно въ этой классификаціи многое: неясно, почему глаголы I 1—6 типовъ названы „нормальными", какъ будто глаголы типа *ȕmeti — ȕmēm* или *dȁti — dâm* и т. д. ненормальны; мнѣ неясно, почему глаголы II-го типа называются „сильными" („forts"), — какія, напримѣръ, именно особенности глаголовъ *zvȁti — zòvēm* (*zv-a-ti : zov-ē-m*), *brȁti — bȅrēm* (*br-a-ti — ber-ē-m*) заставляютъ ихъ опредѣлять, какъ „сильные" сравнительно съ „нормальными" глаголами I. 5-ой группы (*písati — pîšēm* т. е. *pis-a-ti : piš-ē-m*), или: въ силу чего „сильнымъ" называется глаголъ *vàpiti — vàpijēm*; еще менѣе ясно для меня, почему къ III-му типу „неправильныхъ" глаголовъ отнесены лишь три глагола: *bȉti — jèsam, htȅti — hòću, ȉći — ȉdēm*, - мнѣ представляется, что для непо-

средственнаго ощущенія людей, незнакомыхъ съ исторіей языка, не въ меньшей степени неправильными являются отношенія *plèti — plévēm, pȅti — pòjēm, sȁti — sêm, gnȁti — žènēm, slȁti — šȁljēm, pòčeti — pȍčnēm, ȕzeti — ȕzmēm, nàduti — nȁdmēm, pròsūti — prȍspēm.* И сами авторы называютъ многіе изъ такихъ глаголовъ — „plus ou moins isolés, et plus ou moins irréguliers“ (244 с.) Мнѣ кажется, что выдѣленіе особаго типа глаголовъ „сильныхъ“ недостаточно оправдано тѣмъ, что въ большинствѣ ихъ — „отношеніе между формой презенса и инфинитива ограничено небольшимъ количествомъ случаевъ“ (197 с.). Нѣкоторые типы „сильныхъ глаголовъ“ могутъ быть отнесены къ типу „нормальныхъ“, другіе — къ типу „неправильныхъ“. При этомъ глаголы на *-ovati : -ujēm* должны быть отдѣлены въ особую группу, а глаголы на *-ivati : -ujēm* въ иную; особо должны стоять глаголы на *-eti : -īm* и особо на *-ati : -īm* и т. д. Въ настоящемъ же своемъ видѣ классификація сербо-хорватскаго глагола, данная авторами, громоздка и сбивчива.

Синтаксической сторонѣ языка въ разсматриваемомъ руководствѣ по его изученію отведено сравнительно очень мало мѣста: на стр. 132 – 142 говорится объ употребленіи падежей, нѣсколько страничекъ въ отдѣлѣ о глаголѣ посвящены употребленію отдѣльныхъ глагольныхъ формъ, да въ концѣ книги на стр. 286 – 297 разсмотрѣны очень бѣгло форма предложенія, порядокъ словъ, согласованіе, виды главнаго предложенія (отрицательныя, вопросительныя и т. д.) и нѣкоторые виды придаточныхъ предложеній. Врядъ ли то, что дано въ книгѣ въ отношеніи синтаксиса, можетъ дать „полное“ представленіе объ этой сторонѣ сербо-хорватскаго языка. Между тѣмъ для руководства практическаго характера, какимъ является данная книга, было цѣлесообразнѣе отвести синтаксическимъ явленіямъ и тѣ страницы, которыя истрачены на чередованіе гласныхъ и детали акцентологическаго характера. Чтобы не быть голословнымъ въ этомъ своемъ замѣчаніи, отмѣчу, что въ отдѣлѣ, посвященномъ употребленію падежей, не упоминаются такіе характерные обороты, какъ *dokle tèčē sûnca i mȅsēca, dokle trȁjē svéta,* или *dóći rúkē* (*ako mu gdègod rúkē dôdjem*), *próći se kòga* (*pródji se ȍvīh ljúdī);* не упоминается дат. п. при заклинаніяхъ (*Bȍga vam* и т. п.), вин. п. въ такихъ выраженіяхъ, какъ *srâm te bílo, nȉje ga brȉga* и т. п. Въ отдѣлѣ, посвященномъ синтаксису въ концѣ книги, перечень союзовъ соединительныхъ, противительныхъ и вопросительныхъ не полонъ, виды придаточныхъ предложеній указаны не всѣ; въ частности не отмѣчены предложенія цѣли съ *èda*, предложенія времени, причинныя предложенія, предложенія слѣдствія съ *da*, условныя съ *da, li,* уступительныя съ *makar, ma, i ako,* дополнительныя съ *e*.

Въ заключеніе должно подчеркнуть, что немногія замѣчанія сдѣланныя выше, нисколько не умаляютъ крупныхъ достоинствъ разсматриваемой книги. Читатель, котораго она имѣетъ въ виду, безусловно найдетъ въ ней богатое поученіе.

Бѣлградъ.

С. Кульбакинъ.

Th. Capidan: **Raporturile lingvistice slavo-române. Influența română asupra limbei bulgare** (*Dacoromania* anul III, Cluj 1923, pp. 129—238). Extras.

Докато славянскитѣ думи въ румънския езикъ сѫ били изучавани доста отъ именити езиковедци на чело съ Миклошича, то румънскитѣ думи въ славянскитѣ езици, на брой несравнено по-малко и въ културно-историческо отношение значително по-неважни, слабо сѫ привличали досегашнитѣ изледвачи. Наистина въ най-ново време г. проф. Б. Цоневъ обнародва една своя студия, онасловена „Езиковни взаимности между българи и румъни" (Годишникъ на Софийския Университетъ, историко-филологически факултетъ, XV—XVI, София 1921, стр. 1 - 158), въ която правилно схваща задачата на изследването си като двойна, а именно да представи не само българскитѣ думи въ румънски, но и наопаки румънскитѣ думи въ българския езикъ. За жалость, въ напечатаната часть отъ студията нашиятъ изследвачъ е успѣлъ да разгледа само българскитѣ думи въ румънски, и то не напълно. „Остава ми да разгледамъ още българскитѣ суфикси въ румънски, подирѣ да допълня и примѣритѣ съ общи семантични успоредици, каквито намѣрихъ и надѣвамъ се да намѣря още въ достѫпни менъ извори и помагала. Слѣдъ това ще изброя сравнително малкото румънски думи въ български езикъ, отъ които повечето са влѣзли, както ще се види, въ по́ ново врѣме" (пос. съч. 151). Преди г. Цонева и другъ български изследвачъ, Ст. Романски, който бѣ се занимавалъ съ българскитѣ думи отъ латински произходъ, бѣ обещалъ особено издирване за българскитѣ заемки отъ румънски („Die Behandlung... der Lehnwörter aus dem Rumänischen soll eine spezielle Abhandlung bringen" стр. 90 въ „Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen" въ XV. томъ на Jahresbericht за дейностьта на Вайгандовия румънски институтъ при университета въ Липиска), ала и това обещание не се изпълни. Преди четвърть векъ е излѣзла една статия отъ J.-A. Candrea: „Elemente române în limbile slavice", въ сп. „Noua Revistă Română", а по-рано и отсетне сѫ били отбелѣзвани заемкитѣ отъ румънски въ български въ етимологичнитѣ речници на Миклошича, Бернекера, Пушкариу, Кан ря и Денсушяну. За румънскитѣ думи въ смѣсения говоръ на Ново-Село въ Видниска околия, описанъ отъ мене въ XVIII. томъ на „Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина" (София 1901), г. проф. Капиданъ добре изтъква, че иматъ „caracter regional", и ни съобщава, че двама румънски автори, г. г. Хогашъ и Бърбулеску, сѫ вече писали за румънскитѣ думи въ говора на казаното Видинско село. И това е, споредъ увода на разглежданата студия, цѣлата литература по въпроса за румънското езиково влияние върху български.[1])

[1]) Едновременно съ г. Капиданъ ще да се е занимавалъ съ румънскитѣ елементи въ балканскитѣ езици и г. Паску; само по наслова ми е известна работата: Prof. Dr. Giorge Pascu, Rumänische Elemente in den Balkansprachen, излѣзла въ 1924. година.

I.

Въ началото на своята студия г. Капиданъ засѣга между друго въпроса за връзкитѣ и приликитѣ между главнитѣ балкански езици — български респ. сръбски, румънски, албански и новогръцки, както и оня за т. н. балкански елементъ, който ужъ съществувалъ само въ казанитѣ езици. „Acest ceva, după care numai cu schimbarea cuvintelor se poate obține o altă limbă, întru cât se găsește numai în limbile vorbite de către neamurile din Peninsula Balcanică, s'a numit, cum erà și firesc, element balcanic“. Като единъ отъ положителнитѣ резултати, получени отъ сравнителното изучване на балканскитѣ езици, авторътъ сочи изследването на Сандфелдъ-Йенсенъ за изчезването на инфинитива въ балканскитѣ езици и за „originea grecească“ на това явление. Отбелѣзвайки, че „aproape la același rezultat positiv“ е достигналъ и Д. Миховъ въ студията си за употрѣбата на члена въ румънски, български и албански, г. Капиданъ изтъква особено необходимостьта отъ специялни изследвания въ областьта на славяно-румънскитѣ и особено българо-румънскитѣ отношения, понеже, казва, „dintre toate popoarele din Peninsula Balcanică, Slavii și, în special, Bulgarii au fost aceia cu care poporul nostru a avut, în trecut, cele mai strânse legături“ (p. 133). Българскитѣ елементи въ румънския езика сж толкова много, че ученитѣ се чудятъ, какъ при такова силно българско влияние румънскиятъ езикъ все пакъ е запазилъ своя латински характеръ. Това българско влияние не е започнало отъ срѣднобългарско време, както напразно се мжчи да докаже това румънскиятъ професоръ Бърбулеску, но е нѣколко века по-старо отъ началото на срѣднобългарската епоха, може би отъ VII—IX векъ, ако не и отъ по преди. Ала не би трѣбало споредъ г. Капиданъ да се прекалява съ надценяването на българското езиково влияние, толкова повече че и обратното влияние на румънски върху български въ фонетично отношение било вече признато отъ българскитѣ езиковедци.

„Intr'adevăr care din particularitățile slave pătrunse în limba română se arată tot așà de puternică ca influența limbei române în reducerea vocalelor *a*, *e*, *o* în *ъ*, *i*, *u*? Această singură înrâurire, a cărei origine românească a fost recunoscută, acum în urmă, și de filologii bulgari, a produs așà de mari schimbări în graiul Bulgarilor răsăriteni, încât numai ea împreună cu alte câteva de origine bulgarească, au produs marea deosebire dialectală, între dialectele bulgare de răsărit și cele de apus“. (p. 135 136). И румънскиятъ ученъ ни увѣрява, че и преходътъ на дифтонга *ea* (*ѣ*) въ *e* се дължи на румънско влияние. Не можело споредъ г. Капиданъ да има ни най-малко съмнение въ румънския произходъ на това звуково явление. Като чете човѣкъ това, не може да не каже, че по въпроса за редукцията на *a*, *e*, *o* и за прегласа на старобълг. *ѣ* румънскиятъ авторъ се е поувлѣкълъ и прекалява. „Nu ne putem abține ca să nu respingem exagerările care s'au produs în aceasta privința“, пише г. Капиданъ за другитѣ, ала тѣзи думи важатъ и за неговото твърдение досежно румънското потекло на току-що споменатитѣ фонетически явления. Наистина, румънскиятъ ученъ се позива между друго и на г. Цоневитѣ признания, обаче необходимо е да се подчертае,

че тѣзи признания не издържатъ критика. Нека бѫде позволено да приведеме тука собственитѣ думи на г. Цонева отъ немското резюме на статията му, та да преминемъ после къмъ нѣкои критични бележки. И тъй, г. Цоневъ е убеденъ, че 1. „der dumpfe *ă*-Laut kommt ursprünglich aus dem Bulgarischen her; 2. die Reduktion der Hochlaute (!) *a*, *e*, *o* dagegen kommt aus dem Rumänischen her; 3. die Abwechselung *ea*-*e* ist ebenso ursprünglich rumänische Eigenschaft" (Езиковни взаимности etc. 153). Е добре, и тритѣ тия твърдения сѫ само казани, а далечъ не сѫ доказани. Появата на румънското *ă*, *â* отъ ясни гласни можело споредъ г. Цонева „да си е самородно явление, както приема Densusianu (Histoire de la langue roumaine I, 31 и сл.)", но, продължава той, „азъ (проф. Цоневъ) бихъ рекълъ, че нѣкои румънски затъмнения на *a*, *e* и *i* + *n*, *m* се длъжатъ на българския назализъмъ" (пос. съч. стр. 3). И това е всичко! Г. Цоневъ отхвърля съ пълно право мисъльта за трако-илирийски произходъ на тъмния звукъ *ъ* въ български, понеже днешното новобълг. тъмно *ъ* „напълно може да се обясни отъ старобългарски", но той трѣбаше да разшири малко крѫга на зрението си, па да говори и за явления общославянски и извънславянски. На единъ езиковедецъ днесъ не е позволено да разправя, че „Artikelgebrauch ist rumänische Eigenschaft, die Nachsetzung dagegen — bulgarisch", когато се знае, че и въ скандинавскитѣ езици има задпоставенъ членъ, какъвто има и въ северновеликорускитѣ говори. Както скандинавскиятъ и рускиятъ членъ не сѫ възникнали подъ нѣкакво вездесѫщо румънско влияние, така и българскиятъ членъ, и румънскиятъ и албанскиятъ, и предпоставения членъ въ гръцки и въ романскитѣ езици, въ нѣмски и въ английски и т. н., па и задпоставенитѣ показателни мѣстоимения (членове) въ арменски представятъ успоредни явления, изникнали на една обща индоевропейска почва. Тукъ имаме работа съ е з и к о в и у с п о р е д и ц и, а не непремѣнно съ влияния отъ единъ езикъ върху всички други.

Като застане човѣкъ на по-широко езиково-историческо и фонетическо гледище, нѣма да предполага съ г. Цонева, че тъмниятъ звукъ *ă* въ румънски е дошълъ подъ българско влияние. Та и въ келтскитѣ наречия, и въ английски, и въ други индоевропейски езици, включително и арменски, сѫществуватъ единъ или и повече тъмни вокали, които възникватъ по силата на общи звукофизиологически причини, а никакъ не сѫ резултатъ на чужди влияния.

А що да кажемъ за редукцията на „високитѣ" гласки *a*, *e*, *o* въ *ъ*, *i*, *u*? Тука и г. Цоневъ като славистъ и фонетикъ, и г. Капиданъ като езиковедецъ въобще се излагатъ доста много на справедливи укори. Та редукция на неударенитѣ гласни *a*, *e*, *o* сѫществува и въ руската езикова область (*a*, *e* се „редуциратъ" въ великоруски, *o* — въ малоруски тъкмо, както въ български)! Бива ли да оставяме безъ внимание това у с п о р е д н о я в л е н и е въ единъ сроденъ езикъ, или езици, ако отдѣляме украински отъ руски, па да говоримъ за румънско влияние, както прави г. Цоневъ? Нѣма да говоря за редукцията на неударенитѣ гласки въ словенски и въ разни други индоевропейски езици, но ще се спра за малко върху аргументацията на г. Цоневъ, който разсѫждава така: „Имайки прѣдъ видъ, че тая редукция не е общобългарска, а е свой-

ственна въ общи чърти само на сѣвероизточнитѣ говори, бихъ рекълъ, че тя иде отъ румънски, дѣто е тя общо, а не диалектно явление" (п. с. 3). Тази редукция споредъ българския ученъ е нова поява, та по никой начинъ не бива да се обяснява отъ илирски или отъ другъ нѣкой старъ езикъ „толкозъ повече, че тъкмо въ ония области, дѣто би се прѣдполагало илирско влияние (въ западна България) такава редукция нѣма" (п. т.). И г. Цоневъ сѣкашъ съвсемъ забравя своитѣ справедливи и умѣстни възражения противъ Милетичовото твърдение, че ужъ източнитѣ български говори се отличавали отъ западнитѣ по редукцията или въобще по различния изговоръ на неударени и ударени гласни: та г. Цоневъ тогава изтъкна, че има много източнобългарски говори безъ редукция и наопаки сжществуватъ доста западнобългарски говори тъкмо съ редукция на неударенитѣ гласни! Различниятъ изговоръ на ударени и неударени гласни е явление общобългарско; разликата между диалектитѣ е само въ степени, а не по сжщность. Въ „Slavia" IV 130 г. Скокъ вече изтъкна една неточность у г. Цонева, именно че и въ румънски редукцията не е всеобщо явление. „Le dacoroumain ne connaît pas de réduction de $e > i$ dans cette position", па и $o > u$ не се явява редовно тькмо въ славянскитѣ заемки. И г. Скокъ яко деликатно заключава: „Je ne suis pas à même de me prononcer sur la pensée de l'auteur qui voit ici un triomphe de la prononciation roumaine dans les dialectes bulgares". Азъ бихъ притурилъ още, че сжществува подобенъ видъ редукция и въ новогръцкитѣ диалекти (*κιρδιμένους* < *κερδεμένος* ‚gewonnen', *ἔδουκαν* < *ἔδωκαν* ‚sie gaben', *πιδί* < *παιδί* ‚Kind' и под. у A. Thumb, Handbuch der neugriechischen Volksprache стр. 6). Това явление характеризува всички северногръцки говори по островитѣ, Епиръ, Тесалия, Македония, Тракия; небезинтересно е напр., че когато въ 1916 г. изучавахъ албанскитѣ говори въ Дебърско, единъ побългаренъ албанецъ ми казваше, че новогръцката дума за ‚дете' има въ албански неприлично значение, сир. споменатото и у Тумба новогр. *πιδί* съвпада съ алб. *piδi* ‚vulva'...

Който не иска да знае за подобнитѣ явления и въ други индоевропейски езици (напр. *ē* безъ ударение въ арменски се редуцира въ *i*: *mēǰ*, genit. sg. *miǰoy*, *-gēt*, *gitem* и т. н.) би могълъ, вървейки по пжтя на г. Цонева, да излѣзе съ противоположно твърдение и да каже, че редукцията на *o* и *e* въ северногръцкитѣ диалекти се явила подъ влияние българско, понеже въ български не само *o*, *e*, но и *a* се редуцира. А въ сжщность и това твърдение стои доста далечъ отъ истината, която ще да е, че въ случая имаме работа съ успоредни явления, зависещи отъ общи звукофизиологични причини и психологически наклонности.

И прегласътъ *ea* (ѣ): *e* не може да бжде резултатъ на румънско влияние върху български, както твърдятъ г. Цоневъ и Капиданъ. Аргументацията на г. Цонева е сжща, както при редукцията на *a*, *e*, *o*, сиречь понеже прегласътъ въ български е явление диалектно, а въ румънски общо и понеже се срѣща въ североизточнитѣ български говори, съседни съ днешното землище на дакорумънски, то трѣбало да се заключи, че тласъкътъ къмъ прегласъ иде пакъ отъ румънски, „защото цѣпенето на кратки ударени гласни изглежда да е самородна поява въ рум. езикъ"!

А г. Скокъ като специалистъ въ тазъ область сѫди малко по-скептично и изглежда, че има повече право отъ г. Цоневъ: „Il est bien difficile de parler de l'influence roumaine dans ce point-là (métaphonie *e-ea)*, puisqu'il manque dans les dialectes bulgares l'analogie pour *o-oa* en roumain". Но особено важно е да се изтъкне пакъ, че подобенъ преглась сѫществува и въ скандинавски, т. н. „*a*- Brechung" въ староисл. *hiarta*: гот. *haírtō, iafn:* ahd. *ëban* ‚eben', старошвед. *iak*: староисл. *ek* и т. н. Г. Цоневъ разсѫждава, че понеже българскиятъ преглась става само въ североизточнитѣ говори „съпрѣдѣлно съ румънската говорна область, тъкмо за това изключва всѣко влияние извънъ двата езика". А въ действителность не е доказано, че заложбитѣ на явлението не сѫ прастари и че отъ еднакви звукофизиологични наклонности не могатъ на разни мѣста да възникнатъ успоредни фонетични явления. Инакъ г. Цоневъ би трѣбало да защищава нѣкакъвъ панрумънизъмъ, основанъ на недоказаното предположение или по-скоро предубеждение, че преглась *e-ia. ea* е могълъ да бѫде спонтаненъ процесъ само въ румънски.

II.

Що се отнася до издирването на българскитѣ думи въ румънския езикъ, и румънскиятъ ученъ намира, че г. Цоневъ отишълъ малко далечъ, като е прогласилъ за взети отъ български и такива румънски думи, които иматъ чисто романска, простонародно-латинска етимология, напр. рум. *mustață, mamă, vălcea* > лат. **vallicella*, итал. *vallicella* и под. И при рум. *sâmbăta* г. проф. Капиданъ бележи, че въ отдалеченитѣ области на Римската империя е сѫществувала и форма *sambata* съ *m* и съ измѣненъ родъ споредъ *domenica* и запазена у реторомани, румъни и др. Колкото въ тази точка г. Капиданъ може да е правъ, толкова пъкъ изглежда прекалено твърдението му (все на стр. 137 забел. 1), че румънскитѣ думи *stână* ‚Sennhütte', *smântână* ‚Sahne, Rahm' били „atribuite pe nedrept elementului slav" и щѣли били да бѫдатъ възвърнати следъ време на латинското лексикално съкровище („vor fi redate, cu timpul, tezaurului lexical latin")! Срещу увѣрението на почтения румънски авторъ, че това ще стане, ако се продължатъ сериознитѣ изучвания отъ рода на предприетитѣ отъ G. Giuglea въ „Dacoromania" II 358—361, е необходимо да се противопостави старото твърдение, че споменатитѣ две румънски думи не могатъ по никой начинъ да се отдѣлятъ отъ общославянскитѣ *stanъ, sъmetana*, и всѣки опитъ да се отрече славянското потекло и кристално-ясната славянска етимология на казанитѣ думи е предварително осѫденъ на неуспѣхъ. Трѣбало би да се разруши или обърне наопаки цѣлата славянска етимология, създадена отъ единъ Миклошичъ, за да се направи мѣсто за открития отъ рода на Giuglea-витѣ. Щѣше при това да бѫде по-хубаво, ако г. Капиданъ бѣше споменалъ сѫщностьта на онѣзи „сериозни студии", за да има читательтъ поне представа за характера и насоката на въпроснитѣ издирвания.

Затова пъкъ напълно справедливи сѫ бележкитѣ на румънския ученъ за споменатата работа на Романски въобще и за превратното представяне на въпроса за думитѣ *culastra* и *mura* въ балканскитѣ езици:

споредъРомански „forma aromână c u l a s t r ă vine din bulgarescul *kulastra* (!)“, а *mura* 'Labmagen' било отъ алб. *mulə* и въ краенъ случай „bulg. *mura* könnte als Hirtenwort aus dem Aromunischen entlehnt sein“, когато ротацизмътъ (*mura* вм. *mula*, както рум. *cur*, *pîr* < *culus*, *pilus*) говори безусловно за румънска езикова стихия. Излиза, прочее, че авторътъ на Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen не е знаялъ или не е искалъ да признае основнитѣ черти на румънския езикъ, та затуй тъкмо и сж умѣстни натякванията на Клужския ученъ (стр. 138—139).

III.

Втората часть отъ труда на г. Капиданъ е онасловена „Румънското влияние върху българския езикъ“, ала засѣга и по-раннитѣ заемки отъ „perioadă p r e r o m â n ă“ като *коледа*, *комка*, *кумъ*, *олтарь*, *поганинъ* и др. За мѣстото на заемането се привеждатъ Иречековитѣ думи отъ немското издание на „История на българитѣ“: „d e r e i n z i g e h i e z u g e e i g n e t e O r t w a r D a k i e n z u r Z e i t d e r r ö m i s c h e n O c c u p a t i o n“. Че заемкитѣ отъ простонародния латински езикъ като *коледа*, *поганинъ* и под. сж отъ предрумънската епоха на развитие, въ това всички сж съгласни, ала биваше да се загатне и отъ г. Капиданъ, че много отъ тѣзи предрумънски заемки се срѣщатъ и въ другитѣ славянски езици. По поводъ на старобълг. **колѧда**, рус. *коляда*, *колядовать*, пол. *kolęda*, *kolędować*, чеш. *koleda*, *koledovati* и т. н. и т. н. Бернекеръ Slav. etym. Wört. I 544—5 съ право говори за „Gemeinslav. Lw. aus lat. *calendae*“. Тѣзи въпроси трѣбаше да се не занемаряватъ, особено щомъ изслѣдването е посветено на с л а в я н о-румънскитѣ езикови отношения.

Пропусналъ да изтъкна общославянския характеръ на нѣкои предрумънски заемки, авторътъ е гледалъ да установи, кои отъ стариннитѣ заемки се явяватъ подъ румънска форма и датуватъ „din p e r i o a d a p a l e o s l a v ă“. Вѣрно е, че думи като бълг. *крачунъ*, *русаля*, *паунъ* и подобни сж старинни заемки, обаче отъ филологическо гледище би могло да се забележи, че не всички думи, които фигуриратъ въ Миклошичовия Lexicon-palaeoslovenico-graeco-latinum, бива да се смѣтать за старобългарски, „старославянски“, староцърковнославянски въ тѣсенъ смисълъ на думата. Така напр. „paleosl. самаръ“ е взето отъ сръбски паметникъ, патерикъ отъ XIV векъ; изъ сръбски изворъ отъ XIV в. е и **сапоунъ** и т. н., та затова при доста разпространеното *крачунъ*, рус. *корочунъ* Бернекеръ, може би съ право, не дава нито старобългарска, „старославянска“, нито църковнославянска форма, а само староруската отъ I. Новгородска хроника 1143 година. Вѣроятно или наймалко поне възможно е да стои бълг. *пастря* въ нѣкаква връзка съ румън. *păstrez*, което пъкъ да е споредъ Meyer-Lübke'вата етимология отъ лат. *parsitare* 'schonen', и все пакъ славянскиятъ филологъ би забележилъ, че **пастрениѥ** е дума взета изъ сръбски паметникъ отъ XVI. векъ, та, отъ чисто филологическо становище погледнато, г. Капиданъ не е напълно правъ, когато казва, че съответствието на бълг. *пастря* се срѣща вече и въ „старославянски“: »Ca verb, care se întâlneşte şi în paleoslavă, avem numai *pastrija* [!], pentru care în paleosl. avem derivatul **пастрениѥ**, după Miklosich (Paleosl. 557) „vocabulum dubium“«, стр. 141.

Румънскиятъ ученъ не изброява всички старинни български думи отъ румънски, а се спира само на по-интереснитѣ, м. др. *русаля, чума, карамъ*, мѣстни названия и др. При думата *русаля* отъ lat. *rosalia* авторътъ напира особено върху прехода на неударено *о* въ *у* „trecere proprie numai graiului românesc înca din timpurile cele mai vechi (cf. *romanus* 〉 *rumân*“ (142). Обаче тоя преходъ има, както се каза, по-широко разпространение и не е присѫщъ само на румънски. Би ли се наелъ уважаемиятъ румънски ученъ да твърди, че редукцията на гласки *а, е, о* въ рускитѣ наречия или езици се дължи на румънско влияние?... Къмъ панрумънизъмъ води и желанието на автора да докаже, че и думата *чума* е румънска 〈 лат. *cyma* 〈 гр. *κῦμα*: думата е и руска (*чума́* или *чу́ма* украин., укр. и *джума*), па и въ полски я има (*dżuma, džuma*)! Преди петнайсетина година азъ се опитахъ въ Ягичовия Archiv für slav. Philologie XXXIII 7—10 да докажа, че славянската дума *чума* би могла да бѫде старинно домашно образуване отъ индоевроп. коренъ **qeu̯-* ‚изпжквамъ . . .‘ и „суфиксъ“ *-mā*, що го имаме въ рус. *вѣдьма*, общослав. *kr̥čьma* (рус. *корчма*, бълг. *кръчма* и т. н.). Редакторътъ на списанието бѣ турилъ една бележка, въ която искаше повече примѣри за корена *ču, čju* 〈 **qeu̯-* въ славянски. Азъ ги посочихъ въ „Студии по славянско и сравнително езикознание“ (Годишникъ на Софийския Университетъ, истор.-филолог. факулт., кн. XIII—XIV (София, 1920), стр. 152 сл. и по-рано Arch. f. sl. Ph. XXXIV 385—9. И ако Студиитѣ сѫ могли да останатъ неизвестни г-ну Капидану, то поне изказаното въ Archiv'а мнение би трѣбало да се спомене за библиографска пълнота, та че и да се направятъ нѣкои възражения и критични бележки. Върху въпроса за значенията „Beule“ — „Pestbeule“ — „Pest“ у мене е обърнато внимание, и азъ мога само да се радвамъ, че и г. Капиданъ, като застѫпва сѫщия възгледъ, привежда интересни семантични успоредици, отъ които и за българското езикознание представя интересъ арумън. (въ Тесалия) *pănucl'e* [и въ бълг. *панукла* „чума“] отъ лат. *panucula, panicula* „un fel de umflătură“, сиречь пакъ преходъ „Beule“ — „Pest“. Г. Капиданъ приписва особено голѣма важность на факта, че само въ румънски латин. *cyma* е запазило и двѣтѣ значения („umflătură“ и „Pest, Seuche“) и поради това „*čuma* slav a trecut de la noi la Slavi și în nici un caz invers, cum s'a crezut până acum“. Ала запазването на единъ семантиченъ архаизъмъ или на по-общо значение у една дума не е напълно убедителенъ доводъ. Въ бълг. *чука, чукаръ, чукара* е „височина“, както и лит. *kaukarà* е „Hügel, Anhöhe“, ала лит. *kaũkas* е тъкмо „Beule“. И тъкмо лит. *kaũkas* показва, че значението „umflătura“ е могло да сѫществува, па да се запази не само „numai în limba româna“. Въ полза на мисъльта за славянски произходъ на *čuma* отъ индоевроп. **qeu̯-mā* ще да говори и сърбохърв. *kȕga* ‚Seuche, Pest‘ и словен. *kúga*, които едва ли ще сѫ отъ нем. *koge* ‚contagio‘, диал. бав. *kog, kogen* ‚Aas‘, диал. *kögelen* ‚nach Aas riechen‘, вестфал. *kuggeln* ‚kränkeln‘, толкова повече че Бернекеръ Slav. etym. Wört. I 638, който още подържа тази етимология, признава: „Der Ursprung des d. Wortes ist unbekannt“. А споредъ моето тълкуване южнослав. *kuga* е отъ **qou̯-ga*, успоредна форма къмъ лит. *kaũkas* отъ **qou̯-kos* и къмъ

общослаз. *čjuma, čuma*, ⟨ **qeu̯-mā;* представата, що лежи въ основата на тия балтийско-славянски думи, е сжщата, която намираме и „numai în limba română".

Въ бележки подъ черта на стр. 145—146 авторътъ изброява нѣкои мѣстни названия отъ румънски произходъ въ сръбскитѣ и българскитѣ земи, като се позива главно на Иречека и Вайганда. Ала и въ тоя случай списъцитѣ щѣха да иматъ по-голѣма стойность, ако бѣха попълни и подробни, срв. напр. *Власи, Власина, Сурдулица* (на югозап. отъ Трънъ) и под. Обратно пъкъ *Бучино* нѣма защо да се смѣта за име отъ румънски коренъ, когато би могло да бжде и отъ слав. *букъ, бука́* срв. с. с. *Бабино, Кунино, Липинци, Дражинци* и под.; за дол. луж. *Висуп* ⟨ *Bučin* вж. у Ernest Muka, Slavia Occid. V (1926) 53.

Сжщо тъй по-добре би било да се отдѣлѣха ясно стариннитѣ предрумънски, старорумънски отъ съвсемъ новитѣ румънски думи, проникнали въ българския езикъ и неговитѣ нарѣчия. Повече отъ 3/4, ако не и 9/10 отъ заемкитѣ, съ които се занимава г. Капиданъ, сж провинциялни думи или думи, употрѣбявани въ говора на смѣсеното (българско-румънско) Ново-село въ Видинско. Отъ едно такова разпредѣление трудътъ на г. проф. Капиданъ би спечелилъ доста много.

Заслужва да отбележимъ тука, че румънскиятъ ученъ дава румънска етимология на българския глаголъ *ка́рамъ* съ твърде различни значения (у Герова II!), като го изважда отъ рум. *căra̖, cărare* „din lat. *carro, -are*" съ подобни на бълг. значения („wegschaffen; Fracht fahren . . ."). За Бернекера Slav. etym. Wört. I 488 думата е „тъмна", а единъ български авторъ я изкарваше заета отъ тюркския диалектъ на Аспаруховитѣ българи, значи протобългарска. Въ Годишникъ на Софийския Университетъ истор.-филолог. факулт., XVII, 269 азъ обърнахъ внимание върху това, че и въ литовски сжществува глаголъ *karšiù* ‚gehe schnell', сжщо и въ армен., наверно като нѣкаква заемка, има *kark̔*, ‚кола, voiture, carosse, char' вънъ отъ келтскитѣ многобройни думи (гал. *carros,* срѣдноирл. *carr* ‚biga', кимр. *carr* ‚carruca, biga', старобрет. *carr* ‚vehiculum', сравнявани съ лат. *currus* и заетото негли отъ келтски *carrus*). Предъ видъ на тѣзи факти г. Капидановата етимология би трѣбало да се вземе cum grano salis и особено да се не занемарява литовския глаголъ. Дали не би могло да се говори за келтороманскн произходъ на *карамъ* вмѣсто просто за румънски?

Колкото обаче сме наклонни да дадемъ известно право на автора по въпроса за произхода на глагола *карамъ*, толкова пъкъ сме длъжни да посрещнемъ съ възражения желанието на г. Капиданъ да ни представи като приемлива Баричовата етимология на думата *стопанъ*, известна на български, сръбски, албански и румънски (алб. *stopan* ‚praefectus pastoribus', рум. *stăpân*). Трѣбало да се излиза споредъ това тълкуване отъ едно незасвидетелствувано лат. **hospitanus* (отъ *hospitium!*), което станало въ румън. *uspătân*, после ужъ съ метатеза *ustăpân* и най-сетне съ афереза *stăpân!* „Acest *stăpân* prin labializarea lui *ă* din prima silabă în *o* și trecerea lui *â* in *a* — o prefacere care, după cum se va vedeà la schimbarea sunetelor românești în limba bulgară, se arată ca un fenomen regulat (!) — a dat în bulgarește *stopan.*

Din limba bulgară cuvântul a trecut la Sârbi și mai ales la Albanezi" (p. 150). Срещу тѣзи многобройни предположения (особено необясненото запазване на *t* въ **uspătân* срещу рум. *ospăț* и мъгл. *uspéț* редомъ съ книжовното *oaspete*) стои простото и ясно твърдение, че *стопанъ* е славянска дума отъ основа *стопа* съ формантъ *-анъ (-нъ)*, срв. слав. *братанъ*, отъ индоевроп. коренъ **stā- *stə-* „стоя"; староиндийскитѣ съответствия на слав. *стоп-* и семантични успоредици за значението, особено слав. *станъ*, бълг. *станянинъ*, *станеникъ* и под., сж приведени у мене въ Arch. f. slav. Phil. XXXIII 16—9 и Студии по слав. и сравнит. езикозн. 118—22, дето е обърнато внимание и върху арм. *staçič* ‚стопанинъ' още въ превода на Ветхия Заветъ (Ис. I, 3). Като се знаятъ румънскитѣ звукови закони, напълно се обяснява рум. *stăpân* отъ слав. *стопанъ*, а обратното, особено появата на бълг. *а* вмѣсто рум. *â*, па и „лабиализацията" на рум. *ă* въ *о* особено за толкова ранна епоха сж повече отъ съмнителни. И не отиваме ли пакъ къмъ нѣкакъвъ панрумънизъмъ со всички тия нагласени **hospitanus*, **uspătân* и т. н., когато имаме индийски и арменски успоредици за славянската етимология?

При обяснението на сръб. *kičer* ‚vârf de munte', бълг. *кичер* ‚дребна, млада гора, джбрава' г. Капиданъ привежда хубави семантични паралели, като иска да изкара и тая дума за чисто румънска. А твърде вѣроятно е, че рум. *chicera(ă)* и алб. *kikələ* ‚Gipfel' не могатъ да се отдѣлятъ отъ южнослав. *čuka* ‚височина', бълг. *чукар*, *чукара*, лит. *kaukarà*, гот. *haúhei*, предгерм. **kouko* въ старонорд. *haugr*, срѣдногорнонем. *houc* gen. sg. *houges* ‚Hügel' и др. под., за които вж. м. др. у мене Arch. f. slav. Phil. XXXIV 385—9, Студии по слав. и сравн. ез. 145—9, Kluge Etymol. Wört. d. deutschen Spr.[9] (1921) 207 подъ *hoch* и др. Редомъ съ индоевроп. **qeukā* > слав. *čjuka*, *čuka*, **qouk-* въ лит., герм. и т. н., е сжществувала индоевроп. най-низка степень **qūk-*, която се крие и въ общослав. *kyka*, *kyčiti*, старобълг. къічити ‚φυσιοῦν, sich aufblähen', рус. *кичливый* ‚hochmütig' и т. н.; споредъ Бернекера Slav. etym. Wört. I 676—7 това праслав. *кука* 1 било „ohne sichere Anknüpfung". Ако г. Капиданъ дори при рум. *baltă*, алб. *bal'tə* предпочита да излиза не отъ праслав. **bolto*, защо тогава при рум. *chicer(ă)*, алб. *kikəl'ə* не застане пакъ на такава по-широка основа, та да говори за трако-илирийски, а не за албано-румънски произходъ на последнитѣ думи?

Интересни сж разсжжденията на г. Капиданъ и за други нѣкои думи, напр. за бълг. *вата́хъ*, при която обаче пакъ не е напълно разяснена нито етимологията, нито твърдението, че татарската дума била „sursa directă pentru limba română, și din această limbă cuvântul a trecut pe de o parte la Bulgari, iar pe de alta la Ruteni"! (стр. 192—193).

IV.

Изобщо трудътъ на г. Капиданъ е малко непрегледенъ: следъ главата за румънското влияние върху българския езикъ, която разгледахме и която къмъ края съдържа бележки за румънското население по българскитѣ земи, иде глава „3. Influențe gramaticale", въ която пакъ се разглежда въпросътъ за редукцията на неударенитѣ гласни, като се из-

карва, че и въ новогръцки, и въ български (и въ албански) редукцията се дължи все на румънско влияние, защото въ румънски тази редукция била „antedialectală“, „străveche“ и споредъ г. Прокоповичъ „se prezintă ca o continuare a evoluției latinești“, па „în ce privește *e* ⟩ *i*, dânsul mai reamintește că fenomenul este comun și łimbei italiene“! И прегласътъ при *ѣ* *(ea—e)* билъ отъ румънски произходъ споредъ казаното на стр. 171 — всичко 8 реда, въ които нѣма никакви доказателства или бележки за подобни явления въ други езици. По въпроса за члена въ български и румънски г. Капиданъ подържа румънската хипотеза, пакъ безъ по-широкъ сравнителенъ лингвистиченъ обзоръ, безъ дори загатване, че Милетичъ, когото г. Капиданъ цитува, е писалъ сравнителна студия за члена въ български и въ руски! При имена като *Радул, Јанкул, Јанкула* и под. би могло да се спомене, че во всички славянски езици има думи съ форманти *-ulъ, -ul'ь, -ul'a, -julъ, (-'ь)*, за които говори Miklosich Vgl. Gramm. d. slav. Spr. II 111—113. Що се отнася до еднаквоститѣ въ областьта на фразеологията и особено на пословицитѣ, съ които си служи г. Цоневъ, румънскиятъ ученъ умѣстно забелѣзва, че тѣ могатъ да иматъ само „o valoarea relativă“ (стр. 175). Обаче и тука трѣбаше да се подйеме работата отъ по-широко гледище и да се изтъкнѣше, че множество пословици и пословични изрази сѫ международно достояние: за много и много пословици има да се установява нѐ, дали сѫ минали отъ румънски и арумънски въ български, както се ще на г. Капидана, но по-скоро има да се покаже, че сѫ известни и на други близки и далечни народи.

Въ глава 4 „Influențe lexice“ нашиятъ авторъ отива предалече, като иска да ни убеди въ румънския происходъ и на думата *киякъ*, която ужъ произлизала отъ успоредната форма на *ghioaga* — предпологано **chiaucă* отъ по-старо **cl'auca* отъ **clavica,* като реконструкция отъ *clavicula* (стр. 176 - 177). А всички тия натегнати хипотези и реконструкции биха се оказали и за г. Капиданъ съвсемъ непотрѣбни и безполезни, ако той вземѣше въ съображение „paleosl.“ кыи, рус. *кій, кіянка,* малорус. *кий, кия́к* ‚Rohrkolben‘, пол. *kij, kijanka,* чеш. *kyj, kyják* ‚grosse Keule‘, сърбохърв. *kȉjak* ‚Knüttel‘ и под., между които Berneker Slav. etymolog. Wört. I 676 е поставилъ съ пълно право и бълг. *киякъ*. Увѣренъ съмъ, че г. Капиданъ ще оттегли своя опитъ за обяснение на бълг. *киякъ* и нѣма да подражава на ония прекалени патриоти между румънскитѣ учени, които сѫ готови да проповѣдватъ панрумънизъмъ и въ славянската етимология. Всѣкакъ лит. *kújis* ‚Hammer‘ не може отъ никой сериозенъ ученъ да се оставя безъ внимание.

Възразявайки противъ славянския произходъ на рум. *zestre* ‚Mitgift‘ и подържайки противното, а именно че бълг. *зестра* и малорус. *зястра* сѫ взети отъ румънитѣ, г. Капиданъ пакъ се увлича и напира на диалектнитѣ форми съ *dz* вмѣсто *z (dzeastre, -le, dzăstrî),* а забравя, че и въ български тъкмо сѫществуватъ и день днешенъ архаични форми съ *dz* покрай по-новитѣ съ *z*, па и съ *dž* покрай нови съ *ž* *(джел'áзо̢!)*. И това ли е румънизъмъ? Задоволителна етимология на *зестра,* малорус. *зястра* все още нѣма, но не би било, чини ми се, зле да се види, дали пъкъ нѣма етимологична връзка между тѣзи думи

и слав. **зѧть**, бълг. *зеть*, рус. *зять* и т. н.: *зестра, зястра* отъ **zęt-tra* би могло да значи „онова, що се дава на зетя“, т. е. на дъщерята, която отива при бѫдѫщия си мѫжъ — зетя. Думата е късна и затова въ румънски не се явява съ белези на ринезъмъ (срв. рум. *sfînt*, но *sfeştanie, sfetiteli, mesarniţa* и тъкмо *zet* и под. у г. Цоневъ, Език. взаимн. стр. 18 отд. отп., за жалость безъ означение на извора за *zet*). За „суфикса“ нека се помни общосл. *i̯utro*, бълг. *утро*.

Понеже часть отъ румънскитѣ думи се явяватъ въ български съ известни звукови отклонения, затова г. Капиданъ дава кѫсичка глава: „5. Schimbări fonetice“ (стр. 180—181). Нѣщо сѫществено не е отбелѣзано; за *а : ъ, о : и* е вече говорено. Неточно е да се казва, че рум. неударено *ă* въ български „trece de regulă în *a*“: пише се *батутъ, Вакарелъ, каруца* и т. н., обаче въ сѫщность повечето българи изговарятъ малко редуцирано *ạ*, напълно еднакво въ множество диалекти съ румън. *ă*. Съвсемъ погрѣшно г. Капиданъ брои бълг. *глýма* за дума взета отъ рум. („г l u m a < glumă“). Та още у Миклошича въ Etymol. Wört. сѫ приведени формитѣ на тая дума во всички славянски езици и е дадено да се разбере, че рум. *glumă* е заето отъ славянски! И после, бива ли да се говори за „румънска“ дума съ онова *l̦* подиръ *g*? По недоразумѣние или недоглеждане г. Капиданъ пише: „*ea* accentuat a trecut în *a* : dreapta > d r a p t ъ n o“. А у мене въ СбНУ XVIII 502, отдето г. Капиданъ заема тая рѣдка дума, и двата пѫти стои д р ’ а п т ъ н о съ *р’а* = рум. *rea!* . . .

Единъ недостатъкъ на г. Капидановия трудъ е и това, че не сѫ изтъкнати на първо мѣсто въ отдѣленъ списъкъ ония р у м ъ н с к и з а е м к и, които могатъ да се смѣтать за о б щ о б ъ л г а р с к и. Наистина г. Капиданъ започва съ *алтáр* и *крачýн*, ала следъ тѣхъ иде току-речи неизвестното областно *дракул*, па после се минува къмъ *русаля, калýш-, калушáри*, последнитѣ две пакъ областни и рѣдки, както и *флоричúка*, и *ватáх*. Между „termeni pastorali“ пакъ има нѣкои рѣдки *(бáрзав, батýт, фичóр, кърлúг, мýра* и др.), които не могатъ да се смѣтатъ за нераздѣлна часть на съвременния общобългарски езикъ, а сѫ малко известни областни думи. По-разпространени сѫ *фáша, гéга, фýрка (хýрка), гýня („гуна“), калцýни, капýш* и под., а общоупотрѣбителни сѫ *кáрам, карýца, фýрна, гýша, качýлка, катýн, костýра* и още нѣкои. Обаче и тукъ се даватъ като румънски и такива думи, които иматъ нерумънска етимология, безъ да се доказва, че непремѣнно сѫ дошли въ български чрезъ румънско посрѣдство. Така, *úrda* „brânză din lapte căruia i s'a scos smântâna“ е дума отъ т ю р к с к и произходъ; формата *вурда* доказва, че имаме работа съ турския коренъ *vurmak* ‚бия‘: тур. *vurda, urda* е значило „бито млѣко“ или „сирене отъ бито млѣко“ и под., срв. бълг. *бито сирене*, и е проникнало въ сръб. *urda* ‚geronnene Milch‘, чеш. словаш. *urda* ‚Schafmolke, smetana‘, пол. *tłusta żenczyca zwie się horda* диал., малорус. *вурда, удра* ‚Art Käse‘ у Miklosich Etymol. Wört. d. slav. Spr. 372. Доказано ли е въ Dacoromania II, 470—471, че тюркската дума е минала най-напредъ у румънитѣ и тия последнитѣ сѫ я предали на славянитѣ? Та румънското съответствие на *vurda* е *bătut* > бълг. *батутъ*.

Съвсемъ другояче стои работата при бълг. *сýгáре, сугáрно ягне:* тукъ е явно, че думата крие въ себе корена на лат. *sugo*; въ бълг. има и глаголъ *суча*, производно *сукалче* ,дете, животно, което още бозае', *сукалче прасе* Геровъ Рѣчникъ V, 284, синоними: *кърмаче, бозайниче, сисалче, млечениче* и под. Г. Капиданъ не приема напълно македоно-румънската етимология на общослав. *кошáра* ,Hürde', та можеше да не поставя и тая току-речи общославянска и българска дума въ числото на румънскитѣ заемки. Съмнително е румънското произхождение на бълг. *костýра* ,schartiges Messer', ужъ отъ рум. **cuțitura:* въ словен. *kostura* е ,Schnappmesser mit beinernem Griff' и това показва, че Бернекеръ не „pe nedrept" говори за връзка съ *кость*.

Между имената на животни повечето сѫ рѣдки и не дори областни думи, ами се срѣщатъ само въ смѣсения говоръ на Видинското Ново-село *(бáрза, омúда, шоболáн, шопъ̀рла* и под.). По-разпространени сѫ *копóй, мéлчо* ,охлювъ' и *пуйка*,, ала отъ тѣзи първитѣ две ще да сѫ славянски: въ *копой* ,Spürhund' се крие коренъ **kop-* въ рус. *копоть*, чеш. *kopet* ,пушъкъ' и под., както въ бълг. *дýша, подýшвам* се крие коренъ *дух-*, ие. **dhou̯-* : **dhū-* въ *димъ*, лат. *fūmus* и т. н., *fumare*, фр. *fumer* е тъкмо ,пуша'; за *мелчо* ,охлювъ' сравн. пол. *małż* ,мекотѣло животно', бѣлорус. *смоуж* и полаб. *mouz* у мене, Студии по слав. и сравнително езикознание (Годишникъ на Софийския Универс. ист. филолог. фак., XIII—XIV, София 1920), стр. 86—89.

Отъ имената на растения *foienfir* е пакъ изъ смѣсения говоръ на Ново-село, а *буника* ,Hyosciamus niger' не може да се дѣли отъ *блѣнъ, бленика* и под., срв. *блѣно биле, блѣнувамъ* и *бълнувамъ*; не ще да е рум. и *папýръ*, а при бълг. *бучинúшъ, бучимишъ* наопаки румънската етимология, – сближението съ лат. *bucinum* ,trompetă' още у Hasden, изглежда много примамлива.

И въ групитѣ 10—14 има покрай несъмнени румънски заемки (общобълг. *мáса* < рум. *masă* < лат. *mensa;* бълг. *паларúя* ,сламена шапка' крие лат. *palea* и рум. *pălărie* съвсемъ не е отъ „origine necunoscuta": на бълг. *паларията* е тъкмо *сламеница, мошия* и под.) и доста съмнителни: *коптóръ* ,фурна', диал. *кофтóръ* изговаряно съ редуцирано *o > y* не е произлѣзло отъ рум. *cuptor,* а наопаки рум. дума е отъ славянската основа *копъть; копторъ* е бълг. замѣстница на рум. *фурна* и значи „димница"! Не сѫ румънски заемки, а наопаки, бълг. *бéзна (бéздна), гълчáва, глýма* и др. които не биваше да се привеждатъ наредъ съ *грúнда,* дума, въ която се крие староб. **грѧда**, но която носи несъмненъ белегъ на румънска фонетика — *in* < старобълг. **ѧ**, както и въ *oglindă* ,огледало' или *minte* < лат. *mentem* и подобни.

Въпрѣки изброенитѣ грѣшки изследването на г. Капиданъ е ценненъ трудъ, за който сме благодарни автору.

София.

Ст. Младеновъ.

Jaký vliv měla latinská Vulgáta na staroslovanský překlad evangelní.

K nevyjasněným záhadám staroslovanského překladu evangelního novou hřivnou přispěl prof. Val. Pogorělov. V článku »Латинское вліяніе въ переводу евангелія« [1]) přišel k závěru, že sice předloha staroslovanského překladu byla řecká, avšak jednotlivá místa prý nasvědčují, že překladatel nahlédal i do textu latinského, a čerpal z něho to nebo ono slovo, ten neb onen obrat. Autor nepověděl tu nic zcela nového a neznámého; touž myšlenku, byť ne tak rozhodně a určitě, dávno pronesli Hug a Šafařík, Pogorělov sám vzpomíná jednu z posledních prací Jagićových, a já jsem se té věci rovněž dotkl alespoň nepřímo v kritické studii o evangeliu sv. Marka, která ovšem dosud leží v rukopise. Ježto však stať prof. Pogorělova vzbudila všeobecný zájem, a autor tu předvádí řadu příkladů, bude s prospěchem pověděti něco o nich, aby bylo zřejmo, jak pevné jsou jeho doklady a tvrzení jimi podepřené.

Předem připomínám, že podle svědectví Pannonského životopisu Metodova (hl. XV.) jsme oprávněni posuzovati překlad evangelií ve spojení s překladem žaltářním. Připomínám to proto, že některá slova a rčení, o nichž mluví Pogorělov (лоуна, въ соуе) jsou i v žaltáři.

Druhé, na co ukazuji, je, že bude nutno roztříditi úryvky původního evangeliáře od ostatních textů úplného evangelia (tetraevangelia). Podle svědectví životopisu Konstantinova (hl. XIV.) můžeme míti za to, že sv. Bratři přinesli evangeliář z Cařihradu; ten ovšem nebyl překládán pod vlivem latiny. Není sice vyloučeno, že i text evangeliáře mohl býti na Moravě měněn a opravován, ale vyskytuje-li se některé slovo důsledně ve všech nejstarších evangeliářích, pokud se nám zachovaly, pak je těžko mluvit o nějaké změně pozdější. Připomínám tuto okolnost, ježto prof. Pogorělov mluví o některých slovech (na př. проповѣдати — praedicare za ř. *κηρύσσω*), která se mu zdají spíše odpovídati textu latinskému než řeckému, která se však vyskytují již v evangeliáři Assemanově, Ostromírově i Savině knize a sice důsledně. Nepřikládám sice této okolnosti takovou váhu, že bych již předem z evangeliářů vylučoval jakýkoli vliv latiny naprosto, avšak, jak uvidíme níže, podceňovati ji také nesmíme.

Celkem v této otázce máme dvojí mínění. Ještě dnes má mezi slavisty stoupence Dobrovský, který tvrdil, že všecka místa, v nichž starý překlad souhlasí s Vulgátou, jsou varianty nacházející se též v rukopisech řeckých, tak že shoda tato vlastně se zakládá na užití takových rukopisů a variantů řeckých, nikoli Vulgáty. Jiní, snad četnější, zejména o překladu žaltářním se nejednou vyslovili, že některá místa v něm nejsou vysvětlitelna bez vlivu latiny, a že při nynější známosti řeckých rukopisů je vyloučeno, že by se našly takové varianty, jimiž by se řečená místa v textě staroslovanského žaltáře dala vysvětliti, aniž bychom k tomu potřebovali latinské Vulgáty. Proto jsem předem připomenul, že tato otázka v překladě evangelním je těsně spojena s touž záhadou v žaltáři. Zdá se, že prof. Pogorělov svou studií

[1]) Viz Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě III 207—216.

o překladě evangelním v některých bodech tuto druhou domněnku posílil novými doklady, byť podle mého mínění, zašel někdy příliš daleko. Zde chci ukázati pouze na to, co je v jeho tvrzení méně správné neb aspoň méně jisté.

1. Začnu od konce, a ukáži, že největší slabiny jsem odkryl v řadě příkladů, které se zdály Pogorělovi nejpádnějšími. Podle něho nejlépe je patrna závislost slov. překladu na latinském tam, kde slovanský překlad souhlasí s Vulgátou, a rozchází se s textem řeckým. Za příklad uvádí: Mr. 3 7, 8 se prý čte dvakrát *πλῆθος πολύ* — ale v latině 3 7 multa turba, v 3 8 pak multitudo magna; podle toho prý podobně máme ve slov. textě: 3 7 **мъногъ народъ**, a 3 8 **мъного мъножество**. Podle Sodena však vidím, že obě místa mají doložené varianty i v řeckém textě. V 3 7 v t. zv. Západních textech se čte *πολὺς ὄχλος*, čemuž odpovídá **мъногъ народъ**.

Podobně Mr. 1 18 *ἠκολούθησαν αὐτῷ*, tamtéž v. 20 *ἀπῆλθον ὀπίσω αὐτοῦ*; obě tato místa v překladě slovanském zní **по немь идете** prý podle latinského v obojím: secuti sunt eum. Podle Sodena v 1 20, vedle Pogorělovem uvedeného *ἀπῆλθον ὀπίσω αὐτοῦ*, čte se opět v textech Západních *ἠκολούθησαν αὐτῷ* jako ve v. 18, čímž by se vysvětlilo slovanské **по немь идете** na obojím místě.

Mr. 10 46 za řecké *ἱκανοῦ ὄχλου* slovanské **народоу мъногоу** opět vysvětluje z lat. plurimā multitudine; avšak i tu je doložen variant vedle *ἱκανοῦ* : *πόλλου* opět v textech Západních (Soden str. 118).

Mr. 12 36 a 37 v řeckém textě, zejména recense Alexandrijské, se čte pouze *αὐτός*, ve Vulgátě však po prvé ipse enim, po druhé ipse ergo; Pogorělov uvádí ve spojení s latinským čtením staroslovanské **тъ бо** a **самъ оубо**, aniž by si všiml, že text rec. Cařihradské v prvém má *αὐτὸς γὰρ*, a v druhém *αὐτὸς οὖν* (Soden str. 202—3).

Mr. 14 8 čtení Alexandrijské má sice *ὃ ἔσχεν ἐποίησεν*, ale v rec. Cařihradské čteme *ὃ ἔσχεν αὕτη ἐποίησεν* (u Scrivenera *ὃ εἶχεν αὕτη*); není tudíž v slovanském **еже имѣ си створи** napodobení latinského quod habuit haec fecit bezpečné.

Zbývá tudíž ze všech příkladů uvedených pod tímto zahlavím jediné poslední Mr. 15 27 za řecké *ἕνα* ... *ἕνα* latinské unum ... alium, slovanské **единого** ... **дроугаго**. Připomínám, že toto čtení máme již v evangeliáři Assemanově, Ostromírově i Savině knize. Mimo to Mat. 20 21 *εἷς* ... *εἷς*, Vulg. unus ... unus; Marianus **единъ** ... **единъ**, ale Zogr. **единъ** ... **дроугꙑ**!

2. Jinou skupinu uvádí Pogorělov na str. 213. Je to obrat řeckého *ὥστε* s infinitivem, za který často čteme v staroslovanském překladě verbum finitum, v latině ut cum verbo finito. I tu stačí leccos poznamenati. Mr. 2 2 *ὥστε μήκετι χωρεῖν*, ut non caperet, v Assem. zní **ѣко къ томоу не въмѣщати сꙗ**; teprve v Ostrom. **не въмещаахѫ сꙗ**; Mr. 2 12 *ὥστε ἐξίστασθαι*, ut mirarentur, **ѣко дивити сꙗ вьсѣмъ** Assem., Ostrom. Pogorělov uvádí jediné **ѣко дивлѣахѫ сꙗ** Mar. Zogr. Sav. (**дивлѣхѫ сꙗ**).

Z jiných vazeb řeckého infinitivu uvádí Mr. 2 23 *ἐγένετο αὐτὸν ἐν τοῖς σάββασιν παραπορεύεσθαι*; lat. factum est ... cum ambularet,

s čímž prý je příbuzné slov. мимоходѧщю емоу. Ale v textech Západních čtu variant *ἐγένετο ... ἐν τῷ παραπορεύεσθαι;* tedy ta příbuznost není tak jistá. Zde připomínám rozpravu prof. Pastrnka o těchto vazbách v žaltáři. (Archiv für slav. Phil. XXV 366 násl.)

3. Na str. 212—213 srovnává autor častou shodu staroslovanského textu s Vulgátou v příčině časů slovesa proti tvarům v řečtině. I zde prý je možné míti za to, že latinské perfectum působilo na překladatele ev. Markova, že vyjadřoval řecké praesens historicum slovanským aoristem, a sice soustavně. Nepravím, že prof. Pogorělov nemá naprosto pravdu; ale myslím, že je těžko z příkladů jím uvedených souditi na nějakou důslednost, když mohu uvésti proti nim řadu variantů, kde vedle řec. praesentu hist. čte se aorist neb čas minulý vůbec.

Na př. Mr. 3 13 *προσκαλεῖται,* vedle toho však i *προσεκαλέσατο,* призъва — vocavit; Mr. 6 48 *ἔρχεται — ἀπῆλθεν,* приде — venit; Mr. 7 37 *ποιεῖ,* творитъ — fecit, *πεποίηκεν;* Mr. 7 32 *παρακαλοῦσιν — παρεκάλουν,* молѣахѫ и — et deprecabantur eum; Mr. 14 37 *λέγει — εἶπεν,* гл҃а, Vulg. ait! Mr. 16 4 *θεωροῦσιν — εἶδον,* видѣшѧ — viderunt; všecky jsou doloženy u Sodena. (Die Schriften d. Neuen Testaments, Göttingen 1913.)

4. Častá a opravdu podivná je shoda slovanského textu s Vulgátou proti řeckému textu v překládání pasiva (u Pogorělova viz str. 212); v řečtině máme tvar prostý, v latině a v překladě slov. příčestí min. trp. s pomocným slovesem. Na př. *γέγραπται* — scriptum est — естъ писано Mr. 1 2 a j., *σωθήσεται* — salvus erit — съпасенъ бѫдетъ Mr. 13 13 a j. Nezdá se mi však, že bychom lehce směli přehlížeti tu okolnost, že tato rčení se čtou v nejstarších evangeliářích Assem., Ostrom., Sav., a tedy, že byla již v evangeliáři původním, aspoň s velikou pravděpodobností. Pak by bylo příliš odvážlivé o nich tvrdit, že vznikla pod dojmem latinského překladu. Totéž platí i o Mr. 10 40 *ἡτοίμασται* — paratum est — естъ оуготовано, Mr. 16 11 *ἐθεάθη* — visus esset — видѣнъ бистъ.

Prof. Pogorělov vidí vliv latiny i v tom, že řecká participia v slov. textě jsou vyjádřena jmény přídavnými shodně s latinou. Možná; ale příklad, který uvádí Mr. 3 1 *ἐξηραμμένην* — aridam — соухѫ nedokazuje nic, protože varianty *ἐξηραμμένην — ξηρὰν (χεῖρα)* jsou velice rozšířeny; *ξηρὰν* mají texty Západní, v 3. verši téže hlavy Západní i Alexandrijské. V Mr. 2 17 vedle *ἰσχύοντες* čtu v Západních textech i *ὑγιαίνοντες,* což je slovanskému съдрави bližší.

O některých jednotlivostech jako v slově лоуна (u Pogorělova na str. 209) nebo o rčení въ соуе *(μάτην),* řekl jsem již výše, že jsou i v staroslov. žaltáři. Dalek jsem toho, abych zde chtěl rozhodovati o těchto a jiných jednotlivých slovech, o nichž mluví prof. Pogorělov na str. 209—10 jako: *κώμη* (вьсь, градьць — vicus, castellum), *(ἀλέκτωρ) ἐφώνησεν* — (кокотъ) вьспѣтъ (gallus) cantavit, nebo *φέρουσιν,* привѣсѧ, привbooшѧ — adducunt a pod., zda je tu vůbec nějaký vliv latiny či nic. V Luc. 14 21, kde má latina vicos (civitatis) nečteme ani вьсь ani градьць ale стъгъна, protože je v řečtině *ῥύμη;* řecké *φέρω* znaří »nesu«, ale i »vedu«, za ř. *φέρουσιν* Mr. 7 32 a 8 22 těžko bylo

užíti prvého, ježto tu běží o člověka, který mohl chodit, jednou to byl hluchoněmý, po druhé slepý, čímž si vysvětlíme, proč tu čteme привѣсѧ, приведошѧ. Také ono въспѣтъ není nutný překlad lat. »cantavit«. Máme sice u Mat. 26 34 коуръ (кокотъ) не възгласитъ, *(πρὶν) ἀλέκτορα φωνῆσαι* — (antequam) gallus cantet, ale u Mar. 14 68 a 72 ono *ἐφώνησεν* — въспѣтъ — cantavit, což může míti příčinu jinou. V evang. Nikoljském čteme пѣтелъ въспѣтъ! Kdyby tu byl vliv latiny jistý, proč pak v témž verši 72 za řecké *(πρὶν α.) φωνῆσαι* máme ve slov. (прѣжде даже не) възгласитъ ačkoli Vulgáta i tu čte (prius quam gallus) cantet. Jednou by se byl překladatel přizpůsobil latině a po druhé ne? Na takové nesnáze narážíme přečasto i jinde. Srov. vzpomenutou rozpravu prof. Pastrnka.

Sám prof. Pogorělov praví (214), že počet těchto shod staroslov. textu s Vulgátou je velmi malý, že jsou to spíše výjimky. Leccos se vysvětlí varianty textů Západních (Western), jak jsem ukázal v rozpravě o ev. sv. Marka, aniž by bylo potřebí utíkati se k Vulgátě; tím to minimum se zmenší ještě více. Dokázati, že v staroslov. překladě evangelním a žaltářním, jak jej známe dnes, není naprosto žádného vlivu Vulgáty, bude asi těžko, zvláště máme-li na mysli oněch několik známých míst v žaltáři, proslulých shodou lexikální s latinskou Vulgátou. Svého času obrátil jsem se na jednoho z nejlepších znalců řeckého textu biblického prof. A. Rahlfsa o jeho mínění v této věci, ale i on je přesvědčen, že v IX. století jistě již nebylo v textě Cařihradském tak vážných odchylek, že by bylo lze jimi vyložiti ona místa staroslov. žaltáře, o nichž mluví Vondrák a Jagić. (Entstehungsgeschichte d. Kirchenslav. Sprache 249.[1])

Běží jen o to, jak vysvětliti tento nepatrný, řekl bych, náhodný vliv. Jak již prof. Pastrnek poznamenal, těžko je si představiti, že by oněch několik míst shodných s Vulgátou pocházelo od překladatelů samých, kteří pořídili překlad z předlohy řecké klasický, nanejvýš věrný a přece zároveň volný, v duchu jazyka slovanského. Tato místa jsou spíše přípustna a pochopitelna jako pozdější změny »opravy« pod vlivem Vulgáty, ovšem ještě na půdě moravsko-pannonské, protože je máme ve všech pozdějších památkách žaltářních různých čeledí. Snad je tu něco podobného jako v památkách charvatsko-hlaholských, kde vliv Vulgáty v pozdější době byl mnohem usilovnější. Jak veliký je

[1]) »Die Stellen aus dem Psalter, hatte ich mir schon früher anlässlich der Besprechung Vondráks in den Göttingsch. gel. Anzeigen 1909 S. 102 überlegt, und ich habe sie mir auch jetzt wieder angesehen. Danach muss ich allerdings sagen, dass ich keine Möglichkeit sehe, wie man um die Annahme einer gelegentlichen Abhängigkeit von der lateinischen Übersetzung herumkommen könnte. Den die slavische Übersetzung der Bibel schliesst sich, soweit ich sie kenne, so eng — fast könnte man sagen: sklavisch — an die griechische Vorlage an, dass man nicht wohl annehmen kann, sie stimme hier zufällig in freien Übersetzungen einzelner Stellen mit der Vulgata überein. Griechische Varianten, welche mit dem slav. Texte übereinstimmten, sind bisher nicht bekannt, und es ist mir nach der ganzen Sachlage auch ganz unwahrscheinlich, dass sie sich je finden werden, da der Vulgärtext, welchen die Slaven übersetzt haben, in IX. Jahrh. wohl sicher keine so starken Abweichungen mehr gehabt hat.« (V listě z 14/II 1916!)

rozdíl v té příčině na př. mezi misálem knížete Nováka z r. 1368 a kodexem Vatikánským, který je jen as o půl století starší![1])

Můžeme tudíž říci, že jsme tam, kde jsme byli dosud; z nemnohých shod staroslov. překladu s Vulgátou, uvedených prof. Pogorělovem, některé jsou ještě pochybné, jiné zdánlivé neb zcela neodůvodněné. Nejpodivnější snad jsou ty, o nichž autor mluví na str. 211 **въ себѣ** — intra semetipsos, *πρὸς ἑαυτούς* Mr. 14 4, a **между собоѭ** — inter vos, *ἐν ἀλλήλοις* — Mr. 9 50, ježto obvyklá rčení slov. jsou **дроугъ дроуга, дроугъ къ дроугоу** a pod., avšak i v těchto případech opakuje se totéž, co jsme vytkli výše, že totiž tu máme dva ojedinělé případy — »latinismy« — proti řadě (autor vypočítává 18) příkladů, kde slovanský překlad přiléhá k předloze řecké. I tyto případy zdají se potvrzovati, že vliv Vulgáty na staroslověnský překlad evangelia a žaltáře, vzhledem k známým okolnostem, je pochopitelný a přípustný spíše v tom smyslu, že byly provedeny některé změny — ojedinělé, nahodilé — podle latinské Vulgáty v překladě hotovém, nežli že by sami překladatelé při překládání do Vulgáty byli nahlédali, a jí soustavně se spravovali. To není přípustno ani v evangeliu úplném (tetraevangeliu), tím méně v evangeliáři.[2])

Vajs.

Josef Vajs, profesor university Karlovy: **Kniha Rut v překladě staroslovanském.** Kritické studie staroslovanského textu biblického, č. 2. V Praze, 1926. 1—47. Příloha: Snímky hlaholského textu knihy Rut, I—VIII.

Již první vydání starého chrvátsko-hlaholského textu knihy Rut, které auktor pořídil r. 1905, vzbudilo u odborných badatelů velkou pozornost. Výmluvným toho dokladem je zvláštní článek prof. A. V. Michajlova, **Древне-слав. переводъ книги Руѳь.** (Rus. filol. vèstnik, Varšava 1908.) Vydavatel tehdy, podle slov Vatr. Jagiće, podal jasný důkaz, že hlaholský text je založen na řecké předloze, že překlad je velmi starý, že zachoval i původnější znění, než nalézáme v jihoslovanských a ruských textech cyrilských. (Entsehungsgesch. 462.) Novějšími studiemi o řeckém textě knihy Rut, zejména A. Rahlfsovými: Das Buch Ruth griechisch als Probe einer kritischen Handausgabe der Septuaginta, Stuttgart 1922; Studie über den griechischen Text des Buches Ruth, Berlin 1923, byla též pro další badání o původním slovanském překladě získána pevná základna, která poskytovala možnost, rozřešiti otázku, pro dějiny prvních slovanských překladů důležitou, totiž ku které recensi ona řecká předloha náležela.

Jak známo, jsou texty Nového zákona (Evang., Apošt.) a ze Starého zákona Žaltář bezpečně pořízeny z recense Lukianovské, což také auktor opět zdůrazňuje (str. 8). Původce její Lukian († 312) považuje se za zakladatele exegetické školy v Antiochii. Texty této recense byly (srov. 10)

---

[1]) Viz můj článek: Předloha hlaholského prvotisku z r. 1483 ve Sborníce prof. Pastrnka 1924.

[2]) Tento článek jsem psal dříve nežli jsem četl posudek studie Pogorělovy od prof. V. Flajšhansa v ČČH. 1926, 141—45; avšak ani jeho výwody nezviklaly mně ve mínění, jež jsem tuto vyložil.

již za času sv. Jeronýma v užívání v Antiochii a Cařihradě a staly se úředním čtením veškeré církve řecké. Je tedy pochopitelno, že výše vzpomenuté první liturgické knihy slovanské (Ev., Ap., Žal.) byly přeloženy podle této recense. Otázka, ku které recensi náleží slovanské překlady starozákonní (kromě Žalt.), zůstává zatím nerozřešena. Starší mínění jest, že také tyto texty, buďto všechny, anebo aspoň z části jsou Lukianovské. Zejména o knize Rut vyslovil prof. Michajlov (Древ.-слав. пер., str. 12) domněnku, že jest přeložena z textu této recense. Prof. Vajs v tomto novém, s úplnějším kritickým aparátem podniknutém vydání, totiž jediného zachovaného textu hlaholského z XIV. stol. (1396), s připojeným řeckým textem rkp. Vatikánského *B*, cyrilského textu z XV. stol., s příslušnými různočteními dvou jiných cyr. textů, se snímkem hlaholského rukopisu, dospívá k výsledku jinému. Pečlivým srovnáním je tu nade vši pochybnost zjištěno, že kniha Rut, jejíž původní slovanské znění je patrně nejvěrněji zachováno v rukopise hlaholském, nebyla přeložena podle recense Lukianovy. Důkaz opírá se o podrobné srovnání míst podle čtení Origenova (hexaplárního), jednak podle čtení Lukianova, s doklady textů slovanských (hlah. i cyr.). Tímto velmi cenným výsledkem je po prvé přesně dosvědčeno, že mezi nejstaršími, zajisté do dob cyrilometodějských sahajícími překlady nebyly pouze texty Lukianovské (antioch.-cařihradské), nýbrž že hned na počátku brány za základ též texty jiné recense. Které? O knize Rut je patrno, že předloha její byla velmi podobna textu, který nalézáme v rukopise Vatikánském *B*, v tomto vydání (pod textem chrv.-hlaholském) otištěném (str. 24—37). Tento kodex je v podstatě předhexaplární text Septuaginty, pochází totiž z doby před vydáním díla Hexapla, které Origenes vydal v Palestině někdy mezi l. 235—240. (Srv. Rahlfs, Septuaginta-Studien II, 227.) O tomto kodexu se tvrdí, že je Hesychiovský, t. j. že náleží k recensi Septuaginty, která povstala v Egyptě a byla pak za času sv. Jeronýma jako úřední text patriarchátu Alexandrijského rozšířena. Za původce této recense se pokládá Hesychius, o němž jinak není nic bližšího známo (str. 10). Odtud si vysvětlujeme, že vydavatel přichází k závěru, že předloha slovanského překladu knihy Rut byla Hesychiovská. V přítomném vydání však tento závěr není různočteními, která by byla prokázána jako Hesychiovská, odůvodněn. V tomto směru zanechává i toto druhé vydání knihy Rut jisté pochybnosti. Za nedosti vyjasněnou pokládám dále otázku, v jakém poměru jest cyrilský text k původnímu hlaholskému. Vydavatel otiskuje (str. 39—46) znění podle ruského rukopisu Undolského (z druhé pol. XV. stol.) a připojuje různočtení srbského rukopisu Sevastjanovského (z poč. XV. stol.) a bulharského rukopisu Grigorovičova (z prvé pol. XVI. stol.). Řada jiných rukopisných textů, které pečlivě zaznamenává (str. 11 a 12), zůstala mu však nepřístupna. Výslovně připomíná, že v těchto cyrilských textech nejsou různé překlady, nýbrž že máme před sebou jen další úpravy či recense (zejména ruské) téhož společného překladu (jihoslov.). Ale na druhé straně zdůrazňuje shodu mezi texty jihoslovanskými a vzdálenost jejich od textů ruských (str. 38). Tím více překvapuje úsudek jeho o původu cyrilského textu. »Cyrilský text«, praví (na str. 7), »na hlaholském nezávislý, soudě podle jazyka, mohl

vzniknouti někdy v druhém období překladů staroslov. Písma sv. a to v Bulharsku«. v době bulharského cáře Simeona (franc. Résumé, str. 47). Srovnání otištěného cyrilského textu s hlaholským skutečně také ukazuje, že mezi nimi není patrných shod. Potvrdí-li se dalším zkoumáním, že všechny cyrilské texty pocházejí z téhož pozdějšího překladu, patřil by hlaholský text knihy Rut mezi takové písemnosti, které se při pohromě žáků Metodějových ztratily a musely býti pak v Bulharsku nově pořízeny. Případ byl by tím zajímavý, že by při této nové úpravě vzat byl opět za základ řecký text, který nebyl Lukianovský.

Fr. Pastrnek.

Б. Ангеловъ: **Българска литература.** Часть II. Исторически очертъ на новата българска литература отъ от. Паисия до днесъ. София 1924[1]).

II-я часть ,,Болгарской литературы" Б. Ангелова посвящена обозрению болгарской литературной деятельности со второй половины XVIII-го в. и до нашего времени. В той же книге дан и очерк болгарской народной словесности. Подходя к обозрению фактов литературы, Б. Ангелов предварительно характеризует условия общественной, культурной и национальной жизни болгарских славян в изучаемые периоды. Характеристика каждого периода, каждого автора снабжена библиографическими указаниями. Наибольшей полнотой разработки отличается отдел эпохи болгарского возрождения, — с конца XVIII-го в. и до освобождения отъ турецкой зависимости. Автор тщательно анализирует общественные, культурные и литературные факты того времени (стр. 3—221). Литература времени после освобождения охарактеризована в следующих 3 отделах. 1) 80-е — 90-е годы, — когда в центре болгарской литературной деятельности стоял Ив. Вазов (стр. 235—311). Литературное творчество этих лет было посвящено преимущественно вскрытию разных сторон жизни б о л г а р и н а. Но у Вазова и его современников и последователей Болгария с ее интересами и ограниченными стремлениями не представляла исключительного источника поэтического вдохновения: в произведениях Вазова, К. Величкова, Ст. Михайловского отражаются, хотя и слабее, мотивы и сюжеты и из мира общечеловеческих мыслей и чувств. 2) Период новейшей болгарской литературы, когда ряд писателей, во главе с Пенчом Славейковым и критиком д-ром Крстевым-Миролюбовым, значительно расширил рамки болгарской литературы, стремясь приобщить ее к литературно-художественным и философским течениям в Европе (стр. 311—360). Это литературное движение является, по словам г. Ангелова, ,,восхождением к новому культурному идеалу". ,,Самым крупным памятником этого творчества и нового культурного идеала являются [произведения П. Славейкова] ,,На острове блаженных" (1910) и ,,Кровавая песнь" (1913) . . . ,,Культурный идеал своего времени П. Славейков находит в великих и высоких ценностях европейской культуры и поэтому он, с полным сознанием своей силы и призвания в качестве духовного вождя к этому

[1]) Отзыв о I-ой части дан акад. М. Н. Сперанским. (Slavia, IV, 3).

идеалу, повел своих соплеменников в бой за него. Высоты, которых он стремится достигнуть, — это высоты великих подвижников и героев духа и творческого подвига: Микель Анджело, Бетховен (,,Cis Moll") Н. Ленау (,,Успокоенный"), Шелли (,,Сердце сердец"), Перикл, Богоборец, Сверхчеловек и др." (312, 313). Мы не можем только вполне принять такое резкое обособление культурных идеалов Вазова и его последователей и современников с одной стороны и П. Славейкова и его круга — с другой. Как отмечено выше, и Вазов и его современники не замыкались только в одной болгарщине; им не были чужды и культурно-художественные ценности других европейских обществ. С другой стороны, П. Славейков и лучшие представители его круга связаны неразрывно с болгарской жизнью, с болгарским бытом, с болгарской поэзией. ,,Эпические песни" Славейкова (,,Ралица", ,,Бойко", ,,Коледари", ,,Змейово любе" и др.), его героическая ,,Кровавая песнь", ,,Стихотворения" П. Яворова (1904), ,,Идиллии" и драмы П. Тодорова представляют содержание, образы, мотивы из болгарской жизни. Правда, в ряде случаев на фоне болгарского быта, в форме и образах болгарской народной поэзии разработаны тут мотивы не только собственно болгарские, но и общечеловеческие. Это особенно ясно представлено в творчестве Тодорова, — певца свободной личности, не стесненной никакими узами, — ни семейными, ни общественными, ни национальными, ни религиозными. 3) 3-ий отдел посвящен характеристике литературной деятельности последних лет. Здесь сделаны замечания о представителях художественного реализма и о представителях символизма и экспрессионистского спиритуализма (361—395). Этот отдел разработан не достаточно удовлетворительно. Повидимому, автору не удалось справиться с личными настроениями в отношении к современным писателям. Замечания о литературных явлениях и о творчестве писателей этого времени во многих случаях излишне строги и недостаточно основательны. То же замечание надо сделать и об отзывах г. Ангелова о других современниках, охарактеризованных им выше, в отделе о писателях Вазовского направления. Так, напр., творчество А. Страшимирова представлено только с резко отрицательной стороны (303 —305). Если действительно в его произведениях нет ничего положительного, то не за чем было и писать о нем в общем обзоре литературы. Но такой резкий отзыв о литературной деятельности этого писателя не справедлив: из многих его произведений можно было бы указать и такие, которые представляют значительные художественные достоинства (,,Есенни дни", ,,Рамадан бегови сараи" и др.). О ряде писателей совсем нет упоминания. Повидимому, г. Ангелов не нашел возможным учесть их положительное значение в современной литературной жизни. И это по отношению к некоторым писателям несправедливо. Ни слова не сказано, напр., о чутком лирике и художественном переводчике А. Балабанове. Умолчено о литературной деятельности Ст. Чилингирова. А между тем, его ,,Песнь о селяке" (,,Пѣсень за селяка". 1914) — первая часть ее, ярко рисующая жизнь болгарского села, — представляет значительное явление в болгарской литературе. Мы не обошли бы молчанием и его большого романа в сонетах ,,Владо Булатов" (1922): в этом произведении находится не мало

прекрасных сонетов (— и мы знаем, что там есть также главы недостаточно удовлетворительные в разных отношениях). Во всяком случае, если г. Ангелов нашел возможным отвести страницу последнему эротическому роману К. Христова „Темные зори“ („Тъмни зори“), то следовало бы сообщить и о произведении с противоположным настроением — об идеалисте Владе Булатове. Из писателей экспрессионистов молчанием обойден Дм. Бабев и др.

В некоторых случаях Б. Ангелов представляет не вполне удачные образцы литературных произведений того или иного писателя. Так, говоря о стихотворениях Ц. Церковского, он указывает, как лучшую, его песню „Сазътъ“. Но это — слабая переделка одной из „Песен“ Кольцова („Ты не пой, соловей . . .“): и содержание (мотив) и размер взяты Церковским у Кольцова. Только соловья Церковский променил „яворовым сазом“. Нет у Церковского и той глубины чувства, той непосредственности и яркой образности в передаче его, какая свойственна песне Кольцова. Вместо этого — туманный речитатив: „зефир легкий“, „лицо ангельское“ . . .

. . . . Ты скажи, как без ней,
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко . . .

О, кажи, как тжжи
Как въздиша той;
Как везден — изтупен —
Нѣма мир, покой.

Как във скръб живот скжп
Трави и пилей;
Какъ сърдце за лице
Ангелско милей . . . .

Из „лучших“ рассказов Церковского указан рассказ „Орисани“ (302–303). В действительности, это совсем слабое произведение. Так, рассказ начинается с описания весеннего дня. По описанию — это серый, будничный день. Но оказывается это — пасхальное воскресенье! Подобные замечания можно сделать и для некоторых других авторов, о которых говорится в книге Б. Ангелова. В отделе эпохи возрождения мало сказано о Жинзифове. Не отмечено одно из его лучших и по содержанию и по форме стихотворений „Вдовица“, — стихотворение, вызванное смертью братьев Миладиновых.[1])

Остановлюсь еще на одном пункте. В книге г. Ангелова недостаточно учтены воздействия на болгарскую литературу европейских литератур. Этой стороне болгарской литературной деятельности следует побольше уделить внимания. Изучение этих воздействий поможет надлежащим образом выяснить те или иные болгарские литературные явления. Кроме того, оно представляет и более общий интерес: определение судьбы

[1]) Есть и некоторые несообразности в этом стихотворении: см. замечания Шапкарева в „Читалище“, год. II, кн. 7; перепечатаны Л. Д. Ихчиевым в работе о Жинзифове, помещенной в 3-ей кн. „Изв. на семинара по слав. филология“ 539. Ни Шапкарев, ни Ихчиев не указали, где напечатано было это стихотворение: — в № 4-м всеславянской газеты „Словѣнинъ“, 1863 г. Прага. Изд. и редакторъ Ф. И. Језбера. В „Содержании“ этого номера указано: „Вдовица, стихотворенie на македонско-слованскомъ нарѣчiи — отъ Жинзифова, Болгарина изъ Македонiи“.

литературных фактов и направлений, занесенных в иную среду, — среду, переживавшую иные процессы культурной жизни по сравнению с той средой, откуда заимствованы те или иные литературные элементы. Эта судьба ярче охарактеризует сущность изучаемых литературно-художественных явлений. С этой точки зрения факты болгарской литературы еще не подвергались надлежащему анализу. А между тем материала для такого анализа очень много: новая болгарская литература с первых лет возрождения и до наших дней заимствовала, претворяла и усваивала много элементов других литератур. Воздействие шло преимущественно со стороны русской литературы, а в последнее время, со времени Пенча Славейкова, со стороны русской, немецкой и французской литератур.[1]) Выразительно говорил об этом воздействии П. Славейков по отношению к некоему Олафу ван Гельдерну, т. е. к самому себе (в предисловии к „Эпическим песням“). На него оказали сильное влияние немецкие писатели, в особенности трое изъ них: „эллин [Гете], иудей [Гейне] и шваб [Фолькельт]...“; „но его поэтические чувства и интересы вскормлены раньше всего русскими художниками слова. ... То, что̀ ван Гельдерн сначала инстинктивно воспринимал от них — искание человека и в звере —, уже как возмужавший певец он сам сознательно положил в основу своего творчества“ ... „Живые мощи“ Тургенева разрешили душевной кризис поэта. „Божественный учитель, ты, творец произведения „Живые мощи“, чей благородный образ есть образ моего спасителя! Разве ужасная судьба того полутрупа, который ты воссоздал с таким обаянием, не есть откровение для меня?... Свет, которым ты озаряешь чужую неволю, озарил и мою, — и прогнал помрачение, вызванное эгоистическими чувствами, затемнявшими мой взор“ . . В том же направлении шло воздействие от „Слепого музыканта“ Короленка. С большей полнотой и объективностью можно было бы изучить эти воздействия в более отдаленное время, — в период борьбы за освобождение. Как и в последующее время, главное влияние шло со стороны русской. Вот, напр., Райко (Ксенофонт) Жинзифов вдали от родных гор и долин юга, где-то в Москве воспевает горькую судьбу своей родины, Македонии. В стихотворении „К моей матери“ в трогательных стихах рисует он страдалицу мать — македонку; с печалью душевной, с слезами, капающими, как утренняя роса, остановилась она с наклоненной головой над своим малюткой-сыном.

Майко злощастна, ты майко страдалница...
Капатъ ти сьлзытѣ, какъ роса утрена,
Сладкы ль сѫ майко они?
Що си застанала, майко, надъ сына си,
Що си наведнала очи и клѣпкы си....
Пѣй му ты пѣсни за вѣчно тьрпѣніе,
Пѣй му ты, майко, му пѣй;
Пѣй и за негово вѣчно страданіе,
Пѣй му да нѣма въ душа си роптаніе,

---

[1]) О воздействии русских символистов, а также немецких и французских (Демела, Метерлинка, Верлена, Де Ренье и др.) на современных поэтов Болгарии см. общее указание в статье В. Пундева: „Нашата днешна лирика“ (Демократически Преглед. 1923, кн. VII—VIII).

Пѣй му и сьлзы не лѣй.
Пѣй му ты еще и за послушаніе,
Некъ іе какъ ягненце той на закланіе
Кротокъ и миренъ готовъ....

„Ядовита и саркастична жлъчь, съ която е написано това стихотворение отъ Жинзифова, се явява като продуктъ на състоянието на българския народъ прѣзъ 60-тѣхъ годинъ“, — замечает исследователь поэтического творчества Жинзифова[1]). Но это — пересказ несколько распространенный, стихотворения Некрасова: „В полном разгаре страда деревенская“ ... Сравните, напр , стихи:

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косынки,
Надо ребенка качать!
Чтȯ же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!
Слезы ли, пот ли у ней над ресницею —
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!
Вот она губы свои опалённые
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?....

Одиночество, беспомощность гнетет поэта. В такие минуты он с горечью пишет:

...За това я самъ себе ненавиждамъ и мразамъ,
Че си казвахъ, що земя я безполезно газамъ,
Че я цѣлы свѣты любамъ, а сумъ станалъ
Едничъкъ, самичъкъ, като скитникъ безъ рода....
Че и я сумъ сосъ страсти, сосъ желаня, сосъ злобѫ,
Че когато ме сьрдятъ, тѣ ми жлъчкѫ изливѫтъ.
Страсть иль злобѫ въ сьрце, тѣ ми силно разливатъ.
Да погинѫтъ искамъ да ми станатъ жьртва,
Но щомъ рѫка кренамъ, в той часъ става тя мьртва.

Это тоже пересказ стихоторения Некрасова: „Я за то глубоко презираю себя...“, — стихотворения, соответствовавшего настроению одинокого македонца. Сравн. стихотворение Некрасова:

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу, день за днем бесполезно губя....
Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,
Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,
И что злоба во мне и сильна, и дика,
А до дела дойдет — замирает рука!

Подобных примеров можно отметить длинный ряд. Весьма важно было бы подвергнуть такие фактические данные тщательному анализу в культурно-историческом и формальном отношениях.

---

[1]) Ихчиевъ. Р. К. Жинзифовъ. „Извѣстия на семинара по слав. филог.“ III, 527.

Об отделе болгарской народной словесности компетентное замечание сделано акад. М. Н. Сперанским. С своей стороны мы выскажемся только по одному пункту. Определяя задачи исследования произведений болгарской народной словесности, Б. Ангелов подчеркивает между прочим изучение связи болгарских народных произведений с соответствующими явлениями других народов. Указаны им по этому вопросу и некоторые работы: Матова, Драгоманова, Шишманова, Арнаудова, Халанского, А. Стоилова, Ю. Поливки, И. Франка (100—101). На эту задачу изучений в области народного творчества необходимо обратить больше внимания, чем это делалось до сих пор. Названные работы мало удовлетворяют запросам в этой области: в этих трудах недостаточно выяснена генетическая связь тех или иных болгарских произведений с соответствующими произведениями других народов. В этой области надо изучить прежде всего взаимоотношения болгарских славян с соседями в историческое время, — с греками, румынами, албанцами и турками. Эти взаимоотношения были в течение долгого времени весьма интенсивны. Они отражались на разных сторонах культурно-общественной жизни этих народов, в том числе на языке [1]) и на словесных произведениях их. В сказках, песнях, пословицах и поговорках отражаются эти непосредственные взаимоотношения. Не говоря о общности содержания ряда сказок балканских народов [2]), отметим одну общую черту в форме их. Именно, некоторые болгарские сказки имеют такой зачин: „Си било што не си било. Си бил еден многу сиромав чоек и си имал четири дечин'а . . .“ (напр. из Прилепа, Сборн. за народ. умотв. VIII, 182). Так обычно начинаются албанские, аромунские и турецкие сказки. Алб.: ište se tš-ište, i^{š}te nji hēr nji i pasεm . . ., ište se tš-ište, ište nji mret, kji kište tre tšuna . . . Так обычно и аромун.: tsi š erá, tsi nu š erá. erá un om tu unô kôsôbô mare . . . ; š erá tsi nu š erá, erá unô o̯arô un amirô š un satrazám . . .; š erá ši nu š erá, erá un vôsil'ôu . . . То же и в турецких сказках: bir varmĕš bir jokmuš insanĕn derdi čekmuš . . . и др.[3]) Общие черты представляют и некоторые лирические произведения балканских народов. Вот, напр., болгарская песня:

Петлите пејат, ден ми се денит,
Пуштај ме, бела Митро, да станем.

---

[1]) A. Seliščev. Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques. (Revue des études slaves. V, 1—2).

[2]) См. J. Поливка. „Бѣлѣжки къмъ приказкитѣ въ Шапкаревия „Сборникъ отъ български народни умотворения“, кн. VIII—IX. (Сборн. за народ. умотв. XVIII). A. Leskien. Balkanmärchen aus Albanien, Bulgarien, Serbien und Kroatien. Jena. 1919. P. Kretschmer. Neugriechische Märchen, Jena. 1919. (См. рецензию A. Salymossy в Ethnographia, № 30 (16). 1920, с указанием происхождения сюжетов). M. Lambertz. Albanische Märchen. Wien. 1922. G. Weigand. Albanische Grammatik. Leipzig. 1913. (Образцы). Его же. Die Aromunen. II. Leipzig. 1894. (Образцы). — В. Гордлевский. Указатель литературы османской сказки. (Живая старина XXII. 1912.)

[3]) См. напр. в сборнике Куноша (J. Cunos): Oszman-török népköltési gyűjtemény. II. Budap. 1889. — E. Cosquin считает такой зачин характерным для турецкой сказки. (Le Mongoles et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens. *Revue des traditions populaires.* Tom XXVII. 1912, № 9.)

— Нашите петли отвечер пеjат,
Почекаj, лудо-младо, поспаваj,
Полюбаj бело лице Митрино. —
Гуск'ите грачат, ден ми се денит,
Пуштаj ме, бела Митро, да станем.
— Нашите гуск'и отвечер грачат,

Почекаj, лудо-младо, поспаваj,
Полюби бело лице Митрино —
(Тетовский край. Сборн. за народн. умотв. XI, 53.[1])

Такой же мотив представлен и в аромунской песне, хотя детали отговорок несколько иные (вероятно, мне неизвестны другие варианты).

„Dḁde sḁarele tu yurgane,
skḁalô ń te ńikô skumpô. skḁalô ń te!"
— Nu ḭ sḁarele, kô ḭ luna,
bagô ń te, džone, bagô ń te,
l'a me de guše, bašô me,
katsô me de tsûtse, strûndze me,
l'a me de mese, bagô ń te! —
„Skḁalô ń te ńikô, skumpô, skḁalô ń te,
kô z dukŭ nvḁástile la bisḁárikô".
— Nu suntu nvḁastile, kô suntu mḁášile,
bagô ń te, džone, bagô ń te! — [2]).

Любопытны о с о б е н н о с т и стиля той и другой песни.

Говоря о болгарских пословицах и поговорках, Б. Ангелов приводит к некоторым из них параллели германские и романские (129—130). А еще бы лучше было указать примеры н е п о с р е д с т в е н н о й связи с пословицами балканских народов. Имеется, напр., ряд общих пословиц у болгар и турок.

Болг.: „От тебе сефтѐ, от бога берекет". — Тур.: „сенден сефтѐ, аллахтан берекет".

Болг.: „време бреме продава". — Тур.: „заман саман сатар" и др.[3])

На этом мы закончим нашу заметку о книге Б. Ангелова, — о лучшем из существующих общих курсов по болгарской литературе.

А. Селищев.

Dr. Josef Páta: **Úvod do studia lužickosrbského písemnictví.** Kriticko-bibliografický přehled posavadních prací o lužickosrbském písemnictví. V Praze 1925. Nákladem filosofické fakulty University Karlovy. (Sbírka pojednání a rozprav VII), 8⁰, str. 148.)

Docent języka i literatury łużyckiej na uniwersytecie karolińskim w Pradze, dr. Józef Páta, autor szeregu prac i artykułów szerzących znajo-

---

[1]) Переработка этой песни вошла в сборник К. Христова: „Самодивска китка", № I.

[2]) „Die Sonne schien auf die Decke, / steh' auf, Kleine, Liebe, steh' auf!" / — Es ist nicht die Sonne, es ist der Mond, / lege dich, Schatz, lege dich, / nimm mich um den Hals, küsse mich, / ergreife mich an den Brüsten, drücke mich, / nimm mich um die Mitte, lege dich! — / „Steh' auf, Kleine, Liebe, steh' auf / die Frauen gehen (schon) zur Kirche". / — Es sind nicht die Frauen, es sind die alten Weiber, / lege dich, Schatz, lege dich! — /. G. Weigand. Die Aromunen. II. 82—83.

[3]) См. у Б. Цонева: „Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми въ българский езикъ". София. 1911. Стр. 17, примеч.

mość łużyckiej kultury w swojej ojczyźnie, wystąpił niedawno z książką nową, która go stawia w rzędzie poważnych badaczy słowiańskich literatur. Dziełem tem jest Wstęp do studjum piśmiennictwa łużyckiego. Trzeba przyznać, że do napisania podobnego dzieła przygotowany był prof. Páta znakomicie. Długoletnie zajmowanie są łużyczczyzną, rozległe studja nad przeszłością i teraźniejszością Łużyc i Łużyczan musiały się odbić na książce czeskiego uczonego w sposób niezwykle korzystny. Dzięki nim stanow i ona całość o pełnych konturach, nie zaś obraz pobieżnie naszkicowany.

Zamiar opracowania wstępu do studjum piśmieinnctwa łużyckiego powziął prof. Páta przy układaniu łużyckiej czytanki (Lužickosrbská čítanka. Výbor z lužickosrbského písemnicví. V Praze 1920, str. XI + 426). Kiedy bowiem przyszło podać pewne, bynajmniej nie szczegółowe informacje bio- i bibljograficzne o autorach, z których urywki wybrano do czytanki, okazało się, że nawet w tym zakresie spotkamy się w wielu, bardzo wielu wypadkach z brakiem wiadomości nieraz podstawowych. A cóż dopiero mówić o estetycznej analizie płodów literatury łużyckiej, o ocenie ich roli w rozwoju kultury łużyckiej, o wyznaczeniu odpowiedniego im miejsca w gronie literatur słowiańskich. Wypełnić te braki będzie mogło tylko systematyczne zbadanie dziejów literatury łużyckiej, do czego krokiem pierwszym jest właśnie omawiana tu książka.

Nie znaczy to wszystko jeszcze, abyśmy dotąd żadnego nie mieli wyobrażenia o historji piśmiennictwa najmniejszego narodu słowiańskiego. Wskazać przecież można na kilka prac, które w rysach coprawda ogólnych z piśmiennictwem tem nas zapoznają. Wystarczy wymienić Łużyczanom poświęconą część wielkiej historji literatur słowiańskich Pypina i Spasowicza, która się pojawiła w latach 1879 (t. I) i 1881 (t. II). Część tę zaraz w r. 1881 przyswoił swoim rodakom Jan Ernest Smoleŕ, wydając ją w osobnej broszurce p. t.: Stawizny łužisko-serbskeje literatury. W trzy lata później inny Łużyczanin, Jan Bohuwěr Pjech ogłosił niemiecki przekład łużyckiego rozdziału literatury Pypina i Spasowicza, dopełniwszy go na podstawie własnych badań. Przekład nosi tytuł: Das serbisch-wendische Schrifttum in der Ober- und Niederlausitz (Leipzig 1884, str. 64). Przez długi okres czasu łużycka część dzieła Pypina i Spasowicza we wszystkich wymienionych trzech redakcjach była jedynem cośkolwiek obszerniejszem ujęciem dziejów literatury łużyckiej, a zarazem powszechnie używanem źródłem informacyj w tym kierunku. Zwolna wyparły ją i zastąpiły prace inne, zwłaszcza Adolfa Černego, znanego łużyczanofila czeskiego. W ich licznym i cennym szeregu znajdziemy dwa zarysy ujmujące większą całość, a mianowicie: Stawizny basnistwa łužiskich Serbow. I. Basnistwo hornjołužiskich Serbow (Budyšin 1910, str. IV + 109), dzieje górnołużyckiej poezji, a nadto krótki szkic dziejów łużyckiego piśmiennictwa, zawarty w książce: Lužice a lužičtí Srbové (V Praze 1911, str. 121—147). Ale rozprawy powyższe nie dają i dać nie mogą odpowiedzi na mnóstwo zagadnień łączących się z dokładnem rozpatrzeniem historji

literatury łużyckiej. Odpowiedź tę dać będzie można dopiero na podstawie większej ilości prac przygotowawczych. Jedną z nich, najlepszą i najobszerniejszą jest książka prof. Páty.

Pomijając pomieszczony w dziele ze zrozumiałych względów rozdział o pochodzeniu Łużyczan i losach narodowości łużyckiej, zwrócimy uwagę na część istotną rozprawy, która, jak głosi jej podtytuł, jest krytyczno-bibljograficznym przeglądem dotychczasowych prac o łużyckiem piśmiennictwie. Zanim je jednak rozpatrywać pocznie, przedstawia nam prof. Páta warunki, w jakich literatura łużycka zakwitła, w jakich się zrazu, od połowy w. XVI począwszy, rozwijała, jaki charakter nosiła, poczem dopiero przechodzi do zakreślonego sobie zadania. Zaczyna od dzieła Jerzego Körnera p. t.: Philologisch kritische Abhandlung von der wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften (1766). Podnosi jego znaczenie, jako apologji narodu i języka łużyckiego, co tem ciekawsze, że Körner był przecież Niemcem. Wartość książki dla kwestyj poruszanych przez prof. Pátę polega na tem, że po raz pierwszy spotkamy się w niej z uwagami na temat literatury łużyckiej. Uzupełnia ją wcale obfity spis znanych Körnerowi druków łużyckich, będący zarazem najdawniejszą łużycką bibljografją. A dalej omawia prof. Páta inne dzieła w. XVIII, z których zaczerpnąć można wiadomości o piśmiennictwie łużyckiem. Załatwiwszy się z niemi wnika w dorobek historyczno-literacki epoki odrodzenia narodowości łużyckiej, t. zn. pierwszej połowy w. XIX. Okres ten wedle stwierdzenia autora nie sprzyjał rozwojowi badań literackich. Nie należy tego oczywista rozumieć, jakoby wogóle nic podówczas nie zdziałano w tym kierunku, owszem, nie zapominano o studjach literackich. Że jednak siły łużyckich patrjotów pochłaniała walka o rozbudzenie w ludzie łużyckim poczucia narodowego, nic więc dziwnego, iż nie zdobyto się wtedy na większą całość. Nie przyniosły jej zresztą, poza wymienionemi powyżej szkicami, takiże czasy późniejsze, jakkolwiek z niesłychanym, jak na stosunki łużyckie, wzrostem produkcji literackiej, coraz żywiej poczęto się zajmować naukowem jej opracowaniem. Dokładna analiza krytyczna wszystkich znanych autorowi książek, rozpraw i artykułów tego rodzaju, określenie ich znaczenia, wskazanie na braki ułatwi bardzo znacznie pracę przyszłemu historykowi łużyckiego piśmiennictwa.

Starając się zebrać w swojem dziele wszystko, co w tej mierze napisano, sięgnął autor także do przyczynków, jakie wyszły z pod pióra wielu cudzoziemców, nie ograniczył się tylko do dorobku Łużyczan i Czechów, tak zasłużonych pod każdym względem wobec najmniej licznego szczepu słowiańskiego. Całkiem słusznie, boć przecie w niejednym z tych przyczynków znajdzie się myśl trafna, spostrzeżenie wartościowe. Rzeczy jednak nie wyczerpał. Nie zaglądnął na przykład prof. Páta do sumiennej Bibljografji słowianoznawstwa polskiego (Kraków 1911), jaką zestawił nieodżałowany polski słowianofil Edmund Kołodziejczyk. A szkoda. Znalazłby tam kilka pozycyj nieobojętnych, nie przemilczałby interesujących wrażeń Michała Bobrowskiego z pobytu na Łużycach w r. 1822, które polski podróżnik pisał ze szczególnem nastawieniem

uwagi na literaturę łużycką.[1]) Nie godziło się pominąć milczeniem spisu więcej niż trzydziestu ważniejszych druków łużyckich i rękopisów, jakie Bobrowski znalazł w bibljotece Towarzystwa Naukowego w Zgorzelcu, zwłaszcza że skrupulatnie notuje prof. Páta podobne wykazy. Wartało też przypomnieć wiadomości, jakie podaje Bobrowski o Handriju Lubjenskim (1790—1840), pisarzu i działaczu łużyckim oraz rozmowę, jaką z nim prowadził na temat języka i piśmiennictwa łużyckiego. Należało następnie wspomnieć przynajmniej artykuły Melanji i Alfonsa Parczewskich, którzy dobrze znając Łużyce przez lat wiele dokładną zdawali sprawę z łużyckiego ruchu literackiego w polskich czasopismach. Trzeba było wreszcie koniecznie zaznaczyć w odpowiedniem miejscu B. Erzepkiego: Drobny przyczynek do bibljografji piśmiennictwa dolno-łużyckiego, Ateneum 1888, III, str. 149—152, w którym publikuje dwa dolnołużyckie czterowiersze z r. 1718, będące, jak powiada Erzepki, pierwszym zawiązkiem świeckiego piśmiennictwa na Dolnych Łużycach.

Uważam za rzecz wskazaną przedrukować w czasopiśmie specjalnie slawistycznem te dwa wiersze i uprzystępnić je przez to badaczom języka i literatury łużyckiej. Oba te drobne utwory wypisał Erzepki z broszury in folio będącej własnością miejskiej bibljoteki we Wrocławiu, a zatytułowanej: »Pietatis Observantiaeque Symbola Ex Jacobi Typotii Variis diversorum Principum Symbolis In Anniversaria Festivitate Onomastica Viri Praecellentissimi Amplissimi Ervditissimique Domini M. Sigismvndi Cleemanni Philologi ac Polyhistoris Praeclarissimi nec non Athenaei Guben. Rectoris longe meritissimi Die II Maji A. R. O. MDCCXIIX. Auspicato affulgente Votis devotis collecta et Apollini suo Ne ἀσίμβολοι essent Sancta Religione consecrata a Devinctissimis Superioris Auditorii Alumnis. Gubenae Excudebat Johannes Henr. Hofmann.«

»Broszura ta — mówi Erzepki (l. c. 150) — liczy 7 kart, opatrzonych u dołu sygnaturą *B—D* i zawiera przeważnie wierszowane płody kilkudziesięciu uczniów superioris auditorii gubińskiej szkoły, na cześć Zygmunta Cleemanna, zasłużonego rektora tejże szkoły, ułożone i celem uświetnienia dnia jego imienin wydane.«

Pomiędzy nie zabłąkały się także dwa dolnołużyckie czterowiersze, ogłoszone na ostatniej karcie tergo. »Są one wydrukowane literami gockiemi. W nagłówku, jak przy wszystkich innych wierszach, mieści się symbolum z Typotiusa, u spodu podane jest imię i nazwisko, oraz miejsce pochodzenia autora« (l. c. 151). Brzmią one następująco

1.

Virginius Vrsinus, Dux Bracchianum, Rotam L. Rerum vicissitudo.

KNes Rector Bog dai was westaunei Glusä qveschisch
Won kschel wam kuschdi Zaß ten Schen Smerom dasch sweschisch,
Won scharsch' was kuschdi Zaß pschi swojim swetim Slowe,
Won nekschel Nestrowostz, dasch sato lube Strowe.

Johann Landwogt/Horna Lus.

[1]) Wyjątek z dziennika podróży po Wyższej Luzacji przez X. Michała Bobrowskiego, Kanonika katedry brzeskiej unickiej, w roku 1822 odprawionej. Dziennik wileński, t. I, 1824, str. 261—283.

2.

Antonius Medices, Magnus dux Hetruriae, Arbusculas excrescentes, L. Tandem.

KNes Huſabnik aſch my jak Bomky newoſtali,
Tho myßmy waſchom fleiß' a wernoſchz' pſchipißali,
Boz kſchel was wot Nebia Kronnowaſch ſwelikeu Glucku,
Won kſchel was pſcheze wiaſtſch ſe ſwoieu motzneu Ruku.
Chriſtian Friedrich Schmidt, Zaednig. March.

Bliższych wiadomości o autorach Erzepki wyśledzić nie zdołał. »Jan Landwogt pochodził, jak opiewa dołączony do jego nazwiska dopisek, z Horna = Horno, po serbsku Rogow, wsi, która i dzisiaj [t. zn. w r. 1888] jeszcze pozostała serbską i jedyna w całym gubińskim powiecie oparła się skutecznie germanizacji. Krystjan Fryderyk Schmidt zaznaczył jako miejsce urodzenia swego Zaednig = Sehdenick, po serbsku zapewne Sadnik. Jest to miasto położone w Marchji brandenburskiej, w powiecie łęplińskim, nad Hawolą, oddawna już zgermanizowane.

Ani Landwogt ani Schmidt nie zasłynęli w historji dolnołużyckiego piśmiennictwa i nazwiska ich nie przedostały się do szczupłego zastępu tych dzielnych, którzy wśród najniekorzystniejszych warunków ojczystą mowę swoją usiłowali podnieść do znaczenia języka literackiego. Cała ich w zakresie ojczystego piśmiennictwa działalność ogranicza się, jak się zdaje, do tego jednego na ławach jeszcze szkolnych literackiego debiutu. Niemniej przecież należy im się na karcie dziejów dolnołużyckiego piśmiennictwa wdzięczne wspomnienie« (l. c. 152).

Przez uwzględnienie podkreślonych powyżej rozprawek a także innych artykułów podobnych praca prof. Páty zyskałaby niewątpliwie na pełności. Wolno wyrazić nadzieję, że znajdą one pomieszczenie w drugiem wydaniu tej cennej książki, a w każdym razie, że zapozna się z niemi prof. Páta przed rozpoczęciem pisania dziejów literatury łużyckiej, do czego nikt bardziej od autora Wstępu nie jest upoważniony. Przypuszczam, iż nie uchyli się prof. Páta od tego trudu, w którego zwalczaniu już część znaczną z dużem powodzeniem przezwyciężył. Nie sam bowiem Wstęp tylko składa się na owoce tego systematycznego zwyciężania. Zauważymy pomiędzy niemi również kilka innych prac źródłowych, które w wybitny sposób przyczyniły się do należytego oświetlenia odrodzeńczego ruchu łużyckiego.[1]) Napisanie wyczerpujących dziejów łużyckiego piśmiennictwa jest poprostu moralnym obowiązkiem prof. Páty wobec nauki słowiańskiej.

Kraków.

Witold Taszycki.

---

[1]) Neznámé listy lužického buditele Handrije Lubjenského do Čech. Čas. pro mod. fil. a lit. IX, 1922/23, str. 30—40 i 116—24.

Handrij Zejleř a jeho styky s Čechy a Slováky. Čas. Národ. Mus. 1923, str. 143—58.

Z čěskeho listowanja Jana Arnošta Smolerja. W Budyšinje 1919, str. 172 i Čas. Mać. Sersk. LXXV, 1922, str. 71—80.

Lužickosrbské národní obrození a československá účast v něm. Slavia II, 1923/24, str. 344—70.

Dr. Bonkáló Sándor, egyetemi tanár: **Az orosz irodalom története** (13—14 köt. »Élet és Tudomány«, Athenaeum kiadása, Budapest, 1926, I—203, II—210 old.).

Dr. Aleksander Bonkáló, universitní profesor: **Dějiny ruské literatury** (13—14 sv. serie »Život a Věda«, vyd. nakladatelstvím Athenaeum, Budapest, 1926, I—203, II—210 str. Cena?).

Před námi leží dva vkusné svazky kapesního formátu, 13 a 14 sešit serie »Život a Věda«, vydávané pro širokou veřejnost známým starým nakladatelstvím Athenaeum v Budapešti.

Prof. A. Bonkáló, rodem Karpatorus, syn venkovského učitele církevní řeckokatolické školy v Rachově v Maramarošské stol., po dokončení gymnasia a duchovního semináře v Užhorodu studoval na budapeštské universitě slovanskou filologii u známého slavisty prof. Asbotha, pak v Lipsku u prof. Leskiena, později, již jako doktor filosofie, na petrohradské universitě u prof. Lavrova, Platonova, Šljapkina, Baudoina de Courtenay, a hlavně u zesnulého akademika Šachmatova. Z pera prof. Bonkáló vyšlo několik prací z oboru slovanské vědy, výhradně karpatoruské dialektologie, leksikologie (o vlivu maďarského jazyka), syntakse, dějin a rovněž stati o ruské literatuře a historii. R. 1918 zaujal tehdy založenou slolici maloruského (rutén) jazyka a literatury na universitě P. Pázmánye v Budapešti. V svých pracích ukázal přísnou vědeckou metodu, kterou mu předali jeho vědečtí vůdci.

Právě vyšlé jeho »Dějiny ruské literatury« již při běžném prohlédnutí budí příjemný dojem. Za prvé tím, že správně transkribuje maďarskou grafikou jména ruských spisovatelů: »Tolsztoj,[1]) Dosztojevszkij, Koljcov, Osztrovszkij«, místo forem, dosavad užívaných v maďarské literatuře, *zdánlivě* podávajících ruskou literární výslovnost: »Tálsztoj, Dásztájefskij, Káljcof, Ásztrofszkij« atd. Za druhé tím, že obnovuje původní názvy literárních děl místo libovolných, vzniklých částečně tím, že mnozí maďarští překladatelé překládali ne z ruského originálu, nýbrž z německého překladu.[2]) Tak »Na dně« M. Gorkého jest nazváno: »Éjjeli menedékhely = Nachtasyl«, u Bonkáló: »Az élet fenéken = Na dně života« (I, 5) atd. Podle autora, maďarské překlady ***klasiků*** ruských jsou dosti uspokojivé, ale ***vůbec*** jest mnoho špatných překladů. Jest přeloženo hodně z druhořadých a třetiřadých spisovatelů, ale není překladů z Lěskova, Grigoroviče, Aksakova, Saltykova, Bunina, Remizova a j. (I, 4).

Překlady výňatků, které pořídil sám autor ve své knize, plně nás uspokojují: jsou blízké originálu, jasné a lehké. Autor dokonce se zdařile vypořádal i se svérázným, čistě lidovým jazykem protopopa Avvakuma (I, 161—166).

Při dalším čtení jsme se přesvědčili, že autor píše ne na základě slov cizích, ne na základě již existujících dějin literatury, ale na základě

---

[1]) Podle maďarské grafiky *s* = *š*, *sz* = *s*; *a* jest krátké *a*, blížící se k moskevskému nepřízvučnému *o*, *á* jest dlouhé *a*.

[2]) My jsme ostatně spláceli stejným. Tak, známá »Tragedie člověka« Madáchova (Az ember tragédiája) jest přeložena rovněž z němčiny, jak jsme se svého času přesvědčili, když jsme srovnávali překlad s originálem. Překladatel — kdo to byl, již se nepamatuji — to zamlčel.

probadání originálů v ruském jazyku, jejž naprosto ovládá, a snaží se říci ne běžný, ale svůj osobní soud. XI. kapitola 2. dílu, zasvěcená spisovatelům porevolučním: Kljujevu, Jeseninu, Kazinu, Zamjatinu, Pilňaku, Vsev. Ivanovu a j., nás přímo udivila: jak při obtížných nynějších knihkupeckých poměrech mohl prof. Bonkáló sebrati div ne úplný soubor této literatury. Mnohé knihy jsme osobně pouze u něho viděli.

Kromě toho pozorujeme u autora, že jest důkladně obeznámen s ruskou i cizí kritickou literaturou.

Když se nám dříve dostávaly do rukou knihy o Rusku — obzvláště populární — cizích autorů, tu — s řídkými vyjímkami — bývali jsme ohromeni neinformovaností, často úžasnou neznalostí dějin ruského národa a Ruska, ani nemluvě již o nepřátelskosti a pohrdání u většiny autorů. Přiznáváme se, že i v tomto případě nebyli jsme prosti obav. Na štěstí nebyly oprávněné. Lze nesouhlasiti s jednotlivými úsudky autorovými (na př. s jeho názorem na hetmana Mazepu (II, 20), nebo s charakteristikou Kateřiny II, I, 170), ale všeobecně jest patrno, že autor se dobře vyzná i v této oblasti. Ne nadarmo nacházíme u něho odkazy na Ključevského, Platonova, Miljukova, Golubinského. Zaznamenáme ba i maličkost: cara Ivana »Hrozného« nazývá ne obvyklým epitetem v maďarské literatuře: Rettenetes (= le Terrible, der Grausame), nýbrž Szigorú (přísný), což úplně odpovídá významu slova »groznyj« v lidu (I, 135).[1]) Vždyť i Ivana III. nazývali současníci »Groznyj«.

Jen jedno bychom považovali za úplně neodpovídající historické pravdě. Autor, když ukazuje na hlubokou roztržku v XVIII.—XIX. stol. mezi inteligencí a lidem, na různou vzdělanost, různou duši v každém živlu, vzájemné nechápání a odcizení (I, 9, 17—18 a násl.), vztahuje tuto roztržku k nejdávnějším dobám, k přelomu, který byl přinesen do ruského národa již přijetím křesťanství. Naopak! Stará dopetrovská Rus byla ve všech vrstvách národa jediným kulturním organismem. Od bojarských paláců až do selské světničky spojovala lidi stejná víra, stejné »dvojvěří«, stejné pověry, stejné obyčeje při narození, křtinách, svatbách atd., stejné svátky, posty, zábavy, písně, hody, domácí řád, zkrátka — celé složení života. Různost byla v bohatství, sociálním postavení, ve stupni vzdělanosti či spíše gramotnosti, ale *duší* byly si všechny vrstvy blízko a vzájemně si dobře rozuměly. Rozpor byl způsoben západní civilisací a roztržka — revoluční činností Petra I.

Na štěstí tato nesprávná představa zůstala jen na těch stránkách, na nichž byla vyřčena, a neměla vlivu na další výklad.

Nemáme v úmyslu podati důkladnou recensi »Dějin rus. literatury« prof. Bonkáló, rozebírati jeho soudy a vývody, nýbrž omezíme se na krátký referát, abychom seznámili veřejnost s jejím obsahem.

---

[1]) Čes. »hrozný«, podle formy totožné s ruským »groznyj«, není však totožné s tímto podle smyslu; »groznyj« = *velmi přísný, ale spravedlivý*. Srv. na př. známou ruskou národní píseň: »Ach vy sěni moji, sěni« — na konci: »V rodném kraji žije *hrozný* můj tatík. On jest hrozný — nedovoluje mi, mladistvé, toulati se pozdě večer s molodcem«. Čes. »hrozný« = schauerlich, schrecklich, gräulich, furchtbar, entsetzlich, haarsträubend (Herzer a Prach, Č. něm. slovník).

V kapitole I. »Úvod« (I, 6—57) autor na začátku ukazuje na nesprávnost názoru, všeobecně rozšířeného v Západní Evropě i v Maďarsku, názoru, jako by ruská literatura »byla nejmladší ze světových literatur, která trvá pouze 1, 1½ století, jakoby před tím po staletí byla v Rusku jen tma nevzdělanosti, hrubé barbarství, a najednou na začátku XIX stol., jako kouzlem, zázrakem rozkvětla literatura nejen znamenitá, nýbrž i zajistivší si v mnohém ohledu první místo ve světových literaturách. Taková představa jest naprosto nesprávná. Nová ruská literatura tkví kořeny ve *staré ruské literatuře*, jejíž jest pokračovatelkou, a v *lidové tvorbě*« (I, 6—7).

»Ruští spisovatelé hned od počátku literatury snažili se sloužiti společenskému uvědomení a sociálním idejím, s celou upřímností a hloubkou hledali pravdu, hlásali lásku k lidstvu, protestovali proti společenské nespravedlnosti. Nepěstovali umění pro umění, dívali se na literaturu jako na katedru, s níž »vates« — básník, a současně prorok i učitel — hlásá ideje štěstí lidstva. Tento rys učitelský nacházíme ve starých kázáních, v středověkých kronikách, u potulných pěvců. Autor Slova o pluku Igorevě, Vladimir Monomach v Naučení dětem, Daniil Zatočnik jsou právě tak sociální spisovatelé, jako kterýkoliv z autorů XIX stol. Dostojevskij a Tolstoj jsou potomky středověkých ruských apoštolů« (I, 8—9).

Proto autor zasvěcuje více než jednu třetinu I. dílu III. kapitole »Stará ruská literatura do konce XVII. stol.« (str. 99—167). Její obsah jest tento: 1. Perioda kijevská: Překlady, Feodosij Pečerskij, Apokrify, Daniil Zatočnik, Letopisy, Vladimir Monomach, Slovo o pluku Igorevě; 2. Perioda přechodná čili Suzdalská: Kázání, Životy svatých, Kroniky; 3. Moskevská: Korespondence Ivana Hrozného s Kurbským, Stoglav, Domostroj, Životy svatých, Historické povídky, Cestopisy, Romány; 4. Začátek západního vlivu: Slovo o zlých ženách, Šemjakin soud, Savva Grudcyn, Kotošichin, Rozkol, Protopop Avvakum, Vliv Kijeva a Malé Rusi.

V této kapitole máme ne suchý bibliografický rejstřík, ale řadu živých, lehce nakreslených náčrtků, karakterisujících odraz v literárních dílech národního ducha epochy, vysvětlujících typy tvoření, ukazujících na spojení s pozdějším rozvojem literatury. Tento ráz jest vlastní celé práci prof. Bonkáló.

Druhému kořenu součastné ruské literatury, lidové slovesnosti, posvěcena jest kapitola II. (str. 57—98): Obřadní písně, Zaříkávání, Zaklínání, Epos, Historické písně, Zbojnické písně, Duchovní verše, Legendy (Petr a Fevronija, Kitěž a j.), Pohádky, Přísloví, Současná lidová píseň (m. j. »častuški«).

IV. kapitola (str. 167—200): Od Petra Velikého do Puškina. Není ovšem zapotřebí vypočítávati jména spisovatelů. Lomonosova nazývá autor »nejvelkolepější postavou po Petru I« (str. 169), ale bohužel nepřipomíná geniálnost Lomonosovu v jeho specialitě, přírodních vědách, kde Lomonosov o mnoho, někdy i více než o století, předstihl svou dobu (i se západoevropskou vědou). Bez této stránky nelze pochopiti velikosti bělomořského genia!

V 2. díle: Kapitola V (str. 3—25): Puškin (str. 3—23) a jeho doba. »Puškin jeden z nejznamenitějších spisovatelů světové literatury, největší

ruský básník, málo jest ještě známý mimo svou vlast. Jeho básně jsou nepřeložitelné, jimi se může kochati jen ten, kdo čte v originále. Jeho styl jest neobyčejně elegantní, stručný, jasný a tak melodický, že Puškinovy verše dlouho ještě po přečtení zvučí v našich uších. Puškin jest Janus ruské literatury. Jedna jeho tvář hledí do minulosti, druhá do budoucnosti. Puškin jest mezníkem staré literatury a základním kamenem nové. Co krásného a ušlechtilého vytvořil ruský duch do konce XVIII stol., všechno Puškin soustředil v sobě a současně ukazuje cestu, po níž musí jíti budoucí spisovatelé. Každý z nich se učí u Puškina, básnické proudy XIX stol. vycházejí z něho« (str. 3, 22.); »Goethe, Schiller, Byron, Arany (maďarský básník) — ani jeden z nich v kráse formy nejen ho nepředčil, ale ani se mu nemůže rovnati«. (str. 22). Srv. rovněž o jazyku Puškinově (str. 23).

Jak u Puškina, tak i u jiných velkých spisovatelů prof. Bonkáló podává náčrt jich života, pokud je to nutné k vysvětlení rozvoje jich talentů, jich duševní bytosti, jich světového názoru, seznamuje nás s typy, jež vytvořili v různých svých dílech, a s idejemi, jež se v nich odrazily, určuje vliv, který na ně měl duch doby a jejich vliv na ducha doby. Náčrty autorovy nemají rázu ani »catalogue raisonné« děl autorů, ani jich formuláře. Naučiti se ruské literatuře z knihy prof. Bonkáló nelze, ale to, co si položil za úkol, splnil neobyčejně zdařile. Jak sám prohlašuje, nechtěl »napsati vlastné dějiny ruské literatury, nýbrž jen ***průvodce*** (útmutató), ***příručku*** ke čtení a chápání ruských spisovatelů a k odhalení ruské duše«. (I, 14).

VI. kapitola (str. 25—45): Gogol' (str. 25—44), Bělinskij. VII kapitola (str. 46—131): Škola Puškinova a Gogol'ova: 1. Pěvci světobolu (str. 46—53), m. j. Lermontov (47—52). 2. Básníci čistého umění (53—56): Majkov, Polonskij, Fet, Mej, Aleksěj Tolstoj. 3. Lidoví básníci a národníci (56—61): Kol'cov, Nikitin, Surikov, Někrasov. 4. Realisti (61—131): *a)* »obličiteli« (odhalovatelé) (67—93): Grigorovič, Gercen, Turgeněv (71—86), Gončarov, Aksakov, Ostrovskij; *b)* Moralisti (93—131): Dostojevskij — »největší romanopisec Evropy« (93—110), Tolstoj (110—131).

VIII. kapitola (131—167): Ostatní spisovatelé do konce století (od Zlatovratského a Uspenského do M. Gorkého).

IX. kapitola (168—186): Dekadenti a symbolisti (od Bal'monta a Brjusova do L. Andrejeva). X. kapitola (187—193): Ostatní spisovatelé XX. stol. (od Bunina a Kuprina do Teffi a Zajceva). XI. kapitola (193—208): Porevoluční spisovatelé (viz výše).

Z počtu stran jest patrno, na kterých spisovatelích prof. Bonkáló soustřeďuje úplně správně svou pozornost. Jako vzor úsudků o spisovatelích, jimž vzhledem k rozměru své knihy nemohl posvětiti mnoho místa, uvedeme celý úsudek o Lěskovu (str. 138—139): »Lěskov (1837—1895), na začátku psal pod jménem Stebnického. Jeden z nejvýznačnějších ruských spisovatelů, byl prostě umlčen kritikou, poněvadž v každém dovedl vyvolati nepřátelský cit vůči sobě.[1]) V románu »Nekuda« (1864), který má ráz pamfletu, napadá nové lidi: socialisty, nihilisty a radikály. Hlavním jeho románem jsou »Soborjane« (1878), jejich hrdi-

---

[1]) A my dodáme: a příliš směle plul »proti proudu«.

nové jsou kněží. Tuberozov dostane se do konfliktu s vrchnostmi,[1]) poněvadž vážně se dívá na své poslání, žije a jedná podle zákona Kristova. V důsledku lživého obvinění Tuberozova zbavují hodnosti.

Skutečný talent Lěskovův projevuje se v povídkách, a jako novelista snese srovnání nejen s Čechovem, nýbrž i s Turgeněvem. »Zapečetěný anděl« patří svým humorem k nejzdařilejším povídkám světové literatury. Velmi zajímavé jsou jeho legendy, čerpané ze »Životů svatých«, a povídky ze selského života. Lěskov — novelista má místo mezi ruskými klasiky, jeho romány však nejsou zdařily. Lěskov jest nejruštější spisovatel, není v něm stopy po vlivech Západu. Lěskov v mnohém měl vliv na novorealisty XX. stol., Remizov ho prostě sleduje.«

Tím končíme svůj referát. Domníváme se, že »Dějiny ruské literatury« prof. Bonkáló plně by si zasluhovaly překladu do jiných jazyků a především do slovanských, zasluhovaly by si co největšího rozšíření a nebyly by bez ceny ani pro ruské čtenářské kruhy.

Praha 17./III. 1926.

Prof. dr. A. Petrov.

А. Н. Островский: **1823—1923. Сборник статей под редакцией** Б. В. Варнеке. Одесса. Государственное Издательство Украины. 1923; 194 стр.[2])

Содержание сборника разбито на три отдела. Первый представлен статьей З. И. Чучмарева „Социально-экономический момент в творчестве Островского. (Опыт марксистского освещения.)“ Начав с разбора мнений предшествующих критиков об Островском, Чучмарев старается далее подвести социально-экономический базис под творчество Островского, считая его произведения отражением наступившей к 60-м гг. новой эры в истории экономической жизни России, а именно, смены русского „феодализма“ эпохой капитализма. Вот почему почти во всех пьесах нашего драматурга выступают, главным образом, купцы, реже разночинцы-интеллигенты; дворянство-же представлено в них отрицательными типами, вроде Вихорева, Кучумова, Гурмыжской; главным-же движущим фактором в пьесах Островского, не только из купеческой жизни, являются деньги.

В связи с различным отношением Островского в различное время к русской буржуазии, сменившей знатное дворянство, автор рассматриваемой статьи различает три периода в истории творчества нашего драматурга: в 1-й период (напр., в „Грозе“) молодой, свежий талант дает сильные характеры; пьесы этого периода — „драмы характера“; во 2-м периоде (от 60-х до 70-х гг.), отчасти под влиянием радикальной печати 60-х гг., Островский создает комедии-сатиры на самодуров, рядом с которыми часто выводится умный и образованный „пролетарский интеллигент“; в пьесах 3-го периода („Поздняя любовь“, „Трудовой хлеб“ и др.), каковые можно назвать „драмами положения“, „нет нрав-

---

[1]) Není tomu docela tak: Termosesov jest karierista (když ne něco horšího) v rouchu »levých«.

[2]) Cf. Slavia IV., 410.

ственного возражения против денежной силы": Островский примирился с совершившимся фактом русской жизни.

Во втором отделе и по месту и по своему интересу занимает статья проф. Б. В. Варнеке „Приемы творчества Островского" (стр. 53—75). Указав на близость Островского к театральному миру, проф. Варнеке во II-й главе своей статьи возражает тем, кто считает Островского учеником Гоголя. В III-й главе проф. Варнеке вскрывает один из главнейших сюжетов Островского; а именно, в шестнадцати его пьесах главным мотивом является сила любви; „История одного увлечения" — название пьесы одного позднейшего русского драматурга — могло-бы быть наилучшим определением этого основного мотива у Островского.

Некоторым противоречием положениям и методу статьи Чучмарева является следующая по порядку во II-м отделе статья Н. Кашина „К характеристике одного типа у А. Н. Островского", отдающая отчасти дань формально-эстетическому методу. Н. Кашин проследил у Островского изображение типа „искателя богатых невест" (Бальзаминов и др.), которое он ставит в связь с вопросом о технике и приемах творчества нашего драматурга, между тем как его прекрасно можно объяснить как результат власти тех-же денег. Проделанная Н. Кашиным тщательная работа вознаграждается очень скромными выводами: Островский ставил тип искателя богатых невест в различные положения, окружал разными лицами, пользовался (как это давно уже установлено) приемом контрастов и выводил иногда двух представителей одного и того-же типа, из которых один играл второстепенную роль (стр. 98—99). Право, для таких результатов не следовало-бы начинать работу.

Следющая статья: Первенец Островского „Свои люди — сочтемся", принадлежащая А. М. Де-Рибасу, повествует, главным образом, о перипетиях, которые пришлось пережить этому драматическому первенцу русского драматурга.

Последняя статья II-го отдела „Пейзаж и жанр у Островского", написанная М. П. Алексеевым, также отражает влияние формально-эстетического метода. По мысли автора, „литературная эпоха, к которой принадлежал Островский, обязывала его быть жанристом и пейзажистом" (стр. 159).

III-й отдел представлен материалами об Островском. Вот его содержание: М. П. Алексеев „Островский в Одессе" и „Запрещение ‚Грозы' в Одессе", И. С. Зильберштейн „Неизданное письмо Островского", И. П. Перван „Островский на сцене" и Б. В(арнеке) „Островский и Достоевский".

П. Бузук.

Р. М. Волков: **Исследование о сказке,** Одесса, Гос. Издат. Укр., 1924, 240 + V (V—IX) стр.

После введения о русской сказке вообще и о приемах сказочного стиля проф. Волков вторую и значительно большую часть своей книги (начиная с 65 стр.) уделяет рассмотрению сказок о невинно-гонимых. При исследовании русских сказок со стороны стиля и сюжета проф. Волков применяет особый метод, обозначая различные стороны сказки

строчными буквами с цифрами справа: так, зачин обозначается буквой a с различными цифрами справа внизу (напр., через a_1 отмечен хронологический зачин: жили-были, через a_2 — топографический: в некотором царстве, в некотором государстве и т. д.), буквой b с цифровыми показателями справа обозначены варианты сказочного исхода, знаки c_1, c_2, c_3 и т. д. соответствуют различным модификациям сказочной завязки, d_1, d_2, d_3 — вариантам сказочной развязки и т. д.

Переходя затем к формальному анализу русских сказок о невинно-гонимых, проф. Волков обозначает главные варианты этих сказок прописными буквами A, B, C. Главная редакция этих сказок (о мачехе и падчерице) распадается по композиции своей на три таких главных сюжета: преследование мачехой кроткой падчерицы (A с различными показателями), спасение падчерицы и ее торжество (C) и отправление мачехой своей дочери в лес (B). Общие черты стиля и сюжета сказки о мачехе и падчерице проф. Волков определяет следующей формулой: $a\,c\,A\,A^2\,C\,.\,C^2\,.\,—\,B\,.\,C^3\,.\,C^4\,b$.

Разобрав тщательно все варианты великорусских, белорусских и украинских сказок о мачехе и падчерице, затем родственных сказок о подмененной жене, об оклеветанной сестре и др., проф. Волков резюмирует в конце книги (перед Addenda, стр. 215—221) все сказанное им о схемах и редакциях сказок о невинно-гонимых; полученные выводы не вполне, однако, оправдывают кропотливой работы автора, сложными формулами придавшего своей книге вид алгебраического задачника.

П. Бузук.

Zbirka jugoslavenskih ornamenata. Svezak 1. Izdaje Etnografski muzej u Zagrebu. 1925. 2°. Tab. 4.

Národopisné museum záhřebské začalo s vydáváním velkého obrazového díla, které má obsáhnouti nejcharakterističtější a nejlepší ukázky jihoslovanské ornamentiky. Začalo tak s dílem, které vystupuje z hranic oblastní činnosti a zahrne postupně materiál z celého velkého území srbochorvatského a slovinského národa.

První sešit je věnován lidovým výšivkám. V dalších budou se střídati ukázky řezeb ve dřevě, prací v kovu, kraslic, dalších výšivek atd., aby byly v hlavních rysech podány důležité typy ornamentálního jihoslovanského lidového umění. Reprodukce jsou provedeny dokonalými prostředky (tříbarevnou autotypií), zachycují věrně techniku práce i nuance barev a doprovázejí je přesná určení jednotlivých předmětů, takže sbírka bude přední pomůckou tohoto oboru.

Po sbírkách Layových a Titelbachových[1]), které sice shromáždily mnoho starých vzorů a vykonaly určitý kulturní úkol, ale které dnes již svými technikami ani pojetím nestačí, je podnik záhřebského musea vítaný a co do provedení je na slovanském jihu první a ojedinělý. Cenné doklady o lidovém umění snesli kdysi i M. Haberlandt, Bruck-

[1]) Feliks Lay-Friedrich Fischbach, Südslawische Ornamente, Hanau a M. Srećko Lay, Ornamenti jugoslavske domaće i umjetne obrtnosti, Zagreb. Феликс Лај, Културно историјско етнографски атлас краљебине Србије. Београд. В. Тителбах, Српски вез, Београд, I. II, 1896, 1900.

Auffenbergová, A. Haberlandt[1]) a sbírka Peasant Art in Austria, ale jejich díla zůstávala omezena určitou oblastí a rozměry. Tím nezanikla potřeba velké jednotné sbírky, obsáhlé a všestranné, která by seznámila na základě přísného výběru se všemi charakteristickými typy z celého území a stala se spolehlivým základem pro studium.

Soudíme-li podle prvního sešitu na ráz díla, klade vydavatelstvo důraz především na publikování materiálu a to co nejhojnějšího a nejrůznorodějšího. Rozbor a pojednání bude následovat později, snad až po vydání obrazové části. Čtyři tabule prvého sešitu zobrazují 12 výšivek ze čtyř velmi rozdílných oblastí. Z chorvatských výšivek byly vybrány krásné „peče" (pleny) posávské, bílé, pestře vyšité, kterými si mladé ženy v širokém okolí Sisku halí hlavu. Druhá tabule předvádí pestré výšivky z konců hercegovinských ručníků, třetí je věnována severozápadní Bosně a sice starožitným pásovým výšivkám z rukávů ženských košil z okolí Banjaluky. Poslední zobrazuje jeden z nejbarvitějších typů makedonského vyšívání, z rukávu a dolního kraje ženské košile z okolí Bitolje. Etnografu byly by sice velmi vítané speciálnější monografické skupiny, které, i kdyby svůj předmět nevyčerpávaly, seznamovaly by s typickými variacemi. Na př. kdyby byl znázorněn vývoj a varianty oněch zajímavých posávských pečí, kterých samo záhřebské museum obsahuje takové bohatství. Ale vydavatelé nemohli se opříti o předběžné studie o materiálu dosud nikde nezpracovaném a kromě toho, dílo je určeno podle jejich slov především praktické potřebě škol, umělců a průmyslníků, aby měli po ruce vzory domácího umění pro svou tvorbu. Vydávání je také umožněno jen pomocí školního nakladatelství. Vědeckým účelům má sloužit spolehlivými daty o materiálu stran provenience a techniky. U každého obrazu je tedy stanoven předmět, s něhož vzor pochází, jeho původ, látka, stáří, technika a poměrná velikost reprodukce (v 5 jazycích). Etnograf snad by si přál určení ještě podrobnější, původní terminologii pro techniky a vzory a bližší označení místa původu. Ale předměty ty pocházejí povětšině ze starých sbírek, shromážděných amatéry bez lidovědných zřetelů a bez bližších dat, a dnes by je bylo velmi těžko doplňovat. Proto i v novém díle mohly být bezpečně určeny jen oblasti a pro techniky názvosloví jednotné. Tím ovšem neztrácí nijak sbírka cenných obrazů a těšíme se, že záhřebské museum bude brzo a dlouho ve vydávání pokračovat.

D. Stránská.

Díla Alberta Siče o lidovém umění Slovinců.

V Lublani vyšlo v posledních letech několik sbírek seznamujících s ornamentálním uměním slovinského lidu prací pilného sběratele Alberta Siče. Byly sice vyvolány svérázovým hnutím konce války a poválečným, vyzdvihujícím za každou cenu vše lidové jako slovanský protest a národnostní oporu, a byly vydány za praktickým účelem poskytnouti obecenstvu a školám předlohy domácího umění pro napodobení a překreslování. Ale

[1]) Michael Haberlandt, Die österreichische Volkskunst, I. II. Wien 1910. N. Bruck Auffenberg, Dalmatien und seine Volkskunst, Wien. Dr. A. Haberlandt, Volkskunst der Balkanländer, Wien 1919.

přes to mohou být užitečny i etnografu jakožto souhrn neuveřejněného nebo roztroušeného materiálu, který dotud nebyl sebrán v soustavnějším díle ani populárního ani vědeckého rázu.

Sič vycítil správně tuto potřebu a jako první krok na tomto poli uspořádal svou sbírku. Dal jí čistě praktický ráz a tento její účel nesmíme při používání spouštěti se zřetele. Je to snůška materiálu, publikovaného pro širokou slovinskou veřejnost a pro žáky odborných škol ze snahy seznámit je s uměním lidu. Pro ně je vskutku vítanou novinkou a pomůckou a splní zde plně svůj všeobecně vzdělávací a výchovný úkol. O tomto jejím významu nebudu mluvit, je nepopíratelný, ani o otázce její metodické úpravy, která sem nepatří. Chci jen upozornit na její význam pro odborné studium lidového výtvarného umění, pro které nám musí poskytovat ukázky, dokud nedojde k vydání děl odborných, zpracovávajících svůj obor detailně a za vědeckými účely.

Různorodou látku lidového umění seskupil autor v několik oddílů. Až dosud uspořádal oddíl lidového vyšívání, kraslic a ornamentů s kožichů, nábytku, domácího nářadí a detailů staveb. Každý z nich zahajuje stručným věcným úvodem ve třech jazycích (slovinském, srbochorvatském a francouzském). Poučuje v nich přehledně o vybraném odvětví umění, o jeho motivech, technikách i užití a leckde vsunuje i nová cenná lidopisná data. Z rámce všeobecného vstupu k lidové publikaci však nevychází. Úvodům je dodáno vždy několik potřebných obrázků. Z nich zejména jsou vítané celkové pohledy na předměty, které orientují o umístění uváděných vzorů na nich a umožňují jejich pochopení.

Vlastní váha díla spočívá však vždy v řadě barevných tabulí s vykreslenými vzory. Výběr materiálu byl vzhledem k cíli sbírky vyřešen ukázkově a provedení musilo se říditi potřebami praktické školní příručky. Veškeré vzory jsou proto kresleny a vesměs jsou upraveny jako pravidelné, pečlivě uhlazené kresličské předlohy ucelených skupin motivů. Ty ovšem nemohou nahradit věrnou a celkovou reprodukci, jaké vyžadují studia etnografická. Mohou sloužit jen jako schematické naznačení motivů a jejich kombinací. Způsob, jakým jsou podány, zaviňuje, že nebyly zachyceny ani techniky, kterými jsou vzory prováděny, ať již při vyšívání, malbě a j., ani že nebyla obrácena pozornost k jemným odstínům barev, které byly při výkresech spíše jen hlavními tóny naznačeny než aby je vystihovaly. Opravdová škoda je rovněž, že ke kresbám nejsou dodána potřebnější určení, se kterých předmětů a odkud jsou vzaty.

Ale nehledíme-li k těmto odborným požadavkům, může Sičova sbírka přece vydatně pomáhati pro srovnávací studia jakožto nejúhrnější dosud soubor slovinských ornamentů.

Jako první díl vyšla sbírka N a r o d n e v e z e n i n e n a K r a n j s k e m. Z b r a l A l b e r t S i č. V L j u b l j a n i 1918. Natisnila in založila Ig. pl. Kleinmayer & Fed. Bamberg. Folio. Díl I—IV. Materiál slovinských výšivek je zde seřazen ve čtyři svazky podle různých technik a rázu. První díl, V e z e n i n e z G o r e n j s k e g a (seš. 1—4.), předvádí výšivky z Goreňska, provedené křížkovým a vrkůčkovým stehem a Holbeinovou technikou, kterými byly vyšívány náramky a límečky se ženských rukávců, povlaky podušek a pokrývky. Vzory jejich ukazuje 17 tabulí a poučuje zřetelně

o jejich rázu. Hledisko praktické vystupuje však při jejich zobrazení ostře proti vědeckému. Jednotlivé vzory jsou připraveny jako hotové předlohy vyšívání vesměs na čtverečkovém papíře, při čemž i velikost vzorů je přiměřeně upravena a barvitost zjednodušena, a aby bylo usnadněno jejich používání a nové kombinování, bývají i jednotlivé části složitých výšivek rozděleny. Kdežto badatel naopak přál by si celkové seskupení motivů ve výšivce, zřetelné vyznačení techniky a bližší údaje, se kterého předmětu výšivka pochází, nelze-li již žádati dat o stáří motivů, o jejich oblibě, rozšíření, variacích a názvech, které jsou pro studium ornamentiky významné. Jinak ovšem shromážděním motivů poskytuje tato sbírka mnoho zajímavé látky. Dává nahlédnout v jejich kombinování, které právě je pro různé oblasti charakterické, a v typických ornamentech stromkových a v ornamentech s ptačími a zvířecími náměty lze nalézti mnoho poučných detailů a směrnic. Pro srovnavací studium podržuje tedy sbírka přece svůj význam.

Totéž možno opakovati i o dalších svazcích. Druhý díl, Belokranjske vezenine (seš. 5.—7.), obsahuje typický materiál z Bílé Krajiny, při kterém byly autoru pro dělení směrodatné trojí techniky, »štepanje«, »raličanje« a »tkaničanje«. Tkaničanje odpovídá svým rázem zcela technice vetkávání vzoru do osnovy, která v sousedních chorvatských krajích dodnes je známa jako tkaní »na prebor«, a autor byl by měl jejich vzájemný poměr blíže vyznačit. Ve vzorech vyskytují se opět hojně náměty figurální a ptačí.

Třetí díl, Bele vezenine (seš. 8.—17.), je věnován bílým výšivkám plen a pokrývek kresleného rostlinného ornamentu. Obvyklé pruhy květů kol krajů plen a kytice květů v rozích, zasazené do košíčků, řadí již samy tyto výšivky do středoevropské oblasti, podléhající historickým evropským stilům. Ovšem rozmanitost jejich přizpůsobování zůstává vlastní tvořivosti slovinských žen. Studium našeho českého bílého vyšívání a zejména studium jihomoravské ornamentiky nalezne v této sbírce hodně poučného.

Poslední díl, Pisane vezenine, zobrazuje pestré výšivky obdobného rázu, prováděné většinou vlnou na různých pokrývkách, rozprostíraných při slavnostních příležitostech na stůl, okna a pod. Ornament je opět rostlinný a vzhledem k účelu pokrývek zvlášť hojné je zobrazení křesťanských symbolů.

Druhá sbírka Sičova následovala po delší přestávce. Je věnována ornamentům kraslic a ozdobám kožichů: Zbirka narodnih ornamentov. Narodni okraski na pirhih in kožuhih. Državna zaloga šolskih knjig in učil v Ljubljani. Ljubljana 1922. 2° Str. 8, tab. 10 + 31.

Sbírku 123 kraslic zahajují kraslice z Bílé Krajiny, kde se jejich malování nejdéle udrželo. Jejich ornamenty zabírají také dvě třetiny obrazů, od nejjednodušších, na kterých je možno vidět starožitné prvky svastiky, křížů, lomených vlnovek a pod., až k novým s pozdními ornamentálními kombinacemi. V jiných slovinských oblastech ovládají většinou rostlinné motivy, podané někdy i zcela naturalisticky. Pro lidovědné zřetele není bez významu, že jsou zařazeny i nové typy kraslic, zdobených zbožnými náměty kalicha, monogramu Kristova nebo Mariina, probodené srdce

Mariino a pod. a řada kraslic s nápisy pobožného i světského obsahu, i že na posledním listě jsou uvedeny ukázky zcela nových kraslic ze Škofje Loky, malovaných pod vlivem školy Uršulinek. V textové části tohoto oddílu zmínil se autor nejen o hrách dětí s velikonočními vajíčky a o pomlázce, nýbrž i o různých způsobech zdobení vajec malováním pomocí vosku nebo oleje a o zdobení novým rozličným polepováním. Pro tato udání a pro bohatství a rozmanitost obrazového materiálu stojí dnes jeho sbírka na prvním místě mezi pomůckami, poskytujícími poučení o kraslicích Slovinců.

Další část sbírky zabývá se lidovými blanovými kožichy, o kterých jsme dotud neměli podrobnějších informací a vyobrazení. Několik úvodních slov vyznačuje především jejich rozdíly v různých oblastech a fotografie předvádějí čtyři hlavní typy. Zatím co se v Bílé Krajině udržovaly ženský »zabunec« a »škricar« bez rukávů, odpovídající typu srbských krojů, kožichy Goreňska patří zcela jiné oblasti, zasahující na severu i Čechy a Slovensko. Nejozdobnější bývaly mužské kožichy na Goreňsku a také 29 tabulí ze 30 představuje jejich ornamenty. Zdobeny byly především na zádech pestrou koženou aplikací nebo vyšíváním v jednoduchém celkem sestavení skupiny květů mezi dvěma podélnými pruhy. Při jejich reprodukování zůstal autor zcela na stanovisku kreslíře a zobrazil většinou jen střední část výzdoby, tedy nejvýznačnější, a to opět jako uhlazený výkres bez ohledu na techniku práce.

Následujícího roku vydalo totéž nakladatelství další díl: Zbirka narodnih ornamentov II. Narodni okraski na orodju in pohištvu. I. Ljubljana 1923. 2⁰ Str. 4, tab. 16.

Sbírka obsahuje jen část autorových výkresů a sice kresby bělokraňských vřeten a některé ornamenty malovaného nábytku. V Bílé Krajině dodnes předou většinou jen na vřeteně, někdy vrubořezem vyřezávaném s ploškami řezby červeně a modře krytými, a tato vřetena jsou vykreslena na třech listech. Další zobrazují jednotlivá pole malovaného nábytku, věšinou truhel, které byly pestře malovány nejvšeobecněji a nejdéle. Fotografie několika starožitných, vybraně bohatých kusů nábytku z lublaňského národopisného musea poskytují představu o jeho rázu a řada výkresů podává ukázky z detailů malby, zapadající plně v oblast alpských zemí. Zřetel byl obrácen především ke květinovým ornamentům, aby vynikl rozdíl některých typů, kdežto výzdoba figurální kromě známé andílkovy hlavy na kolébce z lublaňského musea zůstala zatím stranou. Pro studium byly by obrazy velmi získaly, kdyby byl k nim autor připojil po všech stránkách více udání, kdyby byl určil nejen původ svého materiálu, nýbrž kdyby byl vyznačil i při jednotlivých polích truhel, odkud jsou vzata. Nejvítanější by byly ovšem pohledy celkové, neboť pro nábytek neméně než detaily dekoru je charakteristické i rozvržení výzdoby a celkový tvar.

Poslední svazek zabývá se zařízením selského domu: Kmečke hiže in njih oprava na Gorenjskem I. Ljubljana 1924. Založila in tiskala zvezna tiskarna in knjigarna v Ljubljani. 2⁰ Str. 4, tab. XIV. Rozmanitostí materiálu a ohledem k původu předmětů liší se tato poslední sbírka od předešlých, ale hlediskem, s něhož vychází, zcela

s nimi souhlasí. Je opět sestavena pro svérázovou potřebu, aby bylo pohotově něco materiálu pro stavbu nových domů v domácím slohu. V tomto prvním díle omezil si autor oblast na škofjelošský kraj (12 vsí) a kraňský kraj (5 vsí), v dalším má následovat materiál z horního Goreňska. Řadou obrazů předvedeno je téměř celé zařízení domu, počínajíc vyobrazením několika staveb a končíc vyřezávaným nábytkem a tepanými zámky. Zobrazení domu a některých hospodářských budov nejsou sice vždy architektonicky přesná a věrná (srovn. na př. roubení trámů v úhlech), ale jsou dobrým a nutným úvodem k další části detailů, obsahující leckterý materiál nový, který autor, kreslíř, mohl zdařile zachytiti. Jsou to především řezby při zakončení trámů stavby, typy dveří a jejich veřejí a tepání mřížoví oken. Bohatě jsou na 2 listech zastoupeny i řezby zábradlí pavlačí a okenní výřezy v lomenicích. Vnější vypravení domu dovršují ukázky různého zakončení lomenic, z nichž jedna je označena letopočtem 1665. Další tabule (IX—XIV.) jsou věnovány vnitřnímu zařízení domu, zejména ukázkám řezaného nábytku, čímž je vlastně doplňována předcházející práce o nábytku malovaném. Poslední list předvádí tepané kování s truhel, zámky, držadla a pod., začasté jemné a vkusné práce.

Těmito sbírkami podal Sič ukázky nejvýznačnějších oborů lidového umění Slovinců. Ukázal souborně na jeho bohatství, ale ukázal zároveň, jak málo pozornosti bylo dosud věnováno lidové kultuře. Oproti národopisné uchovalosti Chorvatů a Srbů není ovšem slovinské umění tak svěží a samorostlé, ale zasluhuje plného zájmu. Sičova sbírka je toho novým dokladem a doufejme, že je začátkem opravdového studia lidovědného, které podá časem díla další a podrobnější.

D. Stránská.

Zprávy.

Деятельность Общества истории литературы (Москва) в 1923—25 гг.

За последние два академических года (1923, осень — 1925, весна) в Обществе истории литературы состоялось 22 заседания (139—160), на которых было прочтено до 30 научных сообщений. Занятия Общества и в этот период (о предыдущем см. Обзор деятельности О. И. Л. за 1922—3 ак. год, „Атеней" 1924 г., кн. 1—2, стр. 184—186) сосредоточивались на литературе русской. Преобладали доклады по устной словесности и по древней литературе, причем последние не раз носили характер тесной связи с областью фольклора. В разработке тем как древней, так и новой литературы был заметен значительный интерес к вопросам композиции жанров и отдельных поэтических произведений.

Устная словесность была представлена разносторонне, докладами по заговору, духовному стиху, былине, исторической песне, сказке и частушке. Теоретического характера сообщение сделал Б. М. Соколов, проследивший на нескольких частных случаях деградацию (расчленение и детализирование) образов в композиции народной песни. С. Ф. Елеонский иллюстрировал своими наблюдениями над сложением сказки крайнюю изменчивость и подвижность сказочной ситуации: сюжет живет в зависимости от произвола сказочников, замещающих имена, социальную среду действия, опускающих или варьирующих любой эпизод. Ряд вопросов по композиции былины разобран был А. С. Полуносовым-Ярусовым („К былинам о Садке"). Выделяя тематические наслоения на былину и остановившись на центральном эпизоде — выкупа товаров Садком, докладчик пояснил связь былины с летописной записью о построении Сотком церкви Бориса и Глеба (1167 г.); частичная близость аттрибутов Бориса, патрона купцов, с Николаем чудотворцем выдвинула последнего тем более, что он также и покровитель на море, с которым у былинной личности Садка имелись свои соотношения (через ст.-франц. роман о Sadoc'e). — Историческая песня была предметом сообщения В. Ф. Ржиги („Песни о Михайле Скопине Шуйском"), затронувшего разнообразные отклики на смерть Скопина (1610) в современной поэтической литературе и указавшего на богатый материал относящихся сюда произведений для раскрытия стиля переходной литературной поры. А. Д. Седельников прочел доклады: 1. „Эпическая традиция о Мануиле Комнине", где на ряде памятников исследовал среду переживаний, промежуточную между эпическим творчеством XII—XVI вв. светским и духовным (доклад напечатан в „Slavia" т. III кн. 4), и 2. „По поводу стиха о нищей братии". В последнем докладе была мотивирована мысль, что „уста золотые", даримые по стиху Христом Иоанну Богослову, есть отзвук книжного источника стиха, каковым являлось поучение с именем И. Златоустого, на тему о нищелюбии и применительно к вознесению; как схематический образец такого источника докладчик выдвинул „Слово о богаче и бедняке," известное уже в списках XII в. — Доклад Е. Н. Елеонской о „вредоносных заговорах" заключал характеристику обеих их групп. К старшей относятся заговоры с призыванием злых духов, с верой в злую силу мертвецов непогребенных или умерших насильственно; этой группе аналогичны древнегреческие и римские заклятия подземных богов; в младшую группу должны быть выделены заговоры

с обращениями к святым и с упоминаниями о мертвеце-вредителе, остающимися лишь в качестве композиционного приема. — О происхождении частушки читал А. М. Смирнов, указавший, как на движущие силы, содействующие ее формированию, на ритм фабричного производства и на переживаемый социальный кризис. Первый отозвался на характере звукового выражения частушки, а второй на ее сатирическом, но беспринципном содержании. (Доклад напечатан: ,,Печать и революция" М. 1925, кн. 2).

Значительная часть читанного по древней литературе уделяла внимание стилю. — Н. М. Каринский вскрыл в своем докладе (,,Из наблюдений над стилем псковских памятников") некнижную струю в псковских воинских повестях XIII—XIV в., вошедших в I-ую псков. летопись. Проявляясь особенно при описаниях походов, струя эта приближается по стилю к былинам и изобилует стихами, тождественными по метру и ритмике с позднейшими былинными. По мнению референта особый стиль воинской повести во Пскове зависел от затрудненного здесь культивирования старых церковно-книжных традиций, и от проникновения в книжную среду деятелей, близких к народным массам. — В. Ф. Ржига продолжал сообщать в Обществе результаты своих работ по Слову о полку Игореве. Им были прочтены ,,два этюда", в первом из которых (,,Ярослав Осмомысл в Сл. о п. Иг.") была развита гипотеза, что эпитет Осмомысл имеет в виду цезаризм Ярослава Галицкого, и косвенно связан с именем Августа Октавиана (,,Осмородного", по чтению Изборника 1073 г.). Во втором этюде В. Ф. Ржига предложил свое деление Слова и, уясняя композиционные приемы автора, мотивировал взгляд на Слово, как на текст целостный, без крупных интерполяций и перестановок. (Напечатано: ,,Slavia", т. IV кн. 1). Доклад его же ,,Проблема стихосложения Сл. о п. Иг." представлял критику ,,Опыта" акад. Ф. Е. Корша, предваренную обзором гипотез Житецкого, Абихта и Бирчака на ту же тему. Охарактеризовав работу Корша, как лингвистический и метрический эксперимент, частью неоправдываемый, докладчик отметил ценность коршевского анализа ударения Сл. о п. Иг.; анализ этот важен как по результатам, так и по открываемым им возможностям. — ,,Сказка о начале Москвы", о которой сообщение сделал С. К. Шамбинаго, была охарактеризована в качестве типичного для XVII в. произведения с намеренной баснословностью рассказа, хотя и при знакомстве с фактическим материалом, особенно по истории Крутицкого архиерейского дома в Москве. Литературная манера ставит ее в связь с сентиментальной повестью, культивированной позже Карамзиным. — Генеалогия великорусских текстов повести о Бове-королевиче составляла предмет заслушанной в Обществе работы В. Ю. Крупянской. Тексты распределялись докладчицей на четыре редакции, представленных списками XVII—XIX вв.; проникновение повести в Великороссию, из белорусского источника, докладчица связала предположительно с событиями нач. XVII в., когда повесть могла быть занесена из Польши к.-либо русским военнопленным. — А. С. Орлов выступил с обширным докладом об Ипатьевской летописи (часть доклада печатается в Известиях отдел. русск. яз. и словесн. Академии Наук С. С. С. Р.). Обозрев мнения А. А. Шахматова о галицко-волынском летописании и рассмотрев состав т.-н. Архивского сборника, докладчик пришел к выводу, что протограф этого сборника составлен в начале 2-ой полов. XIII в., в Галицко-волынской области. Далее, происхождение оттуда же Летописца русских царей (одна из составных частей Арх. сборника) было подтверждено лексическим анализом списков ,,Летописца" — Арх. и Никифор. Относительно источников переводных докладчик установил, что заимствования из них, идя до 1266 г., принадлежат галицкому летописцу; сделаны они, через посредство к.-то хронографа, из Александрии, Малалы, Иосифа Флавия, меньше из Библии, всего меньше из Амартола. — Отзыв на труд В. М. Истрина ,,Хроника Георгия Амартола в славянорусском переводе" (I—II, Петроград 1920,

1922) принадлежал Н. Н. Дурново. Критически пересмотрев доводы в пользу того, что перевод сделан на Руси при Ярославе I, в 40-х годах XI в., докладчик согласился на это заключение, но лишь при том условии, что над переводом работала комиссия, в состав которой входили и русские, и южные славяне. (Напечатано: „Slavia", т. IV кн. 3). — В. Ф. Ржига познакомил Общество с ненапечатанным посланием к архиеп. новгор. Макарию (1526—1543): автор послания умоляет способствовать возвращению его на родину и защитить от насильственного обращения в католичество; послание интересно своим стилем, отклоняющимся от литературных форм XVI в., но с явными следами западного влияния.

Доклады по новой литературе были посвящены следующим шести авторам: М. Н. Муравьеву, Пушкину, Полежаеву, Островскому, Тютчеву и Белинскому. О Муравьеве, отце декабристов, сообщил Н. П. Кашин, охарактеризовавший литературно — бытовую среду трех поколений Муравьевых — на основании неизданной переписки Муравьева с отцом (Н. А. М-в, один из судей Радищева) и сестрой (Ф. Н. М-ва-Лунина). Пушкин-драматург привлек внимание Е. Н. Коншиной. Задачею ее доклада („Борис Годунов" Пушкина, как драматическое произведение") было установить закономерность частей трагедии и выяснить пассивный характер героя, вытекающий из содержания и формы произведения. Первое сосредоточивается не на переживаниях, а на событиях жизни Бориса; вторая присуща драме возмездия или „раскрытия" (Enthüllungsdrama). — Вопрос о принадлежности Полежаеву „рукописей из зеленого портфеля" был возбужден критическим сообщением В. В. Баранова и вызвал у докладчика отрицательный ответ, полученный посредством разного рода данных (био- и библиографических, анализа стиля, лексики и миросозерцания). — Два чтения в Обществе были по Островскому. А. С. Полуносов-Ярусов проследил литературное влияние Гоголя, сказавшееся на ранних пьесах Островского: „Неожиданный случай", „Бедная невеста" и „Не в свои сани не садись" — пояснив это влияние биографическим моментом-интересом, который проявил Гоголь к предшествующему „Банкруту". Уже в то раннее время обнаружилась характерная для Островского черта литературного заимствования „по контрасту" (перевернутая ситуация гоголевской „Женитьбы" в „Неожиданном случае" О-го;). — Общая тема о приемах драматической композиции Островского была разработана С. Ф. Елеонским. Референт опровергал установившееся воззрение на Островского, как на мастера простоты и естественности сценического действия, и на ряде примеров обосновал обратное — о руководящей роли „случая" в динамике его драматических сочинений. — Крупная доля работы была уделена Тютчеву. — Н. В. Шаров („Новообразования у Тютчева") обследовал тютчевский словарь, распределив случаи новаторства по категориям, объясняющимся частью из требований рифмы или ритма, частью из инстинктивного творческого влечения поэта; литературную опору Тютчева докладчик находил в немецкой романтической школе, особенно же в лице Г. Гейне. А. С. Полуносов-Ярусов посвятил свой доклад эмоциональному языку Тютчева („О звукописи у Т."), признав за отдельными группами стихотворений особую звуковую окраску, передающую настроение и осуществленную посредством преобладания согласных того или иного типа. К Тютчеву же, по существу дела, относился и доклад на тему „Белинский о Тютчеве". Факт неодобрительных отзывов критика о поэте был констатирован докладчиком, И. Н. Розановым, на фоне характеристики „импрессионистских" приемов тютчевского творчества. — Проблему форму в эстетике Белинского рассмотрела Л. В. Крестова (Голубцова), установившая, во-первых, знакомство Б. с эстетикой Гегеля, через посредство т.-н. катковских тетрадей, и во-вторых, зависимость его же от статьи Т. Ретшера „О философской критике художественного произведения". Усвоив понятие о форме, как о чем-то

частном, преходящем, Белинский судит художественные произведения сообразно с местом их „идей“ в диалектическом развитии Идеи вообще. Но после периода увлечения философской критикой (1837—1841) Белинский резко изменил свои взгляды в пользу необходимости исторического изучения литературных явлений.

В лице своего председателя Общество отозвалось на утраты, понесенные научным миром со смертью академиков И. В. Ягича († 6-VII-1923) и В. С. Иконникова († 26-XII-1923). О том и другом М. Н. Сперанский прочел сообщения-некрологи. (Статья „Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича“ напечатана в Известияхъ отдел. русск. яз. и словесн. Росс. Акад. Наук за 1924 г.). — По инициативе группы членов Общество устроило два заседания памяти акад. В. Ф. Миллера (десятилетие со дня кончины, † 18 ноября 1913 г.). Кроме докладов монографического характера по устной словесности здесь же были сделаны два сообщения-обзора: Б. М. Соколовым — о вновь вышедшем третьем томе „Очерков русской народной словесности“, и С. К. Шамбинаго — о взглядах В. Ф. Миллера на хронологию былин. *А. Седельников.*

Замѣтка къ исторіи славянскихъ старопечатныхъ книгъ.

Одной изъ рѣдкихъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ, привлекавшихъ издавна вниманіе изслѣдователей, является т. наз. Брашевское Евангеліе, напечатанное повелѣніемъ Брашевскаго жупана Гануша Бѣгнера. Всѣ извѣстные до послѣдняго времени экземпляры этого Евангелія не имѣли послѣдней части выходного листа, и потому годъ и мѣсто изданія не могли быть опредѣлены съ точностью. Первоначально памятникъ относили къ концу XV-го или къ началу XVI в.[1]) Но уже А. Л. Петровъ,[2]) сравнивая его съ румынскимъ Евангеліемъ, напечатаннымъ въ Брашевѣ въ 1561 г. по повелѣнію того же Гануша Бѣгнера, опредѣленно указывалъ на вторую половину XVI в. Къ этому же времени относилъ его и Н. П. Лихачевъ[3]) на основаніи данныхъ филиграни. Въ вышедшей въ 1903 г. Румынской Библіографіи[4]) приводится славянское Евангеліе съ именемъ Гануша Бѣгнера, напечатанное въ Брашевѣ въ 1562 г., причемъ авторы указываютъ, что это единственный имѣющійся экземпляръ съ обозначеніемъ года и мѣста изданія.

Въ настоящее время найденъ еще одинъ экземпляръ этого Евангелія, въ которомъ также имѣется конецъ послѣсловія съ указаніемъ года и мѣста изданія, но годъ здѣсь другой, именно: 1565.

Памятникъ былъ найденъ авторомъ въ 1923 г. при разборѣ рукописей и книгъ, поступившихъ за послѣдніе годы въ Харьковскій Музей Украинскаго Искусства. Въ Музей, вмѣстѣ съ книгами изъ другихъ библіотекъ, поступили и книги, эвакуированныя въ Харьковъ во время войны 1914—17 гг. изъ Волынскаго Древлехранилища. Въ числѣ книгъ Древлехранилища и былъ данный памятникъ.

Окончаніе послѣсловія находится на послѣднемъ листѣ памятника. Начинается оно на оборотѣ предыдущаго листа и послѣдними словами на этомъ листѣ имѣетъ: даобои славаще ѿца изнегоже /,[5]) а дальше на послѣд-

[1]) См. И. Каратаевъ. Описаніе славянорусскихъ книгъ, т. I. (СПб, 1883), стр. 24, № 10. У него же указана и предшествующая библіографія.

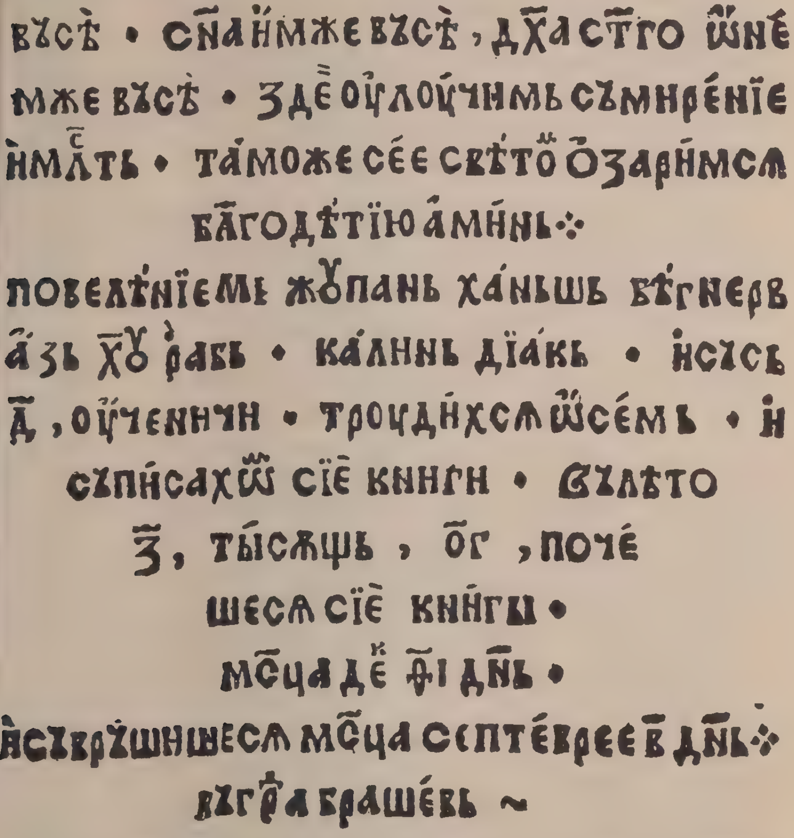
[2]) Старопечатныя церковныя книги въ Мукачевѣ и Ужгородѣ (Ж. М. Н. Пр., 1891), іюнь — у Н. П. Лихачева (см. ниже) благодаря опечаткѣ показана іюльская книжка журнала.

[3]) Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. ч. I. (СПб, 1899), ст. CLXXXVI.

[4]) Bibliografia románéscă veche 1508—1830 de Joan Bianu și Nerva Hodoș, I-I (Bucuresci, 1903), p. 46—49.

[5]) См. у Каратаева, стр. 25—26, гдѣ приведено все начало послѣсловія, и Bibliogr., стр. 47, гдѣ приведено послѣсловіе Ев. 1562 г.

немъ листѣ идетъ продолженіе: въсѣ, сна и҆мже въсѣ дха сто ѿне/мже въсѣ и пр. (См. снимокъ).


въсѣ · сна и҆мже въсѣ, дха стго ѿне
мже въсѣ · здѣ оулоучимь съмиреніе
и҆мать · таможе сее свѣто озаримса
благодѣтїю аминь ·:·
повеленїемь жупань ханьшь бегнерь
азь хоу рабь · калинь дїакь · и҆сась
д, оученичи · троудихсѧ ѿсемь · и
съписахѡ сїе книги · в лѣто
з, тысѧщь, ог, поче
шесѧ сїе книгы ·
мсца дек ѳі днь ·
и съвръшишесѧ мсца септевреє в днь ·:·
в град брашевь ~

Всего въ памятникѣ имѣется 239 листовъ. Изъ нихъ 238 первопечатныхъ и одинъ, совершенно пустой, вставленный позже. Первопечатные листы раздѣляются по нумерованнымъ тетрадямъ[1]) такъ: I тетрадь — 5 листовъ (имѣется помѣтка а на оборотной сторонѣ теперешняго 5-го листа), 9 и 23 — по 7-ми (въ 9-й нѣтъ послѣдняго съ помѣткой), и всѣ остальныя тетради — по 8-ми листовъ; послѣ послѣдняго листа 30-й тетради (помѣтка л на оборотѣ листа) имѣется еще три листа безъ какого бы то ни было обозначенія. На послѣднемъ листѣ т. 13 вм. гі ошибочно напечатано ті.

Пустыхъ листовъ имѣется $1\frac{1}{2}$: лицевая сторона л. 5 т. 9 (на оборотѣ начинается указатель чтеній отъ Марка) и л. 1 т. 15 (передъ началомъ евангелія отъ Луки; листъ совсѣмъ пустой и даже безъ помѣтки еі, которая имѣется только на оборотѣ послѣдняго листа тетради).

---

[1]) Счетъ листамъ идетъ по тетрадямъ: а, в, г и т. д. до л. Полная тетрадь имѣетъ 8 листовъ. Помѣчены внизу посрединѣ листа одной и той же буквой первый и послѣдній листъ каждой тетради. Первый помѣченъ съ лицевой стороны, а послѣдній съ оборотной.

Пустымъ остался и вставленный въ средину евангелія отъ Іоанна новый листъ. Онъ отличается отъ всей остальной бумаги своимъ внѣшнимъ видомъ, а также филигранью. Филигрань бумаги всей книги представляетъ одну изъ разновидностей герба г. Кронштадта,) на этомъ же листѣ имѣется изображеніе мальтійскаго креста въ кругу, украшенномъ по окружности завитками и увѣнчанномъ зубчатой короной. Подобный знакъ можно видѣть у Тромонина[2]) подъ № 1107 (л. LXXVIII). Кресты и окружность обоихъ знаковъ совершенно совпадаютъ. Одинаковъ также и стиль завитковъ. Но въ знакѣ Тромонина завитки раздвинуты шире и увѣнчивающая корона представляетъ полуовальную шапку съ державой и крестомъ посрединѣ. Помѣченъ знакъ: „Рукопись, 1732 г.“.

Кусочками этой же бумаги подклеены нѣкоторые листы въ книгѣ и ею же оклеены внутреннія стороны переплета. Самый переплетъ сдѣланъ изъ дубовыхъ досокъ и обтянутъ коричневой кожей съ золотымъ и серебрянымъ тисненіемъ. Обрѣзъ покрытъ золотымъ тисненіемъ. Какъ техника переплета, такъ и характеръ тисненій указываютъ также на болѣе позднее время — приблиз. нач. XVIII в. Въ это время, вѣроятно, и былъ реставрированъ памятникъ.

Изъ наслоеній болѣе ранняго времени, характеризующихъ исторію памятника, слѣдуетъ указать на имѣющуюся внизу на листахъ отъ 8 об. т. 1 и до л. 3 т. 2 надпись ранней скорописью: „сїа книга Єваг(н)еліа/ црквн замковой, Бг(м)о Спасаемого Града Ровного/ храма Стг(м)ого Семешна Столпника“. Кромѣ этой надписи, есть еще двѣ позднѣйшихъ — польская и русская (лл. 8 об. т. 14 и 1 т. 15). Въ нихъ говорится о передачѣ книги нѣкіимъ Михайломъ въ Глинскую церковь[3]) св. Михаила. Обѣ надписи были сдѣланы до переплета, т. к. частью обрѣзаны. Особенно обрѣзана польская, находящаяся на поляхъ листа. Въ ней надъ самымъ обрѣзомъ нижняго края можно разобрать дату: *na swiatogo misayla roku|* (часть обрѣзанной буквы) *1601 d 18* (неразборч.) *bris*.

При переплетѣ были срѣзаны и верхушки крестовъ у нѣкоторыхъ заставокъ. Вообще же заставки хорошо всѣ сохранились. Онѣ тожественны съ заставками Ев. 1562 г. и расположены точно такъ же, какъ въ этомъ Евангеліи. Заставка съ большимъ орломъ и крестомъ (Угровлахійскій гербъ, см. Bibliogr. ст. 12, № 25 и стр. 58, № 71) находится передъ Маркомъ и Іоанномъ[4]) (лл. 1 т. 10 и 4 т. 23). Съ маленькимъ орломъ (Bibl. стр. 62, № 74) — передъ Матѳеемъ и Лукою (лм. 8 т. 1 и 2 т. 15). Заставка поменьше и безъ орла (Bibl стр. 45, № 65) — передъ оглавленіемъ и предисловіемъ къ Матѳею, передъ оглавленіемъ къ Марку и передъ указателемъ, когда какой евангелистъ читается (лл. 4 и 5 об. т. I, 5 об. т. 9 и 4 т. 29). Маленькая заставка (Bibl. стр 15, № 28) находится передъ оглавленіями къ Лукѣ и Іоанну, передъ предисловіемъ къ Іоанну и передъ указателями евангельскихъ чтеній на

---

[1]) См. Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы (СПб, 1891), табл. 110, № 745. Лихачевымъ взято изъ ст. гр. Kemény „Die ältesten Papiermühlen Siebenbürgens“ въ Magazin ѣ für Geschichte, Litteratur и пр. Siebenbürgens (Kronstadt, 1844).

[2]) Корнилій Тромонинъ. Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ. Москва, 1844.

[3]) Глинская церковь упоминается также въ купчей крѣпости 1740 г., занесенной вь книги хмѣльницкой городской ратуши (Архивъ юго-западной Россіи, т. 2. ч. VI. стр. 371). Хмѣльникъ — зашт. г. Подольской губ. Существовал уже въ XV в. (Семеновъ П. Географическій словарь Россійской Имперіи, т. V, стр. 508).

[4]) Въ Библіографіи (стр. 46) эта заставка показана передъ Маркомъ и Лукою, но это несомнѣнно опечатка и вм. Луки долженъ быть Іоаннъ, т. к. дальше говорится о заставкахъ передъ Матѳеемъ и Лукою.

каждый день и на праздники (лл. 6 об. т. 14, 1 об. и 2 т. 23, 5 т. 29 и 2 об. т. 30).

Начальныя буквы своими начертаніями совпадаютъ съ буквами Ев. 1562 г. и Ев. 1512 г. (см. Bibl. стр. 7, №№ 7—9 и 13, стр. 8, № 17, стр. 10, № 23, стр. 13, № 26 и стр. 20, № 38). Цвѣтъ буквъ черный или красный, причемъ никакой системы въ чередованіи буквъ того или другого цвѣта не наблюдается.

Текстъ въ памятникѣ нигдѣ не прерывается. Начинается онъ съ л. 4 т. 1 (теперешній первый листъ) оглавленіемъ къ Матѳею и идетъ въ опредѣленномъ порядкѣ до конца. Передъ каждымъ евангелистомъ имѣется оглавленіе и предисловіе, а затѣмъ въ концѣ книги идутъ различные общіе указатели и послѣсловіе.

Съ л. 4 до л. 5 т. 1 идетъ оглавленіе къ Матѳею; съ л. 5 об. до л. 7 об. т. 1 — предисловіе Ѳеофилакта; съ л. 8 т. 1 до л. 4 об. т. 9 — само евангеліе Л. 5 т. 9 съ лицевой стороны оставленъ пустымъ.

Съ л. 5 об. до половины л. 6 об. т. 9 продолжается оглавленіе къ Марку, затѣмъ до л. 7 т. 9 идетъ предисловіе. Послѣдняго листа 9-й тетр. нѣтъ, но нѣтъ и пропуска въ текстѣ. Слѣд., онъ былъ пустой (ср. указаніе Bibl. [стр. 46], что въ Ев. 1562 г. л. 8 т. 9 оставленъ пустымъ). Листы съ 1 т. 10 до 6 об. т. 14 заняты евангеліемъ.

Оглавленіе къ Лукѣ идетъ до л. 8 т. 14, затѣмъ до л. 8 об. т. 14 идетъ предисловіе; л. 1 т. 15 — пустой; листы отъ 2 т. 15 до 1 од. т. 23 заняты евангеліемъ.

Слѣдующій листъ до половины 2 т. 23 занятъ оглавленіемъ къ Іоанну до л. 3 т. 23 идетъ предисловіе,, и съ л. 4 (или 5) т. 23 до л. 3 об. т. 29 идетъ евангеліе.

Такое же расположеніе имѣемъ и въ Ев. 1562 г. (ср. Bibl. стр. 46—47). Начало Евангелія отъ Іоанна приходится на 23-ю тетрадь, въ которой, какъ было указано выше, не хватаетъ одного прежняго листа, а вставленъ новый. Этотъ листъ теперь по счету приходится пятымъ, но въ Bibl. (стр. 47) указывается, что въ Ев. 1562 г. л. 4 т. 23 оставленъ пустымъ и евангеліе начинается съ л. 5. Возможно, что при реставраціи нашего памятника почему нибудь рѣшили старый пустой листъ замѣнить новымъ, и случайно этотъ листъ попалъ не на мѣсто стараго, а черезъ листъ дальше. При такомъ предположеніи, начало Ев. отъ Іоанна придется, какъ и въ Ев. 1562 г., на л. 5 т. 23 и расположеніе текста будетъ точно сходится по листамъ.

Послѣсловія обоихъ Евангелій также точно сходятся между собою. Они различаются только годомъ и именами печатниковъ. Если сравнить конецъ послѣсловія Ев. 1562 г. (см. Bibl. стр. 48, № 66) съ концомъ послѣсловія нашего памятника (см. снимокъ), то станетъ очевиднымъ, что второе является просто перепечаткой перваго. Оба они сходятся начертаніями, размѣромъ и расположеніемъ буква въ букву, значекъ въ значекъ, и только пять среднихъ строчекъ нѣсколько различаются мѣстомъ благодаря тому, что въ Ев. 1565 г. названіе печатниковъ заняло меньше мѣста и соотвѣтственно съ этимъ передвинулись и другія буквы. Разница еще въ томъ, что вм. трехъ красныхъ начальныхъ буквъ Ев. 1562 г., въ Ев. 1565 г. имѣются черныя. Несомнѣнно, что Ев. 1565 г. является перепечаткой Ев. 1562 г.

Количество листовъ, какое должно было быть въ полномъ экземплярѣ этихъ изданій (въ Ев. 1562 г. не хватаетъ первыхъ листовъ съ оглавленіемъ и предисловіемъ къ Матѳею), должно быть опредѣлено въ 243 или 244 листа. Дѣйствительно, 240 листовъ опредѣляются сигнатурой тетрадей (а҃—л҃) и, кромѣ того, въ Ев. 1565 г. имѣется еще въ концѣ три листа безъ сигнатуры. Недостающіе въ этомъ Ев. 1565 г. три листа первой тетради могли быть распредѣлены такъ: первый листъ былъ оставленъ пустымъ, второй былъ титульнымъ листомъ (ср. такой листъ въ румынскомъ Апостолѣ 1547 г., Bibl. стр. 29) и третій былъ оставленъ передъ началомъ евангелія отъ Матѳея для изображенія евангелиста (ср. имѣющіеся въ этомъ же памятникѣ пустые листы передъ евангеліями

другихъ евангелистовъ). Можно предположить, что въ концѣ книги былъ оставленъ еще одинъ пустой листъ, и тогда предполагаемое количество листовъ будетъ равно 244.

Однако, сравненіе описаній нѣкоторыхъ экземпляровъ памятника показываетъ, что имѣются экземпляры въ 30-ть тетрадей и въ 31. Такъ, М. А. Максимовичъ,[1]) описывая видѣнный имъ неполный экземпляръ, указываетъ, что онъ имѣетъ 250 листовъ („а чтобы сказать болѣе обстоятельно, можно прибавить: 31 тетрадь и 2 листа 32-й тетради"). У Каратаева (стр. 24) находимъ: „книга оканчивалась помѣченной тетрадью 30-й. Далѣе находились еще два листа... на одномъ изъ этихъ листовъ, на оборотѣ, было послѣсловіе, но безъ окончанія". Кромѣ того, А. Л. Петровъ (Старопеч. книги. стр. 214) при описаніи румынскаго Евангелія 1561 г., имѣющаго 31 тетрадь, указываетъ, что оно въ послѣдней своей части сходится со славянскимъ Евангеліемъ не только языкомъ и текстомъ, но и распредѣленіемъ текста по строчкамъ и страницамъ. Приводимыя имъ данныя расходятся съ данными нашего памятника. Такъ, онъ указываетъ лл. 1—5 об. т. 30, на которыхъ напечатано Сказаніе еже на вьсѣкь дьнь и пр. Въ нашемъ памятникѣ это Сказаніе начинается съ л. 5 т. 29 и кончается на половинѣ л. 1 об. т. 30. Соотвѣтсвенно съ этимъ не сходится и дальнѣйшій текстъ этой части. Правда, совпадаетъ точно указанная имъ (стр. 213) заставка на л. 4 т. 29, но несоотвѣтствіе страницъ послѣдней части текста заставляетъ предположить какое то другое изданіе. На мысль о другомъ изданіи наводятъ и данныя, приводимыя Максимовичемъ. Необходимо предположить, что имѣющіеся недатированные экземпляры Брашевского Евангелія представляютъ разныя изданія, и теперь, при свѣтѣ данныхъ двухъ датированныхъ Евангелій, слѣдуетъ поставить вопросъ о выясненіи этихъ изданій.

М. Корнѣева-Петфуланъ.

Историко-литературный сборникъ. Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому (1891–1916). Изданіе Отд. Русск. Яз. и Слов. Росс. Ак. Н. Ленинградъ. 1924. 426 стр.

Въ 1916 г. исполнилось 25-лѣтіе учено-литературной дѣятельности Вс. Изм. Срезневскаго, старшаго ученаго хранителя Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Россійской Академіи Наукъ, выдающагося работника въ области изученія древней русской письменности и русской литературы.

Друзья и почитатели Вс. Из. Срезневскаго рѣшили отмѣтить его юбилей изданіемъ сборника въ его честь. Начатый печатаніемъ еще въ 1916 г., сборникъ увидѣлъ свѣтъ только въ 1924 г.

Даемъ обзоръ этого богатаго по содержанію сборника, группируя статьи по темамъ.

Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи (стр. 28–34). — Прасл. *pora* „сила, время, возрастъ"; прасл. *prętati* „убирать"; цсл. нъпера „*ἀλλά*"; чш. *pouhý* „единственный, настоящій"; влр. *мысъ* „promunturium". — *А. А. Шахматовъ.* Варанголименъ и Россофаръ (стр. 166–182). Данныя о посѣщеніи варягами Крыма, длительнаго ихъ тамъ пребыванія и слѣды пребыванія Руси у Азовскаго моря. Названія Varangolimen и Rosofar на картахъ XIV и XV в. — *С. Ѳ. Ольденбургъ.* Сны Кейда, царя Канодженскаго и сны царя Шахаиши (стр. 46—54). Связь между разсказомъ Фердоуси въ Шахнамэ о „снахъ Кейда" со „снами Шахаиши," устанавливаемая авторомъ, придаетъ „большое вѣроятіе иранскимъ соотвѣтствіямъ Шаиши и Ириина". Статья важна для установленія пути восточнаго вліянія на „Слово о двѣнадцати снахъ царя Шахаиши". — *А. И. Яцимирскій.* Описанія роскоши въ проповѣдяхъ, какъ археологическій матеріалъ и литературно-учительскій пріемъ (стр. 243–263). „Слово Іоанна Златоустаго о второмъ пришествіи", приписываемое Евсевію Александрійскому и описаніе въ немъ обстановки богача.

[1]) Временникъ Моск. Общ. ист. и др., 1849, кн. IV, ч. III, ст. 11.

Сравненіе этого эпизода по ркп. болг. сб. нач. XV в. Букарештск. Нац. Муз. № 219, болгар. сб. нач. XIV в. Петр. Публ. Б. Q. I № 56, сб. нач. XVI в. Пет. Публ. Б. Q. I 508, русск. списокъ нач. вт. четв. XVI в. Пет. Публ. Б. F. I. № 4, л. 261 об., сб. 1482 г. Пет. Публ. Б Q. I. № 1411; списокъ въ Златоструѣ XII в. F. п. I. № 46; спис. въ сб. XII в Тр.-Сер. Лавры № 12; описаніе обстановки богача въ статьѣ „Поученіе Іоанна Златоустаго, чьтеніе на всяку недѣлю“ въ болг.-сербск. сб. посл четв. XVI в. Соф. Пар. Б. № 68, лл 118–128. Описаніе жизни богатыхъ людей въ памятникахъ учительной литературы. Пріемы описанія картинъ богатства и роскоши. — *А. И Лященко*. Изъ комментарія къ „Моленію“ Даніила Заточника (стр. 412–420). Попытка объяснить малопонятныя имена одного мѣста „Моленія“, начинающагося словами: кн҃же мой г҃не королязи бо и коварн ѿ ѳоровѣ рытиры... (по ркп. Рум. М. XV в., см. П. Д. П. LXXXI, стр. 52). Привлечены данныя Венгерской исторіи; дается объясненіе словамъ: коварѣ, бокшородѣ („бошгоридь“), королязи, форозн (ср. съ „фарк“). — *И. А. Шляпкинъ*. Пармскій наузъ (стр. 73–84). Описаніе пергаменной рукописи нач. XV в., находящейся въ Пармской корол. библіотекѣ, содержащей выдержки изъ апокрифическихъ памятниковъ (ср. статью Ѳ. И Буслаева „О славянской рукописи въ Пармской публичной библіотекѣ.“ Ж. М. Н. Пр. 1875. № 8, стр. 238—244.). — *В. Н. Перетцъ*. „Псевдоновгородское“ Евангеліе 1575 г. Новгор. Церковнаго Древлехранилища (стр 264—268). Авторъ отрицаетъ новгородское происхожденіе Евангелія 1575 г. и считаетъ его „за хорошо сдѣланную гдѣ-то на Волыни копію съ средн.-болгарск. Евангелія, имѣвшаго оригиналомъ (отдаленнымъ) сербскую м. б. рукопись.“ — *С. И. Масловъ*. Изъ наблюденій надъ старопечатными церковно-славянскими изданіями (стр. 159–165). Розновидности „Евангелія Учительнаго“ Кирилла Транквилліона 1619 г — *Н. К. Никольскій*. Посланіе Агаѳоника къ киръ Іакову по грамматическимъ вопросамъ (пол. XVII в.) (стр. 390–400). Извлечено изъ сборника XVII — нач. XVIII в. бывш. Соловецкой библіотеки № 875 (Каз. Дух. Акад., хр. кат. № 985); не вошло въ изданіе И. В. Ягича „Разсужденія южн.-слав. и русской старины о церков.-слав. яз. (Спб. 1896 г.) Данъ текстъ. — *Г. В. Вернадскій*. Замѣтки о литературно-издательской дѣятельности Н. И. Новикова (стр. 85—91). Въ первой замѣткѣ „Кто былъ сочинитель Пустомели?“ авторъ высказывается за авторство Новикова; во второй — Съ какого языка переводчикомъ служилъ Н. И. Новиковъ? доказывается, что Новиковъ служилъ въ нач. 1770-хъ г. г. переводчикомъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ французскаго яз — *В. И. Масловъ*. Интересъ къ Стерну въ русской литературѣ конца XVIII-го и нач. XIX в. в. (стр. 339–376). Общій характеръ вліянія Стерна на русскую литературу. Перечень переводовъ Стерна на русскій языкъ. Вліяніе Стерна на Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева, имп. Екатерину II („Были и небылицы“), И И Мартынова, С. Н. Глинку, В А. Жуковскаго, А. С. Грибоѣдова, А. С. Пушкина, М. Ю Лермонтова, Якова де Санглена („Жизнь и мнѣнія новаго Тристрама“ 1825—1829 г. г.), Л. Н. Толстого. — *Б. Л. Модзалевскій*. Почитатель Пишкина Ѳ. Ѳ. Эгерштромъ (стр. 55—72). Данныя объ Ѳ. Ѳ. Эгерштромѣ (1790—1853), извѣстному по шуточному стихотворенію Пушкина „О Эге....мъ, я восхищенный...“ (1828 г ?). — *Е. В. Пѣтуховъ*. Два писма Е. А Боратынскаго къ Н. М Языкову 1 31 г. (стр. 11–14). Изъ бумагъ „Языковскаго Архива“ — *А. Л. Бемъ*. „Самоповторенія“ въ творчествѣ Лермонтова (стр. 268—290). Авторъ устанавливаетъ три категоріи „самоповтореній,“ а именно: „самоподражанія“, „реминисценціи“ и „повторенія“ и даетъ анализъ „самоповтореній“ Лермонтова по этимъ тремъ категоріямъ. На основаніи этого анализа устанавливается связь этой особенности Лермонтова съ пассивнымъ укладомъ его творчества. — *Н. К. Гудзій*. Прототипъ Кулигина (къ литературной исторіи „Грозы“ Островскаго) (стр. 183—190). Авторъ видитъ, вслѣдъ за Н. Кашинымъ, въ извѣстномъ механикѣ-самоучкѣ И. П Кулибинѣ (1735—1818) прототипъ одной изъ центральныхъ фигуръ „Грозы“ Островскаго, Кулигина — *Е. П. Казановичъ*. Письма Н. В. и Л. П. Шелгуновыхъ и М. И Михайлова къ Н. В. Гербелю (стр. 215—242). Письма относятся къ 1858—1875 гг. Кромѣ

того приводится одно письмо Н. В. Шелгунова къ А. Ф. Даминчу (1889) и семь писемъ Михайлова къ Гербелю за 1853 - 1860 гг. Цѣнный источникъ для біографіи поэта М. И. Михайлова. — *Г. З. Кунцевичъ.* „Три старца" Л. Н. Толстого и „Сказаніе о явленіяхъ святому Августину" (стр. 290—296). Сближеніе сюжетовъ „Сказанія о явленіяхъ св. Августину" (по рук. Моск. Синод. Библ, собр. Чудовс. мон. 14/216 XVII в) кн. Курбскаго и „Трехъ старцевъ" Л. Н. Толстого. — *С. А. Переселенковъ.* Изъ исторіи отношеній цензуры къ Л. Н. Толстому (стр. 335 - 338). Къ литературной исторіи „Записокъ маркера" (1853 г.). — *А. В. Петровъ.* Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ его выпискахъ изъ Баронія (стр. 401—411). Авторъ ставитъ въ связь характеръ выписокъ, сдѣланныхъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ изъ „Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ" кардин. Баронія съ его личностью. — *В. Л. Модзалевскій.* Два старинныхъ духовныхъ завѣщанія (стр. 92—117). Приведенъ текстъ завѣщаній Василія Матвѣевича Журмана (ум. 1724 г.) и посланія его вдовы къ сыну, Ильѣ В. Журману, представляющее описаніе ея жизни (пол. XVIII в.). Памятники бытового значенія. — *Ѳ. И. Покровскій.* Новооткрытыя посланія скопческаго искупителя Кондратія Селиванова (стр. 191—214). Изданы по рукоп. Библ. Акад. Наукъ (13. 7. 32. и 28. 6. 2) три необнародованныхъ въ печати посланія скопческаго искупителя Кондратія Селиванова (перв. четв. XIX в.) — *П. Н. Столпянскій.* На зарѣ украинофильскаго движенія (Историческая справка) (стр. 421—426). Отношеніе печати („Сѣв. Пчелы" и „Библ. для Чтенія") къ изданіямъ на украинскомъ языкѣ въ 1830-хъ г. г. — *А. М. Хирьяковъ* Старинная любовь (стр. 377-389). Отрывокъ изъ неизвѣстнаго дневника 1839 г. и сравненіе его съ письмами Герцена, Бѣлинскаго и дневникомъ Л. Н. Толстого 1851 г. — *Н. Александровъ* А. О. Смирнова. Объ ея жизни и характерѣ (стр. 296—334). Сводка біографическихъ данныхъ объ А. О. Россетъ-Смирновой (1809 - 1882 г.). — *В. И. Семевскій.* Петрашевецъ П. А. Кузьминъ (стр. 1—10). Біографическій очеркъ о П. А. Кузьминѣ (1819 - 1885). — *Е. И. Тарасовъ.* Неизвѣстная записка по крестьянскому вопросу (стр. 15—26). Записка 1857 г. Вас. Вас. Тарновскаго. — *М. К. Лемке.* Дѣло „о публичныхъ лекціяхъ" въ 1860-хъ годахъ. (По неопубликованнымъ документамъ). Матеріалы къ исторіи русской общественности (стр. 34—46). Программа лекцій „о грамотности" П. Л. Лаврова (1861 г.), программа чтеній Чернышевскаго изъ политической экономіи (1861 г.). Списокъ публичныхъ лекцій за 1859—1862 г. г. — *А. К. Черткова.* 50 лѣтъ тому назадъ (Изъ воспоминаній дѣтства) (стр. 118—158). Воспоминанія относятся къ 1866 г; главное вниманіе удѣлено дѣдушкѣ автора, І. І. Мусницкому, коменданту Кіевской крѣпости. *А. Б.*

Науковий Збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії України I, Харків 1924, стр. VI + 154. Фотоґрафія акад. М. Сумцова

Цей „Науковий Збірник" завдячуємо акад. Дм. Багалієви і його співробітникам, професорам і аспірантам, що видали його навіть власним коштом. Він перш усього сьвідчить, що науковий рух на Україні, хоч мусить бороти ся з великими труднощами, все таки чим раз більше дужчає. За Києвом, головним осередком української науки, виступає Харків і наведеним Збірником виявляє повну серіозність наукової праці в цім другім осередку культурного життя України. Не можна замовчати про цю симпатичну його риску, що він присьвячений „сьвітлій памяти" акад. проф. М. Ф. Сумцова († 1922) тим, що усі його статті звязані з темами наукових праць цього визначного українського вченого.

Сумцов здавна займав ся науковою творчостю і діяльностю Потебні, а увійшовши в склад Потебнянського Комітету, в останні часи свого життя пильно збирав всякі відомости про Потебню, розробляв плян повного видання його творів, порядкував матеріяли до його біоґрафії та характеристики його наукової діяльности, щоб як найбільше причинити ся до вшанування памяти, осьвітлення ґрандіозної фіґури цього великого нашого земляка, що став окрасою словянської науки. Оцим то працям Сумцова для скарбниці Potebniana присьвячує тут проф. О. Ветухов на переднім місці гарну розвідку.

O. Потебні тичить ся также дуже докладний реферат А. Шамрая: ,,О. Потебня і методолоґія історії літератури", цікавий для кожного історика літератури тим більше, що якраз тепер ведеть ся в російській і українській науці жива дискусія і завзята полеміка про методи, ціли і завдання історико-літературних дослідів. Автор реферату подає обширну літературу цього питання і в звязку з цим формулує основні погляди Потебні в цій справі та підкреслює, що ,,Потебня, опреділюючи процесуальний характер літературного твору, дає спроможність підійти до обєктивного вивчення цього процесу в усіх його моментах і таким чином уникнути нарешті тої субєктивности в дослідах над літературними творами, що була і зараз є головною хибою історії літератури як науки" (стр. 68).

Ів. Єрофіїв розбирає питання про українські думи в працях Сумцова, а Ів. Ткаченко обговорює докладно відносини Сумцова до Слобожанського письменства (Сковорода, Квітка-Основяненко, Кореницький, Щоголів, Манжура, Грінченко, Олесь, Христя Альчевська) та його визначну ролю в літературному відродженню України.

Спеціяльно Сковороді, славному українському мандрівному філософови кінця XVIII-го в., велике значіння і вплив якого тепер чим раз більше пізнаєть ся, присьвячені дві гарні праці, а саме проф. М. Плевака (Григорій Сковорода й українське письменство) і А. Ковалівського (Розвиток етичних поглядів Г. Сковороди в звязку з його життям).

До історії літератури відносять ся ще добрі річеві розвідки: Адам Міцкевіч в українських перекладах — П. Тиховського, Етноґрафізм у творах Я. Щоголева — В. Білецької і До питання про Лермонтовські мотиви в ,,Кобзарі" Шевченка — проф. Таранушенка.

Р. Данковська вшановує Сумцова як діяча Музею Слобідської України, якого він був головним фундатором і завідувателем.

Трохи осторонь від всього змісту Збірника стоїть розвідка Миколи Горбаня: Невідома записка початку XIX віку ,,Об ищущих козачества", цікава як памятник думок та настроїв українського панства початку XIX-го віку.

Як бачимо, вносить цей Збірник богато дечого в загальну скарбницю вивчення історії української культури і ми щиро витаємо його появу як початок дальшої успішної діяльности Харківської дослідчої катедри історії України.

Прага, 18. II. 1925. *Др. Степ. Смаль-Стоцький.*

Пам'яти Г. С. Сковороди (1722—1922) Збірка статтів. Одеса 1923. 98 стр Видавництво: Ювилейна Комісія Содержание сборника: 1. Проф М. І. Гордієвський „Теоретична философія Г. С. Сковороди"; 2. А. В. Музичка „Поетична творчість Г. С. Сковороди"; 3. Проф. П. О. Бузук „Мова и правопис в творах Г. С. Сковороди" и 4. Проф С. С. Дложевський „Плутарх у листруванні Сковороди". — О Сборнике см. рецензию М. К в III т. журн. „Червоний шлях" 1923. *П. Б.*

Красный Архив. Исторический журнал под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче (Центральный Архив Р. С. Ф. С. Р.) Москва-Петроград. Госиздат. Т. т. I.—VIII. 1922—1925.

Т. I. 1922 г. Н. А. Некрасов и цензура. Официальная переписка по поводу первого издания стихотворений Н. А. Некрасова (стр. 355—361). — Из неизданной переписки Н. А. Некрасова. Сообщ. Н. Ф. Бельчиков (стр. 362—366). Письма къ Ф. М. Достоевскому 1862—1875 с. г. Большинство писемъ связано съ печатаніемъ Достоевскимъ ром. ,,Подростокъ" въ ,,Отечеств. Запискахъ". — Достоевский о Пушкинских торжествах в 1880 г. Сообщ. Н. Ф. Бельчиков (стр. 367—405). Письмо Д-го

къ К. П. Побѣдоносцеву отъ 19 мая 1880 г. о предстоящей поѣздкѣ въ Москву на Пушкинскія торжества и 13 писемъ къ женѣ, А. Г. Достоевской изъ Москвы, писанныя въ дни передъ и во время торжествъ. Письма представляютъ исключительный интересъ дня характеристики взаимоотношеній двухъ лагерей, западническаго и славянофильскаго въ дни пушкинскихъ торжествъ. Особенный интересъ представляютъ два письма: 1. отъ 7-го іюня 1880 г. съ описаніемъ выступленія на литературномъ празднествѣ въ Московскомъ Благородномъ собраніи (6 іюня), на которомъ читалъ Достоевскій и Тургеневъ, 2. отъ 8 іюня 1880 г., написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ выступленія съ рѣчью на засѣданіи Общ. Любителей Россійск. Словесности. Послѣднее письмо перепечатано въ статьѣ Н. К. Пиксанова „Изъ переписки Достоевскаго" („Печ. и Рев.", 1924, кн. 6). Въ частности письма представляютъ интересъ и для взаимоотношеній Д-го и Тургенева. Письма снабжены цѣнными примѣчаніями, между прочимъ въ примѣчаніяхъ интересны документы по вопросу объ исключеніи Достоевскаго изъ дворянскаго сословія. — Цензура и Л. Н. Толстой (Из заметок архивиста). Сообщ. А. Аннинский (стр. 412—416). Отношеніе цензуры къ печатанію слѣд. произведеній Л. Н. Толстого: „Суратская кофейня", „Недѣланіе, Рѣчь Золя и письмо Дюма", „Религія и нравственность". — Александр III о Льве Толстом. Сообщ. Н. Л. (стр. 417). Отзывъ имп. Александра III о „Власти тьмы". — К биографии В. Г. Короленко. (Из заметок архивиста.) Сообщил С. Аннинский (стр. 418—419). Справка о В. Г. Короленко Департ. полиціи (1896 г.), послужившая основаніемъ къ отказу въ утвержденіи В. Г. Короленко редакторомъ „Русскаго Богатства". — Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко. Сообщ. А. С. Николаев (стр. 420—421). Отзыв Моск. Цензурн. Комитета о сборникѣ „Очерки и разсказы" В. Г. Короленко (1896). — Задержанные цензурой стихотворения П. М. Розенгейма и А. А. Голенищева-Кутузова. Сообщ. А. С. Николаев (стр. 406—411).

Т. II. 1922 г. А. Мицкевич. I. Отзыв о польских писателях. 2. Письма З. А. Волконской. Сообщила В. Н. Нечаева (стр. 268—279). В. Нечаева сообщаетъ цѣнную рукопись Адама Мицкевича на французскомъ языкѣ, содержащую краткія характеристики современныхъ ему польскихъ писателей (Нѣмцевичъ, Лелевель, Швейковскій, Вороничъ, Вал. Красинскій, Мрозинскій, Дзялынскій, Свидзинскій, Клементина Гофманъ, Осинскій, Козьмянъ, Крушинскій, Моравскій, М. и А. Фредро, Бродзинскій, Залѣскій, Одынецъ). По мнѣнію В. Нечаевой рукопись писана для В. А. Жуковскаго и датируется первыми мѣсяцами 1829 г. Письмо Ад. Мицкевича къ кн. З. А. Волконской, датированное Lausanne 1839, 20 Juin, извлечено изъ бумагъ кн. З. А. Волконской. — Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. Сообщил Н. Ф. Бельчиков (стр. 263—267): Пять писемъ Гончарова 1856—1865 г. г. Большій интересъ представляетъ пятое письмо отъ 22 дек. 1865, о трагедіи гр. А. Толстого: „Смерть Іоанна Грознаго". — Неизданныя письма И. А. Гончарова. Сообщил Ник. Столов (стр. 256—262). Письма касаются главнымъ образомъ пожертвованій въ Карамзинскую библіотеку и адресованы П. М. Языкову и А. П. Языкову. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. Сообщ. Н. Ф. Бельчиков (стр. 234—239). Приводится полностью исключительное по своему значенію письмо Достоевскаго изъ Петропавловской крѣпости отъ 22 дек. 1849 г. на имя брата, М. М. Д-го, по копіи А. Г. Достоевской, хранящейся въ Центрархивѣ. Первый абзацъ письма былъ извѣстенъ ранѣе (см. „Біографія, письма..." Пет. 1883 г. отд. I, стр. 72). Письмо печатается съ примѣчаніями А. Г. Д-ой. — Достоевский и Победоносцев. Сообщил Н. Бельчиков (стр. 240—255). 1. Письма Ф. М. Достоевскаго. Сообщается шесть писем Д-го къ К. П.

Побѣдоносцеву за періодъ 1879—1880 г. г. Письма помимо біографическаго интереса (отношенія къ Тургеневу, пушкинская рѣчь и др.) имѣютъ значеніе для творческой исторіи „Братьевъ Карамазовыхъ". 2. Письма К. Побѣдоносцева къ Александру III (б. тогда наслѣдникомъ) по поводу смерти Ф. М. Д-го. Въ предисловіи къ матеріаламъ Н. Ф. Бѣльчиковъ сообщаетъ неопубликованный отрывокъ изъ письма Д-го къ женѣ, А. Г. Д-ой, отъ 26 іюня 1873 г. съ отзывомъ о Побѣдоносцевѣ (стр. 240). — А. Е. Грузинский. Новая сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина (стр. 226—228). Ненапечатанная до сихъ поръ сказка „Богатырь", сохранившаяся въ семейномъ архивѣ сатирика. — М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. Сообщ. А. С. Николаев (стр. 229—233). 1. Цензура о сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина. Цензорскій докладъ 1887 г. по поводу предполагавшихся къ изданію отд. брошюрами сказокъ М. Е. Салтыкова. 2. Запрещенные стихотворения на смерть Салтыкова. Стихотворенія А. Шеллера-Михайлова „М. Е. Салтыкову-Щедрину" и Вадима Ольгина „2 мая 1889 г.", и отзывы цензоровъ о нихъ.

Т. III 1923 г. 1. Письма Гёте. Сообщила В. Нечаева (стр. 307—309). Два письма Гете къ Л. А. Яковлеву, видному дипломату конца павловскаго и перв. половины александровскаго царствованія (1766—1839). См. о нем въ первой части „Былого и Думъ" Герцена, дядей которому Яковлевъ приходился. — Р. Кантор. Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому (стр. 309—312). Воспроизведено отвѣтное письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому отъ 10 авг. 1847 г. на извѣстное письмо Бѣлинскаго къ автору „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Опубликовано по подлиннику архива б. III отдѣления (со снимками). — Бальзак о России (архивная справка) Сообщ. М. П. Алексеев (стр. 303—306). Подробности о посѣщеніи Бальзакомъ въ ноябрѣ 1848 г. Кіева. — Из воспоминаний Достоевской (стр. 251—290). См. Slavia III, 186. — Ю. Г. Оксман. Судьба одной пародии Достоевского (стр. 301—303). См. Slavia III, 188. — А. И Герцен и цензура в 1890-х гг. Сообщ. А. С. Николаев (стр. 223—228). Цензурный отзывъ о сочиненіяхъ Герцена въ связи съ предполагаемымъ изданіемъ собранія его сочиненій в 1893 г. — Бакунин перед австрійским судом. (Матеріалы из архива б. III отделенія.) Сообщ. Вяч. Полонский (стр. 173—198). Докладъ аудитора майора Іосифа Франца военному суду, который послужилъ обвинительнымъ актомъ для вынесения смертнаго приговора военнымъ судомъ въ Ольмюцѣ 15 мая 1851 г. Матеріалъ большой цѣнности для біографіи Бакунина, въ частности рисующій его, какъ идеолога славянскаго освобожденія. — М. А. Бакунин по отчетам III отделения. Сообщил Б. Пушкин (стр. 199—206). Отрывки, затрагивающіе эпизоды изъ жизни Бакунина, изъ „отчетовъ" III отдѣленія. Касаются періода 1862—1863 г. г. — К біографіи Н. П. Огарева. Сообщил В. Алексеев (стр. 207—217). Матеріалы объ исключеніи Н. П. Огарева изъ русскаго подданства (1859—1861).

Т. IV. 1923 г. Из матеріалов о Ф. И. Тютчеве. Сообщил Д. Д. Благой (стр. 383—392). 1. Письма Ф. И. Тютчева къ М. П. Погодину 1820—1822. Представляютъ біографическій интересъ для юношескаго періода жизни поэта. 2. Эпиграмма на Каченовскаго подъ загл. „Харонъ и Каченовскій". Относится къ университетскому періоду. — Два письма И. А. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет. Сообщ. В. Ф. Переверзев (стр. 376—382). Письмо отъ 25 авг. 1873 г. имѣетъ цѣнное біографическое значеніе; въ немъ содержится самохарактеристика Гончарова, проливающая свѣтъ на господствующую черту его характера — болѣзненную нерѣшительность; 2. Второе письмо 28 іюня 1885 г. къ Р. И. Посьетъ. Интересно для послѣднихъ лѣтъ жизни писателя. — К пребыванію Ф. М. До-

стоевского в Твери. Сообщ. В. П. Олисов (стр. 398—401). Документы изъ дѣла канцеляріи военнаго губернатора г. Твери и тверского гражданскаго губернатора „объ учрежденіи секретнаго надзора надъ прапорщикомъ Достоевскимъ". — Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову. Сообщил проф. И. Гливенко (стр. 365—375). Черновики писемъ Д-го къ М. Н. Каткову изъ Висбадена, безъ датъ (1865 г.). Первое письмо имѣетъ первостепенное значеніе для исторіи созданія „Преступленія и наказанія", т. к. содержитъ въ себѣ первоначальный замыселъ романа. Второе письмо, относимое проф. Гливенко къ ноябрю 1865 г., имѣетъ біографическое значеніе (трудное матеріальное положеніе, безпокойство въ связи съ печатаніемъ „Преступленія и наказанія" въ Русскомъ Вѣстникѣ). — Ю. Г. Оксманъ. Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда" (стр. 393—398). Матеріалы къ исторіи предполагавшагося къ изданію М. Е. Салтыковымъ и А. Г. Головачевымъ съ Января 1863 г. журнала „Русская Правда" въ Москвѣ, неразрѣшеннаго цензурой (программа журнала и др.). — Из матеріалов о Л. Н. Толстом (стр. 338—364). 1. Л. Н. Толстой въ Астаповѣ. Дѣло Московско-Камышинскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ „о пребываніи графа Толстого на станціи Астапово". Сообщилъ Вл. Максимовъ. 2. „Вокругъ чествованія памяти Л. Н. Толстого" — переписка тамбовскаго губернатора Н. П. Муратова съ М. А. Хрущевымъ и гр. К. А. Бенкендорфомъ по вопросу о возможномъ „чествованіи" Толстого въ случаѣ смертельнаго исхода его болѣзни (1910 г.). Сообщ. Г. О. Гордонъ.

Т. V. 1924 г. Письма Д. И. Писарева из крепости. Предисловие Б. П. Козьмина (стр. 248—257). Письма Д. И. Писарева къ матери В. Д. Писаревой изъ Петропавловской крѣпости. Первое письмо отъ 2 ноября 1862 г. было съ незначительными сокращеніями напечатано Е. Соловьевымъ въ книжкѣ „Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность", остальныя три письма (27 ноября 1862 г., 30 дек. 1862 г. и 13 іюля 1866 г.) печатаются впервые. Особенный интересъ представляетъ послѣднее письмо съ отзывами о романахъ Теккерея и о беллетристикѣ вообще. Въ предисловіи Б. П. Козьминъ приводитъ полностью интересное для біографіи Д. И. Писарева и его отношенія къ Достоевскому письмо В. Д. Писаревой къ Ф. М. Достоевскому отъ 17 апр. 1878 г., при которомъ она препроводила ему письма своего покойнаго сына. — Два письма П. Ф. Якубовича. Сообщил Г. Лелевич (258—262). Письма автору рецензіи на сборникъ „Русская Муза" (1904 г.). Письмо интересно, какъ отраженіе литературныхъ взглядовъ Мельшина.

Т. VI. 1924 г. Три письма Л. Н. Толстого къ декабристу П. Н. Свистунову. Сообщил Б. Сыроечковский (стр. 234—242). Письма относятся къ 1878 г. и представляютъ интересъ для освѣщенія работы Толстого надъ романомъ „Декабристы" и для характеристики его отношеній къ декабристамъ. — Л. Н. Толстой и помощь голодающим. Сообщ. Анатолий Александров (стр. 243—252). 1. Ненапечатанная статья Л. Н. Толстого „Памяти И. И. Раевскаго", 2. Неизданныя письма Л. Н. Толстого къ И. Й. и Е. П. Раевскимъ (1891 г.). — Запрещеныя стихотворенія А. П. Барыковой. Сообщ. С. Любимов (стр. 256—266). Анна Павловна Барыкова (1839—1893) авторъ стихотвореній на соціальныя темы. Наиболѣе полное собраніе ея произведеній вышло въ 1896 г. подъ заглав. „Стихи и прозаическія произведенія А. П. Барыковой". Приведены по дѣламъ Спб. Цент. Комитета два запрещенныхъ къ печатанію стихотворенія.

Т. VII. 1924 г. „Преступление и наказание" (из. „Записных книжек" Ф. М. Достоевского). С пред. И. И. Гливенко (стр. 146—200). Напечатана, съ приведеніемъ подъ строкой зачеркнутыхъ мѣстъ, варіантовъ и вставокъ из „Записной книжки" № 2

черновая „Глава 2-я“ романа „Преступленіе и наказаніе“, представляющая страницы из дневника Раскольникова. Отрывокъ почти дословно совпадаетъ съ первыми четырьмя главами второй части печатнаго изданія и с частью шестой главы. Въ предисловіи даны нѣсколько отрывковъ „Преступл. и наказ.“ изъ „Записной книжки“ № 1. Къ статьѣ прил. снимки съ автографа „Записн. книжки“, № 2 (стр. 48, 100).[1] — Из неизданных писем Л. Толстого. Иславиным, Рачинскому и др. (стр 249—253). — Стихотворения Я. П. Полонского „Простая быль“ и переписка об его драме „Дареджана, царица Имеретинская“. Сообщ. С. Любимов (стр. 254—256).

Т. 1. (VIII) 1925 г. Литература 60-х годов по отчетам III Отделения (стр. 207—232). Выборки изъ отчетовъ Собств. Его Велич. Канцеляріи за 1860—1869 г. г. Въ примѣчаніи составителя Н. Б. дается слѣдующая оцѣнка печатаемаго матеріала. „Выборки... не представляють новизны въ смыслѣ сообщенія или фактовъ и интересны со стороны оцѣнки этихъ фактовъ высшимъ органомъ политическаго сыска, какъ страницъ, на которыхъ сжато формулировано мнѣніе III отдѣленія о текущихъ событіяхъ литературнаго порядка и о направленіи литературы въ указанные годы.“ — Ф. М. Решетников и „Северная Пчела“. С предисл. А. Кутузова (стр. 233—236). Письма извѣстнаго писателя 60-годовъ Ф. М. Рѣшетникова къ редактору „Сѣверной пчелы“ П. С. Усову. — Неизданная сказка А. П. Чехова. Пред. С. Любимова (стр. 237—239). Сказка „Говорить или молчать“ за подписью „Человѣкъ безъ слезинки“ (1884 г.) была предназначена для журн. „Осколки“, но не появилась въ виду запрещенія ея цензурой. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. Сообщ. В. Дмитриев (стр. 243—244). Письмо 1888 г. съ отказомъ отъ участія сотрудничать въ газ. „Русское Дѣло“. *А. Бемъ.*

N. Cartojan: **La légende d'Abgar dans l'ancienne littérature roumaine.** Dans un précieux article publié dans l'Anuarul Institutului de istorie națională din Cluj I (1922) Mr. V. Bogrea proposait comme étymologie du mot advar (qui figure dans le langage populaire et dans l'ancienne langue roumaine avec le sens d'amulette) le nom du roi d'Edesse: Abgar. L'étymologie était juste. L'auteur du présent ouvrage se propose de compléter les données de M. Bogrea en insistant sur la diffusion de la légende dans l'ancienne littérature roumaine et en démontrant que l'«Abgar» ne peut pas avoir un caractère bogomilique.

Après un aperçu général sur la genèse et le développement de la légende d'après des travaux récents, l'auteur poursuit son histoire dans la littérature roumaine. La légende d'Abgar pénètre dans la littérature roumaine vers le milieu du XVIIe siècle. La plus ancienne version se trouve dans les manuscrits des chronographes qui peuvent être classées en deux grandes classes. La première comprendrait le chronographe de «Pătrașco Danovici», traduit d'après le chronographe grec de Mathieu Kigala (ce dernier fut imprimé a Venise en 1637); et la seconde: le chronographe de «Grégoire Buză», traduit d'après le chronographe grec de Dorothé de Monembassie, qui fut imprimé dans la même ville, en 1531.

Une autre version apparantée aux précédentes se trouve dans les Vies de Saints traduites du grec par le Métropolite de la Moldavie, Dosofté, et imprimées à Jassy en 1682—6. Dans l'oeuvre de Dosofté la légende se lit aux dates du 16 et du 21 Août. Dans celle du 16 Août la légénde d'Abgar se ressent de la légende de l'icône aheiropoïite et on la lit en commémoration de la translation de l'icône d'Édesse à Constantinople. Celle du 21 Août développe surtout la mission de Thadée à Edesse d'après les données d'Eusèbe.

Cette version se retrouve dans les ménologes. Le plus ancien a été traduit du grec en roumain — exception faite des chants liturgiques qui ont été

---

[1]) См. отзывъ А. С. Долинина о пріемахъ этого изданія текста въ „Лит. Мысли“, кн. III (1925 г.).

conservés en langue slave — par Radu Greceano, le logothète du Prince Brancoveanu. Avec les chants liturgiques en roumain ce ménologe fut réimprimé à Râmnic en 1780 — et cette version se lit de nos jours dans toutes les églises.

Notons encore une autre version incorporée aux «Vies de Saints», traduites du russe, par le Métropolite Benjamin et imprimées à Jassy en 1815.

La correspondance d'Abgar avec Jésus a été enfin reimprimée dans d'autres textes religieux (p. ex: «Ceasosloave»). La légende a influencé ensuite la peinture religieuse. L'icône d'Édesse est peinte dans toutes les églises roumaines.

Quant à l'habitude de porter la correspondence comme amulette on sait qu'elle est assez ancienne: attestée par les anciens écrivains antérieurs aux Bogomiles (Procope, par exemple, pour la ville d'Édesse), elle a été confirmée par les fouilles de nos jours.

Les dispositions du Ve concile oecuménique (canon 61) vise, à ce qu'il paraît, surtout le livre de *Γυλλώ*.

L'habitude de porter la lettre d'Abgar et de Jésus comme amulette s'explique ainsi par un trait de psychologie populaire. Il n'y a pas besoin de faire intervenir l'hérésie bogomilique.

Il est à remarquer que — d'après les reseignements fournis par W. Cureton Ancient Syriac Documents p. 133 — la correspondance d'Abgar avec Jésus était employée comme amulette pour les maisons même en Angleterre au XVIIe siècle. *N. Cartojan.*

Georgieviciana v knihovně Národního muzea v Praze. V Slavii III. sešit 2. a 3. uveřejnil jsem v referátě o Kidričově Bart. Georgijevićovi na str. 525. Georgieviciana ze Strahovské a Universitní knihovny; nyní doplňuji tento soupis ještě tisky z knihovny Národního muzea, které mi tehdy nebyly přístupny.

1. De Turcarum ritu et caeremoniis, Antverpiae 1544. Je to první spis, jímž Bart. Georgijević zahájil svou literární činnost. V Kidričově serii (kap. III. str. 19.) jest uveden pod č. *1. (Hvězdička před číslicí znamená, že je dochován ve vídeňské National bibliotéce.)

2. De afflictione (obsahuje také De ritu), In Veteri Vormatia (Worms) 1545. U Kidriče č. *15. Podle něho je to autorem samým nově upravené vydání dřívějších spisů De afflictione z r. 1544 a De Turcarum ritu z téhož roku.

3. Prognoma (obsahující též Exhortatio), Viennae Pannoniae 1547. Autorem samým upravené nové vydání spisů Prognoma z r. 1545 a Epistola exhortatoria z téhož roku. U Kidriče č. *19.

Tyto všechny tři Georgijevićovy spisy jsou přivázány jako adligáty k tisku (Sig. star. tisků 64 F 16), jehož titulní list chybí a jehož název je rukou nadepsán jako spis »De ortu et progressu Portae Ottomanicae authore Bartholomaeo Georgieuits, Norimbergae sub praelo Friderici Peypus 1530«. Tento tisk však není spis Georgijevićův, nýbrž, jak jsem zjistil. je to Lutherovo vydání turecké kroniky, jež uvádí Georg Wolfgang Panzer, Annales Typographici, vol. VII. str. 476. č. 268. pod tímto titulem: »Libellus de ritu et moribus Turcorum ante LXX annos aeditus. Cum praefatione Martini Lutheri anno MDXXX. In fine: Excusum Norimbergae sub praelo Friderici Peypus, impensa Leonhardi à Quercu, Mense Martio, anno restitutae salutis MDXXX. 8«.

4. Türcken-Büchlein, Strassburg 1558. U Kidriče č. 36. Je to německý překlad Johanna Zschorna neapolského vydání Georgijevićových spisů z r. 1555, obsahující zkrácený výtah z jeho spisů. Sig. star. tisků 94 H 59.

V Ljubljani 1926. *Dr. V. Burian.*

Polská archaeologie zabývá se poslední dobou horlivěji t. zv. **kulturou lužickou** doby bronzové a starší železné. Celá tato činnost zasluhuje zde zmínky proto, že se v ní stále vrací stará otázka, zdali tato lužická kultura je slovanská, nebo lépe řečeno praslovanská (poněvadž tu běží o dobu ca 1400—400 př. Kr.),

či zdali jí není a komu náleží. Nově vyšlé *Przyczynki do poznania kultury łużyckiej na Pomorzu* od Ks. Wład. Łegy rozšiřují do značné míry naše vědomosti o rozložení této kultury na severu v Pomoří, kde dosud byla málo známá. V otázce příslušnosti staví se Łega po bok těm, kteří hájí slovanskost, což je dnes v Polsku thesí všeobecně uznávanou, po mém soudu ovšem předčasně. Tito Praslované podlehli v druhé polovině I. tisíciletí př. Kr. invasi cizích, germánských národů, ale udrželi se jako spodní podmaněná vrstva. *L. N.*

Dr. F. M. Bartoš: **Soupis rukopisů Národního musea** sv. I., v Praze 1926. Již v dřívějších letech byly vydány seznamy rukopisů dvou velkých knihoven pražských. Pro veřejnou a universitní knihovnu v Praze jsou to Catalogus codicum manu scriptorum Latinorum qui in c. r. bibliotheca publica atque universitatis Pragensis asservantur, pars I., II., Pragae 1905, 1906 a Katalog českých rukopisů c. k. veřejné a universitní knihovny pražské, v Praze 1906 od *J. Truhláře*. pro pražskou kapitulní knihovnu pak Soupis rukopisů knihovny metropolitní kapitoly pražské, část I., II., v Praze 1910, 1922 [= Soupis rukopisů knihoven a archivů zemí českých, jakož i rukopisných bohemik mimočeských, vydávaný Českou akademií věd a umění číslo 1., 4.[1])] od *Ad. Patery a Ant. Podlahy.*

Podobného díla se nyní dostává také knihovně Národního musea v Praze; to je třeba uvítat s radostí, neboť se tak stanou snáze přístupnými knižní poklady této význačné knihovny. Nákladem vzdělávacího spolku »Melantrich« v Praze vyšel totiž právě Soupis rukopisů Národního musea v Praze, sv. I., v Praze 1926, sestavený *Dr. F. M. Bartošem.* Seznam tento obsahuje všechny rukopisy české, latinské i jiné, a to nejen staré (ze stol. 14., 15. a p.), nýbrž i rukopisy novější, i ze stol. 19. (sr. na př. J. N. Štěpánek, Tintili vantili z r. 1819). Proti Truhlářovi a Paterovi-Podlahovi, kteří začátky i konce skladeb starých ponechávali v svém katalogu v původním pravopise, užívá Bartoš novočeského přepisu; jinak se však řídí, jak sám poznamenává, úplně vzorem Truhlářovým. — Do roka má vyjíti i sv. II. s rejstříkem a teprve potom bude lze tohoto cenného a pracného díla s úspěchem používati.

V Praze dne 5. března 1926. *S. Petíra.*

Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte. Der Berliner Ordinarius für osteuropäische Geschichte Prof. Karl Stählin gibt seit einigen Jahren in zwangloser Folge Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte heraus. Bisher sind im Historiaverlag Schraepler erschienen ein Aufsatz Stählins über seinen Vorfahren Jacob von Stählin sowie folgende Quellen (in mit Anmerkungen versehenen Übersetzungen): Ivans Briefwechsel mit Kurbskij, Nikitins Reise durch die drei Meere, Radiščevs Reise von Petersburg nach Moskau. Nunmehr hat der Newa-Verlag Berlin den Verlag übernommen und als erste Quelle M. M. Ščerbatovs Schrift »Über die Sittenverderbnis in Rußland« herausgebracht. Die sehr einseitige, aber zum Studium der russ. Geschichte von Peter bis Katharina unentbehrliche Streitschrift ist von Ina Friedländer sehr sorgfältig übersetzt und mit eingehenden, von großen Kenntnissen zeugenden Anmerkungen versehen worden. Sergjej Jacobsohn hat dazu eine einleitende Studie geschrieben, deren Gründlichkeit und weitblickende Anlage so sehr zu loben ist, daß man die etwas zu günstige Bewertung des unverbesserlichen Schwarzsehers Ščerbatov gern mit in Kauf nimmt. *L. Silberstein.*

---

[1]) Jako 2. číslo této sbírky vyšla kniha Rukopisy majorátní knihovny hrabat z Nostitz a Rhienecka v Praze, v Praze 1910 od *J. V. Šimáka* a jako číslo 3. pak Bohemika knížecí dietrichsteinské knihovny v Mikulově, v Praze 1915 od *A. Patery.*

Výtahy z časopisů.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1918 г. Тома XXIII-го

Книжка I-я. Петроградъ, 1919.

К. В. Харламповичъ. Вѣдомости Московскаго государства 1702 года (стр. 1—18). — М. О. Когенъ. Нѣсколько поправокъ и дополненій къ „Этимологическому словарю русскаго языка“ А. Преображенскаго (стр. 19—32). Поправки и дополненія эти касаются словъ: береза, борщъ, брать, брести, бугоръ, весь, ворохъ, вошь, второй, выкнуть, вѣко, вѣха, гасить, головня, громъ, деготь, дежа, десятый, дитя, дуть, ерникъ, жаденъ, жидокъ, жиръ, застрять, здоровъ, заря, знать, знобить, зобъ, колѣть, кормъ, куща, ланита, мокръ, моросить, морошка, мудръ, мямлить, нахалъ, нюхать, пелена, печь, писать, плакать, плести, плыть, плѣшь, подушка, полѣно, присный, прорѣха. Къ даннымъ словамъ частью предложены авторомъ новыя параллели, частью указаны новые индоевропейскіе корни, наконецъ, частью внесены поправки въ толкованіе А. Преображенскаго. — Е. С. Истрина. Употребленіе именныхъ и мѣстоименныхъ формъ именъ прилагательныхъ въ Синодальномъ спискѣ I Новгородской лѣтописи (стр. 33—62). Авторъ ставитъ себѣ задачей выяснить, какіе принципы лежали въ основѣ употребленія этихъ формъ въ др.-русск. языкѣ. Каковъ былъ историческій ходъ измѣненія и суженія этихъ принциповъ и каково его отношеніе къ морфологическому процессу потери склоненія? Всегда ли опредѣленныя категоріи именъ прилагательныхъ имѣли лишь одну какую нибудь форму или было время, когда всякое прилагательное могло имѣть обѣ формы — и именную и мѣстоименную? На эти вопросы Е. С. Истрина и отвѣчаетъ по даннымъ Синодальнаго списка Новгородской I. лѣтописи, приводя оттуда многочисленные примѣры. Не удовлетворяясь извѣстнымъ положеніемъ Миклошича по вопросу о различіи формъ прилагательныхъ, авторъ вноситъ въ него поправку и объясняетъ различіе въ употребленіи наклонностью именныхъ формъ къ предикативности. — В. Н. Строевъ. По вопросу о ‚старцахъ градскихъ‘ русской лѣтописи (стр. 63—64). Краткая замѣтка В. Н. Строева указываетъ, что ‚старцы градскіе‘, входившіе, по мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, въ правительственный совѣтъ св. Владимира, — черта, перенесенная лѣтописцемъ съ еврейскаго царя Соломона, совѣщавшагося съ ‚πρεσβύτεροι τῆς πόλεως‘. Еще Н. И. Костомаровъ замѣтилъ, что лѣтописный образъ св. Владимира не остался безъ вліянія библейскаго образа Соломона. — Н. И. Петровъ. Опытъ ресторации плана Кіева въ Тератургимѣ А. Кальнофойскаго 1638 года. Съ 1 табл. рисунковъ (стр. 65—88). — Н. Н. Виноградовъ. Жгонскій языкъ. Условный языкъ при-Ветлужья, Костромской губ. (стр. 89—105). Поводомъ къ написанію указанной статьи послужило письмо русскаго солдата, находившагося въ плѣну въ Австро-Венгріи и сообщавшаго о своемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ лѣтомъ 1915 года на родину. Письмо попало въ канцелярію Костромского губернатора, тамъ обратило на себя вниманіе мѣстныхъ полицейскихъ властей своимъ непонятнымъ тарабарскимъ языкомъ. Анализъ языка письма показалъ, что онъ представляетъ собой измѣненный и осложненный видъ условнаго способа тайнаго разговора ‚по ши-цы‘. Этотъ языкъ распространенъ въ

довольно значительной степени среди всего населенія Варнавинскаго уѣзда, а отчасти и Ветлужскаго, Костромской губ., занимающагося земледѣліемъ и лѣснымъ промысломъ; знаютъ его лица разнообразныхъ занятій и различнаго общественнаго положенія, часто довольно развитые; называется этотъ условный языкъ на мѣстѣ Жгонскимъ языкомъ. Авторъ письма имѣлъ большой запасъ словъ этого языка и пользовался чередованіемъ основныхъ слоговъ слова съ приставными ,,шицы". На основаніи собранныхъ черезъ своихъ корреспондентовъ матеріаловъ Н. Н. Виноградовъ даетъ словарикъ (въ 176 словъ) Жгонскаго языка, такъ что представляется возможность сдѣлать нѣкоторые выводы относительно словообразованія, словоупотребленія, грамматики и синтаксиса его. — Н. Ванъ-Вейкъ. Къ формамъ *родилá*, *родилсѧ́* и т. д. (стр. 106—112). Эти формы, стоящія по своей акцентовкѣ особнякомъ среди русскихъ глаголовъ IV класса, Ванъ Вейкъ возводитъ къ такимъ формамъ, какъ *rȍdilъ*, *-ilo*, изъ которыхъ всѣ историческія формы объясняются очень просто. Удареніе *родилá*, а равно *родилóсь*, *родилúсь* *родилсѧ́* возникло по закону De Saussure'a. — Евг. Г. Кагаровъ. Замѣтки по русской миѳологіи (стр. 113—124). I. О нѣкоторыхъ повѣріяхъ и обычаяхъ, связанныхъ съ русалками и домовымъ. — II О значеніи нѣкоторыхъ праздничныхъ обрядовъ и игръ. — Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи (стр. 125—182). I. Прасл. *visěti* ,pendere'. Проф. Ильинскій сопоставляетъ лит. *vypsoti* съ прасл. *viseti* изъ **vipsěti*. Первоначальнымъ значеніемъ глагола было не столько ,оставаться на воздухѣ безъ опоры', сколько ,качаться (ср. *věsiti*). — II. Прасл. *bagati* ,желать'. Авторъ связываетъ слово съ др.-инд. *bhágati*, *bhágate* ,дѣлитъ, удѣляетъ, надѣляетъ; получаетъ, какъ часть; обращается, прибѣгаетъ; любитъ', *bhágas* — ,богатство, счастье', слав. *bogatъ*, надѣленный счастіемъ, богатствомъ' и. т. д. — III. Прасл. *vyžьlъ* ,canis sagax'. И сопоставляетъ данное слово съ лат. *vigil* ,бодрый, живой, энергичный', гдѣ корень **u̯eg-* (срв. лат. *vegeo*, *vigeo*); вмѣстѣ съ др. инд. *vājas* *vājajati*, др.-исл. *vakъ*, двн. *wackar*, *wahhōn* отражаетъ иде. базу **au̯eĝ-* ,быть бодрымъ, скорымъ,' редуцированная ступень **ug*, на слав. почвѣ **yz-* > **vyz-*: *z* > *ž* подъ вліяніемъ дублета **vyzlь*. — IV. Прасл. *trajati* ,durare'. Отражаетъ иде. базу **ster(e)-* ,цѣпенѣть, каменѣть', расширенную формантомъ *-i-*, безъ ,подвижного' *s*. Рядомъ база **(s)t(e)rē(i)-* въ томъ же значеніи, а въ праслав. рядомъ съ *trajati* синонимическое *travati*. на низшей ступени базы **(s)trēu-*trъv*, *trъvati*: при удлиненіи средней ступени **strĕu-* > **strēu-p* *за-стрѣвать;* авторъ предполагаетъ также, что отъ корня *trъv-* образовано *trъvoga*; вр. ,*тревога* и мр. *тривога* отражаютъ прасл. *trěvoga*, т. е. ихъ коренъ отъ *за-стрѣвать* отличается отсутствіемъ ,подвижного' *s*. — V. Прасл. *trizna* ,certamen' .Въ слав. *trizna* и *tryzna* продолжаетъ жить та-же пара иде. базъ **(s)t(e)rei-* и **(s)t(e)reu-*. — VI. Дцсл. трѣзвъ ,νήφων'. Авторъ допускаетъ, что **terzvъ* образовано отъ корня **(s)ter-ĝ-*, гдѣ **ster-* есть база, а *-ĝ-* ея средненебное расширеніе; первоначальное значеніе ,стойкій' вообще, ,стойкій передъ соблазномъ напиться', въ частности. — VII. Влр. *тормозъ* ,родъ стопора'. Слово отражаетъ иде. базу **ster(e)m-* безъ подвижного *s* менѣе малочисленную по своимъ потомкамъ въ слав. яз. чѣмъ база **st(e)rem*. — VIII. Еще разъ о дцсл. трѣмъ ,turris'. Это слово авторъ связываетъ съ иде. базой **stere-*, расширенной губными детерминативами, звонкимъ *b* и глухимъ *p*; въ слав. языкахъ иде. база эта живетъ въ своихъ 12 основныхъ разновидностяхъ: **st(e)reb/p-* и **ster(e)b/p*.- Первая отразилась въ прасл. *stropъ* (дцсл. стропъ ,στέγνη'), б. *стропъ* ,верхъ, чардакъ, этажъ'; с. *strôp* ,потолокъ, верхняя часть крыши' и т. п. Вторая разновидность базы **stereb/p-* **sterb/p-* чаще со звонкимъ детерминативомъ, чѣмъ съ глухимъ; прасл. **storbiti* (ч. *strabiti* ,поправиться, выздоровѣтъ'), **u-storbiti* (дцс. оустрабити ,recreare', мр. *о-сторобити ся* ,испугаться, собств. остолбенѣть отъ страха' и т. п.). Детерминативъ *p* въ мр. *сторопити ся*, въ лит. *stìrpti* ,выращивать', *sterptis* ,настаивать на своемъ правѣ', лат. *stirps*.

,стволъ, стебель'. Безъ ,подвижного' *s* въ семьѣ словъ корня **tьrp-* ,терпѣть', с. *trȍbje* ,вила, вилообразная вѣтвь', *trâbje* ,die Wagenschere', *trâ*… f. Въ связи со славянскими стоитъ лат. *trăbs* ,болна, бревно', дальше оск. triibum ,домъ' и лт. trobà ,изба', греч. *τέραμνον* ,домъ, комната'. Значеніе ,жилище' развилось изъ ,постройка на столбахъ'; оно же — основное въ прасл. **termъ* ,теремъ'. — IX. Мр. *стрибати* ,скакать, прыгать'. Восходитъ къ иде. корню **(s)ter-* ,торчатъ' съ расширеніемъ на *-ibh:* т. е. имѣемъ двусложную базу **st(e)rib(h)-*. Первоначальное значеніе ,торчать, топорщиться', далѣе — ,противодѣйствовать, двигаться къ извѣстной цѣли, стремиться, бороться'. Промежуточное звено — ,крутой поворотъ тѣла для оказанія противодѣйствія; скачокъ', каковое и имѣемъ въ мр. стрибъ ,скачокъ'. — X. Дцс. оимиинъ ,miles'. Авторъ предполагаетъ для оими (им. мн.) основу **oịьmo* и сближаетъ ее съ греч. *οἶμος* ,дорога, тропинка', др.-инд. *émas* ,ходъ'. Въ такомъ случаѣ оимиинъ означало бы ,человѣка, *быстро, стремительно* идущаго; нападающаго, штурмующаго'. При такой этимологіи слову родственны др.-инд. *ajás* ,неукротимый, дикій' и лт. *a mė* ,толпа'; семасіологической параллелью ему будетъ *vojinъ*, которое при лт. *vîti* ,гнать, преслѣдовать', лат. *venor* и др.-инд. *vēti* ,преслѣдуетъ, стремится' также обозначаетъ ,человѣка болѣе или менѣе стремительно и бурно аттакующаго'. — XI. Дцсл. вѧштии ,maior'. Это сравнительная степень отъ недошедшаго прилагательнаго **vętъ*, которое живетъ предположительно въ образованныхъ отъ него ум. *Вятко* (< **Vętъko)* и *Вятичъ* (< **Vętitjь)* **Vętъ* предполагаетъ **vęktъ = *vęk-to-:* первая часть соотвѣтствуетъ лат. *vinc-* въ *vincere*, вторая лат. *-tor* въ *victor*. Первоначальное значеніе ,сильный, могучій'. — XII. Южнослав. *kip* ,imago'. Возможно, что *i* не первоначально, а возникло изъ *y* по общему закону южнославянскихъ языковъ«; тогда родственнымъ данному слову будетъ иде. корень **(s)keub(p)-* ,рѣзать, рвать', сх. *čȕpati* ,рвать', с. *čupati* ,скрести, рвать'. Родство *kyръ* съ *čupati* и *kъpъ* предполагаетъ исконное значеніе ,,скульптурное произведеніе'', лат. *sculptura*, дцсл. капь ,imago, statua, idolum'. — XIII. Срб.-хрв. *lâst* ,удобство'. Восходитъ къ прасл. *lьstьnъ* при *lьstь*, которое И. сопоставляетъ съ дцсл. лѣть ,licentia', гдѣ суффиксъ *-tь* и корень **lē-* > иде. **le(i)-* ,пускать, оставлять', латышское *lē's* ,легкій' < ,находящійся въ сферѣ возможности.' Низшая ступень **lĭ(i)- *lī-* и кроется въ *lьstьnъ* ,легкій, удобный'. — XIV. Зап.-слав. *kat* ,палачъ'. Авторъ предполагаетъ, что *katъ* стоитъ въ связи съ б. *четúна* ,щетина', сх. *čètina* ,щетина, иглы на хвойномъ деревѣ', безъ ,s mobile', если сопоставить съ прасл. *ščetъ. ščetina, ščetka* иде. корня **sket(h)-* ,рѣзать'. — XV Др.-чеш. *chorziti sě* ,возмущаться, волноваться'. Слово это встрѣчается только одинъ разъ въ ст.-ч. Александреидѣ, и излѣдователи готовы видѣть въ немъ ошибку писца. Но въ виду того, что суффиксъ *-oz-* чередуется съ суффиксомъ *-ъz-*, является возможность сопоставить *chorozíti* съ русскимъ діалект. *хóрзать* ,чваниться, важничать собой' (изъ **chor-ъz-ati* или **chъr ъz-ati)* и *харзúть* ,зазнаваться, сердиться'. — XVI. Чш. *hlesnouti* ,издать звукъ'. Восходитъ къ прасл. **gъl-es-nǫti*, корень **gъl-* низшая ступень широко распространеннаго въ сл. яз. звукоподражательнаго корня **gel-*, суффиксъ *-es-* чередуется съ *-os-* и его удлиненіемъ *-as-*. Отсюда *gal-asъ* родственно ч. *hlesnouti* и *hles* и первое не имѣетъ ничего общаго съ ч. *hlas*, бр. *галасиць* / голосиць, осет. *γalas* ,голосъ'. — XVII. Чш. *tisíc*. Первая часть ч. *tisíc* и бр. *тисяча* — послѣдній остатокъ иде. корня **t(u)i-* или точнѣе **t(u)ī-s-* (др.-инд. *tuvi* ,могучій', *tavīti* ,онъ силенъ', *tavjas* ,сильный'); въ соединеніи съ числительнымъ **k̥mti* ,сотня' > слав. **tis-setī* / **tisętja*; подобнымъ образомъ **tys-sęti* > **tysęti* < **tysętja*. — XVIII. Чш. *včela* ,пчела'. И. ставитъ въ связь *včela* съ глаг. *vučeti* ,жужжать'. — XIX. Пл. *pszczoła* ,пчела'. Ч. глаголы *bzíkati* ,жужжать' и п. *bzikać. bzykać* даютъ основаніе предполагать, что нѣкогда въ зап.-слав. яз. существовало *bъzola*, впослѣдствіи утраченное. Изъ скрещенія *pczoła* и

*bъzoła получилось: *bъčela > *bzčeła > *bščeła > *pščeła > pszczoła. — XX. Слов. čbẑa ,пчела'. Стоитъ въ связи съ звукоподражательнымъ корнемъ *čьb- / *(s)kьb- — XXI. Дцс. бъчела ,пчела'. И бъчела и бьчела образованы однимъ и тѣмъ же суффиксомъ отъ звукоподражательныхъ корней *bhŭk- и bhĭk. — XXII. Пл. z-broj ,вооруженіе'. Предполагаетъ базу *bher- ,рѣзать' съ расширеніемъ черезъ -eu- и -ei-. Прасл. *sъ-brojь. ж. р. *sъ-broja высшія ступени къ briti, такъ что *brojь : briti какъ bojь : biti. Первоначальное значеніе — ,дѣйствіе рѣзанья'; дальше — ,нарѣзка'; ,мечъ, сабля'; ,военное снаряженіе коня'; ,снаряженіе вообще'; ,збруя'. — XXIII. Пл. posag ,статуя'. Служитъ параллелью къ лат. species ,видъ', но и ,изображеніе, статуя'. Съ этимъ словомъ авторъ сближаетъ posag и этимологически. — XXIV. Пл. warga ,губа'. Развилось отъ того иде. корня *uerg- ,гнуть, вить, вертѣть', который сохранился въ лтш. sa-wergt ,сморщиваться, съеживаться', лат. vergo ,склоняюсь', др.-инд. vṛṇakti ,поворачиваетъ, вращаетъ'. Польское слово развилось изъ низшей ступени *vr̥g-. — XXV. Дцс. врътъпъ ,σπήλαιον'. Восходитъ къ иде. корню *uer-, расширенному зубнымъ; первоначально — не ,пещера вообще', а ,извилистый оврагъ или ущелье'. — XXVI. Мр. заміж ,замужъ'. Загадочное i на мѣстѣ ǫ > u И. объясняетъ изъ перешедшаго въ румынскій яз. мр. mojic ,крестьянинъ', сопоставляя съ мр. можик. Отсюда могло существоватъ и лежащее въ его основѣ *можь > міжь. — XXVII. Блр. хула ,хвала'. chvala и chula представляютъ исконное этимологическое единство, восходятъ къ базѣ *khoua-, обозначали просто ,крикъ'; затѣмъ произошла дифференціація: *chva- (< *khva-) стало обозначать ,кликъ ликующій; торжествующій; хвалебный,' корень *chu- (< *khōu-) ,крикъ негодующій, презрительный'. — XXVIII. Др.-русск. ушь ,какое то растеніе'. Это растеніе — лт. usnis ,волчецъ, чертополохъ, родъ терновника'. Въ лт. ,имѣется суффиксъ -nis, а корень на низшей ступени. — XXIX. Влр. лѣстовка ,родъ кожаныхъ четокъ у раскольниковъ'. Авторъ не отдѣляетъ отъ listъ (< *loist-) съ низшей ступенью корня (ср. лт. laĩškas ,листъ', пр. laiskas ,книга' съ высшей ступенью; др.-инд. lēṣṭuš ,глыба земли' < *leist- средней). — XXX. Влр. лезвеё ,остріе ножа'. Сопоставляется съ лат. ligo ,кирка, мотыка', восходитъ къ иде. корню *lī-ĝ- съ инымъ детерминативомъ, чѣмъ *lĭk- ,рвать,' др.-инд. liśati ,рветъ, обрываетъ', и *lĭ-s (слав. lěcha, контаминація третьяго варіанта съ первымъ дала греч. λίσγος ,мотыка'. — XXXI. Влр. выль ,шишка'. Восходитъ къ иде. базѣ *ovel- съ двумя ступенями: *oul- сильной и *ul- редуцированной (п. ul ,фистула, опухоль', слов. ul ,опухоль'; прасл. uljь и *yljь (vyljь). Основное значеніе — ,отдѣлять, рѣзать, рвать'. Съ этимъ корнемъ въ связь авторъ ставитъ и Волынь — такъ назвали первые насельники славяне страну холмовъ, которую заняли. — XXXII. Влр. стебáть ,хлестать, стегать'. Ввиду нѣм. синонима steppen. st ft. лат. stips. stīpare, р. стебать возстанавливаетъ, какъ stěbati и соединяетъ въ одну семью со stьblь (цс. стьблъ ,στέλεχος', р. стебель). Слово является потомкомъ корня *steibh- (сильн. ст. *stoibh-, лт. staĩbas). — XXXIII. Цсл. стьблъ ,дикая кошка'. Авторъ ставитъ вопросъ: ,,не находится ли цсл. стьблъ въ родствѣ съ гр. στιφρός ,плотный, крѣпкій', στιβαρός ,сжатый, сильный', лт. st p ùs ,сильный, плотный', staibus ,сильный, храбрый'? Если да, то древнѣйшее значеніе его — ,плотное, крѣпкое и, слѣдовательно, сильное и храброе животное'. Восходитъ слово къ корню *steib(ph) Эта этимологія выдвигается лишь, какъ ,рабочая гипотеза', пока не удалось въ другихъ языкахъ указать словъ этого же корня со значеніемъ ,дикое животное'. — XXXIV. Влр. рáменье ,лѣсъ, граничащій съ полемъ'. Принимая во вниманіе, что рáменье всегда обозначало ,опушку лѣса' и первичнымъ значеніемъ его могло быть ,поросль', авторъ сопоставляетъ его съ извѣстной иде. базой *u̯erod- ,рости'; высшую ступень имѣемъ въ агс. wrōt ,хоботъ', др.-исл. *rōt ,корень' которое на слав. почвѣ должно было бы звучать, какъ rād, а въ соеди-

неніи съ суффиксомъ *-men-*, какъ *ramen-*. Къ этой же базѣ **u̯(e)rĕl-* ‚рости‘ восходить можетъ и прасл. *ramĕnъ* ‚сильный‘, которое могло развиться изъ ‚рослый, крупный‘, какъ др.-инд. *vradhant-* ‚большой, могучій‘ не отдѣлимо отъ *várdhati* ‚растетъ, дѣлается большимъ‘. — XXXV. Влр. *ятрышникъ* раст. ‚orchis maculata‘. И. ставитъ это слово въ связь съ *ятро* ‚ядра, яйца, шулята‘; корень **jętr-* (ядришникъ — въ томъ же смыслѣ **jędr-*), суффиксъ *-ičьnikъ*, по смыслу точно соотвѣтствуетъ классическому названію того же растенія — *орхидея* ‚яйцевидное растеніе‘. — А. И. Соболевскій. Какъ изслѣдовать мѣстныя названія? (стр. 183—186). Ак. Соболевскій указываетъ, что врядъ ли можно искать въ названіяхъ рѣкъ, озеръ, горъ и т. п. слѣдовъ движенія народовъ. Въ окончаніяхъ названій можно предполагать потомство нарицательныхъ именъ неизвѣстныхъ намъ языковъ. Окончаніе *-сна* одно изъ обычныхъ окончаній рѣкъ на огромномъ пространствѣ Европейской Россіи (Тьсна, Шексна, Медесна, Лопáсна, Полосна и мн. др.) можно предполагать въ *-сна, -съна* или *-сьна*, а это послѣднее можно сопоставить съ *sinum* (у Плинія), а значитъ оно *мать моря*. Такъ что Десна не имѣетъ ничего общаго, кромѣ звуковъ, съ слав. прилагательнымъ *деснъ*. — *Его-же*. Что такое *Стегеръ?* (стр. 187). Это сокращеніе греч. *εἰς τὸ ἱερόν* въ *Стогеро́*, подобно тому, какъ *εἰς τὴν πόλιν* въ произношеніи давало *Стамбо́ли*. — И. Ю. Крачковскій. Арабская цитата въ письмѣ Грибоѣдова (стр. 188—194). Разборъ цитаты позволяетъ автору утверждать, что до 1820 г. Грибоѣдовъ не обладалъ серьезными познаніями въ арабскомъ языкѣ. — В. В. Бушъ. Старинныя азбуки-прописи (стр. 195—224). Азбуки-прописи предполагаютъ у ученика знаніе азбуки п предлагаютъ: однѣ — матеріалъ для упражненій въ скорописи, другія — матеріалъ для чтенія. II. Азбука дьякона Ѳеодосія 1648 г. — самая любопытная изъ коллекціи Историческаго Музея. III. Азбука съ повѣстью объ Азовскомъ сидѣньѣ. IV. Прописи 1684 года — хранятся въ Ак. М. № 17. 3. 38. V. Азбуки съ двумя изреченіями на букву (I группа). VI. Азбуки съ однимъ изреченіемъ на букву (II группа). VII. Азбуки съ ариѳметическими задачами (III гр.). — А. Л. Бемъ. Къ уясненію историко-литературныхъ понятій (стр. 225—245). I. „Мотивъ“ и „Сюжетъ“. II. Сюжетъ въ лирикѣ. III. Содержаніе, идея, тема. — Н. И. Карѣевъ. Гермесъ-Михаилъ и сказаніе о чудѣ въ Хонахъ. По поводу книги О. А. Добіашъ-Рождественской „культъ св. Михаила въ латинскомъ средневѣковьѣ V—XIII вѣковъ“ (Петроградъ, 1917 стр. 246—261). — В. В. Бушъ. Илья Александровичъ Шляпкинъ. (Некрологъ. Стр. 262—277).

Der č. Ortsname Bechyně, Bechyň.

Die Ortsbezeichnung *Bechyně, Bechyň* ist höchstwahrscheinlich von dem nomen viri *Bech*, das schon für frühe Zeit beglaubigt ist,[1]) mittels des Formans *-yně* abgeleitet.[2]) Der Personenname selbst kann in doppelter Weise gedeutet werden:

a) Bech = Kurzform zu *Benedikt* (eine andere Koseform zu *Benedikt* ist *Beneš*) oder *Bedřich* (vgl. Gebauer, Slovník staročeský I, 35); vom Grundworte ist der anlautende Konsonant mit dem darauffolgenden Vokal festgehalten, daran ist das hypokoristisches Formans *-ch-* getreten (ebenso *Petr-Pech*). A. Brückner, AfslPh. 38, 52 f. scheint der Personenname *Bech* zu alt, als daß er aus *Benedikt, Bedřich* entstanden sein könnte, weshalb er lieber Kürzung aus einem slav. Worte, vielleicht aus *besěda* «Rede», annehmen möchte (er vergleicht dazu der Personennamen *Gorazd* von *gorazdъ* «beredt»). Natürlich könnte mit dem gleichen Rechte jedes andere Wort, insofern nur sein Anlaut in den Kram paßt, als Grundlage für die Kurzform gewählt werden, was Brückner auch zugesteht. Damit verliert sich aber die Deutung ins Aschgraue.

b) Um dem Namen *Bech* mit dem Messer der Linguistik beikommen zu können, empfiehlt es sich vielleicht, ihn als erstarrtes Scheltwort zu fassen. Eine eindeutige Lösung des Rätsels wird freilich auch dadurch nicht gefunden, da der vorauszusetzende č. Schimpfname entweder zu *bъch-* 1[3]) «poltern, pochen, auf etw. pochen, prahlen» oder zu *bъch-* 2[3]) «anschwellen, aufgehen, sich aufblasen,

---

[1]) Von Palacký, Geschichte von Böhmen p 101, wird sogar schon zum Jahre 805 ein *Bech* angeführt (Name eines Führers der Čechen, der im Kampfe gegen Karl den Großen getötet wird); doch begegnet bei Pertz, M. G. H. Ss. nur an einer Stelle «Bechonem», sonst durchwegs «Lechonem» (vgl. hierüber Brandl, Glossarium p 121; Böhmer, Regesta imperii I. 2. Aufl. von Mühlbacher p 185).

[2]) Die Místopisný sborník historický království českébo, sepsal Aug. Sedláček, p 377 gegebene Erklärung, wornach dem Ortsnamen *Bechyně* der Personenname *Bechen* zugrunde liege, ist unrichtig; überhaupt fehlt dem ganzen Artikel über Orts- und Personennamen S. 376 ff die entsprechende philologische Tiefendimension.

[3]) Um die beiden Wurzeln *bъch-* voneinander zu unterscheiden, bezeichne ich sie mit 1 und 2.

stolz sein» gestellt werden kann. Wie man sieht, decken sich die beiden Wurzeln lautlich vollständig; dazu kommt, daß sie sich auch in semasiologischer Hinsicht insofern die Hand reichen, als beide auch «prahlen, stolz sein» bezeichnen. Dadurch wird natürlich eine strenge Scheidung der beiden Wurzeln einigermaßen erschwert.[1])

bъch- 1 nach Berneker, E. W. 1, 107, im Ablaut zu *buch-*[2]) «klopfen, schlagen»; allerdings sind nach Bern. a. a. O. die zur Schwundstufe gehörigen Wörter auf das Südslav. beschränkt: abg. *bъšьję, bъšiję; bьšiję* «ὅλως»; *bъchъmь* «πάντη»; *bъchъma* «παντελῶς, prorsus», r.-ksl. *bъchъmь, bъchъma, bъchъmo, bъšьju; bochma, bošьju* ds., skr.-ksl. *na bьchь, sь bьchь, z-bьchь* ds., bg. *hvaštam, čińъ, lovъ bъh* «verneine, leugne, weigere mich», skr. alt *u bah* «durchaus»; heute *bȁš* «gerade, durchaus»; *bȁh* «Leugnen»; *udriti, udariti, udarati u bah* «leugnen»; *za-bȁšiti* «verneinen»; alt *za-pšiti* «ableugnen» *(*-bъšiti)*; dazu *bȁh* «Getöse; Krachen: stolzer, übermütiger Mensch»; *bȁhat (*bъchъtъ)* «Getrappel»; *bȁhnēm, bàhnuti* «unverhofft kommen»; *nà-bahnuti na koga* «jemd. anfahren», sl. *bȁš* «gerade, just»; *na-báhniti* «zufällig treffen, stoßen auf». Auch Miklosich, E. W. d. sl. Spr. 25, führt nur südslav. Belege für die Schwundstufe an; übrigens zitiert er die von Berneker a. a. O. als einheitlichen Ursprungs angeführten Vokabeln unter vier Stichwörtern *(bŭch-, bŭchŭ* 1, *bŭchŭ* 2, *bŭchŭtŭ)*. M. E. ist jedoch auch für das Čech. schwundstufiges *bъch-* 1 vorauszusetzen: Bartoš, Dialektologie moravská I. p. 199, verzeichnet *bechaněc* = buchanec, lach.; *bechnuć* = bouchnouti do zádů, lach. (vgl. auch Bartoš, Dialektický slovník moravský p. 14). Kott, Česko-něm. slovník V. p 961, *bechaněc, -ňce*, schles. u. lach.; *bechati* = bouchati, klepati, tlouci *(bylo tam slyšet cosi bechať)*, schles.; *bechnúti* = bouchnouti (koho kam čím; do zad pěstí), schles. u. lach. Kott, Dodatky k Bartošovu dialektickému slovníku moravskému p. 3, *bechnút* = hoditi (*a bechnul s tým na zem* J. Vyhlídal «Kresby ze Slezka» v Brně); *bejchnút* = spadnouti (*synek bejch do toho plesa* Vyhlídal ibid.).[3])

---

[1]) Freilich müßte bei solcher Auffassung p. *Biech* (Brückner a. a. O.) wegen *-ie-* von č. *Bech* getrennt werden.

[2]) Zur Vollstufe *buch-* vgl. Berneker, E. W. 1, 97 *buchaję, buchati* 1.

[3]) Allerdings würden wir *bchaněc, bchnuć* u. s. w. erwarten; *bech-* statt *bch-* wohl wegen der schwer auszusprechenden Konsonanz; auch können Formen wie *bъchlъ* 〉 *bechl* für die Entstehung von *bech-* verantwortlich gemacht werden. *-ej-* in *bejchnút* dial., aus *-e-* durch Längung und Diphthongierung. Wenn sich auch *bech-*, soweit mir bekannt ist, heute nur noch in mähr. u. schles. Mundarten nachweisen läßt, so kann es dennoch sehr wohl in früherer Zeit über ein weiteres Gebiet verbreitet gewesen sein.

Č. *bech* hätte etwa die Bedeutung des skr. *bäh* «stolzer übermütiger Mensch», dem es auch lautgesetzlich Zug für Zug entspricht.

bъch- 2 schwundstufig zu *buch-* «quellen, anschwellen, sich aufblasen, stolz sein» (über dieses s. Berneker, E. W. 1, 97 f unter *buchnǫ, buchnǫti*; ferner R. Trautmann, Baltisch-slav. Wörterbuch S. 28 unter *bauṣā-*); zu *buch-* «quellen u. s. w.» gehört z. B. č. *na-bouchaný* «korpulent»; *bouchor, bouchoř* «Tasche, aufgedunsenes Schaf»; *buchta* «Schmalzkuchen»[1] (Berneker a. a. O.). Die Ablautstufe *bъch-* 2 ist zwar in keinem der Wörterbücher angegeben, doch glaube ich, sie wenigstens für das Čech. annehmen zu dürfen: Kott, Česko-něm. sl. 5, 961, *bechyňa* (nach Káča) = tlustá ženská, machna, dickes Weibsbild, wal. u. im Zliner Gebiet, Bartoš, Dial. sl. mor. 14, *bech* = místo ve fasunku mezi košinami prázdné («Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku», napsal J. Loriš 1898);[2] *bejchy*, pl. m. = vyduté boky na voze obilím naloženém, mähr.; *bechyňa, -ně* = tlustá ženská (*je jako bechyňa*, im Zliner Gebiet). Da nun eine Funktion des Formans *-yně* darin besteht, Feminina zu entsprechenden Maskulinen zu bilden, könnte vice versa auf Grund des vorhandenen *bechyňa* «dickes Weibsbild» auch ein *bech* in der Bedeutung «dicker, aufgedunsener Kerl» erschlossen werden.[3]

Über das Formans *-yńi*, später *-yńa* (č. *-yni, -yňa, -yně, -yň*) orientiert am besten Zubatý, AfslPh. 25, 355 ff; nach ihm *-yńi* = *y* + *ńi*, d. h., alte Bildungen auf *-y* (*-*ūs*) wurden mit solchen auf *-ńi* kombiniert. Die Frage, ob *-yni* als Vorstufe zu *-yńi* anzusetzen ist, oder ob von allem Anfang an *-yńi* gesprochen wurde, ist heute kaum mehr zu entscheiden. Doch kann als gesichert gelten, daß die Palatalisation des Nasals, auch wenn sie bereits vor der Entstehung der Suffixkomposition, also schon in einfachem *-ńi*, vorhanden gewesen sein sollte, keineswegs etwas Ursprüngliches darstellt, sondern aus den Obliquen in den urspr. Nominativ *-*ni* (bezw. *-*yni*)[4] eingeführt ist. Neben *-yńi* erscheint schon früh nach den Stämmen auf *-i̯a* die Variante *-yńa*, die sogar in einzelnen Slavinen zur Alleinherrschaft gelangt ist; die Analogie konnte umso

[1]) auch «dicker Mensch, Tölpel, Dummkopf».

[2]) vgl. ferner Kott, Druhý příspěvek k česko-něm. sl. p. 10.

[3]) *bech-, bejch-* ebenso zu erklären wie das zu *bъch-* 1 gehörige *bech-, bejch-*.

[4]) **-i-* (slav. *-i-*), das auf *-i̯ə-* zurückgeht, steht im Ablaut (RR) zu *-*ei̯ā-*, **-ei̯e-* (*-*i̯a* und **-i̯e* im Slav. in *-i̯a* zusammengefallen); andere slav. Ablautstufen: *-i̯a* (SV; **zem-i̯a*), *-bi̯a* (RV; **bratr-bi̯a*); *-bi̯-* in **pan-bi̯-i* stammt aus den Obliquen, zu erwarten wäre **pani*.

leichter wirken, als ja die casus obliqui zu den Nominativen auf *-yńi* von jeher aus einem Stamme auf *-yńa* gebildet wurden. Aus *-yńa* wurde im Čech. durch Umlaut *-yně*. Die Kosm. A (nach Gebauers Sigle) überlieferte Form unseres Ortsnamens *Behin* (= Bechyň) (vgl. Bertold Bretholz «Historia Cosmae Pragensis chronica Boemorum» in M. G. H. Ss. p. 10_{10}) ist durch Abfall des *-i* entstanden; Schwund von *-ě (-yně > -yň)* kann für diese Zeit noch nicht angenommen werden, wohl auch dann nicht, wenn man die Hs. nicht in das Jahr 1154, sondern mit Bretholz in die Wende des 12. u. 13. Jh. verlegt.[1]) Das Formans *-yńi* wird vor allem[2])

zur Motion (z. B. abg. *bogyńi* zu *bogъ*, *rabyńi* zu *rabъ*) und

zur Bildung von Abstrakten aus Adjektiven verwendet. Auch *svętyńi*, *pustyńi*, **ěskyńi* (č. *svatyně;* skr. *pústinja;* č. *jeskyně*, alt *jěskyně*) waren urspr. Abstrakta. gebildet aus den Adjektiven *svętъ*, *pustъ*, **ěsko-* (s. Berneker, E. W. 1, 275 unter *ěskyńi*); mit der Zeit aber haben sie konkrete Bedeutung angenommen («Heiligtum», «Wüste», «Höhle»). Oft werden Bildungen, die an sich schon Abstraktes bezeichnen, um *-yńi* erweitert, ohne daß eine merkliche Bedeutungsänderung einträte (z. B. abg. *samota*, skr. *samòtinja* «Einsamkeit»); mitunter wandelt sich aber die abstrakte Bedeutung in eine konkrete (abg. *milostь* «Erbarmen», *milostyńi* «Almosen»). Ja *-yńi* kann schließlich an beliebige Substantiva treten: die so entstandenen Ableitungen wurden häufig als Personennamen verwendet, z. B. p. *Gostyń* (vgl. Brückner a. a. O.; Fr. Černý a Pavel Váša, Moravská jména místní S. 5, u. a.), auch der č. Personenname *Bechyně* ist wohl hierher zu stellen; ferner wurden auf diese Weise Ortsbezeichnungen gebildet, *Čechyně, Čekyně* u. s. w. aus den Personennamen *Čech* (bietet der Erklärung ähnliche Schwierigkeiten wie *Bech*), *Ček* u. s. w. (vgl. Mor. jm. m. 41 f; Palacký, Radhost II, 386; Miklosich in den Denkrschr. d. k. Akad. d. W., phil.-hist. Cl. XIV. p. 11, wo allerdings fälschlich Personennamen auf

---

[1]) Wenn sich auch der Umlaut *-'a > ě* zum größten Teil ungefähr zwischen 1150 und 1200 vollzogen hat (Gebauer H. M. I. p 117). wird man doch an einen Schwund von *ě (< 'a)* im Auslaute gewisser slav. Topika in Kosm. A nicht glauben können, weil die Hs. in der Regel noch unumgelautetes *'a* aufweist: so ist z. B. auch der Nominativ *Lubic* (Bretholz, p 49_{20}) nicht durch Abfall von *-ě (< -'a;* singularischer Name, weitere Belege bei Gebauer Sl. st. II. p. 278) entstanden, sondern wohl unter dem Einflusse der Nominativformen vom Typus *Bechyň*, wo auslautendes *-i* abgefallen war (Übernahme von urspr. **Lubica* in die Klasse der *i*-Stämme ist kaum anzunehmen).

[2]) Vgl. Miklosich, Vgl. Gr. d. slav. Spr. 2, 143 ff; Leskien. Gr. der altbulg. Spr. S. 79, 85 f; Vondrák, Vgl. slav. Gr. 1^2, 551 f.

yn vorausgesetzt werden). Darnach erscheint die Ableitung des)rtsnamens *Bechyně* von dem Personennamen *Bech* auch in mor-hologischer Hinsicht als eine durchaus mögliche.[1])

Prag, Altstadt; Weihnachten 1924.

Ferdinand Liewehr.

---

[1]) Zur urkundlichen Überlieferung vgl. noch G. Friedrich, Cod. dipl. II. 378 «Wezemilus archidiaconus Bechinensis» (in einem Falsum des XIII. Jh.; ı den beiden Abschriften aus dem XIV. und XVI. Jh. wohl irrtümlich »Ba-hinensis»). Vom Personennamen *Bech* sind auch die Ortsbezeichnungen *Bechov* . *Bechová* abgeleitet.

Die Ansicht, daß der Ortsname *Bechyně* aus dem Appellativum *bechyně* rwachsen sei, hätte viel Verlockendes an sich, wenn nur der Gattungsbegriff icht alzu sehr den Verdacht einer Neubildung erregte (*bechyně* = Erzkammer, ezähkammer, Raum zur Aufbewahrung des Werkzeuges der Bergleute; nach ungmann, Slownjk česko-něm. I. p. 88, und Kott, Česko-něm. sl. I. p. 55, egegnet das Wort zum erstenmal 1675 in den Paměti Kutnohorské Kořínkovy).

Razvitak srpskohrvatskog gen. pl. na -$\bar{a}$.

Dugi i dan-danas neokončani spor oko pitanja njihova postanka istakao je novoštokavske oblike gen. pl. imenica muškog i srednjeg roda s konsonantskom osnovom i imenica muškog i ženskog roda s nastavkom -$\bar{a}$ u red najznačajnijih i najinteresantnijih oblika srpskohrvatskog jezika. Otkako je pokrenuto, pre više od pedeset godina, ovo pitanje je stalno budilo interes velikog broja naučnika. Jedno za drugim nicala su razna tumačenja, publikovana u zasebnim raspravama, recenzijama i beleškama, i iskazivana uzgredna mišljenja. Na taj način je oko njega stvorena cela jedna mala literatura.[1]) Ali je sve bilo uzalud. Nijedno rešenje nije zadovoljilo. Ostalo se još uvek na onom mestu odakle se i počelo. To je, po svoj prilici, odličnom znaocu istorije srpskohrvatskog jezika, g. Rešetaru, i dalo povoda

---

[1]) Važnije rasprave i ocenę u kojima se o tom pitanju govori jesu:

V. Jagić, Podmlađena vokalizacija u hrvatskom jeziku, Rad. Jug. Akad. 9, 154—6.

Schleicher, Склоненіе основъ на -*u*, str. 11.

Baudouin de Courtenay, recenzija Jagićeve »Podmlađene vokalizacije«, Извѣст. Казан. Унив. 1877, t. 3. 731—32.

Р. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологіи, Спб. 1880, 101—2, primedba.

G. Möhl, Histoire du gén. pl. en serbe, Mém. Soc. Lingu. de Paris VI, 187—193.

M. Rešetar, Primorski lekcionari XV vijeka, Rad Jug. Akad. 136, s. 136—138. Zatim Arch. f. sl. Phil. XXVII, 299—300; XXXIV, 588—591.

V. Vondrák, O původu kijevských listů a pražských zlomků, Praha 1904, 23—24; isto i u Vergl. slav. Gram. II, 21.

Г. Ильинскій, Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербохорватскомъ языкѣ, Нов. Сб. статей по славяновѣдѣнію изд. учен. В. И Ламанскаго, Спб. 1905, 306—313. — Еще разъ объ образованіи родительнаго падежа множ. числа именъ существительныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ, Извѣст. отд. русс. яз. И. А. Н. XIX, 2, 108—119. — Isp. i Arch. f. slav. Phil. XXVII. 73—74.

Anton Karlgren, Sur la formation du gén. pl. en serbe, Archives d'études orientales, vol. 3, Upsala 1911.

Sigurd Agrel, Zur Erklärung der serbokroatischen Endung -$\bar{a}$ beim Genitiv plural, Från Filologiska föreningen i Lund. Språkliga uppsatzer IV, str. 1—18. — Zur Frage über die sbkr. Endung -$\bar{a}$ beim Genitiv plural. Slavische Lautstudien VI, Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 12, Nr. 3. str. 124—130.

F. Ramovš, K poznavanju praslovanske metatonije, Slavia II, 210—213.

Pored toga i Oblak, Arch. f. slav. Phil. XII, 439—40; Jagić, Arch. f. slav. Phil. XXXVII, 532; Leskien, Gram. der serbokr. Sprache 432—437; Vondrák Indog. Forsch. XXXV, 45 i druge sitnije beleške.

la ga nazove čak »jednim od najtežih pitanja u oblasti slovenske norfologije«.[1])

Poznato je da ovim oblikom novoštokavski dialekti otstupaju od čakavskih—kajkavskih dialekata, i od drugih slovenskih jezika, koji u gen. pl. fonetski ili analoški nastavljaju praslovensku tradiciju. Jedino još usamljeni slovenački govori u ograničenom broju reči maju oblike na -ā ili -ē. Ali je jasno da između njih i srpskohrvatskih nema nikakve veze i da su oba pojava rezultati zasebnih inovacija, pošto su odvojeni i obimom, i vremenom, i prostorom. Paralelizam među njima, uprkos mišljenju nekih naučnika, može dakle biti samo slučajan.

U opsegu jednog članka nemoguće je ulaziti u rasmatranje kritiku dosadašnjih teorija da bi se dokazao njihov neuspeh. Sve su već dovoljno prodiskutovane, mnoge kao nepouzdane već sasvim odbačene. Protiv verovatnosti onih koje su iznesene do 1914. god. ubedljivo govori činjenica da ih Leskien u svojoj Gramatici uopšte nije hteo navoditi,[2]) i da se g. Rešetar, koji se ponajviše bavio ovim pitanjem, pa i sam konstruisao jednu, ne zadovoljava nijednom — čak ni svojom.[3]) Ništa verovatnije nisu ni dve docnije. Teorija koju je dao S. Agrell prosto je nemoguća,[4]) a ona F. Ramovša ne sadrži novih elemenata. Ali je potrebno istaći jedan njihov zajednički nedostatak kao glavni uzrok neuspeha i mnogih sitnijih grešaka: To je njihova apstraktnost. Dosadašnje teorije većinom prosto ignorišu stare spomenike. One ne polaze od tekstova, već od veštačkih fonetskih ili analoških kombinacija van vremena i prostora, kao da je po sredi neki praslovenski pojav, ili pojav predistoriske epohe razvitka srpskohrvatskog jezika, koji ničim nije dokumentovan. A ako se kadgod i pokušalo da se na taj način izgrađena pretpostavka proveri ili potkrepi podacima istorije jezika, nije se služilo samim izvorima, već isključivo primerima iz Daničićeve nepotpune, nepouzdane,[5]) odavno zastarele Istorije Oblika. Da pomenem jedino A. Karlgrena, koji je na osnovu primera u Daničića izveo

---

[1]) Arch. f. slav. Phil. XXXIV, 588.
[2]) Leskien, Gramm. der serbokr. Spr. 437.
[3]) Arch. f. sl. Phil. XXXIV, 591.
[4]) Isp. Južnosl. Fil. III, 229.
[5]) Među Daničićeviim primerima ima i očigledno pogrešnih. Ja sam na pr. slučajno konstatovao da na str. 70 primer кнеђника M. 370 nije gen. pl. nego acc. sing. a primer динара M. 295 gen. sing. (и ѹ коѥ годе би врѣме тѹи реченѹ жѹпѹ конаваоскѹ и Соколь намь рать бранила краљевьства босанскога и неговехь вельможь, да мирно и слободно не бѹдемо моки ѹживати и господовати реченѹ жѹпѹ конаваоскѹ и градь Соколь, да за тои врѣме не имамо платити ни динара).

statistiku upotrebe starijih i novijih oblika u XV i XVI veku, i njom, naravno, potkrepio svoja tvrđenja. Međutim, Daničićeva knjiga je za statističke račune apsolutno neupotrebljiva, jer je on beležio većinom samo neobičnije oblike jedne epohe. Za XIV i XV vek naveo je malo starih oblika a gotovo sve nove, a za XVI i XVII vek obrnuto. Ali je još gore što Karlgren pri sastavljanju svoje statistike nije od štokavskih oblika odvojio mnogobrojne čakavske!

Evo jednog pokušaja da se taj nedostatak ispravi, i da se postanak oblika gen. pl. na *-ā* u kratkim potezima objasni analizom jezika u starim spomenicima.

Iz praslovenskog srpskohrvatski jezik nasledio je u svih imenica, izuzev osnove na *-ĭ*, oblike gen. pl. s nastavkom *-ъ (ь)*. Posle opšte redukcije krajnjih poluglasnika dobiveni su stariji oblici srpskohrvatski, karakterisani nast. nula i dužinom poslednjeg sloga. Oni su u prvo vreme bili u opštoj i isključivoj upotrebi; docnije, u vreme pisanih spomenika, proširivanjem nastavkom *-ā* u novoštokavskim dialektima dali su nove oblike, postojali neko vreme uporedo sa njima, i bili najzad potisnuti potpuno, do neznatnih ostataka rasejanih u pojedinim govorima. Te činjenice su utvrđene i opšte usvojene u nauci, i zato se jednodušno odbacuje Vondrákova pretpostavka da se pod uticajem dužine dobivene analogijom prema dugom nastavku gen. pl. *-ĭ*-osnova primarni poluglasni nastavak mogao sačuvati na starom mestu, pa docnije, zajedno sa ostalim sačuvanim poluglasnicima, razviti u *ā*.

Stariji oblici su, nema sumnje, bili dovoljno karakteristični u paradigmi. Kod imenica muškog i ženskog roda na *-a* i imenica srednjeg roda sa njima nije bio sličan nijedan oblik. Nije ništa marilo što nisu imali neki konkretan nastavak. Otsustvo nastavka jednog oblika, t. j. nastavak nula, u odnosu prema svima drugim oblicima s nastavkom jeste, kao što je poznato, jedna stvarna lingvistička oznaka isto onoliko koliko i neki konkretan znak.[1]) Što se tiče imenica muškog roda, gen. pl. se, istina, neki put jednačio sa nom. sing. po spoljašnjem izgledu, ali je vrlo često bilo razlike u kvantitetu krajnjeg sloga i akcentu, ili samo u jednom od toga dvoga. A kad ni te razlike nije bilo, analogija prema *ŭ*-osnovama pružala je mogućnost za obrazovanje karakterističnijih oblika s *-ov*/*-ev* koji su se odista u pojedinim dialektima i upotrebljivali od najstarijih

---

[1]) F. de Saussure, Cours de linguistique générale, 2. édition, Paris 1922. str. 163, 254.

vremena. U južnočakavskim dialektima na pr. oni su već u XV veku bili uopšteni kod svih imenica muškog roda, izuzev one s nepostojanim *a*.

Prema tome ne mogu se, kao što se to dosad činilo, u samim osobinama starijih oblika tražiti uzroci pojave novih. Otsustvo nastavka ili jednosložnost oblika nisu nikakve »nezgode« koje je jezik imao uklanjati u težnji za jasnošću, iz potrebe za simetrijom i sl. Jer kad bismo to pretpostavili, kako bismo razumeli, na pr., zašto se oblici s nast. *-ā* nisu pojavili još ranije, odmah posle izmene praslovenskih oblika, čim su te »nezgode« nastale. Ili zašto se nisu nikako pojavili u čakavskim i kajkavskim dialektima i ostalim slovenskim jezicima, u kojima »nezgode« i »nesimetričnost« još i dandanas postoje? Uostalom, može se principielno diskutovati i o pitanju da li težnja za jasnošću ili potreba za simetrijom uopšte postoje, ili bar u kolikoj meri postoje, u jeziku kao faktori obrazovanja novih oblika.

Stari oblici su, dakle, pri postanku novih imali sasvim pasivnu ulogu. Oni su služili samo kao material za obrazovanje novih; na njih je prosto »nakalemljen« nastavak *-ā*. Sam potsticaj za to »nakalemljivanje« morali su dati drugi, spoljašnji činitelji. Drugim rečima, obrazovanje gen. pl. na *-ā* je pojav analoške prirode, prouzrokovan sticajem morfoloških procesa stranih samom obliku. Pronaći uzroke njihova postanka i poreklo nastavka *-ā* znači, dakle, odrediti one morfološke procese koji su neposredno pred njihovu pojavu nastali u jeziku i zbog izvesne veze obuhvatili i starije oblike gen. pl. A da bi se to moglo učiniti potrebno je tačno utvrditi vreme kad su se novi oblici počeli javljati.

Pitanju vremena pojave gen. pl. na *-ā* dosadašnja tumačenja nisu poklanjala dovoljnu pažnju, i u tome leži, svakako, jedan od najvećih uzroka njihova neuspeha. U njima je ono ili stavljeno u drugi red, ili sasvim zanemareno. U nekima je šta više dovedeno u punu zavisnost od pretpostavke o poreklu nastavka *-ā*! Usled toga je složenije nego što bi u stvari bilo, i nego što na prvi pogled izgleda. Da bismo lakše došli do pouzdanih rezultata moramo se osloniti isključivo na podatke koje pružaju stari spomenici.

Prvi jasni primeri oblika s nast. *-a* nalaze se u spomenicima XIV veka. U Daničićevoj Istoriji Oblika zabeleženi su kao najraniji, a u isto vreme i jedini u XIV veku, sledeći:

-ŭ-osnove: синова *M. 107*, волова *M. 102*;[1])

---

[1]) Istorija oblika 67.

-*o*-osnove: апѹстола *M. 105;*[1])
-*a*-osnove: жѹпа *M.* 218.[2])

Najstariji među njima bio bi primer волова *M. 102,* koji se nalazi u jednoj povelji bosanskog bana Stefana pisanoj 23. oktobra 1332. god.; posle njega dolazio bi primer синова *M. 107* u drugoj povelji istoga bana pisanoj pod Srebrnikom 15. marta 1333. god.; na treće mesto primer апѹстола *M. 105* u povelji kralja Stefana Uroša, a na poslednje primer жѹпа *M. 218* u povelji župana Beljaka i vojvode Radiča, braće Sankovića.

Tako malen broj primera XIV veka unekoliko iznenađuje. Da bih se uverio jesu li to zaista i jedini primeri, ja sam pregledao sve povelje XIV veka u Monumenta Serbica i I knjigi Pucićevih spomenika.[3]) I našao sam još pet drugih, ali u istim spomenicima u kojima dolaze dva prva primera, u onim dvema poveljama bana Stefana: мисеца *M. 102 (1332),* апостола (2 puta) *M. 107 (1333),* i перьпера (2 puta) *M. 106 (1333).* Ne izgleda da će se naći i drugih. Prema tome za ceo XIV vek, tačnije rečeno za vreme od 1332—1402, t. j. do godine kad se novi oblici počinju češće javljati, imali bismo svega 9 primera novog oblika s nast. -*ā*.

Samo, ima puno razloga da se sumnja u njihovo svedočanstvo o vremenu, izuzev poslednji primer жѹпа *M. 218.* Na prvom mestu zato što povelje u kojima se oni nalaze nisu do nas došle u originalu, već u prepisima XV veka. Prve dve su sačuvane u poznatoj zbirci prepisa, Miklošićevom *Codex ragusinus,* koju je počeo pisati naslednik Ruska Kristiforovića u dubrovačkoj slovenskoj kancelariji, Nikša Zvijezdić, pisar od 28. septembra 1430. do 15. decembra 1454.[4]) Povelja Stefana Uroša sačuvana je u privatnom prepisu XV veka, kao što se vidi iz dodatka na kraju: »По заповиеди господина ми Хамза бега ми Радwна диѣкь wвои все исписахь ис книгь крала Степана...« A pošto sve do 1391. god. nijedan originalan spomenik nema ni jednog jedinog primera gen. pl. na -*ā* — (bosanske i srbijanske povelje, šta više, ne znaju za njih ni neko vreme posle toga), bez ustezanja se sme zaključiti da su ovi najraniji primeri u stvari primeri XV veka, t. j. govorne osobine docnijih dubrovačkih prepisivača.

Jednu potporu za taj zaključak pretstavlja i način na koji su ovi primeri raspoređeni u vremenu: 8 primera od 9 pada na 1332.

[1]) Istorija oblika 70. — [2]) ib. 81.
[3]) Nažalost, ostale spomenike mi je bilo nemoguće proveriti.
[4]) Rešetar, Die ragusanischen Urkunden des XIII—XV Jahrhunderts, Arch. f. sl. Phil. XVI, 335.

1333. godinu. Kako bi se razumeo fakat da ih posle nikako nema, sve do 1391.? Da su novi oblici zbilja tada postojali, nesumnjivo bi se sretali i u docnijim spomenicima, i još češće, zato što spomenici u to vreme postaju sve brojniji. Na geografsku razliku ne možemo pomišljati jer, kao što smo rekli, u bosanskim originalnim poveljama novi oblici se uopšte javljaju docnije, tek u XV veku.

Mora se dakle uzeti kao pouzdano da su se noviji oblici počeli u novoštokavskim dialektima razvijati tek pred kraj XIV veka.[1]) Ali se u nauci dosad nije tako mislilo. Naprotiv, obično se pretpostavljalo da su se oblici na *-ā* razvijali već početkom XIV veka, ili u XIII veku, ili čak i ranije. Te su pretpostavke osnivane na naročitim grafijama gen. pl. u nekim ćirilskim spomenicima, ili na naročitom tumačenju etimološkog porekla nastavka *-ā*.

Stariji oblici gen. pl. beleženi su u ćirilskim spomenicima sa znakom nekadašnjeg poluglasa na kraju, na pr. **господь** P(ucić) I 1 (1395), **дѣтеть** ib, **царинииковь** P I 2 (1395), **главь** P I 7 (1396), **трьговаць** P I 7 (1396), P I 20 (1399), P I 22 (1399) i. t. d., **дохѡдь** P I 19 (1399), **конь** P I 22 (1399) i sl. Ne može biti nikakve sumnje da je tu **ь** samo ortografski znak, bez ikakve glasovne vrednosti, kao što je obično na kraju reči.

Ali u nekim starosrpskim crkvenim spomenicima, a sasvim retko i u svetovnim, oblik gen. pl. piše se katkad i sa dvojnim znakom poluglasa na kraju, kao **работьь, ѡтьцьь, споудьь** i t. d. Šafarik je, prvi, te grafije identifikovao sa srpskohrvatskim oblicima na *-ā*. Zbog naročitog značaja koji je njegovo mišljenje dobilo upornim održavanjem do najnovijih vremena ja ću ga u celini navesti: »Noch müssen wir der Verdoppelung des **ь** in Altserbischen Hss., wodurch gewöhnlich der gen. pl. bezeichnet wird, erwähnen. Man findet Belege solchen Gebrauchs in den Shishatovacer Apostol 1324 **врѣменьь и лѣть, моужьь, апостольь, пророкьь** (doch ein paarmal auch **сьь, тьь**, st. **сь, ть**), in Dushan's D. 1348 **родительь, за тьь добитькь, ѡть сельь, ѡть всѣхь работьь**, im Typicon 1357 ff alle gen. pl. auf **ьь**, z. B. **царьь, рабьь, воиньь, даровьь, грѣховьь, сильь, црьковьь, тисоущьь, женьь, бѣдьь, сльзьь, таиньь, воинствьь, словьь, словесьь, оустьь, чюдесьь** und unzählige andere, ausserdem **сьь, тьь, тьжде, ньь**, auch bei Adject. **чрѣсльь дави-**

[1]) Takvo mišljenje je još 1922. god. izneo u svojim predavanjima na Univerzitetu u Beogradu i litografisanom kursu Istorije srpskohrvatskog jezika i moj uvaženi profesor g. Belić — Ne mogu da razumem kako g. Rešetar (Rad 136, str. 137) zaključuje da se *-a* počelo javljati pod kraj XIV veka, a u isto se vreme poziva na Daničićeve primere iz početka XIV veka.

довьь, und zweimal sogar mit dem dat. апостоломьь, вльхвомьь, im Karlowitzer Vlastares aus dem XIV Jahrh. сьсоудьь, апостольь, андовьь, роукьь, und viele andere, in Georg Hamartolos Chronik 1389 близь вьнѣшнихь сельь, im Psalter 1495 immer das Zeichen der Verdoppelung " моукь̏, женѣ̏, im Menäum 1538 ѡть двою роукьь. Durch diese eigentümliche Bezeichnungsart wurde den serbischen Lesern angezeigt, dass sie hier dass ьь als ein langes *a* auszusprechen hätten; den bekantlich endigen sich alle gen. pl. im Serbischen auf ein langes *a* (in Dalmatien, Bosnien u. s. w.; nur in Südungarn spricht man es kurz aus), und dass dies schon im XIV. Jahrh. der Fall war, dürfen wir nicht zweifeln. Spätere, nachlässiger geschriebene Denkmäler weichen von der Grundregel der Verdoppelung oft genug ab; so liest man z. B. in Georg Hamartolos Chronik 1389 божьствьнъіи златооустьь, и се сьтворь пакъі пьськь, und der Schreiber des Shishatovacer Evangeliums aus dem Anfange des XIV Jahrh. bediente sich des ьь meist am Ende der Zeilen zur Ausfüllung des Raumes ѡ законьнъіницѣхьь (sic), пафарисѣѡмьь (sic), кнъігочигамьь (sic), праведьнѣмьь, ebenso Dometian's Abschreiber zw. 1350—1400 прѣбиваетьь, помощьь, оупованюмьь, иже ѡставитьь, жалост҄ньь, раздавьь, домьь, сьборьь, блаженьь, чедомьь, светїимьь dat pl., званьь бъість, прїнемьь, хиландарьь, ѡ нѣмьь, прѣѡсвѣщеннимьь, мирьь u. s. w. (Serbische Lesekörner, str. 30—31).

Jednostavno usvajajući Šafarikovo mišlenje Daničić je bez ikakva proveravanja i kritike tako označene oblike gen. pl. iz svetovnih ćirilskih spomenika navodio kao primere novijeg oblika s nastavkom -*ā*. Za njima su se onda poveli skoro svi docniji ispitivači. I na taj način jedna čista pretpostavka u nauci je primana kao gola činjenica, bez diskusije. Odatle do krajnosti nije bilo daleko, i u nju se neki i otišli dopuštajući da su oblici s nastavkom -*ā* mogli biti označavani ne samo grafijama sa ьь nego i sa ь!

Kad bi ova druga pretpostavka bila i u koliko osnovana, morali bismo se jednom za svagda odreći svakog pokušaja da bliže odredimo vreme pojave novih oblika. No, na sreću, nije tako. I mi radije sumnjamo u tu pretpostavku nego u svedočanstvo ćirilskih spomenika svetovnog karaktera, koji, kao što je poznato, dosta verno beleže sve promene istoriske epohe razvitka srpskohrvatskog jezika. Jer, kao što s pravom kaže g. Rešetar, »da se u štokavskom govorio gen. pl. sa *ā* pre prelaza poluglasnika u *a*, jamačno bi se to *a* i pisalo, kao što su se u svetovnim spomenicima pisali svi

drugi oblici koji su otstupali od crkvenoslovenskih; kad se dakle nije ustručavalo pisati *vodom* mesto *vodoju*, *molimo* mesto *molimъ*, *moliš* mesto *moliši* i t. d. i t. d. zašto bi se pisari ustručavali da baš u gen. pl. upotrebljuju narodni oblik, t. j. oblik sa *ā*?«[1])

Ništa bolje nije potkrepljeno, i ne izlazi iz domena golih pretpostavki, ni prvo tvrđenje da su noviji oblici na -*ā* označeni grafijama sa ьь. One se, kao što se po samom navodu iz Šafarikova dela može zaključiti, ne upotrebljuju dosledno ni u crkvenim spomenicima, u kojima se najviše i sretaju. Ako primeri царьь, рабьь, воинь, даровьь i t. d. zaista pretstavljaju izgovor *cara*, *raba*, *vojinā*, *darovā* i sl., kakav izgovor pretstavljaju grafije сьь, тьь, тьжде, ньь, ili grafije кльхвомьь, апостоломьь, ili златооустьь (nom. sing!), пьсьь (id.), пафарисѣомьь i t. d.? Da znak ьь na kraju ima samo g r a f i č k u vrednost i u crkvenim spomenicima očigledno dokazuje već Šafarikova konstatacija da se na pr. pisar Šišatovačkog jevanđelja s početka XIV. veka, ili Domentijanov prepisivač iz XIV veka, služe znakom *ьь većinom da bi na kraju reda i s p u n i l i p r o s t o r*. Otud grafie прѣбиваетьь, помощьь, оупованѥмьь, жалост^s^ньь, раздавьь, прїнемьь, ѡ нѣмьь, чедомьь, светїнмьь dat. pl., домьь, сьборьь, мирьь, хиландарьь i sl.

Razumljivo je onda što ih u svetovnim spomenicima nalazimo samo kad su pisani zvaničnim crkvenoslovenskim stilom. Pa i tada vrlo retko. I sam Daničić u Istoriji Oblika navodi vrlo malo primera. Ima ih još nekoliko, u istim poveljama. U Milutinovoj povelji (između 1302—1321) osem navedenih ѡтьцьь M. 82, соуродникьь M. 81, nalaze se i primeri сельь M. 80, чловѣкьь M. 81, игоуменьь ib, апостольь M. 82; u povelji Cara Dušana (1348) osem navedenog споудьь M. 139 ima i сельь M. 138. Ali to nisu i *jedini* oblici gen. pl. u njima. Mnogo više ih je s običnom grafijom. Na pr. u Dušanovoj povelji na dva oblika gen. pl. ca znakom ьь dolazi 18 oblika sa znakom ь (ѡтьць M. 137, моужь ib., житель ib., мѣсть ib. i t. d.). U povelji Cara Uroša (1358) iz koje je naveden primer монастирьь M. 167 (Miklošić ima мѡнастирьь) na jedan oblik gen. pl. sa *ьь* dolazi 13 oblika sa *ь*.

Spomenici pisani malo čistijim narodnim jezikom, međutim, uopšte ne znaju za takve grafije. Nećemo sad, valjda, poklanjati više vere retkim i nerazumljivim grafijama u crkvenim spomenicima i poveljama koje su očigledno pod uticajem crkvenog jezika, nego

[1]) Arch. f. sl. Phil. XXXIV, 590.

grafijama u svetovnim spomenicima, kad znamo da baš svetovni spomenici beleže dosta verno osobine narodnoga govora, dok crkveni konservativno nastavljaju staroslovensku tradiciju.

Jasno je, dakle, da ni grafije sa ь ni grafije sa ьь ne mogu nikako pretstavljati novije oblike s nast. -*ā*.

Ali time još nije svršeno pitanje o vrednosti starijih grafija gen. pl., niti pitanje vremena postanka oblika na -*ā*. Neki naučnici, među njima na pr. i Leskien,[1]) u grafijama sa ьь, pa čak i sa ь, vide prehodne oblike s poluglasnim nastavkom ь, koji je docnije, zajedno sa svima očuvanim poluglasnicima, prešao u *ā*. Jedino onaj koji je prvi i izneo pretpostavku da je novi nastavak -*ā* dobiven preko sekundarnog poluglasa ь, g. Rešetar, nije bio toga mišljenja.

Razlozi koji govore protiv tvrđenja da su grafijama sa ьь ili ь mogli biti označavani i novi oblici sa -*ā* govore svakako i protiv ovog. Ali ga oni sami ne bi pobijali onako odlučno kao što ga pobija jedan drugi, specialan, koji je lepo istakao g. Rešetar. To je običaj nekih dubrovačkih pisara XIII i XIV veka da poluglas katkad beleže slovom *e*,[2]) na pr. дѹбровечкомѹ, тези (eum), бнетечкиχь, седа, кеда, теда, градець, седани; ве свѣдинѥ, ве землн, ке мнѣ, не (sed), се ѡнеми, се вьсѣми, безе вьсакое i t. d.[3]) Da su u XIII i XIV veku oblici gen. pl. imali na kraju neki poluglasni nastavak, kao što g. Rešetar kaže, »po svoj prilici bi se u dubrovačkijem poveljama XIII a donekle i XIV vijeka, koje često mjesto poluglasa pišu *e* gdje se poluglas izgovara, našao po koji primjer sa *e* na kraju gen. množine; jedini taki primjer всѣχь рашкиχь земле Mon. serb. 22 ne dokazuje mnogo, jer se nalazi baš u onoj jednoj dubrov. povelji XIII vijeka, koja inače ne piše nikada *e* mjesto ь«.[4])

Na osnovu svega toga sme se slobodno zaključiti da do pod kraj XIV veka nije uopšte bilo nikakvih drugih oblika gen. pl. osem starih kratkih, s nastavkom nula, i da se kao najranije zabeleženi novi oblik ima uzeti primer жѹпа *M. 218* iz 1391. god.

---

[1]) Gramm. der. serbokr. Sprache 434.

[2]) Zato što je poluglas tih dialekata bio reda *e*, kao što je i danas u crnogorskim govorima koji su ga očuvali.

[3]) Arch. f. sl. Phil. XVI, 346.

[4]) Rad *136*, str. 137. — Treba samo ispustiti ograničenje *donekle* kojim je g. Rešetar, kako izgleda, hteo učiniti mali ustupak svojoj teoriji, na račun hronologije. Jer je on sam utvrdio da se poluglas označava katkad slovom *e* sve do pod kraj XIV veka. Tako na pr. piše Give de Parmesano (otprilike između 1348 i 1356), Nikša Bijelić (oko 1370) i neki drugi posle njih.

Tek sada, pošto je dobiven pouzdan oslonac u vremenu, može se preći na raspravljanje glavnog dela ovog složenog pitanja, istraživanje uzroka postanka novih oblika i porekla nastavka -a. Treba samo podvrći pažljivoj analizi morfološki sistem ovog doba razvitka srpskohrvatskog jezika i u spletu morfoloških osobina tražiti one koje su mogle vršiti neki uticaj na gen. pl. Takva analiza spomenika s kraja XIV i početka XV veka otkriva nam dva vrlo izrazita morfološka pojava: jedan je gubljenje dvojine kao gramatičke kategorije, a drugi upotreba pokretnih vokala i raznih partikula na kraju zamenica i priloga.

Drugi faktor, razvitak i upotrebu pokretnih vokala u srpskohrvatskom jeziku, proučio je g. Belić u raspravama **Прилошци историји словенских језика,**[1]) i **Подвижныя гласныя въ сербскомъ языкѣ.**[2]) On je utvrdio da su se od polovine XIV do polovine XV veka naročito u štokavskom dialektu razvijali izvesni pokretni vokali koji su se prema potrebi rečeničkog ritma i drugim uslovima mogli dodavati zameničkim oblicima ili prilozima. Taj pojav je, dakle, postojao tačno u vreme kad su se razvijali novi oblici gen. pl.

Prvi faktor u obrazovanju gen. pl. na -ā, gubljenje dvojine u srpskohrvatskom, nažalost, nije dovoljno proučen. Međutim, za ovo tumačenje bilo bi od velike koristi kad bi se do detalja znalo gde je i kako počeo pokret gubljenja, kako se širio, od kojih padeža i u kojoj vezi je počeo, kakva je bila dalja sudbina oblika dvojine, kakav je bio u to vreme njihov odnos prema oblicima množine i t. d. U nedostatku svega toga mora se na osnovu nepotpunih podataka Daničićeve Istorije Oblika i materiala koji se na brzu ruku može sabrati po najvažnijim spomenicima kratko ocrtati njena uloga u obrazovanju novih oblika gen. pl.[3])

Proces gubljenja dvojine nastao je u srpskohrvatskom jeziku usled izumiranja osećanja za njenu sintaktikču vrednost, pošto je funkciju dvojine preuzela kategorija množine, i bio je završen po svoj prilici već krajem XIV veka podjednako i u štokavskom i u čakavskom dialektu. Ali nije u oba dialekta dao i iste rezultate. U štokavskim govorima množina je sa sintaktičkom vrednošću preuzela i formalne oznake dvojine, njene oblike. Zato su oblici kao *ruku, nogu, očiju, ušiju* počeli označavati množinu.

---

[1]) Глас Срп. Краљ. Акад. *LXII*, 199–220.
[2]) Сборникъ проф. Фортунатова, Варшава 1903, 362–376.
[3]) Na učešće dvojine pri obrazovanju novih oblika s nast. -a pomišljao je i g. Belić, ali u drugom pravcu.

Formalni uticaj dvojine na množinu bio je u štokavskim dialektima vrlo jak. Do današnjeg dana na pr. očuvani su u različitoj meri i u književnom jeziku i u štokavskim dialektima pojedini oblici gen. du. sa značenjem gen. pl. Pored redovnog *ruku, nogu, očiju, ušiju* imamo i *prsiju, gostiju, prstiju, kostiju, noćiju, kokošiju, slugu,* zatim *petu, vratu* (u Slavoniji) i t. d. Kod starijih pisaca takvih i sličnih primera ima još i više. O docnijem izjednačenju dat.-instr. pl. pod uticajem jednakosti dat.-instr. du. a zatim i loc. pl. da i ne govorimo.

U čakavskom, međutim, pokret je otišao suprotnim smerom. Sa gubljenjem sintaktičke vrednosti dvojine nastalo je i gubljenje njenih oblika. Oblici množine su preovladali. Već u jeziku primorskih lekcionara, dakle u XV veku, oblici dvojine su izvanredno retki.[1]) U tome faktu, nema sumnje, leži i razlog što se noviji oblici na *-ū* nisu pojavili i u čakavskim, odn. kajkavskim dialektima.

Šta se tada desilo sa gen. pl. u štokavskom? Naravno, na prvom mestu mu je povećan broj oblika. Pored starijih s nast. nula, odn. nast. *-ōv/-ēv* u nekih imenica, dobili smo i oblike s nast. *-ū*, dakle na pr.

dinar = *dinarōv* = *dinarū.*

Osem toga, pod uticajem jednakosti gen. du. = loc. du. dobili smo i jednakost gen. pl. = loc. pl., i otud i u gen. pl. *dinarěh* Samo, pitanje je da ovaj pojav nije i ranije nastao. Daničić navodi tri-četiri usamljena primera još iz XIII veka: **ѡдь вьсеχь. людеχь краиnанеχь** M. 31, **до млинеχь, ѡдь млинеχь** M. 38, **ѡдь стариχь врѣменеχь** ib., ali primećuje da »do XVI vijeka dolazi tako rijetko da je teško misliti da je ta zamjena bila u samom jeziku, nego će u njoj biti samo pogrješke pisarske«. — »XIV vijeka iz koga su spomenici mnogo obilatiji, ne nahodim ni jednoga primjera u kom bi genitiv bio zamijenjen lokativom«.[2]) Njegova je sumnja zaista vrlo opravdana. Vrednost svedočanstva ovih ranih primera nije velika jer su suviše usamljeni. Naročito je umanjuje fakat da u XIV veku nema nijednog sličnog primera. Ali se već ne može sumnjati i u svedočanstvo primera XV veka: **ѡдь онѣχь гѡлниѥχь** P I 44 (1403), **ѡнѣχь гѡлниѥχь** P I 45 (1403), **ѡдь тѣχь работаχь** P I 85 (1407), **вьсѣχь сѹдиѥχь** P I 109 (1411) kako se to Daničiću čini, jer ih ima i docnije, sve više i više. Na pr. u Marulića *od uzah* St. pis. I 21, *od jacih rukah* ib., u Zoranića *od ļudeh tuj općećih*

[1]) Rešetar, Rad *136*, 153—55.
[2]) Историја облика 89.

St. pis. XVI 55; isp. i obratno: gen. pl. sa značenjem loc. pl. *po vas umrlich ļudi*[1]) St. pis. XVI 13, *u razlikih ćudi* St. pis. XVI 57. Isp. isto tako i primer близꙋ wбѣю реченѣхъ листѣхъ, Ist. obl. 230. prim. 1. koji Daničić opet smatra pogrešnim. Po svoj prilici je dakle i upotreba loc. pl. u značenju gen. pl. nastala u vreme ovog mešanja oblika dvojine i množine. Ali da se to i ranije bilo desilo, ovo tumačenje tim ni u koliko ne bi gubilo od svoje vrednosti. Glavna stvar: da se u to vreme u službi gen. pl. mogao upotrebljivati i oblik loc. pl. — svakako ne može biti osporena.

U gen. pl. pojedinih imenica, izuzev *ĭ*-osnove, mogli smo, dakle, ukupno imati ove oblike:

dinar = *dinarōv* = *dinarū* = *dinarěh*.

Kao zajednički u svima oblicima osećao se deo *dinar-*, a kao nastavci: *nula, ōv/ēv, ū, ěh* (*ah* i dr.). Opšti deo je dakle bio potpuno jednak sa starim oblikom koji se, besumnje, najčešće i upotrebljivao. Usled toga je u jeziku stvoreno osećanje da se redovan kraći oblik može, po potrebi ritma rečeničkog ili slično, proširivati elementom *ōv/ēv, ū, èh* (*ah* i dr.), a da mu se pri tom značenje ne promeni. Elementi *ōv/ēv, ū, ěh* (*ah* i dr.) osetili su se opet kao *pokretne partikule*. U tom osećanju jedino i leži tako dugo istraživani uzrok dodavanja nastavka *-ā*.

Na taj način je otvoren put i drugim partikulama da pristupaju ovom obliku. Prirodno je bilo da se i nastavak *-ī* od *-ĭ*-osnova, koji je u priloga već postojao kao pokretan vokal *i*, počne ovamo širiti. Krajem XIV i početkom XV veka spomenici ga već beleže: динари M. 222 (1392), 236 (1399), 283 (1419), 285 (1420), 295 (1420), P II 25, P I 133 (1416), 155 (1421) i t. d.; пѣнези P I 64 (1405), 130 (1415), 152 (1420) i sl; комати P II 53, комади P II 57, братꙋчеди M. 453; тисꙋки P II 91, аспри M. 407, 525, 527, P II 97, P I 86 (1407), сакꙋлїи M. 406 (1441), кондиери M. 407 (1441) i t. d.[2]) Docnije su primeri još brojniji, i dopiru sve do današnjeg književnog jezika i dialekata, koji ih u nekim kategorijama reči upotrebljuju vrlo često, ili skoro isključivo.

Nije verovatno da su se ovakvi oblici širili i ranije, pre nego što su u gen. pl. dobiveni drugi pokretni vokali, kako se obično pretpostavlja. Do pod kraj XIV veka Daničić nije našao više od dva primera: родители M. 26 (1234—40) u цари M. 35 (1253),[3])

[1]) Budmani pogrešno koriguje na *ļudih*. Redovni oblici loc. pl. *ĭ*-osnova imaju u Zoranića nast. *eh*: *ričeh* St. pis. XVI 24, *stvareh* St. pis. XVI 29 i t. d.
[2]) Историја облика 74. 75. 84—5. — [3]) ibid. 74.

ali su oba nepouzdani. Prvi je u povelji koju je Miklošić naštampao prema kopiji dobivenoj od Njegoša. Drugi je u poznatom ugovoru Dubrovčana sa bugarskim carem Asenom protiv Uroša I, koji odaje pisara nevešta jeziku. Osem toga isuviše su usamljeni, i vremenom razdvojeni od potonjih, da bi se samo na osnovu njih moglo išta verovatnije zaključiti.

Naravno, ne sme se misliti da je svaka takva partikula mogla biti dodavana kratkom gen. pl. ma koje imenice. Starija tradicija je, kao što ćemo videti, neke od njih već bila ograničila na specialne slučajeve, a i u vreme njihove pojave vršeno je izvesno odabiranje, prema formalnim ili unutrašnjim osobinama reči na koje su dodavane, i u zavisnosti od drugih oblika množine. Glavno je da je gen. pl. kao gramatička kategorija imao osobinu da se može proširivati, i da se stvarno i proširivao raznorodnim partikulama.

Tom formalnom osobinom oblici gen. pl. približavali su se prilozima, s kojima su delimično bili u vezi i ranije u semantičkom pogledu. Istina, u nauci o padežima ta veza s prilozima nije istaknuta ali je jasno da gen. pl. mnogih imenica koje označavaju meru vremena, prostora, sadržine i t. d. ima izvesnu prilošku niansu značenja. I u današnjem književnom jeziku, i u dialektima, gen. pl. nekih reči s nastavkom -ī ima vrednost padeža za količinu, na pr. *satī*, *hvatī*, *mesecī* i t. d. Isto tako i kad je gen. pl. u vezi s brojevima ili brojnim izrazima. U čakavskom Krasičkom govoru, na pr., redovan je kratki oblik, ali posle brojeva i brojnih izraza ima obično nastavak -ī: *devet vuki, trinajst deli, sto kusi, toliko obruči.*[1]) Slične prilike nalazimo i u Riječkom govoru.[2])

Usled tog kontakta gen. pl. s prilozima, pokretnim partikulama koje su mu dodavane pristupio je, po mome mišljenju, i pokretni vokal *a* od priloga. Impuls su mogli dati priloški izrazi u kojima je jedan član bio gen. pl. kao *mnogoput*, *mnogokrat*, *kolikoput*, *malokrat* i sl. Osećani kao jedna reč, jedan prilog, oni su mogli dobivati i pokretni vokal *a*, dakle: *mnogoput* — *mnogoput-a*, *mnogokrat* — *mnogokrat-a* i t. d. Jezička analiza je, naravno, u takvim izrazima odvajala i *mnogo* + *puta*, *mnogo* + *krata* i t. d. Ili sintagme od oblika gen. pl. i nekog broja, na pr. *pet‿konj* — *pet‿konj-a*, *sedam‿stran* — *sedam‿stran-a*, *deset‿sel* — *deset‿sel-a*, kao u gorepomenutom pojavu Krasičkog govora. Ali to nije morao biti i jedini

---

[1]) Leskien, Gramm. der serbokr. Sprache, 420.
[2]) Strohal, Osobine današnjega riječkoga narječja, Rad *124*.

ıačin. Pokretni vokal *a* je mogao i prosto analoškim putem ući ı upotrebu kao partikula gen. pl.

Celo to šarenilo upotrebe pokretnih partikula vrlo karakteristično ›rikazuje jedan priloški izraz sastavljen od acc. pl. i gen. pl., *vъ vèky ›ěkъ*, koji se često upotrebljuje u starim spomenicima:

a) вь вѣки вѣка P. I. 14 (1398);
ва виеки вѣка M. S. 324 (1423);
ва виеки виека M. S. 338 (2 puta 1427), 340 (1427);
ва виеки вѣека аминь M. S. 340 (1427);
b) ва виека виека M. S. 324 (1423);
ва вѣка виека M. S. 339 (1427);
c) до виекь виека M. S. 323 (1423);
d) ва виеке вѣека M. S. 340 (1427);
e) ва виека виекȣ M. S. 324 (1423);
f) виекȣ вѣкома M. S. 338 (1427), 341 (1427) i t. d.

Pokretni elementi koji su na taj način dobiveni u oblicima gen. ›l. svih vrsta imenica počeli su se ubrzo osećati kao njegova spe-›ialna karakteristika. U zajedničkoj upotrebi oni su jamačno ostali ›amo kratko vreme, dok nije, kao što u jeziku obično biva, jedan zmeđu njih eliminisao druge, i fiksirao se kao opšti nastavak. Samo e pitanje: kako se vršila selekcija između tih raznih nastavaka, i usled ›ega je izbor jezika (ako se tako može reći) pao baš na vokal *a*. ako spomenici ne pružaju dovoljno materiala za jedno odlučno ›ešenje, ipak se mogu nazreti razlozi koji su doveli do toga da vokal *a* ›onačno ostane karakteristika svih oblika gen. pl., ako se pažljivo ›rouče mogućnosti koje su pružale pojedine partikule.

Partikula *ōv/ev* nije imala mnogo šansa da se proširi i uopšti ıajviše zato što se po starijoj tradiciji mogla upotrebljivati samo ı jednom delu imenica muškog roda, obično kog jednosložnih, i više-›ložnih sa dugim vokalom na kraju. Imenice ženskog i srednjeg ›oda i imenice muškog roda s pokretnim *a* nisu uopšte za nju znale. ›ored toga, ona je već u to vreme počela dobivati specialnu na-ınenu kao proširenje jednosložnih imenica muškog roda u padežima ınnožine. Uskoro se i na nju samu počela dodavati karakteristika *a*. najzad, partikula *ōv/ev* nije mogla ostati u upotrebi u gen. pl. zato ›to nije bila rasprostranjena: prilozi je uopšte nikad nisu imali.

Partikula *ū* je, videli smo, imala više sreće, ali nije mogla pre-›vladati u upotrebi opet zato što je bila vrlo retka u priloga. Međutim, ›jena dužina je svakako bila odlučan faktor pri obrazovanju i uopšta-›anju dužine nastavka *-ā*.

Isti razlog je, pro svoj prilici, doveo i do sužavanja upotrebe partikule $\bar{\imath}$, iako se ona očuvala do danas. Moglo je u izvesnim slučajevima biti i fonetskih prepreka njenom širenju. Najzad, možda je još u prvo vreme bila specializovana u ulozi koju i danas ima kod imenica muškog roda u književnom jeziku i dialektima. — Što se tiče njene upotrebe u imenica žen. roda na *-a* sa konsonatskom grupom na kraju, raširene i u književnom jeziku i u dialektima, imaju tak da se ispitaju uslovi i vreme njihova razvitka, i zato se na njima ne možemo duže zadržavati. Jasno je samo da ta široka upotreba nije mnogo stara.

Partikula *ěh* (*ah*, i t. d.) imala je samo prolazan značaj, i ubrzo se ograničila na svoju prvobitnu ulogu: karakterisanje oblika loc. pl. Ali je kod imenica ženskog roda na *a* mogla doprineti da se vokal *a* u gen. pl. bolje učvrsti.

Vokal *a* je, dakle, imao najviše izgleda na uopštavanje zato što je bio šire upotrebe kao pokretna partikula. Osem toga, kao što smo maločas rekli, mogao je biti potpomognut partikulom *ah* u imenica ženskog roda na *-a*, ili i kakvim drugim faktorima koji su nam zasada nepoznati.

Dužina nastavka *-a*, koja je za dosadašnja ispitivanja pretstavljala jedno mučno pitanje, sasvim je razumljiva u zajednici sa dužinom ostalih partikula *ōv/ēv*, *ū*, *ī*.

Kako se taj proces obrazovanja i uopštavanja novih oblika s nast. *-ā* ogleda u spomenicima s kraja XIV i početka XV veka, i da li oni potvrđuju gornje zaključke? — Ako se uzmu u obzir jednoobraznost i šablonski karakter njihov, oskudnost u oblicima narodnih govora, konservativnost pisara i pisanog jezika, i najzad dialekatsko šarenilo njihovo, — s rezultatima koje daje jedna površna analiza možemo se zadovoljiti. Najbolji i najpouzdaniji predmet za analizu pretstavlja poznata knjiga kopija Dubrovčanika Ruska Kristiforovića, pisana od 1395. do 1426., u izdanju kneza Meda Pucića, Spomenici Srpski knj. I. Jezik je u njoj jedinstven, čist, dosta verna slika govora jednog vremena, jednog kraja, jednog čoveka. Evo kratkog pregleda upotrebe oblika gen. pl. u njegovoj knjizi.

1395—1402. Rusko upotrebljuje samo stare kratke oblike: **господь** 1, 10, **дѣтеть** 1, **главь** 7, **трьговаць** 7, 16, 20, **трьговьць** 22, 32 (×2), **приꙗтель** 10, 21, 34, 35, **земль** 10, **земаль** 25, **властель** 14, 24 (redovni i vrlo česti primeri u tituli Dubrovačkog Veća: 27, 28 (×2), 29, 30, 31 (×2), 32, 33 (×2), 34 i t. d. Ovakvi primeri nisu ušli u pregled.), **ѡвапь** 17, 22, **плнтиць** (uz broj 12.) 18,

дохωдь 19, дѹкать 19, 34. срьбаль 19, перьперь 20 (×2), 36, конь 22, законь 33, слободьщинь 33, катрьгь 33. Vredni su pažnje, ako i oni spadaju u stare oblike, primeri царинииковь 2, синовь 9. Primer пѹти 5 svakako je oblik *i*-osnova.

1402. javlja se prvi novi oblik na -*ā*, моринара 38. To je ujedno i jedini oblik gen. pl. u toj godini.

1403. dolazi već i drugi novi oblik гωлинахь 44, 45, zatim юнака 48, 49, динара 48, naporedo sa юнаковь 48 (×2), i динарь 49. Od starih oblika imamo трьговьць 45, 47, тѹракь 48 (×2), перьперь 48, 49, перперь 49, сѹжань 49, i karakteristični поклисаревь 47, капетановь 48.

1404. ima jedan novi тисѹкꙑ 56, i stari дѹкать 56, посаль 55, i краи (×2). Ne može se znati da li u poslednjem primeru slučajno nemamo i nast. -*ī*.

1405. dolaze dva primera na -*ā* разлога 74, ·ѕ· мѣсеца 72 (ako ne treba čitati *шестога мѣсеца*), jedan na -*ī* пѣнези 64, i više starih: господь 60, 69, товарь 62, 63, перьперь 64 (×2), 71 (×3), 73, перперь 71 (×2), дльжникь 65, властель 69, работь 70, мѣсть 72, 73, приꙗтель 73, динарь 73, дѹкать 73, посаль 74, срьбаль 75, i interesantno краевь 58, 66, 67, 68 koje treba isporediti sa maločas spomenutim primerom краи (×2) 54 iz 1404.

1406. imamo samo starije oblike перьперь 77 (×2), 81, перперь 81, сироть 77, Растикь 81 (×2), Бошнꙗнь 83, кожь 83 дѹкать 83, щеть 84 (×2) i najzad спѹдовь 81 (×2).

1407. dolazi jedan oblik na -*a*: слѹга 85 (govori se o dvojici !). jedan na -*ah*: работахь 85, jedan na -*ī*: аспри 86, i stari тисѹкь 86, литарь 86 (×2), 88, 89, литрь 88, 89, ѹначь 86, ωтокь 87, дрѣвь 87, срьбаль 89.

1408. nalazimo samo dva gen. pl., jedan na -*ā*: лѣкара 93, i stari бенетькь 93.

1409. pored jednog na -*ā*: гωлинꙗ 96, nekoliko starih: властель 98, граꙗнь 98, литарь 99 (×2), бащинь 99, тьмниць 100.

1410. sretamo samo jedan oblik gen. pl. дни 101, koji se ima uzeti kao novi oblik na -*ī* ako se isporedi sa primerom дань 117 iz 1413.

1411. dolaze noviji oblici na -*ā*: сѹдиꙗ 105, 106, динара 108, na -*ah*: сѹдиꙗхь 109, na -*ī*: дни 110, i stari кожь 102 (×2), перьперь 103, срьбаль 104, свить 104, крьвникь 104, литарь 105, работь 106, господь 107, дѹкать 108 (×3), 109 (×3), динарь 108, 109 (×3), потребь 109.

1412. imamo jedan oblik na -*a*: сѹдиꙗ 111 i starije Дежевиць 112, странь 113, 114, перперь 114; перьперь 114, (×2), дѹкать 115.

1413. isto tako jedan na -*ā*: дльжника 119, i starije приꙗтель 116, дань 117, окрьмитель 119 i najzad дльговь 118 (×2).

1414. samo stare oblike вельможь 122, приꙗтель 122, 123, сѹсѣдь 123.

1415. dolazi jedan oblik na -*ā*: тврьгꙗ 125, dva na -*ī*: пѣнези 130, динари 133, i stari Котроманикь 126, 127, приꙗтель 126, вельможь 127, i тѹракь 132.

1416. imamo dva primera na -*ā*: сѹдиꙗ 134, сѹкана 135, i stare новьщинь 133, кожь 135, приꙗтель 136, i сѹдии 134 (ako se ima čitati *sudij*, a ne *sudī*, ili *sudijī*).

1417. isto tako dva primera s -*ā*: сѹдиꙗ 136, срьбалꙗ 138, i stare перьперь 136 (×2), 141, дѹкать 137, 138, мѣсець 137, 141 (×2) трьговць 138, трьговаць 140, работь 138, властель 139, граꙗнь 139, литарь 139, динарь 141.

1418. nema nijednog oblika gen. pl.

1419. dolaze dva primera s -*ā*: родителꙗ 147, i страна (из обѣю!) 147, i jedan stari кѹкь 146.

1420. oblici na -*ā*: гѡлиꙗ 148 (×2), 149, i stari работь 148, ѡгань 149.

1421. dolaze primeri s -*ā*: тисѹкꙗ 155 (×6), 157 (×3); динара 157, sa -*ī*: пѣнези 152, 154, динари 155, i stariji: посаль 151, перьперь 152, 155 (×10), 157 (×5), литарь 152, 153, 158 (×2), властель 155, 157, Блькасовикь 155, 157, дѹкать 157 (×4), трьговаць 158.

1422. imamo tri primera sa -*ā*: юнака 161, разлога 169, срьбалꙗ 175, i stare: властель 160, граꙗнь 170, трьговаць 160, прародитель 161, слѹгь 161, приꙗтель 161, 163, 164, селꙗнь 161, сель 162, Градьщакь 165, врѣмень 166, земаль 172 (×3).

Vidi se da osobine Ruskova govora dosta dobro potkrepljuju naše objašnjenje razvitka novijih oblika gen. pl. Kod njega se oblici na -*ā* javljaju u isto vreme kad i oblici na -*ěh*, -*ī*. Naravno, ne sme se misliti da su se oni i u govoru javljali tek onda kad su zabeleženi, t. j. počev od 1402. god. Vrlo je verovatno, naprotiv, da ih je i sam Rusko još ranije upotrebljivao u govoru, iako ih, kao što smo videli, nije beležio između 1395. i 1402. god. Dok neki novi oblik uđe iz govora u spomenike potrebno je da proteče izvesno vreme, isto onako kao što je potrebno dok uđe u opštu upotrebu. Pismenost u svima vremenima pretpostavlja jednu školu, jednu tradiciju, i zato je uvek konservativna.

Samo nedostaje jedna grupa pretpostavljenih oblika gen. pl., oblici s nast. -*ū*. Ta činjenica iznenađuje u toliko više što su oblici na -*ū* doprli sve do nas, sa upotrebom raširenom preko nekadašnjih granica. Ali se, po mom mišljenju, da objasniti konservatizmom Ruskova pisanog jezika, ili naročitim osobinama njegova dialekta. Možda u to vreme oblici na -*ū* nisu u Dubrovniku bili uhvatili terena, ili nisu bili prošireni i na dubrovački dialekat, ako je centar pokreta za obrazovanje novih oblika bio van njega.

Ruskov jezik nam dosta lepo ukazuje i na put kojim je išlo širenje nastavka -*ā*. Vidi se da su ga najranije primale:

1. Imenice muškog roda sa dugim vokalom u krajnjem slogu, koje se u gen. pl. nisu ničim razlikovale od nom. sing. kao ***morinar***, ***junak***, ***dinar***, ***dlžnik***, ***lěkar*** i sl.

2. Imenice naročitog glasovnog sastava u kojih je stari oblik bio podložan fonetskoj izmeni, pa je usled toga dolazilo do izmene opšteg dela, kao ***sudija***, ***golija*** i sl.

3. Vrlo verovatno i imenice koje se zauzimale mesto stare dvojine, kao u primerima: **ѡдь слѹга ви ѡдь Стѣвета и ѡдь Михѡча** 85, **ѡдь обѣю страна** 147 i sl.

Ostajalo bi još da se izloži geografija pojava. Bilo bi potrebno, i dosta važno i za samu suštinu pitanja, odrediti kraj u kome su se novi oblici najpre javili, kako su se, u kom pravcu i u koje vreme širili, kako su stariji oblici potiskivani i t. d. Ali je u obimu ovog članka u sve te detalje nemoguće ulaziti naročito zbog toga što bi njihovo izlaganje zahtevalo prethodnu studiju velikog broja spomenika od kraju XIV do kraja XVI veka. Letimičan pregled važnijih dokumenata toga vremena govori mnogo u korist pretpostavke da je centar pokreta bio onaj kraj u kome su i u to vreme i docnije nastajale mnoge inovacije koje su novoštokavskim govorima novijeg tipa dale osobiti izgled, t. j. Istočna Hercegovina. Nove crte su se ubrzo proširile na Dubrovnik i okolinu, a tek docnije, u vreme prvih seoba pretstavnika hercegovačkog govora, i na dalje krajeve. Srbija i Bosna po svoj prilici nisu za njih znale onda kad su ih dubrovački pisari već počinjali beležiti.

Geografskog je karaktera, nesumnjivo, i pitanje gen. pl. u zetskim govorima, koji, kao što je poznato, mesto -*ā* imaju nastavak -ь, t. j. dugi poluglas, iako mu pristalice teorije da je nast. gen. pl. -*ā* dobiven preko sekundarnog poluglasa pridaju mnogo širi, opšti značaj. Za njih je on ako ne jedan od dokaza tačnosti njihove teorije, a ono u najmanju ruku jedan od uslova za tačnost svakog

rešenja pitanja o poreklu nast. -*a*. Mi smo, međutim, još pri izlaganju ovog tumačenja izneli neke činjenice koje se njihovoj pretpostavci protive, onda kad smo govorili o običaju nekih dubrovačkih pisara da poluglas katkad označavaju slovom *e*. Sam g. Rešetar je utvrdio da taj običaj imaju i pisari druge polovine XIV veka, skoro do Ruska,[1]) i to mu je poslužilo kao dokaz da pretpostavljeni poluglasnički nastavak nije primaran. Ali je to u isto vreme i dokaz da ga do pod kraj XIV veka nije uopšte ni bilo, pošto ni u jednog od tih pisara nema nijednog primera gen. pl. s takvom oznakom. Osem toga, da ga je bilo ranije, s pravom bismo očekivali da od prve polovine XIV veka nađemo i neki pouzdan primer s *a* na kraju, pošto je tada poluglas u srpskohrvatskom jeziku prelazio u *a*. Ili, valjda, ne možemo pretpostaviti da je onaj u gen. pl. bio drukčiji nego stari, i da se zbog toga docnije razvio u *a*. Još bi neverovatnije bilo misliti da se sekundarni poluglas razvio u gen. pl. krajem XIV veka, t. j. onda kad u većini srpskohrvatskih govora već uopšte nije bilo nikakva poluglasa.

Neumesno je, dakle. objašnjenje postanka gen. pl. na -ъ u zetskim govorima postavljati kao uslov za tačnost svakog tumačenja novoštokavskih oblika na -*a*, pošto između njih ne mora biti veze. Zetski oblici sa svojim nastavkom su nesumnjivo produkat naročitih uslova razvitka zetskih lokalnih govora, njihovih specialnih osobina, i njihovo objašnjenje se ima tražiti u celokupnosti njihovih karakterističnih crta. To bi se moglo učiniti tek onda kad bi nam detaljno bio poznat njihov savremeni sastav, i koliko-toliko istorija njihova razvitka. Pošto nije, ja ne želim ulaziti u nepouzdane kombinacije.

Prag.

G. Ružičić.

---

[1]) Arch. f. sl. Phil. XVI, 346.

La mélodie des voyelles accentuées et l'influence des consonnes sur la mélodie des voyelles.

Dans son nouveau livre intitulé *Quantität und Intonation im zentralen Hochlitauischen*, M. Ekblom a consacré près de trois pages à mon article sur la *Mélodie des voyelles*, paru dans cette revue IV. A la p. 114—116, il tâche d'infirmer les critiques que je lui avais adressées, mais il le fait sans le moindre succès. Et puisque cette question a une certaine importance pour l'accentologie slave et qu'il y a même des erreurs qui se sont glissées dans la rédaction un peu rapide de M. E., je suis obligé de revenir sur la question pour mettre les choses au point.

La mélodie des voyelles brèves accentuées en tchèque et en serbe et l'hypothèse de M. Ekblom.

Celui qui a lu l'article de M. Ekblom sur les intonations en tchèque et en serbe, *Slavia* III, p. 35, et le mien sur la même question, *Slavia* IV, p. 1, a pu constater que les résultats diffèrent sensiblement dans les deux cas. M. E. suppose une certaine conservation de l'ancienne variété mélodique en tchèque: les deux accents primaires du serbe marqués par ̏ et ̑ se retrouveraient encore en tchèque moderne, sauf la quantité qui est renversée. Par contre, mes tracés nient absolument cette survivance mélodique en tchèque moderne, ainsi qu'elle a été définie par M. E. En effet, la mélodie des voyelles accentuées en tchèque ne diffère pas essentiellement de la mélodie des voyelles françaises ou allemandes correspondantes, sauf naturellement les modifications que peuvent apporter les différents degrés d'intensité employés habituellement dans les langues mentionnées.[1])

D'après M. E., ces différences qui existent entre les résultats des deux travaux ne seraient pour la plupart qu'apparentes (grössten-

---

[1]) A mon avis, la disparition des intonations est un progrès pour la langue. En se débarrassant de ces tons, la langue devient plus souple pour exprimer les nuances de la pensée par la mélodie de la phrase, sans être gênée par les intonations des mots.

teils nur scheinbar). Il en voit la preuve, dans mes propres diagrammes. Selon lui, mes spécimens de la voyelle brève tchèque et de la longue serbe ne différeraient pas sensiblement des siens C'est une erreur. Car à côté de la forme descendante qui se rapproche de celle que M. E. considère comme typique, mes spécimens offrent nettement encore un autre type, à savoir la mélodie plus ou moins droite, voyez notamment les deux *bol*, les deux *baba*, le *pata* H qui a le premier *a* entièrement droit (tous ces exemples représentent la prononciation moyenne calme), et enfin le second *napadal* (prononciation légèrement plus forte). Et il est intéressant de noter que c'est précisément la mélodie droite qui est sentie par l'oreille non prévenue dans les voyelles brèves accentuées en tchèque (voy. *Slavia* IV, p. 26 en note), chose qui ne parle pas non plus en faveur de la supposition de M. E., qui donne comme typique la melodie descendante (bogenförmig fallend).

Et ce qui est non moins important, c'est que la mélodie des brèves accentuées tchèques concorde avec celle des brèves serbes intonées ̏ et pour les tracés et pour l'impression acoustique.[1]) On en trouvera la confirmation dans le récent travail de M. Miletić, *Sur les intonations serbo-croates dans le dialecte štokavien*, Prague, 1926, travail basé sur la prononciation de quatre personnes dont l'une de Belgrade. D'après ce travail, la brève intonée ̏ a, pour la prononciation habituelle calme, deux formes bien nettes: 1⁰ la mélodie droite terminée ordinairement par la descente de la voix, ou bien 2⁰ la mélodie descendante d'un bout à l'autre; alors tout comme en tchèque. En outre, il résulte de ce travail que M. E. a eu tort de représenter, sur son croquis de la prononciation serbe moderne, ce même accent par une ligne légèrement montante. La tendance montante n'apparaît que pour la prononciation forte (sous l'accent d'insistance, pour employer le terme de M. Grammont) et ne peut pas être englobée dans la prononciation habituelle, courante.

Ainsi les deux voyelles brèves, la tchèque accentuée et la serbe intonée ̏, offrent pour la mélodie un parallélisme complet là où M. E. veut voir une opposition.

Ces constatations sont évidemment gênantes pour M. E. par ce qu'elles *démolissent son hypothèse sur les correspondances des intonations dans le serbe et le tchèque modernes* représentées

[1]) L'accord complet pour nos deux prononciations, celle de M. Miletić (d'Ossiek en Slavonie) et la mienne. La prononciation de Belgrade paraît toutefois légèrement plus forte.

graphiquement sur la figure 13, *Slavia* III, p. 42. Du reste, ses propres diagrammes sont loin de la démontrer, ainsi que je l'ai déjà expliqué dans cette revue IV, p. 1 et 2.

La prononciation des sujets.

Très précieuse est la remarque de M. E. sur la prononciation de son sujet. A la p. 114 de sa *Quantität* il dit de chercher toujours à donner une «prononciation du lexique» (ich versuche immer ... tunlichst eine, wenn man so sagen darf, lexikalische Aussprache wiederzugeben), «c'est-à-dire les mots ... sont dits à peu près sur le ton (in der Tonlage) dont se sert un maître de langues pour enseigner [aux étrangers] sa langue maternelle, quand il s'agit d'inculquer oralement des mots liés à des notions différentes.» Le but de cette prononciation «du lexique, c'est d'éviter la descente de la voix qui caractérise ordinairement la fin d'une phrase affirmative normale.» — Une prononciation «du lexique» dans une phrase — car M. E. a enregistré ses mots dans des phrases — est en effet une chose assez curieuse. Mais je doute fort qu'elle trouve l'approbation des phonéticiens. On part ordinairement de la prononciation courante employée dans la conversation calme. On a ainsi plus de chance de rester naturel et de conserver à la parole le degré de régularité nécessaire pour que les cas que l'on veut étudier soient comparables. La preuve que j'ai raison de me méfier de cette prononciation «du lexique», ce sont les diagrammes. Il suffit de relever les deux qui ont frappé M. E. lui-même, à savoir ceux qui représentent les mots *zábava* et *malin*. Ces deux mots ont une mélodie qui reproduit exactement l'accent montant serbe. Mais cette sorte de mélodie n'apparaît en tchèque que dans une prononciation très forte (voy. *La mélodie des voyelles accentuées, Slavia* IV, p. 9). M. Ekblom a trouvé lui-même surprenante la mélodie franchement montante du mot *zábava* (*Slavia* III, p. 38, en note); pareillement pour le mot *malin* il a des doutes si le tracé du mot mérite confiance (p. 40, note 2). Il aurait bien pu citer encore d'autres exemples comme *doba* (p. 38), *duby* I (p. 43), *dáti* et *málo* (p. 37), *s námi* (p. 38) qui sont tous montants.

Les surprises de ce genre n'arrivent pas dans la prononciation habituelle calme. Voilà pourquoi je l'ai utilisée dans mon travail et je crois avoir élucidé la question de la mélodie des voyelles accentuées en fin de phrase pour les différents degrés d'intensité: la force moyenne (c'est la majorité de mes exemples), l'intensité légèrement

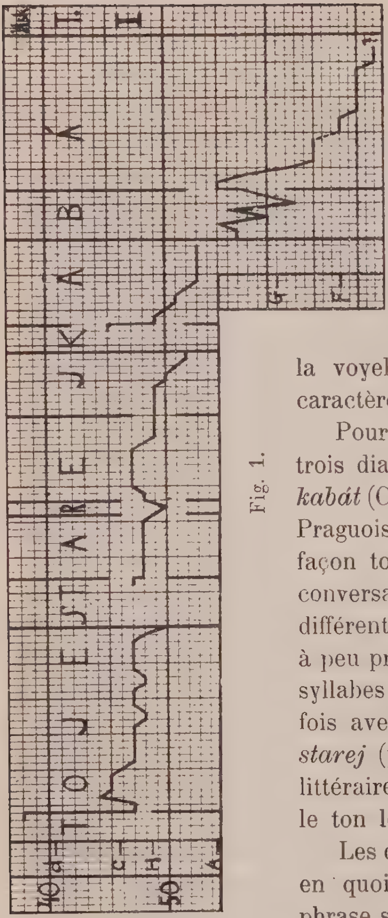


Fig. 1.

plus grande (exemple: *napadal* II, p. 6), la plus grande force (exemples: *To je doba! Má málo!* p. 9 et 20).

L'influence de la fin de phrase sur la mélodie.

Toutefois on peut se demander — et M. E. l'a fait — si la position en fin de phrase ne modifie pas sensiblement la mélodie de la voyelle accentuée jusqu'à effacer son caractère.

Pour répondre à cette question je donne trois diagrammes de la phrase *To je starej kabát* (C'est un vieil habit) dite par un jeune Praguois, M. Husník, et cela deux fois d'une façon tout à fait calme comme dans une conversation sur des choses tout à fait indifférentes (il y a là trois accents, ayant à peu près la même force, à savoir sur les syllabes *To*, *sta-*, *ka*, Fig. 1 et 2) et une fois avec l'accent d'insistance sur le mot *starej* (prononciation courante au lieu du littéraire *starý*, choisie exprès pour avoir le ton le plus naturel possible, Fig. 3).

Les deux premiers diagrammes font voir en quoi consiste l'influence de la fin de phrase sur la mélodie: la tendance descendante y paraît plus marquée (notamment Fig. 1). Autrement pas de différence essentielle entre la mélodie de *starej* de l'intérieur de la phrase et la mélodie de *kabát* de la fin. Malgré la position différente, les deux mots présentent de nouveau les deux types connus de la fin de phrase: 1° la mélodie plus ou moins droite (*starej* I et *kabát* II) ou bien 2° descendante (*starej* II et *kabát* I).[1]) Il en est de même pour tous les exemples qui vont être reproduits dans mon nouveau livre sur *la quantité, la mélodie et l'accent en tchèque moderne.*

[1]) La différence qui existe entre ces deux types a été expliquée dans la *Slavia* IV, p. 13 et 21: La mélodie droite correspond à une prononciation plus ferme, la mélodie descendante à une prononciation plus faible.

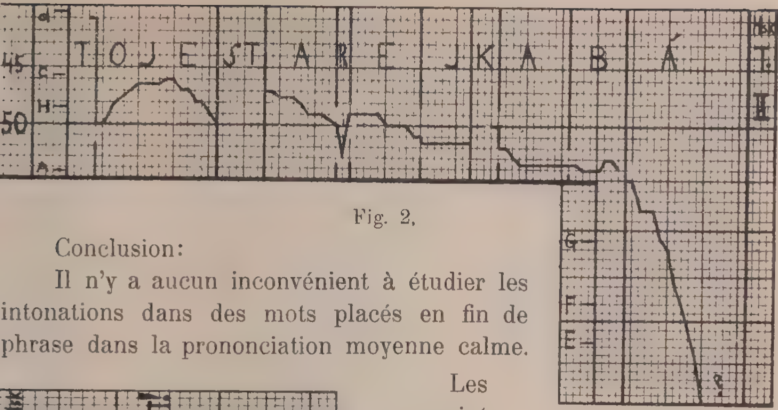


Fig. 2.

Conclusion:

Il n'y a aucun inconvénient à étudier les intonations dans des mots placés en fin de phrase dans la prononciation moyenne calme.

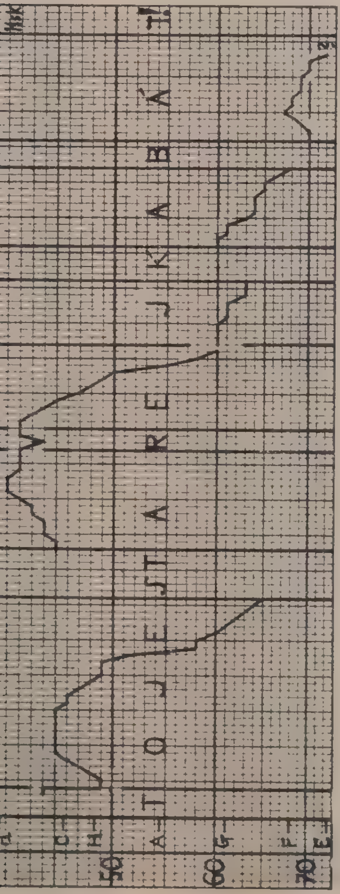


Fig. 3.

Les craintes de M. E. relatives à l'influence trop sensible de la fin de phrase sur la mélodie se sont montrées superflues. L'élément perturbateur, ce sont les différents degrés de la prononciation forte, dont l'une est représentée par la Fig. 3. La voyelle *a* de *starej*, qui est droite ou descendante sur les diagrammes *1* et *2*, offre ici une montée sensible. Toutefois cette montée ne dépasse pas la première moitié de la voyelle, ce qui montre que l'accent d'insistance a été moins fort que dans *doba* de M. Zubatý (*La mélodie*, p. 9) ou dans *zábava* de M. Ekblom, où la montée embrasse la voyelle entière.

La mélodie des voyelles longues.

Quant aux voyelles longues, M. E. attire mon attention sur le fait qu'il leur attribue une

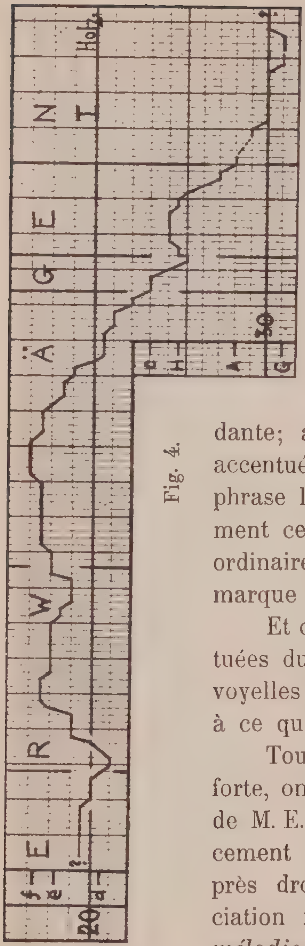


Fig. 4.

mélodie non pas absolument, mais seulement relativement droite, chose qui m'aurait échappé. Non, elle ne m'a pas échappé du tout. J'ai aussi traduit textuellement les définitions approximatives de M. E. et j'en ai tenu compte. Mais même avec cette limitation, avec ses à-peu-près, l'opinion de M. E. ne peut pas se soutenir. Mes enregistrements démontrent nettement deux types pour les voyelles longues accentuées: 1° la mélodie droite terminée par la descente de la voix, ou bien 2° la mélodie descendante; alors tout est comme pour les voyelles accentuées brèves. Et, chose intéressante, en fin de phrase l'oreille tchèque non prévenue sent justement cette mélodie non pas comme droite, mais ordinairement comme descendante (voy. la remarque dans *La mélodie*, p. 26).

Et cette mélodie des voyelles longues accentuées du tchèque concorde de nouveau avec les voyelles longues serbes intonées ⌒, contrairement à ce que dit M. E.

Toutefois, si la prononciation devient plus forte, on peut arriver au type relativement droit de M. E. (description plus complète: le commencement de la voyelle montant, le noyau à peu près droit, la fin descendante; voy. la prononciation forte du mot *málo* de M. Zubatý, *La mélodie*, p. 20). En outre, dans ce cas, la voyelle peut atteindre une longueur démesurée à laquelle paraît faire allusion M. E. p. 115. Car sous l'accent d'insistance, la longue tchèque peut devenir même deux fois plus longue que dans la prononciation moyenne calme. A ce propos je relate l'impression d'une Française (qui avait appris le tchèque), à savoir que les Tchèques prononcent le mot *krása*, dans la phrase *To je krása!* (Quelle beauté!), avec un *á* tellement long comme s'ils voulaient se pâmer devant la beauté exprimée par ce mot. Et M. E. a remarqué que les longues tchèques causent, au commencement du moins, une certaine difficulté aux Suédois qui apprennent le tchèque.

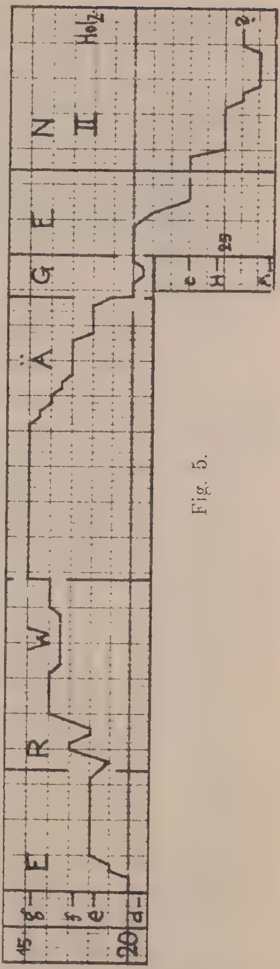


Fig. 5.

Il en donne l'explication suivante: Ils baisseraient trop vite le ton de la voix et arriveraient par là dans une position si basse de la voix que la provision de l'air dans les poumons ne suffirait plus à l'exécution complète de l'articulation et provoquerait la tendance à abréger la voyelle longue tchèque (p. 115/6). C'est cette observation qui a suggéré à M. E. son hypothèse relative a certains côtés de l'évolution de l'accent slave (p. 116).

En effet, il y a là une observation intéressante. Cependant je crois que l'origine des dites difficultés est plus simple. Je me demande si ce n'est pas plutôt la longueur exagérée produite par la prononciation forte «du lexique», employée dans l'enseignement du tchèque, qui en est la cause. Pour imiter la prononciation forte, on comprend que les poumons d'un étranger peuvent trouver quelques difficultés, puisque pour cette prononciation la durée de la voyelle longue peut même être doublée (voir plus haut). Mais ces difficultés ne peuvent guère exister pour la prononciation tchèque courante des voyelles accentuées[1]) longues, étant donné que, dans ce cas, ces dernières ne diffèrent essentiellement des voyelles correspondantes françaises ou allemandes ni pour la durée ni pour la mélodie (sauf naturellement les modifications que pour cette dernière peuvent apporter les différents degrés d'intensité en usage dans les langues en question).

Bref, il n'y a aucun motif pour voir quelque chose à part dans les voyelles longues accentuées tchèques ou serbes intonées ⌒. Au point de vue de la mélodie, ce sont essentiellement les voyelles courantes du français ou de l'allemand dans une phrase affirmative calme.

[1]) Pour les longues *atones*, c'est autre chose.

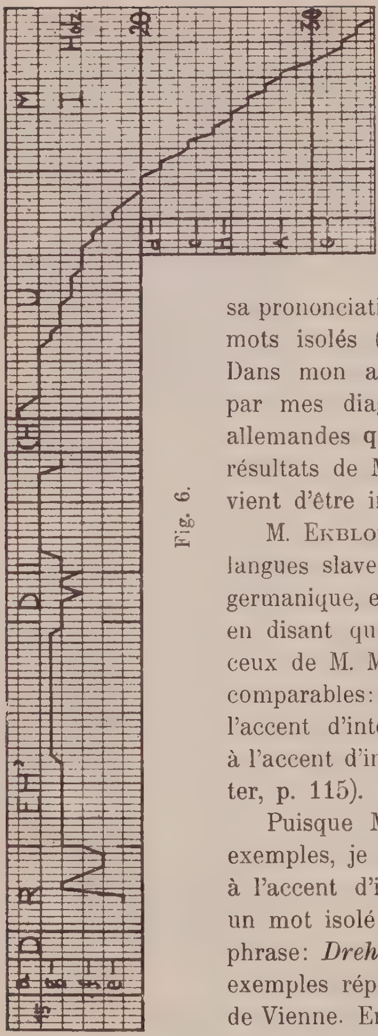


Fig. 6.

Même remarque pour les brèves étudiées dans le chapitre précédent.

La mélodie des voyelles accentuées en allemand.

Cette mélodie a été étudiée assez minutieusement par M. E. A. Meyer, mais uniquement dans sa prononciation allemande du Nord et pour des mots isolés (*Phonetische Studien*, X, 1896/7). Dans mon article sur la mélodie, j'ai montré par mes diagrammes de trois prononciations allemandes que l'on ne peut pas généraliser les résultats de M. E. A. Meyer pour la cause qui vient d'être indiquée.

M. Ekblom qui a appliqué indûment aux langues slaves les résultats d'une prononciation germanique, essaie d'infirmer ma démonstration en disant que les deux sortes de diagrammes, ceux de M. Meyer et les miens, ne sont pas comparables: d'un côté, des exemples ayant l'accent d'intensité fort; de l'autre, des mots à l'accent d'intensité faible (schwachtönige Wörter, p. 115).

Puisque M. E. n'est pas satisfait de mes exemples, je peux lui en proposer d'autres, tous à l'accent d'intensité fort, comme il le désire; un mot isolé *erwägen* (Fig. 4 et 5), une petite phrase: *Dreh' dich um!* (Fig. 6 et 7), les deux exemples répétés deux fois par M. Holzwarth de Vienne. Enfin une phrase plus longue: *Meine Herren, es ist schon Zeit!* dite deux fois par Melle Anna Ilse von Stegmann de Berlin (Fig. 8, 9 et 10). Dans ce dernier exemple, la fin de la phrase n'est pas descendante, comme c'est le cas pour la même phrase dite par M. Paul Haak de Berlin et utilisée par moi dans la *Mélodie*, p. 16. Je reproduis ici également cette autre prononciation berlinoise (Fig. 11) pour faciliter la comparaison et puis aussi pour un autre but dont je parlerai plus loin.

Comme l'on peut voir, il y a ici deux sortes de mélodie: l'une, en forme de courbe (*erwägen* I, *Zeit* I, *um* II), correspondant bien au type représenté par les mots isolés de M. E. A. Meyer, et l'autre, ayant une mélodie droite au commencement de la voyelle et la descente de la voix à la fin (*erwägen* II, *Zeit* II, *um* I), d'accord avec mes exemples antérieurs publiés dans la *Mélodie*, p. 14 (*Nachbar*) et 15 (*Rosen*) que M. E. aurait bien voulu écarter (Fig. 12 et 13). La mélodie de *um* I, de son côté, est très voisine du type entièrement descendant constaté également par moi dans le même travail.

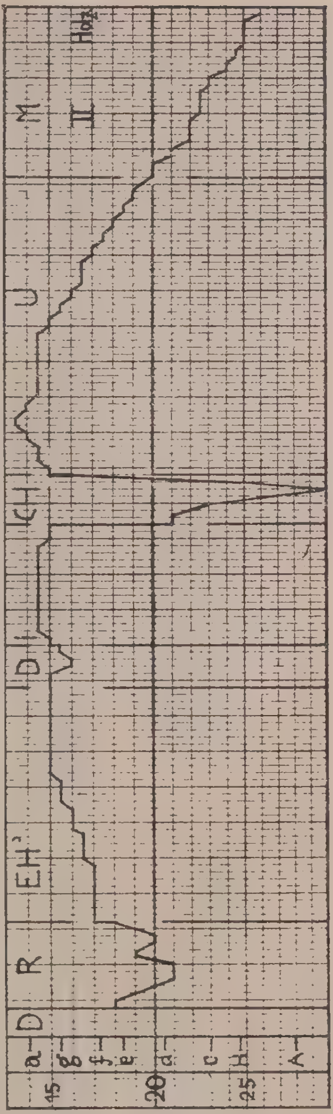


Fig. 7.

On devine aussi aisément d'où vient la différence entre ces deux types de la mélodie dans mes nouveaux diagrammes. Sauf l'impératif *Dreh' dich um!*, la mélodie en demi-cercle apparaît ici dans le premier mot ou dans la première phrase d'un couple. Or, le mot ou la phrase, prononcés pour la première fois, sont ordinairement dits plus fort que la simple répétition qui vient tout de suite après.[1]) Donc, la cause de la différence est la force. A la plus grande force correspond la plus grande élévation de la voix. A mesure que la force diminue, la montée de la voix se réduit, la mélodie devient droite, et si la réduction de la force continue, la mélodie devient entièrement descendante.

[1]) Pour l'impératif qui a plus de mobilité qu'une simple phrase affirmative calme, l'impulsion plus forte n'apparait que dans le second exemple.

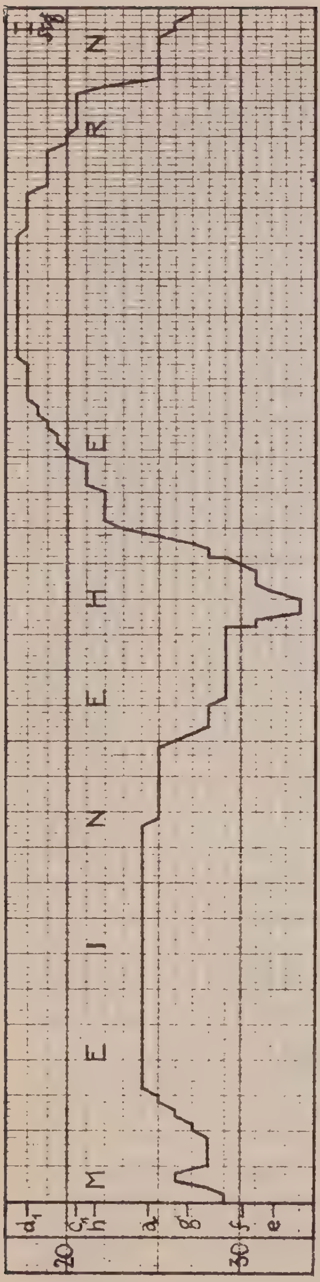


Fig. 8.

Conclusion: Mes nouveaux exemples confirment ce que j'avais déjà dit dans la *Mélodie*, p. 14, à savoir que l'on ne peut pas généraliser les résultats de M. E. A. Meyer, sa mélodie en demi-cercle de ses mots isolés n'étant pas la seule mélodie possible des voyelles accentuées en allemand. Si M. Ekblom l'a fait, il a tort et pour la mélodie et pour l'influence des consonnes sur la mélodie dont je vais parler dans le chapitre qui suit.

L'influence des consonnes sur la mélodie des voyelles. L'enregistrement et le procédé de mesure.

Vient maintenant la question de l'influence des consonnes sur la mélodie qui joue un si grand rôle dans les travaux de M. E. Si M. E. avait raison et que cette influence fût réelle, elle rendrait l'étude de l'accent slave extrêmement compliquée et difficile. Heureusement il n'en est rien, de cette influence. La démonstration que j'en ai donnée dans la *Slavia* IV, a le mérite d'avoir débarrassé l'accentologie slave d'une complication parfaitement inutile. Aussi M. E. ne parle plus de cette influence avec la même assurance qu'auparavant. Il paraît même avoir abandonné son opinion sur l'influence des sonores, du moins dans ses observations il n'en parle plus. Il ne maintient expressément que les consonnes sourdes qui auraient la force de

ausser la mélodie des oyelles voisines (p. 116). . ce propos, il renvoie à la age 84 de son nouveau vre sur le lituanien qui pporterait la confirmation e cette influence. Cependant même ces nouveaux iagrammes, basés, comme es anciens, sur des tracés n peu grossiers du larynx t égalisés encore de deux içons par M. E. (voy. *Slaia* IV, p. 16), ne fournisent pas une preuve suffiante pour cela. Pour obenir quelque chose de sûr, faut avoir recours à un ppareil qui donne des ibrations plus fines, perrettant une délimitation xacte de chaque vibration on seulement au milieu, ıais surtout au commenement et à la fin de la oyelle, ce qui n'est pas oujours le cas chez M. E. 'oilà pourquoi j'ai emloyé le recorder phonoraphique dans mon traail. Les tracés du recorder honographique adapté à enregistrement dans le oir de fumée offrent, il st vrai, pour les deux assages mentionnés de voyelle des vibrations

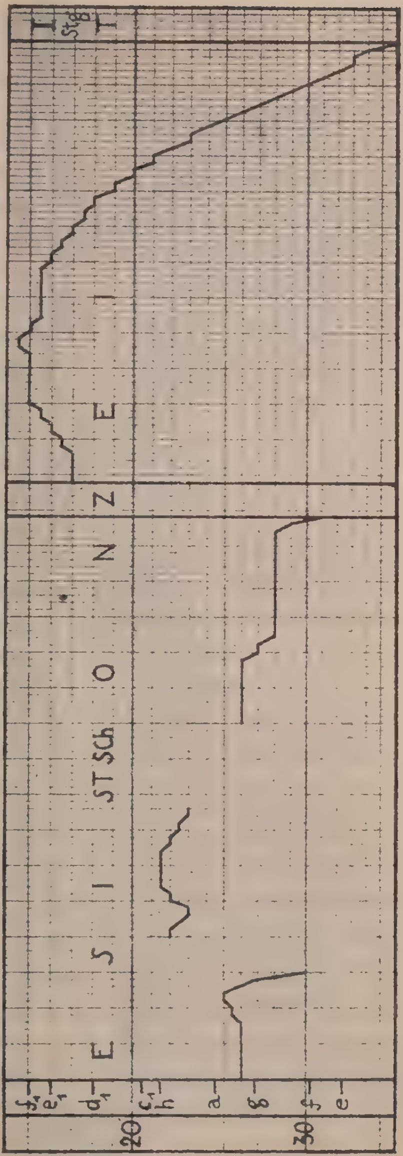


Fig. 9.

etites, mais bien caractérisées par la dentelure vocalique, ce qui ermet une délimitation très précise de chaque vibration. Et ceci ıcore ne suffit pas dans notre cas. Il faut en plus que les me-

sures soient prises avec la plus grande précision possible. Pour obtenir cette précision, j'emploie uniquement le microscope et je mesure chaque vibration séparément, tandis que M. E. se sert de la petite loupe de l'appareil de M. E. A. Meyer et se contente de mesurer chaque fois un couple de vibrations et de diviser par deux la longueur ainsi obtenue. Et non seulement cela. D'après ce qu'il dit dans ses *Beiträge zur Phonetik der serb. Sprache* 1917, p. 40 et 41, la courbe de la mélodie ainsi construite, il l'égalise légèrement là où celle-ci offrirait des irrégularités causées par des erreurs possibles de mesure.

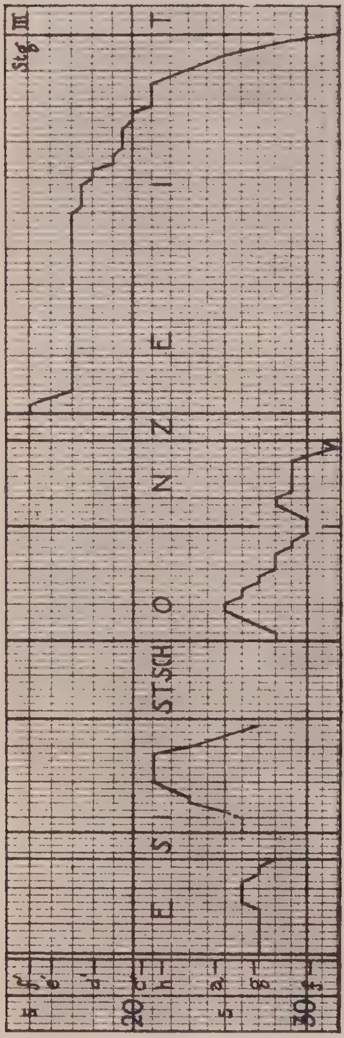


Fig. 10.

D'après ce que je viens d'expliquer, on voit que c'est avec raison que j'ai critiqué ce procédé dans la Slavia IV, p. 3 et 16. La défense de M. E. (*Quantität*, p. 115), ne fait que confirmer entièrement le bien fondé de ma critique. La rédaction un peu hâtive de cette défense explique, si elle n'excuse pas, deux grosses erreurs qui s'y sont glissées. M. E. y croit 1º que j'emploie comme lui le procédé grossier de mesurer deux vibrations à la fois et d'en tirer la moyenne, ce qui est faux. Je mesure chaque vibration séparément, ainsi que je l'ai dit plus haut. 2º M. E. dit p. 115: «L'égalisation insignifiante que j'entreprends sur mes courbes pour des raisons pratiques n'est nullement plus importante que celle que Chlumský se permet». Mais la réalité est que je n'égalise rien du tout. Je l'ai dit

xpressément dans cette revue IV, p. 3: «Le dessin de la mélodie ’a subi aucune retouche».

Donc, il y a deux sortes d’égalisation dans les diagrammes de I. E. que je ne me permettrais pas d’employer même si elles étaient éellement insignifiantes. Mais, pour ie parler que de la première, le proédé de mesurer un couple de vibraions et d’en tirer la moyenne, n’est as si anodin que cela.

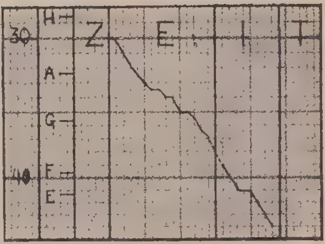


Fig. 11.

Pour faire voir au lecteur comnent un tel procédé peut défigurer e dessin de la mélodie, je prends le liagramme du mot *čin* (Fig. 14; voy. *La mélodie*, p. 11). Là, après une ibration très haute, ajoutée à la cononne, on voit quatre vibrations à peu près droites, suivies de la lescente de la voix. Si, au lieu de mesurer chaque vibration séarément, je ne mesure que des couples à partir de la première ibration visible sur le tracé et que j’en tire les moyennes, la partie lroite du commencement de la voyelle disparaîtrait entièrement,

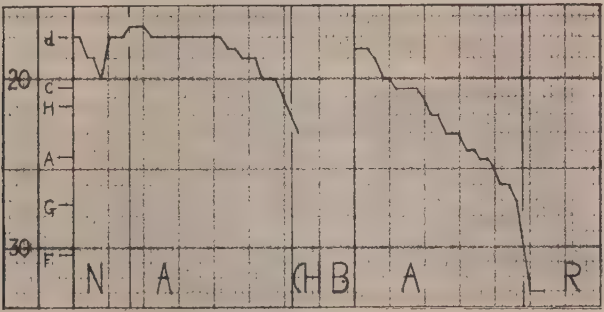


Fig. 12.

’obtiendrais une descente complète de la voix d’un bout à l’autre t je pourrais arriver à la conclusion de voir l’influence de la cononne sourde là où il n’y a qu’une déformation de la mélodie, due un procédé grossier de mesure. La fig. 15 représente la mélodie lu même mot *čin*, mais construite d’après les moyennes de M. E.

Après l’explication nécessaire du côté technique j’arrive enfin la question essentielle qui intéresse les linguistes, à savoir s’il

y a ou non une influence sensible des consonnes sur la mélodie des voyelles. Cette influence, mes tracés la contredisent d'une façon catégorique non seulement pour les consonnes sonores, mais aussi pour les consonnes sourdes. Si elle existait, elle devrait se manifester partout, ou du moins d'une façon régulière, ce qui n'est pas le cas. Au lieu de répéter longuement ce qui a déjà été dit, prenons par exemple le mot allemand *Zeit* qui se trouve trois fois sur mes diagrammes. La première consonne de ce mot est une mi-occlusive sourde qui, d'après la théorie de M. E., devrait relever la mélodie de la voyelle qui suit. Et en effet, nous avons là une fois une montée considérable pour la première partie de la voyelle (*Zeit* I, Fig. 9), mais à côté de cela, nous avons là aussi tout le contraire, une descente complète de la mélodie (*Zeit* dit par M. Haak de Berlin,

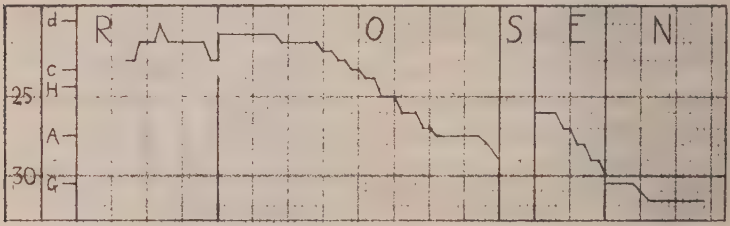


Fig. 13.

Fig. 11); enfin le troisième exemple (*Zeit* II, Fig. 10) offre quelque chose d'intermédiaire: après deux premières vibrations plus hautes — portion trop petite pour être sensible à l'oreille[1]) — se développe une mélodie droite. Donc, au lieu d'une mélodie, influencée toujours dans le même sens par la consonne sourde ainsi que le voudrait M. E., il y en a là trois bien différentes l'une de l'autre. Et si nous examinons la chose de près, nous voyons que ce n'est pas à l'influence de la consonne que l'on doit attribuer ces changements bien différents et bien sensibles de la mélodie, mais que c'est plutôt à la force qui se manifeste ici sous trois degrés différents (voy. plus haut).

Un autre exemple analogue, d'une ressemblance frappante avec le précédent, c'est le mot *starej* qui a été également dit trois fois (Fig. 1, 2 et 3) et représente la prononciation d'un même sujet, ce qui est encore plus instructif pour notre cas. Il y a là de nouveau

[1]) Voy. l'explication plus loin, p. 247 et 248.

rois formes de mélodie comme précédemment: une mélodie mouante; une mélodie droite; enfin une troisième mélodie descendante t cette fois nous n'avons pas besoin de chercher; nous connaissons vec une certitude absolue le facteur qui a relevé la mélodie de la oyelle (Fig. 3); car pour cet enregistrement nous avions invité le

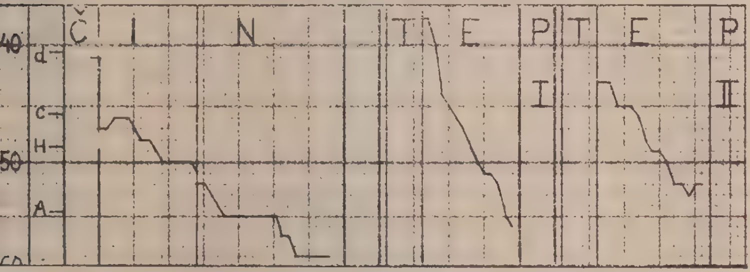


Fig. 14.

jet à appuyer sur le mot *starej*, c'est-à-dire à prononcer plus ort. Les deux autres, où il n'y a pas de montée de la voix, reésentent la prononciation moyenne calme. Alors de nouveau, ce 'est pas la consonne, mais la force qui modifie la mélodie. Et il en est de même dans tous les exemples que j'ai pu étudier. C'est ussi à la même conclusion qu'est arrivé M. Miletić pour le serbe, ette fois avec des matériaux plus iches et plus variés que je n'ai pu eproduire ici.

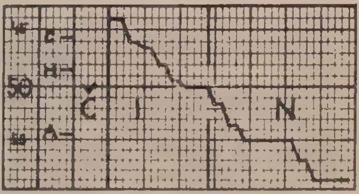


Fig. 15.

Ainsi, comme conclusion, il aut considérer cette ***influence des onsonnes sur la mélodie des voelles*** comme ***enterrée définitivenent***. Et personne ne la regrettera.

Le dernier argument contre mes critiques et en faveur de ses ésultats, M. E. l'a réservé à la note de la p. 116. D'après lui, mes iagrammes, eux aussi, donneraient l'impression qu'il y aurait une ifférence bien nette entre les commencements vocaliques après les ourdes et les autres consonnes, et il renvoie aux figures 13 et 32 e mon travail. En effet, il y a là une différence incontestable, seuleient elle ne touche qu'une ou deux vibrations initiales qui ne compent pas dans l'impression acoustique d'une voyelle, tandis que M. E.

compte avec une influence sensible pouvant même troubler l'impression acoustique (voy. ses *Beiträge*, p. 42), ce qui, heureusement, n'est pas le cas.

Alors sauf cette partie minime qui sert à relier la voyelle à la consonne, il n'y a, je le répète, aucune différence essentielle entre la mélodie de la voyelle après les sourdes et les autres consonnes. Du moment que pour les deux groupes de consonnes, les sourdes et les sonores, les trois commencements vocaliques, démontrés par mes diagrammes, sont possibles, on n'est pas en droit d'affirmer que les sourdes soient caractérisées par quelque chose à part. Cela n'existe pas.

Ces trois commencements vocaliques, je les ai expliqués par une variation de la force possible même dans une prononciation moyenne calme. J'ai montré que, dans une phrase répétée deux fois de suite, c'est la répétition qui est ordinairement plus faible, chose évidente à qui veut essayer de dire deux fois la même phrase. Cela ne paraît pas évident à M. E. Il en tire même un nouvel argument contre moi. Puisque cet argument est assez curieux, je le donne textuellement: «Il est à regretter que l'auteur [Chlumský] n'ait pas eu la prudence de faire parler son sujet avec la plus grande uniformité possible [c'est à dire, sans les variations de la force visibles sur les commencements des voyelles]. C'est uniquement dans ce cas que ses diagrammes auraient atteint leur but pour servir de preuve contre mes résultats». Heureusement, quelques alinéas plus haut, il répond lui-même à son objection par cette phrase prudente: «Quelle que soit la méthode qu'on puisse employer, on ne peut naturellement jamais arriver à une uniformité complète».[1]) (A cet endroit il s'agit de la prononciation de son propre sujet.) Cette fois, il a raison: car l'homme n'est pas une machine phonographique pouvant répéter une même phrase toujours de la même façon. Des variations de la force sont inévitables, même dans une prononciation qui cherche à être la plus régulière possible. Toutefois, il y a une limite qu'il ne faut pas dépasser pour qu'une prononciation puisse encore être considérée comme suffisamment régulière: Il ne faut pas que les variations de la force soient trop grandes. Malheureusement, elles atteignent souvent le m a x i m u m c h e z M. Ekblom, ainsi dans les mots déjà cités p. 235, notamment dans *zábava* et *malin* qui ont étonné M. E. lui-même par leur mélodie franchement

[1]) «Welche Methode man auch benutzt, so kann indessen natürlich volle Einheitlichkeit niemals erreicht werden» p. 115.

montante, trahissant une prononciation, non pas simplement forte, mais très forte.

Voyons maintenant la prononciation de mon sujet, les chiffres à la main: 1° Pour les voyelles brèves. Le renforcement, reconnaissable à une certaine montée de la mélodie au commencement de la voyelle, se rencontre dans trois exemples, à savoir *doba*, *baba*, *dub*. Dans les deux premiers, il fait seulement 3 vibrations de l'ensemble de 16 (resp. 17); dans le troisième exemple, *dub*, 4 vibrations de l'ensemble de 18, donc une quantité réellement négligeable. 2° Pour les longues, de nouveau 3 exemples; *zábava* I, 2 vibrations initiales montantes de l'ensemble de 31; *dým*, 7 v. de l'ensemble de 30; enfin *Bůh*, 7 v. de l'ensemble de 25. Pour ces deux derniers mots, le renforcement initial de la voix est un peu plus grand que dans les précédents; toutefois, même pour le cas extrême *Bůh*, il dépasse à peine le premier quart de la voyelle, tandis que chez M. E. les écarts sont énormes, embrassant souvent la voyelle entière. Peut-on demander une régularité plus grande à une prononciation que celle qui a été obtenue dans mon travail? En effet, les chiffres, aussi bien que l'impression acoustique[1]) démontrent nettement que la prononciation de mon sujet a été suffisamment régulière pour pouvoir servir de base solide à la description de la mélodie des voyelles en tchèque. Et elle apporte un contrôle utile et même nécessaire du travail de M. Ekblom.

Prague.

J. Chlumský.

[1]) J'ai insisté sur ce point à la p. 2 de la *Mélodie*.

Къ изученію старопечатныхъ болгарскихъ книгъ.

(По поводу „Описа“ проф. В. Погорѣлова. София 1923.)

„Ти болгарине не прелащаї се, знаи свои родъ ї ıазїкъ и ѹчи се по своемѹ ıазикѹ“. Такой призывъ раздался изъ келіи зографскаго монастыря въ 1762 году. Въ этомъ году проигуменъ хиландарскій іеромонахъ Паисій закончилъ свою „Исторію славѣноболгарскую“, предназначая ее тѣмъ отцеругателямъ, „кои не любатъ свой родъ и ıазикъ“, а также и „вамъ, коï ревнѹете знати и слишати за своï родъ ї азикъ напїсахъ да знаете“.[1]) Желая шире распространить свое произведеніе и тѣмъ самымъ всколыхнуть и пробудить забитое и заснувшее національное сознаніе у своихъ соотечественниковъ, онъ со спискомъ своей патріотической Исторіи самъ отправился въ разныя мѣста болгарскаго народа. Откликъ на свое произведеніе о. Паисій скоро получилъ. Въ 1765 г. его Исторія была списана котлянскимъ молодымъ попомъ Стойкомъ Владиславовымъ и положена въ церкви на пользу народную. Попъ Стойко, позднѣе епископъ Софроній Врачанскій, былъ ревностнымъ просвѣтителемъ своего народа. Въ годы священничества онъ обучаетъ дѣтей грамотѣ и красиво переписываетъ обширный сборникъ словъ и сказаній (дамаскинъ), а также Исторію славѣноболгарскую Паисія на пользу душевную болгарскому народу. Въ тяжкіе годы епископства онъ ходить по церквамъ: „полагахъ поѹче́нїе пона̀шемѹ бо́лгарскомѹ ı̂азы́кѹ, а̂ о̂ны хр̃тїа́ны катѡ̀ не чѹле ѿ дрѹгїй а̂рхїере́а тако̀вое пона̀шемѹ ı̂азы́кѹ поѹче́нїе, ӥмаха ми като̀ е̂днегѡ́ фїло́софа“.[2]) Вынужденный покинуть своихъ пасомыхъ, онъ день и ночь проводитъ за нелегкимъ трудомъ писанья разныхъ обширныхъ поучительныхъ сборниковъ, „та̀ а̂ко небы́ возмо̀жно мене́ да сказѹвам ӥмь [пасомымъ] сас ѹ̑ста̀ мо́ѧ да чѹѧть ѿ мене́ грѣш-

[1]) „Исторія славѣноболгарская собрана и нареждена Паисіемъ іеромонахомъ в҃ лѣто 1762.“ Стъкми за печатъ по първообраза Йор. Ивановъ. София. 1914. Стр. 6, 7.

[2]) Автобиография на Софрони Врачански. Изд. П. Н Орѣшковъ. София. 1914. Стр. 62.

аго нѫкои полѣзное поѹченїе, а тїе да прочетѹтъ писанїе мое да ѹ҆ползѹ҆ется."[1]) Каждый изъ сборниковъ неизмѣнно сопровождается указаніемъ на ту цѣль, для какой онъ предназначается. Напр.: „И приведоҳъ и҆ҳъ [поученія] ѿ словенскаго ѩзыка на болгарскїй простый ѩзыкъ, къ разѹмѣнїю и҆ къ ѹ҆вѣдѣнїю простомѹ невѣжомѹ болгарскомѹ народѹ на ползѹ дѹшевномѹ (Изъ сборн. 1802 г.). „Люботрѹдным тщанїемъ приведоҳъ и҆ преписаҳъ сїю книгѹ, нарицаемый ‚ѳеатронъ политїконъ", сирѣчъ гражданское позорище, ѿ греческаго пространнагѡ ѧзыка на болгарскїй нашїй простїй ѧзыкъ, къ разѹмѣнїю и оувѣдѣнїю простомѹ болгарскомѹ народѹ, на внѣшнюю и҆ дѹшевнѹю ползѹ" (1809 г.). Иногда имѣлась въ виду только „внѣшняя польза прочитающихъ" (Мѵѳологїѧ Сѵнтїпа фїлософа, 1802 г.).[2]) Въ *1806 г.* въ Рымникѣ еп. Софроній напечаталъ первую книгу на болгарскомъ языкѣ.

Это „Кѵрїакѡдромїѡн сирѣчъ: Недѣлникъ . . ." Правда, языкъ Киріакодроміона не чисто-народный языкъ: на-ряду съ элементами живой болгарской рѣчи тутъ много элементовъ языка книжнаго, русско-церковнославянскаго. Но по своему стилю поученія Киріакодроміона были вполнѣ доступны „невѣжому болгарскому народу". Въ 1806 г. (въ Будимѣ) вышло еще одно изданіе на болгарскомъ языкѣ: „Молитвенный крїнъ" — небольшая книжка, содержавшая въ себѣ молитвы утреннія и вечернія. Составитель ея неизвѣстенъ. Языкъ этого „Крїна" ближе къ живой болгарской рѣчи, чѣмъ языкъ писаній еп. Софронія.

Итакъ, *1806* годъ — годъ выхода въ свѣтъ первой печатной книги на болгарскомъ языкѣ. Правда, въ 60-хъ гг. XVIII-го вѣка въ городѣ Москополѣ вышла „*Εἰσαγωγικὴ Διδασκαλία*" хаджи Даніила-москопольца и іерокирика. Въ 1802 г. эта Дидаскалія съ нѣкоторыми дополненіями была переиздана. Мѣсто изданія неизвѣстно; можетъ быть, Венеція. Стр. 1—36 въ этомъ изданіи занимаетъ *Λεξικὸν τετράγλωσσον*, содержащій въ себѣ коротенькіе разсказы и отдѣльныя фразы. представленныя параллельно на четырехъ языкахъ: на греческомъ, аромунскомъ болгарскомъ и албанскомъ. Прочія части Дидаскаліи, различныя по своему содержанію, написаны на греческомъ языкѣ. Видѣть въ этой книгѣ начало изданія болгарскихъ книгъ невозможно: болгарская параллель представляетъ лишь $^1/_4$ часть словаря и $^1/_{11}$ всей книги

---

[1]) Автобиография. 74.

[2]) А. Теодоровъ Баланъ, Софрони Врачански (София 19. 6), стр. 64 - 65, 79, 117.

(Дидаскалія 1802 г. имѣетъ 8⁰ ненумер. + 92 стран.). Дидаскалія — греческая книга, куда вошли между прочимъ параллельныя фразы по-ромейски, по-влашски (аромунски), по-болгарски и по-албански для того, чтобы облегчить влахамъ. болгарамъ и албанцамъ, „варварскимъ народамъ", усвоеніе греческаго языка, „матери мудрости". „Албанцы, влахи, болгары — иноязычники — возрадуйтесь и приготовьтесь всѣ вы стать греками, отбросивъ варварскій языкъ, звуки, нравы ... Проснитесь отъ глубокаго сна невѣжества. Учите греческій [ромейскій] языкъ, мать мудрости" ... Съ такимъ призывомъ обращался къ албанцамъ, влахамъ и болгарамъ составитель Дидаскаліи іерокирикъ Даніилъ, — обращался въ большомъ стихотвореніи, написанномъ по-гречески.[1])

Въ христіанско-просвѣтительномъ направленіи проходила дѣятельность двухъ беззавѣтныхъ тружениковъ въ Македоніи — хаджи Іоакима даскала Крчовскаго и его младшаго современника іеромонаха Кирилла Пейчиновича. Районъ дѣятельности Іоакима — Крчево, а затѣмъ Кратовская область. Онъ обучаетъ грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, составляетъ поучительныя книжки на языкѣ, доступномъ пониманію простого болгарскаго народа, и печатаетъ ихъ въ Будимѣ. Въ 1814 г. тамъ была напечатана его „Повѣсть" о страшномъ судѣ. Можетъ быть, ему же принадлежало „Сло́во и҆сказа́ное заради̑ ѹ҆мира́нїе", вышедшее въ томъ же году. Въ 1817 г. тамъ же были напечатаны другія двѣ книги Іоакима: „Мытарства" и „Чудеса Пр. Богородицы", въ 1819 г. послѣдняя: „Различна поучителна наставленїѧ". Эти книги находили себѣ горячій откликъ въ народной средѣ. Изданіе ихъ было дѣломъ народнымъ. „Вспомоществователи" не ограничивались одною денежной помощью, но принимали непосредственное участіе въ появленіи этихъ изданій. Нѣкоторые болѣе ревностные „вспомоществователи" отправлялись въ Будимъ и тамъ устраивали печатанье душеспасительныхъ книгъ своего „даскала" и „исповѣдника" (іеромонаха). Мы располагаемъ такимъ указаніемъ. Въ бытность свою въ Кюстендилѣ (за поисками книгъ Іоакима) я нашелъ у почтеннаго чича Коцѐ х. Трачова рукописный ака-

---

[1]) Это стихотвореніе, четыреязычный словарь и нѣкоторыя другія части перепечатаны P. Papahagi, Scriitori aromâni in secolul al XVIII. București. 1909. Замѣчанія относительно этого изданія сдѣланы были Ст. Романскимъ въ Период. Списание, LXX, св. 5—6, стр. 464—467. Указанное стихотвореніе перепечатано также у Йорд. Иванова: „Грѣцко-български отношения прѣди църковната борба". Сборникъ въ честь на Л. Милетичъ (София, 1912), 163—164. Болгарская параллель словаря изслѣдована въ моихъ „Очеркахъ по македонской діалектологіи", I., Казань 1918.

›истъ Пр. Богородицѣ, переписанный по преданію Іоакимомъ. (ъ акаѳисту приложена молитва, составленная будто бы Іоаки- ıомъ.[1]) — Коце Трачовъ — правнукъ „другаря“ Іоакима и вспо- ıоществователя въ изданіи его книгъ — попа Симóна. На чистомъ ıистѣ имѣются записи, относящіяся къ событіямъ семейной и мі- ıовой жизни: тогда-то родился новый членъ семейства, тогда-то емля тряслась; отмѣчено на-ряду съ этимъ и слѣдующее со- ıытіе: въ 1817 г. Димитрій ходилъ въ Будимъ печатать (да ıтампоса) Чудеса Пр. Богородицы Іоакима. Имена ревностныхъ непосредственныхъ участниковъ изданія отмѣчены на титуль- ıыхъ листахъ книгъ македонскаго даскала. Насколько дороги ıыли для населенія Іоакимовы книги, свидѣтельствуетъ слѣдующій ›актъ: одна старушка (мать кюстендильскаго учителя Вл. Ми- ева), спасаясь отъ турецкихъ злодѣйствъ, бѣжала изъ Кратова ъ Кюстендилъ и въ числѣ драгоцѣнныхъ для нея предметовъ ринесла за пазухой „Чудеса Пр. Богородицы“ Іоакима. Книги ›акима настолько глубоко уходили въ народную среду, что въ астоящее время извѣстно чрезвычайно мало экземпляровъ ихъ.

Такъ же дороги были для народа и двѣ книжки, составленныя ›ромонахомъ Кирилломъ Пейчиновичемъ: „Огледало“ (Будимъ, 816) и „**Книга глагóлемаѧ оутѣшеніе грѣшнымъ**“ (Солунь, 1840).

Что касается содержанія книгъ хаджи Іоакима и іером (ирилла Пейчиновича, то оно соотвѣтствовало содержанію бол- арскихъ „дамаскиновъ“, такъ популярныхъ у болгарскихъ сла- янъ въ XVII—XVIII и въ первой половинѣ XIX-го в. Европейское просвѣтительное“ вѣяніе времени, отразившееся на патріоти- ескомъ трудѣ Паисія и на нѣкоторыхъ сборникахъ еп. Софронія, редназначавшихся не только на душевную, но и на „внѣшнюю ользу“ прочитающимъ,[2]) не коснулось македонскихъ книжниковъ.)ни шли на-встрѣчу запросамъ религіозно-нравственной жизни воихъ земляковъ, — запросамъ въ духѣ прежнихъ идеаловъ житія праведнаго“.

Изучающему различныя стороны болгарскаго возрожденія еобходимо самымъ тщательнымъ образомъ собрать небогатые цѣлѣвшіе матеріалы, какъ бы ни были они отрывочны и де-

---

[1]) Ни одного слова — автографа Іоакима до сихъ поръ не отыскано. ıнѣ, кажется, удалось найти его автографъ, но переживаемыя обстоятель- гва не даютъ мнѣ возможности довести разслѣдованіе до конца.

[2]) См въ изслѣдованіяхъ Бояна Пенева: „Паиси Хилендарски“ (Пе- ıод. Списание, LXX, 1910 г.) и „Доситей Обрадовичъ у насъ“ (Списание а Бълг. Академия на науките, кн. III, 1912).

тальны, по отношенію къ состоянію болгарскаго народа во второй половинѣ XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го столѣтія. Среди этого матеріала драгоцѣнными памятниками являются раннія печатныя болгарскія изданія. Эти изданія непремѣнно слѣдуетъ привести въ извѣстность, описать и изслѣдовать всесторонне. Починъ въ этомъ отношеніи давно уже сдѣланъ. 100 лѣтъ тому назадъ „Библіографическіе Листы“ П. Кеппена, 1825 г., въ № 40 въ отдѣлѣ „Иностранная литература“ выдѣлили особо обозрѣніе „болгарской“ литературы. Здѣсь указаны были извѣстныя Кеппену книги на болгарскомъ языкѣ и сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о нихъ[1]). Кое-что немногое изъ болгарскихъ изданій отмѣтилъ Неофитъ Рилскій въ своей „Болгарской грамматикѣ“, изд. въ 1835 г.[2]). Черезъ 3 года въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія (1838 г. ч. XVIII) была помѣщена статья Н. Мурзакевича: „Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у болгаръ“. Въ этой статьѣ на основаніи предшествующихъ библіографическихъ упоминаній данъ указатель (очень неполный) болгарскихъ изданій. Въ 1841 г. В. Априловъ въ своей книжечкѣ: „Денница новоболгарскаго образованія“ (Одесса, 1841) сообщилъ рядъ фактовъ изъ книжной дѣятельности среди болгаръ. Лучшее же библіографическое обозрѣніе сдѣлано было И. И. Срезневскимъ. Это его прекрасный „Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи“ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846 г., ч. LI, отд. V). Въ 1852 г. появился „Списокъ заболгарскы-те книгы, кои то са издадени до сеги“ (Цареградъ). Списокъ составленъ былъ молодымъ болгарскимъ библіографомъ И. Шоповымъ[3]). Съ 70-хъ гг. появляются болѣе полныя обозрѣнія болгарскихъ изданій, — І. К. Иречка въ 1872 г.[4]) и А. Теодорова Балана въ 1893 и 1909 гг.[5])

[1]) См. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собранные Петромъ Кеппеномъ“. СПб. 1826.

[2]) Болгарска грамматіка сега перво сочинена Ѿтъ Неофѵта П. П. сѿраго їезъ скажѐнным ѡбитѣли Рылскиѧ . . . Въ Крагуевцѣ. Оу книжеско — Сербской Типографіи. 1835, стр. 41—45, примѣчаніе.

[3]) Помѣщено было и въ „Цариградски Вѣстникъ“ 1852 г., № 99, подъ заглавіемъ: „Писменность въ XIX-й вѣкъ“. Собранъ отъ Ивана В. Шопова 1852. Маія 5-го. Златный Прагъ въ Богемія. Объ этомъ библіографѣ см. въ статьѣ Н. Начова: „Къмъ историята на новобългарската библиография“. Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго, I, стр. 72—93.

[4]) Книгописъ на новобългарската книжнина 1806—1870. Віена 1872.

[5]) Български книгописъ. Дѣлъ I (1641—1877). София 1893. Български книгописъ за сто години 1806—1905. София 1909. Поправки и дополненія къ послѣднему описанію сдѣланы Н. Начовымъ (въ Сбори. за народ. умотв., кн. XXVI; другая статья Начова мнѣ недоступна) и Кутинчевымъ (и эта статья мнѣ недоступна).

Въ 1923 г. вышелъ новый трудъ по описанію книжнаго богатства возраждавшейся Болгаріи: „Опис на старите печатани бжлгарски книги (1802—1877 г.). Сжставен от Валерий Погорелов, професор на Донският Университет. София. 1923. VI + 796. Изданіе Народной Библиотеки въ Софіи. Мы привѣтствуемъ тѣ пріёмы описанія старыхъ печатныхъ изданій, которыми пользовался составитель „Описа“. Именно, онъ не ограничивался обычнымъ сообщеніемъ заглавія, формата и объема, но обращалъ вниманіе и на слѣдующія стороны. При каждой книгѣ указано, въ какой библіотекѣ (въ Софіи) и подъ какой сигнатурой находится она. Въ рѣдкихъ случаяхъ отмѣчены и частныя лица, обладатели той или иной книги. Если книга отсутствуетъ въ Софіи, то дѣлается ссылка на болѣе ранція указатели. Послѣ заглавія отмѣчается motto, посвященіе, дѣлается извлеченіе изъ предисловія, имѣющаго культурно-историческое и бытовое значеніе, указывается количество „вспомоществователей“.

Считаемъ необходимымъ для научнаго описанія старопечатныхъ болгарскихъ книгъ, по крайней мѣрѣ за первыя 3 десятилѣтія, выполненіе также слѣдующихъ задачъ, обойденныхъ проф. В. Погорѣловымъ.

1. Сообщить работы, относящіяся къ тѣмъ или инымъ старопечатнымъ болгарскимъ изданіямъ.

2. Необходимо сообщить записи, если онѣ имѣются въ описываемой книгѣ. Эти записи нерѣдко представляютъ большую цѣнность въ разныхъ отношеніяхъ. Напр., въ экземплярѣ книжки „Служеніе Еврейско“, находящемся въ Народной Б-кѣ въ Софіи, имѣется важная запись болгарской учительницы бабы Недѣли Петковой о судьбѣ болгарской типографіи въ Солуни.[1]) Или вотъ еще: „Книга сїѧ зовомаѧ Огледало“ Кирилла Пейчиновича. Въ одномъ изъ экземпляровъ ея, принадлежащихъ Народной Б-кѣ въ Софіи, имѣется запись, сдѣланная, вѣроятно, авторомъ „Огледала“.[2])

---

[1]) Б. Цоневъ, Описъ на ржкописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната Б-ка въ София (София 1910), № 529 (459).

[2]) Тамъ же № 523 (574). — Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось лѣтомъ 1914 г. видѣть этого экземпляра: его взялъ кто-то къ себѣ на-домъ. До этого я нашелъ автографъ Кирилла Пейчиновича въ его монастырѣ св. Аѳанасія около села Лешокъ, къ сѣверу отъ г. Тетова. Позднѣе мнѣ удалось отыскать его же автографы въ рукописяхъ Хлудовскаго собранія въ Москвѣ. Селищевъ, Кириллъ Пейчиновичъ (Сборникъ въ честь на В. Н. Златарски, София 1925, 390—401).

3. Печатныя изданія на болгарскомъ языкѣ, относящіяся къ первымъ 3 десятилѣтіямъ, такъ немногочисленны, что слѣдуетъ установить наличность уцѣлѣвшихъ экземпляровъ.

Послѣ этихъ desiderata я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія и дополненія, относящіяся къ „Опису“ проф. Погорѣлова и ко 2 и 3 пунктамъ выставленныхъ нами пожеланій.

Нельзя согласиться съ начальной датой болгарскихъ печатныхъ изданій Почему избранъ 1802 г.? Потому ли, что въ этомъ году вышло 2-е изданіе „Дидаскаліи“ Даніила москопольца? Но и въ первомъ изданіи (въ 60-хъ гг. XVIII-го в.) имѣлась болгарская параллель. Кромѣ того, „Дидаскалія“ не болгарская, а греческая книга (ср. сказанное о ней выше). Въ другихъ случаяхъ и проф. Погорѣловъ обычно не включаетъ въ свой Описъ тѣхъ изданій, въ которыхъ болгарскій текстъ не представляетъ исключительнаго содержанія книги. Такъ, имъ обойденъ молчаніемъ знаменитый „Додатак...“ Вука Караджича (1822). Не указанъ обширный сборникъ П. Безсонова: „Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Венелина, Катранова и другихъ болгаръ“ (М. 1855). Болгарскій текстъ занимаетъ въ этой книгѣ 268 + 148 страницъ. Почему же эти исключенія при наличности греческой Дидаскаліи? Лучше остановиться при датѣ 1806, когда появился „Киріакодроміонъ“ еп. Софронія Врачанскаго и „Молитвенный кринъ“.

Отмѣчая вспомоществователей того или иного изданія, проф. Погорѣловъ указываетъ число подписчиковъ и мѣстожительства ихъ. Но въ этомъ пунктѣ проф. Погорѣловъ представляетъ не точно данныя: число экземпляровъ, на которое подписалось то или иное лицо, отожествлено съ числомъ подписчиковъ. Такъ, напр., относительно „Всеобщей Географіи“ И. Богоева (1843) указаны такимъ образомъ „Почтенитѣ имена на спомоществователыетѣ“. Одесса — 30, Галацъ — 47, Браила — 83 и т. д.; „всичко — 580“. Въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе: изъ Одессы подписчиковъ было 16, экземпляровъ 30; изъ Галаца подписчиковъ 25, экземп. 47, изъ Браила подп. 56, экземп. 83 и т. д. Подписчиковъ (вспомоществователей) всего было 303, а экземпляровъ 580. Та же неточность проведена и въ другихъ случаяхъ.

1806. „Киріакодроміонъ“. Указаны экземпляры Народной Б-ки въ Софіи. Дополнимъ указаніемъ еще на такіе экземпляры. Въ монастырѣ св. Аѳанасія у села Лешокъ (недалеко отъ Тетова) имѣется экземпляръ, принадлежавшій игумену Кириллу Пейчи-

овичу. На этомъ экземплярѣ имѣются его записи. Повидимому, одражая Софронію, дѣдо Кириллъ подписывалъ свое имя въ идѣ ромба: въ срединѣ поставлено К, а отъ К идутъ во всѣ тороны другія буквы написанія Кѷріллъ. Такая подпись имѣется а переплетѣ „Киріакодроміона“ и въ книжкѣ „Утѣшеніе Грѣшымъ“[1]). Дефектный экземпляръ находится въ одесской городкой библіотекѣ. Прекрасной сохранности экземпляръ пріобрѣтенъ ною въ Болгаріи для библіотеки Казанскаго Университета.

„Молитвенный крінъ“. Проф. Погорѣловъ подчеркиетъ скептическое замѣчаніе Начова: „Малко съмнителна тази книга“. Но сомнѣваться въ этомъ изданіи нѣтъ оснонія. И. И. Срезневскій имѣлъ у себя подъ руками эту книжку сдѣлалъ из нея извлеченіе. Вотъ его описаніе этого изданія — Молитвенный крінъ. У Будиму. 1806. (80 стр. in—12). Это — обраніе молитвъ утреннихъ и вечернніхъ, порядочно составленое, хотя и далеко не полное. Въ книжкѣ нѣтъ ни предисловія, и послѣсловія, ни имени издателя, ни посвященія. Въ образчикъ зыка привожу молитву Господню:

„Бáшта нáшъ, които си на небóто. Да сѧ свѧтѝ имѧ̀ Твоѐ. а пріидѐ цáрство Твоѐ. Да бáде вóлѧ Твоѧ̀, каквó на небóто, акá и на земѧ̀та. И опростѝ намъ должнóсти те наши, какво ніѧ опращáваме на наши те должнѝци. И не наводѝ насъ на кушêніе, но избáви насъ ѿ лукáвагѡ. Ѧко твое є́сть цáрство о, и сѝла та, и слáва та во вѣки. Ѧминь“.[2])

1817. Сїа кни́га глаголемаа мытáрства ... Г. Іѡакїма Дáскала рчóвскаго ... Сообщено по статьѣ М. С. Дринова о хаджи акимѣ (Период. Спис. XXXIV, 1890). Дриновъ пользовался кземпляромъ, принадлежащимъ Московскому Публичному и Руянцевскому Музею (собр. Григоровича, № 2192). Другого экземляра не отмѣчено. Въ экземплярѣ Румянц. Музея 2 послѣднихъ истыхъ листа заняты рукописными замѣтками, сдѣланными, ожетъ быть, самимъ Іоакимомъ (стр. 63—65). Нѣкоторыя изъ ихъ: „сие писмо податисе во село маврово ѹ рѹке ап҄.. иваоски“. „сие книга ѩѣимова“. „многѹ поздравление ѿ мене ма [и?] и ѿ мене гега до тебе татко ...“, „многѹ поздравление ѿ ене ѩѣима до тебе да а ... ице и до тебе което и до тебе

[1]) А. Селищевъ, Отчетъ о занятіяхъ за границею (Казань, 1915), р. 55—56.

[2]) Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи. Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. LI., д. V, стр. 6.

лазета...“ Другимъ почеркомъ: „да се знаетъ кога падна гра дотъ по 15 драма зрното 1828 месеца июниосъ г: дена на саха тотъ десетъ и полъ во четвартокъ“.

1818. Подъ этимъ годомъ указанъ и описанъ (въ Дополне ніяхъ, стр. 743—750) единственный извѣстный проф. Погорѣлов экземпляръ интереснаго въ бытовомъ отношеніи „Календаря“ составленнаго Цвѣткомъ х. Георговымъ (напечатанъ въ Будимѣ 1818), — экземпляръ, принадлежащій Археологическому обществ въ Старой Загорѣ. На этотъ экземпляръ ему указалъ проф В. Н. Златарскій. — Но и въ Софіи (въ Академіи Наукъ) должен быть еще одинъ экземпляръ этого „Мѣсецослова“. Пользуюс указаніемъ П. Черновѣжда: „Единъ екземпляръ отъ тоя кален дарь се намираше въ Панагюрище у споменжтия Пантели Кара петровъ, който, заедно съ книгата Описание на Филипополскат Епархия, ги подарилъ на Българското Книжовно Дружество в Срѣдецъ“.[1])

1823. Подъ этимъ годомъ не отмѣчено ни одного издані Но слѣдуетъ указать на переводъ Евангелія отъ Матѳея, сдѣ ланный архим. Ѳеодосіемъ и напечатанный Россійскимъ Библей скимъ Обществомъ въ 1823 г. Евангеліе это не поступало в продажу. Извѣстно всего 3 экземпляра: въ б кѣ Казанской Ду ховной Академіи, въ рукописномъ отдѣленіи б ки Рос. Ак. Наук (дефектный экз.) и въ Славянскомъ Отдѣлѣ б ки Ак. Наукъ. Об этомъ изданіи въ связи съ изданіемъ Новаго Завѣта на болгар скомъ языкѣ, сдѣланнымъ Лондонскимъ Библейскимъ обществом см. въ статьѣ Н. М. Петровскаго: „Къ вопросу о первомъ печат номъ переводѣ Новаго Завѣта на ново-болгарскій языкъ“ (Из Отд. р. яз. и слов. Р. Ак. Н., т. XXI, 1917, кн. 2).

1837. Христоиѳіа или Благопракіе... преведенна ѿ Райна П повича изъ Жеравна... (Будимъ 1837). Переводу предпослан обширное предисловіе переводчика, — предисловіе, весьма важно въ культурно-историческомъ отношеніи. Одинъ экземпляръ Хри стоиѳіи находится въ б-кѣ Петровскихъ въ Казани.[2]) На этом экземплярѣ имѣются помѣтки В. И. Григоровича. Отмѣчу одн изъ нихъ. На стр. 35—36 переводчикъ возсылаетъ выспренню благодарность филиппопольскому митрополиту Никифору за е

[1]) П. Черновѣждъ, Нѣколко записки отъ сегашниятъ вѣкъ. Сбор. народ. умотв., кн. VI, 411.

[2]) А. Селищев, К изучению казанских изданий и книгохранилищ. „К занский Музейный Вестник“, 1922 г., № I, стр. 68.

просвѣщенное содѣйствіе и заботы о школахъ для народа. Противъ этого восхваленія, на поляхъ стр. 36, рукою Григоровича написано: „ложь“. Припомнимъ, что Григоровичъ зналъ объ этомъ митрополитѣ на основаніи собственныхъ наблюденій. Въ донесеніи о своемъ путешествіи по европейской Турціи казанскій славистъ писалъ о Филиппополѣ между прочимъ слѣдующее: „Имѣлъ также честь быть у В. П. митрополита о. Никифова... Но прискорбно вспомнить, что случилось мнѣ услышать здѣсь привѣтствіе, недостойное духовной особы и неуважительное къ имени моему“.[1])

1838. Начальное оученіе... напечáтасѧ во грáдъ солѹнъ. Ни одного экземпляра изъ Софійскихъ б-къ не указано. Проф. Погорѣлову остался повидимому неизвѣстнымъ экземпляръ Народной Б-ки въ Софіи, находящійся въ новомъ собраніи рукописей и старопечатныхъ книгъ. См. „Годишникъ на Народната Б-ка“ 1912—1913, стр. 19, № 195.

1839. Слѹженіе еврейско и всè Ѕлотворéніе нихнѡ... въ Тѵпографіи Солѹнской... — Переводчикъ книжки не указанъ. Проф. Погорѣловъ спрашиваетъ, не принадлежитъ ли этотъ переводъ архим. Ѳеодосію, основателю болгарской типографіи въ Солуни. Но относительно переводчика этой книжки имѣется опредѣленное указаніе въ автобіографіи митроп. Наѳанаила: »Книгата на Неофита Иеромонаха отъ монастирьтъ Нѣмца, въ Молдава, подъ заглавие: „Служение Еврейско...“ печатана въ Солунъ 1839 лѣто. учительтъ ми Георги Самуркашъ [въ Прилѣпѣ] я имаше печатана на Влашки и Гръчки, и понеже онъ, като бивши Букурещски търговецъ, познаваше Влашки и Гръчки язици, то рѣшихме се какъ да можемъ да я прѣведеме на наше мѣстно, просто Българско нарѣчіе. И така, въ нѣколко мѣсеци врѣме, имайки прѣдъ себе си Влашко и Гръчко издания, съ помагание единъ другому, я прѣведохме криво-право и въ 1837 година, мѣсецъ май, когато тръгнахме и двамата за свята гора, дадохме прѣводътъ на единъ Велешанинъ, по име Наумъ Любчиевъ..., за да го печати (типоса) въ Солунъ, гдѣто се слушаше, че се отворила българска типография«.[2]) — Замѣтимъ, что еще ранѣе (въ 1805 г.) Софроній Врачанскій перевелъ книгу „о вѣрѣ и обы-

[1]) Донесенія В. И. Григоровича объ его путешествіи по славянскимъ землямъ (Казань 1915). стр. 179.

[2]) Жизнеописание Митрополита Охридо-Пловдивскаго Натанаила. Сборн. за народ. умотв., кн. XXV, стр. 9.

чаяхъ еврейскихъ". Этотъ переводъ входитъ въ составъ его обширнаго сборника: „Исповѣданіе православныя вѣры христіанскія...".[1])

Что касается типографій, то до 1841 г. болгарскія книги печатались въ слѣдующихъ мѣстахъ. Двѣ первыя книги, вышедшія въ 1806 г., были напечатаны одна въ Рымникѣ (Киріакодроміонъ), другая въ Будимѣ (Молитвенный кринъ). Послѣдующія изданія печатались въ Будимѣ (съ 1814 по 1837—18 изданій), въ Бѣлградѣ (съ 1833 по 1838—10 изд.), въ Крагуевцѣ (съ 1834 по 1835 — 10 изд.), въ Букурештѣ (съ 1825 по 1841 — 9 изд.), въ Солуни (съ 1838 по 1841 — 6 изд.), въ Брашовѣ (въ 1824 г. — одно изд.), въ Лондонѣ (въ 1828 — одно, переводъ Новаго Завѣта; ни одного экземпляра не уцѣлѣло), въ Смирнѣ (въ 1840 — одно), въ Москвѣ (въ 1839 — одно), въ Одессѣ (въ 1841 — одно).

Итакъ, болгарскія книги первыхъ трехъ десятилѣтій почти всѣ были изданы за предѣлами Болгаріи. Первая извѣстная типографія была открыта въ Солуни архим. Ѳеодосіемъ около 1836—1837 г.[2]) Самое раннее изданіе этой типографіи, дошедшее до насъ, помѣчено 1838 годомъ (Началное оученіе...). Послѣднія изданія этой типографіи относятся къ 1841 г. Раньше или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ нею возникла другая типографія въ Самоковѣ, основателемъ которой былъ извѣстный болгарскій „книговезатель, книгопродавецъ и книгоиздатель Николай Карастояновичъ, житель самоковски". Но долгое время эта типографія содержалась втайнѣ. Лишь въ февралѣ 1847 г. Карастояновичъ добился оффиціальнаго разрѣшенія на открытіе типографіи.[3]) Можетъ быть, небольшія ручныя типографіи работали тайно и въ другихъ мѣстахъ Болгаріи. Такъ, Меккензи и Эрби слышали, что въ Велесѣ „существовала когда-то болгарская типографія".[4]) О дѣдѣ Кириллѣ Пейчиновичѣ передавали мнѣ тетовскіе старожилы, что у него была небольшая ручная типографія.

---

[1]) Объ этомъ сборникѣ см. въ статьяхъ А. И. Соболевскаго „Неизвѣстные труды Софронія Врачанскаго" (Изв. отд. р. яз и слов И. Ак. Н. 1908 г., I) и А. И. Яцимирскаго „Мелкіе тексты и замѣтки..." (тамъ же, 19.6, II).

[2]) М. С. Дриновъ, Първата българска типография въ Солунъ. Период. Спис., кн. XXXI; А. Шоповъ, Първа българска печатница въ Солунъ, Период. Спис., кн. XXXIV.

[3]) В. Н. Златарски, Даскалъ Николай Карастояновичъ и неговата печатница. Период. Спис., LXVI, 1915.

[4]) Меккензи и Эрби, Путешествіе по славянскимъ областямъ Европейской Турціи, I (Спб. 1878), стр. 151—152

Болгарскія печатныя изданія первой половины XIX в. въ отношеніи языка были очень пестры: черты разныхъ діалектическихъ областей отражались въ языкѣ ихъ. Каждый авторъ отражалъ въ своемъ писаніи черты его родного говора, — отражалъ довольно полно или слабо и случайно, стараясь писать по старому, на языкѣ церковно-славянскихъ книгъ. Въ нѣкоторыхъ раннихъ изданіяхъ отражаются черты различныхъ діалектическихъ областей. Такъ въ писаніяхъ Софронія Врачанскаго и Іоакима Крчовскаго. Въ самыхъ раннихъ печатныхъ изданіяхъ не ставилось вопроса объ обязательности того или иного типа книжной рѣчи. Книжные люди стремились только къ одному: дать полезное чтеніе не на высокомъ и глубокомъ греческомъ или словенскомъ (церк.-славянскомъ) языкѣ, а на „простомъ болгарскомъ языкѣ" на разумѣніе простого и невѣжаго болгарскаго народа. Вѣдь раздавались жалобы народа на трудность пониманія имѣвшихся книгъ, — книгъ съ чертами церковно-славянскаго и русскаго языка. По этому поводу архим. Ѳеодосій, основатель солунской типографіи, говорилъ слѣдующее въ своемъ предисловіи къ книжкѣ Кирилла Пейчиновича „Утѣшеніе грѣшнымъ" (1840): „Да ѧ [книжку Кирилла] чáтатъ и простїю нáродъ да оублажáетъ на такώвъ православнїи оучитель, оти можатъ да познаѧтъ отъ сїе оученїе, и немóжатъ да рéчатъ, пощо нéможеме де познáеме, ѿти є̑сть по слáвѧнскій и̑лѝ по рѡссійски ѧзыкъ". Языкъ этой книжицы „отъ чиликъ и железо, та да отвóри ковчеготъ, та да не есть отъ срéбро и злáто и да не мóже да ѿвóри сéрдцето на прóсті отъ человѣ́къ. Єве любéзни православни хрїстианы, со ѡваѧ кни́жица, що поѵчáва преподóбни отецъ Кѵриллъ, нé можете да рéчете, оти не можеме да познáеме. Єве все се познáва отъ начáло до конéцъ" (стр. 3—3ª).

Языкъ книгъ еп. Софронія, „Молитвен. Крина", х. Іоакима, Кирилла Пейчиновича не одинаковъ въ отношеніи къ живой народной рѣчи, отражающейся въ нихъ.

Цѣль изданія „Киріакодроміона" — дать доступное для пониманія простого болгарина чтеніе и поученіе. „Понéже по нáшей бóлгарскїй зéмли мнóго и̑ сщ҃éнницы и̑ прóстый члвѣ́цы нахóждатсѧ щò четѹ́тъ, и̑ неразѹмѣ́ватъ ѿ сщ҃éннаго Писáнїѧ Словéнскагѡ рáди глѹбóкагѡ ѧ̑зыка: Тогѡ̀ рáди а̑зъ потрѹ́дихсѧ и̑ препи́сахъ сїю сщ҃éннѹю Книгѹ на бóлгарскїй прóстый ѧ̑зыкъ" („Киріакодр.", 3 стр. предисловія), — „приведóхъ . . . на Бóлгарскїй прóстый и̑ крáткїй ѧ̑зыкъ" (послѣсловіе). Въ чемъ же состоитъ

простота и краткость языка „Киріакодроміона“? — Со стороны изложенія и отчасти лексики книга Софронія дѣйствително была удобопонятна для слушателей и читателей. Но въ отношеніи фонетики и морфологіи языкъ „Недѣльника“ немногимъ отличался отъ „словенскихъ“, т. е. русско-церковно-славянскихъ книгъ. В. Стояновъ [1]) и А. Теодоровъ Баланъ) думали, что черты простоболгарскаго языка „Киріакодроміона“ были измѣнены въ духѣ церковно-славянскомъ справщиками, „описателями“. Внизу заглавнаго листа отмѣчено: **Напеча́тасѧ и̂ Право ѿпи́сасѧ, ѿ Ді-ми́тріа Мі́хайлѡ Попо́ви^ч^. и̂ ѿ Геѡ́ргіа сн҃ъ є̂гѡ̀ Ту^п^: ры^м^.**“ Могли кое-что измѣнить и „словополагатели“, **Дими́тріа Ні́кола́еви^ч^ ѿ Софі́ѧ и̂ Ка́лчꙋ По́пъ Ні́кsurvived́вичъ ѿ Дрѧ́ново** (первая и послѣдняя страницы „Киріакодроміона“). Но нѣтъ основаній заподазривать корректоровъ и наборщиковъ въ значительномъ измѣненіи текста еп. Софронія въ приближеніи его къ церковно-славянскому. Можетъ быть, корректорамъ обязано введеніе въ текстъ нѣкоторыхъ (не всѣхъ встрѣчающихся тамъ) элементовъ западноболгарскихъ говоровъ, напр., употребленіе для передачи будущаго вр. *ке*; языку писаній Софронія свойственно *хоче* + *да* и форма наст. вр. Сравненіе языка „Киріакодроміона“, автобіографіи и сборниковъ еп. Софронія обнаруживаетъ тожественность языка всѣхъ писаній его. Церковнославянизмами испещрена и автобіографія и другія рукописи ревнителя болгарскаго просвѣщенія еп. Софронія. Черты живыхъ говоровъ отразились слабо и непослѣдовательно въ языкѣ его писаній.

Другая книжка 1806 г. „Молитвенный кринъ“ написана на довольно чистомъ болгарскомъ языкѣ, съ чертами восточноболгарскаго нарѣчія. Ср. сообщенную выше выписку изъ этой книжечки.

Х. Іоакимъ называетъ языкъ своихъ книгъ „простѣйшимъ языкомъ болгарскимъ“. „Простота“ языка должна была соотвѣтствовать содержанію книгъ, предназначенныхъ „на пользованіе простѣйшихъ человѣковъ и некнижныхъ“. Но все же „простоты“ въ смыслѣ соотвѣтствія языка его книгъ опредѣленнымъ народнымъ говорамъ, безъ всякихъ другихъ элементовъ, не имѣется. Этотъ языкъ простъ въ отношеніи стиля, изложенія и лексики. Въ отношеніи передачи формъ и звуковъ языкъ Іоакимовскихъ книжекъ, въ особенности „Повѣсти ради страшнаго и втораго

[1]) Период. Спис., кн. XXVIII—XXX, стр. 788

[2]) А. Теодоровъ Баланъ, Софрони Врачански (София 1906), стр. 112.

пришествія“ (1814) гораздо ближе соотвѣтствуетъ явленіямъ живого говора, чѣмъ языкъ писаній Софронія Врачанскаго. Церковнославянизмы очень рѣдки въ этой „Повѣсти“. По языку близко къ „Повѣсти“ стоитъ другая книжка Іоакима: „Мытарства“ (1817). Въ названныхъ книжечкахъ отразились черты говоровъ тѣхъ областей, гдѣ онъ провелъ бо́льшую часть своей жизни — сѣверовосточной Македоніи и юго-западной Болгаріи. Эти черты послѣдовательно отразились въ самомъ раннемъ изданіи — въ „Повѣсти“. Въ „Мытарства“ уже внесены особенности, характеризующія разныя діалектическія группы. Элементы разныхъ говоровъ еще сильнѣе отражаются въ „Чудесахъ Пр. Богородицы“ (1817) и въ „Различныхъ поучительныхъ наставленіяхъ“ (1819). Въ послѣдней книгѣ имѣются даже особенности восточноболгарскаго нарѣчія. Значительнѣе въ этихъ книгахъ, главнымъ образомъ въ „Наставленіяхъ“ и церковнославянизмы. Въ „Наставленіяхъ“ имѣются цѣлыя страницы, занятыя русско-церковно-славянскимъ текстомъ. Наличность церковнославянизмовъ, какъ необходимыхъ элементовъ книжнаго языка, хотя бы и простѣйшаго, а также отчасти и разговорной рѣчи у такихъ лицъ, какъ даскалъ х. Іоакимъ, весь свой вѣкъ проведшихъ за книгами на церковнославянскомъ языкѣ и за рукописями съ чертами этого языка, вполнѣ понятна. Что же касается присутствія различныхъ діалектическихъ чертъ въ языкѣ книгъ х. Іоакима, то оно зависѣло вѣроятно отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. 1. Иногда онъ намѣренно вводилъ діалектическія особенности, зная о нихъ вслѣдствіе своего странствованія по восточной Македоніи и юго-западной Болгаріи. Это въ особенности вѣроятно, почти несомнѣнно, для тѣхъ діалектическихъ варіантовъ, которые находятся рядомъ въ книгахъ Іоакима. Напр. передача *сѫ : се* въ „Повѣсти“ и „Мытарствахъ“, *се* и *са* въ „Чудесахъ“ и „Наставленіяхъ“: тіє се вр҄ьза́ни (Повѣсть): що са́ на оу҆мо̀ гна́сни ра́коти: коитѐ сѐ гла́дни (Наставл.). 2. Діалектическое разнообразіе, отразившееся въ „Чудесахъ“ и въ особенности въ „Наставленіяхъ“, обусловлено было и другимъ обстоятельствомъ: тѣми оригиналами, которыми пользовался х. Іоакимъ: по чертамъ языка они относились къ разнымъ діалектическимъ областямъ, въ томъ числѣ и къ восточнымъ.

Полно и послѣдовательно передавалъ свою родную рѣчь Дольняго Полога (сѣв.-зап. Македоніи) Кириллъ Пейчиновичъ въ составленныхъ имъ книжнахъ „Огледало“ (1816) и „Утѣшеніе

грѣшнымъ“ (1840). Та же рѣчь отражается и въ другихъ писаніяхъ дѣда Кирилла.

А вотъ „Букварь съ различны поученія“ Петра х. Бéровича, напечатанный въ Брашовѣ въ 1824 г. П. Беровичъ былъ родомъ оттуда же, откуда и еп. Софроній, изъ Котла (род. въ 1795 г.). Но языкъ его „Букваря“ очень далекъ отъ языка книгъ его старшаго земляка. Церковнославянизмовъ тутъ нѣтъ. Беровичъ пишетъ на чистомъ болгарскомъ языкѣ въ его восточномъ нарѣчіи, — пишетъ „как̑то хоротувамы“. Онъ помѣщаетъ нѣсколько поученій и старается „да ги напи́ша ко́лкото мо́га про́стѡ, щото̀ всякій да ги ра́збира, а̂ който ре́чи ми ся ви́дѣха на́й мъ́чны гуди́хъ ги пригради́ни и̂ ту́рски“.

Авторы другихъ болгарскихъ книжекъ 30-хъ и 40-хъ гг. дѣлаютъ намѣренно тѣ или иныя отступленія отъ живой болгарской рѣчи, держась нѣкоторыхъ нормъ стараго болгарскаго языка, нерѣдко отожествляя явленія этого языка съ явленіями русско-церковнославянскаго языка. Въ такомъ направленіи нормируетъ книжный языкъ Неофитъ Рильскій,[1]) Г. Бусилинъ и др. Сдѣлаемъ замѣчаніе объ интересномъ грамматическомъ опытѣ Бусилина. Въ 1844 г. въ Москвѣ вышелъ „Бжлгарски Букварь. Да ся раздаде в дар учащимся юношам“. Фамилія автора не указана. Но въ экземплярѣ, находящемся въ б-кѣ Петровскихъ въ Казани, имѣется на стр. 14, въ самомъ концѣ предисловія, подъ словами „Ваш Сжотечественник“ собственноручная подпись составителя: „Г. Бусилин“. Бусилинъ стремится составить „Бжлгарски буква́рь, сжгла́сен с есте́ственно-то на́ше произноше́нѥ, основа́нное на дре́вни-те ржкописи на́ших пра́отцов, а не каквото до сега́ що наш-те деца́ учатся де четжт по Руски Буква́ре, и тем губят свое́-то приро́дно произно́сенѥ в слова́-та пи́сани по Рускому из рече́нию“ (стр. 7—8). Изученіе „староболгарскихъ рукописей“ (русской редакціи) отразилось преимущественно въ морфологіи, именно въ области склоненія. Имена и мѣстоименія имѣютъ различныя формы съ окончаніями все-таки „по Ру́скому из рече́нію“. Но въ другихъ частяхъ морфологіи и въ области фонетики Бусилинъ пользовался указаніями и данными живого говора — одного изъ юговосточныхъ болгарскихъ говоровъ. Въ его книжкѣ последовательно проведены многія явленія

---

[1]) Л. Милетичъ, От. Неофитъ Рилски какъ филологъ. „Училищенъ Прѣгледъ“, ч. XI. 1906 г., кн. I.

его родного говора — села Батакъ.[1]) Если бы Бусилинъ держался указаній своего говора и въ системѣ склоненія, то его букварь представилъ бы прекрасный образецъ книжнаго языка, основаннаго на живомъ юговосточномъ говорѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ нормированнаго указаніями „староболгарскихъ“ рукописей.[2])

Были опыты ввести въ качествѣ книжнаго болгарскаго языка языкъ славяноболгарскій, т. е. слегка измѣненный русско-церковнославянскій.

Въ изданіяхъ 30-хъ и 40-хъ гг. обычно помѣщаются предисловія съ тѣми или иными замѣчаніями автора о языкѣ, принятомъ имъ въ своей книгѣ. Большимъ „Филологическимъ предувѣдомленіемъ“ снабдилъ свою Грамматику Неофитъ Рильскій. Подобныя, но болѣе короткія „предувѣдомленія“ находятся и во многихъ другихъ изданіяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обозрѣваются различныя діалектическія особенности болгарскаго языка и выражается недоумѣніе, какъ поступить списателю при такой діалектической пестротѣ. „О ѩзы́че развраще́нный и̂ невозде́ржены́й! да ли ще и̂ма̀ и̂ въ дрꙋ́ги не́кой ѩзы́къ то́лко развраще́ніе и̂ несогла́сіе!“ Такъ жаловался „съ негодова́теленъ гласъ“ Неофитъ Рильскій (Грам. 10). Сопоставленіе особенностей восточной и западной Болгаріи представлено въ предисловіи къ „Болгарской Аритметикѣ“ Хр. К. Сичана Николова (Букурещъ, 1845, стр. V—VI; см. въ Описѣ проф. Погорѣлова, стр. 124). Такія же сопоставленія можно встрѣтить и въ другихъ книжкахъ. Напр., въ переводѣ П. Г. Пиперова: „Приключенія Телемаха сына Одиссееваго. Сочиненіе Фенелона Францускаго списателя. Преведенъ отъ Францускій на Славяно-Болгарскій языкъ . . .“ 1845).

При разнообразіи языка первыхъ болгарскихъ книгъ трудно было рѣшить, какой же типъ языка надо принять въ качествѣ общеобязательнаго для книжныхъ дѣятелей. И это сомнѣніе порой было такъ велико, что приходилось сказать: пишите, кто какъ умѣетъ, а послѣ дѣло выяснится. Такое именно предложеніе сдѣлано было Наѳанаиломъ (позднѣе митрополитъ Охридскій и

---

[1]) Рядъ примѣровъ изъ этой грамматики сообщенъ былъ Б. С. Цоневымъ въ „Сборн. за народ. умотв.“ кн. XX, стр. 79.

[2]) Но В. Априловъ былъ недоволенъ книжкой Бусилина. „Прилично е да упомѣнемъ тука за самоуправны тѣ мыслетелы наши (отъ млады тѣ учены). а) Г. Бусилинъ . . . падна въ тая погрѣшкѫ, да ще да исправе языкъ атъ, и направи букварь по желаніе то си и пр.“ (В. Априловъ, Мысли за сегашно то балгарско ученіе, Одесса 1847, стр. 8—9).

Пловдивскій) и Зах. Княжескимъ въ предисловіи къ переведенной ими книжкѣ „Зерцало или Оглѣдало христіанское . . .“ (Москва 1847; — переводъ былъ сдѣланъ въ 1844 г.). Переводчики просятъ читателя не роптать на языкъ и правописаніе книжки, такъ какъ нѣтъ возможности присоединиться къ тому или иному направленію въ созданіи болгарскаго литературнаго языка и правописанія: „въ настоящее врѣмя оно нема още ни какво основаніе. Напрасно нѣкой изъ нашите Писатели говорятъ нетреба да говоримъ и пишимъ така, а иначе, обаче никой отъ тѣхъ нема сила да на убѣди въ свои те си примѣры, защо именно треба да говоримъ и пишимъ какво то тѣ желаятъ а не иначе. Исправленіе то на языка нашъ и правописаніе то, можи современи да са обработи, кога са обогати Словесность та ни, и да са состави полная Грамматика; а сега треба да говориме и пишиме кой какъ то знае, безъ да осуждаваме други те. Сякий можи всегда да дава свое то за языка мнѣніи, а современи можатъ тія мнѣнія да са положатъ въ порядокъ“ (VI—VII).

Пестро было и правописаніе раннихъ болгарскихъ книгъ.

Возникъ трудный вопросъ о литературномъ языкѣ возрождавшейся Болгаріи и о нормахъ болгарскаго правописанія, — вопросъ, горячо обсуждавшійся въ 30—50-хъ и послѣдующихъ годахъ. Различныя мнѣнія, высказывавшіяся тогда, изложены въ статьяхъ А. Теодорова[1]) и Т. Атанасова.[2])

Кончая нашу замѣтку, мы еще разъ привѣтствуемъ благое стремленіе болгарскихъ научныхъ организацій, въ частности Софійской Народной Б-ти, привести въ извѣстность свое книжное наслѣдіе и выражаемъ горячее пожеланіе успѣшнаго продолженія работы по всестороннему изученію этого дорогого наслѣдія.

Москва. *А. Селищевъ.*

---

[1]) А. Теодоровъ, Къмъ историята на българския езикъ. Българскиятъ книжовенъ езикъ и правописъ. „Период. Спис.“, кн. XXXII—XXXIV.

[2]) Т. Атанасовъ, История на българската литературна критика прѣди освобождението. „Извѣстия на семинара по слав. филология при Ун-та въ София“, кн. III.

К вопросу о еврейско-русском литературном общении.

I.

В вопросе о влиянии памятников древне-еврейской литературы на древне-русскую письменность заключаются в сущности два вопроса:

1. о влиянии на создание славяно-русских памятников — памятников христианско-еврейских, т. е. проникших в славянскую письменность вместе с христианством и чрез греческое посредство;

2. о влиянии непосредственном, помимо христианской литературной традиции, а путем заимствования из древне-еврейской письменности, а также и из устной традиции; это последнее обстоятельство следует иметь в виду при наличности исторически засвидетельствованного уже в древности непосредственного общения русских и евреев. О нем свидетельствуют различные памятники, собранные исторической комиссией Петерб. Общ. распространения просвещения среди евреев,[1]) в особенности же показания летописи о евреях в Киеве и при Владимире Св. и при Ярославе I; „Слово“ митр. Илариона также имеет их в виду; против них же, с меньшим искусством, но с большею грубостью ратует и составитель „Толковой Палеи“ в полов. XIII в.

В древнейшем периоде существования русской литературы нам известен лишь один несомненный случай непосредственного заимствования русскими из древне-еврейской раввинской литературы, — „притча о хромце и слепце“, приписываемая Кириллу еп. Туровскому (XII в.). Хотя к ней можно указать параллели в античной литературе, но несомненно славянорусская притча текстуально ближе всего стоит к талмудическому рассказу (Sanhedrin, 91, гл. 2, § II), что убедительно доказано Ів. Франком.[2]) В забытой, но полезной книге С. Х. Бейлина указаны талмуди-

---

[1]) Регесты и надписи. СПБ. 1900.

[2]) Ів. Франко, Притча про сліпця і хромця. Причинок до історії літературних взаємин старої Руси. 1905; по Барацу — из Мидраш-Рабба, Кирилло-Меѳод. вопросы, Тр. Киев. Дух. Акад. 1891 г., июнь.

ческие параллели к сказке о хитром должнике, сохраненной Псковским преданием: к сказанию о гордом ц. Аггее, к мотиву о чудесной находке в желудке рыбы (к Дан. Заточнику): к анекдоту о госте, мудро разделившем курицу, к судам Соломона, Шемякину суду; параллель к коварной жене былевого князя Владимира, к повестям о виноградной лозе, хмеле и изобретению вина; к слову о хромце и слепце, к песне о козлике, к повести о кн. Петре и Февронии.[1]) Гадания Г. Бараца,[2]) как мало обоснованные и недостаточно критические, мы оставляем в стороне: они требуют еще об'ективных и документальных доказательств.

В позднейшие века следует различать мнимые случаи еврейского влияния от действительных. К числу мнимых мы относим так называемую „ересь жидовствующих“;[3]) действительное же влияние еврейской литературы обнаружилось в появлении у нас целой группы разнообразных памятников, вошедших в русскую литературу приблизительно в одно время, на протяжении каких-нибудь 40—50 лет, и совпавших хронологически с появлением на Руси религиозного вольномыслия в духе крайних протестантов. „Первою ласточкою“ явился едва ли не перевод с еврейского Псалтири (Махазора) Өеодором евреем в 1473 г.;[4]) затем явилась Логика и отрывок психологического трактата, сохранившиеся, между прочим, в рукоп. 1483 г.;[5]) вероятно, около того же времени были переведены Трепетник (Sefer Refofot),[6]) Шестокрыл (Schesh Knafaim) Имм. бен Якоба,[7]) Аристотелевы врата Моисея бен Маймона;[8]) может быть, Космография,[9]) гадательная статейка 1466 г., Виленский перевод некоторых книг Ветхого Завета („двор“), сделанный с древне-еврейского масо-

---

[1]) С. Х. Бейлин. Странствующие или всемирные повести и сказания в древне-раввинской письменности. Иркутск, 1907.

[2]) В его брошюрах: О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русск. летописи, 1907; О библейском элементе в Слове о п. Игореве, 1912; Источники „слова о Законе и благодати“, 1916 г.

[3]) В. Перетц, Новые труды о „жидовствующих“ XV в., Киев, 1908.

[4]) М. Н. Сперанский, Пс. жидовствующих в перев. Өеодора еврея, 1907 (из Чт. О. И и Др. Р.)

[5]) С. Л. Неверов, Логика иудействующих, 1909 (Киев. Ун. Изв.); П. К. Коковцев, К вопр. о „Логике Авиасафа“ Ж. М. Н. Пр. 1910 и отд.

[6]) В. Перетц, Материалы к истор. апокрифа и легенды, 1, 1899; М. Н. Сперанский, Трепетники, 1899.

[7]) В. Перетц, там-же; А. И. Соболевский, Переводн. литература, 1903.

[8]) М. Сперанский, Аристотелевы врата, 1908; А. Соболевский, там-же.

[9]) А. Соболевский, там-же,

ретского текста, разделенный на „параши“ и с мессианскими местами в древне-евр. передаче.[1])

После начальных лет XVI ст. еврейское литературное влияние в русской письменности ослабевает; мы встречаемся лишь с отдельными разрозненными фактами, которые трудно уложить в какую либо культурно-историческую схему; таковы — переделка молитвы Perek-Schira.[2]) Еще позже, повидимому, перешли в русскую устную традицию „Евангелистая песнь“ (о числах) и пасхальная песнь о козлике.[3])

Ниже я хочу остановиться на некоторых еврейско-русских параллелях, где славяно-русские переделки гораздо больше отошли от своих оригиналов и, вероятнее всего, обязаны возникновением именно устной традиции.

II.

В детстве, будучи еще гимназистом, я слышал от учителя древне-еврейского языка и Закона Божия Ф. Д. Косова, легенду о Соломоне, имевшую, видимо, цель уравновесить настроение слушающих. Много позже — я имел случай убедиться, что эта легенда попала в старинную русскую письменность, правда, подвергнувшись некоторым изменениям, обычным при устной передаче, а не при переводе с закрепленного письмом текста. Вот эта легенда, как я ее слышал.

„У царя Соломона был царедворец, который часто жаловался царю на свои неудачи и бедность. Особенно он огорчился, когда царь, по возвращении из удачного похода, раздав всем награды — дал ему простое железное кольцо. Видя огорчение царедворца, Соломон сказал: не печалься, я сделал тебя богаче всех на свете; смотри, что написано на этом кольце. И тот увидел вырезанные три буквы ג ד י. „Что значат эти три буквы? Или ты смеешься надо мной?“ — спросил он у царя. „Нет отвечал Соломон; читай внимательно; эти буквы значат „и это пройдет“. Носи это кольцо, и когда будешь счастлив — не гордись и не возносись; когда будешь в несчастьи не впадай в отчаянье.“

[1]) См. ст. и тексты изд. И. Е. Евсеевым в кн. „О ереси жидовствующих“. Новые материалы, собр. С. Белокуровым и др. 1902 (из Чт. О. И. и Др.); наши работы: „Новые труды“ ... (Плач Иеремии); Руфь в зап. р. рук; До історії перекладу біблії в Західній Руси. Книга Естер (Зап. Укр. Наук. Тов. у Киïві) 1915.

[2]) А. В. Багрий, Древне-русское сказание о птицах, Р. Фил. Вестн. 1912 и отд.

[3]) П. В. Шейн, Материалы...; Бейлин, назв. соч.

Много лет спустя, во время моих поисков в собраниях рукописей мне удалось случайно натолкнуться на очень близкий по смыслу, отчасти и по изложению славяно-русский текст. Именно, в рукописи Церк.-Археолог. Музея при Киев Дух. Академии № 533 (О. 8. 32) написанной в 1724 г. сохранилась следующая притча (л. 25 об.):

„Царь[1]) нѣки славенъ зѣло імяше обычай таковый: егда прїидетъ на него радость, тогда (л. 26) веселяся и радуяся безмерно, забывъ Бога; егдаже приидет на него печаль, тогда скорбя и плача безутѣшно. Внезапу же приїде к нему богодухновеный старец і видѣ того царя поражена на землю от великия печали: и егда воставша і сотвори старецъ перстень ї написа в персне подписание: „не бывъ будетъ, а бывъ все минется,“ ї принесе к царю. Царь же не хотяше того перстня у старца взять, старец же рече ему: „Царю, возми сие: на лжу тѣбѣ будеть.“ Царь же веземъ перстень ї прочетъ подписание, что (л. 26 об.) написано: „не бывъ будетъ, А бывъ все минется,“ ї егда приїде на него радость, тогда веселяся в мѣру, поминая написание. А егда придетъ на него печаль и тогда взираше на перстень ї прочиташе подписание, что написано: „не бывъ будетъ, а быв все минется“. І тако пременися обычай[2]) его от таковаго неразумия“.

В славянорусской легенде Соломон обратился в „старца“, вельможа — в „царя некоего“, но ситуация осталась та же, даже центральное место легенды — надпись на кольце подвергнулась не столь искажению, сколь амплификации, — явление обычное в устной традиции. Славянорусский рассказ носит все признаки записи устного рассказа, и при том записи поздней, сделанной неумелым писцом, незнавшим хорошо славянского книжного языка (напр. „тогда веселяся и радуяся“ вм. „веселяшеся и радовашеся“), но имевшим претензию писать „по ученому“.

III.

Среди мидрашей, собранных Jellinek'om,[3]) имеем такой:

Однажды ц. Соломон произнес: „я нашел в тысяче мужа мудрого, в тьме числом не нашел жены мудрой ни одной“. Все удивлены, Соломон же, желая доказать справедливость своих слов

---

[1]) В рук. „Цр҃ь“; титла ниже везде раскрыты.

[2]) В рук. „ѡбычачай“.

[3]) Dr. A. Jellinek, Bet-ha-Midrasch. Sammlung kleiner Midraschim und vermischter Abhandlungen aus der älteren jüdischen Litteratur, Leipzig, IV B., ss. 146—148; впервые — в „Chibbur japhah m'ha-jeschua“, сборнике повестей р. Нисима бен Якоба X в., напеч в. 1557 г., вторым изд. — в Амстердаме, 1746 г., см. „Барац, О библейск. элем. в Слове о п. Игореве“. 1912, с. 31.

велел отыскать красивейшую и достойнейшую жену, и чтобы муж ее превосходил всех. Когда такую пару нашли, царь предложил мужу быть начальником дворца и поставил для этого условие: „умертви в эту ночь свою жену и принеси мне ее голову, а завтра я выдам за тебя замуж свою дочь и сделаю тебя главой над евреями". Муж в печали вернулся домой: на вопрос жены, отчего он в скорби, отвечает: „у меня забота на сердце". Ночью с обнаженным мечем он подошел к постели, намереваясь убить жену, но, увидя одного сына на груди у жены, а другого под рукою ее, подумал: „должно быть сатана вошел в сердце к царю Соломону. Горе мне, если я ее умерщвлю — и дети погибнут. Да прогонит тебя Бог, сатана!" И вторично попытался он исполнить предложение царя и не смог. Утром он объявил об этом Соломону, который сказал: „нашелся один из тысячи." Через тридцать дней Соломон призвал жену этого человека, уверял ее, что она прекраснее всех на свете, и что он охотно сделал бы ее своею первою женою, если бы она убила мужа. Он дает ей меч из олова, чтобы она не могла убить мужа, но она сочла его за настоящий. Дома ласково встретила мужа, после ужина напоила его вином, и когда он, напившись, улегся и заснул, она, собрав все силы, взяла меч и стала резать его, но только поранила кожу. Муж проснулся, допросил жену и на другой день привел ее к Соломону. Царь засмеялся и, поглядев на советников, повторил свое изречение.[1])

Этот рассказ был известен доселе в славяно-русской старинной литературе в двух разновидностях, в краткой передаче (в Палее 1494 г.), напечатанной А. Н. Пыпиным,[2]) и в более пространной[3]), но с подновленным языком, изданной Н. С. Тихонравовым (по рук. Т. П. XVI в.). Потомство этого мидраша — анализировано мною в моих этюдах по истории русской сказки; там же было мною отмечено, что более поздний пересказ XVI в. стоит ближе к еврейскому оригиналу, чем старший, и что в данном случае возможно, наряду с письменной — также существование и устной традиции (с. 24). Эта устная традиция повлияла не только на образование тех, сравнительно новых обработок, которые были обследованы в моей статье, но и таких, которые не дошли до нас в устной традиции, а случайно были записаны.

[1]) В. Перетц, К истории русской народн. сказки, 1894, сс. 8—9.
[2]) Пам. Стар. Р. Литерат. III, с. 56.
[3]) Пам. отреченной литер. I, с. 264—265.

Примером может служить статейка „Суд царя Соломона“, сохранившаяся в рукописи Церковно-Археологического Музея Киев. Дух. Академии № 471 (О. 8. 75), XVIII в. Привожу этот, кажется, неизвестный в печати текст полностью:

(л. 16) „Некто людинъ имѣя жену злу у себѣ и не возможе никако превратити ея на благій разумъ, и по семъ иде къ царю Соломану и рече ему: „царю Соломане, суди мене со злою женою моею: или ей убей, (16 об.) или мене.“ Соломанъ же рече; „жезломъ потязуй доволне“. И рече людинъ: „Господине царю Соломане, доволне азъ трудихся тако, но не возмогохъ никако превратити ея на благій разумъ, а нынѣ желаю[1]) смерти единому от насъ, жене своей или себѣ, да придохъ к тебѣ, да разсудиши[2]) здраво“. Соломанъ же (л. 17) рече: „на три дни отлагаю суд твой и разсужду тебѣ с женою вправду“. О повеле отвести в особую полату и втай от жены далъ людину мечъ и рече ему: „усекни жену свою, егда уснет; азъ иную дамъ, лутчи тоя и богатіе“. Егда жена ляже спати, (17 об.) уснет; онъ же востав взя мѣчъ и хощетъ жену свою убити мѣчемъ, и размысливъ самъ себѣ: „аще убию жену свою и дастъ мнѣ Соломанъ царь иную жену, краше и богатіе сей; да она мнѣ будетъ жена, но надѣяся на богатвство (л. 18) свое будетъ горда и не будетъ меня почитать, а дѣтямъ моимъ не мати будетъ, изженетъ детей моихъ из дому моего“. И положивъ мечъ в ножни и ляже спати. И во утріи сталъ (18 об.); и призва его Соломанъ и рече ему: „чего ради повеленное мною не сотворил.“ Он же повѣдѣ ему вся по ряду. Соломан же рече ему: во вторую нощъ да сотвори повеленое мною, усекни (л. 19) жену свою; аще ослывенъ (sic!) будеши, да самого тя усекнути повелю. Онъ же и во вторую нощь також не усекну ея. В третію нощь повелѣ ему с[3]) женою своею спати в ниской кровати (19 об.) и вручи отдая женѣ саблю неточену и конець отломлен и рече жене: „усѣкни мужа своего, да свободна от него будеши“. И егда усне муж ея, она же став и взя мечь и обнажи его и хотя усѣкнути мужа своего, но (л. 20) невозможьно, понеже ниска кроватъ, нелзѣ сабли занести, а заклати нелзѣ ради того, что коньца у сабли нѣт; и положи мечъ на шею мужу своему и нача водити мужа своего по шеи; а возбнувъ (20 об.) мужъ ея от сна и возопи гласомъ великимъ. По утріи[4]) же иде к Соломану, рече вся по ряду, я(ко) же от жены погибалъ; Соломан же бивъ ихъ доволне и отпусти іхъ в дом свой и повелѣ (л. 21) ему жену свою жесломъ жестоко наказывати, потязати почасту. Конецъ суду Соломанову.“

По сравнению со сказкой, анализированной нами в упомянутой статье, и с судом Соломона, дошедшем в сп. 1494 г. и др.,

[1]) В рук. „желаютъ“. — [2]) В рук. „разудиши“. — [3]) В рук. *с* опущено. — [4]) В рук. „потріи“.

эта запись суда занимает как бы посредствующее, промежуточное положение. Связь с мидрашем устанавливается легко; наслоения обязаны своим возникновением — амплификации, обычной в пересказах (три дня и ночи), повторения; изменения в содержании обясняются тем, что рассказ приноровлен к пониманию более низкой, т. е. менее культурной среды, чем книжные люди XV—XVI в.: вместо помилования жены — побои, с которых впрочем и начинается рассказ. Постороннему влиянию обязана эта переделка и внесением мысли о жене-враге; эта последняя мысль особенно отчетливо развита в новгородской сказке о мужике, его жене и лесовике. Язык переделки носит следы не книжной работы, а записи устного рассказа, что в XVII—XVIII в. обычно.

IV.

В „Ключе разумения“ знаменитого украинского церковного оратора и теоретика красноречия, Иоанникия Галятовского, в конклюзіи его первого слова на Покров пр. Богородицы читаем: „у Даріуша, кроля Перского тры покоіовыи учинили квестію, що естъ наймоцнѣйшого на свѣтѣ. Еденъ мовилъ, же наймоцнѣйшее Вино, бо кождого чоловѣка з ногъ звалит, кто его п'етъ много. Другий мовилъ, же наймоцнѣйшій кроль, бо он всѣми людми и на земли и на мори в своемъ панствѣ владнет. Третій мовилъ, же наймоцнѣйшая Невѣста, бо она и Кроля и тых, которыи виноградъ для вина садятъ, породила“. Далее — естественный для Галятовского вывод: „и мы мусимо признати, же наймоцнѣйшая естъ Невѣста, але тая Невѣста ест Пречистая Дѣва, Матка Христова наймоцнѣйшая, бо она зважила огонь, змѣрила вѣтер и завернула назад день прошлый.[1]) Галятовский ссылается на кн. 3-ю Эздры, гл. 3; на деле о подобном споре читаем в кн. 2, гл. 3 и 4. Действительно, здесь выше, сильнее всего оказалась женщина. Но это — вопреки и библейской и средневековой традиции, которая все-же на первое место выдвигает вино, о котором говорит так красноречиво Соломон и Иисус с. Сирахов и многочисленные анонимы.

Мне встретилась ссылка и на прор. Исаию, при том в весьма своеобразной форме, в сочетании с обличением не только пьянства, но и его последствия — блуда.

В „слове на пьянство“ находящемся в Сборн. № 3176 Моск. Публ. Муз., XVI—XVII в. между прочими обличениями мы читаем:

[1]) Ключ, изд. 1659 г. л. 188.

„...рече бо Исаіа пророкъ: горе вам востающим заутра и питіе гонящим. Питие бо а съжжет піющих съ гуслъми и бубны и с сопелеми[1]) и съ плясаніем и съ пѣснми бѣсовскими. И паки рече тъже пророк: сѣдоша людіе ясть несыти, но чрѣслы быша сыты, и піаны въсташа играты, и въ игрѣ той съблудиша и начаша блюсти съ сестрами и съ чюжими женами. По том быша слугы кумирскіа и тотчас пожре их земля. како[2]) и ти погибоша своим злым піанством и запойством. и горе братье, блюдѣмся и мы тогожде, да не погибнем душею и тѣлом".[3])

Ссылка на прор. Исаю, если мы будем разуметь ветхозаветного пророка, — окажется ошибочной: ни в одной из 66 глав прор. Исаии мы не найдем ничего подобного. Очевидно, эта ссылка есть своего рода украшение, типичное для старинного русского писателя, любившего „для красоты слога" сослаться на авторитет и именем его освятить то или иное утверждение или назидание. Откуда, однако, взялся этот эпизод?

Эта последовательность (пьянство, насыщение, блуд) напоминает нам мидраш, слышанный еще в гимназии от упомянутого выше учителя древне-еврейского языка Ф. Д. Косова, мидраш, имевший назидательную цель.

„Вавилонский царь, желая поиздеваться над еврейскими учителями, призвал их к себе на пир и предложил им, под угрозой смерти в случае отказа — совершить на выбор один из трех грехов: или пасть с вавилонскими блудницами, или съесть свиного мяса, или выпить вина, сколько прикажет царь. Посовещавшись учители решили так: первое — запрещено заповедью Божьей; второе — Моисеем, третье — Соломоном и учителями. Следовательно меньшим грехом будет нарушить последнее запрещение и таким образом удовлетворить требование царя. Так решив, они выпили вина; опъянев — они съели свинины и, в заключение — пали с блудницами, упившись и пресытившись. Так, нарушение меньшего запрещения ведет за собою и бо́льшие грехи, о чем знали и Соломон и раввины, хорошо понимавшие природу человека."

Передаю этот рассказ по памяти. Возможно, что в несколько иной окраске, с иными деталями, без практически-назидательного вывода подобный рассказ был известен и автору слова о пьянстве,

---

[1]) В рук. „с пепелеми"; здесь и ниже титла раскрыты.
[2]) В рук. „къ ити".
[3]) В. Перетц, Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февр. 1912 г., прилож к отч. Б. Ларина, сс. 138—139, в точной передаче.

и притом — не из письменной традиции, а из устной, питавшейся разнообразными источниками, в том числе и из области еврейских мидрашей.

Может быть гебраисты, хорошо знакомые с широкой областью религиозного предания и легенды, точнее укажут письменные источники приведенного нами устного пересказа.

V.

В журн. „Житє і Слово“ 1894, 1, 136—140 Ів. Франко опубликовал любопытное „сказание о царю Соломонѣ, како закопа бѣси во единой делвѣ тмами темъ тисящами тисящъ“ по Іспаськой рукописи XVIII в. (до 1732 г.), а позже перепечатал это сказание в Апокр. і легендах I, 1896, 291—293. Ни до, ни после в рукописях не встречалось этого сказания; в „Библиогр. обзоре апокрифов“ А. И. Яцимирского (1921 г.) это сказание даже не упомянуто. Схема сказания такова: 1. приглашение Соломоном сатаны на вечерю и спор, кто сильнее; 2. похвальба сатаны, что он может всадить множество слуг своих в бочку; 3. сатана обращает бесов в мак, всыпает в бочку, Соломон ее запечатывает; 4. сатана во образе игреца прельщает Ирода. 5. Ирод учреждает вечерю, на которой Иродиада пляшет; 6. Иродиада просит голову Иоанна и получает ее. 7. Диавол ведет Ирода к могиле на поле Деире, где зарыта бочка с бесами и солгав, что в бочке сокровища, освобождает их, пользуясь корыстолюбием Ирода.

Уже в полов. XVII в. эта легенда существовала на Украине и подверглась сокращению. В рукописи собр. Ундольского („Библѣя малая“ свящ. Григория Шаргородского, 1660 г.) № 527 читаем такую повесть о Соломоне:

(л. 295) „Соломон цар диявола взивал на вечеру и хвалился силою и царствомъ пред ним; диявол же себе вихвалял и, чуда и силу показуючи пред Соломоном, казал всѣм бѣсом стати и претворил их во макъ а казал в делву всипати. Соломон же рад быст и казал делву заднити и запечатал словами мовячи: „во имя Бога правдивого заключаю вас, да не изийдете отсюда на вѣки.“ И взявши делву, казал закопати в полю Деирѣ, и была могила. Так ошукан был дьявол и засмущен.

Потим, ґди ся аж Ирод народил, старался о тим сатана: взнаючи (295 об.) натуру Иродову, сотворил собѣ пищалку и яко чоловѣкъ який грал, потим козла обдерши дуду сотворил и барзо фортелне грал, аж Ироду и всему дому его уподобался и там

мешканіе отрималъ до усѣкновенія Иоаннова, з чого ся утѣшил. Потим намовил Ирода, бы еще поменъ справил праотцу своему Соломону в полю Деирѣ, и там был банкіетъ, где сатана запытал Ирода о той там могилѣ, що бы было. Он же рѣкъ, же бѣсове закопанни. Отповѣдѣл диявол: не вѣшъ царю: там естъ скарбъ великий праотца твоего. Он жеч уючи рад был и откопал. А ґди отпечатал, пошли бѣсове знову на свѣт, яко дим, диявол же рад былъ“.

Сравнивая этот пересказ с изданным Ів. Франком, замечаем, что в нем отсутствуют эпизоды 5—6, в сущности не имеющие отношения к фабуле сказания. Самое изложение — гораздо короче и сжатее; оно носит на себе печать записи устного рассказа, записанного по памяти, к тому же имевшего целью не столь унизить дьявола, сколь представить в черных красках Ирода, ненавистного равно и евреям, и христианам. Франко отметил, что „на жидівське тальмудичне жерело оповідання . . . вказує Кізеветтер (Karl Kiesewetter, Faust in der Geschichte und Tradition, Leipzig 1893, S. 325): в талмудической легенде рассказывается, как Соломон замкнул много тысяч бесов в медный котел и закопал, а позже Вавилоняне огкопали их, думая, что в котле сокровища (Ап. і леґ. 1, 139). Рассказ о духах, запертых в сосуде — принадлежит к числу странствующих, международных (см. иссл. Н. Н. Дурново).

1925. X. 18.

В. Перетц.

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.

IV.

(Fortsetzung.)

Von der Gegenreformation wurden auch andere *Namen für die gemeinsame Sprache* verallgemeinert, die gleichfalls bis in das 19. Jahrhundert fortwirkten. Die Protestanten gebrauchten in ihren glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Drucken den Namen hrvatski = kroatisch,[1]) für die cyrillischen in den deutschen Titeln und brieflich manchmal den Namen serbisch, hie und da auch dalmatinski = dalmatinisch, für alle Südslaven aber die Bezeichnung Slověnci, Slovinci, Slovini, deutsch Wenden, Winden und kannten auch schon die Ausdrücke Illyria und illyrisch. Kašić, der dem Schrifttum der Gegenreformation eine neue Richtung gab, gebraucht, obwohl er nächster Landsmann der Protestanten und ein ausgesprochener Kroate war, in seinen Titeln und Vorreden, soweit sie mir durch Stojković bekannt sind, nie diesen Namen,[2]) sondern die Bezeichnung *dalmatinisch* in lateinischer, italienischer und serbokroatischer Sprache, *slovinski* (= slavisch) und *illyrisch* (in lateinischer und italienischer Sprache), die seinen weitgehenden Bestrebungen nach sprachlicher Einheit der Südslaven besser entsprachen. Immerhin

---

[1]) S. Slavia IV., 492f. Diese einseitige Bevorzugung des kroatischen Namens ist ebenso zu beurteilen wie im 19. Jahrh. die des serbischen; Konsul, Dalmatin und andere Mitarbeiter der Protestanten waren Kroaten, im 19. Jahrh. stand aber die überragende Persönlichkeit des Serben Vuk Karadzić auf dem Gebiet der Sprache und der Volksliteratur im Vordergrund.

[2]) Dagegen gebraucht den Namen „kroatisch" in sehr weitem Sinne der Nobile von Kotor (Cattaro) Maro Dragović in einem poetischen an Kašić gerichteten Sendschreiben, das dieser in seinen Pjesni duhovne abgedruckt hat:

Kada s' navijestio u pjesnieh svud glas tvoj,
Naši Dalmatini i *vas rod Harvacki.*
Daržat ce u cini pjevanja glas rajski;
Od našega mora do mora ledena
Živit od govora dika će plemena.

Stojković o. c. 220.

machte Kašić auch in diesem Punkte eine bemerkenswerte Entwicklung durch. In seiner Autobiographie und in den Vorreden zu seinen Schriften spricht er von Dalmatia, gens Dalmatica, Dalmaticum idioma, Dalmaticum eloquium, Dalmatica lingua, Natione Dalmatica,[1]) schreibt Dalmatinski,[2]) jezik dalmatinski,[3]) dalmatinskijem govorom[4]) (steht auf gleicher Stufe mit Latinskijem aliti Talijanskijem jezikom), für seine Dalmatini und narod dalmatinski.[5]) Dabei denkt er aber gewöhnlich nicht an die Küstenstreifen und Inseln des damaligen venezianischen Dalmatien, vermehrt um die der Türkei unterworfenen Gebiete, wie es ungefähr dem österreichischen Kronland Dalmatien im 19. Jahrhundert entsprach, sondern Dalmatien reichte nach seiner Autobiographie von Skutari bis zur Donau, und gens Dalmatica bewohnte auch Kroatien, das südliche Ungarn, Serbien, Bosnien und die Herzegowina.[6]) Kašić dachte also wie F. Vrančić u. a. an das römische Dalmatien (von Serbien gehörte dazu nur der westliche Teil),[7]) das die kroatischen Fürsten und nationalen Könige bei der Gründung und Erweiterung ihres Staates im Auge hatten und das in den Vorstellungen der Humanisten wieder lebendig wurde. Deshalb sind ihm Natio Illyrica aut Dalmatica lingua identische Begriffe, er schreibt in „lingua commune della Natione Dalmatica" und übersetzt die Heilige Schrift „nella lingua allora usuale e piú commune nella Dalmazia",[8]) deutet aber in seiner Muttersprache diese Einheit auch durch die Verbindung des dalmatinischen Namens mit dem allgemein slavischen an: „narodu momu Dalmatinskomu i Slovinskomu, dalmatinske i slovinske krajine, Dalmatinom našim i sfemu narodu Slovinskomu, narodu Slovinskomu i Dalmatinom našijem".[9]) Schon diese Pronominalform auf *-ijem* zeigt, daß sie nicht dem engeren Dalmatien, sondern Ragusa und seiner südlichen und südöstlichen Nachbarschaft angehört, aber Kašić denkt doch an seine Heimat, wenn er „Dalmatinom" das Pronomen *ča* nicht wehren will.[10]) Solche und ähnliche Gründe machen es begreiflich, daß die Bezeichnung dalmatinisch für die ganze südslavische Einheit unbrauchbar wurde und bald verschwand.

---

[1]) Stojković o. c. 172, 175, 181, 183, 194, 203.

[2]) Ib. 215, 219. — [3]) Ib. 221. — [4]) Ib. 217. — [5]) Ib. 216, 218. — [6]) Ib. 172.

[7]) Vgl. die Literatur darüber bei F. Šišić, Povijest Hrvata u vrijeme narodnih sladara, 104.

[8]) Stojković o. c. 200, 206. — [9]) Ib. 217—218. — [10]) Ib. 243.

Kašić selbst bietet Belege dafür. In seiner Autobiographie ıennt er zwar die mittelalterliche lateinische Bezeichnung Scla- ·onia statt Dalmatia barbarisch,[1]) aber das entsprechende sla- ·ische Adverb slovinski gebraucht er schon 1613, Slovinac, ıarod slovinski, naški slovinski ebenso 1613,[2]) narod slovinski 617,[3]) u naš slovinski jezik 1623,[4]) Perivoj od dievstva schreibt r 1628 slovinskim jezikom und slovinski, wobei sehr beachtens- vert ist die Nebeneinanderstellung: našijem *slovinskijem* jezikom ıapisah u *srbskom* Biogradu,[5]) im Zrcalo nauka krstjanskago 1631) steht slovinski auf einer Stufe mit Latinski a Talijanski,[6]) eit 1640, als Kašić das Rituale Romanum herausgab und für lie Schriftsprache die bosnische Mundart als mustergültig hin- tellte, finden wir nur die Ausdrücke slovinska besidenja, rusaga Länder) slovinskih, narod slovinski, slovinski [7]) (Adv.), wobei lovinski upisa B. Kašić Dalmatin besonders beachtenswert ist.[8]) ɛs ist daher nicht richtig, wenn Stojković meint,[9]) Kašić nenne eine Sprache regelmäßig „dalmatinski", doch manchmal „slo- ·inski", im Gegenteil regelmäßig und zuletzt ausschließlich slovinski". In lateinischer Sprache war für Kašić schon durch lie Academia linguae Illyricae auch der Titel seiner Grammatik 1604) gegeben und seit dem Život Ignatija (1623) entspricht der ƒezeichnung slovinski immer Illyrice (namentlich gebrauchen ıiesen Ausdruck die römischen Zensoren), Rituale Romanum vurde herausgegeben Illyrica linguā, war bestimmt Illyricis acerdotibus, geschrieben in paene infinita idiomatis Illyrici ·arietate ... communiori dialecto Illyricis, ad communiorem uandam dialectum Illyricam, redigiert für universum Illyri- um.[10]) Zum Schluß sei erwähnt, daß Kašić in einem an Urban 'III. gerichteten lateinischen Gedicht Slavus, Dalmata und llyricus, die nach dem Honig der Heiligen Schrift in der Volks- prache lechzen, als gleichbedeutende Namen gebraucht.[11])

Zum besseren Verständnis der Namen *slovinski* und *illyrisch*, ie zuletzt übrig blieben und eine wichtige Rolle spielten, will :h nur einige Bemerkungen anführen, denn für eine vollständige ɪeschichte derselben ist hier kein Raum, überdies ist sie auch icht notwendig, obgleich sonst für beide eine monographische ƒehandlung wünschenswert wäre, namentlich für den Namen

[1]) Ib. 175. — [2]) Ib. 213, 261—263. — [3]) Ib. 216—218. — [4]) Ib. 226. — Ib. 227, 229. — [6]) Ib. 233. — [7]) Ib. 243—244, 248. — [8]) Ib. 249. — [9]) Ib. 72. — [10]) Ib. 241. [11]) Ib. 243.

illyrisch, damit die lange Vorgeschichte des Zagreber Illyrismus des 19. Jahrhunderts ins richtige Licht gestellt würde.

Der gemeinsame Name für die Slaven *Slověne*, sing. Slověnin, war einer größeren Gruppe schon in ihren Ursitzen hinter den Karpathen eigen und wurde von den byzantinischen und abendländischen Schriftstellern für die Volksmassen, die den Balkan überfluteten, als *Σκλαβηνοί, Σκλαβινοί*, Sclaveni, Sclavini und in einer kürzeren Form *Σκλάβοι*, Sclavi aufgezeichnet und dann weiterverbreitet.[1]) Daraus entstand auch Sclavonia, it. Schiavonia als Bezeichnung für das slavische Dalmatien und sein ganzes Hinterland.[2]) Die Sprache, in welcher die Slavenapostel Cyrill und Method in Mähren und Pannonien die slavische Liturgie begründeten, heißt in den Quellen slověnьskъ; von diesem Standpunkt ist Miklosichs lingua paleoslovenica, altslovenische Sprache richtig, mag auch ihre Heimat auf dem Gebiete heutiger bulgarischer Dialekte zu suchen sein. Daß dieser Name bei allen Südslaven bekannt war, beweist, abgesehen von älteren Nachrichten,[3]) der Umstand, daß ihn die kroatischen und slovenischen Protestanten für die Südslaven überhaupt (Slověnci, Slovinci, Slovini) verwendeten, und daß er noch heute in den Slovenen (Slovenci) fortlebt, bei den Kroaten slovenska zemlja für das heutige nordwestliche Kroatien (Slavonia superior) und für Slavonien (ehemals Slavonia inferior), wo er in lateinischer Form erhalten ist, lange bekannt war, ebenso in den *westlichen ikavischen serbokroatischen Gebieten, wo er dementsprechend die Form Slovin, Slovinac, slovinski annahm.* Als Bezeichnung für die slavische Sprache wird slovinski jezik bei den dalmatinischen und ragusanischen Schriftstellern des 16. bis 18. Jahrhunderts allgemein üblich, teilweise auch bei den bosnischen, ja sogar bei den kajkavischen Kroaten Baron Ratkaj und Jurjević;[4]) man denkt dabei vor allem an die Südslaven, dann faßt aber der dalmatinisch-ragusanische Panslavismus alle slavischen Länder vom Adriatischen bis zum Eismeer unter demselben Namen ins Auge und Dichter wie Zoranić aus Zara in der Vila Slovinka (Slavische Nymphe, 1613), Palmotić u a. aus Ragusa verherrlichen den slovinski jezik im engeren und weiteren

---

[1]) Vgl. L. Niederle, Slovanské starožitnosti II., 1., 471ff. K. Jireček, Geschichte der Serben I., 65ff. M. Murko, Geschichte der älteren südslav. Lit., 20ff.

[2]) K. Jireček, Geschichte der Serben I., 114.

[3]) L. Niederle, Slov. starožitnosti II. 1., 360, 366, 387, 435, 440, 237, 421.

[4]) J. Broz, Crtice iz hrv. književnosti I., 156.

Sinne. Sogar in lateinischer Sprache gebraucht der Gelehrte Dominicus Zavoreus aus Sebenico 1603 diese Namensform: Slovinorum, Slovino nostro idiomate loquimur.[1]) Anderseits bringt der Ragusaner Abt Mauro Orbini um dieselbe Zeit (1601) die Namensform Slavi statt der „verderbten" Schiavoni in Schwung und verherrlicht in seinem „Il regno degli Slavi", das großen Anklang fand und noch auf Befehl Peters des Großen übersetzt wurde, die Herrscher von Dalmatien, Kroatien, Bosnien, Serbien, Rascien und Bulgarien.

Bei den klassischen Schriftstellern waren jedoch weder Sclaveni noch Slavi zu finden. Das ließ die Humanisten, die es überall liebten, griechisch-römische Namen auf die zeitgenössischen Völker zu übertragen, auch bei den Südslaven nicht ruhen. Das beste Beispiel bietet schon der Titel des ersten slovenischen Wörterbuches aus der Feder des österreichischen erzherzoglichen Historiographen Hieronymus Megiser: Dictionarium quatuor linguarum, videlicet Germanicae, Latinae, *Illyricae*, (quae vulgo *Sclavonica* appellatur) et *Italicae sive Hetruscae* (Graecii 1592). Nicht einmal der Name Italienisch fand bei ihm Gnade (Etruskisch wurde natürlich aus den Klassikern für Toskanisch hervorgeholt, das als mustergültig angesehen wurde), umsoweniger das „vulgäre" Sclavonica für Slavisch, in diesem Falle speziell Slovenisch.

Natürlich übertrugen die Humanisten um so leichter und noch früher den Namen der alten Illyrier zuerst auf die westlichen und dann auch auf die übrigen Balkanslaven. Noch mehr als Dalmatien lebte das römische Illyricum, das verschiedene Wandlungen durchgemacht hatte,[2]) durch die römische Kirche fort, und *Iljurik* geriet von den Südslaven schon in die älteste russische Chronik[3]) (Nestor). Von den Byzantinern nennt noch Nikephoros Gregoras im 14. Jahrhundert die Albanesen Illyrier, deren Nachfolger sie wirklich sind, Laonikos Chalkondyles bezeichnet aber bereits um 1470 den König von Bosnien *τῶν Ἰλλυριῶν βασιλεύς*. In lateinischer Sprache wird 1441 ein

[1]) S. Ljubić, Rad 65, 133.

[2]) Für uns kommt besonders in Betracht, daß nach der römischen Eroberung die Provinz Illyricum Dalmatien und Pannonien umfaßte. Nach der Organisation des Kaisers Diokletian gehörte das „westliche Illyricum", Pannonien und Dalmatien zur Präfektur Italien, das östliche bildeten die Provinzen Moesien, Dacien, Dardanien, Praevalis, Macedonien usw. bis Griechenland. L. Niederle, Slovanské starožitnosti I., 55; K. Jireček, Geschichte der Serben I., 33—34.

[3]) L. Niederle, Slov. starožitnosti I., 6.

Brief aus dem Erzbistum Spalato in sermone et alphabeto Illyriacho seu Sclavonico erwähnt,[1]) der Humanist Georgius Sisgoreus aus Šibenik (Sibinicensis) definiert schon 1487 die Grenzen Illyriens im weitesten Sinne: Illyria a septentrionali plaga habet Hungariam, ab occasu Foroiulium (Friaul), ab ortu littus Euxinum, a meridie Macedoniam.[2]) Überhaupt bezeichnet seit dem 15. Jahrhundert in Italien, Dalmatien und anderen Ländern Illyricum soviel wie Sclavonia, das Land der Südslaven.[3]) Natürlich bestehen beide Namen einige Zeit nebeneinander, aber seit dem Ende des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts werden in den römischen Kanzleien lingua Illyrica, illyrice allgemein üblich, was ganz gut dem humanistischen Charakter des päpstlichen Stuhles in jener Zeit entspricht. Leo X. behrte 1515 sogar den Banus von Kroatien mit dem Titel eines praefectus Illyrici.

Lehrreich sind in dieser Hinsicht die Schicksale des *Collegiums* (Hospitals) *Illyricorum, degli Illiriri* des Hl. Hieronymus[4]) in Rom, in dessen Nähe aber Via Schiavonia und Vicolo degli Schiavoni lange daran erinnerten, daß es 1453 vom Papste Nikolaus V. für Pilger Dalmatie et *Slavoniae* nationum gegründet wurde. Tatsächlich wurden ursprünglich „Slaven" aus Dalmatien, Kroatien, Bosnien, auch aus Istrien, Krain, Steiermark, Serbien und Bulgarien aufgenommen. In den Jahren 1482—1491 oder noch genauer 1482—1485 tauchen aber in Rom „Illirici" und „illyricae nationis" statt „slavonicae" auf.[5]) 1650 wollte jedoch ein egoistischer Dalmatiner, der Priester Jerko Pastrić, seit 1649 Sakristan und Exaktor des Hospitals, die Pilger und Kranken aus Krain, Kärnten, Steiermark, Friaul und Istrien verdrängen; es kam zu großen Streitigkeiten und zu einem riesigen Prozeß, in dem über 500 Bogen Papier beschrieben und eine Broschüre von 66 Seiten gedruckt wurde. Die Regierung von Krain erklärte zwar am 18. I. 1652, daß das Land ebenso wie Steiermark und Kärnten zum Römisch-Deutschen Reich gehöre, „etiamsi plebs Illyrica lingua participet", und daß die

---

[1]) I. Crnčić, Rad 79, 26.

[2]) Građa II., 3.

[3]) K. Jireček, Slovník Naučný XII., 520.

[4]) Vgl. die Abhandlung von Ivan Črnčić; Imena Slovjenin i Ilir u našem gostinjcu u Rimu poslije 1453. godine. *Rad* jsl. akad. 79, S. 1—70. Das einschlägige Urkundenmaterial wurde von demselben Verfasser in den *Starine* XVIII., 1—164 veröffentlicht.

[5]) Rad 79, S. 24—26.

lger daher im „Hospitale Germanorum“ Zuflucht suchen soln, aber der Jesuit Athanasius Kircher gab vor dem 18. XII. 552 ein Gutachten ab: „Lubianam, sed ut Germani vocant, abacum, veram et genuinam Illyrii sive Sclavoniae urbem se“. Er beruft sich auf Geographen und Historiker und lehnt e Behauptung, Krain gehöre zu Germanien, weil es den österichischen Erzherzögen unterworfen sei, mit den Worten ab: Invalida, ne dicam, ridicula argumentandi methodus, cum pari acto concludere liceret, *Mediolanum, eo quod Hispaniae Regis nperio subiaceat, non Italiae, sed Hispaniae urbem esse*, quod, uam absurdum sit, quis non videt?“ [1]) In den Jahren 1651 bis 552 fälschte Pastrić in der Gründungsurkunde Dalmatiae *et lavoniae nationum* in „*seu* Illyricae nationis“,[2]) und ebenso e Heimatsorte slovenischer Pilger: so wurde aus einer margata crangicia (d. i. Kranjica = Krainerin) craglievich (Kraljeć) usw.[3]) Von den vielen Zeugen sind interessant die Aussagen on 9 Adeligen aus Krain (darunter 2 Barone Lamberg) und den roatischen Grafen Nicolaus und Johannes Drašković, Söhnen es Palatins von Ungarn, welche entschieden erklärten, daß rain „provincia Sclavonica sive Illyrica“ und „populua Illycus“ sei, da mit Ausnahme von Gottschee überall die Umangsprache „Illyrica“ sei. Daraus, daß das Land der kaiserchen Majestät untertan ist, folge nicht „provinciam vel gentem on esse Illyricam“.

In einer langen Gegenschrift behauptete Pastrić unter anerem, daß zum „proprium et verum Illyricum ... cum titulo nomine Slavoniae“ nur 4 regiones gehören: Sclavonia, Croatia, osna et Dalmatia,[4]) von Krain, Steiermark und Kärnten könne ber keine Rede sein, worauf er wörtlich fortfährt: „Minus obat, quod Carniolenses cum Carintiis, Styriis et Istriis a nonullis scriptoribus appellantur Slavi, tum quia apud eos viget nago (!) slavicae linguae, corrupto et mixto (*sic*) cum germaicae linguae dialecto. Hinc est, quod multae gentes ex affiniate linguae ac morum Illyrici et Slavi sunt eppallati“.[5]) Im tzten Punkte hatte Pastrić recht, da auch die Nordslaven nehrfach zu den Illyriern gezählt wurden, aber die weiteren

[1]) Starine XVIII., 89.
[2]) Rad 79, S. 40.
[3]) Ib. 42, 43.
[4]) Starine XVIII., 92.
[5]) Ib. 101.

Ausführungen, daß die „imago linguae Illyricae“ in Krain nicht verständlich und weder illyrisch noch deutsch sei,[1]) widerlegt der uns bereits bekannte Jurij Križanić 15. V. 1654 mit folgenden den Nagel auf den Kopf treffenden Worten: „Quia sic haec concluderent, sequeretur per eandem rationem excludi etiam Dalmatas, utpote multo magis italianizatos, quam Carnioli sint germanizati“.[2])

Nichtsdestoweniger wurde am 24. IV. 1656 von zwölf Richtern das Urteil gefällt: „. . . declaramus Provinciam veram et propriam Nationis Illyricae iuxta bullam et mentem dicti Sixti quinti fuisse et esse, ac intelligi debere, Dalmatiam, sive Illyricum, cuius partes sunt Croatia, Bosna et Slavonia, exclusis penitus Carinthia, Styria, et Carniola“.[3])

Auf diese Weise wurden auf Betreiben eines egoistischen Dalmatiners im Grunde genommen nur die Slovenen und die Kroaten aus Istrien aus der Gemeinschaft der illyrischen Nation hinausgeworfen. Im großen und ganzen entsprach das auch den Anschauungen und Bestrebungen der führenden römischen Kreise, die um die Mitte des 17. Jahrhunderts um die Slovenen nicht mehr besorgt zu sein brauchten und ihr Hauptaugenmerk von Anfang an hauptsächlich auf Dalmatien und die Slaven der Türkei gerichtet hatten. Andrerseits änderte aber das Urteil wenig an den Anschauungen von der großen sprachlichen Verwandtschaft der Südslaven und an dem Gebrauch des Namens illyrisch. Trotzdem bei den Slovenen im Aufklärungszeitalter der Historiker und Grammatiker Anton Linhart[4]) energisch die Ansicht vertrat, daß die Illyrier Vorfahren der heutigen Albanesen sind, begrüßte 1811 der Dichter V. Vodnik voll Begeisterung Napoleon als den Wiederhersteller Illyriens,[5]) das von jeher slavisch gewesen sei. Natürlich erhielten sich unter den Kroaten von Istrien diese Traditionen bis in das 19. Jahrhundert noch viel mehr, wie Voltiggis Wörterbuch [6]) (samt der voranstehenden Grammatik) beweist, dessen starke Abhängigkeit von Micalia schon Dobrovský betont hat.[7]) In der Vorrede wird

---

[1]) Ib. 111. — [2]) Ib. 155. — [3]) Ib. 160.

[4]) Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen Slaven, Laibach 1788, 1791 (Titelausgabe Nürnberg 1796), II., B.

[5]) Das Gedicht Iliria oživlena wurde mit der lat. Übersetzung Illyria rediviva wieder abgedruckt von August Dimitz, Geschichte Krains IV., 352—353.

[6]) Ričoslovnik Illiričkoga, Italianskoga i Nimačkoga jezika, U Beču (Vienna) 1803.

[7]) Slovanka I., 224—226.

uch den Nord- und Ostslaven illyrischer Ursprung zugeschrieen und die Schaffung einer allgemeinen gelehrten illyrischen Sprache aus allen illyrischen Dialekten vorgeschlagen.

Zur allgemeinen Verbreitung des Namens illyrisch in laeinischer und italienischer Sprache trugen die Wörterbücher on Micalia, Della Bella und Stulli,[1]) ja sogar die Wörterbücher ler kajkavischen Kroaten Belostenec[2]) und Jambrešić[3]) bei, n italienischer und sogar in deutscher Sprache Voltiggi, schon n ihren Titeln und unter den betreffenden Schlagworten.[4]) Nicht minder wirksam waren die Grammatiken von Della Bella vor dem Wörterbuch) und Fr. M. Appendini (Ragusa 1808). n die Geburtsjahre des Zagreber Illyrismus fällt die für Deutche bestimmte, aber von den „Illyriern" vielgebrauchte „Gramnatik der illyrischen Sprache, wie solche in Bosnien, Dalmatien, Slavonien, Serbien, Ragusa usw., dann von den Illyriern im Banat und Ungarn gesprochen wird" von Ignaz Al. Berlić Ofen 1833). Auch die lateinischen Sprachlehren in lateinischer oder italienischer Sprache waren für die „illyrische Jugend" bestimmt.[5]) In der Grammatik von Josip Gjurini (Venedig 1793) wird im Titel „Illyricae juventuti" durch „Slovinskoj mlalosti" wiedergegeben. Erwähnung verdienen auch Lobreden uf die illyrische Sprache, wie die vielzitierte des Ragusaners Sebastian Dolci: De Illyricae linguae vetustate et amplitudine Venetiis 1754), und des in Ragusa wirkenden Italieners F. Appendini: De praestantia et vetustate linguae Illyricae (Ragusa

---

[1]) Lexicon Latino-Italico-Illyricum, Pestanae 1801. — Rječosložje ... Illir. tal. Lat. Čast druga. U Dubrovniku 1806. — Vocabolario Italiano-Illyrico-Latino, Ragusa 1810.

[2]) Gazophylacium seu Latino-Illyricorum Onomatum aerarium ... sententiis diomate Illyrico delicatis illustratum ... Illyriorum commodo apertam. Zagrabiae 1740.

[3]) Lexicon Latinum interpretione *Illyrica*, Germanica et Hungarica ... Zagrabiae 1742. Nur das erste kajkarisch-kroatische Wörterbuch von Jurij Habdelić nennt sich „slavisch"; Dictionar ili Reči *slovenske* ... vu Nemškom Gradcu 1670. n der Vorrede: Vocabularium *Sclavonico*-Latinum.

[4]) Z. B. bei Habdelić: *Slovenec* Sclavus, Illyricus. *Slovenski* Illyrice, Sclavonie. Bei Micalia: *hrrivat* (d. i. hrvat), Hervat; Croata; Illyricus. *Hrrivacia* Hervatska zemlja; Croatia; Illyris, Illyricum. *Slovinac* dalmatin slavone dalmatino; Illyricus, Dalmata. Bei Della Bella: *Dalmatia*. Provincia nota nell Illirico. Lingua Illirica o Slava. Slovinski jezik. Bei Belostenec: *Illyria*-Illyris, Illyricum, Illyrium hodie (!) Sclavonia Slovenski orsag. *Horvat*. Harvat Croata, Illyricus. *Slovenec* Illyrius, Illyricus, Sclavus. Bei Jambrešić: *Illyricum*, Illyrium, Illyria et Illyris. Illirianska zemlja, deržava; iliti *Veliko slovensko carstvo*, kraljevstvo, koje vu sebi već kraljestvih kakti Horvatsko, Dalmatinsko, Bosansko, Bogarsko, Serblinsko, sa dašnje Slovensko etc. zaderžava. Carniolia (olim pars Illyricae).

[5]) Aufgezählt von Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. II., 106—107.

1808), ursprünglich als Einleitung zu Stullis Vocabolario Italiano-Illirico-Latino gedruckt.

Natürlich trugen auch verschiedene geschichtliche Werke zur Verbreitung des Namens illyrisch sehr viel bei, sogar so kritische wie Joannis Lutii (Lucić) De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex[1]) (Amsterdam 1676). Besonders beachtenswert isf eine vermehrte Ausgabe der „Familiae Dalmaticae et Sclavonicae" (zuerst gedruckt Paris 1648) aus der Historia Byzantina (S. 265—352, 353—364) des Byzantologen Charles du Fresne du *Cange* (Lutetiae Parisiorum 1680), die als „Illyricum vetus et novum" 1746 erschien und alle südslavischen Länder im Titel führte.[2]) Von großer Bedeutung war „Illyricum sacrum" (1751—1819), eine südslavische Kirchengeschichte der italienischen Jesuiten F. Riceputi, D. Farlati und Jac. Coleti. Von den einheimischen Historikern identifizierte Paul Ritter-Vitezović (geboren in Senj 1652, gestorben in Wien 1713) die Namen illyrisch, slovenski (slavisch) und kroatisch [3]) und sprach — aber nicht als erster[4]) — auch von einer politischen Vereinigung aller südslavischen Länder, wobei er Serbien, Mazedonien, Bulgarien und Thrazien als Rotkroatien, Krain, Steiermark und Kärnten als Alpenkroatien (Croatia Alpestris) bezeichnete.

Bei diesem allgemeinen Gebrauch des Namens illyrisch überrascht es nicht, daß er amtlich auch auf die orthodoxen Serben, welche in die Habsburgische Monarchie eingewandert waren, übertragen wurde. Das Privilegium des Kaisers Leopold I. vom 21. VIII. 1690 war noch gegeben „Arsenio Czernovich (richtig Čarnojević) *Rascianorum* (von Rascia = Raška, die Wiege des serbischen Staates) Archiepiscopo ... toti denique Communitati eiusdem Graeci Ritus et Nationis *Rascianorum*", aber schon Joseph I. schreibt am 7. VIII. 1706 demselben Erzbischof „nec non Statuum totius Gentis et Populi *Illyrici*[5]) *sive*

[1]) Cap. 1 und 2 des I. Buches sind *Illyricum* gewidmet.

[2]) Caroli du Fresne Domini du Cange *Illyricum* vetus et novum, sive Historia regnorum Dalmatiae, Croatiae, Slavoniae, Bosniae, Serviae atque Bulgariae.

[3]) V. Klaić, Život i djela Pavla Rittera Vitezovića, 143—144.

[4]) F. Šišić, Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara (Zagreb 1925), 30.

[5]) Diese Bezeichnung der Serben als Illyrier hat auch ihre Vorgeschichte; z. B. finden wir schon in einer römischen Beschreibung der Wohnsitze der „Valachi" aus dem J. 1628 folgende Stelle: Tria sunt praecipua loca (quantum ego scio) inter se distincta ac valde distantia ab *Illyricae gentis* hominibus *graeci Ritus* in Croatia et Carniolia occupata et habitata ... Bogoslovska Smotra XIII. (Zagreb 1925), 336.

Rasciani". Dieser Ausdruck wiederholt sich dann in den Akten der Wiener Kanzleien. Im August 1745 setzte Maria Theresia eine Hofkommission zur Behandlung „der illyrischen Angelegenheiten" ein, 1747 gab es schon eine „Illyrische Hofdeputation", 1770 wurde dem „Illyrischen Nationalkongreß" „das erste Illyrische Regulament", 1777 das zweite gegeben, 1779 erließ die Kaiserin Maria Theresia „Rescriptum Declaratorium Illyricae Nationis", kurz „Declaratorium Illyricum" genannt, nach welchem der Serbische Nationalkongreß zur Erledigung von Kirchen und Schulangelegenheiten auch nach der Umgestaltung Ungarns im Jahre 1868 einberufen wurde.[1]) 1791 kam es in Wien sogar zur Errichtung einer Illyrischen Hofkanzlei, die allerdings schon 1792 aufgelöst wurde.[2])

Unter solchen Umständen war es kein Wunder, daß Napoleon die ihm durch den Schönbrunner Frieden 1809 zugefallenen südslavischen Gebiete Österreichs als „Provinces Illyriennes" (bis 1813) organisierte.[3]) Auffällig ist es, daß auch Österreich aus einem Teil der ihm zurückgegebenen Länder ein „Königreich Illyrien" mit Gubernialsitzen in Laibach und Triest bildete,[4]) das zwar 1849 aufgelöst wurde, aber „Illyriae rex" blieb auf manchen Münzen bis zum Untergang der österreichisch-ungarischen Monarchie.

Aus lateinischen und anderen Quellen dringen seit dem 17. Jahrhundert die Bezeichnungen Ilir, Ilirička (sc. zemlja), ilirički (in der ksl. Form iliričьskyj), Ilirida, Ilirija (kommt schon beim mittelalterlichen serbischen Biographen Domentijan vor), Ilirjanin, ilirijanski, ilirijski, Ilirik (= Illyricus, Illyricum), ilirički, ilirski auch in die Sprache der Kroaten und Serben ein, so daß sie zu einem wirklich lebendigen Länder- und Völkernamen wurden.[5]) Beachtenswert ist die häufige Nebeneinanderstellung von ilirički mit naški (in unserer Art), slovinski, slavinski, slavonski. Nach allen diesen Voraussetzungen wird es leicht begreiflich, daß bei den Kroaten auch im 19. Jahrhundert

---

[1]) Димитрије Руварац, Постанак и развитак српске црквено-народне автономије 7—8.

[2]) Die einzelnen Angaben sind geschöpft aus dem Werk von Karl Freih. v. Czoernig, Ethnographie der österreichischen Monarchie III., 70—72: J. H. Schwicker, Politische Geschichte der Serben in Ungarn (Budapest 1880), 52, 98, 102, 108 usw.

[3]) Bogumil Vošnjak, Ustava in uprava ilirskih dežel (Ljubljana 1910).

[4]) Janko Polec, Kraljevstvo Ilirija, v Ljubljani 1925.

[5]) Rječnik jsl. akad. III., 793.

der Name illyrisch für die erste projektierte Zeitung (Oglasnik Illirski, 1818) und den ersten Almanach (Almanah ilirski, 1823) verwendet und dann von Ljudevit Gaj und seinen Mitarbeitern in Zagreb seit 1830 wiederaufgefrischt und seit 1835 allgemein angenommen wurde, um die verschiedenen provinziellen (als solche faßte man neben dalmatinisch, slavonisch, bosnisch auch kroatisch und serbisch auf) und lokalen Namen (z. B. Sremci, Banaćani, d. i. Bewohner von Syrmien und dem Banat) durch eine über allen stehende unparteiische Bezeichnung zu ersetzen. Man hatte dabei ausdrücklich eine neue literarische und ethnographische Gemeinschaft aller Südslaven von Villach bis Varna im Auge und dachte auch schon an eine sehr weit gehende politische, wie die Disertatia des Grafen Janko Drašković, das erste literarische und politische Programm der Illyrier aus dem Jahre 1832, beweist. Man glaubte dabei an die Slavizität der alten Illyrier, flüchtete nach romantischer Art so recht in das graue Altertum und fand in den alten Illyriern, die so tapfer ihre Unabhängigkeit gegen die Römer verteidigten, die berühmten Vorfahren, die man für die weitgehenden modernen Ziele brauchte. Die Grundlagen zu allen diesen Anschauungen und Benennungen gehen aber auf den Humanismus, die Reformation und Gegenreformation zurück.

Der Vollständigkeit halber muß erwähnt werden, daß neben dalmatinisch, illyrisch und slovinski der bei den Protestanten übliche kroatische Namen doch auch weiter gebraucht wurde. Interessant ist diese Terminologie gleich beim ersten gedruckten Buch, dem Lectionarium. Die erste Ausgabe 1495 zeigt die Überschrift: Incipit vulgarizatio *dalmatica* und schließt in „lingua *Yllirica*“, die zweite Ausgabe 1543 von B. Zborovčić bietet die Überschrift „Počinje stumačenje *slovinsko*“, die dritte 1586 führt aber den Titel „Pistule i evangelja po sve godišće *hrvatskim* jezikom stumačena“.[1]) Der Dichter und Schriftsteller Ivan Tanzlinger-Zanotti[2]) aus Zara vollendete 1699 nach fünfundzwanzigjähriger Arbeit ein ungedrucktes „Vocabolario di tre nobilissimi linguaggi italiano, *illirico* e latino“, widmete es *hrvatskoj slovinskoj* mladosti, übersetzte die italienischen Grundworte „u naš *hrvatski slovinski* jezik und spricht von der Ver-

[1]) Lekcionarij Bernardina Spljećanina (Djela jugoslav. akademije, Zagreb 1885), 1, 201, VIII, IX.

[2]) S. o. S. 69. Anm.

lerbnis „našega *liburnjačkoga* (also auch das alte Liburnien nußte noch aufleben!) *dalmatinskoga slovinskoga hrvatskoga ezika*“;[1]) um eine große Anzahl Wörter zu sammeln, erbat er ich die Mitwirkung vieler Männer und schrieb „*u mnoge strane emlje slovinske*, neka se svačja želja *Hrvatjanina* zadovolji i naiti“. Der aus Glamoč in Bosnien stammende Franziskaner Parao Posilović brachte „*Cviet od kriposti*“ (= Fior di virtù) u *jeik ilirički aliti slovinski* (Venedig, 1647, 1701, 1712, 1756, die lritte Ausgabe in lateinischer, alle übrigen in cyrillischer chrift), am Schluß der dritten Ausgabe des Buches steht aber in kroatisches Bücherverzeichnis „Broj knjig *hervatskih*“ des Buchhändlers B. Occhi auf der Riva od *Hervatov* (= dei chiavoni) in Venedig.[2]) Besonders beachtenswert ist „Cvit azgovora naroda i jezika iliričkoga aliti *rvackoga*“ (Venedig, 747) des Franziskaners Filip Grabovac aus dem štokavischen rljika in Dalmatien, dessen Werk entschieden ein Vorbild ildete für das verbreitetste Volksbuch der Kroaten, das aber uch den Serben stark bekannt war, „Razgovor ugodni naroda *lovinskoga*“, eine Nachahmung epischer Volkslieder mit einigen ingestreuten echten (zuerst gedruckt 1756) des aus Makarska n Dalmatien gebürtigen Franziskaners Andrija Kačić-Miošić, er aber sein Prosawerk „Korabljica“ im „jezik *bosanski*“ chrieb. Man beachte noch ein vor 1709 in Venedig gedrucktes Vocabolario *Slavo et italiano*“, nach welchem ein reisender Latinin“ (Italiener) „*slovinski* jezik a *Hervat* Italijanski“ errnen kann.[4])

Ich sehe von weiteren solchen Zusammenstellungen und elegen für den kroatischen Namen vom 16.—18. Jahrhundert b,[5]) denn die bisherigen genügen als Beweis, daß die Namen lyrisch, slovinski und hrvatski als Synonyma gebraucht wurden.

Die Gegenreformation baute also auf den Grundlagen der eformation weiter und ging mehrfach über sie hinaus. Groß-

---

[1]) Grada 5, 51—52.

[2]) J. Kukuljević, Bibliografia hrvatska, 12. Der in seinen Angaben oft nverlässliche Kukuljević druckt den Titel des Bücherverzeichnisses in cyrillischer hrift ab, doch gehört es offenbar der dritten Ausgabe in Lateinschrift an, wie as Faksimile des ganzen Verzeichnisses bei Vjekoslav *Klaić*, Knjižarstvo u Hrvata, 8—9, beweist.

[3]) Br. Vodnik, Povijest hrv. knjiž., 330.

[4]) Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. II., 115.

[5]) Vgl. einige Angaben bei S. Ljubić, Ogledalo književne poviesti jugoslaanske II., 354—355.

artig war der Fortschritt in der Ausbildung einer gemeinsamen, für allen Balkanslaven bestimmten Schriftsprache, die tatsächlich die Einheit der Schriftsprache der Kroaten und Serben begründete. Auch die Auswahl und Verbreitung der Namen für diese neue sprachliche Gemeinschaft im Sinne universalistischer Bestrebungen war gut gemeint und nicht ohne Erfolg. Einen entschiedenen Fortschritt bedeutet auch die Zurückdrängung der glagolitischen Schrift und die Bevorzugung der lateinischen und cyrillischen. Nur in einem Punkte leistete die Gegenreformation Verkehrtes: sie verschlechterte die kirchenslavischen Bücher des römischen Ritus.

Die altkirchenslavische (altslovenische, altbulgarische) Liturgie- und Literatursprache, zu welcher die Slavenapostel Cyrill und Method im Großmährischen Reich und bei den pannonischen Slovenen die Grundlagen gelegt hatten, bereitete sich bekanntlich unter den Bulgaren, Serben, Kroaten und Russen aus und nahm im Laufe der Zeit dialektische Eigentümlichkeiten dieser Völker auf. So bildete sich auch eine kroatische und serbische Redaktion der kirchenslavischen Denkmäler aus. Der Lage der Dinge entsprechend waren beide identisch, nur fand bei den Kroaten, die infolge ihrer Isolierung das Erbe der Slavenapostel manchmal allerdings besser bewahrten als die Serben und orthodoxen Slaven überhaupt, die Volkssprache trotzdem mehr Eingang als bei den Serben. Immerhin ist sie auch in den Kirchenbüchern (nicht in anderen Schriften) der Kroaten, abgesehen von einigen dialektischen Merkmalen gut erhalten und ging so in die verhältnismäßig früh beginnenden Drucke (Missale 1483) über, die ihrer Stabilisierung viel günstiger waren als die handschriftliche Überlieferung.

Diese Bücher wurden meist in Venedig, teilweise in Senj und Fiume gedruckt. Nach einer langen Zwischenpause,[1]) in welcher selbst die notwendigsten Bücher, wie das Missale, Rituale und Breviar sehr selten geworden sind, nahm Rom selbst die Herausgabe der liturgischen Bücher für die Glagoliten in die Hand. Leider fand es keine tüchtigen Sprachkenner, die den hergebrachten Text der Kirchenbücher festhalten und verteidigen könnten. Der aus Jastrebarsko in Kroatien, also aus keinem glagolitischen Gebiet stammende Minorit Rafael Le-

[1]) Vgl. Slavia IV. 516.

vaković druckte noch 1628 eine Übersetzung des Katechismus Bellarminos (Nauk karstjanski) in rein kroatischer Sprache wieder ab, aber schon im Azbukovidnjak (Abecedarium) slovinski aus demselben Jahre sind Russismen zu bemerken, noch mehr in seinem Missale aus dem Jahre 1631 und besonders stark in seinem 1635 fertigen, aber erst 1648 gedruckten Breviarium (Časoslov). Über diese Änderungen graphischer, phonetischer und lexikalischer Natur (über die Formen fehlen noch Angaben) sind wir von V. Jagić[1]) genügend unterrichtet.

Die römisch-katholischen slavischen Kirchenbücher wurden also 100 Jahre früher russifiziert als die der orthodoxen Serben! Wie ist dieses Kuriosum zu erklären? Schon Šafařík[2]) und Jagić[3]) haben darauf hingewiesen, dass sich Levaković wider Willen einem Befehl (jako poveljeno mi bist) fügte, denn es wäre ihm bequemer gewesen „in der allgemeinen Sprache" (obćim jezikom) zu schreiben. Inwieweit er darunter den überlieferten glagolitischen Text oder die Volkssprache (diesen Sinn hat das Wort bei den Protestanten) versteht, sei dahingestellt. Jedenfalls beeinflußte den im Kroatisch-Kirchenslavischen schwachen und schon deshalb unselbständigen Levaković[4]) der ruthenische (kleinrussische, ukrainische) unierte Bischof Methodius (nicht Matija, wie Jagić schreibt) Terlecki aus Chelm in Polen und war auch die maßgebende Persönlichkeit für die Kongregation der Propaganda, deren Befehl sich Levaković fügen mußte. Natürlich hatte in Rom ein ruthenischer Bischof mehr Gewicht als ein einfacher kroatischer Mönch, und die nach Millionen zählenden unierten Ruthenen waren in bedeutender Überzahl im Vergleich zu wenigen Hunderttausenden katholischer Kroaten mit slavischer Kirchensprache. Überdies konnte M. Terleckyj (ukrainische Form des Namens) in Rom als besonderer Kenner südslavischer Verhältnisse gelten, denn er besuchte noch als Mönch die Unierten um Marča in Kroatien und die Uskoken von Žumberak (Sichelburg, Mons Feletrius) in Krain in der Eigenschaft eines apostolischen Missionärs in den

---

[1]) In der Einleitung zu Br. Vodniks Povijest hrvatske književnosti, 48—49; Исторія слав. филологіи. 38.

[2]) Geschichte d. südsl. Lit. I., 179. — [3]) Vodnik, Povijest. 49.

[4]) Jagić (Archiv f. sl. Phil. 33, 131) charakterisiert ihn als „geistig beschränkt und sehr unselbständig" und als „ganz oberflächlich und schlecht informiert" (o. c. XVI., 211).

Jahren 1628 und 1629, wofür er am 25. April 1630 besonderes Lob der hl. Kongregation erntete,[1]) was alles den Philologen bisher unbekannt blieb. Dabei ist es auffällig, daß er ein Sendling des ruthenischen Metropoliten (Metropolita Russiae) Velamin Rutski war, welcher für die junge unierte ruthenische Kirche ein Missionsfeld auch unter den Südslaven suchte. Er hörte, daß der unierte Bischof in Kroatien ein schwacher Greis sei, und riet der hl. Kongregation, an den Bischof von Zagreb zu schreiben, er möge für den Fall, daß der unierte Bischof stirbt, keinen anderen zulassen, nisi similem unitum, vel si talem non haberet, ut Metropolita per litteras (quas facile transmittere posset per patres Societatis, qui Zagrabiae habitant), significet, qui interim submitteret *aliquem ex Russia, cui de lingua nulla esset difficultas, cum homines parum dissimili idiomate loquuntur a Ruthenis, in sacris vero eadem lingua et eisdem (!) libris utuntur cum Ruthenis.*[2]) Unionsbestrebungen waren also in der Tat im Spiele,[3]) aber in der Sache selbst war ihre Rolle nicht so wichtig, denn die Kirchenbücher der Kroaten, die streng dem römisch-katholischen Ritus angepaßt sein und speziell auch den neuen Bestimmungen des Tridentinums entsprechen mußten, konnten nicht zugleich für die Ruthenen oder andere Unierte dienen, die den griechischen Ritus vollständig beibehielten. Anderseits wird es leicht begreiflich, daß der Ruthene Terlecki *sein* Kirchenslavisch bevorzugte und unter den gegebenen Umständen in Rom auch für die Kroaten zur Geltung brachte. Die Kirchensprache der unierten Ruthenen einerseits, der orthodoxen Serben, die man für die Union gewinnen wollte, und der katholischen Kroaten anderseits war in der Tat identisch, abgesehen von phonetischen und sonstigen Eigentümlichkeiten, für deren Übergewicht nationale Eigenliebe des maßgebenden Faktors und die — Masse den Ausschlag gaben. So erkläre ich mir schon die überraschende Behauptung des bedeutendsten mittelalterlichen Grammatikers der Südslaven, des Serben Konstantin Filozof, welcher zum Entsetzen des serbischen Philologen Gj. Da-

[1]) Dr. Janko Šimrak, Povijest marčansko-svidničke eparhije i crkvene unije u Jugoslavenskim zemljama, Bogoslovska Smotra XII. (1924), 294 ff. Wichtiger ist das einschlägige neue Aktenmaterial der Propaganda von demselben Verf. a. a. O. XIII. (1925), S. 287—344: De relationibus Sanctae Romanae Sedis Apostolicae et Slavorum Meridionalium saeculo septimo decimo et decimo octavo. Vgl. S. 302.

[2]) Bogoslovska Smotra XIII., 325.

[3]) J. Broz, Crtice iz hrv. knj. II., 122.

ničić[1]) „der schönsten russischen (роүш҄кый[2]) Sprache" vor der bulgarischen und serbischen (auch bosnischen, „slovenischen" und čechischen) den Vorzug gibt. Für die Richtigkeit dieser meiner auf den ersten Blick vielleicht unwahrscheinlichen Auffassung spricht die weitere Russifizierung der kroatischen Kirchenbücher.

Von Levaković und Terlecki wurde für die slavische Kirchensprache der Kroaten ein ähnlicher Grundsatz aufgestellt wie von Kašić für die volkstümliche Literatursprache und wurde ebenso weiter befolgt. So bediente sich der folgende Herausgeber des Breviars (1688) Ivan Pastrić, der erst im 52. Lebensjahre die Kirchensprache zu studieren anfing, in Rom der Ratschläge zweier „in ihrer Sprache" gelehrter ruthenischer Priester, da sie ihm mit einer gedruckten Grammatik (jedenfalls Smotrickijs), welche sie vergeblich aus der Heimat erwarteten, nicht dienen konnten.[3]) In der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts wurde das reinste Kirchenslavisch nicht mehr bei den unierten Ruthenen gesucht, sondern direkt bei den orthodoxen Russen gefunden. Hier waren ursprünglich unbedingt keine Unionsbestrebungen im Spiel, wie das noch J. Milčetić[4]) annehmen möchte, sondern die Reformtätigkeit Peter d. Gr., der sich für seine Marine Offiziere und Soldaten auch unter den katholischen Dalmatinern suchte. So kam der aus Spalato gebürtige Matija *Karaman* nicht als Missionarius apostolicus nach Rußland, wie Šafařík[5]) aus zweiter Hand berichtet, sondern als Hauskaplan des dem Katholizismus treu gebliebenen Admirals Matija Zmajević, wie dessen 1732 eigenhändig italienisch geschriebenes Testament beweist.[6]) Daß Karaman die gleichmäßige Kirchensprache des unermeßlichen russischen Reiches, die sich auch grammatischer und lexikalischer Werke erfreute, imponierte, ist leicht verständlich. Noch mehr wuchs in der russischen Tradition Mate *Sović*[7]) auf, gebürtig aus Cherso (Cres) im Quar-

---

[1]) Starine I., 13.

[2]) Auf dem Berge Athos, wo die Serben mit den viel zahlreicheren Russen ie Bekanntschaft machten, waren offenbar die Kleinrussen oder Ukrainer in berzahl, denn роүш҄кый ist offenbar eine ungefähre Wiedergabe des noch heute blichen руський für das großrussische русскій. Die Stelle bei V. Jagić, Разсукденіе южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ Codex slovenicus rerum grammaticarum) СПб. 1896, 129.

[3]) Starine 35, 421.

[4]) Ib. 397, korrigiert sich aber selber 399.

[5]) Gesch. d. südsl. Lit. I., 159.

[6]) Starine 35, 399. — [7]) Ib. 397.

nero, der seine Jugend in Petersburg verlebte, wo sein Vater in der Marine diente. Seine in Rußland erworbenen Anschauungen gibt Sović [1]) mit den Worten wieder: Russi enim quovis tempore sacros libros immutabiles religiose custodierunt; apud eos viri ecclesie ministerio addicti literali lingue jugiter studia impedunt. Quotquot tum Russi moscovitici imperii, cum regni Polonie Rutheni sacros libros vel ad eos modo aliquo spectantes litterali lingua typis mandant, omnes utique *Slavonici* et *linqua antiqua slavonica* inscribuntur...

Solche Männer konnten nach ihrer Rückkehr aus Rußland in die Heimat begreiflicherweise durch den Erzbischof von Zara Vinko Zmajević, der offenbar ein Verwandter des genannten Admirals war, Karriere machen. Von Sović wird ausdrücklich berichtet, daß er von Karaman aus Rußland gebracht wurde und auf Betreiben des Erzbischofs Zmajević in das Seminar der Propaganda nach Rom gelangte. Der aus Perast in der Boka Kotorska (Bocche di Cattaro) gebürtige Vinko Zmajević,[2]) der in Rom im Collegium der Propaganda studierte, hatte als Erzbischof von Bar (Antivari), als solcher Primas von Serbien, und als apostolischer Legat für Epirus, Serbien, Mazedonien und Bulgarien, Gelegenheit, die Kirchensprache der orthodoxen Südslaven kennen zu lernen, und war einer von den nicht zahlreichen Bischöfen des lateinischen Ritus, die die Kirchensprache der Glagoliten schätzten und für die Ausbildung ihrer Geistlichkeit Sorge trugen.[3]) Dieses Werk vollendete sein Nachfolger Karaman (1745—1771). Hier unterliegt es wieder keinem Zweifel, daß Zmajević [4]) und Karaman dabei auch Unionsbestrebungen im Auge hatten, speziell wollte Karaman die nach Dalmatien eingewanderten Serben gewinnen.[5])

Für uns kommt in Betracht, daß Karaman das Missale, welches 1741 [6]) in Rom erschien, noch viel mehr russifizierte als Levaković. Philologisch sind wir darüber nicht aufgeklärt,[7]) wissen aber, daß sein Missale deshalb großen Unwillen der Geistlichkeit und Bevölkerung erregte, sodaß es Benedikt XIV. in

[1]) Ib. 419.
[2]) Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. I., 158.
[3]) V. Jagić in Vodniks Pov. hrv. knj. 50.
[4]) Jagić o. c. 51.
[6]) Šafařík o. c. I., 159.
[5]) Nicht 1745, wie Jagić a. a. O. 51 schreibt.
[7]) Als Beispiel führt J. Broz, Crtice iz hrv. književnosti II., 124, an: *Vo imja otca* für kroatisch-kirchenslavisch *vă ime.*

iner besonderen Bulle 1754 in Schutz nehmen mußte.[1]) Theoetisch wurde Karamans Werk dadurch gekrönt, daß Sović für las Collegium illyricum in Zara und Omiš Meletij Smotrickijs irchenslavische Grammatik[2]) (aus dem J. 1619) in lateinischer prache bearbeitete. Diese Bearbeitung blieb allerdings nur im Ianuskript, während für die Serben, die sich in ihrer geistigen Not Lehrer und Bücher seit 1725 aus Moskau und Kiew holten, in Wiederabdruck (1755) veranstaltet wurde. Endgültig russiiziert wurde also die slavische Kirchensprache bei den Kroaten nd Serben um dieselbe Zeit. Es ist merkwürdig, wie diese siaıesischen Zwillinge sogar durch die Kirchensprache trotz des Religionsunterschiedes aneinander gekettet wurden.

Das kirchenslavisch-russisch-serbische Kauderwelsch blieb icht auf die Kirche beschränkt, sondern beanspruchte bei den erben auch die Rechte einer Literatursprache, gegen welche 'uk Karadžić seit 1818 schwere Kämpfe zugunsten der Volkprache führte und erst nach 50 Jahren endgültig siegte. Bei en Kroaten, bei deren nichtglagolitischem Teil schon seit dem 4. und 15. Jahrhundert die reine Volksprache in Lateinschrift eschrieben und gedruckt wurde, konnte die schon von Kopitr[4]) verurteilte Sprachmischung und das von Šafařík[5]) scharf ritisierte „slavisch-russische Kauderwelsch" über den Gottesienst hinaus keine Verbreitung finden, doch gingen Karaman nd Sović in ihrer Verteidigung der Kirchensprache so weit, aß sie noch im 18. Jahrh. auf derselben Stufe stehen wie die egner B. Kašićs im 17. Jahrh., die den Druck seiner Überetzung der Bibel in der Volksprache verhinderten. Ich kann uf Grund der Mitteilungen Šafaříks nicht entscheiden, inwieeit der Ragusaner Weltpriester Stjepan *Rosa* in seinen Annoazioni in ordine alla versione Slava del Missale Romano nur ie verschlechterte Kirchensprache Karamans bekämpfte oder ußer der Bibel auch die Liturgie in der Volksprache populariieren wollte. Karamans Gegenschrift Identità della lingua literale slava e necessità di conservarla ne' libri sacri oder Consi-

[1]) Broz l. c.
[2]) V. Jagić, Исторія слав. филологіи 28—29.
[3]) J. Milčetić beschreibt die in Laibach befindliche Handschrift in Starine , 427—501, bringt neues Material und druckt die lateinische Vorrede ab. Starine , 396—425.
[4]) Glagolita Cloz. XVI.
[5]) Gesch. d. südsl. Lit. II., 64—65.

derazioni (daher auch unter diesem Titel zitiert) für den Papst Benedikt XIV. in 139 Kapiteln, deren Überschriften wir dem Historiker S. Šmurlo im Druck verdanken,[1]) scheint in ihrem historischen und bibliographischen Teil nicht so verkehrt zu sein, auch seine Angaben über la lingua Slava litterale und deren Studium müssen nicht ohne Wert sein, aber falsch ist seine Behauptung, daß diese Sprache nur in den heiligen Büchern der Ru thenen unverdorben bewahrt sei (conservata incorotta, c. CII). Außerdem ist er ein entschiedener Gegner der Volksprache, wie sie einerseits die Protestanten schrieben (c. CIII: *Insurrezione* de Luterani contra la lingua liturgica litterale Slava, vgl. noch die gegen die Lutheraner und ihr Werk gerichteten Kapitel CIV, CVII, CXII—CXIV), anderseits Kašić und seine Nachfolger; wir finden hier die uns bekannten Bezeichnungen wieder: Dialetto Ragusino e Bosnese (LXVIII), il dialetto Bosnese e Raguseo wie bei Della Bella (LXXXIV), la lingua Bosnese e Dal matina (LXXXVI, LXXXVIII), die gleichfalls beweisen, wie sehr Kašićs theoretische und praktische Bevorzugung des bosnischen Dialektes Anklang gefunden hat.

Ganz in den Spuren Karamans wandelt Sović in der lateinischen Vorrede zu seiner Bearbeitung der Grammatik Smotrickijs.[2]) Er führt aus, daß slavonica lingua, que nunc litteralis nuncupatur, von altersher in den illyrischen Ländern anerkannt und üblich (agnitam usualemque fuisse) und auch in Bosnien bekannt war, lehnt entschieden die Frage ab, ob der bosnische Dialekt die alte und reinere Sprache der Illyrier sei, bekämpft die Volksprache überhaupt, indem er sich auf die Angaben Kašićs und anderer über ihre zahlreichen und großen Verschiedenheiten beruft, und richtet zuletzt seine Spitze ausdrücklich gegen bosnese idioma, das sich von der „Literalsprache" am meisten entfernt habe — darin hatte er allerdings recht — und am meisten verdorben sei; seiner Anerkennung erfreuen sich nicht die Schriftsteller, welche bosnisch-ragusinisch schrieben, sondern diejenigen, welche den dalmatinischen Dialekt (d. i. den čakavischen) als den älteren und daher von der Literalsprache weniger abweichenden pflegten.

---

[1]) Archiv f. sl. Ph. 33, 102.

[2]) Starine 35, 401, 403, 408—410.

Sović hatte natürlich recht mit seinen Klagen über die Vernachlässigung der Kirchensprache bei den Kroaten, schädigte sie aber selbst dadurch, daß er sie auch als grammatischer Gesetzgeber russifizierte. Ebenso verstanden es weder Karaman noch Sović, die „Literalsprache" von der schon hoch entwickelten und für das geistige Leben einzig möglichen modernen Literatursprache zu trennen und sie auf die Kirche zu beschränken. So wäre das in der römisch-katholischen Kirche einzig dastehende Privilegium der slavischen Kirchensprache, das trotz Synodalbeschlüssen und päpstlichen Verboten vom zehnten bis elften Jahrhundert dank der Zähigkeit des Volkes und seiner einfachen Priester erhalten blieb und sich zu einem Gewohnheitsrecht ausbildete,[1]) zu einem Fluch geworden, wenn die Fürsprecher der armen, auf das einfache Volk beschränkten und in ihrer Zahl hinter den übrigen Kroaten weit zurückstehenden Glagoliten mit ihren Wünschen und Plänen mehr Erfolg gehabt hätten. Karaman und Sović waren Gegner der Reformation, was begreiflich ist, auch deshalb, weil sie die Kirchensprache durch die Volksprache ersetzte, aber diese antireformatorischen Nachzügler waren in ihrem Eifer auch blind für die kulturellen Fortschritte der Gegenreformation. In dieser Hinsicht trennten sie sich sogar von ihrem Protektor V. Zmajević, der die Volksprache und die Kirchensprache in gleicher Weise schätzte, die neueren „ragusanisch-illyrischen" Schriftsteller öfters empfahl und Gundulić, Palmotić und Giorgi mit Vergil, Ovid und Horaz verglich.[2]) Ein Gegenstück zu ihm und ein Werkzeug von Karaman war der erwählte Bischof von Nin (Nona) Anton Tripković, der mit Basilius Bošković, dem Generalprokurator der ruthenischen Kongregation, die Übersetzung der Hl. Schrift von Stjepan Rosa zu prüfen hatte und sie in seinem Gutachten vom 3. August 1754 ablehnte, weil „sie im ganz gemeinen illyrisch-bosnischen oder ragusanischen, jedermann geläufigen und allgemein gebräuchlichen Dialekte" abgefaßt ist.[3]) Also auch im 18. Jahrhundert wurde der Druck einer Übersetzung der Bibel in der modernen serbokroatischen Volksprache ebenso von Anhängern des Glagolitismus verhindert wie im 17. Jahrhundert der Druck der Übersetzung Kašićs.

---

[1]) Vgl. meine Geschichte der älteren südslavischen Literaturen, 102—105.
[2]) Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. I., 158.
[3]) Šafařík, o. c. II., 204.

Die kroatischen Glagoliten erfreuen sich eines besonderen Wohlwollens in der Literaturgeschichte und in der slavischen Philologie überhaupt, denn es ist in der Tat bewundernswert, wie sie das Erbe der Slavenapostel Cyrill und Method trotz schweren Kämpfen und anderen ungünstigen Umständen im Laufe der Jahrhunderte bewahrten. Die Liebe für eine gerechte und sympathische Sache und philologische Liebhaberei dürfen uns aber nicht blind machen für die Tatsache, daß der schwache Glagolitismus bereits im 17. Jahrhundert einen dürren Ast bildete und kulturell etwas Beachtenswertes nicht mehr leisten konnte, dafür aber noch imstande war, einen solchen Kulturfortschritt wie den Druck der Bibel in der Volksprache zu verhindern. Es muß einmal deutlich gesagt werden, daß er durch beschränkte und ungebildete oder übereifrige Anhänger zuletzt ein Kulturhindernis geworden ist. Vor einer romantischen Überschätzung der slavischen Kirchensprache habe ich schon an anderer Stelle gewarnt.[1]) Der kroatische Philologe J. Broz[2]) meinte sogar, daß ihre Verpflanzung aus Kroatien nach Böhmen durch Karl IV. und dann nach Polen eine neue Literaturperiode in diesen Ländern hätte begründen können, wohlgemerkt im 14. Jahrh., als Böhmen schon eine reiche Literatur in seiner Volksprache entwickelt hatte.

Da auch die Reform der glagolitischen Kirchenbücher ihre Schatten noch bis in die neueste Zeit wirft, so erwähne ich nur kurz ihre weiteren Schicksale,[3]) insoweit sie für die slavische Philologie von Interesse sind.

Die Russifizierung der Kirchenbücher, die dem Volk und der Geistlichkeit mißfiel, war einer von den vielen Gründen, welche den Rückgang des Glagolitismus bei den Kroaten zur Folge hatten. Als durch den italienisierenden österreichischen Bürokratismus das von Zmajević und Karaman begründete Priesterseminar 1827 vom Erzbischof von Zara Josef Novak, einem gebürtigen Čechen,[4]) geschlossen wurde, ging auch die Kenntnis der glagolitischen Schrift stark zurück. So drang trotz päpstlichen Verboten immer mehr die Volkssprache in die Kirche und

---

[1]) Geschichte der älteren südslavischen Literaturen, 175.

[2]) Crtice iz hrvatske književnosti II, 79.

[3]) Vgl. darüber besonders V. *Jagić* in B. Vodniks Povijest hrvatske književnosti, 51—60: I. *Vajs*, O glagolici i glagolskim liturgijskim knjigama, Sv. Cecilija XVI. (Zagreb 1922), 99 f.

[4]) Gj. Šurmin, Povjest književnosti hrvatske i srpske, 62.

die notwendigsten Bücher wurden mit lateinischer Schrift gedruckt. Dieses šćavet, ital. schiavetto, nahm so sehr überhand, daß es z. B. im Bistum Senj-Modruš am Ende des 19. Jahrhunderts nur noch drei Priester gab, welche die geistlichen Funktionen nach glagolitischen Büchern verrichten konnten.[1]) Das ist besonders auffällig, weil die slavische Philologie im 19. Jahrhundert das Interesse für den Glagolitismus erweckte und die Begeisterung für dieses nationale Heiligtum bereits von den „Illyriern" und noch mehr von den Jugoslaven ins Volk getragen und auch von vielen Bischöfen geteilt wurde. Die Arbeiten von Historikern, wie I. Kukuljević und Rački, von Philologen, wie Dobrovský, Kopitar, Šafařík, Miklosich, Sreznevskij und Jagić, erweckten auch einheimische Geistliche wie I. Berčić,[2]) I. Črnčić, I. Tkalčić, Dragutin Parčić u. a., welche die glagolitischen Denkmäler der Kroaten eifrig studierten, im Sinne der philologischen Erkenntnisse die Wiederherstellung der altkroatischen Redaktion der slavischen Kirchenbücher forderten und den Glagolitismus nicht nur in den bisherigen, im Laufe der Zeit allerdings stark eingeschränkten Grenzen, bewahren, sondern die slavische Liturgiesprache auch auf die übrigen Kroaten und katholischen Südslaven ausdehnen wollten.

Besonders eifrig war in allen Belangen der Bischof J. J. Strossmayer tätig, dessen Bemühungen beim Papste Leo XIII. es hauptsächlich zu verdanken ist, daß seit 1741 wieder eine Ausgabe des Missale Romanum slavonico idiomate 1893 in Rom in der Druckerei der Propaganda erschien.[3]) Mit der Redaktion des Textes war der Domherr des Illyrischen Kollegiums des heiligen Hieronymus in Rom Dragutin (Carolus) Parčić schon 1878 fertig. Natürlich stellte er im Sinne der Errungenschaften der slavischen Philologie die altkroatische Redaktion des Kirchenslavischen wieder her, worin V. Jagić geradezu ,,einen Triumph der slavischen Philologie gegenüber der Ignoranz der letzten zwei Jahr-

[1]) Erzählte mir 1909 Canonicus Žnidarić in Senj.

[2]) Vgl. seine der Wiedererweckung des Glagolitismus und der wissenschaftlichen Forschung dienenden Ausgaben: Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis edita. Pragae 1859; zweite, verbesserte und vermehrte Auflage: Čitanka staroslovenskoga jazika, U zlatnom Pragu 1864; Bukvar staroslovenskoga jezika, U zlatnom Pragu 1862; Ulomci svetoga pisma, obojega uvjeta staroslovenskim jezikom skupio iz rukopisah i tiskanih knjiga hrvatskoga razreda, I.—V. svez. 1864—1871; *Dvie službe rimskoga obreda* za svetkovinu *svetih Ćirila i Metuda*, Zagreb 1870 (S. I—XV Nekrolog Berčićs von V. Jagić).

[3]) Vgl. die Besprechung von V. Jagić, Archiv f. slav. Phil. XVI., 210—216.

hunderte" erblickte.[1]) Diese Wiederherstellung entsprach auch den traditionellen Anforderungen der römischen Kurie, welche nur alte Sprachen in der Liturgie zuläßt, und durch ein Dekret der Riten-Kongregation vom 13. II. 1892 wurde ausdrücklich der Mißbrauch der Volkssprache abgeschafft. So wurde das Erbe der Slavenapostel den Kroaten in ihrer mehrhundertjährigen, von Russismen freien Form wiedergegeben. Die sprachliche Seite war der Kern der Frage schon bei der „Reform" Karamanas (1741), nicht aber die größere Anpassung an das Römische Missale, wie W. Feierfeil [2]) meint, denn die Reform der liturgischen Bücher nach den Bestimmungen des Tridentinums hatte schon R. Levaković durchzuführen.[3])

In der Ausgabe des Missale von 1893 wurde auch die glagolitische Schrift beibehalten, obgleich schon damals die Frage viel erörtert wurde, ob nicht die bequemere und leichter leserliche cyrillische Transkription, wie sie bei der Herausgabe glagolitischer Denkmäler in der slavischen Philologie üblich geworden ist, eingeführt werden sollte, oder gar die lateinische Schrift, welche der Geistlichkeit das Lesen am meisten erleichtern würde. Für die lateinische Umschrift setzte sich schon damals auch der südslavische Episkopat ein.[4]) Ich weiß nicht, ob die führenden slavischen Philologen amtlich oder nur privat darüber befragt wurden, aber aus ihren gelegentlichen Andeutungen blieb mir in Erinnerung, daß sich Jagić für die cyrillische, Miklosich für die lateinische Schrift erklärte. Das alte cyrillische Alphabet hatte große Aussicht durchzudringen, weil das Missale vor allem auch in Montenegro gebraucht werden sollte, dessen Fürst Nikola für seine ihm 1878 zugefallenen Katholiken in Rom die slavische Liturgiesprache verlangt und durchgesetzt hatte. Das Vorhaben scheiterte an der Intervention der österreichisch-ungarischen Diplomatie, welche sich überhaupt in einen sonderbaren Kampf auch gegen den Glagolitismus einließ und in diesem besonderen Falle den „Panslavismus" [5]) fürchtete, und der — russischen Diploma-

[1]) A. a. O. 211.

[2]) Die historische Entwicklung der glagolitischen Kirchensprache bei den katholischen Südslaven, Theolog. Quartalschrift 88, S. 68.

[3]) I. Vajs, Sv. Cecilija XVI., 99.

[4]) A. a. O.

[5]) Das Hauptgewicht ist auf Ungarn zu legen, wie öfters bei antislavischen Absurditäten der einstigen Monarchie. Dort trug man es besonders schwer, dass bei ungefähr 100.000 Magyaren die slavische Liturgiesprache üblich war. Da der

tie,[1]) welche wieder vor der katholischen Propaganda Angst hatte, wenn es keinen Unterschied zwischen orthodoxen und katholischen Kirchenbüchern gäbe.

Das *glagolitische* Missale von 1893 war auch das letzte. Es wurde zwar schnell vergriffen, und Leo XIII. wollte gleich eine zweite Ausgabe veranstalten, hatte aber Schwierigkeiten mit der österreichisch-ungarischen Diplomatie und aus nicht kontrollierbaren Gründen (angeblich wegen „unanständiger Worte, sogar Häresien") wurde das zweite Missale konfisziert.[2]) Auf einer Konferenz der südslavischen Bischöfe 1904 präsentierte dagegen der Erzbischof von Sarajevo Stadler ein in lateinischer Schrift gesetztes Missale und ein Dekret, demzufolge schon Leo XIII. diese Änderung als zulässig erklärt hatte. Vom sprachlichen Standpunkt bedeutete diese Ausgabe einen Rückschritt, erschien aber mit einigen Änderungen von Professor Josef Vajs 1905. Dieser čechische Geistliche mit tüchtiger slavistischer Bildung, seit 1918 Professor der altslovenischen Übersetzung der Heiligen Schrift und der slavischen Liturgie an der Karlsuniversität in Prag, stand lange Jahre in Diensten des Bischofs Anton Mahnić in Krk [3]) (Veglia), redigierte liturgische Bücher, stellte den alten Choralgesang wieder her, war die Seele der dortigen „Altslovenischen Akademie" (Staroslavenska akademija, Academia palaeoslavica Veglensis) und gab in ihren Publikationen eine Reihe kirchenslavischer Denkmäler kroatischer

---

Vatikan trotz allen Bemühungen politischer und geistlicher Kreise das Magyarische als lebende Sprache in der Liturgie nicht zulassen konnte, wurde zuletzt die griechische Liturgiesprache konzediert und angenommen. Interessant ist das Problem, wie Magyaren zur slavischen Kirchensprache kamen. Sind sie magyarisierte Ruthenen, die also auch der Ritus vor Entnationalisierung (das ist bei Slovaken mit ruthenisch-slavischer Kirchensprache der Fall) nicht geschützt hätte, oder wurde die kirchenslavische Sprache einem Bruchteil der Magyaren einst irgendwie aufgedrängt?

[1]) Es war eine köstliche Szene, als der Erzbischof von Bar (Antivari) Milinović in Cetinje erschien, um das Bedauern des Vatikans mitzuteilen, dass er der österreichisch-ungarischen Intervention nachgeben musste, und ihm Fürst Nikola mit den Worten um den Hals fiel: Hvala Ti, brate, ne mogu i ja, meni brani Rusija! (Dank Dir, Bruder, auch ich kann nicht, mir wehrt es Russland.) Gewährsmann der Archäologe Monsignor Fr. Bulić in Split.

[2]) Jos. Vajs, Nekoliko bilježaka o izdanju glagolskog misala latinicom. Sv. Cecilija XVIII. (1924), 174.

[3]) Dr. A. Mahnić, dem in seiner slovenischen Heimat die von ihm redigierte Revue „Rimski katolik" den Ruf eines extremen Römlings eintrug, betrachtete es als Bischof einer Diözese mit slavischer Kirchensprache für seine Pflicht, den slavischen Gottesdienst in jeder Hinsicht zu heben und auch seine Vergangenheit wissenschaftlich erforschen zu lassen, so dass er auch in der Geschichte der slavischen Philologie mit Ehren wird genannt werden müssen.

Redaktion heraus,[1]) die für das Studium des altkirchenslavischen Schrifttums einen großen Wert haben.[2])

Es war selbstverständlich, daß diesem Theologen und Philologen eine neue Ausgabe des römisch-slavischen Missals übertragen wurde, die demnächst erscheinen soll. An dem Text der Slavenapostel und der übrigen altkirchenslavischen Denkmäler wird nicht gerüttelt werden, aber das älteste slavische Alphabet gehört der Vergangenheit an. Welche Kämpfe kostete es, bis sich die Erkenntnis, daß das *glagolitische* Alphabet das wirkliche Erbe des hl. Cyrill ist, nicht die sogenannte cyrillische Schrift, selbst in Philologenkreisen die Bahn brach! Aber auch dieser Glanz und die festgefügten Traditionen der katholischen Kirche konnten es nicht verhindern, daß das glagolitische Alphabet, das bereits die Gegenreformation beiseite zu schieben begann, auch in der römisch-slavischen Liturgie dem Weltalphabet Platz machen muß.

(Fortsetzung folgt.)

M. Murko.

---

[1]) *Glagolitica.* Publicationes Academiae Palaeoslavicae Veglensis. Diese und die Prager Editionen von Jos. Vajs wurden gewürdigt von V. Jagić im Archiv f. slav. Phil. XXXII. 564—568. Hiezu kommt: Psalterium Palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. Textum glagoliticum e codicibus Pragensi et Parisiensi litteris cyrillicis exscriptum, adnotationibus, variis lectionibus reliquorum codicum glossario instruxt. Tomus I. Pragae MCMXVI; Kniha Rut v překladě staroslovanském, v Praze 1926.

[2]) Vgl. die Untersuchungen von A. V. Michajlov, R. Nachtigall, Fr. Pastrnek und von J. Vajs selbst: Bis zu welchem Masse bestätigen die kroatisch-glagolitischen Breviare die Annahme einer vollständigen Übersetzung der Hl. Schrift durch den hl. Methodius, Archiv f. slav. Phil., 35. B., 12—44.

Женские головные уборы восточных (русских) славян.[1])

§ 1. Задача и метод исследования. § 2. Прическа девиц и девичьи уборы. § 3. О прическе замужних женщин. § 4. Наметка (убрус). § 5. Рогатая кичка. § 6. Кибалка. § 7. Сорока.

§ 1. Недавно на страницах журнала Slavia появилось исследование Артура Габерландта, посвященное женским головным уборам восточной Европы (II, № 4, 1924, с. 680—717: Der Hornputz. Eine altertümliche Kopftracht der Frauen in Osteuropa). Автор этого исследования имеет дело лишь с одним типом славянских женских головных уборов, который можно будет назвать однорогим убором. Двурогие и иные типы, которые для восточных (русских) славян являются гораздо более характерными, А. Габерландт не рассматривает.

Исходным пунктом для автора „Der Hornputz“ послужил убор древних троянок, описанный в поэме Гомера, а также древняя „фригийская шапка“. Прямые потомки этих древних головных уборов с успехом выискиваются А. Габерландтом в современности.

Но подобные этнографические исследования, идущие от форм древнего быта к формам современного быта, будут стоять на вполне прочной почве лишь в том случае, если для исследователя уже ясна система-классификация современных типических форм быта и их взаимные воздействия. Модные бытовые предметы, в частности головные уборы, переходя от одного народа к другому, особенно стоящему на уровне первобытной культуры, всегда почти более или менее перерабатываются применительно к вкусам и модам воспринимающего народа, большею частью приближаясь к старым туземным уборам

---

[1]) Бóльшая часть рисунков, иллюстрирующих статью, изображает предметы из коллекции автора; часть рисунков изображает экспонаты Русского Музея в Ленинграде; некоторые взяты из рукописей архива Географического Общества в Ленинграде; три рисунка XVIII в. позаимствованы из книг Ал. Ригельмана; один из журнала „Живая Старина“ 1896 г., № 1; один с фотографии, принадлежащей Музею Слободской Украины в Харькове (Д. З.).

и всегда подчиняясь воздействию тех обрядов и верований, которые с данным кругом бытовых предметов у воспринимающей народности связаны.

Для головных уборов славянских женщин как раз такой системы-классификации пока не имеется, хотя пестрое разнообразие этих уборов вне всякого сомнения.

Кроме того, современное нам все же известно много лучше, нежели древние формы быта. Вполне соглашаясь с А. Габерландтом (с. 683) в том, что изучение покроя современных головных уборов восточной Европы должно нам пролить свет на природу соответствующих уборов древности, — мы идем далее и думаем, что самое исследование должно идти от современности к прошлому. Исходным пунктом этнографических исследований должны быть современные формы народного быта.

Так мы и поступаем в своем настоящем исследовании, главная задача коего — систематически классифицировать разнообразные головные уборы современных восточнославянских женщин и по возможности проследить их эволюцию.

Если даже допустить, что все решительно современные женские головные уборы восточных славян ведут свое начало от заимствованных исчужа образцов, так и тогда необходимо предполагать их постепенное развитие и видоизменение на восточнославянской почве.

Во всяком случае, в разных областях занятой восточными славянами громадной территории формы головных уборов закрепились в различных видах — на разных ступенях своего развития. Когда, анализируя эти застывшие стадии, мы находим в них следы прямой естественной эволюции — тогда нет оснований думать о заимствовании исчужа. Во всех случаях чужеземного заимствования имеется всегда необычный скачок или зияние в стройной цепи разновидностей эволюционизирующего убора.

Помимо того, заимствование исчужа цельной формы всегда отражается более или менее ярко на терминологии.

§ 2. Головной убор женщины большею частью тесно, органически связан с ее прическою, являясь как бы дополнением этой последней. Вот почему, прежде чем говорить о девичьем головном уборе, мы должны сказать несколько слов о прическе девиц. Наиболее обычной прической восточнославянских девиц в XIX и XX в. в. является прическа с одной или двумя

косами, выпускаемыми на спину. Великорусская девица почти всегда плетет себе только одну косу, в отличие от замужних женщин, которые заплетают свои волосы в две косы. Крайне редко у великорусских девиц встречается прическа с двумя косами (срв. рис. 2, а также рисунок московской девицы в альбоме Мейерберга XVII в., л. 24). Напротив, в западной Украине, к западу от Киева, девичья прическа с одной косой не встречается, а только с двумя косами, на крайнем же западе Украины — с четырьмя и более косами, так наз. прическа „в дрібни́ці', или „дрібу́шки", т. е. в мелкие косы (А. Свидницкій, Великдень у подолян, в журнале „Основа", 1861, ноябрь-декабрь, с. 27—28; Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ, т. II. Петроградъ, 1916, с. 553, статья Ф. К. Волкова). У белорусских девиц также обычны две косы. Общее для всех восточных славян то, что девицы, в полную противоположность замужним женщинам, носят волосы открытыми — как в виде косы, спускающейся на спину, так и в виде непокрытой макушки головы (см. рис. 1—3). Девицы, нарушившие свое девство, родившие дитя, лишались права выставлять косу на спину, равно как и носить открытою макушку головы; они должны были, подобно замужним женщинам, закрывать головным убором все свои волосы на голове, откуда и ведет начало украинское название таких девиц: „по́критка".

Рис. 1. Девичий убор Можайского уезда Московской губ. (1850 г.) (Из архива Географ. Общества.)

Старинный же вид прически вост.-слав. девиц выставлял наружу волосы еще в бо́льшей степени: волосы совсем не заплетались в косу, а распускались незаплетенными по плечам. Такую прическу девицы носят, между прочим, при похоронах своих родителей (Д. Зеленинъ, Описаніе рукописей ученаго архива Географич. О-ва, 456, 468 и др.), а потому некоторые исследователи считают этот род прически трауром. Но та же самая прическа обычна у девиц и при браке, под венцом

(ibid. 537, 739, 783, 791), а также во время причащения св. таин в церкви, и ее нужно признать не траурною, а торжественною. У сев.-великорусских девиц такая прическа была обычною и вообще при нарядном головном уборе (ibid. 1177; П. Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. I, 59). Цитаты о древности этой девичьей прически у славян и некоторых иных народов приводит в большом количестве Č. Zíbrt (Dějiny kroje v zemích českých, 86 и 88).

Распущенные по плечам волосы обязательны для девиц и для женщин при совершении ими древних магических обрядов,

Рис. 2. Девичий убор Дмитровского уезда Московской губ. (Из архива Географ. Общества.)

особенно обряда опахивания (проведения сохою магического круга, предохраняющего от морового поветрия). С распущенными волосами всегда рисуются восточному славянину русалки, ведьмы и другие представительницы нечистой силы. — Все это говорит в пользу того, что здесь мы имеем весьма древний вид восточнославянской девичьей прически.

Соответственно с такой прической, вост.-слав. девичьи головные уборы не имеют верха, не закрывают волосы на макушке, а также не закрывают и затылка с шеей, не имея того, что в женских головных уборах известно под названием „позатылень“ (§ 9). Первоначально уборы служили, повидимому, перевязкой для распущенных волос, почему назади у них обычны завязки и узел.

Форма девичьего убора — круг или полукруг, различной вышины — в зависимости от материала. Последний очень

разнообразен: металлическая проволока с подвесками на ней, лента, сложенный в виде ленты платок (рис. 1), кусок позумента, парчи, ткани с вышивками и иными украшениями, венок из цветов естественных или искусственных, окрашенных птичьих перьев, низаного жемчуга, кружок из лубка (липовой коры) или картона с украшениями и т. п.

Несмотря на однообразие формы, девичьи головные уборы носят разные наименования. У всех вост. славян известны на-

Рис. 3. Девичья „коруна“ Олонецкой губ. (Русский Музей.)

Рис. 4. Девичий „головодец“. (Тамбовской губ. Русский Музей.)

звания: *вѣнóк, повя́зка;* у всех великоруссов: *лéнта,* чему вполне соответствует украинское *стрíчка* (в буквальном переводе: лента). Украинцы еще называют: *лубóк,* местами (в Бессарабии): *карабуля.* Северно-великорусские названия: *почёлок* (от слова челó, т. е. лоб), *свя́зка, перевя́зка, вѣнéц, корýна, головóдец* (от слов: головá и обводи́ть), *грибки́, голощи́нка, рефéть, рефи́ль, крáсная крáсота;* южно-великорусское: *ткáнка.*

Девичьи уборы из естественных цветов особенно обычны на Украине, где употребителен и особый глагол *квітчáтися* в значении: украшать себе голову цветами. Описание 1785—86 г. сооб-

щает, что украинские девицы заплетают волосы в две косы и обвивают эти косы вокруг головы, после чего обтыкают их сверху цветами, что́ производит впечатление надетого на голову венка (Ал. Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованiе о Малой Россiи. М. 1847, с. 87). В Полтавской и в Киевской губ. спереди втыкают крупные, большие цветки, а к затылку — мелкие, так что *заквiчана* девица производит впечатление чубатой; напротив, в Подольской губ. *квiчаютця* в обратном порядке: более

Рис. 5. Украинская намiтка Пинского уезда. (Русский Музей.)

крупные цветки затыкаются на затылке, и они постепенно уменьшаются в размере в направлении к середине лба (Основа, 1861, ноябрь-декабрь, с. 28—29, статья А. Свидницкого).

В Подолии девичьи „венки“ плетутся летом из цветов и листьев, а зимою из птичьих перьев, окрашенных в зеленый, синий и красный цвет, с позолотою (сусальным золотом) (там же). Девичьи головные уборы из птичьих перьев обычны также и у южновеликоруссов; так, в Путивльском уезде Курской губ. девицы поверх головных платков накладывают узкие венчики из гусиных перьев (М. Г. Халанскiй в Сборнике II Отделения Академии Наук, т. 76, с. 26). Около гор. Козельска

Калужской губ. девичий убор представляет собою широкую ленту с золотым позументом, к которой снизу подшиты колечкообразные перышки из хвоста селезня (Этнографическое Обозрѣніе, 1908, № 3, с. 100, ст. Е. Н. Елеонской).

Девичьи уборы из древесной коры обычны у белоруссов. В Витебской губернии остовом девичьего „вѣнка" служили стенки старого ситечка, лубок, береста (березовая кора), а также склеенный холст — все вышиною не более 13 ст.; такой каркас обшивали сначала снаружи и внутри холстом, а потом снаружи еще более нарядной тканью. В будни такой „вянóк" не имел никаких украшений, но во время брака он обильно украшался снаружи живыми и искусственными цветами, а сзади еще и лентами. Девицы начинали носить такой венок лет с 10-ти, но „настоящий вянóк справлялся только один раз в девической жизни, по достижении брачного возраста" (Н. Я. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1895, с. 120). Киевские украинцы называют „лубком" такой же формы (вышиною около 9 ст.) убор, сделанный уже не из древесной коры, а из толстой бумаги; его украшают лентами (Основа, ibid., с. 28). Сев.-великорусские „корýны" (рис. 3) и „вѣнцы́" делаются также часто из картона, украшенного сверху позолотой, жемчугом и т. п.

Особо нарядные уборы невест, известные у великоруссов под названиями: *рефéтка, рефи́ль,* обычно нижутся жемчугом и разноцветными камешками (Зеленин, Опис. рукописей, 169, 746 и 821). К такой рефили, равно как и к другим нарядным головным уборам великорусских девиц и женщин, на лбу пришивается сетка из жемчуга или из белого бисера, из стекляруса, которая закрывает весь лоб, спускаясь до бровей и даже ниже; эта сетка зовется: *пóднизь, ря́ска, ря́сы.*

Узор вышивки девичьих головных уборов в некоторых местах отличается от узора на женских уборах; например, в Тверском уезде на женских сороках вышиваются столбики или крупные цветы, а девичьи уборы вышиты „гладко", т. е. без изображений[1]) (Этнографическій Сборникъ, изд. Географическ. Общества, I, 1853, с. 182). Это правило далеко не все-

[1]) Срв. аналогичную разницу в рисунке головного платка у украинцев Житомирского уезда: у замужних головные платки должны быть клетчатые, а у девиц разнообразные, но отнюдь не клетчатые (Труды Общества Изслѣдователей Волыни, III, 1910, с. 6, статья С. Бѣльскаго).

общее. *Почёлок* шенкурских, Архангельской губ., девиц один старый автор описывает так: это „твердая круглая клеянка с шестью рожками, обтянутая кумаком“ (Зеленин, Опис. рукоп. 30); тут под „рожками“ нужно разуметь, конечно,

Рис. 6. Белорусская наметка Игуменского уезда Минской губ. (сзади). (Русский Музей.)

шишки, какие нередко бывают на женских кокошниках (см. рис. 35) и значение которых, конечно, то же самое, что и *шишек* свадебного коровая. Правда, в данном случае описывается убор, который девицы надевают во время девичника на свадьбе, а не в обычное время. Вообще же, такие „шишки“ характерны лишь для кокошников замужних женщин (§ 8).

В шенкурском случае ярко сказалась близость девичьего убора к женскому. Такая близость проявляется еще и в некоторых местных названиях: девичий венок (убор) носит коегде имя типичного женского убора; напр., у киевских украинцев

Рис. 7. Белорусская наметка Игуменского уезда (спереди). (Русский Музей.)

около Умани (Основа, 1861, № 11—12, с. 28), равно как у курских великоруссов около Корочи девичий убор зовется: *ки́чка* (ср. § 5), а у украинцев Переяславского уезда Полтавской губ. — *гиба́лка* (§ 6). Тут сказалось и сходство формы: в сущности, девичьи уборы отличаются от женских только отсутствием верха на макушке; могли тут отразиться и случаи,

когда девицы по выходе замуж переделывали свои девичьи головные уборы на женские.

§ 3. В 1857 г. священник Бельского уезда Гродненской губ. К. Бренн писал: „девицам неодобрительного поведения,

Рис. 8. Белорусская наметка Игуменского уезда (сбоку). (Русский Музей.)

особенно прижившим незаконно ребенка, наши селяне воспрещают носить косы“ (Зеленин, Опис. рукоп. 437). Подобные же известия имеются и из Гомельского уезда Могилевской губ., и из некоторых иных мест (ibid. 702).

Рядом имеются сообщения, что замужние женщины никогда не заплетают своих волос в косы. В Гайсинском уезде

Подолии плесть косу женщине считалось „большим грехом“ (ibid. 1065); вдовы и замужние укладывают свои волосы вокруг головы, не сплетая их, а лишь разделяя на две части и иногда связывая шнурком (ibid. 437, 444 — Гродненская

Рис. 9. Второй вид белорусской наметки Игуменского уезда (спереди). (Русский Музей.)

губ.). Требование это, однако, не является всеобщим; чаще женщины плетут две косы, но они тщательно покрывают их головным убором и никому не показывают.

„Засветить волосом“, т. е. выставить наружу концы волос (не говоря уже о появлени с открытой головой), — это самый большой позор для замужней украинки в Галиции

(Я. Головацкій, О народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣв.-вост. Венгріи: Записки Географич. Общества по отд. этнографии, VII, 1877, с. 507). Великоруссы Нижегородской губ. „за великий грех почитают“

Рис. 10. Второй вид белорусской наметки Игуменского уезда (сбоку). (Русский Музей.)

ходить замужней женщине без повойника или сборника на голове (Зеленин, Опис. рукоп. 823). Если в ссоре или в драке посторонний мужчина „окосматит“ или „опростоволосит“ женщину, т. е. сорвет с ее головы повойник, то это считается преступлением, и женщина обращается к суду, требуя платы за „бесчестье“ (П. Ефименко, Матер. по этногр. русск. насел. Арханг. губ. I, 62).

Украинцы Харьковской губ. верят, что если замужняя женщина выйдет без платка на голове в сени, то домовой потянет ее за волосы на чердак (В. В. Иванов, Жизнь и творчество крестьян Харьк. губ. 184). В повести известного

Рис. 11. Белорусская наметка Игуменского уезда (второй вид) — сзади.

украинского писателя Гр. Ф. Квитки-Основьяненко „Украинскіе дипломаты" читаем, как помещица Фенна Степановна „слепо верила, что замужняя женщина, не покрыв головы и не скрыв на ней до последнего волоска, призывает гнев божий: неурожай хлеба, болезни на людей, падеж скота и т. п., и потому крепко береглась, чтоб не светить волосом" (Сочиненія, изд. 1901 г., т. IV, с. 157; названная

повесть впервые была напечатана в журнале „Современникъ“ 1840 г.).

Видеть в этих случаях влияние христианства (срв. I Коринф. XI, 4—6: „всякая жена, молящаяся или пророчествующая

Рис. 12. Белорусская наметка Рогачевского уезда Могилевской губ. (Русский Музей.)

с открытою головою, постыжает свою голову“) мы не можем, так как те же самые воззрения обычны и у языческих народов. Напр., у соседящих с великоруссами вотяков — если женщина, хотя бы нечаянно, войдет в воршуд (место семейных молебствий) без головного убора, то оскорбленное божество

умилостивляется лишь жертвоприношением (Этнографич. Обозрѣніе, 1890, № 2, с. 101, статья П. Богаевского). У черемис Красноуфимского у. замужние женщины, в полную противоположность девицам, не смеют показывать своих волос ни одному мужчине своего племени (Записки Уральского Общества, XVII, с. 89, перевод статьи Сомье). И мордовские женщины „стыдятся показывать свои волосы старшим мужчинам в семействе, а также и крестному отцу мужа“ (Зеленин,

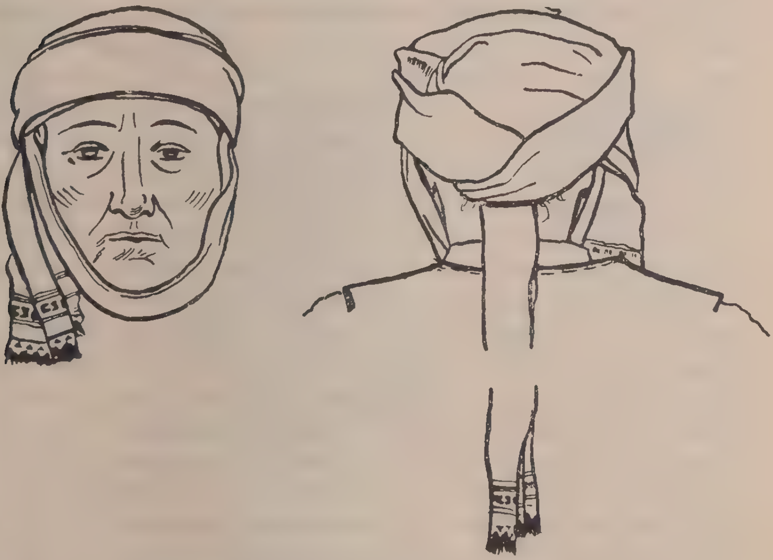


Рис. 13. Украинская намитка с севера Волыни. (Русский Музей.)

Опис. рукоп. 1202). Срв. также по этому вопросу цитаты у А. Габерландта (стр. 710—711).

Руд. Мерингер справедливо полагает, что закрывание волос — остаток прежнего закрывания всего лица, причины чего — 1. оберег от чар, суеверный страх, и 2. ревность мужа, который хочет обезопасить свою собственность (Wörter und Sachen, V, 1913, с. 169—170).

В старом русском Новгороде вошло было даже в обычай замужним женщинам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся церковью (Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII стол., с. 77).

Иного, вероятно, происхождения обычай частичного обрезания невестиной косы во время брака или вскоре после брака, известный у евреев, у польских куявов (Kolberg, Lud, III, 250), а также и на западе вост.-слав. территории. Рубруквис тоже отметил, в 1253 г., в Сарай-Орде Батыя: невесте после брака обрезали спереди волосы до половины головы. У украинцев подстрижение волос новобрачных отмечено для первой половины XVIII в. в книге Петра Могилы„ Лиѳосъ“ (Кіевская Старина, 1883, т. III. с. 510—514, статья Н. Сумцова).

В наше время обрядовое пострижение невесты встречается еще у украинцев и белоруссов, а у великоруссов имеются лишь глухие переживания этого обычая. Мы склонны относить появление этого обычая к эпохе похищения невест у чужого рода: тогда захвативший в плен девицу обрезал ей косу, и последняя могла служить потом доказательством того, что данная девица принадлежит именно данному мужчине.

§ 4. Описанные поверья, связанные с прической замужних женщин, об'ясняют нам появление и широкое распространение древнейшего из известных нам славянских женских головных уборов, т. наз. *намѣтки*: укр. *намі́тка*, блр. *намётка*, польск. *namiotek*, *namiotka*, *namietka*, *namitka*. Тот же самый тип убора известен еще и под иными названиями: укр. *пере́мітка*, *намі́теце*, *серпа́нок*, *ранту́х*, *склендя́чка* и *скиндя́чка*, *рубо́к*, блр. *обмётка;* влрусское *полоте́нце*, *шири́нка*, *подши́рье*, *фата́*, *гомы́лька*. (См. рис. 5—13). Молдаване тот же самый головной убор называют: *нафрам*. Древнерусское название убора *убру́с*.

Это большею частью длинный кусок ткани, чаще всего белого тонкого холста, которым увивается голова женщины. В деталях способы повязки различны: неодинаково выпускаются концы, различно складывается ткань по длине и по ширине; самая ткань бывает различной длины.

На рис. 5 изображена, по экспонатам Русского Музея в Ленинграде, украинская намітка Пинского уезда; это длинное полотенце 46 ст. шириною, оно складывается по длине в пять раз (у белоруссов же чаще в 6 раз), обертывается вокруг головы, завязывается на затылке узлом; свободные концы его назади ниспадают по плечам до пояса. Все полотенце белого цвета, и только по концам протканы три красные полоски.

Белорусская наметка Игуменского уезда Минской губ., изображенная на рис. 6—8, висит одним из своих вышитых

концов назади много ниже пояса; другой же ее вышитой конец находится над правым плечом, прикрывая сбоку шею. В отличие от обычной украинской наметки (рис. 5), эта белорусская наметка обрамляет все лицо женщины, проходя под подбородком ее. На верху головы наметка образует род небольшого цилиндра. Подобный способ повязки наметкою встречается изредка также и на Украине.

Белорусская наметка того же Игуменского уезда повязана таким образом, что оба вышитые концы ее свешиваются, в сложенном виде, надо лбом (рис. 9—11). У наметки Рогачевского

Рис. 14. Украинская „склендячка" Городнянского уезда (рис. с фотографии Харьковского Музея Слободской Украины).

у. Могилевской губ. (рис. 12) подобным же образом положена выше лба сложенная середина белого куска ткани, а концы ее висят назади. Под подбородком в том и другом случае наметка не проходит, обрамляя лишь верх головы, а не лицо.

Украинская намітка иногда повязывается еще в виде более или менее высокого усеченного конуса, от которого складки торчат или вперед головы, или по сторонам, самым различным образом (Украинскій народъ, т. II. Петроград 1916, с. 556, статья Ф. К. Волкова). Украинская *склендя́чка* Городнянского уезда Черниговской губ. (рис. 14) гораздо короче обычной намітки; она не закрывает верха (макушки) головы, но и надевается всегда поверх другого головного убора, а именно очіпка (§ 10). Редко встречающееся, местное название *склендя́чка* (срв. в укр. словаре Б. Грінченко *скиндя́чка, скиндя́к* с значением: лента) мы склонны связывать с словом *скло* = стекло, т. е. собственно: украшенная стекляш-

ками, стеклярусом; вышивки и иные украшения действительно очень характерны для склендячки.

Кстати о некоторых других названиях наметок: укр. *рантýх* восходит к немецкому Reintuch, а укр. *серпáнок,* б. м., к немецкому Haarband, стар. hârpânt откуда и старое чешское harban (Zíbrt, Dějiny kroje, 258), хотя больше оснований связывать укр. *серпáнок* с польск. *sierpianka* кисея и выводить из перс.-турецк. *sérpének* головное женское украшение (А. Преображенскій, Этимологич. словарь русск. языка, 281).

Еще разнообразнее способы повязки у великоруссов, у коих наметка давно заменена простым платком. Сохранились старые наметки кое-где в Орловской, в Нижегородской и соседних губерниях под названиями: *повя́зка, ширúнка, полотéнце;* длиною они до 150 ст. и более; делаются из белого домотканного холста, концы коего иногда перетканы красными полосками (Зеленин, Опис. рукоп. 721, 763 и 831; Будде в Сборнике II-го Отдел. Акад. Наук, т. 76, с. 8 и 127). Из очень разнообразных способов повязки обыкновенного платка более старые способы имеют концы назади — или на шее, когда платок обрамляет все лицо и проходит под подбородком, или на затылке и даже выше его, когда платок обрамляет лишь верх головы, не проходя у подбородка. Очень обычный теперь способ повязки с узлом под подбородком сравнительно нов; он проник к русским из Германии через Польшу.

Белорусская намётка, „подобно девичьему венку, справлялась один раз в жизни, донашивалась в старости, а по смерти собственницы ее надевали умершей“. (Никифоровскій, op. cit. 121).

§ 5. Всем восточным славянам известны рогатые головные уборы, которые носят исключительно только замужние женщины и никогда девицы. Рогатые женские уборы обычны были прежде и в западной Европе (см. статью А. Габерландта), но моду на рогатые женские уборы нельзя никак считать общеславянскою или праславянскою. Однако, самая идея, лежащая в основании этой моды, весьма древняя. Тут можно думать и о подражании в одежде животным — мотив, встречающийся едва ли не у всех народов земного шара на первобытной ступени их развития. Но еще больше оснований видеть тут иную идею: рога головного убора служат оберегом

ребенка и его матери, особенно роженицы, от нечистой силы и злого глаза. Вторая идея могла явиться на смену первой, как ее новое толкование.

В наши дни у вост. славян оберегом для роженицы и ее ребенка служит, между прочим, ухват, который и своей формой и своим названием *рогáч* напоминяет два рога животного (Зеленин, Опис. рукоп. 923). Апотропеическое значение рога, как оберега против чар, у разных иных народов, выяснено Руд. Мерингером (в журнале Wörter und Sachen, V, 1913, стр. 159 и 163—164). Первобытная мысль видит в роге животного седалище отражающей силы, которая переходит на носящего рог человека, с чем сравни распространенные даже и в наши дни амулеты в виде зубов и костей диких зверей.

Согласно с такой психологией, рога особенно обычны на шлемах древних народов, в частности кельтов; появление на шлемах рогов тем проще, что шлемы часто делались из шкур животных. Уже на Микенских вазах имеются изображения воинов в рогатых шлемах; Диодор, Плутарх, Геродот говорят о рогатых шлемах галлов, кимвров, фракийцев в войсках Ксеркса; рогатые шлемы из археологических раскопок в Италии относят обычно к этрускам. (Цитаты и изображения см. в Reallexikon der idg. Altertumskunde O. Schrader'a, I, 1923, с. 493). Столь обычный в псалмах Давида (74, 91, 131 и др.), равно как и в некоторых иных библейских книгах (1 Царств II, 10; Иезекииль, XXIX, 21), поэтический образ рога, повидимому, первоначально имел в виду рог, украшающий шлем военачальника.

Судя по изображениям в словаре Шрадера, очень обычны были шлемы с двумя рогами. В таких именно шлемах мы склонны видеть источник широко распространившейся у вост. славянок древней моды на двурогие головные уборы. И это тем более, что жены вообще могли носить и носили одежду своих мужей. Один из видов южновеликорусского кокошника носит народное название „шеломóк", т. е. собственно: маленький шлем.

В западной Европе мода на двурогие женские уборы была, повидимому, распространена в XIV веке; по Зибрту (с. 353), некоторые историки называют эту моду „бургундскою". Мода эта известна была также и в Чехии, и в цитованной книге Зибрта мы находим два изображения жен Карла IV-го

(рис. 200 и 201) в головных уборах, которые производят отчетливое впечатление двурогих. — Четырехрогий убор *rogi* или *kolašica* хорватских женщин из Ямницы (Габерландт, рис. 12 на стр. 702) легко мог развиться из двурогого убора — в силу редупликации: пара рогов смотрит вперед и пара назад.

Из вост. славян двурогие женские головные уборы лучше всего сохранились у южновеликоруссов под названиями: *ки́чка, рога́, ро́жки,* дожив даже и до наших дней. Из двух главных разновидностей этого убора, в одной рога торчат прямо кверху, в другой они обращены остриями (концами) назад. Первую (рис. 15) нужно признать древнейшею. Рога ее делались из луба, из дерева или из плотно настеженного холста. Вышина их доходила до 20 ст. и даже более. Рога эти, как и вся кичка, прикрывались обычно *сорокой* (§ 7), но часто передняя часто *сороки* выкраивалась по форме рогов и была похожа на два футляра для них. Даже и прикрытая такой сорокой, кичка производила яркое впечатление рогатого убора, и это давало повод некоторым сельским священникам об'явить ей войну; священники не допускали женщин в рогатых уборах к причастию св. таин, а иногда и вообще в церковь, и часто достигали того, что крестьянки меняли рогатую кичку на безрогую или на простой платок. Меньший успех имели, повидимому, помещики-реформаторы, которые запрещали носить своим крепостным „безобразные и тяжелые“ кички; И. С. Тургенев (в рассказе „Два помещика“) упоминает о таком помещике-самодуре, который „приказал своим крепостным бабам носить кокошники по высланному из Петербурга образцу; и действительно, до сих пор в имениях его бабы носят кокошники ... только сверху кичек“. — Исторические свидетельства о такого рода борьбе священников и помещиков с рогатыми бабьими кичками собраны, для второй половины XIX века, в книге Д. К. Зеленина „Великорусскіе говоры“ etc. (Спб. 1913, с. 71—72).

На верхних концах высоких рогов кички иногда висело сзади белое шелковое легкое покрывало (у казачек на Дону, по изображению Евл. Кательникова начала XIX в., в его книжке „Историческое свѣдѣніе о Верхне-Курмоярской станицѣ, 1818 года.“ Новочеркасск, 1886). На острия рогов надевали пучки разноцветных ленточек, в виде кисточек (Кур-

ская губ.: Зеленин, Опис. рукоп. 662—663). Иногда вершины рогов соединяли веревочкой или палочкой, на которые привязывали ленточки (Рязанская губ.).

На рис. 15 изображена рогатая кичка (с сорокой на ней) донской казачки, по рисунку Ал. Ригельмана 1778 г. (в его книге: Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ. М. 1846, прилож.), а направо — кичка с высокими рогами казачки бывшего Некрасовского войска по фотографии 1895 г. Я. И. Смирнова (Живая Старина, 1896, № 1, рис. 4); эта

Рис. 15. Рогатая кичка — налево донской казачки (по рис. 1778 г.), направо „некрасовской казачки“ (по фот. 1895 г.)

кичка из золотной парчи, с нее около ушей спускаются подвески из серебряных цепочек с разными привесками; поверх высоких рогов накинуто желтое шелковое прозрачное покрывало (ib. 29). Некрасовские казаки в конце XVII в. ушли с Дону сначала на Кубань, а потом в Малую Азию.

Другая разновидность южновеликорусской рогатой кички имеет рога короткие и обращенные не вверх, а более или менее прямо назад. На рис. 16 такая кичка изображена сверху, так что на первом плане видна часть убора, прикрывающая макушку головы. На рис. 17 такая же кичка изображена сверху-спереди. Этот вид рогатой кички близок к *кибалке* (§ 7), как по покрою, так и особенно по функции. В нем естественно видеть слияние рогов с кибалкой. Мы склонны видеть в этой

разновидности рогатой кички более новый вид ее: под влиянием новой моды и культуры вост.-слав. женщины стали рога носить так, что они не торчали вверх, а лежали горизонтально на темени головы и смотрели своими острыми концами больше назад, чем вверх.

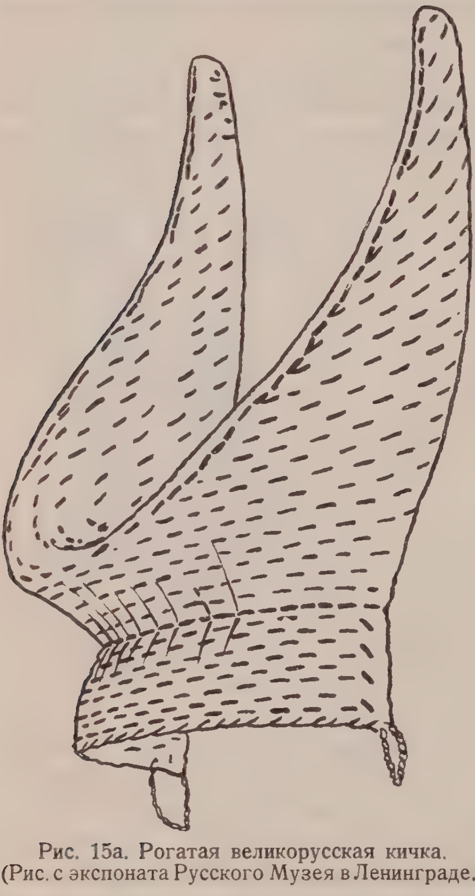


Рис. 15а. Рогатая великорусская кичка.
(Рис. с экспоната Русского Музея в Ленинграде.)

Древние китайские памятники Веи-шу и Суи-шу говорят о племени Тохарах (Ту-хо-ло): „у братьев одна общая жена; последняя носит на своем чепце столько рожков или один рог со столькими ветвями, сколько братьев“ (respond.: ее мужей). Подобный же головной убор носят и теперь у Башгали-Кафиров в западном Читрале и в Ярканде (Wilh. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I: Über das Arimmaspische Gedicht des Aristeas — в Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Classe, B. CXVI, 1888, с. 715—718). — Здесь, таким образом, рога на головном уборе женщины символизируют ее мужей. Такое понимание вост. славянам совершенно чуждо. Число рогов на уборе вост.-слав. женщин, за крайне редкими исключениями, два; однорогие уборы, рассмотренные Габерландтом, редки и не типичны. Только из Арзамасского уезда Нижегородской губ. имеются старые и недостаточно определенные сведения о бóльшем коли-

честве рогов. Из села Чуфарова свящ. Лебединский в 1850 г. коротко сообщает: „волосник в селе об двух, а в деревне о трех рогах“ (Зеленин, Опис. рукоп. 833). Из села Арати, того же уезда, свящ. Страгородский в 1850 г.: „На голове холщевый волосник, имеющий впереди несколько выгнутые рога, длиною в пять вершков, состоящие из семи ясеневых прутьев, расположенных один подле другого, обтянутых холстом и выстеганных в семь дольных рядов. Этот волосник служит основанием всякой женской повязки —

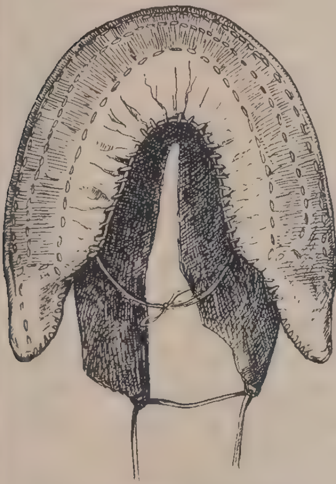


Рис. 16. „Кичка“ Обоянского уезда Курской губ. (Вид сверху.)

Рис. 17. „Ро́жки“ Дмитриевского уезда Курской губ.

зимней и летней, обыкновенной и нарядной“ (ibid. 819), между прочим и сороки.

Нередко также наши источники называют *рогами* род возвышений, служащих украшением убора и соответствующих по своему символическому значению *шишкам* свадебного коровая, т. е. означающим плодородие (см. рис. 35). Так нужно пониматъ, напр., сообщение Ф. Пардалоцкого из гор. Валдая 1876 г. о местном женском наряде *подвѣски* — „убор из жемчуга о пяти рогах, привязываемый ко лбу“ (ibid. 867).

Наконец, *рогами* называют часто торчащие вверх концы головного платка и других повязок. В этом случае можно усматривать действительное переживание прежних рогатых

уборов или, по крайней мере, память о них. Срв. Владимирскую повязку „на рогáх" (Зеленин, Опис. рукоп. 161; срв. Довнар-Запольскій, Изслѣдованія и статьи. Киев, 1909, с. 268; В. Кравченко в Трудах Общества исследователей Волыни, XII, 1914, с. 154).

§ 6. Кибáлка носит разные названия: укр. *кибáлка*, реже: *гибáлка, хомéвка, хóмля*, влр: *ки́чка, рогá, рóжки, колотóвка*, сев.-влр. *сдери́ха, шашмýра, ки́бола*; блр. *кишéчка, ткани́ца, ля́мец, кáпица, кибáлка*.

В простейшем виде это обруч (кольцо) или дуга из тонкого, б. ч. орехового деревца; делается также из льняного волокна обшитого холстом, из лубка (липовой коры, см. рис. 18), из толсто и плотно настеженного холста, б. ч. проклеенного тестом. У украинцев и белоруссов кибалка имеет чаще форму замкнутого круга, кольца (рис. 18), а у великоруссов — форму дуги с свободными назади концами, обшитой тканью (рис. 16—17); чтоб эта дуга могла держаться на голове, к ней вверху нашивают ткань с петельками; в петли продевают шнурок и стягивают в середине дуги волосы, положенные на макушку. Иногда вверху ткани не бывает, а только одни петли со шнурком. Ниже дуги почти всегда пришивается мягкая ткань, окружающая, в надетом виде, лоб и виски. Свободные концы дуги смотрят назад и большею частью имеют вид несколько загнутых вверх или в стороны рогов животного. Иногда же концы дуги прямые, незагнутые, но и тогда они зовутся *рогáми*, откуда и весь южновеликор. убор в целом зовется: рогá, рóжки.

Название *ки́чка* (уменьшит. от общеслав. кыка, заимствованного и литовцами в форме *kyka, kukas:* о чем см. K. Buga в Zeitschrift M. Фасмера, I, 53—54) роднит этот убор с мягкою частью конского хомута, надеваемой на шею лошади и прилегающей к лошадиной груди: по форме хомутная ки́чка представляет собою также круг, кольцо, сделанное из соломы или войлока и обшитое тканью или кожей. — Название ки́бола также взято литовцами в форме *kyblas, kiblas* (ibid.); если оно родственно словам *киби́ть* (древко лука) и *киби́тка* (собственно: верх, свод экипажа, который обычно устраивается на деревянных дугах, покрываемых тканью или кожей), то корень его нужно будет признать турецким. Редкое укр. гибáлка явилось, конечно, по применению к глаголу *с-гибáти*.

Местное, Тамбовское, название *калато́вка* означает собственно: мутовка, деревянная рогатка для замешивания теста в квашне; здесь, таким образом, сохранилась память о рогах, хотя теперь калатовка состоит из валика, свалянного из шерсти, но валик этот „оканчивается за ушами тонкими концами“ (Архив Географич. Общества, XL, 31): эти концы, очевидно, и послужили основанием для названия убора калато́вкой. — Белоруссы Кобринского уезда называют *ткани́цею* только нитяную сетку, надеваемую на круглый валик изо льна, обшитого полотном (Зеленин, Опис. рукоп. 455); от этой тканой сетки или же от ткани, которой обшит всегда валик (кольцо),

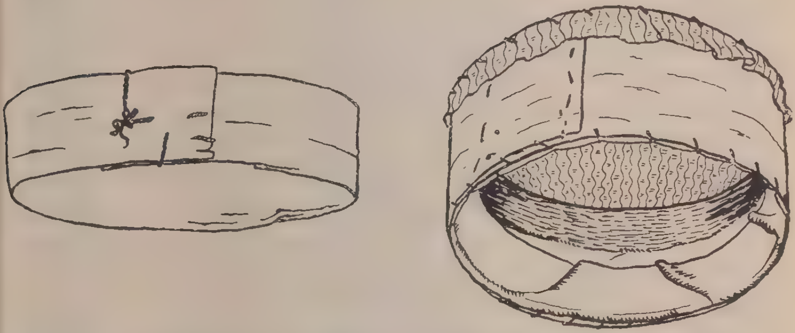


Рис. 18. Белорусский „лямец“ Мозырского уезда Минской губ. Налево один остов из лубка, а направо — обшитый тканью. (Русский Музей).

и получил название *тканицы* весь убор в целом. — Блр. *ля́мец* собственно означает: войлок; это название указывает на шерсть, как на материал для убора.

Для решения вопроса о том, которая из двух форм кибалки древнее — кольцо или дуга, у нас нет вполне достаточных данных. Вряд ли можно сомневаться в том, что кибалка развилась из перевязки, которою обвязывались некогда волосы вокруг головы. У великорусских рабочих, особенно у шерстобитов, и до наших дней сохраняется обычай обвязывать веревкой или ленточкой волосы на голове, „чтоб зря не трепались“ при движениях корпуса. (Изображение можно видеть, напр., в книге „Илья Рѣпинъ. Воспоминанія. Подъ редакціей К. И. Чуковскаго. Бурлаки на Волгѣ“. Птб., s. a., стр. 81: рисунок из альбома И. Е. Репина „Ларька“). Это же самое происхождение нужно приписывать и де-

вичьему *венку* (§ 2), у коего назади всегда почти имеются завязки и узел.

Твердый материал явился, повидимому, с новой функцией убора, на который женщины стали наматывать свернутые в два жгута или же заплетенные в две косы волосы. Это делается и теперь, главным образом для того, чтоб волосы не выбивались из-под головного убора и чтоб женщина случайно не „засветила волосом“ (§ 3). Наматыванье волос на кибалку обычно у украинцев (Украинскій народъ, II, 554; срв. Łuk. Gołębiowskiego Ubiory w Polszcze, 1830, c. 168), и некоторые авторы сравнивают украинскую кибалку с гребенками на прическе наших дам (Zyg. Gloger, Opis ziem zamieszkalnych przez polaków, II, 1904, c. 241). Великоруссы же не навивают волос на кибалку, а зажимают собранные на макушке головы косы между двумя половинами подковообразной дуги; эту функцию кибалки хорошо подчеркивает местное великорусское ее название: *шамшу́ра, самшу́ра* (Вологодскія Губернскія Вѣдомости, 1857, № 21, с. 129; Зеленин, Опис. рукоп. 27), откуда потом: *шашму́ра* (ibid. 947, 994); все эти формы восходят, повидимому, к глаголу мо́рщить, как и название убора морше́нь (§ 10). Одновременно великорусская кибалка имеет теперь целью увеличить вышину головного убора, и эта функция отразилась в названиях: *сдери́ха* (Куликовскій, Словарь Олонецкаго нарѣчія) и *боори́к* (Сборникъ II Отдѣления Академіи Наукъ, т. 76, с. 114, статья Е. Ф. Будде).

Рога, как часть головного убора (§ 5), оказали сильнейшее влияние на кибалку. Мы склонны даже думать, что нынешняя кибалка и развилась из рогов, положенных горизонтально на макушку головы, и только унаследовала в известной степени функцию древнейшей перевязи волос. Во всяком случае для южновеликорусской кибалки, которая имеет ярко выраженную форму рогов (рис. 16—17) и часто носит название: *рога́, ро́жки,* такое предположение нужно признать весьма правдоподобным.

Описанная кибалка в наше время никогда не бывает самостоятельным убором, а только остовом для убора; но нередко украинцы *киба́лкой,* особенно же великоруссы *ки́чкой* называют весь убор в целом, т. е. кибалку с повязанной на ней наметкой или кибалку с надетой на нее сорокой.

М. Бурдуков отмечает кибалку также у финской мордвы Белебеевского уезда Уфимской губ.; местные мордовские жен-

щины кладут свои косы на макушку головы в виде калачика, а кругом этих кос кладут „обруч холщевый крученый или набитый тряпками“ (Уфимскія Губернскія Вѣдомости, 1905, № 178); т. е. здесь кибалка двух видов: или свитый жгутом кусок холста, или же набитый тряпками узкий цилиндр из холста же.

§ 7. Если *наметку* есть основания признавать общеславянским убором, *кибалку* общевосточнославянским, — то *сорóку*

Рис. 19. Сорока Рязанского уезда, в развернутом виде. (Архив Географического Общества.)

нужно назвать лишь общевеликорусским убором. В наше время сорока сохранилась почти повсюду у южновеликоруссов; северновеликоруссы сохранили еще местами память о сороке, хотя почти повсюду заменили ее кокошником (§ 8). Только кое-где в Тверской губ. северновеликоруссы носят еще и доселе сороку. К белоруссам же сорока проникла лишь в Себежский уезд Витебской губ., повидимому на почве отхожих промыслов местного населения (Этнографическій Сборникъ Географическаго Общества, II, 133).

Сороку (рис. 19) можно определить, как особо выкроенный и обязательно украшенный вышивкою и т. п. кусок ткани, который надевается поверх рогатой кибалки. Встречаются и сороки, у которых имеются особо выкроенные и сшитые части (в роде футляров), надеваемые на рога кички, одинаково — торчат ли эти рога назад (рис. 22) или торчат они вверх (см. рис. 15 и изображения в альбоме Studio 1912 „Peasant art in Russia“, №№ 32 и 34).

Мы не сомневаемся, что *сорока* развилась из *наметки*. То обстоятельство, что наметка сохранилась у великоруссов и

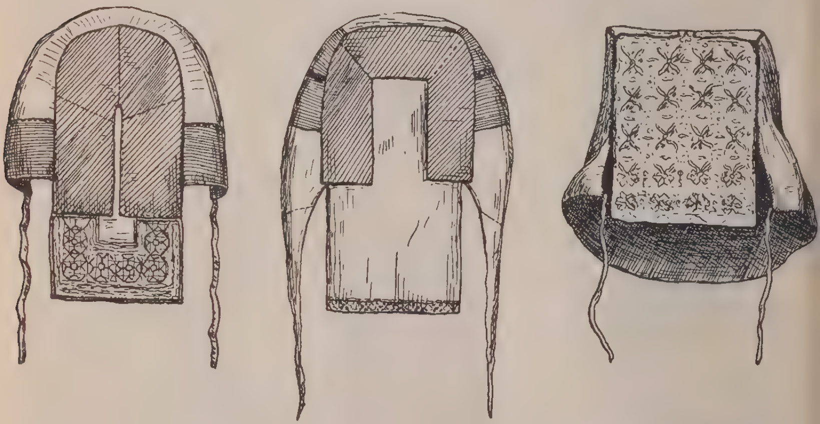


Рис. 20. Виды сорок (сзади): налево Змиевского уезда Харьковской губ., в середине Тверской губ., направо Дмитриевского уезда Курской губ.

в более чистом виде, нисколько такому предположению не мешает. Дифференциация, со временем, одного и того же убора в разных направлениях — явление не редкое. Наметка в чистом виде имеет кое-где у великоруссов траурный характер (Зеленин, Опис. рукоп. 763: *повяска*); сорока, напротив, нарядно-праздничный убор. Украинская *склендя́чка* (§ 4) имеет аналогию с сорокой; склендячка представляет собою короткую украшенную наметку, приспособленную специально для ношения на очипке; сорока — та же склендячка, только особо выкроенная и носимая на кибалке.

В хорватском уборе, описанном у Габерландта (с. 702, рис. 12—14), великорусской сороке соответствует *poculica*, имеющая иную форму соответственно с тем, что она наде-

вается не на два рога кибалки, а на четыре рога *kolašic*'ы; хорватская же *fizurica* соответствует так называемому *нало́бнику* (иначе: *очéлье, подзóр*), т. е. куску украшенной ткани на лбу сороки.

Самое загадочное в сороке — это ее название, совпадающее с именем известной птицы. Но прежде чем подойти к вопросу о названии, необходимо взглянуть на отдельные части этого головного убора.

Рис 21. Сорока Дмитриевского уезда Курской губ.

Подобно термину ки́чка, великорусское слово *соро́ка* употребляется в двух разных значениях. Первое — общее название всего головного убора в его целом; это тот же убор, который часто зовется еще словом *ки́чка*, а местами его называют особым термином *сру́за* (Сапожковский уезд Рязанской губ.). Убор этот состоит из большого количества, от 8 до 14, отдельных частей (Матеріалы по этнографіи Россіи, I, 1910, с. 7, ст. Н. М. Могилянского) и весит в полной форме до 19 фунтов (Зеленин, Опис. рукоп. 373). Второе значение — верхняя часть данного убора, состоящая из украшенного различным способом и особо выкроенного куска ткани.

Вот перечень частей всего убора в целом, который и в наши еще дни носят *саянки* (местное название особой группы южновеликорусского населения) в селе Бу́зец Дмитриевского уезда Курской губ. (см. фот. 21). Прежде всего (1) на голову на-

девается кичка или ро́жки (т. е. кибалка; см. § 6), которая кладется непосредственно на косы, лежащие на голове в виде венка; напереди кичка (рис. 17) спускается до половины лба. После кички надеваются т. наз. увязки (2); их чаще всего бывает 10, но может быть и меньше и больше; они плетутся из толстых шелковых нитей и сильно напоминают обычную девичью косу, только плетеную в 4, а не в три пряди; на конце их кисти (т. н. махры́), которые и висят на спине. Словом, увя́зки — это нечто в роде искусственных кос, и они едва ли не являются новой сравнительно модой, заимствованной быть может в XVIII в. от помещиц. Увязки эти пришиваются своими верхними концами на узенькую ленточку (т. наз. *пла́ночка*; 3) в один ряд, и эта ленточка привязывается ниточками к рогам кибалки; на рогах для этого часто делаются даже особые рубцы.

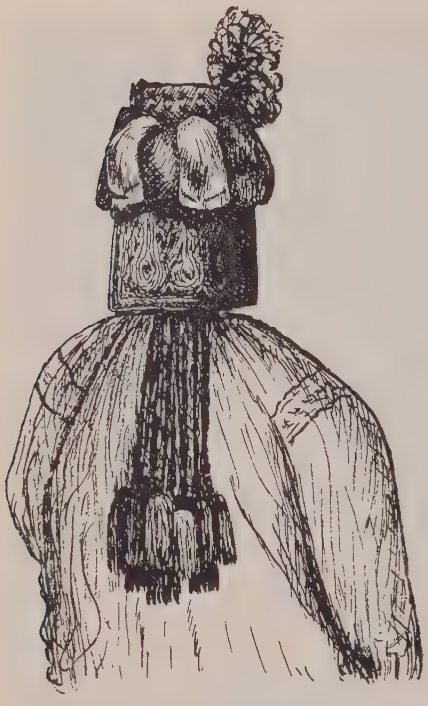


Рис. 21а. Сорока Дмитриевского уезда Курской губ. (сзади).

Дальше надевается сзади *позаты́лень* (4), о котором у нас речь будет особо ниже (§ 9). Верхний край позатыльня обычно находится на одной высоте с *планочкой* увязок, и позатылень закрывает собою от зрителя верх увязок. — В той разновидности сороки, которая изображена на рис. 19, *позатыльник* составляет одно целое с сорокой.

Дальше надевают важнейшую часть убора, известную под именем собственно *соро́ки* (5). В данной местности *соро́ка* несколько отличается от сороки, изображенной на рис. 19. Мы уже сказали, что позатылень здесь представляет собою отдельную от сороки часть убора. Главное же, здесь сорока,

очень близкая по покрою к Рязанской (рис. 19 и 20), сшита в виде шапочки, и только назади швы (сшивки) не доходят до низу почти на половину вышины убора, причем завязки сохраняются. Рязанскую сороку (рис. 19) легко можно сшить точно таким же образом, в виде шапочки, но тогда в ней свешивался бы назади вниз *позатыльник*, окруженный цветными кистями. Воронежская соро́ка (рис. 23 и 24) очень близка к описываемой Курской, но много ниже ее и имеет напереди более округленный верх.

Рис. 22. Сорока Данковского уезда, на рогатой кичке. (Русский Музей.)

Вообще, по степени сшитости своих частей сороки в разных местностях не одинаковы. Они колеблются от совершенно развернутого покроя (рис. 19) до полной шапочки, причем последняя, если особенно она сделана не из легкой материи, а из бархата, носит уже обычно название *коко́шника*. (В коллекции, принадлежащей автору, имеется ряд таких кокошников, какие носили совсем недавно великорусские колонисты в Харьковской губ.). На рис. 20 изображены сороки Харьковской (налево) и Тверской губ. (в середине) — менее сшитые, и сорока Курской губ. (направо) — более сшитая и приближающаяся уже к шапочке; на рис. 24 – еще более сшитая.

Дальше идут так наз. *маку́шки* (6) (рис. 25), которых бывает от 10 до 25. Это короткие и широкие шелковые ленты,

которые в направлении кверху несколько суживаются; нижние концы их обшиты бахромой. Верхние части макушек, подобно увязкам, пришиваются к узенькой ленточке (*пла́ночка* 7). Эта планочка с макушками привязывается к нижней части зада сороки, чуточку выше позатыльня; бахрома внизу макушек спускается на позатылень, закрывая от зрителя верхнюю, лишенную вышивки, его часть.

Надетая таким образом сорока как бы привязывается к голове красным шелковым платком (8), свитым в виде жгута. Напереди этот жгут охватывает сороку выше украшенного вышивкой налобника (очелья); назади же узел, которым связаны концы платка, приходится под макушками и прикрывается этими последними так, что узла не видно совсем. — Под платок, с правой стороны головы, затыкают *твѣт* (т. е. цвѣт; 9), сделанный из гаруса, шелка и перьев; он вполне соответствует перу на дамской шляпке. — Завершают сложный убор *коси́цы* или *пе́йсики* (10), т. е. утиные перья, которые затыкаются нижним концом под убор, а верхним концом, кольцеобразным, спускаются на щеки — между глазом и ухом. Кольцеобразное перо из хвоста селезня часто вставляют в стержень гусиного пера, и этот стержень обвивается разноцветными шерстяными нитями (рис. 25а).

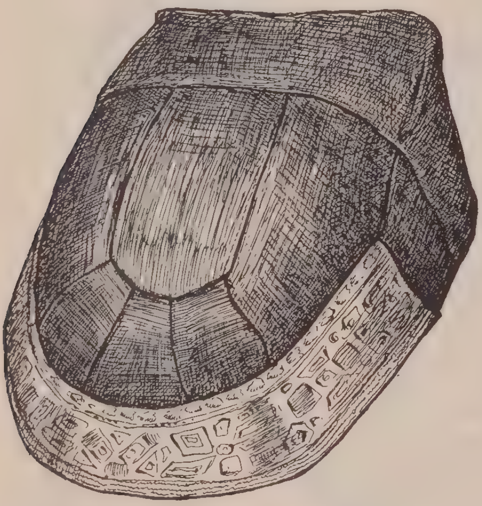


Рис. 23. Сорока Нижнедевицкого уезда Воронежской губ. (с. Прогорелое), спереди.

Таким образом, мы насчитали в Курском уборе (сороке) 10 частей, причем 10—25 макушек считали за одну часть, равно как и 10 увязок тоже за одну часть.

Теперь остановимся на отдельных частях *сороки* в тесном смысле этого слова. Приведем Рязанские названия частей

сороки, изображенной на рис. 19. Внизу по бокам *крылáтки*, т. е. подвязки в виде широких лент; ими сорока привязывается к голове. Крылатки эти пришиты к *наскýльникам* (в иных местах наскульники зовутся иначе: *кры́лья, лóпасни, прикры́лки*); верх их часто бывает сшит с верхнею частью сороки *(вéрхник)*; а когда и свободные концы крыльев также сшиты с заднею частью сороки, тогда сорока превращается в шапочку (срв. рис. 23—24); если такая шапочка не имеет уже назади завязок (сшита донизу, чего нет на сороке, изображенной на 24 рис.) и если она сделана не из легкой ткани, а из бархата, то она зовется обычно уже *кокóшником* (великоруссы Харьковской губ.).

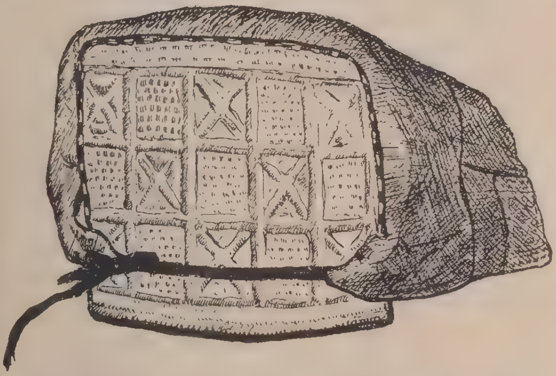


Рис. 24. Сорока Нижнедевицкого уезда, сзади.

Крылья пришиты к передней части сороки, которая зовется: *налóбник, очéлье* (от сл. чело = лоб), *чóлышко, начёлок, надбрóвник, причёлок.* — В данной же местности (Рыкова Слобода в 8 верст. от гор. Рязани, по описанию Н. Ловцева 1850 г. из архива Географического Общества) в очелье различаются три части: нижняя кайма[1]) его, над глазами, зовется: *тарачкú* (т. е. оторочка), над нею *подзóр* — узкий узор, и выше его *сорóка* — широкий, главный узор на лбу. Выше идут *пáльчики* — белые ленты по красному полю, в виде прямых узких полос. Еще выше *вéрхник* который не имеет никаких украшений и покрывает, в надетом виде, макушку головы сверху. Сзади его *колóдка*, закрывающая в надетом виде уже зад головы; в иных местах зовется: *задóк, назаты́лень;* название *колóдка* об'ясняется вероятно ее твердостью: нашита на лубок или даже на тонкую

[1]) Иногда эта нижная часть очелья сороки представлена бывает в виде самостоятельной ленты с завязками, коими она отдельно привязывается к голове; тогда она зовется: *надбрóвник, причёлок, торочóк* (Д. З.).

доску? Наконец, идет *хвост*, в котором различаются *позатыльник* и *махры́*, т. е шнуры с кистями на концах.

Как видим, среди частей сороки имеются *крылья* и *хвост*, что́ и роднит ее с птицей сорокой. Пензенский автор Кротков писал в 1854 г. о местной сороке Саранского уезда: „если смотреть на затылок женщины в этом уборе, все равно смотреть на сидящую птицу с подогнутыми крыльями" (Зеленин, Опис. рукоп. 976). Витебские белоруски шили часто

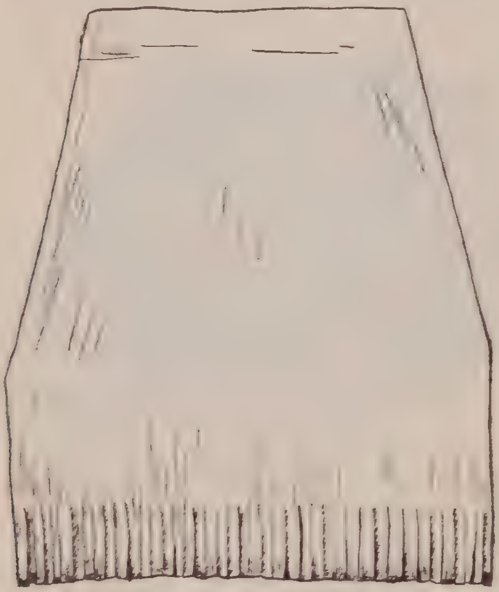


Рис. 25. „Макушки" к сороке Дмитриевского уезда Курской губ.

Рис. 25а. Косицы или пейсики к сороке Дмитриевского уезда Курской губ.

свою сороку из разноцветных кусков ситца и иных тканей: в одной и той же сороке перед красный, зад синий, а бока желтые, или: перед шелковый, зад бумажный, а бока гарусные (Этнографическій Сборникъ Географическаго Общества, II. Спб. 1854, с. 133). Эта пестрота, равно как и пестрота вышивки на сороках также сближает данный убор с птицей сорокой, хотя она могла появиться и в об'яснение названия. Финны перевели славянское название рассматриваемого убора своим названием для птицы сороки harakka. Если принять во внимание обилие птичьих названий для женских головных

уборов разных народностей (срв. Kr. Bulat, Beiträge zur slavischen Bedeutungslehre, в Archiv für Slavische Philologie, XXXVII, 1918, с. 93—98; срв. Torbiörnsson, Liqu. metath. I, 31; II, 63; срв. шведское kråka ворона и женский чепец), — то происхождение имени данного убора от названия птицы Corvus pica не представится чем-то невозможным.[1]) При всем том, насколько бесспорно птичье происхождение имени русского кокошника (§ 8), настолько сомнительно птичье происхождение названия сороки.

Соро́ка, уменьш. *соро́чка* — известное славянское название рубахи, явно родственное литовск. szarkos одежда. В старом русском языке сорочкой называли еще воротник рубахи, низаный жемчугом и пристегиваемый к рубахе отдельно. От этого последнего значения легко могло развиться современное значение женского головного убора, для которого разные украшения и вышивки столь характерны. Во многих местностях великоруссы и теперь называют соро́кой именно отдельные украшенные части рассматриваемого нами убора. Так, в Рязанской губ. „золотой сорокой" слывет вшитый в кичку надо лбом серебряный вызолоченый позумент (Зеленин, Опис. рукоп. 1163, срв. 1161 и 1323); Рязанский же автор „сароками" называет „подвязки из бисера" у кички (ibid. 1176). Великоруссы Харьковской губ. называют свою сороку словом „зе́мник"; если это непонятное название не восходит к упоминаемой у Флетчера (Of the Russe sommon wealth) „земской шапке" боярских жен старой Москвы, то его нужно будет связывать с словом же́мчуг, стар. и областное зе́мчуг (т. е. зе́мник из предполагаемого прежнего *зе́мчник, в смысле: сделанный из жемчуга, украшенный жемчугом).

Из орнаментальных узоров на сороке вышиваются особенно часто *павлиньи хвосты,* реже — *сосна, мушки, репейки* и т. п. Староверы Верхнеудинского уезда в Сибири украшают переднюю часть сороки (называемой здесь *кичкою*) или бисером

[1]) Не исключена возможность сближения данного головного убора с птицей сорокой еще и на иной почве. Птица сорока широко известна у восточных славян, как оберег от домового: по этому поводу ее вешают, между прочим, в конюшнях — для предохранения коней от козней злого домового. Женский головной убор также должен служить оберегом от домового, ибо иначе женщина рискует быть увлеченной домовым за волосы на чердак (§ 3). И такое истолкование могло привести к сближению женского головного убора с птицей сорокой или, по крайней мере, способствовать такому сближению. (Д. З.).

или каймой из закругленных гусиных перышек, т. наз. *кучерями* (А. М. Селищевъ, Забайкальскіе старообрядцы. Иркутск, 1920, с. 7).

В Медынском уезде Калужской губ. отмечен обычай, в силу коего „сороку выговаривают с жениха“ (Зеленин, Опис. рукоп. 579), т. е. сороку для новобрачной покупали на счет жениха.

(Окончание следует.)

Погодинъ и Шиллеръ.

Давно установлено, какую высокую оцѣнку въ первой половинѣ XIX вѣка встрѣтилъ Шиллеръ у русскихъ западниковъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго[1]) или у Герцена.[2]) Но въ дѣйствительности кругъ его вліянія гораздо шире, далеко не исчерпываясь одними только западниками. Н. А. Котляревскій отмѣтилъ уже зависимость отъ него раннихъ стихотвореній крупнѣйшаго представителя и другого, славянофильскаго, лагеря, А. С. Хомякова.[3]) Цѣль настоящей замѣтки — отмѣтить увлеченіе Шиллеромъ другого виднаго славянофила, М. П. Погодина. Шиллеръ составлялъ предметъ его бесѣдъ съ Ф. И. Тютчевымъ.[4]) Читая съ Геништой Шиллера, Погодинъ записываетъ въ дневникъ: „Ахъ геній, вотъ поэзія. Что наши поэты передъ нимъ".[5]) Изъ всей нѣмецкой литературы именно Шиллеру отводилъ онъ первое мѣсто[6]) и собирался перевести „Донъ Карлоса".[7]) Князь Вяземскій еще 24 іюля 1819 писалъ Тургеневу, что Жуковскій своими переводами изъ Шиллера и Гете очистилъ насъ отъ противной кухни французской поэзіи.[8]) То же самое собирался сдѣлать и Погодинъ, чувствовавшій отвращеніе къ французской литературѣ, и даже „Ифигенія" Расина вызвала въ немъ только восклицаніе: „Сколько несообразностей, пустословія".[9]) Но къ Гете у него „сердце не лежало", какъ онъ признался въ своемъ дневникѣ[1]) и поэтому, когда у него въ бесѣдѣ съ А. М. Кубаревымъ о французской поэзіи въ 1823 г. „Зажглась мысль ,опрокинуть' Расина, чтобы уменьшить сколько-нибудь ,пристрастіе' нашихъ магнатовъ къ французамъ",[11]) ему осталось обратиться именно къ Шиллеру.

[1]) Н. Эфросъ, Рус. Мысль. 1905, № 7, стр. 161; Ю. Веселовскій, тамъ-же 1906, № 2, стр. 1—15.
[2]) К. Арабажинъ, Рус. Стар. 1896, № 2. стр. 415.
[3]) А. С. Хомяковъ, какъ поэтъ. Рус. Мысль, 1908, окт., стр. 6.
[4]) Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина. I. 71.
[5]) Тамъ-же I, 90.
[6]) Тамъ-же I, 91.
[7]) Тамъ-же I, 234.
[8]) Остафьеск. Архивъ, I, стр. 274, № 207.
[9]) Н. Барсуковъ, I, 89.
[10]) Тамъ-же II, 292.
[11]) Тамъ-же I, 242.

Читая лѣтомъ 1824 г. біографію Шиллера, Погодинъ находилъ въ немъ много сходства съ своей собственной судьбой и записалъ въ дневникѣ: „встрѣчались многія обстоятельства у Шиллера подобныя со мной въ чувствахъ“.[1]) Черезъ годъ онъ записываетъ „Духъ Шиллера, носись надо мной“. Мечтая о путешествіи заграницу, онъ прежде всего предвкушаетъ, какъ будетъ сидѣть на могилѣ Шиллера.[2]) Чтеніе писемъ Шиллера увлекаетъ его опять таки тѣмъ, что онъ находитъ здѣсь свои мысли. Чрезвычайно высоко цѣнитъ онъ философскія статьи нѣмецкаго драматурга, и помѣтку въ дневникѣ по поводу его писемъ оканчиваетъ восклицаніемъ: „Когда я буду Шиллеромъ“.[3]) Прослушавъ трагедію Хомякова „Ермакъ“, онъ измѣряетъ поэтическія способности Хомякова тѣмъ, что онъ пропитанъ духомъ Шиллера.[4]) Восторженное поклоненіе Погодина Шиллеру отразилось и въ его повѣстяхъ. А. И. Соболевскій чуть-ли не первый оцѣнилъ вѣрно высокія литературныя и историческія ихъ достоинства.[5]) Но онѣ очень цѣнны и для опредѣленія не только міросозерцанія Погодина, но и для характеристики настроенія и интересовъ современнаго ему Московскаго общества. В бѣдной библіотекѣ героя повѣсти „Сокольницкій садъ“ первое мѣсто принадлежитъ Шиллеру,[6]) и онъ утѣшается мыслью, какъ скорбѣлъ Шиллеръ, что „трудно найти человѣка, который бы понималъ насъ совершенно“,[7]) для своей Луизы переводитъ онъ Валленштейна.[8]) Герой повѣсти „Адель“ читаетъ своей возлюбленной „Донъ Карлоса“, т. е. какъ разъ ту самую трагедію, которую и самъ Погодинъ читалъ княжнѣ Александрѣ Трубецкой, свою любовь къ которой онъ изобразилъ въ этой именно повѣсти[9]) при чемъ монологъ Донъ Карлоса производитъ на нее потрясающее впечатлѣніе.[10])

8 дек. 1925 г. исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти замѣчательнаго русскаго ученаго и журналиста. Н. П. Барсуковъ положилъ очень много труда и любви на собираніе матерьяловъ для изученія его самого и современнаго ему общества. Но его внут-

---

[1]) Н. Барсуковъ, I, 287.
[2]) Тамъ-же II, 18.
[3]) Тамъ-же II, 19.
[4]) Тамъ-же II, 31.
[5]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 2, стр. 422.
[6]) Повѣсти Михаила Погодина. М. 1832, часть I, стр. 102.
[7]) Тамъ-же I, стр. 104, ср. 114 и III ч. стр. 192.
[8]) Тамъ-же I, стр. 143.
[9]) Н. Барсуковъ, II, 27.
[10]) Повѣсти. III. стр. 107.

ренній обликъ, весьма пестрый и далеко не свободный отъ противорѣчій, не достаточно еще установленъ. Отмѣченное здѣсь его увлеченіе въ юности Шиллеромъ быть можетъ поможетъ объяснить ту его страстность и мечтательность, которая чуть ли не до самой смерти уживалась въ его сложной душѣ рядомъ съ дѣловитостью и сухой разсудительностью, которая вызывала на него одностороннія нападки напр. со стороны Бѣлинскаго.[1])

Одесса. 1925 г

Б. Варнеке.

---

[1]) И. А. Линниченко, Рѣчи и поминки. Одесса, 1914, стр. 74.

Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения.[1])

I. Система знаков для фонетической транскрипции.

Гласные.

	Передние Prépalatales Front Palatal A	 B	Передне- средние Hinterpalatal C	 D	Средние Mixed Palatovelar E	 F	Средне- задние Vordervelar G	 H	Задние Postpalatales Back Velar I	 K
1	$\hat{i}$	$\underset{\cdot}{\hat{i}}$	$\hat{i}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{i}}_1$	$\hat{\dot{y}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{y}}}$	$\hat{\dot{y}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{y}}}_1$	$\hat{y}$	$\underset{\cdot}{\hat{y}}$
2	i	$\underset{\cdot}{i}$	i_1	$\underset{\cdot}{\imath}_1$	$\dot{y}$	$\underset{\cdot}{\dot{y}}$	$\dot{y}_1$	$\underset{\cdot}{\dot{y}}_1$	y	$\underset{\cdot}{y}$
3	$\hat{e}$	$\underset{\cdot}{\hat{e}}$	$\hat{e}_1$	$\hat{e}_1$ (ь̂)	$\hat{ə}$	$\underset{\cdot}{\hat{ə}}$ (ъ̂)	$\hat{ə}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{ə}}_1$ (ъ̂$_1$)	$\hat{ə}$	$\underset{\cdot}{\hat{ə}}$
4	e	$\underset{\cdot}{e}$	e_1	e_1 (ь)	$ə$	$\underset{\cdot}{ə}$ (ъ)	$ə_1$	$\underset{\cdot}{\hat{ə}}_1$ (ъ$_1$)	$ə$	$\underset{\cdot}{ə}$
5	$\hat{\ddot{a}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{a}}}$	$\hat{\ddot{a}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{a}}}_1$	$\hat{\dot{a}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{a}}}$	$\hat{\dot{a}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{a}}}_1$	$\hat{a}$	$\underset{\cdot}{\hat{a}}$
6	$\ddot{a}$	$\underset{\cdot}{\ddot{a}}$	$\ddot{a}_1$	$\underset{\cdot}{\ddot{a}}_1$	$\dot{a}$	$\underset{\cdot}{\dot{a}}$	$\underset{\cdot}{a}_1$	$\underset{\cdot}{\dot{a}}_1$	a	$\underset{\cdot}{a}$
Округлённые (лабиализованные) Labialisés. Round. Gerundet (labialisiert)										
7	$\hat{\ddot{u}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{u}}}$	$\hat{\ddot{u}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{u}}}_1$	$\hat{\dot{u}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{u}}}$	$\hat{\dot{u}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{u}}}_1$	$\hat{u}$	$\underset{\cdot}{\hat{u}}$
8	$\ddot{u}$	$\underset{\cdot}{\ddot{u}}$	$\ddot{u}_1$	$\underset{\cdot}{\ddot{u}}_1$	$\dot{u}$	$\underset{\cdot}{\dot{u}}$	$\dot{u}_1$	$\underset{\cdot}{\dot{u}}_1$	u	$\underset{\cdot}{u}$
9	$\hat{\ddot{o}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{o}}}$	$\hat{\ddot{o}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{o}}}_1$	$\hat{\dot{o}}$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{o}}}$	$\hat{\dot{o}}_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{o}}}_1$	$\hat{o}$	$\underset{\cdot}{\hat{o}}$
10	$\ddot{o}$	$\underset{\cdot}{\ddot{o}}$	$\ddot{o}_1$	$\underset{\cdot}{\ddot{o}}_1$	$\dot{o}$	$\underset{\cdot}{\dot{o}}$	$\dot{o}_1$	$\underset{\cdot}{\dot{o}}_1$	o	$\underset{\cdot}{o}$
11	$\hat{\ddot{a}}^o$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{a}}}^o$	$\hat{\ddot{a}}^o_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\ddot{a}}}^o_1$	$\hat{\dot{a}}^o$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{a}}}^o$	$\hat{\dot{a}}^o_1$	$\underset{\cdot}{\hat{\dot{a}}}^o_1$	$\hat{a}^o$	$\underset{\cdot}{\hat{a}}^o$
12	$\ddot{a}^o$	$\underset{\cdot}{\ddot{a}}^o$	$\ddot{a}^o_1$	$\underset{\cdot}{\ddot{a}}^o_1$	$\dot{a}^o$	$\underset{\cdot}{\dot{a}}^o$	$\dot{a}^o_1$	$\underset{\cdot}{\dot{a}}^o_1$	a^o	$\underset{\cdot}{a}^o$

[1]) Настоящий „Опыт“, отлитографированый для членов Московской Диалектологической Комиссией еще в 1910 году, является результатом совместной работы Д. Н. Ушакова и моей, соединявшей одновременно наблюдения над собственным произношением с наблюдением над про-

Ряды 1, 2, 7, 8 — звуки верхнего подъёма (high, hoch)
,, 3, 4, 9, 10 — ,, среднего ,, (mid, mittel)
,, 5, 6, 11, 12 — ,, нижнего ,, (low, niedrig)

^ обозн. напряжение:

ряды нечётные — звуки напряжённые (narrow, gespannt)
,, чётные — ,, ненапряжённые (wide, ungespannt).

¨ обозн. принадлежность звука к переднему ряду,
˙ ,, ,, ,, ,, среднему ,, ,

отсутствие точки обозн. принадлежность звука (кроме *i*, *e*) к заднему ряду.

ˌ внизу обозн. передвижение артикуляции назад (ряды C D G H); бóльшую степень его можно обозначить в случае надобности ₂ и т. д;

точка под буквой (ряды B D F H́ K) обозначает редукцию по отношению к голосу (гласные полуглухие); точка под буквами ъ, ь — отсутствие голоса;

промежуточные горизонтальные ряды (повышенная или пониженная артикуляция), в случае надобности, получат обозначения: *e*ⁱ, *o*ᵘ и т. д. или *i*ᵉ, *u*ᵒ и т. д.

Согласные.

Билабиальные: взрывные: *p*, *b*, фрикативные: *φ*, *w*; носовой — *m*.
Губнозубные: фрикативные: *f*, *v*.

„Зубные“ (в широком смысле): взрывные: *t*, *d*; фрикативные: свистящие — *s*, *z*, шипящие: *š*, *ž*; аффрикаты: свистящие: *c*, *ʒ*, шипящие: *č*, *ǯ*; „плавные“ — *r*, *l*, *ł*;[1]) носовой — *n*.

Средненёбные: взрывные: *k̂*, *ĝ*, фрикативные: *x̂*, *χ̂*,[2]) *γ̂*,[3]) *j*.

Задненёбные: взрывные: *k*, *g*, фрикативные: *x*, *γ*; носовой — *ŋ*.

Мягкость согласных обозначается значком ʼ над (или справа за) буквой или ʹ справа вверху; полумягкость — точкой над буквой или же ʿ справа вверху.

изношением своего товарища по работе. В транскрипции мы пользовались системой знаков, выработанной нами и несколько отличающейся от других систем фонетической транскрипции. Не зная, удастся или нам когда-нибудь опубликовать наши работы по изучению русского произношения, и признавая вместе с тем известное научное значение за нашим „Опытом“, сделанным 15 лет тому назад, я, с согласия проф. Д. Н. Ушакова, решил издать этот „Опыт“ без существенных изменений, кроме некоторых упрощений в транскрипции: именно, буквы греческого алфавита, которыми мы передавали полузвонкие гласные звуки, заменены соответствующими буквами латинского алфавита с точкой под буквой. — Из позднейших наших работ, дающих некоторые дополнения и поправки к „Опыту“, укажу: 1. Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке, Изд. 6., 1923, §§ 26—57, 2. Н. Дурново, Очерк истории русского языка (М. 1924) §§ 37—59.

Брно 24. IV. 1925. *Николай Дурново.*

[1]) *l* — т. наз. „среднее“ или „европейское“; *ł* — твёрдое, велярнозубное.
[2]) *χ̂* — глухой звук, соответствующий звонкому *j*.
[3]) *γ̂* — средненёбный звук, смягчённый менее, чем *j*, и, м. д., более задний, чем *j*.

Мягкие средненёбные можно передавать k, g x, γ со знаком мягкости без знака ⌒.

Лабиализация согласных сильная обозн. " справа вверху, слабая - ° справа вверху.

Т. наз. „фаукальные" и „латеральные" звуки в сочетании с носовыми и l обозн. ⌒, напр. $\widehat{pm}$, $\widehat{dn}$, $\widehat{tl}$, $\widehat{dn}$ и пр.

Количество. Краткость не обозначается. Долгота — чертою над буквой или под буквой. Иррациональность (короче нормальной краткости) — знаком ˘ над буквой

Слоговое свойство гласных не обозначается, неслоговое — ⁀ под буквой; слоговое свойство согласных обозначается ˳ под буквой, неслоговое не обозначается.

Ударение главное обозначь. — ʹ за буквой, обозначающей ударяемый звук; второстепенное — ˋ там же.

Если звук не определён, можно ставить точку или несколько, по числу таких звуков, в скобках; если определён не вполне, то в скобках — наиболее подходящую букву.

Примеры на гласные неокруглённые верхнего подъёма.

Ряд	Буква	
1A	î	под ударением везде: ви́лы, ви́ли.
2A	i	в предударном слоге: вила́, вела́.
1B	ị̂	в конце слова после согласны: са́ни.
2B	ị	в безударных (кроме предударн.) слогах: пирова́ть, ми́лые (mìlệi̭).
1C	$\hat{i}_1$	после шипящих перед мягкими под ударением: жить, шить.
2C	i_1	после шипящих перед мягкими в предударном слоге: живи́, шитьё
1D	$\hat{ị}_1$	
2D	$ị_1$	(шестипа́льй, чита́телем, дере́вьях, ту́чам) 4 D?
1E	ŷ	под ударением: вы́л, бы́ть, ды́м, ты́н.
2E	y	в предударном слоге: была́, дыми́ть.
1F	ỵ̂	
2F	ỵ	без ударения в конце слова и в непредударном слоге: ры́бы, вырыва́ть.
1G	$\hat{y}_1$	после шипящих не перед мягкими под ударением: жив, шил.
2G	y_1	после шипящих не перед мягкими перед ударением: жива́, ши-ро́кий.
1H	$\hat{ỵ}_1$	
2H	$ỵ_1$	после шипящих не перед мягкими в непредударном слоге: ё̂жик, широко́хонько.

Задние гласные неокруглённые верхнего подъёма в обычном литературном московском произношении не встречаются.

Примеры на гласные неокруглённые среднего подъёма.

3A	ê	день, всё это (NB. В произношении старшего поколения: тела́?)
4A	e	тел, де́ло, се́но, оте́ц.

Ряд Буква
4D $\hat{e}_1$ (ь) по́ле (им. и вин. ед.), по́ля; м. б., ещё примеры ко 2 D.
3E $\hat{ə}$ „Что́б ты ло́пнул!" (Пушк. Утопл.)
4E $ə$ (что да́же, а́, так ты́, как бу́дто, хоть ра́з) 4 F?
3F $\hat{ъ}$ вы́быть, ми́лые; перед и после ł: полотно́.
4F $ъ$ ла́поть, ка́пать, те́ло, городско́й, ми́лый, ста́ла.

Задние и среднезадние неокруглённые гласные среднего подъёма в обычном московском произношении не встречаются.

Примеры на неокруглённые гласные нижнего подъёма.

5A $\hat{ä}$ дя́дя, гря́зь, чай.
6D $ä$ В конце речи и в некот. других условиях: Ва́ря! (иначе — 4 D).
6E $\dot{a}$ и остановилась.
6F $\dot{a}$ В конце речи и в некот. других условиях: Ни́на (иначе — 4 F).
6G $\dot{a}$ Может быть — даль, жаль, шаль (см. 6 I).
6I a под ударением и в предударн. слоге не после мягких: вар, сама́, дал (жаль, шаль, см. 6 G).

Примеры на округлённые гласные верхнего подъёма.

8A $ü$ наде́юсь (nad'ĕ'üs), ю.-в.-р. лю́бють (l'û₁'b'üt').
8B $ü$ молодую (mъładŭ'ü) [не в конце фразы].
7E $\hat{ü}$ днюет, чу́йка.
8E $\dot{ü}$ тюле́нь, лю́бят (l'û₁'b'u̇t, или 8F?)
7F $\hat{ü}$ любопы́тный, вы́пью (vŷ'p'jü).
8F $ü$ лю́бят? Ср. 8 E.
7G $\hat{ü}_1$ лю́бит.
8G $\dot{ü}_1$ (любо́вь? чуда́к?)
8H $\dot{ü}_1$ (зе́млю? встре́чу?)
7I $\hat{u}$ бу́ду, лю́бо.
8I u душа́.
8K u В конце слова: бу́ду, го́лову.

Примеры на округлённые гласные среднего подъёма.

9A $\hat{ö}$ вы́гнал её из го́рода (...ŷô? ŷiô?); тётенька (манер о-ласкат.; обыч. см. 10 E и 10 G).
10E $\dot{ö}$ всё это, тётенька (см. 10 G).
9F $\hat{ö}$ держа́л её ... (...ŷiô), полуста́нок (Ушаков).
10G $\dot{ö}_1$ Лёня, тётя (тётенька, см. 9E и 10E), полуста́нок (Дурново).
9I $\hat{o}$ полк, стол?
10I o дом, коро́ва, го́род.
9K $\hat{o}$ держа́л его (...ŷvô).

NB. Всякое неударяемое о (из о в ударяемом слоге слабоударяемых слов), повидимому, напряжённое.

II. Опыт фонетической транскрипции „Дачников“ А. П. Чехова.*)

Da'č'ni̯k'i̯. Raskás Č'e'xъvъ.[a])

Pada'č'nъi̯ płatfo'r'm'i̯ vza't ẏf'p'iro't pragû'l'i̯vъłъs pa'rъč'kъ n'ida'vnъ pъži̯n'i'fšъxsъ suprû'gъf.[б]) O'n d'irža łẏi̯ô zata'l'i̯i̯û, aana' ža'łъs kn'imû', io'bъ bŷ'l'i̯ š̯'ä'šl'i̯vẏ. Ižao'błъč'nъx[1]) abrŷ'fkъf gl'id'e'łъ nan'i'x łuna' ixmû'r'i̯łъs: v'i̯raja't'nъ,[в]) jê'i̯ bŷ'łъ zav'i'dn'ъ i̯dasa'dn'ъ nъsvajo' skû'šnъi̯ь, -n'ikamû n'inû'žnъi̯ь d'e'fstvъ. N'i̯pad'v'i'žnъi̯ vo'zdu̯x bŷ'ł gû'stъ nasy'š̯'i̯n za'pъxъm š'ir'ê'n'i̯ i̯č'iro'muxi̯. Gd'e'tъ,[2]) patusto'rъnu r'ê'l'sъf, kr'ič'a'ł kъrašt'ê'l'.

— Ka'k xъrašo', Sa'šъ, ka'k xъrašo'! — gъvar'i'łъ žyna'. — Pra'vъ,[3]) mo'žnъ padû'mъt', štъfšo'êtъ š'n'ičъ. Tŷ' pъsmatr'i', ka'k uju't'nъ[в]) i̯ła'skъvъ gl'id'i't e'tъt l'iso'k! Kakm'i'łẏ ê't'i̯ sal'i'dn'ъi̯, mъłč'il'i'v'ъi̯ t'il'igra'fn'ъi̯ stałbŷ'. An'i', Sa'šъ, ažẏ,vl'ä'ut łanša'ft ẏgъvar'a't, štъta'm, gd'e'tъ,[2]) jê'št'[4]) l'û'd'i... cẏv'il'iza'cъi̯ь... Ara'ž'v'i t'ib'e' n'inra'v'ičъ, kada' dъtvъivo' słû'xъ vê't'i̯r sła'bъ dano'šit šûm ẏdû'š̯'i̯vъ po'i̯zdъ?

— Da'... Kak'i'i̯, adn'a'kъ ut'ib'a' rû'k'i̯ gar'ä'či̯i̯! e'tъ a̯tavo', štъtẏ-vałnû'i̯ššъ,[5]) Va'r'ъ... Što' una'š̯ivo'd'n'ъ[2]) kû'žẏ,nu gato'v'i̯li̯?

— Akro'šku̯ i̯cẏpl'o'nkъ... Cẏpl'o'nkъ na'm nъdvai'γ davo'l'nъ. T'ib'e' izgo'rъdъ pr'iv'ižl'i' sard'i'nẏ ibałŷk.

Łuna', to'č'nъ tъbakû' pan'û'xêłъ, spr'a'tъłъžao'błêkъ. L'ucko'i̯ь š̯'ä'st'jь[6]) napo'mn'iłъ jê'i̯ abẏjo' ad'ino'čišt'v'i̯, ad'ino'kъi̯ pašt'ê'l'i̯ zъl'isa'm'i̯ i̯dała'm'i̯...

— Po'ist ẏd'o't! — skaza'łъ Va'r'ъ. — Ka'k xъrašo'!

Vdal'i' pъkaza'l'is tr'i' o'gn'i̯nъi[7]) gła'zъ. Nъpłatfo'rmu̯ vy'šъł na-č'ä'l'n'i̯k pôłusta'nkъ.[8]) Nar'ê'l'sъx ta'm ẏša'm zъm'il'ka'l'i̯ šigna'l'nъi̯ agn'i'.

— Pravo'd'i̯m po'ist·ẏpai̯d'o'm damo'i̯, skaza'ł Sášъ iživnû'ł, Xъrašo namstabo'i̯ ži,vo'čъ, Va'r'ъ, ta'k xъrašo', štъda'žъ[8а]) n'iv'iraja't'nъ![в])

T'o'mnъi̯ь straši'l'iš̯ь b'išû'mnъ pъtpałzło' kpłatfo'r'm'i iastъnav'i'łêš. Fpôłuašv'iš̯'o'n'ъx[9]) vago'n'ъx o'knъx zъm'il'ka'l'i̯ so'n'ъi̯ l'i'cẏ, šl'ä'pk'i̯, pl'ê'č'i...

— A'x! A'x! — pasłŷ'šъłês ẏzъdnavo' vago'nъ. — Va'r'ъ smû'žъm vŷ'słъ na's fstr'ê't'it'! Vo't an'i'! Va'r'inkъ![а]) Va'r'ičkъ![а]) A'x!

---

*) В основу транскрипции положено произношение Ушакова; произношение Дурново, в случаях отличия, указано в сносках под цифрами. Сноски под буквами дают возможные варианты произношения у обоих наблюдателей или обьяснения. Случаи иррациональности ъ не отмечались.

а) Č'e'xъvâ, Ni'nâ! и т. д. б) pъži,n'i'fšъxsuprû'gъf, в) v'i̯raji̯a't'nъ, uju't'nъ и т. п., г) s с твёрдым началом и мягким концом,

1) o'błêšnêx, 2) γd'e'tъ, 3) pra'wô, 4) jê's, 5) a̯tavo'šъ tẏałnŷû'išъ, 6) š̯'ä's̯jь, 7) o'gn'inъi, 8) pô,łusta'nkъ, 8а) štəda'žъ, 9) fpô,łuašv'iš̯'o'n'ъx,

Izvago'nъ vŷ'skъčịl'ị d'ved'évъč'k'ị[д]) ịpavî'šl'i našê'ị uVa'ŕî. Zańi'ḿî pъkaza'lŝs po'łnъịь[е]) pъžy̑ₗla'ịь da'mъ ịvýso'kъị to'š'ịị gъspad'i'n šidŷ'ḿị ba'č'kъḿị, pato'm dvag'ịmnažî'stъ, navjû'č'ịn̂ъị[10]) bъgažo'm, zъĝịmnaží'stъḿị guvirna'nkъ, zъguvirna'nkъị ba'buškъ.

— Avo't ymŷ', avo't ymŷ', družo'k! na'č'ịł gъspad'i'n zba'č'kъḿị, pъžy̑ₗma'ịь Sa'šy̑ₗnu rû'kụ. — Č'ä'ị, zažda'łsъ! Ňibo'ž brańî'ł d'ä'dụ zato'štъ ńijê'd'ịt! Kó'l'ь,[ж]) Ko'št'ь,[ж]) Ňi'nъ,[а]) Ŕi'fъ...[а]) d'é't'ị! Całû'ịt'ị kuze'nъ[з]) Sa'šụ! Fše' kt'ib'e',[11]) fše'm vŷ'vъtkъm, id'ińka' na'tŕî, nъč'itŷ'ŕi. Nad'ê'ụs, ńịšt'išńi'm? Typaža'łъstъ, b'iscyŕimo'ńịị.

Uvi'd'iv d'ä'd'ụ[п]) šińê'ịstvъm, suprû'g'ị pŕišl'i'vû'žъs. Paka' d'ä'd'ь gъvaŕi'ł ycъława'łsъ, v̄ъåbražê'ńịị Sa'šy̑ₗ prъḿil'knû'łъ kaŕt'i'nъ: o'n yžy̑ₗna' adajû'd gašt'a'm svai' tŕiko'mnъty̑, padû'šk'ị, åd'ija'łъ; bały̑'k, sard'i'ny̑ ịakro'škъ šjida'ụ̈cъ[12]) vadn̂û' šikû'ndụ, kuze'ny̑ rvû'c̄vity̑', prъl'iva'ụ̈c̄iŕńi'łъ, gałd'a't, t'o'tụškъ ce'łъị 'dn̂i' tałkû'ịt ъsvåjê'ị bal'ê'žńị (sôl'ite'r yboľ padło'žъč'kъị) ịato'm štъana' urażd'o'n̄ъịь bъrạne'sъ fonf'i'ńt'ịx...

I Sa'šъ užeśńe'nъvist'ịụ[13]) smatŕe'ł nъsvajû' mъładû'ụ̈[к]) žy̑ₗnû' ịšy̑ₗpła'łjêị: e'tъ ańi' kt'ib'e'[11]) pŕije'xъl'ị... č'o'rdbъ ixpabra'ł!

— Ňe't, kt'ib'e'![11]) — at'vič'a'łъ ana', bl'e'dn̂ъịь, tožъšńe'nъvišt'ịụ[л]) isazło'bъị. — E'tъ ńimai', åtvai' ro'ct'vịńịk'i!

Iab'irnû'fšъz ĝašt'a'm,[14]) anaskaza'łъ spŕivê't'l'ịvъị uły̑'pkъị:

— Ḿi'łъšt'ị pro'šịm!

Ižao'błъ̂kъ apä't' vŷ'płъ̂łъ łuna'.[м]) Kaza'łъs, anaułyba'łъ̂s; kaza'łъ̂s, ịe'ị by̑łъpŕija'fnъ, štъụńijo' ńe't ro'ct'vịńịkъf. A Sa'šъ at'virnû'łsъ štъbъskrŷ't' ådgašt'ê'ị svaịôšiŕdi't'ъịь, ac̄'ä'ịn̄ъịь[15]) l'ico', ịskaza'ł, pŕidava'ịь go'łъsụ ra'dъsnъịь, błъgadû'šnъịь vyražê'nịịь:

Ḿi'łъšt'ị pro'šịm, ḿiłъšt'ị pro'šịm, dъrag'i'ị go'št'ị!

Н. Дурново и Д. Ушаков.

д) так: d'v'e..., но возможно и: d'vê..., а) Č'e'xъvậ, Ňi'nậ! и т. д., е) po'łnъịь, ж) Ko'l'ậ и т. п., з) так: -ze'- (не -že'-), п) u'äd'ụ̈ (перед мягким s), к) ụ̈ только в тесной связи с след. словом; иначе -ịụ̈, л) -t'ịụ̈ (перед i), м) vŷ'pł łuna'.

10) navjû'č'inъ̂ị, 11) xt'ib'e', 12) šji-da'ụ̈cъ, 13) užъš ie'nъvịšt'ịụ. 11) xt'ib'e', 14) γgašt'am, 15) ac̄'ä'ịnъịь.

Kritiky a referáty.

St. Słoński: **Tak zwane perfektum w językach słowiańskich.** Odbitka z Prac Filologicznych t. X. Warszawa 1923.

Der X. Bd. der Prace Filologiczne, welcher als ersten Aufsatz diese Arbeit Słońskis enthält (S. 1—33), erschien erst im Jahre 1926, der Aufsatz war aber schon längst gedruckt und als Sonderabdruck einer beschränkten Anzahl von Fachgenossen zugeschickt worden. Denselben Gegenstand behandelt Pogorělov: **Употребленie формъ прошедшаго сложнаго въ текстѣ Евангелія,** Sborník filos. fak. univ. Komenského v Bratislavě III, 217—224 (1925). Die Priorität gebührt also Słoński, anderseits aber ist die jüngere Arbeit von der älteren vollständig unabhängig. Die beiden Forscher gelangen zu demselben Resultate: das würde für die Richtigkeit dieses Resultates sprechen, wenn es sich um eine mehr oder weniger gewagte Hypothese handelte; das statistische Material Słońskis ist aber an sich schon so überzeugend, dass seine Hauptthese auch ohne die Arbeit Pogorělovs als bewiesen gelten könnte. An der Hand einer vollständigen Materialsammlung aus den altkirchenslavischen Sprachquellen weist Słoński nach, dass im allgemeinen der Aorist und das Perfektum im Aksl. dieselbe Funktion gehabt haben, dass aber das Perfektum eine Vorliebe für die zweite Person Singular und in geringerem Grade für die dritte Person Singular gehabt hat: in diesen Personen wurde zuerst der Aorist von dem periphrastischen Tempus zurückgedrängt, was mit der Formidentität und der dadurch verursachten Zweideutigkeit der 2. und 3. Person Aorist zusammenhängt. Die Zahlenverhältnisse reden eine so deutliche Sprache, dass keine Einwände möglich sind. Und die am Ende seines Aufsatzes von Słoński angeführten Zahlen aus alten Texten anderer slavischer Sprachen machen es wahrscheinlich, dass im allgemeinen auf dem ganzen slavischen Gebiete die allmähliche Verdrängung des Aoristes durch das Perfektum auf dieselbe Weise stattgefunden hat. Daneben erkennt Słoński S. 27 für eine geringe Anzahl von Fällen einen dem griechischen perfectum praesens annähernd entsprechenden Gebrauch des Perfektums an.

Das Hauptergebnis von Słońskis und Pogorělovs Untersuchungen dürfte feststehen. Es lässt sich aber noch einiges hinzufügen und auf die Dauer wird man noch wohl auf zahlreichere neue Details aufmerksam werden. Neben dem Hauptprinzip der Entwicklung haben auch andere Tendenzen gewirkt. Das hat schon Pogorělov gesehen. Dieser hat sich eine beschränktere Aufgabe gestellt als Słoński, indem er nur den aksl. Evangelientext untersucht hat: insofern aber hat er seine Aufgabe breiter

aufgefasst, als er auf diejenigen Fälle, wo andere Perfektpersonen als die 2 Ps. Sg. vorliegen, näher eingegangen ist. Er kommt zum Ergebnis, dass hier in den meisten Fällen eine an die neubulgarische Regel erinnernde Verteilung der zwei Tempora vorliegt: in den Perfektformen liege ein „особый оттѣнокъ значенія, оттѣнокъ сомнѣнія, неувѣренности въ дѣйствительности факта, или по крайней мѣрѣ неопредѣленности, поэтому очень часто мы встрѣчаемъ ихъ при передачѣ чужихъ словъ“ (S. 222). Nicht auf alle Fälle, welche nicht nach Słońskis Regel zu erklären sind, lässt sich dieses von Pogorělov hervorgehobene Erklärungsprinzip anwenden, dass es aber für gewisse Fälle das Richtige trifft, darin hat Pogorělov ohne Zweifel recht. Ich möchte hier auf folgende Stelle aus dem Traktate Chrabrs hinweisen: аще ли въпросиши словѣн'скыѧ боукарѧ глѧ· кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ; то вьси вѣдѧть и отвѣщавше рекѫть· стыи Кwстантинъ... тъ намъ писмена створи и книгы прѣложи (Jagić, Изслѣдованія по русск. яз. I. 299, 26—30), — wobei ich Weigands Definition des Perfektgebrauches im Neubulgarischen zitiere (Bulg. Gramm.[2] 142): »Das Pf. wird gebraucht, um Handlungen der erzählenden Vergangenheit und vollendeten Gegenwart zu bezeichnen, die man nicht selbst als Augenzeuge gesehen hat, sondern mehr vom Hörensagen kennt. Sein Platz wird also besonders in Erzählungen aus der Vergangenheit, in Märchen, in fragenden und zweifelnden Sätzen, in Zeitungsberichten, in der indirekten Rede, kurz, in allen Mitteilungen sein, in denen eine subjektive Unbestimmtheit des Mitgeteilten in Betracht kommt.« Es wäre erwünscht, dass einmal ein geborener Bulgare untersuchte, inwiefern der merkwürdige Wechsel von Aorist und Perfektum auch in anderen Teilen des Traktates Chrabrs von dem jetzigen bulgarischen Sprachgefühl als richtig empfunden wird, und eine solche Untersuchung sollte sich auch auf anderes Material, an erster Stelle auf das von Pogorělov aus dem Evangelium gesammelte, ausdehnen.

In meiner Arbeit »Zur Komposition des aksl. Codex Suprasliensis« (Amsterdam 1925) nahm ich eine kleine Berichtigung zu einem Passus aus Słońskis Arbeit vor, indem ich nachwies, dass das Vorherrschen der 3. Person Sg. Perf., wodurch dieses Denkmal sich vor allen anderen unterscheidet — wo die 2. Ps. am häufigsten ist — eine Eigentümlichkeit nicht des ganzen Suprasliensis, sondern nur von vier der in demselben enthaltenen 48 Nrn. ist, und zwar 6, 41, 42, 43 (a. a. O. I. S. 15 ff.). Später wurde ich darauf aufmerksam gemacht, dass dieses Vorherrschen der 3. Ps. Sg. Pf. mit einem Fehlen der Verbalform ѥстъ gerade in diesen selben Nrn. zusammengeht (s. Archiv XL, 269); ebenso in Nr. 6 (S. 53—55) der von Stojanović herausgegebenen Texte von Klemens (im LXXX Sbornik der Petersburger Akademie); dieser Text stimmt teilweise wörtlich mit Nr. 43 des Suprasliensis überein, die vorwiegende, wenn auch nicht ausnahmslose Verwendung der 3. Ps. Sg. Pf. ohne Kopula weist darauf hin, dass Stojanović wohl unrichtigerweise diese Nr. in

[1]) Auch bei anderen Nrn. kann man zweifeln, ob Klemens der Verfasser ist; keine andere weicht aber so stark ab wie Nr. 6.

seine Sammlung aufgenommen hat[1]). — Zum Pf. ohne Kopula s. Jagić Archiv VIII, 68 ff.

Einen Passus aus Słońskis Arbeit hätte ich gerne etwas ausführlicher gesehen; sogar schadet die Kürze der Verständlichkeit und der Genauigkeit. Ich meine S. 26, wo der Verfasser ausser den zwei umschriebenen Präteritis (*-lъ + jesmь, -lъ + běxъ*) einige andere periphrastische Tempora nennt, welche ebenso wie jene Neubildungen sein sollen, und zwar »dwa opisowe czasy przyszłe i nawet t. zw. conditionalis«. Zuerst fragt es sich: welche zwei periphrastische Futura sind gemeint? Ich denke wohl: 1. *xoštǫ, načьnǫ* c. infin., 2. das futurum exactum auf *-lъ + bǫdǫ,* welches besonders häufig im Nomokanon in 50 Titeln vorkommt (s. H. F. Schmid, Die Nomokanonübersetzung des Methodius 87 f.). Dass diese Tempora im Slavischen sehr jung sind, daran zweifelt wohl keiner. Etwas anders liegen die Sachen aber bei dem Konditional. Słoński bemerkt richtig, dass die Konditionale in abhängigen Fragesätzen und in Finalsätzen mit *da* sekundären Ursprunges sind, aber der Irrealis mit *ašte bimь* ist doch jedenfalls älter als die ältesten Übersetzungen; in derjenigen Periode, wo das umschriebene Perfektum sein Gebiet allmählich ausdehnte, lag der Konditionalis-Irrealis als ein fertiger Modus vor. Die Beschränkung des Paradigmas *bimь, bi* usw., *bǫ*, welches formell mit *bǫděmь (otъpaděmъ), bǫdi* usw., *bǫdǫ*[1]) zu vergleichen ist, auf diesen konditional-irrealen Gebrauch und die Verbindung desselben mit dem Ptz. auf *-lъ* sind vorhistorisch, und die Vermutung von Jagić, Beiträge zur slavischen Syntax 65, dass der Konditional mit *bimь* älter sei als die anderen periphrastischen Formationen mit dem *-lъ*-Partizip, darf nicht ohne weiteres abgelehnt werden. Jagić hat allerdings nicht bewiesen, dass der erste Anfang des Konditionales weiter zurückliegt als derjenige des Perfekts; es steht aber fest, dass der Konditional früher als das Perfektum als eine fertige Verbalkategorie vorgelegen hat. Weit in die prähistorische Zeit wird auch dieser Konditional nicht hinaufreichen, seine Bezeichung als Neubildung ist nicht unrichtig, trotzdem aber hätte Słoński, dessen Aufsatz für die relative Chronologie des Perfekts so wichtig ist, auch dieser Seite des Chronologieproblemes die nötige Aufmerksamkeit widmen sollen.

Leiden. *N. van Wijk.*

М. Н. Петерсон: **Очерк синтаксиса русского языка.** Госуд. Изд-во. Москва—Петроград 1923; 130+II стр.

Он же: **Русский язык. Пособие для преподавателей.** Гос. Изд. Москва—Ленинград 1925; 123 стр.

М. Н. Петерсон - один из главных представителей московского крыла т. наз. »формальной школы« русских грамматиков, и его »Очерк« является как бы программой построения синтаксиса в духе этой школы.

»Введение« (5—37) содержит беглый критический разбор взглядов на предмет синтаксиса Буслаева, Потебни, Фортунатова, Пешковского

[1]) Diese 3. Ps. Pl. gehört paradigmatisch zum Optativ-Imperativ.

и Риса (5—28) и две главы еще: »Паратаксис и гипотаксис« (28—33) и »Форма и функция« (33—37). Из разбора взглядов своих предшественников автор делает вывод, что синтаксис надо понимать, как учение о словосочетании, а не предложении. На стр. 16 он принимает Фортунатовское определение словосочетания, как сочетания »одного полного слова (не частицы) с другим полным словом«.[1]) Этому определению соответствует классификация словосочетаний (34) и весь отдел о соединении слов в словосочетании. Но в отделе о соединении словосочетаний П. под словосочетанием понимает уже соединение не только двух, но и нескольких слов и притом говорит о соединении только таких словосочетаний, которые в традиционных грамматиках признаются предложениями, стоящими друг к другу в отношении паратаксиса или гипотаксиса.

В главе »Паратаксис и гипотаксис« П. доказывает, что эти понятия — не грамматические: при соединении двух словосочетаний в одно целое, каждое из них имеет формальные признаки, указывающие на эту связь, — если не союзы и относительные слова, то интонацию, — так что оба являются взаимно обусловленными, и ни одно из них не подчинено другому. Я думаю, что по отношению к русскому языку П. прав. Но есть языки, которые помимо формальных признаков, указывающих на взаимную обусловленность двух связанных в одно целое словесных групп, имеют и такие, которыми одна из них обозначается, как относительно независимая или необусловленная, другая, как зависимая от первой группы, ею обусловленная. Такая форма гипотаксиса есть, напр. в немецком языке, это — постановка глагола на конце в т. наз. »придаточных предложениях«, т. е. в тех словесных группах, которые именно такой постановкой обозначаются, как зависимые в каком то отношении от связанных с ними словесных групп, где такого порядка нет; только в таких случаях и можно говорить о гипотаксисе в немецком языке. В латинском яз. существовала особая форма обусловленного наклонения, обозначавшего зависимость содержания словесной группы, заключавшей эту форму, от содержания другой, связанной с нею словесной группы, — а именно, coniunctivus, который мог быть и в обеих группах — и тогда указывал на их взаимную обусловленность — и в одной из них, при индикативе в другой, и тогда указывал на то, что обусловленной, resp. зависимой является только та, в которой стоит coniunctivus, т. е. форма coniunctivi была формой гипотаксиса. Эта форма указывала, что известное утверждение принадлежит не говорящему, а лицу, о котором идёт речь; в немецком порядок слов с глаголом на конце имеет другое значение. Отсюда видим, что формой гипотаксиса в разных языках могут обозначаться разные явления, которые могут не совпадать с тем, что называется гипотаксисом в традиционных грамматиках, руководящихся не грамматическими, а логическими признаками.

[1]) Сочетание более, чем из двух слов, при таком понимании распадается на несколько словосочетаний, при чём одно слово может быть одновременно членом двух словосочетаний.

В главе »Форма и функция« П. определяет понятие грамматической формы и её функции и даёт классификацию словосочетаний по формальным признакам. В понимании формы П. следует Фортунатову, функцию определяет, как »совокупность значений, в которых форма употребляется, или точнее, с которыми ассоциируется звуковая сторона формы« (34), и в классификации исходит из различия в способах выражения отношений между словами, составляющими словосочетание, устанавливая такие типы словосочетаний: I. словосочетания, в которых отношение между словами выражено 1. личными окончаниями, 2. родовыми окончаниями: *a*) только родовыми (прилагательных кратких и глаголов), *б*) родовыми и падежными, 3. постановкой двух существительных в одинаковых падежах, 4. падежными окончаниями (существительного), 5. падежными окончаниями и предлогом, 6. союзами, 7. вспомогательными глаголами, и II. словосочетания, в которых »отношение между словами указанными выше средствами не выражено«. (34—35). Остальных формальных признаков, относящихся к составу словосочетания, равно как и других чрезвычайно важных грамматических фактов, обыкновенно рассматриваемых в синтаксисе, П. в своей книге не касается, ограничивая область синтаксиса только изучением способов, которыми выражаются отношения между словами в словосочетаниях, и способов соединения словосочетаний известного типа. Остаётся вопрос, к какому отделу грамматики относятся опущенные им факты, не укладывающиеся в морфологии, как учении о формах отдельных слов. Но в пределах поставленных себе автором задач его схема достаточно стройна, логична и удобна, охватывая почти все встречающиеся в русском языке способы соединения двух слов в словосочетании. Неудобно, впрочем, соединение в одной группе II сочетаний со словами, не имеющими грамматических форм, и сочетаний с наречиями на *-о* и *-ски* и деепричастиями, указывающими своей формой на известные отношения к глаголу.

В классификацию соединения словосочетаний П. включает только соединения таких словесных групп, которые в традиционных грамматиках рассматриваются, как предложения. Т. о. остаются без рассмотрения почти все словесные группы, состоящие более, чем из 2 слов, и не входящие в состав тех целых, которые в старых грамматиках назывались »сложными предложениями«. Неправильно, по моему, рассматриваются, как соединения словосочетаний, конструкции с относительными словами и союзом что, в которых словосочетание, содержащее такие частичные слова, связывается при помощи их не с целым словосочетанием, а с отдельным словом, которое может и не входить в словосочетание.

В главной части (38—129) П. рассматривает в систематическом порядке словосочетания (38—103) и соединения словосочетаний (103—123), останавливаясь в описании каждого типа на порядке слов, функциях данного типа и его происхождении. Интонации и паузы выделены в особые главы. Обзор словосочетаний и их соединений, как носящий программный характер, заведомо не полон. Так, напр., не говорится о сочетаниях с формой повелит. накл., нет словосочетаний с твор. предикативным, с числительными, сочетаний прилагательных с косв. паде-

жами существительных, сочетаний существительных с косв. падежами с предлогами и с дат. и твор. без предлогов, не указано на синтаксические отличия отглагольных существительных от остальных, из соединений слов в словосочетания посредством союзов названы только словосочетания с союзами *и, ни, то, нето,* нет соединений »существительное-словосочетание с союзом *что*« (*мысль, что . . ., известие, что . . .* и т. п.) и т. д.; порядок слов для бóльшей части словосочетаний оставлен под вопросом и нигде не рассматривается с достаточной полнотой; при перечне функций почти каждого типа словосочетаний имеется оговорка относительно его неполноты: »Не стремясь исчерпать их, приведу наиболее частые и ясные« (39), »Есть и другие функции« (50) и др. Желательна была бы бóльшая детализация, напр., там, где рассматриваются сочетания с личными формами глагола, и др.

Определение функций »не удовлетворяет . . . самого автора« (4). Не удовлетворяет оно и меня. Функцией словосочетания следует считать комбинацию двояких значений: *а)* совокупности словарных значений входящих в него слов и *б)* значений, вносимых формальными признаками словосочетаний.[1]) Между тем, П., определяя функции словосочетаний с формами лица и рода, значений *б)* не принимает во внимание, а только значения *а)*. Благодаря этому, словосочетания, совершенно различные по своим грамматическим функциям, определяются часто, как имеющие одинаковую функцию; таковы, напр., функции »предмет и его действие«, »предмет и его качество« и др.[2]) Удачнее определены функции словосочетаний с косвенными падежами без предлогов и с предлогами, где приняты во внимание и значения, вносимые формальными признаками этих словосочетаний, т. е. формами косвенных падежей и предлогами; и этот отдел вообще разработан детальнее других: сочетания с каждым падежом и каждым предлогом рассматриваются отдельно. Но здесь следовало бы избегать частых у П. определений словосочетаний с предлогами посредством формул, заключающих те же самые словосочетания, как напр., словосочетания с предлогом *под:* »действие и предмет, *под* который оно направляется« (61); ср. также словосочетания с предлогами *через* (62), *до* (76), *за* (83), *над* (85) и др.

О происхождении различных типов словосочетаний и их функций П. говорит очень коротко, ограничиваясь замечанием об о.-и.-е., о-сл. или специально русском происхождении данного типа, со ссылкой на

---

[1]) Так как отношение между словами в формах самих слов выражается обыкновенно формой только одного из них, то вносимое такой формой значение может рассматриваться и в морфологии, как значение формы самого слова, но настоящее место ему всё таки в синтаксисе. Не всегда такое значение остаётся одинаковым во всех словосочетаниях, заключающих ту-же форму, или достаточно отчётливым. К таким неотчётливым и непостоянным значениям относятся, напр., значения, вносимые сочетанием с формами отдельных косвенных падежей. Наоборот, значения форм лица и рода в общем довольно постоянны и более или менее одинаковы в различных сочетаниях с той же формой лица или рода.

[2]) Так, в словосочетаниях: *рожь желтеет, рожь желтела, рожь желта, жёлтая рожь, желтеющая рожь, желтизна ржи,* по П., функция одна и та же: „предмет и его качество“ (99).

литературу вопроса, называя впрочем почти исключительно пособия общего характера. Реже даются некоторые исторические подробности, с примерами из памятников и старых писателей, взятыми также из общих пособий, и только происхождению и истории словосочетаний с предлогом *из* посвящён самостоятельный экскурс (68—72).

Обзоры соединений слов в словосочетаниях и самих словосочетаний заканчиваются каждый перечнем названных в этих обзорах функций, с указанием тех типов словосочетаний, где они найдены (98-103, 121—123).

В конце прибавлены 3 коротких главы: Предложение (123—124), Паузы (124—126) и Интонация (126—129). *Предложение* определяется, как »интонационное единство«, т. е. интонационно вполне законченное целое. Ничего не сказано о том, что такое интонационное единство (законченность) является формальным признаком смыслового единства (законченности), чем обусловливается то обстоятельство, что в качестве предложений обычно являются только некоторые формы и категории слов и только некоторые типы словосочетаний. Но П. совсем не касается вопроса, какие именно слова или формы слов и словосочетания могут быть или обыкновенно бывают предложениями.

Паузу П. рассматривает как самостоятельный грамматический признак. Это неверно. Пауза в русском языке, как грамматический факт, обязательно связывается с известными интонациями и без соответствующей интонации не воспринимается, как таковой; наоборот, грамматическая пауза может не осуществляться, оставаясь только потенциальной, если налицо есть соответствующая интонация.

В главе об *интонациях* говорится коротко только об интонациях предложения, перечисления и соединения словосочетаний.

Несколько частных замечаний:

57. Сочетания с предлогом *за* и вин. пад. указывают не время, в которое происходит действие, а время, в течение которого действие доводится до конца.

60. Сочетания с предлогом *по* и вин пад. обозначают место и время, не »до которого простирается (продолжается) действие«, а которым кончается распространение или продолжительность действия.

69. Глаголы с приставкой *из* обозначают не »завершенность«, а исчерпанность действия.

81. В сочетаниях с предлогом *по* и дат. пад. во временном значении можно различать 2 функции: 1. время, после которого происходит действие, и 2. только с дат. множ. — промежутки времени, в которые повторяется кратное действие (у П. только: действие и время, когда оно происходит«).

113. Словосочетания типа »быстрый как ветер« почему-то П. относит к случаям соединения словосочетаний, тогда как здесь обычное соединение двух отдельных слов в словосочетание посредством союза. Не понимаю фразу: »В словосочетаниях с союзом *как* . . . бóльшею частью не повторяется слово, общее обоим словосочетаниям«, напоминающую старые учения об эллипсах и подразумеваниях, тогда как этот оборот о.-и.-е. происхождения.

Отмеченные пробелы не мешают признать, что П. произвёл полезную работу по систематизации синтаксических фактов русского яз., касающихся способов выражения отношения между словами в парных словосочетаниях и соединения некоторых типов сочетаний слов, и по выяснению функций этих словосочетаний и соединений и в общем правильно наметил рамки, в которых может вестись дальнейшая работа в этом направлении. Но этими рамками, конечно, обьём и задачи синтаксиса не исчерпываются.

»Русский язык« П-на содержит беглую характеристику звуков русского литературного языка и краткий очерк грамматики, т. е. морфологии и синтаксиса, с некоторыми сведениями по истории разработки грамматики, начиная с александрийских учёных, и методическими указаниями. Как методическое руководство, не преследующее научных целей, книга в целом рассмотрению здесь не подлежит, но кое-что внимания заслуживает. В морфологии отмечу классификацию слов по формам словоизменения,[1]) п. ч. сам автор ставит её во главу своей грамматической системы. Он делит слова по названному признаку на следующие группы: А) слова, имеющие формы словоизменения: 1. падежа (существительные), 2. рода: *а*) только рода (прош. вр. и т. наз. краткие формы прилагательных), *б*) рода и падежа (прилагательные и причастия), 3. лица (личные формы наст. или буд.); Б) слова, не имеющие форм словоизменения (29, 39).[2]) Повелит. наклонение в эту классификацию не попало: в А 3 оно не включено по тем соображениям, что »если и можно здесь говорить о лице, то совсем в ином смысле, чем в личных словах«, п. ч. оно показывает отношение только ко 2-му лицу речи (49). Если бы и было так, то последовательность требовала бы введения в А для повелит. накл. ещё класса слов, имеющих формы только числа. Но повелит накл. во множ. формы лица различает, ср. *скажемте* и *скажите*. Не занимает особого места в классификации группа форм »словоизменения другого рода« (46), т. е. формы времени и наклонения, попавшие частью в А 2, вместе с прилагательными, частью — в А 3, частью (повел. накл.) никуда не попавшие, вследствие чего автору приходится отвести им особую главу (46—49),

[1]) Термин и понимание его — Фортунатовские; см. *Фортунатов*, Разбор сочинения Ульянова, стр. 7 (Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наук, т. 74): *он-же*, Сравн. языковедение, общий курс (литогр. изд. 1902 г.), *Поржезинскій*, Введеніе в языковѣдѣніе, изд. 4. 1916, *Ушаков*, Краткое введение, § 69. Ниже нумерация рубрик — Петерсона; в скобках — мои пояснения.

[2]) Та же классификация — в „Очерке", 15—16, где сказано, что она представляет применение к фактам русского яз. Фортунатовской классификации для о.-и.-е. Но в о.-и.-е. ассоциации между словами с формами словоизменения были другие: там все формы наклонения и времени выражались в формах лица, а формы рода сами по себе нигде не имели предикативного значения, как в русских формах прош. врем. и кратких прилагательных; не было еще там и грамматических наречий, которые могут рассматриваться, как особая форма прилагательных, показывающая отношение к глаголу. Поэтому категории слов, имеющих формы лица, и слов, имеющих формы согласования в роде, представлялись резко обособленными.

Классификация основана исключительно на синтаксических значениях форм словоизменения, благодаря чему слова с одинаковыми основами таких форм частью оказываются в разных классах; таким образом она разрушает прочные ассоциации, существующие между словами[1]) и является, в сущности, классификацией не слов, а только синтаксических форм, обозначающих отношения между словами в словосочетании. Как такая, она, в общем, правильна: формы отдельных слов, выражающие это отношение, действительно, сводятся к трём основным группам: падежным формам существительных, формам согласования в роде и числе или в роде и падеже и формам лица; правильно и указание, что формы прош. врем. глаголов и т. наз. кратких прилагательных составляют особую группу, которую я бы назвал формами предикативного согласования. Но принцип, положенный в основу классификации, допускает возможность и иной группировки. Форма имен. пад. существительных, как не обозначающая тех отношений к другим словам в словосочетании, какие обозначаются формами косвенных падежей, и в то же время вступающая в совершенно иные сочетания, чем эти формы, может быть выделена в особую группу; с другой стороны, напр., наречия на *-о* и *-ски* можно с таким же правом присоединить к прилагательным, рассматривая их, как форму, показывающую отношение прилагательного не к существительному, как формы рода, а к глаголу, ср. косвенные падежи существительных, показывающие отношение и к глаголу и к имени.

Заслуживают внимания и определения понятий вида и залога и их функций, отличные от даваемых во всех более ранних грамматиках и основанные на определениях, данных Фортунатовым.[2]) Определение функций непереходного залога[3]) близко к тому определению функций возвратной формы, какое даётся в моём »Грамматическом Словаре« М. 1924, 21—23, отличаясь от него только присутствием функции »изменения в состоянии субъекта« (примеры: *сердиться, пугаться*) и отсутствием значений непрямого возвратного, усиления непереходности и безличного; последние два значения им тоже указываются, но, по его мнению, форм залога не образуют. Но мне такое разграничение, имеющееся и у Фортунатова, случаев, где значение, вносимое частицей *-ся* в значение глагола, известного и без *-ся*, является значением формы залога, и случаев, где оно таким не является, представляется несколько субъективным.[4]) Определение совершенного и несовершенного вида, как вида, обозначающего »данное явление по отношению к ограниченному

---

[1]) Этого не было в о.-и.-е., где слова с формами лица, слова с формами падежа и слова с формами согласования в роде не совпадали между собою по основам форм словоизменения. См. предыдущее примеч.

[2]) О залогах русского глагола (Изв. IV. 1899) и Отчёт Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наук за 1910, стр. 15—19 (о видах).

[3]) Т. е. залога образуемого с помощью частицы *-ся.*

[4]) Ср. *Шахматов*, Очерк совр. русского литер. яз. 169, *Карцевский*, Русский яз. (Прага 1925), 40: даваемые ими определения возвр. формы глагола подходят и к тем функциям, которые П. не считает функциями непереходного залога.

времени«, и вида, обозначающего явление »без отношения к ограничению во времени« (53), взятое у Фортунатова, представляется мне более точным, чем даваемые Шахматовым и мною.[1]) Но неверно, что »глаголы со значением неопределённой повторяемости... в сложении с приставками получают значение несовершенного вида« (54), п. ч. при сохранении значения неопределённой повторяемости такие глаголы — совершенного вида, а в тех случаях, когда они — несовершенного вида, они не имеют значения неопределённой повторяемости и сознаются, как образования несовершенного вида путём изменения основы к глаголам совершенного вида с той же приставкой, но с другим видом основы.[2])

На остальных частностях можно не останавливаться.

Понимание синтаксиса здесь — то же, что и в »Очерке«. В классификации словосочетаний есть некоторые несущественные изменения. Кое-где видоизменена формулировка, не везде удачно.

Брно 1. II. 1926. *Николай Дурново.*

G. Schwela: **Vergleichende Grammatik der ober- und niedersorbischen Sprache.** Bautzen 1926, 8⁰, str. 63.

Autor pożytecznej książki do nauki języka dolnołużyckiego[3]) (Lehrbuch der niederwendischen Sprache. I. Teil: Grammatik. Cottbus 1905. — II. Teil: Übungsbuch. Cottbus 1911) pokusił się ostatnio o szkic gramatyki porównawczej języka górno- i dolnołużyckiego. Książeczka przeznaczona jest przedewszystkiem dla mówiących jednem z dwu głównych narzeczy łużyckiego języka, celem zaś jej — w myśl intencyj pastora Šwěli — najważniejszym jest ułatwić Łużyczanom zapoznanie się z właściwościami własnej mowy, a przez wykazanie bardzo licznych wspólności i przez wytłumaczenie różnic między górnołużyczczyzną i dolnołużyczczyzną dopomóc do pielęgnowanie związków wzajemnych. Nowa praca Šwěli nie nosi charakteru podręcznika naukowego, sięgnie po nią jednak niewątpliwie także niejeden slawista, chcący się w sposób ogólny zapoznać z budową języka najmniejszego szczepu słowiańskiego, sięgnie po nią tembardziej, że pomnikowe dzieło prof. Muki (Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Oberwendischen. Leipzig 1891) odstrasza swoją nieprzejrzystością, i co gorsza, z trudem tylko można je dziś dostać. Z tego więc względu trzeba koniecznie zatrzymać się chwilę nad książeczką Šwěli i z punktu naukowego ją ocenić.

---

[1]) Повтор. курс. грамматики русск. яз. 1924, 41, Грамм. Словарь, 20. Ср. иное определение вида у *Карцевского*, Études sur le système verbal du russe contemporain II., Slavia I. 1923, 495.

[2]) Ср. *Фортунатов*, Разбор... 118—119, *Щепкин* в приложении к русскому переводу грамматики ст.-сл. яз. *Лескина.* Примеры см. у меня Повтор. курс 57—58, *Mazon*, Morphologie des aspects, 72—74. *Карцевский*, Slavia I, 510—511, *Кошутиħ*, Граматика руског језика II, 256—259.

[3]) Por. recenzję prof. E. Muki w Arch. f. slav. Phil. 33, (1912), str. 536—9.

Zaraz na pierwszy rzut oka uderzy nas w niej dysproporcja pomiędzy częścią poświęconą głosowni a częścią omawiającą odmiennię. Wobec tego że pierwszą zawarł autor na dziewięciu stronach (5—13), drugą najniepotrzebniej rozciągnął na stron czterdzieści pięć (14—58). Na pięciu końcowych stronach zajął się wreszcie Šẃela słownictwem łużyckiem, w rozdziałku tym podał zestawienie najważniejszych słownikowych różnic zachodzących między językiem górno- a dolnołużyckiem. Gdybyśmy tak dokładnie wynotowali wszystkie nieścisłości, błędne ujęcia faktów oraz braki książeczki i zechcieli ją dopełnić, to poprawki i uzupełnienia urosłyby do rozmiarów wcale znacznych. Szkodaby na to jednak było, jak powiada polskie przysłowie, czasu i atłasu. Wystarczy, jeżeli zwrócę uwagę na kilka główniejszych niedociągnięć. Zgoła fałszywem jest na samem początku książeczki zawarte twierdzenie Šẃeli, że język dolnołużycki oddzielił się od górnołużyckiego pod koniec w. XIII. Fałszywem jest to zdanie z dwu względów, popierwsze dlatego, że najistotniejsze różnice między górnołużyckiem a dolnołużyckiem (u. p. traktowanie prasł. nosówek) są daty wcześniejszej, powtóre dlatego, że dzięki wadliwej stylizacji (Das Niedersorbische hat sich ... vom Obersobischen getrennt, str. 5) mylnie informuje o przebiegu zdarzenia zasadniczej wagi w dziejach języka łużyckiego. Przejdźmy do poszczególnych faktów. W ujmowaniu ich bardzo często dostrzeże czytelnik dużą niezręczność i niedokładność. Powodem — niedostateczne wykształcenie autora w zakresie językoznawstwa słowiańskiego. Stąd to wypływają takie błędy, jak u. p. łączenie łużyckiego zastępstwa prasł. grup *tŕ̥t*, *tr̥t* z zjawiskami całkiem innego charakteru; tak więc oboczność gł. *twjerdy:* dł. *twardy* i pod. znajdziemy w rozdziale zatytułowanym: »Obers. *e, 'e, ě* wird zu nieders. *a, ja, 'a*« (§ 19), a zatem w jednym rzędzie z obocznościami gł. *wjesele:* dł. *wjasele*, gł. *njesć: njasć*, a ponadto w rozdziale zatytułowanym: »Dem altslav. Halbvokal *ъ, ь* entspricht im Obers. in der Regel *o, 'o*, im Nieders. dagegen *a, 'a*« (§ 20), co także, o ile idzie o kontynuację jerów w łużyczczyźnie, jest wysoce błędnem przedstawieniem prawdziwego biegu rzeczy. Wiadomo bowiem, że *ъ* > gł. *o*, dł. *e*, zaś *ь* > gł. i dł. *'e*. Sporadyczne dł. zastępstwo *ъ* przez *a* jest wtórnego charakteru, podobnie przytoczony (§ 20) przez Šẃelę gł. *pos* zamiast *pjes* < *pьsъ*. Nie dosyć na tem. Sprawa różnicy w zastępstwie prasł. połączeń *tŕ̥t*, *tr̥t* w górnołużyczczyźnie i dolnołużyczczyźnie toczy się jeszcze dalej, znajdziemy ją także w rozdziale zatytułowanym: »Dem obers. *o* entspricht nieders. *e* (meist das ältere)« (§ 21), na równi z przykładami gł. *ćelo* : dł. *śele* itd. Co się tyczy stosunku czasowego form gł. *šěroki, khětry, khěža* do dł. *šyroki, chytšy, chyža*, to każdy przyzna pierwszeństwo formom dolnołużyckim. Wyjątek stanowić będzie chyba tylko Šẃela uważający postaci górnołużyckie za starsze (§ 24). Niewiększą wartość niż głosownia mieć będzie w książeczce Šẃeli również odmiennia, która jest stosunkowo i za obszerna i za szczupła, zbyt obfita w niepotrzebne przykłady, zbyt skromna w tłumaczenie faktów językowych. I tu na każdym kroku czujemy, że w autorze mamy do czynienia z amatorem, który niezawsze umie sobie dać radę z opracowywanym materjałem. Dlatego też bardzo powierzchownie wypada ujęcie stosunków w nom. plur. rzeczowników męskich (str. 16—17), tem się objaśnia

prawie zupełne zapomnienie o różnicy, jaka zachodzi między rzeczownikami męskoosobowemi a niemęskoosobowemi (ibid., oraz str. 23—24). Przykłady podobne możnaby mnożyć, te chyba wystarczą do odpowiedniego zajęcia stanowiska wobec ostatniej pracy Šweli. Nadmienię jeszcze tylko, że potrącanie w tekscie o zjawiska z innych języków słowiańskich najczęściej jest chybione. W § 15 traktującym o gł. *ř* i jego dł. odpowiedniku znajdujemy następujące zdanie: lm Bautzener Dialekt wird das *tř* wie *ts (tsj)* gesprochen, und in der Schwabacher Schrift auch so geschrieben: tſjo, tſi drei, tſiȟacž jatſob. Auch *tř* unterliegt diesem Gesetz: tſjeba = *třeba* er braucht. Letzteres findet sich auch im Polnischen. Do czego się tu odnosi ostatnia uwaga? Jakkolwiekbyśmy ją sobie tłumaczyli, to przecież w tej formie nie łączy się ona z zdaniami ją poprzedzającemi. Niecałkiem również udało się Šweli twierdzenie: Den Ausdruck *knjez, knježe* gebraucht man zur Anrede eines Herrn, dessen Namen man nicht kennt, wie im Poln. *pan dobrodziej* (§ 27). Ciekaw jestem doprawdy, gdzie wynalazł autor tego *pana dobrodzieja.*

Z wymienionych powodów trzeba z książeczki Šweli korzystać bardzo ostrożnie. Ostatecznie można się z niej czegoś dowiedzieć o łużyczczyźnie i stosunku jej głównych narzeczy do siebie, będzie to jednak wyobrażenie bardzo mętne i powierzchowne. Pozostaje więc dla rozleglejszego studjum łużyczczyzny dzieło Muki, dla ogólnego zorjentowania się w niej wystarczą krótkie, ale wytrawne, doskonale przemyślane uwagi na temat języka łużyckiego, jakie poczynił prof. J. Rozwadowski w artykule: Stosunek języka polskiego, do innych słowiańskich, pomieszczonym w pierwszym z poświęconych językowi polskiemu tomów Encyklopedji Polskiej (Kraków 1915, str. 59—65). Poza tem dobrze w dolnołużyczczyźnie zorjentuje wspomniana na przodzie tej recenzji gramatyka Šweli, w języku zaś górnołużyckim podręcznik Páty (Krátká příručka hornolužické srbštiny, Praha 1920) lub Krala (Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz, Bautzen 1925).

Kraków. *Witold Taszycki.*

Prof. Dr. Miloš Weingart. **Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské.** Přehled a rozbor filologický. Část II. — Oddíl 2. V Bratislavě. 1923 (= Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě. Č. IV). 8⁰, str. 145—577. Cena 70 Kč.

Предъ нами послѣдняя, наиболѣе оригинальная и цѣнная часть капитальнаго труда чешскаго ученаго. Она содержитъ изслѣдованіе Лѣтовника, т. е. такъ называемой сербской редакціи хроники Георгія Амартола.

Перечисливъ списки памятника (145—146), Вейнгартъ даетъ подробное обслѣдованіе главнѣйшихъ изъ нихъ: Московскаго Синодальнаго 1386 г. (146—167), Шафариკова 1389 г. (168—230), Вѣнскаго № 10, к. XIV в., (231—248) и Бѣлградскій народной библіотеки № 328, XIV—XV в. (262—272). Изъ первыхъ трехъ онъ извлекаетъ и матеріалъ по исторіи сербскаго языка, предлагающій цѣнныя добавленія къ извѣстному труду Даничича. Объ остальныхъ спискахъ, оставшихся ему недоступными, авторъ даетъ всѣ свѣдѣнія, которыя можно найти въ литературѣ.

Затѣмъ Вейнгартъ приступаетъ къ выясненію отношеній между отдѣльными списками. Сравненіе ихъ показываетъ, что оба старѣйшіе списка: Московскій Синодальный и Шафариковъ восходятъ къ общему оригиналу (278–279), при томъ не сербскому, а болгарскому (279). Эта близость текста даетъ возможность взаимнаго исправленія списковъ, которое авторъ и дѣлаетъ (280—297). Прочіе списки распадаются, по его мнѣнію, на двѣ группы: M и Š. Первая восходитъ къ Московскому Синодальному, вторая къ Шафарикову спискамъ (297—310). Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ относительно первой группы (309), я генеалогію списковъ во второй считаю не только проблематичной, но прямо невозможной. Онъ даетъ намъ ее въ двухъ мѣстахъ своей книги. Начну съ генеалогическаго дерева на стр. 309. Вейнгартъ считаетъ Бѣлградскій списокъ (= B) потомкомъ Шафарикова (= Š) и ставитъ его съ послѣднимъ въ непосредственную генетическую связь. Это очень трудно допустить. Во-первыхъ, онъ имѣетъ довольно значительное количество D. sg. на оүмоү тамъ, гдѣ въ спискѣ Шафарика стоитъ омоү. Окончаніе оүмоү архаическое и наиболѣе свойственное письменности старо- и среднеболгарской. Нельзя допустить, чтобъ переписчикъ, имѣя въ оригиналѣ привычныя и родныя ему формы на омоү, сталъ ихъ замѣнять чуждыми и архаичными, тѣмъ болѣе что онъ нигдѣ не обнаруживаетъ подобной склонности къ архаизированію своего текста. Эти нѣсколько случаевъ D. sg. на оүмоү попали въ Бѣлградскую рукопись, конечно, изъ первоначальнаго болгарскаго текста, при чемъ Шафариковъ списокъ посредникомъ быть не могъ, такъ какъ онъ эти формы уже вездѣ замѣнилъ обычными для серба формами на омоү. Во-вторыхъ, если-бы Бѣлградскій списокъ былъ потомкомъ Шафарикова, онъ долженъ былъ-бы сохранить намъ особенности послѣдняго и именно на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онѣ находятся въ оригиналѣ. Вейнгартъ не только этого не доказалъ, но напротивъ многочисленныя извлеченія изъ обѣихъ рукописей, которыя онъ дѣлаетъ, совершенно убѣждаютъ въ противномъ. Онъ показываетъ намъ только нѣкоторое сходство языковыхъ тенденцій обоихъ списковъ. Далѣе, Румянцевскій списокъ не можетъ стоять въ тѣсной генеалогической связи съ сербскими рукописями уже потому, что онъ болгарской редакціи. Доказательства Вейнгарта въ пользу происхожденія этого и Бѣлградскаго списковъ отъ того же первоисточника совершенно слабы (309). Еще произвольнѣе связыванье съ Румянцевскимъ, а черезъ него и со всей группой Š Бѣлградскаго сокращеннаго списка. Автору для этого сближенія достаточно встрѣтить въ немъ одинъ или нѣсколько случаевъ употребленія ж. Такимъ образомъ группа Š совершенно разсыпается. На страницахъ 274—275 Вейнгартъ рисуетъ отношенія списковъ нѣсколько иными. Онъ ихъ дѣлитъ на три группы: 1. наиболѣе близкую къ среднеболгарскому оригиналу, куда онъ относитъ Румянцевскій и сокращенный Бѣлградскій списки, не устанавливая между ними ближайшаго родства; 2. группу, въ которую входятъ списокъ Шафариковъ и Бѣлградскій № 328, 3. группу, во главѣ которой стоитъ Московскій Синодальный списокъ. Такое дѣленіе ближе къ истинному отношенію рукописей другъ къ другу, но и къ нему отчасти можно примѣнить сказанное мною выше.

Вообще, пока не будутъ хорошо изучены всѣ списки, а въ особенности Румянцевскій, построеніе ихъ генеалогіи не можетъ быть успѣшнымъ.

Въ главѣ IX-ой Вейнгартъ выясняетъ отношеніе Лѣтовника къ греческому тексту хроники Амартола. Оказывается, славянскій текстъ есть дословный переводъ первой греческой редакціи Амартола, которая сохранилась всего въ одномъ лишь греческомъ спискѣ (311—312), къ тому же неполномъ. Правда, и этотъ списокъ нѣсколько отличается отъ Лѣтовника, но это, повидимому, нужно объяснять его меньшей исправностью (324). Такимъ образомъ полный и наиболѣе исправный текстъ первой редакціи Амартола сохранилъ намъ только Лѣтовникъ (325). Въ этой части своего труда Вейнгартъ, какъ самъ указываетъ, идетъ по слѣдамъ Шестакова (311—312, 322), но трактуетъ вопросъ исчерпывающимъ образомъ и даетъ на основаніи Лѣтовника реконструкцію не дошедшей до насъ части хроники Амартола въ ея первой греческой редакціи (326—335).

Оба славянскіе перевода хроники Георгія: и Временникъ, и Лѣтовникъ, имѣютъ продолженіе, заимствованное изъ хроники Симеона Логоѳета, которая, кромѣ того, существуетъ и въ отдѣльномъ церковнославянскомъ переводѣ. Изслѣдованіе Вейнгарта окончательно разрѣшаетъ трудный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ пореводовъ другъ къ другу и къ греческому тексту (335—368). Трудъ Симеона, отражавшій его ученость и литературную опытность, уже на греческой почвѣ былъ передѣланъ и упрощенъ какъ въ отношеніи содержанія, такъ и со стороны стиля. Представителемъ первоначальной редакціи является Ватиканскій списокъ № 153, XIII в., хотя и болѣе поздній по времени написанія. Древнѣйшій же греческій списокъ, Московскій Синодальный № 252, XII в., представляетъ позднѣйшую передѣлку (346—347). Временникъ примыкаетъ къ первоначальной редакціи (360), Лѣтовникъ же и отдѣльный переводъ Логоѳета являются двумя независимыми другъ отъ друга переводами сокращенной редакціи (351, 367—368). Лѣтовникъ заимствовалъ изъ Логоѳета книги пятую, седьмую и восьмую, опустивъ шестую, хоть и она находилась въ его греческомъ оригиналѣ (336—337).

Страницы 370—456 даютъ критическій аппаратъ къ будущему изданію Лѣтовника. Просматривая этотъ ученый и кропотливый трудъ, становится жаль, что его автору не пришлось довести своей задачи до конца и самому выпустить въ свѣтъ критическое изданіе изученнаго имъ памятника. Въ приступѣ Вейнгартъ указываетъ значеніе Лѣтовника для возстановленія первой греческой редакціи хроники Георгія Амартола. Лѣтовникъ исправляетъ ошибки единственнаго сохранившагося греческаго списка этой редакціи, дополняетъ выпущенныя въ немъ слова и выраженія, равно какъ и утраченную имъ часть текста, помогаетъ отличить сдѣланныя въ греческомъ спискѣ вставки, а въ случаѣ разночтеній даетъ чтеніе болѣе исправное (369).

Заканчиваетъ Вейнгартъ IX-ую главу оцѣнкой перевода Лѣтовника, которая оказывается не слишкомъ благопріятной для переводчика (456—460).

Глава X-ая подводитъ итоги. Вейнгартъ принимаетъ положеніе Прейса, что памятникъ возникъ не на сербской, а на восточноболгарской

почвѣ (461). Относительно времени перевода онъ справедливо указываетъ, что опредѣлить его можно только приблизительно (464), относя его вслѣдъ за Ягичомъ, Поливкой и Истринымъ къ XIV в. (461—464). Однако онъ все-же покушается дать и болѣе точное его пріуроченье. Въ виду того, что всѣ древнѣйшіе сербскіе списки Лѣтовника появились почти единовременно: въ 1386, 1387 и 1389 гг., Вейнгартъ считаетъ возможнымъ заключить, что и болгарскій переводъ сдѣланъ около того же времени, т. е. »въ третьей четверти XIV в., въ царствованіе Іоанна Шишмана III (1365—1393)«.[1]) При этомъ онъ не даетъ объясненія, почему не принимаетъ предположенія проф. Поливки, относившаго появленіе памятника къ началу XIV в. (Afslph., XIV, 140). Между тѣмъ собственный выводъ Вейнгарта слишкомъ поспѣшенъ. Во-первыхъ, сербскіе списки датируютъ непосредственно только моментъ появленія у сербовъ интереса къ болгарскому переводу хроники, моментъ, который могъ и не совпадать съ моментомъ возникновенія самого перевода, да и дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, съ нимъ не совпадалъ. Этотъ интересъ правильнѣе поставить въ связь съ подъемомъ національной и духовной жизни сербовъ при князѣ Лазарѣ. Во-вторыхъ, то обстоятельство, что Лѣтовникъ не имѣлъ распространенія въ болгарской письменности, Истринъ и самъ Вейнгартъ объясняютъ тѣмъ, что его заслонила хроника Манассіи. Дѣйствительно, этотъ фактъ легче всего объяснить почти одновременнымъ возникновеніемъ обоихъ переводовъ. При этомъ хроника Манассіи, переведенная въ главномъ книжномъ центрѣ тогдашней Болгаріи — Търновѣ, болѣе отвѣчавшая господствовавшимъ литературнымъ вкусамъ, снабженная приписками по болгарской исторіи, всецѣло овладѣла симпатіями болгарскихъ читателей. Лѣтовникъ возникъ на Аѳонѣ: всѣ три старшихъ его списка аѳонскаго происхожденія. Ему такъ и не удалось проникнуть отсюда въ Болгарію и къ болгарскимъ читателямъ. Зато онъ распространился среди сербовъ, у которыхъ еще не было историческихъ трудовъ такого рода и которымъ болгарскія притязанія переводчика Манассіи на всѣ земли »до Драча и далѣ« не могли внушать симпатій къ его хроникѣ. Переводъ Манассіи сдѣланъ не позже 1345, а глоссы, съ которыми онъ и вошелъ въ литературное обращеніе, добавлены въ 1364 году. Къ тому же приблизительно времени, согласно сказанному, надо отнести и переводъ Лѣтовника, т. е. не по времени Іоанна Шишмана III, а къ царствованію Іоанна Александра (1331—1365 гг.), къ серединѣ XIV в., а не къ третьей его четверти. Но это еще не все. Переписчикъ рукописи Шафарика, напутавъ на стр. 117а β—118а α, зачеркнулъ все мѣсто и въ свое оправданіе приписалъ: **да вѣстѣ братие грѣшьна мѣ, ѹ изводѣ юре бѣахоу листове издрьвани, тере изьпрѣменюни . да простѣте ми грѣшьномоу** (170). Такимъ образомъ его оригиналъ въ 1389 году былъ въ крайне ветхомъ и истрепанномъ видѣ: листы его были изорваны и перепутаны, такъ какъ переплетъ, очевидно, разсыпался. Между тѣмъ этотъ оригиналъ былъ по всей вѣроятности пергаменнымъ: вѣдь и всѣ четыре списка Лѣтовника изъ XIV в. писаны еще на пергаменѣ. Сколько же времени должна была

[1]) 464—465.

находиться въ употребленіи пергаменная рукопись, чтобы прійти въ такую ветхость? Очевидно, между временемъ ея написанія и моментомъ, когда она попала въ руки сербскаго переписчика, прошелъ срокъ, гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ предполагаемый Вейнгартомъ. Между тѣмъ, по мнѣнію послѣдняго, эта истрепанная рукопись была не прототипомъ (x) памятника, а уже его копіей (y^2). Къ какому же тогда времени нужно отодвинуть самъ прототипъ?

Что касается вліянія Лѣтовника на сербскіе хронографы и лѣтописи, то Вейнгарту пришлось только констатировать, что при нынѣшнемъ состояніи изученія этихъ памятниковъ прослѣдить и опредѣлить это вліяніе не представляется возможнымъ (465—468).

Заканчивается изслѣдованіе Лѣтовника приложеніемъ обширныхъ извлеченій изъ списка Шафарика, напечатанныхъ со всей тщательностью, характеризующей автора (469—499).

Кромѣ изслѣдованія Лѣтовника, въ книгѣ находимъ два экскурса. Одинъ — »о значеніи надстрочныхъ значковъ« (156—160). Вейнгартъ съ полнымъ правомъ беретъ подъ защиту предь чешскими читателями традицію русскихъ филологовъ печатать тексты съ соблюденіемъ по возможности всѣхъ ихъ особенностей, въ томъ числѣ и надстрочныхъ значковъ, традицію, противъ которой столько боролись Миклошичъ, а особенно Шафарикъ. Вейнгартъ справедливо указываетъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, эти значки имѣютъ связь съ удареніями въ говорѣ писца. Наблюденіе надъ ними, по его мнѣнію, можетъ дать матеріалъ для исторической акцентологіи, которая находится еще въ зародышѣ. Я со своей стороны добавлю, что манера употреблять надстрочные значки, кромѣ того, всегда тѣсно связана съ писцовой школой, изъ которой вышелъ памятникъ. Нѣкоторыя же школы имѣютъ такое характерное употребленіе ихъ, что одинъ взглядъ на изданіе, передающее ихъ хотя бы съ условной точностью, даетъ уже возможность судить о времени и мѣстѣ написанія рукописи. А такъ какъ подлинники, съ которыхъ дѣлаются изданія, и въ наше время продолжаютъ, къ сожалѣнію, теряться и гибнуть, то сохранить такую важную палеографическую черту оригинала является безусловно необходимымъ.

Другой экскурсъ — обширная рецензія на второй томъ труда В. М. Истрина: »Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ« (500—521). Вейнгартъ возобновляетъ здѣсь свою полемику съ Истринымъ по вопросу о народности переводчика Временника. Эту полемику нельзя назвать убѣдительной. Конечно, авторъ до извѣстной степени правъ, когда доказываетъ, что случаи полногласія во Временникѣ, *вы* вмѣсто *из*, русскія глоссы въ немъ можно приписывать не самому переводчику, а русскимъ переписчикамъ памятника. Конечно, *мб* и *мв* вмѣсто греческой группы $\mu\beta$ можно встрѣтить и въ южнославянскихъ рукописяхъ. Это признаетъ и самъ Истринъ. Но совершенно неправъ Вейнгартъ, когда, не подвергая никакому анализу приведенный Истринымъ лексическій матеріалъ, ограничивается выраженіемъ пренебреженія къ словарнымъ доказательствамъ вообще. Ему кажется достаточнымъ, если онъ списку словъ, которыя приводитъ изъ Временника въ качествѣ руссизмовъ Истринъ, противопоставитъ свой списокъ словъ,

кажущихся ему староболгарскими. Этотъ пріемъ уже методологически неправиленъ. Въ каждомъ древнерусскомъ памятникѣ могутъ быть болгаризмы, такъ какъ книжный языкъ древней Руси въ своей основѣ былъ болгарскимъ. Русскія же слова могли попасть въ памятникъ только на Руси. Къ тому же и списокъ мнимыхъ староболгаризмовъ Временника составленъ Вейнгартомъ неудачно, какъ показано въ моей рецензіи на 1-ую часть 2-го тома его труда. Неправъ авторъ и тогда, когда игнорируетъ указаніе Истрина, что военно-техническая терминологія Временника сближаетъ его съ русскими лѣтописями и является русской (см. автореферать Истрина: Slavia. II, 2—3, стр. 465).

И все-же въ основномъ Вейнгартъ правъ — переводъ хроники Амартола сдѣланъ болгариномъ. Это мнѣ кажется достаточно доказаннымъ и сохраненіемъ большого юса, и слѣдами мѣны юсовъ, и другими болгаризмами, которые привелъ П. Лавровъ въ статьѣ: »Георгій Амартолъ въ изданіи В. М. Истрина« (см. Slavia, IV, 3, стр. 466—468). Извлеченный Лавровымъ словарный матеріалъ также не говоритъ въ пользу русской національности переводчика (ср. ib., 468—482). Въ немъ видимъ рядъ словъ и словообразованій, необычныхъ для памятниковъ русскаго происхожденія.

Однако я не вижу надобности переводчика болгарина переселять въ Кіевъ, какъ это дѣлаетъ Вейнгартъ. Не кажется мнѣ убѣдительнымъ и тотъ матеріалъ, на которомъ Лавровъ пытается обосновать моравское происхожденіе переводчика. Трудно доказать, что приводимыя Лавровымъ слова и формы могуть быть связываемы только съ Моравіей. Между тѣмъ хроника употребляетъ слово »чиститєль« въ значеніи »священникъ«, что много говоритъ противъ гипотезы Лаврова. По наблюденіямъ Соболевскаго, оно »совершенно отсутствуетъ въ кирилло-меѳодіевскихъ переводахъ всѣхъ редакцій . . ., въ наиболѣе употребительной (и потому очень рано переведенной) части церковныхъ чинопослѣдованій, въ наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ,[1]) т. е. как разъ въ »паннонской« части старославянской письменности, въ которой моравское вліяніе должно было бы сказаться всего сильнѣе. Менѣе обосновано утвержденіе Соболевскаго, что слово »*чиститель*« свойственно изъ древнѣйшихъ памятниковъ лишь тѣмъ, которые вышли изъ кружка болгарскаго царя Симеона,[2]) такъ какъ восточно-болгарское происхожденіе доказано еще не для всѣхъ приводимыхъ имъ памятниковъ, знающихъ это слово.[3]) Значеніе этого слова для опредѣленія національности переводчика понижается еще и тѣмъ, что въ XI—XIII вѣкахъ оно подъ вліяніемъ болгарской письменности вошло въ языкъ сербскихъ и русскихъ переводчиковъ [4])

Повидимому, окончательное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ перевода хроники Амартола и народности его автора можетъ быть сдѣлано лишь

---

[1]) „Къ исторіи древнѣйшей церковнославянской письменности", см. Сборникъ О. Р. Я. и Сл., т. 88, № 3, стр. 123.

[2]) „Къ хронологіи древнѣйшихъ церковнославянскихъ памятниковъ", ib., 94.

[3]) „Къ исторіи . . .", ib., 122—123.

[4]) „Къ хронологіи . . .", ib., 94, и „Къ исторіи . . .", ib., 123.

при условіи дальнѣйшаго углубленія нашихъ знаній въ области словаря старославянской письменности. Пока же изъ всѣхъ гипотезъ мнѣ представляется наиболѣе правдоподобной гипотеза Соболевскаго, что это произведеніе переведено въ Болгаріи, именно въ восточной, въ Симеоновскую эпоху и затѣмъ исправлено въ Россіи по греческому оригиналу. Исправленіе понадобилось вслѣдствіе неудовлетворительности перевода, которая сказывается и въ исправленномъ видѣ. Этимъ легче всего объясняется совмѣщеніе въ словарномъ матеріалѣ памятника яркихъ южнославянизмовъ съ яркими руссизмами.[1])

Вполнѣ зато соглашаюсь съ Вейнгартомъ, что въ построеніи генеалогическаго дерева редакцій Временника и связанныхъ съ нимъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ Истринъ допустилъ много гипотетическаго и шаткаго (517—520), но и такія гипотезы имѣютъ свое значеніе въ наукѣ, если принадлежатъ талантливому и много поработавшему человѣку. Онѣ указываютъ пути и ставятъ вѣхи для послѣдующихъ изслѣдователей.

Заканчиваетъ книгу тщателено составленной Rejstřík věcný. Полезнымъ дополненіемъ къ труду Вейнгарта являются вышедшія уже послѣ него статьи Потапова, Дурново и Лаврова. Потаповъ: »Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе« (Изв. О. Р. Я. и Сл., 1917 г., XXII, кн. 2, стр. 141—186) доказываетъ, что всѣ ея славянскія редакціи восходятъ къ одному переводу, сдѣланному въ 1140-мъ году въ Болгаріи. Паралипоменонъ Зонары въ рукописи Iосифова Волоколамскаго монастыря № 415 есть чисто механическое сокращеніе перевода путемъ исключенія почти всѣхъ свѣдѣній о еврейскомъ народѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Писецъ рукописи не сербъ, а русскій. Сокращеніе труда Григорія, восходившаго къ тексту Зонары 1344 года, сдѣлано, вѣроятно, въ 1383 году. Дурново: »Къ вопросу о національности славянскаго переводчика Хроники Георгія Амартола« (Slavia, IV, 3, стр. 446—460) занялъ въ этомъ вопросѣ нерѣшительное положеніе. Лавровъ, op. cit., выдвигаетъ гипотезу моравскаго происхожденія переводчика.

Въ заключеніе о цѣломъ трудѣ Вейнгарта могу лишь повторить слова, сказанныя мною по поводу его первой части. Это сочиненіе капитальное, въ высшей степени трудолюбивое, охватившее всю обширную литературу предмета; трудъ несомнѣнно талантливый, подведшій многому итоги, распутавшій окончательно много спорныхъ вопросовъ, много привнесшій и отъ себя для ихъ правильнаго рѣшенія; настольная книга не только для изслѣдователя хроникъ и хронографовъ, но и для каждаго слависта.

Владимиръ Розовъ.

---

[1]) Особенности русскихъ переводовъ до — монгольскато періода" ib, 177.

České vydání dvou povídek L. K. Lazareviće[1]).

Jako pátý svazek »Slovanské knihovny« vydalo státní nakladatelství v Praze dvě Lazarevićovy povídky[2]) Школска икона i На бунару. Státní nakladatelství bylo vedeno zajisté chvályhodnou snahou, aby poskytlo vhodnou pomůcku k vyučování jazyku srbskochorvatskému a aby se žákům konečně dostal do rukou původní srbský text tak vypravený, aby jej mohli bez zvláštních potíží s úplným porozuměním přečísti a aby toho, čemu se při četbě textu k účelu učebnému zvláště upraveného naučí, mohli pak s prospěchem použíti při další četbě textů, na jichž vydání s poznámkami a slovníčkem nemůžeme v dohledné době počítati. Vůle zde tedy byla dobrá a je jisto, že by všichni, kdož se zabývají vyučováním srbskochorvatskému jazyku anebo jeho studiem, s největší radostí uvítali tento krok stát. nakladatelství — kdyby jen výsledek celého podniku více odpovídal této dobré vůli.

Text korigoval a přízvukem opatřil p. Gojko Ružičić, asistent bělehradské university, úvod pak, mluvnické poznámky a slovníček napsal p. dr. Karel Paul. Bylo by věcí některého jihoslovanského odborníka, aby posoudil správnost přizvukování, jak je označil p. Ružičić. Chci se v tomto článku omeziti pouze na posouzení, po případě doplnění a opravení práce p. dra K. Paula.

V úvodu vydavatel dobře charakterisuje srbskou vesnickou povídku i místo, které v jejím vývoji zaujímá L. K. Lazarević. Snad měl býti více zdůrazněn zvláštní rys, který má Lazarević společný s druhými tak zv. srbskými realisty (Glišić, Veselinović, Sremac), kteří vesměs jsou realisty pouze vnější stránkou svého umění, ale ve svém cítění stále ještě lpí na stářím posvěcených tradicích a zděděných řádech. Vidíme tedy u nich příkrý rozpor mezi idealistickým nebo romantickým nazíráním na venkovský a maloměstský život a mezi čistě realistickou formou, v jakou své názory odívají.

V »Poznámkách gramatických«, které jsou vzadu za textem, vydavatel stručně promlouvá o jazyku srbskochorvatském, o písmu (k vydání

---

[1]) Dr. Karel Paul: Dvě povídky L. K. Lazareviće. Slovanská knihovna. čís. 5. Praha, Státní nakladatelství, 1925. Cena Kč 11.

[2]) Přinášíme tuto obšírnou recensi o knize, která má za účel praktické vyučování srbštině-chorvatštině; projednávají se v tomto posudku otázky, které mají význam pro vydávání podobných textů ve všech slovanských jazycích, a ukazuje se v něm, jaké vady mají překlady i dobrých překladatelů (viz též čl. recensentův v ČMFL. XII, str. 231), kterým se stává nebezpečnou velká příbuznost slovanských jazyků. Pro podobné učebnice hledáme teprv metodu a mohou být různé náhledy o tom, co náleží do vydání podobných textů z kterékoliv slovanského jazyka. Tu nerozhodují jen vědecké a pedagogické ohledy, nýbrž také praktické, poněvadž takové knížky nemohou být rozsáhlé a drahé. Kromě toho je otázka, všímají-li si žáci důkladného komentáře. Mnoho se musí ponechat učiteli a budoucnost úspěšného vyučování slovanským jazykům na středních školách, jak se na příklad chystá v Československé republice, kde se má vyučovati ruštině neb polštině neb srbo-chorvatštině podle místních a jiných poměrů, bude záviset na dobře připravených učitelích. Vůbec si musí být věda vědoma svého úkolu vyučování slovanským jazykům v slovanských zemích a musí se starat o diferenční gramatiky a slovníky, což se dosud ponechávalo velmi často neodborníkům. *M. M.*

je připojena tabulka s cyrilicí a latinkou), o některých fonetických rozdílech mezi češtinou a srbochorvatštinou i o přízvuku. Pak připojuje své vysvětlivky k textu. V těchto vysvětlivkách uvedl celkem vše, co možno vypsati z tvarosloví kterékoliv školní mluvnice srbskochorvatského jazyka.

A zde právě vidím základní omyl a osudnou chybu celého vydání. Vzhledem k tomu, že ve vysvětlivkách vydavatel uvádí nejprimitivnější a nejzákladnější poznatky ze srbského tvarosloví, nutno souditi, že chtěl své vydání dáti do rukou úplnému začátečníku, čemuž nasvědčuje i připojená tabulka s cyrilským písmem. Ponechme stranou otázku, je-li možno, aby se začátečník s naprostou neznalostí srbského skloňování a časování mohl pustiti do četby Lazarevića, jehož jazyk sám vydavatel v úvodu charakterisuje jako »čistý hovor srbský, bohatý svými vlastními výrazy, zkrášlený nejednou pěkným obratem slovním a významný svou jadrností a úsečností slohovou«. Pochybuji o tom naprosto na základě své několikaleté zkušenosti ve vyučování srbskochorvatskému jazyku, ale připusťme konečně i tuto možnost, kterou vydavatel předpokládá. Ale potom se musíme nutně ptáti, odkud se v hlavě úplného začátečníka, kterého jest teprv nutno učiti skloňování a časování, vezmou znalosti srbské skladby a fraseologie, jež jsou přece nezbytně potřebné k porozumění textu. Lazarević není snadný autor a potíže jeho jazyka, zvláště po stránce syntaktické a fraseologické, nebyli s to zdolati ani naši překladatelé, o nichž by se přece mohlo předpokládati, že srbsky dovedou, a o nichž se to též obyčejně myslí.[1]) Ale právě po této stránce, ač přece skladba patří též do gramatiky, neučinil vydavatel nic anebo téměř nic, aby žáku umožnil porozumění textu. Vždyť z 214 vysvětlivek, jimiž vydavatel provází text, pouze 23 [2]) se jakž takž dotýkají (ale jen dotýkají!) skladby a pouze 5 [3]) se vztahuje na fraseologii. A to je ovšem tuze málo; takováto nedostatečná pomoc málo bude žáku platná a text Lazarevićův zůstane pro něho tajemstvím zavřeným na devět zámků. Jest tu ovšem ještě druhá možnost, že totiž žák jsa zůstaven sám sobě bude si (po příkladu našich překladatelů z Lazarevića) překládati text »od oka« se všemi možnými dohady a kombinacemi. Ale vésti anebo přímo nutiti žáka k práci »od oka« — to věru není cílem vydání určeného k účelu učebnému!

Myslil-li snad vydavatel na to, že vše, čeho on sám ve svém vydání nepodal, bude moci dáti žáku učitel, tu upozorňuji pouze na to, že dnes téměř vesměs naši učitelé srbochorvatštiny jsou vlastně ochotníky se všemi přednostmi i nedostatky ochotníků, a dále, že učitel pomocí prostředků, jež jsou mu po ruce (školní učebnice), spíše naučí žáka základním pravidlům skloňování a časování, než aby jej mohl bezpečně zasvětiti do všech jemností srbské skladby a fraseologie. To vyplývá samo sebou

---

[1]) Postačí, srovnáme-li s originálem překlad p. J. Hudce (*Ze srbského života*. Matice lidu, XXI, 2) nebo p. Č. Slepánka (*Srbské povídky*. Hynkova Pestrá knihovna č. 27—28).

[2]) 17, 20, 23, 33, 37, 46, 52, 58, 101, 105, 109, 118, 119, 123, 133, 134, 146, 154, 163, 170, 189, 205, 208.

[3]) 110, 114, 147, 148, 161.

z nedostatku slovníků, z obtíží, s jakými je spojeno opatřování jihoslovanských textů k četbě atd.

Proto bylo přímo povinností vydavatelovou, aby své vydání právě po stránce syntaktické a fraseologické vybavil tak, aby bylo bezpečným a spolehlivým vodítkem nejen žákům, nýbrž i učitelům, u nichž většinou láska k věci a upřímné nadšení je větší než možnost zdolávati překážky, jež jim stojí v cestě.

I.

K vysvětlivkám vydavatelovým bych poznamenal toto:

V pozn. 20 praví, že při subjektu djeca je sloveso vždy v čís. množ., ale jako příklad uvádí: djeca su se igrala, kde part. perf. act. ~ jako vždy ve tvarech složených ~ jest v čís. jednot. ženského rodu. — V pozn. 146 překládá spojení ено га гдје уђе (aor.!) výrazem: Hle, jak vchází místo *a hle, už sem vjel.* — V pozn. 152 upozorňuje, že јеc' stojí místo јест (str. 43), ale že јест (zde i jinde v textu) značí *ano,* neuvádí ani v poznámkách ani ve slovníčku. — V pozn. 154 překládá frázi: А камо се ти учитељу? obratem: Kam jsi se poděl? Zde by bylo vhodnější spíše: *A kdepak jsi?* anebo: *Co je s tebou?* Rozhodně však mělo býti naznačeno, jak by se měla překládati další slova popova: А камо те у цркву да пјеваш (str. 43) = што да те нема; што да ниси дошао у цркву итд. = *A co že jsi nepřišel* do kostela zpívat? — V pozn. 101 se praví: »Tvaru budem, budeš atd. užívá se mimo futur. exactum po spojkách dok, da, abych, da budem«. Nehledě k tomu, že zde chybí spojky *ako* i *кад,* sotva žák pochopí, oč zde běží, není-li mu nikde vysvětleno, že *budem* je praesens dokon. tvaru slovesa *biti* a nikoliv naše *budu,* a proto mu nijak nepůjde do hlavy, proč dok (ako, kad) ne bude = dokud (jestliže, až) nebude, ale da budem = abych byl. — V pozn. 163, která se vztahuje na slova textu: и тек постарији људи што је по штогод припитају (str. 47), nijak nevysvětluje význam spojení тек што, nýbrž prostě překládá: Na leccos se jí vyptávají. místo: a *sotvaže* (*jenom*) starší lidé *se* jí tu a tam na něco *zeptají.* — V pozn. 170 větu: ма колико да су вољели Мару (str. 52) překládá: Ať jakkoliv, místo: *třebaže* měli Maru *tuze* rádi, — V pozn. 144 místo: Musil se s ní asi naroditi, spíše: *Patrně* se s ní už narodil. — V pozn. 141 výraz господин човјек (str. 41) značí spíše: člověk *po městsku oblečený* než prostě: pán. — V pozn. 126 imperat. оди! (str. 34) neznačí jdi!, nýbrž *pojď!*

Chtěl bych nyní ukázati, co vše by mělo býti vysvětleno. Jsem přesvědčen, že tyto poznámky nejen by tuze usnadnily porozumění textu, nýbrž že jsou naprosto nezbytné, má-li vydání vyhovovati účelu. jemuž bylo určeno. Tyto syntaktické a fraseologické poznámky uvádím bez rozdílu za sebou tak, jak by je příslušná místa textu vyžadovala; je-li v textu podobných příkladů několik, uvádím je pohromadě.

Поп је био све и сва (str. 11) Pop byl *první osobou ve vsi,* nebo: Pop *o všem rozhodoval.*

Како ћу, оче? (str. 11) = *A jakpak, otče?* — Zde se vydavateli naskytala vhodná příležitost, aby upozornil žáka na eliptické fráze s enkli-

tickými tvary slovesa **хтети**, ale bez infinitivu hlavního slovesa. Tyto fráze jsou charakteristickou vlastností živého srbského hovoru a jest nutno překládati je různě se zřetelem k celkové souvislosti. V našem textu máme tyto případy: **а куда ћу прије** (str. 11) = ale co mám dělat dříve? — **а шта ћу. кад немам посла?** (str. 12) = a co mám dělat, když není práce? — **Куда ћеш то, Луко?** (str. 12) = Kam s tím, Luko? — **Шта ћу ја... с њиме?** (str. 18) = Co si s ním počnu? — **Шта ће женском чељадету толико имање?** (str. 25) = Nač potřebuje (Co by dělala s...) atd. **Ко ће с нама?** (str. 27) = Kdopak se s námi může měřit? — **Да како ћу?** (str. 28) = Nu, a jak bych měl mluvit? — **А шта ће то њој?** (str. 31) = A co z toho bude mít? — **Како шта ће, оче?** (str. 31) = Jak to, co z toho bude mít, otče? — **може, ако ће** (t. j. **хтети**), **бити и учитељ** (str. 31) = může být po případě i učitelkou. — **Шта ћу?** (str. 34) = Co dělat? — **Али шта ћемо?** (str. 39) = Ale co můžeme dělat? — **Ја, бога ми, знам куда ћу** (str. 60) = Já, na mou duši, vím, kam půjdu. — **ја не знам шта ћу** (str. 69) = já si nevím rady. — **Аја, куд ће оцу?** (str. 74) = Ba ne, co by u otce dělala? — **А ти куда ћеш?** (str. 76) = Kam vlastně půjdeš? — **што хоће и ногом** (t. j. **ударити**) **и зубима** (t. j. **уjести**) = který kope i kouše (str. 77) — **Неће, неће!** (str. 78) = Už ne, už ne!

Ни кучета ни мачета! (str. 13) = Vždyť nemají..., anebo: Vždyť na světě nikoho nemají!

одмах трчи по попа (str. 13) = okamžitě honem pro popa. — V této větě stojí imperativ místo indikativu — rovněž jedna zvláštnost srbské skladby, na niž mělo býti upozorněno. V textu p. Ružičić správně označil kvantitu (**трчи** s krátkým **и**), ale vydavateli to přece ušlo, jak je patrno ze slovníčku s. v. **по**, kde píše **трчи** (s dlouhým **и**), mysle, že tu běží o 3 os. jed. čís. Proto také nijak na tuto zvláštnost neupozornil; ale neví-li žák, že v nynějším jazyku (a do jisté míry i v starých památkách) může 2. os. jed. čís. imperativu zastupovati všechny osoby jed. i množ. čís. historického praesentu, věru si nebude věděti rady s podobnými případy, kde je forma imperativu příliš jasná, než aby se mohla nedopatřením zaměniti s 3. os. čís. jednot. indikativu. Jsou to tato místa: **Па гурај дјетету колаче итд.** (str. 39) = A všechny strkají dítěti koláče. — **Па удри ридај** (str. 65) = A spustí pláč a nářek. — **Хајд' хајд' па право у народ** (str. 41) = Jede dál a dále, a rovnou mezi lid

петком (str. 14): instrumentál časový, kterým se vyjadřuje, že se děj nějaký pravidelně opakuje v označenou dobu.

кад ја тамо, а њему... сломио ребро (str. 14): a když tam [*přijdu, tu vidím, že*] mu přerazil žebro.

O předložkách nepraví vydavatel ve svých gramatických poznámkách pranic; omezil se na to, že je uvádí ve slovníčku, kde označuje jejich český význam (často neúplně), ale ani nepoznamenává, který pád řídí ta která předložka a jak se po případě se zřetelem k tomu mění její význam. A přece bylo třeba upozorniti aspoň na některé předložky, jichž funkce je zcela jiná než v češtině.

Je-li žák ponechán sám sobě, jistě větu: **Хоће душа на нос да ми искочи!** (str. 16) bude klidně překládati takto: Duše mi chce vyskočiti

na nos! — a neuvědomí si, i když nebude začátečníkem, že zde nutno překládati buď doslova: Div mi duše *nosem* nevyletí! nebo volněji: Věru, už mám duši na jazyku! nebo: Sotva už duši za zuby držím! Předložkou *на s akusat.* se totiž označuje otvor, kterým něco prochází; na př. крв му je ударила на уста = krev mu vytryskla *ústy*. Podobná místa v našem textu: На отворена кухињска врата букти ватра (str. 62) = *Otevřenými* kuchyňskými *dveřmi* šlehá záře ohně. — и на безуба уста (str. 69) = a bezzubými *ústy* atd. — Podobně: и истом ступи на… врата (str. 18) = a sotvaže vkročí *do dveří*. — стала на врата (str. 47) = stoupla si *do dveří*. — појави се на врата (str. 65) = objeví se *ve dveřích*. — Псује Јеротије што му на уста дође (str. 46) = Proklíná J. vše, co mu (*do úst* přijde) slina na jazyk přinese.

Při předložce *у s genit.* mělo býti ukázáno na význam těchto spojení: у Богдана силна војска била (str. 30) = *B. měl* veliké vojsko. — а у њега je син Павао (str. 48) = a *ten má* syna P. — А у Бурмаза je кћи — кћи и по! A *B. má* dcerku — a jakou dcerku!

Předložka *с, са s genit.* vůbec není ani ve slovníčku; jak asi žák přeloží са тога (str. 57)?

Při předložce *до* chybí ve slov. význam *vedle,* ač se v textu čtyřikrát vyskytá: кућа до владичина двора (str. 29) — Посадише Мару до попа (ibid.) — одмах до цркве (str. 42) — до самог шљемена (str. 54).

Při předložce *за* není vysvětleno spojení: кола за Биоград (str. 38 = *do* B. — био je прирастао за село (str. 40) = srostl *s* vesnicí.

Při předložce *кроз* není uveden časový význam: кроз једно четврт сата (str. 35) = asi *za* čtvrt hodiny.

Při předložce *код* nejsou jasná spojení: код толиког свог имања (str. 23) = *při* tak velkém jmění, anebo: *třebaže má* atd. — отићи код врата (str. 76) = odejíti *ke* dveřím.

Při předložce *од* uvádí slovníček pouze význam *od,* který se však nehodí v těchto spojeních: Неша од тога ништа! (str. 32) = *z toho* nic nebude! nebo: To nemůže být! — Нема ту ништа од школе (ibid.) = A, to *se školou* nebude nic! — Ради од мене и ње итд. (str. 70) = Dělej *se mnou* i *s ní* atd. — Како се крије од госпође (str. 37) = jak se schovává *před paní*. — грехота ти je од Бога (str. 76) = máš hřích *před Bohem*. — немаш кад од механе (str. 12) = nemáš kdy *pro* hospodu. — Поп не може од цркве и од старости (str. 34) = *pro* kostel a *pro* své stáří. — снаха од старијег брата (str. 64) = švagrová *po* starším bratrovi.

Rozhodně měla býti vysvětlena v poznámkách věta: Да, али поп не зна од колико се руку може читати та књига! Není-li žáku pranic vysvětleno, bude v nejlepším případě překládati takto: Ano, ale pop neví, kolik rukou může čísti tuto knihu! Podobně překládá i J. Hudec: Ale pop neví, kolik ruk se může probírati v té knize (str. 50) — a vydavavatel s ním patrně souhlasil. A přece oba tyto překlady jsou nesprávné! Zde především předložka *од* označuje vlastnost, a *рука* zde vůbec neznačí *ruka*, nýbrž *způsob, druh.* Srovnej podobné fráze: од своје руке = svým *způsobem*; од сваке руке = *různě, všelijak*; од много

руку = různého *druhu*;[1]) трг од друге руке (Vuk Nar. prip. č. 12) = zboží jiného *druhu*; srovnej též: на брзу руку = *na rychlo*; на најбржу руку = *honem honem*; на неку руку = *nějak*; у најмању руку = *při nejmenším*; средње руке = *tak trochu*. ~ Se zřetelem k tomu nutno uvedené místo přeložiti: Ano, ale pop neví, *kolikerým způsobem (jak různě)* se může čísti tato kniha!

како која недеља (str. 16) = a jak tak *jde* týden za týdnem. — Zde nutno doplniti sloveso: *иде, пролази, измиче*. Opět jedna vhodná ukázka „slohové úsečnosti" autorovy, kterou sice vydavatel v úvodu zdůraznil, ale v poznámkách nechal bez povšimnutí.

да се у попа нашло женско дијете (str. 16); dítě se *nenašlo*, jak jistě by žák překládal, nýbrž *narodilo*; viz Vuk Rječ. s. v. наћи се 2).

и дошли цркви (str. 17) = a přišli *ke* kostelu. — Po slovesech značících pohyb je v srbštině prostý dativ cíle, v češtině pád předložkový s předlož. *k* nebo *do*. Podobně: иде руци (str. 12); трчи поповој кући (ibid.); водиле је својим кућама (str. 22); кад год му прићем руци (str, 26); прићe кревету (str. 35); отрчао владици (str. 38); прићe столу (str. 42); окренув се учитељу (str. 45); приведосмо је кревету (str. 58); обрте се каци (str. 63); привлачи врљикама и себи[2]) (str. 61); он пођe руци (str. 69); полете брада носу (str. 70); отишао ђеди (str. 69); сви потрчаше кови (str. 79).

удри, посветила ти се! (str. 17). ~ Řídě se slovníčkem, kde je celá fráze uvedena (s nemožným slovosledem!) a přeložena, žák přeloží takto: Uhoď, ať se ti stala čestnou! I když nehledíme k tomu, že je v češtině vůbec nemožno vyjadřovati optativ časem minulým, přece jest těžko říci, aby se stala »čestnou« ruka, která někoho pohlavkem srazila k zemi (nikoliv: srovnala se zemí — jak má slovníček s. v. саставити!). U nás na vsi by řekli v takovém případě: *Jen ho! Aby ti ji pánbůh pozlatil*! nebo *požehnal*! Že se celý výraz vztahuje na ruku, ukazuje verš národ. písně: Десна ти се посветила рука, je-li ovšem pro to vůbec třeba nějakých důkazů.[3])

Snad by ani nebylo nezbytné upozorňovati, že se musí doplniti příslušný tvar slovesa љубити nebo пољубити v těchto větách: Жене једна по једна њега у руку (str. 18); па попа у руку (str. 28); Мара... владику у руку, а он њу у чело (str. 29); па њега у руку (str. 29). Ale rozhodně měl vydavatel upozorniti, jak nutno doplniti na str. 29 větu: па му није дао ни руке (t. j. да му пољуби). Zde žák bude určitě překládati: a ani ruky mu nepodal místo: *a nenechal si ani od něho ruku políbiti, nýbrž* atd.[4])

ако Бога знаш! = věříš-li v Boha! potom: *pro Pána Boha*! Podobně: ако знаш ѕа име божје! (str. 76) = *jako že je Bůh nad námi*![5])

---

[1]) Vuk Rječ s. v. тиква: Тикава има од много руку.

[2]) Že upozornění nebylo by zde na škodu, ukazuje dobře překlad Hudcův. Hudec totiž dativ врљикама pokládal za instrumentál a nevěda kromě toho, co врљика značí, překládá takto: i rýčem táhl ji (t. j. dívku) k sobě (str. 4).

[3]) Hudec celou frázi v překladu vynechal (str. 28).

[4]) Že zde vysvětlení není zbytečné, dostatečné ukazuje nesprávný překlad Hudcův: Podával mu ruky (!) atd. (str. 37).

[5]) Hudec: jak Boha znáš! (str. 29) a: když tě tak prosím (str. 19).

Že v gramatických poznámkách měla býti věnována patřičná pozornost *spojce да,* jistě uzná každý, kdo si uvědomí, jak různé funkce a podle toho i významy má v srbštině tato spojka. A rozhodně by mi dal za pravdu, kdo by se srovnáváním našich překladů s originálem přesvědčil, jak často překladatelé nedovedli postřehnouti, v jaké funkci se to neb ono *да* vyskytá! A jak bychom jenom směli nebo mohli předpokládati, že se zde vyzná žák začátečník?

Chci zde především upozorniti na skupinku případů, kde se *да* nemůže překládati ani *aby* ani *že*, tedy svými nejběžnějšími významy, jež by konečně měl po ruce i začátečník. Určitý typ vět s *да* vyjadřuje přání; do češtiny jest nejlépe překládati je pomocí imperativu. Na př.: **Да га крстимо** (str. 19) = Pokřtěme je! — **Да узмемо** Иконију (ibid.) = Vezměme Ikonii! — **Да простиш ти, попо** (ibid.) = Promiň, pope. — **Да се окумимо!** (ibid.) = Pokmotřeme se! — **Да видиш** (2. os. jed. čís. ve všeob. platnosti), **није луда итд.** (str. 24) = A podívejme se (A hele), není hloupé atd.

Běžné je v srbštině *iréalní да s indikativem;* na př. *kdybych mohl* = **да могу**. Ale místo slovesa *моћи* častěji se v tomto smyslu vyskytá enklitika *je* (3. os. jed. čís.) s dativem osoby a infinitivem. Tedy: *kdybych* mohl = **да могу** = **да ми је (учинити то или оно)** Na př.:

Да је мени лећи па умрети,
а да ми је смрти не видити. (Vuk Nar. pjes. 1, 634).

V našem textu máme tento případ třikrát; všechny tři případy, ač, jak viděti, nijak nejsou průhledné, zůstaly ovšem nevysvětleny.

a) **и све да јој је да лежи** (m. infinitivu je zde opis s да) str. 16. — Na toto místo se vztahuje pozn. 52: t. j. stále musí polehávati.[1]) Ale se zřetelem k tomu, co jsem právě uvedl, i se zřetelem k celému místu (teprve dále se praví: **и једну ноћ лијепо да заковрне**) není tento překlad přesný; doslovný překlad by byl: *a pořád jen, kdyby tak mohla ležet* (t. j. ona stále říkala: **да ми је да лежим**).

b) **Да му је само да га не погледа оним очима, а он би њој судио** (str. 68). — Tomuto místu vydavatel patrně vůbec neporozuměl. Jinak by ani nebylo možno, aby bez zřetele k celkové souvislosti spolehl tak důvěřivě na Hudcův překlad,[2]) z něhož převzal do slovníčku zřejmý omyl: **судити коме** = svoliti. Ale **судити коме** značí *souditi někoho, zakročovati proti někomu, trestati někoho*. Uvedené místo by se tudíž přeložilo: *kdyby to mohl jen tak nějak udělat,* aby se naň nepodívala těma svýma očima, *on by s ní zatočil (jí dal co proto).*

c) **тада јој би тако тешко... да би, да јој је пошто пото једним махом да преврне свет итд.** (str. 74). — Tento případ je pro českého čtenáře tak nejasný (tři *да*, dvě *би* — v různém významu!),

---

[1]) Srov. Hudec: pořád musí poléhati (str. 26).

[2]) Hudec překládá totiž takto: kdyby se mu byla jen do očí podívala, byl by již hned svolil (str. 10). — tedy právě naopak! ~ Je opravdu s podivem, že vydavatel měl takovou důvěru v Hudcův překlad, o němž se mohl tuze lehce přesvědčiti, že vlastně není překladem, nýbrž pouze volnou, často libovolnou parafrází srbského originálu, parafrází tuze neúplnou a plnou chyb i nedorozumění často až komických.

že je naprosto nemožno, aby mu porozuměl začátečník, kterého jednak zde vydavatel nechal (a proč asi?) úplně na holičkách a který dále marně bude hledati ve slovníčku výraz пошто пото (= za každou cenu, stůj co stůj atd.). Zde bylo nutno upozorniti na tři věci: 1. třeba doplniti part. perf. act. slovesa хтети nebo желети: да би хтела (желела); 2. да јој је = да може, 3. да преврне = преврнути. Teprve po tomto vysvětlení možno místo přeložiti: a tu se jí *udělalo* tak těžko . . . *že si přála, aby mohla* — ať to stojí co stojí — jedním rázem *učiniti* všemu konec [1]) atd.

Aseverativní да (= *ano*) někdy značí tolik co доиста, заиста. V tomto smyslu se pak klade buď před větu (na př.: *Да* чудно ти га превари!), anebo, chce-li se s větším důrazem vytknouti jediné slovo, klade se *да* za ně. Takový případ je na str. 18: Чудно да дијете, чим итд. = Zvláštní *věru* dítě, jakmile . . ., anebo volněji: *A bylo opravdu zvláštní, že* dítě, jakmile atd.

Vydavatel se přece jedenkráte pokusil objasniti jednu větu s *да*, ale — dopadlo to špatně! K větě Па да о̀гледамо, а? (str. 24) nalezne žák ve slovníčku: „оглéдати ohlížeti se, огледамо uvidíme [2])" — Zde se vydavateli přihodila tato nedopatření: 1. v textu není sloveso оглéдати (v. impf.), nýbrž о̀гледати (v. perf.); 2. toto sloveso naprosto neznačí ohlížeti se (?), nýbrž prohlédnouti, prozkoumati, zkusiti [3]); 3. podle toho ani огледамо nemůže značiti *uvidíme*, nehledě ani k tomu, že českému *uvidíme* nemůže v srbštině odpovídati tvar prostý огледамо, nýbrž jen tvar složený s ћу = видећемо. V této věci naši žáci již sami dosti chybují, a nebylo věru třeba, aby se táž chyba vyskytala v knize určené k účelu učebnému. — Naše místo by pak znělo v překladě: *Tak abychom to zkusili, což?* — Že *а*? značí v srbštině tolik co naše *co?* [4]), ve slovníčku uvedeno není, ač se vyskytá v textu též na str. 44 i 52.

аколи ћете ме сву исјећи (str. 19) = *i kdybyste mne na kusy rozsekali.* — Zde věta se spojkou *ако* (jak jasně ukazuje modalní futurum ћете исјећи) jest větou potencialní (připouštěcí). Srov.: Беговац је беговац *ако неће имати* ни новац, а магарац је магарац, и *ако ће имати* и златан покровац (Vuk Posl. 11). Podobně v našem textu: ако ћемо сви изгинути (str. 54) = *i kdybychom* všichni *zahynuli.*

Управо се ни жив није чуо (str. 21) = Opravdu, jako by ho mezi námi ani nebylo.

Какав је! — наш је (str. 21). — Zde bylo nutno upozorniti, že fráze není úplná, že obyčejně zní: какав је, да је — наш је! [5]) = *Ať je jakýkoliv* (takový nebo makový) — *náš je*!

[1]) to je smysl fráze преврнути свет; srov. П. П. Његош Гор. Вијенац v. 2027. — Ve slovníčku žák ovšem najde pouze преврнути = převrátiti a свет = svatý.

[2]) Podle Hudcova: Zkusíme (str. 33)!

[3]) Vuk Rječ. s. v.: sehen, nachsehen, besehen, video, experior; kosten, gusten, пробати.

[4]) Vuk Rječ. s. v. а 6).

[5]) Какав сам да сам, твој сам! Vuk Posl., 124, како је да је, наше је! ibid. 125; srov. běžnou frázi: Ко сам да сам! Ať jsem kdokoliv! = Nezáleží na tom, kdo jsem.

није луда ова учитељева (str. 24). ~ Zde nutno doplniti slovo *ријеч* (srov.: Царска се не пориче = Car neruší daného slova.) a přeložiti: *není hloupé, co učitel povídá.* Rovněž tak dlužno doplniti i v druhém případě: Оче владико, старија је твоја (t. j. ријеч) и паметнија од моје (str. 32) = Otče vladyko, *tvá slova více váží (platí) a moudřejší jsou* než má. — Vysvětlivka zde byla tím potřebnější, poněvadž se žák ze slovníčku nedoví, že komparat. старији nesmí prostě překládati výrazem *starší.* Srov. М. Ђ. Милићевић: Живот Срба сељака², str. 203:[1]) Узалуд све! Божја је свакад старија! = Vše je marné! Boží slovo vždycky *více platí!*; Јутро је од вечера старије a podob.[2])

Божје, па њено! (str. 26). ~ Této fráze se užívá, chce-li se o někom říci, že je neomezeným pánem něčeho, že nikdo nepopírá jeho výhradního práva na nějakou věc, že může s ní dělati, co se mu líbí; srov.: то је божје и твоје = *to je jedině (výhradně) tvoje.* ~ Frází: Божја, па моје (str. 29) vyjadřuje pop myšlenku, že dítě je darem od Boha a že jeho ochraně svou dcerušku svěřuje. — Sem patří i slova Arsenova: Бог, па ти! (str. 70). Jimi chce Arsen svému dědu říci, že spoléhá jedině na Boha a na něho, že se úplně a bez výhrady podřizuje jeho rozhodnutí; srov.: Божји и твој! = *jsem zcela tvůj,* kromě Boha jsi ty mým jediným pánem.

Бог вам и душа вам! (str. 25) = Zapřisahám vás při Bohu a spáse vaší duše! (t. j. abyste svědomitě plnili můj odkaz). Srov. М. Ђ. Милићевић: Зимње вечери , str. 278: Па Бог вам и душа вам!

Али и јесте човјек! (str. 29) = Však je to také člověk! (s přízvukem vět. na je); však se mu také hned tak někdo nevyrovná!

Маче војску старац Југ-Богдане (str. 30). — Nebylo by bývalo na škodu vysvětliti frázi: макнути (маћи) војску = *vytrhnouti s vojskem,* a to nejen proto, že začátečník bude prostě ve tvaru војску viděti dativ, nýbrž i proto, že ve slovníčku oba tvary slovesa jsou přeloženy chybně: *hnouti se.* ~ Југ-Богдане: vokativ místo nominativu, jak často v národ. písních.

Е, вели владика, (v textu chybně čárka i za вели) ти си своме дјетету највише добру рад (str. 31). — V pozn. 117, která se vztahuje k této větě, učí sice vydavatel svého čtenáře skloňovati zájmeno свој, а, е, ale nikterak se nesnaží, aby mu usnadnil porozumění celé větě.[3]) A přece zde bylo nutno upozorniti na spojení рад сам чему (jako радујем се чему) = přeji něčemu, raduji se z něčeho; rovněž začátečník sotva bude věděti, že своме дјетету je dativus possessivus místo genit.: свога дјетета.[4])

тако ти живота и самосазданог створитеља (str. 36) = zapřisahám tě při tvém životě a při věčném Bohu. ~ V srbštině se užívá genitivu ve vzrušeném zvolání, na př. Мили Боже, чуда великога! V téže funkci (vyjadřování vzrušení, afektu) přešel genitiv i do zaklínání (Бога ми! Закона ми! Славе ми!) i do proklínání. V našem textu:

---

[1]) II. vyd., Српски етнографски зборник. Књ. I. Веоград, 1894.
[2]) V překladu Hudcově „старија“ nepřeloženo (str. 39).
[3]) Hudec v překladu vynechává (str. 38).
[4]) Srov.: Онај ми је брат, ко ми је добру рад.

:тарости ми (str. 15) = přisahám při svém stáří; живога ти бога! str. 70) = pro boha živého (tě prosím)!; тако ти Бог помагао, тако ги твога детета (str. 76) = prosím tě pro boha, zapřisahám tě při .vém dítěti. ~ Naproti tomu v proklínání: апостола му његова (str. 45) náme akusativ, jenž je objektem zamlčeného slovesa *proklínám*. V takoýchto proklínáních obyčejně původní význam již nadobro potuchl (srov. ıaše safraporcký od sacra porta) a proto je na místě překládati naše nísto zcela volně: u sta hromů! nebo: hrom aby do nich! Podobně výraz: 3ога ми! (str. 79) můžeme překládati: Na mou duši! nebo prostě: Opravdu! Výraz: Бога ти (str. 27, 28, 58) vůbec sklesl hojným užíváním ıa pouhou interjekci, která zcela odpovídá našemu *hleď!* nebo *poslyš!* Rovněž výraz: ја боме (str. 12) nebudeme překládati: přisahám Bůh, jak :adí slovníček, nýbrž prostě: nu toť se ví; nu toť se rozumí; nu ovšem.

Гдје ће то бити да дијете не плаче? (str. 37). — Také zde má futurum pouze modalní význam (viz výše při ако), ježto nevyjadřuje děj, který se v budoucnosti stane, a ježto se může prostě zaměniti praesentem: гдје је то, nebo: гдје би то било, да = *Jak by to bylo možné, aby atd.* Podobně: ко ће га знати (str. 50)=ко би га знао=kdož to může věděti.

како, каже, хоће да умре (str. 37). Zde není vhodné překládati ani *jak prý chce zemříti*, ani *jak prý zemře*. Slovesa хтети s infinitivem (nebo jeho opisem s да) používá se totiž někdy v srbštině, aby se vyjádřila potenciálnost slovesného děje, t. j. aby se naznačilo, že není vyloučeno nebo že je možno, že se stane, že se snad, podle všeho stane; že by byl div, kdyby se nestalo to, co vyjadřuje infinitiv. Na př.: За бога, брате, причекај ме, хоћу да цркнем тебе вијајући. (Vuk Nar. prip. 4) = Pro boha, bratře, počkej na mne; *div že nezajdu,* jak se za tebou ženu. Srov. též jiné příkady Broz-Ivek. Rječ. s. v. hotjeti 5) i Akad. Rječ. s. v. hotjeti II A 2 b. Proto i naše místo musíme překládati: vypravuje... *že prý div nezemře,* anebo: *jak prý to snad ani nepřežije.*[1]) ~ Podobná místa v našem textu: Хоће срце да ми пукне, што не могу доћи (str. 39) = *Div mi srdce nepukne*, že nemohu přijeti. — Хоћу да пресвиснем гледајући ову неправду! (str. 46) = *Div nezajdu,* když vidím tuhle nespravedlnost! — па богме хоће и да удари (str. 65) = *a snad by,* na mou duši, *i uhodil.*

Није сабља за вратом (str. 42) mohlo býti vysvětleno naší, ovšem méně epickou frází: Vždyť nehoří.[2])

Па кад ти се слави, а ти га слави! (str. 43) = Nu, když *máš chuť slavit,* tož je slav! nebo: když *se ti chce* (když *tě to těší, baví*) *slavit* atd. ~ Žák nejsa nijak upozorněn bude překládati doslovně a nesprávně, jako přeložil Hudec: Nu když se oslavuje (str. 46). Ale srovnej podobné běžné obraty: спава ми се = chce se mi spáti; пуши ми се = mám chuť na kouření, rád bych si zakouřil; ако ти се пева = je-li ti do zpěvu, těší-li tě zpívati; не седи му се = nemůže vydržeti na jednom místě atd. Srov. též Јанко Веселиновић, Град (Школ. пис. 7, Б. 1926, str. 75): Останем сам. Седим — не седи ми се! Устанем — не хода

[1]) Hudec v překladu vynechává celých 9 řádků.

[2]) Hudec v překladu celou scénu (8 řádků) nahrazuje slovy: Nic na plat (str. 45).

ми се! Запалим цигару — не пуши ми се!, anebo týž, Вечност (ibid. str. 97): А Илиjа je причао и причао... И што je више причао све му се више причало (= tím větší chuť měl do vyprávění).

Нећу тањир од два лица (str. 50). Doslovně přeloženo: Nechci talíř, *který má dva líce,* [1] t. j. na který možno klásti jídlo s jedné, a po oklopení i s druhé strany. Takové byly sedmihradské talíře a proto, řeklo-li se o někom, že je као ердељски тањир, znamenalo to, že je to člověk дволичан, který každou chvíli ukazuje jinou tvář, který „jедно мисли, друго говори а треће твори" (Vuk Posl. 131 a 113). Náš lid o takovém člověku obrazně říká, že *„nosí na obou ramenech"*.

О твоjу главу (t. j. било)! (str. 51) = Nechť jde o tvoji hlavu!, anebo: Tebe ať postihne to, co oznamuješ (t. j. smrt)! [2] ~ Jako náš, tak i srbský venkovan věří, že pes v noci vyje, jestliže »cítí« smrt.[3] Proto probuzen vytím psa pokřižuje se a slovy: о твоjу главу! chce hrozící neštěstí svaliti na neblahého proroka-psa.

Без трага му глава (t. j. била)! (str. 51) = Ať není stopy po jeho hlavě (t. j. po něm)! My říkáme: I, zaplať pánbůh, že je pryč!, anebo: I, čert ho vzal!

У помоћ, браћо, поведе се робље! (ibid.) ~ Sloveso повести = odvésti ve slovníčku není a робље je přeloženo = zajatci. Ale zde není možno mluviti o zajatcích, nýbrž výkřik: поведе се (aor.!) робље![4] stal se během času, abych tak řekl, terminus technicus, jímž se alarmovali sousedé, když byl spáchán únos. Srov. П. П. Његош Гор. Виjенац, v. 459, kde se vypravuje o únosu Ruži Kasanovy. Proto i naše místo: Na pomoc, bratři, ***unesli děvče***!

Моjа глава цареву плаћа! (str. 52) = Svojí hlavou platím za hlavu carovu!, t. j. i kdybych cara zabil, nemůže se mi více státi, než že sám hlavu ztratím. Smysl tohoto pořekadla jest: Provedu, co jsem si umínil, i kdyby mne to život stálo.[5] (Vuk Posl. 181).

Изгорjе школа! Изгорjе црква! (str. 53) ~ Žák bude jistě překládati: Vyhořela škola! Vyhořel kostel! — a přece škola teprve počala hořeti a kostel byl vůbec požárem ušetřen. Zde ovšem měl vydavatel upozorniti, že srb. aorist může též vyjadřovati děj, který se sice dosud nestal, ale který se může v blízké budoucnosti státi. Na př.: Господе! Избави нас, изгибосмо! *(zahyneme)*; Умрех *(= umru)* од жеђи, даj ми чашу воде! a podob. ~ Proto i zde: *Vyhoří* škola! *Vyhoří* kostel![6]

Баш да знам, да те никад ни узети нећу! (str. 61) = Ba, i kdybych věděl, že tě nikdy nedostanu![7] *Да* je zde spojkou připouštěcí.

Ал' шта je знао радити? (str. 62) = Ale co měl dělat? nebo: Ale co mu zbývalo?

---

[1]) Hudec vynechává.
[2]) Hudec vynechává.
[3]) Кад псето пред кућом заарлуче, слути на смрт. Милићевић: Жив. С. с.[2] str. 67.
[4]) Hudec: Odvádějí zajatce! (str. 53).
[5]) Hudec vynechává.
[6]) Hudec vynechává.
[7]) Hudec: Vím, že tebe nechtí (?!); str. 4.

И Велинци се даде на смех (str. 63) = I V. to přišlo k smíchu. **Ја шта ради!** (ibid.) = Toť se rozumí![1])

У Радојке бије ли срце — бије! (str. 71). Zde není otázka a odpověď,[2]) nýbrž tímto způsobem vyjadřuje srbština větší intensitu slovesného děje. Česky bychom řekli: Radojce srdce *buší — a jak buší!*, anebo: R. *buší* srdce — *a jak by také nebušilo?* ~ Srov. na př. Д. С. Николајевић: Многаја љета, Б., 1925: А, овамо, пумпа ли пумпа фондове (str. 39); Није више сељак што је био. Дере ли дере! (str. 20).

Chtěl bych nyní nyní uvésti několik poznámek spíše věcného rázu. Okolnost, že Srbové vyznávají víru pravoslavnou, jejíž obřady, názvosloví a různé obyčeje nejsou u nás známy, měla býti vydavateli pohnutkou, aby na některá místa v našem textu upozornil a je vysvětlil.

Tak na př. žák jistě nebude věděti, a učitel ne vždy mu bude moci vysvětliti, jak jest rozuměti výrazu: **све црквене чарапе, тканице и рубље** (str. 17). Vydavatel měl upozorniti na srbský obyčej, že se popovi za bohoslužebné úkony (křest, úvod, »prsten« atd.) vedle peněžité odměny dává ještě odměna in natura, a to různé součástky prádla, nejčastěji punčochy. To jsou tedy ony **црквене чарапе**, jichž mnohý pop má nepřebernou zásobu, takže je buď rozdává, anebo se jich jiným utilitarističtějším způsobem zbavuje. Tento obyčej trvá dodnes, nejen na venkově, nýbrž i v Bělehradě.

Větě: **а кључ је на трпези под плаштаницом** (str. 24) vydavatel porozuměl tak, že myslil, že tu běží o obyčejný stůl a pokrývku neboli ubrus. To je patrno ze slovníčku, kde žák nalezne: **трпеза** = stůl, **плаштаница** = pokrývka.[3]) Ale výrazem **трпеза** označuje se zde **частна трпеза** t. j. *oltář.*[4]) Že tomu tak vskutku jest, dokazuje výraz **плаштаница**. Církev.-slov. výraz **плащаница** označuje jemné plátno, do něhož byli zabalováni mrtví; na př. Cod. Mar. i Ass. Mat. 27, 59 o rouchu, v němž byl Kristus položen do hrobu. Výraz tento žije dodnes v jazyku pravoslav. církve a označuje hedvábnou roušku s obrazem Krista v hrobě, do níž jsou zašity ostatky svatých. Tato rouška se před mší rozprostře na oltář a na ní **„се као на Голготи свагда приноси жртва пуна тајне“** (Муравијев-Даничић o. c. str. 118).[5])

Rovněž větě: **истом поп подијели нафору** (str. 28) vydavatel, myslím, dobře neporozuměl. Slovníček totiž uvádí **нафора** = hostie (převzato z Hudce, str. 36) a **подијелити** = uděliti. Ale oba tyto významy nejsou správné; **нафора** pravoslavných *není hostie* katolíků a **подијелити** neznačí uděliti, nýbrž *rozděliti, rozdati.* Podle slovníčku by se čtenář

---

[1]) Hudec: Poněvadž ji mám rád (str. 6).

[2]) Hudec: Bije-li srdce Radojce? — Bije. (str. 14).

[3]) Hudec tuto větu, jako mnoho a mnoho jiných, v překladě vynechává (str. 33).

[4]) Všechny výrazy, jimiž pravoslav. církev označuje oltář: Тада **частна трпеза** или **престол** Христа цара постане крстни **жртвеник** његов и гроб животворни а висина од **олтара** показује Голготу. Муравијев-Даничић: Писма о служби Божјој. Нови Сад, 1854 (str. 6); Биоград 1867².

[5]) Podrobněji: Ottův Slov. nauč. s. v. antimensium; Glossarium mediae et infimae latinitatis. G. A. L. Henschl, Niort, 1883 s. v. antimensium; Брокгаузъ-Ефронъ: Энциклопед. Словарь s. v. плащаница a антиминсъ.

domníval, že kočár přijel pro popa, když »jen udělil hostii«, čili v polovici služeb božích, po přijímání. ~ Ale rozdávání nafory se děje až po ukončení bohoslužby a jest něco zcela jiného než přijímání, které se u pravoslavných uděluje ve formě drobtů chleba namočených ve víně — tedy pod obojí! Nafora jsou na drobné kostičky rozkrájené zbytky (okraje) chleba, který věřící spolu s vínem přinášejí kostelu darem [1]) a z něhož částečka byla vzata, aby byla při mši proměněna v tělo Páně. Tyto zbytky (neproměněné!) rozdává pop po bohoslužbě všem přítomným v kostele. Je-li bohoslužbě na př. přítomen pouze muž, vezme si dva kousky nafory; jeden sní hned sám, druhý zabalí do čistého kapesníku a odnese jej domů ženě. Již z toho je patrno, jak veliký rozdíl jest mezi hostií katolíků, která se udílí pouze po předchozí zpovědi a při mši, a mezi naforou pravoslavných, která se rozdává všem přítomným po službách božích. Na tento zajímavý obyčej mělo býti tím spíše upozorněno, poněvadž se v něm zachovaly zbytky tak zv. »večeří lásky«, prastarého to obyčeje z prvních dob křesťanských.[2])

Snad mohl též vydatel upozorniti na některé výrazy církevního jazyka (na př. **молитва од крветечениjа**, str. 17; **обредословиje**, str. 28; **первjе бо пришел jеси**, str. 54; **глас господењ на водах**, str. 78), kterých si žák jistě povšimne již pro jejich tvar, ale jichž vysvětlení marně bude hledati ve slovníčku.

Tak asi, myslím, musely by se doplniti poznámky při tomto vydání, aby vyhovovalo svému účelu. Nejpádnějším důkazem nezbytnosti těchto vysvětlivek je právě překlad Hudcův, kde téměř všechna místa, jež jsem chtěl svými poznámkami objasniti, buď jsou přeložena nesprávně anebo jsou prostě vynechána. Jest proto zcela jasné, že žák bez těchto vysvětlivek syntaktických, fraseologických a věcných na mnohých místech buď vůbec textu neporozumí, anebo mu porozumí špatně. A právě poznámkové vydání mělo odstraniti obě tyto možnosti. *O. Kolman.*

(Dokončení).

Ludoznawstwo polskie w latach 1922—1925.

Przegląd treści:

I. Bibljografja i historja ludoznawstwa. — II. Czasopisma, wydawnictwa zbiorowe. — III. Monografje okolic. Zbiory materjałów. — IV. Terytorjum etnograficzne. — V. Typy gospodarcze. — VI. Wierzenia. — VII. Obrzędy, zwyczaje, zabawy. — VIII. Literatura. — IX. Sztuka i muzyka. — X. Znaki. — XI. Kultura techniczna. — XII. Z pogranicza filologji. — XIII. Organizacja pracy ludoznawczej. — XIV. Zagadnienia metodologiczne i ogólne. — XV. Etnografja obca (poza Słowiańszczyzną).

I. Bibljografja i historja ludoznawstwa.

W roczniku II Slavii ogłosiłem przegląd polskich prac etnograficznych *Ludoznawstwo polskie w ostatniem dziesięciolecia 1912—1921,* str.

---

[1]) Odtud řecké názvy: anafora, prosfora, antidoron — srbské: **нафора навора, напора; проскура, поскура.**

[2]) Srovnej: Vuk Rječ. s. v. **навора** i s. v. **Васкрсениjе**; Riegerův Slov. nauč. s. v. antidor; Ottův Slov. nauč. s. v. antidór i s. v. prosfora; **Брокгаузъ-Ефронъ: Энциклоп. Словаръ** s. v. **просфора.**

154—174 i 548—552. Obecnie zestawiam i poddaję ogólnej ocenie plon pracy ludoznawców polskich za dalsze cztery lata 1922—1925. Zestawienie to nie jest oczywiście zupełne i niema pretensji do zastąpienia bibljografji. Bibljografja taka jest konieczną potrzebą, niestety, niemamy jej zupełnie. Obszerna *Bibljografja ludoznawstwa polskiego* Fr. Gawełka obejmuje prace do r. 1910; od tego czasu niemamy kontynuacji, ani też wystarczających sprawozdań zbiorowych. Pisma etnograficzne, to jest właściwie jedynie tu w rachubę wchodzący lwowski »Lud« ogranicza się do nielicznych i przypadkowych recenzji, nie prowadząc działu bibljograficznego; jedynie w t. XXIII. umieścił redaktor, A. Fischer obszerniejsze zestawienie bibljograficzne *Dziesięciolecie ludoznawstwa polskiego* 1914—1924, str. 147—163, toż samo obszerniej ze streszczeniem ważniejszych prac po niemiecku w Zeitschrift für slawische Philologie II 181—202 *Polnische Volkskunde* 1914—1924 Bd I 432—445. J. S. Bystroń umieścił dwukrotnie sprawozdania z szeregu prac etnograficznych w Przeglądzie Warszawskim 1922 listopad 293—301 i 1924 marzec, 397—405.

Bardzo ważnym przyczynkiem bibljograficznym jest dokładne zestawienie ogromnego dorobku jednego z najbardziej płodnych uczonych polskich, który również i w zakresie etnografji dał szereg bardzo cennych prac, *Bibljografja prac Ludwika Krzywickiego*, opracowana przez Instytut Gospodarstwa Społecznego, a umieszczona na końcu książki Krzywickiego Studja socjologiczne, Warszawa (1924), 299—340; dowiadujemy się tu o szeregu prac, poruszających bardzo ważne tematy, które ukryte w mało dostępnych wydawnictwach perjodycznych, zostały zupełnie zapomniane.

Z zakresu historji ludoznawstwa poważną i sumienną pracę dała St. Niemcówna, *Wincenty Pol jako geograf*, Kraków 1923, str. 96, Prace Instytutu Geograficznego Uniwersytetu Jagiellońskiego, nr. 3. Zasługi Pola w zakresie etnografji mało dotychczas były znane, a jednak są one dorobkiem bardzo poważnym i do dziś dnia jeszcze mają niewątpliwą wartość. Największą zasługą poety-geografa jest próba ugrupowania rodów polskich, która do dziś dnia jest najpoważniejszą probą tego rodzaju. Pol sam przewędrował prawie całą historyczną Polskę, dużo stykał się z ludem i zwracał pilną uwagę na odrębność typów plemiennych, uwzględniając tu momenty zarówno etnograficzne, jak i antropogeograficzne. Podobnież zainteresował się pierwszy Pol drogami wędrówek ludności południowej Polski; aż do ostatnich czasów nie zwracano uwagi na te bardzo ważne zagadnienia, wymagające współpracy etnografów i geografów. Z monografji tej dowiadajemy się również, że Pol, pierwszy profesor geografji w Uniwersytecie Jagiellońskim, pierwszy też wykładał etnografję w r. 1851—52.

Do dziejów ludoznawstwa polskiego w ostatnim jego okresie przynoszą dużo materjału życiorysy i charakterystyki zmarłych badaczy. Doczekaliśmy się wreszcie wydania dawno oczekiwanych *Pism pośmiertnych* K. Potkańskiego I. Kraków 1922, st. 479, II, Kraków 1924, str. 498, zawierających także i rozprawy z zakresu historji osadnictwa i mitologji polskiej (o czem osobno); we wstępie do pierwszego tomu 1—67 omawia Fr. Bujak *Życie i działalność Karola Potkańskiego (1861—1907)*,

przedstawiając wszechstronną działalność tego niezwykle uzdolnionego uczonego, historyka, socjologa, etnografa i filozofa, zamieszczając na końcu wykaz jego prac. W. Sieroszewski poświęca wspomnienie zmarłemu w r. 1918 etnografowi, zasłużonemu zwłaszcza na polu badań wschodnio-azjatyckich, który w ostatnich latach przedwojennych zaczął pracować na Podhalu, *Bronisław Piłsudski*, Rocznik Podhalański, Zakopane-Kraków 1914—1921, str. V—XXX. Nekrologi E. Majewskiego, S. Matusiaka i J. Grzegorzewskiego mamy w XXI tomie »Ludu«.

J. Pogonowski, *Iliryzm i Słowiańszczyzna*, Lwów 1924, str. 172 omawia działalność pierwszych podróżników — etnografów polskich na ziemiach słowiańskich, Al. Sapiehy (1802—1805) i A. Kucharskiego (w latach dwudziestych ubiegłego wieku). Daty biograficzne Z. Chodakowskiego ustala definitywnie na podstawie metryki W. Francew *О времени и мѣстѣ рожденія Зоріана Доленги Ходаковскаго*, Slavia II 400—401.

II. *Czasopisma, wydawnictwa zbiorowe.*

Z radością witamy wznowienie *Ludu*. Założony swego czasu przez A. Kalinę (tom I 1895) zmienne przechodził koleje; w ostatnich latach przedwojennych od r. 1910 obejmuje redakcję A. Fischer, który jeszcze w trudnych warunkach wojennych wydaje dwa tomy, XIX i XX. Obecnie udało się wskrzesić *Lud*, który wychodzi znów pod redakcją Fischera we Lwowie; ukazały się dotychczas trzy tomy, XXI za r. 1922, str. 276, XXII za r. 1923, str. 188, XXIII za r. 1924, str. 188, zwane również t. I, II i III serji drugiej). Mamy więc znów pismo etnograficzne po dość długiej przerwie. Zewnętrznie podobny do dawnego, podaje Lud obok rozpraw także materjały i notatki etnologiczne, poszukiwania, recenzje i sprawozdania, wreszcie kronikę. Ważniejsze prace omawiamy w dalszych ustępach, tu tylko zaznaczamy pokrótce dobre i ujemne strony nowego *Ludu*. Widać wyraźnie staranie o ujednostajnienie typu artykułów, o ich zwięzłość; bardzo korzystnem jest odciążenie pisma z przewagi materjału surowego, który tak ciążył na poprzednich tomach; więcej jest tu teraz rzeczy ciekawych, syntezy, problematów. Za bardzo niekorzystne natomiast uważam, że *Lud* uległ koncepcji „nauk antropologicznych“ i że z pisma folklorystycznego czy ludoznawczego chce przekształcić się w mixtum compositum antropologiczno-archeologiczno-etnograficzne. W nowych tomach *Ludu* widzimy więc rozprawy czy recenzje, które winny znaleść się w organach fachowych, antropologicznych, czy archeologicznych; zwłaszcza archeologowie prehistoryczni nie mogą się skarżyć w Polsce na brak wydawnictw! Wobec czego kosztem antropologji czy archeologji okrawa się etnografję: stan ten anormalny winien ustać coprędzej. Ponadto z żalem zaznaczamy, że *Lud* nie prowadzi systematycznie działu recenzyjnego (dopiero w XXIII tomie widzimy poprawę) ani też nie umieszcza bibljografji. Warunki wydawnicze nie pozwalają na wprowadzenie działu ilustracyjnego; przypuszczać jednak należy, że w niedługim czasie uda się przezwyciężyć te trudności.

Wisła, związana z pamięcią J. Karłowicza, redagowana następnie przez E. Majewskiego, przedstawia dziś komplet 19 wielkich tomów

(1887-1905), dwudziesty wydano w czasie wojny (1917—1918). W r. 1922 wskrzeszono Wisłę w nowej postaci; przestała ona być pismem perjodycznem, a stała się zbiorową nazwą dla rozpraw noszących porządkowe numery zeszytów. Wydano tak St. Ciszewskiego *Studja etnologiczne.* Sól, str. 91. jako zeszyt I. Od tego czasu o dalszych wydawnictwach głucho i niemamy pewności, czy zbiór ten będzie kontynuowany.

Również bardzo opieszale idzie wydawnictwo Polskiej Akademji Umiejętności, *Prace i materjały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*, którego to wydawnictwa ukazały się tomy II, 1921, str. 51, III, 1924, str. 141, IV, 1925, str. 151. Dziwnie silną jest tradycja akademicka: od założenia Akademji łączono razem antropologję, prehistorję i etnografję — i do dziś dnia nie zdołano się zdobyć na wyodrębnienie tych trzech działów. Komisja t. zw. antropologiczna prowadzi swe prace bardzo wolno! właśnie ze względu na troistość materjałową i metodyczną, którą czas już było przezwyciężyć.

Wobec kwietyzmu Akademji na pełne uznanie zasługuje ruchliwa inicjatywa wydawnicza Warszawskiego Towarzystwa Naukowego; niestety, i tutaj wszechwładnie panują »nauki antropologiczne« i znów pod jedną okładką spotykamy rzeczy najzupełniej metodycznie odmienne. Okładka ta nosi tytuł *Archiwum Nauk Antropologicznych;* obejmuje ona rozprawy z zakresu antropologji, prehistorji i etnografji, ukazujące się w osobnych zeszytach, które następnie stanowią tomy. Pierwszy tom, wydany w latach 1921—1923 obejmuje dziesięć rozpraw, w tem cztery etnograficzne (Moszyński, Lilientalowa, Poniatowski, Bystroń); drugi, jeszcze nie zamknięty (1922), jak na razie jedną (Poniatowski); w trzecim spotykamy już ze wszech miar pożądany podział na trzy działy: A. Antropologja. B. Etnologja. C. Archeologja; w dziale etnograficznym wydano rozprawę pani Klawe.

Wychodzi też *Ziemia* w Warszawie, organ Towarzystwa Krajoznawczego, niegdyś tygodnik, dziś miesięcznik, pod redakcją K. Kulwiecia obecnie A. Janowskiego VII—X 1922—1925. Niestety, materjału etnograficznego mało; zrzadka tylko spotykamy jaki przyczynek, podczas gdy w dawniejszych rocznikach nierównie więcej poświęcano miejsca ludoznawstwu. Stosunkowo więcej uwagi oświęca etnografji krajoznawcze pismo dla młodzieży, *Orli Lot,* wydawane z Krakowie; oczywiście poświęcone jest ono przedewszystkiem popularyzacji.

Z etnografji regjonalnej najruchliwsze, jak zwykle, Podhale. Wyszedł *Rocznik Podhalański,* który był niegdyś, przed wojną, pomyślany jako faktyczny rocznik; wojna przerwała wydawnictwo, tak, że dopiero w szereg lat poźniej udało się złożyć końcowe arkusze, Zakopane-Kraków 1914—1921, str. XXX+219. Byłoby rzeczą bardzo pożądaną, aby można było kontynuować to poważne i pożyteczne wydawnictwo; niestety, jak obecnie, warunki finansowe nie pozwalają na prowadzenie rocznika, wyłącznie nauce poświęconego. Zastępują go poniekąd *Wierchy, rocznik poświęcony górom i góralszczyźnie,* uwzględniający obok twórczości literackiej również i rozprawy naukowe; spotykamy tu dość dużo etnografji. Rocznik pierwszy ukazał się we Lwowie 1923, str. 295, drugi tamże w r. 1924 str. 268, trzeci 1925, wszystkie obficie ilustrowane.

Kaszubom poświęcone jest pismo *Gryf*, walczące stale z trudnościami finansowemi, co pewien czas się ukazujące i znów znikające.

Z wydawnictw zbiorowych wspomnieć należy o *Bibljoteczce Geograficznej Orbis*, której serja III poświęcona jest etnografji polskiej i obcej. Jest to wydawnictwo popularne, pomyślane jednak poważnie, z dokładnie obmyślanym programem; przy braku opracowań ściśle naukowych, niewielkie te, dziesięcioarkuszowe książeczki będą niewątpliwie miały wielkie znaczenie także i dla zawodowych etnografów. Wyszło już kilka tomików, a mianowicie opracowania regjonalne Krakowiaków (Udziela), Kurpiów (Chętnik), Kaszubów (Gulgowski), Księżaków (Chmielińska), Moslimów litewskich (Talko-Hryncewicz) i tomik poświęcony pieśni ludowej (Bystroń); dalsze w druku lub w opracowaniu, obejmą monografje ważniejszych grup etnograficznych, tudzież poszczególne działy kultury ludowej.

III. Monografje okolic. Zbiory materjałów.

Dawniej najczęstszym typem publikacji etnograficznych były zbiory materjałów; dziś należą one do rzadkości, jużto dlatego, że pogłębiło się zainteresowanie dla ludoznawstwa i dziś na pierwszy plan wysuwa się problemat, poczęści też ze względu na trudności wydawnicze. W okresie sprawozdawczym materjału nowego mamy bardzo nie wiele; uzyskaliśmy natomiast szereg monografji, na ogół popularnych, ale cennych jako pierwsze próby opracowań etnograficznych pewnych całości.

Zaczynamy nasz przegląd od południa, od gór. Cenną pracę poświęcił dziejom osadnictwa K. Potkański *Podhale* w Pismach pośmiertnych I 284—388, uwzględniając także i czynniki etnograficzne, zajmując się granicami rozsiedlenia poszczególnych grup i wpływami obcemi na Góralszczyźnie. W książeczce *Beskidy zachodnie* poświęcił K. Sosnowski dłuższy ustęp str. 62—90 etnografji górali (Kraków 1924, Bibljoteczka geograficzna Orbis serja III, tom 5—6). F. Hoesick w zajmujących opowiadaniach *Tatry i Zakopane* Poznań I 1921, str. 317, II 1923, str. 271, *Legendowe postaci zakopiańskie* Warszawa 1922, str. 281 dostarczył dużo ciekawego materjału; rozprószone wiadomości dotyczące Podhala spotykamy w najrozmaitszych czasopismach, gdyż temat to zawsze ciekawy i nęcący — wskazujemy tu tylko wspomniane wyżej *Wierchy*.

Krakowiacy doczekali się popularnej monografji pióra najlepszego znawcy, S. Udzieli, który chyba każdą wieś krakowską osobiście poznał; dla etnografa, który czerpie wiadomości między innemi także i z obszernych prac Udzieli o Krakowskiem tomik ten, ładnie napisany, nie przynosi rzeczy nowych, ale spełnia wybornie swą rolę ogólnie informacyjnego wykładu. Żałować należy, że stosunki wydawnicze uniemożliwiają publikację tak licznych i ciekawych naterjałów Udzieli, które — jak na razie — dostępne są tylko w rękopisie w zbiorach Muzeum Etnograficznego na Wawelu.

Śląsk — jak dotychczas — mimo, że wypadki wysunęły go obecnie na pierwszy plan, pod względem etnograficznym jest wciąż zaniedbany i, za wyjątkiem jedynie Cieszyńskiego — prawie zupełnie nieznany. W okresie sprawozdawczym możemy zanotować jedynie zbiorek znanej

działaczki narodowej M. Parczewskiej *O Śląsku i dla Śląska* Warszawa 1922, gdzie znajdujemy kilka artykułów etnograficznych, przedrukowanych z dawniejszych publikacji — a więc etnografom dobrze znanych.

Osadnictwu puszczy radomskiej poświęcił obszerniejszą, bardzo ciekawą i ważną pracę K. Potkański *Puszcza radomska*, Pisma pośmiertne I 107—221; po raz pierwszy jesteśmy w stanie zdać sobie sprawę z etnografji tego kraju przejściowego, w którego kolonizacji leśnej biorą udział Mazurzy, Sieradzanie, Łęczycanie, Sandomierzanie, a także i przybysze z dalszych jeszcze stron. Tenże autor zajmuje się jeszcze i puszczami nadnarwiańskiemi, *Puszcza Kurpiowska*, Pisma pośmiertne I 222—283; na tle warunków fizjograficznych przedstawia nam autor kolonizację puszczy, organizację bartniczą, wreszcie przejście do gospodarki rolniej. A. Chętnik, gorliwy etnograf Puszczaków, daje nam tomik w »Bibljoteczce Orbisu« serja III, t. 4. *Kurpie* Kraków 1934, str. 140, z licznemi ilustracjami, zwięźle i dobrze informujący.

Pani A. Chmielińska w tomiku 9 tegoż zbioru opisała sumiennie lud ziemi łowickiej, *Księżacy (Łowiczanie)* Kraków 1925, str. 152, przynosząc dużo nowego materjału. Do tegoż zbioru »Orbisu« należy i J. Gulgowskiego książeczka *Kaszubi* Kraków 1924, str. 138 (serja III, t. 2); dla tych co znają poprzednią, większą książkę tegoż autora, *Von einem unbekannten Volke in Deutschland*, Berlin 1911, nie dużo tu rzeczy nowych, ani w tekście, ani w dziale ilustracyjnym; najważniejszym brakiem pracy jest ograniczenie się do Kaszub południowych, a pominięcie zupełne nadmorskich rybaków z ich ciekawemi zwyczajami i organizacją połowu. A. Fischer próbuje przeprowadzić analizę nawarstwień kulturalnych na Kaszubach w artykule *Lud Kaszubski* w zbiorowej publikacji »Z polskiego brzegu« Lwów 1923, str. 47—81, wyróżniając zasób słowiański, a nawet pozostałości dawnej wspólnoty kulturalnej finno-słowiańskiej i wpływy germańskie. Zyskaliśmy też wielki i cenny zbiór nowego całkiem materjału; wydawnictwo tekstów kaszubskich, zaczęte w r. 1914 zostało wreszcie po dziesięciu latach ukończone: F. Lorentz *Teksty pomorskie (kaszubskie)* Kraków 1924, str. 836 Mamy tu zgórą tysiąc tekstów ze wszystkich okolic kaszubszczyzny; są one spisane fonetycznie, przy zastosowaniu bardzo drobiazgowego schematu transkrypcyjnego, co utrudnia nie-językoznawcom korzystanie ze zbioru, ale i tak folklorysta będzie musiał się przedrzeć przez tę gęstwę dla bogactwa materjału przedewszystkiem baśniowego; pod koniec tomu mamy i zbiór pieśni, także nieco przemów weselnych.

Sporo materjału obyczajowego z nieznanej prawie zupełnie Warmji daje ks. W. Barczewski *Kiermasy na Warmji* Olszlyn 1919—1922, str. 120. Ziemie wschodnie nie dostarczyły nam wielu ciekawszych rzeczy. Monografja wsi w pow. lidzkim na Wileńszczyźnie W. Staniewicza *Matujzy Bołondziszki* Wilno 1923, jest właściwie studjum społeczno-gospodarczem, w którem tylko przygodnie spotykamy się z materjałem etnograficznym. Ciekawszym jest ogłoszony przez W. Bruchnalskiego Pamiętnik M. Marksa, z Witebska, pisany około połowy ubiegłego wieku, Lud XXI 136—153, zawierający m. i. nieco ciekawych szczegółów do początków literatury białoruskiej.

Bardzo pożyteczne studjum dał nam J. Talko-Hryncewicz *Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy,* Kraków 1924, str. 126 Bibljoteka Orbis, serja III t. 7. Ciekawa grupa muzułmańska na Litwie, która w ciągu wieków uległa spolszczeniu, zachowując do dziś dnia swą odrębność religijną i zwyczajową, bardzo mało była znana; Talko-Hryncewicz ogłosił w r. 1907 wyniki swych badań antropologicznych wsród tzw. Tatarów, ale o ich życiu i kulturze wiedzieliśmy bardzo niewiele, tak że obecna monografja jest nam bardzo pożyteczna. Autor przedstawia nam pokrótce historję osadnictwa muzułmańskiego na ziemiach Litwy od XIV w. począwszy, ich różnorodność plemienną, uwarstwowienie społeczne, rozkwit i upadek osad tatarskich, wreszcie informacje o dzisiejszym ich stanie i nieco wiadomości etnograficznych.

Bardzo mało — jak zawsze — mamy prac z zakresu ludoznawstwa żydowskiego. Być może, że nowo powstałe pismo naukowe *Yidishe Filologye,* wychodzące w Warszawie od r. 1924, a poświęcone badaniu języka (»żargonu«) i folkloru żydowskiego ożywi nieco te badania; w pierwszych zeszytach mamy już dość dużo przyczynków i kilka studjów etnograficznych (o przesądach, medycynie, pieśniach, grach). Zasłużona badaczka wierzeń i świąt ludowych, bł. p. Regina Lilientalowa ogłaszająca swe prace w polskich wydawnictwach krakowskich i warszawskich zmarła przed dwoma laty; ostatnią pracę wydała w. r. 1921 p. t. *Kult ciał niebieskich u starożytnych Hebrajczyków i szczątki tego kultu u współczesnego ludu żydowskiego,* Archiwum Nauk Antropologicznych I nr. 6, str. 16; obszerna praca o folklorze dziecięcym ma wyjść niedługo drukiem.

Do folkloru grup niemieckich na ziemiach polskich nieco przyczynków przynoszą wychodzące od kilku lat *Deutsche Blätter in Polen* (Kargel, Breyer i inni); w temże piśmie zob. A. Breyer *Das Schrifttum über die Deutschen im ehemaligen Kongresspolen* II 120—125.

Teksty cygańskie, zebrane swego czasu przez I. Kopernickiego zaczęła wydawać wrescie komisja orjentalistyczna Akademji krakowskiej, jako nr. 7 *Prac* Komiśji, pt. *Textes tsiganes, Contes et poésies,* Kraków 1925, (z tłumaczeniem francuskiem) zeszyt pierwszy str. 102.

IV. Terytorjum etnograficzne.

Wykład popularny J. S. Bystronia *Ugrupowanie etniczne ludu polskiego,* Kraków 1925, str. 27 (Krakowskie odczyty geograficzne nr. 2) próbuje przeprowadzić podział wewnętrzny ludności polskiej, wyróżniając grupy pierwotne wielkopolską, małopolską, śląską, sieradzką, łęczycką, pomorską i mazowiecką, w obrębie których następuje działkowanie wewnętrzne, a nadto wyodrębnianie się grup górskich i leśnych ze względu na odmienne warunki życia; osobno wyłącza autor grupy kresowe, jako później powstałe przez ekspansję żywiołu polskiego na wschód. K. Nitsch prowadzi dalej opis granic polskiego terytorjum językowego, zaczęty w V tomie miesięcznika »Język polski«: *Granice państwa a granice języka polskiego,* a mianowicie w t. VI omawia granicę polsko-czeską 41—46, w VII polsko-niemiecką na Śląsku 97—102, w VIII południową i zachodnią granicę Wielkopolski 33—37, w IX zachodnią granicę polskiego

Pomorza 80—92, w X północną granicę polsko-niemiecką 129—135, zawsze z mapkami.

Granice wschodnie, daleko trudniejsze do ustalenia, zwłaszcza że granice językowe nie pokrywają się tu tak ściśle z granicami poczucia narodowego, mają obszerną literaturę publicystyczną; nie będziemy jej tu cytować, zaznaczamy jedynie pracę o trwalszej wartości, mianowicie J. Czekanowskiego *Wschodnie zagadnienia graniczne Polski I Stosunki etniczno społeczne,* Lwów 1921, str. 144, próbującą ująć syntetycznie istotę i zmiany w stosunkach narodowościowych na ziemiach wschodnich. E. Maliszewski wyznacza dokładnie *Granicę językową polsko-litewską w byłym powiecie trockim,* Studja społeczne i gospodarcze (księga L. Krzywickiego) Warszawa 1925, str. 231—250.

V. Typy gospodarcze.

Na pierwszem miejscu wymieniamy jako pożyteczną dla ludoznawcy pomoc. podręcznik J. Rutkowskiego *Zarys gospodarczych dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych,* Poznań 1923, str. 270 z którego zwłaszcza rozdziały o ludności, gospodarstwie wiejskiem i ustroju rolnym bardzo nam są przydatne. Tom I Pism pośmiertnych K. Potkańskiego, Kraków 1922 przynosi niezwykle ciekawe *Studja osadnicze* nieodżałowanego badacza, który tak istotnie łączył badania etnograficzne, antropogeograficzne i historyczne; mamy tu więc ogólną teorję osadnictwa, jego zależności od warunków fizjograficznych i ekonomicznych, a także i ustroju społecznego, a potem kolejno obszerne, wszechstronne studja nad osadnictwem puszczy radomskiej, kurpiowskiej i Podhala, omawiające powstanie typów gospodarczych górskich i leśnych (przyczem dużo miejsca poświęca autor organizacji bartniczej u puszczaków radomskich i nadnarwiańskich) ich rozwój i ich stopniowe przekształcanie się pod wpływem nowych stosunków gospodarczych.

Z opisów dzisiejszych grup gospodarczych i zawodowych najwięcej — jak zazwyczaj — mamy z Góralszczyzny, choć na ogół materjał to jedynie przyczynkowy. St. Barabasz opisuje *Kłusowników i zwierzynę w Tatrach* Wierchy I 158—184, dając dużo szczegółow z obyczajowości tego ginącego świata. O zbójnikach piszą w tymże tomie »Wierchów« K. Stecki i J. Zborowski *Skarby w Tatrach* 43—51, pierwszy o znakach poszukiwaczy skarbów, drugi o skarbach zbójnickich. Jak zwykle, nieco materjału dorzucają antropogeografowie, zwłaszcza co do pasterstwa wysokogórskiego, jak Z. Hołubianka *Kilka słów o szałaśnictwie w Tatrach polskich,* Przegląd Geograficzny II 153—159; Karpatami, zwłaszcza wschodniemi, zajął się gorliwie W. Kubijowicz *Szałaśnictwo w Karpatach* Czasopismo Geograficzne 1923, str. 154—160 i mapka, *Rozmieszczenie kultur i ludności we wschodnich Karpatach,* Kraków 1925, str. 24 i mapy (Krakowskie odczyty geograficzne, nr. 7), *Przyczynek do antropogeografji Gorganów,* Przegląd Geograficzny II 146—149.

Badacz puszczy kurpiowskiej A. Chętnik dał szkic popularny *O bursztynie i przemyśle bursztyniarskim* Nowogród nad Narwią 1923, str. 40, w którym zestawia dużo ciekawych szczegółów o bursztynie

i bursztyniarzach, zwłaszcza na Kurpiach. W nowem wydaniu, opracowanem przez W. Hahna ukazała się stara powieść J. I. Kraszewskiego *Budnik* (Bibljoteka Narodowa, serja I nr. 55), która w żywo i wiernie skreślonym obrazie otwarza nam ten typ leśnej gospodarski rabunkowej, już od lat należącej do przeszłości.

Dawnymi solarzami, warzelnikami soli i wędrownymi przekupniami soli, »prasołami«, »czumakami« zajmuje się St. Ciszewski *Studja etnologiczne, Sól*, Warszawa 1922 (Wisła t. XXI. zeszyt 1), str, 91, pokrótce również omawiający innych wędrownych handlarzy, »szotów« »węgrów« itd.

Wreszcie wymienić należy zestawienie wyników oficjalnej ankiety w sprawie rodzajów i dyslokacji przemysłu ludowego (które się ukazało jako wydawnictwo komitetu popierania przemysłu ludowego przy Ministerstwie handlu i przemysłu), opracowane przez Janinę Orynżynę *Zarys przemysłu ludowego w Polsce*, Warszawa 1923, str. 70+89. Mamy tu obszerny i szczegółowy wykaz zestawiający ośrodki tego drobnego przemysłu wedle poszczególnych grup technicznych, a także i wedle województw; żałować należy, że nie wciągnięto tu materjału ogłoszonego już (choćby w takim Słowniku Geograficznym) celem uzupełnienia historycznego ankiety. Materjał zebrano jednak bardzo wielki i książkę tę polecić należy uwadze ludoznawców, do których wydawnictwa urzędowe rzadko dochodzą.

VI. Wierzenia.

Aleksander Brückner, poddawszy krytyce dotychczasowe prace o mitologji słowiańskiej (*Mitologja słowiańska* 1918) przeszedł do rzeczy polskich w *Mitologji polskiej* Warszawa 1924, str. 144. Jak zwykle, książka w lekturze raczej trudna, nie zawsze przejrzysta, o wykładzie nierównomiernym, pełnym dygresji (wydana najwidoczniej bez korekty autorskiej z pozostawieniem fatalnych błędów druku), ale nadzwyczajnie bogata w materjał, z najróżnorodniejszych źródeł pochodzący, pełna oryginalnych spostrzeżeń, trzeźwa w ogólnym pomyśle, niezmiernie pouczająca w lekturze. Znamy poglądy Brücknera na wiadomości dawnych kronikarzy o bóstwach i kulturze Polski pogańskiej; ustępy odnośne z Długosza i innych pisarzy uważa on za sztuczne przeszczepienie klasycznych bóstw pogańskich na ziemię polską, fikcyjne i bałamutne; wskazuje na wiadomości o Rusi i Pomorzu, i drogą porównywania, analizy filologicznej szeregu nazw, wreszcie wciągnięcia materjału folklorystycznego charakteryzuje całokształt tej mitologji, która nigdy bogatą nie była i kształtowała się pod silnemi wpływami obcemi. W stosunku do folkloru jest Brückner bardzo wstrzemięźliwy i nie dopuszcza rekonstrukcji Olimpu polskiego na jego podstawie; analiza upiorów i wilkołaków, siły nieczystej około domu i w przyrodzie wskazuje na genezę całego szergu dochowanych do dziś dnia wierzeń; mimochodem zajmuje się również powstaniem uczonych legend o Piaście, Popielu i Wandzie. W tymże samym roku (Kraków 1924) wyszedł II tom Pism pośmiertnych Karola Potkańskiego a w nim rozprawa *Wiadomości Długosza o polskiej mitologji*, str. 1—93; autor zajmuje stanowisko życzliwe tradycji Długosza i stara

się na podstawie materjału filologicznego i etnograficznego objaśnić nazwy bogów, a następnie stawia na tle porównawczem zwyczaje pogańskie opisane przez Długosza, a mianowicie wiosenne święto »stado« i topienie śmierci-zimy.

Mitologją litewską zajął się Fr. Bujak, od dłuższego czasu pracujący nad starożytnościami plemion bałtyckich, *Dwa bóstwa prusko-litewskie Kurche i Okkopirnus* Lud XXII. 1—12, toż w Studjach społecznych i gospodarczych (ku czci L. Krzywickiego) Warszawa 1925, 29—43; najciekawsze są dla nas próby związania dawnych kultów pogańskich z dzisiejszemi zwyczajami żniwnemi.

Kilka ważnych pozycji wymieniamy w zakresie badań nad czarami. Znany poeta, J. Tuwim wydał książkę *Czary i czarty polskie oraz wypisy czarnoksięskie*, Warszawa 1924, str. 217. Praca to przeznaczona dla szerszej publiczności, choć oparta na bardzo szerokim materjale źródłowym i rozległem oczytaniu w literaturze naukowej; składa się ona z dwóch części, a mianowicie tekstów wybranych z klasycznej literatury czarnoksięskiej, ułożonych systematycznie, i z rozprawy wstępnej, przedstawiającej w barwny sposób czarownictwo i czarownice. Autor sam określa swą książkę jako pracę dyletanta i kompilatora; jestto w każdym razie kompilacja inteligentna i na dobrych źródłach oparta. Można mieć jedynie zastrzeżenia co do tytułu, gdyż właściwie wypisy Tuwima nie odnoszą się specjalnie do rzeczy polskich, lecz korzystają w przeważnej mierze ze światowej literatury o czarownictwie, jak słynny Młot na czarownice itd. Zupełnie pominięto tak obszerny i ciekawy materjał procesów o czary, który pozwala nam na te zjawiska spoglądnąć ze strony historyczno-etnograficznej, podczas gdy autor pozostaje wyłącznie w obrębie dogmatycznego text-booku. Materjał historyczny jest jednak obfity i częściowo nawet drukiem wydany, co prawda rozproszony w rozmaitych wydawnictwach ludoznawczych; w ostatnich latach dorzucił K. Sochaniewicz cenny *Przyczynek do czarów na Żmudzi w XVII wieku* Lud XXI 125—135, przedrukowując ciekawy dokument i zaopatrując go uwagami.

Złym wzrokiem, »zaziorem« zajęła się Marja Barthel de Weydenthal, *Uroczne oczy* Lwów 1922, str. 51 (Archiwum Towarzystwa Naukowego dział II, tom I, zeszyt 3). Wartość tej pracy, która zagadnień teoretycznych (poza krótkim wstępem) nie porusza, leży w sumiennej systematyce materjału polskiego; kolejno więc oznacza autorka podmioty i przedmioty uroku, jego następstwa, odczynianie i zapobieganie urokom. R. Ganszyniec, wyborny znawca religij klasycznych i średniowiecza, daje nam szereg prac z zakresu magji i lecznictwa ludowego, a więc *Studja do dziejów magji I Pas magiczny*, Lwów 1922 str. 57 i IV tabl. (Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie dział I, tom I, zeszyt 6), w których poddaje szczegółowej analizie źródłowej pas czarodziejski, przechowywany w gabinecie archeologicznym Uniwersytetu warszawskiego, a będący przypuszczalnie obroną magiczną rycerza w walce (tzw. od charakterów magicznych »charakternika«). Na szerszem tle przedstawia Ganszyniec zastosowanie pasa w medycynie tradycyjnej, w czarach i w podaniach, zestawiając obfity materjał ludoznawczy ze źródeł obcych w rozprawie *Pas czarowny* Lud XXIII, 1—31; w podobny sposób przedstawia

tenże autor dzieje pierścienia *Pierścień w wierzeniach ludowych starożytnych i średniowiecznych* Lud XXII, 33—62. Notujemy jeszcze przyczynek Ganszyńca *O koronach żmijowych* Lud XXI 228—232, ważny dla dziejów medycyny.

Wpływy tradycji starożytnej w dzisiejszych pojęciach ludowych o przyrodzie wykrywa pracowicie W. Klinger; w pracy *Z motywów wędrownych pochodzenia klasycznego,* serja druga Poznań 1923, str. 45 (Prace komisji filologicznej Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk tom II. zeszyt 3) zajmuje się pochodzeniem wierzeń i baśni o królu węży, dalej »trawą złodziejską«, mającą własność uwalniania z więzów (niemiecki Springwurzel), wreszcie cudownym kwiatem paproci. Nieco materjału polskiego, dotyczącego pojęć o obcych ludziach stawia na gruncie porównawczym i objaśnia J. S. Bystroń *Czarność obcych* Lud XXI 179—182 i *Obcy jako ludożercy* Lud XXII 138—140.

Zajęto się też kultami świętych, tematem tak ciekawym, choć nie łatwym. Na pierwszem miejscu wymieniamy tu K. Dobrowolskiego *Dzieje kultu św. Florjana w Polsce do połowy XVI wieku,* Warszawa 1923 (Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawa II, 2) str. 154. Autor jest historykiem, jednym z bardzo niewielu mających istotne zrozumienie dla etnografji, i w pracy swej pozwala nam zrozumieć mechanizm powstawania i szerzenia się kultu, wskazuje na włączanie przyżytków pogańskich do kultu ludowego, wpływ na nadawanie imion itd.; żałować należy, że w badaniach swych zatrzymuje się już na XVI wieku. Pani C. Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa daje rozprawę *Święta Cecylja* Lud XXI, 103—124, przedstawiając rozwój legendy oficjalnej i tworzenie się późniejsze apokryficznej, o ślepej świętej, patronce muzyków. A. Fischer *Święci myśliwi* Przegląd myśliwski 1923 mówi o św. Hubercie i Eustachym.

VII. Obrzędy, zwyczaje, zabawy.

Obrzędowy cykl doroczny mało dotychczas pociągał badaczy; z tem większem uznaniem wypada nam powitać pracę W. Klingera *Obrzędowość ludowa Bożego Narodzenia, jej początek i znaczenie pierwotne* Poznań 1926, str. 90. Autor, wyborny znawca folkloru klasycznego, doszukujący się umiejętnie wpływu starożytności w dzisiejnych wierzeniach i zwyczajach ludowych przeprowadza tu analizę całego kompleksu zwyczajów, związanych ze świętami Godów, największym i najciekawszym cyklem obrzędowym, aby dojść do wniosku o złożonym charakterze dzisiejszych obrzędów: są one częściowo echem zwyczajów, związanych z dawną grecko-rzymską uroczystością Saturnaljów, częściowo zaś śladami dawnych obrzędów pogańskich Słowian ku czci zmarłych przedków. Do tych dwóch zasadniczych składników przyłączyły się następnie inne, mianowicie praktyki o charakterze magicznym, mające na celu spowodowanie urodzaju na nadchodzący nowy rok, a także i względnie bardzo nieliczne zwyczaje pochodzenia chrześcijańskiego, a więc opłatki, obchody domów z »gwiazdą« itd. Rozprawa ta, bardzo jasna i przekonywująca jest nowem, cennem poparciem tezy o znacznym wpływie folkloru kla-

sycznego na północno-europejski, której udowodnieniu Klinger tyle ciekawych prac poświęcił.

W związku z temi badaniami pozostaje też rozprawka Klingera *Le pain de santé des Grecs et ses transformations modernes,* Eos XXVIII (1925) 125—134, zajmująca się genezą takich ciast obrzędowych, jak małoruski »kračun« świąteczny.

Kontynuując dalej badania nad obrzędowością pogrzebową wydaje A. Fischer nową pracę o obrzędach ku czci zmarłych p. t. *Święto umarłych* Lwów 1923, str. 75 (odb. z Rozpraw i Wiadomości z Muzeum im. Dieduszyckich, VII—VIII). Jak zawsze, materjał porównawczy zebrany przez autora, ogromny; z uznaniem witamy tu wprowadzenie materjału historyczno-religijnego, zwłaszcza klasycznego. Autor konstatuje tu zrazu zgodność wyobrażeń słowiańskich o duszy i zmarłych z ogólno-aryjskiemi, następnie stwierdza związek pierwotnych słowiańskich świąt ku czci zmarłych z rodem, stopniową ewolucję świąt pod wpływem kościoła, ich terminy, rozmieszczenie terytorjalne, przyczem bardzo charakterystycznie występuje łączność obrzędowa ludów północno-wschodniej Europy.

Drobny przyczynek daje J. S. Bystroń *Okręcanie się obrzędowe* Lud XXI 93—96 (w obrzędzie weselnym, w zwyczajach żniwiarskich, prawie umownem).

Pozatem co do obrzędów rodzinnych znamy jedynie St. Poniatowskiego *Przyczynek do metody badania izolacji obrzędowej,* Warszawa 1921, Archiwum nauk antropologicznych I, nr. 7, przeprowadzający uzasadnioną korektę schematu izolacyjnego stosowanego przez Bystronia w pracy *Słowiańskie obrzędy rodzinne,* 1916. Dla badań nad obrzędami weselnemi podstawowe znaczenie mają studja Wł. Abrahama, profesora prawa kościelnego w uniwersytecie lwowskim, a więc przedewszystkiem wielka książka *Zawarcie małżeństwa w pierwotnem prawie polskiem* Lwów 1926, str. 475 (Studja nad historją prawa polskiego t. IX), dalej *Dziewosłęb, studjum z dziejów pierwotnego prawa małżeńskiego w Polsce,* Lwów 1922, str. 47 (tegoż zbioru tom VIII, 2). Abraham jest historykiem prawa i zagadnienia, które rozpatruje, są natury historyczno-prawnej, gdy próbuje odtworzyć sposób i formę zawarcia małżeństwa, a następnie bada wpływ formy świeckiej na kościelną; posługuje się tu jednak tak bogatym materjałem etnologicznym i mimochodem tyle porusza kwestji etnologicznych, że książkę tę musimy uznać za najważniejszą pracę nad obrzędowością weselną słowiańską, mimo, że właściwym jej celem jest tylko zbadanie prawnej strony, zawarcia małżeństwa. Na tak wybornie przygotowanym gruncie będziemy mogli teraz śmiało poddać analizie naukowej obrzędowość weselną, tak bogatą i ciekawą, choć zarazem tak trudną w opracowaniu.

Z zakresu prawa zwyczajowego cenną rozprawę dał nam K. Dobrowolski *Wróżda i pojednanie w sądownictwie polskich wsi beskidowych XVI i XVII wieku,* Lwów 1924, str. 72 (Studja nad historją prawa polskiego VIII, zesz. 4), opisując archaiczne przeżytki prawne w Sidzinie pod Babią Górą, i stwierdzając, że są one wypadkową polskich i niemieckich urządzeń prawnych, zachowaną tak długo wskutek izolacji górskiej i jednodworczych osad, podtrzymujących tradycje rodowe. Rozwój pojęć

politycznych na Góralszczyźnie bada Dobrowolski w rozprawce *Powstanie świadomości narodowej u ludu polskiego na Spiszu i Orawie*, Przegląd współczesny 1922, październik 51—62, dając ciekawe studjum etnograficzne, a przez zwrócenie uwagi na typowość znamion tego procesu — także i socjologiczne. Do historji pojęć tych wśród ludu górskiego odnieść należy również opis zorganizowanego odruchu górali przeciwko wojskom koronnym w drugiej połowie XVII wieku, który nam daje, publikując równocześnie materjał źródłowy J. Czubek *Bitwa pod Nowym Targiem 1670 r.* Rocznik podhalański 88—100.

Badania w zakresie gier i zabaw ludowych są — jak dotychczas — wyłączną domeną E. Piaseckiego, profesora wychowania fizycznego w Uniwerzytecie Poznańskim. Wydaje on w r. 1922 trzecie wydanie pożytecznego podręcznika *Zabawy i gry ruchowe dzieci i młodzieży*, który choć praktycznym celom służy, zawiera dużo materjału etnograficznego i historycznego. Studjum teoretyczne Piaseckiego *Badania nad genezą ćwiczeń cielesnych* Poznań 1922, str. 43 (Prace naukowe Uniw. Poznańskiego, sekcja matem.-przyr. nr. 4) zajmuje się genezą tradycyjnych zabaw ruchowych, wyróżnia cechy ich pierwotne i wtórne, czynniki biologiczne i społeczne, udział dzieci i dorosłych, godząc umiejętnie poglądy biologiczne i etnograficzno-historyczne. Na przykładzie gry »w barana« przedstawia Piasecki losy takiej tradycyjnej zabawy w ciągu wiekowego rozwoju, uwydatniając jej stosunek do obrzędu i dzieje towarzyszącej jej pieśni, *Zabawa, obrzęd, pieśń*, Przegląd Warszawski 1923, III 390—398, toż samo po francusku *Jeu, rite, chanson*, Revue d'ethnographie et des traditions populaires, 1925, 61—73. Przypomnieć też należy, że pismo *Wychowanie fizyczne*, wychodzące od kilku lat w Poznaniu pod redakcją Piaseckiego pomieszcza często opisy ludowych gier i zabaw, nadsyłane przez korespondentów prowincjonalnych.

Książka L. Molendzińskiej-Wernerowej *Gry i zabawy* Warszawa 1925, str. 153, przeznaczona dla ochronek dziecięcych, zestawia ze źródeł rodzimych z górą 200 zabaw wraz ze śpiewami i melodjami; krótki wstęp daje pożyteczną klasyfikację praktyczną gier i zabaw. A. Chętnik ogłasza w niewielkiej broszurce *Zabawy dzieci warszawskich* Warszawa 1921, str. 18, zebrane na podwórkach kamienic warszawskich, dając ciekawy przyczynek do folkloru proletarjatu wielkomiejskiego.

J. S. Bystroń.

(Dokończenie nastąpi.)

Zprávy.

Проф. С. П. Шестаков.

(К сорокалетию ученой деятельности 1886—1926 г. г.)

В октябре 1926 года исполнилось 40 лет ученой деятельности одного из крупнейших русских филологов, доктора греческой словесности, члена-корреспондента русской Академии Наук Сергея Петровича Шестакова, профессора бывш. Историко-филологического факультета Казанского Университета и бывш. Казанских Высших Женских Курсов. Вся ученая деятельностъ юбиляра связана с этими высшими школами России.

Проф. С. П. Шестаков родился 20-го июля 1864 г. в г. Казани в семье попечителя Казанского Учебного Округа, известного в свое время ученого финнолога Петра Дмитриевича Шестакова. Здесь он окончил 2-ю Казанскую гимназию и Историко-филологический факультет Университета и, после годичного преподавания греческого языка в 3-ей Казанской гимназии, был оставлен проф. Д. Н. Беляевым при Университете для подготовки к профессуре. В 1889—90 уч. году он сдал испытание на степень магистра греческой словесности и с осени 1890 г. приступил к преподаванию на классическом отделении факультета на правах приват-доцента. Затем, по защите 21 февраля 1893 г. магистерской диссертации ,,О происхождении Одиссеи Гомера", он получил заграничную командировку на 2 года, во время которой слушал лекции профф. Дильса и Кирхгофа в Берлине и К. Крумбахера в Мюнхене и работал в отделениях рукописей Парижской, Римской и Берлинской библиотек, а позднее посетил и Грецию для ознакомления с ее археологическими памятниками. Докторскую диссертацию ,,О происхождении Илиады Гомера" он защитил в 1900 году и повышен был затем в звание экстраординарного профессора, а с 6-го ноября 1902 года ординарного. Позднее, с 1912 года и до закрытия Историко-филологического факультета в 1921 году, он неизменно переизбирался его Деканом, а втечение трехлетия с 1911 по 1914 год состоял Директором Каз. Высш. Жен. Курсов. На последних он также читал лекции параллельно своим университетским чтениям. В 1921—22 году он состоял профессором факультета Общественных Наук, а по его закрытии профессором Восточного Педагогического Института, открытого на развалинах первого. В 1915 г. он был избран Членом корреспондентом Российской Академии Наук. Втечение 1920—1923 г. г. он неоднократно получал приглашения от вновь открываемых в Баку, во Владивостоке, в Самаре и др. городах Университетов занять там кафедру, но не решился покинуть Казани.

Как ученый проф. С. П. Шестаков отличался удивительной многогранностью научной деятельности и дебютировал в науке как филолог-классик, византинист, археолог и этнолог, историк литературы, даже как литературный деятель. Список его трудов, которым Казанское студенческое Научно-Историческое Общество отметило его XXX годовщину, заключает в себе 115 заглавий,[1]) при чем там не обошлось без 2—3-х пропусков. В настоящее же время он обнимает собою более 125 №. При этом в портфеле у проф. С. П. Шестакова скопилось еще несколько десятков листов вполне подготовленного для печати материала.

---

[1]) Уч. Зап. Гос. Каз. Ун-та 1917 г. № 4.

Обзор деятельности С. П. Шестакова как византиниста я даю на страницах очередного тома „Византийского Временника“, поэтому здесь я отмечу только важнейшие из его работ в этой области. Из них следует указать его книгу о византийском Херсонесе, двухтомный перевод речей Либания и трехтомный курс по Истории Византии (т. I — с 395 по 800-й год, т. II — с 800 по 1081-й год, т. III — с 1081 по 1261-й год). Из них только первый в 1913 году увидел свет Этот большой труд носит характер немецкого Handbuch, во всяком случае желательно его появление в печати. В рукописи же лежит у него собрание отдельных этюдов по папирологии Византийского Египта и целая книга „О продолжателях хроники Феофана“.

Из его трудов по греческой филологии, кроме двух его диссертаций, стяжавших ему заслуженную известность не только в русской науке, следует указать „Красноречие у древних греков“ — актовую речь в 1901 году, выросшую 10-ю годами позднее в „Историю греческого красноречия“. Нужно еще указать недавно появившуюся в Известиях Каз. Об-ва А., И. и Э. статью „Смерть и демоны смерти по воззрениям древних греков“.

Как археолог и этнолог он дебютировал рядом статей по этим вопросам в Изв. Каз. Об-ва А., И. и Э.

Как историк литературы и литературный деятель он выступил с несколькими статьями, характеризующими поэзию В. А. Жуковского, и переводами из греческих и итальянских поэтов. В „Гермесе“ он печатал переводы из Мимнерма, Солона, Греческой антологии и проч... Уже в революционную пору он почти целиком перевел лирику Д. Леопарди и „Ад“ Данте. Отрывки из последнего перевода он читал в 1920 г. в Московском Обществе „Lo studio italiano“, но после того как требовательная модернистская критика, в лице В. Я. Брюсова и В. И. Иванова, не согласилась с его принципами перевода, проф. Шестаков перевел весь „Inferno“ еще раз. В последние годы он интересовался и новогреческим фольклором.

Наконец, нельзя пройти мимо его деятельности в качестве рецензента, которому русская наука, за 30 лет предшествовавших Революции, обязана оценкой почти всего крупного и значительного, что появилось по классической филологии и византиноведению в современной европейской науке.

С особой грустью приходится думать, что к 40-летнему юбилею крупное ученое дарование проф. С. П. Шестакова уже не находит места в современной русской высшей школе, где уже нет ни классической филологии, ни византиноведения. Будем надеяться, что близкий пересмотр Наркомпросом ее программ снова вернет этим дисциплинам некоторое место в ней, т. к. без них невозможно понять ни основ современной западной культуры, ни даже основ культуры русской. Наконец, нельзя не прибавить, что и моральная личность проф. Шестакова пользовалась исключительным авторитетом и среди его товарищей по факультету и среди студентов, который и нашел свое выражение в многочисленных адресах, поднесенных ему на его прошлом юбилее в 1916 году. *Ю. А. И.*

Prof. Jan Łoś, niestrudzony badacz polskiej przeszłości językowej, obchodzi w bieżącym roku czterdziestolecie twórczej pracy naukowej. Stąd też godzi się przypomnieć w ogólnych zresztą zarysach jego dorobek w dziedzinie gramatyki polskiej. Zanim to jednak uczynimy, zapoznajmy się najpierw pokrótce z kolejami życia jubilata. Urodził się dnia 14. maja 1860 r. w Kielcach. Do gimnazjum uczęszczał w Piotrkowie. Po zdaniu matury w r. 1881 zapisał się na wydział historyczno-filologiczny uniwersytetu petersburskiego. Ukończywszy nauki na uniwersytecie w Petersburgu w r. 1885 ze stopniem kandydata, udał się prof. Łoś na przeciąg dwu lat za granicę celem pogłębienia zaczerpniętych w Petersburgu wiadomości z gramatyki porównawczej języków indoeuropejskich oraz językoznawstwa ogólnego. Studja zagraniczne odbywał w Paryżu, Freiburgu

(w Bryzgowji), Lipsku i Berlinie. Powróciwszy do Petersburga, rozpoczął prof. Łoś przygotowania do habilitacji; w r. 1890 po złożeniu przepisanych egzaminów został mianowany docentem filologji słowiańskiej na uniwersytecie petersburskim. W r. 1901 po obronie rozprawy Сложныя слова въ польскомъ языкѣ (Petersburg 1901) uzyskał stopień magistra filologji słowiańskiej. Zaraz w roku następnym przenosi się do Krakowa na opróżnioną przez śmierć Lucjana Malinowskiego katedrę filologji słowiańskiej w Uniwersytecie Jagiellońskim i tam przez lat już blizko 25 pracuje dla dobra nauki polskiej.

Działalność swoją naukową rozpoczął prof. Łoś w r. 1886 studjum dialektologicznem p. t. »Gwara opoczyńska«, pomieszczonem w Rozprawach Wydziału filologicznego Akademji Umiejętności w Krakowie t. XI, str. 147—190); w tymże samym tomie Rozpraw ogłosił jeszcze pracę drugą zatytułowaną »Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich«, będącą pierwszą w Polsce próbą charakterystyki narzeczy ludowych. Wkrótce jednak potem skierował swoją uwagę przedewszystkiem na polską gramatykę historyczną, którą następnie szeregiem rozpraw i dzieł wybitnie wzbogacił.

Pomijając prace pomniejsze, wyznaczymy w dalszym ciągu tylko najważniejsze pozycje naukowego dobrobku prof. Łosia. A więc w pierwszym rzędzie wspomnianą już rozprawę z r. 1901 o polskich wyrazach złożonych, w której bardzo dokładnie rozpatruje historyczny rozwój tych wyrazów na gruncie polskim. Pomimo wyczerpujących zajęć nauczycielskich w Krakowie już w r. 1904 publikuje prof. Łoś pracę p. t. »Rodzaj i liczba w rzeczownikach polskich« (Статьи по славяновѣдѣнію, t. I, str. 273—97) oraz większą rzecz p. t. »Funkcje narzędnika w języku polskim« (Rozpr. Wydz. filol. Akad. Um. w Krak. t. XL, str. 94—154). Najzupełniej samodzielne przygotowywanie wykładów pozwoliło wniknąć prof. Łosiowi, jak dotąd nikomu, w przeszłość języka polskiego. Rezultaty, do jakich w badaniach swoich dochodził, referował systematycznie przez lat wiele na posiedzeniach Wydziału filologicznego Akademji Umiejętności, przyczem referaty te ogłaszał w Sprawozdaniach z czynności i posiedzeń Ak. Um. Z pierwszego dziesięciolecia działalności prof. Łosia w Krakowie należy wspomnieć ponadto rozprawy »Zaimki od tematu *jo*- w dawnej polszczyźnie« (Materjały i prace Komisji językowej Ak. Um. t. V, 1912, str. 465—85) tudzież »Stosunek zdania do innych typów morfologicznych« (Rozpr. Wydz. fil. Ak. Um. XLVI, 1910, str. 195—243). Na osobną wzmiankę zasługuje długoletnia, w pierwszych miesiącach pobytu v Krakowie rozpoczęta praca nad Słownikiem staropolskim, który ma wyczerpać wszystkie zabytki języka polskiego po rok 1543. O tem, jak się rozwijała praca nad Słownikiem, co po lata niedawne zrobiono i jakie będą jej stadja dalsze, poucza nas obszerne sprawozdanie samego prof. Łosia p. t. »O przyszłym Słowniku staropolskim« (Rocznik slawistyczny, t. VIII, 1918, str. 1—57).

Na gruncie przygotowań do wydania Słownika staropolskiego wyrosła książka p. t. »Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543« (Kraków 1915, str. XII + 576, II wyd. p. t. »Początki piśmiennictwa polskiego«, Lwów 1922, str. XIV + 543). Znakomite to dzieło obejmuje możliwie pełne zestawienie wszelakich pomników języka polskiego po oznaczoną w tytule książki datę wraz z krytycznem omówieniem literatury odnoszącej się do każdego zabytku. Z dalszej twórczości prof. Łosia wymienimy jeszcze trzy rozprawy pomieszczone w poświęconych językowi polskiemu tomach Encyklopedji polskiej (Język polski i jego historja z uwzględnieniem innych języków na ziemiach polskich, Kraków 1915, t. I—II), a mianowicie »Źródła do historji języka polskiego« (t. I, str. 1—35), »Syntaktyczne użycie form gramatycznych« (t. II, str. 104—188) oraz »Składnię zdania« (t. II, str. 189—225), wreszcie »Fleksję« w Gramatyce języka polskiego (Kraków 1923, str. 247—286). Ostatnie lata przyniosły nam jako podręczniki uniwersyteckie pomyślane książki: »Gramatykę starosłowiańską« (Lwów 1922, str. XV + 223), tudzież dwa tomy »Gramatyki polskiej«, z których pierwszy obejmuje Głosownię historyczną (Lwów 1922, str XIX + 244), drugi zaś Słowotwórstwo Lwów 1925, str. XVI + 336). Za temi dwoma tomami Gramatyki polskiej ma pójść (wkrótce historyczna morfologja i składnia. Gramatyka polska prof. Łosia jest pierwszą prawdziwie naukową gramatyką historyczną języka polskiego, stanowi ona fundament, na którym wszystko w tej mierze w przyszłości będzie się opierać

Z wyłonioną w r. 1917 sprawą reformy ortografji polskiej związane są książki: »Pisownia polska w przeszłości i obecnie, Zagadnienia i wnioski« (Kraków 1917, str. VIII + 225), »Pisownia polska ustalona, Uchwały ostateczne, Przepisy, Słowniczek« (Kraków 1918, str. 212, potem kilka wydań), »Zasady ortografji polskiej i słownik ortograficzny według zasad Polskiej Akademji Umiejętności« (Lwów 1920, str. 227, potem kilka wydań).

Najzupełniej odosobnione miejsce w całej twórczości naukowej prof. Łosia zajmuje rozprawa p. t. »Zarys rozwoju wersyfikacji polskiej« (Lwów 1916, odb. z »Księgi pamiątkowej ku czci B. Orzechowicza«, t. II, str. 10—40), a także pokaźne dzieło »Wiersze polskie w ich dziejowym rozwoju« (Warszawa 1920, str. 494). Przedmiotem obu tych prac jest unaocznienie nam bogactwa form wiersza polskiego w całym jego przebiegu rozwojowym.

Poza tem wszystkiem zajmował się prof. Łoś żywo wydawaniem pomników dawnej mowy polskiej, czego obfite ślady znajdziemy w Materjałach i pracach Kom. jęz. Ak. Um., a zwłaszcza w Bibljotece pisarzów polskich. Z prac nietraktujących o języku polskim najważniejszą jest rosyjska rozprawa p. t.: Объ удвоенiи въ области церковно-славянскаго языка (Русс. филолог. вѣст. t. XXIII, 1890, str. 55—76).

Wytężająca praca prof. Łosia zyskała mu szczere uznanie świata naukowego, objawiające się w powoływaniu go w skład członków różnych krajowych i zagranicznych towarzystw naukowych.

Praga, w marcu 1926. *W. T.*

Dr. Josef Fuhrich: **Diferenční slovník polsko-český.** Nákl. vlastním. V komisi knihkupectví »Srdce« v Praze II., Spálená ul. 19., V Praze 1925.

Nedávno vydaný tento slovník, praktická příručka pro samouky, je tím pozoruhodný, že jej sestavil pro praktickou potřebu nikoliv filolog, nýbrž známý pražský advokát a pěstitel slovanské vzájemnosti. Před vlastním slovníkem podává autor v »Poznámkách« krátce nástin polské výslovnosti, ovšem jen tak, jak je to pro praktickou potřebu nutné, a nelze poznámky tyto posuzovati se stanoviska odborného. Ale i tak některé výklady by vyžadovaly opravy neb doplnění, na př. výklad o nosovkách. Slovníček je rozdělen tak, že v části I. podána jsou »polská slova obdobná s českými až na odchylný přízvuk a odchylný pravopis« (přízvuk naznačen silným tiskem), v části II. *a)* totožná podstatná jména, jež v češtině jsou rodu ženského nebo středního a v polštině rodu mužského; *b)* totožná podstatná jména, jež jsou v češtině rodu mužského nebo středního, ale v polštině rodu ženského, nebo mají koncovku rodu ženského v čísle jednotném«; III. část obsahuje »slova polská, kde české slabikotvorné *r* a *l* provázeny jsou předchozí samohláskou«; část IV. »slova stejného významu se změnou samohlásky v kořeni nebo ve kmenové příponě«; část V. jména podstatná a přídavná stejně nebo podobně znějící, ale různého významu; část VI. slovesa stejně nebo podobně znějící různého významu a rčení i vazby čistě polské; část VII. poučuje o odchylném užívání předložek polských; část VIII. o příslovcích polských, jejich významu a odchylném užívání; a konečně část IX. obsahuje »významnější slova česká, polskému jazyku neznámá, kterých se má Čech vystříhati při rozmluvě s Poláky«, kam autor pojal slova ta nejnevinnější, jimž se vyhýbati není třeba! Jak již tyto nadpisy svědčí, je to slovníček originálně promyšlený. Z jednotlivostí bych upozornil na to, že se říká *grubjan*, ale ne *grubjanin* (Viz J. Łoś, Pisownia polska, Krakov 1923, str. 9), *aneksja* a nikoliv *anneksja, cena* ve smyslu »ceny obecné« sluje *wartość* (»wartość pospolita«), a j. Vedle prospěchu učebného má slovníček tento také cíl daleko vyšší: »má upraviti cestu ku sblížení česko-polskému i má buditi a podporovati zálibu pro studium jazyka polského«. Obdivujeme se skutečně píli i vytrvalosti autorově, který vedle svého povolání nalézá ještě dosti času pro nezištné studium slovanského jazyka. Že takového diferenčního slovníku je třeba, o tom nemůže být pochyby; avšak domnívám se, že by autor věci mohl ještě více posloužiti sestavením speciálního diferenčního slovníka právnického, pro kterýžto úkol by právě Dr. Fuhrich byl osobou zvlášť povolanou. Takovýto právnický slovníček byl by jistě vítanou příručkou pro

čsl. administrativu vnitřní i zahraniční, a to tím spíše, že jeho nedostatek pociťují obě strany. *Mir. Zelenka.*

Обзоръ трудовъ по византиновѣдѣнію съ 1914 г.

I. Труды, вышедшіе внѣ предѣловъ Россіи.[1])

Міровая война подорвала международную изслѣдовательскую работу въ различныхъ областяхъ знанія, но едва ли не больнѣе всего ударъ почувствовался именно въ области византиновѣдѣнія, какъ науки сравнительно недавно начавшей вновь строиться и все еще не вполнѣ сложившейся, кромѣ того, какъ науки, требующей дѣйствительнаго общенія и совмѣстныхъ усилий ученыхъ работниковъ различныхъ государствъ и народовъ.

Кромѣ того, на византиновѣдѣніи пожалуй больше, чѣмъ на какой-либо другой отрасли знанія отразилась оторванность въ теченіе послѣднихъ лѣтъ работы русскихъ ученыхъ отъ работы остального міра. Византиновѣдѣніе — область, въ которой русская наука занимала всегда одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Большая работа русскихъ ученыхъ нѣсколько лѣтъ шла почти совершенно обособленно отъ работы западно-европейскихъ ученыхъ (которая до самыхъ послѣднихъ лѣтъ въ свою очередь раздробилась по странамъ или группамъ странъ.[2])

Помимо долгой оторванности, византиновѣдѣніе въ Россіи сейчасъ вообще переживаетъ тяжелый кризисъ. Неблагопріятныя условія жизни затронули особенно сильно область гуманитарныхъ наукъ, а въ ея предѣлахъ — именно византиновѣдѣніе.

Все же можно теперь сказать, что міровая ученая работа по византиновѣдѣнію опять налаживается. Возстанавливаются и создаются вновь международныя или международнаго характера ученыя предпріятія по византиновѣдѣнію. Возстанавливаются и открываются вновь ученые журналы по византиновѣдѣнію. Состоялся и первый „международный" конгрессъ по византиновѣдѣнію — въ апрѣлѣ 1924 г. въ Букарестѣ.[3])

Тѣмъ не менѣе все еще недостаточно оцѣнивается и уясняется значеніе производившейся за истекшіе съ 1914-го года работы по византиновѣдѣнію. Отсюда — необходимость обзоровъ, подобныхъ предлагаемому, стремящихся подвести итоги тому, что сдѣлано для византиновѣдѣнія учеными силами разныхъ странъ.[4])

A) Общія пособія работы византиновѣда.

1. Журналы и сборники по византиновѣдѣнію.

Прежде всего можетъ быть названъ новый журналъ международнаго характера — „Byzantion" (Revue Internationale des Études Byzantines). Долженъ выходить два раза въ годъ — въ іюнѣ и декабрѣ.

---

[1]) Предлежащій обзоръ готовъ былъ и сданъ въ редакцію „Славіи" осенью 1925 г. Появившіеся послѣ того труды могли быть отмѣчены лишь вкратцѣ и за полноту ихъ обзора составитель не ручается.

[2]) Обзору трудовъ по византиновѣдѣнію, вышедшихъ съ 1914 г. въ предѣлахъ Россіи, будетъ посвященъ въ „Славіи" особый очеркъ.

[3]) Къ сожалѣнію съ легкой примѣсью политики и дипломатіи въ своей организаціи — остатки культурнаго расхожденія народовъ во время войны.

[4]) Работа византиновѣдѣнія — въ связи съ научными интересами читателей „Славіи" — разсматривается преимущественно съ точки зрѣнія цѣнности для славистовъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить здѣсь благодарность за любезное содѣйствіе при составленіи настоящаго обзора проф. М. М. Мурко, проф. П. С. Мутафчиеву, Г. А. Острогорскому, Н. М. Бѣляёву.

Редакторы — бельгійскіе ученые гг. Paul Graindor и Henri Grégoire (нынѣ профессора Египетскаго Университета). Адресъ редакціи Palais Zaafaran, Le Caire. Первымъ годомъ изданія былъ 1924. За этотъ годъ Byzantion вышелъ одинъ разъ двойною книгою.[1]) Эта первая книга журнала посвящена русскому ученому Н. П. Кондакову по случаю его восьмидесятилѣтія, исполнившагося въ ноябрѣ 1924 года. По трагическому совпаденію эта книга вышла изъ печати въ серединѣ февраля 1925 г., т. е. какъ разъ въ моментъ кончины Н. П. Кондакова. Первая книга Byzantion'a представляетъ собою большой томъ въ 755 страницъ, интересно и разнообразно составленный (статьи, библіографія, хроника). „Byzantion“ признаетъ повидимому лишь четыре языка: французскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій. Статьи ученыхъ славянъ и грековъ появляются также на одномъ изъ западно-европейскихъ языковъ. Исключеніе славянскихъ языковъ — обычно для всѣхъ западно-европейскихъ международныхъ журналовъ (см. ниже о нѣмецкихъ журналахъ по византиновѣдѣнію) — въ этомъ отношеніи съ прекращеніемъ русскихъ журналовъ по византиновѣдѣнію обстоятельства складываются неблагопріятно для работы по византиновѣдѣнію на славянскихъ языкахъ. Статьи на греческомъ языкѣ были въ русскихъ журналахъ по византиновѣдѣнію, встрѣчаются и въ нѣмецкихъ журналахъ. Въ этихъ послѣднихъ статьи преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, но попадаются также на англійскомъ и греческомъ.

Одинъ изъ этихъ журналовъ — „Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher“. Во главѣ его стоитъ проф. Н. Веисъ (N. A. Bees, *N. Βέης*). Адресъ rue Kanningos, 5, Athènes. Журналъ началъ издаваться въ Берлинѣ въ 1920 году.

Byzantinische Zeitschrift переживала тяжелое время съ начала войны и одно время считалась прекратившеюся. XXII книга составляла Jahrgang 1913. XXIII книга составила уже Jahrgang 1914—1919; XXIV книга послѣ значительнаго перерыва появилась въ 1923 г., и съ этихъ поръ можно считать журналъ возобновившимся. Byzantinische Zeitschrift издается подъ редакціей гг. Aug. Heisenberg и Paul Marc. Адресъ редакціи: Prof. Dr. Aug. Heisenberg, München, Hohenzollernstr. 110.

Съ 1924 г. въ Аѳинахъ началъ выходить на новогреческомъ языкѣ „Ежегодникъ общества византиновѣдѣнія“ (*Ἐπετηρὶς τῆς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*). Обильные матеріалы по византиновѣдѣнію заключаются въ сборникѣ *Νέος Ἑλληνομνήμων* (основанъ покойнымъ Ламбросомъ), издающимся въ Аѳинахъ (въ 1914 г. вышелъ 11-й томъ этого сборника, въ 1925 г. — 19-й).

Въ Прагѣ съ 1927 г. предполагается изданіе сборниковъ по археологіи и византиновѣдѣнію „Seminarium Kondakovianum“ (I выпускъ будетъ содержать статьи только на русскомъ языкѣ).

По прежнему, удѣляется мѣсто — иногда значительное — византиновѣдѣнію въ общихъ историческихъ, археологическихъ и филологическихъ журналахъ (Revue Archéologique, Revue d'Histoire Ecclésiastique, Revue Historique de droit français et etranger, Revue des Études grecques, The Journal of Hellenic Studies, Syria, Bessarione, *Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική* и др.).

Много матеріаловъ по византиновѣдѣнію — преимущественно по византійской археологіи — помѣщается въ ученыхъ запискахъ академій и институтовъ Балканскихъ странъ, въ частности Болгаріи (напр. Известия на Българския археологически институтъ) и Румыніи (напр. изданія Румынской Академіи — Académie des Sciences Roumaine).

Изъ неперіодическихъ сборниковъ статей по византиновѣдѣнію отмѣчу сборникъ, посвященный Шлюмберже по случаю его 80-лѣтія

[1]) Второй томъ „Byzantion“ вышелъ осенью 1926 г.

(17 окт. 1924) „Mélanges offerts à M. G. Schlumberger, Membre de l'Institut" изданы въ двухъ томахъ in 4⁰ (всего стр. XXXI + 578). Первый томъ носитъ общее заглавіе „Histoire du Bas-Empire, de l'Empire Byzantin et de l'Orient latin. Philologie byzantine". Второй томъ: „Numismatique et sigillographie. Archéologie". Списокъ авторовъ статей украшенъ самыми блестящими именами международнаго византиновѣдѣнія.

Много цѣнныхъ замѣтокъ по византійскому искусству и археологіи помѣщено въ сборникѣ, вышедшемъ къ 75-лѣтнему юбилею далматинскаго археолога Ф. Булича, извѣстнаго своими разысканіями сплитскаго дворца императора Діоклетіана: Strena Buliciana, Bulićev Zbornik, Naučni prilozi posvićeni Franu Buliću prigodom LXXV. godišnjice njegova života od učenika i prijatela IV. oktobra MCMXXI. Zagreb—Split 1924, 4⁰ стр. XL + 735.[1]) Редакторы сборника — M. Abramić и V. Hoffiler. Сборникъ представляетъ собою толстую книгу, снабженную портретомъ Ф. Булића, 18 таблицами, многими рисунками въ текстѣ отдѣльныхъ статей, а также большимъ количествомъ фотографій различныхъ археологическихъ памятниковъ изъ хорватскихъ музеевъ (фотографіи эти помѣщены въ качествѣ заставокъ — передъ началомъ многихъ статей — и концовокъ; списокъ ихъ занимаетъ стр. XVI—XVIII предисловія къ Сборнику).

Въ Сборникѣ помѣщено всего 92 статьи различныхъ авторовъ на языкахъ французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, русскомъ, сербохорватскомъ, словинскомъ, чешскомъ (изъ славянскихъ языковъ отсутствуютъ польскій и болгарскій); списокъ авторовъ занимаетъ четыре страницы отъ XI—XIV. Статьи на славянскихъ языкахъ снабжены французскими резюме́ (эти резюме́ помѣщены всѣ вмѣстѣ въ началѣ сборника на стр. XXIII—XL). Это обстоятельство обоюдоостро. Съ одной стороны, оно способствуетъ проникновенію итоговъ и выводовъ славянской науки въ среду западноевропейскихъ ученыхъ, но съ другой стороны, ослабляетъ видимую необходимость для этихъ ученыхъ знакомиться съ какимъ либо изъ славянскихъ языковъ.

Статьи Сборника посвящены самымъ разнообразнымъ вопросамъ археологіи классической, византійской и первобытной, исторіи, исторической географіи, исторіи литературы и пр. Къ позднеримскому и раннехристіанскому искусству, относятся напр., работы E. Weigand'a (Die Stellung Dalmatiens in der römischen Reichskunst), J. Sauer'a (Das Aufkommen des bärtigen Christustypus in der frühchristlichen Kunst), V. Schultze (Christus in der frühchristlichen Kunst), R. Egger'a (Die Basilika von Manastirine und ihre Gründer — авторъ датируетъ эту базилику ок. 400 г).. Интересны работы, въ которыхъ идетъ рѣчь объ исторической географіи или археологіи Балканскаго полуострова и прилегающихъ областей въ ранне-христіанскую или византійскую эпоху. Таковы, напр., работы Frana Kovačiča „Petovij in Celeja v starokščanski dobi" (по-словински), Raym. Netzhamer'a „Die altchristliche Provinz Skythien" (Tomis), Jacques Zeiller „Anciens monuments chrétiens des provinces danubiennes de l'empire romain" (перечень памятниковъ гл. обр. архитектурныхъ). Интересна тема итальянской статьи Paolo Orsi „Scolture bizantine della Sicilia". Скульптура — мало развитая вѣтвь византійскаго искусства; памятниковъ византійской скульптуры сравнительно мало, и изучены они далеко не всѣ; поэтому каждую работу въ этомъ направленіи можно только привѣтствовать. Къ сожалѣнію автору удалось привлечь довольно скудный матеріалъ. Статья извѣстнаго византиновѣда Диля (Charles Diehl) посвящена изслѣдованію византійской ткани изъ погребенія Карла Великаго (L'étoffe byzantine du reliquaire de Charlemágne). Шарль Диль устанавливаетъ съ несомнѣнностью точный текстъ надписи на ткани (имена и чины на-

[1]) Ср. рец. P. Graindor въ Byzantion I, 621—630.

чальника мастерской) и устанавливаетъ дату положенія ткани въ гробницу — 1000 г., что помогаетъ опредѣлить дату и самой ткани (пол. X в.). Очеркъ сербскаго ученаго М. Васића „Церква св. Креста у Нину" представляетъ собою отрывокъ изъ большого его труда „Архитектура и Скулптура у Далмацији од почетка IX. до почетка XV. вѣка" (изд. књижарница Гезе Кона у Београду). Интересные вопросы возбуждаетъ статья другого сербскаго ученаго В. Петковића „Неки антички мотиви у старом живопису српском". Петковић находитъ въ стѣнописи нѣкоторыхъ средневѣковыхъ сербскихъ церквей изображенія античной Судьбы *(Μοῖρα)* — въ Градцѣ (Gradac) олицетвореній Моря (въ видѣ женщины), Земли и Іордани (Грачаница). Къ сожалѣнію, въ статьѣ мало фотографій. Не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Византіи интересная замѣтка М. И. Ростовцева „Савроматъ II, царь Боспора" — комментарій къ нѣкоторымъ найденнымъ въ Керчи стариннымъ предметамъ изъ коллекціи покойнаго крымскаго археолога Бертье-Делагарда.[1])

Въ Болгаріи изданъ „Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорска дейность. Приготвенъ отъ неговитѣ ученици и почитатели" (София 1925, 8°, стр. XVI + 573). Сборникъ составленъ интересно и разнообразно. Для библіографіи имѣетъ значеніе списокъ трудовъ В. Н. Златарскаго. Преимущественный интересъ Сборникъ имѣетъ для славистовъ, но рядъ статей имѣетъ отношеніе также и къ византиновѣдѣнію. Таковы работы: Г. В. Вернадскій, Замѣтки о византійскихъ купчихъ граматахъ XIII-го вѣка; П. Мутафчиевъ, Къмъ историята на месемврийскитѣ монастыри; Н. Л. Окуневъ, Нѣкоторыя черты восточныхъ вліяній въ средневѣковомъ искусствѣ южныхъ славянъ; А. Протичъ, Югозападната школа въ българската стенопись презъ XIII—XIV в.; А. Грабаръ, „До-исторія" болгарской живописи — и др.

Ученики и друзья покойнаго русскаго археолога и византиновѣда Н. П. Кондакова издали „Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Н. П. Кондакова": Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines („Seminarium Kondakovianum", Prague 1926, 4°, стр. XL + 300, 30 табл. и 115 рисунковъ въ текстѣ). Сборникъ носитъ международный характеръ — въ немъ участвуютъ ученые разныхъ странъ; статьи Сборника написаны на языкахъ русскомъ, чешскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, новогреческомъ. Сборникъ открывается біографіей Н. П. Кондакова (на французскомъ языкѣ) и спискомъ его трудовъ (біографія и списокъ трудовъ составлены Г. В. Вернадскимъ). Страничку воспоминаній о Н. П. Кондаковѣ далъ В. А. Францевъ. Цѣлый рядъ статей Сборника относится въ византиновѣдѣнію и византійской археологіи. Таковы, напр., слѣдующія работы: G. Millet, Les noms des auriges dans les acclamations de l'hippodrome (étude critique sur le Livre des Cérémonies); Н. М. Бѣляевъ, Украшенія поздне-античной и ранне-византійской одежды; М. А. Андреева, Пріемъ татарскихъ пословъ при Никейскомъ дворѣ; A. Muñoz, Le *ΕΚΦΡΑΣΕΙΣ* nella letteratura bizantina e i loro rapporti con l'arte figurata; N. Bănescu, Un fragment inédit du „poème à Spanéas"; *Γ. Α. Σωτηρίου, Βυζαντιναὶ ἀνάγλυφοι εἰκόνες*; Г. А. Острогорскій, Византійскій податной уставъ; Г. В. Вернадскій, Византійскія ученія о власти царя и патріарха. Вліянію византійской культуры на сосѣднія земли и народы также посвященъ рядъ статей, какъ то: В. Н. Златарскій, Первый походъ болгарскаго царя Симеона на Константинополь; A. Protitch, Un modèle des maîtres bulgares du XVe et du XVIe siècle; N. Jorga, Les variations du type de la Dormition de

---

[1]) Коллекція эта находится нынѣ въ Лондонѣ, въ Британскомъ Музеѣ.

la Vierge dans le vieil art roumain; J. Puig i Cadafalch, La transmission de la coupole orientale à la basilique romane du XIe siècle; O. M. Dalton, An enamelled gold reliquary (изъ Грузіи); Н. П. Толль, Сасанидо-египетская ткань изъ Антинои. Нѣсколько статей посвящено древностямъ скиѳскимъ и кочевническимъ (L. Niederle, М. И. Ростовцевъ, F. Fettich), одна — кавказскимъ древностямъ (А. П. Калитинскій), одна — древне-христіанскому искусству (С. А. Жебелевъ) и т. д.

Наконецъ, укажу Beiträge zur Geschichte des christlichen Altertums und der byzantinischer Litteratur. Festgabe Albert Ehrhard zum 60. Geburtstag (14. März 1922) dargebracht von Freunden, Schülern und Verehrern herausgegeben von Alb. Mich. Koeniger (Kurt Schroeder Verlag, Bonn und Leipzig 1922 стр. VIII + 501).

Въ этомъ Сборникѣ помѣщенъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій въ области древне-христіанской и византійской литературы и древностей. Въ частности, и слависту важно критическое изданіе „Сонника патрі, арха Никифора" („Das Traumbuch des Patriarchen Nikephoros". von Franz Drexl), который относится Дрекслемъ къ половинѣ IX в. August Heisenberg далъ статью „Die Modestoslegende des Mesarites" (о добавкахъ Месарита 1204 г. въ житіи Модеста). Paul Maas далъ критическое изданіе нѣкоторыхъ образцовъ текста Симеона Новаго Богослова („Aus der Poesie des Mystikers Symeon"). Leopold Wenger произвелъ детальный анализъ одного изъ греко-египетскихъ юридическихъ документовъ („Ein christliches Freiheitszeugnis in den ägyptischen Papyri").

2. Словари.

Наиболѣе крупное значеніе имѣетъ здѣсь „Словарь средне- и новогреческаго языка" *(Λεξικὸν τῆς μέσης καὶ νέης ἑλληνικῆς γλώσσης)*, подготовляемый въ Аѳинахъ.[1])

Въ архивѣ словаря въ Аѳинахъ собрано значительное количество карточекъ для словъ, извлеченныхъ изъ книгъ и рукописей и собранныхъ изъ живыхъ говоровъ. Часть этого матеріала используется въ особомъ изданіи „Архивъ Словаря средне- и новогреческаго языка", котораго вышло уже шесть томовъ.

Во главѣ Комиссіи по изданію Словаря съ ея учрежденія стоялъ извѣстный филологъ проф. Хаджидакисъ, а главнымъ редакторомъ до прошлаго года — П. Лорендзато (нынѣ также профессоръ Аѳинскаго Университета). Словарь этотъ представляетъ большой интересъ и значеніе также и для славистовъ въ виду длительнаго взаимодѣйствія между южнославянскими и греческими языками и значительнаго вліянія греческаго языка на всѣ славянскіе языки.

3. Каталоги музеевъ и собраній.

Здѣсь могутъ быть отмѣчены:

Каталогъ византійскаго музея въ Аѳинахъ (*Γεωργίου Λ. Σωτηρίου, Ὁδηγὸς τοῦ Βυζαντινοῦ Μουσείου Ἀθηνῶν*, Аѳины 1924, 8°, стр. 138). Византійскій музей основанъ былъ въ Аѳинахъ въ 1914 г. Въ Музеѣ къ настоящему времени собрано много произведеній раннехристіанской и византійской скульптуры, представляющихъ значительный интересъ, а также большое количество иконъ (преимущественно довольно позднихъ).

Каталогъ византійскихъ моливдовуловъ нумизматическаго Музея въ Аѳинахъ (*Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Νομισματικοῦ Μουσείου ὑπὸ Κ. Μ. Κωνσταντοπούλου*), Аѳины 1917, 8°, стр.

---

[1]) См. объ этомъ ученомъ предпріятіи мою замѣтку въ „Славіи" (Roč. II, 1923—24, стр. 178—179).

ιϑ' + 432. Цѣнный каталогъ, составляющій отнынѣ наряду съ сигиллографіей Шлюмберже необходимый справочникъ всякаго византиновѣда. Иллюстрацій въ каталогѣ къ сожалѣнію нѣтъ.

Каталогъ византійской скульптуры Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ: Catalogue des Sculptures Grécques, Romaines et Byzantines, par Gustave Mendel Constantinople, 8° (4°); I томъ (1912) заключаетъ въ себѣ стр. XXII + 594, II (1914) — 593 стр., III (1914) — стр. XII + 668. Указатель при III томѣ. Для византиновѣдѣнія интересный матеріалъ заключается во II томѣ (Солунскіе амвоны и другіе памятники христіанско-византійскаго искусства — зала XXIII) и въ III томѣ (ваптистиріи и капители — садъ Музея).

Каталогъ византійскихъ печатей того же Оттоманскаго Музея составленъ г. Эберсольтомъ: Musées Impériaux Ottomans. Catalogue des Sceaux Byzantins par Jean Ebersolt. Avec trois planches. Extrait de la Revue Numismatique, 1914. Paris (Feuardent) 1922; 8°, стр. 75.

Превосходный каталогъ византійскихъ древностей Британскаго Музея составленъ хранителемъ отдѣла извѣстнымъ знатокомъ византійскаго искусства O. M. Dalton'омъ — второе переработанное изданіе вышло въ 1921 г.: British Museum: A Guide to the early Christian and Byzantine Antiquities. Second edition, with fifteen plates, a sketch map, and a hundred and five illustrations. Printed by order of the trustees 1921, 8° стр. XII + 191. Это не только каталогъ предметовъ, находящихся въ музеѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сжатое руководство по византійскимъ древностямъ вообще.

Каталогъ Болгарскаго Національнаго Музея въ Софіи: Водачъ за Народния Музей въ София (София 1923, 8° стр. 421) въ серіи „Издания на Народния Музей въ София". Въ Музеѣ хранится много памятниковъ византійской древности.

Несомнѣнно, имѣютъ большое значеніе новые каталоги рукописей Аѳонскихъ монастырей (къ сожалѣнію я ихъ еще не видѣлъ): *Catalogue of the Greek MSS in the Library of the Laura on Mount Athos, with Notices from other Libraries. By Spiridon of the Laura and Sophronios Eustratiades, London (H. Milford) 1925.[1])

4. Сборники и отдѣльныя изданія источниковъ.

Въ этомъ отдѣлѣ прежде всего должно быть отмѣчено появленіе двухъ первыхъ выпусковъ „Свода греческихъ актовъ средневѣковья и новаго времени" (Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit), издаваемаго Академіями Наукъ Мюнхенскою и Вѣнскою: Reihe A: Regesten. Abteilung I. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmisches Reiches bearbeitet von Franz Dölger. 1. Teil: Regesten von 565—1025. Verlag R. Oldenburg, München und Berlin, 1924 (4°, стр. XXIX + 105).

Все изданіе задумано по слѣдующему плану:

Серія (Reihe) A: Регесты.

I. Отдѣленіе. Регесты царскихъ актовъ Восточноримскаго царства 5 частей, 565—1453).

II. Отдѣленіе. Патріаршіе акты.

III. Отдѣленіе. Акты свѣтскихъ сановниковъ.

IV. Отдѣленіе Акты духовныхъ сановниковъ.

V. Отдѣленіе. Частные акты.

Серія B: Сборники актовъ (та же классификація, что и регесты).

---

[1]) Звѣздочкой * отмѣчаются здѣсь и ниже изданія, которыя мнѣ не удалось имѣть въ рукахъ, и о которыхъ сужу по рецензіямъ и отзывамъ въ различныхъ журналахъ и т. п.

Серія C: Систематическія изложенія и отдѣльныя разысканія объ актахъ Восточноримскаго царства.

Первый выпускъ содержитъ, какъ указано, перечни царскихъ актовъ (Regesten der Kaiserurkunden) отъ 565—1025 г. — съ отмѣтками, гдѣ напечатанъ или упоминается тотъ или иной актъ.[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что уже одинъ этотъ выпускъ будетъ долго драгоцѣннымъ справочникомъ для византиновѣда. Врядъ ли можно только согласиться съ насильственнымъ пріуроченіемъ къ опредѣленной датѣ памятниковъ, которыхъ датировка точно не можетъ быть установлена. Вопросительный знакъ въ скобкахъ мало помогаетъ, т. к. пріуроченье къ опредѣленному году создаетъ уже путаницу впечатлѣній. Напр. извѣстный „Земледѣльческій Законъ" *(Νόμος Γεωργικός)* помѣщенъ подъ 740 г.; между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, гораздо больше основаній относить этотъ памятникъ къ концу VII вѣка.[2]) Было бы цѣлесообразнѣе выдѣлять памятники со спорной датировкой въ особую графу. Передъ регестами напечатанъ длинный перечень источниковъ и литературы. Перечень этотъ самъ по себѣ уже имѣетъ цѣнность, какъ библіографическій указатель по византиновѣдѣнію. Какъ по поводу регестъ, такъ и библіографическаго указателя, слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе: литература на славянскихъ языкахъ использована плохо и недостаточно. Если slavica уже leguntur, то все еще плохо leguntur. Транскрипція славянскихъ заглавій въ изданіи, исходящемъ отъ двухъ академій, очень плоха. Напр. на стр. XXI библіографическаго указателя названіе сочиненія Бараца транскрибировано: Kritiko-srav*nytl'*nyj analiz и пр.; Барскаго (Григоровича-Барскаго): Stranstvovanija po sv*a*ty*ch* m*j*ě-sta*ch*; на стр. XXIV Голубинскаго: Kratkij očerk istorii pravosl. *z*erkvej ... и т. п..)

Большіе пробѣлы чувствуются также въ отношеніи литературы на славянскихъ языкахъ при указаніяхъ научной литературы. Такъ, при указаніи литературы о томъ же Земледѣльческомъ Законѣ *(Νόμος Γεωργικός)* — № 305 на стр. 37 совершенно опущена литература русская (Васильевскій, Успенскій, Панченко) и болгарская (Мутафчіевъ), между тѣмъ все это труды первостепенные; среди изданій Земледѣльческаго Закона не указано изданіе Павлова съ параллельнымъ старославянскимъ переводомъ[4]) — опять пробѣлъ недопустимый.

Изъ отдѣльныхъ сборниковъ документовъ нужно отмѣтить переизданіе сборника грамотъ монастырей Метеора въ Өессаліи: Serbisch-byzantinische Urkunden des Meteoronklosters hrsg. von Nikos A. Bees *(Βέης)*. Wiederabdruck aus der Zeitschrift „Byzantis" Bd II. Berlin-Wilmersdorf. Verlag der Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher. S. a. (1923?). Среди грамотъ Метеора помѣщены хрисовулы и сербскихъ царей (Стефана Душана, Симеона Уроша), тѣмъ болѣе сборникъ представляетъ интересъ для слависта.[5])

Очень важный документъ касающійся финансово-податной организаціи Византіи опубликованъ американскимъ ученымъ г. Эшбёрнеромъ (W. Ashburner) въ Journal of Hell. Studies, v. 35 (1915) подъ загла-

---

[1]) Въ 1926 г. вышелъ уже и второй выпускъ этого изданія (доведенъ до 1204 г.).

[2]) Соображенія свои по этому поводу я изложилъ въ замѣткѣ во II томѣ „Byzantion".

[3]) Въ одномъ случаѣ — на этотъ разъ явная опечатка — и въ греческомъ текстѣ. На стр. XXVI изданіе Ламброса названо *Νέος Ἑλχηνομνήμων* вм. *Ν. Ἑλληνομνήμων*.

[4]) „Книги Законныя" въ Сборникѣ отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ т. 38 (1885 г.).

[5]) Грамоты эти перепечатаны впрочемъ были изъ перваго изданія сборника грамотъ Метеора въ извѣстный сборникъ Новаковича „Законски споменици српских држава средњега века" (1912). Ср. мой отзывъ о сборникѣ проф. Веиса въ „Славіи" ročn. III, seš. 2 a 3.

віемъ A byzantin treatise of taxation. Это есть собственно отрывокъ византійскаго Податного Устава. Рукопись этого отрывка относится къ XII вѣку. Податной Уставъ относится, вѣроятно, къ болѣе раннему времени [1]). Изученіе византійскаго Податного Устава поможетъ уяснить детали финансово-податной организаціи не только собственной Византіи, но и славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова, слагавшихся подъ византійскимъ вліяніемъ.

Итальянскіе ученые опубликовали важный памятникъ по исторіи византійскаго права — указатель содержанія Царскихъ Книгъ — Василикъ *(Τιπούκειτος* отъ *τι ποῦ κεῖται;)*, составленный судьею М. Паци *(Πατζῆς)* въ концѣ XI или XII в.: „*Μ. κρίτου τοῦ Πατζῆ Τιπούκειτος* sive librorum XL Basilicorum summarium... ediderunt Contardus Ferrini +, Iohannes Mercati“, Romae (Typis polyglottis Vaticanis) 1914, 8⁰ стр. XLVII+203 (входитъ въ ватиканскую серію Studi e Testi, вып. 25). Первый выпускъ содержитъ первыя 12 книгъ (libros I—XII). Изданіе снабжено предисловіемъ Меркати. Время составленіе Типукита, которое Цахаріэ относилъ къ XII в., Меркати относитъ къ концу XI в. Типукитъ является очень важнымъ памятникомъ исторіи византійскаго права не только самъ по себѣ, но также потому, что даетъ возможность возстановить содержаніе недошедшихъ мѣстъ Царскихъ Книгъ (Василикъ).

Интересный памятникъ византійской юридической мысли *Μελέτη περὶ ψιλῶν συμφώνων* — Meditatio de nudis pactis — изданъ французскими учеными H. Monnier и G. Platon, Paris (Recueil Sirey) 1915; 8⁰, стр. 245 (Extrait de la Nouvelle Revue Historique de Droit français et étranger, 1913—1914). Греческій текстъ изданъ параллельно съ французскимъ переводомъ и сопровождается обширнымъ изслѣдованіемъ. Монньe и Платонъ (Патурини) относятъ памятникъ къ XI вѣку, видя въ авторѣ Meditatio Ксифилина а въ оппонентѣ его — Пселла.

Одинъ изъ важнѣйшихъ поздне-византійскихъ историковъ Лаоникъ Халкокондила (XV в.) издается мадьярскимъ ученымъ г. Дарко: Laonici Chalcocandylae Historiarum Demonstrationes ad fidem codicum recensuit, emendavit annotationibusque criticis instruxit Eugenius Darkó (изданіе входитъ въ серію Editiones criticiae scriptorum Graecorum et Romanorum a collegio-philologico classico Academiae Litterarum Hungaricae publici juris factae). I томъ (книги I—IV сочиненія Лаоника) появился въ Будапештѣ въ 1922 г. (8⁰, стр. XXVI + 206), первая часть II тома (книги V—VII Лаоника) — тамъ же въ 1923 г. (8⁰, стр. 146).

Исторія Михаила Пселла (XI в.) появилась въ новомъ изданіи подъ редакціей Э. Рено (Michel Psellos, Chronographie... texte établi et traduit par Émile Renauld) — греческій текстъ и en regard французскій переводъ (въ 1926 г. вышелъ I томъ — неполныя 6 книгъ исторіи Пселла). (Составляетъ первый выпускъ Collection Byzantine publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé въ Парижѣ).

Цѣнные источники по исторіи византійской церкви опубликованы при объяснительномъ изслѣдованіи г. Лейбомъ (Bernard Leib): Deux inédits byzantins sur les azymes au début du XIIe siècle: Contribution à l'histoire des discussions théologiques entre Grecs et Latins“ (Pontifico Istituto Orientale, Roma [1924]). Вопросъ объ опрѣснокахъ и полемикѣ съ латинянами есть какъ разъ одинъ изъ тѣхъ многихъ вопросовъ, гдѣ византійская культура сливается съ культурою православныхъ славянъ. Византійскіе матеріалы изданные г. Лейбомъ,

---

[1]) Изслѣдованіе этого памятника см. въ статьѣ Г. А. Острогорскаго въ Сборникѣ статей памяти Н. П. Кондакова (см. выше); Г. А. Острогорскій печатаетъ также объ этомъ памятникѣ обширную работу на нѣмецкомъ языкѣ (въ Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte).

должны конечно привлекаться къ своимъ разысканіямъ и историками-славяновѣдами.

Отмѣчу затѣмъ новые документы, изданные проф. Гейзенбергомъ (Aug. Heisenberg) въ Отчетахъ Баварской Академіи. Въ отчетахъ этой Академіи за 1920 г. помѣщены очерки проф. Гейзенберга „Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit" (= Sitzungsberichte der philos.-philol. u hist. Klasse der Bayerische Akademie der Wissenschaften zu München, Jahrgang 1920, 10. Abhandlung). Среди этихъ очерковъ (на стр. 37—41) напечатанъ указъ Михаила Палеолога, извлеченный изъ Мюнхенскаго кодекса Пахимера. Указъ помѣченъ „мѣсяца ноября индиктіона перваго". Г. Гейзенбергъ относитъ указъ къ ноябрю 1272 г. Указъ касается распорядка придворной жизни. Въ этихъ же очеркахъ, на стр. 100—105 опубликовано г. Гейзенбергомъ стихотвореніе Николая Ириника на торжество обрученія Іоанна Дуки Ватадзи и Констанцы (Анны) въ 1244 г.

Въ тѣхъ же Мюнхенскихъ Академическихъ Отчетахъ за 1922 и 1923 годъ г. Гейзенбергъ напечаталъ существенные матеріалы по исторіи Византіи XIII в. подъ общимъ заглавіемъ „Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion". Сюда вошли: Епитафія Николая Месарита (позже митрополита Ефесскаго) на смерть брата своего Іоанна Месарита † 1207 (Sitzungsberichte, 1922, 5. Abh. стр. 16—72); 2) Пренія о вѣрѣ съ латинянами того же Николая Месарита 30 августа 1206 г. (Sitzungsberichte, 1923, 2. Abh., стр. 15—25); 3) Составленное тѣмъ же Николаемъ Месаритомъ прошеніе Константинопольскаго духовенства царю Өеодору Ласкарю (Никейскому; ibid. стр. 25—35); 4) Письмо Николая Месарита монахамъ монастыря Евергетиды въ Константинополѣ о путешествіи своемъ въ Никею ibid. стр. 35—46); 5) Отрывокъ латинской мессы въ греческомъ переводѣ и съ подстрочнымъ латинскимъ текстомъ въ греческой транскрипціи ibid. стр. 46—52); 6) Отчетъ Николая Месарита (уже архіепископа Ефесскаго) о церковныхъ и политическихъ событіяхъ 1214 г. (Sitzungsberichte, 1923, 3. Abh., стр. 6—54). Послѣднее произведеніе (безъ имени Николая) напечатано уже было русскимъ ученымъ епископомъ Арсеніемъ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія 1892, мартъ-іюль и сентябрь-декабрь; 1893, январь-февраль: „Нѣкоего митрополита Ефесскаго XIII в. неизданное доселѣ произведеніе".) Печатая это произведеніе вновь, по болѣе полной рукописи, г. Гейзенбергъ точно датировалъ его и снабдилъ цѣнными вводными примѣчаніями. Всѣ напечатанные г. Гейзенбергомъ документы бросаютъ свѣтъ на интересный моментъ въ развитіи византійской духовной культуры и представляютъ значительную цѣнность.

Для исторіи военнаго дѣла въ Византіи нужно отмѣтить превосходное мадьярское изданіе: Leonis Imperatoris Tactica. Ad librorum mss. fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vári. Это изданіе входитъ въ серію Sylloge tacticorum graecorum consilio Rudolfi Vári et auxilio collegii historicorum Hungaricorum Romani ab Academia Litterarum Hungarica publici juris facta, — volumen tertium)). Пока появился I томъ (Будапештъ 1917; 4 , стр. XXXIX + 322) и 1-ый выпускъ II тома (Будапештъ 1922; 4°, стр. 160). Въ I томѣ предисловіе (по-латыни) — подробный обзоръ кодексовъ. Текстъ напечатанъ великолѣпнымъ крупнымъ греческимъ шрифтомъ. Наверху каждой страницы мелкимъ шрифтомъ fontes; внизу разночтенія. „Тактика царя Льва" является однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ византійской военной науки, и критическое изданіе этого памятника составляетъ большую заслугу мадьярской науки.

Изъ матеріаловъ по археологіи и исторіи искусства прежде всего отмѣчу капитальное изданіе мозаикъ и стѣнописей римскихъ церквей, которыя въ раннюю пору тѣсно и неразрывно связаны съ общимъ развитіемъ византійскаго искусства. Die römischen Mosaiken und Malereien der Kirchlichen Bauten vom IV. bis XIII. Jahrhundert . . . hrsg.

von Josef Wilpert. Mit farbigen Tafeln und 542 Textbildern. Роскошное изданіе in 4°, вышедшее во время войны (Freiburg im Breisgau, Herdersche Verlagshandlung) и посвященное Вильгельму II-му. Первое изданіе вышло въ 1916 г., второе (почти безъ перемѣнъ) въ 1917 г. Первые два тома заключаютъ въ себѣ сопроводительный текстъ (болѣе 1000 страницъ), затѣмъ слѣдуютъ два тома таблицъ (отдѣльно мозаики и стѣнописи).

Большой интересъ представляетъ изданіе памятниковъ христіанской Солуни: Les monuments chrétiens de Salonique par Ch. Diehl, M. le Tourneau et H. Saladin. Texte par Ch. Diehl et H. Saladin. Dessins par M. le Tourneau et H. Saladin. Aquarelles et photographies de M. le Tourneau Paris (E. Leroux) 1918, in-f° XI + 260 стр. Альбомъ заключаетъ въ себѣ 68 таблицъ. Книга эта составляетъ IV выпускъ серіи „Monuments de l'art byzantins publiés sous les auspices du ministère de l'instruction publique et des beaux-arts".

Болгарскій Археологическій Институтъ предпринялъ цѣнное изданіе „Художествени Паметници на България" подъ редакціей проф. Богдана Филова). Въ 1924 г. вышла книга I — „Боянската църква. Отъ Андрей Грабаръ" (София 1924; 4°, стр. 88, 9 рис. въ текстѣ и 41 таблица въ т. ч. двѣ цвѣтныя). Пояснительный текстъ параллельный на болгарскомъ и французскомъ языкахъ. Книга посвящена Н. П. Кондакову по случаю исполнившагося въ 1924 г. 80-лѣтняго его юбилея.

Народни Музеј въ Бѣлградѣ издаетъ серію памятниковъ Сербскаго искусства. Отмѣчу изданія Влад. Р. Петковић: „Манастир Студеница" (Београд 1924; 81 стр., 114 рис. въ текстѣ); Лазар Мурковић и Жарко Татић, Марков Манастир (Нови Сад 1925; 75 стр., 31 рис., въ т. ч. 2 таблицы въ краскахъ).

Интересный матеріалъ по византійскому искусству въ средневѣковой Молдавіи и Валахіи публикуется Румынскими учеными учрежденіями — Румынской Академіей и Комиссіей историческихъ памятниковъ (Comisiunea Monumentelor Istorice) при румынскомъ министерствѣ просвѣщенія и искусствъ. Сюда относится изданіе названной комиссіи „Curtea Domneasca din Arges" (La Résidence princière d'Arges), București 1923.[1])

Главный интересъ представляетъ Аржешская княжая церковь, построенная въ XIV вѣкѣ (послѣ 1330) Бассарабомъ Воеводою. Стѣнопись церкви относится, по мнѣнію ея изслѣдователей, частію къ XIV же вѣку и можетъ быть сопоставляема съ одной стороны съ мозаиками Кахріэ — Джами въ Константинополѣ, съ другой — со стѣнописью сербскихъ церквей XIV в. Изданіе заключаетъ въ себѣ 13 таблицъ въ краскахъ, очень много фотографическихъ снимковъ и рядъ историко-археологическихъ объяснительныхъ очерковъ, принадлежащихъ перу гг. V. Drăghiceanu, Gr. Cherchez, D. Onciul, N. Ghika-Budești, C. Moissil, Prof. Rainer, P. P. Panaitescu, I. Mihail, V. Brătulescu, P. Cancel, N. Jorga. Два очерка (гг. V. Brătulescu и P. Cancel) посвящены спеціально славянскимъ надписямъ.[2])

Румынская Академія начала изданіе серіи Documente de Artă Românească din Manusripte vechi (Памятники румынскаго искусства въ старыхъ рукописяхъ). Первый выпускъ (București 1922) посвященъ славяно-греческому евангелію, списанному въ Нямецкомъ монастырѣ въ Молдавіи монахомъ Гавріиломъ въ 1429 г. (находится въ Bibl. Bodleiana, Oxford: Cod. can. graeci 122). Выпускъ этотъ содержитъ десять большихъ таблицъ, великолѣпно исполненныхъ въ краскахъ

[1]) Отзывъ г. Henri Laurent въ томѣ Byzantion, стр. 587—590.

[2]) Повидимому не всѣ надписи возстановлены правильно. Вызываетъ, напр., сомнѣніе чтеніе одной надписи г. Канцелемъ: „Г[оспод]и щедиротамы ...." (вѣроятно: щедротамы) ср. рис. 217.

(University Press, Oxford). Четыре таблицы — начальные листы каждаго изъ четырехъ евангелій (слѣва славянскій, справа греческій текстъ; великолѣпныя заставки и иниціалы); четыре слѣдующія таблицы — изображенія четырехъ евангелистовъ. IX таблица содержитъ образцы заставокъ и заглавій, X — концовку. Все изданіе представляетъ собою цѣнное пособіе для изученія славянской палеографіи и миніатюры греко-славянскихъ лицевыхъ рукописей.

Много фотографическихъ снимковъ различныхъ памятниковъ румынской старины содержится въ популярныхъ румынскихъ изданіяхъ: Roumanie pittoresque par N. Jorga (Paris, Camber, 1924) и La Roumanie en images, vol. I (2-de éd. Paris 1922). См. особенно фотографіи народныхъ костюмовъ въ послѣднемъ изданіи на стр. 78—79 (женскія одежды крестьянъ округа Muscel), стр. 80—81 (мужскія одежды крестьянъ Трансильваніи, Буковины), стр. 97 (Банатъ) и таблицу при стр. 96 (образцы молдавскихъ вышивокъ).

Альбомъ по исторіи восточно-христіанскаго и византійскаго искусства изданъ въ серіи: „Die Kunst des Ostens hrsg. von William Cohn", Bd VIII: Die christliche Kunst des Ostens von Heinrich Glück, Mit 132 Tafeln und 13 Textabbildungen, Berlin (Bruno Cassirer) 1923, 8° вводный текстъ стр. X + 67. Иллюстраціи не очень хорошо исполнены.

Изъ изданій памятниковъ русскаго искусства укажу: Igor Grabar, Die Freskomalerei der Dimitrij Kathedrale in Wladimir (Petropolis-Verlag, Berlin, s. a. [1926], 8°, стр. 96, 68 таблицъ). Изданіе O. Wulff und Alpatov, *Denkmäler der Ikonenmalerei (Hellerau 1925) мнѣ было недоступно.

Б) Отдѣльныя отрасли Византиновѣдѣнія.

1. Исторія.

а) Труды общаго характера.

Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить перепечатки (разныхъ томовъ 1915—1923) англійскаго дешеваго изданія (въ шести томахъ) классической книги Эдуарда Гиббона „The Decline and Fall of the Roman Empire" (въ серіи Everyman's Library, London & Toronto, published by J. M. Dent Sons, in New York by E. P. Dutton & C°). Коллективный обзоръ исторіи Византіи данъ въ 4 томѣ извѣстной Cambridge Medieval History. Этотъ томъ (Cambridge Univ. Press, 1923) носитъ общее заглавіе „Восточная Римская Имперія" (The Eastern Roman Empire 717—1453). Введеніе принадлежитъ перу проф. Бюри. Въ числѣ авторовъ отдѣльныхъ главъ находятся лучшіе современные византинисты (Charles Diel, A. Vogt, A. A. Васильевъ, F. Challandon, W. Miller, L. Bréhier и др.). Глава о славянахъ принадлежитъ перу В. Ягича, глава объ отношеніяхъ Византійской имперіи съ сѣверными сосѣдями — перу К. Я. Кадльца. Глава о византійскомъ законодательствѣ отъ смерти Юстиніана до 1453 г. написана извѣстнымъ французскимъ историкомъ права г. Коллине (Paul Collinet). Къ сожалѣнію имъ совершенно непринята во вниманіе соотвѣтствующая русская литература. Весъ томъ снабженъ превосходными библіографическими и иными указателями.[1])

Событіямъ только двухъ вѣковъ ранне-византійской исторіи (V и VI) посвящена капитальная книга Бюри: History of the later Roman Empire frome the death of Theodosius I to the death of Justinian (A. D. 395 to A. D. 565) by J. B. Bury. London. (Macmillan)

[1]) Отмѣчу лишь, что въ библіографіи къ XXII главѣ важный памятникъ византійскаго права Типукитъ помѣченъ, какъ „до сихъ поръ неизданный" (still unpublished), между тѣмъ, какъ первая часть Типукита имѣется въ отличномъ изданіи 1914 г. (См. выше, стр. 402.)

1923; 8°; въ I т. стр. XXV + 471, во II-мъ — IX + 494. Темою перваго тома является германское завоеваніе Западной Европы, второго — вѣкъ Юстиніана. Въ концѣ II тома — указатель и библіографія. Новая книга Бюри не есть просто второе изданіе его книги, появившейся въ 1889 г., т. к. написана по нѣсколько иному болѣе широкому плану, при чемъ на Западъ обращено столько же вниманія, какъ и на Востокъ. Оба тома новаго труда Бюри охватываютъ около половины времени, которому посвящена была книга Бюри 1889 г. Нѣтъ надобности говорить, что новая книга Бюри является основнымъ пособіемъ для историка ранней Византіи.

Два блестящихъ общихъ очерка византійской исторіи даны французскимъ византологомъ г. Шарлемъ Дилемъ. Одинъ очеркъ ставитъ своей задачею общую характеристику византійской культуры, выясненіе внутреннихъ причинъ ея силы и слабости Ch. Diehl, Byzance: Grandeur et décadence. Paris, E. Flammarion, 1920 8° стр. 343. Другой очеркъ представляетъ сжатое изложеніе прагматической исторіи Византіи отъ основанія Константинополя до взятія его турками (Histoire de l'Empire Byzantin par Charles Diehl. Paris. Aug. Picard, 1920, 8° стр. XI + 242; есть и болѣе новыя изданія). Очеркъ снабженъ перечнемъ византійскихъ царей, хронологической таблицей, краткимъ библіографическимъ указателемъ и нѣсколькими картами (чертежами) и является превосходнымъ справочникомъ.

Нѣмецкій византинистъ А. Гейзенбергъ (A. Heisenberg) написалъ общій очеркъ Staat und Gesellschaft des byzantinischen Reiches для 2-го изданія II тома IV отд. 1-го вып. серіи „Kultur der Gegenwart" (Leipzig 1923).

Въ итальянской ученой литературѣ имѣется также общій очеркъ византійской культуры — Nicola Turchi, La civiltà bizantina, Torino (Bocca) 1915; 8° (4°), стр. VII + 527 (входитъ въ серію Piccola Biblioteca di Scienze Moderne). Книжка представляетъ собою рядъ очерковъ различныхъ сторонъ византійской жизни (экономическая жизнь, политика, литература, религіозность, искусство), составленныхъ живо и интересно. Недостаточно использованы русская и англійская ученая литература (хотя о первой дается очень лестный отзывъ).

Краткій очеркъ на тѣ же темы имѣется и въ чешской литературѣ Kůltura Byzantská, její vznik a význam. Napsal Univ. Prof. Dr. Jar. Bidlo (изъ серіи Za vzděláním — knížky pro každého). V Praze (J. R. Vilímek), 1917; 8°, стр. 44.

Общимъ вопросамъ византійской исторіи посвящены двѣ небольшія книжки румынскаго ученаго проф. Н. Іорга (на французскомъ языкѣ). Одна носитъ довольно сложное названіе: „Formes byzantines et réalités balcaniques" (Leçons faites à la Sorbonne par N. Jorga. Bucarest-Paris, Champion, 1922; 8° стр. 190). Лекціи проф. Іорга являются попыткою дать характеристику претворенія византинизма въ балканской дѣйствительности и установить роль славянскихъ и латинскихъ вліяній на Балканахъ.[1])

Другая книжечка г. Іорга ставитъ своею задачею освѣтить только послѣдній вопросъ — латинское культурное вліяніе на Востокѣ. Заглавіе этой книжки: „Relations entre l'Orient et l'Occident au moyen âge" (Conférences données à la Sorbonne par N. Jorga. Paris, Gamber, 1923; 8° стр. 181.). [2])

---

[1]) Отчетъ г. N. Bănescu о книгѣ г. Іорга см. въ Byz. Zeitschr. Bd 24, Heft 3/4.

[2]) Къ этой книгѣ примыкаетъ изслѣдованіе г. Іорга „La pénétration des idées de l'Occident dans le Sud-Est de l'Europe aux XVII-e et XVIII-e siècles" (Conférences données à la Sorbonne), напеч. въ изданіи „Revue Historique du Sud-Est Européen publiée par N. Jorga", 1-ère année, N-os 1—3, Janvier-Mars 1924.

Вопросъ о культурномъ взаимоотношеніи Востока и Запада въ средніе вѣка, главнымъ образомъ въ преломленіи византійской исторіи, составляетъ предметъ интереснаго очерка болгарскаго ученаго проф. П. Мутафчиева: Изтокъ и Западъ въ европейското срѣдновековие. Встѫпителна лекция отъ П. Мутафчиевъ. София 1925. 8°. Стр. 34. (Отдѣленъ отпечатъкъ отъ XX годишникъ на Софийския университетъ — историко-филологически факултетъ, книга XXI, 2 — 1925).

β) Монографіи.

Значительный интересъ представляетъ изслѣдованіе нѣмецкаго ученаго Эрнста Штейна: „Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. u. Tiberius Constantinus, von Ernst Stein“ (Stuttgart, Metzler, 1919). Книга раздѣлена на 2 части. Первая содержитъ очеркъ внѣшнихъ событій за годы 565—582. Вторая заключаетъ въ себѣ три главы по внутренней исторіи (преимущественно по государственному и финансовому праву Византіи). Книга представляетъ собою серьезное научное изслѣдованіе, основанное на внимательномъ изученіи актоваго матеріала. Имѣются эпизодическія данныя и о славянахъ.

Извѣстный англійскій историкъ греч. средневѣковья W. Miller собралъ свои статьи по исторіи византійской, венеціанской и турецкой Греціи подъ общимъ заглавіемъ Essays on the latin Orient (Cambridge, Univ. Press, 1921, 8°, стр. VIII + 582).

Далѣе, нужно отмѣтить переизданіе блестящей книги маститаго французскаго византиновѣда Г. Шлюмберже: Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453, 6me éd., Paris 1922, 8°, стр. 369. Часть многочисленныхъ своихъ статей по византійской исторіи и археологіи г. Шлюмберже собралъ въ сборникъ: Récits de Byzance et des Croisades, Nouvelle édition, Paris (Plon) première série, 1923, 8° (16°), стр. 303; deuxième série, 1922, 8° (16°), стр. 228. Новымъ изданіемъ вышелъ также „Никифоръ Фока“ г. Шлюмберже: Un Empereur Byzantin au dixième siècle: Nicéphore Phocas. Neuvelle édition (Paris Boccard, 1923; 8°, стр. VII + 647). Отмѣчу также новыя изданія другихъ работъ г. Шлюмберже: „Expédition des Almugavares, ou routiers catalans en Orient de l'an 1302 à l'an 1311“ (Paris, Plon, s. a. [1924]; 8° [16°], стр. V + 305); „Renaud de Chatillon, Prince d'Antioche“ (Paris, Plon, s. a. [1923], 8° [16°], стр. II + 319).

Различныхъ вопросовъ византійской исторіи и археологіи касается сборникъ статей г. Ш. Диля: Charles Diehl, Dans l'Orient byzantin, Paris (E. de Boccard) 1914, 12°, VII + 329.

Очень интересны очерки г. Эберсольта (J. Ebersolt) „Études sur la vie publique et privée de la cour Byzantine“ (входитъ въ его серію Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines = Annales du Musée Guimet, Revue de l'histoire des Religions, tome 76, Paris, Leroux, 1917, стр. 1—105).[1]) Очерки г. Эберсольта основаны главнымъ образомъ на Придворномъ Уставѣ Константина Порфиророднаго (De cerimoniis aulae byzantinae), представляя сводку данныхъ Константина по многимъ вопросамъ (I — La vie de tous les jours, II — Le couronnement des Empereurs, III — Couronnement et mariage des Impératrices, IV — Les Gestes du cérémonial, V — Le marche du cortège impérial, VI — Les vêtements impériaux dans le cérémonial, VII — Les insignes impériaux dans les Céremonies, VIII — Les promotions aux dignités et aux fonctions, IX — Les réceptions diplomatiques. — L'hospitalité, X — Divertissements et jeux publics, XI — Les fêtes religieuses). Среди славистовъ бо́льшею извѣстностью пользуется другое сочиненіе Константина „Объ управленіи

---

[1]) Отзывъ г. L. Bréhier въ Revue Historique, 139 (1922), стр. 82—84

царствомъ“ (De administrando imperio), между тѣмъ въ Придворномъ Уставѣ имѣется также очень много матеріала, помогающаго разобраться въ культурѣ славянскихъ государствъ Среднихъ Вѣковъ. Очерки г. Эберсольта менѣе глубоко разрабатываютъ матеріалъ Константина, чѣмъ „Byzantina“ Бѣляева, но зато у Эберсольта данныя Константина подобраны болѣе систематично по болѣе широкому плану.

Біографическій очеркъ венгерской королевны, ставшей византійской царицей, въ связи съ исторіей основаннаго ею монастыря Пантократора въ Константинополѣ, даетъ работа J. Moravcsik, Die Tochter Ladislaus des Heiligen und das Pantokrator-Kloster in Konstantinopel (Budapest-Konstantinápoly 1923; 8⁰, стр. 84) — по-мадьярски, съ большимъ нѣмецкимъ резюмé; входитъ въ серію Mitteilungen des Ungarischen Wissenschaftlichen Institutes in Konstantinopel, Heft 7—8.

Интересный опытъ исторіи цѣлаго семейства, игравшаго роль въ византійское и послѣвизантійское время, представляетъ книжка аѳинскаго историка Камбуроглу *(Δ. Γ. Καμπούρογλου), Οἱ Χαλκοκόνδυλαι*, Аѳины 1926, 8⁰ стр. 284. *Г. Вернадскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Литература въ русскихъ журналахъ.

Литературная Мысль. Альманах. Центральное Кооперативное издательство „Мысль“. I–III. Петроград. 1922—1925 г.

Книжка I. 1922 г. *М. Клеманъ* сообщаетъ неизданное стихотвореніе И. С. Тургенева „Когда я молюсь“ (стр 187), хранящееся въ Рукописномъ отд. Россійской Публ. библіотеки. Датируется стихотвореніе предположительно 1843 годомъ. — Весьма цѣнный матеріалъ для творческой исторіи „Нови“ и оцѣнки романа Тургенева со стороны критики во время его появленія въ печати (1877 г.) даетъ опубликованная *М. Д. Бѣляевымъ* по матеріаламъ Пушкинскаго Дома переписка П. В. Анненкова съ И. С. Тургеневымъ[1]. Переписка содержитъ 12 писемъ Тургенева (въ выдержкахъ) и 11 отвѣтныхъ писемъ Анненкова за періодъ 7 сент 1876 г. по 24 февр. 1877 г. М. Д. Бѣляевъ справедливо отмѣчаетъ, что „публикуемыя нынѣ письма П. В. Анненкова имѣютъ интересъ чрезвычайный, они вводятъ насъ въ самую лабораторію творчества Тургенева, приподымая завѣсу надъ многимъ, что было скрыто до сего дня, и тѣмъ отвѣчая на раздававшіеся уже разные вопросы историковъ литературы, что же было измѣнено Тургеневымъ въ первоначальномъ планѣ и текстѣ его романа“.

Матеріалы по Тургеневу даетъ и *Б. Л. Модзалевскій* въ статьѣ „К биографии и переписке Тургенева“ (стр. 242—249)[2].

Е. Покровская въ статьѣ „Фет в переписке с И. П. Борисовым“ (стр. 211—228) извлекаетъ изъ обширной переписки А. А Фета-Шеншина и И. П. Борисова, хранящейся въ Пушкинскомъ Домѣ, письма поэта за періодъ 1848—50 г. г., время пребыванія Фета въ Кирасирскомъ Военнаго Ордена полку. Одно изъ писемъ содержитъ стихотвореніе (нач. „Когда опять по камням заиграетъ..., 28 апр. 1849 г.), до сихъ поръ

---

[1]) „Новь“. К переписке П. В. Анненкова с И. С. Тургеневым. Материалы Пушкинского Дома. Рецензия и вступительная статья М. Д. Беляева, стр. 188—207.

[2]) Письмо Тургенева къ дядѣ, Н. Н. Тургеневу (3/15 сент. 1863 г.), два письма А. С. Бѣлокопытовой (14 и 23. IX. 1878 г.), письмо неизвѣстному (29/17. V. 1879 г.), четыре записки къ художнику Н. Д. Дмитріеву-Оренбургскому (1878—79 г. г.), письмо И. И. Серебрякову (6 VII. 1881 г.), письмо неизвѣстному (27. VIII. 81 г.), письмо Н. В. Успенскаго къ А. С. Бѣлокопытову (9. II. 70 г.) и „Изъ воспоминаній Аргамаковой объ И. С. Тургеневѣ“, которыя въ болѣе распространенной редакціи были опубликованы въ „Истор. Вѣстн.“ 1884 г.

неизвѣстное въ печати. Письма имѣютъ большое значеніе для пониманія разлада „между прозой жизни и поэзіей“, столь характерномъ для Фета.

С. Переселенковъ извлекъ изъ архива А. А. Герцена записки Н. П. Огарева подъ заглавіемъ „Съ утра до ночи“ (стр. 229—241), относящіяся къ 1872—73 г. г. Частично эти записки были уже напечатаны въ 1913 г. въ журналѣ „Сѣв. Записки“ (№ 3, стр. 116—119), въ части, касающейся оцѣнки Огаревымъ поэзіи Лермонтова.

Двѣ статьи въ альманахѣ посвящены Достоевскому.

С. Любимовъ въ ст. „Ф. М. Достоевский (к вопросу о его происхождении)“ (стр. 208—209) устанавливаетъ, на основаніи формулярнаго списка отца писателя, М. А. Достоевскаго, составленнаго 20 апр. 1828 г., южно-русское происхожденіе Достоевскаго. М. А. Достоевскій, по даннымъ формулярнаго списка, происходитъ изъ духовнаго званія и окончилъ подольскую семинарію, откуда поступилъ въ Медико-хирургическую академію (1809 г. Достоевскіе принадлежатъ къ старинному средне-шляхетскому роду польской Украины и не разъ упоминаются, какъ стойкіе борцы за православіе. Позже, не устоявъ въ борьбѣ съ католичествомъ, предки Достоевскаго перешли въ уніатство. С. Любимовъ ставитъ законный вопросъ о возможномъ вліяніи на Достоевскаго его южно-русскаго происхожденія и культурной обстановки, въ которой протекала жизнь его предковъ. „Быть можетъ,“ говоритъ С. Любимовъ, „южно-русское происхожденіе Ф. М. Достоевскаго и не совсѣмъ утраченныя, а скорѣе заглушенныя, его племенныя свойства и сочувствія, наслѣдственная борьба за православіе, преемственно веденная многими поколѣніями его предковъ, смѣшанное воздѣйствіе двухъ культуръ, западно-латинской и восточно-православной, боровшихся между собой въ продолженіе ряда столѣтій въ юго-западномъ углу Россіи, помогутъ разгадать и объяснить нѣкоторыя стороны многогранной и глубокой дѣятельности великаго писателя.“

Другая статья о Достоевскомъ „Исповедь Ставрогина“ (В связи с композицией „Бесов“) (стр. 139—162) принадлежитъ перу *А. С. Долинина* и представляетъ собою изслѣдованіе по вопросу о композиціи ром. „Бѣсы“, въ частности вопросу о мѣстѣ и значеніи „Исповѣди Ставрогина“, недавно опубликованной, въ общей концепціи романа и обрисовкѣ личности Ставрогина. Авторъ тщательно сравниваетъ опубликованные тексты „Исповѣди“, условно называя первый, напечатанный въ № 18 журнала „Былое“,— „петербургскимъ“, и второй, изданный Центроархивомъ, „московскимъ“.[1])

На основаніи сравненія этихъ текстовъ и ряда побочныхъ соображеній А. С. Долининъ приходитъ къ выводу, что московскій текстъ болѣе поздній. Этотъ выводъ для изслѣдователя важенъ въ томъ отношеніи, что въ текстѣ московскомъ образъ Ставрогина органически ближе къ его изображенію въ романѣ „Бѣсы“. В редакціи же петербургской „образъ Ставрогина ставится такъ, что дѣлается возможнымъ для него пережить актъ живой религіозной воли, истинное раскаяніе“, приближаясь такимъ образомъ по замыслу къ образу „Великаго грѣшника“. Анализируя далѣе романъ „Бѣсы“ со стороны его композиціи, авторъ приходитъ къ выводу, что „Исповѣдь Ставрогина“ въ его петербургской редакціи органически спаяна съ романомъ „Бѣсы“ и ея невключеніе авторомъ въ печатный текстъ вызвано случайными причинами, можетъ быть цензурой Каткова, о которой Страховъ писалъ въ извѣстномъ письмѣ Толстому.[2])

Въ своемъ анализѣ авторъ не ограничивается формальнымъ подходомъ къ вопросу композиціи романа, но вскрываетъ основной замыселъ Достоевскаго, влекущій его къ опредѣленному построенію произведенія во внѣ. „Исповѣдь Ставрогина“, по мнѣнію А. С. Долинина, „не только не стоитъ въ противорѣчіи съ замысломъ Достоевскаго, съ центральнымъ образомъ Ставрогина, но прямо требуется ими для цѣльнаго органическаго пони-

---

[1]) Документы по истории литературы и общественности. Выпуск первый. Ф. М. Достоевский. I. „Исповедь Ставрогина“ 2. План „Жития великого грешника“ Москва. 1922 г.

[2]) См. Толстовскій музей, II, стр. 307—309.

манія романа. „Исповѣдь“ — выражаетъ въ высшемъ драматическомъ моментѣ сокровенную сущность Ставрогина, какъ переломный моментъ въ развитіи сюжета, она является органическимъ звеномъ романа, кульминаціоннымъ его пунктомъ, композиціонно вполнѣ оправдываемымъ и законнымъ“ (стр. 162).

Б. Томашевскій въ статьѣ „Новое о Пушкине“ (стр. 170—186) даетъ критическій разборъ работъ М. Л. Гофмана о Пушкинѣ, главнымъ образомъ со стороны пріемовъ изданія текста. Подъ этимъ угломъ зрѣнія разсмотрѣны слѣд. работы М. Л. Гофмана: „Первая глава науки о Пушкинѣ“, „Неизданный Пушкинъ“ (Онѣгинское собраніе), „Пропущенныя строфы Евгенія Онѣгина“, „Посмертныя стихотворенія“, „Домикъ въ Коломнѣ“.

Литературѣ современной посвящены статьи *С. Аскольдова* „Творчество Анрея Белого“ (стр. 73—90) и выдержанная въ духѣ формальной школы статья *В. В. Виноградова* „О символике А. Ахматовой“ (стр. 91—138).

А. Г. Горнфельдъ въ статьѣ „Художественное слово и научнаяцыфра“ (стр. 162—170) останавливаетъ вниманіе на увлеченіи „статистическимъ“ методомъ въ изученіи поэтическаго языка въ рядѣ работъ послѣдняго времени и на необоснованность выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи чисто внѣшняго подсчета въ соотношеніи разныхъ звуковъ.

Книжка II. 1923 г. *В. Жирмунский.* Вокруг ,,Кавказского Пленника“ Пушкина (стр. 110—123). Авторъ подвергаетъ внимательному анализу поэмы ,,Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина и ,,Корсаръ“ Байрона. Онъ приходитъ къ выводу о несомнѣнности вліянія Байрона. Попутно авторъ останавливается и на вопросѣ о вліяніи Шатобріана на Пушкина, выдвинутомъ В. В Сиповскимъ, и здѣсь присоединяется къ выводамъ статьи *А. Л. Бем* ,,Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина“ (Пушкинъ и совр. XV, 1911, 146—163), отрицающей это вліяніе. — Неизданные стихотворения кн. П. А. Вяземского. Сообщ. *С. Любимов* (стр. 230—233). Два стихотворенія В-го ранняго періода, не вошедшія полностью въ собр. соч. 1879 г. — Эпиграмма Толстова-Американца на А. Пушкина. Сообщ. *Т. Б.* (стр. 237—238). Эпиграмма написана въ отвѣтъ на строки пушкинскаго посланія Чаадаеву 1821 г., относящіяся къ Толстому. — Неизданное стихотворение кн. А. И. Одоевского. Сообщ. *С. Любимов* (стр. 235—237). Стих. ,,Колыбельная пѣсня“, написанное въ 1832 г. въ Петровской тюрьмѣ по случаю рожденія сына декабриста Розена. — Письма И. И. Панаева. Сообщ. *П. Горчинский* (стр. 192—198). Письма Н. В. Гербелю, М. Н. Загоскину, В. Ѳ. Одоевскому и Д. В. Григоровичу. — Письма В. П. Боткина. Сообщ. *Н. Измайлов* (стр. 159—191). Письма къ М. П. Боткину и В. Бѣлинскому. Цѣнный источникъ для біографіи Б-а и литературной жизни 40-хъ г. г. — *М. Клеман.* Русский язык и литературные вкусы в семье Тургеневых (стр. 222—229). Авторъ по письмамъ С. Н. Тургенева и записнымъ книжкамъ В. П. Тургеневой доказываетъ, что русскій языкъ не былъ въ пренебреженіи въ семьѣ Тургеневыхъ. Родителямъ И. С. Тургенева не были чужды и литературные интересы, какъ показываютъ новые біографическіе источники (письма В. П. Тургеневой къ И. С. Тургеневу 1838—43 г. и др.) — *В. Н. Княжнин.* Аполлон Александрович Григорьев (к столетию со дня рождения: 1822—1922) (стр. 141—148). Рѣчь ,,О поэтѣ А. Григорьевѣ“ и письма Г-ва къ Э. Н. Эдельсону. — *Н. Фельтен.* Первая любовь Толстого (по неизданным дневникам) (стр. 240—245). Отношенія Л. Н. Т-го къ В. В. Арсеньевой по дневникамъ 1855—57 г. г. — Письма Л. Н. Толстого к М. М. Лисицину. Сообщ. *В. Срезневский* (стр. 199—205). Письма періода 1885—1891 г. г. Имѣютъ значеніе для религ.-философскихъ взглядовъ Т-го (,,Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ“, взгляды на искусство). — *В. Срезневский.* Биография Л. Н. Толстого (стр. 246—248). Оцѣнка ,,Біографіи“ П. И. Бирюкова въ изд. Ладыжникова (т. т. I—III. Берл. 1921). Есть цѣнныя указанія. — Запись Достоевского в Альбом

Сообщ. *Б. Л. Модзалевский* (стр. 238—239). Запись въ альбомъ Ф. А. Загуляевой отъ 28 окт. 1860 г. — Неизданные материалы „Чеховской комнаты" в Таганроге. Сообщ. *С. Балухатый* (стр. 206—221). Въ приложенiи напечатаны неизданныя произведенiя и письма Ч-ва. — *Б. Ларин.* О „Кипарисовом ларце" (стр. 149—158). О поэзiи Иннокентiя Анненскаго. — *Б. Н. Томашевский.* Проблемы ритма (стр. 124—140). — *А. А. Смирнов.* Пути и задачи науки о литературе (стр. 91—109).

Книжка III. Ленинград. 1925. Редакция А. С. Долинина. *Виктор Виноградов.* Жюль Жанен и Гоголь (стр. 342—365). Авторъ устанавливаетъ слѣды воздѣйствiя ром. Жюль Жанена „L'âne mort et la femme guillotinée" (рус. пер. 1831 г.) на формированiе „романтически-ужаснаго" жанра въ творчествѣ Гоголя. Подъ этимъ угломъ зрѣнiя разсмотрѣны „Кровавый бандуристъ" (см. „Литер. Музеум" I), „Невскiй проспектъ" и „Портретъ". Статья важна для изученiя композицiонныхъ и стилистическихъ прiемовъ творчества Гоголя. Ея слабое мѣсто — недостаточно широко привлеченный фонъ распространенiя „ужасныхъ сюжетовъ" въ 30-хъ годахъ. Безъ предварительной главы о влiянiи Гюго на формированiе прiемовъ „неистовой" школы, все же и послѣ статьи Виноградова вопросъ о значенiи Жюль-Жанена остается нерѣшеннымъ. — *М. Клеман.* Шесть детских стихотворений Тургенева (стр. 256—261). Извлечены изъ тетрадки Т-ва стихотворенiя, написанныя до поступленiя въ университетъ. Въ нихъ уже на лицо раннее увлеченiе нацiональной идеей, народной пѣсней и слѣды философскихъ запросовъ съ уклономъ къ пессимизму. — *В. Комарович.* Генезис романа „Подросток" (стр. 366—386). Авторъ убѣдительно показываетъ, что „разсказъ о подросткѣ", какъ часть сюжета романа, стоитъ въ прямой зависимости отъ конспективныхъ записей „Житiя великаго грѣшника" и написанъ въ точномъ согласiи съ планомъ этой поэмы 1869—70 г. Исторiя Версилова имѣетъ своимъ первоначальнымъ зерномъ скромную ролъ Альфонскаго ненаписанной поэмы, затѣмъ выросшей въ исторiю Версилова и Ахмаковой, оттѣснившей на заднiй планъ жизнеописанiе Подростка. Цѣнность статьи увеличивается привлеченiемъ рукописныхъ варiантовъ романа. — *В Срезневский.* К вопросу о принадлежности Л. Н. Толстому севастопольских песен (стр. 387—392). На основанiи писемъ Толстого подтверждается авторство первой севастопольской пѣсни про бой на Черной рѣчкѣ („Какъ четвертаго числа"... и частичное участiе въ составленiи второй („Какъ восьмого сентября") — *В. Микулич.* Письма Н. С. Лескова (стр. 262—301). Цѣнный источникъ для бiографiи Л-ва послѣдняго перiода его жизни (1893—95 гг.), въ частности о влiянiи Л. Н. Толстого на Л-ва. — *Валентин Кривич.* Иннокентий Анненский по семейным воспоминани м и рукописным матерiалам (стр. 208—255). Воспоминанiя сына по та. — *П. Н. Андреев.* Воспоминания о Леониде Андрееве (стр. 40—207). Воспоминанiя написаны старшимъ братомъ Л. Н. Андреевз и обнимаютъ всю его жизнь, кромѣ послѣдняго, финляндскаго п рiода. Первостепенной цѣнности бiографическiй источникъ. — Алексей Александрович Шахматов (Детство и юность по воспоминаниям сестры.) (стр. 93—139). Воспоминанiя доведены до 1880 г. (род. Ш-в 5 iюня 1864.). — *С. Аскольдов.* Форма и содержание в искусстве слова (стр. 305—341). Статья направлена противъ крайностей такъ наз. „формальной школы" в изученiи литературы. *А. Бемъ.*

Mimořádným profesorem dějin balkánských křesťanských národů na nové universitě soluňské jmenován byl mladý řecký slavista **Michail Laskaris,** žák a doktor bělehradské university.

Výtahy z časopisů.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1918 г. Тома XXIII-го.

Книжка II-я. Петроградъ, 1921.

Д. И. Абрамовичъ. Записка И. А. Крылова о каталогизаціи книгъ Императорской Публичной библіотеки (стр. 1—8). — Ф. Травничекъ. Къ вопросу о чешскомъ количествѣ гласныхъ передъ праславянскимъ удареніемъ (стр. 9—25). Статья разбираетъ двусложныя имена существительныя женскаго рода съ первоначальными гласными *a, ě, i, u, y, ę, ǫ* и дифтонгическими сочетаніями *or, er, ol, el, ъr, ьr, ъl, ьl*. Авторъ подробно останавливается на теоріи P. Diels-a о чешской долготѣ (AslPh. 31) и нѣкоторыхъ взглядахъ на этотъ предметъ С. М. Кульбакина („Къ ист. и діалектол. польск. яз.“ стр. 135), которые его не удовлетворяютъ. — Е. Будде. Научное значеніе „діалектологическихъ разысканій“ послѣдняго времени (стр. 26—59). Подробный критическій разборъ книги Н. Н. Дурново: „Діалектологическія Разысканія въ области великорусскихъ говоровъ“ ч. I. Южновеликорусское нарѣчіе. Выпускъ I. и II. Совершенно не согласенъ съ классификац ей акающихъ говоровъ, предложенной Н. Н. Дурново, и съ его типами аканья; „классификація г-на Дурново не находитъ себѣ оправданія на почвѣ исторіи, а на почвѣ діалектологіи она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“ (стр. 59). — И. С. Державинъ. Отвѣтъ моему рецензенту (стр. 60—73). Имѣется въ виду рецензія Проф. Долобко на 2 т. диссертаціи автора „Болгарскія колоніи въ Россіи“ (П. 1915) во 2 кн. XXII т. Изв. О. Р. яз. и сл. — П. Л. Маштаковъ. Къ тексту Слова о полку Игоревѣ (стр. 74—76). Замѣтка по поводу возможной перестановки при перепискѣ листковъ, гдѣ повѣствуется о вѣщемъ снѣ Святослава. — Е. Г. Кагаровъ. О значеніи нѣкоторыхъ русскихъ и украинскихъ народныхъ обычаевъ (стр. 77—82). — В. И. Чернышевъ. Сочетаніе „аль ни“ въ текстахъ Кольцова (стр. 73—91). Это сочетаніе авторъ объясняетъ, какъ провинціализмъ „альни“ въ значеніи *даже, инда*. — Н. Н. Дурново. Замѣтки по исторіи русскаго литературнаго языка (стр. 82—108). I. Риѳмы какъ матеріалъ для сужденія о произношеніи. Являются онѣ подобнымъ матеріаломъ лишь при условіи выяс ненія, какого рода уклоненія отъ полнаго звукового тожества въ риѳмахъ допускались тѣмъ или инымъ поэтомъ. II. Родительный падежъ „ея“ и „ее“ у русскихъ поэтовъ XVIII и XIX в. по ихъ риѳмамъ. Упорство, съ какимъ форма „ея“ держится у поэтовъ, заставляетъ смотрѣть на нее, какъ на остатокъ церковнославянскаго произношенія, но не какъ на стремленіе поэтовъ приспособить рѣчь къ правописанію; однако произношеніе въ род. ед. „ея“ во 2-й пол. XVIII в. не было господствующимъ въ рѣчи образованнаго общества. — П. А. Бузукъ. Къ вопросу о мѣстѣ написанія Маріинскаго евангелія (стр. 109—149). Авторъ разсматриваетъ языкъ указаннаго ев. въ отношеніи трехъ звуковыхъ явленій: мѣна глухихъ, способъ обозначенія редуцированнаго и, случаи написанія ю и оу послѣ шипящихъ. — Его-же. Взгляды акад. Шахматова на доисторическія судьбы славянства (стр. 150—197). — Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи XXXVI—LXX (стр. 180—245). XXVI. Прасл. *rešeto* „родъ сита“ (а не **rěšeto*) можно выводить изъ корня **regs-* > **reks-* „плести, вязать“, лт. *règsti* „плесть, вязать“. XXXVII. Прасл. *sъto* „100“. Прасл. **sęto* изъ **k̑m̥tom* измѣнилось въ *sъto* вліяніемъ имени **sъto* ‚куча, масса‘, которое произошло изъ индоев. **k̑utom*, „куча, масса“, срв. лит. *šutis* „куча (камней, дровъ)“, гр. *κύτος* „полость,

овалъ, брюхо". XXXVIII. Прасл. *mьčьta* „φαντασία". Такъ какъ центръ значенія слова — „нѣчто (неопредѣленно и неясно) мигающее или мерцающее", *mьčьta* можетъ принадлежать къ тому же корню, что и сц. *mikat'* „дергать", вл. *mikać* „моргать", *mik* „мгновеніе ока". XXXIX. Прасл. *trocha* „крошка". Изъ корня **trogs-*, который возникъ въ результатѣ контаминаціи корней **(s)tereg-* (лат. *tergere* ‚стирать', и т. д.) и **(s)teres-* (гр. *τόρος* ‚ножъ'). XL. Прасл. *višьnja* „cerasus". Лат. **visc-* И. объясняетъ контаминаціей корней, обозначающихъ „сокъ" **u̯is-* (лат. *vīrus*, гр. *ἰός*) и **u̯ik-*; этой контаминаціей могло возникнуть даже *u̯iks-*, откуда слав. *višьnja*. LXI. Прасл. *širokъ* „latus". Къ иде. корню **kher-* „скрести, тереть", дальше — „дѣлать гладкимъ, ровнымъ". XLII. Прасл. *remenь* „кожаная лента". Сопоставляется съ греч. *ῥάμνος* „родъ терноваго кустарника" изъ иде. **u̯r̥-mnos* или **u̯rᵉmnos*. XLIII. Прасл. *tovarъ* „onus" deverbativum отъ *tovariti* „нагружать", который является iterativum къ **tovoriti*, а это — denominativum отъ *tovorъ*, которое имѣетъ суфф. *-or-* и корень *tov-* „нѣчто объемистое, толстое". XLIV. Прасл. *sani* „повозка на полозьяхъ". Этимологически тождественно прасл. *sanь* „змѣя, драконъ", которое восходитъ къ иде. **k̑āni-* или **k̑āno-* „острить, быть острымъ". XLV. Прасл. *slonъ* „elephas". Возводится къ **slop-nъ*, того же корня, что др. п. *słopień* „стопа", *słapać* „топтать". XLVI. Прасл. *banja* „купальня". Корень **bān-* „болѣе или менѣе овальный предметъ"; далѣе могъ обозначать — „корыто", „чанъ", „яму", „рудникъ", „родникъ", „ключъ", въ частности — „цѣлебный" и, наконецъ, „купальня"; самъ корень изъ иде. базы **b(h)ō-*, отъ которой суфф. *-nja* образовалось слав. *banja*. XLVII. Прасл. *бъдынъ* „какое то надмогильное сооруженіе". Основа слова въ прасл. **bъdъn-* „толстое полѣно, толстый древесный стволъ". XLVIII. Прасл. *bъdьnь* „бочка". Относится къ семьѣ корня **bъd-* ⟨ *b(h)ŭd(h)*. XLIX. Прасл. *bljudo* „блюдо". Возводится къ корню **bheut-* „надыматься, быть овальнымъ", рядомъ съ которымъ въ иде. употреблялся въ томъ же значеніи **bheudh-*. L. Цсл. бътъ „боченокъ". Съ с. *búta* „ шишка, желвакъ, пучеглазый человѣкъ, тупоголовый", п *buta* „надутость, чванство"; с. *butica* „дубина, булавка, толстая башка" и т. д къ семьѣ нрв. butt „пень, дубина, деревянный чанъ". LI. Цсл. бъчьвь „бочка". Корень **bheu-* „надыматься" и опредѣлитель *-k-*. LII Дцсл санъ „высокое званіе". Изъ индоевр. **s(u̯)ānos* (ав. *spanas* „святость"). LIII. Дцс. штоуждь „alienus". Не заимствовано изъ гт. *þiuda*, но изъ иде. базы **teu̯e(n)d-*. ея разновидности **teud-* и **toud-*. откуда **tjudjь* и **tudjь*. **studjь* изъ корня **toud-* съ подвижнымъ *s* ⟩ **stoud-*, а *ščudъ* — изъ его средней ступени **steud-* „великанъ, гигантъ". LIV. Сх. *pàšenog* „мужъ жениной сестры". Въ словѣ 3 части: *pa-šen-ogъ:* первая — префиксъ именъ родства преимущественно, *-ogъ-* суффиксъ, *-šen-* соотв. греч. *ξένος* „чужой". LV. Сх. *haz* „брюхо". Изъ прасл. **chъzъ*, низшей ступени корня **kheu̯ĝ(h)-* „нѣчто вздутое" вообще и „брюхо, животъ" въ частности. LVI. Сх. *vrêbati* „подстерегать." При иде. базѣ **u̯ere(m)b-* и ея разновидности **u̯erb-* имѣемъ прасл. **vorba* „орудіе для очертанія круговъ", **vorbъ* „снасть для мотанія пряжи"; отсюда въ прасл. допустимъ глаголъ **verbiti ῥέμβω;* изъ контаминаціи *vrěbiti* и **rebiti* получилось *vrebati* ⟩ сх. *vrêbati*. LVII. Сх. *šât* „быть можетъ". Изъ **si̯et* (лат. *siet*, др.-инд. *sjat;* ср. юшa „utinam" изъ *esi̯ēt* (гр. *εἴη*); *-t* есть окончаніе *-tъ*, которое присоединяется иногда къ 2 и 3 л. ед. ч. аор. типа *kletъ*, *petъ*, *ętъ* и пр. LVIII. Слв. *plèh* „родъ, племя" тождественно по происхожденію со с. *plòh* плоская доска", „древесный стволъ". LIX. Дп. *zgłoba* „злоба". Ввиду полаб *sagle* ⟨ *zъgły* можно *zgłoba* сопоставить съ лат. *sūgillāre* „бить кого до синяковъ, поносить, ругать", образованнымъ, какъ слав. **sъgly*, отъ **seug(h)*. LX. Дп. *drzeń* „древесная сердцевина". Восходитъ къ прасл. **dernь* съ основнымъ значеніемъ „служащее чего-либо подпорой бревно, палка", которое восходитъ къ базѣ **dhere-(n)-* (др.-инд. *dhārájati* ‚держитъ' и т. д.). LXI. Дп. *strona* „струна". Слово можетъ находиться въ родствѣ съ ч. *po-stranek* „постромка, натянутая веревка" и т. д. и восходить къ прасл. **storna*, иде. **ster(e)-* „распростирать, растягивать"; расширенная *-u-* (**ster-eu-*) лежитъ въ основѣ *струна*, двн. *struom*, *strom* „веревка". LXII. Дп. *kusz* „кубокъ, чара, чаша". Имѣя въ виду относитель-

ную древность п. *kusz* и *kuszyk* и р. діал. кушйнъ, можно возстановить прасл. *kušь*, связавъ его съ лт. *káušas*. LXIII. Пл. *skarga* „жалоба“. Пл. *skarga* и вл. *skoržba* отражаютъ тотъ иде. звукоподражательный корень **sk^u̯r̥g-*, потомками котораго являются с. *skŕgati* „стрекотать“, *skurgútati* „трещать, скрипѣть“ и пр. LXIV. Пл. *rączy* „быстрый“. Сближается съ иде. базой **ereu-* „быстро двигаться, скакать“, (гр. *ὀρούω* „набрасываться“, др.-инд. *arvant-* „скаковая лошадь“ и мн др.). LXV. Пл. *gas* „ударъ, гибель“. Сближается съ др.-инд. *ghásati* „пожираетъ, ѣстъ“; первоначально обозначало „наноситъ удары, повреждаетъ, уничтожаетъ“ ввиду прилаг. *ghasrás* „повреждающій, ранящій“, лат. *hostīre* „повреждать, бить“. LXVI. Пл. *kozub* „корзинка изъ коры или лыка; свертокъ; нищенская сума; ниша“.— Основное значеніе — „коробъ“ отъ корня **ker(b)-* „гнуть, плести“, лат. *corbis; kozubъ* — отъ иде. синонимическаго корня **keĝ(h)-* „гнуть“ (лат. *incoxare* и слов. *čeznǫti*). LXVII. Пл. *asan* „сударь (въ обращеніи)“. *asan* — слившееся въ единое слово синтаксическое сочетаніе *a sanъ*, которое значило первоначально „а (ваша) власть“, „а (ваша) мощь“, такъ какъ само прасл. *sanъ* въ основѣ значитъ „мощь, сила, власть“. LXVIII. Вр. *рехнýться* „тронуться, сойти съ ума“. Сближается съ герм. *rīsan* „двигаться, особенно снизу вверхъ и наоборотъ“, т. е. „восходить, падать“; въ основѣ глагола *rěchati sę* лежало понятіе „тронуться, двинуться съ мѣста“, переносное значеніе „сойти съ ума“. LXIX Влр. *хорошій* „прекрасный“. Восходитъ къ иде. **kher-* „скрести, тереть“ и изъ значенія „вычещенный, опрятный“ развилось значеніе „красивый, прекрасный, пригожій“. LXX. Русс. *скоморохъ* „бродячій музыкантъ, плясунъ, комедіантъ“. Въ вл. языкѣ существуетъ глаголъ звукоподражательнаго происхожденія *skomořić* „дѣлать нелѣпости“; рядомъ съ этимъ глаголомъ для прасл. можно предположить имя **skomorъ* „производящій нелѣпыя движенія, фигляръ, клоунъ, комедіантъ“. Ввиду мр. комаха „комаръ“ можно предполагать рядомъ съ *komorъ *komochъ*. Отсюда пропорція: *komorъ : skomorъ = *komochъ : x*, гдѣ *x = *skomochъ*. Контаминація **skomorъ + skomochъ > *skomorchъ*, откуда дцс. скомрахъ и р. скоморохъ. — Его-же. Рѣка Двина (стр. 246—249). Названіе Dvina индоевр. происхожденія; въ основѣ его лежитъ база **dhu̯ei-*, но база эта не имѣетъ ничего общаго съ корнемъ **dheu-* „течь.“ Нѣм. назв. *Düna* можно связать съ этой базой; галл. *duin* „куча песку на морскомъ берегу“, двн. *dūna* „мысъ“, *düne*, которое родственно лт. *dùja* „пылинка“, лтш. *dūn'i* „илъ“, греч *θίς* „куча песку на морскомъ берегу, дюны, песчаный, морской берегъ, побережье“ (Perrson Beitr. 44); послѣднее предполагаетъ **θϝ-īν-*, т. е. слабую ступень **dheu-* и суфф. *-īν-*, иде. *dhu̯īn-* склонялось, какъ основы на *-n-*; на слав. почвѣ — отчасти, какъ осн. на *-o-* (оз. Двинъ), отчасти, какъ осн на *-a-* (р. Двина).

Критика и библіографія: 1. Н. М. Петровскій: В. П. Андріанова. Житіе Алексѣя, человѣка Божія, въ древней русской литературѣ и народной словесности. Пгр. 1917 (стр. 251—268) — 2. И. Е. Евсѣевъ: Н. Л. Туницкій. Книги XII малыхъ пророковъ съ толкованіями въ древне-славянскомъ переводѣ. Сергіевъ Посадъ. 1918 (стр. 268—288). — 3 А. И. Соболевскій: Отзывъ о трудѣ Свящ. J. М. Смирнова: Патерикъ *(Λειμὼν Πνευματικός)* въ древне славянскомъ переводѣ. Сергіевъ Посадъ. 1917 (стр. 289—295). — 4. Его-же: Отзывъ о трудѣ С. П. Неструева: Словарь волжскихъ судовыхъ терминовъ. Н.-Новгородъ. 1914 (стр. 295—296). — 5. Его же. Императорское Московское Археологическое Общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1863—1914 г. г.). II. т. М. 1915 (стр. 296—297). — 6. Его-же: Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Соч. Ивана Забѣлина. Ч. II. М. 1915 (стр. 297). — А Г. Фоминъ: Новое изданіе сочиненій Аполлона Григорьева (стр. 297—308).

Л. Копецкій.

Listy filologické. Ročník padesátý druhý. V Praze 1925.

Josef Chlumský: Abbé Petr Rousselot (23—30). Autor otiskuje tu ocenění, které napsal r. 1913, když byl Rousselot navržen pro Nobelovu cenu. Připojen úplný seznam Rousselotových prací. — **František Šimek**: O slovech

Antonínem Markem samostatně utvořených (30—35, 120—128, 236—249, 350—365). — **Václav Machek**: Dva příspěvky etymologické (109—111). 1. *lalokъ*. Souvisí se slovesem *lokati;* třeba vycházeti od adj. s intensivní reduplikací **lā-lăk-os* s významem »žravý, hltavý, chtivý«, pak subst. »jícen, chřtán«, nakonec »lalok«. 2. *leměcha* »hustá kaše« vykládá z **le+měcha* (*le* < *lě* »napolo, sotva, málo« a *měcha* náleží k *měchati, měsiti* »miscere«). — **Bohuslav Havránek**: K názvům lingua sclavonica, boëmo-slavica = český jazyk a Sclavus, Slavus = Čech, Slovák (111—120). Výklad dokladů pro název *lingua sclavonica* u Kosmy (nejsou jisté), zjišťuje v listinách Fridrichova Cod. dipl. nejstarší bezpečné doklady pojmenování *sclavonicus, slavicus* ve významu ‚český (jazyk)'. Lat. jméno *Sclavi, sclavonicus, slavicus* se shodovalo v tomto usu s českým *Slověnín, slovenský* (= slovanský), ale nebyla nikdy úplná významová rovnice názvů *Sclavi* a *Bohemi*. Poznámky k nejstaršímu dokladu pro kompositum *českoslovanský* a k vzniku tohoto názvu. O pojmenování *Slavi* = Slováci. — **Jan Jakubec**: O spisovné řeči A. V. Šmilovského (128—165, 249 291). Spisovatel podrobně ukazuje, v čem tkví osobitost jazyka tohoto českého románopisce. — **Václav Machek**: Slov. želǫdъkъ (342—344). Jest je rozděliti v **žel-ǫd-ъkъ*. Kořen **žel-* souvisí na př. s germ. *Kehle*, lat. *gula*, indevr. **gelə* nebo **gᵘelə*, rozšířen je v **žьlděti, *goldъ, glъtati* a jeho dubletou je **gᵘerə* ‚žráti, polykati'. Kmen. přípona *-ǫd-* je příbuzná s příponou lat. gerundiva *-ondo-* se starým významem bez pojmu necessitatis. Tedy *želǫdъkъ* je ‚stále žádající potravy, žeroucí, pohlcující', ‚žaludek' (rozšíření pův. **želǫdъ* příponou *-ъkъ* je asi k jasnějšímu odlišení od *želǫdь* ‚Eichel'). — **E. Rippl**: Několik poznámek ke Gebauerovu »Stč. slovníku« a »Hist. mluvnici« (344—349). Některé doplňky a poznámky k uvedeným dílům podle několika rukopisů. — **Úvahy**. Bohuslav Havránek rozbírá Hálův spis K popisu pražské výslovnosti, Praha 1923 (43—51), Fr. Ryšánek posuzuje Sborník Blahoslavův, Přerov 1923 (51—60), O. Hujer pak tyto práce: Kamil Suchý, Základy náuky o jazyku slovenskom. O složených predložkách. Trnava 1924 (180—183), E. Kieckers, Sprachwissenschaftliche Miscellen, Dorpat 1922, 1923 (183—184), Max Vasmer, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier im Südrussland. Leipzig 1923 (374—376), Stanisław Słoński, Tak zvane perfektum w językach słowiańskich. Varšava 1923 (376—377), Eduard Hermann, Berthold Delbrück, Jena 1923 (378—379). — Rubrika »**Drobné zprávy**« přináší nekrology Aloise Walde, Kaz. Būgy, Ant. Havlíka, Václava Vondráka, Viléma Streitberga, Chr. Bartholomae od O. Hujera a mnoho bibliografických poznámek. *J. K.*

Časopis pro moderní filologii a literatury. Ročník XII. V Praze 1925—1926.

Miloš Noha: Dva slovenské tvary (1—6). 1 Instrumentál sing. *o*-kmenů. Otázku, zdali je slc. *-om* z *-omь* či z *-ъmь*, rozhoduje tvar kmenů na *-ijo-* *umením, obilím*, v němž *-ím* < *-ьjьmь* < *-ьjъmь*. Pro nářečí, kde *ъ* > *e*, lze připustiti vliv dialektů, kde je *-om* náležitě, nebo analogii podle slož. deklinace adj. (instr. sg. a dat. plur. *dobrým*, proto k dat. plur. *chlapom* také instr. sg. *chlapom*). 2. Nom. sing. *dobruo* a pod. Slc. tvar na *ó* je tvar vzniklý analogií podle tvarů jmenných, podle *veliká hora* bylo utvořeno na př. *velikó mesto*. Poznámky k slož. deklinaci vůbec. — **Jos. Janko**: Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (6—13, 107—113, 222—231). Etymologický výklad slov od *amfora* až po *angrešt*. — **K. Paul**: Několik slov o brošuře Slawen, Russen, Germanen a jejím autorovi (13—20, 119—124). Resumuje stanovisko spisu (vyšel anonymně v Lipsku 1843) a odůvodňuje mínění, vyslovené již Kollárem, že autorem jeho byl J. E. Vocel. — **S. Petíra**: Antonín Havlík † (20—25). — **Josef Kurz**: Václav Vondrák † (25 31). — **Fr. Trávníček**: Gramatické drobnosti (97—103). 5. Nomin. sing. *ū*-kmenů. Stč. *svatvy, svekrvy* Vít. 92ᵇ jsou nominativy *ū*-kmenové změněné vlivem pádů ostatních. 6. K střídnicím za prače. *ě*, *'é* v laštině. 7. Českomor. a moravskočes. *řívat*, *řivat*. Je to novotvar k presentu *řívu* (= *řevu*), *říveš* (= *řeveš*), pův. *řeru*, *řeveš* jako *beru, béřeš*. 8. *Pokútní, pokútně*. *Pokútní* vzniklo z předlož. výrazu *po kútiech*, a to

v postavení přívlastkovém. Adv. *pokútně* bylo utvořeno napodobením adv. *dobře, zle* k *dobrý, zlý*, ačkoliv výraz *po kútiech* je v stč. dosvědčen. — **E. Rippl**: O nejstarších českých modlitebnících (103—107). — **Robert Fitzgibbon Joung**: Jan Sictor z Rokycan (1593 1652), český humanista v Londýně v XVII. století (113—119, 206—222). Jeho životopis a seznam tištěných prací. — **P M. Haškovec**: Drobnosti gramatické i literární (148—150, 286—289). 6. Od Meschinota ke Komenskému. Alegorický obraz brýlí, jimiž má poutník pohlížeti na svět, je u J. Meschinota (1459—1473); od něho jej přejal Jean Bouchet (1549), s nímž je patrně v souvislosti J. V. Andreae; ten pak byl vzorem Komenskému. 7. Slova z dob vojen. Čes. dial. *pandero* ‚břicho, žaludek' ze špan. *pandero* ‚buben, bubínek'. 8. Mácha a Hugo. Na »Máj« patrně působil Hugův román »Le dernier jour d'un condamné« (vyšel r. 1835 v něm. překladě). — **K. Paul**: P. J. Šafaříka »Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten« (193—206). Rozbor této práce Šafaříkovy k stoletému jejímu jubileu. — **O. Kolman**: Poznámky k našim překladům z jazyka srbochorvatského (231—247). — **Úvahy**. E. Rippl referuje o knize O. Funkeho »Innere Sprachform«, Reichenberg 1924 (150—154), K. Paul o práci Pátově »Úvod do studia lužickosrbského písemnictví«, Praha 1925 (154—156; »práce Pátova povzbudí jistě k vědeckému snažení Lužičany, roznítí v nich ducha lásky k národu a k rodné zemi«) a o spisu Prelogově »Slavenska renesansa«, Zagreb 1924 (294—300; »spis Prelogův jest cenným příspěvkem k literárním, zvláště pak politickým dějinám slovanských národů«). F. Slabý posuzuje studii H. Benedikta »Franz Anton Graf von Sporck«, Wien 1923 (156—160; »nákladná a pracná kniha tato nezasluhuje takového obdivu (t. j. obdivu v některých recensích) ani pro výsledky, k nimž spisovatel dospěl, ani pro způsob, jakým je zpracoval«). Referuje se o 2. ročníku čas. »Slavia«. *J. K.*

Wzory etymologji i krytyki źródłowej.

II.

W pierwszej części (Slavia III, str. 193—224), badałem nazwy szczepowe, Neurów, Słowian, Antów i i. i kilka wiadomości kronikarskich; w niniejszej drugiej omawiam nazwy, dotyczące związków małżeńskich, i różne o tych związkach zapiski. Ponieważ chciałbym zająć tymi wywodami także etnologów i historyków prawa, więc nad niejednym szerzej się rozwodzę; gdybym pisał tylko dla filologów, wystarczyłby mi np. o „małżonach" zwrot: dual eliptyczny, ależ ani etnolog ani prawnik tegoby nie zrozumieli, więc niech mi filolog wybaczy, jeśli rzeczy mu znane ponownie wyłożę.

O małżeństwie słowiańskiem (i o życiu płciowem) posiadamy z ostatnich lat kilka prac nierównego znaczenia i różnej cenności. W Starożytnościach Słowiańskich, w dziale o kulturze poświęcił temu Niederle sześćdziesiąt stronic (Život starých Slovanů I, 1, 1911, 67—126); zebrał jak zawsze olbrzymią literaturę; przedmiotu samego nie wyczerpał; część prawną odłożył do starożytności prawnych; szemat wesela aryjskiego, ustalony przez Schradera, Schroedera, Hirta i i. uzupełnił kilku dodatkami słowiańskimi; ubolewał, że brak na razie pracy porównawczej, coby cały odnośny materjał krytycznie rozpatrzyła i wykazała, co w nim dawne a co nowe, co rodzime a co obce.

Nie odpowiedziała tym oczekiwaniom praca, acz wcale sumienna i pilna, Dr. J. Pipreka Slawische Brautwerbungs- und Hochzeitsgebräuche, Stuttgart 1914 (dodatkowy zeszyt, dziesiąty, do dwudziestego tomu Zeitschrift für österreichische Volkskunde; VI i 192 str. wielkiej ósemki). Piprek omawia po kolei, zawsze w tym samym porządku, obchód weselny Wielko-, Mało- i Białorusi, u Polaków, Łużycan, Czechów, Słowaków, Słowieńców, Serbów i Bułgarów a w dodatku objaśnia i zestawia rysy ogólne słowiańskie. Zebrał bogatą literaturę, chociaż jednej i drugiej podstawowej pracy nie mógł uwzględnić

(np. polskiej Glogera), ale nie wyrobił sobie stanowiska krytycznego i utartych, acz mylnych poglądów nie rzucał.

Zupełnie odmienny panuje zakrój i wykonanie w najnowszej pracy. Znakomity historyk prawa kanonicznego, lwowski jego profesor Wł. Abraham, któremu zawdzięczamy historję dawnego kościoła polskiego, napisał „Zawarcie małżeństwa w pierwotnem prawie polskiem", we Lwowie 1925 r., jako dziewiąty tom „Studjów nad historją prawa polskiego", wydawanych przez O. Balzera (str. 475). Autor opanował olbrzymią literaturę prawniczą, porównawczą i historyczną; pomnożył jej wyniki własnemi badaniami nad całym materjałem polskim średniowiecznym (zapiski sądowe, rękopisy ustaw kościelnych, druki ich najdawniejsze) a metoda jego świeci równe tryumfy jak i wiedza. Główne jego założenie było, wykazać, co w obrzędach weselnych miało znaczenie prawne i jakie; dalej, co w nich rodzime a co obce, co przywędrowało z osadnictwem niemieckiem, i wsiąknęło w lud polski, co wypielęgnował kościół. Kościoł bowiem z czasem zawładnął i w Polsce najzupełniej, przez sądy swoje i ich praktykę, nad małżeństwem; przeprowadził przymus jego poświęcenia i zasady prawa kanonicznego (przeszkody z strony pokrewieństwa i nierozerwalność małżeństwa); wwiódł zapowiedzi, którym się szlachta zprzeciwiała tak, że kościoł musiał jej poniekąd ustąpić; przez kościoł głównie kobieta, dotąd tylko przedmiot umowy, stawała się jej podmiotem, własną wolę oświadczała, nabierała jakiegoś równouprawnienia z mężczyzną.

Te wywody oparł autor na najszerszem porównawczem traktowaniu przedmiotu; zaczął od stosunków pierwotnych, rozprawił się ze wszelkiemi modnemi teorjami, wykazał ich bezpodstawność, ale ograniczał się przeważnie do stosunków polskich. I rozwiał niejedno złudzenie, dowiódł np., że wiano polskie nosi prastarą nazwę, ale jest nabytkiem późnym i obcym itd. Wobec braku dawnych źródł winien się autor nieraz posługiwać etymologją, ale, jako niefilolog, polegał przytem na wywodach obcych, nieraz mylnych a przedewszystkiem, jak Niederle, niemógł wyzyskać tego, co z imiennictwa można albo należy wywnioskować.

Nie myślę zaczynać ab ovo i zbijać niegdyś modne, dziś bardzo zwietszałe plotki o matriarchacie, poliandrji, heteryzmie czyli swobodnych związkach płciowych, po czem wszystkiem

u Słowian najmniejszego śladu już niema (ani nawet w obrzędach kupalnych!); mniemane te ślady usuwa Abraham, tłumacząc je trafniej (str. 17—29); badam związki małżeńskie i życie płciowe przy końcu spólnoty słowiańskiej a ponieważ nie posiadamy bezpośrednich żródł, zmuszeniśmy z stosunków późnych, choćby i dzisiejszych, i z słownictwa, jedynego obfitego składu starzyzny, nieraz przedwiecznej jeszcze, wnioskować o tem, co i jak było; że to wnioski niepewne, nie przeczę.

Z góry zaznaczam, że w znanej nam obrzędowości weselnej, dawnej i dzisiejszej, nie uznaję najmniejszego śladu ani pierwotnej umyczki (porywania kobiet dla zamęścia), ani pierwotnego kupna; co Niederle i Piprek, nie mówiąc o innych, uważają za takie ślady umyczki czy kupna, jest wytworem ich uprzedzenia. Nie przeczę, jakoby Słowianie nie uprawiali umyczki albo kupna — przecież jedno i drugie do dziś między nimi istnieje, ależ umyczka i kupno są zaprzeczeniem właśnie jedynego normalnego małżeństwa słowiańskiego. Jedyne prawowite małżeństwo słowiańskie zawiera się między dwiema rodzinami (za pośrednictwem osoby trzeciej) na podstawie umowy, polegającej na darowiźnie odpłatnej: wianu, wnoszonemu przez młodego, odpowiada posag (dos) młodej; z czasem wiana coraz ubywa, zchodzi na drobne nieraz dary. Po tych zmówinach, stanowiących jądro całego aktu, upewnianych biciem rąk i spólnem pożywaniem szczególniej seru, następuje samo wesele z ucztą, z odmianą stroju młodej, co włosy dotąd wolne splata i czepi, z wejściem do domu mężowego i z pokładzinami. Cała obrzędowość wesela słowiańskiego jest dostrojona do tej normy, do umowy wobec świadków itd., nie do umyczki ani do kupna i należy z niej wszystko usuwać, coby na pozór inaczej świadczyło.

Jeżeli np. orszakowi pana młodego drogę zamykają, jeżeli nie wydają mu narzeczonej, podstawiają na jej miejsce inną itd., to świadczy to wszystko jedynie o chęci przedłużenia i urozmaicenia zabawy weselnej i nic więcej. Jeżeli swat prawi o zwierzynie, której szuka, albo o kupnie, pytając, czy ma się towar do zbycia itd., to są to nieodzowne dla psychiki ludowej alegorje: przecież niemoże swat odrazu palnąć, czy dacie waszę Jagę za naszego Jasia, toćby go za drzwi wyrzucili. W te i tym podobne szczegóły wcale nie wchodzę, nie warto mi zbijać tych mniemanych śladów umyczki czy kupna.

Jedyne świadectwo o dawnym sposobie zawierania małżeństw zawdzięczamy, jak się samo przez się rozumie, kronice ruskiej, ale należy je dobrze wyłożyć. Brzmi ono (przytaczam je dla wygody wedle Miklosicha i skracam): „Polane bračnyj obyčaj imjachu; ne choždaše ziať po nevěstu, no privoždachu večer a zautra prinošachu po nej čto vdadušče... (u Drevlan) braka ne byvaše, no umykachu uvody děvica... (u Radimičej, Vjatičej, Sěveri) braci ne byvachu, no igrišča meždu sełу... i tu umykachu ženy sebě, s nějuže kto svěščavaše sia; imjachu že po dvě i po tri ženy“. Stronniczy ten opis, wychwalający nadmiar Polan kijowskich jako rodaków kronikarza, jest raczej jego pium desiderium niż obraz istotny; opuścił wzmiankę o wianie (chociaż rzecz i nazwę jej dobrze znał) i o domie niewiasty, gdzie się właśnie odgrywa najważniejszy akt dramatu weselnego; wystawił więc z umysłu wesele polskie, co było takie same jak drzewskie lub siewierskie, w najskromniejszem świetle, gdy cała ich różnica polegała na większej stosunkowo zamożności Polań. Zamilczał o wianie, ale wymienił „pridanoje“, bo „prinošachu... vdadušče“ nic innego nie oznacza prócz wyprawy – posagu młodej; mylnie tłumaczą te słowa o wianie, co niby jej rodzicom przynoszono nazajutrz, ależ to zakrawałoby na kupno, o czem ani śladu u kronikarza niema. Na uwagę zasługuje, że wyprawę – posag nie zaraz z młodą odwożono; dalej, że zięć u siebie w domu oczekiwał młodą: nie wchodzę w to, czy oba szczegóły słuszne; wątpię szczególniej o drugim.

Jak rozumieć, że Drzewianie umykali dziewczęta „uwody“? Jedni tłumaczą to: u wody, niby kiedy dziewczęta chodziły po wodę do rzeki czy zdroju lub u niej się bawiły, ależ takie ograniczenie byłoby niezrozumiałe; można było temu łatwo zapobiec. Może więc „uwody“ tyle co: uwodzeniem; są jednak znaczne trudności. Uwod jest wprawdzie ruskie słowo, tak i dziś jeszcze nazywają „kradienuju swaďbu“, lecz niema tego słowa w całej dawnej literaturze; powtóre oczekiwalibyśmy u w o d o m, nie u w o d y i tak dziś mówią; nakoniec skąd ta tautologja: umykachu uwody, gdy samo umykachu albo uwożachu wystarczało? dlaczego ten nacisk na uwody? czy ma to oznaczać przeciwieństwo do Radzimiczów, co też „umykachu“ dziewczęta, ale dopiero po umówieniu się, gdy Drzewianie bez poprzedniej umowy, gwałtem poprostu porywali dziewczęta?

Przy Radzimiczach przemilczał znowu kronikarz, że na wiosnę, gdy odprawiano igrzyska z pląsami między siołami, porywano dziewczęta, z którymi się i poprzednio, na prządkach zimowych, poznawano i porozumiewano. O wodzie patrz i niżej.

Ten wstęp „Nestora" omówił obszerniej latopisiec perejasławski w 13. wieku, co Niederle str. 113 przełożył wolnie; o zwrocie „inych poimajuszcze a drugych porugavsze metachu na nasmějanije do smerti" wspomina: smysl textu není mi zde jasný. Słowa odnoszą się do jednej chwili, więc nie tłumaczyłbym „inych poimajuszcze" przez „jedny berouce za ženy" a rozumiałbym to tylko o natychmiastowem „słaganiju", boć wyraźnie mowa i o żonach, nietylko o dziewicach. Która się zaś z byle przyczyny nie zpodobała, tę ciskano, rzucano, od jednego do drugiego, aż i smierć od tego ponieść mogła (z niejaką chybą przesadą). Wartość tej parafrazy dosyć wątpliwa; żadnej wartości niemają czcze gadaniny gustyńskiego latopisu i Gizela; odpisane to z żródł polskich (Niederle 112).

Dla należytej oceny Nestorowych uwag o skromności wesela polskiego posłuży inne, niemal spółczesne świadectwo. Gromi w niem duchowny ziomków za pogańskie zwyczaje i wiarę i wymienia między innemi, że na weselach wkładają w wiadra i czasze miodu i kwasu phallus (niby nim napoje oświęcając), wyjmują go, całują i oblizują (nie tylko młodzi, ale i całe towarzystwo?): możemy sobie wedle tego drastycznego szczegółu wyobrazić, co się działo przy pokładzinach, co tam np. spiewano. Rozumiemy też, dlaczego kościoł tak surowo bronił duchownym udziału w tych biesiadach, ad nuptias nullus vestrum eat, czytamy w homiliarzu „praskim"; kościoł też wytępił sprosności, co pogan bynajmniej nie raziły; Indowie i Rzymianie np. sadzali młodą na phallus boski, co nie lepsze, niż ów zwyczaj ruski a raczej słowiański.

Opis wesela poprzedza u „Nestora" inna bardzo zagadkowa wzmianka: „Polane svoich otec obyczaj imut krotok i tich i styděnije k snocham svoim i k sestram, k materem i k roditelem svoim, k svekrovem i děverem veliko styděnije imjachu; (natomiast u Radzimiczów i spółki) sramosłovije prěd otci i prěd snochami". Co to znaczy? Dlaczego właśnie snochy tak wybitnie występują? Zagadkę może rozwiązać druga snochy nazwa: *niewiasta*. Przejął Słowianin od Arjów nazwę synowej *snocha*, po polsku *snecha*, *sneszka*,

od pierwiastka *snu-* ,snować', powtarzającego się w *snębieniu* (pojmywaniu dziewic): może „snowano" t. j. motano ręce młodych czy innym podobnym obrzędem wyrażano związek młodej pary. Obok tej nazwy powstała z czasem nowa: *niewiasta*, pierwotnie tylko synowa, z czasem i narzeczona albo nawet kobieta ogółem; nevěstka i na nierządnicę (u Czechów np.) przechodzi. Co to słowo pierwotnie znaczyło, wszyscy wiemy, np. stuletnia starica Marja Michajłowna w monasterze nowogrodzkim witała każdą kobietę, i carowę (list Alisy do Mikołaja II z 12 grudnia 1916 r., Krasnyj Archiv IV, 181): radujsia nevěsta nenevěstnaja! „Niewiasta" jest dosłownie „nieznana" (przeciwnie *izvěst* „znany"), lecz któż to jej nieznał?

Że młoda opuszczała swoje ognisko i swoich „dziadów" (manes), to nikogo nic nie obchodziło; tem więcej znaczyło jej przystępywanie do nowego ogniska i przyjęcie przez nowych dziadów; tych należało dla obcej pozyskać, udobruchać, uprosić o łaskawe ich względy. To wymagało czasu i pokory. Więc jak młoda nie przestępywała progu nowego domu, by nie urazić dziadów, jak ją dla tego przez próg przenoszono, taksamo nie wymieniano w nowym dla niej domu przez pewien czas jej nazwiska ani ona śmiała się głośno odzywać. Zamiast po imieniu ją wołać, mawiano o niej jako o „nieznanej" (zatajanie nazwiska było i zatajaniem osoby, bo oboje nierozdzielne); a o dłuższem milczeniu młodej mamy pieśni i podania ludowe, które to milczenie z ziemi i na sfery niebieskie przenoszą i na całe (3, 7, 9) lata przedłużają. Otóż odgłos tego pierwotnego nakazu milczenia, znanego i innym primitiwom, odnachodzę w owej wzmiance „Nestorowej" o unikaniu sramosłowija u synowych. „Nestor" nie znał już ani pierwotnego obrzędu ani jego znaczenia; zasłyszał coś z podania o pierwotnym nakazie milczenia snech – niewiast i po swojemu, dla obroku duchownego i pochwały swoich Polan, tak to podanie „ufryzował"; odniósł do nienawistnego duchownym ogólnego „sramosłowija" czasowe milczenie snech. Tak tłumaczę jego wiadomość. Że niewiasta „nieznaną" znaczy, to pewnik i to odnosi się chyba do niewymieniania jej nazwiska przez pewien czas, aż się dziady z „nieznaną", bo obcą, oswoją. Z tej samej przyczyny milczała snecha-niewiasta w domu świekrowym z początku przez dłuższy czas, wedle wyraźnego swiadectwa bułgarskiego, p. Piprek

str. 145: „am folgenden Morgen (po pokładzinach) folgt das Entschleiern der Braut... jetzt erst beginnt die Braut mit den neuen Verwandten zu sprechen. Früher soll die Braut den Schleier bis zur Geburt des ersten Kindes getragen und während der Zeit mit den Schwiegereltern kein Wort gesprochen haben“. Wedle mniemania różnych primitiwów wstępują same dziady (duchy przodków) w płód; oni go tworzą właściwie w łonie matki, więc brzemienność i rody to dowód, że „nieznaną“ uznali i przyjęli. Czy mój wykład „Nestorowego sramosłowija“ się utrzyma czyli nie, o to mniejsza, pozostanie zawsze pewnikiem, że „snechę“ uważano przez dłuższy czas (czy aż do pierwszych rodów?) w domu świekrowym za obcą, nieznaną.[1]) To byłby więc drugi ciekawy przyczynek „Nestora“ do dziejów małżeńskich u Słowian, niezrozumiany już przez niego, ale powtórzony, a jest i trzeci, jeszcze gorzej pojęty, ale nierównie ciekawszy. Opowiada mianowicie „Nestor“, że Drzewianie zabiwszy polskiego Igora zamyślili wdowę jego Olgę wydać za swego własnego księcia; posyłają więc swatów do Olgi; ta ich pyta, po co przyszli (wedle zwyczaju) a oni: posłała nas ziemia drzewska, zabiliśmy twego męża itd., wyjdźże za księcia (naszego) za mał (bo książę drzewski nazywał się Mał). Niedawno dopiero uznano, że to nieporozumienie; podanie nie znało żadnego księcia Mała, nie podało też, coby się z nim stało, ale w niem utkwił mechanicznie ów zwrot: poidi za kniaź za mał, co całkiem co innego znaczył. Drzewianie nie mogliż Oldze ofiarować, żeby została byle żoną ich księcia, trzecią czy którą inną z rzędu; oni ofiarowali jej miejsce pier-

[1]) Niewymienianie nazwiska wynika z samego znaczenia wyrazu „niewiasty“ (wszelkie pokusy, dawne i nowe, innego tłumaczenia tego słowa pomijam jako niegodne wzmianki); milczenie zaś „niewiasty“ poświadczają znane pieśni bułgarskie o ożenku słońca z piękną Grozdanką; pieśni te omówił Krek, Einleitung², str. 846–859; jego mityczny ich wykład pomijam jako naiwność dawno już niemożliwą. Co niegdyś obowiązywało ogólnie, przeżyło w pieśni jako indywidualne zdarzenie o osobliwszem umotywowaniu: słońce porywa piękną Grozdankę: matka zaklina ja, aby milczała przez tyle a tyle lat: zniecierpliwione słońce żeni się wkońcu z inną, ależ właśnie upłynął termin fatalny i Grozdanka przemawia przy ubieraniu owej nowej narzeczonej do ślubu, słońce z Grozdanką się żeni; jest i przekaz prozaiczny bez słońca itd., o zwykłych ludziach; nazwa Grozdanki w różnych odmiankach pieśniowych bywa coraz inna; ruchliwa fantazja ludowa dodaje coraz nowe bajki, odmienia nawet pannę w jaskółkę itd. Te dwa szczegóły, pewny co do smoktania phallusa z wiadra weselnego, i mniej pewny co do początkowego milczenia synowej, to najciekawsze i najoryginalniejsze w całej obrzędowości weselnej u Słowian; jakież dalekie od idyli prasłowiańskiej, wypiastowanej niegdyś przez Herdera-Szafarzyka i ich naśladowców! Milczą też albo wcale głucho prawią badacze o tym rytuale.

wsze, uroczyste, nie byle nałożnicy – „wodimej“, lecz „małżony“, zaślubionej na wiecu szczepowem i pełnoprawnej, wobec której inne z ich potomstwem niby odpadały; Olga z synem miała zająć takie stanowisko, jedynie jej odpowiedne.

Cóż jest *mał*? Jeden z licznych germanizmów prasłowiańskich: niem. *mal* (z *mahl*, *mahal;* gockie *mathl*, zbór; nordzkie *mal*, (u)mowa; łac. niem. *mallus*, wiece), co szczególnie w niemieckiem do zaręczyn się odnosi (*Mahlschatz* tyle co *Brautschatz*; *Gemahl*, *vermählen* itd.); służyło uroczystym zaślubinom na wiecu szczepowem, nadawało żonie przywileje – znaczenie; przejęli to Słowianie wszyscy niegdyś a zachowali dziś jedyni zachodni, Polacy i Czesi, już tylko we złożeniu *małżonka* (Czesi przestawili niezrozumiałe brzmienia: *manželka)*, *małżeński*. Oczekiwalibyśmy: **małożonka* (i takie postaci w cerkiewnoruskiem istnieją), ale Słowianie pomijają nieraz, chociaż Vondrák o tem nic nie wie, samogłoskę spójkową; mówią np. *Kladruby Kołodruby*, *Kołdrąb* (prasłowiańskie **Kołdrąb*, nie **Kołdorąb*); *Dudleby*, **połdьne* (z tego *pładne*, por. *płanošlь* w cerk.); **četvernogъ* (cerk. *četvrěnogъ*) i i. Tak usuwamy jednę trudność; powstaje druga. Rozumiemy: *małżona* o kobiecie, pojętej na mału albo za małem, ale dlaczegoż niema i **małmęża*? dlaczego wystarcza małżona i dla mężczyzny? Tu wchodzi w grę prastary sposób mówienia, skrót pierwotny.

Jeżeli mowa o nierozłącznej parze dwu istot, to wystarcza Arjom wymienienie tylko jednego członka tej pary w liczbie podwójnej albo mnogiej, gdy podwójnej już niema. I tak mówi łacinnik *Castores* zamiast Castor i Pollux; Homer mówi *Ajante* (liczba podwójna) zamiast Ajas i Teukros; Ind *pitarā* (niby „oba ojce“) zamiast ‚ojciec i matka‘, *djavā* (oba nieba) zamiast ‚niebo i ziemia‘; podobnie u nas mówi lud: *ojcowie* (zamiast ojciec i matka czyli rodzice, np. u żoninych ojców; był u jednych ojców syn itp.), albo Litwin *tewai* (ojcowie zamiast rodzice) itd. Taksamo używali Słowianie dla oznaczenia męża i żony tylko jednej ich nazwy w liczbie podwójnej: *małżena* (l. podwójna; oczekiwalibyśmy raczej postać żeńską: **małżenie*, ale tej niema, chyba w dalszych przypadkach, *małżenama*, obok *małżenoma)*, znaczyło więc męża i żonę, obu, i używa się tylko w tem łącznem znaczeniu, ztąd *małżeństwo*, *małżeński*; dopiero z czasem dorobiono do dawnej liczby podwójnej nowe postaci: *małżonek*, *małżonka*, *małżenice*

itp. (jak *wdowiec* itp. do pierwotnego jedynego *wdowa*). Dla związku małżeńskiego niemiał Słowianin innej nazwy, bo *sąprągъ* (ruskie *supružestvo* itp.) jest sztuczne, tłumaczy greckie *σύζυγος* tą samą przenośnią co i w łac. *coniunx, conjugium*.

Co uderza, to germanizm ów. Czyż nie znał Słowianin tej uroczystej, wiecowej formy ślubnej? czyżby jego śluby odbywały się wyłącznie w gronie ściślejszem, rodzinnem? czy uderzyło go tak, co widział u Niemców? Złożenia z *mał* dokonał sam, nie przetłumaczył go z jakiegoś niemieckiego gotowego słowa.[1]) Oto plon, wydobyty z „Nestora"; w teksty prawne nie wchodzimy, skoroż i wcale nie zamierzamy wyczerpywać przedmiotu.

Z kronik czeskich i polskich nie dowiadujemy się niczego nowego; wielożeństwo Mieszki, przesadne tyrady Koźmy o „zwierzęcych" związkach Czechów pogańskich itd. nie wiele znaczą. Zato pokpili kronikarze fatalnie całą sprawę, wysadziwszy jak najdowolniej „baby", Libuszę i Wandę, na stolce książęce. Kto wie, jak Słowianin „babę" cenił a że książę jego był tylko sędzią i wojewodą, odrzuci zgóry te plotki, co powstały z fałszywej etymologji Wandala-Wisły i Luboszyna! Plotek tych nie myślę więc zbijać, ani wedle nich oceniać stanowiska, jakie kobieta u Słowian niegdyś zajmywała! Nie moja też wina, że historycy zawsze się jeszcze z tymi bajkami liczą, co uprzędli kronikarze wedle analogji dziejów starożytnych, prawiących o królowych albo o Amazonkach.

Starsze o półtora wieku jest świadectwo żyda Abrahama Jakóbowica o Polsce, ale nie przydaję mu najmniejszego znaczenia. Każdy komiwojażer zwykł, co widział i słyszał, dla większego wrażenia uogólniać i przesadzać; nasz coś źle dosłyszał, gorzej zrozumiał a jeszcze gorzej wyłożył. Zmyślił np., że wielość synów ubożyła a wielość córek bogaciła rodzinę, ależ za wiano należała się wyprawa – posag; nie wahali się też

[1]) Wszelkie inne wywody owego *mał* pomijam jako niemożliwe. U nas pod wpływem czeskiego nowotworu *manžel* pojawiały się w 16. wieku wszelakie potworne postaci, których nie wymieniam: koniecznie męża w owem *manžel* się dopatrywano (i w cerkiewnem *ἀνδρόγυνος* przez *małženy* tłumaczono). „Nestor" jedyny uchował *mał*, choć słowa już nie rozumiał, ze zwrotu podaniowego i dowiódł naocznie, co znaczy pisać dzieje ojczyste w ojczystym języku, nie w obcej łacinie (por. np. u Koźmy: pater Bohemus i patria Bohemia!). Można jednak zapytać, dlaczego nie przestawiono płynnej? dlaczego nie **mlażena*, jak np. *płanost*? Złożenie było nowe, świeże (*płanošť* odwieczne) a było obok niego stale owo *mał* i przeszkadzało przestawce w obcem, nowem słowie.

Pomorzanie np., córki zabijać i tego mniemanego kapitału pozbywać się dobrowolnie. Również polega na grubej przesadzie wiadomość innego Araba o obojętności a raczej pogardzie dziewictwa, jakoby Słowianin żonę dla jej nienaruszonego dziewictwa przepędzał. Wiemy, że jak u Traków, tak i u Słowian dziewczęta wielkiej zażywały wolności, gdy żony w największej chowano grozie: przypominam komedje Ostrowskiego, jakiej tam swobody zażywa panna, uchodząca i na całą noc z chłopcami a pod jakim rygorem jęczy żona, co i na krok nie śmie się ruszyć; ależ i panna bawi się ,,po przęckę" t. j. chowa pewną miarę. Nie darmo też wyje – płacze młoda, gdy ma opuścić dom rodzicielski z jego swobodą i przenieść się do wrogiego z zasady otoczenia u świekrów, czyhającego na każdy jej krok; swobodę odmienia niewola; płacz to nieudany, nie komedja.

Do źródła ruskiego i arabskiego przybywa niemieckie, Thietmarowe. Ksiądz biskup zna rzeczy polskie wybornie; żałujemy tylko, że im skąpił miejsca, ale i jego nie uwolnimy od zarzutu, jaki przeciw owym komiwojażerom stosowaliśmy; i on uogólnia zbytnio. Co o karze cudzołóstwa prawi, nie jest karą (jak to było raz w Pradze z żydem w 16. wieku), lecz znęcaniem się: zamiast zabicia na miejscu, do czego mężowi służyło wszelkie prawo, wołał zhańbienie na wieki. Z kościelnego (kanonicznego) stanowiska słusznie obzywa Thietmar Chrobrego ,,antiquus fornicator", i strasznie musieli się kapelani nadworni krzywić na owo przepędzanie żon i zawieranie coraz nowych związków, ale cóż było robić? zwyczaju słowiańskiego (zob. niż.) nie mogli przełamać na razie. Zapisał Thietmar i to, że rozgrzeszał kapelan Dobrawę na spółkowanie z Mieszką przez trzy z rzędu wielkie posty, chociaż jako duchowny omówił to jak najskromniej. Inne jego szczegóły są już mniejszej wagi, potwierdzają np. wiadomość ś. Bonifacego o wstępywaniu *jednej* z żon (dobrowolnie; z nakazu mężowego; wedle losu) na stos po zmarłym mężu. Szczegół podany u Saksona omówiłem w poprzedniej części (str. 207). Co żywociarze ś. Otona prawią, nie dorzuca wiele nowego: wielożeństwo (księcia); wysadzanie dziewczątek; znaczenie gospodyni (wdowa objęła i prowadzi rządy domowstwa wielkiego).

Przy badaniu pierwotnych dziejów małżeństwa należy się wystrzegać mimowolnych uprzedzeń. Kościół uświęcił małżeństwo, zrobił z niego sakrament, zawładnął i nad niem duchowo,

więc mimowoli i ślubom słowiańskim nadajemy jakieś sakralne cechy (niby, jak u Rzymian); myślimy przy nich o jakichś ofiarach dla bóstw, o ich wzywaniu itp. Otóż to tylko uprzedzenie; śluby słowiańskie były, jeśli się tak wyrazić wolno, wyłącznie „cywilne" t. j. obywały się bez bóstw, kapłana i ofiar. Natomiast obfitowały w wróżby wszelakiego rodzaju; należałoż sobie zapewnić pomyślną przyszłość, używać ku temu wszelkich środków sympatetycznych, np. obsypywania młodej ziarnem itp. Wiara pogańska zginęła doszczętnie, ale te praktyki ją przetrwały i dziwi nas raczej, że ich stosunkowo nie wiele; źródła ich nie wymieniają, oprócz ogólnikowego zakazu „super nuptiis sacrilegia" (w r. 1279). Tych praktyk był najbardziej świadomy żrzec-kapłan (ofiarnik) i dla tego wzywano go przy ślubach stale; nawet nazwę jego wplątano w szereg godności weselnych i glosy 14. i 15. wieku tłumaczą *architriclinus* i *paranymphus* nietylko przez *dziewosłęb, swadziebny starosta, staroswat*, lecz i przez *żyrzec, żerca* (Mączyński). W domu rodziców młodej, gdzie się główny akt dramatu weselnego odprawiał, nie było wcale miejsca dla praktyk o sakralnym charakterze. Takie występywały raczej w domu młodego, gdy młodą oprowadzano około ogniska i stołu itp.

Inne uprzedzenie upatrywa w ceremoniale ślubnym jakąś szczególną pierwotność, rodzimość, gdy przeciwnie nigdzie tak łatwo o naleciałości obce, jak przy ślubie, gdzie moda, naśladownictwo, na wszystko rozgrzesza. Jeżeli np. fińskie obrzędy małżeńskie rażąco podobne do aryjskich, to można to i prostem przejęciem tłumaczyć; właśnie widzieliśmy, jak Słowianin *mał* przejął od Niemca. W czasach chrześciańskich mnożyły się pożyczki; wystarczy przypomnieć, jakie znaczenie nabrała późna, obca roślina, ruta, w ceremoniale. Nadzwyczajne znaczenie jabłka u Słowian bałkańskich tłumaczy się chyba przejęciem od Greków i Rzymian, bo Słowianom ono w tej mierze obce; jabłko przy zaręczynach tyle tam znaczy, że nawet same zaręczyny jabuką przezywają miejscami. Wobec tego łatwego przejmywania obczyzny (dzisiejsze kupno żony przejęła Wielkoruś od sąsiadów tatarskich) należy być wcale ostrożnym w ocenianiu wszelakich szczegółów. Taka np. rózga weselna, czy to nie obca pożyczka tylko? Znają ją pod różnymi nazwami głównie zachodni Słowianie, Czesi a szczególniej Polacy; od nich i Mała Ruś to przejęła. Całą literaturę

polską o tej rózdze zebrał Abraham str. 208—224, wymienił i usunął wszełkie fantastyczne próby zrozumienia tego symbolu, czego nie powtarzam; sam uważa „różdżkę lub laskę jako symbol zakładu", bo „gałęź, różdżka lub laska obok źdźbła (festuca) jako symbol prawny były rozpowszechnione... jako środki umocnienia umowy ślubnej: jedna strona zobowiązywała się pod zakładem (vadium) do oddania kobiety itd., druga strona również pod zakładem do przyjęcia kobiety i do świadczenia tego co przyrzekła... w aktach włoskich X. i XI. wieku pojawia się często jako symbol zakładu laska... u Anglosasów gałęź zielona, jak i w Niemczech; i w Polsce spotykamy się z onym symbolem, głównie przy zdawaniu majętności... przez wręczenie zielonej gałęzi" (str. 212—214). „Chociaż jednak silnie podkreślamy prawne znaczenie różdżki, (mogą) w tym obyczaju tkwić pewne momenty sakralne. Śladem tego mogłyby być spiewki przy oddawaniu różdżki: „O idzie do nas bóg prawdziwy, wielom łado! Oj bóg prawdziwy, sędzia sprawiedliwy, wielom łado!" W tej spiewce zdają się tkwić elementy bardzo dawne, co wskazuje ów refren Łado i poprzedzający go wyraz wielom — zdawałoby się, że chodzi tu o jakiś fetysz, o gałęź z świętego gaju lub drzewa, co ma przypominać stronie zobowiązanej sankcję sakralną... oddaniu różdżki towarzyszyła może formułka klątwy itd." (str. 220).

Na żaden z tych wywodów nie mogę się zgodzić. Refren *wielom* (zamiast *wiele*, staroczeskie *vele* w kolędzie z 14. wieku, wykrzyknik prosty jak staroruskie *ole*), *łado* towarzyszył stale wszystkim spiewkom weselnym, więc go pomijamy. Wesele szlacheckie, nierównie konserwatywniejsze niż ludowe, różdżki weselnej ile wiem nie znało i to już przemawia za obcem, niemieckiem jej pochodzeniem. Różdżka weselna, nieznana innym Słowianom (bułgarska *iloja* jest wieńcem chyba, nie drzewkiem — wyrazu tego niema u Gerowa wcale), jest poprostu okrasą korowaja - kołacza, dlatego nie bywa przy weselu wdowim (bo dla wdowy i korowaju nie pieką); bywa tylko jedna, jak i korowaj (pojawianie się różdżki i u młodego jest wyjątkowem); służy dla okrasy korowaju i wyrzuca się ją lub łamie po weselu; pierwotnie zatykano ją tylko do korowaju-kołacza; z czasem, jak to nieraz bywa, odosobniła się od niego, szczególnie śród ludu polskiego, i nabrała własnego znaczenia; doczepiono do niej wkońcu wszelakie

funkcje, kłaniają się jej itp. Nic w niej sakralnego,[1]) pogańskiego, pierwotnego i skreślam ją z atrybutów wesela słowiańskiego, do których ją Niederle, str. 85 (svatební stromek) i Piprek, str. 181—184, zaliczają; jest to zabawka, dla urozmaicenia (łakoci na niej zawieszają, stroją ją) obchodu, dla darów, podobnie jak wszelakie chusteczki i inne dary i nic więcej.

Tem większego znaczenia nabiera w obrzędowości słowiańskiej korowaj-kołacz i nawet podobnego greckiego, *γαμήλιος πλακοῦς*, niemożna z nim porównać. Szymonowic, opisując po r. 1600 wesele szlacheckie w sielance pod tytułem „Kołacze" wyraźnie zapewnia:

Kołacze grunt wszystkiemu a może rzec śmiele,
Bez kołaczy jakoby nie było wesele.

Obszernie mówi o nich Abraham str. 250—258, ale nie będę się za nim doszukiwał sakralnego czy prawnego znaczenia korowaju, bo źródła nic o tem nie wspominają. Zaznaczę tylko wywód słowa. Słowiańszczyzna cała dzieli się na połowę; na wschodniej (aż do Bułgarów) nazwa panuje korowaju, na zachodniej (aż do Serbów włącznie) kołacza. O pochodzeniu tych nazw niemożna wątpić i pomijam wszelkie niemądre o niem pomysły, jako niegodne wzmianki. Kołacz nazwany od koła, dla kształtu, a korowaj od krowy (urobienie jak *łabaj*, *nogaj*, *mazgaj* itp.); on wygląda dziś jak bochen chleba, ale przyczepiano mu rogi (i nogi?). I dziś jeszcze pieką na wesele byczki, gąski, kurki i wsadzają je nieraz na korowaj. Szczególniej na Rusi obchodzą pieczenie korowaju z wielkiem namaszczeniem, z osobnymi pieśniami i z takiem wychwalaniem, że nie myślimy tego przenosić do pierwotnej słowiańszczyzny; będzie to dalszym, specjalnie ruskim rozwojem. Najobszerniej wyłożył o nim rzecz i wymienił wszelkie przesądy i wróżby, łączone z pieczeniem i dzieleniem korowaju-kołacza Gloger (Pruski), Obchody weselne, Kraków 1869, str. 136—155 i 326—333; wymieniam jego umyślnie, bo Piprek nie zna tego ważnego dzieła. W słowiańszczyźnie dawnej miał może większe jeszcze znaczenie ser, jego spożycie było rytualnem i sakralnem; tak

[1]) Sumcow i i. odnachodzili w niej nawet przypomnienie owego mitycznego wesela słowiańskiego, polegającego na obchodzeniu dęba czy sosny, drzewa czy krzaku, kiedy to Słowianie „molíliś pniom". Ja widzę w tem tylko kpiny: jeszcze w 16. wieku pomawiano w Polsce Arjanów, najwykształceńszych i najskromniejszych z ludzi, jakoby zamiast ślubu nago obchodzili drzewo!

ściśle należało do obrzędu weselnego, że obowiązywało niemal strony zawierające małżeństwo. Słowa ustawy pseudojarosławowej są: aszcze za (pro) diewku syr krajan budet a ne tak sczyniat (t. j. umowy nie dotrzymają), za syr griwnu a za sram jej tri griwny itd. i tak należy z Gołubińskim i Götzem je tłumaczyć, Abraham str. 254 i 255 mylnie wykłada je o małżeństwie zawartem nieprawnie lub w formie pogańskiej. Ser nietylko przy weselu, ale i przy ofiarach Rodu i Rodzanicom (bogu i fejom losu - rodu) kładziono na pierwszem miejscu. Ser i krowaj, to wybitny szczegół obrzędowości słowiańskiej, ale „molenie korowajnoje, korowaj molat“ znaczy tylko „ofiarowanie“ (i spożywanie) krowaju, nie zawiera żadnej wzmianki o jakiejś formułce czy modlitwie, jak Abraham str. 307 przypuszcza. Czosnek jako aphrodisiacum kładą coraz z phallusem w wiadra i czasze weselne.

Dla lakoniczności żródł nie rozumiemy wszystkiego, np. co znaczą słowa Cyryla II z r. 1274: v predělěch novgorodskich nevěsty vodiat k vodě (za co on przekleństwem grozić każe); Niederle przypuszcza spólną kąpiel (str. 93)? O umywaniu młodej pary dla oczyszczenia wiemy zewsząd, por. Niederle 89, ależ tu mowa tylko o samej narzeczonej! Piprek str. 150 donosi z Bułgarji (z okolicy Bělogradčika), że młodą, co przed ślubem nie zachowała dziewictwa, prowadzą do rzeki i kąpią; co to znaczy, nie wiem (dola jej bywa ciężka; jak się nad taką wszędzie srożą, dobrze wiemy i owe plotki arabskie odrzucamy). Czy to jakaś ofiara wodzie („u wody“ Nestor)?

Nie należy zapominać, że nie każdy ludowy zwyczaj, acz dawny, tem samem już i pierwotny; rozwój to może być specjalny, co niczego dla starożytności nie dowodzi. Takie np. jarmarki na panny, na Rusi węgierskiej i indziej odbywane, to tylko miejscowe, jak i oględziny panien, schodzących się w pewne dnie i miejsca, na Wielkiej Rusi. Urząd swachy, tak ogólny niegdyś w Moskwie, też tylko jej specjalność itd. Nieprzerwany rozwój panuje też w całem słownictwie weselnem; niema ani jednego terminu, coby zachował pierwotne znaczenie; należy je, nieraz mozolnie, ustalać a często nie trafia się wcale do ładu i zagadki nie rozwiążemy.

Słowianin, jak inni Arjowie, nie ma osobnej nazwy dla męża i żony, obzywa ich słowami, co znaczą każdego mężczyznę

i kobietę; Rusinka zwie swego męża poprostu swoim czołowikiem; polskie *żona* dziś tylko *uxor*, ależ jeszcze w 14. wieku było i *femina* (*zła żona* „meretrix“ w Kazaniach Gnieździeńskich i i.); wtedy zastąpiła ją *niewiasta* (!) a od 18. wieku *kobieta*, termin niegdyś szyderczy od świńskiego kobu przejęty (chów świń do niej należy); termin *mężyca* chyba wedle *virago* urobiono (jest i w dawnej, piętnastowiecznej pieśni wielkonocnej). Wywód tych słów, męża i żony (co Prusowie z Polski jako *gena* przejęli), znany.

Natomiast posiadali Arjowie spólną nazwę dla zawierania małżeństwa: pierwiastek *vedh-*, lecz cóż on właściwie znaczył? Oparci o słowiańskie (i litewskie) *vedą*, *wiodę*, znachodząc mniej liczne odpowiedniki w celtyckiem i irańskiem, powołując łacińskie *uxorem ducere* itp., twierdzą, że *vedh-* pierwotnie właśnie wieść, prowadzić znaczyło; ja przypuszczam, że kupować, specjalnie kupować żonę, najdawniejszy przedmiot kupna i sprzedaży. Przecież greckie *ἕδνα*, niem. *witem* (i *widmen*) tylko wiano, t. j. cenę kobiety znaczą, indyjskie *va hū-* kobietę t. j. zakupioną. Kupioną wiódł mąż i ztąd pierwiastek *vedh-* nabrał z czasem wtórne znaczenie wieść, prowadzić. Obok *vedh-* mieli Arjowie dla kupna jeszcze inne pierwiastki: *vē-* (i *ves-*, ind. *vas-na-* ‚cena‘, greck. *ὦνος*), łac. *vēnum* ‚sprzedaż‘, słow. *vē-no*, *wiano* (co z gr. *ἕδνα* nic niema spólnego, jak głosownia dowodzi); jeszcze w cerk. znaczy *věniti* kupować (byle co), gdy *věno* już tylko cena kobiety, u „Nestora“ i i. Dla ceny kobiety, wiana, są i inne terminy, nam nieznane, z użycia rychło wychodzące: *milo děvičsko*, bez nagłosowego *s* (por. *miedź* i *śmiady*); z niem: *smilno* (ocalałe w czeskiem w zupełnie odmiennem znaczeniu, które jednak już i w staroruskiem się zdarza, *smilnoje zastavanije*, o cudzołostwie, smilství, nierząd) a z innym przyrostkiem *směino*, ale to o posagu używają; pierwiastek ten sam co w miły? *Woditi żenu po zakonu*, *wodimaja* (t. j. żona ślubna) znaczyłoby więc pierwotnie kupować, kupna, i odróżnia ją Nestor od nałożnic wyraźnie, co niem. Beischläferin i Kebsweib (niewolnica właściwie), u nas *popasiela* i *popaśnica* w 15. wieku (wyraz rychło zapomniany, jest jeszcze u Bartłomieja z Bydgoszczy r. 1532 dla *pellex*). Z *concubina* wywodzi Gebauer czeskie *kuběna* (znana słabość Gebauerowa te wywody łacińskie); z *kuběna* wzięliśmy *kubanę*, kochankę (w 17. wieku), co w 18. wieku na *ku-*

banę ‚dar, wziątek‘ przeszła a w 19. rodzaj odmieniła; dziś *kuban* tylko ‚łapówka‘.

Dla nędzy materjalnej nie uprawiał przeciętny Słowianin poligamji; bogatszy kilka żon miewał, ale dla byle przyczyny je „odpuszczał“; wiemy, jak Chrobry acz chrześcjanin, wierny tradycji słowiańskiej, żony przepędzał; było ich tyle (jeszcze w r. 1143 legat Guido w Czechach: repudiatarum maritos in clero inventos deposuimus), że język prasłowiański osobny dla nich ukuł wyraz: *pod'pěga* (zachowany u nas i Czechów, w 15. wieku tłumaczy jeszcze *poćbiega* „uxor dimissa“); to jest forma najpoprawniejsza, nie *pot'pěga*, tem mniej *pod'běga*, gdzie przez nieporozumienie, t. zw. etymologją ludową, słowo *biec* wsadzono. *Pod'pěga*, złożone z *pěga* ‚macula‘, ale co znaczy *pod'*? (por. nasze i załabskie *potka* ‚cunnus‘, więc: in cunno maculata czy maculam habens?), jakby oszpecał umyslnie mąż żonę, która była podejrzana; dla niezgody, dla wad jakichś moralnych itp. „odpuszczał“ ją niczem się nie krępując. Żona była przecież zdana na jego łaskę i niełaskę; jedyną jej bronią była trucizna, której baby-wiedźmy (wieszczyce, wieszczki) znające się na ziołach dostarczały: przypuszczano przecie, że palenie wdowy było rodzajem asekuracji życiowej dla męża!

Z poćbieg rekrutowała się przeważnie prostytucja; nie znali jej jeszcze Arjowie, nie mieli przynajmniej nazw dla niej; wszystkie są późne. Grecka i łacińska od zarobkowej płacy; wszelkie inne zupełnie niezrozumiałe; niemiecką (jednę) i pruską wywodzą wcale poetycznie od słów dla miłej, o czem wątpić można; litewska *kẽkszė* (od *kekė̃*, grono?), słowiańska zagadkowe. U słowiańskiej rodowód jawny: przyrostek jej *-va*, tensam, co w wielu innych, przytaczam głównie polskie: *krzykwa;* w nazwach ptaków: *stoligwa*; *makołądwa* albo *makolągwa*; *pardwa*, co nie od *perdix* poszła, chociaż to ptak niepolski, północny; ruskie *klukva*, *krjakva;* pomijam takie, które widocznie do tematów na *-y* należą, jak *pluskwa* itp. Pień jednak nie jasny, bo mamy trojakie *kur-* i nie wiem, do którego z nich nazwę odnieść: *kurъ* – kogut;[1]) *kurz(yć); kur-*

[1]) Kur w nazwach płciowych nieraz występywa, np. *pieszczotliwe kuś* ‚penis‘ (ogólne w 16. i 17. wieku, dziś tylko *kuśka*, nie od *kusy*!), któremu odpowiada *cyś* ‚cunnus‘ od *cygan* (dziś zapomniane, bo dwuznaczne, znaczy i piersi, por. *cysiać* ‚ssać‘ w bajce Trembeckiego: jest u Kochanowskiego, ale poniewaz on *y* i *i* nie odróżniał, zrobił drukarz z *cysia cisa* — może i umyślnie?); przypominam czeskie *hampejz*, burdel (Hahnbiss); w pieczywie weselnem kurki częste (chłopcy tańczą tylko kupiwszy takiego kurka) itd.

w *kurigъ* (zob. niż.); wszystkie trzy są prasłowiańskie (*kurъ* nie z Iranu przybył; starszy on u nas niż w Grecji).

Gdy ta nazwa już prasłowiańska (nie może z nią zrównać ruskie cerkiewnego początku *bljad'*, co właściwie plotki, bzdury oznacza, ani *błud* z błudnicą), niema podobnej dla dzieci czy jej czy nieprawego łoża; każdy Słowianin inaczej je zowie, tylko na Bałkanie *kopił* (od *koposu*?) bardzo rozszerzony, i po za Słowianami; Polacy przezywają je, pominąwszy obcych bękartów i bastardów, wylegańcami i pokrzywnikami (od 15. wieku do dziś u ludu). *Wyleganiec* jasny, bo terminem pierwotnym dla spółkowania jest *sъlěgati* i *sъłagati sę* (niewiasta zlega), ale skąd *pokrzywnik*? Wprawdzie bękartów obzywają od tajności (cerk. *taimičištь* i *tajmičište* tyle co *kopelište*) albo od miejsca spłodzenia: w kącie, lesie, na ławce, siodle — ależ pokrzywy, cóż by to był za gust dziwny? czy nie wyszła ta nazwa od przesądu, jakoby kobieta, mokrząca natychmiast po spółkowaniu w pokrzywy, pozbywała się płodu? kpiąc z tego takich przezywano. Niewytłumaczone dotąd *fotarlę* u Reja w Wizerunku jest formą mylną; poprawną, *fortalę*, daje wydanie pierwsze (1558 r.) a to z łac. nazwy *fortale* o niepełnym, nieprawym bałwanie soli (fortalia non valentia w górnictwie polskiem).

Wracamy po tej wycieczce na pola nieślubne do ślubów; zaznaczyliśmy pierwotne *vedh-*, wodzić (t. j. kupować) żonę. Słowianie nie posiadają ogólnego wyrazu dla ożenku, jakim jest niem. *Heirat* (franc. *mariage* nim właściwie nie jest, raczej już *époux*); dzielą go wedle płci: *żenić się* — *iść za mąż*; dla kobiety były niegdyś jeszcze dwa inne wyrazy. Ona *siegała za męża*, ztąd *posag*, zamęście, w cerkiewnem; polski *posag* odmienił znaczenie a Ruś *posag* w *posad* etymologją ludową obróciła. Widocznie była to niegdyś najznaczniejsza chwila w widowisku weselnem: siedząc na skórze bydlęcia, zabitego dla uczty weselnej, na miejscu niby honorowem, sięgała młoda za młodego a rodzice jej oddawali albo wyliczali jej wyprawę; w polskiem więc przeszła nazwa tej chwili na samę wyprawę; *posag* jest w najdawniejszych zabytkach już dos, *posażyć* dotare; ale w cerkiewnem zachowało się pierwotne znaczenie, deń posaga jest dniem zamęścia, ślubu. Drugi wyraz już wyżej wymieniliśmy, mówiąc o snochach; *snębić* (wydawać za mąż) pochodzi od tej samej osnowy; znają go dziś tylko Czesi, zapisała go i biblja 1456 r. (nie dawali

ich dziewek snębić za nasze syny), a ocalał we złożeniu *dziewosłęb* zamiast **dziewosnęb*. W języku cerkiewnym *snąbsti (snubiti)* używa się już tylko o nierządzie i chuci, *prisnubiti* o wabieniu, podobnie pejoratywnie jak wyżej *smilstwo* itp. od wyrazu za dos, posag poszło. Na południu słowiańskim ocalało u Pomaków złożenie *děvisnopove* (! z inną etymologją ludową) a w bułgarskiem *děvosnob*, *děvosnobnik*, *snobnik* dla swata.

O urzędach weselnych, dziewosłębach, starostach weselnych, swatach pisał najgruntowniej Abraham str. 264—303; stwierdził w tych urzędach dwie fazy rozwojowe; „pierwszą charakteryzuje pierwiastek sakralny, tudzież moment sankcji władzy publicznej; w drugiej fazie instytucja ta traci charakter sakralny i prawnopubliczny a schodzi na pole prawa prywatnego... domagając się udziału i pomocy pośrednika" (301); dla uzasadnienia powoływa coraz analogje praw germańskich i wyrazy jak *żerzec* i *starosta*. Na te wywody nie mogę się zgodzić i przeczę wszelkiej fazie sakralnej i prawnopublicznej, uznaję dla Słowian tylko prawnoprywatną; terminologja bowiem, o którą się Abraham opiera, zawodzi. Pierwotnie znano i używano pośrednictwa jedynego dziewosnęba a młodemu i młodej towarzyszyli krewni i znajomi, z których późniejsi swatowie i drużbowie się wyłonili; co *swat* znaczył, zob. niż. Między tą drużyną weselną rej wodził jeden swat, dlatego powszechnie (u zachodnich i południowych Słowian) staroswatem nazywany; zamiast staroswata mówiono poprostu i *starosta* (ależ nigdy w znaczeniu funkcji publicznej), gdzieindziej i *marszałek* itp.; z czasem zatraciła się i nazwa dziewosnęba, funkcję jego objął swat; ale jeszcze w 16. wieku nie zapomniano pierwotnego znaczenia i słusznie pisał Rej w r. 1567; miejże ty Pana Boga dziewosłębem a anioły jego swaty, a M. Bielski w r. 1557: Pan Bóg nam jest to małżeństwo sprawił, Sam się nama dziewosłębem stawił (cytaty u Abrahama str. 284; już w 15. wieku mieszano wszystkie te wyrazy, i architriclinus tłumaczył już i swata; najdawniejszy polski cytat pochodzi z r. 1398, przytacza go Abraham 271, lecz tekst łaciński pomylił, czytać należy: *procus* vulgariter dzevosląb, zamiast *pro quo* itd.[1]) Samo istnienie wyrazu *dziewosłęb* dowodzi, że

[1]) I na str. 170 cytat łaciński poprawić należy: młody obdarował młodą andromeda de regulis (kożki z królików), midra de variolis (czepiec kuni)... sotularibus et calopediis (kopyto u trzewika i trzewik), nie: medromeda, vario, crilopediis.

małżeństwa nie przez kupno, lecz przez umowę zawierano; do kupna nie potrzeba pośrednika, tem bardziej do umowy, co polegała na darowiźnie i odpłacie darowizny, na wianie i wyprawie – posagu, stosujących się jedno do drugiego: nazwy wiana i (s)miła oznaczały może oba dary. Stosunki słowiańskie były o wiele prostsze niż germańskie. Uchylamy więc wszelkie konstrukcje, oparte o kruche podstawy słów samych, np. str. 282 rozróżnia plemiona polskie z silną władzą rodową i gdzie takiej nie było, wedle samych nazw *starosta* i *dziewosłęb*, co niczego nie dowodzą. Sam wyraz *snębić* tłumaczymy przez „snuć, motać" (dziś jeszcze mota swat ręce młodych nad chlebem), ale wątpimy, żeby to był termin już aryjski; znane słowa łacińskie i greckie, co tego dowodzić mają, nadto pewnie o tem nie świadczą, więc je pomijam.

Dla samego wesela (co za późny, nic nie znaczący wyraz!) brak nam wyrazu prasłowiańskiego. Jest na to cerkiewne *brakъ* (znaczące i festyn), ale to słowo znano tylko na południu, tak że nawet nie wiemy, jaka jego forma pierwotna, czy nie **borkъ*, więc nie umię go objaśnić; może od braku tego przezwano i materję drogą, *bračina*, niby na strój odświętny w odróżnieniu od partów zwykłych: nie myślę jednak przyznawać Słowianom podobnego zbytku (podwójnej odzieży) i nie upieram się przy tym wywodzie (innego lepszego nie znam; i to słowo wyłącznie cerkiewne).

Związki małżeńskie, egzogamiczne, torowały drogę przyjaźnemu spółżyciu jakby śród krewnych i dlatego obzywali się członkowie rodów, związkami tymi złączonych, s w a t a m i. *Swat* (a obok niego i *swak*) oznacza „swojego", więc książę ruski, wydając córkę za mąż, nazywa ojca swego zięcia „bratem i swatem"; swat nie oznaczał nic innego, niż swojaka, brata (affinis); *swatać* bratać się; *swatba* bratanie. Z czasem zapomniano o „swoim" i nazywano swatami gości weselnych (w Słowie Igorowem np.) a swat'bą samo wesele; *swat'ba*, wedle wymowy istotnej *swad'ba*, już w epoce prasłowiańskiej chyba nabrała tego znaczenia, bo powtarza się z niem wszędzie. U nas rozwój nie stanął i na tem; swadźba była jeszcze w wieku 15. znana powszechnie i ówcześni kaznodzieje, za wzorem Husa, etymologizują stale tę nazwę (niby od *swa dwa* albo *swa doba* itp.), ale już w 16. wieku znaczy *swadźbić* coire i dla tego sensus obscoenus z używania wychodzi, jak i liczne inne

słowa (*obłapiać, chędożyć, stara pani* itp.); polując na kalambury pomieszano raz snadź bił i swadźbił; tak ustąpiła swadźba zupełnie nowemu weselu. Powtarzamy więc: dziewosłęb, chociażby nie należał do obu rodzin, w umowie pośredniczył, on snębił; członkowie obu rodzin przezywali się swatami, chociażby wcale na weselu nie byli obecni. Z czasem jednak swatami tylko weselników zwano i między nimi obierano starszego (starostę, staroswata), którego urząd nieraz na dziewosłęba spadał; wkońcu obie nazwy łączono, albo jednej (dziewosłęba) się pozbywano; nic więcej nie da się z tych nazw wyczytać.

Dawno stwierdzono, że w pokrewieństwie aryjskiem liczono się wyłącznie z linją ojcowską, przenigdy z macierzyńską; więc spólnota językowa nie wytworzyła żadnych nazw dla wuja, dla sióstr, braci i rodziców żoninych. Dopiero później i im nadawano nowe, osobne imiona, ale nawet spólnota litwosłowiańska nie znała jeszcze tych imion, oprócz jednego. Ojciec żony nazywał jej męża zięciem — żentas, uważał jego jedynego, jakoby do rodu, *gener* do *gens*, *genus*, należał; *zięć*, *żentas* poszło od tego samego pierwiastka, co i *żona*, ale z gardłową odmienną, co nieraz bywa (*ż* z *g* i *z*; litewskie *g* i *ż*). Dopiero sama słowiańszczyzna wyrobiła inne jeszcze nazwy: *cieść*, w dalszych przypadkach *ćścia, ćściem* itd., z czego *tścia tściem* (jak *otca* z *oćca* itd.), a do tego dorobiono nowe *teść*; *szurzy* (*szurin* ruski); *świeść* (w polskiem jest i nazwa ptaszka *świost*, co nie od świstania poszła!). Co te nazwy znaczyły właściwie, tego dotąd nie wiemy; *świeść* przypomina niby pień ‚swój‘ (por. lit. *swáinė*), ale *cieść, teść* nic niema z tatem ani z ciotą do czynienia (co Miklosich przypuszczał), jest urobiony jak *ta-tь* i znaczył może żartobliwie „(u)ciskacz“. *Szurzy* jest może tyle co *szczury*, drobny, i powtarza się w nazwie *praszczura*, co pradziada taksamo jak prawnuka znaczy; por. *uja* obok łac. *avus*, lit. *anyta* obok niem. *Ahne;* stosunek głosowy między *szurzy* a *szczury* ten sam, co między *szyp* a *szczypać*, *szyroki* a *szczyry* i i. Litewskie podobne nazwy są niemniej ciemne; w grę wchodzą może i kpiny.

Między nazwami orszaku weselnego, drużbami i drużkami, spotyka się w cerkiewnem i *kurigъ*, pronubus; nazwa stoi może we związku z nazwą dla maski, larwy, *kurělъkъ* i *kurilъ*, co przeszła na: podobieństwo, typ, model. Związek polegałby

na tem, że do zabawy weselnej należałoby i przebieranie, maskowanie się i kurig w temby przewodniczył, ale wyjątkowość przyrostku (znamy go raczej żenskim, *wer-igy*, *kъn-igy*) nie przemawia za podobnem tłumaczeniem. Jeżeli *kurilъ*—*kurělъkъ* pierwotnie maskę znaczy, to możnaby go i od *kurzu* — sadzy (twarz czerniono) odwodzić (?).

Jak w obrzędach, tak i w słownictwie weselnem nie brak obcych przybyszów; wystarczy przypomnieć, jak szwagier, szwagrowa (por. kuzyn, kuzynka) pozajmywali miejsca kilku stopni pokrewieństwa, jak dla nich pozapominano o dziewierzach, zełwach, szurzych i świeściach. Do takiej obczyzny należy i *pašenog* bałkański (ale i słowieński), *szwagier* (mąż szwagrowej, siostry żoninej), słowo turskie, powtarzające się i w nazwie dawnych Pieczenegów. Obok jawnych germanizmów bywają i ukryte, np. polski *ślub*, *ślubować* (co do Prus i Litwy przeszedł), przypomina silnie niem. *Gelübde*, *Geloben*, *Verlobte;* innym Słowianom w tem znaczeniu zupełnie to obce. Wymianę pierścionków uważa Abraham (str. 176—192) za przybyłą z zachodu, przez kościoł od Rzymian jeszcze przejętą; Niederle str. 96, 1 za pogańską jeszcze; wedle Abrahama zajęły pierścionki miejsce pierwotnych wianków a w nich upatrywa on rodzaj zakładu obopólnego (str. 156—176) i w nadzwyczaj subtelnych a przekonujących wywodach ustanowił właśnie w wiankach (bez wpływu rytuału kościoła greckiego) osobliwość słowiańską, nieznaną w tej mierze zachodowi; wianek, symbol dziewictwa, może i w swojej bezwartowości uchodzić za symbol zakładu, w każdym razie nie za zadatek; ale może i pojęcie zakładu, upewnienia, było mu obce, tak że byłby tylko symbolem dziewictwa, wydanem przyszłemu mężowi i dlatego go wdowa wręczać nie mogła, chociaż i dla niej symbol zakładu wcale niebyłby zbytecznym.

Niewyczerpana jest kopalnia rysów obyczajowych przy obrzędzie małżeńskim; fantazja ludowa sili się na coraz nowe pomysły i wybryki. Piprek nie wyczerpał wszystkiego, nie znał np. białoruskich zborników Romanowa (zna tylko Szejna i Nosowicza) a coby z nich można jeszcze pododawać! Np. takie komedje, jakie z kaszą w domu młodego wyprawiają; matka podaje ją w czerepie, syn łamie łyżkę a kaszę na piec rzuca (ofiara dziadom??), ale matka w odwróconym kożuchu (aby oni dostatnio żyli) skacze na ławkę i rzuca się z knutem

na parę, umykającą biegiem do komory; gdzieindziej pirogiem na nich godzi itd. Młodzi nie jedzą z gośćmi, aby ich nie przezwano prorva hołodnaja, przypatrują się i jedzą później osobno; drużki biją garnki i łamią ławki, jeśli młoda nie utraciła poprzednio dziewictwa (i to za symbol uważają) itd.

Jak wyczerpanie, tak i objaśnienie tych szczegółów spotyka walne trudności; analogje mogą bardzo łatwo zawodzić. Mam tu na myśli szczególnie wywody Abrahama o postrzyżynach, oczepinach i zasłanianiu (str. 221—250): zebrany tu materjał z dawnych rytuałów i prawnych zwyczajów, roztrząsany z nadzwyczajną bystrością i przezornością, ale i tu nie można się ustrzec wątpliwościom, czy nie nadaje się zbytniej wagi byle szczegółowi, czy np. istotnie nakładanie albo wymiana czapek symbolizuje przejście pod władzę mężową; czy zasłonięcie (welonem itp.) jest pierwotne czy wprowadzone dopiero przez kościoł — wyrazy jak *zawój*, *zasłona* nie upewniają mnie należycie o rodzimości samego zwyczaju. W każdy sposób książka prof. Abrahama pozostanie zabytkiem podstawowym; od niej wyjdą wszelkie dalsze badania, do których jako filolog dorzuciłem kilka uwag.

A. Brückner.

Этимологическія замѣтки.

По поводу „Славянскаго этимологическаго словаря“ Э. Бернекера.

1. Ц.-сл. ѥрѧбь, др.-р. *ерябь* названіе птицы, вр. *рябъ*, *рябо́къ*, *ря́бчикъ* то же, *рябо́й*, *ряби́на* деревце и его плоды, мр. *орябо́къ* названіе птицы. Составъ словъ ясенъ: корень *ер-*, *ор-* и суффиксъ *-ѧб-*.

Ст.-р. **олябь* названіе птицы (вѣроятно. муж. р.: вр. фамилія *Оля́бьевъ, Аля́бьевъ*), вр. *оля́бка* названіе птицы, *оля́бышъ, оля́бушъ* ,высокій пирожокъ, пышка'. Составъ словъ ясенъ: кор. *ол-* (въ древности, вѣроятно — *ел-*, *ол-*), и суфф. *-ѧб-*.

Ц.-сл. *ѩстрѧбль, прилагательное отъ *ѩстрѧбь или *ѩстрѧбъ, др.-р. **я́стрябь*, вр. *я́стребъ* названіе хищной птицы. Кор. повидимому, **аср-*, со вставнымъ *т*; суфф. *-ѧб-*.

Вр. *деряба* птица дроздъ, лѣсная малина, человѣкъ, который себя царапаетъ'; мр. *деря́ба* ,птица сойка', *деря́бка* названіе растенія.

Вр. *коля́ба* ,человѣкъ, который кривлается, ломается'.

Вр. *коря́бка* ,скребокъ', *коря́бать, коря́бить* ,царапать, чертить'.

Ч. *kujeba* (Kott) ,дурень'. Срв. вр. *куя́ба* ,растрёпа, грязнушка'.

Мр. фамилія *Куля́бка*;[1]) вр. фамиліи *Желябинъ*, *Желябовъ, Желябужскій.*

Суфф. этихъ словъ — тотъ же, что выше, т. е. *-ѧб-*.

Корни имѣютъ достаточное сравнительное освѣщеніе; *ер-*, *ор-* и *ел-*, *ол-*, безъ сомнѣнія, родственны между собою. Первую пару мы видимъ въ сл. орьлъ — **ерьлъ*, въ *орь* ,жеребецъ'; въ ц.-сл. *орити, *об-, раз-,* въ вр. *ёра, ёрникъ*, мож. быть, **еръшь* названіе рыбы, въ вр. *ёрзать* и т. п. — Вторая пара — въ сл. *елень* — *оле́нь*, въ сл. **ельць* названіе рыбки, вѣроятно, въ вр. *ѐлзать, ело́зить* и т. п. Срв. лат. *aries*, гр. *ἐλαύνω, ἐλήλαμαι;* гр. *ἐλθών*, *ἦλθον* и т. п.

Значенія словъ **ерѧбь* и **елѧбь* — названія животныхъ. Второе вполнѣ совпадаетъ съ гр. *ἔλαφος* ,олень' (при *ἐλλός* изъ

[1]) Созвучнаго нарицательнаго нѣтъ въ словарѣ Гринченка.

*ελν-), гдѣ гр. *α* изъ носоваго сонанта. Какъ извѣстно, подобныхъ греч. словъ, по преимуществу названій животныхъ — нѣсколько.[1]) Приведемъ: *κόραφος* названіе птицы, что совпадаетъ съ сл. **корѧб-*; — *κάλαφος, ἀσκάλαφος* названія ночной птицы, что совпадаетъ съ **колѧб-*; срв. гр. *κέραφος, σκέραφος* ‚брань, поношеніе‘. Напомнимъ лат. *columba, palumbis* ‚голубь‘.

Кор. сл. **ястрѧб-*, вѣроятно, родственъ съ корнемъ лат. *ācer*, женск. р. *ācris*.

Вр. *тулу́пъ*, род. п. *-па* ‚широкая и длинная шуба‘, вѣроятно, восходитъ къ *тулубъ*, изъ **тулѫбъ*? Это *тулубъ* встрѣчается въ вр. говорахъ съ значеніемъ ‚туловище, тѣло безъ головы и конечностей‘ и, очевидно, родственно съ вр. *тулъ, тулья́, притулиться, в-ту́лка, ту́лово*, а мож. быть, и съ вр. *тылъ, затылокъ*.

Вр. *костру́бонько*, изъ **кострѫб-*, еще недавно употреблялось для обозначенія чучела человѣка въ обрядовыхъ пѣсняхъ. Рядомъ съ нишъ вр. *костру́бый* ‚упрямый‘, *кострубáтый* ‚лохматый, шершавый‘ (о человѣкѣ).

Въ приведенныхъ словахъ суфф. *-ѫб-* близко-родственный съ суфф. *-ѧб-*.

Срв. п. *kłąb, kłębek*, вр. *клубъ, клубóкъ, клуби́ться*, если они восходятъ къ *кълъ-*.

Какъ мы видѣли, ц.-сл. ꙗрѧбь имѣетъ въ началѣ ꙗ. Едва ли здѣсь не дѣйствіе аналогіи словъ съ *яр-: ярость* и т. п.

2. Древній ц.-сл. текстъ Ев. отъ Матѳея, 3, 4, по нѣкоторымъ спискамъ, пользуется словомъ абрѣдие (гдѣ рѣ можно читать рꙗ?). Данныя см. у Бернекера Sl. Et. Wb. подъ *брѣдъ*. Живые сл. языки имѣютъ ст.-ч. *jabřadek* и *jabřadka* ‚виноградная лоза‘ ст.-п. *jabrząd*. Так. обр. у насъ два варіанта: **абрѣд-* = **абряд-* (срв. вр. *пéстрядь, ру́хлядь, плóщадь, площáдка*, ц.-сл. челꙗдь и др.) и *абрѧд-*. Вр. *бреди́на* ‚ива‘, фамилія *Бреди́хинъ, бредóвый* ‚ивовый‘ и др. должны быть тѣсно связаны съ однимъ изъ нихъ.

Хотя значеніе ц.-сл. слова неясно, однако можно думать, что оно близко не къ гр. *ἀκρίδες*, на мѣстѣ котораго слово стоитъ, а къ гр. *μέλι ἄγριον*. Повидимому, на основаніи пониманія у ученыхъ грековъ даннаго еванг. мѣста, одинъ изъ ю.-сл. переписчиковъ вставилъ на полѣ глоссу абрѣдие, которая была потомъ введена въ еванг. текстъ на мѣсто непонятнаго акриди. Онъ могъ понимать ‚медъ дивий‘ въ пустынѣ какъ ‚съѣдобный плодъ, сокъ какого-то растенія‘.

[1]) Brugmann, Gr. Gr.[4], 232.

Родство съ лат. *ebulus*, изъ **eblus* ,бузина' едва ли подлежитъ сомнѣнію. Близко по звукамъ и лат. *abies* ,ель'.

Сл. **абрѧд-* по своему суффиксу не стоитъ одиноко. Мы знаемъ ц.-сл. агнѧдъ ,тополь', ч. *jehněd, jehněda* ,тополь', с. *јагнед, јагнеда* то же; вр. **лебѧдь, лебяжій,* при сл. **лабѫд-;* ц.-сл. говѧдо, вр. *говяжій.*

Гр. суфф. *-ινθ-* не рѣдокъ въ словахъ — названіяхъ растеній и животныхъ: *ἐρέβινθος* при *ὄροβος, ἕλμινθ-* и др.[1])

3. Ц.-сл. ашють, ꙗшють ,по пусту, напрасно, даромъ', ч. *ješutný, ješitný* ,суетный, ничтожный', ст.-п. *jeszutność* (Флор. Псалт.; чехизмъ?), вѣроятно, близко родственны съ потерявшими начальный гласный[2]) вр. *шуть, шýтка, шутúть* („сказано въ шутку", „я пошутилъ" и т. п.), а также съ вр. *шýстать* ,обивать (зерно и т. п.)', *ошýстать* ,обмануть', *шустрый* ,бойкій, проворный (о человѣкѣ)'.

Родство съ лат. *as-tus* ,хитрость, коварство', *as-tūtus* ,вѣроломный'. Суфф. *-ут-* — въ с. *кошюта* ,коза', п. *kogut*, ч. *kohout* ,пѣтухъ' и др.

4. Сл. *бокъ* узкая сторона предмета, часть тѣла, ц.-сл. отъ боку — то же, что отъ чрѣслъ ,отъ поясни́цы'; первоначальное значеніе: ,впадина, небольшая яма'. Срв. вр. *бочáга, бочáгъ* ,яма въ руслѣ рѣки', *бокáлда, бокáлдина* ,яма на дорогѣ'.

Можно допустить родство съ лат. *focus*, если считать древнѣйшимъ значеніе для лат. слова: ,яма'. Припомнимъ употребленіе ц. сл. пещь, пещера для обозначенія ямы, углубленія, норы въ землѣ, основанное на устройствѣ древней печи.

5. Ц.-сл. балии ,врачъ', по Бернекеру, I, 42 восходитъ къ **бальјі*. Едва ли. Судя по зап.-сл. **прѧдлии, *прадлии*, др.-р. **бьралии,* вр. *брáлья, прáлья, швáлья* (швецъ, изъ **шьвалии*) и т. п., мы имѣемъ здѣсь суфф. *-дл-*. Относительно корня слѣдуетъ согласиться съ Бернекеромъ. Это *ба-* то же, что въ *баяти*.

Послѣ сказаннаго, мы должны отдѣлить балии отъ вр. *бáловень, бáловáть* и т. п., гдѣ корень *бал-,* извѣстный и въ зап.-сл. словахъ, тотъ же, что въ лат. *fallo* и родственныхъ.

6. Р. *гóлѣнь* ,нога отъ колѣна до ступни', уменьшительное *голяшка* (*я* изъ ѧ); *пá-голѣнки* ,верхнія части чулковъ'. Отъ *голъ*. Бернекеръ съ этимъ несогласенъ. Но мы должны представить себѣ одежду до-историческаго человѣка безъ рукавовъ

[1]) Brugmann, 240.
[2]) Иначе Бернекеръ, I, 33.

и безъ ногавицъ на колѣняхъ и ниже. Костяки др.-р. кургановъ, скиѳскіе, нерѣдко имѣютъ остатки красной охры на черепѣ и костяхъ плечъ, рукъ и ногъ, отъ бывшей на нихъ татуировки. Если колѣни и болѣе низкія части ногъ были покрываемы татуировкой, очевидно, на нихъ не надѣвалась одежда и они оставались голыми, обнаженными.

7. Сл. названіе деревца *глогъ* первоначально принадлежало, вѣроятно, его бѣлому соку. Если это такъ, — понятна его звуковая близость, съ одной стороны, къ гр. *γλάγος* ‚молоко‘, гр. *γάλα*, род. п. *γάλακτος*, лат. *lac*, род. п. *lactis* (*k* изъ *г*), съ другой — къ вр. *глохта́ть* ‚жадно пить, хлебать,‘ *на-глохта́ться, на-глохти́ться* ‚напиться до-пьяна‘, *лохта́ть, ло́хтерить* ‚жадно пить‘ (*х* — изъ *k*, *г*, какъ въ вр. *кряхтѣть* при *кря́кать, клохта́ть* при *клокота́ть* и т. п.).

8. Бернекеръ, говоря о *гоити*, не упоминаетъ о др.-р. *гоило* съ значеніемъ лат. *penis*. Оно, вѣроятно, изъ **-идло*; срв. вр. *хайло́* ‚горло, глотка (бранно)‘, вр. *сто́йло* при п. *stadło*, изъ **хаяло, *стояло*.

Связь съ **гай* ‚зеленый, крѣпкій лѣсъ‘ (вопреки Б-ру) надо считать возможною.

9. Др.-р. Паремейникъ 1271 г., богатый описками и искаженіями, имѣетъ *гнѣвъ* на мѣстѣ *σαπρία*. Это даетъ Б-ру основаніе связать *гнѣвъ* съ *гнити*. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ *гнѣвъ*, а съ **гнивъ* или *гниво;* срв. р. *про-ливъ, заливъ, ли́во, ли́вень* ‚большой дождь‘, при *лити*, *пиво* при *пити, би́вень* ‚клыкъ животнаго‘ при *бити, на-пѣвъ, за-пѣвъ, пѣвецъ* и т. д. при *пѣти*.

Данныя Б-ра для *гнѣвъ* мы увеличили бы др.-р. (изъ ц.-сл.?) *разнѣватися, ражн-*[1]), говорящими о древности варіанта *ńev-* при *гнѣвъ*.

10. Откуда славяне получили названіе грека: ц.-сл. и др.-р. *грькъ* и т. д.? Б-ръ, I, 359, отвѣчаетъ: изъ лат., гдѣ *graecus*. По его мнѣнію, славяне передали своимъ *ь* латинское ударяемое *ae*. Это — маловѣроятно. Ст.-р. фамилія *Рчиновъ* — изъ *Грчиновъ*; др.-р. личное имя *Грьцинъ* извѣстно изъ памятниковъ XII-XIII в.; они говорятъ объ удареніи не на *ь;* срв. удареніе въ гр. *Γραικός*.

Кстати дополнимъ данныя Б-ра.

[1]) Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., указ.

Въ старой Руси *гречка* значило: ,гречанка'; отсюда понятенъ звуковой составъ названія растенія. Повидимому, названіе растенія *греча* образовалось изъ *гречка*, по аналогіи.

Хотя слово *грекъ* было употребительно, но обычнѣе было народное названіе — *Гречанинъ*, мн. ч. *Гречане*, откуда вр. фамилія *Гречаниновъ*.

Въ др.-р. памятникахъ XI—XII вв. написанія *Альксандръ, Альксa*, съ *ь* на мѣстѣ гр. *ε*, — нерѣдки.[1])

11. Б-ръ, вслѣдъ за другими, сближаетъ сл. *gryzǫ* съ гр. *βρυχω*. Но послѣднее нельзя отдѣлить отъ *βρῡχάομαι*, несомнѣнно звуко-подражательнаго (срв. р. *бурча́ть, буркнуть* и т. п.). Нельзя ли сближать съ гр. *φρυγω* ,сушу', *φρυγανον* ,сухое дерево, дрова'?

12. Ц.-сл. **двигати, двигнѫти** и др. можно считать родственными съ лат. *fīgo*, гр. *θιγγάνω*.

13. Р. *дробь, дроби́ть*, вр. *дребеде́нь* (или *дребѣдень?*), *дре́безгъ* (точнѣе: *дребѣзгъ*, п. *drobiazg*) и др. наиболѣе близки къ гр. *τρέφω* (изъ **dhrebh-*), *τροφή* и др. Первоначальное значеніе гр. глагола: ,раздробляю, размельчаю для ѣды'.

Возможно родство приведенныхъ словъ съ сл. ***дрѫбълъ**, вр. *дрянь* (изъ ***дрѫбнь**.) Срв. гр. *θρόμβος*.

Вторая половина вр. *дребеде́нь*, мож. быть, родственна со второю половиною лат. *dulcēdo*, род. п. *-dinis*. Значитъ, *з* въ *дребѣзгъ* — изъ *д*?

14. О сл. *дрискати, дристати* ,испражняться жидкимъ' и др. Бернекеръ говоритъ неполно. Вр. *дры́згать, на-дры́згать* ,производить жидкую грязь, грязнить', *дры́згаться* ,возиться съ чѣмъ-нибудь жидкимъ и грязнымъ' и др. имѣютъ *-ры-* изъ болѣе древняго *-ри-*. Родство съ ч. *dřízdati* ,дристать' и т. п. несомнѣнно.

15. Лат. *foria* ,жидкое испражненіе' и др., повидимому, имѣютъ родственника въ вр. *дерьмо́* ,испражненіе'. Но вр. слово можетъ восходить и къ *дерьмо* или **дьрьмо*, и къ **дрьмо*. Поэтому также возможно родство съ др.-сѣв. *drita* ,cacare', гр. *δριμύς* и др.

16. Говоря о *дрождье*, Бернекеръ обращаетъ особое вниманіе на мр. *дріщі*, какъ на восходящи къ *drosk-*. Напрасно. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенностью мр. говоровъ хорошо

---

[1]) Данныя — въ нашихъ „Лингв. и археолог. наблюденіяхъ", вып. I (= *Р. Ф. В.* 1910 г.).

намъ извѣстною изъ памятниковъ XII—XIII вв., гдѣ читаемъ: *рожчие (= рождие), дъжчь, ижчену (= иждену), ижчиву, бежчены (= без жены)* и т. д.[1]) и не чуждою другимъ сл. языкамъ.

Одинъ изъ древнихъ ц.-сл. переводчиковъ передаетъ чрезъ дрождье гр. миѳологич. *τὰ Τάρταρα* (понимая это слово: ,тина, болото' и т. п.). Мы должны имѣть въ виду, что въ древности дрожжами служили подонки бродящихъ напитковъ, главнымъ образомъ пива и вина, и поэтому можно связывать сл. названіе съ близкими по звукамъ сл. и другими словами, означающими жидкія изверженія, человѣч. сѣмя, вообще ,жидкую скверну', т. е. съ выше упомянутымъ сл. *дрызгати и съ *дрѧзга, лат. *foria*, гр. *ϑορός* ,чел. сѣмя'.

17. Вр. *дырá* ,отверстіе' оставлено Бернекеромъ безъ объясненія, почти незамѣчено. Но эта форма слова съ *ы* — болѣе древняя, чѣмъ формы съ *е, ѣ, и*, явившіяся подъ вліяніемъ глаголовъ **derǫ, -dirati* и т. д. Родство *дыра* съ гр. *ϑύρα* несомнѣнно.

18. Б-ръ, I, 466, говоритъ о **кадьлбъ*,[2]) вр. *колдоба*, ч. *kadluba*, п. *kadłub* и др. По его мнѣнію, вр. *колдоба* — изъ **кадолба*. Едва ли такъ. Вр. *колдóба, колдóбина* значатъ: ,яма въ рѣкѣ, на дорогѣ' и т. п., между тѣмъ какъ потомки **кадълбъ* имѣютъ значеніе: ,кусокъ дерева, короткое бревно' и т. п.

Вр. *колдóба* представляетъ собою одно изъ многихъ образованій съ начальнымъ *коло-*: *коловоротъ, кологривый, колобродить, колотырить, колошматить*; *колупáть* изъ *кололупать*; *комшúть* изъ *коломш-* (мять, колотить); *коржáва* (ржавое болото), *коржáвѣть*; вѣроятно, *колчадáнъ* (соединеніе металла съ сѣрою) и др. Вр. *кол-дóба* — изъ *коло-долба*, съ диссимиляціею плавныхъ.

Вр. потомокъ **кадълбъ*, по нашему мнѣнію, — ст.-р. (XV—XVII вв.) и соврем. вр. *нáдолоба* ,короткій столбъ' и т. п. (то же, что ч. *kadluba*, п. *kadłub*). Замѣна *к* черезъ *н* естественна.

Б-ръ не даетъ объясненія начальному *ка-*. Мы считаемъ возможнымъ производить его изъ *кладо-(дълб-)* ,кусокъ дерева годный для выдалбливанія подъ кладъ, поклажу, на ящикъ' и т. п.

19. Сл. *кленъ*, вр. *клёнъ* названіе дерева изъ рода acer, которое славится своею твердостью; вр. пѣсни говорятъ

[1]) См. наши „Лекціи по ист. р. яз.", указ.

[2]) Мы предпочитаемъ возстановлять *кадълбъ*.

о „сѣняхъ кленовыхъ", о „сохѣ кленовой". Лат. *ăcer*, род. п. *ăceris*; *acernus* ‚кленовый'. Послѣднее слово, въ историческое время прилагательное, — въ древности употреблялось, повидимому, какъ существительное: срв. др.-в.-нѣм. *āhorn* (откуда сл. *яворъ*) и гр. *ἄκαρνα* ‚лавръ'.

Сл. слово не имѣетъ начальнаго гласнаго и въ немъ плавный согласный слѣдуетъ за *k* непосредственно; но это едва ли можетъ служить препятствіемъ для признанія родства между приведенными словами.

Сл. **чьлнъ* ‚небольшая лодка', изъ **кьлнъ*, можетъ быть связываемо съ этими словами; срв. вр. *дубъ* ‚большая лодка однодеревка' (изъ ствола одного дуба). Первоначальное значеніе: ‚лодка изъ ствола одного клена'?

Лат. *cerrus* родъ дуба, вѣроятно, родственно съ *acer*. Оно указываетъ на древность потери начальнаго *ă*. Ц.-сл. *церъ* — заимствовано изъ лат.

Мр. *очеретъ*, вр. *очерётъ* ‚камышъ' также можетъ считаться родственнымъ. Крѣпость древесины сближаетъ камышъ съ кленомъ.

20. *чабёръ*, *чабрéцъ* названія растенія satureia и нѣкоторыхъ другихъ; п. *cząber*, ч. *čubr*, с. *чубр*. Бернекеръ I, 160 хотѣлъ бы возвести это слово къ гр. *θύμβρος*, но его затрудняетъ сл. *ч*. Не слѣдуетъ ли признать **чѧбръ* родственнымъ съ р. *чемерица*, *чемёрка*, ч. *čemer* и др. (Бернекеръ I, 142) и восходящимъ къ **кем-б-ръ*, со вставнымъ *б*? Срв. лит. *kemerai* названіе растенія, др.-в.-н. *hemera* ‚чемерица'.

Слово Даніила Заточника XII в. говоритъ: „стрѣла летящи съ *чемеремъ*". Очевидно, сокъ чемерицы употреблялся для отравы стрѣлъ и производилъ въ ранѣ воспалительный процессъ. Срв. сл. *комаръ*, *комарь*, названіе насѣкомаго, укусъ котораго также даетъ воспаленіе кожи.

Объ *у* въ чешскомъ и сербскомъ словахъ можно думать, что оно явилось на мѣстѣ *ж*, которое въ свою очередь явилось изъ *ѧ* на средне-болгарской почвѣ. При этомъ необходимо допустить, что Сербы и Чехи познакомились съ чабромъ при посредствѣ Болгаръ.

21. Вр. *чесáть* имѣетъ главное значеніе, очевидно, древнѣйшее — ‚тереть что-нибудь для прекращенія боли, зуда' и т. п.; в-русы говорятъ: „тѣло чешется", „носъ, глазъ чешется", съ значеніемъ: ‚зудитъ, даетъ легкую боль'; рядомъ съ „руки

чешутся" употребляется „руки зудятъ", съ значеніемъ: ‚хочется побить кого-нибудь, поколотить'. „Въ кровь, до крови расчесать" значитъ: ‚расцарапать кожу, болячку' и т. п. Болѣзнь кожи *чесо́тка* (сыпь на рукахъ) — съ сильнымъ зудомъ.

Тотъ же глаголъ *чеса́ть* употребляется у в-русовъ, съ значеніемъ: ‚приводить въ порядокъ волосы': „гребень чешетъ" (Кольцовъ), „чешетъ кудри гребешкомъ" (народная пѣсня); это значеніе — позднѣйшее.

Въ виду этого можно считать родственными съ сл. *чесати* — сл. *коснѫти, касатисѧ* какъ близкія по звукамъ и по значенію. Но отъ этихъ словъ мы отдѣляемъ сл. коса ‚длинная прядь волосъ', *косма* ‚короткая прядь, клокъ волосъ, шерсти'.

Значеніе сл. *коса*: ‚длинные волосы женщины', ‚волосы заплетенные' – сравнительно – новое. Уменьшительное *коси́ца* у в-русовъ можетъ значить: ‚висо́чные волосы у мущины, висо́къ' (въ былинѣ: „выбилъ око со косицею").

Повидимому, сл. *коса* ‚волосы', какъ и *коса́* ‚орудіе', должно быть связываемо съ прилаг. *косъ*.

Необходимо имѣть въ виду вр. слова, несомнѣнно связанныя съ *косъ*: *кося́къ* ‚одна изъ двухъ досокъ по краямъ двери, окна'; *кося́къ* ‚часть табуна коней'; *коси́нка* ‚платокъ, половина разрѣзаннаго черезъ углы обыкновеннаго платка'; *косу́шка* вина — ‚одна изъ двухъ половинъ бутылки'. Одна изъ двухъ *косъ* женщины составляютъ половину дѣвичьей косы.

Лит. *kasà* ‚женская коса' — несомнѣнное заимствованіе изъ сл.

Съ *чесати* срв. лат. *queror, questus sum* ‚жалуюсь', гдѣ *r* изъ *s*.

22. Вр. *козло́* ‚ямка („лунка") при игрѣ въ шаръ (мячъ)', п. *gzło* ‚чехолъ, футляръ' восходятъ къ *къзло*. Вѣроятно, съ ними родственны ц.-сл. кѫзнь ‚искусство, хитрость, коварство' (первоначальное значеніе: ‚ловушка на звѣря, яма для ловли звѣрей'?); вр. *ку́зовъ, кузово́къ* ‚плетеная корзина', *кужа, кужня́* ‚плетеная корзинка для ловли рыбы'. Срв. гр. *πύξ* ‚на кулаки', *πυγμός* ‚кулакъ', лат. *pugnus* ‚кулакъ', *pugnāre* и т. п.

Отдаленное родство: вр. *куль, кулёкъ* ‚плетеный мѣшокъ изъ мочалы, рогожный'; — *кулёма* ‚западня, ловушка на мелкаго звѣря'; — ст.-р. *чюлъ*, сохранившееся только въ личномъ имени — прозвищѣ; вр. *чулокъ*, изъ *чюлъкъ*, впервые въ документахъ XV в., но изъ Духовной св. Іосифа Волоцкаго нач.

XVI в. видно, что въ это время чулки были уже обычною частью одежды; первоначально: ‚мѣшокъ для ноги, вязаный изъ шерсти, нитокъ‘ и т. п. (безъ пятки); — *чула́нъ* ‚родъ клѣти (Даль), часть избы за перегородкой‘ (первоначально: ‚большой плетеный изъ прутьевъ ящикъ‘?).

Всѣ приведенныя слова могутъ быть родственны съ вр. *ковыря́ть* ‚плести‘ (лапти), *ковыля́ть*, *ковéркать* и др.

23. Имѣя дѣло съ сл. словами, гдѣ теперь звуки *кл*, Бернекеръ только *кълъ* ‚клыкъ‘ и *кълjи* ‚клей‘ возстановляетъ съ *кл-*; всѣ остальныя, и въ ихъ числѣ *клинъ, клубъ, кляпъ*, — имъ возстановляются безъ *ъ* послѣ *k*. Почему?

Выписанныя слова почти неизвѣстны въ древнихъ текстахъ. Мы ихъ знаемъ, главнымъ образомъ, изъ позднихъ русскихъ списковъ съ ц.-сл. оригиналовъ, гдѣ опущеніе *ъ* между согласными — вполнѣ обычное явленіе.

Поэтому мы имѣемъ право на предположеніе, что первоначальные формы этихъ слѡвъ были: къл-инъ, къл-жбъ, къл-ѧпъ, и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ производными отъ **кълъ*, пол. *kieł*. Значенія р. *клинъ* и р. *кляпъ, покля́пый* ‚пригну́тый‘ очень близки къ *клыкъ*.

Срв. съ **кл-жбъ*, р. *клубъ, клубокъ, клубиться* — гр. *κυλίνδω, κύλινδρος* ‚цилиндръ‘.

Тотъ же корень *кл-* въ р. *клопъ*, ‚кусающій паразитъ‘ и въ лат. *culex* ‚комаръ‘?

24. Р. *коровай* ‚большой хлѣбъ‘, между прочимъ, какъ принадлежность свадебнаго пира,[1]) с. и б. *кравај* то же. Связь со сл. *корова – крава* такъ велика, что сомнѣваться въ ней трудно. Да и нѣтъ надобности: большой хлѣбъ на свадебномъ столѣ могъ быть образомъ или замѣною коровы; срв. жареную лебедь (женск. р.!) на этомъ столѣ, которую ,,рушали‘‘ (разнимали на части) новобрачные или ихъ замѣстители.

По образованію, *корова́й* не стоитъ одиноко. Мы имѣемъ мр. фамиліи *Борода́й, Бородаевскій* (рядомъ: ц.-сл. главарь, вр. *носа́рь, уха́рь*), ст.-вр. *воротай* ‚привратникъ, воро́тникъ‘ (новгородская Писцовая книга к. XVI в.: ,,пол-двора Никифоровская воротая‘‘),[2]) ст.-вр. фамилію *Чеботаевъ*,[3]) *молода́й, моло-*

---

[1]) На свадебныхъ пирахъ московскихъ бояръ XVI—XVII вв. коровай былъ такой величины и вѣса, что въ ,,коровайники‘‘, чтобы его нести, приглашались молодые люди наиболѣе сильные (по-двое).

[2]) *Лѣт.* занятій Археограф. Ком., XXIV, 26.

[3]) *Сторожевъ*, Писц. кн. Ряз. края, I, 30.

дайка ,молодой мужъ, молодая жена' (при ц.-сл. вратарь, р. *воротáрь* ,привратникъ', вр. *чеботáрь* ,сапожникъ', вр. *сухáрь* и т. п.). Значеніе *бородай*, повидимому, — однородное съ значеніемъ *носáрь*, т. е. ,человѣкъ съ большою бородою'; значенія *воротай, чеботай,* несомнѣнно, — тѣ же, что *воротарь* и *чеботарь*. Срв. сл. *ратай*, вр. **лѣньтай* (откуда соврем. вр. *лѣнтя́й*), **гольтай* (откуда ст.-вр. *гольтяй,* мр. *гультáй, гільтáй*)[1]) и многочисленные вр. слова (особенно употребительныя въ образованныхъ отъ нихъ прозвищахъ-фамиліяхъ) *Цвѣтáй, Разувáй, Шибáй* и т. п.[2])

Р. *коровáй* можетъ восходить къ древнѣйшему **корвар-*, однородному по образованію съ р. **пьсарь* ,служитель при собакахъ', ст.-р. *гусарь* ,пастухъ гусей' и т. п., но получившему своеобразное значеніе, — если мы имѣемъ дѣло съ диссимиляціею плавныхъ.

25. *Малина* — ,кустарное растеніе съ длинными и тонкими вѣтками, съ алыми (всего чаще) ягодами'. Бернекеръ связываетъ это слово со словами означающими черный цвѣтъ или что-ниб. черное, темное. Безъ надобности. Сл. названіе куста должно быть связываемо съ лат. *malus* ,шестъ, мачта' (по вѣткамъ).

Такъ наз. у русскихъ садоводовъ *черная* малина, съ черными ягодами, — не что иное какъ вр. *ежевúка*, мр. *ожúка* (отъ *ёжь-ожь*); хотя съ собственно-малиной имѣетъ сходство, но обыкновенно отъ нея отличается.

26. Ц.-сл. *мечька* ,медвѣдь', по Бернекеру — уменьшительное отъ *медвѣдь*. Возможно. Русскій языкъ теперь не знаетъ ни *мечька*, ни другихъ словъ съ тѣмъ же значеніемъ, близкихъ по звукамъ. Но названіе рѣки въ средней Россіи Красивая *Меча,* въ своемъ родѣ единственное, получаетъ объясненіе при пониманіи его первоначальнаго значенія: ,медвѣдь'. Срв. названія рѣкъ *Медвѣдица, Бобръ, Вепрь, Тетеревъ, Куръ* и т. п. То же можно сказать о личномъ имени *Мечиславъ* (рядомъ съ именами **Вълкославъ*, **Вълканъ*, **Вълкашинъ* и т. п. отъ *вълкъ*). Форма женск. р. естественна: и теперь еще польскій языкъ знаетъ *медвѣдь* какъ слово женск. р. Въ древности то же было, повидимому, и у в-русовъ.

Распространеніе уменьшительнаго **меча, мечька* становится понятнымъ, когда мы припоминаемъ себѣ роль медвѣдя въ

---

[1]) Срв. лат. nomina agentis на *-ĭtor*.
[2]) О р. словахъ на *-ай* см. наши замѣтки въ РФВ. 1911 г.

древней Руси, какъ предмета народной забавы. Объ ней говорятъ и др.-р. поученія, и „Роксланія" польско-русскаго поэта второй половины XVI в. Клёновича. Послѣдній даетъ такія свѣдѣнія: „Русскіе (въ Галиціи) похищаютъ медвѣжатъ изъ берлогъ въ отсутствіе матери. Они выучиваютъ животныхъ, пока тѣ еще не окрѣпли, по приказу, подниматься на заднія лапы, подражать челоѣческимъ движеніямъ и плясать въ тактъ подъ звуки волынки. Иногда пляски медвѣдей неприличны, и потому женщинамъ и дѣвушкамъ не слѣдуетъ присутствовать при подобнаго рода зрѣлищахъ. Ученыхъ медвѣдей водятъ по разнымъ городамъ, и они очень забавляютъ русское простонародье". Михайло Литвинъ, современникъ Клёновича, говоритъ о русскихъ Литовскаго государства: „Крестьяне, оставивъ поле, идутъ въ шинки и пируютъ тамъ дни и ночи, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку".[1]) Въ настоящее время ученые медвѣди, вѣроятно, большая рѣдкость; но пятьдесятъ лѣтъ назадъ они еще показывались даже въ Москвѣ.

Древнѣйшее слав. названіе медвѣдя намъ неизвѣстно. Почему?

Бернекеръ говоритъ: дѣло въ „эвфемизмѣ". Едва ли. Скорѣе здѣсь передъ нами страхъ, боязнь. Срв. страхъ русскихъ простыхъ людей (особенно жителей сѣверныхъ лѣсныхъ чащъ, береговъ глубокихъ озеръ и т. п.) передъ *чортомъ, лѣшимъ, водянымъ* и т. д. и нежеланіе называть вслухъ эти существа по ихъ подлинному имени, замѣняя послѣднее мѣстоименіемъ *онъ* или эпитетами: *нечистый, немытый* и т. п., чтобы не „накликать" себѣ нежелательнаго свиданія. Такой сильный звѣрь, какъ медвѣдь, долженъ былъ нашимъ отдаленнымъ предкамъ внушать страхъ. Встрѣча съ нимъ одинъ на одинъ въ лѣсной тайгѣ была опасна и для человѣка, и особенно для скота. Чтобы ея избѣжать, употребяли эпитетъ съ значеніемъ: ‚медоѣдъ'.

О древнѣйшемъ слав. названіи медвѣдя мы можемъ говорить на основаніи др.-инд. *ṛkša-*, др.-бактр. *arša*, гр. *ἄρκτος*, лат. *ursus* ‚медвѣдь'. Повидимому, оно до извѣстной степени сохранилось въ названіи хищной *росомахи* (откуда латинск. ученое

[1]) *А. Стороженко*, Польско-лат. поэтъ С. Ф. Клёновичъ (*Кіевск. Унив. Изв.* 1881 г.. кн. 9, стр. 346). Объ ученыхъ медвѣдяхъ въ Московской Руси данныя у *Ал. Фаминцына*, Скоморохи на Руси, Спб. 1889, стр. 118 сл.

rosomacus), животнаго по виду похожаго на медвѣдя, но болѣе слабаго и малорослаго.

27. *Хозяинъ.* По Бернекеру, черезъ посредство чувашскаго языка изъ персидскаго *xōja* ,господинъ'. Это слово, со своимъ мягкимъ *з* на мѣстѣ тюркскаго мягкаго *дж*, не стоитъ въ русскомъ словарѣ одиноко. Всѣ слова (и собственныя имена), перешедшія въ русскій яз. отъ татаръ Золотой Орды, Ногайцевъ, Крымцевъ, имѣютъ это мягкое *з*, конечно, по причинѣ произношенія ихъ съ мягкимъ *з*, *дз* татарами. Чуваши никогда не имѣли сколько-нибудь замѣтной роли въ сношеніяхъ Руси съ Востокомъ и приписывать имъ посредничество между Русью и Персіей нѣтъ основанія.

Русскіе источники (лѣтописи и документы) имѣютъ *хозя* какъ почетный титулъ при именахъ восточныхъ пословъ, купцовъ и т. п. — съ XIV в.

28. Б-ръ, I, 455, соединяетъ вр. и мр. *овинъ* съ бр. *ёвня* ,овинъ'. Но *овинъ* находится въ р. памятникахъ до-монгольскаго періода (Слово Христолюбца и др.), когда Литва была еще слаба, а *ёвня* — сравнительно позднее заимствованіе изъ литовскаго, гдѣ *jauja*; срв. названіе бр. мѣстечка *Евье*, болѣе близкое къ лит. оригиналу, чѣмъ *ёвня*.

29. Подъ **ѣсьнъ* Б-ръ помѣщаетъ сл. *яснъ* (безъ *ь* передъ *н*: такъ свидѣтельствуютъ и ц.-сл. ꙗшнꙗти и т. п. своимъ ш, и др.-р. нотныя книги). Почему? Если не имѣть въ виду глаголич. текстовъ, нигдѣ мы не имѣемъ написанія ѣснъ, какъ не имѣемъ и написанія ꙗснъ (срв. р. *ѣсть* и *ясли, ѣдъ* и *ядъ, ѣзва, ѣзъ* и *язва, язъ*). Не лучше ли возстановлять въ видѣ **jаснъ?*

Москва.

А. Соболевскій.

Замѣтки по славянской морфологіи.

1. *Девяносто.*

Много лѣтъ назадъ на страницахъ »Записокъ« русской Академіи Наукъ появилась небольшая статья чешскаго ученаго Ф. Прусика объ этимологіи р. числительнаго *девяно́сто*. Она была отмѣчена, между прочимъ, въ „*Филологич. Запискахъ*" 1879 г. и вызвала на страницахъ этого журнала другія статьи однороднаго содержанія. Черезъ двадцать лѣтъ Прусикъ перепечаталъ свою статью въ *Zeitschrift'ѣ* Куна (т. XXXV, 1899 г.), съ измѣненіями. Въ концѣ концовъ вопросъ остался открытымъ.

Числительное *девяно́сто* сохранилось (одно изъ слав. числительныхъ для десятковъ) въ архаической формѣ по особой причинѣ. Славяне считали не только по десяткамъ и сотнямъ, но также — вслѣдъ за своими сосѣдями на Востокѣ — по девяти и по девяносту. Древняя Русь сохраняла этотъ счетъ въ историческую эпоху и слѣды его не рѣдки въ памятникахъ.

Въ одномъ изъ др.-р. словъ, обличающихъ язычество въ сѣверной Руси, въ „Словѣ Іоанна Златоустаго" говорится о поклоненіи русскихъ двоевѣровъ „виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихъ же нарицаютъ три 9 сестреницъ". Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тѣмъ самымъ обличеніемъ, которое въ такъ наз. „Словѣ Христолюбца" находится въ другой связи: (вѣруютъ) говоритъ оно, „въ вилы, ихъ же числомъ тридесять сестреницъ".[1]) Гдѣ лучше сохранился прототипъ?

Можно, кажется, сказать рѣшительно, что во второмъ словѣ; что сестреницы, т. е. сестрички, — близкія къ др.-греч. нимфамъ вилы, а не духи береговыхъ камней, важные для плавателей по рѣкамъ, но не поддающіеся счету.

Но каково число вилъ? Три девять или три десять, т. е. 27 или 30?

---

[1]) Пользуемся трудомъ *Е. В. Аничковъ*: Язычество и др. Русь, Спб. 1914, стр. 89, 40.

Древность счета на 9, его связь (какъ сейчасъ увидимъ) съ обрядомъ, его рѣдкость рѣшаютъ вопросъ въ пользу этого числа. Срв. въ вр. сказкахъ постоянное выраженіе: „з*три́дэвять* земель, въ тридесятомъ царствѣ“.

Свадебный чинъ московскихъ бояръ XVI—XVII вв., помѣщаемый въ рукописяхъ при спискахъ Домостроя, нѣсколько разъ пользуется числительнымъ *тридевять*: (для новобрачныхъ) „изготовятъ 3 девять сноповъ ржаныхъ, поставятъ ихъ стоймо и на то коверъ и постелю“, (боярыня держитъ на блюдѣ) 3 девять лоскутковъ розныхъ цвѣтовъ камки и тафты, 3 девять пѣнязей серебряныхъ золоченыхъ малыхъ.[1])

Счетъ по 90 болѣе рѣдокъ. Мы его имѣемъ въ повѣсти неизвѣстнаго по имени Суздальца о пути на Флорентійскій соборъ: „хлѣба 9 проскуръ на грошъ“, „отъ Новагорода до Пскова два 90 верстъ“.[2])

По Прусику, р. *девено́сто,* съ *е* послѣ *в,*[3]) объясняется при помощи греч. и лат. параллелей. Греческій языкъ имѣетъ для 90 — *ἐνενή-κοντα*, что, по Прусику, восходитъ къ **νεϝενή-κοντα*, а латинскій яз. намъ даетъ *nonā-ginta*, изъ **novenā-ginta*.

Не входя въ мелочи, призна́емъ: Прусикъ пошелъ по правильному пути. Но ему не удалось объяснить *о* послѣ *н* под удареніемъ: *девяно́сто*. Латинское *a* въ *nonā-gintă* — правильная форма им.-вин. и. мн. ч. средн. р.; ему должно соотвѣтствовать р. *а,* восходящее, какъ извѣстно, къ *a*; основа въ **девено-* должна быть обычная для прилагательныхъ основа, типа *добръ*.[4])

Но конечное *о* въ *-сто*, **-съто* вполнѣ соотвѣтствуетъ *ă* въ гр. — *κοντα*, лат. *-gintă*.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ образованіемъ отъ основы на согласный звукъ, съ формою им.-вин. п. мн. ч. средн. р. на *ă*. Правда, слав. формы этого падежа *небеса́, врѣмена́, жрѣбѧта* пользуются окончаніемъ *a*; но ученый міръ согласно при-

---

[1]) Домострой, по изданію Забѣлина стр. 173, 176.

[2]) *Малининъ*, Старецъ ... Филоѳей, Кіевъ 1901, приложенія, стр. 82, 77. Счетъ по 9 объясняетъ названіе и сущность др.-р. сбора (пошлины) *осьмничее* и княжескаго чиновника *осьмникъ*. Сборъ этотъ былъ сборомъ девятой части съ осми частей. Счетъ по 90, кажется, еще недавно сохранялся кое-гдѣ въ Россіи.

[3]) Педерсенъ, въ *KZ.* XXXVIII, стр. 387, видитъ въ *я* нѣчто древнее, ссылаясь на др.-р. яз.; но слово *девяносто* является въ памятникахъ др.-р. яз. относительно поздно.

[4]) *Brugmann*, Griech. Gramm.[4], стр. 253, видитъ въ гр. и лат. формахъ позднѣйшее удлиненіе гласныхъ.

знаетъ, что эти формы — новообразованія, что древнѣйшія формы приведенныхъ словъ должны были нѣкогда оканчиваться на *о*. Форма им.-вин. ед. ч. **деся* дошла до насъ въ памятникахъ. Историческое склоненіе славянскаго 10 представляетъ механическое соединеніе склоненій двухъ словъ **деся* и *десять*.

Архаическая форма им.-вин. п. мн. ч. **съто* очень рано совпала съ формою им.-вин. ед. ч. **съто*. Если ее стали понимать какъ форму ед. ч. — могли, для согласованія съ нею, древнюю форму **девена*, мн. ч., замѣнить соотвѣтствующею формою ед. ч. *девено*. Такъ могло получиться р. *девянбсто*.

2. Формы твор. п. ед. на -овь.

Г. Ван-Вейкъ въ *Slavia*, II, 1 (1923 г.) старается обосновать объясненіе формъ твор. п. ед. ч. въ родѣ *женовь*. *ženou* — изъ **ženojǫ*, **ženoǫ*, **ženou*.

Онъ опускаетъ изъ вниманія важныя для него врусск. формы *женовъ* и т. п., извѣстныя по памятникамъ съ XV в, и до нынѣ слышимыя на русскомъ сѣверѣ. Объ нихъ не разъ упоминалось въ научной литературѣ.[1]) Мы предлагаемъ лингвистамъ помнить о греч. формахъ *instrumentalis*'а на -*φι* въ родѣ *βιῆφι*.

Въ этомъ -*φι* можно видѣть сокращеніе *ἶφι* (срв. *ἴφθιμος* сильный, *ἴφιος* сильный, *Ἰφι-κράτης* личное имя). Сл. -*вь*, близкое къ лат. *vis*, мн. ч. *vīres*, гр. *ἴς* ,сила' и др. — какъ-будто синонимъ гр. окончанія.

Во всякомъ случаѣ, говоря о -*вь*, мы должны помнить объ окончаніи нѣсколькихъ мѣстоименныхъ нарѣчій -*ва*: сл. *понева(же)*, вр. *покýдова, однова́* однажды, сл. *едъва — одъва* и др., восходящихъ, повидимому, къ формамъ мѣстн. п. и родственныхъ съ формами того же (?) пад. на -*а*: *дома, вьчера*, р. *однá-жды*, б. *една-ш* и т. п.[2]) Форма **е-ва*, очевидно — форма мѣстоименія *и*.

*3. *Есть.*

Бернекеръ, Sl. Et. Wb. I, подъ *есмь — есть* помѣщаетъ ц.-сл. *естьство* *φύσις, οὐσία* съ его потомствомъ. Несомнѣнно,

[1]) Наши „Лингв. и археол. наблюденія", вып. II. (= РФВ. 1912 г.). Здѣсь указаніе на оставшуюся г. Ван-Вейку неизвѣстною статью Ю. И. Поливки.

[2]) Нѣсколько данныхъ въ тѣхъ же „Лингв. и арх. набл.", вып. III (= РФВ. 1913 г.).

это слав. слово не буквальный переводъ греческаго слова, созданный переводчикомъ, а слово, существовавшее въ языкѣ древнихъ Болгаръ ранѣе знакомства ихъ съ христіанствомъ. Если производить его отъ формы 3 л. ед. *есть* (какъ дѣлаетъ Бернекеръ), это имя должно считаться явленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Посмотримъ на слав. слова съ окончаніемъ *-ьство*.

Рядомъ съ ц.сл. естьство, естьствьнъ, прѣестьствьнъ мы имѣемъ: родьство, божьство, блаженьство, мъножьство, качьство, тождьство, ничьтожьство, собьство и т. п. производныя отъ именъ, причастій, мѣстоименій, тѣсно связанныя съ последними по значенію. Но *естьство* не связано съ формою 3. л. ед. *есть* по значенію; оно значитъ, чаще всего, *φύσις*. Слѣдовательно, должно производить его отъ не дошедшаго до насъ причастія (или отъ глагольнаго прилагательнаго) съ корнемъ *ес-* **естъ*, образованнаго одинаково съ *вѣстъ, ꙗтъ, битъ, крытъ* и т. п.

4. Формы повел. накл. даждь и т. п.

Г. Поливановъ въ *Извѣстіяхъ* отд. р. яз. и сл. Ак. Н., т. XXIV, кн. 2 (за 1919 г.) предлагаетъ свое объясненіе формъ ц.-сл. даждь, ꙗждь, виждь, р. *дажь* и т. д. Онъ видитъ въ этихъ формахъ окончаніе **-dhi.*

Не входя въ разборъ его фонетическихъ объясненій, напоминаемъ о существованіи однородныхъ формъ ц.-сл. хошти, р. *хочь, хошь,* ц.-сл. обрѧшти, р., с., ч. **можь* и др., употребляемыхъ въ значеніи повел. накл., и (особенно въ придаточныхъ предложеніяхъ) изъявит. накл.[1]) Какъ бы мы ни объясняли ц.-сл. даждь, дажди, мы должны имѣть въ виду формы *хощи* и пр. и не оставлять ихъ безъ объясненія.

5. Каждый.

Бернекеръ, I, 675, даетъ объясненіе ч., п. и р. им. ед. муж. р. *кажд-*. По его мнѣнію, *а* въ этомъ мѣстоименіи не что иное, какъ форма им. ед. *женск*. р. Если бы было такъ, мы имѣли бы въ трехъ славянскихъ яз. одинаковую побѣду формы женск. р. надъ формою муж. р., совершившуюся въ каждомъ позже XI—XII в. Очевидно, надо искать для *а*

[1]) Данныя — въ нашихъ „Лингв. и археол. наблюденіяхъ", вып. I (= РФВ. 1910 г.).

другого объясненія. Мы отказываемся его дать. Кстати напоминаемъ о формѣ *когожьдо,* очень рано встрѣчающейся въ русскихъ памятникахъ съ значеніемъ имен. п. ед. ч.[1])

Рядомъ съ неудачнымъ объясненіемъ *а* въ *кажд-* Б-ръ даетъ неудачное объясненіе ст.-пол. *kałżdy:* здѣсь „контаминація" *każdy* и (kto) *koliżdo.* Но *koliżdo* — позднее измѣненіе древняго *колишьды,* негодное для толкованія архаизма. Не лучше ли предположить существованіе у древнихъ славянъ мѣстоименія **каль,* соотвѣтствующаго латинскому *quālis,* синонима къ сл. *кый?*

Москва.

А. Соболевскій.

[1]) Наши „Лекціи по ист. р. яз.", указ.

Аллитерация и ассонанс у Тютчева.

Исследование поэтики Тютчева — интереснейшая проблема, которая поможет нам уразуметь „пафос" творчества художника, его подлинное поэтическое лицо. Совокупность приемов, какими пользуется художник, в большинстве случаев, нагляднее и вернее определяет его поэтическую индивидуальность и его мироощущение, чем анализ идейного содержания его творчества. Связь писателя с литературной традицией постигается полнее и глубже также в результате уяснения способов его мастерства. Мотивы и темы, характерные для данного художника, неотделимы от манеры их словесного выражения В конце концов, то своеобычное и по новому возбуждающее нашу способность поэтического восприятия, что приносит с собой каждое незаурядное поэтическое дарование, определяется не тем, что сказал поэт, а тем, как сказал. Ибо в сравнительном единообразии мыслей и сюжетов, какие бытуют в поэзии, разнообразие и новизна достигаются тем, что высказанное как-будто давно и не раз, высказывается по новому, в иной словесной оболочке, в иной комбинации языковых и стилистических приемов, вызывая неизведанные ряды мыслей, эмоций, представлений. Мысль не только не передаваема, как утверждал Потебня, но и не повторяема. Сказать одно и то же, но в различных словесных формах, значит сказать разное, потому что по разному сказанное отложится в уме того, к кому слово обращено. Вот почему нельзя говорить о содержании вне формы, как нельзя говорить о форме вне содержания. Всякая мысль вещественна, а не бесплотна, и в ней содержание и форма — одно.

Когда будут обследованы приемы поэтического мастерства Тютчева, смысл его творчества тем самым станет для нас яснее. Предлагаемая статья — экскурс лишь в одну область необследованной пока поэтики одного из крупнейших и завлекательнейших мастеров слова, но и этот небольшой и специальный экскурс, как кажется, способен дать кое-что нужное для уяснения поэтической физиономии Тютчева.

Даже при беглом и поверхностном усвоении стихов Тютчева инструментовка их импонирует своим богатством. Особенно это приходится сказать относительно аллитерации. Аллитерируют у Тютчева, главным образом, плавные (р, л), но не только они одни. На аллитерации плавных у Тютчева построен ряд стихотворений, причем аллитерирующие звуки часто проходят через всю пьесу.

В стихотворении „Конь морский" (23)[1]) скопление плавных, преимущественно **р**, преследует цели звукоподражания. Благодаря этому приему нагляднее передается стремительное движение волны. Параллельно с плавными, но не так настойчиво, аллитерируют и другие согласные — **н, к:**

О **р**ья**н**ый ко**н**ь, о ко**н**ь мо**р**ской!
С бледно-зеле**н**ой г**р**ивой,
То сми**р**ный, ласково-**р**уч**н**ой,
То беше**н**о-иг**р**ивый!
Ты буй**н**ым вих**р**ем воско**р**млен был
В ши**р**оком Божьем поле;
Тебя **он** п**р**ядать **н**аучил,
Иг**р**ать, скакать по воле!
Люблю тебя, когда ст**р**емглав
В своей **н**адме**н**ной силе,
Густую г**р**иву **р**аст**р**епав
И весь в па**р**у и в мыле,
К б**р**егам нап**р**авив бу**р**ный бег,
С веселым **р**жаньем мчишься,
Копыта **к**инешь в звон**к**ий б**р**ег
И в б**р**ызги **р**азлетишься.

Особенно богато аллитерирована 5-я строка 2-й строфы:

К **бр**егам на**пр**авив **б**урный **б**ег,

где имеем следующие аллитерационные группы:

бр, пр, бр, б.

Кроме того, в 5-й строке 1-ой строфы аллитерируют **б** и **в**, в 3-й строке 2-й строфы — **г**, в 7-ой строке 2-ой строфы — **к**.

В соответствии с темой стихотворения аллитерирован и „Сон на море" (29): разнообразная и обильная инструментовка этого

[1]) Цитируя стихотв. Тютчева, обозначаем их, для экономии места, цифрой, в соответствии с обозначением их во 2-м издании Маркса (СПб., 1913). Римскими цифрами обозначаем пьесы, помещенные в отделе политических. Переводные пьесы Тютчева оставляем в стороне.

стихотворения стремится передать музыку бушующих волн. Особенно удачны для этой цели следующие строки:

Кругом, как кимвалы, звучали скалы,
И ветры свистели, и пели валы . . .
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

В первой строке обращают на себя внимание подобно звучащие группы **алы, али, алы**, причем, опять-таки в согласии со смысловым значением строк, в первой строке преобладают неётированные гласные. во второй — ётированные, а также **и**:

1. **уоаиаыаиаы**, 2. **иеыиеииеиаы.**

3-я строка, которая по смыслу должна звучать мягко, инструментована на **в** при одном лишь **л** (**р** совершенно отсутствует) и с преобладанием ётированных, а также **и**. 4-я строка также звукоподражательна: она имитирует ропот и завывание бушующих волн, и потому в ней наряду с **в** встречаем **р** и **л**. Здесь схема аллитерирующих согласных такова:

врвлрввлв.

Соотношение гласных звуков, по сравнению с третьей строкой обратное: преобладают ётированные.

Стихотворение „Восток белел . . .“ (65), заключающее в себе образ легко и плавно движущейся ладьи, в которой сидит молящаяся женщина, инструментовано на **в, л, р**:

Восток белел . . . ладья катилась,
Ветрило весело звучало!
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало.

Восток алел . . . Она молилась,
С кудрей откинув покрывало;
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало . . .

Восток вспылал . . . Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые.

Так как, по смыслу стихотворения, ладья движется плавно и легко по спокойному, почти бесшумному морю („Как опрокинутое небо, под нами море трепетало“), то из двух плавных

л (27 случаев) преобладает в пьесе над **р** (8 случаев). Звук **в** встречается здесь в 15-ти случаях, т. е. количество **в** представляет собой почти среднее арифметическое из суммы звуков **л** и **р** Преобладающая гласная, проходящая через все стихотворение — **а** (фонетическое), а самый звук л чаще всего встречается в сочетании с **а**. Это преобладание звука **а** придает стихотворению еще бо́льшую открытость, легкость и плавность. Вообще эта пьеса, построенная по принципу параллелизма образов, изобилует элементами музыкальности, благодаря, между прочим, обилию рифм. В ней рифмуются не только концы строк, но и середины („Восток белел — Восток алел“). Вторая строка пе́рвой строфы заключает в себе не только аллитерацию, но и ассонанс:

Ветрило весело звучало.

Звуки арфы в ст. „Арфа скальда“ (82) также звукоподражательно переданы скоплением **л** и **р**. Унылому и мечтательному характеру стихотворения соответствует, кроме того, ассонанс на **у**

О, арфа скальда, долго ты спала
В тени, в тиши забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул,
Иль старину тебе он вспомянул,
Как по но гам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев?
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользит незримый шаг?

Звукоподражательный характер имеет аллитерация плавных и в тех стихотворениях, в которых изображается гроза: „Весенняя гроза“ (30), „Успокоение“ (45), „Гроза дорогой“ (96), „Как весел грохот летних бурь“ (120). Для этих пьес характерны еще часто встречающиеся сочетания **гр**, **бр**, **пр**, имитирующие грохот грома. Особенно характерно в этом отношении стихотворение 30-е:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам.
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила.

В стихотв. 96 изображается приближение и начало грозы, когда раскаты грома чередуются со свистящими шумами ветра. Поэтому здесь, помимо аллитерации плавных, очень часто в соединении с губным **п**, находим аллитерацию на **с**, **з**:

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля . . .
Чу! за тучей прогремело,
Принахмурилась земля,
Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой . . .
Зеленеющие нивы зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя;
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.
Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.
Солнце раз уже взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сияньи потонула
Вся смятенная земля.

В стихотв. 120, сверх аллитерации плавных, присутствует и ассонанс на **у** (на 16 строк четырехстопного ямба **у** — 19 раз). Такое обилие звука **у** легко объясняется тем, что в стихо-

творении рисуется гроза-ураган, когда шумят деревья и воет ветер:

Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь,
И опрометчиво безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно! и т. д.

Через стихотв. „Слезы“ (104) проходит аллитерация на л, подражающая падению капель дождя. Элемент звукоподражания усиливается повторением глагола льетесь. Последняя строка стихотворения:

В осень глухую, порою ночной,

содержащая в себе большинство неётированных гласных (о, у), заключает всю пьесу жутким, безрадостным аккордом.

Волшебная картина спящяго лунной ночью Рима („Рим ночью“, 106) настраивает поэта музыкально, и внешним образом это опять-таки выражается в аллитерировании всего стихотворения плавными. Особенно хорошо инструментована 1-я строка 1-ой строфы:

Как сладко дремлет Рим в ее лучах . . .

Тютчев любил осень, и она также должна была внушать ему музыкальные переживания, „Осенний вечер“ (87), „Обвеян вещею дремотой . . .“ (114), „Есть в осени первоначальной . . .“ (148), „Осенней позднею порой“ (151) — аллитерированы плавными. В стихотворения 148 обращают на себя внимание следующие строки:

1. Блестит на праздной борозде.
2. Пустеет воздух, птиц не слышно боле,

где находим следующие созвучные группы:

блст, прзд, брзд, пст, зд, пт, бл.

Ср. в той же пьесе такие слова, как *первоначальной, пора, прозрачный, бодрый, серп, простор, первых, бурь* — обильно уснащающие ее сочетаниями *пр, бр.*

В стихотв. 151 повторяющаяся группа *не* усиливает ощущение *неги:*

В какой то неге онеменья
Коснеют . . .

Аллитерация плавных присутствует и в пьесах „Сей день, я помню, для меня . . .“ (45) и „Она сидела на полу . . .“ (150). Лучше всего инструментованы следующие строки:

Все жарче рдея и горя . . . (45) и
Брала их в руки и бросала . . . (150)

Для стихотв. „14 июля, в ночь“ (122) характерна аллитерация на **з** и **н**. Благодаря обилию **з**, усиливается ощущение тревоги и нервности, что соответствует теме стихотворения, а звук **н** гармонирует с заглавным словом *ночь:*

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала,
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
От зарниц все трепетало.

Словно тяжкие ресницы
Разверзалися порою,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались над землею.

Стихотв. „Сияет солнце, воды блещут (119), возбуждающе бодрое, насквозь проникнутое радостью весны, аллитерировано на **п** и **б**, в соответствии со словами *поют* и *блещут*. Кроме того, через все стихотворение проходит ассонирующее у (ю), в униссон со словами *улыбка* и *упоение*:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей.

В стихотв. 68 аллитерируют звуки **ст**, **т**:

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,
И на солнце, нежась, блещет
И смеется над тобой.

Стихотв. „Поэзия“ (99) аллитерировано на **с** и **н**:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих зыбей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре.

В обоих последних примерах аллитерируемые звуки не находятся в связи с темами стихотворений: в этих случаях преследуется лишь задача учащенного повторения одинаковых звуков в целях чисто музыкальных.

Помимо тех случаев, когда аллитерация (и ассонанс) определенных звуков проходят через всю пьесу, у Тютчева очень часты случаи инструментовки отдельных строк и строф. В большинстве случаев здесь не приходится искать соответствия характера инструментовки со смысловым значением строфы или строки, но все же такое соответствие встречается далеко не редко.

Приведем примеры.

Оратор римский говорил
средь бурь гражданских и тревоги (54).

В этой упругой, резкой инструментовке на **р** слышится энергичная речь римлянина Цицерона, говорящего в пору гражданской непогоды.

Строки —

Лил теплый летний дождь, его струи
По листьям весело звучали (ст. 169),

благодаря скоплению **л** имитируют падение капель дождя.

Частым повторением той же плавной передается впечатление мерного плаванья:

За **льд**иной **льд**ина вслед **пл**ывет (22),
Плывут златые облака (76),
Золотистые их волны,
Убеленные луной (95).

При помощи той же плавной, звука **п** и размера стиха (амфибрахий) внушается впечатление пляски:

Как **пл**яшут **п**ылинки в **п**олдневных лучах (33).

Отважное, бесстрастное плаванье передается стечением плавных **р** и **л** и групп **пл**, **пр**, **бр**:

Он гордо **пл**ыл, **пр**езритель волн (IV),
К **бр**егам на**пр**авив **бур**ный бег (23).

Суровый и вместе страстный оттенок принимают следующие строки благодаря повторению группы **пр**:

Не**пр**авый **пр**аведен у**пр**ек (20),
И снова **пр**ав **пир**ующий **п**алач (XXXII).

Впечатление музыкальных шумов передается стечением звуков **с**, **з**, **ш** и группы **стр** в строках:

И **стр**ойный мусикийский **ш**орох
Струится в зыбких камышах (177).

Строки:

Зима не даром **з**лится (19) и
Вз**б**есилась ведьма **з**лая (19)

повторением **з** внушают впечатление злобы, с которой ополчается зима на сменяющую ее весну.

В пьесе „На кончину Пушкина" (75) Тютчев с негодованием и ненавистью говорит об убийце поэта, и чувства эти внешне переданы скоплением **с** (и **з**):

Из чьей руки **с**винец **с**мертельный
Поэту **с**ердце рас**терз**ал?
Кто **с**ей божественный фиал
Разрушил, как **с**о**с**уд **с**кудельный?

Те же согласные в соединении с **р** передают старческое раздражение по поводу успехов молодого поколения:

И **стар**ческой любви по**зор**ней
Сварливый **стар**ческий **задор** (191)

Впечатление пожара, когда слышен треск и грохот, передается повторением групп **тр**:

Треск за **тр**еском, дым за дымом,
Трубы голые **тор**чат (140).

Ощущение сладострастного трепета сообщается повторением групп **тр, пр** и согласной **с**:

И **с**ладкий **тр**епет, как **стр**уя,
По жилам **пр**обежал **пр**ироды (34).

Похоже, но не совсем сходно, передается ощущение трепета беспокойного, пугливого:

В**др**уг все **с**мутилось, **с**удо**р**ожный **тр**епет
По ветвям кипа**р**исным **пр**обежал (80).

Во втором примере, кроме групп согласных **тр, пл,** находим повторение группы **др.** В первом примере второе **с** (в слове *струя*) дополняет впечатление умиротворяющего и ласкающего слух слова *сладость*, во втором — все **с**, в соответствии со словом *судорожный,* вызывают ощущение сдавленности, придушенности, испуга. То же ощущение беспокойства вызывается ассонирующим **у**.

Так же искусно аллитерированы и следующие строки:

Пощады нет, прот**есты нестерпимы,**
Их приговор смыкает всем уста (198).

Сочетание звуков *пр, тр, ст, п, т* — производят впечатление резкости и категоричности утверждения, а в сочетаниях *см, вс, ст* — чувствуется та же придушенность и сдавленность, что и в предыдущем примере.

В следующих строках из пьесы „Море и утес“ (VI) подбор согласных (и гласных) обусловлен целями звукоподражания. Все стихотворение написано в быстром, энергичном темпе четырехстопного ямба. Две первые строки, составленные сплошь из глаголов

И бунтует, и клокочет,
Плещет, свищет и ревет —

последовательностью звуков — *бу, кло, ко, пл, св, рв* — передается впечатление разбушевавшейся морской стихии. Так же удачны в звуковом отношении и некоторые другие строки той же пьесы:

Под клокочущим котлом . . .,
Волн неистовым прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой.

В строках:

Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой —

слышится завывание волн (звуки *ов*, *во*), разбивающихся о преграду утеса *(гр)*.

Приведенными цитатами не исчерпываются случаи аллитерации, наблюдаемые в стихотворениях Тютчева: таких цитат, и притом очень показательных, можно было бы привести еще немалое количество. Не делаю этого из-за экономии места. Приведу для образца лишь некоторые строки, где аллитерирующие звуки стоят в начале слов, притом рядом стоящих (частью такие строки встречались выше):

Рисует радуги живые (5)
Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит (5)
Он их высоких зрелищ зритель (54).
Молчанье мертвое тревожит (54).
Мы смотрим с трепетом тревожным (171)
Я видел вечер твой (130)
Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим (128).
Первый праздник всеславянства
Приношеньем будь тебе (V).
. . . Струна
Слезами скорби смочена (15)
Сладкий сумрак полусонья (110)
И словно скрытой страстью рдея (XXV)
Стыдливостью страданья (87)
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви (85).
Волшебную близость, как бы благодать... (33)

и т. д., и т. д.

В двух пьесах подряд несколько строк начинаются с одного и того же звука:

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой;
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью (100)

День — сей блистательный покров,
День — земнородных оживленье,

Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов (79).

Приведенные цитаты убеждают в том, что у Тютчева, как и у большинства русских поэтов, чаще всего аллитерируют плавные или в чистом виде или — реже — в соединении с другими согласными звуками. Аллитерация плавных — звуков сонорных — наиболее свойственна русскому языку, и она, естественно, должна была занять преобладающее место в пьесах Тютчева.

Выше приходилось нам неоднократно встречаться с образцами ассонанса, который в ряде стихов Тютчева сопутствует аллитерации. В предыдущих примерах первенствующую роль играла аллитерация, ассонанс же был, в известной мере, элементом привходящим. В дальнейшем мы встретимся или с обратным явлением — преимущественного пользования ассонансом при употреблении и аллитерации, как подсобного приема, или с фактом равноправного существования обоих видов инструментовки стиха.

Обратимся к материалу.

Пьеса „Сумерки“ (17) написана приемом соединения ассонанса и аллитерации, которыми особенно богаты первые четыре строки стихотворения:

Тени си́зые смеси́лись,
Цвет поблекнул, зву́к усну́л,
Жи́знь, движенье разреши́лись
В су́мрак зыбкий, в дальний гу́л.

Первая строка заключает в себе ассонирующее **и** и аллитерирующее **с**. Дважды выступает группа **си**. В третьей строке также присутствует ассонанс на **и**. Во второй и четвертой строках — ассонанс на **у**, имитирующий глухие голоса надвигающейся ночи и, вместе со звуком **с**, развивающий звуковую тему с у м р а к а. Ассонирующие **и** и **у** чередуются между собой.

В двух первых и в предпоследней строках второй строфы тот же ассонанс на **у** и аллитерация на **с**:

Су́мрак ти́хий, су́мрак сонный,
Лейся в глу́бь моей души́...
Дай вкуси́ть уничтоженья...

В последней строке —

С ми́ром дремлющим смешай...

находим аллитерацию группы **см** и звука **м**. Эта замыкающая аллитерация опять-таки подчеркивает заглавие и тему стихотво-

рения — *сумрак*. Довольно часто в пьесе и ударяемое *е*, но оно не играет в ней роли ассонирующего звука в той мере, как *и*, *у*.

Общая схема ударяемых *и*, *у* в этом стихотворении такова:

и—и
у—у
и—и
у—у
у—и—у
у—и
и
и

В стихотворении „О чем ты воешь, ветер ночной?“ обращает на себя внимание ассонанс на **у** и **о** (ё фонетическое). При посредстве этих звуков передается завывание ветра:

О чём ты во́ешь, ветр ночно́й,
О чём так сету́ешь безу́мно?
Что значит странный го́лос тво́й,
То глухо жалобный, то шу́мный?
Понятным сердцу языко́м
Твердишь о непонятной му́ке,
И ноешь, и взрываешь в нём
Поро́й неистовые зву́ки!

. . . .

О, бу́рь усну́вших не буди!

В стихотв. „Ночные голоса“ (53) **у** передает ночной гул:

. . . тру́д усну́л;

. . . .

Просну́лся чу́дный, еженощный гу́л . . .
Отку́да он, сей гу́л непостижимый?

В следующих строках ассонанс на **у** удовлетворяет, главным образом, требованию звуковой симметрии: **у**лыбка **у**вяданья (87), **у**лыбка **у**миленья (119), **у**лыбка **у**ст (128), с **у**частьем **у**миленным (114), злак **у**вянет и **у**йдет (61), но долго зв**у**к не**у**ловимый зв**у**чит . . . (152) и т. д.

Во многих случаях в отдельных строках стихотворений Тютчева наблюдается соединение аллитерации и ассонанса таким образом, что встречается по несколько одинаковых соединений гласного и согласного звуков, причем самое расположение подобно звучащих звуков является в ряде случаев симметричным:

Дымно — легко, мглисто — лилейно (18) (ле-ли-ли-ле)
Полуденный **лу**ч задремал на **полу** (33) (палу-лу-палу)
Во мгле **полу**денной **почил** (41) (л-па-л-па-л)
Мысль (вар. *жизнь*), как **подстреленная птица**,
Подняться хочет . . . (172) (пад-п-пад)
И в **ней** какою **негой веет**
От каждой **ветки** . . . (146) (не-не-ве-ве)
И **ненароком**, **на**лету,
Набресть **на** свежий дух си**не**ли . . . (24) (не-на-на-на-на-не)
Вдруг про**свет**леют **огнецветно**
Их **непорочные снега**:
По **ним** проходит **незаметно**
Небесных анге́лов **нога** . . . (173) (ве-не-ве-не-не-н-не-н-не-н-н-н)
Воздушная **воз**двиглась арка . . . (184) (ваз-ваз)
Или **оптическим обманом**
Ты **обличишься** навсегда? . . . (XXXI) (ап-аб-аб)
И пред душой, **тоской томимой** . . . (152) (та-та)
Давно **забвеньем занесло** . . . (39) (за-за)
Пускай **стра**дальческую грудь
Волнуют **страсти** роковые . . . (144) (стра-стра-ра)

Таковы те разнообразные способы музыкальной изобразительности поэтической речи, какие находим в пьесах Тютчева. Приведенным анализом далеко не исчерпывается все богатство инструментовочных приемов в поэзии одного из наших величайших лириков: отмечено лишь типичное и основное: показать качественные перспективы казалось мне важнее, чем количественные.

По силе и разнообразию своей звукописи Тютчев выделяется среди поэтов — своих современников. В этом отношении тютчевская стихотворная строка богаче пушкинской.

Свое искусство воплощения музыкальной стихии в слово Тютчев унаследовал от немецких романтиков, с которыми у него явная и органическая связь. Его учителя стремились к музыкальному импрессионизму, полагая, что искусство музыки выше и значительнее искусства слова. Они предвосхитили и в большой мере осуществили то требование, которое позже предъявил к поэзии Верлен: „Музыка прежде всего.“ Воспитывая свой вкус на материале романтической поэзии, Тютчев сам стремился приблизить слово к музыке. Отсюда его пристрастие к аллитерации и ассонансу.

Москва, 22. X. 1923.

Н. Гудзий.

Źródła Ewangelji Peresopnickiej.

1. Stosunek kościoła zachodniego i wschodniego do przekładów pisma św.

Kościół chrześcijański w początkach swego rozkwitu sprzyjał wszelkim tłumaczeniom pisma św. na różne języki. Legenda o żywocie Konstantyna (Cyryla) wylicza kilkanaście tłumaczeń znanych w wieku IX., ale z nich oprócz przekładu greckiego[1]) i łacińskiego zachowały do dziś pamięć o sobie tylko koptyjski, gocki, syryjski, ormiański i gruziński przekład, inne zaś poszły w zapomnienie.[2]) Od końca dziewiątego wieku zaczęto jednak na zachodzie uważać, że pismo św. może być spisywane tylko w trzech językach: hebrajskim, greckim i łacińskim, gdyż w nich tylko umieszczony był napis na krzyżu. Występowano więc gorąco przeciw tłumaczeniu pisma św. na język cerkiewny, a potem także przeciw innym, n. p. w końcu XII. w. na wyraźny rozkaz papieża spalono kilka przekładów francuskich.[3]) Carogród również wystąpił z czasem przeciwko językowi cerkiewnosłowiańskiemu w piśmie św., o czem wiemy z apologji mnicha Chrabra (X. w.),[4]) ale język ten był tutaj już tak silnie ugruntowany, że w kościele wschodnim musiano go uznać na równi z greką.

Tymczasem na zachodzie długi czas panowała prawie wyłącznie łacina. Zaczęły ją podkopywać dopiero reformy Wiklefa i Husa, a szczególnie Lutra i Kalwina. Ci ostatni bowiem pociągnęli za sobą bardzo znaczny odłam chrześcijan szczególnie dlatego, że przemawiali do mas i pisali pięknym językiem ojczystym. Owi reformatorzy religijni, w pogoni

---

[1]) Na język grecki przełożono biblję tylko, gdyż za podstawowy tekst ewangelij uchodzi, jak wiadomo, tekst grecki, choć ewang. Mateusza pierwotnie była napisana w języku hebrajsko-aramejskim.

[2]) *F. Pastrnek*, Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda, Praha 1902, str. 83.

[3]) Gaston *Paris* La littér. franç au Moyen Age, str. 202.

[4]) Krytyczne opracowanie licznych redakcyj wraz z kilku tekstami traktatu „О писменехь чрьноризца Храбра" wydał *V. Jagić* (Изслѣдов. по русскому языку, I: СПтб. 1885—95, str. 297 i n.).

za pozyskaniem zwolenników, dają w ręce szerokich warstw pismo św. tłumaczone na język ojczysty, każą im je czytać i myśleć samodzielnie o swem sumieniu i zbawieniu. Pod naporem zwycięskim tych prądów ustąpił w końcu Rzym z pozycji wrogiej wobec tłumaczeń pisma św. na różne języki, a chociaż ich zbytnio nie popierał, to w każdym razie nie zwalczał tak ostro jak przedtem. Z czasem zaś nawet duchowni katoliccy przestali się ograniczać do używania języka szerokich warstw w pouczaniu tylko i w rozprawach religijnych z nowatorami, ale sami postanowili dać poprawny przekład pisma św., aby tem skuteczniej zwalczać postępy reformacji.[1]) Zaczął się więc w XVI. wieku żywy ruch piśmienniczy w całej Europie zachodniej, a potem także w Polsce i wreszcie w jej prowincjach wschodnich, na Litwie i Rusi.

Na kresach wschodnich jednak stosunki religijne i językowe były bardziej zawikłane, niż na zachodzie Polski, gdyż walka z akatolikami splata się tu ze sprawą o unję kościelną cerkwi wschodniej z Rzymem, a nadto z problemem unji politycznej. Tutaj, na kresach wschodnich Polski, wśród wyznawców prawosławia panującym był w kościele język cerk.-słowiański, którego, oprócz innych Słowian wschodnich, używali także Słowianie południowi z małemi wyjątkami, a wreszcie nawet Rumuni. Opierał się on skutecznie naciskowi języków żywych ze względu na swe blizkie pokrewieństwo z niemi, a w związku z tem także łatwo się utrzymał u Rumunów. Cerkiewszczyzna więc miała na wschodzie Europy o wiele korzystniejsze warunki do opanowania całego piśmiennictwa, niż łacina na zachodzie, i dzięki temu wyszła z walk, które się

---

[1]) Nowe zapatrywania na przekład pisma św. widzimy w biblji ks. *Wujka* który tak mówi; „Nie jest potrzebna do wiary ani do zbawienia mieć i czytać biblją w swoim przyrodzonym pospolitym języku ani też tak rzecz zakazana, żeby sie niemiało godzić" (*Wujek*, rozdz. 8 wstępu, pt. O bibljach polskich i innych pospolitych języków). Poprzednio jednak panowały poglądy inne, a dopiero ruchliwość innowierców wpłynęła na to, że duchowieństwo katolickie zaczęło w tej sprawie zajmować stanowisko bardziej tolerancyjne. O zwalczaniu tłumaczeń polskich świadczy brak większych zabytków z tekstami pisma św. z czasu przed połową wieku XVI., a te które dziś mamy (Psałterz flor., B. Zofji) zachowały się na obczyźnie. Por. też wstęp do biblji Leopolity. Uwaga Małeckiego, że wymienione tam zarzuty *Szarffenbergera* nie mogą się odnosić do duchowieństwa, gdyż w takim razie on „byłby się miał z pyszna", nie zupełnie przekonuje, trudno bowiem sądzić, aby biskup i kapituła krakowska chętnie zgłaszali się jako adresaci do wypowiedzianego bezimiennie zarzutu, że w pracy przeszkadzali ci, którzy „sumienia mało mają". Ponadto czasy Zygmunta Augusta były już inne, niż Zygmunta I., z których pozostał tylko polski drukowany lekcjonarz, zachowany bez początku i końca.

toczyły w XVI. wieku, zupełnie zwycięsko. Początkowo jednak, kiedy nowe prądy religijne dotarły na Ruś, t. j. w drugiej połowie XVI. wieku, obrońcy prawosławia tak silnie pogrążeni byli w walce z unją kościelną, że nie bardzo stronili od innowierców polskich, a nawet korzystali z ich pomocy w walce z kościołem katolickim, a dzięki temu żywy język ruski uzyskał krótkotrwałą sposobność do przebudzenia się i utrwalenia się w piśmie. Jednym z takich wybitnych sprzymierzeńców dyzunji był n. p. Marcin Broniewski, który pod pseudonimem Filaleta, zwalczał kś. Skargę (Apokrisis).[1]) Dziwny ten i nienaturalny sojusz prawosławia z innowierstwem polskiem dawał więc podwalinę do rozwoju języka ruskiego, gdyż sektanci polscy stali zawsze po stronie żywego języka szerokich mas, idąc w tej sprawie śladem prądów zachodnich, aby tem łatwiej i szerzej wszczepić mogli swoje poglądy. Nawet Konstanty Ostroski, wódz prawosławia ówczesnego w Polsce, dzięki ich wpływom skłonny był do porzucenia kostniejącego i słabo rozumianego języka cerkiewnego na korzyść mowy bardziej dostępnej, a od innowacji powstrzymał go jedynie głos Kurbskiego. Istniały więc w Polsce nowe bodźce i warunki, aby język ruski przejawił się w piśmiennictwie, jednak na zawadzie w jego rozwoju stanęła nie tylko blizkość jego do martwej cerkiewszczyzny, ale też brak światłych obrońców. Rusini bowiem ówcześni podzieleni byli na dwa obozy zaciekle się zwalczające, na zwolenników unji i przeciwników jej, obrońców czystego prawosławia. Pierwsi dążyli do jedności z Rzymem i skłonni byli razem z katolikami uznać raczej wyższość łaciny, niż język ludowy, drudzy zaś otwarcie i gorąco bronili języka cerkiewnego, gdyż widzieli w nim jedyne źródło dla utrzymania nieskażonej czystości prawosławia. Mnich Jan Wyszeński, bardziej gorący, niż patrzący w dal obrońca ortodoksji, zwalczał nie tylko unję, ale też język „prosty" i wołał do swych ziomków: „Книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, евангелія и апестола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте!" Dopuszczał on używanie mowy żywej — podobnie jak to robił od dawna kościół rzymski — tylko przy nauczaniu wiernych, nie zaś w liturgji: „По литургіи же для вырозумѣнья людского

[1]) J. *Tretiak* Piotr Skarga w dziejach i liter. unji brzeskiej, Kraków 1912, str. 180 i n.

по просту толкуйте и выкладайте."[1]) Naturalnym skutkiem powyższych dążności było zaniedbanie języka ruskiego, wszechwładne zapanowanie języka cerkiewnego lub mieszaniny „sławieno-ruskiej", szczególnie od czasu wydrukowania biblji w Ostrogu (1580 r.). Jednak rozwijające się w Polsce prądy reformacyjne nie pozostały bez śladu dla rozwoju języka ruskiego. Pominąwszy bowiem oparty na polskiem tłumaczeniu Sz. Budnego przekład ewangelji, który wykonał Tiapiński, gdyż przekład ten należy do zabytków piśmiennictwa białoruskiego, możemy zaliczyć tutaj socyńjańskie tłumaczenie Nowego testamentu przez Negalewskiego,[2]) a szczególnie musimy tu zaliczyć starszy od obu poprzednich przekład syna protopopa Michała Wasylewica i archimandryty Grzegorza, znany przeważnie pod nazwą ewangelji Peresopnickiej, rzadziej Peresopnicko-dworzeckiej. Nadmienię tu mimochodem, że przekład Negalewskiego (1581 r.), w którym mniej więcej w połowie odbija się element ruski, w połowie białoruski, do tego stopnia niewolniczo się trzyma polskiego tekstu Czechowicza (z 1577 r.), że niektórzy uczeni (Koczubiński) odmawiali mu wszelkiej wartości dla poznania języka ruskiego, niezupełnie jednak słusznie, jak dowiódł później Nazarewski,[3]) który tekst ten rozpatrzył dokładnie pod względem językowym.

Największe znaczenie jednak dla dziejów języka ruskiego posiada bezprzecznie ewangelja Peresopnicka, napisana w latach 1556—1561, którą również trzeba zaliczyć do dzieł, powstałych pod wpływem ówczesnych nawatorskich prądów religijnych w Polsce. Wprawdzie sam Michał Wasylewic, tłumacz tego zabytku, twierdzi, że przekładał z „азыка блъгарского на мовоу роускоую", ale faktycznie miał on przed sobą napewne także tekst polski, chociaż, co prawda — korzystał z niego zupełnie inaczej, niż z Czechowicza Negalewski, który niezgodnie z faktami twierdził, jakoby się opierał również na dawnych tekstach greckich.[4]) Zanim jednak podam nowe

[1]) Акты Ю. и Зап. Рос. II. 210; Харлампович Западнорусск. православн. школы XVI и XVII в. str. 424. Por. też *Charłampowicz*, Polski wpływ na szkolnictwo ruskie w XVI. i XVII. stol. Wydanie i wstęp A. *Wanczury*, Lwów, 1924.

[2]) Piszę *g* nie *h*, gdyż tak się sam autor podpisywał: Некгалевскій.

[3]) Назаревскій Языкъ евангелія 1581 г. въ переводѣ Негалевскаго. (Извѣст. Кіевск. Универс. 1911, nr. 8, 11, i 12).

[4]) Por. Извѣст. Кіевск. Унив. 1911 t. 8. str. 17 i n.

oświetlenie stosunku ewangelji Peresopnickiej do polskich tłumaczeń pisma św., przedstawię krótko historję jej opracowań w literaturze ruskiej jakoteż nadmienię parę szczegółów o stronie zewnętrznej tego zabytku.

2. Ewangelja Peresopnicka.

E. P., własność bibljoteki semin. duchownego w Połtawie, zawiera pełny tekst czterech ewangelij i mieści się w kodeksie pergaminowym bardzo obszernym, bo liczącym 960 stron dużego formatu. Kodeks napisany jest bardzo pięknem i wyraźnem pismem, zbliżonem do t. zw. ustawu,[1]) a tylko notatki, które się mieszczą w końcu poszczególnych ewangelij i podają wiadomość o samym pisarzu, nakładcy itd., pisano literami mniejszemi. W kodeksie tym znajduje się cztery rysunki przedstawiające ewangelistów i sporo ładnych inicjałów. Dzięki temu, że całość została wykonana bardzo pięknie, kodeks przedstawia się jako najcenniejszy zabytek ruski nie tylko pod względem języka, ale też pod względem artystycznym, gdyż odbija się w nim wyraźny rozkwit renesansu.[2]) Już ta bogata strona zewnętrzna wskazuje, że przekład i rysunki EPej wykonano nakładem jakiejś osobistości bardzo zasobnej, a ze wspomnianych wyżej zapisów w tekscie wynika, że była nią Nastazja, córka Jerzego Holszańskiego,[3]) a żona Kuźmy Zasławskiego, a więc osoba należąca do znakomitego rodu Holszańskich, z którego pochodziła też czwarta żona Władysława Jagiełły, Zofja Holszańska, matka pierwszych Jagiellonów, Władysława Warneńczyka i Kazimierza. Z tychże notatek w samym zabytku wiemy, że pisał go protopop (lub raczej syn protopopa sanockiego) Michał Wasylewic w monasterze Troicko-dworzeckim, a skończył go tenże Michał w Peresopnicy za archimandryty Grzegorza i przy jego udziale, którego charakter trudno bliżej oznaczyć.

---

[1]) *Gruzinski* poświęca kwestji pisma sporo miejsca, ale nie rozstrzyga jej jasno (Журн. М. Н. Просв. 1912 nr. 3, t. 38, str. 327).

[2]) А. Грузинскiй, Пер. Ев. какъ памятникъ искусства эпохи возрожденія въ южной Россіи въ XVI. в. (Искусство, Kijów 1911).

Por. też Павлуцкiй, Орнаментъ П. Е. (ibid. nr. 2). Streszczenie swych wyników podał Gruzinski w pracy wymienionej wyżej pod 1), str. 329—335.

[3]) *K. Pułaski*, Książęta Holszańscy (Przegl. bibliogr.-archeol. t. III. wyd. Wilanowskiego, Warszawa, 1882). Por. też Rodzina, herbarz szlachty polskiej. t. V. 164. Warszawa, 1908.

Pomijając drobne wzmianki *Bodianskiego*[1]) i *Dumitraszki*[2]) o tym rękopisie, zatrzymam się krótko przy opracowaniu EP.-ej przez *Żyteckiego.*[3]) Podał on zwięzły opis cech paleograficznych i językowych, przedrukował ewangelję Łukasza (z opuszczeniem genealogji Chrystusa), kilka drobnych wyjątków z Mateusza, Marka i Jana, wszystkie zapiski o kodeksie i cztery strony wzorów pisma. Wywody swoje o pisowni streszcza następująco: „Wyraża ona (pisownia) jasno właściwości narzecza małoruskiego w średniem stadjum jego rozwoju, tworzy pomost między wiekiem 14., 15. a 16. i 17. Przestudjowanie zabytku tego pod względem fonetycznym, leksykalnym i syntaktycznym mogłoby doprowadzić do wyników bardzo cennych, rzuciłoby snop światła na wiek 14. i 15., które z powodu burzliwych czasów przedstawiają się zupełnie zagadkowo."[4])

Tłumaczenie EP-ej wykonano, zgodnie z tendencją ówczesnych reformatorów religijnych, w celu udostępnienia pisma św. szerokim warstwom czyli, jak sam tłumacz mówi, „**длѧ́ лѣ́пшого вырозоумленѧ̀ людоу посполитого**". Jednak język przekładu przedstawia pstrą mozaikę elementów różnorodnych, a Żytecki wyjaśnia fakt ów tem, że tłumacze, mimo najszczerszych chęci pisania językiem zrozumiałym, musieli robić ustępstwa panującej wtedy mowie słowiańskiej (cerkiewnej), nie mogli też uwolnić się od wpływu języka polskiego, a za jego pośrednictwem także czeskiego.[5]) Zapewne nie przypuszczał on, by pisarze EP-ej korzystali z gotowego przekładu polskiego ewentualnie czeskiego, a zaufał własnemu ich zapewnieniu, że przekład zrobiono „**изь ꙗзыка блъгарского̀ на мовоу роуськоую**".[6]) Z streszczonych wyżej słów Żyteckiego wynika, że język polski wpływał hamująco na rozwój języka ruskiego. Twierdzenie takie jest mylnem, w tym wypadku bowiem sprawa miała się napewno inaczej, niż zwykle, gdyż właśnie dzięki znajomości polskiego i opierając się o tekst polski, odważyli się tłumacze po raz pierwszy na pewne dosyć

---

[1]) Журн. Мин. Н. Просв. 1838 кн. V.

[2]) Думитражко, Замѣчательн. рукоп. Полтавской семин. Перссопн. еванг. 1874,

[3]) Житецкій П. Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Kijów 1876 (= Odbitka z „Трудовъ 3-го Археологическ съѣзда", 1878).

[4]) Op. cit. 9

[5]) *Żytecki*, op. cit. 3. Por. też prof. *A A. Kryński*, Wielka encyklop. pows ilustr. t. 7/8, str. 706.

[6]) Ibid. str. 22.

znaczne odstępstwa od uświęconego przez cerkiew języka słowiańskiego i wprowadzili do pisma św. element ruskiej mowy żywej. Ten dodatni wpływ języka polskiego okaże się jasno z rozpatrzenia stosunku EP-ej do tekstów polskich, które podam niżej, ale przedtem nadmienię krótko o późniejszych od Żyteckiego badaczach tego zabytku.

Kamanin a początkowo także *Gruziński* zwalczali autentyczność EP-ej. Przypuszczali oni, że zachowany dziś kodeks jest odpisem, sporządzonym z zaginionego już oryginału na rozkaz hetmana Ukrainy J. Mazepy, który odpis ten ofiarował jako autentyk do cerkwi biskupów perejasławskich. Kamanin uważał EP. za falsyfikat na podstawie wymiaru liter (stosunku szerokości ich do wysokości), częściowo opierał się on na niezwykłym kształcie liter, zepsuciach tekstu, licznych błędach i pisaniu niektórych wyrazów wprost według domysłu. Wszystkie te niedostatki, zdaniem K., nie mogą pochodzić od tłumacza, ale tylko od kopisty i to takiego, który się w treści słabo orjentował.[1]) Do identycznych wyników doszedł też początkowo *Gruziński* drogą porównania tekstu EP-ej z kodeksem wołyńskim (= EW) i letkowskim (=EL).[2]) Niezgodność tekstu ewangelji wołyńskiej,[3]) którą w 1571 r. przepisano z oryginału E-Pej, a także niezgodność urywku z EP-ej włączonego w tekst cerkiewny EL-ej, pochodzącej z przełomu 16. i 17. wieku, była bardzo znamienną, zdaniem Gruzińskiego, gdyż w EW-ej i w EL-ej znajdowało się sporo wyrazów takich, których brakowało EP-ej, a opierając się na tych faktach, doszedł on również do przekonania, że zachowany do dziś kodeks EP-ej jest falsyfikatem. Wywody te jednak okazały się wątpliwemi, gdyż obie prace powyższe opierały się nie na przestudjowaniu kodeksu oryginalnego, ale na wydaniu i podobiznach Żyteckiego. W pracy następnej odwołał więc Gruziński stanowczo swój sąd o nieautentyczności EP-ej, ponieważ wskutek porównania oryginału z wydaniem Żyteckiego zobaczył, że to ostatnie miało szereg niedokładności właśnie w tych miejscach,

---

[1]) Каманин Дошло ли до насъ въ подлинникѣ Пересопн. евангелie? (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописця, кн 22 nr. 3, str. 83—5). Kijów, 1911.

[2]) Грузинскій А. Изъ исторіи перевод. еванг. въ южной Россіи XVI в. Лѣтковское евангеліе (Чтенія ... nr. 3 str. 44).

[3]) Krótką charakterystykę tej ewangelji podał *Ohijenko*, który nazywa ją ze względu na obecne miejsce przechowania ewangelją żytomierską.

które się różniły od urywku włączonego do EL-ej i stanowiły poprzednio główny dowód przeciw autentyczności. Pomiary liter oryginału dały teraz również wyniki odmienne, nie takie, któreby pozwalały wiek XVI. zachowanego kodeksu wykluczyć,[1]) a wprost za przyjęciem wieku XVI. przemawiało zbadanie ornamentacji, przy czem Gruziński zwrócił pierwszy uwagę, że na rysunku ewangelisty Mateusza znajduje się schowana niepokaźnie u dołu data 1556.[2]) Kamanin pozostał przy zdaniu pierwotnem. Hipoteza o nieautentyczności EP-ej jest mocno wątpliwą, ale ostatecznie i stanowczo odrzucić ją pozwoli dopiero dokładne rozpatrzenie całego zabytku,[3]) którego wydanie krytyczne obiecał w 1912 r. Gruziński, zajmujący się od dawna wszechstronnem jego opracowaniem.[4])

Tenże autor zajął się kwestją bliższego oznaczenia tekstu cerkiewnego, z którego korzystał tłumacz EP-ej. Sprawa ta jest bardzo ważną, gdyż dopiero po załatwieniu jej w sposób ostateczny, można będzie wydzielić wszystkie zmiany, które przeprowadził tłumacz EP-ej, aby uczynić ją zrozumiałą „дла людоу посполитого", a wreszcie po wydzieleniu wpływu także innych przekładów, można będzie rozpatrzyć, jak odbiła się w zabytku żywa mowa ruska XVI. wieku. Zdążając do tego celu, rozpatrzył Gruziński przy pomocy jednej z prac Woskresieńskiego z ewangelji Marka rozdział I. wiersze 1—24, r. XV. ww. 16—47 i r. XVI. ww. 1—2.[5]) Powyższą drogą doszedł on do wniosku, że żadna z czterech, ustalonych przez Woskresieńskiego, redakcyj podstawowych nie zgadza się dokładnie z tekstem EP-ej, a wskutek tego wyraził przypuszczenie, iż na Rusi południowej musiała zapewne istnieć jakaś odrębna

---

[1]) Журн. Мин. Н. Просв. 1912, nr. 3 op. cit. str. 328.

[2]) Ibid. 330.

[3]) Za kopję oryginału uważa zachowany do dziś kodeks EP-ej *Wozniak* (Історія українськ. літер. II 15).

[4]) Wydanie to do dziś nie ukazało się drukiem, co jest wielką szkodą dla nauki. Od stanowczego odrzucenia hipotezy o nieautentyczności EP-ej dlatego trzeba się powstrzymać, ponieważ nie wszystkie różnice jej dają się odnieść na karb pierwszego wydawcy, Żyteckiego. Pomijam teraz bliższe rozpatrywanie tej kwestji, zaznaczę tylko, że E. P. bez względu na ostateczny wynik badań co do autentyczności zasługuje na wydanie i na rozbiór najdokładniejszy. Nie można wątpić, że wydanie to wkrótce się pojawi, gdyż obecnie Akadamja Nauk w Kijowie zapowiedziała wydawnictwo „Памятки мови", w którem jako pierwszy numer pojawi się: „Пересопницьке Евангеліє, текст і розвідка проф. О. С. Грузинського". Por. Звідомлення Укр. Ак. Наук до 1. 1. 1920, str. XX, a także referat St. Smal-Stockiego w Slavji I. 476.

[5]) Воскресенскій Г. Древнеславянское евангеліе. Евангеліе отъ Марка съ разночтеніями изъ 108 рукоп. (Sergijew Posad 1894).

redakcja ewangelij, która w rękopisach moskiewskich nie pozostawiła śladów.[1]) Drobne jedynie pokrewieństwo łączy kodeks EP. z tekstem oznaczonym u Woskreseńskiego przez A 29, t. j. z zabytkiem redakcji A (której podstawą jest ewangelja Halicka z r. 1144), a mianowicie z kodeksem (pełnej ewangelji) zabarwionym pisownią serbską, znalezionym w patrjarchacie w Peczuchu (niem. Pečuh, Pięciokościoły), a obecnie znajdującym się w bibljotece Publicznej w Leningrodzie (Zbiory Hilferdinga, nr. 5). Ponadto Gruziński skłonny jest do przypuszczenia, że podstawą przekładu EP-ej była redakcja zmieszana, a za taką uważa tekst Theophilakta Bułgarskiego.[2]) Dokładne jednak oznaczenie tego wzoru cerkiewwego wymaga jeszcze dalszych poszukiwań. Z drugiej strony tenże badacz próbował określić stosunek EP-ej do przekładów na inne języki słowiańskie, a w wyniku swych prac wydzielił w niej trzy grupy elementów językowych: 1. odbicie jakiejś redakcji cerkiewnej, 2. tekstu czeskiego i 3. nieznaczne przeróbki tekstu lub dodatki, które pochodzą od tłumacza ruskiego a żadnem ze źródeł poprzednich nie dają się usprawiedliwić. Jak z tego widzimy, doszedł autor do wniosku sprzeciwiającego się opinji Żyteckiego, który przypuszczał, że czeski wpływ odbił się w EP-ej dopiero za pośrednictwem polskiego (p. wyżej s. 475). Gruziński nie zajął się bliżej rozpatrzeniem stosunku tego zabytku do tekstów polskich, dał nawet mimochodem jeden przykład polski negatywny (nie cytując źródła),[3]) a zatem przyjmuje zależność EP. wprost od tekstu czeskiego. Wychodząc zapewne z tego założenia, zestawia autor wyjątki tekstu EP. z czeskim Nowym testamentem, wydanym przez J. Hada w 1545 r. Założenie powyższe jest przedwczesne, a porównywanie z wymienionym tekstem czeskim (a nie z innym!?) tłumaczy się chyba tem, że wydanie to miał Gruziński przypadkowo pod ręką. Pominąwszy bowiem fakt, że wydanie N. T. z r. 1545 jest przedrukiem wydanego przez tegoż J. Hada tekstu z r. 1538., w którem zaznaczono, że „Zákon tento... gest imprimowán wedle biblij", a więc odnosi się faktycznie do tekstów starszych jeszcze,[4]) musimy zaznaczyć, że wiele

---

[1]) Грузинскій А. Палеографическія и крит. зам. о Пересопн. Ев. (Журн. М. Нар. Просв. 1912, str. 333).

[2]) *Gruziński* ibid. str. 333. uwaga.

[3]) Gruzinski, ibid. 334.

[4]) Do N. T. z r. 1538 najbliższym chronologicznie jest tekst zawarty w drugiem

z tych zestawień nawet świadczy o innem źródle, niż sądzi autor. Na dowód przytoczę tylko kilka z tych zestawień[1]) i podam odpowiednie cytaty z tekstów polskich, ale równocześnie muszę zaznaczyć, że dokładnemu porównaniu całego urywku tego stoi na przeszkodzie brak tekstu drukowanego z owej części EPej. Przykłady polskie, które zaczerpnąłem zNT.Seklucjana (1551) i z Szarffenbergera (1556), rzucą nowy promień światła na stosunek EP-ej do tłumaczeń obcych.

Marc. I 7 (EP.): которомоу жь то а не годе прихиливши҃ся розвязати ремень ботоувь его; czes. rozwázati řeménka u obuwi; S(eklucjan): ktorégom já godzien nie jest schyliwszy się *rozwiązać rzemienia botów jego*; Sz(arffenb.): podobnie do S. Marc. I 10 (EP.): а они ся ѿтворили; (czes.) uzřel nebesa otewřena; (S.) ujrzał niebiosa, *a ony się* rosstępują; (Sz.) widział niebiosa *otworzone*.

Marc. XV. 28 (EP.) полічень е҃ст; czes. počten gest; S. i Sz. *policzon jest*. Marc. XV. 32 (EP.) а быхмо видѣли; czes. ať uzřyme;[2]) S. *abychmy* ujrzeli; Sz. abyśmy *widzieli*, i t. d.

Niżej rozpatrzymy stosunek tekstów dokładniej, ale już te zestawienia wskazują, że EP. stoi także w związku z jakimś tekstem polskim i wystarczają na dowód, że sąd Gruzińskiego należy zmodyfikować. Zaznaczę tu jeszcze, że tymczasowy i na dokładnym rozbiorze stosunku tekstów nie opierający się pogląd Gruzińskiego zdołał się prędko przyjąć we wszystkich pracach popularnych, które wydano w b. Galicji. Wprawdzie

---

wydaniu biblji Pawła Seweryna z Kapigóry (z Kapij hory). Praha 1537. Kilka ustępów tego tekstu (Mar. VI., XIII., Luc. II. ii.) porównałem z NT. Hada (1545) i stwierdziłem, że różnią się one tylko bardzo nieznacznie pod względem pisowni.

[1]) Obszerne wypiski z czeskiego nowego testamentu J. Hada, z r. 1545, otrzymałem od p. dra *J. Volfa*, zast. dyrekt. Nár. Musea w Pradze. Za uprzejmość tę i za inne informacje składam Mu serdeczne podziękowanie.

We Lwowie były mi dostępne tylko starsze teksty czeskie (biblja Zablackiego, rękopis r. 1476—8, biblja Wenecka z 1506 r., biblja Pawła Seweryna z 1537 r. i późniejsze od wydań Hada (biblja Netolickiego i Melantricha z 1549 r., N. Z. z 1551 ii.). Wiadomo, że teksty te mało się od siebie różnią, n. p. w przedmowie do biblji Netolickiego (1549) zaznacza Melantrich, że prepozycje oddziela od innych wyrazów (w domu, na wozie), że opuszcza lub czasem dodaje słowo posiłkowe gest, gsau, itd. Na ogół tem tylko różni się tekst ewangelji u Hada (1538, 1545) od wydania Netolickiego. Ważniejsze zmiany zachodzą w dalszej części Nowego testamentu: por. R. *Ungar*, Allgem. boehm. Bibl. str. 30 ii. (Prag 1786). Większe różnice co do języka wykazują starsze rękopisy ewangelji, n. p. Čtenie zimn. času (z 14 w.), por. J. Jireček O českém překladu sv. evangelií 1859. Oprócz częstych form czasu przeszł. ze słowem posiłkowem, spotyka się tam imperfekty i aorysty. Te ostatnie częste są także jeszcze u Seklucjana.

[2]) Podobnie wyglądają te miejsca także w biblji czeskiej z r. 1506, 1537 i 1549 ii.

Woźniak w swej cennej „Historji literatury“ pisze ostrożnie: „цю знамениту памятку для історії нашої мови споріднює з друками Скорини користування чеським джерелом“,[1]) ale już Ohijenko przy sposobności opracowania kopji EPej, t. j. ewangelji Wołyńskiej (= Żytomierskiej) z r. 1571 twierdzi wprost: „Польський вплив на цій евангелії незначний і мало помітний; найбільше проявився він в уживанні окремих слів або польського походженя або польської форми. Проте про ці слова повинен зазначити, що їх вживалось і вживается й в мові українській, тому певно говорити тут про перейманння з польского трудно. напр. колація (= uczta), моць (= władza), лупѣжство, на тых мѣст, троска, шафарь . . .[2]) Na innem zaś miejscu wskazuje on wyraźnie na źródło czeskie: „Чеський вплив відбився на формі . . ., за чеським впливом подаются й пояснення слів (глоссы) в Е П.[3]) Przytaczam umyślnie cytat z opracowania kopji EPej jako nowszy i dlatego, że w pobieżnem opracowaniu EP-ej (1921) wyrażał Ohijenko tęsamą zresztą myśl oględniej: „Полонізмів в Е П. багато, але це все слова і форми, що були звичайними в українській літературі XVI і XVII в.“[4]) Z podanego niżej zestawienia tekstów okaże się jasno, że sądy powyższe nie odpowiadają rzeczywistości i przeważnie opierają się na opinji Żyteckiego a potem Gruzińskiego, tutaj zaś zaznaczę, iż przytoczone przez Ohijenkę wyrazy: колація, лупѣжство, на тых мѣст, троска . . . są obce językowi ruskiemu, a tem mniej używa się ich w nim swobodnie (вільно), trzeba więc je uważać za polonizmy, szczególnie gdy idzie o czasy 16. wieku, jak w danym wypadku. Rzecz cała przestanie zresztę być sporną, gdy się przekonamy, że tłumacz EP. korzystał z jakiegoś tekstu polskiego. W sprawie źródeł EP. skrajne stanowisko zajął akad. M. Petrow, który wprost twierdzi, że kodeks EP-ej „уявляє з себе лише транскрипцію з чеської мови“![5]) Ponieważ sądu swego nie poparł on żadnym dowodem, trzeba więc uważać, że mamy

---

[1]) Возняк М. Історія української літер. t. II 11. Lwów 1921.

[2]) Огієнко I. Українська житомирська евангелія 1571 p. Tarnów 1922 str. 19. Z przytoczonych tam przykładów wymieniłem wyżej tylko niektóre.

[3]) Ibid. 11.

[4]) Огієнко I. Українська пересопницька евангелія 1556 p. str. 27. (= Благодійне видавництво „Укр. автокиф. церква“ nr. 45) 1921.

[5]) Записки істор.-філол. відд. Укр. Ак. Наук, книга I 3 (Kijów). Por. też referat *Smal-Stockiego*; „Překlad Peresopnick. evangeliare (!) do ukrajinštiny je jen transkripce z českého jazyka“, Slavia I. 476.

tu nieuzasadnioną naukowo modyfikację tylko przypuszczenia Gruzińskiego.

3. Zestawienia tekstów.

Przystępując do zestawień EP. z tłumaczeniami polskiemi, wspomnę kilka szczegółów o najstarszych drukowanych i zachowanych w całości[1]) polskich tekstach 1. t. zw. Seklucjana,[2]) 2. Szarffenbergera.[3]) Dzięki znakomitej monografji kś. Warmińskiego o Samuelu i Seklucjanie[4]) wiadomo dziś, że tłumaczem Nowego testamentu, wydanego w Królewcu pod opieką księcia pruskiego Albrechta, nie jest sam Seklucjan, ale Stanisław Murzynowski, który się opierał nie tylko na tekście greckim i łacińskim, ale także na jakiemś *starszem tłumaczeniu polskiem*, które obecnie już jest nieznane.[5]) Również przekład wydrukowany przez Szarffenbergera opiera się na starszych tekstach rękopiśmiennych, o czem pisano już nieraz (Nehring, Brückner).[6]) Stwierdzenie tego faktu jest dla nas bardzo ważne, gdyż zobaczymy, że EP., która wykazuje niewątpliwe pokrewieństwo z t. zw. Seklucjanem, zawiera czasem szczegóły zbliżające ją do Szarffenbergera, a więc istotnie zależy od polskiego tekstu starszego, który do dziś, niestety, nie zachował się. Uwzględniając jednak zależność polskich przekładów pisma św. od starszych, lepiej wyrobionych i często mających oporę już w przekładzie starocerkiewnym, tłumaczeń czeskich, zrozumiemy łatwo, dlaczego przy porównywaniu EP. z przekładem czeskim nasuwa się tak nieodparcie przypuszczenie, że Michał Wasylewic i Grzegorz z Peresopnicy mieli przed sobą wzór czeski. Badacze dotychczasowi przyjęli tę myśl za pewnik, a liczne

[1]) O istnieniu starszych druków ewangelji świadczy niekompletny unikat bibljoteki Zakładu narod. im. Ossolińskich we Lwowie. Por. *Wisłocki*, Rocznik dla Archeologów, Kraków 1874. O unikacie tym i stosunku jego do rękopisu bibl. Jagiellońskiej w Krakowie nr. 3 336 por. moją rozpr. w Księdze ku czci prof. *J. Łosia*, a także w Sprawozd. Twa Nauk. we Lwowie, rocznik VI, 1926. (Uwaga w czasie korekty.)

[2]) *J. Seklucjan*; Testamenta Nowego część pierwsza z greckiego jęz. na polski przełoż. w czym wszystkiem dokładáno się łacińskiego i na *kilka inszych* języków przełożeniá itd. w Krolewcu Pruskiem 1551.

[3]) Nowy Testament Polskim językiem wyłożony według... Lacińskiego textu... Kraków 1556. U dziedzicow M. Szarffenbergera.

[4]) Kś. *Warmiński* J. Andrzej Samuel i Jan Seklucjan. Poznań 1906, str. 367 in.

[5]) *Warmiński*, op. cit. 275.

[6]) *Łoś* J. Początki piśmiennictwa polskiego. Lwów 1922, 174. Por. też wstęp, do biblji Leopolity (druk Szarffenbergera, Kraków 1561) i *Małeckiego*, wstęp, do wydania biblji Zofji str. XXXI.

polonizmy EP-ej objaśniali poprostu wpływem kulturalnym języka polskiego. Istotnie jednak są tam liczne miejsca *wspólne* z tekstami polskiemi, a to dowodzi, że mamy do czynienia wprost z zależnością od nich, przyczem łatwiej wytłumaczyć można czechizmy pośrednictwem tekstu staropolskiego, niż przypuszczać, iż tłumacze EP-ej korzystali z tekstu cerkiewnego, a oprócz tego z staroczeskiego i kilku staropolskich. Przytoczę tu na dowód szereg przykładów z początkowych rozdziałów ewangelji Łukasza:[1])

I 20. *EP.* а̂ тӑ̄ боу́деши мо́л҃чати и небоу́дешь мо́чи мовити. а̂жь до́ того д҃нѧ ко́торого сѧ ты̏ рѣ́чи выплӑ́нѧть. — проτо и̂жь е̂сь невѣрилъ повѣ́стемь мои̂мь . ко́торыи̂ сѧ выплӑ́нѧть ча́соу своє̂го́. — *S.* a oto *będziesz milczáł i niebędziesz* mógł (w nawiasie: milczący i niemożny) *mowić, asz do tego-dnia, ktoreº się ty rzeczy sstaną*, a to *iżeś niewierzył* słowám mojem, *ktoré się wypełnią czasu swego. Sz.* a oto będziesz milcząci. Y nie będziesz mogł mowić, asz do tego dnia ktorego ty rzeczy zstaną sie, przeto iżeś nie uwierzył słowom moim, ktore się wypełnią w czásie swoim. *Sew.* A hle, budess němý, a nebudess mocy mluwiti až dodne, w kterem gse tyto wěcy stanau, proto že gsy newěřil řečem mým, které gse naplnij časem swým.

I 21. *E. P.* и̂ ди́вовалисѧ и̂жь о̂нь та́кь до́л҃го ме́шкаль *S.* i (lud) dziwowáł się temu, *isz on tak długo* trfáł (zaś przewłaczał)... *Sz. y dziwowáli sie, isz omięszkał... Sew.* a diwili se, žeby on prodlewal.

I 61. *EP.* ко́торого бы назы́вано и̂ме́немь тымь и̂ дали ѕна̀ти̏ о҃цу є̂го̀ довѣ́доуючи́сѧ... *S. ktoregoby tym imieniem zwáno. I dáwali znać ojcu jego* [*dowiadując się*] ... *Sz.* ktoryby był zwan tim imieniem. I dawáli znáć ojcu jego. *Sew.* kterýž by slaul gmenem tijm. Y dáwali nawěsstij[2]) otcy geho.

I 63. *EP.* и ди́вовалисѧ то́моу е́сѣ. *S.* i ździwili sie [temu] *wszyścy. Sz. i dziwowali sie* są wssytcy. *Sew.* y diwili sau[3]) se wssickni.

[1]) Używam następujących skrótów; EP. ewang. Peresopnicka podług wydania Żyteckiego, S. tekst Seklucjana z 1551, Sz. tekst Szarffenbergera z 1556 r., Sew. tekst czeski N. T., który się mieści w biblji wydanej przez Pawła Seweryna z Kapigóry. Praga 1537.

[2]) W Nowym test. z r. 1551 (Netolickiego); náwěstij, w biblji Weneckiej (1506 r.); náwiesstije.

[3]) Wen.: gsú u Net. brak słowa posiłkowego.

I 70. 71. *EP*. ѡнъıхъ то ѿвѣка прркѡвъ своихъ, иже насъ мѣлъ въıбавити. *S. onych to od wieku prorokow swoich, że nás miał wybawić* od [wybawienie z.]. *Sz.* ktorzi od wieku są prorokow jego, wibáwienie od ... *Sew.* (kteřijž od wěku sau) prorokúw geho, wyprosstěnij z...

II 8. *EP*. а пастъıріе сторожоу ночьноую надъ стадомъ своим [бъıли] [1]) стерегли. *S. pasterze* na polu nocowali i *straży nccné nad trzodą swoją* dzierżeli [*strzegli*]. *Sz.* A pásterze byli... czujący y strzegący czucia nocnego nád trzodą swoją. *Sew.* A pastyři byli ... ponocugijce, a ostřihagice bděnij nočnijho nad swým stádem.

II 14. *EP*. и мовили боуди хвала бгоу на въıсокостѧхъ. *S. i mowili*: [*bądz*] *chfała bogu* ná wysokości. *Sz.* y mowiących: Chwałá *ná wysokościách* bogu. *Sew.* a řkaucých: [2]) Sláwa nawysostech [3]) Bohu.

II 15. *EP*. и сталосѧ иже пошли ѿ нихъ внебо агглн. — ѡнъıи то пастъıре мовили єдинъ къ дроугомоу. *S. I sstało się, że poszli od nich wniebo Angieli, a* ludzie *onito pasterze* rzekli miedzy sobą. *Sz.* I z stáło sie iest, gdy odeszli od nich ángiołowie do niebá, pásterzowie *mowili* miedzy sobą. *Sew.* Y stalo [4]) se, když sau odessli odnijch Andělé do nebe, pastyři rozmluwali wespolek řkauce.

II 17. *EP*. а оузрѣвши рославили то што єс имъ повѣдено ѡ томъ дидѧти (sic). *S. A ujrzáwszy rossłáwili to* [wznajmili około słowa które], *co im jest powiedziáno o tymto dziecięciu. Sz* A widząc poználi o słowie, kthore powiedziano było im o tim dziecięciu. *Sew.* a uzřewsse ohlasyli [5]) o slowu, kteréž gim powědijno bylo otom dijtěti.

II 20. *EP*. Пастъıреве пакъ вернoулисѧ назадъ хвалѧчи бга зъ того всего . што слъıшали и видѣли такъ ꙗкъ єс имъ повѣдено. *S.* A pasterze *wrocili się* [*na zád*] wielbiąc i *chfáląc boga stego wszystkiego, co słyszeli i widzieli* [*tak*] *jako im jest powiedziáno. Sz.* I wrocili sie *pásterzowie* wielbiąci y chwalący bogá ze wssytkiego, co słysseli y widzieli, jáko rzeczono było do nich. *Sew.*

[1]) Tak w rękopisie, wyraz ten dodał do wydania Żyteckiego Gruziński, por. Журн. М. Н. Пр. 1912 op. cit. 323.
[2]) Wen.: a řkúcze.
[3]) Netol. na wýsostech.
[4]) Wen.: Tehdy stalo se gest: Netol. t. s. bez „jest".
[5]) Wen.: poznali.

Y nawratili sau[1]) se pastyři, chwalice a welebice Boha zewssech wěčý, kteréž byli slysseli a widěli, yakož gest powědijno k nijm.

II 22. *EP.* **А коли сѧ выпльнили днїе очищенїѧ ихъ подлоуг закѡноу мойсеѡвого, принесли его до** . . . *S.* A gdy wypełnioné są dni oczyściániá ich wedle zakonu Mozeszowego, *przynieśli* [przywiedli] *go do . . . Sz. A gdy wypełniły sie są dni oczyscienia* jej *podług zakonu Mojżessowego*, nieśli jego do . . . *Sew.* A když se naplnili dnowee očisstěnij gich[2]) podlé zákona Moyžijssowa, nesli sau[3]) dijtě do . . .

II 25. *EP.* **которомоу то [было][4]) имѧ сЂмиѡнь.** *S. ktoremu* [*było*] *imię Simeon. Sz. ktoremu było imię Simeõ. Sew.* kteremuž[5]) gméno Symeon.

II 33. *EP.* **Ѿць пакь его и мти дивовали томоу, што есть повѣдано о немь.** *S. A ociec i matka jego dziwowali się temu, co jest powiedáno onim. Sz.* A byli ociec jego i mátká jego dziwująci sie nád tymi rzeczami, ktore były powiádáne o nim. *Sew.* Byli pak otec geho a matka diwijce se těm wěcem, kteréž praweny byly oněm.

II 35. *EP.* **абы з многыхъ срдць мысли ѿкрыты (!) были.** *S. aby z wielá sérc myśli odkryté były. Sz.* aby sie wyjáwiły z wielu serc myśli. *Sew.* aby zgewena byla z mnohých srdcý mysslenij.

II 42. *EP.* **А коли южь было емоу двнадесѧть лѣть.** *S.* [Gdzie[6]) tész], *gdy mu jusz było dwanáście lát. Sz.* A gdy sie z stał we dwunaście lat. *Sew.* A když byl učiněn Gežijss wedwanacti[7]) letech.

II 43. *EP.* **и доконавши днїи ѿтъ сѧ навратили.** *S.* i zasię się, dniów dokonáwszy, wrácali, *Sz.* dokonawszy dni, gdy sie wracáli. *Sew.* Tehdy[8]) skonawsse dni, když se nawracowali.

II 44. *EP.* **надѣвалисѧ иже бы быль межи людьми, и оушли ꙗкь много черезь днь можь войти и глѧдали его межи прирожеными.** *S.* I domniemáwszy się, *żeby był* [*miedzy* inszem podrosznem

---

[1]) Wen.: gsú: Netol. brak słowa posiłkowego.
[2]) Wen.: Marye: Netol. gegich.
[3]) Wen.: gsu: Netol. brak.
[4]) Wyraz ten istnieje w L. i we W., brak go w rękop. EP. por. Gruzinski, Чтенія въ истор. общ. Нестора кн. 22, вып. 1—3, 83. por. wyżej str. 476.
[5]) Wen.: gemuž.
[6]) Tak u S. z r. 1553, w wydaniu S. z 1551 r.: (I gdzie tesz).
[7]) Wen.: Netol. we dwanácti.
[8]) Wen.: Tehda.

towarzystwem] w komitiwie, *uszli* [dnia drogę], *jako wielé przes dzień uść może i* szukali *go miedzy przyrodzonemi* i znajomemi. *Sz.* A mniemájąc go być w towárzystwie, uszli drogę dniá (jednego). I szukáli go *miedzy przyrodzonemi* y znájomemi. *Sew.* A domnijwagijce se oněm, žeby byl w zastupu,[1]) přissli cestau dne gednoho, y hledali geho[2]) mezy přibuznými a znamymi.[3])

II 49. *EP.* че́моу ѐсте ме́не глѧда́ли а̂бо ѐсте не вѣ́дали, и̂же ѧ҃ врѣчеҳь о̂҃ца моѐго̀ моу́шоу быти. *S. Czemużeściesz mię szukali, zaście nie wiedzieli, że wrzéczach ojca mojego ja być muszę? Sz.* Co jest, iżeście mię ssukáli, nie wiedzieliście, isz wtych rzeczách, ktore ojca mego są, potrzebno mnie być? *Sew.* Což gest, že ste mne hledali, zdaliste neWěděli, že wtěch wěcech, které sau otce mého, musým yá byti?

III 7. *EP.* племена ѕ҃міи́ны, кто́ жь вамь оу̂каза́ль а̂бы ѐсте пере́дь гнѣ́вомь при́шлы и̂ (!) оутéкли. *S. Plemieniá* zmijów, *któsz wám* wskázáł [doradził], *abyście przed gniewem przyszłym uciekli? Sz.* zarodi jássczorce, kto *ukazał* wam uciekáć od prziszłego gniewu. *Sew.* Plemeno gesstěrčij, kdo wám ukázal, abysste utekli před budaucým hněwem?[4])

III 11. *EP.* кто̂ и̂маѐть двѣ̏ соу́кни, не́ҳай же да́сть то́моу, который не и̂маѐть, и̂ кто и̂маѐть стра́вныѐ ре́чи та́кже не́ҳай чинить. *S. kto má dwie sukni, niech użyczy temu, ktory* niemá *i kto má strawné rzeczy* (pokarmy abo strawy), *niech także uczyni. Sz. kto ma dwie sukni, niechaj da* niemającemu, a kto ma pokármy, takiesz niechaj czyni. *Sew.* kdo má dwě sukně, day gednu nemagijcýmu, a kdo má pokrmy, učyň teež.

III 15. *EP.* а̂ ко́ли лю́дь ѐне́мь на́дѣю мѣ́ль и̂ ѐсѣ в срⷣцеҳь свои̂ҳь мыслили. *S. A gdy lud onim nadzieję miáł* (nadziewáł się abo czekáł) *i wszyścy wsercach swoich myślili. Sz.* A gdy domniemáli sie ludzie y myslili wssytcy w sercach swoich. *Sew.* A když se domnijwali lidee, a myslili wssyckni w srdcych swých.

III 20. *EP.* прило́жиль тыжь и̂ тоѐ коуѐсѣ́мь ѕ҃лостѧмь свои̂мь и̂жь і̂ѡа̂нна до́темницѣ ѐсадити казаль. *S. przydáł tész i to ku wszystkim złościąm swoim, że Jána do ciemnicé wsadzić*

[1]) Wen.: Netol.: zástupu.
[2]) Wen.: Netol.: ho.
[3]) Wen.: Netol.: známými.
[4]) Wen.: Pokolenije hadowé, kto gť wám ukázal uteczy buduczyeo hniewu?

kázáł (i zamknął Jána w ciemnicy). *Sz.* przydał y to nád wssytko y zámknął Janá w ciemnicy. *Sew.* y zewssech zlých wěcy, přidal gest[1]) to také nadewssecko zlee. že gest wsadil Jana do žaláře.

IV 5. *EP.* а̂ оуказа́ль е̂моу ѻ҆сѧ црⷭ҇тва то́го [свѣта][2]) во́мьгно́веніи ѻ҆ка. *S. ukázáł mu* wszystki krolèstwa *tego świata w mgnieniu oka* (punkciku czasu). *Sz.* y ukazał mu wssytki krolestwá okręgu ziemie w prędkim czásie. *Sew.* a ukázal gemu wsseckna králowstwij okrsslku země w malé chwijli.[3])

IV 17. *EP.* а̂ о̂нь о̂тво́ривши книги, нашо́ль мѣсце, где то было написано. *S. A* [*on*] *otworzywszy* [rozwinąwszy abo roztoczywszy] *księgi, nalázł miesce, gdzié* [*to*] *było napisáno. Sz.* A gdy rozwinął xięgi, nálazł miestce, gdzie nápisano było. *Sew.* A když otewřel knihy, nalezl mijsto, kdež bylo napsáno.

IV 18. *EP.* ко́торого то дла помáзаль и̂ посла́ль мѧ̂ оу́бо́гымъ еѵⷢ҇лїю по́ведати. *S.* a to (dlátego), isz mię pomazáł *i posłáł mię ubogim ewangelją powiedać. Sz.* dla tego, isz mię pomázał. Ewángelją powiádáć ubogim posłał mie. *Sew.* proto že pomazal mne, abych kázal Cžtenij chudým[4]) poslal mne.

IV 20 *EP.* и̂ замькноу́вши кни́гоу ѿда́ль слоу́зѣ и̂ сѣ́ль и̂ всѣмь ѻ҆чи ко́торый были всобо́рници засмотрилисѧ на него. *S.* Tam *zamknąwszy* [I zwynąwszy] księgi [i] podáwszy [jé] służebnikowi, usiádł, *a oczy wszystkich* [*ktorzy*] *wbożnicy byli, zapatrzyły się nań. Sz.* A gdi záwárł kxięgi, wrocił je *słudze y siadł.* I wssytkich w bożnicy oczy były wrážone weń. *Sew.* A když zawřel knijhy, wrátil služebnijku y posadil se. A wssech wsskole očy byly patřijce[5]) nań.

IV 27. *EP.* и̂ троу́доватыхь тыжь было мно́го... ме́жи лю́домь і҆ѵ҃зрльтескы, а̂ жадень ѿниѵхь... *S. Trędowatych tesz byłoć wielé... miedzy* Israelem, *a* [wżdy] *żaden z nich... Sz.* Y wiele trędowátych było w ludu Izráelskim, ... á żadny z nich... *Sew.* A mnoho malomocných bylo w lidu Izrahelském...; a nižádny znich nenij...

---

[1]) Wen.: przyczynil gť... ke wssem wieczem, že gest zawrzel w žalarzy,
[2]) W EP. wyrazu tego brakuje, znajduje się w L. i W. por. Gruzinski. **Чтенія** itd.
[3]) Wen.: w brzkem czasu.
[4]) Wen : abych kázal chudým Ew., Netol.; abych zwěstowal itd.
[5]) Wen.: patrzyecze, Netol. patřijce.

IV 32. *EP*. а̂то и̂же рѣ́чь е̂го̀ зь о̂со́бливой силы была. *S. a to isz* mowa *jego z osobliwą mocą* [= w mocy] *była. Sz.* bowiem w mocy byłá mowá jego. *Sew.* neb wmocy byla ržeč geho.[1])

IV 34. *EP*. и̂ ѿто́ жь мы стобою маѐмо... пришель е̂си загоу́бити на́сь. *S. I cósz my stobą mámy* [niecháj, co nám s stobą]... *przyszedłeś* nás zatracić? *Sz.* Niechaj. Co nam y tobie .. przyszedłeś zátrácać nas? *Sew.* Nechay, co nám a tobě... přissel gsy zatratiti nás?

IV 36. *EP*. и̂ мо́вили межи со́бою ре́коучи. *S. i mowili miedzy sobą, rzeknąc. Sz.* i rozmawiáli wespołek, mowiąc. *Sew.* a rozmlúwali wespolek, ržkauce.

IV 40. *EP*. всѣ ко́торый мѣ́ли немо́цный ро́зными форо-бами... а̂ о̂нь и̂хь оу̂здоровиль нако́ждого зни́хь вложи́вши свой роуцѣ. *S.* wszyścy, ktorzy mieli niemocné rozmaitemi *choro-bami. .., a on jé uzdrowił na każdeº znich włożywszy ręce. Sz.* wssytci ktorzy mieli niemocne rozmáitemi chorobámi..., á on ná káżdego z nich ręce kłádąc, uzdrawiał je. *Sew.* wssyckni kteržijž měli nemocné rozličnými neduhy..., a on na wssecky[2]) ruce wzkládage, uzdrawowal ge.

V 5. *EP*. а̂ле на сло́во твоѐ запоу́щоу сѣ́ть. *S.* wszakże na słowo twojé sieci *założę. Sz. ale ná słowo twoje* rozpráwię *sieć. Sew.* ale k slowu twému rozestru sýti.

V 14. *EP*. а̂ о̂нь е̂моу ро́сказаль, рекоучи, ни́комоуже не по-вѣ́дай, а̂ле пошо(д)шши (!) оу̂кажися... *S. A on mu rozkázáł, rzeknąc, nikomu niepowiedáj, ale szedwszy, ukász się. Sz.* A on przykazał mu, áby nikomu nie powiádał, ale idź, ukasz sie. *Sew.* A on přikázal gemu, aby nižádnému neprawil, ale gdi, ukaž se...

V 17. *EP*. И̂ ста́лося е̂ди́ного д҃ня, ко́ли о̂нь нао̂у́ча́ль и̂ сѣ-дѣли та́мь фарисеѐ..., который жь то были пришли. *S. Y sstało się dnia* [*zdniow*] *jednego,* że on nauczáł, a phariseuszowie..., *ktorzy byli przyszli. Sz.* I stáło sie jest w jednim dniu, á on siedział ucząc. I (byli fárizeuszowie siedzący)..., ktorzy zeszli sie byli. *Sew.* Y stalo se[3]) w geden den, a on seděl uče. Y seděli také zákonnijcy..., kteřijž se byli sessli.

V 28. *EP*. а̂ о̂нь все зоставивши и̂ ставши (!) по́шоль за нимь. и̂ оу̂чиниль е̂моу левіи оу̂чрѣ́жденіе великоѐ (кала́цыю) вдо́моу

---

[1]) Wen.: rzecz geo, Netol. řeč geho.

[2]) Wen.: na wsseczkny, Netol.; wsseckny.

[3]) Wen.: stalo se gest.

своêмь. *S. A on wszystko opuściwszy, wstáwszy, poszedł zanim. I uczynił mu Léwisz kollacją wielką wdomu swojem. Sz.* Y opuściwssy wssythki rzeczy, wstawssy, náśládował go. I uczynił mu gody wielkie Lewi w domu swoim. *Sew.* A on opustiw wssecky[1]) wěcy wstaw ssel gest[2]) zanim. Y učinil gemu hody weliké Lewi w domu swém.

VI 28. *EP.* и̂ мóлитеса за тыхь, кóторыи̂ вàмь з҃лѡ̂сти̂ вы-ражаю̂ть. *S. i modlciesię za ty, którzy wám złość wyrządzają* (na wás najazdy czynią abo wás potwarzają). *Sz.* y modlcie sie zá potwarzájące was. *Sew.* a modlte se za ty, kteržijž[3]) wám bezprawij činij.

VI. 32. *EP.* â êсли бысте любили тыхъ, кóторыи̂ вáсь тыжь любать. *S. A jeślibyście miłowali ty*, ktorzy wás miłują. *Sz.* A jeśli miłujecie ony, kthorzy was miłują. *Sew.* Milugeteli takee ty, kteržijž wás milugij.

VI 49. *EP.* â ктô пáкь слышить â не чинить, подóбень єⷭ чл҃ковн томоу, кóторыи̂ з҃боудóваль доⷨ свои на зéм҃ли безь фоу-доменьтоу. *S.* kto zaś słucháł [moich mów] a nieuczynił, *podobny jest człowiekowi, ktory zbudowáł dom na zięmi* okrom *fundamentu. Sz.* Ale kto słucha, *á nie czyni, podobny jest człowiekowi,* ktory buduje dom swoj ná ziemi krom gruntu. *Sew.* Ale kdož slyssý, a nečinij, podoben gest člowěku, kterýž stawij duom swuoy nazemi bez základu.[4])

VII 10. â кóлисы вер҃ноули до домоу ты̏ котóрыи̂ были по-слáни и̂ наш҃ли ô нóго то немóщного слоу́гоу оу̂з҃дóровлéн҃на. *S. A gdy się wrocili do domu ci, ktorzy byli posłani,* naleźli zdrowem onego sługę niemocnego. *Sz.* I wrocili sie, ktorzy byli posłani, do domu y náleźli sługę, ktory był niemocny, zdrowego. *Sew.* wrátiwsse se pak ti, kteržijž posláni byli, do domu, nalezli služebnijka, kterýž byl nemocen, zdrawého.

VII 20. *EP.* â пришоⷣши к҃ немоу ôны̏ тò моу́жеве, рек҃ли. *S. A przyszedwszy* doniego *onilo mężowic, rzckli. Sz.* A gdi przissli do niego mężowie, rzekli. *Sew.* A když přissli kněmu mužij, řekli sau.[5])

---

[1]) Wen.: wsseczky, Netol. wssecknу.
[2]) Wen : ssyei gest, Netol. ssel za nijm.
[3]) Wen.: gessto.
[4]) Wen.: bez základu, Netol. bez gruntu
[5]) Wen.: rzekli gsú, Netol. řekli.

VII 47. *EP.* и д҃ла то́гожь повѣ́даю то́бѣ... (ѿпоу́щено є̂й). *S. Dláczegoć powiedám, że... Sz. Dla tego powiádam thobie, odpusszczono jej... Sew.* Protož prawijm tobě, odpausstěgijť se gij...

IX. 12. *EP.* дн҃ь па́кь ю̂жь по́чальсѧ коу вечерови скланѧти. *S. A dzień się począł [ku wieczorowi] skłaniać. Sz.* A dzień począł sie był skłaniać. *Sew.* Den pak počal se nachylowati.

Dla większej jasności przytoczę dwa urywki wymienionych tekstów paralelnie, *a*) z ew. Marka VI 45—51, *b*) XIII 31—36.

a)

EP.

45. Й борзо̀ при́ноудиль оу́ченикы свои̂ всѣ́стѝ вло́дю а впе́ред є́хати на́ о̂ноую̀ сто́роноу до вифсаи́ды а̂жь по́кы са́м ро́споустить на́роды. 46. Й ро́споустивши их шѐль на́ гороу молитисѧ̀. 47. а̂ ко́ли южь быль ве́черь. была̀ ло́дѧ на́серед морѧ а̂ о̂нь са́м на земли̂. 48. Й оу́видѣль их а̂ о̂ни сѧ мръдоую̂ть оу пла́ванїи̂ бо̂ быль и́м вѣ́трь противный. Й ıако бы̂ о̂ четве́ртой сто́рожѝ но́щной, при́шоль кни́м хо́дѧй по́ мороу̀ й хо́тѣль и̂хь ми́ноути̂. 49. а̂ о̂нѝ оу́зрѣли̂ є̂го̀. а̂ о̂нь хо́ди́ по́

S.

45. A [zatem] natychmiást przymusił ucznie swoje *wsieść włódź i przód jachać na drugą stronę* do Bethsajdy, asz by on odprawił rzészą. 46. A odprawiwszy jé poszedł na gorę modlić się. 47. *A gdy jusz był wieczor była łódź na śrzód morza, a on sám* tilko *na ziemi.* 48. *i ujrzáł je a oni się mordują pojeżdżając, bo im był wiatr przeciwny.* A gdy było około *czwártyj straży nocnéj,* idzie do nich po morzu idąc [chodząc] *i chciał jé zminąć.* 49. A oni ujrzawszy go a on po morzy idzie, obłudę [abo marę] być mniemali *i*

Sz.

45. I nátychmiast przymusił zwolenniki swoje wstąpić w łodź, áby go uprzedzili przes morze do Betsajdy, dokądby on nie rospuścił ludu. 46. Y gdy je rospuścił, *szedł ná gorę modlić sie.* 47. Y gdy było wieczor, byłá łodź ná pośrzodku morzá, *á on sam ná ziemi.* 48. I widząc je prácujące w pławieniu, ábowiem był wiátr przeciwny im, i około czwartego czucia nocnego przyszedł do nich chodząc po morzu i chciał je przeminąć. 49. Ale oni, gdy ujrzeli go chodzącego po morzu, mniemali, żeby obłudá byłá *i krzyk-*

Sew.

45. A y hned přinútil učedlnijky swé wstupiti na lodij, aby gey předessli přes morže do Bethsaydy, ažby on rozpustil lid. 46. A když ge rozpustil ssel[1]) na huoru aby se modlil. 47. A gdyž byl[2]) wečer byla[3]) lodij u prostřed moře a on na zemi. 48. A wida ge že usylugij w plawenij, neb gim byl wijtr odporný. y přy čtwrtém bděnij nočnijm přyssel[4]) knim chodě po moržy. y chtěl[5]) ge pominúti. 49. A oni když uzřeli[6]) gey an chodij pomoři, domnijwali se[7]) žeby obluda byla. y zkřykli gsau (50) neb gey wssyckni

[1]) Wen.: ssyel gest.
[2]) Wen.: gest byl.
[3]) Wen.: byla gest.
[4]) Wen.: przygijde.
[5]) Wen.: chtiel gest.
[6]) Wen.: gsú uzrzeli.
[7]) Wen.: mnieli gsú.

мороу̀. до́внималисѧ аже бы что̀ злое́ было̀. а крыкноулѝ 50. бо̀ его̀ были всѐ оу-зре́лѝ. и засмѹтилисѧ̀. а борзо про́мовѝ кни́мь ре́коучѝ. боу́дьте до́брой на́дѣѝ, не́ бонтесѧ̀ а̀ є̃. 51. а встоу́пиль до́ них вло́дю̀. и пе́рестаь вѣ-трь.

krzyknęli. 50. *Bo go byli wszyścy ujrzeli* [widzieli] i wstrwożeni byli. Leć on natychmiást mowił z nięmi [przemówił ku nim] i rzecze im, *bądźcie dobréj nadzieje,* jáciem jest, nie bójcie się. 51. *i wstąpił do nich włódź* a wiatr się uciszył.

nęli. 50. Abowiem wssytcy go widzieli i zasmuceni są. I nátychmiast mowił z nimi i rzekł im. Dufajcie, jam jest. Nie chciejcie sie bać. 51. *I wstąpił do nich w łodź i przestał wiatr.*

widěli y zarmútili se.[1]) A yhned promluwil knim a řekl gim: Daufaytež neboytež se,[2]) yáť gsem: 51 Y wstúpil knim na lodij, a přestal gest wijtr.

b) Marek XIII 31—36.

EP.

31. Нбо а зе́млѧ пе́реминоуть, але сло́во моѐ не перемине́ть. 32. А ѡ ѻномь то̀ дни а годинѣ. ни́кто не́ вѣдаеть. ни̇̀ аггли̇̀ ко́торыи̇̀ соуть вн҃бѣ. а нѝ с҃нь едносам ѡ҃ць. 33. мѣ́нтесѧ ѡсторо́жнѐ. а чоу́йте а м҃лте сѧ. бо не вѣдаете ко́ли часъ боу́деть. 34. ѩкь же ато́й ч҃лкь ко́торыи̇̀ же то̀ да́леко ѿшоль ѿпоу́стивши до́мь своѝ. а да́ль слоу́гамь своѝмь маетности своѝ ко́ждомоу зни́хь, а ро́боту̀. а во́ротномоу̀ при́казаль абы сте́-

S.

31. *Niebo i ziemia przeminą,* słowa moje nieprzeminą. 32. *A o onymto dniu i godzinie nigd niewie* [tesz] *ani* Angiołowie, *ktorzy są w niebie, ani syn, jedno ociec.* 33. *Mijcie się ostrożnie, czujcie a módlcie się, bo nie wiécie, kiédy czas będzie* [rownie] 34. jako [kiedy ktory] człowiek przebywá wobcym kraju *opuściwszy dom swoj* i dáwszy *sługám swoim majętność* (moc) *[swoję] i każdemu je*[o] *robotę a* odźwiernemu *(wrotne*[u]*)* roskazał, aby czuł. 35. *Czujciesz* tedy,

Sz.

31. *Niebo y ziemiá przeminą, ále słowo moje nie przeminie.* 32. A o dniu onym álbo godzinie *nikt nie wie,* áni ángiołowie w niebie, *áni syn jedno ociec.* 33. Pátrzajcie, czujcie y modlcie sie, ábowiem nie wiecie, kiedy czás będzie. 34. Jako człowiek ktory dáleko odssedł, opuścił dom swoj y dał sługō swoim moc wsselkiego uczynku, y wrotnemu przykazał áby czuł. 35. *Przeto czujcie,* ábowiem nie wiecie, kiedy pan domu przyidzie *wieczor álbo w pułnocy,*

Sew.

31. Nebe a země pominau, ale slowa má nepominau. 32. Ale o tom dni a hodině nižádný newij, ani andělé w nebi, ani syn, gedine otec. 33. Vizte, bděte a modlte se, neb newijte kdy čas bude. 34. Jakožto člowěk, kteryž gest daleko odssel, opustil dúm swúj a dal služebnijkúm swȳ statek, a gednomu každému dijlo geho,[3]) a wrátnemu přikázal aby bděl. 35. Protož bděte nebo newijte, kdy hospodarž domu přijde: u wečerli, čili opúl nocy, čili když kauři pěgij, čili ráno.

---

[1]) Wen.: zamútili se.
[2]) Wen.: mieytež doufanije, yáť jsem, neboytež se.
[3]) Wen. dal služebnikuō swým mocz nad každým dijelem

регль. 35. про́тожь чоуй́тѐ бо́ не вѣдаѐтѐ ко́лѝ го́сподарь до́мовый̀ при́деть. лю́бо въ ве́черь. а̂лбо́ в полно́чѝ. чи́ па́кь ко́лѝ коу́рь за́поѐ. а̂лбо̀ ко́лі свитаѐть. 36. а̂бы на́гле пришо(д)шѝ не́ нашоль ва́сь а̂ вы̀ спи́тѐ.	bo niewiécie, kiedy pán domu przyść má [jeśli] *wieczor abo wpułnocy,* jeśli (abo) kiedy kurowie pieją *abo kiedy śfitá.* 36. *By nágle przyszedwszy niénalásł wás a wy spicie.*	czyli kiedy kury poją czyli ráno. 36. isz gdy by prziszedł nagle, nie nálasł was spiących.	36. aby když přigde wnáhle nenalezl wás a wy spijte.

Wzajemny stosunek tych tekstów wystąpiłby o wiele jaśniej, gdyby uwzględnić różne lekcje ewangelji w zabytkach cerkiewnych na podstawie cytowanego już dzieła Woskreseńskiego. Stronę tę obecnie pomijam, když wiąże się ona już z kwestją bliższego oznaczenia źródła cerkiewnego EP-ej i musi z czasem być rozpatrzoną osobno. Na razie przyjmuję tymczasowe zapatrywania Gruzińskiego o tem, z któremi się trzeba zgodzić.

Na polskie źródło wskazują nadto *błędy* tekstu EPej, powstałe wskutek wykolejenia składni wzoru, przestawienia porządku słów tekstu polskiego, a może też mylnego odczytania rękopisu polskiego, itd. Stwierdzę to na kilku przykładach z ewangelji Łukasza.

I 6. *EP.* а̂были о̂боѐ справеливы перебго́мь. *S. a byli oboje przed bogiem sprawiedliwych*; *Sz.* a byli spráwiedliwi oboje przed bogiem; *Sew.* byli sau[1]) oba sprawiedliwá před bohem; Ew. Halicka z r. 1144 (=EH.) бяста же оба правьдїва прѣдъбмъ.

Tekst EP. co do ilości i jakości słów zgadza się z S., ale odstępuje od polskiego szyku wyrazów, dlatego znaczenie zwrotu zostało zaciemnione.

I 19 EP. послань есмь а̂быхь мо́виль кто́бѣ . а̂ тыхь рѣчїи а̂быхь весело то́бѣ пови́дѣль. *S.* jestem posłán, abych mówił ku tobie i tyć rzeczy za wesołą nowinę powiedziáł; *Sz.* posłan jestem mowić do ciebie y ty rzeczy tobie opowiádáć; *Sew.* poslán sem, abych mluwil tobě, a tyto wěcy tobě zwěstowal; EH. посланъ юсмь глати к тобѣ и благовѣстїти тобѣ се.

Gen. plur. тыхь рѣчїи został błędnie użyty zam. acc. pl. zapewne wskutek niezrozumienia pol. „tyć rzeczy". Jest to

[1]) Netol. byli pak (bez: sou).

tembardziej prawdopodobne, ponieważ wyraz „весело“ wskazuje na tosamo źródło (p. pol. wesołą nowinę), a nadto ponieważ w EP. acc. plur. rzeczowników żywotnych a nawet osobowych równa się nom. pl. a nie genetiwowi plur. (волы пасеть; выганꙗль бѣсы, нáоучá люди), a więc tembardziej u nieżywotnych.

III 1. *EP.* Филипь пáкь . . . быль справца ȃтоурей итрахонитьскый, — Лисáниȃшь авилейскымь; *S.* (tetrarchami byli. . .) Philip Ituréjej i krainy Trachonitskiéj, a Lysanjasz Abileńskim; *Sz.* (tetrachą Galilei był Herod) a Philip tetrarchą Ituriej i Tráchonithskiej ziemie, á Lisániasz Abileńskim tetrarchą. . . *Sew.* Filip pak (byl) správce Ytureyský a Trakoditský [1]) kraginy, a Lizanyass Abilinský wládař; EH. . . . и лоусанїю четвьртовластьствоующю авилиниѥю. Z kilku niedokładności w III 1 zwrócę uwagę na określenie „авилейскымь“, które odpowiada S. i zgadza się z językiem pol., w którym orzeczenie imienne występuje zawsze w instrumentalu, ale stoi w sprzeczności z kontekstem EP-ej.

III 7. *EP.* ȃбы ȇсте перéдь гнѣвомь прийшлы (!) и оутéкли; *S. abyście przed gniewem przyszłym uciekli*; *Sz.* (kto ukazał wam) uciekáć od przyszłego gniewu; *Sew.* abysste utekli před budaucým hněwem; EH. (кто съказа вамъ) бѣжати ѿ грꙙдоущꙙго гнѣва.

Oznaczona przez wydawcę Żyteckiego wykrzyknikiem błędna lekcja EP. прийшлы и оутекли, zamiast пришлы, co można zrekonstruować według S., tłumaczy się zapewne tem, że wzór miał w tem miejscu zwyczajny dla zachodniego średniowiecza znak skrócenia dla litery *m* (przyszłẙ, zam.-ym). Slady skrótu tego można upatrywać w EP. w częstem wynoszeniu *m* nad literę poprzednią, por. сты (L. II 26), пано (III I), дхо (IV I), едино (IV 4) кни (IV 23), та (V 2), i t. d. i t. d. Zresztą skróty w EP-ej zasługują na osobne zbadanie i porównanie z najstarszemi zabytkami piśmiennictwa Słowian. Ubocznie nadmienię, że skrót powyższy zjawia się w EP. czasem błędnie,

[1]) Netol.: Trakonyditský.

np. ѿто за до́бро҃ (VI 34) zamiast występującego tamże добротъ lub доброта (VI 33).[1])

III 23 *EP*. Ѧ ис҃ъ... во́днедовнимана[2]) сн҃ъ і҃ѡсифовъ; *S*. Jezus... wedle mniemaniá syn Josephów; *Sz*. A Jezus... isz mnieman był być syn Jozephow; *Sew*. A on Gežijss... kterýž byl domnijn syn Jozeffuow; EH. Іс҃ъ... сн҃ъ сыи ꙗко мьнимъ бѣ иосїфовъ.

Nie ulega wątpliwości, że wyraz во́днедовнимана powstał wskutek jakiejś pomyłki. Przy pomocy tekstu S. można tu zrekonstruować ˣводле довнимана, chociaż nie wiadomo, czy wyraz водле w EP. istnieje; odpowiadałby on zupełnie ros. возле = *воздле dialektycz. возли i polskiemu wedle. Kto zabytek ten uważałby nie za oryginał, ale za bardzo wczesną kopję, ten mógłby tu czytać *подле, ale taka lekcja mało ma prawdopodobieństwa, chociaż podobny stosunek EP. do S. istnieje, n. p. VII 38: ста́вши ѝзъ задоу подле ногъе́го; S. stojąc z tyłu *wedle* nog jego; Sz. stanąwszy styłu u nog jego, czes. stogecy z zadu u noh geho.[3]) Wyraz następny w powyższym zwrocie nie budzi wątpliwości, po pierwsze bowiem już w BZ. obok domnimać (się) mamy: domnimanie, a po drugie zmiana mn = vn, t. j. dysymilacja sąsiednich spółgłosek nosowych, trafia się w gwarach ruskich do dziś (por. ki̯nata = komnata, teu̯nyi̯ = temnyj), a ślady jej widoczne są także w kodeksie EP-ej. W danym wypadku współdziałała zapewne metateza i skrzyżowanie się z wyrazem: domniwaty śa.

Po wydaniu całego zabytku trzeba będzie wyjaśnić genezę wszystkich zniekształceń i przekręceń tekstu EP., a teraz, pomijając dalsze ich wyliczanie, dodam jeden jeszcze przykład przekręcenia glosy: VI 42 *EP*. лѝцемѣрниче (о глоупый чл҃че) вы́йми ѐпере́ ... *S*. Obłudny [człowiecze] wyimi piérwyj..., *Sz*. Przykryty człowiecze, wyrzuć pierwej...; czes. Pokrytče wywrz prwé... EH. лїцемѣре, изми̑ пьрвѣе. Powyższa glosa w EP. jest niewątpliwie błędnem przeczytaniem jakiegoś źródła, w którem zwrot ten podobny był do tekstu S., a źró-

---

[1]) Podobna oboczność słowotwórcza znajduje się też w BZ. *dobroć* (285 a 14) obok *dobrota* (153b 33), por. Babiaczyk, Lexicon zur apln. Sophienbibel 1455. Wrocław 1906.

[2]) *Gruzinski* w przedruku tego urywka czyta; водне до вни́ма́на, zdaje się niesłusznie (Журн. М. Н. Пр. 1912. V. 325).

[3]) Czasem jednak stosunki między interesującemi nas tekstami są inne, por. V 1. EP. полевѝ ѐзе́ра, S. nad jeziorem. Sz. wedla jeziora, czes. podlé gezera.

dłem tem był zapewne starszy tekst polski, który służył też w jakimś odpisie Seklucjanowi, a właściwie Murzynowskiemu. Gdyby EP. uznać za odpis, to możnaby sądzić, że do przekręcenia przyczynił się skrót ѻблоуныи w którym *d* było wyniesione nad linję, co w kodeksie EP. zjawia się bardzo często.

Parę błędów można znaleźć w przytoczonych wyżej urywkach z tekstu, n. p. Mr. XIII 34. дáль слоу́гамь своймь маѣтности свой кóждомоу зни́хь, ӣ рóботоу̀ i t. d., co łatwo poprawić według S. (por. wyżej str. 490).

W wydanej przez Żyteckiego części EP. spotyka się dość często glosy. Tłumaczą one wyrazy mniej zrozumiałe albo podają bliższe określenie ich znaczenia. Niektóre z nich charakterystyczne są tem, że występują jako glosy (w tekscie z nawiasem kanciastym lub obok na marginesie) także u Seklucjana, do którego dostały się, jak wykazał Warmiński,[1] ze starszych tekstów polskich. Fakt ten przemawia za słusznością wypowiedzianego poprzednio poglądu o bliższym związku EPej z tekstem polskim. Taki sam wniosek wypływa, gdy glosa EP. znajdzie się w teksie bieżącym S (lub Sz) albo też odwrotnie. Trzeba zaznaczyć jednak, że w EP. są nadto glosy o innem zabarwieniu, jedne z nich dają lepsze tłumaczenie ruskie, drugie zdradzają wyraźnie powłokę czeską. Kilka glos, które poprzednio wypowiedziany pogląd na stosunek EP. do polskiego tłumaczenia potwierdzają, przytoczę: Luc. I 6 EP. бéзь порока (безприганы), *S. Sz.* krom przygany, czes.[2]) bez auhony, Wen.[3]) bez żaloby. Luc. II 32 *EP* свѣ́ть ... ꙗзыкомь (погáноͫ) *S.* poganom, *Sz.* poganow, czes. wssem lidem, Wen. pohanuom, Luc. IV 16 *EP* бы́ль въспитань (выховань). *S.* był wychowan, czes. byl wychowán (*Wen.* byl krmen). Luc. V 18, *EP.* рослаблень (дною зламáнь), S. paraliżem zarażony [dną złamany], czes. dnau zlámaný. Luc. V 29 *EP* оучреждеnїе великоѐ (калацыю), *S.* kollację wielką, czes. hody vel., Luc. VI. 4 *EP.* хлѣ́бы прѣложеный ꙗль (пóсвꙗченый) *S.* chleby wykładane, *Sz.* chleby poświęcone, czes. chleby poswátné. Luc. VI 44. *EP.* смоќвы (фикги), *S.* fig, *Wen* fiků *Sew.* fijkuow. Luc. X 30 *EP.* обыбрали (або одежоу

[1]) Warmiński op. cit.

[2]) W tekscie Sew. i Net.

[3]) Pewne różnice, które zachodzą w czeskiej biblji Weneckiej (1506 r.) w porównaniu z wydaniami późniejszemi zaznaczyłem już wyżej w uwagach do tekstu Seweryna.

зволокли), *S.* złupili [zewlekli abo obrali], *Wen.* oblúpili *Sew.* obloupili. Luc. X 35 *EP*, два среброники (два таляры або два грошѣ) *S.* dwu groszu, czes. *Wen. Sew.* dwa peníze. Luc. XI 12 *EP.* яйца чи скорьпію (скоролоупоу (sic) або медведька), *S. Sz.* niedźwiadka *Sew* sstijra. Luc. XII 46 *EP* розделит его (або розотнеть) и честь (sic) *S.* rozetnie go a część *Wen.* oddielij gey a dijel, *Sew.* rozdělij... Luc. XVI 21 *EP.* гной єго (вроды або болячки), *S. Sz.* wrzody jego, czes. nežyty geho. Jan IV 12 *EP* скоти его (товарь або быдло), *S.* dobytki [bydła], czes. dobytek itd. Mimochodem można zauważyć, że w glosie *EP.* znajdzie się czasem wyraz zgodny z cerkiewnym tekstem, co jest charakterystyczne dla techniki tłumaczenia, n. p. Luc. III 5. всякая гóра и пагорóкь (и хóлмь) смирится, *S.* wszelka gorá i pagorek będzie uniżon, *Sz.* ...zniżon, Net. každa hora a pahrbek bude ponijžen (*Sew.* podobnie), EH. вся гора и хълмъ съмѣрїться.

Bardzo znamienną i wskazującą na bliższe stosunki z protestantami może być glosa EP. do Luc. XVIII 25: вельбоудоу (оужищоу дебеломоу).[1]) Ślady podobnego tłumaczenia czy objaśnienia znajdują się później w Rosji.[2])

Kodeks peresopnicki posiada na początku każdego rozdziału ewangelji krótkie, otoczone czerwoną linją (въ очерьтах) streszczenia. Tłumacz usprawiedliwia wprowadzenie tych sumarjuszy jako nowość na gruncie cerkiewnoruskim i zaznacza, że robi to z tej przyczyny, aby każdy wiedział, ile „зачаль" poszczególny rozdział zawiera, a nadto „тыж для людій законоу римского, сирѣчь латинянь, иже внихь нé взиваютсѧ зачалá, єднò кáпитулы, а пó нашемоу языкоу глáвы" itd.[3]) Źródło tych streszczeń trudno oznaczyć, gdyż S. nie zawiera ich wcale, u Szarff. są znacznie krótsze tak, że pozostaje tylko porównanie z tekstami czeskiemi, chociaż nieco wskazówek o stosunku tych sumarjuszy do języka polskiego może dostarczyć dokładne

---

[1]) Tłumaczenie to zawdzięcza swój początek tekstom greckim, które κάμηλος wielbłąd poprawiły na κάμιλος ‚lina, sznur'. Lekcję taką przyjął do przekładu łacińskiego Erazm Rotterdamski, z ktorego wcześnie pojawił się przekład czeski przez Matjasza z Dworišt (1533 r.). Porównanie EP. z tym tekstem było mi niedostępne.

[2]) M. *Vasmer* (R S IV. 188) zwrócił uwagę na istnienie tego tłumaczenia w słowniku Polykarpowa (Лехїконъ трεязычный Moskwa 1704).

[3]) Por. Żytecki, op. cit. 22.

rozpatrzenie ich cech językowych, n. p. w streszczeniu do rozdziału XIV ew. Łukasza, które tutaj przytoczę, znamienne są wyrazy: оу̂чта, калацѣꙗ.

Єѵⷢлі́ста выписоуѐ . ꙗ̂кь х҃с оу̂здо́ровиль в҃днь ст҃чный, во́дою затроудненого чл҃ка . тыжь наоу̂чаё̂ть . а̂бы на́ оу̂ⷯчта, а̂бо на калацѣꙗ̂хь подлѣишеѐ мѣ́сцѐ, посѣдатй̂ . а̂ оу̂богый на ѻ̂бѣ́дь . а̂бо на вечерѣ̀ позыватй̀ . тыⷤ приⷮча . а̂бо по́добеньствѐ, ѻ̂ великой вечерй̀ . а̂ ѻ̂ сотворенїй стлъпа̀ а̂бо вежѣ̀, й̂ ѻ̂цр҃и ко́торыи то ма́ль[1]) во́ё̂вати . глава д҃і.

4. Zakończenie.

Rozbiór powyższy pozwala stwierdzić, że EP. wykazuje nie tylko pokrewieństwo z tekstami czeskiemi, ale także z N. T. Szarffenbergera. Co do stosunku zaś jej do N. T. Seklucjana, to mamy w obu nie tylko jednakowe wyrazy i glosy, pokrewne formy (konstrukcja z participium na — wszy, na ąc = оучи, itd.), ale w EP. znajdujemy czasem całe zwroty i zdania charakterystyczne *tylko* dla przekładu t. zw. Seklucjana.

Wspomniałem jednak, że faktycznie źródłem polskiem nie był prawdopodobnie Seklucjan, a tem mniej Szarffenberger, który tak często zresztą zgadza się z tekstami czeskimi, ale zaginiony dziś starszy przekład polski rękopiśmienny. Że tłumacz EP. używał też tekstu czeskiego, zapewne drukowanego, wskazują wśród innych cech także sumarjusze przed poszczególnemi rozdziałami ewangelij. Za przyjęciem *starszego* tekstu polskiego jako źródła dla EP. przemawiają niektóre właściwości językowe, np. postpozycyjne użycie przyimka dla (того длѧ), częste zachowanie form złożonych czasu przeszłego, używanie instrumentalu w orzeczniku imiennym, itd. Uderzający związek EP. z tekstem polskim idzie tak daleko, że można mieć nadzieję, iż po dokładnem oznaczeniu wzoru cerkiewnego EP-ej i po wydzieleniu elementów cerkiewnych i ruskich (form i fonetyki) uda się z czasem na podstawie całości tekstu EPej hipotetycznie oznaczyć właściwości zaginionego obecnie starszego tekstu polskiego, zawierającego przekład ewangelij, co

[1]) Forma malь (dziś: маџ = miał) występuje w EP. kilkakrotnie, n. p. Luc. XX. 11, XIII 6 ii. Są to zapewne najstarsze przykłady używania na piśmie tej postaci, która powstała wskutek analogji do tematu praesentis i obecnie używa się już powszechnie w gwarach ruskich i w języku literackim.

nie będzie bez znaczenia dla filologji polskiej, szczególnie wtedy, gdy na porządek dzienny wypłynie w niej kwestja ustalenia różnych redakcyj w tłumaczeniach Nowego testamentu jakoteż ich źródeł. Czy między EP-ą a tym Nowym testamentem, który był niegdyś częścią składową najstarszej zachowanej biblji polskiej (Biblji królowej Zofji), istniał bliższy związek, to na razie trudno wypowiadać jakiekolwiek przypuszczenia bez dokładnych badań językowych. Zwrócę tylko uwagę na parę szczegółów: BZ. uważa się powszechnie za własność królowej Zofji z rodu Holszańskich, a z tegoż rodu pochodziła również późniejsza fundatorka EP-ej Anastazja; przepisywanie kodeksu ukończono 1561 r. a więc równo w sto lat po śmierci królowej Zofji; z dziejów Psałterza florjańskiego wiadomo, że nabył go w r. 1557 niejaki Siess od włoskiego przekupnia, a w ręce tegoż dostał się on zapewne od Bony, która przed wyjazdem z Polski (1556) ogołociła zamek królewski, sprzedawszy poprzednio już to, czego nie mogła lub nie chciała wywozić. Nie mamy żadnych wiadomości, czy do rąk Siessa dostała się także BZ., jak to przypuszcza Małecki,[1]) czy z Nowym testamentem, czy też bez niego. Faktem jest, że w r. 1562 do Krotoskich (akatolików) należał już tylko Stary testament. Bliższe wyjaśnienie tych szczegółów wtedy będzie dopiero ewentualnie zadaniem realnem, gdy sprawa źródeł EP. zostanie załatwioną definitywnie.

Pierwszorzędne znaczenie EP-ej dla filologji ruskiej dawno zostało uznane, ale już obecnie, zanim odpowiednie do wartości tego zabytku studja zostaną wykonane, pewne sądy o nim muszą ulec modyfikacji. Przedewszystkiem w innem świetle ukazuje się osoba tłumacza, którego wykształcenie stawiano zbyt wysoko. Upada więc następujący sąd Gruzińskiego: „Не подлежит сомнѣнію, что он (tłumacz EP-ej) зная много языков: славянскій, современный ему литературный южно-русскій, польскій, латинскій, чешскій, возможно, что знал он греческій и нѣмецкій",[2]) szczególnie gdy zważymy, że tekst cerkiewny nieraz on przekręcał,[3]) a tłumaczył go, jak się zdaje,

---

[1]) *Małecki.* Biblja królowej Zofji, Lwów 1871, str. XXXIII. uwaga.

[2]) Грузинскій А., Пер. Е. какъ памятникъ искусства... (Искусство I, Kjów 1911). Opinję tę prawie dosłownie powtórzył Woźniak (Істор. укр. літ. II 11).

[3]) N. p. Luc. X4 ѧни пирѝ (покарьмовь) Glosa ta dodana została zapewne

wogóle tylko przy pomocy przekładu polskiego. Wprawdzie Michał Wasylewic, trzeba to powiedzieć z uznaniem, poszedł drogą odmienną, niż później Negalewski, który przenicował tekst z Czechowicza wraz z przedmową, zmieniając tylko imiona, ale przypuszczam, że staniemy w każdym razie bliżej prawdy, niż Gruziński, gdy zbliżymy tłumacza EP. do tej kategorji pisarzy XVI wieku, których następująco scharakteryzował kś. Skarga, znający stosunki ówczesne z doświadczenia: ,,Słowieńskiego języka teraz prawie nikt doskonale nie rozumie, stąd popi, gdy co w słowieńskim chcą rozumieć, do polskiego się udać po tłumactwo muszą, abo więc tylo usty a w czytaniu doktormi są. I innej szkoły chyba na czytanie nie mają.''[1]) Możliwą jest tylko rzeczą, że tłumacz EP. z trudem posiłkował się w swej pracy także tekstem czeskim i o tyle stał wyżej od współczesnych sobie ,,popów''. Ostatnie jednak przypuszczenie wymaga obecnie dokładniejszego rozpatrzenia stosunku EP. jakoteż tekstu Seklucjana do tekstów czeskich.

Zabytek EP., ważny niezmiernie dla historji języka ruskiego (ukraińskiego), nie może być żadną miarą stawiany za wzór dla tłumaczy dzisiejszych pisma św., chociaż na podstawie podanego przez Żyteckiego rozbioru nowych przekładów[2]) wysnuł mimochodem wniosek podobny, znakomity uczony ruski, J. Franko.[3]) Współczesny tłumacz nie mógłby wciągać

---

wprost z domysłu, nie zaś z powodu zmieszania gr. *πυρός* ,pszenica' z *πήρα* ,torba', ,moszna'. Kulisz tłumaczy; **торбини,** Baczyński; **торбы.**

Luc. XVI. Zamiast cerk. да... прїнмоутъ (EH.) mamy w EP. tylko indicat. прїйму҃, choć błędnie.

Marc. VI. Zamiast cerk. въз-с,-матошася, смоутишася (por. Woskreseński, **Ев. ап. Марка, 1894 р. 208/9)** mamy tu: и засмꙋтилися, chociaż u Sekl. wstrwożeni byli, w staroczesk. (Olom., Wen): zamútili, a tylko później u Sew., Hada, Net.; zarmautili se, a także u Szarff. zasmuceni są.

Jan XII Июда... который его (scil. Jezusa) хотѣль продати zamiast cerk. иженхотяше прѣдатї (E.H), co poprawnie oddano w stczes. genž gey miel zraditi, w stpol. który go miał wydać (S. i Sz.).

Wprawdzie w następnym wierszu (XII. 5) jest mowa o sprzedaży wonności, do tego może odniósł tłumaćz zdanie poprzednie, ale to świadczy albo o niedbalstwie lub o nieszczególnej znajomości cerkiewnego tekstu. Przypuszczam drugą możliwość.

Tłumacz EP. nie znał również łaciny, gdyż n. p. wyraz centurio, może znajdujący się we wzorze jako glosa przy słowie setnik, objaśnia on jako imię własne, por. Luc. XXIII. 47; оувидѣвши то сътникъ, (которомоу то было имя цинтириѡнъ).

[1]) P. *Skarga*, O jedności kościoła Bożego. Wilno 1577. 359 i n.

[2]) Житецкій П. О переводахъ евангелія на малорусск. языкъ, СПтб. 1906 (Odbitka z ,,Изв. отдѣл. русск. яз. и слов. А. Н.'' t. X).

[3]) ,,Виходить прецікава річ, що найстарший переклад, Пересоп. эвангеліє, являеться взірцем, якого не досягли ані Лободовський ані

całych działów z tekstu cerkiewnego, jak to zrobiono w EP., ale każdy wyraz musi przełożyć zgodnie z duchem języka współczesnego, dbając zarazem o dokładne oddanie wzoru greckiego, a ostatnia praca Żyteckiego pouczyła dobitnie, że wymaganiom tym bardzo trudno jest zadość uczynić.[1])

Lwów 1925.

Jan Janów.

Куліш з Пулюєм, і з яким зрівнався один Морачевський . . .“ (Записки Наук. Т-ва Шевченка, tom 70).

[1]) Por. też *Sajdak*, Nowe tłumaczenie pisma św. i jego stosunek do Wujka. Lwów 1918. (Odb. z Miesięcznika katechetyczn. i wychow.).

Przypisek. Do tłumaczeń ruskich pisma św., które opierają się na źródle polskiem (por. wyżej str. 473), n leży też Apostoł krechowski z Apokalipsą, przełożony dosłownie (wraz z objaśnieniami) z biblji Radziwiłłowskiej 1563 r. Wzmiankę o nim, ze spisem treści, podał ks. Bocian (†), który zaznaczył, że w biblji owej nie ma odpowiednika tylko list do Laodycejczyków, znajdujący się w tym przekładzie; por. Стара Україна, VI 109 (Lwów, 1925). Pewne poszlaki wskazują nadto, że w tejże bibljotece O. O. Bazyljanów w Krechowie był niegdyś drugi tom, który zawierał ewangelje, prawdopodobnie z tegoż źródła i w ten sam sposób przełożone. Zapewne przekładów podobnych było więcej w XVI. wieku, ale w ciągu następnych burzliwych czasów mogły one ulec zniszczeniu lub pozostają dotąd w ukryciu jak wzmiankowany Apostoł.

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.

(Fortsetzung.)

V.

Rückblicke auf die südslavische Reformation und Gegenreformation. Zum Begriff der Gegenreformation.

Die vorangehenden skizzenhaften, den Gegenstand durchaus nicht erschöpfenden und vielfach nur die Anfänge berücksichtigenden Ausführungen zeigen immerhin deutlich, welch große Bedeutung der Reformation und der ihr als Reaktion folgenden Gegenreformation bei den Südslaven zukommt. Pr. Trubar und seine slovenischen Mitarbeiter sowie die von ihm angeregten und ursprünglich auch geleiteten Kroaten haben in kurzer Zeit Großes geleistet, das mit der Niederschlagung der Reformation nicht verloren gegangen ist, sondern befruchtend weitergewirkt hat. Im Laufe von nicht einmal 50 Jahren wurde bei den Slovenen eine allen religiösen Bedürfnissen der Zeit genügende Literatur hervorgebracht, die so starke Verbreitung fand, daß bei einem so kleinen Volke nicht weniger als 6 Ausgaben eines Kirchengesangbuches erschienen sind, was die Bewunderung eines Forschers wie Th. Elze [1]) erregte. Namentlich Pr. Trubar, dem Begründer der slovenischen und südslavischen Reformation überhaupt, spenden die deutschen protestantischen Forscher das höchste Lob. Theodor Elze [2]) faßte seine Verdienste in die Worte zusammen: „Trubar vollbrachte es, das Neue Testament und die Psalmen in die Sprache seines Volkes zu übersetzen, bei diesem die Reformation einzuführen, die evangelische Kirche in Krain zu errichten, eine Literatur in seiner eigenen

---

[1]) Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich, V. 1.

[2]) Pr. Trubers Briefe, 286.

Sprache zu begründen." Noch weiter geht in seiner Würdigung O. Hegemann:[1]) „Literaturschöpfer, Reformator, Kirchenbegründer, Bibelübersetzer, Kirchenliederdichter, wie sie in *einer* Person selten vereinigt sind."

Wir müssen es Trubar auch hoch anrechnen, daß er als Prediger schon in seiner Heimat (1530—47) von Gott eine Literatur für sein „arm, gemein, gutherzig windisch Volk" erflehte, als Emigrant in Bayern aus eigenem Antrieb und innerer Überzeugung selber zur Feder griff, als er zu seinem Volk nicht mehr sprechen konnte,[2]) und seine schriftstellerische Tätigkeit auch nach seiner endgültigen Vertreibung aus der Heimat (1565) bis zu seinem Tode (1586) fortsetzte, während Consul und Dalmatin ihre Tätigkeit nach Einstellung der Geldmittel ihrer Protektoren abbrachen. Auch das ehrt Trubar, daß er an einen Nachwuchs dachte und den Jahresgehalt von 200 Talern, welchen ihm die krainischen Stände bis an sein Lebensende auszahlten, hauptsächlich für Unterstützung armer Studenten und Flüchtlinge[3]) verwendete. Trubar sank auch nie zu einem bloßen Werkzeug höherer Personen herab, denn er emanzipierte sich bald von dem Diplomaten P. P. Vergerius, dem früheren Bischof von Capo d'Istria, und dem freigebigen Hans Ungnad, Freiherrn von Sonneck, deren sich Herzog Christoph von Württemberg für seine Evangelisationsbestrebungen in Italien und in den slavischen Ländern[4]) bediente. Natürlich hatte auch Trubar dem Herzog viel zu verdanken, der ihm als Flüchtling Pfarrstellen in der Nähe von Tübingen (Urach, Derendingen) anwies, um ihm die literarische Tätigkeit zu ermöglichen. Wie sehr jedoch Trubar seine Verbannung zu Herzen ging, zeigt seine Vorrede zum Psalter[5]), wo er deutsch zweimal von „meinem anderen Pathmos" spricht, slovenisch aber seinen Landsleuten aus seinem „Nirgendheim" schreibt (Tu vom sdai is muiga Nikdirdoma pishem).[6])

Daß südslavische Bücher vorübergehend in Württemberg gedruckt wurden, war keine sonderbare Erscheinung, wie

[1]) Carniola 1908, S. 71.
[2]) Fr. Kidrič, *Razprave*, izd. Znanstveno društvo, I. (V Ljubljani, 1923), S. 256.
[3]) Th. Elze, Die Superintendenten der evangelischen Kirche in Krain während des XVI. Jahrh., 20.
[4]) Bei den Nordslaven unterstützte er die Reformisten in Polen und die Böhmischen Brüder. Allgemeine Deutsche Biographie, IV. B., 247. (P. Stälin)
[5]) Ta celi Psalter Dauidou, v Tubingi MDLXVI.
[6]) O. c. Bl. 10., 15^{v}.

Schnurer[1]) meinte, und auch kein Zufall, vielmehr eine natürliche Folge des unfreiwilligen Aufenthaltes des Herzogs Christoph in Österreich, wo er in dem Slovenen Michael Tiffernus (d. h. aus Tüffer, slovenisch Laško, Warmbad bei Celje-Cilli in der ehemaligen Untersteiermark) einen vortrefflichen Lehrer und späteren Rat erhielt, und seiner begreiflichen Gegnerschaft gegen die Habsburger, denen er ihre südslavischen Länder, namentlich die innerösterreichischen, durch Förderung des slovenischen und serbokroatischen protestantischen Schrifttums abtrünnig zu machen versuchte. Als Trubar sich in Rothenburg a. d. Tauber (Bayern) nach einem Drucker seines Katechismus umschaute, fand er Unterstützung bei dem Tübinger klassischen Philologen Matthias Garbitius (Grbić) Illyricus,[2]) einem Kroaten, dem ersten Herausgeber von Hesiods *Ἔργα καὶ ἡμέραι* und bei seinem slovenischen Landsmann Michael Tiffernus.[3]) In Fr. Kidričs [4]) Gerüst zu einer Biographie Trubars finde ich dafür allerdings keinen Beleg, doch beruht die Nachricht Th. Elzes offenbar auf einer deutschen Quelle („Garbiz") und ist in der Natur der Dinge begründet.

Trubars beide ersten Tübinger Drucke waren zwar „mit großer Ungelegenheit und überflüssigen Unkosten"[5]) verbunden, ermöglichten ihm aber doch die Verbindung mit P. P. Vergerius, dem Herzog Christoph und Ungnad. Dagegen mußte er sich von Matthias Flacius [6]) Illyricus oder Slavus,[7]) der ihm nach seiner ursprünglichen Richtung [8]) und als Südslave nahestand, fernhalten. Auch Ungnad, Consul und Dalmatin konnten seine Hilfe nicht in Anspruch nehmen — nur vorübergehend wirkte er in der Ungnadischen Druckerei 1563 —, obwohl er sich für eine Mitwirkung besonders eignete, da er als Theologe

---

[1]) Slavischer Bücherdruck, S. V.

[2]) Vgl. über ihn die Monographie von Đuro Körbler, Humanista Matija Grbić, Rad jugoslavenske akademije., Knj. 145, S. 30—104.

[3]) Th. Elze, Die slov. prot. Gesangbücher des 16. Jahrh., Venedig 1884, S. 2. (SA. aus dem Jahrbuch d. Ges. für die Geschichte des Protestantismus in Österreich, V., S. 2.)

[4]) Razprave (s. vor. S. Anm. 2.) I., 254f.

[5]) O. c. 257.

[6]) Die ursprüngliche Form des latinisierten Namens Vlačić ist in ganz Istrien verbreitet. Fr. Bučar, o. c. 60.

[7]) S. o. 280—281.

[8]) In seinem Erstlingswerke, dem Katechismus, übersetzte er dessen De voce et vocabulo fidei, worin M. Flacius den Südslaven die neuen religiösen Ideen darlegte. Allerdings wurde sein Name von Trubar nicht genannt, noch weniger in den späteren serbokroatischen Katechismen.

und Gelehrter hoch über Consul und Dalmatin stand, der glagolitischen und cyrillischen Schrift mächtig[1]) war und bei seinen Landsleuten in Istrien in hohem Ansehen stand.[2]) In dem Lande des Oberhauptes der süddeutschen Protestanten gab es aber keinen Platz für den „scharfen Kopf, der den ursprünglichen Luther gegen Melanchthon zu retten unternahm".[3]) Er mußte sich in anderen Gebieten seine großen Verdienste für den deutschen Protestantismus erwerben und so kam es zu einem merkwürdigen Ausgleich: der Kroate M. Flacius, der noch mehr als Pr. Trubar berufen gewesen wäre, für die Reformation bei den Südslaven zu wirken, wurde zu einem Grundpfeiler der deutschen Reformation,[4]) Württemberg vergalt aber den Südslaven durch Förderung ihrer Literatur, was ihr Landsmann für den deutschen Protestantismus leistete. Für Trubar war es auch persönlich ein Glück, daß er nach kurzem Aufenthalt in Nürnberg und Rothenburg a. d. Tauber nur in schwäbischen Orten (Kempten, Urach, Lauffen a. Neckar und Derendingen) als Pfarrer wirkte, deren rebenbekränzte und von Wäldern gekrönte Hügel ihm seine unterkrainische Heimat am besten ersetzen konnten. Nur noch eimal übte das Schwabenland keine geringe Wirkung auf die Südslaven aus, als die schwäbische Schule und namentlich Uhlands Balladen ihre Dichtung stark beeinflußten.

Die südslavische Reformationsliteratur wurde von den württembergischen Theologen streng behütet und entsprach daher dem späteren konservativen Luthertum, obwohl Trubar selbst die ersten Anregungen von den Zwinglianern Pellican

---

[1]) . . . khan guet khrobatisch, die glagula und tschurulikha. I. Kostrenčić, Urkundliche Beiträge . . . 72.

[2]) Fr. Bučar, Povijest hrv. prot. književnosti za reformacije, 60—66.

[3]) W. Scherer, Geschichte der deutschen Literatur, 31.

[4]) Zum besseren Verständnis sei noch die Charakteristik erwähnt, die Eberhard *Gothein* in dem Aufsatz „Die kulturellen Grundlagen der Gegenreformation" (Intern. Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik, B. I. (1907), S. 588), von ihm gibt: „Der letzte schöpferische Kopf unter den Reformatoren, Flacius Illyricus, unübertroffen an Talent, Fleiß, Reinheit und Unbeugsamkeit des Charakters, freilich zugleich ein heimatloser Halbbarbar (?), dessen Maßlosigkeit die eigene Partei zerrüttete." Ein echter Kroate, wie es deren in der Geschichte bis auf den heutigen Tag viele gab. Es wäre eine interessante Aufgabe, Flacius Illyricus vom Standpunkte seiner Rasse und Heimat zu beleuchten. Der „Halbbarbar" wird dabei allerdings stark eingeschränkt werden müssen, denn weder das österreichische noch das venezianische Istrien stand in der Kultur der höheren Stände besonders zurück und Flacius stammte väterlicher- und mutterlicherseits aus Patriziergeschlechtern.

und Bullinger[1]) erhielt und auch später dem Zwinglianismus geneigt blieb,[2]) bis 1560 M. Flacius unter den Slovenen das Übergewicht hatte[3]) und auch in Istrien starken Anhang fand, in den Küstenstädten der östlichen Adria aber der Kalvinismus über Italien im Anzug war und aus Ungarn auch nach Kroatien und Slavonien vordrang. Sogar bei den Slovenen in Prekmurje (d. h. das Land jenseits der Mur) im früheren südwestlichen Ungarn gibt es noch heute mehrere reformierte Pfarren.[4]) Diese Slovenen lasen Trubars Werke und die Bibel Damatins ist noch heute bei ihren Predigern zu finden, doch wurde im 18. Jahrhundert für sie eine Sonderliteratur geschaffen[5]) und 1771 zum erstenmal für die „Slovenen zwischen Mur und Raab" eine nach dem Griechischen angefertigte Übersetzung des Neuen Testamentes (Nouvi Zákon ali Testamentom Goszpodina Nasega Jezusa Krisztusa) von Stefan Küzmič in Halle gedruckt.[6]) Ob sich der Übersetzer wirklich so stark von Trubar und Dalmatin entfernt hat, wie er in der Vorrede betont, muß dahingestellt bleiben.

Die südslavischen Protestanten wollten in etwas unklarer Weise eine „windische Kirche" (slovenska cerkev)[7]) und ebenso eine kroatische[8]) gründen, waren gute Patrioten im nationalen

---

[1]) Fr. Kidrič, Razprave I., 219.

[2]) Fr. Kidrič, Die prot. Kirchenordnung der Slovenen, 48—52, 56, 98.

[3]) Jos. Benkovič, Voditelj v bogoslovskih vedah, VI. (1902), 404.

[4]) Nach der jugoslavischen Statistik gibt es daselbst 24.754 „Protestanten", mehr als ein Viertel der Bevölkerung (A. Melik, Jugoslavija I., 168). Ob alle Kalviner und alle Slovenen sind, kann ich nicht kontrollieren.

[5]) Das erste Buch war der aus dem Magyarischen von Ferencz *Temlin* übersetzte Györszki Katekismus, Halle, 1715.

[6]) Dr. *Melich* Janos, Primož Trubar in protestantovska književnost ogrskih Slovencev, Slovan VII. (Ljubljana, 1909), 85—86. Eine vollständige Bibliographie der slovenischen protestantischen Literatur in Ungarn veröffentlichte derselbe Verfasser in Magyar Könyvszemle, Heft X. und XVI. im J. 1902. Vgl. noch Fr. Kovačič, Slovenska Štajerska in Prekmurje, Ljubljana, 1926, S. 309.

[7]) Fr. Kidrič, Die prot. Kirchenordnung der Slovenen, 41. Es war schwer, nach protestantischen Begriffen eine Landeskirche dort zu gründen, wo der Fürst katholisch war. Überdies müßte sich eine slovenische oder windische Kirche (Trubar spricht von einer cerkev slovenskega jezika = Kirche der slovenischen Sprache) auf die drei innerösterreichischen Länder, auf Görz und Teile von Istrien erstrecken.

[8]) Die Vorrede des glagolitischen Crikveni ordinalic (Württembergische Kirchenordnung) ist gerichtet „an die recht Christlichen Versammlungen und ire Diener in Crabaten" (in kroat. Fassung: v hrvatskoi zemli), bekämpft den Gebrauch fremder Sprachen im Gottesdienst und begründet die Notwendigkeit der Übersetzung der Württembergischen Kirchenordnung mit den Worten: Weil dann der Allmächtig Gott vnnd Vatter unsers Herrn Jesu Christi das liecht seines Werks auch bey *vns Crabaten* angezündet... Vnd also jme auch *ein Kirch* vnder vns gesamblet (i ovako ňemu takaiše *ednu Crikv̄* meju nami skupil).

Sinne und sogar stolz auf die große Slavenwelt, gingen aber in ihren allslavischen Gefühlen doch nicht so weit wie manche Schriftsteller der Gegenreformation, bestimmten trotz mancher nach dem slavischen Nordosten gerichteten Blicke auch ihre cyrillischen Drucke nur für den Gebrauch der Südslaven, auch der Bulgaren, denn sie waren sich der großen sprachlichen Verwandtschaft *aller* Südslaven deutlich bewußt und schufen sogar das erste ausgesprochene südslavische Programm. Natürlich dachten sie dabei nicht bloß an die Gewinnung aller Südslaven bis Konstantinopel für das Evangelium, sondern auch an eine politische Lösung der türkischen Frage. Wie hoch stehen die südslavischen Protestanten selbst über den größten Herrschern der Südslaven, dem Caren Symeon von Bulgarien und dem Caren Dušan von Serbien, die für eine Sammlung der Südslaven kein Verständnis hatten und ihre Blicke nach der Kaiserkrone von Konstantinopel richteten, ebenso wie die deutschen Kaiser der Idee des Römischen Reiches die größten Opfer brachten! Ganz richtig bemerkte schon I. Kostrenčić, Herausgeber der „Urkundlichen Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven" (Wien, 1874):[1]) Die Erstreckung von Ungnads Wirkungskreis über alle Südslaven „erscheint uns als ein weithin leuchtender Punkt, als ein vielversprechender Moment in der geistigen Entwicklung der Südslaven! Es eröffnet sich da ein Gesichtskreis, der auch für die politische Konstellation der Südslaven die weitgehendsten Folgen hätte haben können!" In solcher Weise deutet der damalige Beamte der Wiener Hofbibliothek das von der Reformation und Gegenreformation aufgestellte südslavische Programm an, wie es der Generation des Bischofs Strossmayer vorschwebte.

Die Reformation wächst aber in unseren Augen noch bedeutend, wenn wir ihre Wirkungen auf die Gegenreformation überblicken. Wenn schon von der deutschen Reformation gesagt werden kann, daß sie von der Gegenreformation mit ihren eigenen Waffen geschlagen wurde, so gilt das noch in viel höherem Maße von der südslavischen.

Um Mißverständnissen vorzubeugen, muß der Begriff Gegenreformation näher bestimmt werden. Man bezeichnet damit gewöhnlich die zweite Hälfte des 16. Jahrhunderts und die ersten

---

[1]) Vorrede, S. V.

Jahrzehnte des 17. Jahrhunderts; „wir deuten damit an, daß in dieser ganzen Epoche eine *religiöse* Bewegung das maßgebende Ereignis ist, daß die politische und gesellschaftliche Entwicklung wesentlich aus ihr zu erklären sind und in ihrem Dienste stehen".[1]) Die angegebene Zeit ist jedoch für unsere Zwecke zu kurz, ihre Auswirkungen dauerten länger. Allerdings möchte auch bei den Slovenen ein gründlicher Kenner dieser Literaturperiode J. Glonar[2]) sowohl die Bezeichnung „katholische" als auch „gegenreformatorische" Periode zurückweisen, und nennt sie „zwischen der Reformation und Romantik". Ganz abgesehen davon, daß diese Etikette unpraktisch ist, können wir uns auch mit der theoretischen Begründung der Ablehnung der Bezeichnung „gegenreformatorische Schriftsteller"[3]) aus chronologischen Gründen nicht einverstanden erklären. Glonar selbst gibt zu, daß die Gegenreformation bei den Slovenen trotz aller Energie um 1600[4]) nur *äußerlich* durchgeführt war, daß die katholische Restauration erst begann, und daß sich verschiedene Orden ihren Wirkungskreis teilten. Ebenso hebt er hervor, daß die acht umfangreichen Predigtbücher (erschienen in den Jahren 1691—1743) des Kapuziners Janez Svetokriški (Johannes Bapt. a Sancta Cruce), des Jesuiten Basar und des von ihm behandelten Kapuziners Rogerius eine Gelehrsamkeit und rhetorische Technik aufweisen, die weit *vor* die Reformation zurückgehen. Die Restauration des Mittelalters ist aber gerade eines der charakteristischen Merkmale der Gegenreformation. Allerdings lehnte dieser Neukatholizismus nur die Reformation vollständig ab, die Renaissance hat er aber aufgenommen und weiterentwickelt, die ihm aber nur die Form als wirkungsvolle Dekoration geliefert hat.[5]) Als ein gutes Beispiel dafür kann das glänzende Latein der Dekrete des Tridentiner Konzils und des Theologen Petrus Canisius dienen, das L. Pastor[6]) den Ausruf entlockte: „So ergibt sich die überraschende Tatsache, daß eine Richtung, die eine Zeitlang in der Vergötterung heidnischer Ideale aufzugehen schien, und der es sonst nicht beschieden war, Unvergängliches zu schaffen, schließlich als Dienerin der Kirche einen

[1]) Eberhard Gothein a. a. O. (S. 521, Anm. 4.) 582.
[2]) Ljubljanski Zvon XXXVI. (1916), 262ff.
[3]) A. a. O. 466—468.
[4]) Am 29. Dez. 1600 fand das große Autodafé von mehr als 2000 protestantischen Büchern auf dem Marktplatz in Laibach statt.
[5]) E. Gothein a. a. O., 585.
[6]) Geschichte der Päpste VII., 308.

Einfluß ausübt, der die Zeit überdauert." So erscheint uns auch das Wiederauftauchen bedeutender lateinischer Dichter in Ragusa im 18. Jahrhundert begreiflich. Ebenso reicht der Barockstil in der Dichtung, z. B. in solchen hervorragenden Vertretern wie Ignjat Gjorgjić in Ragusa (1675—1737) und A. Kanižlić in Slavonien (1699—1777),[1]) und in der bildenden Kunst weit bis ins 18. Jahrhundert.

Maßgebend ist daher nicht der Umstand, ob ein Schriftsteller noch die Reformation bekämpft. J. Glonar ließ sich zu sehr von diesem Gesichtspunkt leiten; der von ihm behandelte Pater Rogerius als der letzte der erwähnten Prediger kennt allerdings kaum die Reformatoren, aber ältere Schriftsteller polemisieren noch gründlich gegen sie, z. B. der Chorherr von Novo Mesto Matija Kastelec, in dessen Navuk christianski sive Praxis Catechistica (v Lublani 1688) schon im Titel eine „schöne Unterredung zwischen einem Katholiken und Lutheraner" erwähnt wird, das Werk selbst aber eine ausführliche (475—544) „Belehrung eines lutherischen oder calvinischen oder sonst irregeführten unverständigen Christen"[2]) in einer Zeit bringt, als es in Krain schon lange keine Lutheraner mehr gab. Mit der Reformation hängt derselbe M. Kastelec auch dadurch zusammen, daß er in seine Bratovske bukvice sv. roženkranca (1678) die Melodie und den Text des Magnificat und noch zehn weitere Texte aus protestantischen Gesangbüchern aufnahm, natürlich ohne Nennung der Quelle.[3]) Im erstgenannten Werk bringt er auch das Vaterunser in verschiedenen slavischen Sprachen nach Bohoričs Grammatik, von welcher ein gleichfalls in Novo Mesto tätiger Kapuziner P. Hippolytus eine Art von zweiter Ausgabe veranstaltete[4]) (Grammatica latino-germanico-sclavonica, Labaci 1715), wobei er seine Quelle nur mit den Worten „ex pervetusto exemplari ad modernam in Carniolica lingua loqendi methodum accomodata" andeutet.

Mir erscheint daher richtiger der Vorgang von Jaroslav Vlček,[5]) der in seiner Geschichte der čechischen Literatur die Gegenreformation bis in die erste Hälfte des 18. Jahrhunderts

---

[1]) Dragutin Prohaska, Ignjat Đorđić i Anton Kanižlić. Studija o baroku u našoj književnosti, Rad jsl. akad., 178, S. 115—224.

[2]) K. Glaser, Zgodovina slovenskega slovstva I., 157.

[3]) Jos. Čerin, Zbornik Matice Slovenske X. (Trubarjev Zbornik), 139.

[4]) B. Kopitar, Grammatik d. slav. Sprache, 75.

[5]) Dějiny literatury české II.1., S. 1—87.

ausdehnt und im Beginn des 18. Jahrhunderts sogar „den Höhe-punkt der gegenreformatorischen Bestrebungen in der Kirch- und Schule, in Kunst und Literatur" erblickt. Allerdings muß erwähnt werden, daß die Gegenreformation bei den Čechen und Slovaken später einsetzt als bei den Slovenen, denn sie wurd- nach dem bereits in Steiermark erprobten Muster durchgeführt.[1] J. Hanuš spricht in einer besonderen Monographie ausdrücklich von der „Gegenreformation nach der Schlacht am Weißen Berge"[2]) und dehnt sie bis über die Hälfte des 18. Jahrhundert- aus, bis zur Periode Josefs II., worin er übrigens T. G. Masaryk[3] folgt. Der Literaturhistoriker Arne Novák,[4]) der ein Gegen-gewicht gegen die Auffassung der genannten Autoren bilde- und dem Prager Barock ein hohes Lied singt, läßt es in de- Periode der Kaiserin Maria Theresia absterben.

Die Reformation bildet den Höhepunkt des deutschen Ein-flusses bei den Slovenen, obwohl ihnen gerade sie eine Literatu- in der Volksprache gebracht hat. Überhaupt war bei ihnen bi- zu dieser Zeit der deutsche Einfluß maßgebend, denn in de- Kunst kam nicht bloß die Gotik, sondern auch die Renaissance[5] vom Norden. Das ist auffällig, wenn man bedenkt, daß seit 81- die Drau die Grenze zwischen dem Patriarchat von Aquilej- und dem Erzbistum Salzburg bildete, aber der deutsche Feuda-lismus und die Herrschaft der Habsburger waren einflußreiche- als die Kirche. Erst mit der Gegenreformation kommt bei de- Slovenen der romanische Einfluß auf allen Gebieten vollständi- zum Durchbruch. Die bildende Kunst, für welche die Refor-mation als revolutionäre Bewegung ein Hindernis war,[6]) nimm- mit dem Zuzug italienischer Architekten, Bildhauer und Maler[7] einen neuen und starken Aufschwung, die Academia operosoru- (seit 1693) unterhält Beziehungen mit italienischen Akademie- bis nach Sizilien, Laibach erhält 1702 die Academia Philharmo-nicorum, die 110 Jahre älter war als die Gesellschaft de- Musikfreunde in Wien,[8]) Gutsbesitzer italienischer Herkunf-

[1]) H. Opočenský, Protireformace v Čechách, 2. vyd., 10.

[2]) Jos. Hanuš, O pobělohorské protireformaci (Sborník filosof. fakulty uni-versity Komenského v Bratislavě), Bratislava, 1926.

[3]) Naše nynější krise, LVI.

[4]) Praha barokní, v Praze, 1915, 38.

[5]) J. Cankar, Nova Evropa, Knjiga X., broj. 7 i 8 (1. sept. 1924), 202—20-

[6]) France Stelé, Oris zgodovine umetnosti pri Slovencih, 38.

[7]) J. Cankar a. a. O., Fr. Stelé, o. c. 41.

[8]) Die österreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild, Kärnten un- Krain, 405.

unterstützen die Herausgabe großer Predigtsammlungen, deren Verfasser aus italienischen und selbst spanischen Quellen schöpfen.[1])

Das Volk nahm allerdings die fremden Bildungselemente in seiner Weise auf wie in früheren Kulturperioden, deren Grundlagen auch nicht verwischt werden konnten, und so mußte ein italienischer Kunsthistoriker, Doktor Morassi aus Triest, nach Bereisung der Italien zugefallenen slovenischen Gebiete niederschreiben, daß am Isonzo „il paesaggio si muta. Si muta il carattere dei villagi, degli abitanti; si muta l'idioma e l'arte".[2])

Bei den Kroaten war eine wirkliche Gegenreformation nur in den vom Türkenjoch freien Resten Kroatiens, im Bistum Zagreb,[3]) wo es mehr Protestanten gab, als man gewöhnlich annimmt, und noch mehr im Bistum Senj, außerdem in Istrien notwendig. Im Bistum Zagreb wurde auch die von der Reformation geschaffene kajkavisch-kroatische Literatur erfolgreich weitergepflegt, und brachte hauptsächlich religiös-moralische Werke hervor, die auch für die čakavischen und štokavischen Kroaten bestimmt waren;[4]) anderseits stand sie auch mit der dalmatinisch-ragusanischen Literatur in Fühlung. Im Mittelpunkt dieser Tätigkeit steht die Jesuitenniederlassung in Zagreb. Andere Orden blieben im Hintergrund, doch haben wir auch den Paulinern ein wertvolles kirchliches Gesangsbuch (1644) nach dem Beispiel der Protestanten zu verdanken, das zum Unterschied von Krajačević[5]) auch Melodien bringt; die im 18. Jahrhundert viel verbreitete Cithara octochorda (1701, 1723, 1757) war eine Frucht guter musikalischer Tradition, die mit Mitteleuropa, hauptsächlich Deutschland, zusammenhing und den Beweis liefert, daß die Reste Kroatiens auch in den schwersten Zeiten, als es fortwährend Türkeneinfällen ausgesetzt war, an der allgemeinen europäischen Kulturentwicklung teilnahmen. Zu diesen Kirchenliedern, die entweder aus dem Kirchenchoral

[1]) Für Janez Svetokriški (Joannes Bapt. a S. Cruce) hat † J. Bratina in einer nicht gedruckten Grazer Dissertation hauptsächlich jesuitische Quellen, auch spanische, nachgewiesen, für P. Rogerius' Palmarium empyreum J. Glonar speziell Phil. Picinellis Mundus symbolicus. Ljubljanski Zvon XXXVI. (1916), 367 u. ö.

[2]) Nova Evropa a. a. O., 204.

[3]) Vj. Klaić, Monumenta spect. historiam Slavorum meridionalium, Scriptores volumen V. Antoni Vramecz: Kronika. S. XII.

[4]) Br. Vodnik, Povijest hrv. književ. 267—277.

[5]) Slavia IV., 685—686.

hervorgegangen oder unter dem Einfluß oder im Geist des Volksliedes entstanden sind, kehrt die moderne Kirchenmusik zurück.[1]) Auch aus Kroatien wurden in neuester Zeit Beweise beigebracht, daß Krajačević, Habdelić und andere den Erfolg hatten, daß ihr gegenreformatorisches Kirchenlied zum Volkslied wurde, aber das alte Volkslied nicht ganz unterdrückte.[2])

In den Resten Dalmatiens, wo haeretische Neigungen von der Republik Venedig im Keime erstickt wurden, und in der Türkei, wo es nicht zahlreiche südslavische Kalviner und Lutheraner in Slavonien[3]) und im südlichen Ungarn gab, konnten die Gegenreformation nicht die Habsburger mit ihren machtpolitischen und absolutistischen Zielen fördern; hier war Rom bei der Durchführung der Beschlüsse des Tridentiner Konzils auf sich selbst angewiesen, leistete aber mit Unterstützung der ihm ergebenen Südslaven wirklich Bedeutendes und Ersprießliches. Vor allem hob es das tief darniederliegende religiöse Leben der Katholiken in der Türkei,[4]) sorgte aber auch für die kirchlichen Bedürfnisse der kroatischen Glagoliten, welche durch die Reformation am meisten gefährdet wurden. Mit und ohne Unterstützung Roms schufen hauptsächlich Jesuiten und Franziskaner ein reichhaltiges, vom Geist der Gegenreformation getragenes Schrifttum im lateinischen und cyrillischen[5]) Alphabet, in dem es an Ausfällen gegen Kalvin und Luther nicht fehlte. Bosnien erhielt überhaupt erst um diese Zeit eine gedruckte westeuropäische Literatur in der Volkssprache, die natürlich in erster Linie für die Katholiken bestimmt war, aber nicht ohne Einfluß auf die orthodoxe und mohamedanische Bevölkerung blieb. Die weitgehenden Unionsbestrebungen, die unmittelbar von der Reformation hervorgerufen worden sind, weil Rom die großen Verluste, die es im Norden erlitten hatte, im Osten ersetzen wollte, hatten unter den Südslaven allerdings selbst in Kroatien, wo die Grundlage für eine Union in den südslavischen

[1]) J. Barlè, Sv. Cecilija X. (1916), 18—19, XI., 192—195.

[2]) Ib. XV., 38.

[3]) Zum Unterschied von Kroatien erhielten sich Kalviner und Lutherane in Slavonien bis zu seiner Befreiung von den Türken, in einigen Gemeinden bi auf den heutigen Tag. Josef Pindor, Die evangelische Kirche Kroatien-Slavonien in Vergangenheit und Gegenwart, Essek 1902, 59, 61. Viele Lutheraner und Kalviner wurden 1696 vom Franziskaner A. Marković bekehrt. Starine 36, 160.

[4]) Vgl. Slavia IV., 694, besonders Anm. 4.

[5]) Natürlich stand dieses Schrifttum unter starkem romanischem Einflu Sogar in der cyrillischen Graphik der bosnischen Franziskaner ist das bemerkbar крађла, ћнегова für Kraglia, gnegova der lateinischen Drucke (gn = ň).

Ländern durch Ernennung eines Bischofs 1611 gelegt[1]) wurde, wenig Erfolg, weil die fortwährende Türkengefahr in den militärisch besonders wichtigen Grenzgebieten religiöse Streitfragen zwischen Christen überhaupt nicht aufkommen ließ. Auch die Habsburger mußten sich hier eine große Zurückhaltung auflegen, weil sie die orthodoxen Serben als gute Krieger brauchten und gegen die kroatischen und ungarischen Stände auszuspielen versuchten. Durch die Abwanderung zahlreicher Katholiken nach dem Westen und Norden und durch Auswanderung der Orthodoxen nach dem nordwestlichen Bosnien, nach Dalmatien und Slavonien[2]) wurden auch die dialektischen Merkmale stark verschoben und eine bemerkenswerte Symbiose zwischen den Angehörigen beider christlichen Konfessionen geschaffen. Durch die Türkennot wurden Kroaten und Serben, wie der Geograph Jovan Cvijić richtig hervorgehoben hat, stark nivelliert; die mohamedanischen Herren sahen in gleicher Weise auf Katholiken und Orthodoxe als Wlachen (vlah, vlaše) geringschätzig herab, die auf diese Weise einander als Leidensgenossen nähergebracht wurden. Auch das Verhältnis zu den Mohamedanern wurde erträglich, namentlich als der von den Jesuiten ursprünglich gehegte Plan, den Orient zu erobern, in Rom fallen gelassen wurde; denn 1648 wurde beschlossen, die Völker nicht mehr zu erobern, sondern zu bekehren.[3])

Auf diese Weise trugen die Ereignisse und die Zustände auf dem Balkan dazu bei, daß den gegenreformatorischen Bestrebungen unter den Südslaven die Spitze abgebrochen wurde und daß ihre positiven Leistungen mehr in den Vordergrund traten. So wurde eine einheitliche Schriftsprache auf Grund des „bosnischen", eigentlich herzegowinischen Što-Dialektes geschaffen; der von den Protestanten aus Istrien, dem kroatischen Küstenlande und aus Norddalmatien, sowie von den Katholiken in Nord- und Mitteldalmatien stark gepflegte čakavische, „dalmatinische" Dialekt, der einige Zeit als südslavische lingua toscana galt, wurde aus der Literatur vollständig verdrängt. der Name kroatisch wurde stark durch den allgemeineren slovinski in der Volkssprache, und den illyrischen in der lateinischen

[1]) Bogoslovska smotra XII. (1924), 287, 294.

[2]) Vgl. Jovan Cvijić, Метанастазичка кретања. Њихови узроци и последице. Српски етнографски зборник, књ. 24 (Београд 1922) und andere Arbeiten desselben Verfassers und seiner Schule.

[3]) Starine 36, 81.

und italienischen, zuletzt auch in der serbokroatischen Sprache in den Hintergrund gedrängt, die glagolitische Schrift wurde auf die notwendigsten Kirchenbücher beschränkt und die lateinische neben der cyrillischen bevorzugt. Zwischen Dalmatien, Ragusa, Bosnien, Slavonien und dem südlichen Ungarn wurden literarische Beziehungen angeknüpft, ja sogar die Katholiken Bulgariens wurden in den Kulturkreis der bosnischen Franziskaner einbezogen. Mühsam suchte man früher selbst den literarischen Einfluß Ragusas auf Slavonien nachzuweisen, ohne die alles sofort erklärende Tatsache zu berücksichtigen, daß nach der Befreiung Slavoniens die Jesuitenniederlassungen von Ragusa und Požega ihre Angehörigen einfach austauschten.[1]) In Bezug auf die Jesuiten muß noch hervorgehoben werden, daß sie nicht einmal bei den Slovenen ihre Tätigkeit nur auf die höheren Kreise beschränkten, noch weniger aber auf dem Balkan. Besonders rühmen muß man ihre Pflege der Volkssprache, in welcher Kašić und der Weltpriester Rosa auch ganze Übersetzungen der Bibel fertigbrachten, die leider nicht gedruckt wurden. Man beachte auch, in wie moderner Weise der Jesuit Athanasius Kircher die Zugehörigkeit der Slovenen zur südslavischen sprachlichen und ethnographischen Einheit verteidigte.[2]) Aus diesen und vielen anderen früher erwähnten Tatsachen geht hervor, daß die Tätigkeit der Jesuiten unter den Südslaven nicht rein ablehnend beurteilt werden kann. An der Spitze solcher Jesuitengegner steht der Dichter P. Preradović,[3]) der in seinem Dubrovnik (Ragusa) gewidmeten Gedicht aus dem J. 1849 den „schwarzen Samen Loyolas“ als hundertmal größeres Unglück erklärte, als das große Erdbeben, das Dubrovnik zerstört hat.

Daß die Gegenreformation eine „sehr wichtige Bewegung“ sei, hat auch Pavle Popović, des sich nicht umsonst auf die Werke von Francesco Flamini, John A. Symonds und Charles Dejob beruft, in seinem Antrittsvortrag in der serbischen Akademie der Wissenschaften „Die südslavische Literatur als Einheit“ richtig erkannt,[4]) nur darf seine Bezeichnung „katholische Reaktion“ nicht in dem gewöhnlichen, üblen

---

[1]) F. Fancev, Isusovci i slavonska knjiga, Jugoslavenska Njiva VI. (1922), 195.
[2]) S. o. 283.
[3]) Pjesnička djela Petra Preradovića, 126.
[4]) Glas srpske kralj. akademije CIV., drugi razred 60, 11.

Sinne genommen werden, vielmehr als Reaktion gegen eine Aktion (Reformation), die nur bei den Slovenen zerstörend und aufbauend, bei den übrigen Südslaven aber nur aufbauend[1]) gewirkt hat. Diese Gegenreformation hat die Grundlagen zur sprachlichen Einigung der Kroaten und Serben im 19. Jahrhundert gelegt, im Gefolge des Humanismus ist sie eine Vorläuferin des kroatischen Illyrismus und der ihn ablösenden südslavischen Bewegung. Die Erfolge aller dieser Strömungen wurden nur dadurch ermöglicht, daß auch schon die Gegenreformation in Križanić und anderen Vertretern eine höhere Auffassung von der Union hatte, als es die in Rom übliche war, die orthodoxen Slaven vom brüderlichen Standpunkte und nicht als Schismatiker betrachtete und die Grundlagen zu jenen Beziehungen zwischen den orthodoxen Serben und katholischen Kroaten legte, die für Uneingeweihte, auch für Russen und Polen, bis in die neueste Zeit unverständlich waren.

Die Reformation hat durch ihre für alle Südslaven berechnete Tätigkeit zuerst ein südslavisches Programm geschaffen, die Gegenreformation[2]) und das 19. Jahrhundert haben es weiter ausgebildet und das 20. zum großen Teile verwirklicht. Mit Recht konnte ich daher in einem in der Sächsischen Akademie der Wissenschaften am 1. Mai 1920 gehaltenen Vortrag zum Schluß erklären: „Das Königreich der Serben, Kroaten und Slovenen (Jugoslavien), das aus dem Weltkrieg hervorgegangen ist, erscheint somit als Kettenglied einer Entwicklung von Jahrhunderten.“[3])

Es war in der Tat eine überraschende Erscheinung, daß in einer Zeit, als die ältesten und größten Monarchien verschwanden, im slavischen Süden eine neue erstand und daß sich katholische Priester, wie die führenden slovenischen Politiker

---

[1]) Sogar bei den Kroaten war eine literarische Bekämpfung der Reformation nicht besonders notwendig, weil der Druck protestantischer Bücher von St. Consul und A. Dalmatin und ihren deutschen Protektoren schon 1565 und 1568 eingestellt wurde.

[2]) Zu den bereits angeführten Belegen, wie sehr die Gegenreformation alle Südslaven als eine Einheit auffaßte, bringe ich noch eine Stelle aus dem Život (Leben) Magdalene von Tomko Marnavić (u Rimu 1626, 1635), der ihre politische Uneinigkeit verurteilt, die sie zu Sklaven gemacht habe:

Hrvati, Bošnjaci, Bugari, Srbljani,
Neskladom nejaci sužnji su vezani.

J. Kukuljević, Književnici u Hrvata iz prve polovine 17. v., S. 100.

[3]) Literarisches Zentralblatt 1920, Nr. 22, Sp. 421.

Dr. Janez Krek[1]) und Dr. Fr. Korošec, und katholische Bischöfe für eine orthodoxe Dynastie mit ihrem Hof und höherem Militär erklärten. Obwohl Jahrhunderte diese Vereinigung vorbereiteten, fiel sie auch den Zeitgenossen nicht so leicht in den Schoß. Ein Beispiel dafür bietet gerade die slavische Philologie, welche über die gegenseitigen Verhältnisse der Südslaveu viel Verkehrtes gelehrt hat oder noch lehrt.

Ich machte in dieser Abhandlung öfters gelegentliche Bemerkungen darüber[2]) und führte aus, wie unhistorisch die Auffassung von der Entstehung und der Geschichte der gemeinsamen serbokroatischen Schriftsprache[3]) ist, die man gewöhnlich erst mit dem Auftreten Vuk Karadžićs in Zusammenhang bringt. Zum besseren Verständnis und zur Begründung meiner Anschauungen sind doch noch einige Ergänzungen notwendig. Von den Heroen der slavischen Philologie hatte eine richtige Vorstellung von dem Verhältnis zwischen Kroaten und Serben nur Kopitar,[4]) aber auch er huldigte einer Überschätzung linguistischer Merkmale und erklärte wie Dobrovský und später Miklosich und andere die Kaj-Kroaten für Slovenen. Diese Ansicht der Philologen imponierte schon 1832 nicht einmal einem Hörer der Rechte wie I. Derkos[5]) und änderte auch weiter nichts an den tatsächlichen Verhältnissen, welche V. Jagić[6]) am besten erklärte: „Sprachlich, d. h. wenn die linguistischen Merkmale eines gesprochenen Dialektes allein in die Wagschale fielen, würde ich selbst nach dem Dialekte meines Elternhauses, meiner Vaterstadt und der engsten Heimat überhaupt zu den Slovenen zählen; das läßt sich nicht leugnen, ebenso wie man anderseits sagen darf, daß der politische Verband und die höheren Ideen der glücklicheren und segensreichen neueren Zeit meine Heimat zum untrennbaren Gliede eines anderen größeren Ganzen gemacht haben.“

---

[1]) Vgl. über diesen christlichsozialen Führer Hermann Wendels 1) Aus dem südslawischen Risorgimento (Gotha, 1921), 167—193, 2. Südslawische Silhouetten (Frankfurt, 1924), 123—127. Wie J. Krek noch im J. 1916 eine Umorientierung der österreichisch-ungarischen Monarchie verlangte, zeigt das Büchlein: *Kroaten, und Slowenen*. Zwei Darstellungen von Andreas Milčinović und Johann Krek Jena, 1916, S. 106—108.

[2]) Slavia IV., 513, V., 99.

[3]) Vgl. besonders Slavia V., 95—99.

[4]) S. o. S. 71, Anm. 7, 99 Anm. 3.

[5]) Vgl. Verf., Geschichte der älteren südslavischen Literaturen, 11.

[6]) Archiv f. sl. Ph. VI., 313—14.

Mehr Unheil stifteten dagegen die Irrtümer über das Verhältnis der Serben und Kroaten an. Šafařík, der seine jungen Mannesjahre in Novi Sad unter den Serben verbrachte, bemerkte natürlich, daß die Büchersprache der mit lateinischem Alphabet schreibenden „Illyrier" dieselbe ist wie die Volkssprache der Serben, erblickte daher sogar in den čakavischen Glagoliten, die sich immer Kroaten nannten, „nur einen Teil der Serben lateinischen Ritus"[1]) und sah ebenso in den verwirrenden Nachrichten der Byzantiner[2]) über die Kroaten und Serben „bloß ein tropisches Spiel mit dem *Genus Serbe* und der *Spezies* Chorwat", beachtete also nicht, daß beide Namen seit den ältesten Zeiten nebeneinander bestanden und bestehen, gleichwertig sind und in den Staatenbildungen der Kroaten und Serben verankert waren.[3]) Dieser Panserbismus Šafaříks befriedigte nicht einmal Vuk Karadžić, der zwar ein Geschöpf Kopitars, aber ein genialer selbständiger Kopf war und im Geiste des Romantismus einem ausschließlich serbischen Nationalismus huldigte. Von Kopitar übernahm er die Anschauung, daß die Kaj-Kroaten Slovenen seien und die eigentlichen Kroaten südlich der Kupa wohnen, doch beschränkte er diese auf die Ča-Sprecher und erblickte in ihnen die Reste der Kroaten des Konstantinos Porphyrogenetos. Zu dieser Ansicht kam er auf seinen Reisen in Kroatien und Dalmatien in den Jahren 1834—38 und 1841. Seinen Artikel „Srbi svi i svuda",[4]) in dem er alle Što-Sprecher als Serben erklärt, soll er schon 1836 geschrieben haben,[5]) veröffentlichte ihn aber erst im *Kovčežić* za istoriju, jezik i običaje Srba sva tri zakona (Beč, 1849). A. Belić dürfte in seiner Abhandlung „Die sprachliche Einheit der Serben, Kroaten und Slovenen bei Gj. Daničić"[6]) recht haben mit seinem Zweifel, daß V. Karadžić 1836 die charakteristischen Merkmale des čakavischen Dialektes noch nicht so ausgearbeitet hat, aber schon 1843 und 1845 führt er sie teilweise an und 1846 gibt er bereits eine vollständige Cha-

[1]) Geschichte der südslavischen Literatur III., 2.

[2]) Z. B. Skylitzes zum J. 1070 (in Übersetzung): „Serborum gens, quos etiam Chrobatos vocant", umgekehrt Zonaras: „Gens Chrobatorum, quos nonnulli Serbos vocant". Šafařík o. c. III. 10.

[3]) Vgl. Verf., Geschichte der älteren südslawischen Literaturen, 6—7.

[4]) Jetzt in Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића, III. 290—298.

[5]) Љуб. Стојановић, Живот и рад Вука Стеф. Караџића, 1924, S. 669.

[6]) Даничићев Зборник, Београд-Љубљана 1925, S. 33, 36.

rakteristik dieses Dialektes[1]) wie im Kovčežić. Dagegen ist unrichtig die Behauptung, Karadžić habe die strenge Scheidung zwischen dem štokavischen und čakavischen Dialekt und deren Identifizierung mit den Serben und Kroaten von Miklosich übernommen.[2])

Das ist schon äußerlich unmöglich, denn Miklosich kam erst im September 1838 nach Wien,[3]) war zuerst Jurist und Advokaturskonzipient und wurde von Kopitar allmählich bis 1844 zum Slavisten herangezogen, trat in diesem Jahre mit seiner Kritik von Bopps Vergleichenden Grammatik zuerst in die Oeffentlichkeit und gab bis zum Jahre 1849 nur Radices linguae slavicae veteris dialecti, altkirchenslavische Texte und die griechische Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum heraus, so daß Vuk von ihm in der uns interessierenden Frage weder persönlich noch literarisch beeinflußt werden konnte.

Dagegen klagte Vuk schon 8/20. September 1836, daß Gaj und seine Illyrier „schwer zu überreden sind, um zu bekennen, daß sie Serben seien, wir aber dumm wären, wenn wir darauf eingingen, unseren *berühmten* Namen fallen zu lassen und einen anderen toten (Iliri) anzunehmen".[4]) Von seiner Reise im Jahre 1838 schickte er verschiedene Mitteilungen über die ethnographischen Verhältnisse in Kroatien und Dalmatien und meldet am 18. Juli aus Split (Spalato): Sad ćemo jasno znati i za *Hrvate* (*stare*), đe su[5]) (jetzt werden wir auch von den (alten) Kroaten deutlich wissen, wo sie sind). Es ist also klar, daß sich Vuk Karadžić seine Anschauungen über das Verhältnis zwischen Serben und Kroaten ganz unabhängig von Miklosich gebildet und sie umgekehrt dieser von ihm übernommen hat.

Miklosich war ein ausschließlicher Grammatiker, kümmerte sich wenig um historische und ethnographische Fragen und folgte einfach dem berühmten Herausgeber der serbischen Volkslieder, dem Grammatiker und Lexikographen im I. Bande seiner Vergleichenden Grammatik (1852), S. VIII.—IX. Auffällig ist es nur, daß er an dem sprachlichen Dualismus der Serben und Kroaten noch in der II. Auflage (1879) festhielt, obwohl unter-

---

[1]) Belić a. a. O. 34.
[2]) Ib. 32, 33, 36.
[3]) Verf., Miklosichs Jugend- und Lehrjahre, Forschungen zur neueren Literaturgeschichte, Festgabe für Richard Heinzel, Weimar 1898, 553, SA. 61.
[4]) Вукова преписка, VI. 287.
[5]) Љуб. Стојановић. o. s. 437.

dessen der Kroate Jagić (zuerst im Književnik 1864) dagegen Stellung genommen hatte und der Serbe Gj. Daničić, der 1857 noch mehr dialektische, Serben und Kroaten trennende Merkmale als Vuk gefunden hatte, bis zum Jahre 1874 sich zur Erkenntnis durchrang, daß die Kroaten nicht auf die Ča-Sprecher beschränkt werden können, daß die Unterschiede zwischen dem štokavischen und čakavischen Dialekt geringfügig und nicht alt sind, und daß es nicht nur kaj- und ča-, sondern auch što-sprechende Kroaten gibt, denen ihr Name ebenso teuer ist wie den Serben der ihrige,[1]) so daß er auch dem von ihm begonnenen Wörterbuch der Südslavischen Akademie den Titel gab Rječnik hrvatskoga *ili* (oder) srpskoga jezika. Dagegen blieb Miklosich, offenbar unter dem Einfluß der Stammbaumtheorie, bei seiner „serbischen *und* chorwatischen Sprache", behandelte aber praktisch beide in der Grammatik, in den Wörterbüchern und in allen Schriften unter éinem als „Serbisch" und erwähnt immer nur nebenbei „kroatische" (d. i. čakavisch-kroatische) Beispiele, zerbricht sich nicht den Kopf mit der Frage, wo die Grenzen dieser Kroaten und Serben sind, sondern zitiert[2]) nur die Grammatica della lingua serbo-croata (Vienna, 1867) des sich als Serben fühlenden Ragusaners P. Budmani, der das religiöse Moment stark in Betracht zieht und es ziemlich jedermann frei läßt, ob er sich Serbe oder Kroate nennen will.

Überhaupt fühlte Miklosich, daß seine Hypothese mit der Gegenwart und Vergangenheit der Serben und Kroaten im Widerspruch steht, und so finden wir bei dem nüchternen und vorsichtigen Kabinettsgelehrten gegen alle Erwartung in seiner Vergleichenden Grammatik einen hochpolitischen Satz:[3]) „Selbstverständlich darf diese Ansicht nicht als Versuch gedeutet werden, beiden Völkern die Bahnen der Politik zu weisen: sie bedürfen einander."

Doch war es gerade die Politik, die beide Völker trotz der besseren Einsicht der Philologen und anderer Männer trennte. Bei den Kroaten fand die jugoslavische Idee einen starken Gegner im Großkroatentum des Begründers der „Rechtspartei" Ante Starčević, das Großserbentum wirkte aber ohnehin weiter fort und legte einem führenden Philologen, Ljubomir Stojano-

---

[1]) A. Belić o. c. 58.
[2]) Vergl. Grammatik I², 391.
[3]) Ib. 392.

vić,[1]) in seiner Antrittsrede in der Serbischen Akademie der Wissenschaften (11. I. 1896), Daničić zum Trotz, die Worte in den Mund, daß der in Zagreb geschriebene Dialekt *serbisch* sei, „weil es bis zur illyrischen Bewegung keinen Menschen gab, der so gesprochen und geschrieben und sich einen Kroaten genannt hätte.“ An diesem Ausspruch ist jedes Wort falsch, wie meine ganze Abhandlung beweist. Wie sehr auf folkloristischem Gebiete solche eingewurzelten Vorurteile auch wissenschaftlichen Arbeitern den Blick trübten, zeigt meine Besprechung [2]) der Schrift von Milan Ćurčin „Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur“ (Leipzig, 1905). Doch bald erfolgte ein starker Rückschlag auf beiden Seiten. Als 1895 in Zagreb viele Hörer der Universität wegen antimagyarischer Demonstrationen ausgeschlossen wurden, erweiterten sie auf anderen Hochschulen, namentlich in Prag unter der Führung von T. G. Masaryk, ihren Gesichtskreis und gaben 1897 in Zagreb ein Sammelwerk „Narodna misao“ heraus, das der Einheit der Kroaten und Serben gewidmet war und auch die Slovenen in die Gemeinschaft einbezog. Aus diesem Kreis ging in Kroatien die kroatisch-serbische Koalition hervor, welche die Schicksale des Landes mächtig beeinflußte, Serbien gab aber die wieder auf den Thron berufene Dynastie der Karagjorgjević durch den König Peter, einen großen Verehrer des Bischofs Strossmayer, eine südslavische Orientierung statt der bisherigen großserbischen. So konnte im Weltkriege die heldenmütige serbische Armee und die Tätigkeit des revolutionären „Jugoslavischen Ausschusses“, der die Kroaten, Serben und Slovenen der österreichisch-ungarischen Monarchie vertrat und sich einer starken Unterstützung der südslavischen Kolonien in Nord- und Südamerika erfreute,[3]) jene Vereinigung der Serben, Kroaten und Slovenen herbeiführen, die auserwählten Geistern und ihren Generationen seit der Reformation in verschiedener Form vor Augen schwebte.

---

[1]) Глас Српске краљевске академије LII., S. 28 des SA.

[2]) Archiv f. sl. Ph. XXVIII. (1906), 352f., besonders 384—85. Mein dort geäußerter Wunsch hat sich erfüllt: M. Ćurčin ist heute als Herausgeber der vortreflfichen Revue „Nova Evropa“ ein vorbildlicher Jugoslave, der den Titel und die Artikel seiner Zeitschrift abwechselnd in lateinischer und cyrillischer Schrift bringt.

[3]) S. Milada Paulová, Jugoslavenski odbor, Zagreb 1925.

VI.

Würdigung der bishergen Literatur über die südslavische Reformation und Gegenreformation. Aufgaben künftiger Forschung.

Die großen Wirkungen der Reformation und der von ihr hervorgerufenen Gegenreformation bei den Südslaven sind wenig bekannt. Wie sehr in der deutschen gelehrten Welt das Verständnis für die primitivsten Begriffe verloren ging, zeigen solche Verwechslungen, wie „*syrische* Sprache für *syruische*" (serbische) und „cyrulische oder *syrenische*".[1]) Selbst protestantische Kirchenhistoriker wissen heute wenig von dem südslavischen Bücherdruck in Württemberg. Sogar ein Spezialist für slavische Geschichte wie Jaroslav Bidlo [2]) urteilt in einem populärwissenschaftlichen Werk über die Slavenwelt, daß der schwache Widerhall der deutschen Reformbewegung bei den Südslaven „in keiner Weise zum Kulturfortschritt beigetragen hat". Schuld daran ist aber nicht Mangel an einschlägiger Literatur, wie die folgende kurze Würdigung ihrer wichtigsten Erscheinungen zeigen wird. Dieser Rückblick verfolgt auch den Zweck, künftiger Forschung Wege zu weisen.

Ich sehe hier von Schriften des 16. und 17. Jahrhunderts von Andreae, Chrön, Rossolenz und Valvasor ab, welche die südslavische Reformation weder ganz noch unparteiisch würdigen. Am Ende des 18. Jahrhunderts entriß der Tübinger Theologieprofessor Christian Fridrich *Schnurrer* die Tätigkeit der südslavischen Protestanten der Vergessenheit in seinem Büchlein „Slavischer Bücherdruck in Württemberg im 16. Jahrhundert".[3]) Schnurrer war Kirchenhistoriker, Exeget des Alten und Neuen Testamentes, Kenner orientalischer Sprachen, namentlich der arabischen, ein trefflicher Philologe und Textkritiker. Seine gelehrte Tätigkeit widmete er hauptsächlich seiner Heimat und gab „Erläuterungen der württembergischen Kirchen-Reformation- und Gelehrtengeschichte" (Tübingen, 1798) heraus, „welche noch jetzt durch die darin niedergelegte

---

[1]) Th. Elze, Die slovenischen protestantischen Druckschriften des 16. Jahrh., Venedig 1896, Vorwort (Nachwort im Jahrbuch für die Geschichte des Protestantismus in Öterreich, XVI. S. 174—175, wo noch andere Kuriosa angeführt werden).

[2]) *Slovanstvo*. Obraz jeho minulosti a přítomnosti. V Praze, 1912, S 70.

[3]) Tübingen, in der I. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1799. 8° VIII + 128 S.

außerordentliche Quellenkunde eine Fundgrube für den Geschichtschreiber sind".[1]) Dasselbe Lob kann man noch heute der Schrift über den slavischen Bücherdruck spenden, die er selbst [2]) eine Zugabe zu den Erläuterungen nennt. Der Verfasser schildert hauptsächlich auf Grund des in der Tübinger Universitätsbibliothek aufbewahrten Aktenmaterials über den slavischen Bücherdruck kurz, sachlich und objektiv das Wirken Trubars, des P. P. Vergerius und des Hans Ungnad, bringt eine Bibliographie der Werke Trubars und der serbokroatischen Drucke, allerdings nur mit den deutschen Titeln der letzteren, und mit kleinen Lücken, außerdem Nachrichten über die südslavische Druckerei in Tübingen und Urach, über einzelne Mitarbeiter, über die Zahl der Auflage einzelner Bücher und deren Versendung, auch Auszüge aus den deutschen Vorreden und Briefen der Hauptpersonen. Was man vom historischen Standpunkt über die serbokroatischen glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Drucke fast durch ein Jahrhundert wußte, beruhte auf Schnurrers Schrift, die des Slavischen unkundigen Lesern noch heute die besten Dienste leisten kann, aber auch Slaven wegen ihres übersichtlich geordneten und gediegenen Materials und wegen mancher trefflichen Urteile, zum Beispiel über das Verhältnis zwischen Truber und Vergerius.

„Größtenteils aus Schnurrer" bringt Dobrovský seine Nachrichten über den slavischen Bücherdruck in Tübingen,[3]) allerdings mit kritischen Bemerkungen und mit Angaben über einzelne ihm bekannt gewordene Exemplare der damals noch gar seltenen Bücher. Unter den „um die slavische Literatur verdienten Männern" finden wir bei Dobrovský [4]) Stephan Consul, Anton Dalmata und Primus Trubar ganz nach Schnurrer und mit Zusätzen aus Kopitar (s. u.). Eine Überraschung bildet Dobrovskýs Urteil über die serbokroatischen Drucke: [5]) „Hätte man zu Tübingen die altslavonische Version zum Drucke gewählt und nicht lieber eine neue verständliche Übersetzung nach Luther, Erasmus, Trubers Windischer liefern wollen, man würde gewiß bei den Serbiern, Bulgaren, selbst in Polen und Rußland mehr Beifall und Abnahme gefunden haben. Allein die

---

[1]) Allgemeine deutsche Bibliographie, 32. B. (Leipzig, 1891), 196—198.
[2]) Slavischer Bücherdruck, S. III.
[3]) Slavin (Ausgabe von W. Hanka), 75—91.
[4]) Ib. 188—191, 194—211.
[5]) Ib. 87.

Tendenz der ganzen sonst löblichen Anstalt war, die Slawen in Kroatien und den türkischen Ländern recht christlich, d. i. nach der Sprache der damaligen Aufklärer lutherisch zu machen." Der Patriarch der Slavistik und einer der größten slavischen Gelehrten des Aufklärungszeitalters begriff also nicht, daß Konsul und Dalmatin im Sinne der Lutherischen Lehre die Bibel dem Volke in seiner Sprache geben wollten, wie es die čechischen Reformatoren vor und nach Luther taten. Ebenso wie er kein Verständnis für die Schönheit der serbischen Volkslieder besaß und ihnen die russischen vorzog, weil sie wenigstens in der dritten Person Singularis der Verba das Suffix-*tъ* bewahrten, hatte er auch hier rein philologische Interessen im Auge, wünschte nur einen Abdruck der kirchenslavischen Bibel und möchte auch diese Ausgabe nicht auf die Südslaven beschränken, was wir an den südslavischen Protestanten gerade rühmen müssen, sondern dachte mehr an die Bedürfnisse der Ruthenen und Russen, deren Kirchenbücher sprachlich einer anderen Redaktion angehörten, was allerdings Dobrovský noch wenig bekannt war.

Ganz anders urteilt der in Wien im Fahrwasser der katholisierenden Romantik segelnde und später von Protestanten und Orthodoxen mit Unrecht viel angefeindete [1]) B. *Kopitar* in seiner Grammatik,[2]) die allerdings schon in Laibach, wo er sich im Hause des Barons Žiga Zois eine wesentlich humanistische Bildung angeeignet hatte, und in den ersten Monaten seines Aufenthaltes in Wien schrieb. Darin legte er auch die Grundlagen zur slovenischen Sprach- und Literaturgeschichte, wurde den slovenischen Reformatoren in jeder Hinsicht gerecht und würdigte namentlich ihre Verdienste für die slovenische Sprache. Trotz einiger später gefundenen Sprachdenkmäler und verfehlter Versuche, die glagolitische Literatur auch den Slovenen zuzuschreiben, behielt Kopitar [3]) recht mit seinem Ausspruch: „*Zur Zeit der Reformation also ward unser Dialekt zuerst geschrieben*, und *gedruckt*." Ohne einen Seitenhieb, wie wir ihn bei Dobrovský finden, erklärt er, daß Trubar slovenisch für die geistlichen Leser zu schreiben anfing, „denen er zur Verbreitung der Reformation in die Hände arbeiten wollte", was allerdings

---

[1]) Vgl. des Verf. Ausführungen im Archiv f. sl. Ph. XVIII, 563, 568, 577—583.

[2]) Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808. Auf dem letzten Blatte: Wien, den 1. Hornung 1809.

[3]) O. c. XXXIII—XXXIV. Die Sperrungen im Original, ebenso im folgenden Zitat.

nicht richtig ist, da er an alle Kreise seines Volkes und ganz besonders auch an die Kinder dachte. Besonders feiert Kopitar den ersten slovenischen Grammatiker:[1]) „O ja! biederer Bohoritsch! *dir und deinen Freunden* hat es unsere Sprache zu danken, daß sie gleich *bey ihrer ersten Erscheinung* jene *grammatische Correctheit* und Consequenz mitbrachte, welche andere Sprachen erst nach und nach, nach vielem Modeln und Aendern *nicht* erreichen."

Sogar Trubar, dem er mit guten Gründen sein allzustarkes Germanisieren vorwirft, ehrt er bei der Besprechung seiner „Orthographie", richtiger Graphik, „als konsequenten Denker und Freund der Einfachheit",[2]) und ermahnt „die dankbare Nachwelt" nicht zu vergessen, wie Trubar bescheiden über das von ihm begonnene unvollkommene Werk mit der Hoffnung sprach, daß es andere „besser ausführen und vollbringen werden"; in Wien, wo er eine größere Zahl seiner Schriften studieren konnte, rief er aus: „Ich muß gestehen, daß ich seit dieser genaueren Bekanntschaft mit Trubar durch seine so warme Vaterlandsliebe beinahe ganz entwaffnet worden bin gegen sein Germanisieren."[3]) Kopitar beschrieb und würdigte nicht bloß die slovenischen protestantischen Werke, die er in Laibach in der Bibliothek des Barons Zois, der sie mit großer Mühe und Sorgfalt sammelte, und in der Wiener Hofbibliothek kennen gelernt hatte, sondern bringt auch authentische slavische Titel glagolitischer und cyrillischer Drucke, Auszüge und gegenübergestellte Texte aus denselben, und macht aufmerksam, welche von den Werken, die Schnurrer aufzählt, noch nicht bekannt sind.

Auf Grund der Arbeiten von Schnurrer und Kopitar und eigener Studien beschrieb der Laibacher Bibliothekar M. *Čop* die slovenische Literatur für P. J. *Šafaříks* biographische und bibliographische „Geschichte der südslavischen Literatur", die bis 1833 in Novi Sad fertig war, aber erst 1864 in Prag herausgegeben wurde. Über die Zusätze Kopitars und die von Šafařík weggelassenen Stellen dieser vortrefflichen Materialien sind wir jetzt näher unterrichtet.[4]) Šafařík selbst benützte auch für die

---

[1]) O. c. XL.
[2]) O. c. 17, 20.
[3]) O. c. 393. Anm.
[4]) Iv. Kunšić, Zbornik Slovenske Matice I (1899), 100—157.

glagolitische und cyrillische Literatur hauptsächlich Schnurrer und Kopitar, schöpfte aber Angaben auch aus anderen Werken.[1]) Unter solchen Umständen ist es begreiflich, daß seine glagolitischen, cyrillisch transkribierten, und cyrillischen Titel vielfach ungenau sind, da sie meist nicht nach dem Original, sondern nach der lateinischen Umschreibung Kopitars u. a. angegeben werden.[2]) Doch zitiert Šafařík bei den nur aus Schnurrer bekannten Werken die deutschen Titel, während I. Kukuljević, dessen kroatische Bibliographie[3]) noch vor Šafaříks Werk erschien, diese einfach übersetzt und in glagolitischer und cyrillischer Schrift als angebliche Originaltitel druckt. So ist z. B. vollständig erfunden der Titel des glagolitischen Abecedariums (N. 15): *Azbukvar* ili tabla za ditcu[4]) i t. d. (!) Sь (!) Katechismom. U Pragu (!) 1561. Im Original:

Tabla za dicu.

Edne malahne knižice iz koih se ta mlada predraga ditca, tere priprosti ljudi zglagolskimi slovmi čtati, i poglavitei, i potribnei artikuli, ili členi ove prave stare karstianske vere, koja svakoga čovika izveliča lahko mogu naučiti.

Abecedarium Vnd der gancze Catechißmus, one außlegung, in der Crobatischen Sprach.

U Tibingi. Godište po isu krstovim roistvu. Č. F. M. A. Auf dem Schlußblatt: Tubingae M.D.LXI. (dann glagolitisch).

Auch unter den cyrillischen Drucken (№ 64) bloß *Azbukvar* (Glagolski i kirilski!). Die Kirchenordnung wird einfach übersetzt: Red crkveni (№ 25, 321), während das Original lautet: Crikveni ordinalic.[5]) Diese beiden Beispiele zeigen genügend, wie es mit der Kenntnis der glagolitischen und cyrillischen Drucke schon äußerlich bis in die neueste Zeit bestellt war.

Es kann nicht meine Aufgabe sein, alle Werke, Abhandlungen und kleineren Aufsätze, welche unsere Kenntnis der südslavischen Reformation erweiterten und vertieften, aufzuzählen und zu würdigen; mir handelt es sich nur um die Grundlinien und die wichtigsten Erscheinungen, und ich verweise auch hier

[1]) Gesch. d. süsl. Lit. I. S. V.

[2]) Ich verzichte auf Beispiele, da eine genaue Bibliographie dieser Drucke in den Veröffentlichungen der südslavischen Akademie in Aussicht steht

[3]) Bibliografia hrvatska, Zagreb 1860, Dodatak 1863.

[4]) Also kannte er doch teilweise den richtigen Titel nach Frisch in Dobrovskýs Slavin 76

[5]) V. Jagić, Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien, 1896, Nr. VI. M. Pešetar, Archiv f. sl. Ph. 28, 469—472.

auf. die Quellenliteratur bei Fr. Kidrič,[1]) wo genauere bibliographische Angaben nachzusehen sind.

Unvergängliche Verdienste erwarb sich für die Erforschung der Reformation bei den Slovenen Dr. Theodor *Elze*,[2]) geboren 1823 in Alten bei Dessau in Anhalt, der nach seinen Universitätsstudien in Tübingen und Berlin und nach sechsjährigen Reisen in Italien, Deutschland und Österreich 1852 als protestantischer Pfarrer nach Laibach kam; seit 1865 in derselben Eigenschaft in Meran in Tirol, und 1869—1891 in Venedig wirkte, wo er 1900 starb. In Laibach schloß er sich dem Historischen Verein für Krain an, sammelte Materialien für eine Geschichte Krains, widmete sich aber immer mehr dem Studium der Reformation bei den Slovenen und unternahm zu diesem Zweck häufige Reisen nach Deutschland, wo er in Bibliotheken und Archiven, namentlich in Stuttgart und Tübingen, unermüdlich arbeitete und reichhaltige historische und bibliographischeMaterialien (die Titel der protestantischen Drucke, auch der glagolitischen und cyrillischen pauste er ab) sammelte, die er seinem Freunde Professor Luschin in Graz überließ, der sie in der dortigen Universitätsbibliothek hinterlegte.

Th. Elze war ein fruchtbarer Schriftsteller auf historischem, theologischem, germanistischem, belletristischem und numismatischem Gebiete, weshalb er nicht zu größeren abschließenden Arbeiten kam. Selbständig erschienen von ihm nur die Werke: „Die Superintendenten der evangelischen Kirche in Krain während des 16. Jahrhunderts" (Wien, 1863, 8⁰, 60 S.) und „Die Universität Tübingen und die Studenten aus Krain" (Tübingen 1877, IV + 109 S.), eine Festschrift zum Jubiläum der Universität Tübingen, die den Verfasser mit dem Ehrendoktorat auszeichnete. Sonst veröffentlichte er seine Beiträge in Zeitschriften und in dem Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich: über die Gesangbücher (5. Jahrgang, 1884), Katechismen (14., 1893), Postillen (ebenda), Gebetbücher (15., 1894), Ritual-, Streit-, Lehr- und Bekenntnis-

[1]) Die protestantische Kirchenordnung der Slovenen im 16. Jahrh. (Slavica I.), S. IX—XVIII.

[2]) Ljubljanski Zvon 1893, S. 622—630. Nekrolog von Fr. Vidic im Archiv f. sl. Ph. XXII, 636—638 (beruht stark auf der vorangehenden Bio- und Bibliographie). Luschin R. von Ebengreuth, Dr. Th. Elze, Carniola I. (1908), 87—97. Die besten bio- und bibliographischen Angaben samt kritischer Würdigung bringt zuletzt Fr. Kidrić im Slovenski bijografski Leksikon I. (Ljubljana, 1925), S. 156—159 (wurde von mir nicht benützt — K. N.).

schriften (ebenda), Bibelbücher (16., 1895), Zusätze und Berichtigungen zu den Aufsätzen über die slovenischen protestantischen Druckschriften des XVI. Jahrhunderts (ebenda, S. 168—174, Nachwort 174—175, im Index nicht erwähnt), Die evangelischen Prediger Krains im XVI. Jahrhundert (21., 1900).

Der Artikel „Primus Truber und die Reformation in Krain" in Herzogs Realenzyklopädie für protestantische Theologie [1]) faßt das Wichtigste zusammen, was Elze bis 1866 und später bekannt war. Auch eine ausführliche Monographie seines Lieblingshelden Primus Trubar kam nicht zustande, doch ersetzt uns dieselbe eine gedrängte Skizze in der Sammlung „Primus Trubers Briefe",[2]) welche auch zahlreiche und wertvolle Anmerkungen auszeichnen.

Th. Elzes Beiträge zur slovenischen Reformations- und Literaturgeschichte waren namentlich für ihre Zeit ungemein verdienstvoll und werden ihren dauernden Wert bewahren, wenn auch die weitere Forschung manche seiner Angaben berichtigen und ergänzen wird. Im allgemeinen habe ich zu bemerken, daß er Pr. Trubar zu viel in den Vordergrund rückt, ihn zu sehr den strengen evangelischen Anschauungen der württembergischen Theologen des 16. Jahrhunderts anzupassen sucht, St. Consul mit der Ungnadischen „Übersetzungsfabrik" [3]) unterschätzt und in dem unerquicklichen Streit zwischen Trubar, Consul und Ungnad zu sehr die Partei des ersten ergreift. Trubar war in der Tat ein schöpferischer Übersetzer und selbständiger Bearbeiter seiner Quellen, doch schrieben auch St. Consul und A. Dalmatin selbständige Vorreden, namentlich in ihrer Sprache, die sie unvergleichlich besser meisterten als Trubar die seinige. Trubar war auch nicht imstande, ihre glagolitischen und cyrillischen Drucke zu beurteilen und es war naturgemäß, daß sie sich von ihm ebenso emanzipierten, wie es Trubar noch früher mit Vergerius getan hatte. Auch muß man in Betracht ziehen, daß St. Consul und A. Dalmatin ganz in Diensten H. Ungnads standen und mit ihm bestrebt waren, bei den württembergischen Theo-

---

[1]) Zuerst im Supplement III. (1866). Derselbe Aufsatz in der zweiten Ausgabe etwas verändert; die dritte (B. 20, 136—143, im J. 1908) erschien nach Elzes Tod. Auf diesem Artikel beruht auch Elzes Biographie Trubers in der Allgem. Deutschen Biographie, B. 38, 669—674.

[2]) Primus Trubers Briefe. Mit den dazugehörigen Schriftstücken gesammelt und erläutert von Dr Theodor Elze. Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart CCXV. Tübingen, 1897.

[3]) Ib. 158, 243.

logen und dem Herzog Christoph ja keinen Anstoß zu erregen, weshalb sie sich auf strenges Übersetzen in Württemberg anerkannter Schriften beschränkten.

In sprachlichen Fragen, die natürlich ebenso wichtig sind wie die historischen, versagte Th. Elze, denn er hat sich selbst das Slovenische nur mäßig angeeignet,[1]) wie die Fehler[2]) in seinem Abdruck slovenischer Texte beweisen. Das hatte den wesentlichen Nachteil, daß Elze Trubars Tätigkeit hauptsächlich nach Akten, Briefen und den deutschen Vorreden seiner Werke, nicht aber ihrem *Inhalt* nach beurteilen konnte, wodurch erst sein schöpferischer Geist ins richtige Licht gestellt würde. Th. Elze[3]) erkannte richtig, daß schon Trubars erstes Werk „Der Katechismus" keine Übersetzung im eigentlichen Sinne des Wortes ist, sondern eine „Bearbeitung und Zusammenarbeitung aus verschiedenen Quellen". Von ähnlicher Art sind seine Postille, Articuli oli deili te prave stare vere krščanske, eine Kontamination der augsburgischen, württembergischen und sächsischen Konfession, und ganz besonders seine Kirchenordnung, über die wir nun durch Kidrič aufgeklärt sind. Wir möchten aber auch aus den slovenischen Vorreden, die gewöhnlich viel ausführlicher sind als die deutschen, namentlich aus der langen Vorrede zum ersten Teil des Neuen Testamentes (1557), erfahren, warum Th. Elze vom „milden, mehr melanchthonisch und unionistisch gesinnten" Trubar spricht.[4])

Das Gleiche gilt noch mehr von einem der Nachfolger Elzes im Amte, Pfarrer Dr. Ottmar *Hegemann*, der zu Trubars Jubiläum (1908) eine glänzende Charakteristik des Begründers der slovenischen Reformation schrieb.[5]) Bei aller Wertschätzung

---

[1]) Im Archiv f. sl. Ph. XXII., 637 gibt Fr. Vidic die Stelle „*dosti dobro* (ziemlich gut) umeje" aus dem Ljublj. Zvon mit den Worten wieder: slovenisch hatte er soviel erlernt, daß er Dalmatins Bibel leicht lesen und verstehen konnte (vgl. nächste Anm.).

[2]) Einige Beispiele aus den Gesangbüchern: Kir *sa shpo tu je* Jezusa l. sashpotuje (aus dem deutschen *verspotten*), Stvarnika vsigamo ghoziza l. vsigamogozhiga. V'njega se sa nessimo l. sanessimo. Ni zhe nas nepremore l. nizhe, richtig nihzhe. Vus ulni Svejt obesselil l. vusulni (d. i. vesoljni svet = die ganze Welt). Jahrbuch der Ges. f. d. Geschichte des Protestantismus in Österreich, V., 20, 23, 33.

[3]) Jahrbuch (s. vorige Anm.) XIV., 83.

[4]) Die Superintendenten der evang. Kirche in Krain, 21.

[5]) Zu Primus Trubers 400jährigem Geburtstage. 1. Zu Trubers Charakteristik, mit Benützung der ungedruckten Hinterlassenschaft von Dr. Theodor Elze. Jahrbuch der Ges. für die Geschichte des Protestantismus in Österreich, Bd. 29 (1908) 16—57. (Auch als SA. erschienen.) — D. M. Primi Truberi. Carniola I (1908), Heft II., S. 71f.

für Trubar erblickt er in ihm den Anfang, nicht den Höhepunkt, findet aber besonderes Gefallen an seiner Persönlichkeit, verschweigt nicht seine Hinneigung zum Lager der Schweizer Reformatoren und kommt „auf Grund des wenigen Materiales zur Auffassung, daß Trubar im Zeitalter der protestantischen Lehrstreitigkeiten ein modern empfindender, seiner Zeit voraus eilender Geist gewesen sei".[1]) Das ist eine recht schöne Anerkennung für den gesunden slovenischen Bauernverstand Trubars, der keine höhere Bildung genossen hatte, aber wir möchten wissen, wie sich Trubars „überhaupt stark vom Dunkel umhüllte" Persönlichkeit in seinen slovenischen Schriften widerspiegelt.

Die wichtigen Akten der Tübinger Universitätsbibliothek über den slavischen Bücherdruck hat von den Slaven zuerst der Moskauer Slavist A. *Duvernois*[2]) studiert, doch blieb seine Abhandlung unbeachtet. Sein Schlußurteil über P. Trubar und die Reformation überhaupt verrät einen Anhänger der Moskauer „slavophilen Schule", der seine Zufriedenheit äußert, daß es „dem deutschen evangelischen Prediger" nicht gelungen ist, ein ganzes slavisches Volk „zum blinden Werkzeug seiner Ziele zu machen".[3]) Einen großen Fortschritt bildeten „Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven in den Jahren 1559—1565" des Kroaten Ivan *Kostrenčić*,[4]) der die wichtigsten Tübinger Akten und Briefe über die Bestrebungen des Freiherrn von Ungnad und seiner Genossen vollinhaltlich mitgeteilt hat, die minderwichtigen (nach seiner Auffassung) hingegen in kurzen Auszügen. In die Sammlung wurden auch einige andere bereits gedruckte oder noch nicht bekannte Aktenstücke aufgenommen. Von dem beinahe ebenso großen und gleichfalls wertvollen Material, bestehend aus verschiedenen Ausweisen, Rechnungen, Bücherverzeichnissen usw.

---

[1]) Jahrbuch l. c. 30, Carniola 83.

[2]) А. Дювернуа, Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ, Московскія Унив. Извѣстія Nr. 4, 1868.

[3]) Нѣмецкому евангелическому проповѣднику не оказалось возможнымъ сдѣлать цѣлое славянское племя, окрѣпшее въ родныхъ преданіяхъ, елѣпымъ орудіемъ своихъ цѣлей. Аркадій Соколовъ, Зарожденіе литературы Словинцевъ. Примусъ Труберъ. Кіевъ 1878 (SA. aus Университетскія извѣстія von Kiew, 1878), S. 8. Diese Schrift A. Sokolov's über Trubar bringt abgeschen von Zitaten aus Werken, die dem Verf. in der Wiener Hofbibliothek zur Verfügung standen, nichts beachtenswertes. Schrecklich, aber nicht vereizelt selbst in der russischen slavistischen Literatur, sind darin slavische Ortsnamen in deutscher Form.

[4]) Mit Unterstützung der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Wien, 1874. 8°, VII+244 S.

teilte er nichts mit, „da sich dasselbe zu einem bloßen Abdruck nicht eignet“ und der Herausgeber beabsichtigte, einen „Versuch einer Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven in den Jahren 1550—1595“ samt den anderen noch ungedruckten und gedruckten Quellen aus jener Periode „in der allernächsten Zeit“ zu veröffentlichen. Leider fand der erste Leiter der Universitätsbibliothek in Zagreb (seit 1874), früher an der Wiener Hofbibliothek tätig, dazu keine Muße; die Aufgabe war auch für einen slavistisch vorgebildeten Historiker nicht leicht, denn es gab noch zu wenig Vorarbeiten. Wie wenig auch ihm als Kroaten die slovenische Literatur bekannt war, zeigt seine unrichtige Behauptung, daß die Gegenreformation jede Erinnerung an die Reformation zerstörte, und daß „zwei Jahrhunderte“ vergingen, „ehe wieder ein rein slovenisches Buch gedruckt wurde“.[1]) Ich erwähne diesen Ausspruch, weil er begreiflicherweise von deutschen Autoren, die noch weniger über die wirklichen Verhältnisse unterrichtet sein konnten, übernommen wurde.[2])

Die bisherigen Forschungen und das reiche Material der krainischen Archive benützte gewissenhaft und ausführlich August *Dimitz* für seine „Geschichte Krains“, worin auch der Reformation und Gegenreformation die gebührende Aufmerksamkeit geschenkt wird.[3]) Auf den südslavischen Protestantismus als Ganzes fallen verschiedene Streiflichter, doch wird er hauptsächlich in Krain vom historischen Standpunkt geschildert und neu beleuchtet, während im literarhistorischen Teil Dimitz über seine Vorgänger nicht hinausging; neu ist die Beschreibung mancher Bücher, die in der Laibacher Lyzealbibliothek vorhanden waren. Auch der Krainer Historiker der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts nennt die Sprache Konsuls und A. Dalmatins noch „illyrisch“.[4])

Krain stand im Mittelpunkt der protestantischen Bewegung bei den Slovenen, doch die Mehrzahl derselben lebte in Steiermark, Kärnten, Görz und Istrien, die eine besondere habsburgische Ländergruppe bildeten, welche namentlich 1564 eine scharfe Ausprägung erhielt. Das Hauptland war Steiermark,

[1]) O. c. S. V.
[2]) Vgl. A. Landesberger, Eine interessante Episode württembergischer Geschichte. Bes. Beilage des Staats-Anzeigers für Württemberg, 1881, S. 229.
[3]) O. c. II. (1875) 193—288, III. 1—211, 254—381.
[4]) O. c. III. 186.

Graz der bevorzugte Regierungssitz und Verwaltungszentrum. Die drei „innerösterreichischen Länder" Steiermark, Kärnten und Krain gingen auch während der Reformation und Gegenreformation gemeinsam vor.[1]) Deshalb ist für die geschichtlichen Vorgänge dieser Zeit wichtig das Werk von Johann *Loserth* „Die Reformation und Gegenreformation in den innerösterreichischen Ländern im XVI. Jahrhundert" (Stuttgart, 1898).[2]) Von allgemeinem Interesse ist sein Hinweis, daß die Katastrophe des innerösterreichischen Protestantismus nicht erst in die Tage Ferdinand II. fällt, dessen Maßnahmen nichts als Kopien jener Verordnungen waren, die schon sein Vater Erzherzog Karl II. unter viel schwierigeren Verhältnissen getroffen hatte.

Von geschichtlichen Arbeiten sei noch erwähnt eine Monographie über die kirchlichen Verhältnisse der Slovenen im 15. Jahrhundert von Josef *Gruden*,[3]) weil sie für die Vorgeschichte der Reformation auf südslavischem Boden wertvolle Beiträge bringt. Von demselben Theologen und anderen Autoren gibt es verschiedene kleinere, uns interessierende Beiträge in den „Izvestja muzejskega društva za Kranjsko"[4]) z. B. einen Visitationsbericht des Paulus Byzantius aus den Jahren 1577—1585 (Jahrgang 1907), wo es viele Belege für die Unwissenheit der Geistlichen und für die starke Verbreitung der slovenischen protestantischen Bücher gibt. Ausführlich behandelt die Reformation und Gegenreformation derselbe J. Gruden in einer reich illustrierten Geschichte des slovenischen Volkes.[5]) Da der Verfasser das Werk nicht vollenden konnte, fehlen darin die für das Ende versprochenen Literaturangaben. Unter den Abbildungen finden wir nicht nur Porträte hervorragender Persönlichkeiten, sondern auch Titel und Proben aus Büchern.

In der slovenischen Literatur gab es sonst lange Zeit keine bemerkenswerte Leistungen, was bei einem kleinen Volk, das

---

[1]) Vgl. J. Loserth, Steiermark, Kärnten und Krain und ihr Zusammenwirken wider die Gegenreformation. Carniola I (1908).

[2]) Dazu kommt von demselben Verf.: Zur Geschichte der Reformation und Gegenreformation, Rückblick und Ausschau. Jahrbuch der Ges. für d. Gesch. des Protestantismus in Österreich, B. 25, 183f.

[3]) Crkvene razmere med Slovenci v petnajstem stoletju in ustanovitev ljubljanske škofije. Ljubljana, 1908.

[4]) Seit 1910 bis 1917 waren diese Izvestja und die deutschen Mitteilungen des Museal-Vereins für Krain vereinigt in der *Carniola*, Neue Folge I—VIII; IX (1919) nur slovenisch.

[5]) Zgodovina slovenskega naroda, izd. Družba sv. Mohorja, v Celovcu 1910—1916, S. 601—872 (Heft 4—5).

bis ins XX. Jahrhundert keine ganze Mittelschule hatte, begreiflich ist. Da unter seiner Intelligenz die Geistlichkeit eine hervorragende Rolle spielte, so ist beachtenswert das Urteil des Fürstbischofs von Lavant (Marburg) Anton Martin *Slomšek*, eines verdienstvollen Volksschriftstellers und tüchtigen Pädagogen, über die slovenischen Protestanten aus seinen alten Tagen.[1]) Er bemerkt, daß alle Völker berühmte, in der Literatur tätige Männer haben, so die Slaven Cyrill und Method, und zu den Slovenen übergehend fährt er fort: ,,Blicken wir in das nächst gelegene Krain, das von jeher das Haupt des Slovenentums war und durch seine berühmten Männer hervorragte, die für die slovenische Sprache begeistert waren, und wir werden eine schöne Zahl braver Arbeiter auf slovenischem Gebiete finden. Trubar, Dalmatin, Bohorič und ihre Zeitgenossen haben unsere slovenische Sprache zum Leben erweckt, obgleich sie sich unglückseligerweise vom wahren Glauben abgewendet haben; Gott hat ihre Fehler (greške, nicht grehe: Sünden) unserem Volke in seiner unendlich weisen Vorsicht zum Guten gewendet.“ Ganz dieselbe Auffassung übernahm auch J. *Marn* in seine sprach- und literaturgeschichtlichen Beiträge,[2]) und ihre Nachfolger erklären selbst in polemischen Aufsätzen, daß niemand die literarischen Verdienste der Protestanten leugnen wolle.[3])

Natürlich wurden die Schriften der Protestanten als sprachliche Quellen für Grammatik und Wörterbuch am meisten studiert, doch nur in beschränktem Maße, weil die Werke selten und dazu an verschiedenen und weit entfernten Aufbewahrungsorten zerstreut sind. *Miklosich* benützte für seine Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen nur einige Werke Trubars,[4]) Kreljs Postille und Bohoričs Grammatik; J. Dalmatins Bibel finden wir als Quelle nur im Lexicon paleoslovenicum verzeichnet. Eifrig studierte die protestantischen Quellen der Franziskaner S. *Škrabec*, der bestrebt war, die slovenische Sprache nach den Grundlagen des 16. Jahrhunderts zu regeln.[5]) V. *Oblak*

---

[1]) Drobtince 1862, zitiert nach J. Marn, *Jezičnik*, Knjiga slovenska v dobah XVI. XVII. veka. XXI. leto. Ljubljana, 1883, S. 1.

[2]) O. c.

[3]) Z. B. Jos. Benković, Voditelj v bogoslovskih vedah V (1902), 432.

[4]) Außerdem schöpfte er aus der Abhandlung ,,Die Sprache in Trubers ‚Matthäus‘ “ (Laibach, 1878) seines Schülers Fr. Levec.

[5] S. Slavia IV 502, Anm. 4. Von seinen gesammelten sprachwissenschaftlichen Schriften (Jezikoslovni spisi) sind bisher I (Ljubljana, 1916—19) und von II Heft 1 (1921) erschienen.

beutete die protestantische Literatur systematisch für seine Schrift „Zur Geschichte der nominalen Deklination im Slovenischen“[1]) aus, und untersuchte in seiner Abhandlung über die protestantischen Postillen in slovenischer Übersetzung[2]) hauptsächlich das verwickelte Verhältnis der Übersetzung der Spangenbergischen Postille durch S. Krelj und J. Juričič (nicht Jurišič). Auch Fr. *Vidic* lieferte einen Beitrag zum Verhältnis der Schriften Trubars zu den kroatischen protestantischen Büchern.[3]) Die Quellen der Trubarischen Übersetzung des Neuen Testamentes untersuchte J. *Grafenauer*, eine mustergültige Abhandlung über die Fortpflanzung des Trubarischen und Dalmatinischen Textes der Evangelien bis in die neueste Zeit stammt von A. *Breznik*.[4])

Verhältnismäßig wenig ist die protestantische Literatur in dem vorzüglichen Wörterbuch der slovenischen Sprache von M. *Pleteršnik*[5]) berücksichtigt. Unter den Quellen werden nur genannt Bohoričs Grammatik, J. Dalmatins Bibel, aber nicht seine übrigen Schriften, die Postille von Krelj-Juričič und „verschiedene Schriften Trubars“, insbesonders der Psalter, das Neue Testament in der 2. Auflage (1582) und Luthers Hauspostille; der Katechismus von 1575 und ein Gebet aus dem Jahre 1555 wurden benützt, weil sie von Oblak und M. Valjavec behandelt worden sind; es fehlen aber die ersten Katechismen und Abecedarien, das Evangelium Matthaei, der erste Teil des Neuen Testamentes (1557) und weiter die einzelnen Schriften desselben, die Postille, der Kalender und andere Kleinigkeiten des Registers von 1558, Articuli (Confessiones tres) und Cerkovna ordninga (damals allerdings noch unbekannt). Andere Schriftsteller fehlen überhaupt, besonders auffällig ist es, daß keines von den sechs Gesangbüchern berücksichtigt wurde. Auch das verwertete Material wurde nicht vollständig und systematisch ausgebeutet. Mit Rücksicht auf die lange, an Zwischenfällen reiche Vorgeschichte des Wörterbuches werden auch die Zitate oft mangelhaft sein.

Aus der Jubiläumsliteratur zum 400jährigen Geburtstag Trubars seien nur die selbständigen Schriften erwähnt. Die so-

---

1) Archiv f. sl. Phil. XI—XIII. und SA.
2) Letopis Slovenske Matice 1894, 202—219.
3) Ib. 1898, 113—129.
4) S. Slavia IV. 501.
5) Slovenski-nemški slovar, I—II., V Ljubljani 1894—95.

zialen Kämpfe der slovenischen Bauern und ihre Zusammenhänge mit der Reformation [1]) erfuhren eine Beleuchtung vom sozialistischen Standpunkt, hauptsächlich auf Grund der Werke von Dimitz, Loserth und K. Kautsky. Der Literarhistoriker Ivan *Prijatelj* [2]) würdigte die kulturelle Bedeutung der slovenischen Reformation und speziell Trubars, dessen slovenische Schriften er stark heranzieht. Für ihn ist Trubar die zentrale Figur der ganzen Periode, aber seine Größe ist nicht individuell, sondern kollektiv, d. h. er steht nicht im Vordertreffen, wo prinzipielle Kämpfe von Auserwählten der Menschheit ausgefochten werden.[3]) Im Gegenteil: er lehnt die Teilnahme an streng geistigen und abstrakten Wettkämpfen entschieden ab, tritt aber mit seinem ganzen Wesen für die Anwendung dieser Prinzipien und deren Verwirklichung auf dem Wege der Organisation ein. Dieser Bauernsohn hat nur sein zurückgebliebenes Volk im Auge und ist überzeugt, daß dieses keine gelehrten Streitigkeiten, sondern nur die Nahrungsmilch einer breiten, wohltätigen Kultur brauche. Im Streite zwischen Trubar und Konsul bemerkt Prijatelj nicht den Kern der Sache, und steht daher zu sehr auf Seiten des slovenischen Reformators.

Die literarische Gesellschaft Matica slovenska widmete dem Jubiläum Trubars einen ganzen Band ihres wissenschaftlichen Zbornik.[4]) Wir finden darin Abhandlungen über die Schicksale des Protestantismus in Istrien, in der Möttlinger (Metlika in Krain) und kroatischen Militärgrenze von Ivan *Steklasa*, in der östlichen Steiermark in dem Gebiet zwischen Mur und Drau von Fr. *Kovačič* und der religiösen Bewegung im Görzer Gebiet von A. *Ipavec*. Aus den deutschen und slovenischen Vorreden der slovenischen protestantischen Schriftsteller bringt I. *Lokar* Auszüge, die weder vollständig noch systematisch sind, aber eine Vorstellung von ihrer Wichtigkeit für die Literatur- und Kulturgeschichte ihrer Zeit geben.

Die umfangreichste und gehaltvollste Abhandlung (S. 126—238) widmet Dr. Josip *Čerin*, jetzt Militärkapellmeister, den slovenischen protestantischen Gesangbüchern, die weit

---

[1]) Reformacija in socijalni boji slovenskih kmetov. Napisal Abditus (A. Prepelut). V Ljubljani, 1908.

[2]) O kulturnem pomenu slovenske reformacije. K Trubarjevemu jubileju. V Ljubljani, 1908.

[3]) O. c. 36—37.

[4]) Zbornik. Na svetlo izdaje Matica Slovenska. X. zvezek. *Trubarjev Zbornik*. Uredil Dr. Fran. Ilešič. V Ljubljani, 1908. 8⁰, XX+2+293+1 S.

über Th. Elze hinausgeht. Čerin stellt die Lieder aus allen Gesangbüchern zusammen (107), bringt von 69 die Melodien und sucht überall die Quellen der Texte und Melodien zu bestimmen, von denen einige einheimische (vetus Slavorum cantus u. a.) aus der Zeit vor der Reformation stammen, mehrere aber von der Gegenreformation übernommen worden sind und bis auf den heutigen Tag fortleben. Die Melodien stammen meistens aus deutschen Gesangbüchern, die meisten Texte sind jedoch überraschenderweise selbständig oder wenigstens keine wörtliche, sondern eine freie Übersetzung; zu einigen Melodien gibt Trubar die Übersetzung des Originals und eine selbständige Dichtung. Interessant ist der Hinweis von Fr. *Ilešič*, daß in Trubars Ausgabe des ersten Psalms (Ta prvi psalm ž njega tremi izlagami 1579) Spottlieder auf die katholische Geistlichkeit eingeschmuggelt worden sind.

Drei Abhandlungen sind dem kroatischen Bücherdruck gewidmet. Fr. *Bučar* schildert Trubars Verhältnis zu dem Unternehmen Ungnads in Württemberg. Lj. *Pivko* bespricht die Beziehungen zwischen Ungnad und der Stadt Frankfurt a. M. auf Grund des daselbst im städtischen Archiv erhaltenen Materials und stellt fest, daß von 15 Büchern, die Konsul nach Frankfurt gebracht hat, 11 erhalten sind und zwar alle mit Ausnahme des glagolitischen und cyrillischen Abecedariums und zweier italienischer, von denen es aber nicht ausgeschlossen ist, daß sie unter einem anderen Titel vorhanden sind. Ivan *Polović* konstatiert in seiner Abhandlung über die Übersetzung des Matthaeusevangeliums im ersten Teil des Neuen Testamentes von St. Konsul und A. Dalmatin, daß sich die Übersetzer des kirchenslavischen Missals kroatischer Redaktion, des kroatischen čakavischen Lektionariums (des Bernardin Spljećanin, nach dem ersten Herausgeber so genannt), der Übersetzung Trubars von 1557 und der Vulgata bedienten. Sie schrieben jedoch ihre Vorlagen nicht mechanisch ab, sondern verglichen sie gewissenhaft und wählten, was ihnen am besten erschien. Diese erste Quellenuntersuchung, der noch viele werden folgen müssen, bringt schon sehr schöne Resultate und liefert den Beweis, daß Konsuls Übersetzungstätigkeit nicht so geringschätzig behandelt werden darf, wie es Th. Elze tut.

Außer einigen Miszellen über Trubar bringt das Werk eine längere Einleitung über Pr. Trubar und seine Zeit von Fran

Ilešič, Redaktor des ganzen Bandes, der Trubars Bedeutung nicht gerecht wird und vom Standpunkt des modernen Nationalismus verschiedene verkehrte Anschauungen (z. B. Trubar hätte die Slovenen von den Kroaten getrennt!) entwickelt, die von Fr. *Kidrič* [1]) in einer Kritik des ganzen Sammelwerkes zurückgewiesen worden sind. Nach der Mitteilung einer unveröffentlichten Biographie Trubars [2]) war das die erste Arbeit, mit welcher der künftige Spezialist für die Geschichte der Reformation bei den Slovenen vor das wissenschaftliche Forum trat, denn eine schon ein Jahr zuvor gedruckte kleinere Monographie über Pr. Trubar mit vielen beachtenswerten Details wirkte als Feuilleton eines Lokalblattes [3]) zwar auf weitere Kreise, blieb aber in Fachkreisen wenig bekannt.

Auch die deutsch geschriebene Carniola I. 1908 brachte die bereits erwähnten Artikel von Hegemann, Luschin, Loserth und von Dr. Fr. Ahn: Zeitgenössische Buchdrucker als Förderer von Trubars Werk.

„Zum bevorstehenden Jubiläum Trubars" gab der epische Dichter A. Aškerc eine ausführliche „historisch-epische Dichtung" Primož Trubar [4]) heraus, worin er den slovenischen Reformator als modernen Freigeist feiert. Mit Recht nahm Pastor O. Hegemann [5]) dagegen Stellung, fügte aber ohne Sachkenntnis hinzu: „Übrigens die erste und einzige Huldigung an den Reformator von slovenischer Seite seiner Reformation." Auch wenn wir auf die letzten beiden Worte besonderes Gewicht legen, ist das Urteil unrichtig, sonst erfreute sich aber Trubar seit Kopitar der größten Anerkennung. Überdies konnte es Hegemann auch bekannt sein, daß in Laibach die Grundsteinlegung eines künstlerisch hochstehenden Trubardenkmals von Ivan Berneker auf einem hervorragenden Platz am 8. September 1908 erfolgte (enthüllt am 1. Mai 1910). (Schluß folgt.)

M. Murko.

---

[1]) Epilog k Trubarjevemu Zborniku. Naši Zapiski VI (1909), 164—188. Vgl. über den Verf. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka von St. Stanojević, I. 323.

[2]) Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko XIX (1909), 24—31.

[3]) Domovina XVII, Celje (Cilli), 1908.

[4]) Ljubljana 1905. Kl. 8°, 135 S.

[5]) Jahrbuch der Ges. f. d. Gesch. des Protest. in Österreich, B. 29 (1908), 31.

Женские головные уборы восточных (русских) славян.

(Окончание.)

§ 8. Кокошник. § 9. Позатылень. § 10. Повойник-очипок. § 11. Женские шапки. § 12. Повязка и наколка. § 13. Заключение.

§ 8. Концы рогов рогатой кички (§ 5) обыкновенно соединяются между собою поперечною пластинкою, которая называется: *князёк* (В. Ѳ. Миллеръ, Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея, III, 1893, с. 83). Это бывает одинаково и в тех случаях, когда рога кички стоят вертикально, торчат вверх, и в тех случаях, когда рога лежат горизонтально и смотрят назад. Термин „князёк“ взят, повидимому, из архитектуры великорусской избы, где так называется верх или гребень крыши. Стоящие вертикально два рога, соединенные вверху горизонтально лежащим „князьком“, образуют собою своеобразный гребень, подобный верху двускатной крыши и еще более похожий на гребень петуха или курицы.

Наличность такого гребня и является главною отличительною особенностью великорусского головного убора, известного под именем: *кокóшник*. Самое имя кокошника подчеркивает связь его с куриным гребнем. Славянское слово *кóкошь* означает курицу и петуха. Образованное от этого слова *кокóшьникъ обозначает собственно: куриный, очевидно в смысле — снабженный куриным гребнем; другого сходства с курами у кокошника нет. — Если в сороке (точнее: под сорокой) такой гребень состоит из рогов и „князька“, то в кокошнике он уже утратил связь с рогами, превратившись действительно в гребень. Внутри гребня кокошника часто прячутся косы на макушке головы, и в этом обстоятельстве можно видеть некоторое сходство функции гребня с функцией рогатой кибалки.

Главные типы кокошника отличаются друг от друга различным положением гребня. Древнейшим типом нужно признать тот, где прямой гребень сидит поперек головы, от уха

до уха (рис. 26—28). По нашему мнению, покрой этого кокошника был создан еще для ношения на рогатой кичке, два рога которой стояли торчком кверху и были соединены вверху *князьком*; иными словами, мы видим в этом типе кокошника сшитую *сороку* (§7). Сохраняющиеся здесь иногда (рис. 26) завязки назади лишний раз сближают этот тип кокошника с сорокой.

О древности рассматриваемого типа кокошника, с одним поперечным гребнем, свидетельствует то обстоятельство, что он является самым распространенным видом кокошника; он одинаково обычен и у южновеликоруссов, и у северновеликоруссов; от последних его позаимствовали, между прочим, финны-пермяки (рис. 28).

Рис. 26. „Златогла́в" великоруссов с. Солдатского, Грайворонского уезда Курской губ. (Вид сзади — сбоку.)

В числе разновидностей этого типа часто встречаются кокошники с гребнем надо лбом (впереди, а не на середине головы, как то на рис. 26—28); верх такого гребня часто имеет наклон вперед (рис. 29), и тогда самый кокошник носит местное название: *накло́нник, накло́нка, накло́нная* (Гуляев, Очерки южной Сибири, 127; Зеленин, Опис. рукоп. 773, 968, 978); гребень такого кокошника часто делается из дерева. Эта разновидность кокошника, особенно если верхняя часть его гребня несколько округлена, имеет некоторое сходство с конским копытом, обращенным низом вверх; наблюдатели часто называют такой кокошник *копытообразным*, а в народе он слывет под именем: *капо́к* (ibid. 30). Такой гребень кокошника иногда бывает шире вверху и постепенно сужается в направлении книзу, к голове (срв. ibid. 185). Распространенный

у одной из ветвей финского народа черемис женский головной убор в виде расширяющейся кверху лопаты едва ли не является заимствованием этой разновидности русского кокошника.

Когда клинообразное возвышение на верху женского головного убора было осознано, как изображение куриного гребня, тогда мода стала, естественно, разнообразить форму и положение на голове этого гребня. Важно лишь возникнуть новой идее; формы ее внешнего проявления будут всегда разнообразны. Так возникли и кокошники с разным положением (на голове) гребня и даже с разным количеством гребней.

Второй тип великорусского кокошника отличается от описанного выше первого типа тем, что здесь поперек головы (в направлении от уха до уха) имеется не один, а два параллельно расположенных гребня. Задний из этих двух гребней всегда прямой, а передний кругловатый. Этот тип кокошника известен только южновеликоруссам, гл. обр. Курским. В Курске он отмечен уже в 1853 г. Е. Авдеевой (Отечественныя Записки, т. 88, отд. 7, с. 183: Старинная русская одежда). Известен он также в Трубчевском уезде Орловской губ., где носит имя: *шеломо́к*, т. е. собственно: *шлемик* (Живая Старина, 1910, № 1, с. 13, статья Д. О. Святского). Встречается он также у южновеликорусских колонистов (вероятно курян) Харьковской и Екатеринославской губерний. (Рис. 30).

Рис. 27. Кокошник Можайского уезда Московской губ. (Рис. 1850 г. из Архива Географического Общества.)

Воздействием этого курского типа кокошника мы склонны об'яснять появление той разновидности украинского парчевого очiпка, которая обычно слывет у этнографов под названием „седлообразного очiпка“ (рис. 31). Этот *очiпок* также имеет два гребня поперек головы, только оба эти гребня вверху кругловатые. Для очiпка гребни вообще совсем не характерны (§ 10). Двухгребенные „седлообразные“ очiпки известны только на востоке Украины, гл. обр. в Харьковской губ., т. е. как раз по соседству с областью распространения южновеликорусского двухгребенного кокошника. Все это легко об'ясняется при нашем предположении, что „седлообразный“ очипок раз-

вился из обычного украинского очипка, видоизмененного под влиянием Курского двухгребенного кокошника. Обратное воздействие — очипка на кокошник — исключается тем, что чуждые совершенно украинскому очипку гребни являются вообще главным отличительным признаком всякого кокошника.

Третий тип великорусского кокошника характеризуется тем, что у него гребень идет не поперек головы, а вдоль, от

Рис. 28. „Шамшура“ пермяков Чердынского уезда Пермской губ. (По фотографиям А. Теплоухова.)

лба в направлении к затылку (рис. 32, Дмитровского уезда Московской губ. 1850 г.). Этот тип кокошника встречается теперь сравнительно очень редко.

Четвертый тип кокошника отличается от первых трех тем, что гребень его не прямой, а имеет вид треугольника, обращенного острием вверх, или вид дуги. Дуга эта бывает часто очень большая, спускаясь своими концами до ушей и ниже (рис. 33). Гребень такого вида обрамляет собою не только верх головы, но также и почти все лицо, и весьма сильно напоминает собою тот нимб, с каким часто рисуют святых

на православных иконах. В наше время этот тип кокошника распространен только у северновеликоруссов (окальщиков), и притом только в той половине сев.-великорусской территории, где преобладала Суздальско-Владимирская колонизация: Нижний Новгород, Кострома, Казань, отчасти Пермь. В области преобладания Новгородской колонизации ему соответствует так наз. моршéнь, т. е. нарядный повойник с гребнем (§ 10).

Но встарину этот тип кокошника был распространен, по-видимому, много шире. Так, путешественник К. Бороздин зарисовал его в 1809-м году в гор. Устюжне Новгородской губ. (Путешествіе по Россіи въ 1809-мъ году. Рукопись Публичной Библиотеки в Ленинграде, из собрания Н. М. Михайловского № 394. Часть 1-ая, лист 15; срв. письмо 8-ое). Здешний кокошник имеет вид треугольника, который обрамляет лоб, спускаясь нижними концами до ушей. По краткому описанию К. Бороздина, кокошник в Устюжне, в отличие от Тихвина и Белозерска, „с затылка полукруглый, а спереди трехугольником“. — Путешественники более раннего времени изображают в таком же кокошнике, с обрамляющим все лицо широким гребнем-нимбом, также и калужских женщин. (Рисунок Георги, перепечатанный И. Билибиным в журнале „Старые Годы“ 1909, июль-сентябрь, стр. 452—3).

Этот тип русского кокошника также позаимствован финским народом коми (пермяки), но в измененном виде. По словам А. Теплоухова, пермяцкий кокошник „от русского кокошника отличен тем, что орнаментированная часть при ношении бывает обращена не вперед, а книзу или лишь слегка приподнята, отчего походит на козырек“ (А. Теплоуховъ, Женскіе головные уборы пермяковъ и ихъ отношеніе къ стариннымъ уборамъ мѣстнаго русскаго населенія: Ежегодникъ Пермскаго Губернскаго Земства, II, 1916, с. 131 и след.). Судя по фотографиям Теплоухова, орнаментированною частью кокошника он называет гребень, который здесь обрамляет не лицо, а верх головы, и находится большею частью не в стоячем, а в лежачем или полулежачем положении, сильно напоминая козырек фуражки. — Но едва ли не с бóльшим основанием здесь можно думать о заимствовании морщеня с гребнем (§ 10), а не кокошника.[1])

[1]) После нашего доклада в Академии Истории Материальной Культуры 14/IV 1926, П. П. Ефименко обратил наше внимание на „кокошник“

Что касается тех однорогих кокошников, о которых говорит А. Габерландт (с. 692 и след.), то некоторые из них, по нашему мнению, являются собственно одногребенными кокошниками, где *рог* является упрощением гребня; сравни с этим Курское (Обоянское) название „рогом“ гребня у кокошника. Но встарину, повидимому, действительно существовал особый вид кокошников с одним рогом. Между прочим, у великоруссов Владимирской губ. 1784 г. отмечены „ужасной величины кокошники — напереди с одним большим рогом“ (Топографическое описанiе Владимирской губернiи, составленное въ 1784 году. Владимiръ, 1906, с. 10). В Русском Музее въ Ленинграде имеется такой кокошник, неизвестной местности (из старого собрания Маковского).

Рис. 29. Кокошник Волоколамского уезда Московской губ. (Рис. 1850 г. из Архива Географ. Общества.)

На рис. 34 мы имеем подобный однорогий кокошник; особенность его еще в том, что пе-

---

VII в., найденный при раскопках Кошибеевского могильника, Тамбовской губернии (Матерiалы по археологiи Россiи, издаваемые И. Археологическою Комиссiею. № 25. Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы, въ обработкѣ А. А. Спицына. Вып. I. Спб. 1901, рис. 7 и 19, стр. 14 и 58). Реконструкция археолога Спицына, действительно, дает нам кокошник нашего четвертого типа с гребнем-нимбом. (По А. Спицыну, убор „напоминает русскую сороку“). Но больше оснований думать, что в действительности тут был остроконечный (однорогий) головной убор, древность которых на востоке Европы доказана А. Габерландтом. Узкий верх рога, очевидно, не имел того войлочного остова, какой имеется над черепом, и сохранился в виде гребня. Предполагать существование кокошника в VII веке, да еще в Тамбовском крае, куда русское население проникло так поздно, у нас нет никаких оснований. Но данный археологический факт может свидетельствовать в пользу того предположения, что старый однорогий убор, рассмотренный А. Габерландтом, впоследствии слился с русским кокошником и именно с данным четвертым его видом. (Д. З.).

Рис. 30. Кокошник (с двумя гребнями) Обоянского уезда Курской губ. (Вид сзади — сбоку.)

редняя часть его высажена *шишками*. Таких шишек бывает до 30; наибольшая из них посреди лба (М. Семевскій, Торопецъ.1864, с. 48); обычно на верху каждой такой шишки бывает крупная жемчужина. Мода на такие кокошники с шишками была особенно распространена в Пскове и отчасти в Твери. Мы склонны сближать эти шишки с „шишками“ украинского свадебного коровая, поскольку и кокошник впервые надевается на женщину также на свадьбе: им „окручают“ новобрачную. Форма шишек кокошника и шишек свадебного коровая одна и та же, подражающая „шишкам“, растущим на сосне. Шишки на головном уборе новобрачной должны служить магическим символом ее плодородия.

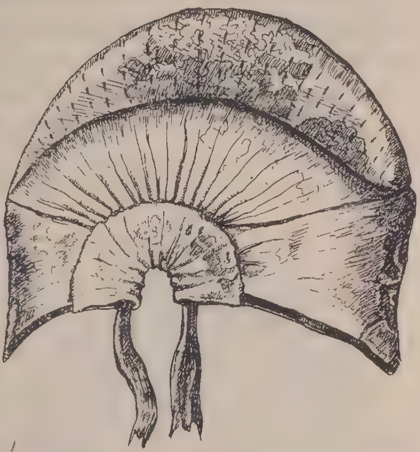


Рис. 31. Украинский парчевый очіпок Лебединского уезда Харьковской губ. (Вид сзади.)

По В. Далю (Толковый словарь живого великорусского языка, s. v.) кокошник носят не только женщины, но и девицы; это не точно. Кокошник носят только замужние женщины, надевая его впервые после брака. Встарину девицы молились о своем замужестве в день Покрова 1-го октября такими словами: „Покров Пресвятая Богородица, покрой мою буйную голову жемчужным кокошничком, золотым подзатыльничком!“ (Зеленин, Опис. рукоп. 4; срв. П. Ефименко, Матеріалы по этногр. Арх. губ. I, 145).

Рис. 32. Кокошник Дмитровского уезда Московской губ. (Рис. 1850 г. из Архива Географического Общества.)

В некоторых местностях кокошник носят только новобрачные втечение трех дней после свадьбы (Современник, 1856 г., т. 59, отд. 5, с. 75—76, статья Осокина о Малмыжском уезде Вятской губ.); это бывает там, где кокошники уже исчезают, заменяясь простыми платками или же городскими шляпками.

Втечение всего XIX века кокошник распространялся среди южновеликоруссов, вытесняя прежнюю сороку. Моду на кокошники (и вместе с ним на сарафаны) занесли в южновеликорусские губернии группы населения, тесно связанные по своей культуре с Москвой (см. о том Д. Зелeнинъ, Великорусскіе говоры etc., с. 33 и след.). В до-Петровской Руси кокошник был дворянским костюмом.

Местные названия кокошника: *кокóшка, кокýй, златоглáв*; последнее название от материала: срв. польское złotogłów, чешск. стар. zlatohlav — парча, глазет.

Рис. 33. Кокошник Арзамасского уезда Нижегородской губ. (Русский Музей.)

В Архангельской губ. кокошником называли сороку в узком смысле этого последнего слова (§ 7; Опис. рукоп. 27), т. е. тот головной убор, из коего, по нашему мнению, кокошник развился.

§ 9. К сороке непременно, а к кокошнику не всегда надевается особое украшение, известное под именами: позáтылень, подзатúльник. Его нужно отличать от назатúльня, который является заднею частью сороки. Позатылень тоже иногда пришит к сороке, как ее неот'емлемая часть, но тогда он пришивается именно к этому заду, назатыльню, внизу его. Чаще же позатылень составляет особую, самостоятельную часть головного убора, привязываемую к голове особыми завязками (рис. 35).

По материалу и покрою можно различать три вида позатыльня, который вообще очень хорошо сохранился у южновеликоруссов и сравнительно редко встречается у северновеликоруссов. В простейшем виде позатылень представляет собою просто нарядный кусок ткани, который надевается под сороку, под кокошник, иногда под женские шапки — сзади, закрывает шею и спускается на спину (см. рис. 29, 41). Таков, напр., подзатúльник Козельского уезда Калужской губ. —

шелковый платок на спине (Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, 1898, № 3, с. 877, ст. Е. Будде). Тамбовский автор 1850-х годов описывает местный подзатыльник, как „полотнище холста, надвое разрезанное, концы коего, украшенные лентами, позументами etc., лежат между лопаток" (Архив Географического Общества, XL, 31, рукопись Стандровского о Моршанском уезде).

Чаще всего встречаются позатыльни в виде плотной, твердой четыреугольной полосы разнообразной величины. Полоса эта часто делается из лубка или толстого картона, обшитого тканью (рис. 35). При надевании она часто получает желобообразную форму (срв. рис. 21). Такая полоса всегда бывает украшена вышивкой — большею частью серебряными или золотыми нитями, высоким (рельефным) шитьем, в перемежку с цветными камешками, с бисером и т. п. Словом, она украшается чаще так же точно, как и передняя часть сороки на лбу (очелье); и даже узор вышивки нередко одинаков: излюбленный мотив — „павлиньи хвосты".

Рис. 34. Кокошник Псковского уезда, с шишками.

Величина такого позатыльня весьма колеблется. У южновеликоруссов часто встречаются очень большие — до 35—40 ст. дл. и почти столь же ширины. Малые позатыльни одинаково встречаются и на юге и на севере великорусской территории — менее 20 ст. длины и около 5 ст. шириной. У большого позатылья различается *коло́дочка* — основная часть, с узором, и *зау́шники* — узкие лопасти, идущие от верхних концов вбок; к этим заушникам пришиваются шнурки для привязыванья

позатыльня к голове. В Зарайском уезде Рязанской губ. отмечены очень большие заушники, которые „доходили до виска и закрывали уши“ (В. Миллеръ, Систематич. опис. коллекцій Дашковскаго музея, III, 83).

Наконец, у южновеликоруссов встречаются позатыльни, имеющие вид сетки из бисера. Они иногда носят название: *бороná* (Живая Старина, 1910, № 1—2, с. 9, ст. Д. Святского).

Позатылень вообще служит для той же главной цели, для чего и весь женский убор — чтоб „не светить волосом“ (§ 3). Но в больших и твердых позатыльнях не трудно усмотреть влияние со стороны излюбленных в старой Москве высоких воротников одежды, так называемых козырей. И кóзырь, и позатылень одинаково являются шейными украшениями.

Рис. 35. Позатылень к сороке, Дмитриевского уезда Курской губ. (Узор — павлиньи хвосты.)

(Габерландт видит в позатыльне накосное украшение). Правда, козырь в старой Москве был обычнее для мужчин, а не для женщин, но женщины вообще воспринимали, повидимому, также и мужские моды.

Стóит отметить, что позатыльни в XVIII-м еще веке были обычным убором у турецкой народности телеутов в Сибири; только там они были девичьим украшением, а не женским, как то у русских. Телеутские девицы „прицепляют к затылку украшение, шир. в ладонь, дл. пядени в две, покрытое корольками и сему подобным“ (Георги, Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ч. II. Спб. 1799, с. 159). Финская мордва называет свой позатылень: „хвост головного убора“ (Heikel, Trachten und Muster der Mordvinen, 1899, с. IX).

§ 10. В рассмотренных нами видах вост.-славянских женских головных уборов мы склонны видеть один цикл, одну

общую цепь. Правда, в основе этих уборов лежат три первоначальных элемента — головное покрывало, которое закрывало вместе с волосами и лицо, перевязка для волос, предохраняющая их от спутыванья, и рога животного, как мистический оберег. Но эти три элемента очень рано переплелись между собою почти до полного слияния. Например, сорока развилась естественно из наметки, которую носили на рогатой кичке, как на остове; тесная связь наметки с рогатой кибалкой и послужила причиной к появлению нового, особого покроя наметки. Кокошник возник не просто из сороки, а из того единого целого, которое составляла сорока вместе с рогами, соединенными наверху князьком.

Этот цикл головных уборов оказался с течением времени нарядным, праздничным. Для рабочих будень служило или упрощение этого сложного убора, или же, еще чаще, совсем иной убор, который восходит, повидимому, к интимному накосному убору, вероятно к той сетке, которую женщины стали носить на волосах вместо первоначальной перевязки волос простою веревкою. Правда, сетчатые головные уборы, столь обычные у греков, у вост. славян очень редки; они отмечены только на западе украинской территории — в Галиции (Головацкий в Записках Географич. Общества, VII, 506) и на Волыни (Зеленин, Опис. рукоп. 319) — там и тут под названием „чепéц". Вместо сетки у вост. славян служит в данном случае обычная ткань.

Как бы то ни было, но общим для всех восточных славян является интимный головной убор, имеющий один и тот же покрой, но разные наименования: великор. *повóй, повóец, повóйник, волоснúк, сбóрник, чéпчик, чепéц, чехóл, чéхлик, чехлýшка, шлык, шлычóк, чупúрник, полетýшка;* украинск. *очіпок, чипéць, чéпик;* белорусск. *чап, чапéц, коптýр,* старое русское *подубрýсник, повóй.* Из этих названий *чепéц* является общеславянским, туземным, а не заимствованным из латинск. *cappa,* как думали прежде (Berneker, Etym. Wtb. 143). *Шлык* известен у поляков уже с 1325 г. (L. Gołębiowski, Ubiory w Polszcze, 1830, c. 243), правда в качестве мужского литовского убора; вряд ли это турецкое башлык, а скорее образование от. слав. корня *шьв-* (шити). Название волосник позаимствовано финскою мордвою в виде *olośńik* (Ax. Heikel, Trachten und Muster der Mordvinen. Hels. 1899, c. IX). Название сборник основано на

том, что под этот убор ,,собираются“ на голову волосы; чехол имеет в виду вздержку, при помощи которой стягивается, сморщиваясь, зад убора (срв. украинск. *чо́хли* ,,манжеты со сборкой“).

Покрой великорусского повойника совершенно тожественен с покроем украинского очипка, причем покрой этот обнаруживает признаки очень большой древности. В цельном куске ткани делается недалеко от края прорез, который зашивается так, что верхняя часть ткани при этом сильно морщится,

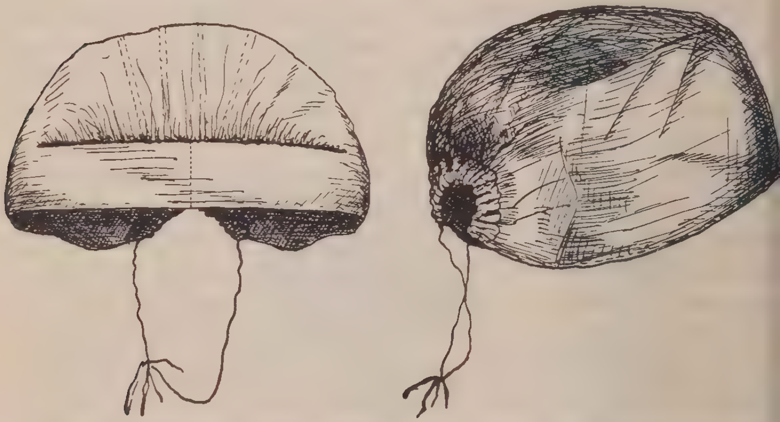


Рис. 36. Украинский очіпок Валковского уезда Харьковской губ. (налево спереди, направо — сзади-сбоку).

чем и образуется округление для головной макушки (рис. 36). Прорез этот, при надевании убора, идет выше той горизонтальной линии, где кончается верх лба и начинаются волосы. Назади имеется внизу вздержка, при помощи которой морщится нижний край куска ткани; эта вздержка служит одновременно и завязкой.

В дальнейшем этот простейший покрой, конечно, усложняется, главнейше с целью большей нарядности, с целью украшений. Так, вместо прореза надо лбом делается разрез кругом всей головы; ткань выше разреза вся делается складчатою, что́ особенно характерно для укр. очипков (рис. 37); складки эти идут ото лба до затылка. Посреди этих складок, по линии носа, в украинских очипках бывает часто прямая гладкая полоска 2—5 ст. шир. (это так наз. очіпки с до́щечкой)

или же толстый настеженный жгут (рис. 37: очипок с ковба́ской). Иногда внутрь очипка надо лбом вшивается короткий жгут из настеженной ткани, идущий поперек головы (очіпок с гу́глей). Нижний край очипка оторачивается тканью иного цвета; оторочка эта иногда бывает сравнительно широкая (рис. 37), а чаще узкая.

Нарядные украинские очипки часто шьются из парчи, на твердой подкладке из холста, прокленного тестом. Такие парчевые очипки иногда сохраняют форму простого очипка, имея даже и складки вдоль головы; но многие из них изменили свой покрой под влиянием женских шапок. Так возникли очипки цилиндрической формы, уже без вздержки и без завязок назади, с плоским верхом (дном). У парчевых очипков обычны чуждые простому очипку „уши" (срв. рис. 31) разной величины; появление их мы относим тоже за счет влияния со стороны женских шапок (§ 11). Наконец, восточно украинский тип „седлообразного" парчевого очипка (рис. 31) мы считаем контаминацией очипка с южновеликорусским (Курским) двухгребенным кокошником (§ 8).

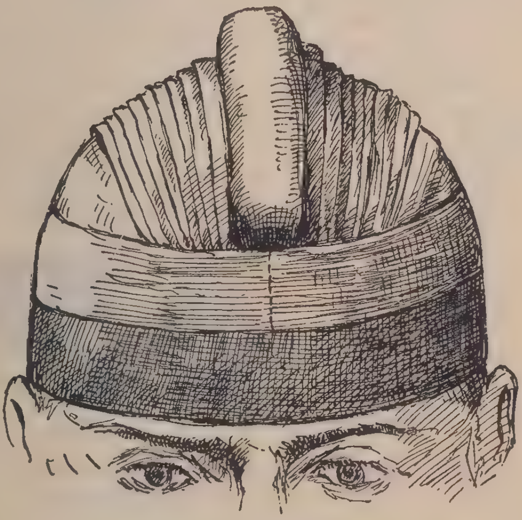


Рис. 37. Украинский очіпок (с ковба́ской) Грайворонского уезда Курской губ.

Среди современных великорусских повойников различаются три главных вида. Древнейший вид, самый распространенный, сохранил свой первобытный покрой с зашитым прорезом, шьется всегда из легкой мягкой ткани без подкладки и без украшений, весь прячется под платок или под другой головной убор. Второй вид является контаминацией повойника с кибалкой (§ 6); он также служит остовом для сороки. Из-

редка даже он бывает рогатым; таков, напр., упомянутый уже выше (§ 5) Арзамасский *волосник* с 7-ью рогами; он служит остовом для сороки и для особых повязок платками; зимой на него повязывают два платка, летом один, который „раскидывается по всей голове с угла на угол так, что задний конец оставляется висящим ниже затылка, передний конец подгибается под рога волосника, и чтобы конец сей не мог опуститься, то, для поддержания его, два боковые конца на нем завязываются узлом" (Архив Географ. Общества, XXIII, 124, рукопись Страгородского 1850 г.).

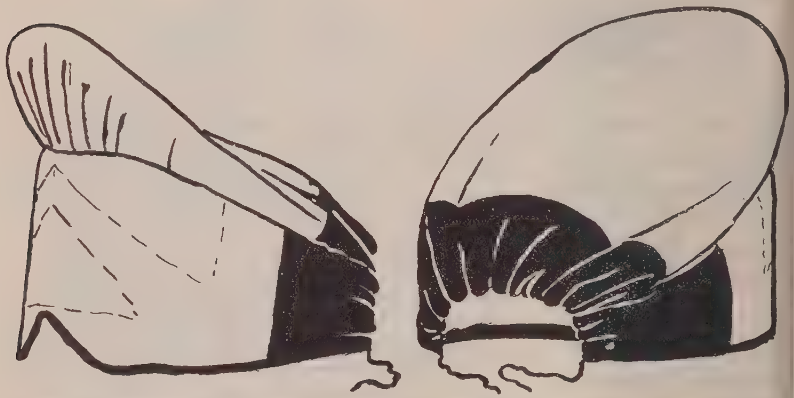


Рис. 38. Нарядный повойник Великоустюжского уезда Вологодской губ. (Русский Музей.)

Чаще вместо рогов внутрь повойника вшивается, поперек головы, надо лбом, твердый жгут из стеганого холста, толщиной до трех ст. (Рязанская губ.); в таком виде мягкий повойник может служить остовом для сороки. Иногда вшивают для той же цели твердую подкладку, так наз. *задьни́к*, в заднюю часть повойника (Сборник II-го Отдел. Академии Наук, т. 76, ст. Будде, с. 120). В переднюю часть волосника вшивают дощечку, несколько суживающуюся кверху и наклоняющуюся вперед (Воронежскій Юбилейный Сборникъ, II, 1886, с. 289). Нарядный южновеликор. повойник часто зовется: *верху́ша.*

Северновеликорусский повойник развивался в подобном же направлении. Но в современных его формах ярче сказалось комбинирование с кокошником, а не с кибалкой. Надо лбом в сев.-великор. нарядном повойнике явился род гребня,

который обрамляет верх головы (рис. 38). Такой нарядный повойник с гребнем известен под названиями: *моршéнь, моршенёк, шамшýра* (все три названия от глагола мóрщить), *борýшка, почепéщник.* Он заменяет кокошник в той половине сев.-великор. территории, где преобладала Новгородская колонизация (Архангельский край, восток Вологодского, север Вятского и Пермского). Назади он сохранил вздержку, что резко отличает его от кокошника. И ход эволюции морщеня отличен от эволюции, приведшей к кокошнику; моршень развился не из сороки, а из повойника.

Даже самые нарядные повойники и очипки все же сохраняют, по традиции, память об интимности этого убора. И парчевые украинские очипки, и шитые золотом сев.-великор. моршени всегда закрываются сверху нарядным платком, сложенным в ленту; таким платком, как лентой, убор обвивается кругом, и виден из-под платка лишь верх убора, на макушке головы.

У Витебских белоруссов, правда, отмечено исключение из этого общего правила; по свидетельству Н. Я. Никифоровского (op. cit. 121), у них все дело в нарядности убора. Чепчик или каптур из домотканного холста, стягивающийся „матýзным порядком" (т. е. при помощи вздержки) позади, слывет настолько интимным, что „появление в одном только *коптурý* считается неприличным даже среди домашних", т. е. в своей же семье; „но тот же чепчик из ситца, кумачу и шерсти составляет выходной головной убор".

§ 11. Третий и последний цикл головных уборов вост.-слав. женщин составляют *шапки*. Все почти путешественники XVI—XVII вв. (Невиль, Корб, Флетчер, Мейерберг и др.) говорят о шапках, как обычном головном уборе Московских женщин того времени. У Олеария читаем: „На головах (у богатых женщин) широкие и просторные шапки из золотой парчи, атласа, дамаста, с золотыми тесьмами, иногда даже шитые золотом и жемчугом и опушенные бобровым мехом... У взрослых девиц на головах большие лисьи шапки" (Ад. Олеарій, Описаніе путешествія въ Московію. Спб. 1906, с. 176).

В XIX в. женские шапки были тоже обычными. Напр., на Дону женщины в праздники носили „шапки с четвероугольным верхом из малинового бархата, в узор вышитого жемчугом, алмазами и яхонтами" (В. Броневскій, Описаніе

Донской земли, ч. III—IV. Спб. 1834, с. 173). В Валдае 1839 г. женщины и девицы „в бархатных шапочках“ (П. Сумароковъ, Прогулка по 12-ти губерніямъ, 16). В Архангельской губ.

Рис. 39. Украинская „дворянка“ XVIII в. в кораблике на голове. (Рис. Ал. Ригельмана.)

женские шапки носили названия: чеба́к, треу́х; первая — большая шарообразная шапка из оленьих шкур с наушниками и с хвостом на затылке (Вс. Миллеръ, Систематич. опис. коллекцій, III, 7; срв. Север, 1923, № 3—4, с. 203, статья М. Б. Едемского; Зеленин, Опис. рукоп. I, 35, 216 и др.).

Женские меховые шапки вообще одного покроя с мужскими. Исключением представляется на первое впечатление *кора́блик* (рис. 39—40: по изображениям А. Ригельмана

Рис. 40. Украинская „госпожа" XVIII в. в кораблике на голове. (Рис. Ал. Ригельмана.)

1785 г.) — шапочка продолговато-округлой формы, края которой, очень низкие и плотно прилегающие с боков к тулье, спереди и сзади возвышаются заостренными вверх лопастями, подобно рогам; обшивались соболями. Женские „кораблики" были в широком употреблении как у украинцев (Ригель-

манъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. М. 1847, табл. л. 14 и 17; Гр. Квитка — Основьяненко, Украинцы: Сочиненія, т. IV, изд. 1890 г., с. 463), так и у великоруссов (Труды I Археологическаго Съѣзда, I, 195, статья А. Ф. Фортунатова; Отечественныя Записки, т. 88, с. 188, статья Е. Авдѣевой). Мужские шапки — „кораблики“ отмечены в Тихвине Новгородской губ., в 1810 г. (Рисунки и чертежи къ путешествію по Россіи ... К. Бороздина, рукопись Публичной Библиотеки в Ленинграде, ч. I, рис. 23). — Теперь ни мужских, ни женских корабликов уже давно не существует.

Рис. 41. Кокошник Звенигородского уезда Московской губ. (Рис. 1850 г. из архива Географ. Общества.)

У сев.-великоруссов женские шапки без меха кое-где сохранились в виде цилиндрических „кик“ (*ки́ка* или *столбуне́ц*), кои отнюдь нельзя смешивать с кичками. У кики плоское дно и наушники по бокам. — Московские кокошники, напр. изображенный на рис. 41 (рис. 1850 г. из архива Географического Общества), близки к кикам, но не имеют наушников; носятся, как видно, с податыльнями; это кокошники без гребня, видоизмененные под явным влиянием шапок и кик, причем кокошники и потеряли свой гребень.

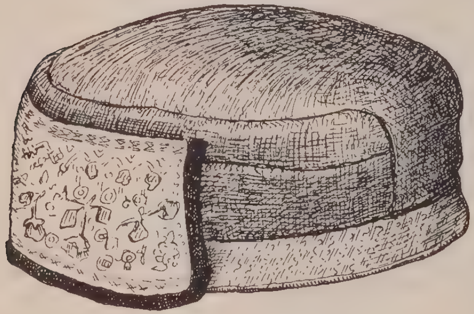


Рис. 42. „Кокошник“ южновеликорусских колонистов Екатеринославской губ. (Вид сбоку.)

Женские шапки вообще оказали довольно сильное влияние на иные головные уборы вост.-слав. женщин. Даже сороки иногда превращаются в шапочки (срв. рис. 23), причем назади вверху изредка еще сохраняются маленькие рожки. Украинские цилиндрические очипки с плоским дном

(т. наз. каптури́) получили свою новую форму от шапок. На рис. 42 изображен южновеликорусский *коко́шник* из малинового бархата, сшитый в виде шапочки.

Почти все названия шапок, одинаково женских и мужских, у вост. славян заимствованы исчужа: *колпа́к, чеба́к, малаха́й, кабарди́нка* с востока; *ша́пка, капту́р* с запада. В форме шапок легко рассмотреть, между прочим, влияние греческих церковных митр и камилавок (срв. рис. 41—42). В полную противоположность двум первым из рассмотренных нами женских головных уборов, мы третий цикл, шапок, считаем сплошь заимствованными с востока и с запада.

§ 12. Нам остается еще сказать о новейших головных

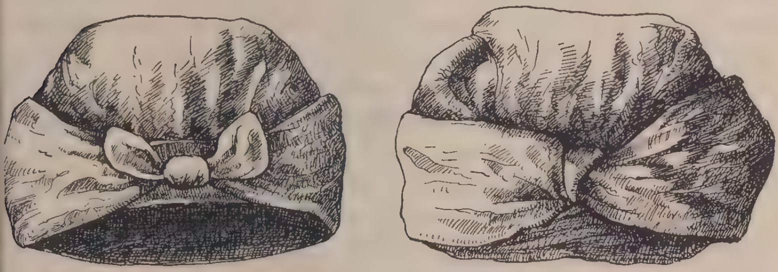


Рис. 43. Украинская „по́вязка" Богодуховского уезда Харьковской губ. (Налево спереди, направо сзади.)

уборах вост.-слав. женщин. Таковы *по́вязка* и *нако́лка,* — уборы, можно сказать, интернациональные, в том смысле, что они распространились в XIX в. по всей территории вост. славян, минуя всякие этнографические границы. Великорусская повязка, напр., Тверской губ. ничем, в сущности, не отличается от украинской повязки (рис. 43). Это полу-культурный убор мелкобуржуазных слоев городского населения, который проник в деревню и быстро привился в ней. Никифоровский (op. cit. 121) описывает, как белорусские крестьянки позаимствовали этот убор от великорусских колонистов-староверов.

И по́вязка и наколка одинаково делаются из головного платка; в этом смысле они восходят к предшественнице платка — наметке, т. е. относятся к первому из рассмотренных нами трех циклов головных уборов. Но сменили они гл. обр. очипки и повойники. — Отличие повязки и наколки сказалось и в самом их названии: по́вязка — платок связанный узлом, на-

колка — платок наколотый при помощи булавок. Для наколки почти всегда, а для повязки изредка употребляется не цельный платок, а только половина его, отрезанная по диагонали. По этому последнему признаку данные головные уборы зовутся еще: косы́нка, косо́к, косичо́к (от слова косо́й).

Раз повязанный или сколотый булавками платок, чаще шелковый, уже не развязывается, а б. частью сшивается в повязанном виде, после чего надевается и снимается подобно шапочке. Концы платка завязываются на лбу изящным бантом. У украинцев такой бант (рис. 43) носит техническое название *мете́лик* (собственно: бабочка), а середина его: *полу́шка.* У великоруссов гор. Мологи в 1820—30-х годах в узел косынки на лбу ввязывался большой перстень с камнем (Труды Ярославскаго Губ. Статистич. Комитета, I, 1866, с. 3, статья А. Фенютина). И в гор. Онеге концы *ско́лки* продеваются в серебряное колечко, которое и приходится как раз на середине лба (Вс. Миллеръ, Системат. опис. коллекцій Дашк. музея, III, 9).

Нако́лку или *ско́лку* делают иногда таким образом: косы закручивают на макушку и кладут на них обмазанный сверху клейстером кусок тонкой ткани, на который наклеивают листы писчей бумаги; все это приглаживается к прическе, чтоб получить ее форму; носят все это на голове, пока не высохнет. Просохший убор снимают и „накалывают“ на него булавками шелковую ткань с бантами напереди и назади (Глуховский у. Черниговской губ.).

Весьма характерно, что, в полную противоположность очипку и повойнику, по́вязка не требует для себя никакого прикрытия; в ней открыто ходят повсюду, даже и в церковь, куда в одном очипке, не покрытом сверху платком, никогда не показываются. — В этом мы усматриваем смутную память о том, что очипок, хотя бы и самый нарядный, восходит к интимной сетке на волосах, а повязка — к наметке, т. е. к верхнему покрывалу.

§ 13. Итак, все пестрое разнообразие головных уборов вост.-слав. женщин мы пытаемся распределить по трем главным циклам. В первом цикле первобытная, праславянская наметка, простая перевязка волос и мистический оберег в виде рогов животного — слились в одно целое и дали в конечном результате сороку, а потом кокошник с гребнем. Во втором

цикле древняя сетка на волосах постепенно развилась в повойник-очипок. В развитии этих циклов скачков не заметно, но бесспорно влияние уборов третьего, исчужа взятого цикла — шапок. Однорогие (редкие) кокошники тоже, повидимому, возникли под сторонним влиянием.

Особняком стоят девичьи головные уборы, которые восходят к простой перевязке волос стеблем или веревкой. Женские уборы освящены особым обрядом *повиванья* или *окрученья* новобрачной на свадьбе; этому обряду иногда предшествует даже особое религиозно-церковное освящение самого убора. Так, в Сибири „раньше обязательно, а теперь редко — к венчанию молодая приготовляла кокошник; поп в церкви освящал его, возлагая на престол“ (А. М. Селищевъ, Забайкальскіе старообрядцы. Иркутск, 1920, с. 7). Древнее поверье, что открытые волосы замужней женщины ведут к бедствию, а также присутствие в уборе мистического оберега в виде рогов — усиливали священно-мистическое значение убора, прикрывающего таинственные волосы на голове замужней женщины. — Девичий же убор сохранялся неизменно главным образом в силу своего символического значения: открытые волосы означали символически девственность. В Приуралье у сев.-великоруссов есть обычай, в силу коего девица-невеста во время брака жертвует ленту из своей девичьей косы в церковь, в качестве закладки для напрестольного евангелия; но такая символическая жертва приемлется только от невесты, соблюдшей до брака свое девство; жертва без этого условия навлекает на жертвующую гнев божества.

Таким образом, возникновение и развитие существующих доныне форм восточнославянских женских головных уборов об'ясняется тремя различными факторами. Первое — фактор биологический — необходимость перевязать длинные волосы веревкой (такую веревку мы считаем прототипом всех девичьих уборов и, быть может, также женской кибалки) и необходимость обвязать прическу сеточкой (откуда повойники-очипки). Второй фактор — магический: головной убор должен служить оберегом матери (и вместе ее ребенка) от нечистой силы и злого глаза; таковы все рогатые уборы; такова, быть может, сорока, поскольку в ней можно видеть сближение с птицей сорокой. В кокошнике идея оберега заменилась магическим символом плодородия: в этом великорусском уборе бесспорна идея сбли-

жения с обичным символом женской плодовитости — с курицей; вполне аналогичный символ плодородия мы имеем в украшении разных женских уборов „шишками“ (рис. 35), похожих на „шишки“ украинского свадебного коровая и, в дальнейшем, на плоды-семена сосны.

Наконец, ряд уборов заимствован от соседних народов в готовом виде; таковы все шапки. Последнее наше замечание нельзя понимать так, что все прочие восточнославянские женские головные уборы мы считаем чисто туземными, незаимствованными. Древнейшие из двурогих уборов есть основания считать также взятыми исчужа (срв. § 5 — о шлемах, как о прототипе женских двурогих уборов). Но тут мы имеем доисторическое заимствование, которое нельзя доказать; главное же, двурогие уборы подверглись на восточнославянской почве весьма основательной туземной переработке и, эволюционируя, создали совершенно новые формы уборов; напротив, женские шапки сохраняют, как общее правило, чужие формы без больших перемен и эволюции.

Дм. Зеленин.

Kritiky a referáty.

E. Sievers: **Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising** im Verein mit Georg Gerullis und Max Vasmer herausgegeben von E. Sievers. (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. 76. Bd. 1924. 2. Heft.) Leipzig, Hirzel, 1925.

E. Sievers: **Altslawisch** *ē* **und** *ja.* Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. (Berichte usw. 77. Bd. 1925. 2. Heft.) Leipzig, Hirzel, 1925.

In diesen Monographien wird zuerst die schallanalytische Methode auf alte slavische Texte angewandt. Die zweite Schrift wurde von Sievers ohne jede Mitarbeit slavistisch geschulter Kollegen geschrieben; auch in der ersten sind sowohl die metrisch gegliederten Texte wie die Einleitung dazu hauptsächlich von Sievers; Gerullis hatte »durch scharfe schallanalytische Nachkontrolle … vieles zur definitiven Sicherung des klanglichen Tatbestandes beigetragen«, und nach der vorläufigen Feststellung der Klangform des Textes durch Sievers wurde derselbe »von allen dreien gemeinschaftlich durchberaten«, wobei man zu einem »übereinstimmenden Urteil über seine Klangform« kam. Schliesslich fügte Vasmer 4 Seiten sprachgeschichtlicher Anmerkungen hinzu.

Die Publikation derartiger Untersuchungen begrüsse ich mit grosser Freude. Als die schallanalytische Methode sich noch in einem weniger fortgeschrittenen Entwicklungsetat befand, habe ich dieselbe wiederholt auf niederländische Texte angewandt und ihre Richtigkeit immer bestätigt gefunden. Auch für altkirchenslavische Studien ist sie ausserordentlich wichtig. Man versuche etwa eine einfache Leseprobe mit den Predigten Nr. 41, 42, 43 des Suprasliensis; es dürfte für jeden nur einigermassen empfindlichen Menschen klar sein, dass diese Texte mit besonders niedriger Stimmlage gelesen werden müssen, sonst treten Hemmungen und Störungen ein. Und sobald man von Nr. 43 auf Nr. 44 übergeht, hebt sich von selber die Stimme und der schwere Rhythmus macht einem leichteren Platz. In diesem Falle ist es auch von grammatischem Standtpunkte klar, dass die drei Nrn. von einem anderen Übersetzer herrühren als die vorhergehenden und nachfolgenden Predigten[1]); in anderen Fällen werden hoffentlich kritische Leseproben den Ausgangspunkt bilden für künftige grammatische Untersuchungen. Wenn ich solche aksl. Texte lese, welche zweifellos den Bulgarenbischof Klemens als Verfasser haben, so fällt mir gleich

[1]) Archiv XL, 269.

die eigentümliche Klangform dieser Texte auf, und diese dürfte für einen schallanalytisch begabten Menschen ein viel zuverlässigeres Kriterium für die Feststellung anderer Klemenstexte sein als die von Vondrák in seinen Studie z oboru církevněslovanského písemnictví oder von Stojanović in der Ausgabe seiner **Новыя слова Климента Словѣнскаго** (im 80. **Сборникъ** der Petersburger Akademie) gebrauchten Kriteria.

Leider muss ich gestehen zu solchen subtilen Untersuchungen wie die in den letzten Jahren von Sievers veranstalteten nicht imstande zu sein und sogar bei der Beurteilung derselben nicht immer mein Ohr als ein zuverlässiges Nachprüfungsmittel zu betrachten. Aber dennoch lege ich diesen Untersuchungen einen besonders grossen Wert bei. Anderseits aber wird Sievers selber wohl gestehen, dass die Methode noch stets in einer Periode der fortschreitenden Entwicklung ist und dass es noch immer erwünscht ist nachzuprüfen, inwiefern die von derselben erzielten Resultate zu den auf ganz anderen Wegen gewonnenen Ergebnissen stimmen. Wo die Resultate nicht übereinstimmen, wird man beiderseits versuchen müssen etwaige Fehler zu entdecken und zu korrigieren. Und die neue Methode wird erst dann allgemeine Anerkennung finden, sobald sie diejenigen Resultate früherer Forschungen, die als gewissermassen sicher angesehen werden dürfen, im allgemeinen bestätigen wird.

Es kommt mir vor, dass von seiten der Sprachgeschichte und Grammatik gegen die erste der zwei Schriften weniger eingewendet werden kann als gegen die zweite. Dass die Kiever Blätter die alten Quantitäten bewahrt haben, ist sehr gut möglich. Zwar hat Šachmatov fünf urslavische Vokalkürzungsgesetze angenommen, aber den einzigen Grund dafür bildet der allgemein-slavische Charakter dieser Kürzungen; dann ist aber Parallelismus nicht weniger möglich als gemeinschaftliche Entwicklung; wenn man die Ki. Bl. mit den Freisinger Denkmälern vergleicht, für welche Sievers in ziemlich weitem Umfange Vokalkürzung annimmt, so ist es nicht ohne Belang hervorzuheben, dass auch in einem anderen Punkte, und zwar was die Reduktion der Jers anbetrifft, die Fr. D. trotz ihres hohen Alters eine weiter fortgeschrittene Modernisierung des Vokalismus zeigen. Mit der Annahme eines diphthongischen ъи (ꙑ) steht Sievers nicht allein. Dass in den Ki. Bl. ь als ein *i*-Laut und ъ als ein schwach gerundeter *u*-Laut zu sprechen sind, ist sehr gut möglich. Sogar halte ich die geschlossene *ẹ*-Aussprache des ѣ ohne weiteres für möglich. Eine Zeitlang habe ich mit Vasmer (S. 55) an der Möglichkeit gezweifelt, dass nicht nur das urslav. *ě*, sondern auch das urslav. *a* nach *i̯* und erweichten Konsonanten als *e* gesprochen sei; jetzt möchte ich aber diese Möglichkeit anerkennen. Die Sprache der Ki. Bl. war wohl ein für den Gebrauch auf böhmisch-mährischem Boden etwas modifiziertes Altbulgarisch (s. Verf., Księga pamiątkowa ku czci O. Balzera II, 665 ff.); die Aussprache gewisser Laute dürfte in dieser Kirchensprache und Schriftsprache eine etwas künstliche gewesen sein; dass man hier die čechoslovakische Aussprache des *ě* durchgeführt und auch auf die Fälle ausgedehnt hat, wo das abg. ѣ (glagol. ⰰ) einen andern urslavischen Laut vertrat, scheint mir nicht unmöglich. Wenn Sievers weiter meint, dass es in der Sprache der Ki. Bl. und überhaupt im Aksl. keine Konsonant-

erweichung gegeben habe, so könnte ich das für die nicht aus *i̯*-Gruppen entstandenen Konsonanten als möglich anerkennen, — dagegen nicht für Fälle wie нaпaльнeнь (Ki. Bl. II a 6), wo das aus *ni̯* entstandene allgemein-slavische *n̂* ohne jeden Zweifel einmal mouilliert gewesen ist und im ganzen slavischen Gebiete im allgemeinen noch so gesprochen wird; ich wäre Sievers dankbar, wenn er die aksl. Texte noch einmal auf den Unterschied zwischen ursl. *ne* und *ni̯e* 〉 *n̂e*, *re* und *ri̯e* 〉 *r̂e*, *le* und *li̯e* 〉 *l̂e* hin untersuchte. Ein anderes Fragezeichen schreibe ich bei der Aussprache *ti̯ę* (тѩ). Sievers meint, ein *i̯* sei stets in den Diphthongen *i̯u*, *i̯ǫ*, *i̯ę* zu sprechen — und nur hier —, bei denen es auch in der Schrift vorliege. Nun stimmt diese letzte Bemerkung für ѩ nicht zu; bekanntlich haben Ki. Bl., Ps. sin., Ev. achr. nur ein Zeichen für die durch ѧ und ѩ transskribierten Zeichen anderer Quellen; dieses Zeichen ist das allgemein durch kyr. ѩ transskribierte Zeichen, diese Transskription ist aber für die genannten Quellen irreführend. Wie das glagolitische Zeichen für *ǫ* aus dem glagolitischen *o*-Zeichen und einem zweiten Teil, welcher die Nasalierung bezeichnet, zusammengesetzt ist, so besteht das durch ѩ transskribierte Zeichen aus dem gewöhnlichen *e*-Zeichen und dem Nasalierungszeichen. Die ursprüngliche Aussprache war offenbar *ę*; erst als man das Bedürfnis empfand *ę* von *i̯ę* (*ˆę*) zu unterscheiden, bildete man ein zweites Zeichen, wofür man den zweiten Teil des ältern Zeichens verwendete, ohne Rücksicht auf die ursprüngliche Bedeutung desselben.[1])

Anregend ist die Bemerkung (S. 13 mit Fussnote), dass nicht nur in den Ki. Bl., sondern auch in andern aksl. Texten (u. a. Zogr.) рь, ль nicht nur durch ihren helleren Klang, sondern auch durch ihren steigenden Ton sich von den falltonigen ръ, лъ unterscheiden; die Aussprache soll *r̥*, *l̥* gewesen sein. Diese Aussprache wird auch von anderen angenommen, und das dürfte richtig sein; freilich ist es mir zweifelhaft, ob въплътити II b 12/3 hieher gehört: hier ist die ursprüngliche Lautfolge *lъ* und eine so starke Reduktion des ъ ist für die Ki. Bl. kaum annehmbar. Was das Verhältnis von рь, ль zu ръ, лъ in den Fällen, wo ursl. *r̥*, *l̥* vorliegen, anbetrifft, so weicht bekanntlich im allgemeinen die Schreibung рь, ль der Orthographie ръ, лъ gegenüber zurück: in Savvina kniga ist jedoch bei den *r*-Vokalen die Schreibung рь beinahe überall durchgeführt, und in Cloz. und Supr. ist offenbar die Vokalfarbe gewissermassen von dem Vokalismus der folgenden Silbe abhängig. Die Beobachtungen von Sievers geben nun zu allerlei Fragen Anlass, auf welche künftige Forschungen eine Antwort geben sollen: geht mit dem dialektischen Übergang der hellen *r̥*, *l̥* (рь, ль) in die dunklen (ръ, лъ) stets eine Tonumlegung zusammen? Liegt in denjenigen Fällen, wo Zogr. рь schreibt[2]) und welche man bisher als aus älteren Vorlagen herübergenommene Formen betrachten musste, ein durch die Unmöglichkeit der Tonumlegung bedingtes рь vor? Hat die Savvina-Mundart nur steigtoniges *r̥*? Gibt es in Savvina Ton-

---

[1]) Sievers nimmt Altslaw. *ě* u. *ja* 15 für die Ki. Bl. neben hohl fallendem und konvex steigendem *ję* ein einziges »noch undiphthongiertes einfaches *ȅ*« mit gradem tiefem Fallton an. Diese Form *sę* (сѧ) beruht aber auf einem Fehler der Jagić-schen Ausgabe. Die phototypische Reproduktion hat deutliches ѩ.

[2]) Jagić Archiv II, 202 ff.

störungen, welche durch Abweichungen der mundartlichen Tonbewegung von derjenigen der Bibelübersetzung bedingt sind? Man vergleiche etwa Mat. 24; 29: абие же по (с)кръби дьни͡и тѣхъ слъньце мръкнетъ Zogr. (ebenso Mar., nur: слъньце) mit derselben Stelle in Savv.: и абие по скрьби дьны тѣхъ сльньце мрькнетъ. Der Gedanke kommt auf, dass der modifizierte Anfang des Satzes von dem Kopisten verwendet sein könnte um den Tonbewegungstendenzen der Savvina-Mundart gerecht zu werden, anderseits aber spricht Assem. mit seiner Lesart и абіе же dafür, dass die Worte и абие in Savv. aus einer Vorlage stammen.

Ich ging auf die *r̥*-*l̥*-Verhältnisse etwas näher ein um zu zeigen, wie weite Perspektiven Sievers' Beobachtungen der künftigen Forschung öffnen, ich betone aber ausdrücklich, dass die schallanalytische Methode erst dann von den Fachgenossen in ihrem vollen Umfange akzeptiert werden wird, wenn sie auf die Fragen, welche sie aufkommen lässt, selbst eine befriedigende Antwort gegeben haben wird.

Ein ähnlicher Fall liegt bei dem anlautenden *e*-, *je*- vor. In den Kiever Blättern liest Sievers sowohl im Anlaut wie nach Vokalen nur *e*; den *j*-Vorschlag »verbietet die Klangprobe auf das Energischeste«. Für die Freisinger Texte setzt er ein steigtoniges *e*- neben einem falltonigen *je*- an (S. 24), für den Suprasliensis soll die Regel gelten: *e*〉 *je* unter einfach fallendem und einfach steigendem Bogenton, *e* bleibt *e* bei grade fallender oder steigender Intonation (*ě* und *ja* 18—20). Die Slavisten werden erst dann von der Richtigkeit dieser Ansicht überzeugt sein, wenn die Schallanalytiker das Zunehmen der *e*-Schreibung gegen das Ende des Suprasliensis (s. Obnorskij Извѣстія XVII, 3, 252, Durnovo Slavia III, 227) mit berücksichtigen; und weiter wäre es erwünscht zu untersuchen, ob auch der bisher unerklärte Wechsel *e*- : *je*- in sovielen slavischen Mundarten, welchen man bis jetzt als regellos betrachten musste,[1]) mit Tonunterschieden zusammenhängt. Diese vorläufige Skepsis darf aber keinen Forscher veranlassen, die Sieversschen Behauptungen ohne weiteres beiseite zu schieben; Sievers hat ja ein feineres und geübteres Gehör für Tonnuancen als der durchschnittliche Sprachforscher! Er kann sich irren — besonders auf dem ihm sonst fremden Gebiete des Slavischen —, aber sogar in diesen Fällen können seine neuen Gesichtspunkte der künftigen Forschung zugute kommen.

In der Schrift über *ě* und *ja* kommen noch zahlreichere Abweichungen von dem bisher allgemein Angenommenen vor als in derjenigen über die »Verstexte«.[2]) Auf einige davon gehe ich ein.

Für urslav. *ě* nimmt Sievers, wie die meisten Forscher, eine abg. offene *ä*-Aussprache an (S. 9); eine Ausnahme soll die Stellung vor *j* bilden, wo das *ě* »nicht selten steigtonig und geschlossen (*ẹ́*)« zu sprechen

---

[1]) Vgl. Broch, Die Dialekte des südlichsten Serbiens 29 ff., auch РФВ. XLVIII, 134 ff.

[2]) Bisher hat man weder die Ki. Bl. noch die Freisinger Denkmäler als Verstexte betrachtet; s. jetzt Sievers' metrische Bemerkungen S. 8—10, 20. Leider hat die Sprachforschung sich bisher wenig mit Problemen dieser Art beschäftigt.

ei (S. 27). Ursprüngliches *ja* hat sich nach Sievers' Meinung »sehr rühzeitig je nach der Intonationsrichtung in falltoniges *jà* und steigoniges *jé* gespalten«; diese seien weiter zu *ā* bezw. *ē* geworden (S. 10), . B. *desnaà* Zogr. L. 6, 6, *drugaé* das. 6, 10 (auch Mar. schreibt ꙉесна bezw. дроугаѣ). Das postvokalische ꙗ des Suprasl. erklärt Sievers urch sekundäre Diphthongierung des *ē* (S. 25 f.); aksl. землѣ fasst er ls *zemlé*, падъша nach der allgemeinen Auffassung als *padъša* auf. 'ber die meisten dieser Auffassungen müssen die Slavisten staunen; sie tellten sich bisher die Sachen anders vor und, solange ihre traditionellen ınsichten nicht widerlegt sind, werden sie die abweichenden Resultate iner anderen wissenschaftlichen Methode nicht anerkennen. Der in Zogr. nd Supr. so häufige Bogen, der bisher allgemein als Erweichungseichen galt, wird jetzt von Sievers für ein Tonbewegungszeichen gehalten; ennoch steht dieser Bogen gerade dort, wo das Urslavische die Gruppen *i̯*, *li̯*, *ri̯* hatte und wo viele der jetzigen Mundarten noch einen mouilerten Konsonanten sprechen; auch Formen wie к͡нисъ, к͡есар͡ь (z. B. ogr. Mar. 12, 14), зак͡ьх͡ѣе (das. L. 19, 5), аг'г͡елъ (u. a. Supr. 1, /7; 3, 2; dem glagol. анђелъ entsprechend), рах͡инл͡ь (das. 386, 13) prechen für diese Auffassung des Bogens. Wenn nun aber ein Slavist us diesen Gründen nicht aufhören kann вол͡ѣ u. dgl. mit erweichtem zu sprechen, so wird er auch an die Sieverssche Aussprache *ē* nicht lauben; er wird meinen, dass die Aussprache *vol͡ä* den späteren, icht in allen Mundarten zu gleicher Zeit vollzogenen Übergang in волꙗ egreiflicher macht. Denn волꙗ fasst er als *vol͡a* auf, nicht als *voli̯a*, veil er dann den Unterschied in der Lautbezeichnung zwischen земьꙗ *zemi̯a* ‹ *zeml͡a*) — was die normale Form im Supr. ist — und олꙗ nicht begreifen würde; und wie *vol͡a* ‹ *vol͡ä*, so erklärt er даꙗти, *'ai̯ati* aus даѣти, *dai̯äti*. Was den Unterschied даѣти : даати, лагаѣ : благаа anbetrifft, so liegt die Annahme von Tonbedingungen ahe; man beachte etwa den in Zogr. und Mar. ziemlich regelmässig urchgeführten Gegensatz даѣти, даѣ(а)ше usw.: покаати, -аание, аскаати, der nicht einfach dem Zufalle oder einem abwechselnden Veralten der Vorlage gegenüber zugeschrieben werden darf. Anderseits aber ıuss ich einen Unterschied zwischen den glagolitischen Tetraevangelia und avvina hervorheben: Savv. schreibt nicht nur даꙗше usw., sondern auch аскаꙗвъ (allerdings покаание), дѣꙗ-, грѣꙗ- (Mar. Zogr. дѣа-, грѣа-). oll das bedeuten, dass in der Savvina-Ma. die Tonverhältnisse bei rsprünglichem *i̯a* andere waren als in Mar. und Zogr.? Auf solche Fragen ıuss die schallanalytische Methode eine überzeugende Antwort geben, evor sie in breiteren Gelehrtenkreisen Anerkennung finden wird. Ich muss estehen, dass ich in diesem Komplexe von Problemen keinen Ausweg us den Schwierigkeiten sehe und dass ich sowohl der Annahme eines aus *i̯a* wie der Auffassung des Bogens als Neumierungszeichen skeptisch egenüberstehe.

Zu S. 7—9, wo für alle *ę*, die nicht auf *jo*, *ja* + Nasal zurückehen, Fallton vermutet wird, bemerke ich, dass die Aoristformen auf ша (рѣша, обѧша usw.), für welche Sievers Steigton ansetzt, slav. -*ę* -*n̥t* haben. — Die Auffassung des ѧ als Bezeichnung eines hellen *ą*-Lautes

(S. 21) steht der sehr verbreiteten Ansicht, das aksl. ѧ (ꙗ) sei ein nasaliertes *ä* gewesen, sehr nahe; allerdings beschränkte sich diese Aus-sprache nicht auf die Supr.-Mundart (vgl. алексѧдровоу in Mar. usw.) Sievers' Ansicht, dass postvokalisches und anlautendes ѧ im Supr. ohne *j* zu sprechen sei (S. 20), weicht von der üblichen Auffassung dieses Zeichens ab.

S. 17 wird auf den Gegensatz Zogr. чюдо mit steigend-fallendem Bogenton: Supr. чоудо mit gradem Fallton hingewiesen: das würde heissen, dass mit der Lautentwicklung чю > чоу, welche gewöhnlich als *čü* > *ču* von Sievers aber als *čju* > *ču* aufgefasst wird, eine Tonbewegungsver-änderung zusammengeht. Das sieht sehr plausibel aus, es fragt sich aber weiter: was war hier das Prius, was die Begleiterscheinung? Eine andere Frage, die bei künftigen Forschungen dieser Art nicht übergangen werden darf in all denjenigen Fällen, wo zeitliche und örtliche Unterschiede innerhalb des Abg. in Betracht kommen, ist das Verhältnis des vor-liegenden Textes zu der ursprünglichen Übersetzung. Wenn in einem Texte, der ursprünglich чю schrieb, von späteren Kopisten чоу geschrieben wird oder umgekehrt, so werden die damit zusammengehenden Tonände-rungen beim Vortrage störend und hemmend wirken; offenbar hat Sievers das bei den zwei Suprasliensis-Nrn., die er untersucht hat, nicht empfun-den; wie würde es aber bei Nr. 40, der auch im Clozianus vorkommenden Homilie von Epiphanios, aussehen? Ebenso regelmässig, wie Supr. чоу u. dgl. schreibt, hat der Clozianus чю usw. Die ursprüngliche Übersetzung hat entweder das eine oder das andere gehabt; angesichts des altertüm-lichen Charakters der Sprache dieser Predigt ist чю am wahrschein-lichsten; dann erwartet man aber, dass ein anders intoniertes чоу störend wirkt. Ähnliche Fälle liegen bei чѣ : ча, шѣ : ша usw. vor [1]): an vielen Stellen, wo solche Lautgruppen vorkommen, stimmen schon die ältesten Hss., Mar. und Zogr., nicht miteinander überein; hoffentlich wird die schallanalytische Methode uns bei der Rekonstruktion der cyrillo-metho-dianischen Übersetzungen wichtige Dienste leisten. Für die vorliegende Arbeit über *ē* und *ja* hat Sievers von den Evangelienhandschriften speziell den Zographensis verwendet. Er untersucht die Tonbewegung dieses Textes, wobei er offenbar keine bedeutenden Störungen empfindet. Und trotzdem hat, wenn nicht alle bisherigen Forschungen über die aksl. Bibelübersetzung verfehlt sind, der Zographensis sich schon sehr weit von dem Grundtexte entfernt, alles zusammengenommen wohl weiter als der Marianus-Text.

Solange die bisher angewandten sprachhistorischen Methoden und die schallanalytische Methode oft zu weit voneinander abweichenden Resultaten kommen, muss man beiderseits versuchen durch Perfektio-nierung der Methoden einander näher zu kommen. Ebensowenig wie die älteren Methoden hat, sogar unter Sievers' Händen, die Schallanalyse noch eine solche Vollkommenheit erreicht, dass man in zweifelhaften Fällen ihre Ergebnisse ohne weiteres denjenigen anderer Disziplinen vorziehen darf. Auf Grund eigener Studien auf diesem Gebiete glaube ich aber

[1]) Auch bei dem oben erwähnten Wechsel ѧ : ѣ, ꙗ.

lass sie einmal das erlösende Wort sprechen wird über manches Problem, n welchem ältere Methoden vergebens ihre Kräfte versucht hatten.

Auf weitere Einzelheiten gehe ich nicht ein. Für das Gesamturteil ber diese Sieversschen Arbeiten macht es wenig aus, ob man auf etwas ıehr oder weniger Abweichungen von der communis opinio aufmerksam ıacht. Eine irgendwie vollständige Übersicht dieser Abweichungen, velche sowohl die Bedeutung der über den Zeilen stehenden Zeichen ie die Aussprache der Laute betreffen, hätte auch deshalb einen geringen Vert, weil man jede Einzelheit aus ihrem Zusammenhange herausreissen ıüsste, wobei man den Qualitäten des Ganzen nicht gerecht werden önnte. Auch auf den sprachvergleichenden Abschnitt S. 33—56 gehe ich icht ein. Es wird andern hier wohl gehen wie mir: wenn ich die Zitate ıut hersage, höre ich oft diejenigen Toneigentümlichkeiten, welche Sievers onstatiert, ich zweifle aber, ob ich dieselben ohne Sievers gehört hätte; a fragt man sich: darf ich mich hier auf mein Gehör verlassen? In olchen Fällen enthalte ich mich lieber eines Urteils. Diese Enthaltung t aber alles weniger als eine Ablehnung.

Leiden. *N. van Wijk.*

[-р. Ст. М. Кульбакин: **Палеографска и језичка испитавања о Мирослављевом јеванђељу.** (Српска Краљевска Академија. Посебна издања. Књига LII. Филозофски и филолошки списи, књ. 13). Сремски Карловци 1925; VIII + 120 стр. + 2 табл. снимков.

Мир.) — один из древнейших памятников несомненно сербского исьма; будучи написано между 1169 и 1197 гг., оно может уступать ı м. б., и превосходит) по древности из кирилл. памятников срб. письма олько *Кул.*; третий по древности кирилл. памятник, *Вук.*, по крайней ере, на 2 года моложе *Мир.* Оно уже было описано Стояновичем приложении к изданию *Мир.*, но, как указывает К., описание Стояновича не исключает необходимости в новом обследовании. Работа дополяет и во многом исправляет описание Стояновича.

---

[1]) Сокращения: *AE*[1] — 1-й почерк, *AE*[2] — 2-й почерк и *AE*[3] — 3-й очерк Арханг. Ев. около 1092 г., *Асс* — Ассеманово Ев., *Вук.* — Вуаново Ев. ок. 1200 г., *ГБ* — Слова Григория Богослова XI в., *ЖК* — Китие Кодрата XI в., *Зогр.* — Зографское Ев., И73[1] — 1-й почерк И73[2] — 2-й почерк Изборн. 1073 г., *КИ* — Слова Кирилла Иерусал. :I в., *Кул.* — грамота Кулина 1189 г., *Купр* — Куприяновские или овгородские листки XI в. (См. Изв. XXVIII), *Мак.* — Македонский ирилловский листок XI в., *Мар* — Мариинское Ев., *М 95* — Служебая Минея 1095 г., *М 97* — Служебная Минея 1097 г., *Мир.* — Мироıавово Ев., *ОЕ* — Остромирово Ев , *РЕ* — кирилловская часть Реймкого Ев. конца XI в., *Сав.* — Савина книга, *СПс* — Синайская Псалтырь, *Пт* — Синайский Патерик XI в., *Супр*[1] — 1-й почерк Супр. (кроме р. 131), *Супр*[2] — 2-й почерк Супрасльской ркпси (стр. 131, сл. Лавров, лФ. 4. 1.), *ТЛ* — Туровские еванг. листки XI в., *Тмут.* — надпись а Тьмутороканском камне 1068 г., *Унд* — листки Ундольского XI в., *142*[1] — бóльшая часть Устава и Кондакаря Моск. Типографской б-ки 142, XI в., различающая ѧ и ꙗ. є и ѥ. є и ѣ, и т. д., *У 142*[2] — меньшая асть той же ркпси, не различающая ѧ и ꙗ. є и ѥ, и смешивающяа є и ѣ. одробности об упоминаемых здесь русских ркпсях см. J. Ф. IV. 76—83.

В I главе »Палеографска страна споменика« (1—21) К. сначал пересматривает вопрос о писцах *Мир*. В согласии со Стояновичем, о думает, что основной текст первых 89 стр. писан тем же лицом, которо писало и дальнейшую часть ркпси, но позднейший правщик обвёл чер нилами написанное на первых 89 листах. Однако, в отличие от Стоя новича, К. думает, что писец последних $2^1/_2$ стр. ркпси, Григорий не тожествен с писцом остальной ркпси, и что тому же Григорию при надлежит и бо́льшая часть киноварных заголовков, на отличие почерк которых от руки главного писца обратил внимание уже Лавров. Сво выводы К. подтверждает очень наглядным сопоставлением начертани отдельных букв.

Далее К. указывает на то, что гра̀фические приёмы *Мир*. сходятс с приёмами боснийских памятников, отличаясь в некоторых отношения от приёмов *Вук*., и что употребление ѣ в соответствии как ѣ так и другиx кирилл. памятников и отсутствие йотованных букв согласн с глаголической традицией (19) и отражает традицию старой македонско графики, как она сказалась не только в глаголич. ркпсях 11 в., н и в кирилл. *Унд*. и *Мак*. (20). Сербскими чертами графики *Мир*. (»црте које су везани за његово српске порекло«) К. считает исключительно употребление ь вм. старых ъ и ь, употребление ы (не ъı) с соедини тельной чертой, букву ћ ва месте мягкого γ в греч. словах и частое вм. оү и ж и наоборот. Повидимому, указание на сербский характе этих черт надо понимать в том смысле, что все они характерны дл сербских памятников, независимо от того, встречается ли каждая из ни в отдельности и в несербских памм., п. ч. исключительное употреблени ь имеется и в Супр.[2], не дающем указаний на сербское или несербско происхождение писца, в Мак. и в македонских ркпсях XII в., и ы тог же типа известно также и из болгарских памятников. По поводу К. замечает, что »спајање првог и другог дела тога слова одлика XII века, као и замена првог дела његова ъ за ь« (13). Эти слова мн не совсем понятны: соединительная черта — не только в Унд., н и в русских ЖК и М 97. По словам К., Унд. по своей графике пред ставляет переход к графике 12. в., но возможно, что до нас не дошл памм. XI в., писанные в той же части Македонии. ы без соединительно черты, но с ь в первой части из памятников XI в — постоянно в Супр. и в Мак.; в И 73[1] и КИ оно гораздо чаще, чем ъı; нередко оно и в И 73 только ы и в РЕ. Из остальных указанных К-ным сербских графически черт ћ — только в срб. ркпсях, и ни в македонских, ни в русских н встречается. Не понимаю замечания, что оно получилось не из пере вернутого ч, п. ч. этому »смета угласти карактер српског слова« (14) письму 11 в. известно и угловатое начертание ч, вполне совпадающе с перевернутым ћ Мир., ср. Тмут.[1]), кирилл. приписку Асс., ГБ, И 73 251 d, КИ 215, У 142[2]. 17 об, 24, 31 об. bis, 42 об и более поздни ркпси, русские и ю.-сл. Употребление ю вм. оү или ж и наоборот из вестно и русским ркпсям. В И 73[2] ни ю вм. оү и ж, ни оү вм. и ѭ нет, но ж пишется, м. пр., и вместо ѭ и ю в начале слова

---

[1]) Впрочем, в Тмут. такое *ч* — с маленькой головкой.

после гласных и после л, н, р, з, с; при этом мягкость согласных перед ѫ в подобных случаях обозначается надстрочным значком, который часто пропускается. В И 73[1] вм. ю — не только ѫ, но и оу; последнее только после л; мягкость согласных перед ѫ иногда не обозначается; перед оу обозначена всюду; чаще ю пишется правильно. В РЕ ѭ и ю всюду заменяются буквами ѫ после гласных, оу после л и н.[1]) В СПт — любина 173, лаврю 74, 78, ѥмю d. sg. 166. В М 95 несколько раз оу вм. ю перед л, без обозначения мягкости л, и ю после р и л (только в группе люч-).[2]) В У 142[2] несколько раз ю вм. оу или ѫ в начале слова и после л, н, м. В КИ встречаются как примеры в ю вм. оу или ѫ (после л, н, р, в, зд, ст, всего не меньше 15), так и с оу вм. ѫ и ю, без обозначения мягкости согласных (после л, н, р); 1 раз ѭ вм. ѫ (разлѭчикъ 108) и нередко ѫ вм. ѭ и ю, без обозначения мягкости согласных; acc. sg. f. местоим. вьсь пишется и с -оу и с -ю. Русские ркпси XI в., как мне кажется, подтверждают мнение К., что смешение оу и ю вызвано существованием графических вариантов лю и лѫ, ню и нѫ (21). Возможно, что в русских рукописях оно возникло независимо от сербских, но можно заметить, что оно встречается преимущественно в тех ркпсях или их частях, где обычно є вм. ѥ, и есть другие черты, характерные именно для сербских ркпсей; те же, в которых такое смешение чаще, — И 73[2], РЕ, КИ, — заключают прямые указания на с е р б с к у ю графическую и орфографическую традицию (см. ниже). Поэтому можно думать, что совпадение их с сербскими памятниками по смешению оу и ю восходит к общей им традиции, возникшей там, где ѫ совпало с оу, а ъ с ь, т. е. в Сев. Македонии или Сербии и, скорее всего, именно в Сербии.

Бо́льшая часть книги К. (21—95) посвящена выяснению характера несербского прототипа Мир. Таким прототипом, как устанавливает К., был не т. наз. среднеболг., а ст.-сл. техст и притом не вост.-болг., а макед. происхождения; между ним и Мир. был ряд промежуточных сербских списков. Со стороны морфологической и лексической он отличался большой архаичностью и стоял ближе всего к Мар., давая иногда даже более архаичные чтения. Под ст.-сл. текстом, как видим, К. понимает такой ю.-сл. текст XI в., в котором еще отсутствовали ср.-болг. и срб. черты, неизвестные дошедшим до нас ст.-сл. памятникам ю.-сл. письма XI в. Б. ч. соображений К. о фактах, принадлежавших этому прототипу, возражений не вызывает.

Если я верно понимаю, К. выводит премо в Мир. из написания прототипа прѧмо (98). Однако памятники ю.-сл. письма такого написания не знают; оно известно только русским текстам и явилось, надо думать, только на русской почве. Но совершенно правильно, что здесь е не из ѣ. Такого же происхождения е в слове камень Мир. Ио. 2. 6, вм. камѣнъ ю-сл. и камѧнъ русских еванг. текстов XI в., приводимом у Стояновича, но почему то неупомянутом у К. В других случаях этот же суфф. прилаг. в Мир. всюду с ѣ.

[1]) *ю* встречается только 1 раз.
[2]) Корнеева, РФВ. 78.

Некоторые черты Мир., относимые К. на долю сербского писца, могли быть уже в его макед. прототипе, напр. одно ρ между согласными, ср. Зогр:, Асс. и некот. русские тексты.

Из случаев с ѣ в значении *ja* или *а* после мягких следовало выделить ѣ в compar., как **множѣише** и др. (30), т. к. в подобных случаях ѣ и в кирилл. памятниках, правильно различающих ѣ и ꙗ или а после мягких, м. пр., почти во всех русских ркпсях XI и XII в.

Относительно loc. pl. на **-ѣхъ** от основ на согласную К. осторожно замечает, что »je могуће да их je унео један од српских преписивача« (48). Против такой формулировки трудно что-ниб. возразить. Можно только заметить, что они изредка встречаются и в русских ркпсях XI в., рядом с обычными на **-ьхъ** и **-ехъ**: **небесѣхъ** по одному разу И 73[1]. 45, АЕ[1]. 60, АЕ[2]. 169, У 142. 58, М 97, и 4 раза М 95, **словесѣхъ** И 73[2]. 116, **племенѣхъ** ib. 138, **дрѣвесѣхъ** ib. 154.

Возможно, что и формы **жетелѣмь** и **гоморѣмь**, правильно читаемые К-ным как **жетелꙗм** и **гоморꙗм**, и сопоставляемые им с **граѣамь** и **доубровчамь** Кул., восходят к макед. прототипу Мир.,[1]) ср. подобные формы в русских церковных памятниках XI в., восходящих к ю-сл. прототипам, **къ селоунꙗмь** КИ 244, **содомлꙗмъ** АЕ[2]. 125, 174 об, **иероусалимлꙗмъ** У 142. Но т. к. такие формы в русских церковных памятниках крайне редки, а в живом русском яз., несомненно, существовали, как показывают летописи, возможно, что в русские памятники XI в. они не перешли из ю-сл. прототипов, а внесены русскими писцами из своего живого языка. В КИ, отражающих, повидимому, срб. традицию, ф. **селоунꙗмь** может тоже восходить и к этой традиции.

В главе о лексическом составе Мир. (65—95). К. сопоставляет лексику Мир. с лексикой еванг. текстов XI в. и некоторых более поздних и выясняет, что она в главных чертах совпадает с лексикой старых глаг. памм. Мар. Зогр. Асс.; где ОЕ. и Сав. отступают от глагол. традиции, Мир. »се најчешће придружује глагољским споменицама, а не Остр. Сав.« (93); и лишь в немногих случаях даёт новые чтения, отличные от чтения еванг. текстов или неизвестные из других текстов; случаев, где Мир. сходится в ОЕ. или Сав, отступая от глагол. традиции, К. насчитывает 14, а случаев, где оно даёт чтения, известные лишь из позднейших еванг. текстов или только из Мир., — 24, тогда как случаев совпадения Мир. с глагол. еванг. текстами XI в. или с одним из них — более 250. Это показывает, что Мир. очень хорошо сохранило лексический состав прототипа, и что последний »никао на македонском терену« и был »прилично архаичан« (93). В перечень слов Мир., восходящих к этому прототипу, вкралась досадная обмоловка: упомянуто слово **озмирьнено**, будто бы сближающее Мир. с Асс. (75, и 67), тогда как в Мир. на соответствующем месте стоит **оцтѣно**, как в Сав. (Мрк. 15 23).

К сожалению, К. не отделяет тех случаев, где в Мир. употреблено слово, не встречающееся с тем же или сходным значением вообще в глаг. текстах XI в., от случаев, где является слово, отсутствующее

[1]) По мнению К., наоборот, »тешко да je био у ст.-сл. подлози нашег споменика« (48).

данном месте еванг. текста, но встречающееся в глаг. текстах XI в. других местах. Таковы, напр., **стькл҄ѣница** как перевод »*ἀλάβαστρον*«, **блюдо** »*παροψίς*«. Первое встречается в глагол. еванг. текстах, как еревод »*ποτήριον*« (Мт. 23. 25. 26, Мр. 7. 4. 8, Лк. 11. 14), второе — *πίναξ*« (Мт. 23. 25. 26, Лк. 11. 14). Те места Ев., где упоминаются **лавастрь и стькл҄ѣница**, не дают повода к замене одного слова другим; огда, где и почему возникла такая замена, остаётся неизвестным, но амое слово, очевидно, первонач. переводу было известно. Замена слова **аропсида** словом **блюдо** могла легко возникнуть на почве самого еванг. екста, т. к. оба встречаются в почти тожественных фразах, ср. Мир. **чцѣщаете вьнѣшнѣѧ стькл҄ѣнице и блюдоу** Мт. 23. 25 (Мар. **паропсидѣ**), **внѣшнеѧ стькл҄ѣнице и блюды очищаете** Лк. 11. 39 (Зогр. **людомъ**, Мар. **мисѣ**). Относительно соответствия Мир. в употреблении лова **вратарь** »*θυρωρός*« Мр. 13. 34 с Сав. замечу, что это место в Сав. тсутствует; **вратарь** в Сав. есть, но в другом месте — Ио. 18. 16, где Мир. в согласии с глагол. текстами XI в. **дверници**; в ОЕ в первом лучае **вратьникоу**, во 2-м **двьрьници**, но в Ио. 10. 3, в отличие от ругих текстов, **вратарь**, и только в русских текстах 1-ой половины XII в. **вратареви** и Мр. 13. 34.

Не отделены выражения, известные и из других памм. XII в., от ыражений, известных только из Мир. Так, говоря о словах **проодь, дьбри огни, нарьда вѣрьна, дрѣводѣлинь, вльноуѧ сѧ, едиаколи, льбное, вльчьць, просити, плакати се** (вм. **хлѧпати**), К. не оворит, какие из них известны и другим еванг. и не еванг. текстам XII и позднейших веков и какие нет.

Следует пожалеть, что К-ну не удалось привлечь к сравнению усских текстов XI и XII в., как еванг., так и нееванг., а также неванг. ю.-сл. текстов XII.; кое где указания на чтения русских текстов XII в. есть, но случайные и слишком малочисленные. Между тем, эти ексты дают, мне кажется, ясные указания на то, что ряд указываемых К-ным новых выражений, как **проходъ** »*ἀφεδρών*«, **дрѣводѣлы** »*τέκτων*«, **ъбьное** »*κρανίον*«, **вльчьць** »*τρίβολος*«, **мѣдьница** »*λεπτόν*« проникли еванг. текст не позже конца XI в., а вне еванг. текста, по крайней ере, некоторые из них, были известны и раньше, как **дрѣводѣлы**, **льчьць, мѣдьница**. Слово **вльчьць** »*τρίβολος*«, повидимому, было первоначальном переводе паримейника, принадлежащем св. Кириллу.[1]) а исключением подобных слов, остаются и такие, которые можно считать внесёнными уже на сербской почве.

В понимании отношения Мир. к своему прототипу я несколько асхожусь с К. Последний представляет его себе, как протограф, т. е. еальный список, первый в последовательном ряду сделанных один другого списков, заканчивающемся Мир.; я же понимаю прототип, ак известного рода идеальный текст, тот старый usus еванг. текста, какому восходит сербская традиция Мир. Опытные переписчики богоужебного еванг. текста, как Мир., должны были знать его почти

[1]) Из памятников XI в. оно встречается, м. пр., в И73[2] и КИ, обоих — в цитатах из кн. Бытия.

наизусть и при переписке вряд ли руководились правописанием оригинала, лежавшего у них перед глазами, и воспроизводили не столько его, сколько тот текст, который отложился в их памяти. Непосредственный оригинал был только одним из привходящих элементов; чем опытнее был писец, тем меньше была его зависимость от непосредственного оригинала при переписке богослужебного еванг. текста, и тем устойчивее выдерживалась писцом традиционная орфография, которая могла совершенно расходиться с правописанием непосредственного оригинала, так же, как и с произношением писца. Тот идеальный или типичный текст, который сложился в памяти и представлении писца, мог быть не вполне устойчивым, т. к. слагался из представлений о различных текстах; в одном и том же реальном тексте повторялись сходные места, которые в представлении писца могли ассоциироваться друг с другом. Отсюда — неустойчивость еванг. текстов и неоднородность текстов, писцы которых, судя по их графике и правописанию, принадлежали к одной школе.

В последней главе (95—111) К. говорит о тех чертах Мир., которые соответствуют языку сербского писца, в том числе как о тех, которые несомненно внесены срб. переписчиком, так и о тех, относительно которых нельзя точно сказать, внесены ли они только на сербской почве или уже были в ст.-сл. прототипе. Здесь, м. пр., любопытны убедительные соображения в пользу того, что кы, гы, хы в срб. яз. совпали с ки, ги, хи раньше совпадения ы и и в других положениях, и что в языке последнего писца Мир. ы и и уже совпали (96—97), далее, — что редкие случаи смешения є и ѣ в словах, повидимому, неизвестных живому яз. писца, могут указывать на церковное произношение ѣ, как є, тогда как в живом яз. є и ѣ различались. Это предположение весьма вероятно, п. ч. можно думать, что в своем церковном произношении сербы того времени руководились произношением македонским или зап.-болг.; македонское же ѣ, хотя и не совпало с є, но могло восприниматъся как є теми сербами, в произношении которых разница между є и ѣ была более значительной. Обьяснения, даваемые К. отдельным случаям смешения ѣ и є в Мир., по-моему, правильны; не могу согласиться лишь с мнением К., что в compar. **множеишихь** »у ствари ту не би могло бити гласа ѣ у изговору«[1]).

Неясно, по каким соображениям К. считает старосербский диалект, отразившийся на правописании Мир., южносербским (хотя и с оговоркой »свакако«), п. ч. все указанные им сербские черты являются общесербскими, кроме, м. б., упрощения *sc* > *c* не в начале слова, но сам же К. считает возможным, что примеры такого упрощения в Мир. »нису били народни облици« и могут указывать только на книжное произношение (105—106). Кроме того, возможно, что нынешнее сербское -*sc*- позднейшего происхождения, частью из *sьc*, *zьc*, частью по аналогии с этими группами, а старое *sc* вообще было утрачено, заменившись в одних случаях через *c*, в других через *st*, и что написание сц в па-

---

[1]) См. выше.

мятниках XI и XII в. читалось всеми сербами, как ц. Из остальных сербских черт сохранение различия между ѣ и є в памятнике XII в. вряд ли даёт определённые указания на говор писца; написание слюнцю тоже нельзя рассматривать для того времени, как диалектическую черту: это написание могло передавать как произношение с *-lu-*, так и произношение с *l̥ᵘ* (т. е. *l* слоговое с окраской *u*); думаю, что именно к последнему восходит и нынешнее сербское *u* из *l̥* между согласными.

Некоторые особенности Мир. сближают его с частью русских ркпсей XI и XII в.

Почти правильное употребление ѫ в ОЕ, ТЛ, Купр. и ГБ представляет резкий контраст с полным смешением ѫ и оу или отсутствием ѫ в остальных русских ркпсях и позволяет предположить, что первая группа памятников отражает иную ю.-сл. традицию, чем вторая, т. е. что вторая группа может восходить к ю.-сл. традиции, смешивавшей ѫ и оу, т. е. традиции македонской или сербской.

В русских ркпсях рядом со ст.-сл. dat. sg. adj. m. на -оуоумоу или -оумоу часто употребляется форма на -омоу, -емоу, реже -оомоу, -еомоу, в соответствии с живым яз. русских писцов, которым, несомненно, были известны только формы на *-ому* и т. п. Не исключена возможность, что употребление этих форм поддерживалось не только живым языком писцов, но и ю.-сл. традицией, по крайней мере в части памятников.

В некоторых русских ркпсях XI в. имеются более определённые указания на с е р б с к у ю традицию, сходную с традицией Мир., т. е. восходящую к старой македонской традиции. Сюда относятся И 73², КИ и РЕ. Назову черты, сближающие их с Мир., как старые, восходящие к досербской традиции, так и такие, которые могли явиться скорее всего на сербской почве. Звездочкой отмечаю черты, известные сербским памятникам и не обычные в македонских памятниках XI в.

И 73²: 1. встречается начертание ѧ; 2. при обычном ъı встречается и ы, ср. И 73¹, где ы преобладает; 3. при правильном в общем различении ъ и ь, нередки и случаи смешения ъ и ь, независимо от положения, с преобладанием в последнем случае ь; 4. часто є вм. ѥ; 5. часто ѫ вм. ѭ и ю; встречается оу вм. ѭ, ю (см. выше); 6. встречается, хотя только 3 раза, ѣ в значении ꙗ (не считая основ ѣд- и ꙗд-): дѣлѣ 155ᵈ, вѣѣста 212ᶜ, живѣѣше 259ᵃ (ср. в И 73¹: ѣзва 51ᵇ, не срамѣи сѧ 41ᵃ, очѣсаꙗ 61ᵃ); *7. ѧ вм. є: имѧть 3 sg. 93ᶜ, поꙗмлють сѧ 212ᵇ, ꙗвлꙗнинихъ 261ᵇ (ꙗ < ѧ); є вм. ѧ: за моуже a. pl. 147ᵃ, ѻте (отѧ?) 101ᵇ; *8. оу вм. въ и наоборот: въселюнаꙗ и оуселюнаꙗ (в И 73¹ — только оуселюнаꙗ, но въселити), въгодити, въгаждали, въгожьша 91ᶜ и ᵈ (в И 73¹ тоже: въгодіть 85ᶜ), оупрашаашє »interrogabat« 146ᵃ, хотя возможно, что во всех случаях здесь — не смешение оу и въ, а различные приставки; *9. смешение ы и и: трызны 92ᵇ; покрываю 3 sg. 185ᵇ, неправьди g. sg. 104ᵈ ахименъıдъı 154ᵃ, вынъı 154ᶜ, зълъ си 109ᵃ, ѭнъ си 257ᵃ; впрочем, б. ч., повидимому, — описки; относительно си см. К. 96—97; такое же си из русских ркпсей XI в. встречается и в СПт: безълобивъ си 165 об.; *10 d. sg. adj. m. -омоу, вероятно, руссизм, но может восхо-

дить и к сербской традиции; 11. нередки 3 sg. и pl. praes. без -ть 12. часто 1 pl. на -мъ; 13. part. praet. типа пристоупль чаще, че на -ивъ; 14. небесьскъıи и небесьнъıи. В отличие от Мир. довольн много для русского памятника (не меньше 20) случаев отсутствия epenthet. после губных; отсутствует вовсе сильный аор.; всюду тъıсашт с ѧ. Несомненно, что протограф был болг., но памятник мог дойти д Руси через сербское посредство.

КИ: 1. Встречается начертание ѧ; 2. ꙑ гораздо чаще, чем ъı 3. очень часто смешение ъ и ь с заметным преобладанием ь; 4. часто є вм. ѥ, иногда наоборот; *5. ю вм. оу, ѫ и, наоборот, оу, ѫ вм. ю ѭ; 6. ѣ в значении ꙗ: оусѣлѣѥть 12, недѣлѣхъ 123, добрѣниш nom. pl. n. 178; прьвьнѣа ѣже 66 об; 7. трѣва всюду с ѣ; 8. ϑ по б. ч., 〉т, но встречается и ѳ и ф; 9. на произношение ф, как п могло бы указывать оусофомь »ὑσσώπῳ« 19 bis, но здесь ф идёт и первоначального текста перевода, ср. осафомь СПс., *10. ѧ вм. е имѧ твоѧ 3, не раскаѧть сѧ 94, принесѧть же сѧ 3 sg. 242 об. є вм. ѧ: благословештоу 60, жрѣбиѥ a. pl. 149 об.; в последнем при мере ѥ могло явиться и на русской почве; *11. смешение оу и въ въселюнаꙗ и оуселюнаꙗ, оудворить сѧ плачь 159, вь оу троад 231 об.; примеры допускают и иное обьяснение; *12. ꙑ вм. и: сыль 236, тѧклоименытꙑи 288, очевидно, описки; *13. dat. pl. селоунаm 244 может быть и руссизмом; 14. нередко 3 sg. ѥ и є, также 3 s основ с тематич. є без -ть, и один раз 3 pl. без -ть: погыбнѫ 76 об 15. хотя и редко, но встречаются 1 и 3 pl. сильного аориста: обрѣтомь обидоу и др.; 16. преобладают part. praet. типа сътворь, съкроушь part. на -ивъ редки; 17. тысоуща чаще, чем тысѧща. На несербски прототип могут указывать немногие случаи отсутствия *l'* epenthet. посл губных; с другой стороны имеются случаи с новым ꙙ после губных дрьзновлениѧ 157. Правописание КИ отражает двоякую традицию одна, однородная с традицией АЕ³, главного почерка У 142 и др., строг различала є и ѥ, ѧ и ꙗ, ъ и ь; другая употребляла только є ил преимущественно перед ѥ в значении ѥ, не различала ѧ и ꙗ[1]) и н различала также ъ и ь, употребляя преимущественно, а м. б., и ис ключительно вторую из этих букв.

РЕ: 1. Чисто механический раздел слов при переносе, даже межд согласной буквой и следующей за ней гласной; 2. всюду ь (буква не пишется); 3. всюду ꙑ с точкой посередине; 4. всюду є (ѥ не пи шется); 5. всюду оу или ѫ вм. ю, ꙗ, *6. ѧ вм. є: дниѧ 10, ѿ на зарѧфа 22; в слове врѧмѧ 13 могла быть описка; если не описка то ѧ вм. того є, которое само — из ѣ после р; в этом положени в некоторых сербских говорах ѣ могло изменяться в є раньше, че в других положениях; є вм. ѧ: испльниша є a. pl. m. 10, ѿ неѐ 7 грѣхꙑ своѐ 19, сь оное 27; впрочем, это є могло быть и руссизмом *7. смешение ꙑ и и: ныже 15, правьдивь си 7 (ср. выше И 73²)

[1]) В КИ, в частях, смешиваюуших є и ѥ, как и в других памятиках не различающих є и ѥ, У 142², М95, АЕ³, РЕ и др., ѧ и ꙗ не различаются и употребляется преимущественно одна из них, обычно ѧ.

8. d. sg. adj. -омоу может быть руссизмом; 9. 3 pl. без -тъ: при-есѫ 4 (т. е. пронесѫтъ); 10. сильный аорист: ѿидоу 9—10, приидѫ 10, брѣтѫ 8; 11. небесныхъ 9, -снѣмь 30. Буква ѣ в значении ıa смешение оу и въ не встречается.

Отмеченные сербизмы русских ркпсей XI в. не многочисленны , частью, могут быть обьяснены иначе. Но малочисленность их вполне онятна при той архаичности сербской письменной традиции, какая тмечена К-ным в Мир. Названные ркпси на целое столетие старше Иир., а, кроме того, попавши в русскую среду, под пером русских исцов могли утратить большую часть и без того редких сербизмов, е свойственных той русской орфографии, которая к этому времени уже олее или менее установилась.

Брно. *Николай Дурново.*

Изэп Лёсік: **Сынтакс Беларускае мовы.** Дзяржаўнае Выдавецтва. Менск 1925 г., стр. 268.

Изучение белорусского языка, как практическое, так и научно-сследовательское, в наши дни возрождения белорусской культуры за-имает в практике строительства этой культуры по справедливости одно з важнейших мест. Нет нужды распространяться в сторону раз'яснений доказательств этого положения: оно слишком очевидно.

При такой особенной актуальности вопросов изучения языка при-одится привествовать всякие начинания в этой области. Что касается бласти практического усвоения белорусского языка, то здесь, повиди-ому, (насколько нам известно) дело обстоит в общем более или менее лагополучно. Конечно, тут могут быть (и наверное есть) недочеты в орга-изации этого дела и в методах преподавания, но это вопросы уже техни-еского характера. В общем же имеется целый ряд курсов всевозможного ипа, кои, ставя себе цели различного диапазона, в общем вовлекают всю ашу общественность в сферу активного изучения белорусского языка, это, конечно, большое достижение.

Не так благополучно, однако, стоит дело в другой области — аучно-исследовательского изучения белорусского языка, которую, если озволительно такое сравнение, я бы приравнял к техническому бюро, котором изготовляются чертежи, проэкты и планы и даже отбирается систематизируется материал, потребный для построения прочного и кра-ивого (непременно прочного и непременно красивого!) здания культуры елорусского языка. Так вот в этой области у нас глухо было долгие оды. При таком положении вещей мы некоторым приятным изумлением метили выход в свет научной книги Я. Лёсіка — »Сынтакс бела-ускае мовы«.[1])

---

[1]) Мы не согласны с самим автором, который в предисловии, в самом онце, вскользь называет свою книгу „падручнікам"; „Што ж датычыць ане, як аўтара ці ўкладчыка гэтага падручніка, то я зьяўляюся толькі опулярызатарам". Весь план, а главное материал и метод изло-ения, не расчитаны на практический учебник для средней школы. сли и можно признать эту книгу учебником, то только, как пособие ля высшей школы.

Принимая во внимание те Сциллы и Харибды, кои приходится преодолевать научным работам на пути к их изданию »Дзяржаўным Выдавецтвам Беларус'и«, мы решили, что, уж ежели книжка Я. Лёсика преодолела все известные нам преграды, то во всяком случае она заслуживала быть напечатанной. Важен в этом событии и самый факт по существу, факт появления уже второй работы по синтаксису белорусского языка. Ведь со времени появления первой такой работы — »Очерков синтаксиса белорусского наречия« Е. Ф. Карского — прошло целых 13 лет. За этот срок, конечно, можно было сделать значительные шаги вперед в области разработки синтаксиса белорусского языка. И тем приятнее было констатировать факт выхода новой работы по белорусскому синтаксису уже из под пера белоруса (хотя ведь и академик Е. Ф. Карский — белорус) и на белорусском языке, работы, вышедшей из недр молодой белорусской филологической науки, не насчитывающей и десятка лет самостоятельного существования, на своей собственной белорусской земле. Как видим — факт огромной, исторической важности.

Это — с внешней стороны, издали, так сказать. Подойдем, однако, к этому факту поближе.

Книга Я. Лёсика состоит из двух основных частей: »I. Сказ і яго склад« (стр. 1—100) и »II. Спосабы выражэньня паасобных часьцін сказу і цэлых сказаў« (стр. 103—262).

Часть I-я представляет выяснение терминологии и состава простого и сложного предложения с добавлением задач для упражнений в разборе. Эта часть носит чисто элементарный характер, ничего нового или оригинального не обнаруживает, и потому подробный ее разбор мы откладываем до другого случая. Считаем себя вправе это сделать, так как эта часть не имеет прямого отношения к синтаксису собственно белорусского языка, являясь по существу элементарным введением ко второй, самой существенной части, трактующей способы выражения отдельных частей предложения и целых предложений в белорусском языке. Не придает ей существенного значения в своей работе и сам автор, как это видно из его слов на стр. 4.й: »Гэтая частка, агульна кажучы, патрэбна не сама па сабе, а дзеля таго, каб можна было прыступіць да выясьненьня сынтаксычных асаблівасьцей мовы«.

Не взирая, однако, на элементарность изложения первой части и на очевидный вводный ее характер, нам думается, что понятие предложения, следовало бы выяснить более обстоятельно. Тем более это необходимо было сделать потому, что книга не предназначена исключительно для низшей или средней школы (фактически ею пользуются под руководством самого Лёсика и слушатели педагогического техникума и даже студенты IV курса литературно-лингвистического отделения Белорусского Государственного Университета). Ведь вопрос правильного и точного определения понятия грамматического предложения является в синтаксисе сугубо важным. Было бы весьма полезно для тех же студентов ознакомиться с постановкой этого вопроса в науке и способом его разрешения представителями разных лингвистических школ и направлений. Не нарушая цельности элементарного характера вводной части, автор мог это сделать в более-менее обширном примечании. Является даже

в высшей степени странным как Я. Лёсик, если только он действительно проштудировал ряд указанных им в его предисловии пособий, как он не обратил внимания на то обстоятельство, что в определении предложения авторы их совершенно подчас расходятся между собою.

В самом деле, возьмем например, А. М. Пешковского. У него — »Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль«.[1]) Кажется просто. Но этому простому определению предшествует весьма обстоятельное выяснение природы предложения, как соединения в мысли психологического подлежащего и психологического сказуемого.

Д. Н. Овсянико-Куликовский определяет предложение, как . . . »такое слово или такое упорядоченное сочетание слов, которое сопряжено с особым движением мысли, известным под именем предицирования (сказуемости)«.[2]) Тут уже несколько иначе, именно-даже в самом определении больше обращается внимания на психологически-логическую природу предложения с перевесом в сторону психологизма (движение мысли, процесс психологический).

В. Гиппиус предложением называет »грамматический ряд слов, в котором есть утверждение«.[3]) Тут имеем уже только формально-логическое определение.

Е. Ф. Карский определяет предложение, как грамматическое соединение подлежащего и сказуемого, каковое выражается формальными частями слов: окончанием именительного падежа и согласуемым с ним глагольным окончанием.[4])

Здесь уже имеем исключительно формальную точку зрения на предложение. Если бы автор »Сынтакса« заглянул еще в книгу М. Н. Петерсона — Очерк синтаксиса русского языка (ГИЗ 1923), то увидел бы нечто еще более оригинальное: М. Н. Петерсон определяет предложение »как интонационное единство« — не более и не менее. Роль интонации в предложении отмечает и ак. А. А. Шахматов в своем »Синтаксисе русского языка« (акад. изд. 1925 г.). Синтаксические ж целые, не имеющие интонационного единства, М. Н. Петерсон называет просто словосочетаниями; оттого у него понятие словосочетания с таким же понятием, наприм., у Е. Ф. Будде и других последователей Ф. Ф. Фортунатова (т. наз. Фортунатовской или Московской школы) — расходятся. В понимании М. Петерсона, так. образом, »одно и то же словосочетание может быть: »Старуха сердилась«, »Здесь близко есть свадьба« и под. — предложения, ибо об'единены единой интонацией. Те же самые словосочетания, соединенные с другими словосочетаниями, теряют единство интонации и потому уже сами по себе — не предло-

[1]) А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк (Изд. 2-е, Москва 1920 ГИЗ), стр. 127.

[2]) Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русск. языка (Изд. 2-е СПБург. 1912) стр. 51; также „Руководство к изучен. синтаксиса рус. языка", 2-е испр. изд. Москва 1909 г., стр. 38. Курсив наш.

[3]) В. Гиппиус, Синтаксис соврем. рус. яз., ГИЗ 1923, стр. 9.

[4]) Е. Ф. Карский, „Белоруссы", т. II. Язык белор. племени., 3. Очерки синтаксиса белор. наречия (Варшава 1912) стр. 6.

жения: »Старуха сердилась, она громко хохотала«, »Я слышал, здесь близко есть свадьба« — и т. п.[1])

О чем же говорит такая разноголосица в вопросе определения предложения? О том, что в науке как будто не имеется единого взгляда на место и функции словесного предложения в речи, а не в психологическом течении мысли. Конечно, для нас ясно, что одно с другим тесно связано там, где то в подсознательной области нашего »я«. Но тут важно именно установить ту точку зрения, что не дело грамматики заниматься исследованием глубин подсознательной деятельности человеческой мысли в этой области: ее дело изучать лишь те словесные формы, в которые эта подсознательная (психологическая) и сознательная (логическая) деятельность нашего мышления отливается. Конечно, предварительное выяснение психологической и логической природы, основы предложения — необходимо. Однако, выяснив эту природу, надо и остановиться на этом, концентрируя в дальнейшем преимущественное внимание на формально-словесной, речевой функции предложения и его частей.

Таким образом конечной точкой зрения, на наш взляд, должна явиться точка зрения чисто-формальная, грамматическая.

Почему же такая точка зрения представляется нам более правильной? Ответ на этот вопрос (так же, как до этого и его постановку) нашел бы Я. Лёсик, если бы он более внимательно и вдумчиво прочел те пособия, которыми, по его словам, он пользовался. А пользовался он, повидимому, всеми »лепшымі падручнікамі расійскіх граматыстых«, ибо в предисловии перечисляет многих из них (А. М. Пешковский — »Русский синтаксис в научном освещении«, Д. Н. Овсянико-Куликовский и П. Н. Сакулин — »Практический курс синтаксиса рус. языка«, В. Гиппиус — »Синтаксис современного рус. языка«, А. В. Ветухов — »Учебник рус. грамматики. Синтаксис«, Г. Г. Тумии — »Грамматика в школе«, А. В. Миртов — »Грамматика рус. языка« — »і некаторымі іншымі« — кончает Лёсик). Нам только непонятно, зачем сюда присоединил Я. Лёсик книгу А. В. Миртова. Правда, эта книга — весьма ценная, но прямого отношения к синтаксису не имеет. Насколько нам известно, А. В. Миртов выпустил пока только две части своей грамматики: I. Фонетику и II. Морфологию (»формы слов«) — обе части уже третьим изданием (1925 г.). Но это между прочим.

Итак, если бы автор »Сынтакса«, повторяю, отнесся внимательнее к этим пособиям (а когда пишешь книгу, то необходимо быть не только внимательным, но nec plus ultra внимательным к тому, что уже сделано в данной области), то он бы мог найти в них много для себя полезного.

Так у А. М. Пешковского (Русский синтаксис в научн. освещении) подробно выяснено понятие о форме слова (стр. 13—18), условия изменения форм (18–36), понятие о формах синтаксических и несинтаксических (36—40), о главных грамматических разрядах слов (частях речи, частях предложения), формах слов и их значений. Вопросы эти с большей или меньшей полнотой освещены и в других упомянутых пособиях — Овсянико-Куликовского, Гиппиуса и др.

---

[1]) М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса рус. яз. (ГИЗ 1923), стр. 124.

Еще бы лучше было, если бы Я. Лёсик проштудировал литературу вопроса, указанную напр. у Е. Ф. Карского (»Белоруссы«, II, 3 стр. 6—7).

Поскольку, однако, Я. Лёсик по каким-либо причинам не мог ознакомиться с литературой предмета полно, то проще всего было бы воспользоваться сжатым и ясным освещением вопроса о предложении, данным таким большим авторитетом в области языка, каким является ак. Карский, в его упомянутом 3-м вып. II тома »Белоруссов« (стр, 4—6).

Там ак. Карский, выяснив природу речи, достаточно ясно и совершенно правильно указал, что природа логического суждения, как соединения »слов, имеющих вещественное значение без всякого формального«, является по существу одинаковой у всех народов, на каких бы языках они ни говорили. Но для того, »чтобы такое суждение стало грамматическим предложением, требуется еще выражение тем или другим способом формальной связи между . . . словами, обозначающими известное представление или понятие«.[1])

И вот внешнее выражение этой формальной связи между словами в предложении у разных народов делается по разному, сообразно с их национальной психологией. Потому то характер выражения этих формальных взаимоотношений слов в предложений и предложении в речи — и должен быть преимущественным предметом внимания грамматики как таковой. В том и разница между логикой и грамматикой; в то время, как логика все внимание обращет на смысловое содержание речи, рассматривач последнюю только как орудие мышления, грамматика исследует именно внешнюю сторону речи, законы изменения ее форм, обращясь к смысловому содержанию только как к средству проверки взаимоотношений формальных.

Как видим, все эти вопросы о взаимоотношениях логического и формального в предложении, как основном элементе речи, весьма важны и интересны.

Никакого, даже малейшего намека, на раз'яснение их у Я. Лёсика не находим: он ограничивается одним голым определением предложения, как »слова альбо злученьня слоў, якія нешта выказваюць«. Само собой очевидно, что после всего нами сказанного такое определение не только недостаточно, но и по существу неверно. Как совершенно правильно указывает ак. Е. Ф. Карский в упомянутом нами месте (»Белоруссы«, II, 3, стр. 4—5), подобное определение, хотя и несколько лучше, чем старинное чисто логическое определение (предложение — мысль выраженная словами), но в конечном счете сводится к тому же логико-психологическому определению, примеры какого мы цитировали из Д. Н. Овсянико-Куликовского и др.

* * *

Обратясь ко второй части книги, представляющей изложение собственно белорусского синтаксиса, мы очень скоро обнаружили в плане и манере изложения нечто знакомое. Желая проверить наше впечатление, мы посмотрели в книгу Е. Ф. Карского, и нашли следующее.

[1]) Е. Ф. Карский, „Белоруссы", II, 3, стр. 5.

Начнем с плана.

Вторая часть книги Я. Лёсика начинается от 103 страницы. Просмотрев всю книгу до конца, мы убедились, что план весь целиком взят у Е. Ф. Карского. Есть только небольшая перестановка в начале; именно Я. Лёсик начинает с отдела: »§ 27. Род і лік. І. Род.« (стр. 103—107). Далее идет — »II. Лік« (107—116); далее, »§ 28. Спосабы выражэньня дзейніка« (116—131); § 29. Спосабы выражэньня выказьніка« (131—145); »Прыладны прэдыкатыўны«, »Родны прэдыкатыўны« и »выражэньне падвойнага выказкніка« (145—151).

Во всех этих отделах от 102—151 стр. имеем точно воспроиведенный план книги Е. Ф. Карского, у которого эти отделы заключаются на 21—81 страницах его книги (Белоруссы II, 3).

Отдел о творительном сказуемом (предикативном) у Я. Лёсика пополнен по Д. Н. Овсянико-Куликовскому (Синтаксис рус. языка, изд. 1912 г., стр. 155—166).

Далее у Я. Лёсика отд. »7. Выражэньне выказьніка ў безасабовых сказах« (151—155) переставлен сюда с самого начала книги Е. Ф. Карского (стр. 11—20). Начиная же со страницы 157 — с отд. »8. Выражэньне простага выказьніка« — снова идет план книги Е. Ф. Карского до самого конца.

В выполнении же этого плана мы обнаружили следующие методы:

а) Способ дословного заимствования содержания книги Е. Ф. Карского с более или менее значительным купюрами.

б) Способ более или менее значительной перефразировки текста книги А. Карского с присоединением некоторых своих примеров и

в) Метод самостоятельных отступлений от Е. Ф. Карского, применяемый Я. Лёсиком довольно редко и еще реже – удачно.

Рассмотрим каждый из этих »методов« в отдельности.

а) Для характеристики первого »метода« приведем несколько примеров.

I. На стр. 106—107 »Сынтакса« читаем, напр.:

Я. Лёсик:	Е. Ф. Карский (стр. 26 — »Белор.« II, 3):
»*Прыметнікі й дзеяпрыметнікі ў сваім родзе дапасоўваюцца да* тых *назоўнікаў, да якіх яны адносяцца.* Тут *цікава* толькі зьвярнуць увагу на тое, як выражаецца род, *калі прыметнікі* ці *дзеяпрыметнікі стаяць без назоўнікаў і гэтых назоўнікаў падразумяваць нельга,* У такіх разох найчасьцей ставіцца *ніякі род адзін. ліку ў самых розных значэньнях, бо ніякі род ня рысуе нашаму ўяўленьню ніякага пэўнага прадмета.* Напр.: *гэта ўсе мае падушнае, падарожнае . .*«	»*Имена прилагательныя* а также изменяемые по родам местоимения *и причастия в своем роде согласуются с именами существительными, к которым относятся.* Для нас *интересны* случаи употребления того или другого рода, *когда прилагательные стоят без имен существительных и последних подразумевать нельзя.* Тут прежде всего отметим употребление *среднего рода един. ч. в самом различном смысле, т. к. средний род не рисует нашему воображению никакого определенного предмета.* Примеры: . . . *гэто усё маё падушное, падарожное*« и др.

2. »§ 29. Спосабы выражэньня выказьніка« (Сынтакс, 131—132):

»Выказьнік выражае прымету, якая вытвараецца прадметам *або вынікае з прадмета.* У беларускай мове, як і ў іншых славянскіх мовах, *зьмяшчальнікам* выказальнасьці *(прэдыкатыўнасьці) зьяўляецца дзеяслоў, як адзіная часьціна мовы, якая можа выразіць выніканьне прыметы.*

Разгледжаныя раней (§ 17, 6) зачатачныя, як бы *эмбрыональныя формы сказаў, што складаюцца з аднаго толькі назоўнага іменнага* (пожар!), *гэтаму не супярэчаць. Покі такія* формы сказаў, як *»Пожар!«* »Даволі!«, *выражаюць нашае першае ўражаньне, ці пачуцьцё, то яны абыходзяцца без дзеяслова; але калі гэтае пачуцьцё дойдзе да нашае сьвядомасьці, то яно ўжо выражаецца формай звычайнага сказу з дзеясловам:* »Пачаўся пожар«, »Даволі цярпець« і т. д.

Такім парадкам, хоць у іншым сказе няма навочнага дзеяслова, але ён мысьліцца або, прынамсі адчуваецца быцьцё дзеяслоўнасьці; часам гэта дзеяслоўнасьць не пасьпела толькі напоўніцца пэўным зьместам каб выразіцца словам, як у наступных прыкладах: »А каб цябе«. »А бадай цябе«. »Сонца за лес, крыкса за лес, а дзіцяці спаць«. »Адзін з сошкай, а сямёра з ложкай«. »Заяц як дасца аб пень, *дый дагары нагамі«.* ‹Кінуў ён мяшок, *а сам чаўцекі«. »Мядзьведзь з дуба далаў ды якраз на ваўка«. Гарыць сабе павуціньнё, а салома хоць бы што.*

Сувязь дзеяслоўнага выказьніка з дзейнікам выражаецца дапасаваньнем асабовых канчаткаў дзеяслова з дзейнікам-назоўнікам іменным«.

»Белоруссы« II, 3, 61—62:

»Так как *сказуемое выражает признак, возникающий от подлежащего,* то в славянских языках, как и других родственных, носителем *предикативности является глагол, как единственная часть речи, которая может выразить возникновение признака. Рассмотренные нами раньше эмбриональные формы предложения, состоящие из одного имени, этому не противоречат.*

Пока какое либо *»пожар«!* выражает *так сказать, наше первое впечатление, чувство* при виде пожара, *оно обходится без глагола; но когда* это *чувство* осмыслится, ... вполне *войдет* в область *сознания, оно уже принимает форму обычного предложения с глаголом* (»хата гарыць«, »быў пожар« и под.).

Таким образом хотя в ином предложении и нет на лицо глагола, но последний или подразумевается, или по крайней мере чувствуется присутствие глагольности; иногда эта глагольность не успела лишь наполниться определенным лексическим содержанием, как в ниже (62) приведенных примерах: а каб цябе Ляцк. посл. 2 Борис., *сонца за лес, крыкса на лес, а дзіцяцю спаць* Ром. IV, 32 Витеб., *одзин с сошкою, а семеро з ложкою* Носов. Послов. 118, *Заяц як ударыўся-дый до горы ногамі* Шейн, Мат. II, 6 *а sam ucieki* (= убежал) Федер. I, 29 Шидловцы, *мядзьведзь ... з дуба долов, ды якраз на вовка* Ром. III, 17 Сенн., *гарыць сабіэ паўціэне, а салома хаць бы што* — от як у вадзіэ. Сержп. 21, Слуцк. и т. п.

Связь глагольного сказуемого с подлежащим выражается при посредстве личных окончаний, которые обыкновенно согласуются с ним.

3. Еще пример:

У Лёсика, стр. 182—183.

г. Вінавальны склон.

Вінавальны склон найчасьцей ужываецца для абазначэньня прад-

У Карского 128—129.

Винительный падеж.

Винительный падеж чаще всего употребляется для обозначения

мета на які пераходзіць дзеяньне выказніка. Назоўны склон абазначае особу, або прадмет, што вытварае дзеяньне (хоць бы яны былі нават несапраўднымі дзейнікамі, як пры дзеяслове залежнага (пасыўнага) *значэньня) а вінавальны склон перш за ўсё паказвае на залежны (пасыўны) стан асобы ці прадмета, — прычым, адценьні гэтага стану могуць быць самыя рознастайныя; адгэтуль, розныя віды ў ужываньні гэтага склону.* Даўней лік дзеясловаў пераходнага значэньня быў далёка большым, і вінавальны склон шырока ўжываўся; *з часам шмат такіх пераходных дзеясловаў сталі ужывацца толькі з* (183) *прыназоўнікамі, а іншыя перасталі быць пераходнымі, і тыя дапаўненьні, што стаялі пры іх, сталі мысьліцца ўжо ў месным* склоне, з месным *значэньнем . . .«* і т. д.

предмета, . . . на который распространяется действие сказуемого тогда как *именительный падеж обозначает лицо или предмет,* (129) *производящий действие (хотя бы они были даже мнимыми деятелями как при страдательном залоге), винительный падеж первоначально заключает указание на пассивное состояние лица или предмета, при чем оттенки этой роли были разнообразны; отсюда и разновидности в употреблении этого падежа.* Широкое употребление винительного первоначально обусловливалось и тем, что число переходных глаголов было больше; *со временем многие из таких глаголов стали употребляться только с предлогами, а другие перестали быть переходными и бывшие при них дополнения стали чувствоваться уже в местном значении . . .«*

Для характеристики первого вида »метода заимствований«, полагаем, приведенных примеров достаточно. Они довольно наглядно иллюстрируют этот »метод« Я. Лёсика. Чтобы не заграмождать статьи длинными выписками, мы ограничимся только этими примерами.[1])

б) Для характеристики второй разновидности »метода заимствований« — перефразировки — берем, например:

Я. Лёсик. Сынтакс стр. 104.

,,3. Зьмена роду ў назовах прадметаў жывых выклікаецца прадстаўленьнем полу, асабліва, калі ёсьць па два словы для іх назоваў; тады адно слова стала азначаць самцоў, а другое саміц. З гэтае прычыны, у мужчынскі род перайшло слова *сабака* (славянскае слова ,,пес-пёс“) пры слове *сýка* (сабака пабег; бег сабака цераз мост — чатыры нагі, пяты хвост; сьмех з панскіх ботаў: адзін згарэў, другі сабака зьеў); у жаночы род перайшло слова *гусь* пры мужч. родзе слова *гусак.* Нават расійскае слова ,,лошадзь“ (звычайна — конь, з

Е. Ф. Карский ,,Белоруссы“ II, 3, стр. 23—24:

4. Не мало изменений в роде произошло у названий предметов одушевленных под влиянием представления о естественном поле таких предметов, особенно если имелось по два слова для их названий: одно стало обозначать самцов, а другое самок. Вследствие этого в муж. роде оказались: *а)* ,,собака“ — обще белор. при сýка (Белор. II, 2, II—12), напр.: спужався собака и побег Ром. III 7 Сен . . ., бег собака чераз мост — чатыры ноги пятый хвост Ром. V, 40 Могил., смех с панских ботаў: адзин сгарэў, другі сабака зъеў

[1]) Желающие ознакомиться более полно с ,,методом заимствований“ благоволят просмотреть сл. места книги Лёсика, сравнив их с соответствующими местами книги Е. Ф. Карского: стр. 103 (К. 21, 22) — 2 абзац; 105 (К. 24), 108 (К. 38), 110 (К. 30, 31), III; 114—115 (К. 41, 42), 117 (К. 45), 118 (К. 48), 119—125 (К. 51—57), 126—129 (К. 57—61), 136, 137, 139 (К. 64—67); 151—155 (К. 11—20); 157—162 (К. 87—94); 163—165 (К. 95—99); 166—196 (К. 101—163); 203—234 (К. 163—197); 238—262 (К. 197—204; 220—272).

стараславянскага слова *комонь)* ужываецца ў мужчынскім родзе: *мой малады лошадзь* і т. д.".

Мат. Б. № II Новоал.: *б)* „лошадь" (обыкновенно конь) при „кобыла" (Белор. II, 2, 14)... В жен. род *а)* повсеместно, как в малор. наречии и других славянских языках, перешло „гусь" при муж. р. ‚гусак' (Белор. II, 2, 19) и т. д.

Имеются и случаи пересказа.

У Е. Ф. Карского (32, 33):

„Древнему языку было свойственно употребление множ. числа имен собственных народов для обозначения занимаемых ими стран единственное число обозначало обитателей. Подобное упстребление известно и древнерусскому языку.. (33) В соврем. речи подобное употребление сказывается в названиях городов, сел, частей городов и сел и вообще населенных мест, получивших свое название от жителей: Бацевичи, Волосовичи, Еремичи, Концевичи, Любаничи, Манковичи, Мирятичи, Окановичи, Данейки, Кобыльники, Марчики, Путники, Чашники, Жиды (часть м. Илии, заселенная евреями) Мат. Б. № 31 Вилейск. Сюда же следует отнести и вообще множ. число в названиях мест, напр., сутки (проход в заборе), пошла не ў сутачки Сержп. 7 Моз., гони (известная мера поля) Мат. Б. № 31 Вилейск., Пески (название деревни); наречные выражения со множественным числом имени существительного, придающим известному выражению некоторую неопределенность: ... подняўся на воздухах, ... пастаў у галавах, у нагах".

У Я. Лёсика (III):

б) Часта назовам аднаго чалавека называюць цэлы народ: тут адзіночны лік азначае насельнікаў цэлага краю, напр ...

Такое ўжываньне множнага ліку вельмі часта сустракаецца ў назовах вёсак, сёл, засьценкаў, што дасталі свой назоў ад іх насельнікаў Ярэмічы, Русаковічы, Бацэвічы, Валасовічы, Данейкі, Путнікі, Чашчнікі, Крывічы, Жыды (частка м. Іліі, заселяная жыдамі). Сюды трэба аднесьці такія словы множнага ліку, як: *суткі* (ад „сутокі", праход паміж будынкамі), гоні (пэўная мера поля), а так сама прыслоўныя формы множн. ліку ад назоўнікаў іменных, што надаюць звароту некаторую неазначальнасьць, напр.: палажыць у галавах, пастаў у нагах, падняўся на вaздухах і інш..." і т. д.

Таким представляется »метод заимствований«, в его 3-х разновидностях: 1. дословного заимствования из книги Е. Ф. Карского, 2. более-менее близкой к тексту ак. Карского перефразировки и 3. пересказа, более-менее свободного. Таким смешанным »методом заимствования« написано приблизительно 9/10 второй основной части книги Я. Лёсика. При этом в начале (приблизительно от 103 до 150 стр.) преобладает перефразировка и пересказ: заимствование дословное встречается более или менее короткими абзацами. Но чем далее, тем все более, оправдывая французскую поговорку, что »l'appétit vient en mangeant«, автор »Синтакса« уже широко применяет »метод« дословного заимствования и начиная, напр., со стр. 157 и до 197 изложение представляет сплошное дословное заимствование из Карского с более-менее значительными купюрами. Купюры эти были конечно необходимы, ибо, хотя Я. Лёсик и выпустил почти все примеры из старинных белорусских памятников,

приводимые Е. Ф. Карским, все же ему предстояла задача — на своих 160 страницах печатанных не очень убористо, поместить около 260 больших страниц книги ак. Карского. Примеры в подавляющем большинстве тоже взяты из книги Е. Ф. Карского. В отделе предлогов сделаны изменения алфавитного порядка, в коем расположены они у ак. Карского, по соображениям современного белорусского литературного правописания. Характер же изложения тот же. На стр. 234—238 сделана вставка общего характера: »I. Акалічнасьці, а. Прыслоў і б. Дзеяпрыслоўе«. Тоже сделано и на стр. 196—203: »7. Значэньне дапаўненьня. 1. Падзел дапаўненьняў. 2. Значэньне дапаўненьняў. 3. Пахаджэньне прыназоўнікаў і прыслоўяў. § 31. Дапаўненьні з прыназоўнікамі. Значэньне сустаўных дапаўненьняў«. Вставки эти сделаны на основе других пособий, использованных Лёсиком. В остальном же показанный выше метод заимствования в общем выдержан до конца.

Нам остается теперь рассмотреть те немногочисленные отступления от Е. Ф. Карского, которые изредка делает Я. Лёсик, в которых он проявляет свою самостоятельность.

На стр. 117 »Сынтакса« читаем«: 2. У песьнях, вершах, прыказках, а часам і ў звычайнай мове (у казках, напр.) дзейнікам можа быць і клічная форма назоўніка іменнага, бо клічная форма ў беларускай мове можа выражацца ў форме назоўнага склону, напр.: »*брат*, падай вады!« — заместа »*браце*, падай вады«. Тут бы вывод надо сделать тот, что в примере — »брат, падай вады« — имеем выражение подлежащего звательным падежом, который по форме совпал с именительным вследствие смёшения этих двух форм, благодаря чему имеем, например, и обратное явление: »едзе казача, едучы плача« и т. п. - и больше ничего. Но Я. Лёсик придает для чего то своему выводу вид логического умозаключения, говоря: »А раз клічная форма можа выражацца назоўным склонам, то і назоўны склон у мове, г. з., дзейнік, можа выражацца клічным склонам, напр. »едзе казача, едучы плача« и т. д. На стр. 118 мы убеждаемся, что Я. Лёсик не спроста попал в область логики: у него родилась какая то идея! Выражение этой идеи, надо сказать больше: открытия — находим на указанной странице в след. словах: »Ніжей мы ўгледзім, што раз вінавальны склон у некаторых разох падобен да назоўнага склону, а назоўны склон можа выражацца клічнай формай, то й вінавальны склон (г. зн. дапаўненьне) можа маць форму клічнага склону (бач. § 30, 2, б), *бо дзьве велічыні, роўныя паасобку с трэцяй, роўныя паміж сабой*«[1]) Такое рассуждение для всякого, мало мальски знакомого с методологией языкознания, должно казаться до смешного наивным. Явление редкое, исключительное, Я. Лёсик ставит в связь с действием математического закона, забывая, что законы, открываемые физико-математическими науками, существенно отличаются своими познавательными качествами от законов языкознания. Собственно ведь в истолковании явлений языка мы можем пока опираться только на два рода »законов«: *а)* закон фонетический (звуковой) и *б)* закон аналогии. Первый закон, хотя

[1]) Курсив наш.

и принадлежит к эмпирическим, подобно всем законам, устанавливаемым (констатируемым) науками естественными в широком значении этого слова, однако имеет только временное и местное значение. Благодаря этому звуковые законы, выводимые языкознанием, квалифицируются в познавательном отношении совершенно иначе, нежели, напр., те же законы, выводимые физикой. В то время, как последние, как правило, имеют постоянное и повсеместное значение, первые, т. е. звуковые законы, действующие в языке, такого значения не имеют, ибо в основе явлений, эти законы координирующих, лежат в значительной мере причины психические, кои не поддаются точному математическому учету. На самом деле во взаимной мене падежей именительного, винительного и звательного играют роль только психологические законы ассоциации по смежности и по сходству. Так на наш взгляд, под влиянием ассоциации по смежности, формы звательного падежа могли заменить формы именительного. Ибо в таких примерах непосредственное примыкание форм звательного падежа к глаголу — сказуемому, их смежность, давали иллюзию отношений подлежащего к сказуемому. Особенно это ясно из тех же приводимых Я. Лёсиком примеров, каковы: »што, ягомасьць, робиш?« и под. Мы от себя прибавим, что весьма часто говорят, употребляя древнюю форму звательного падежа: »што ягамосьцю, робiш? Як, пане, маешся?« В белорусском языке особенно повлияла на смешение форм именительного и звательного падежей конструкция обращения ко второму лицу в форме третьяго: »што ягомасьць робiць?« и »што ягомосьцю (казача) робiць?« В последних примерах уже весьма трудно разобрать, имеем ли мы тут подлежащее, непосредственно примыкающее к сказуемому, или обращение. Отсюда уже — естественный переход к таким конструкциям, как »едзе казача, едучы плача.« Не лишено оснований и объяснение таких случаев Д. Н. Овсянико-Куликовским, как желания лица говорящего показать формой звательного падежа особый оттенок чувства к предмету или лицу, являющемуся подлежащим.

В исключительно же редком примере, приведенном Е. Ф. Карским (Белор. II. 3, 130) — *jaszczaru, panoczku, addaj muoj wianoczku* (Федер. I, 107), — где имеем случай замены формы винительного формой звательного, на наш взгляд лучше всего видеть результат действия звуковой ассимиляции (рифмы), каковую причину между прочим признает и Ак. Е. Ф. Карский.[1]) Как видим, в этом смешении падежных форм между собою исключительную роль играют причины психологические, основанные на подобии впечатлений, чувств, порождаемых сходными восприятиями; тут нет места отношениям чисто логическим, кои существуют между отвлеченно-мыслимыми математическими величинами или отношениям причинности, существующим между величинами эмпирическими, предметами т. н. »мертвой природы«, материи. Потому то и звучит так странно — наивно логико-математическое росуждение Я. Лёсика, который формы падежей и их взаимоотношений в речи вздумал приравнять к математическим величинам и их отношениям.

---

[1]) Белоруссы, II, 3, 46—47.

На стр. 123 Я. Лёсик соответствующее место Е. Ф. Карского,[1]) »поправивши«, передает так: »У жаноч. і ніякім родзе пры »два-дзьве,« калі не бывае парнага ліку, назоўнікі іменныя звычайна ставяцца ў родным склоне, а, значыць граматычнага дзейника тут *няма*, напр.: здарылася дзьве бяды, два яйцы разьбілася; але калі скажам: »дзьве бабы пасварыліся«, »два акны разьбіліся,« то тут »дзьве«, »два« будуць дзейнікі. Так сама пры »тры«, »чатыры«: тры дачок на выбор чатыры сястры (сястрэ) згінулі, тут »чатыры« — дзейник.

По Лёсику выходит — что в тех случаях, когда не имеется согласования сказуемого с существительным (стоящим в так. случ. в род. пад.) в числе и лице, то нет и подлежащего. В этом случае незаметно для самого Лёсика снова сказалась его склонность к смешению логической и формальной точек зрения на явления языка (в данном случае он почему то принимает в расчет только форму того слова, которое выражает логическое подлежащее, т. е. — сястры, дачок и под.), не желая замечать форм именительного падежа числительных — два, дзьве, чатыры . . .

Помимо того и по существу его соображения не верны. Если даже считать в примере »дзьве бяды здарылася« форму »бяды« — родительным падежом, то ведь формально, как совершенно правильно указывает Е. Ф. Карский, подлежащим здесь считать приходится числительное в им. падеже В примере же »два яйцы разьбілася« в форме »яйцы« даже нельзя видеть родительного падежа, ибо по окончанию это есть форма именительного падежа множ. числа, сохранившая ударение двойственного. Я бы даже склонен был считать именительными падежами мн. числа и формы — »бяды« и »сястры«, где произошло такое же перемещение окончания из мн. числа с сохранением ударения двойственного числа, как и в форме »яйцы«.

Таким образом я нахожу возможным считать, что в примерах — »дзьве бабы пасварылася«, »два яйцы разьбілася«, »чатыры сястры згінула« и под. — мы имеем в словах »бабы«, »яйцы«, »сястры« — формы им. падежей мн. числа, согласование с которыми глаголов утрачено под влиянием конструкций с »двое«, »трое«, »чэцьвера« и т. д., как в примерах: »трое падарожных замерзла, пяцера калёс сапсавалася« и т. д.

В наших примерах при нарушении согласования сказуемого с подлежащим в числе под влиянием указанных причин — все же живо чувствуется грамматическое подлежащее именно в существительных. Не будет подлежащим такое существительное только при страдательной форме глагола: »два яйцы разьбіта«, где »два яйцы« будет вин. пад. в зависимости от безличной страдат. формы глагола »разьбіта« (разбито), как в примере: »за маё жыта да мяне біта (бито)«.

На стр. 125, в п. 4 — »Выражэньне дзейніка прыметнікам і дзеяпрыметнікам« (Выражение подлежащего прилагательным и причастием),

---

[1]) Белоруссы, II, 3, 51: ,,в женск. и средн. родах при ,,дзьве", если не бывает двойств. числа, существительное обыкновенно ставится в родит. падеже, вследствие чего с чисто грамматич. точки зрения в настоящее время подлежащим бывает числительное: *dźwie biedy huoroszyje* Федер. I. 39. . ." (Курсив наш.)

перефразируя текст Е. Ф. Карского,[1]) Я. Лёсик говорит: »Абодвы яны — назоўнік і прыметнік — азначаюць приметы, што прыпісваюцца прадмету, толькі ў назоўніку гэтых прымет м е н ш[2]) і, значыць, назоўнік іменны азначае больш вузкае паняцьце, а прыметнік — больш агульнае (дурань-дурны)« . . .

Тут Я. Лёсик, не поняв высказанного положения, »поправил« Е. Ф. Карского и, конечно, оконфузился; ибо ясно, что Е. Ф. Карский совершенно прав, когда говорит: » . . . оба они обозначают признаки, приписываемые предмету, только в имени — этих признаков б о л ь ш е и, следовательно, существительное обозначает более у з к о е понятие, а прилагательное более общее«.

В самом деле: ведь из элементарного даже курса логики известно, что, чем больше признаков мы будем приписывать понятию, тем оно будет у́же, и тем носитель этих признаков будет больше конкретизироваться. В зависимости от количества признаков, мыслимых в существительном, последнее и является в мыслительно-представляющей жизни и деятельности нашего сознания заместителем представлений и понятий более и менее общих, т. е. менее и более конкретных. При этом, как правило, существительное всегда определяется большим количеством признаков, чем прилагательное; последнее по существу обозначает один т о л ь к о п р и з н а к, взятый в отвлечении от предмета или понятия. Признак этот может в свою очередь сужаться даже в границах прилагательного в зависимости от того, в каком метафорическом применении это прилагательное у нас фигурирует. Напр., когда мы говорим, »деревянный дом«, то вкладываем в признак »деревянный« определенное содержание деревянности, массы; когда же говорим: »у него деревянная поясница« (говорится о плохо сидящих, »аршин проглативших« всадниках), то имеем в виду только неспособность поясницы сгибаться, ее неэластичность; во фразе же: »у него деревянное лицо« уже имеется в виду н е п о д в и ж н о с т ь черт лица, неспособность лица отражать на себе чувства и мысли.

Итак прилагательное обозначает такой определенный признак, который, будучи отвлечен от определенного представления или понятия, может применяться для характеристики, определения любого другого предмета и понятия. Так под словом »дурань« (дурак), как существительным, мыслятся признаки, характеризующие вообще человека, как определенную особь животного царства, в которой, однако, в данный момент выдвигаем случайный признак »дур« (глупость), обративший на себя наше внимание, однако этого признака не отделяя от реального предмета. Прилагательное же »дурны« (»глупый« — также вообще »плохой«) являясь в отвлечении, может быть относимо нами ко всевозможным предметам и понятиям: »Дурны у цябе толк, дурны парадак, дурны розум« и под. Такая ограниченная значимость с прилагательных в вполной мере переходит и на образуемые от них так называемые »аттрибутивные существительные« (термин А. А. Потебни). Последние являются суще-

[1]) Белоруссы, II, 3, стр. 57, п. 4.
[2]) Курсив наш.

ствительными только по форме; в них »грамматическая субстанция« является фиктивной, мнимой.[1])

На стр. 132 в п. I-м: »Формы выказьніка« Я. Лёсик говорит: ». . . бываюць выпадкі, калі просты выказьнік выражаецца неазначальнай формай дзеяслова« и в скобках пример: »яму ня церпіцца«; такой пример в качестве подкрепления высказанного положения, для »специалиста« в области языка и преподавателя высшей школы является просто чудовищным по своей безграмотности. Ведь даже средний ученик нормальной низшей школы, мы уверены, твердо знает, что »(ня) церпіцца« есть безличная форма, как »(не) сядзіцца, (ня) сьпіцца« и т. п. Что, к сожалению, это не опечатка, а искреннее убеждение автора, мы убеждаемся из такого же понимания этой формы на стр. 37 »Сынтакса« (Увага, п. *a*): »але часам інфінітыў можа быць выказьнікам адзін, без дзеяслова ў асабовай форме (яму ня церпіцца)«.

Правда, есть случаи, когда сказуемое выражается неопределенной формой глагола, напр.: »я яго прасіць, я яго маліць – нічога не памагае«, и под. Довольно странно, что этот интересный случай выражения сказуемого Я. Лёсик упоминает только вскользь — между прочим, при том так неудачно его иллюстрировав. Между тем в той же книге Е. Ф. Карского есть подходящие примеры; например: »Я кочана поливаць — кочан мине цаловаць« (86 стр.), »наша поля кымянисто — ни праехаць, ни пройциць« (87). Прекрасные примеры находим и у Д. Н. Овсянико-Куликовского; напр. из сказки Афанасьева: »Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить«. Впрочем в таких примерах при неопределенном легко подразумевается связка — »давай, пачаў, стаў, ну (в значении »давай«: »ну яго сьцябаць!«)

На стр. 140 (внизу) снова имеем »небольшое недоразумение«. Очевидно Я. Лёсик не понял того места в книге Е. Ф. Карского (стр. 78), где говорится: »во всех приведенных примерах при причастии или есть налицо вспомогат. глагол, или в настоящем времени легко подразумевается«. Это место у Я. Лёсика переведено правильно: »У гэтых прыкладах пры дзеяпрыслоўях або стаіць навочна дапаможны дзеяслоў, або лёгка мысліцца«. Но далее у Е. Ф. Карского: »Так. обр. здесь . . . вместо одного verbum finitum является participium плюс связка«. Я. Лёсик »раз'яснил« это место так: »Тут знаходзім дзеяслоў + сувязь + дзеепрыслоўе для выказьніка« и в подтверждение пример: »У яго была (ёсьць) наняўшы (нанятая) кватэра«. Пример (тоже, кстати, Карского) опровергает положение Лёсика: связка то (была, ёсьць) и деепричастие в нем — налицо, а вот глагола (дзеяслова) в личной форме (verbum finitum) в примере и нет. Как видим, отклонение Лёсика от Е. Ф. Карского на некоторый самостоятельный путь оказывается для него и в этом случае, как во многих других, вредным вольнодумством. Впрочем, может быть, это объясняется и не вольнодумством только, а просто непониманием латинской грамматической терминологии . . .

[1]) См. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис рус., яз., изд. 2-е, стр. XXXII, предисловие.

На стр. 146, излагая отдел творительного предикативного и позаимствовав у Д. Н. Овсянико-Куликовского различение творительных падежей — образа действия, сравнения и превращения, Я. Лёсик вносит и совершенно излишнюю »отсебятину«. Творительный сравнения он для чего то разбивает на два: »*a)* прыладны параўнаньня і *б)* прыладны падабенства«, что — одно и то же. Какая напр. разница в таких творительных, как в примерах — »злотам іскры скачуць« (у Лёсика это »прыладны параўнаньня«) и »...ляжыць калодаю« (у Лёсика это »прыладны падабенства«)? В том и другом случае и во всех, подобных им, имеем только творительный сравнения, употребление которого конечно, как и всякого сравнения, основано на сходстве двух предметов или явлений. В самом деле, и тот и другой творительные без всякой перемены в смысле мы можем выразить полным сравнением с »як«: »Іскры скачуць, як золата«, »Ляжыць, як калода«, или вместо Лёсикова примера »ён яшчэ малады, а выглядае старым дзедам« можно сказать — ён яшчє малады, а выглядае, як стары дзед; по Лёсику же в последнем примере — творительный сходства. В живом белорусском языке встречаем еще один пример выражения, подобного приведенному Лёсиком (»няхай ляжыць калодаю«); это — »няхай каменем ляжыць«, а еще лучше в таком способе выражения: »Лажыся, каб ты каменем лёг«! В последнем примере следует видет творительный образа действия, ибо тут имеется на лицо не пожелание того, чтобы данное лицо, укладываясь, в этом процессе походило бы на камень, но то, чтобы человек о с т а л с я лежать камнем, т. е. неподвижно, и не встал бы более.

Кроме этой ненужной разбивки творительного сравнения Лёсик вводит еще »прыладны часу або ўзросту«.

К стр. 146 заметим, что действительно в белорусском, как вообще в восточно-славянских языках, неупотребителен творительный предикативный при глаголе »быть«, когда последний находится в предложении на лицо и стоит в настоящем времени. Однако, прибавим мы, возможна конструкция с формой будущего или даже прошедшего времени от глагола »быть« — в значении настоящего времени; напр.: »Б у д у ч ы (или »б ы ў ш ы«) дзяўчынай, я н е м а г у на гэта згадзіцца«, где »будучы« и »быўшы« только по форме будущ. и прош. времени, но значение имеют наст. времени, на что указывает »магу́« главного предложения. Оборот с »быўшы«, надо заметить, — специфично белорусский.

Введя еще одну ненужную категорию — »прыладнага часу«, Я. Лёсик пропустил вместе с тем одну весьма важную, это — творительный о б р а з а д е й с т в и я, напр.: »Ён ходзіць франтам, зухам«, »Ён трымае сябе малайцом« и т. д.[1])

Во всем же рассуждении Я. Лёсика о названных творительных есть основное недоразумение, породившее путаницу в изложении этого отдела. На стр. 145 Лёсик — неизвестно, на каком основании — термин Овсянико-Куликовского »в т о р о й и м е н и т е л ь н ы й« заменил термином »именительный предикативный (назоуны прэдыкатыўны)«, чего не делает

[1]) См. Д. Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й, Синтаксис Рус. языка, 170—172.

Овсянико-Куликовский и, мы полагаем, не делает совершенно сознательно, умышленно: дабы не спутать роли и значения именительного падежа, как действительного предикативного аттрибута, вместе с глаголом-связкою образующего составное сказуемое, — с ролью и значением творительного предикативного, который по существу уже не является второю частью составного сказуемого, но представляет собою »род дополнения и, как все дополнения (относящиеся к сказуемому), уже не входит в состав сказуемого, а только состоит при нем«.[1])

Между тем это весьма важное раз'яснение пропущено у Я. Лёсика и все изложение этого отдела носит характер большой неясности и, попросту, путаницы. Назвав именительный в роли второй части составного сказуемого — »именительным предикативным«, он его роль и значение в полной мере приравнял к роли и значению творительного предикативного, как дополнения.

Из дальнейших слов Я. Лёсика мы видим, что он действительно считает творительный предикативный второй частью составного сказуемого, что, конечно, не верно; так, на стр. 146 он везде говорит о »сувязі« (связке) при творительном предикативном, между тем, как выше сам же выяснил по Овсянико-Куликовскому, что когда именительный в составном сказуемом переходит в творительный (предикативный), то тем самым связка перестает быть связкой и становится настоящим глагольным сказуемым (Овсянико-Куликовский, 156; Лёсик, 144). Между прочим утверждение Я. Лёсика, что по белорусски не употребляется творительный предикативный от прилагательных (Сынтакс, 145), не совсем верно; говоряг, напр.: »пасьля сьмерці мужа яна асталася зусім адзінокаю, беднаю, зрабілася (стала) зусім іншай« и т. д. Правда, таких примеров меньше, чем с именительным, но они все же есть. Да и сам Я. Лёсик на следующей странице приводит такой пример: »яна жыве адзінокаю«. Правда, тут Лёсик оговаривается, что мол, оборот с творительным предикативным от прилагательных употребляется только при глаголах (по Лёсику »пасьля сувязі« — связки), имеющих материальное значение. Однако позволительно спросить: какое материальное значение можно усмотреть в глаголах »асталася, зрабілася« (стала) в наших примерах?

Таков характер самостоятельных отступлений Я. Лёсика от буквального текста книги Е. Ф. Карского по существу. Есть еще более мелкие отступления; в общем же отступления весьма редки, и мы ограничимся приведенными примерами, достаточно ярко характеризующими метод и качество самостоятельной работы Я. Лёсика.

Мы уже упоминали о том, что большинство примеров (минимум три четверти общего количества) второй части »Сынтакса« взяты у Е. Ф. Карского. Здесь мы особо приведем примеры, характеризующие также манеру этих заимствований чужих примеров.

Нужно сказать, что манера эта в общем в высшей степени не научная, временами просто варварская. Не говоря уже о том, что, цитируя чужие примеры, Я. Лёсик никогда не указывает источника, из

---

[1]) Тамже, 156 стр.

которого они взяты, чего требует традиционное в науке приличие, и не только приличие, но и существо дела, он позволяет себе сплошь да рядом их безжалостно кромсать и уродовать, очевидно наивно полагая таким способом как бы сделать их до известной степени »своими«. Иногда это проходит гладко, но весьма часто также ведет к недоразумениям. Приведем несколько наиболее характерных примеров, так сказать, на примеры.

На стр. 109 — в отделе »Асаблівасьці у ўжываньні адзіночнага ліку« (стр. 107—110) под п. »г« Я. Лёсик говорит: »Шмат радзей сустракаюцца назоўнікамі йменнымі зборнымі словы жаночага роду на ь: плоць — плоткі, плоць — ад »плот« (паза плоцьцю крапіўка пякучая расла),[1]) »рызь — рызьзё«. Тут примеры Е. Карского Я. Лёсик пополнил новым — »плоць« от слова »плот« — на наш взгляд совершенно неудачно; ибо такого слова »плоць« в значении »плот« (плетень, забор), насколько нам известно, и, как показывают словари И. Носовича, В. Добровольского, а также записи народных произведений, в белорусском языке нет. Если же по сведениям Лёсика слово »плоць« в значении »плот« встречается где-либо в Белоруссии, то следовало и пример соответствующий привести. Приведенный же Я. Лёсиком пример вовсе не доказывает существования слова »плоць« в указанном значении; ведь самая форма »плоцьцю« в той песне, из которой, повидимому, взял ее Я. Лёсик, скорее всего ошибочно написана отдельно от »за«:[2]) »по-за плоцю крапіушка пяклівая«. Правда, в записях А. К. Сержпутовского встречаем — »паўз плоцье«, но не »плоць«. Вернее всего в этом слове видеть форму не женского рода, а средного, тем более, что и встречается оно обычно в виде »заплоцьце«, образованного на манер таких слов, как »зарэчча, залужжа, залесьсе, заозер'е, завішша« и т. п.

Далее, на стр. 112 Я. Лёсик, взяв пример Е. Ф. Карского, приведенный последним из »Очерков . . .« А. Пщолки (Е. Ф. Карский, Белоруссы II, 3, 35): »Жарты состроить такую чугунку« — Я. Лёсик представляет его в таком виде: »Гэта ня жарты, ня жартачкі пабудаваць такую чыгунку«. Тут же (на две строки выше) известную белорусскую поговорку (прыказку) — »Ждалі, ждалі да і жданкі паелі« — Лесик приводит в таком виде: »Ждалі, ждалі ды й жданкі прашлі«,[3]) что, конечно, искажает весь смысл поговорки.

На стр. 128 пример, взятый из Е. Ф.Карского — »сухорукий яйка, ўкраў, а бязногий у дагонь погнаў, а бязрукий дзяжу мясіў«) — Я. Лёсик представляет в таком виде: »Сухарукі яйкі краў, а бязногі даганяў. Бязрукі хлеб мясіў«. И еще: »Глухія ня ўсе чуюць, сьляпыя ня ўсе бачаць«. В двух последних примерах может быть по оплошности наборщиков и корректоров вместо *ё* стоит *е*, что искажает смысл.

---

[1]) У Е. Ф. Карского, ,,Белор.'', II, 3, 30: ,,Еще реже в роли собирательных выступают слова жен. рода на мягкий согласный, после которого был -ь = ĭ: плоць (плотва), рызь (старье) (,,Белоруссы'', II, 2, 149).

[2]) Матер. для изуч. белор. говоров, IV. Сборн. Отд. Рус. яз. и сл., том 75, № 5, стр. 34.

[3]) Курсив наш.

[4]) Е. Ф. Карский, Белоруссы, II, 3, 60.

Пример Е. Ф. Карского (Белоруссы 78) — »А солдат смотри́ть усё гэто; толькі ўжо въяго дух замёрши (замер) — Ром. IV, 71 Гор. — Я. Лёсик передает: »Глянуў ён, а ў таго і дух замёршы« (замёр).[1]) У К. на стр. 79: »Моя ж Машка туды замуж зайшоўшы (— вышла)« — у Л. на стр. 141: »Яна туды замуж пашоўшы (пашла)«. Гораздо характернее, конечно, не »пашоўшы«, но »зайшоўшы« как приведено Карским из »Материалов« Шейна и как можно обыкновенно слышать в белорусской деревне.

На стр. 192: »4. Давальны незалежны сустракаецца рэдка і стаіць пасьля даўнейшага дзеяпрыметніка дзейнага стану, а цяпер пасьля дзеяпрыслоўніка, у які абярнуўся даўнейшы дзеяпрыметнік, напр.: ідучы нам у ягады, сустрэўся лясьнік. Едучы ім па дарозе, захацелася спаць. Цяпер гэты давальны хутчэй паставяць пасьля дзеяслова так: »Едучы па дарозе, захацелася *ім* спаць«. У Е. Ф. Карского (стран. 156): »Следы... оборотов из дательного с неизменяемой формой причастия изредка встречаются и в живой речи: женучи нам вепроў, то пан споткаў нас; едучи им по дороги, захоцелася спаць Ялени и Ивану Царевичу, Ром. VI, 5, Чаус.«

Это место в передаче Лёсика теряет свой настоящий смысл и значение. Получается впечатление, что раньше при деепричастии в придаточном предложении стоял дательный (самостоятельный), а при глаголе главного предложения его не было. Теперь же этот дательный из придаточного перекочевал в главное предложение. Снова путаница. Ведь дело тут совсем не в том, что теперь скорее скажут с дательным в главном предложении, иногда подразумевая — а то и вовсе не подразумевая — его в придаточном, как дательный; тут дело в том, что в современных живых говорах можно встретить хотя и испорченную, но все же конструкцию с дательным самостоятельным, который в старину употреблялся для выражения придаточного предложения времени. В первом, да и во втором примерах Лесика, мы и имеем такой дательный самостоятельный. Только второй пример, после обработки его Лёсиком, потерял смысл. Если бы Лесик так не обкарнал прекрасный пример Е. Ф. Карского, то читатель »Сынтакса« имел бы примеры на остаток старинного дательного самостоятельного в двух случаях: *а)* когда в придаточном и главном предложениях — разные подлежащие и *б)* когда в обоих предложениях подлежащее — одно. Необходимо было бы также упомянуть, что хотя и встречается в современной народной речи такая конструкция, как напр.: »Едучы з гораду, мне вельмі захацелася спаць«, но в литературном употреблении таких конструкций принято избегать, ибо в ней есть нелогичность, затемняющая смысл. Особенно дает себя чувствовать эта нелогичность в тех случаях, когда подлежащие в главном и придаточном предложениях разные, напр., как в первом примере Лёсика; если тут опустить »нам« в придаточном предложении, то будем иметь: »ідучы у ягады, нам сустрэўся лясьнік«; можно подумать, что лесник (а не мы), идя в ягоды, повстречался нам. Еще лучше: »вайшоўшы ў хату, мне кінуўся ў вочы накрыты стол«. Тут уже прямо приходится понимать, что стол вошел в хату и кинулся мне в глаза.

---

[1]) „Сынтакс", 141 — увага.

На стр. 115, приводя примеры: »Зыдзі з ваччу, зазьвінела ў вушшу, пацямнела ў ваччу«, Я. Лёсик считает »з ваччу, у ваччу, у вушшу« — формами дат.-местн. падежа, снова таким образом »поправляя« Е. Ф. Карского, который (на стр. 42—43 своей кни и) совершенно верно относит их к формам р о д.-местного падежа двойств. числа.

Еще один небольшой образчик небрежного отношения к примерам: на стр. 127, перечисляя прилагательные, обыкновенно употребляющиеся без существительных в роли последних, при таком слове — »сьвята« — Я. Лёсик в скобках пишет: (»невялікае сьвята«) Мы пришли в недоумение: неужели слово »сьвята« употребляется только в значении небольшого праздника? — и стали сопоставлять известные нам случаи употребления этого слова, но, конечно, не нашли подтверждения мысли Я. Лёсика. Обратившись к книге Е. Карского, мы нашли там разгадку. Оказывается, что пример взят Я. Лёсиком у Е. Ф. Карского; пример этот, приведенный у К. тоже в скобках, но с указанием источника,[1]) Л. передал литературным правописанием, без указания источника; главное же это то, что »ни вяликая« (т. е. не есть великое, большое, не является большим) — Я. Лёсик написал слитно с отрицанием (невялікае), обратив таким образом п р е д л о ж е н и е в в ы р а ж е н и е. Отсюда и недоумение читателя, который, конечно, при нем и останется, если только он не обратится за раз'яснением к соответствующему месту книги Карского.

Как пример составления п о ш а б л о н у, данному в книге Карского, можно привести такой: у К. (121 стр.): »Повторяемость действия, как и в русской литературной речи, может выражаться тоже посредством прибавления »ну« к неопределенному: прывезаў гада к дзераву й ну его дубасиць луцьями Серж. 37 Слуцк.«; у Л. (177 стр.): »Паўторнасьць дзеяньня можа выражацца так сама дадаткам дапаможнага слова »ну« да неазначальнае формы, напр.: прывязаў казу да плоту і ну яе лупцаваць«.

Для завершения характеристики методов »обработки« Я. Лёсиком чужих примеров, приведем еще один последний пример (у Л. он, конечно, не последний).

На стр. 139 »Сынтакса« в отделе »a) Прыклады на поўныя формы прыметнікаў« мы встречаем такую обработку примеров Е. Ф. Карского: I. У Е. Карского (72): »жу͡онка вельми языкатая (Сержп.) 127«; у Я. Лёсика: »Жонка б ы л а вельмі языкатая«; у К. (72): »мой татулька хорош, мачиха лихая — ни пускаиць на вуліцу, што я молодая — Никифор. част. 7«; у Л.: »Мой т а т а ч к а харош, мачыха ліхая: ня пускае на вуліцу і т. д.« У К. (71): »наш пан багаты, яго каптан махнаты — ib. № 15 Игум.«, у Л.: »сам багаты, каптан махнаты«. У К. ib: »наш поп молодзенькій, у его вусок золоценькій Зап. V 209; наш пан молодый, его вус золотый Мат. Б . . .«, у Л.: »Наш брат малады, яго вус залаты; наш брат маладзенькі, яго вус залаценькі« И т. д.

Из самостоятельных отступлений Я. Лёсика от Е. Ф. Карского в области примеров (каковых отступлений тоже очень немного) приведем

[1]) „Белоруссы“ II, 3, 59: . . . „сьвята“ праздник (ни вялікая с ь в я т а Ляцк. посл. 25).

некотор. На стр. 118: »Сватаве, братаве цераз места ехалі. Панаехалі сватове к нам на двор«. В виду того, что это множ. число (сватове, братове), а во множественном числе никогда не было отдельной для звательного падежа формы, нет и достаточных оснований видеть в приведенных примерах иллюстрацию на выражение подлежащего звательным падежом.

Далее, на стр. 121 имеем такой же, еще менее удачный, собственный пример Я. Лёсика, приведенный в доказательство того, что подлежащее может выражаться неопределенным местоимением: »Што-то будзе, што-то будзе? Ў межах шэпча жыта (Я. Кол.).« В этом примере местоимение не неопределенное, но вопросительное, на что показывает прежде всего вопросительная форма самого предложения в целом (даже для ясности вопросительный знак стоит). Ясно, что Л. тут русское »что-то«, употребляющееся в смысле неопределенном (нечто), спутал с вопросительным бе орусским (и русским) »что-то«; напр.: »што то нам прынясе новы год? Што то нас чакае?«, где »то« = »это«. В значении же неопределенного местоимения в белорусском языке в большинстве говоров употребительно только »нешта« (древнерус. нѣчьто). Еще более удивительно, что Я. Лёсик выше, в теоретическом положении, совершенно не упоминает этого »нешта« в числе неопределенных местоимений, способных выражать подлежащее, а упоминает как раз мало употребительные, я бы сказал — чуждые духу белорусского языка »хто-то«, и »што-то« (стр. 121). Между тем — в качестве иллюстрации к этому положению — упомянутый пример подходил бы тогда, когда бы на месте слова »што-то« в нем стояло »нешта«, но тогда предложение получило бы тем самым утвердительный смысл, а не вопросительный: »нешта будзе, нешта будзе« . . .

Есть еще целый ряд мелочей, характеризующих небрежность, непродуманность »автора« Сынтакса того, что он »пишет«. Но мы полагаем, что и сказанного достаточно, ибо стоит ли уж интересоваться мелочами, если основное никуда не годно. По существу мы не нашли нужным разбирать всех положений »Сынтакса« по уже понятной теперь причине: эта работа — даже, как популяризаторская — не обнаруживает ни тени удачной, полезной оригинальности. Как мы уже говорили, на 9/10 она является сокращенным извлечением из 3-го вып. II тома »Белоруссов« Е. Ф. Карского.

Приходится удивляться, до чего наивен автор этой книжки, считая, что можно, позаимствовав из чужой работы не только руководящие мысли, план изложения, но и просто самое изложение — определения, примеры (даже примеры!) и пр. — спокойно поставить на такой работе свое имя, застраховав себя упоминанием в предисловии, что »у аснову другой часткі . . . паложаны ўсім вядомыя працы Профэсора й Акадэміка Е. Карскага »Белоруссы« т. II, I, 2, 3. Бяз гэтых прац Карскага нельга было б напісаць школьны падручнік беларускае мовы«.

Мы вполне согласны с Я. Лесиком в том, что действительно труды академика Карского по белорусскому языку настолько ценны и фундаментальны, что вообще нельзя ничего писать в этой области, не посмотрев в книги Е. Ф. Карского: не сказано ли уже им то, что может быть тому или иному исследователю приходит в голову по поводу тех или иных явлений белорусского языка. Можно и даже следует писать

учебники на основе, разработанной Академиком Карским, но это не значит вовсе, чтобы можно было так »класть в основу«, даже учебника, чужую работу: сокращенно пересказав, а то и просто переписав ее. Если уж Я. Лёсик и хотел быть »популяризатором« работ академика Карского, то пусть бы он спросил хотя бы у того же Е. Ф. Карского, в какой форме это удобнее сделать, не нарушая его авторских прав. Ведь популяризовать можно по разному. Можно популяризовать научные идеи того или иного выдающегося ученого, которые данный популяризатор разделяет. Однако, эти идеи и систему изложения предмета обычно показывают на самостоятельно подобранном и продуманном материале. Так напр. поступил проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский в своем »Синтаксисе Русского языка« (2-е изд. СПБ 1912 г.), в основу которого он кладет идеи и систему А. А. Потебни. Можно ставить себе и более скромные цели, напр. сделать доступной широкой публике книгу, язык, метод изложения, стилистические особенности которые делают ее мало доступной для понимания, а значит и оценки по достоинству тех высоко ценных мыслей и фактов, кои заключены в мало доступную форму, или же разбросаны по разным сочинениям и статьям данного ученого.

Подобную цель имел напр. в виду И. М. Белоруссов, выпуская свою работу »Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни« (1901 г.). В этой работе И. М. Белоруссов действительно пользуется и примерами Потебни и по существу дает доступное изложение его мыслей. Ценность же его работы заключается в том, что он собрал эти мысли и примеры Потебни, разбросанные по разным работам гениального лингвиста, и продуманно систематизовал их в нечто цельное.

В чем же ценность работы Я. Лёсика?

По своему типу она, конечно, не может быть приравнена ни к работе Д. Н. Овсянико-Куликовского, ни к работе И. М. Белоруссова. С первой она не может равняться, ибо не имеет той самостоятельности в подборе материала и его изложении, какую имеет за собою работа Д. Н. Овсянико Куликовского. Достоинства второй работы неприложимы к работе Лёсика потому, что в такой работе не было надобности, так как сам Акад. Карский все свои мысли и материал прекрасно изложил в отдельной книге — »Белоруссы, т. II. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Варшава 1912«, каковым выпуском (3-м) исключительно и пользовался Я. Лёсик, в основной, второй части »своего Сынтакса« (а не 1, 2 и 3-м выпусками »Белоруссов»). Следовательно, если Лёсик не имел сказать в области синтаксиса белорусского языка ничего нового и дельного по сравнению с Е. Ф. Карским, то вопрос мог стоять только так: наиболее полное и научное освещение явлений синтаксиса белорусского языка находим пока только у Е. Ф. Карского. Но книга его недоступна широким кругам учащихся и учащих, как потому, что ее совершенно нет на рынке, так еще и потому, что в полном своем об'еме она не под силу среднему студенту педтехникума и может быть в иных случаях даже университета. Между тем книга нужна, даже больше необходима. Значит, нужно было, как то видоизменив и сократив, приспособить ее к нашим ближайшим практическим нуждам. Мы конечно не станем здесь рассказывать Я. Лёсику о тех приемах и методах,

коих придерживаются научные работники при составлении учебников, руководств и пособий вполне научных, но в популярном изложении. Мы позволим себе только пожалеть о том, что не нашлось ни одного человека, который бы посоветовал Я. Лёсику во время »писания« его книги, смотреть на те пособия, которыми он вооружился в тот момент, только как на справочники, руководящие и направляющие лишь общий ход самостоятельной работы, а не как на оригинал, предназначенный для списывания.

Как мы уже говорили, упомянутую выше задачу — переработки »Очерков синтаксиса . . .« Е. Ф. Карского — можно было бы сделать только с ведома и по уговору с автором их. И конечно, она должна была бы выйти под именем ее действительного автора. В том же виде, как книга издана сейчас, поскольку в ней есть элементарное введение, составленное Лёсиком, она должна была бы выйти (если бы, конечно, на это согласился Академик Карский) под коллективным именем.

В заключение, возвращясь к мысли, высказанной уже нами отчасти в примечании на стр. 571-й, считаем необходимым сделать еще одно замечание: мы полагаем, что учебник для школы (каковой как будто имел в виду дать Я. Лёсик) ни в коем случае не должен базироваться исключительно на материале, представляемом народными говорами; учебник не должен содержать в себе всех тех провинциализмов в оборотах речи, которые приведены Е. Ф. Карским и которые в книге последнего вполне уместны, как в научно-исследовательском труде. На наш взгляд неуместными являются все эти диалектические синтаксические особенности, самые даже мелкие, которые Я. Лёсик все по порядку вписывает в »свою« книгу из книги Карского, поскольку сам Лёсик в своем предисловии ясно и недвусмысленно заявил: »У другой частцы выясьняюцца выдатнейшыя сынтаксычныя асаблівасьці беларускае літературнае мовы«. Исходя из такого своего намерения Я. Лёсик должен бы был построить свою книгу совершенно иначе, даже при условии проведения им широкого заимствования из книги Е. Ф. Карского. Ему следовало бы взять только положения, характеризующие главным образом литературный белорусский язык, иллюстрировав их собственными примерами, подысканными из произведений белорусских писателей и поэтов. Во всяком случае литературным примерам следовало отвести первое место. Тем более, что в наши дни Я. Лёсик находился в несравненно более благоприятных условиях в отношении подбора этих примеров, чем в свое время академик Карский, так как Я. Лёсик мог уже воспользоваться тем богатым материалом, который в наши дни представляет для исследователя языка наша современная белорусская литература. Итак, уже не говоря о самом бесцеремонном нарушении чужого авторского права, книжка Я. Лёсика и сама по себе, как учебник для школы, — неудовлетворительна. Ибо не только учащийся, но и учащий, безнадежно запутаются в дебрях диалектологического материала, совершенно заслоняющего истинное лицо литературного белорусского языка, долженствующего быть в школьном учебнике главным предметом внимания.

Минск, февраль 1926 г.

Иосиф Волк-Левонович.

Prof. *Arturo Cronia*, libero docente di lingua e letteratura serbo-croata, **L' enigma del glagolismo in Dalmazia dalle origini all' epoca presente.** Estratto dalla »Rivista Dalmatica«, Anno VI–VII–VIII. Zara, tipogr. E. de Schönfeld, 1922 (1925), in 8°, str. XI + 161.

Spis je psán se stanoviště italského, které z příčin obecně známých není příznivé slovanské liturgii v Dalmácii. Spisovatel označuje dalmatský hlaholismus za něco záhadného (enigma). V tom duchu vyličuje jeho historický rozvoj, snaže se dokázati, že vznikl a šířil se nejen hnutím lidovým, ale zvláště nedosti odůvodněným zasahováním papežské stolice. Spis je vlastně obšírný polemický traktát, namířený proti rozpravám a článkům chrvatským, věnovaným témuž předmětu. Skládá se ze dvou nestejně rozměrných kapitol. V první jedná se o misionářské výpravě soluňských bratří na Moravu. Tato kapitola ukazuje nejlépe, jak slabé jsou vědecké základy knihy. O legendách cyrilo-metodějských vyslovuje se spisovatel (na str. 7) takto: »Parecchi slavisti e storiografi (specialmente i russi) si basano su certe ‚vite di santi o leggende' fatte ad onore di Cirillo e Metodio, che per essere state composte in Italia, Moravia, Boemia, Pannonia e Bulgaria diconsi ‚legenda italica, moravica, bohemica, pannonica (!) et bulgara'.« Spisovatel tyto legendy šmahem zamítá, nepřidávaje jim žádné historické ceny. Tak se však ve vědeckém spise o těchto legendách psáti nemůže. Je nutno rozlišovati. Kritika již dávno ukázala, že obě t. zv. panonské legendy jsou prameny vysoké historické ceny. Legenda římská čili italská vůči nim ovšem ustupuje. Na ni pak je závislá legenda moravská. O legendě české je známo, že je to počátek »života sv. Lidmily«. Velmi důležité zprávy poskytuje pak t. zv. legenda bulharská, t. j. řecký život sv. Klimenta, žáka obou slovanských apoštolů. Tyto různé prameny není lze prostě zamítnouti, jelikož prý nejsou dokumenty oficielní. Úsudek Al. Brücknera v Arch. XXVIII (1906), 187, na který se spisovatel odvolává. pozbyl platnosti pozdějšími projevy téhož badatele ve spise »Die Wahrheit über die Slavenapostel« (1913), kterého si spisovatel náležitě nepovšiml, ač jej příležitostně, uprostřed jiné literatury, uvádí (str. 124). Nedostatečná znalost odborných rozprav je vůbec základní vadou spisu »L' enigma atd.« Spisovatel pod čarou zaznamenává neobyčejně hojnou literaturu, ale čtenář věci znalý pozoruje, že názory v textu vyslovené nejsou ve shodě s míněním citovaných auktorů. Na str. 4 na př. čteme větu: »I Dioscuri slavi . . . movendo alla volta della Moravia portavano già seco importanti libri liturgici tradotti in lingua slava«. K tomu se poukazuje na prvním místě na spis Vatr. Jagiće, Entstehungsg. d. ksl. Spr. (1913), str. 14. Odborníkům však není třeba výslovně připomínati, že V. Jagić na citovaném místě (a vůbec nikde) nic podobného netvrdí. Jeho výraz »mit fertigen Vorarbeiten« znamená, že bratří, podnikajíce cestu na Moravu, měli upraveno slovanské písmo a dále první překlad čtení evangelských do nového jazyka. Druhá, obšírnější kapitola (str. 33—142) jedná o historických osudech církevního slovanského jazyka v Dalmácii. Tato část je vlastním obsahem knihy. Spisovatel má tu hojně příležitosti k nepříznivé kritice. Zejména obrací se zde proti všem projevům římské stolice, jež v určitém rozsahu pří-

pouštěly slovanskou liturgii a v její prospěch byly vydány. Jinak nalézáme v knize podrobné doklady, jak daleko se slovanská bohoslužba v Dalmácii rozšířila, v kterých diecésích a farnostech trvala a jak poznenáhla území její se opět zmenšovalo. Tato církevně-historická stránka je hlavním úkolem spisu. Písemnictví hlaholské není předmětem podrobnějších úvah, nýbrž uvádí se jen na důkaz, jak se hlaholismus vzmáhal a do kterých oborů zasáhl. Také v této části knihy jsou opět nenáležité poukazy na prameny. Tak čteme na str. 43: »Il Murko, il Milinović, il Šišić, il Prodan, l' Jireček ed altri — fra cui Leone XIII con sua famosa o famigerata encicla (!) ‚Grande munus' del 1880 — sostengono che Metodio stesso abbia diffuso il glagolismo in Dalmazia, perchè ritengono possibile e probabile che egli, o andando o ritornando da Roma, sia passato, per Nona . . .« Již způsob citování je nezvyklý, neboť nedbá náležitě chronologie. Uvedené spisy vyšly takto: Murko, Gesch. 1908, Milinović, Crtice 1880, Šišić, Gesch. 1917, Prodan, Borba 1900, Jireček, die Rom. 1902. Na prvním místě uvedena je kniha Murkova jako pramen. Ale tam nečteme, co spisovatel vykládá, nýbrž »že slovanská liturgie patrně již za časů Metodějových šířila se též na moři jaderském (str. 100), že Metoděj mohl se r. 880 sejíti s biskupem ninským (Nona, Nin) v Římě a že (str. 101) cestu do Říma nepodnikal územím svých nepřátel Franků, nýbrž že i zde třeba mysliti na Dalmácii, zvláště Istrii, podobně při cestě do Cařihradu (asi 882—884)«. Je tedy patrno, že spisovatel svých názorů z knihy Murkovy nečerpal. Jiný příklad. O Miklosichovi se praví (str. 71), že pojednal častěji o hlaholici, jednak prý ve zvláštních článcích, jednak ve svých spisech mluvnických. A k tomu se citují různé spisy Miklosichovy, ovšem neúplně, bez zřetele na chronologii, mezi nimi též staroslov. slovník (jen první vydání z r. 1850, jehož vlastně málo kdo měl v rukou, jelikož všeobecně rozšířeno je teprve druhé, úplně přepracované vydání), ale jediný článek Miklosichův o hlaholici (v encyklop. Ersch-Gruberově) se tu právě neuvádí. Jinde opět se cituje, bez jakékoliv poznámky, takto: Dobrovsky, kako su stari Slaveni pisali. Hrvatska. Zara 1895. No 16—17. Kromě toho je v citátech množství podivných nesprávností, které nelze pokládati za chyby tiskové, na př. Zagabria, též Zagarabia, jen ojediněle Zagreb a pod. Spisovatel, pojednávaje prý (str. 71) po prvé o tomto předmětu pro obecenstvo italské, pokládal za nutné, zaznamenati co nejvíce spisů o staroslověnském jazyce a o hlaholském písmě, ale splnil tento svůj úkol velmi nedokonale, bez náležité znalosti této literatury, bez zřetele na chronologii a na závažnost vědeckých děl a ovšem též tak, že mnohé důležité spisy nejsou vůbec uvedeny.

Fr. Pastrnek.

České vydání dvou povídek L. K. Lazarevića.

(Dokončení.)

II.

Snad některé z těchto vysvětlivek mohly býti uvedeny na vhodných místech ve slovníčku. Všimněme si nyní slovníčku, který vydavatel k svému textu připojil na str. 87—109. I zde jest zapotřebí některých doplňků a oprav. Co se týče doplňků, chtěl bych nejprve ukázati, jak

třeba rozšířiti hesla, která jsou ve slovníčku uvedena neúplně (*A*), a potom uvedu hesla, jichž vydavatel neuvádí, ač jsou nezbytně nutná k správnému pochopení textu (*B*). Konečně (*C*) opravuji omyly, jež se do slovníčku dostaly.

Vydavateli by bylo velmi posloužilo, kdyby byl vyhověl podmínce vlastně samozřejmé, t. j. kdyby byl při své práci přihlížel též k šesti ostatním povídkám Lazarevićovým. Byl by v nich nalezl paralelní místa, která by mu byla mnohé vysvětlila a uchránila jej leckterého nedopatření. Uvádím tyto paralely na příslušných místech a cituji v těchto případech podle Приповетке Л. К. Лазаревића. Свеска I., С. К. З., 46, 1898 a Свеска II., С. К. З. 53, 1899.

A.

баш; též *věru, opravdu;* баш да знам (str. 61) = ba, i kdybych věděl.

бе; značí *i jdi, ale jdi* (str. 61); srov. Vuk Rječ. s. v.

белега; též *jizva,* белега од ране (str. 64) = jizva po ráně.

болан; velmi často též *ubohý, chudák;* болан ђедо (str. 64) = chudák děd.

брав; nejen naše hromadné brav, nýbrž i jednotlivé zvíře: *beran* [1]) (tak str. 11), ovce, jehně, kozel, koza, kůzle. Srov. Akad. Rječ. s. v., kde i příklady.

ваљати; не ваља též *není v pořádku, není správné;* tak str. 57: не ваљају му послови.

велики; школа гори у велике (str. 53) = škola je *v jednom plameni;* zde se nehodí výrazy »správně, dobře, zrovna«, jež má slovníček.

да; vypusť *až,* doplň *i kdyby.*

дан; година дана = *celý* rok (str. 26, 39, 40); месец дана = *celý* měsíc (str. 49).

десити се; чему се год деси прилика: k čemukoliv se naskytne příležitost (str. 40).

довести; довести се (str. 68) = *provdati se.*

забезекнути се; nejen zamysliti se (Vuk Rječ. s. v.), nýbrž daleko častěji (i str. 56) *zaraziti se.*

загристи; загризи у једну јабуку (str. 75) = *nakousni jablko* (a dej mi je do rakve). — Zde byla nutná sebe stručnější poznámka o významu jablka jako daru; jabuka kao znak ljubavi i milosti, Akad. Rječ. s. v. jabuka A e; srov. též Vuk Nar. pjes. 1,283 i Vukovu poznámku k tomuto místu: И сад је у Србији обичај, кад се јабука коме своме шаље, да се мало загризе, само да се познају зуби. Proto nevhodně uvádí slovníček: zahryzti se, zakousnouti se.

занијети; поп се занесе (str. 52) = popovi *se zatočí hlava,* pop *zavrávorá.*

зар; též *snad* (str. 12, 40).

зашто; зашто и крошто (str. 62) = *proč a zač.*

изапрати; мисли се изаперу (str. 74) = myšlenky *pozbudou své určitosti.*

---

[1]) nikoliv »kdo ví co bravu«, jak má Hudec (str. 22).

избечити; *zkřiviti* (bolestí neb na posměch) *tvář;* srov. Akad. Rječ. s. v., kde i doklady. Výrazem »vypouliti«, který jedině uvádí slov., nelze přeložiti větu: Лице му се избечи (str. 72) = *Tvář se mu bolestí stáhla.*

издати; v textu se vyskýtá pouze na str. 69: Глас га издаде; žák ovšem přeloží podle slovníčku chybně: »Hlas ho prozradil« místo správného: *Hlas mu selhal.*

испријечити се; též *rozkřiknouti se, pustiti se do někoho*; srov. Akad. Rječ. s. v. 2 c, kde i doklady. Jedině v tomto významu v našem textu: Павао се испријечи (str. 45) = Pavel *se rozkřikl.*

кретати; též *dávati se na cestu*, да се кречемо (str. 34) = *abychom jeli.*

крив; криво ми је (str. 71) = *něco mi je proti mysli, jsem s něčím nespokojen, mrzí mě něco.*

лак; лакше (str. 59) = *pomaleji.*

лучити; лучити свиње (str. 61) = *odbírati* (a platiti) nakoupené vepře.

марити; м. за кога (str. 70) = *míti někoho rád.*

ништа; ни једно ништа проговорити (str. 67) = *ani nemuknouti;* ни зашта = *pro nic, na nic.*

оставити; též *schovati, uložiti;* На, остави (str. 20) = Na, *schovej, ulož* to.

откос; není jasno, co chtěl vydavatel říci prvním významem »zásek na trávu«; druhý význam bylo by třeba vysvětliti: pokos, t. j. *jeden řad posečené trávy;* seno, obilí leží *na pokosích* (srov. Jungmann Slov. s. v. pokos).

пеħи; též *vařiti;* Е печем ја каву за тебе (str. 48) = *vařím* pro tebe kávu.

праскати; nejen »práskati«, nýbrž i *hřmotiti, bouřiti, hubovati;* грди, псује, праска (str. 65).

пристајати; též *souhlasiti;* ако ти пристајеш (str. 32).

притиснути; též *zabrati;* и половину порте притиснуо народ (str. 14).

пут; неких пута (str. 65, 79) = *někdy, leckdy, časem.*

рачун; *počet, vypočet* (str. 15),

робија; *trestnice,* на р. (str. 73) = v trestnici.

само; само што (str. 52) = jenže.

сан; ne vždy »sen«, nýbrž daleko častěji *spánek* (str. 34, 73, 74).

сањати; též *míti tušení*; А Анока ништа и не сања (str. 71).

све; *ustavičně, pořád, napořád, o všechno pryč;* па их (t. j. кола) све масти (str. 12); све до = *až k*; све до појаса (str. 56).

ситан; též *jemný, tichý, slabý*; Запјева славуј ... ситно (str. 49); ситан глас звона (str. 53).

слика; též *postava* (str. 50, 62, 74, 76).

старјешинство; дели с њим старешинство (str. 64) = *dělí se s ním o s.*, sdílí s ním s.

стегнути; с. срце (str. 34) = *dodati si odvahy, osměliti se.*

трап; »oplín«; jistě málokterý čtenář bude věděti, co značí výraz »*oplín*«. Ani v Riegerově ani v Ottově slovníku toto heslo není, a nemá

každý po ruce slovník Jungmannův, aby se odtud dověděl, že *oplen* nebo *oplin* jest »příční dřevo u vozu, ležící na šárnici (nápravě podlé délky), v němž klanice na koncích kolmo stojí«. A dále, že »na zadní nápravě jest oplen přikovaný, a nemůže se pohnouti, přední oplen drží s nápravou v hromadě rozvorný hřeb« (= можданик v našem textu str. 12).

трошити; též *vynakládati* (str. 31).

требати; nejen »potřebovati«, nýbrž i intrans.: *opus esse, býti potřebný*; pak teprve možno vysvětliti větu: таки мени и требајy (str. 28).

хватати; a) варнице се хватајy за небо (str. 53) = jiskry *vyletují až k nebi;* b) хватати = *zapřahati*; tak na str. 34: а ја викнух дете да хвата = tož jsem zavolal hocha, aby *zapřahal.* — Vuk Rječ. tohoto významu nemá, ale nalezl jsem jej pětkrát u Milićeviće: Жив. С. с.[2] na str. 26, 112, 113 a 175.

ход; ходом = *krokem* (str. 59).

час; од часа (str. 13, 61) = *v okamžení, okamžitě,* час прије (str. 21) = *co nejdříve, honem.*

чудо; *podivín, divous;* какво је ово чудо (str. 42) = *to je nějaký divný patron.*

K těmto dodatkům bych podotkl, že valná většina slov, o nichž právě bylo promluveno, vyskýtá se v našem textu pouze jednou, a to právě v tom významu, který ve slovníčku uveden není.

B.

Ve slovníčku jest nutno doplniti některá hesla, která tam vůbec chybějí. Jak budeme viděti, jsou to většinou ta slova, která se vyskýtají též v češtině, ale v srbštině mají jiný, často tuze odlišný význam. Tohoto rozdílu významového nebyl si vydavatel při těchto slovech vědom a proto jich do slovníčku nezařadil.

а = 1. *a*; 2. *ale, avšak;* srov. Vuk Rječ. s. v. 1; а куда ћу прије (str. 11); а што си стао (str. 44); а сељаци га прихватише (str. 52); а Бурмазевић . . . маче сјекиром (str. 55); а икону диже више главе (ibid.); а дивно видим (str. 57); а заклањале и браниле су је (str. 67) i jinde; 3. *co? což?*, str. 24, 44, 52; srov. Vuk Rječ. s. v. 6; 4. и ȁ да падне (str. 52) = a *jistě* by byl padl, a *už už* padal. — Srov. též Лазаревић II, str. 217: скочи за њим и ȁ да га дохвати за косу (= a *už* by ho byl chytil za vlasy); Лазаревић II, str. 240: и ȁ да заспи (= a *už už* usinal).

баба, е *m.* = tatínek; tento tvar (mužský a-kmen) vyskýtá se na všech místech našeho textu. Tvar бабо, а, který uvádí slovníček, nalézáme pouze jednou na str. 64.

брада = a) brada, b) *vous;* tak str. 18, 33, 46.

брата, е *m.*: hypokor. od брат.

весео, села, ло = a) veselý, b) *nešťastný, nebohý,* srov. Vuk Rječ. s. v. 2.; tak v našem textu: А да, весела друго (str. 38) = Ba že, *děvečko ubohá,* nebo: *chudinko.*[1]) — Na tento eufemistický způsob vyjadřování, kde весео = јадан, жалостан, miser, mělo býti zvláště

[1]) Hudec: Ovšem, ovšem (str. 43).

upozorněno, poněvadž analogického zjevu v našem jazyku nemáme. Odtud i časté chyby v našich překladech. V srbštině však je tento zjev dosti častý. Tak v pohádce Дванаест мрва (Андра Гавриловић: Двадесет срп. нар. приповедака, Београд, 2. vyd. 1925, str. 15) nazývá se »весели« hospodář, kterému »вилинска царица ископала оба ока«. — М. Ђ. Милићевић Зимње вечери, Београд 1879, 2. vyd. 1922, str. 20: Шта ли је толико скривио весели наш учитељ итд. — a »весели« se nazývá proto, že mu při potlačení vzpoury »одсеку тада обе руке повише шака и врх од језика«. Podobné příklady tamže str. 201 (весела поповска кућа) i str. 220 (весели Висарион). Srov. též J. Веселиновић, Град, str. 80: Весели мученичe, робе незаробљени, ти земљораднiче!

глас, a *m.* = a) hlas, b) *zpráva, novina* (str. 64).

додати *po*dati (str. 54).

доћи = a) přijíti, b) *fieri, státi se*: дошла је блеђа у лицу (str. 39) = *pobledla* ve tváři; nikoliv: přišla bledší, jak by žák jistě překládal. Rovněž tak: а бора на челу као да још дубља dође (str. 42) = a vráska na čele jako by se ještě více *prohloubila*. Srov. Vuk Rječ. s. v. 5.; Broz-Ivek. Rječ. s. v. 5. i Akad. Rječ. s. v. II, 13, kde i doklady. — Srov. též Лазаревић I, str 79: . . . а дошао у лицу као земља. — П. П. Његош, Гор. Вијенац, v. 514: у образ си као земља дошâ.

други, а, о = a) druhý, b) *jiný*, друга срећа (str. 31).

закон, a *m.* = a) *náboženství, víra;* чивутски закон (str. 45) = židovská víra;[1]) b) přijímání, c) mrav, obyčej, zákon. Srov. Vuk Rječ. s. v.

звати, зовем = *volati někoho;* Синоћ ме зову (str. 14); кад су је звали (str. 67).

звезда, e *f.* = a) hvězda, b) *slunce*;[2]) v tomto významu: те му звезда пече (str. 79). — Srov. též Лазаревић I, str. 148: Пече звезда — мозак да проври!; J. Веселиновић, Вечност (str. 103): Звезда припекла — мозак да проври . . .; Мил. Шапчанин, Туђа крв (Романтична приповетка. Време Б. 1924, str. 207): а звезда озго припекла, да нас попржи.

jȁ = no, nu, jo, jistě, ovšem; str. 12: ја боме; str. 63: Ја шта ради!; str. 66: Ја!

један, а, о = jeden; str. 28: и један по један газда у селу = a hospodář, že *nemá* ve vsi *sobě rovně*, že *se mu* ve vsi hned tak někdo *nevyrovná*. — Naše slovníky této fráze neuvádějí, ale srov. Лазаревић II, str. 118: И Ђорђе је један по један човек. Srov. též С. Сремац, Поп Ћира и поп Спира, С. К. З., 136, str. 247: Трговʼо толике године . . . и био један па један. — М. Шапчанин, Туђа крв, str. 199: Беше то радник један по један.

јест = ano; str. 43 i jinde v textu.

капетан, a *m.* = kapetan,[3]) t. j. *úředník* polit. a polic. správy. Kapetan spravoval srez (= okres), načelnik spravoval okrug (= kraj). Str. 45: као какав капетан.

---

[1]) Hudec vynechává (str. 47).

[2]) Hudec překládá »něco« a doplňuje celou větu, která v originálu není: Snad je to hvězda, jež s nebe spadla (str. 21).

[3]) Hudec nepřesně: dráb (str. 47).

клањати = *modliti se jako Turci;*[1]) srov. Vuk Rječ. s. v. Je-li toto heslo vynecháno, nelze rozuměti příslušnému místu na str. 45, kde se vytýká rozdíl mezi крстити се a клањати, a není jasno, proč Pavel pokládá učitele právě za žida.

којеко = všelijaký člověk (pohrdlivě), budižkničemu (str. 46).

комисар, а *m.* = komisar, t. j. *zásobovací důstojník* (poddůstojník) srb. vojska.

коска е *f.* = kůstka, kostička.

крај, а *m.* = a) kraj, b) *konec* (str. 41: брчићи . . . на крајевима растресени = knírky . . . na koncích rozčepýřené).

људи, и *m.* = a) lidé, b) velmi často: *muži*; v tom smyslu str. 37, 71 (třikrát).

мала пушка = *pistol* (str. 51); nikoliv: malá puška![2])

нагнути = a) nahnouti, b) *pustiti se, vyhrnouti se někudy;* srov. Vuk Rječ.: mit Gewalt durchwollen, vi perrumpere velle. V tomto významu: и све наже натраг (str. 53) = a všechno se pustilo, počalo se hrnouti nazpět.

научити кога = a) naučiti, poučiti koho, b) *poraditi komu;* Научи ме! (str. 31) = Poraď mi!

обући = obléci; Све се обукло у неку тајну свечаност (str. 78) = Vše *vzalo na sebe* jakési tajemně slavnostní vzezření[3]) — nikoliv »slavnost«, jak radí slovníček!

откад = od té doby co; откад си устала (str. 48).

Петров дан = svátek sv. Petra a Pavla.

повести, поведем = a) vzíti s sebou (str. 40), b) odvésti (str. 51).

поистиха = potichounku (str. 49).

понегда = někdy, často (str. 68).

попа, е *m.* = pop; tohoto tvaru se užívá v důvěrném, přátelském oslovení (str. 19, 23); podobně брата = bratr, уча = učitel. Srovnej naše: panáček, velebníček.

потегнути = a) zatáhnouti, b) *přihnouti si, napíti se* (str. 62).

пржити = pražiti, *péci;* и пржених пилића (str. 32) = pečených kuřat.

прст, а *m.* = prst; у прсте казати (str. 44) = *na prstech* vypočítati; на прстима прићи (str. 56) = přijíti *po špičkách.*

пуст, а, о; toto adjektivum, jež tak často jest nesprávně překládáno v našich překladech, mělo býti rozhodně uvedeno pro svůj zajímavý významový vývoj. Jak by žák mohl věděti, že větu: да превали оним пустим очима (str. 61) musí překládati: kdyby po tobě otočila ty své *krásné*[4]) (vlastně: *zatrolené*) oči?

свиња, е *f.* = *vepř, prase.*

---

[1]) Hudec nesprávně: kleknouti (str. 47).

[2]) Tak Hudec (str. 53).

[3]) Hudec (str. 21): Lid oblékl se do svátečních šatův (!!!).

[4]) Алекса Шантић, Песме (Емина) str. 200: Ја, каква је пуста! Тако ми имана, итд.

сељак, а *m.* = a) člověk, jenž pochází z téže vesnice jako já, *krajan* v nejužším smyslu toho slova, b) vesničan. V prvním významu: сељаче и господине (str. 58) = *pane krajane*; сељаче (str. 59) = *krajane.*[1])

силан, лна, но = a) silný, b) *veliký*, силне припреме (str. 32), c) *četný, hojný*. V posledním významu: силне чарапе (str. 32), kde žák, nejsa nijak na tento odstín významu upozorněn, jistě bude překládati »silné (patrně »vlněné, zimní«) punčochy« místo: *množství, spoustu* punčoch atd.

сладак, тка, ко = sladký; ale владика се слатко насмија (str. 28) = vladyka se *s chutí* (nikoliv »sladce«) zasmál; rovněž tak Велинка се све слађе смејаше (str. 64) = V. se smála čím dále tím *s větší chutí*, srdečněji.

смјети = a) směti, b) mnohem častěji: *odvažovati se, troufati si;* Vuk Rječ. s. v. uvádí pouze tento význam: wagen, sich trauen, audeo. Tak v našem textu· ја нијесам смио (str. 57); а ђеди не бих смео (str. 61); ко сме што поменути (str. 67); Женскадија не сме ни једно ништа да прослови (str. 67).

снага, е *f.* = a) síla, b) *tělo;* druhého významu slovníček neuvádí, ač právě v tom smyslu: дохватило и горе снагу (str. 16) = (otok) se rozšířil i nahoru na tělo.[2]) — Srov. Лазаревић II, str. 64: као да га цела снага сврби.

снаха, е *f.* = a) snacha, b) tak nazývají ženu bratři jejího muže: *švagrová*. A jedině v tomto druhém významu máme slovo снаха v našem textu na str. 64 (třikrát) a 66. Hudec nesprávně: snacha (str. 7 i 8).

страдати; nikoliv naše strádati (t. j. trápiti se, trpěti) nebo rus. страдать, nýbrž: *býti pronásledován neštěstím;* а знаш како сам страдао (str. 11) = a víš, jak mne osud pronásledoval, anebo: co mne potkalo, postihlo. — Tak můžeme překládati proto, poněvadž v živém srbském jazyku toto sloveso, původně v. impf. dosti často funguje jako v. pf.[3]) Tak i v našem textu: кројач, који је страдао (str. 21) = krejčí, který *přišel na mizinu.*

страшљив, а, о = *bázlivý, bojácný* — nikoliv naše strašlivý! Srov. Vuk Rječ. s. v. страшљив a страшљивост. Vydavatel nejsa si vědom tohoto rozdílu nezařadil toto slovo do slovníčku, takže větu: на лицу јој се види некаква страшљива[4]) спокојност (str. 16) bude žák překládati nesprávně, asi tak jako Hudec: na líci znáti jest jí jakousi hroznou (!) spokojenost (str. 27) místo: *bázlivou (bojácnou)* spokojenost. Srov. též Милићевић: Зим. веч.[2] str. 279: Простићеш ... страшљиви су — odůvodňuje cikánka své obavy, že snad její syn a bratr zběhli z fronty.

треба = *jest třeba;* а ти треба да знаш (str. 71) = ale ty to *musíš vědět.*

укопан, а, о = a) zakopaný, pochovaný, b) стаде као укопана (str. 75) = zůstala stát *jako omráčená, nehybně, ztrnule.*

---

[1]) Hudec dobře vystihl v překladě str. 58 a 59.
[2]) Hudec zde dobře: Otok stoupá výše do těla (str. 27).
[3]) Милићевић: Зим. веч.[2], str. 176: само ми срце вели, да ћете страдати = že vás postihne neštěstí), ако се час прије не уклоните итд.
[4]) v textu tisk. chyba: страшьива; pouhé ь místo љ.

учити = a) učiti, b) *učiti se;* учити школе (str. 28 i 57) = *navštěvovati školy, choditi do škol, studovati.*

цигара, е *f.* = *cigareta* (str. 41) — nikoliv doutník! Na toto heslo neměl vydavatel zapomenouti již proto, že naši překladatelé v nedorozumění často nám líčí srbského venkovana, jak kouří — doutník. Tak ovšem překládá naše místo i Hudec (str. 44 a 45). Že zde běží skutečně o cigaretu, vidíme z dalšího textu (str. 41 dole), kde se praví, že učitel vyňal готову цигару = hotovou, t. j. kupovanou cigaretu, kdežto vesničané si cigarety kroutili sami. Hudec ovšem zůstává i dále při svém doutníku a překládá: nový doutník (str. 45).

црнити = a) černiti, b) *dělati někomu hanbu*; да ме не црните (str. 15); srov. Akad. Rječ. s. v. b) aa).

читати = a) čísti, b) читати молитву = *odříkávati* modlitbu, *hlasitě se modliti;* да му читам молитву (str. 14) = abych se nad ním modlil, t. j. za jeho uzdravení; па читају молитву (str. 59) = hlasitě se modlí.

шмикати, чем = *silně dýchati nosem, funěti* (při spánku, anebo když se člověk snaží usnouti); па шмиче (str. 73). Ze slovníků uvádí toto sloveso pouze Ђ. Поповић: Речник срп. и немач. језика, Панчево, 2. vyd. 1895. — Ale srov. Лазаревић II, str. 206: он се љутито бацакну два до три пут ногама, и поче да шмиче, као да се свађа са сном који га никако неће.

C.

Zbývá nyní upozorniti na některé omyly, které se do slovníčku vloudily. Jak lze velmi snadno zjistiti, používal vydavatel při sestavování slovníčku pouze dvou pomůcek: Vukova slovníku a překladu Hudcova. A právě tento překlad jej často zavedl na nesprávnou cestu, poněvadž z něho přejímal nekriticky.

аманет není »záruka«, nýbrž to, co někomu svěřuji, odkazuji buď k opatrování nebo k vykonání; *odkaz* (str. 25). Srov. též Милићевић: Зим. веч.², str. 253: Аница издахну, а селу остави аманет да каштигује њенога убилца.

брати = »česati«; česati se mohou jablka nebo hrušky, ale nemůže se česati konopí — *konopí se trhá!* Zde totiž jde o větu: Није се она родила да бере кудјељу (str. 31) = Nenarodila se proto, nebo: Ta se narodila pro něco jiného, než *aby trhala konopí.* Vydavatel ovšem myslí, že кудјеља = koudel (viz slovníček s. v.), a tak žák řídě se poctivě slovníčkem přeloží naši větu takto: aby česala koudel — což je překlad věru nešťastný, poněvadž koudel neroste na stromě, aby se mohla »česati«. Kromě toho **кудјеља** = *konopí,* a naše *koudel* — **кучине** f. pl.[1])

брукати се, себе neznačí »vysmívati se«, nýbrž *dělati si hanbu, ostudu* (str. 24).

вала neznačí »s Pánem Bohem« a dokonce již ne »pro mne a za mne«. Interjek. вала (валаа, валај) z arab. vallahi ukazuje již svým vznikem,

[1]) Nesprávně i Hudec: aby předlo koudel (str. 38).

že naprosto nevyjadřuje nějakou resignaci, nýbrž *dovolávání se Boha za svědka*, a značí tolik, со кунем се богом nebo бога ми (str. 70).[1])

веселник neznačí »taškář«, nýbrž právě naopak *chudák, chudáček, chudinka* (str. 63). Srov. Vuk Rječ. s. v. веселик i to, co bylo řečeno výše při весео. Viz též Милићевић: Зим. веч.³, str. 187: Ja мојему чељадету не дам у кућу удова попа, ти твојему не даш, а ко опере њега, веселника (= *chudáka?*) — Srov. též Лазаревић II, str. 240: Ej, мој веселниче! (= *chudáku!*).

вижља neznačí »nestoudná dívka«; tento podivný význam, který se tak málo hodí do celkové souvislosti (str 65 dole), vznikl nevhodným překladem absolut. komparativu ve Vukovu výrazu puella impudentior (Vuk Rječ. s. v. вижласт и вижлица). Ale i z toho, že Vuk týž výraz vykládá: die viel herumgafft, je patrno, že výraz »nestoudná dívka« je příliš silný. Hodilo by se zde slovo *fiflena*; u nás na vsi by o takovém děvčeti řekli *»ten vejr«*, protože kolem sebe na všechny strany »vejrá«.

викнути коме = »křiknouti na koho, zavolati«. — Toto sloveso se vyskýtá v textu často, ale vždy bez předmětu; pouze jednou má předmět, a to v akusativu: а ја викнух дијете да хвата (str. 34). Kde tedy nalezl vydavatel toto sloveso s dativem? Myslím, že je tu omyl. Na str. 45 čteme totiž větu; Павао... окренув се учитељу викну. Zde však dativ учитељу nevisí na určitém slovese викну, nýbrž jako dativ cíle na participiu окренув се. Proto nikoliv: obrátiv se křikl na učitele, nýbrž: *obrátiv se k učiteli vykřikl.*

виљушке, *pl. f.* = »vidlička«; виљушка není plur. tantum a v *singularu* se vyskytá i v našem textu (str. 71 dole).

врг není »vědro, okov«, nýbrž *menší nádoba* (obyč. z tykve zhotovená), kterou se voda nabírá. Větu: Анока захиће вргом (str. 77 dole) překládá Hudec nesprávně: Anoka chopila se vědra (str. 20), místo: *Anoka nabírá* (vodu z vědra) *menší nádobou.* Vydavatel pak podle Hudce nesprávně vysvětluje jak slovo врг, tak i sloveso захитати = »chopiti«, ač je to v. impf. a značí totéž co захватати, t. j. *nabírati.*

врхати = mlátiti. Sloveso »врхати« v srbskohrvatském jazyku *neexistuje.* Vydavatel si je prostě utvořil podle part. perf. act. врхао (str. 13), k němuž však praesens zní вршем (*vьrch — ą) a infinitiv вријећи (*verch — ti > vrěšti).

гредица (deminut. греда) neznačí »tyčka, bidélko«, nýbrž *stropní trámek* (str. 38).

гријешити се neznačí »hřešiti proti někomu«, nýbrž *prohřešovati se, uvalovati si hřích na duši.* Frázi: баш се човјек гријеши (str. 40) nejlépe odpovídá naše: aby mne Pán Bůh netrestal.

грцати neznačí »popadati dech«, nýbrž *zajíkati se, vzlykati* (str. 31 střed). — Srov. Лазаревић I, str. 94: док није почео са свим грцати.

---

[1]) Srov. Vuk Rječ.; F. Miklosich: Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, Wien 1884; Ђ. Поповић: Турске и друге источанске речи у нашем језику (Гласник срп. учен. друштва, књ. 59, 1884); příklady, z nichž dobře je význam patrný, viz Broz-Ivek. Rječ. s. v.

дахнути (душом) neznačí »dech popadnouti«, nýbrž *oddechnouti si* (spokojeně), když je člověk zbaven něčeho, co ho tížilo, co mu způsobilo starost (str. 52 nahoře).

дићи, дигнем neznačí »vstáti«, nýbrž pouze *zdvihnouti*.

добросрећник neznačí »šťastné dítě«. Tento výraz patří do skupiny eufemistických výrazů (viz výše весео a веселник), které znamenají pravý opak. Vuk Rječ. s. v. praví, že je to eufemismus, kterého užívá matka hubujíc hocha, poněvadž nechce použíti výrazu злосрећник = *nešťastník*. Že však tento eufemismus není omezen pouze na rodinu, dobře ukazuje Милићевић: Зим. веч.[2], str. 145: А прије неки дан, овај наш добросретник (показује главом на капетана у порти) истуче момка на свадби, на правди Бога итд. — Proto i v našem textu (str. 63) výraz добросрећниче značí *nešťastníče* a tak také měl býti uveden ve slovníčku, poněvadž čeština podobných eufemismů nezná.

допадати се = »líbiti se«. Výraz допада ми се značí u Lazarevíće *zdá se mi, myslím*, což je dobře patrno z celé souvislosti. Vydavatel uvádí pouze význam »líbiti se«,[1]) ač to naprosto odporuje smyslu celého místa: тако ми се допада да ће скоро куцнути за ме час (str. 24) = *tak se mi všechno zdá*, že brzy udeří má poslední hodina.

било како му драго neznačí »ať je to cokoliv«, nýbrž *ať je tomu jakkoliv, ať už to je tak anebo onak* (str. 27).

дријети, дерем = mlátiti; zde měl býti uveden též původ. význam *dříti* a místo infinitivu дријети spíše paralelní tvar дерати, který téměř úplně ovládl. Na str. 54 máme imperf. дераше се, jež právě předpokládá tvar дерати се.

дроњо, *a m.*; tak sice Vuk Rječ. s. v., ale v našem textu na obou místech (str. 23, 67) vyskýtá se tvar дроња, *e m.*

ђерам = »táhlo«; tímto všeobecným výrazem je pramálo čtenáři pomoženo, zvláště když ani z celkové souvislosti (str. 33 dole) nijak není patrno, o jaké »táhlo« zde běží. Buď měl vydavatel vysvětliti, co ђерам jest, anebo měl aspoň použíti výrazu *vahadlo* (Ottův slov. nauč. s. v. studně) nebo *»váha studničná, kterouž se voda ze studnice váží«* (Jungmannův slov. s. v. váha).

ђердан; tolary jsou vždy *stříbrné*, nikoliv »zlaté«.

заглабати = »nacpati (dýmku)«. Nesprávný dohad vydavatelův. Sloveso заглабати, v. impf. značí výhradně *vrážeti násilně mezi zuby*, pak *hrýzti, drtiti v zubech*; Vuk Rječ.: зглоб, зглобити, разглабати, углобити. Kromě toho чибук značí u Lazarevíće vždy *troubel*, nikoliv dýmku; a potom — kdopak by si nacpával dýmku, když se chystá vyplatiti ženu? Celá věta, o niž jde (str. 68 nahoře), zněla by v překladě: Ba někdy strčí ruku za pás (t. j. v rozčilení), *zlostí hryze troubel* a chytne hůl v polovici. — Překládá-li tutéž větu Hudec: Jindy opět Arsen vytáhne čibuk a chytiv troubel v půli napřáhá na Anoku (str. 10) — je to pěkná ukázka »volného stilu« překladatelského.

заира neznačí zásoba, nýbrž *potraviny*.

---

[1]) O významu »líbiti se« praví Akad. Rječ. s. v.: po njemačkom gefallen. Pravi je barbarizam, kojega se treba čuvati.

замомчити = »uvésti do společnosti (hocha)«. Sotva vhodný výraz, máme-li na mysli, že se tu mluví o *selském chlapci v srbské vesnici*.

запис = »čtení úředních vyhlášek atd.« — Opět jeden libovolný, ničím nedoložený dohad vydavatelův. Tohoto významu slovo запис nikdy nemá a rovněž na našem místě (str. 40 dole) značí něco zcela jiného. Vydavateli by se byla ukázala nemožnost jeho dohadu, kdyby byl pozorněji přihlédl k celému místu. Vždyť se tam praví, že se код записа shromáždil народ, t. j. celá vesnice i ženy v to počítaje, což při úředním jednání nebývá; a dále věta: а младеж се игра а весели jasně mu mohla ukázati, že tu rozhodně nešlo o »čtení úředních vyhlášek«. — Co značí slovo запис, zcela jasně vysvětluje М. Ђ. Милићевић: Славе у Срба. Београд, 1877, kde se na str. 63 praví: У сваком селу зна се од вајкада по једно место на које се људи збирају кад хоће да држе општинску светковину. Ако у селу има цркве, скупљају се у порту, а ако цркве нема, онда се нађе једно здраво, најчешће родно дрво, и у његовој кори, са западне му стране, изреже се крст, па се после то дрво зове запис, и под њега се скупљају мештани кад хоће да држе какву сеоску славу и весеље. Негде се то дрво већ давно осушило и иструнуло, али је месту, на ком је оно било, остало име запис. — A praví-li Milićević dále (ibid. pozn. 1), že tento strom, který se považuje za posvátný, stává у сред села, pak je vše úplně jasné:[1]) vesničané se shromáždili na návsi *kol stromu* těšícího se posvátné úctě (anebo na místě, kde takový strom kdysi stával), *staří zasedli kol stolu* a vážně rozmlouvají, a *mládež se veselí*. Jaký svátek vesnice slaví, o tom nám autor nic neříká. Snad to byla крста, při nichž po prosebném průvodu za dešť »бива игра и весеље« (ibid. str. 63), snad to byly заветине, o nichž se ibid. str. 71 praví: Младеж игра тај дан и весели се колико јој је срцу драго. — Rozhodně ovšem podnětem k této schůzce a veselé zábavě nebylo — »čtení úředních vyhlášek atd.« — Srov. též Мил. Шапчанин, Туђа крв.: После неколико дана носисмо крста. Искуписмо се по подне код записа пониже општинских кошева. Народ прекрилио целу пољаницу. Сеђасмо за пуном софром и благовасмо. (Романтична приповетка. Време. Б. 1924, str. 202).

запонци = »ozdoby na rukávech košile«. — Tak sice Vuk Rječ. s. v.; ale Милићевић: Жив. С. с.², str. 36: У новије време почели су сељаци носити рукаве с убраним зарукављем, и са запонцима, налик на оне у кошуља куповних. Podle toho запонци (text str. 78) jsou prostě naše *manžety*, t. j. našité konce rukávů upravené k zapínání. To určitě potvrzuje týž autor v Зим. веч.², str. 271: рукав, на ком има запонке тесно запете око руке повише шаке итд. A jedině v tomto smyslu užívá se i dnes tohoto výrazu na srbském venkově. — Srov. též Лазаревић II, str. 179: на запонке с дугметима као коњске плоче (= manžety s knoflíky jako koňské podkovy) nebo Лазаревић II, str. 210: запонке од хартије (= papírové manžety).

---

[1]) Srov. též Vuk Rječ. s. v. запис 2, крста 2, завјетина 2; Broz-Ivek. Rječ. s. v. zapis 2; Akad. Rječ. s. v. крста; Милићевић: Жив. С. с.², str. 127: Крста и крстоноше.

захитати (v. impf.!) neznačí »chopiti«, nýbrž *nabírati*. Viz výše při врг. — Srov. Лазаревић I, str. 148: неће одмах да **захита** лажицом (= nechce ihned nabírati lžicí).

зачеље neznačí »kozlík (u vozu)«, nýbrž právě *zadní sedadlo* ve voze (str. 47).

збег neznačí »sběh uprchlíků«, nýbrž *místo ukryté v odlehlých, nepřístupných lesích nebo horách*, kam se uchylovali starci, ženy a děti s dobytkem a nejcennějším majetkem, když byla krajina ohrožena Turky. Tento збег poskytoval obyvatelstvu útočiště často po značně dlouhou dobu, dokud v kraji nenastal opět klid, zde se primitivně zařizovali, zde lidé umírali (srov. naše místo str. 64 dole) a děti se rodily, sem se vraceli muži ranění v boji atd.

збрчкан neznačí »zmatený«, nýbrž *svraštělý, vráščitý* (str. 72 střed).

изгрејати neznačí »vyblednouti«, nýbrž a) *ohřáti*, b) *vyjíti, vystoupiti* (o slunci, měsíci). Srov. podobný význam slovesa огрејати i Akad. Rječ. s. v. izgrijati, kde i doklady. Jest opravdu záhadou, jak došel vydavatel k významu »vyblednouti«, který se přece naprosto nehodí do souvislosti a ve kterém se toto sloveso vůbec nikdy nevyskýtá! Snad myslil, že výraz **на подне** (месец изгрејао на подне. str. 74) značí *v poledne*, kdy měsíc, je-li vůbec na obloze, jest ovšem bledý. Ale naše věta značí: *Měsíc kulminoval, vystoupil do poloviny své dráhy*. anebo: *Měsíc stál uprostřed nebe.*

изобличити neznačí »obviniti«, nýbrž *veřejně pokárati* (str. 14). Tohoto hesla Vuk Rječ. nemá, ale srov. Ђ. Поповић: Реч. срп. и нем. јез. s. v.

исплакати се = »vyplakati se«. — Tohoto slovesa v celém textu nemáme. Ale na str. 74 ve větě: Мисли... изаперу се, **исплачу** máme tvar **исплачу се**, který vydavatel, zcela mechanicky a ovšem chybně, spojuje se slovesem uvedeným ve slovníčku. Ale tento tvar jest od slovesa **испла́кати, ѝсплачем** v. pf. = a) vypláchnouti, b) v. reflex. = *pozbýti síly;* na př.: бермет се исплакао (ztratil sílu, téměř se již ve víně necítí); земља се исплаче (půda se »vymrská«). Srov. Vuk Rječ.; Broz-Ivek. Rječ. i Akad. Rječ. s. v. A tak na našem místě místo: *Myšlenky... pozbudou své určitosti a síly (jasnosti)* — bude žák chybně podle slovníčku překládati: Myšlenky... se vyperou, vypláčí. — A bude-li jen trochu otevřená hlava, jistě se bude tuze diviti, jak prapodivně se ti srbští spisovatelé vyjadřují... Srov. Лазаревић II, str. 13: Али заспати му се никако не даде. Већ настаје она **испла̂каност** у мислима, и већ му почиње бивати равно све до мора, али сан никако да га обори.

испрекрштати се̑ jest v. pf.!

испросити neznačí »vyprositi dívku« (tak i Hudec, str. 7); u nás se o dívku prostě *říká*.

јевтика neznačí »souchotinář« (tak i Hudec str. 11), nýbrž *souchotiny*.

јечати -им neznačí »vzlykati, stenati«. Vydavatel zde zkontaminoval dvě různá slovesa, jež obě jsou v našem textu: 1. **јечати -им** (str. 16) = a) hlučně se ozývati, b) *ječeti, křičeti;* 2. **јецати -ам** (str. 75) = *vzlykati.*

кајмак neznačí pouze »smetana, škraloup«. Při tomto výkladě bude se žák s oprávněným podivem ptáti, jak asi kmotr Ninko (str. 32) dopravil do Bělehradu na svém vozíku »hrnce smetany«, anebo co asi potom v Bělehradě dělali s »hrnci škraloupů«. Ale кајмак je *kajmak*, t. j *smetanový sýr*, který se sice připravuje ze smetanových škraloupů nesbíraného svařeného mléka — ale proto již není ani »smetanou« ani »škraloupem«.

како neznačí »jako«, nýbrž *jak*. — Tuto chybu tuze nerad vidím ve vydání určeném pro účel učebný. Každý učitel srbochorvatštiny jistě potvrdí moji zkušenost, jaké potíže působí s počátku žákům správné rozlišování významu příslovcí како (jak), као (jako) i као што (jak i jako). A zde žák najde opět svou chybu, které se již snad odnaučil, jak se říká, »černé na bílém«!

камара nikdy neznačí »pecen (sýra)«, nýbrž vždy jen *hromada, množství*. Srov. Vuk Rječ. i Akad. Rječ. s. v. — O omylu, který přiměl vydavatele k uvedení tohoto nesprávného významu, viz dole při сирчев.

качара = »bouda, kde stojí káď pro švestky«. — Při tomto výkladě sotva žák pochopí, jak a čím se mohl Arsen v této »boudě« opíti.

коморџија neznačí »vojenský sluha«. — Tento význam vynalezl Hudec (str. 58) — kombinuje patrně s němec. Kammerdiener — a vydavatel jeho vynález klidně převzal do slovníčku. Ale коморџија (str. 58) je *kočí* (војник неборац!), který jde s »komorou«, t. j. s vozy vezoucími potraviny a střelivo za srbským vojskem.[1]) Srov. Vuk Rječ. s. v. комора 2.

креветац neznačí »postel, pelesť«, nýbrž předně — jako deminut. od кревет (srov. креветић) — *postýlka* (str. 39). Toto slovo má však ještě jiný význam. Značí totiž *prostou pohovku* (миндерлук), vlastně širokou lavici, na níž je položen plochý, slamou plněný polštář. Srov. С. Сремац, Поп Ћира и поп Спира. С. К. З., 136, 1911, str. 134, kde je dobře patrný rozdíl mezi кревет a креветац.

кудјеља neznačí »koudel«, nýbrž *konopí*. Viz výše při брати.

лепиња = »dlouhý, úzký chléb«. Tak sice Vuk Rječ. s. v., ale obyčejně se tímto výrazem označuje *placka* z chlebového těsta, naše *podplamenice* (str. 32). Srov. С. Сремац, П. Ћ. и п. С., str. 135.

милостиван značí sice »milostivý, milosrdný«, ale slavík (str. 49, kde jedině se tento výraz vyskýtá) nezpívá ani milostivě ani milosrdně, nýbrž *líbezně*. Zde милостиван = милостан.

макнути neznačí »hnouti se«, nýbrž *hnouti něčím;* též chyba při маћи a dále při мрднути (str. 57, 66).

мишица neznačí »rámě« (= раме), nýbrž *paže* (str. 54).

море! = »rčení, jimiž (?) se označuje stařešinství; brachu! viz бре!« — Z tohoto výkladu sotva bude žáku jasno, v jaké souvislosti jest interj. море se stařešinstvím. A najde-li ve slovníčku, že бре = *ha!*, málo mu to pomůže. Vydavatel měl — a snad i chtěl — říci, že výrazů море! i бре! může použíti pouze starší vůči mladšímu, a nikoliv naopak.

---

[1]) Naše vozatajstvo čili oboz nazývá se v současné organisaci srb. vojska „возарски ескадрон“.

To je pochopitelné, ježto oba tyto výrazy (z řec. *μωρός*) značí původně: *bloude!* nebo *hlupáku!* Časem ovšem oba poklesly na pouhou interjekci, které nejlépe odpovídá naše interj. *jářku*.

мyштyлyк, нa мyштyлyк neznačí »na pozdrav, na uvítanou«, nýbrž naopak: *aby podal zprávu.* Podle toho jezdec (str. 27) nepobodl koně ani »na pozdrav« ani »na uvítanou« popovi, jak myslí vydavatel, nýbrž, jakmile spatřil kočár provázený jezdci, otočil koně a uháněl do města, *aby tam dal zprávu*, že biskup přijíždí. Omyl vydavatelův je ještě patrnější na str. 46, kde by podle něho písař utíkal »na uvítanou« popovi, ačkoliv pop byl doma a do vsi přijížděla popova Mara. — Slovo je původu tureckého a značí původně *dobrá zpráva.*[1])

намјештање neznačí »postupování,« jak přeložil Hudec (str. 48) a převzal vydavatel. Jest to substant. verb. k slovesu намјештати, jež značí *hledati slova v řeči, strojeně mluviti.* Podle toho i намјештање značí hledanost, strojenost v řeči, *neupřímnost, přetvářka* (str. 46).

намћор neznačí »větroplaška,« jak opět vydatel převzal z Hudce (str. 13). Toto slovo přešlo do srbštiny prostřednictvím Turků, ale je původu perského, kde značí: *ten, jenž nevidí* (k'or = slepý) *chleba* (= nan,) *který se mu dává*, t. j. ten, jenž zapomíná na prokázaná mu dobrodiní, *nevděčný.*[2]) Význam tohoto slova se ovšem rozvinul dále a označuje člověka, který je nadutý, nevlídný, protivný, hašteřivý a svárlivý, který s ničím není spokojen, nýbrž vše nespravedlvě kritisuje. Snad by tomuto pojmu odpovídalo naše spojení: *neuznalá a hašteřivá*, nebo: *protiva hašteřivá* (str. 70).

наокришке neznačí »potajmu, po očku,« poněvadž tak ani učitel nepřistupoval ke stolu (str. 42), ani lidé nevycházeli ze světnice (str. 37). Zde by se hodilo: *obloukem, oklikou, stranou, „šejdrem."* — Srovnej Лазаревић I, str. 159: Онда погледа Тиму, па опет спусти очи и приђе му наокришке, nebo Лазаревић II, str. 269: промицаше наокришке поред њега. Srov. též Поповић: Реч. срп. и нем. јез. s. v. наокришке ићи, schräg, in die Querre.

нафора neznačí »hostie,« jak bylo již výše ukázáno. — Srov. ještě Лазаревић II, str. 226, 249 a zvláště С. Сремац, П. Ђ. и п. С., str. 62 a dále str. 65.

огледати neznačí »ohlížeti se«; viz výše věty s да.

оговарати neznačí »přimlouvati se,« ale mohlo by značiti — a to v nár. písni — »omlouvati někoho.« — Tak má Vuk Rječ. s. v., který spojuje toto sloveso se slovesem одговарати (excuso, defenso), taktéž Broz-Ivek. Rječ. s. v. Ale v živém jazyku obrátil se významový vývoj tohoto slovesa směrem zcela opačným. Postup byl, myslím, tento: оговарати = говорити о коме > рђаво говорити о коме = *pomlouvati*. Tento význam, jedině známý v dnešním živém jazyku, má již Поповић: Реч.

---

[1]) Srov. A. C. Barbier de Meynard: Dictionnaire Turc-Français, Paris, 1881, s. v. muchtuluq i muchtulamaq; F. Miklosich: Die tür. Elem. s. v.; Vuk Rječ s. v. муштулугџија, муштулук i женидба; Broz-Ivek. Rječ s. v.

[2]) Srov. Meynard o. c. s. v. namkeur; Miklosich o. c. s. v. nan k'or; Ђ. Поповић: Турске речи s. v. намћор. Na všech třech místech je uveden pouze původní význam: nevděčný.

срп. и нем. jeз *(verleumden;* entschuldigen) a jedině v tomto významu je sloveso v našem textu str. 67: Její švagrové ji *pomlouvaly* mezi sebou, ale chránily a bránily před staršími a cizími.

оскакати neznačí »přeskakovati.« Srov. Vuk Rječ. s. v. оскакати i одскакати. — Na našem místě (str. 41) použil Lazarević tohoto slovesa ve smyslu něm. abstechen, našeho *vynikati, odrážeti se, vyjímati se.* Tedy: Podivně (vráska) *vyniká* na mladém obličeji — a nikoliv »přeskakuje«, jak radí slovníček. — Srov. Лазаревић II, str. 99: Коса и обрве биле су joj плаве, те je зар тим више одскакало оно црнило (= tím více *vynikala* černá barva očí).

осоколити značí sice »dodati odvahy, zmužiti,« ale neznačí »zmužiti se«. — Lazarević užívá tohoto slovesa jakožto slovesa nepřechodného s významem *ukázati se, nedati se zahanbiti.* V tomto významu je sloveso v našem textu na str. 27: и наш поп осоколи туна a rovněž i na druhém místě, Лазаревић II, str. 170: Али и он je осоколио. Читав дукат даде манастиру итд.

отхукивати neznačí »odfukovati,« nýbrž *vydávati zvuk hu!*, který jest u Srbů výrazem bolestí, tísně, starostí, soucitu jako naše ach! Slovesa отхукивати naše slovníky neuvádějí; proto je nutno vycházeti od prostého хукати. Srov. Vuk Rječ. s. v. хукати i укати; Broz-Ivek. Rječ. i Akad. Rječ. s. v. hukati = plorare, lamentari, jaukati, lelekati; Della Bella: deploro, gemo, suspiro; Voltiggi: lagnarsi, sospirare, seufzen. Podle toho ženy po pohřbu popovy ženy (str. 19) *bědují a vzdychají,* ale »neodfukují,« jak uvádí slovníček. — Srov. Лазаревић I, str. 84: пролазе на прстима покрај велике собе и само отхукуjу – исто онако као да ми je стриц умро; srov. též С. Сремац, П. Ђ. и п. С., str. 97 i str. 100.

пастрма neznačí »slané maso«, nýbrž *uzené maso hovězí, ovčí nebo kozí* (str. 32).

пjесмарица neznačí »zpěvník«, nýbrž *sbírka národních písní* (str. 30).

плаштаница neznačí »pokrývka«, jak již bylo vyloženo.

пљувачка neznačí »hlen«, nýbrž *sliny* (str. 24).

поводећи се уђе naprosto neznačí »sebevědomě, nevšímavě vešel«. — Kdyby byl vydavatel jen poněkud přihlížel k souvislosti, jistě by si byl uvědomil, že jeho výklad — ostatně nikde nedoložený — je zhola nemožný, protože bylo jistě málo sebevědomí a málo nevšímavosti vůči vesničanům v starém popu, který se vracel s pohřbu své ženy(str. 24). — Ale поводити се (srov. též наводити се) v. impf. i повести се v. pf. značí *potáceti se, vrávorati, motati se.* Srov. Broz.-Ivek Rječ. s. v. 2 b. Dva vhodné doklady podává opět Milićević, který je vůbec nezbytnou pomůckou k správnému porozumění jazyku Lazarevićovu, ve své sbírce Зим. веч.[2]: Старац и баба се уставише, све се око њих окреташе; они се чисто повођаху (*přímo se motali*) не умejући ићи (str. 119); Опалих! Он се поведе *(zapotácel se*): погодио сам га! (str. 183). Že i v současném jazyku se sloveso vyskytá v tomto významu, ukazuje tento doklad: Стojaн В. Живадиновић: Догађаjи и људи, Београд, 1924, str. 93 praví o opilcích: Махали су нам капама и по-

водили се устрану ширином целе улице. — Srov. též Лазаревић II, str. 255: Само што, поводећи се (= *vrávorajíc*), учини још један корак итд.

поглéдати се jest v. impf.! — Proto nikoliv »pohlédnouti na sebe«, nýbrž na str. 15: поглéдају се испод очију = *pohlížejí na sebe po očku, pokukují po sobě.* Výraz испод очију marně bude žák hledati. Rovněž v. pf. пòгледати се (tamže o tři řádky níže a na jiných místech) ve slovníčku není, ač právě zde měl žák býti upozorněn, že se v tomto případě v. impf. liší od v. pf. pouze akcentem. Ale zdá se, že právě tato věc nebyla vydavateli dosti jasná — viz výše při оглéдати.

подавити = »podvinouti« — Vuk Rječ s. v. má sice »unter etwas wickeln«, ale v našem textu (str. 76) výraz подави ноге znací *zkřížil pod sebou nohy* (t. j. sedl si po známém orientálním způsobu), nikoliv »podvinul« nohy. — Srov. Лазаревић II, str. 260: Старији поседаше на миндерлуке, подавише ноге итд.

поприлично neznačí »asi«, nýbrž *poněkud, tak trochu* (str. 62).

посветила ти се! — viz výše v poznámkách.

потуцати je v našem textu (str. 23) v. reflex.!

пошто neznačí »jakmile«, nýbrž *když,* nebo *poněvadž.* Vuk Rječ. s. v. správně vykládá lat. posteaquam, jež nikdy neznačí jakmile. Srov.: Сад, пошто ја кажем (str. 79).

превалити очима = »křivě se podívati«; tak má sice Vuk Rječ. s. v., ale běžný význam této fráze jest *obrátiti po kom oči, změřiti očima koho* (str. 61):

презријевати jest v. impf.! (str. 11).

препона neznačí »lišta«, nýbrž *slabiny.* — Vydavatel popletl němec. výrazy die Leisten (= *slabiny*), což našel ve Vuk. Rječ. s. v., a die Leiste (= *lišta*).

пресвиснути neznačí »zkoprněti«, což vydavatel převzal z Hudce (str. 48), ani »z kůže vyletěti, zlostí puknouti«, nýbrž *zajíti, zahynouti;* a to nikoliv nemocí, nýbrž bolem, zármutkem, steskem, touhou. Tak str. 46. Naše slovníky tohoto hesla neuvádějí. Ale srov. na př. Д. С. Николајевић: Многаја љета, Б., 1925, str. 69: То не ваља што не плаче, може да пресвисне — praví se o matce, která při smrti synově není s to, aby si ulevila pláčem. — Srov. Лазаревић I, str. 70: Кад се он што обрецне, а она да свисне од плача, nebo Лазаревић I, str. 32: Плаче неких пута да свисне.

пристати уз neznačí »stanouti při, přistoupiti« (srov. Vuk Rječ. s. v.), nýbrž *připojiti se k někomu* (*něčemu*), *kdo* (*co*) *je v pohybu,* srov. пристајати. Tak поп пристаде уз кола (str. 23) nikoliv »pop stanul při voze«, nýbrž: *připojil se, vykročil zároveň s* (*jedoucím!*) *vozem, šel podle vozu* Podobně за њима пристадоше још неколико кола (str. 52) = za nimi *se připojilo* (*vyjelo*) ještě několik vozů. — Ale na str. 23: сви присташе (t. j. на то; sloveso v přenes. smyslu) = všichni na to *přistoupili,* s tím *projevili souhlas, souhlasili.*

просијецати je v. impf.! (str. 50).

прснути naprosto neznačí »prsknouti«, nýbrž *prasknouti, puknouti*; *vybuchnouti* (i v přeneseném smyslu: *rozzlobiti se, rozčiliti se*).

Či snad si vydavatel přeje, aby větu: Ђеда прсне неких пута за најмању ситницу (str. 65) žák překládal: Děd prskne někdy pro nejmenší maličkost?

иħи у раскорак neznačí »šmaťhavý«, jak vydavatel převzal z Hudce (str. 22), nýbrž *choditi rozkročmo, s nohama od sebe* (str. 11). Srov. Vuk Rječ. s. v. раскорак = incedit ut herniosus.

сеоски neznačí »selský«, nýbrž *vesnický;* na př. сеоску дјецу (str. 13).

»сирчев adj. od сирац sýrec«. — Ačkoliv se adjektiva possessiva nikdy netvoří od jmen věcí,[1]) což je zcela přirozené, přece vydavatel vidí takové adjektivum ve spojení: Ту је камара сирчева (str. 32), jež chce překládati: Tu je pecen sýra (vlastně: Tu je sýrcův pecen!). — Ale zde tvar сирчева naprosto není adjektivum, nýbrž genitiv plur. substantiva сирац — nom. pl. сирчеви — genit. pl. сирчēвā. Tento genitiv plur., jakožto genitiv partitivní, visí na nominativu камара (= hromada, spousta, množství) právě tak jako dalších šest partit. genitivů (колāчā... пастрме), jež by jinak — kdyby ovšem výklad vydavatelův nebyl základně mylný — všechny visely prostě ve vzduchu! Proto nutno celé místo přeložiti: *Tu je spousta malých sýrů, koláčů s povidly* atd. — Srov. Лазаревић II, str. 168: била су пуна кола којекаквих ђаконија: о сирчева, о пилића, о воћа, о меда, о погача, о кајмака итд.

сједити = »bydleti«; tohoto tvaru (podle Vuka IV. tř. sloves.) užívá Lazarević v povídce Школска икона, která jest psána již. nářečím; srov. tvary сједили смо (na str. 17); који су сједили (na str. 34). Význam »bydleti« má zde toto sloveso pouze jednou (str. 34), kdežto na ostatních devíti místech značí *seděti.* Tvaru сједјети[2]) (III. tř. sloves.), který jest též zvlášť uveden ve slovníčku s významem »seděti, bydleti«, náš autor vůbec nepoužívá. Kde jej asi vydavatel nalezl? V druhé povídce psané východ. nářečím nutno předpokládati tvar седети, ale ten ve slovníčku není.

срмали јелек neznačí »stříbrný živůtek«, nýbrž živůtek *vyšívaný stříbrem.*

стајаħак (војник) neznačí »pravý, od kosti (vojín)«. — Prvý význam se nehodí již proto, že v textu (str. 61) se již praví: прави војник стајаħак. Ale војник стајаħак je voják, који служи стајаħу војску (stehendes Heer!), *který slouží aktivně.*[3]) Ostatních pět členů zádruhy bylo у народној војсци (srov. str. 27), která se svolávala jen v případě potřeby.

стизати značí sice *dostihovati,* ale nikoliv »přicházeti«. Srov. Vuk Rječ. s. v.: erreichen, assequi. V našem textu: свуда је стизао (str. 13) značí jedině: *na vše stačil, vše dovedl zastati.* — Srov. Лазаревић II, str. 54: И опет свуда стигну, и знају кад је чему

---

[1]) Jediné dva příklady (jugov a mrazov), jež uvádí Leskien: Grammatik der s.-k. Sprache, § 533 c), zakládají se na personifikaci. O adjektivech od názvů rostlin (makov, lipov, borov itd.) tamže § 539.

[2]) Srov. Maretić, Gram. i stil., § 288 e.

[3]) dnes se říká: служи сталан кадар. — Srov. též С. Сремац: Ивкова слава. С. К. З. 55, str. 74: Војник сам, служија сам и у стојаħну војску кад беја' у Београд итд.

време и прилика: A přece *na vše stačí (vše to zastanou)* a vědí, kdy je k čemu čas a vhodná příležitost.

стрпати се neznačí »schouliti se«, nýbrž *vtlačiti se, vecpati se, vmáčknouti se.*

ступити на снагу může sice značiti »vejíti v platnost«, ale nikoliv v našem textu, kde větu: кад она (t. j. Мара) ступи на снагу (str. 31) jest nutno přeložiti jedině: *až ona doroste, dospěje.*

судити коме naprosto neznačí »svoliti« (převzato z Hudce, str. 10), nýbrž *souditi, trestati někoho, zakročovati proti někomu, začiti s někým.* Viz výše v poznámkách o větách s да. — Srov. Лазаревић II, str. 218: Ја ћу њему већ судити (= Já už ho *potrestám*; já si to už s ním vyřídím, spravím).

требовање značí sice »potřeba«, ale pouze v abstraktním smyslu. Srov. Vuk Rječ. s. v.: indigentia, usus; das Brauchen, Vonnöthenhaben; Broz-Ivek. Rječ.: stanje, koje biva kad komu što trebuje ili ko trebuje šta. — V našem textu výraz: ићи по требовање (str. 59), kterého užívá коморџија Ilija, jest vojenský terminus techn. a značí: *jeti pro příděl* (= die Fassung, il prelevamento). Srov. Момчило Милошевић: Пролазници, Београд, 1924, str. 57: Господин наредниче, писар је направио требовање (= písař udělal příděl, t. j. vyplnil přídělový list).

туњез naprosto neznačí »zde, tu«, nýbrž *nemehlo, nemotora, budiž k ničemu, tupec, hlupák, »truhlík«* a podob. Srov. Vuk Rječ. s. v. туњав i туњавост. Naše slovníky výrazu туњез neuvádějí, ale vydavatel by se byl uvaroval tohoto jistě nemilého nedopatření, kdyby jen byl přihlížel k druhým povídkám Lazarevićovým, kde se týž výraz kromě našeho místa (str. 69: Арсен, туњез, скамени се итд.) ještě dvakrát opakuje. Srov. Лазаревић I, str. 89: Ниси ти неки туњез, као што има људи, i Лазаревић II, str. 215: Један од ових шегрта, миран туњез, с дебелим уснама итд.

убоговетно naprosto neznačí »znamení věštné, pamětná, zvláštní známka«. — Jest věru záhadné, jakou asi kombinací došel vydavatel k tomuto již na první pohled podivnému významu![1]) Jak by čutora se slívovicí (str. 60) mohla býti »znamením věštným« atd.? A věc je přece tuze jednoduchá; убоговетно není substantivum, naprosto nemá uvedeného významu, nýbrž je to časové adverbium složené z předložky у i adverbia боговетно (jako у-тврдо, по-о(д)-давно, из-о(д)-давна, по-истиха v našem textu) a značí *po celý boží čas, věčněvěkův, ustavičně.* — Adverbia убоговетно naše slovníky neuvádějí, ale adjek. боговетни má Vuk Rječ. i Akad. Rječ.; vzniklo z богов (srov. i боговит v Akad. Rječ.) touž augmentativní příponou jako istovetan z istov, i jako analogické tvary ciglovetan (= cigli) a dugovetan (= dug).

удавити (doplň: се) = »udusiti se«. — Ale jak přeložiti větu: Он се удави под њеним вратом, па је дохватио за руку и привлачи врљикама и себи (str. 61 dole)? Rozhodně nemá pravdu slovníček, že se Arsen »udusil«, a docela již nemá pravdu Hudec, který překládá: Chytil Anoku kolem krku a rukou druhou i rýčem (?!) táhl ji k sobě (str. 4). Rovněž

---

[1]) Hudec týž výraz překládá slovy: sama do domu vyzývajíc (str. 3).

nemůžeme překládati: Počal ji líbati pod hrdlo, div se neudusil, poněvadž se teprve dále praví: chytil ji za ruku a táhne ji k plotu i k sobě. — Ale удавити се značí též *utopiti se* a tento výraz v přeneseném smyslu blíží se výrazu изгубити се, t. j. ztratiti vědomí toho, co se kolem děje, ježto pozornost je upřena výhradně jedním směrem.[1]) Uvedené místo mohlo by se tudíž přeložiti: *Jako omámený zakoukal se* jí pod hrdlo (t. j. na prsa), pak ji uchopil za ruku atd.

устурити се neznačí »postaviti se«. Sloveso устурити uvádí Vuk Rječ. i Broz-Ivek. Rječ. s významem hoditi, přehoditi nazad; устурити се pak značí *nakloniti rychlým pohybem trup dozadu* (t. j. přestati seděti shrbeně), *vypnouti prsa*; tak na str. 70: Господствено се устури.

чакља značí »hák«, ale nikoliv »při nošení věder, kotlů« — vydavatel snad myslel na prohnuté dřevo (обрамица, обрамница), na jehož koncích se nosí po vědru — nýbrž veliký hák na dlouhé tyči, kterým se loď odráží nebo přitahuje ke břehu, anebo (v našem textu str. 53), *kterým se při požáru strhují hořící došky a trámy*.

чардак neznačí »chatrč«. Kde by se také vzala na dvoře statku »chatrč«, a to chatrč tak chatrná, aby jejími latěmi mohl Pavel (str. 48) pozorovati popovu Maru? Чардак je menší stodůlka, sroubená (obyčejně na podezdívce) z trámů, se stěnami z latí, aby vzduch měl do ní volný přístup, do které se ukládají ještě neodrolené kukuřičné klasy. Srov. Vuk Rječ. s. v. 3.; Akad. Rječ. s. v. d.; srov. též Вељко Петровић: Приповетке, Срп. књиж. задр. Бр. 185, 1925, str. 54: Кад се не бисмо играли у штали или се не бисмо котрљали по бреговима од неокрућених кукуруза по чардацима итд.

џери́ма (nikoliv џѐрима) neznačí »baba«, jak vydavatel opět převzal z Hudce (str. 11), nýbrž *trápení, soužení* (str. 68). — Slovo převzaté z turečtiny je původu arabského a značí původně *pokuta, trest.*[2]) V tomto smyslu jest ještě toto slovo v prvním dokladě Akad. Rječ.: platiti džerime pô groša. — Časem se však význam tohoto slova pozměnil a rozšířil, takže počalo značiti *něco nemilého, nepříjemného vůbec*, tolik co мука, беда, невоља — *trápení, soužení* V tomto významu již nalézáme naše slovo u Milićeviće: Зим. веч.[2] str. 220: Да скинем, кмете, ову џериму (tohle trápení) с врата. Чисто не умем да говорим — prosí starostu sedlák Mrma, kterého dopadli při krádeži a kterému zardouseného krocana pověsili jako corpus delicti na krk. Srov. též: Нека му џерима јесте! = Něco ho souží, trápí.

шиљта, *e b.* (?) = »houně«; slovo toto především zní шиљте, a n. (str. 73: ђедино шиљте) a neznačí »houně«, nýbrž podélný, vatou nebo

---

[1]) I u nás se řekne »seděl tam jako utopenec« o člověku, který na př. ve společnosti se neúčastní hovoru a již celým svým vzezřením ukazuje, že je myšlenkami někde jinde a že ani nevidí ani neslyší, co se kolem něho děje.

[2]) F. Miklosich o. c. s. v. džérimé; A. C. B. de Meynard o. c. s. v. djerimè = amende i djerimè vermek = payer l'amende; Ђ. Поповић o. c. s. v. џерима = глоба; Алекса Поповић-Сарајлија: Речник срп.-тур. и тур.-срп., Београд, 1899 s. v. џериме = новчана глоба; Akad Rječ s. v. ǵeríma, kde i dva doklady. Zde uveden pouze původní význam: глоба.

vlnou naplněný *polštář*[1]) nebo spíše *matraci*, která se pokládá na minderluk (prostá, dřevěná pohovka) a na níž se sedí nebo leží.

шљива neznačí »slíva« (tak i Hudec, str. 3), nýbrž *švestka* (str. 60).

Tak asi by bylo nutné jednak doplniti a jednak opraviti slovníček, jemuž mělo býti věnováno tím více péče, čím méně bylo v poznámkách dbáno toho, aby se žáku umožnilo porozumění syntaktickým a fraseologickým zvláštnostem srbského jazyka. Ale i zde je dosti věcí, které vydavatel neuvedl, a v tom, co uvedl, dosti je omylů.

Ještě bych upozornil, že ve slovníčku na některých místech je vytištěno ЛЬ místo љ (sedmkráte) a НЬ místo њ (čtrnáctkrát). Ať již byla jakákoliv příčina, proč se tyto stopy předvukovské grafiky do slovníčku dostaly a proč v něm zůstaly, mělo na to býti upozorněno aspoň dodatečně, aby se žák nedivil, proč se některá slova píší s љ a њ, a jiná opět s ЛЬ a НЬ.

* * *

Již po několik roků slibované státní vydání textu Lazarevićova bylo u nás očekáváno s živým zájmem a velikými nadějemi, že se nám konečně dostane vhodné a spolehlivé pomůcky k studiu jazyka srbskochorvatského. Nevím, může-li se — po tom všem, co jsem uvedl — říci, že se tyto naděje plně splnily. Mělo-li by toto vydání býti spolehlivou pomůckou učiteli a dobrým vodítkem žáku, muselo by býti vypraveno a zpracováno přece jen jinak. Je staré pravidlo, že nemáme u žáků mnoho předpokládati; a dokonce již nesmíme u žáků začátečníků, které teprve učíme skloňování a časování, předpokládati, že bez vysvětlení porozumějí zvláštnostem srbské skladby a fraseologie. A se zřetelem k našim poměrům, kde vyučování srbochorvatštině je teprve v počátcích, řekl bych, že nesmíme mnoho předpokládati ani u učitelů, dokud všichni neprojdou systematickou universitní školou. Nechci těmito slovy nikoho podceňovati, nýbrž pravím to výhradně na základě své vlastní trpké zkušenosti jako dlouholetý učitel tohoto jazyka a mám při tom na mysli, jak pracně a těžce jsem sám začínal, ačkoliv jsem před tím delší dobu v Srbsku prožil.

Rovněž nesmíme spoléhati na to, že příbuznost českého a srbského jazyka může nahraditi potřebné vysvětlování různých obratů a frází. Pravda, příbuznost tu jest a do jisté míry nám pomáhá, ale vývoj jednoho i druhého jazyka šel zcela jiným, svým vlastním směrem. Měl jsem příležitost na jiném místě (ČMFL, XII, str. 231) a s jiného hlediska upozorniti na tyto věci i ukázati, jak se často špatně vyplácí spoléhati na tuto příbuznost.

Práce p. dra Paula je prvním pokusem v tomto oboru, pokud se týče srbochorvatštiny. Škoda, že se vydavatel neřídil jinými pracemi podobnými. Jako výborný vzor mohly mu posloužiti i u nás dobře známé a příznivě oceněné práce profesora bělehradské university p. dra Radovana Košutiće,[2]) které přímo ideální formou podávají žáku vše, čeho potřebuje,

---

[1]) A. C. B. de Meynard s. v. chiltè: petit coussin de coton; А. Дювернуа: Словарь Болгарского языка, Москва, 1889: Petit matelas rempli ordinairement de coton.

[2]) Примери књижевнога језика пољског, Београд, 1902; Примери књижевнога језика руског, Београд, 1910, 2. vyd. 1911.

aby úplně porozuměl příslušným textům beze všeho tápání, bloudění a dohadování.

Ve své recensi snažil jsem se vysvětliti, doplniti a opraviti vše, co jsem pokládal za nezbytné nebo potřebné. Přál bych si upřímně, aby moje práce nebyla považována za nic jiného, než za poctivě míněný příspěvek k hledání správné cesty a metody, jež by našincům usnadnila studium srbskochorvatského jazyka a umožnila jim pochopení silné a svérázné národní duše, která v tomto jazyku nalezla svůj výraz.

Otakar Kolman.

Ludoznawstwo polskie w latach 1922—1925.

(Dokończenie.)

VIII. Literatura.

W zakresie literatury ludowej notujemy szereg przyczynków.

Najwięcej zajęcia budziła nadal pieśń ludowa. A. Chorowiczowa *Problemy i metody badań nad pieśnią ludową* Lud XXI, 1922, 165—178 przedstawia pokrótce dzieje badań nad pieśnią, kierunki dzisiejszych prac, omawiając odnośną literaturę obcą, przedewszystkiem niemiecką i prace polskie (zapominając dodać, że pierwszym metodycznym badaczem pieśni ludowej w Polsce był J. Karłowicz). J. S. Bystroń ogłosił dalsze przyczynki monograficzne, a mianowicie *Uwagi nad dziesięciu pieśniami ludowemi żydów polskich* Archiwum Nauk Antropologicznych I, nr. 10 Warszawa 1923, str. 16, stwierdzające wpływ polski czy ruski na szereg pieśni żargonowych, a dalej *Pieśń o dziewczynie i przewoźniku* Lud XXII 63—71 stwierdzając, że pieśń ta znana w tekstach polskich, słowackich, ruskich i niemieckich jest przekształceniem legendy o św. Marji Egipcjance. Tegoż autora *Pieśń o zbójniku i jego żonie*, Prace i materjały antrop. archeol. i etnogr. IV, 59—93 zajmuje się szeroko znaną karpacką pieśnią o zbójniku, który zabija żonę; jest to pieśń przypuszczalnie południowo-karpackiego pochodzenia. W popularnym zbiorze »Bibljoteczki geograficznej Orbis« serja III, tomik 3, wydał Bystroń *Pieśni ludu polskiego* Kraków 1924, str. 154, ujmując pokrótce całokształt, opisując rodzaje pieśni, związek ich z życiem narodu i stosunki do sąsiadów. Zagadnieniu wpływów zewnętrznych w powstaniu pieśni poświęcony jest przyczynek tegoż autora *Wpływy pieśni szlacheckich w poezji ludowej* Lud XXIII, 112—126, kontynuujący badania zaczęte przed laty przez Windakiewicza nad wpływem swawolnego erotyku staropolskiego na twórczość ludową. Osobno wydana (tegoż) *Historja w pieśni ludu polskiego* Warszawa (1925), str. 117 zbiera nieliczne, ale znamienne dla światopoglądu społecznego ludu pieśni opierające wojny tureckie czy szwedzkie, rozruchy religijne itd. Wł. Bugiel omawia porównawczo zawodzenie nad zmarłym, w Polsce zresztą już zupełnie rzadkie, *Lamentowa grupa pieśni pogrzebowych*, Przemyśl 1925, str. 28.

Pieśni góralskiej poświęcony jest zajmujący szkic J. Kantora *Pieśń ludowa Podhala* Rocznik podhalański, Zakopane-Kraków 1914—1921, str. 124—146; w pomorskim »Gryfie« ukazało się też kilka przyczynków do dziejów pieśni kaszubskiej (Budzysz, Chrzanowski itd.).

Najważniejszym jednak niewątpliwie dorobkiem naukowym ostatniego trzechlecia w tym zakresie, to studjum St. Dobrzyckiego *O kolędach*, Poznań 1923, str. 79. Niewielka rozmiarami, ujęta w formie dwu wykładów powszechnych, praca ta poraz pierwszy przedstawia nam umiejętnie kolędy polskie. Rzecz dziwna, że nikt tym tak wdzięcznym i z wielu względów ciekawym tematem dotychczas się nie zainteresował, tak że do ostatnich czasów jedynie szkic estetyczny St. Tarnowskiego informował nas o tym dziale twórczości narodowej (nie jest ona ludową w ścisłem tego słowa znaczeniu). Dobrzycki przedstawia nam rozwój dawnej pieśni religijnej i stopniowe wytworzenie się swoistego typu kolędy rozszerzonej tematycznie i związanej w naiwny sposób z życiem, przedstawia jej typy, wykazuje źródła i próbuje chronologizacji, zajmuje się wreszcie melodją. Wykłady te, które są jak na razie jedynem źródłem pozytywnych informacji o kolędach, są streszczeniem wyników obszernej pracy autora, której wyglądamy z ciekawością.

Zamiłowany, długoletni zbieracz pieśni ludowych na Górnym Śląsku, Łukasz Walis, którego ogromny zbiór ma w niedługim czasie wyjść w wydawnictwach Akademji Krakowskiej wydał jako H. Dónaj *Kolędy górnośląskie*, Bytom 1925, str. 117, opisując tu zwyczaje śląskie w czasie Bożego Narodzenia i publikując cały szereg kolęd, z ust ludu zebranych.

Z drobniejszych rzeczy wspomiamy artykuł Fr. Rawity Gawrońskiego *Żydzi w poezji i literaturze ludowej ruskiej*, przedstawiający zaciekły antysemityzm Ukrainy w jej twórczości ludowej, w zbiorze *Żydzi w historji i literaturze ludowej na Rusi*, Warszawa 1924, 237—266.

Do teatru ludowego mamy bardzo ciekawy przyczynek S. Malewicza *Betleem na Białej Rusi* Lud XXII, 129—138: jestto opis jasełek, »batlejki« z Nieświeża wraz z zupełnym tekstem widowiska. Dużo materjału do widowisk ludowych przynosi miesięcznik, od lat wychodzący, obecnie w Warszawie (rok 1925 tom XVII) *Teatr ludowy*, poświęcony organizacji teatrów włościańskich, starający się wyzyskać rozsądnie to, co z dawnej tradycji przedstawień ludowych pozostało; spotykamy tu również i materjały do kultury obrzędowej.

Niestrudzony badacz fokloru klasycznego i wpływów jego w dzisiejszych wątkach literackich i wierzeniach ludu, W. Klinger podaje w uzupełnieniu pierwszej serji zbioru monograficznych poszukiwań *Z motywów wędrownych klasycznego pochodzenia* Poznań 1921 notatkę *Do legendy o pochodzeniu kobiety* Lud XXI, 209—214. i ogłasza drugą serję tegoż zbioru, Poznań 1923, st. 45, o której mówiliśmy powyżej, omawiając literaturę wierzeń.

IX. Sztuka i muzyka.

Badania sztuki ludowej weszły wreszcie za właściwe tory. Dotychczas mówiono o niej dużo; była ona przez pewien czas programem artystycznym chwili, szukano w niej motywów oryginalnej starej sztuki słowiańskiej, sięgającej jeszcze pogańskich czasów, nieskażonej wpływami obcemi, wierzono, że jest ona tą niewyczerpaną skarbnicą ducha ple-

miennego, który pozwoli stworzyć rodzimy polski styl. Nadzieje te minęły szybko — i choć dziś jeszcze możemy się spotkać z wydawnictwami, głoszącemi fantastyczne teorje (jak liczne dzieła J. S. Zubrzyckiego), lub też przedstawiającemi odtworzone w wyobraźni artysty bogactwo motywów sztuki prasłowiańskiej, jak St. Jakubowskiego *Teka motywów prasłowiańskiej architektury*, Kraków 1923, to jednak są one już dziś zjawiskiem odosobnionem, mijającem bez większego zainteresowania. Prace naukowe na temat sztuki ludowej były — mimo deklamacji programowych — bardzo nieliczne. Towarzystwo *Polska Sztuka Stosowana* wydała w kilkunastu zeszytach dużo cennego materjału; niestrudzony S. Udziela wydawał wzory haftów, M. Brensztajn opracował zdobnictwo kapliczek litewskich; K. Matlakowski opracował wybornie zdobnictwo Podhala. Zresztą, poza drobnemi przyczynkami, lub książkami jak braci Mokłowskich o sztuce ludowej, zawierającej ciekawy materjał, ale bardzo ryzykownych w ujęciu, nie mieliśmy dużo; w okresie ostatnich dwudziestu lat zainteresowanie dla tych zasadnień raczej osłabło, i jedynie kilku pracowników jak J. Warchałowski lub M. Wawrzeniecki zajmowało się nadal sztuką, która nie mogła spełnić przesadnych nadziei, ale która mimo wszystko jest bardzo ciekawa i zarówno dla artysty, jak i dla etnografa przedstawia bardzo ciekawe pole badania.

W ostatniem trzechleciu notujemy szereg poważnych prac, które oświetlają działy sztuki, dotychczas prawie całkiem nieznane. Dotyczy to przedewszystkiem drzeworytów, obrazów na szkle i wycinanek.

Teka drzeworytów ludowych dawnych wydana przez Z. Łazarskiego jest pomnikowem wydawnictwem, przynoszącem zaszczyt zasłużonej na polu sztuki graficznej oficynie Łazarskich. Wydawcy udało się pozyskać 66 oryginalnych płyt drzeworytowych, pochodzących z dwóch centrów tej sztuki, z Płazowa w cieszanowskim powiecie i z pogranicza żmudzkiego; odbite na starym papierze aktowym i kolorowane ręcznie wedle zachowanych szablonów, przedstawiają one bogatą, jedyną w swoim rodzaju kolekcję, zadziwiającą różnorodnością motywów, pomysłowością ujęcia artystycznego, a niejednokrotnie i szczerem pięknem prymitywu. Drzeworyty płazowskie były już poprzednio znane i opracowane przez M. Sokołowskiego w VIII t. *Sprawozdań komisji do badania historji sztuki w Polsce*; grupa żmudzka, bogatsza i ciekawsza, była dotychczas zupełnie nieznana. Zbiór ten ukazał się jak na razie bez komentarza; podobno zmarły niedawno J. Kieszkowski pozostawił w rękopisie obszerną pracę na ten temat, której druk ma być na ukończeniu — wtedy dopiero uzyskamy pogląd na istotę i historję tej sztuki, która oczywiście nie jest produktem czysto ludowym, ale raczej projekcją sztuki wielkich centrów artystycznych na prymitywizm artystyczny i techniczny dalekich zakątków polskich. Tymczasem, do chwili publikacji zapowiedzianej pracy musimy się posługiwać *Zwięzłym katalogiem wystawy dawnych drzeworytów ludowych* opracowanym bardzo szczegółowo przez J. Kieszkowskiego (Warszawa 1921). Zaznaczyć należy, że w zbiorach muzealnych i bibljotecznych znajdują się rownież ciekawe drzeworyty ludowe, które należałoby opublikować i udostępnić światu naukowemu i artystycznemu.

Drugim, również bardzo ważnym działem sztuki ludowej, z którym łączą się ważne problematy artystyczne i genetyczne, to obrazy na szkle. Podobnie, jak drzeworyt, była i sztuka malowania na szkle popularną niegdyś techniką artystyczną, która, zarzucona przez wielkie centra, utrzymywała się jednak uporczywie wsród ludu, aż do ostatnich czasów. Muzea krajów karpackich i alpejskich mają zazwyczaj dość liczne kolekcje tych obrazów, na ogół bardzo do siebie podobnych, przedstawiających w ogromnej większości tematy religijne. Na ziemiach polskich zachowały się te obrazy w okolicach górskich, zwłaszcza na Podhalu — i, rzecz dziwna, na przeciwległym krańcu ziem polskich, na Kaszubach (gdzie je opisał Gulgowski). Szczęśliwym trafem dwaj badacze, niezależnie od siebie, poświęcili obrazom góralskim cenne, choć niewielkie pracę, ozdobione całym szeregiem reprodukcji; L. Lepszy *Obrazy ludowe na szkle malowane* Kraków 1921 (odbitka z czasopisma *Przemysł i Rzemiosło),* z 8 reprodukcjami, z tych 4 w druku trójbarwnym, i K. Stecki *Ludowe obrazy na szkle z okolic podtatrzańskich* Zakopane 1921 (odbitka z *Rocznika Podhalańskiego*) z reprodukcjami 11 obrazów. Obie te prace uzupełniają się wzajemnie; Lepszy zajmuje się przedewszystkiem historją i techniczną stroną malarstwa na szkle, zwraca uwagę na stosunek tych obrazów do drzeworytów ludowych i przypuszcza, że sztuka ta (jako ludowa) jest pochodzenia śląskiego. Stecki opisuje zasadnicze typy, wyróżniając spisko-podhalański, zbliżony do obrazów, spotykanych w Czechach, na Morawach, w Austrji Górnej; drugi, orawski, ma wybitne cechy miejscowego pochodzenia, trzeci mniej artystycznie ciekawy, pochodzi zapewne z jakiejś niedalekiej fabryczki. Obrazy te przedstawiają przeważnie tematy religijne, które Stecki klasyfikuje; wsród świeckich najczęstsze i najciekawne są »Janosiki», sceny przyjęcia nowego towarzysza do bandy sławnego zbójnika tatrzańskiego, Janosika — należą one do grupy orawskiej. Rozkwit tej sztuki przypada na koniec XVIII i początek XIX w.; dziś już od kilkudziesięciu lat obrazów tych się nie maluje, a stare okazy uległy zniszczeniu albo też zostały wykupione przez zbieraczy. Zaznaczyć można mimochodem, że zaginiona ta technika odżywa w współczesnych usiłowaniach artystycznych; Kietlicz Rayski, artysta-malarz i zamiłowany etnograf malüje na sposób ludowy obrazy na szkle, mające dużo walorów estetycznych. — W zakresie nauki zadaniem najbliższej przyszłości byłoby zbadanie wielkiego materjału porównawczego z krajów sąsiednich, co niewątpliwie rzuci światło rozstrzygające na genezę tej sztuki.

Trzecim działem sztuki ludowej, na który baczniejszą zwrócono uwagę, to wycinanki. Są to ornamenty, wycięte z papieru kolorowego, służące do przystrajania ścian i belek u powały w izbie mieszkalnej, spotykane w rozmaitych okolicach, w najpiękniejszych formach spotykane w Łowickiem i na Kurpiach. Przed dwudziestu paru laty zwrócili na nie uwagę artyści; urządzono w r. 1901 wystawę w Krakowie, opublikowano nieco materjału, etnografowie jednak nie zajęli się bliżej tym działem twórczości, nieznanym wsród sąsiadów. Dopiero w ostatnim roku ożywiło się zainteresowanie wycinanką; wystawa ciekawych wycinanek kurpiowskich w Zachęcie warszawskiej przypomniała je publiczności; J. Warchałowski, jeden z »odkrywców« tego originalnego rodzaju sztuki ‚w arty-

kule *Wycinanki* w Przeglądzie Warszawskim za styczeń 1924, 66—75, daje ogólny pogląd na wycinanki polskie, opisując je i podkreślając ich estetyczne walory. E. Frankowski w pracy *Wycinanki i ich przeobrażenia* drukowanej w tymże Przeglądzie Warszawskim, kwiecień i maj 1924 i równocześnie w Ludzie t. XXII, 82—128 zajmuje się analizą techniczną wycinanki wogóle, poczynając od motywu zasadniczego na skórze, szwu, który następnie przechodzi rozmaite przekształcenia, doprowadzając do wycinanki (w skórze, tkaninie czy papierze). Obfity materjał porównawczy, poczynając od Goldów, Czukczów i Ajnów na dalekim Wschodzie, a kończąc na Europie śródziemnomorskiej i półwyspie iberyjskim służy do ilustracji wywodów autora; na tak szeroko zarysowanem tle występuje wyraźnie typ wycinanki polskiej, gdzie spotykamy również wycinanki w skórze i tkaninie, zwłaszcza w okolicach górskich, a gdzie w stosunkowo niedawnych czasach rozwinęła się wycinanka papierowa, która — w nowym materjale — stosuje starą technikę artystyczną. Frankowski typizuje umiejętnie wycinanki polskie, wyróżniając grupę łowicką, będącą przedewszystkiem dziełem malarskiem, nawiązującem do stylu barwistego tkactwa wełniaków, kurpiowską, która przejmuje kształty rzeźby w drzewie i podlaską dającą wrażenie naszyć i wyszyć na tkaninie; osobno wreszcie jeszcze analizuje wycinanki żydów polskich.

Żałować należy, że praca tak wartościowa nie daje ilustracji, któreby ułatwiły zrozumienie tekstu; sądzić można, że przy korzystniejszych warunkach wydawniczych uda się autorowi pozyskać nakładcę na obszerne dzieło, należycie udokumentowane ilustracyjnie. Jak na razie, brak ten wypełnić musi (poza pewną ilością materjału już dawniej publikowaną) wydawnictwo Miejskiego Muzeum przemysłowego w Krakowie pt. *Wycinanki ludu polskiego łowickie i kurpiowskie*, na szerszą skalę zakrojone, którego pierwszy zeszyt niedawno się ukazał (1924); S. Udziela dał nam tu krótki wstęp, informujący o istocie wycinanki, poczem mamy 14 tablic wielobarwnych według oryginałów ze zbiorów Towarzystwa Polskiej Sztuki Stosowanej, które przedstawiają nam łowickie »kołdry« i »wstągi«, i kurpiowskie »gwiazdy« i »leluje«. Wydawnictwo ma objąć jeszcze parę zeszytów. Cele ściśle praktyczne ma na względzie K. Kłosowski *Wycinanki komponowane w motywach ludowych i naturalistycznych*. Zakopane 1923, zeszyt I.

Frankowski zaznacza słusznie, że wycinanka, jako zdobnictwo ścian chaty jest kontynuacją ozdabiania ich malowanemi ornamentami. Kilka takich barwnych wzorów, bardzo ładnych, reprodukuje i opisuje K. Witkiewicz *Malowanki ludowe z okolicy Dąbrowy w Tarnowskiem*, w cennem czasopiśmie Przemysł Rzemiosło Sztuka, rocznik IV, nr. 1. 1924, str. 25—26 i 2 tabl. W tymże numerze pisma, poświęconego wytwórczości przemysłowej i rękodzielniczej, żywo interesującego się sztuką ludową spotykamy jeszcze kilka innych przyczynków, a to z zakresu zdobnictwa drzewnego huculskiego T. Seweryn *Huculska wykładanka w drzewie* 5—18 z szczegółowym opisem oryginalnej intarsji Huculów i najważniejszych warstatów artystycznych Beskidu Wschodniego; tegoż Seweryna *Dziwne muzeum* 22—24 opisuje zbiory rodzinego prze-

mysłu artystycznego w chacie Hucula Iwana Korpaninka koło Jaworowa. Seweryn daje też notatkę *Fartuszki kosowskie* 24—25, w której przedstawia pracownię kilimiarza Gruszkowskiego w Kosowie, rozwijającą się na większą skalę i produkującą na wywóz okazy, na ludowych wzorach wypracowane. K. Witkiewicz opisuje *Pamiątki i zabawki ludowe z kiermaszu krakowskiego* 27—28, podając cały szereg ilustracji.

Ciekawej i odrębnej twórczości ludności Pienin poświęca niewielkie, lecz bogate w treść studjum K. Kietlicz Rayski *Sztuka u górali szczawnickich*, Wierchy I 1923 z szeregiem rysunków; dowiadujemy się tu m. i. o intarsjach słomą w drzewie, znanych niegdyś miejscowej ludności, a dziś wskrzeszonej. Przyczynkiem do poznania poglądów ludu na sztukę jest artykulik Rayskiego w Ziemi VIII (1923) 192—194, *Chłopi a sztuka.*

Z zakresu etnografji muzycznej tak dotychczas zaniedbanej zapisać możemy pary wybornych prac, które wszystkie zawdzięczamy wytrwałości i zamiłowaniu Adolfa Chybińskiego, profesora historji muzyki w uniwersytecie lwowskich. A więc na pierwszem miejscu *Instrumenty muzyczne ludu polskiego na Podhalu,* Prace i materjały antrop.-archeol. i etnogr. III 1924, str. 1—142 i 6 tablic; mamy tu najdokładniejszy opis instrumentów góralskich (smyczkowych: bas, gęśle i dętych: róg, trąbita, piszczałki, dudy) a następnie przedstawienie ich genezy i rozwoju na obszernem tle porównawczem i historycznem. Wykaz literatury, zestawiony na str. 135—141 może nam zastąpić brak bibljografji polskiej etnografji muzycznej. W następnym (IV 1925) tomie tegoż wydawnictwa wydaje Chybiński *Dzwony pasterskie na Podhalu* 29—57, jak zwykle, z bogatym materjałem opisowym i historycznym. W »Wierchach« I 98—111 ogłosił w artykule *Z dawnej pasterskiej poezji i muzyki górali podhalańskich* szereg melodji, zapisanych w sześćdziesiętych latach ubiegłego wieku przez E. Janotę, wsród nich dwa unikaty: melodje grywane na trąbicie pasterskiej, dziś już na Podhalu zaginionej. W »Ludzie« XXI 1922, 29—39 czytamy programowy artykuł Chybińskiego *O organizację pracy nad melodjami ludowemi,* przedstawiający stan badań i postulaty na przysłość, zwiaszcza zaś konieczność używania fonografu dla zbierania melodji i stworzenie archiwum fonograficznego; przypominam, że sam autor prowadzi od dłuższego czasu badania nad muzyką góralską przy pomocy fonografu. Jak widzimy, etnografja muzyczna zdobyła Podhale; należałoby sobie życzyć, aby w równie szybkim i intensywnem tempie przeszła do innych dzielnic; wiemy, że prof. Chybiński organizuje przy pomocy swych uczniów taką pracę, mającą objąć całokształt ziem polskich.

X. Znaki.

Ciekawe znakowanie ludowe, w którem tyle jeszcze widzimy śladów archaicznych, mało było dotychczas badane; w ostatnich dopiero czasach ożywiło się nieco zainteresowanie dla tych znaków, orjentacyjnych, własnościowych czy osobowych. Znany heraldyk, prof. Wł. Semkowicz zwaca na nie pilną uwagę w słusznem zrozunieniu ich znaczenia dla

badań nad genezą herbów; niewielki artykuł *O znakach symbolicznych i o potrzebie ich zbierania* zamieszczony w popularnem piśmie Orli Lot 1925, nr. 2 i 3 podkreśla znaczenie tych znaków dla badań historyczno-kulturalnych i wyszczególnia ich rodzaje. Pierwszą w literaturze naszej większą pracą na ten temat jest B. Namysłowskiego *Merki rybaków pomorskich (przyczynek do heraldyki i folkloru)* Kraków 1925 str. 30 (odb. z Rocznika Heraldycznego t. VII). Że kaszubscy rybacy nadmorscy mają znaki własnościowe, o tem wiedzieliśmy oddawna, żaden jednak z badaczy, wspominających o tem, nie podał bliższych szczegółów ani też nie odrysował ani jednego znaku; trzeba było dopiero szczęśliwego trafu, że botanik, prowadzący badania nad wybrzeżem polskiem systematycznie obszedł wsi nadbrzeżne i zebrał trzystakilkadziesiąt znaków, które ugrupował rodzinami, zwracając uwagę na fakty dziedziczenia tych »merków«, wszystko zaś postawił na obszernem tle porównawczem i wyzyskał sumiennie literaturę przedmiotu, dając rzecz cenną jako zbiór nowego zupełnie materjału i jako opracowanie teoretyczne.

Znaki poszukiwaczy skarbów Wierchy 1925 I, 43—49, o których wspominały dawne rękopisy odszukał w tatrzańskiej dolinie kościeliskiej i opublikował K. Stecki.

XI. *Kultura techniczna.*

Z radością witamy zapowiedź wielkiej pracy, mającej objąć całokształt kultury technicznej na ziemiach polskich; na razie mamy sumienny i racjonalnie opracowany plan, który ułatwi nam klasyfikację różnorodnych zjawisk, obejmowanych ogólną nazwą kultury technicznej (czy materjalnej). Jestto niewielki artykuł K. Moszyńskiego, kierownika pracowni etnologji słowiańskiej w Warszawskiem Towarzystwie Naukowem, powołanego w ostatnich czasach na uniwersytet krakowski, pt. *O wewnętrznym układzie prac, obejmujących całokształt kultury materjalnej,* Lud XXIII, 38—42; autor proponuje tu podział całości na działy, poświęcone zdobywaniu żywności i surowców, przechowywaniu ich, przygotowaniu strawy, obrótce surowców, zabiegone o bezpieczeństwo zewnętrzne i wygodę, wreszcie transportowi i komunikacjom. W obrębie każdego z tych działów przeprowadza szczegółową klasyfikację. O metodzie tych badań poucza nas Moszyński w artykule w Ziemi X 40—45 *Niektóre wyniki etnogeograficznych badań Polski,* przedstawiając na przykładzie niepozornej kijanki (ros. pracz, franc. battoir) jak ważne i ciekawe zagadnienia powstają z chwilą, gdy przeprowadzimy umiejscowienie zasadniczych typów. Tegoż autora artykuł *W sprawie zbierania wiadomości dotyczących ludowej kultury materjalnej w Polsce,* drukowany w Polskiej Oświacie Pozaszkolnej II, nr. 1, str. 28—36 (1915) jest odezwą o pomoc do ludzi dobrej woli, i zarazem szczegółowym kwestjonarjuszem, obejmującym rzeczowo całokształt kultury technicznej.

Poważną, jak zawsze, pracę dał nam — odzywający się niestety tak rzadko — St. Ciszewki *Studja etnologiczne, Sól,* Warszawa 1922 str. 91 (wydane jako zesz. 1 tomu XXI »Wisły«). Przedstawia nam tu autor na podstawie licznych przykładów sposoby korzystania z soli przez

człowieka pierwnotnego, dorywcze zbieranie soli osadowej i eksploatację solanki, następnie przechodzenie do przemysłowej gospodarki i handlu solą; szczegółowo omawia autor technikę otrzymywania soli przez odparowywanie na słońcu, warzenie itd. Dużo miejsca poświęca Ciszewski historji soli u Słowian, jej technice i handlowi solnemu, który w swych pierwotnych formach dotrwał aż do XIX wieku.

Bardzo dokładny opis techniczny dał nam J. Stokłosa *Tkactwo ludowe w Gruszowcu i Jurgowie* (w pow. limanowskim i na Spiszu), Prace i Materjały antrop., archeol. i etnograficzne I (1920), str. 1—69 z licznymi rysunkami, pozatem możemy wskazać jedynie na odnośne działy monografji terytorjalnych, a takie na szereg drobnych, ale bardzo ciekawych przyczynków, ogłaszanych zwłaszcza na łamach pisma »Przemysł, Rzemiosło i Sztuka« (od r. 1925, t. V pod nowym tytułem »Rzeczy piękne«). Wymieniamy tu dla przykładu cenniejsze przyczynki, a więc S. Udzieli *Wyrób sprzętów ludowych w Skawinie pod Krakowem* IV 19—22 (opis stolarstwa, które niegdyś całą okolicę Krakowa zaopatrywało, a w czasie wojny zamarło), *Kuśnierstwo w Starym Sączu* III zesz. 1—2, 15—18, również upadające, *Gliniane kropielniczki ludowe* IV zesz. 2, 25—27; T. Seweryna *Tkactwo i krawiectwo w Brzezinach* IV zesz. 3, *Pasiaki łowickie* IV zesz. 4, 3—13 (wiadomości historyczne, stan obecny warsztatów, technika barwienia wełny itd.), dalej cały szereg artykułów dotychczących przemysłu domowego i sztuki huculskiej; I. Gulgowskiego, zmarłego niedawno etnografa Kaszub i założyciela jedynego w swoim rodzaju muzeum etnograficznego we Wdzydzach, *Garncarstwo na Kaszubach* IV zesz. 1, *Przemysł domowy na Kaszubach* (wyroby siatkowe) V zesz. 3, itd. itd.

XII. Z pogranicza filologji.

Interesują na tu przedewszystkiem prace onomastyczne. A więc najpierw toponomastyka, która oddawne cieszy się dość znacznem zainterwowaniem, choć prac tu (zwłaszcza większych) zawsze było niewiele. Ożywiła się dyskusja na ten temat z związku z inicjatywą Akademji krakowskiej powołania komisji do zbierania nazw miejscowych, ale poważniejszych śladów nie zostawiła. Ukazały się bardzo pożyteczne, choć niewielkie rozmiarami J. Zborowskiego *Wskazówki do zbierania nazw geograficznych* Warszawa 1923, str. 32 (Bibljoteczka Towarzystwa Miłośników języka polskiego nr. 4), jasna i przejrzysta; w ślad za nią króciutki kwestjonarjusz Wł. Semkowicza *O zbieranie nazw geograficznych* (bez miejsca i roku, str. 8). Ze zwykłą sobie dokładnością i pracowitością zebrał znany badacz kaszubszczyzny, F. Lorentz *Polskie i kaszubskie nazwy miejscowości na Pomorzu kaszubskiem* Poznań 1923, str. 171 (Instytut zachodnio-słowiański). Kilka ciekawych przyczynków zawdzięczamy ks. A. Mańkowskiemu, a to: *O przemianach i odmianach nazw miejscowych i rodowych w Prusiech Królewskich*, Zapiski Tow. Naukowego w Toraniu IV, 259—272, dalej *Imiona i nazwiska rodzinne a nazwy miejscowe, przyczynki do genezy nazw miejscowych zachodnio-pruskich od XVII — XIX wieku*, Roczniki Towarzystwa Naukowego

w Toruniu XIX, 250—274, wreszcie *Nazwy miejscowe powiatu lubawskiego*, Wąbrzeżno 1923, str. 23; ks. St. Kozierowski, znany toponomastyk historyczny archidiecezji poznańskiej i gnieźnieńskiej dał nam *Pierwotne osiedlenie ziemi gnieźnieńskiej wraz z Pałukami w świetle nazw geograficznych i charakterystycznych imion rycerskich*, Slavia Occidentalis, Poznań 1924 III—IV. Drobniejsze artykuliki, dotyczące poszczególnych nazw miejscowych, możemy spotkać, niezbyt często zresztą, w wydawnictwach językoznawczych, tutaj wspominamy jedynie o K. Moszyńskiego *Uwagach o słowiańskiej terminologji topograficznej i fizjograficznej*, Archiwum Nauk antropologicznych I nr. 5, str. 19, Warszawa 1921.

Przechodzimy do nazw osobowych; tutaj jeszcze mniejszy plon. Jedynie W. Taszycki ogłosił w pożytecznej Bibljoteczce miłośników języka polskiego (nr. 5) *Polskie nazwy osobowe*, Warszawa 1924, str. 32, starając się ująć całość zagadnienia (rozdziałek poświęca nawet nazwom zwierzęcym), podając ważniejszą bibljografję. W »Języku polskim« VIII 97—103, IX 73—80 ogłosił Taszycki artykuł *Ze studjów nad polskiem imiennictwem osobowem*; w »Sprawozdaniach z czynności i posiedzeń Polskiej Akademji Umiejętności« za kwiecień 1925 mamy streszczenie obszerniejszej jego pracy *Najdawniejsze polskie imiona osobowe* str. 3—9, obejmującej materjał XII i XIII wieku. Nieco materjału współczesnego dostarczył J. Zborowski *Przezwiska górali powiatu nowotarskiego* Lud XXI 219—227. Temuż autorowi zawdzięczamy też *Nazwy krów w XVIII wieku* Lud XXI 56—60, które uzupełnił w tym samym tomie na str. 202—209 S. Pawlik *Nazwy krów w początkach XVIII wieku.*

Nazwami grup plemiennych i terytorjalnych zajął się J. S. Bystroń zrazu w księdze jubileuszowej ku uczczeniu Ludwika Krzywickiego, Warszawa 1925 pt. *Powstawanie nazw i przezwisk polskich grup etnograficznych*, str. 53—62, następnie obszerniej *Nazwy i przezwiska polskich grup plemiennych i lokalnych*, Prace i Materjały antrop., archeol. i etnogr. IV, część III, str. 95—152, grupując materjał wedle typów znaczeniowych.

XIII. Organizacja pracy ludoznawczej.

W związku z ożywieniem się regjonalizmu porusza K. Moszyński znaczenie etnografji dla ruchu regjonalnego i pożytek, który może stąd płynąć dla etnografji, *Regjonalizm wobec etnografji*, Ziemia X, 11—16, podając równocześnie krótkie uwagi dla zbieraczy. Zagadnienia organizacyjne i kwestjonarjusz dla zbieraczy rzeczy ludowych daje E. Frankowski *Ludoznawstwo na wsi*, Nauka Polska IV 204—217; w temże wydawnictwie str. 190—203 J. S. Bystroń *Ludoznawstwo na prowincji* wskazuje na rodzaji współpracowników prowincjonalnych i stawia ogólne postulaty organizacyjne. O ożywieniu się ruchu na polu etnografji pisze E. Frankowski *Wznowienie pracy ludoznawczej w Polsce*, Ziemia VII 1922, 24—26 w związku z założeniem Polskiego Towarzystwa Etnologicznego. Frankowski zaczęł też ogłaszać opisy muzeów etnograficznych na ziemiach polskich, pt. *Zbiory etnograficzne w Polsce* Lud

XXI 40—55, niestety, opisał jedynie zbiory warszawskie, lwowskie (polskie i ruskie) i krakowskie, nie kończąc zaczętej tak dobrze pracy. Nieco szczegółów, dotyczących innych zbiorów, można zaczerpnąć z artykułu metodycznego pani J. Klawe *Muzeum Etnograficzne a nauka geografji w szkołach*, Czasopismo geograficzne zeszyt 4, 1924, str. 55—61. O zbiorach etnograficznych kaszubskich, zebranych długoletnim wysiłkiem Gulgowskiego, a pomieszczonych w starej chacie wiejskiej we Wdzydzach pisze T. Seweryn *Muzeum w checzy nad jeziorem*, Rzeczy piękne V 1925, zesz. 1; tenże autor, *Dziwne muzeum*, Przemysł, rzemiosło i sztuka 1924, zesz. 1, opisuje zbiór pokuckiej sztuki ludowej w chacie Hucuła Iwana Korpaniuka koło Jaworowa. Krakowskie Muzeum etnograficzne (na Wawelu) ogłasza stale drukiem sprawozdania roczne, z których widzieć możemy stały rozwój tego cennego zbioru pod strażą S. Udzieli. O zbiorach etnograficznych Muzeum tatrzańskiego im. Chałubińskiego informuje nas pokrótce J. Zborowski *Kronika etnograficzna z Podhala* Lud XXI 77—80.

Rzecznikiem tych, którzy by chcieli ludoznawstwo wprowadzić do szkoły, jest A. Fischer w artykule *Etnologja a szkoła polska* Muzeum 1922, str. 291—299.

XIV. Zagadnienia metodologiczne i ogólne.

O metodologji pisze się zazwyczaj dużo, rzadko jednak pisze się dobrze; tym razem jednak wyjątkowo możemy zaznaczyć ukazanie się paru prac wartościowych.

Rozprawa St. Poniatowskiego *Zadanie i przedmiot etnologji*, Archiwum Nauk Antropologicznych tom II nr. 2, str. 30 Warszawa 1922 jest niewątpliwie najlepszą w naszej literaturze; ujmuje ona w sposób ścisły i jasny zarazem podstawowe zagadnienia istoty etnologji, omawia jej stanowisko w systemie nauk i metody. Poniatowski oświadcza się za przynależnością etnologji do nauk socjologicznych i sprowadza do właściwych rozmiarów jej stosunek do nauk przyrodniczych, który tak często do dziś dnia, zwłaszcza u nas, podkreśla się przesadnie. Dalszem stwierdzeniem autora jest wyróżnienie etnologji ogólnej, jako nauki o wytworach kulturowych ludów nie cywilizowanych i etnologji szczegółowej, czyli etnografji, jako nauki o samychże ludach niecywilizowanych. Słusznie stwierdza autor praktyczny charakter granic, które przeprowadzamy między ludami »cywilizowanemi i niecywilizowanemi« — w miarę rozwoju poszczególnych nauk etnologja będzie się stopniowo redukowała do coraz to węższych rozmiarów. Analizą stosunku do socjologji i nauk przyrodniczych kończy się ta cenna praca, uwzględniająca w wydatnej miarze obszerną literaturę przedmiotu. Równocześnie ogłasza Poniatowski w Przeglądzie filozoficznym 1922 rozprawę *Systematyka zagadnień i kierunków socjologicznych*, odbitki str. 27, gdzie również i o nasze zagadnienia potrąca.

W Archiwum Nauk Antropologicznych, tom III dział B, nr. 1 spotykamy pracę pani J. Klawe *Metody i kierunki w etnologji ze stanowiska socjologji*, Warszawa 1922 str. 16, która uwypukla wartość nowych metod, stosowanych przez W. H. R. Riversa w stosunku do jednostron-

nych założeń szkoły antropologicznej i historycznej. Krytyce szkoły antropologicznej poświęcona jest też rozprawa tejże autorki *Teorja animistyczna w etnologji* Lud XXII 13—25, stwierdzająca, że teorja ta, obracająca się jedynie koło zagadnienia genezy wierzeń, nie może wystarczać w etnologji, badającej zjawiska w ich rozwoju i wzajemnym do siebie stosunku, jako nauka socjologiczna.

Na stanowisku »nauk antropologicznych« stoi J. Czekanowski *Antropologja, etnologja i prehistorja*, Lud XXI, 3—16. Antropologja jest nauką, badającą rodzaj ludzki jako biologiczne podłoże zjawisk społecznych i jako taka pozostającą w ścisłym związku z naukami socjologicznemi. Pani C. Baudouin de Courtenay Ehrenkreutz *Materjał naukowy i przedmiot etnologji,* Lud XXII 26—32 zajmuje się wyodrębnienniem teoretycznem etnologji od historji i przehistorji i określeniem przedmiotu i problemów etnologji. A. Fischer omawia *Znaczenie etnologji dla innych nauk,* Lud XXI 81—92, L. Kozłowski *Problem etniczny w prehistorji* Lud XXI 17—28.

Z prac, poruszających ogólne zagadnienia etnologji, wymieniamy L. Krzywickiego *Studja socjologiczne,* Warszawa (1924) str. 343; jest to szereg szkiców z zakresu psychologji życia zbiorowego, rozproszonych po rozmaitych pismach, a zebranych obecnie w całość na uczczenie czterdziestej rocznicy pracy naukowej autora. Dla naszej nauki największe znaczenie mają tu studja o psychologji życia zbiorowego i umysłowości gromady, analiza psychologiczno-społeczna pielgrzymki do Jasnej Góry, dalej studja nad typami zawodowemi, wreszcie rozprawa o ludożerstwie i wilkołactwie.

A. Niemojewski w książce *Dawność a Mickiewicz* Warszawa 1920, str. 232 porusza konieczność uwzględniania czynników metapsychicznych w analizie powstawania wierzeń ludowych, traktując obrzęd »dziadów« jako przybrany w szatę tradycyjną seans spirytystyczny.

Anna Gruszecka próbuje wskazać istotne podobieństwa myślenia człowieka pierwotnego i schizofreników w rozprawie *Transytywizm, utrata granic osobowości i myślenie pierwotne w schizofrenji,* Poznań 1923, str. 62 (Prace komisji lekarskiej Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, II zesz. 3).

Badania etnologiczno-religijne uwzględnia J. S. Bystroń w przeglądzie dorobku naukowego w zakresie historji religji *Rozwój badań historyczno-religijnych* Przegląd współczesny, 1924, wrzesień 356—376. Studjum L. Konopackiego *Misterjum wiosny* Warszawa 1922, str. 80, oparte na przemyśleniu obszernego materjału historyczno-religijnego, wkracza w zakres filozofji religji.

XV. Etnografja obca (poza Słowiańszczyzną).

Prac w tym zakresie pojawiło się niewiele, ale wsród nich dwie, ogłoszone po niemiecku, wzgl. angielsku spotkały się z żywem uznaniem zagranicy. J. Czekanowski ogłosił dalsze tomy swego wielkiego dzieła *Forschungen im Nil-Kongo Zwischengebiet* (dotychczas tomy I, II, III i IV). B. Malinowski wydał studjum o mieszkańcach wysp Trobrianda

Argonauts of the Western Pacific Londyn, str. 560, z przedmową J. G. Frazera.

Pozatem tylko kilka drobnych przyczynków; St. Poniatowski podaje nieco wyrazów goldzkich *Materials to the vocabulary of the Amur Gold*, Warszawa 1923, str. 11 Bibliotheca Universitatis liberae Polonae, fasc. 10; w Czasopismie Geograficznem umieszcza Poniatowski artykuły pt. *Z nowszych postępów etnologji*, tom II, zesz. 1, 61—72, zaczynając od omówienia kultury pigmejskiej. J. Siemiradzki ogłasza odczyt *O Indjanach południowej Ameryki* Kraków 1924, str. 31, Krakowskie odczyty geograficzne nr. 1.

Literatura podróżnicza wzbogaciła sie również o parę dzieł. Wsród nich największą wartość mają trzy tomy pism podróżniczych gen. B. Grąbczewskiego. Największą popularność uzyskał F. Ossendowski, i to przedewszystkiem zagranicą, w świecie anglo-amerykańskim; w odwrotnym stosunku do popularności stoi wartość tych książek.

Jan St. Bystroń.

Dr. Franz bar. Nopcsa: **Albanien. — Bauten, Trachten und Geräte Nordalbaniens.** — Berlin und Leipzig, 1925. (Verlag Walter de Gruyter & Comp., Berlin.)

Što se o tom djelu nalazi odziv u ovom časopisu, razlog je u prvom redu značenje, koje će bez sumnje imati njegovo objelodanjenje i za etnografiju južnih Slavena pa posredno i Slavena uopće. Autor, iskušani istraživač Albanije, prinio je tom knjigom prilog albanologiji, kojemu nije ni lako naprečac odmjeriti cijenu i doseg, bilo koliko se tiče upoznavanja materijalne kulture samih Arbanasa bilo direktno i indirektno njihovih susjeda i etnografije Balkana kao cjeline.

Da je ta cijena znatna, potvrđuje i letimičan kritički ogled njezine sadržine a sa druge strane i glas, što ga je Nopcsa stekao svojim prijašnjim radovima, prema kojima ovo djelo stoji kao neke vrste sinteza, pa uključuje njihovu sadržinu naročito u oba prva dijela knjige: »Bauten« (s historičkim uvodnim osvrtom na proučavanje građevina Arbanasa) i »Gebrauchsgegenstände«. Ima tu ipak i obilje sasvim novoga materijala, upravo etnografske prvotoči, što vrijedi i za sam treći dio »Die Tracht«, a taj je prva sistematska temeljita obradba sjeverno-arbanaskih nošnja. Premda je predmet prema natpisu na oko ograničen, obuhvata ipak gotovo svu materijalnu kulturu, tek o nekim objektima i tehnološkim poslovima ne će čitalac naći građe, ili samo sasvim kratke podatke. I ako je knjiga monografija sjeverne Albanije, umio je pisac da svuda vješto pripoji svojem iznošenju građe i dosta paralela s ostaloga arbanaskoga područja a onda i dalje — s čitava Balkana, koliko je proučen u pogledu materijalne kulture; sve to stalno prati primjedbama o analogijama iz cijele Evrope pa i izvan nje, napose u području Sredozemnoga mora. Rezultate svojih proučavanja i kombinacija dao je konačno u pregnantnijem obliku u četvrtom odjeljku »Ursprung der einzelnen Kulturgüter Nordalbaniens« — a iza ovoga se niže još nekoliko dodataka (o transkripciji imena, obilna literatura, dva savjesna registra: stvarni i jednako važan teritorijski za sav materijal etnoloških paralela u djelu,

i napokon 4 table sa svim tipovima nošnja — pored 132 ilustracije, crteža perom, u tekstu).

Nije ovdje namjera, da se izvodi potanja kritička analiza čitave sadržine djela, već se pažnja obraća većma nekim pojedinostima, napose u svezi metodom kompariranja paralela, pa načinu izvođenja zaključaka. Dok se glatkoj deskriptivnoj strani Nopcsina djela malo što može prigovoriti (osim dosta česta ograničenja u prikazivanju svih detalja), i dok je i sama komparativna građa balkanskih i drugih paralela sva neosporno dobro došla, ako je i jedan dio već poznat, dotle induktivni i deduktivni postupak autora nije svagda bez prigovora. Unatoč tome, što su mnogi od izvoda i zaključaka oštroumni i redovno zanimljivi i novi, nerijetko su ili problematični ili pače pouzdano krivi — čemu je povod sad preoskudan poredbeni materijal, što ga je autor mogao upotrebiti, sad činjenica, što mu je pogled nad materijal upravljen s neke podaleke perspektive, s koje se koješta previdi a ostaju samo glavne konture. Njegov je interes većma čist tipološko-izvanjski — a manje upravljen pojedinostima i njihovu podrijetlu, tehnici rada i njezinim analogijama. — Tako kad na pr. pisac (str. 118/119) promašeno izvodi, da su arbanaske gusle *(lahuta)* i osobit tip tambure (zabilježen je naziv *cüteli*) nedavni turski import, iz ranoga 19. stoljeća, griješka je u tome, što autor naglašava gotovo jedino, da takva dva instrumenta nalazi potvrđena g. 1812. u Carigradu. A da je ova arbanaska »lahuta« u biti posve identična s ostalim epskim guslama južnih Slavena, i da su ove potvrđene davno prije toga (ako se i može misliti na kraju svega na orijentalno podrijetlo, ali još nepoznat put i posrednike), pa da je još k tome navedeni paralelni instrument iz 1812. g. tip sasvim različan od »lahute«, (a jednak je upravo drugom jednom instrumentu sa Balkana, zvanu *lijerica* u Dalmaciji, *lira* u Bugarskoj), — sve to nije pisac ni uzeo na vagu. Za primjer neka posluži i drugi jedan takav slučaj promašena zaključka. Tiče se *ostana*, sprave za gonjenje volova (str. 146). Autor nalazi potvrde samo iz Albanije, Makedonije, prednje Azije i Kavkaza (pa općeno dodaje i čitavo sredozemsko područje i potvrdu iz Sv. Pisma) — i prema tome sudi, da je to autohton — stari instrument toga područja, dakle i Balkana, i navodi, kako se na sjever (Slavonija, Rumunjska pa i Srbija!) upotrebljava za tu svrhu bič. Međutim sam sjeverno-arbanaski naziv te sprave — *osten* — kao i ime na drugom kraju iste motke pričvršćene lopatice — sjev.-alb. *otkač* — upućuju ravno na slavenske susjede Arbanasa (hrv.-srp. *ostan*, bug. *остéнъ* — hrv.-srp. *otik*, *otka)* a onda dalje na čitavu slavensku masu na sjever i zapad — da se spomene mjesto svih ostalih potvrda samo bjeloruska iz Poljesja kao jamačno najmarkantnija. Tim samim dakako nije još riješeno pitanje kulturne provenijencije sjeverno-albanskoga ostana (i otke), ali se mogao predusresti izvedeni neispravan izvod. — Kako su u tom posljednjem slučaju zapravo nazivi putokaz, kojim se može eventualno i dalje ići rješavajuć takvo pitanje, tako se mora djelu općeno zabaviti u pogledu nomenklature, da ne zalazi svagda do pojedinosti, do svih sastavnih dijelova pa i sitnica na pojedinim objektima. Znatna je ta narodna nomenklatura za dalje suptilnije istraživanje, ona mu daje često znatnu potporu, naročito u nomenklaturnim kompleksima — nazivlju složenijih predmeta, sa

zasebnim imenom za svaku sastavinu ili nazivlju predmetnih grupa iste kategorije. S toga je koncizno bilježenje potpune nomenklature u svim djelima ove vrste živa potreba ne samo zbog lingvista, već upravo i zbog etnografa. Svejedno dakako i onaj materijal naziva, što ga je autor diljem teksta stalno navodio, zadržava svoju cijenu, naročito koji je ovdje nov i nije bio prije nauci pristupan.

Ispravno izvođenje zaključaka muti piscu često i nedostatak materijala paralela, koji mu služi za podlogu etnološke indukcije. Taj mu se materijal idući prema sjeveru sve više gubi. Dok su Bosna, Hercegovina pa i Dalmacija dosta obilno zastupane svojim analogijama i istovetnim objektima, već se materijalna kultura Like, pa ostale Hrvatske, Slavonije, Slovenije, Vojvodine uzima rijetko za poredbu, a još manje mađarsko područje ili dalje na sjever Karpati (dio sjevernih, kojima je materijalna kultura djelomice dobro poznata). U preglednom četvrtom odjeljku knjige te se praznine jasno ističu, dok nasuprot tome autor s nekom većom brižljivošću navodi dalje paralele sa Kavkaza, bilo da se slučajno takva građa pri ruci sama pružala, bilo da je namjerice želio naglašavati iskonske, pače možda preindoevropske sveze obaju ovih poređenih područja.

Ne hoteći na ovom mjestu doticati svih ovakvih pojedinosti, treba pored svega toga izričito naglasiti, kolika se važnost mora djelu pridati s obzirom na etnografiju južnih Slavena. Već par gore nabačenih slučajeva ne može drugo nego da to posvjedoči, a gotovo na svakoj stranici ima koji primjer, koji joj bilo direktno bilo indirektno može da služi kao prilog. Pored temeljne važnosti, koju će tu imati sam izvorni arbanaski materijal djela i pored navođenih paralela, o kojima je bila riječ čas prije, imadu, uza sve rečeno, ne malu važnost i rezultati u zaključcima — i to vrijedi ne samo za one, na kojima će se moći bez kolebanja dalje graditi, jer su ispravni, nego i za one, koji su izišli hipotetični ili prenagljeni, jer je kod svih takvih redovno posve jasan i put, kojim je autor do njih došao, i pregledan je materijal, koji mu je za njih služio, pa će popunjanju građe i po tom modifikaciji rezultata biti olakšan i manje više također jasan put. Jedan takav slučaj, kojemu je mjesto naročito ovdje da se napomene, jest i primjedba autora (među završnim pogledima) o izvorima i karakteristikama kulturnih dobara sjevernih Arbanasa (str. 238.); tiče se općeno odnosa i utjecaja slavenskih susjeda na materijalnu kulturu Arbanasa, za koje utjecaje primjećuje, da su upravo neznatni. Da se taj utjecaj sa strane južnih Slavena ne smije precjenjivati unatoč vrlo živim i dugotrajnim odnosima, na to može da opomene mnogo činjenica, ali da bi taj kulturni priliv u području materijalne kulture Arbanasa bio ipak tako neznatan, kad se uzmu na um samo na pr. čitave rpe srpskih pozajmljenica na arbanaskoj strani pri istovetnim objektima — da se samo to napomene — onda gornju tvrdnju ne će moći potpuno da potvrdi dublje proučavanje rečenih odnosa.

Izrađivanju osnovnih razlika arbanaske materijalne kulture prema onoj slavenskih susjeda položen je djelom Nopcse temeljni kamen, a da će na toj diferencijalnoj etnografiji moći dalje crpsti konstruktivni materijal za svoje svrhe i opća uporedna slavenska etnografija, samo je po sebi jasno. Djelo, u svemu jednako znatno kako za albanologa i balkanologa tako i za općega evropskoga etnologa i kulturnoga historika, ne će

bez sumnje dugo čekati, da mu pisac pridruži i drugi dio — materijale duševne kulture a dade se razabrati, da ga pripravlja. A ako bude u prilici da popuni građu ove knjige, napose da zaokruži i teritorij ostale Albanije, bit će to osnovna djela za etnografiju Albanije i uporedo za ostale gore napomenute svrhe. *M. Gavazzi.*

С. В. Юшков: **Феодальные отношения в Киевской Руси.** Отдельный оттиск из »Ученых Записок Гос. Саратовского Ун-та« т. III. вып. 4. Саратов 1925 г. Стр. 108. Тираж 50 экземпляров.

О русском феодализме заговорил впервые около 100 лет назад Н. А. Полевой, но тогда это заявление оказалось слишком преждевременным: его не поняли и не оценили и вопрос о нем был отложен до конца XIX века, когда он был снова поставлен и блестяще обоснован в трудах Павлова-Сильванского. Положив в основу своей концепции теорию Г. Маурера, уже начисто разрушенную в это время, Павлов Сильванский во многом пришел к неверным выводам, но основного его тезиса, несмотря на многочисленые возражения, подорватъ так и не удалось. Представление о русском феодализме вошло как неотъемлемая часть в историю хозяйственного развития России, хотя конечно никто из подлинных ученых не сомневался, что это феодализм sui generis, не вполне тождественный с западно-европейским. В этом отношении важное значение приобрело разграничение феодализма на феодализм в широком и узком смысле, которое лет 20 назад применил к русскому феодальному процессу проф. Н. И. Кареев.

Однако, как это ни странно, пример Павлова-Сильванского не нашел себе подражателей, хотя ряд деталей в его изложении оказывался неясен и требовал последующих обследований.[1]) В этом отношении следует приветствовать появление первой части большой работы Саратовского профессора С. В. Юшкова, ныне назначаемого в Ленинградский Университет, которая по своему характеру и времени появления должна играть в его исследовательской работе роль прежней магистерской диссертации. Однако именно эта роль и обязывает отнестись с сугубым вниманием к его работе не только с точки зрения русской истории, но и с точки зрения западно-европейской медиевистики. Я надеюсь поэтому, что С. В. Юшков не посетует на меня за те недоуменные вопросы и возражения, которые я ему поставлю, как медиевист социолог, оговорившись однако, что принципиально воздерживаюсь от оценки его взглядов с точки зрения русской истории. В этом отношении мы вправе ждать более авторитетных оценок от академика М. С. Грушевского и проф. А. Е. Преснякова.

Книга распадается на 8 глав, которые предваряются и завершаются „вводными“ и „заключительными“ замечаниями. Содержание ее таково: Глава I — Основные моменты в процессе феодализации Киевской Руси.

---

[1]) Проф. Юшков может указать здесь только 2 статьи Беляева в Жур. Мин. Юст. и свою статью о прикладниках в Журнале „Культура“ (Сарат. 1922 г.), не считая отдельных замечаний в общих курсах.

Стр. 3—15; Гл. II — О княжение и обоярение (феодализация) земли. Стр. 15—33; Гл. III — Процесс феодализации и рост зависимого сельского населения. Стр. 33—60; Гл. IV — Новые служебные отношения и связь их с вассалитетом и министериалитетом. Стр. 61—71; Гл. V — Возникновение и развитие патроната. Стр. 71—84; Гл. VI — Возникновение иммунитета. Стр. 84—91; Гл. VII — Вопрос о поместном землевладении в Киевской Руси. Стр. 92—96; Гл. VIII — Местные особенности в развитии процесса феодализации. Стр. 96—105; Заключительные замечания. Стр. 105—108.

Общая концепция проф. С. В. Юшкова такова: Эпоха непосредственной связи Киевской Руси с Византией характеризуется наличием крупного капитала (стр. 7), накопленного с помощью торговли и затем, благодаря ослаблению торговых связей а Византией и Востоком, брошенного на землю. Уже с XI века мы наблюдаем рост крупного землевладения князей, церкви и боярства и типичные признаки начавшегося процесса „сеньеризации“. Возникает светский и церковный патронат. С конца XI века начинается оформление иммунитета, сперва в отношении церковных владений (стр. 8). Экономический кризис, вызванный прекращением обмена с Византией »и был там первоначальным толчком, благодаря которому стало мало по малу развиваться процесс феодализации и наростать феодальные институты«.[1]) (Стр. 9.)

Кризис этот »был отражением мирового кризиса, поразившего и Византию, и был обусловлен г р а н д и о з н ы м и[2]) экономическими сдвигами как в Западной Европе т а к и н а В о с т о к е« (стр. 11). Этот кризис отнял у Руси все стимулы для борьбы с засорявшими южные торговые пути кочевниками, т. к. для нее тогда »вопрос заключался лишь в том, где кончится экономический тупик на побережии ли Черного моря или в степной окраине Киевщины« (стр. 11). Таким образом »основная причина феодализации как у нас так и в Западной Европе — разрушение великого хозяйственного организма, которой представляла собою бывшая Римская империя и преемница ее Византия« (стр. 14). Но примитивность хозяйственного строя древней Руси, по сравнению со сложными политическими формами Римской империи, »помешала образованию таких глубоких потрясений, какие мы наблюдаем в Римской империи и ее провинциях в IV—VII вв.« (стр. 14—15). В отдельных областях древней Руси процесс феодализации протекал по своему: »таких резких областных различий не знала ни Франция, ни Англия, ни Италия« (стр. 15).

Как видно в этой концепции есть нечто от Фюстель де Куланжа. От него исходит несомненно основная идея о доминирующей роли крупного землевладения в процессе феодализации. Фюстель де Куланжа проф. С. В. Юшков, с видимым сочувствием, цитирует на протяжении своей работы много раз, всегда впрочем в русском переводе. Однако нельзя не отметить одной странной особенности: книга Фюстель де Куланжа, первому тому которой в этом году исполняется ровно 50 лет (1876—1926-ой гг.), кажется единственная французская работа, которую

---

[1]) Оставляю в неприкосновенности стиль и орфографию автора.
[2]) Курсив в обоих случаях мой. (Ю. И.)

он привлекает, и притом наиболее новая из привлекаемых им иностранных работ. Вообще он упоминает Рота, Зома, Вайца, Маурера, Цельпфа, Шрёдера и др., но только из авторов, писавших до 1871-го года, зато нет ни Флака, ни Виоле, ни Люшера, ни Каро, ни Сибома, ни Мэтланда, ни Виноградова. Один раз, в примечании на стр. 3-ей, назван Dr. Alphons Dopsch, почему то наименованный Добшем, но только для того, чтобы заявить, что »традиционная« схема автора идет мимо схемы Допша. И это несмотря на то, что преемство взглядов Фюстель де Куланжа и Допша настолько тесно, что истинный последователь Фюстель де Куланжа был бы обязан полнее обосновать свои расхождения с таким ярким и оригинальным исследователем, как А. Допш. Что Ж. Флака С. В. Юшков просто не знает, мы увидим ниже. Вообще за Фюстель де Куланжем в деле создания современной феодальной концепции имеются совершенно непререкаемые заслуги, все чаще признаваемые теперь даже его врагами, но общий процесс изучения феодализма пошел теперь почти по равнодѣйствующей между ним и германистами, и историк, стоящий на уровне современной исторической науки, возвращаться к нему целиком уже не имеет права.

Совершенно неожиданным и совершенно недопустимым является выпад автора, направленный против одного из крупнейших знатоков феодальной проблемы в современной Европе, который предложил применить к русскому феодализму разделение на феодализм в узком и широком смысле слова. Проф. С. В. Юшков, ничтоже сумняшеся, называет это разделение »схоластическим« (примеч. к стр. 3), не решаясь назвать, однако, его автора по имени. Но как раз этот выпад, может быть более всего, и свидетельствует о непонимании им сущности проблемы феодализма, а попутно и о незнакомстве с трудами американских ученых по этому вопросу, хотя некоторые из них имеются и в библиотеке Саратовского Ун-та. Поскольку феодализм Иль де Франса или Шампани не похож на феодализм Нормандии или Савойи, даже в пределах классической страны феодального развития Франции, нам следовало бы говорить не о феодализме, а о феодализмах, и только путем обобщения мы можем применить к этому процессу слишком »узкий« термин феодализм.[1]) Эти различия порою так существенны, что вряд ли уступят различиям в общем ходе развития различных русских областей, о которых автор говорил, в уже цитируемом месте, на стр. 15 своего труда.

К сожалению труд проф. С. В. Юшкова, ограниченный узкими рамками и трудными условиями современной провинциальной работы не ставит себе задач оригинально исследовательского характера, нося скорее характер сводной работы, и отводит огромное место в основе своих реконструктивных методов той произвольной диалектике, великим мастером которой был в свое время Зом и против которой обычно ополчаются стоящие на более современной точке зрения исследователи. Наоборот, он почти освободил себя от обязанности делать точные цитаты, особенно если имеет дело с первоисточниками: Ипатьевскую летопись напр. он

---

[1]) Здесь я позволю себе сослаться на свою статью s. v. ,,Феодализм" в Энциклопедическом словаре Гранат.

цитирует дважды просто »Ипат« (стр. 98 и 99) безо всяких дальнейших подробностей. Некоторые цитаты взяты не из первых рук:[1]) напр. цитата на стр. 102 »в южной летописи читаем: ‚идоша по Волге вси люди в Болгары и привезоша жито и тако ожиша'«. По мнению автора, повторяющего здесь слова Насонова, этот текст должен доказывать отсутствие своего земледелия в Суздальской земле, но если бы г. Юшков был знаком с контекстом, он бы убедился, что тут говорится не об отсутствии земледелия, а только о закупке хлеба мешечниками в голодный год.

Вообще его характеристика экономического развития Суздальской земли полна совершенно непостижимых противоречий (сравните стрр. 15, 101 и 103), и социологически малоубедительно и малопонятно его утверждение о широком распространении воловьей запряжки в Киевской Руси (стр. 15), стоящее к тому же в противоречии с рассказами той же Ипатьевской летописи (см. под 6619 годом, стр. 191. Изд. Археографической Комиссии) о смерде пашущем на лошади и с заявлениями самого С. В. Юшкова в его полемике с Б. А. Романовым, на стр. 37-ой. Вряд ли все таки воловья запряжка была распространена у нас шире чем напр. в английском средневековьи.[2])

Социологическую концепцию феодализма можно было бы создавать на основе детального анализа аналогичных моментов в разнообразных эволюциях различных обществ. Все социологи, начиная с Г. Мэна, грешили тем, что произвольно подводили под один особенно понравившийся им тип все многообразные и в общем несходные явления, которые замечаются в феодальных обществах. Этою ошибкой грешит и Юшков, с тою только разницей, что, отгораживаясь от современной научной »схоластики«, он боится со своей »традиционной« точки зрения указать наиболее близкий к русскому феодализму тип, с которым и можно было бы сличать русскую эволюцию, и рассматривает повидимому все многовековое феодальное развитие Запада как один статический момент, избирая самые разнообразные и разновременные детали в нем как об'ект для сравнения.

Приведем несколько примеров: на стр. 95-ой он, совершенно напрасно полагаясь на Рота, отвергает территориальную основу вассалитета (ставшую обычным явлением уже в инкубационный период феодализма). Повидимому, он вообще путает вассалитет с предшествующими ему по времени институтами; сущность вопроса не в том, сопровождалась ли коммендация вассала наделением его бенефицием или нет, а в том, что личная зависимость коммендирующегося приводила под зависимость также и принадлежащую ему землю, состояла ли она формально в зависимости от сюзерена или нет. К тому же уже при ближайших преемниках Карла Великого соединение вассалитета с бенефицием стало почти неизбежным. Что же касается юридической стороны вопроса, рассматриваемой ранее в загадочном месте »см. выше стр.«, то экономическая сущность процесса всегда глубже ее правовых оформлений.[3]) Да и о каком же

---

[1]) И они принимают поэтому совершенно комический характер: напр. на стр. 55-ой: „Дюканж, под Schord-hufen; Waitz, S. 202."

[2]) Ср. И. Гранат. К вопросу об обезземеленьи крестьян в Англии. М. 1908 г.

[3]) Ср. J. Flach. Les origines de l'ancienne France. T. I, p. 124.

феодализме могла быть речь в IX веке, когда самый термин »feudum« только еще входит в обращение. В последнее время все более укрепляется сознание, что ф. возникает из анархии сениориальных отношений, только двумя веками позднее. Впрочем, его и раньше так же датировали Ф. Гизо и Г. Вайц. Точно также не различает С. В. Юшков и трех стадий в развитии иммунитета — римского, меровингского и каролингского (стр. 91), предпочитая говорить просто об иммунитете интригующими фразами вроде следующей: »даже ранние меровингские дипломы всегда формулировались . . .« и т. д. Дело не в том, как формулировались ранние меровингские дипломы, а в том, что меровингский иммунитет не похож ни на крайне ограниченный римский, ни на вполне развитой каролингский, а между тем только наличие этого последнего закрепляет обращение феода в »сениорию« — »государство-поместье« позднего средневековья.[1]) Поэтому положительный иммунитет древней Руси никакою крупною особенностью не является. Точно также, не зная Флака, С. В. Юшков не ставит себе вопроса, предшествовал ли бенефиций коммендации или коммендация бенефицию, а это далеко не маловажное различие.

Некоторые его утверждения поражают своей эксцентричностью; напр. на стр. 55-ой: »литы . . . составляли . . . вместе со смердами один сходный по своему юридическому положению разряд сельского населения существовавший во всех германских государствах в эпоху »варварских правд« т. е. в ту же самую приблизительно эпоху, когда жили и русские смерды«. Напомним, что эпоха »варварских правд« преимущественно VI и VII вв., а эпоха русских смердов, по статье самого же С. В. Юшкова »К вопросу о смердах« — это X—XV вв. Вероятно, это только lapsus, но lapsus более чем характерный. Мало поправляют дело и заявления автора на стр. 58, где эти эпохи названы уже только »близкими по своему юридическому и экономическому быту«, а не »теми же самыми«. И все же остается непонятным, что же родственного в экономическом быте эпохи VI—VII вв., времени наивысшей варваризации романского Запада и погружения его в чисто натуральное хозяйство и X—XIV вв. когда Русь, по словам С. В. Юшкова, то поддерживала оживленную торговлю с Византией, то, после ее прекращения, подчинилась сильному влиянию западного торгового капитализма (о чем см. особенно »заключительные замечания«).

Прибавим также, что термин »Средневековая Франция« к Меровингскому государству совершенно не приложим: »Regnum Francorum« не называлось так даже в XI веке, и еще для Титмара Мерзебургского термин этот имеет совершенно иное территориально политическое значение. Общие представления С. В. Юшкова о хозяйственном развитии Европы часто очень односторонни и грешат черезмерной модернизацией. Вряд ли проникновение западного торгового капитала на Русь уже в XII веке могло быть так интенсивно, что в состоянии было задержать даже развитие феодальных отношений. Не задержало же оно их у себя

[1]) Для этого различия см. опять J. Flach »Les origines«, t. I. Chapp VIII—IX. »L'immunité laique« и »L'immunité ecclesiastique«.

на Западе, где, по единодушному мнению и Гизо и Вайца и Флака, как раз к XII веку и относится высший расцвет феодализма, хотя там его влияние должно было бы быть еще ощутительнее. Вообще размеры и характер средневекового капитализма вещь еще далеко не определенная, но даже не становясь на точку зрения В. Зомбарта, вряд ли ранее XIII века можно говорить об его сколько нибудь значительном развитии.

Точно также утверждение, что разрушение Римской империи послужило основной причиной возникновения феодализма на Западе (стр. 14) совершенно ошибочно: дело обстоит как раз наоборот — именно развитие феодальных отношений и послужило причиной разрушения Римской империи.

Очень интересной и важной задачей было бы проследить воздействие на Киевскую Русь таких византийских феодальных институтов как „*ἐξκουσσεία*“, „*προστασία*“ и т. д. Как раз в последние годы в русской науке вопрос о них поставлен на очередь трудами акад. Ф. И. Успенского, проф. А. А. Васильева, приват-доцента К. И. Успенского (†) и др. О возможности такого влияния у С. В. Юшкова нет и намека, хотя казалось бы, что поводов заговорить об этом у него было достаточно.

В заключение позволю себе еще раз подчеркнуть, что несмотря на жесткий характер приводимых здесь замечаний, я вовсе не имею в виду уронить значение данной книги С. В. Юшкова. Это труд прежде всего по русской истории, или даже по истории русского права, и там он может иметь несомненное значение, а если будет принята предлагаемая им концепция, то это будет иметь крупное значение и для медиевиста западника. Но мы медиевисты западники вправе ждать от него, чтобы он серьезно подновил свою эрудицию по части историографии феодализма за последние 50 лет, и во второй части своей работы не делал таких ошибок, которыми пестрит этот выпуск и которые я указал далеко не все. Этот выпуск написан черезчур наспех, без достаточного внимания к требованиям современной историки. Более осторожная работа, вероятно, сильно повысила бы ценность все таки интересной и оригинально задуманной концепции автора. *Юрий Иванов.*

Danilevič Vasil: **Археологична минувшина Київщини.** (Київ 1925.) Збірник Ист. Філ. Відділу укр. Ак. Н. Nr. 31.

Neveliká a populární knížka. Podávám-li přece o ní zde referát, děje se to proto, že přes svůj populární ráz má značnou cenu tím, že přináší dosti nového do ruské archaeologie. Zejména v prvních částech (bohužel přehledného dělení na kapitoly kniha vůbec nemá!) jsou mnohé nové myšlenky, které posunují ku předu stav jihoruské archaeologie zaražený smrtí Chvojkovou r. 1914. Překvapilo mne však, že právě poslední část věnovaná slovanské době knížecí vypadla poměrně chudě, ač by se i v populární knize dalo o slovanské kultuře od IX. do XI. století mnohem více pověděti.

Z nových myšlenek a thesí autorových poukázal bych zejména na nové třídění neolithu s předpokládanou trojí invasí cizího lidu, dále na výklad o tripolské kultuře, kterou má autor za produkt domácích kijevských

aboriginů a nových příchozích od Dunaje, na podrobný výklad o invasi lidu, po němž zůstaly mohyly se skrčenými a obarvenými kostrami, jenž opět od západu přicházeje, vytlačil tripolský lid na jih (zde je řada nových podrobností, z nichž připomínám pěkný výklad o původu a symbolice červené barvy v hrobech), dále na nové pojetí bronzové kultury, které nepřinesli kočovníci, ale kterou tvořil opět domácí lid pod cizími vlivy, při čemž autor předpokládá opět příchod nového lidu spalujícího mrtvé. Ve výkladu o skythské kultuře, mezi niž a bronzovou vsunuje autor zvláštní kulturou hallstattskou, je opět řada nových pozorování a výkladů, zejména o správném nazírání na roztřídění t. zv. skythské keramiky, o významu skythských hradišť, o majdanech a jiných.

Nesouhlasil bych sice s leckterým nově podaným výkladem, ale cením to, že je autor vůbec přináší. Pochybuji na příklad o západním původu tripolské kultury, neboť její prvky orientální jsou příliš silné, pochybuji i o západním původu výbojníků, jimž patří kostry skrčené, a také bych se jinak než autor díval na existenci hallstattské kultury[1]) v Kijevsku a pokládal bych ji jen za vliv poměrně pozdní a současný skythské periodě. Také nelze tvrditi, že kultura domácího lidu byla vyšší než skythosarmatská. Sarmatské památky známe dnes mnohem více, dík posledním pracím M. Rostovceva. Přitom autor leckdy staví na nedokázaných hypothesách, na př. M. Eberta nebo M. Hoernesa, ač by se měl k nim postaviti kriticky, nežli je přijme. Ale na jednu věc, v níž se nemohu s autorem shodnouti, bych zvláště poukázal. Je to přílišné a v této knize nemístné nacionální stanovisko p. Danilevice. Jeví se mi ve dvou směrech. Předně v tom, že opětovně se příkře staví k dosavadním pracím velkoruských archaeologů, pokud se týkaly Ukrajiny, poněvadž prý nevystihli náležitě ukrajinský ráz tamních památek, a autor si ani při tom nedovede odepříti, aby tyto učence neoznačoval »Moskaly«. Je to zbytečné a nesprávné posuzování, neboť velkoruští badatelé vykonali dosti (Špicyn nebo Kondakov), a pak ti, kteří byli z Ukrajiny, nevykonali více. Za druhé jeví se přílišné nacionální stanovisko autorovo v tom, že ač je jinak střízlivý archaeolog, ztrácí pevnou půdu ve snaze uplatniti v archaeologii jižní Rusi dnešní element ukrajinský. Jde tak daleko, že hypothesuje existenci tohoto elementu na Kijevsku už od doby neolithické (str. 45, 48) a ovšem i trvale v dobách pozdějších. Opírá se při tom o kontinuitu kulturní, t. j. v archaeologickém materiálu i tam, kde je pochybná nebo kde vůbec pro to není s dostatek pevného materiálu. Existence Slovanstva v Kijevsku je konec konců možná věc, ale nelze ji dnes ještě archaeologicky dokázati, tím méně jeho větve ukrajinské. Kdo pak ví, jak to tam ethnograficky vypadalo ve IV—III. tisíciletí před Kr., kdy už autor mluví zde o Ukrajincích, nebo na str. 48 docela i o kmeni Dragovičů? A přitom se opírá o tvrzení, která nejsou správná. Nelze na př. říci, že čeští a němečtí archaeologové prokázali, že část polí popelnicových je slovanská (str. 72) a toho používati pro další dedukce v jižní Rusi. Nic

[1] Mimochodem řečeno není existence tohoto vlivu teprve nějakým novým objevem, jak autor dvakráte píše (str. 82, 87), neboť jsem o ní psal už před 20 lety v Slov. Starožitnostech I. 495 (a nově ve sborníku vydaném na počest N. Kondakova).

akového nebylo prokázáno. Na str. 47 přijímá dokonce autor dělení Pralovanů na základě pohřebního ritu na dvě skupiny, na severní s Bělorusy »Moskaly« a na jižní s Ukrajinci!

Je viděti, že mu záleží na tom, aby dokázal nejen starobylost Jkrajinců v Podněpří, ale i jejich absolutní samostatnost národní pro loby pravěké. To se však takovouto archaeologickou cestou dnes vůbec edokáže.

Odmyslíme-li od těchto nacionalistických záchvěvů, můžeme, jak sem již výše řekl, přivítati knihu Danilevičovu jako cenný příspěvek poznání předvěkého Ruska, a to proto, že autor zná z autopsie mnoho nateriálu dosud nezpracovaného a má odvahu říkati věci nové, které, ak doufám, povedou k dalším novým badáním. Tím prokázal dobrou platnou službu ruské archaeologii.

Připojené mapy byly by k studiu knihy cennou pomůckou, ale ejsou bohužel čitelné.

Praha. *L. Niederle.*

† Benjo Stefan Conev

Dne 5. října 1926 zemřel v Sofii bulharský slavista, universitní profesor dr. Benjo (Bojan) Stefanov Conev. Narozen dne 12. ledna r. 1863 v severobulharském městečku Lovči z rodičů chudých a negramotných. mladý Bojan svými vědomostmi záhy upoutal pozornost svých učitelů a po skončení nižších škol odebral se jako státní stipendista na záhřebské gymnasium, kde také maturoval. Po krátké učitelské působnosti v Ljaskovci a v Lompalance obdržel znova stipendium a ztrávil dvě léta 1886—88 na studiu slovanské a románské filologie ve Vídni u Jagiće a Mussafie, a dvě léta další 1889—90 v Lipsku u Leskiena, Brugmanna, Wundta a j.; zde také disertací »Lautlehre des Ostbulgarischen« získal doktorskou hodnost. V letech 1890—93 působil Conev v Sofii jako gymnasijní učitel, od r. 1893 jako docent a od r. 1895 jako profesor dějin bulharského jazyka a bulharských nářečí na sofijské universitě. Čítal vedle toho také o slovanské paleografii, semasiologii, methodice jazykové a pod. Jako universitní profesor dosáhl všech hodností fakultních a uplatňoval se velmi vydatně ve všech vědeckých i literárních bulharských institucích, jsa vedle prof. L. Miletiče, Iv. Šišmanova, V. N. Zlatarského a jiných téměř všude spolubudovatelem literatury a vědy obnoveného bulharského státu.

Jeho pilné studium vyneslo značné množství vědeckých prací, věnovaných téměř výhradně bulharskému jazyku, jeho dějinám a nářečím, někdy poměrně s malými zřeteli k ostatním jazykům slovanským. Jsou uveřejněny porůznu zejména v ministerském »Sborniku za narodni umotvorenija, nauka i knižnina«, v »Bàlgarském Pregledu«, »Periodičeském Spisaniju«, »Učilištném Pregledu« a jinde. Pozoruhodné byly na příklad jeho úvahy o přízvuku v jihoslovanských jazycích ve Sborniku III., IV., VI., dále velmi důkladné a cenné dialektologické práce, od r. 1890 otiskované v témž Sborniku (**За източнобългарския вокализъмъ** v roč. III. a IV.; **Диалектни студии** I. II. a III. tamže od roč. XX. 1904; **Кратка характеристика на Тетевенския говоръ** tamže XXXI. 1915 (srvn. můj referát v ČasModFil. 6, 1917, str. 89—90); **Прегледъ на българскитѣ говори споредъ ударението имъ**, tamže XIX., Westbulgarische Dialekte in Ostbulgarien v Jagićově Zborniku 1908 atd.), práce, jež vedle ostatních četných drobných studií o bulharském jazyku (na př. **Уводъ въ историята на бълг. езикъ, Сборн. нар. умотв.** XVII. 354 sl., **Развитие и употребление на членната форма въ български езикъ** v XI. sv. »**Български прегледъ**« r. 1895, **Хиляда години български езикъ** v Letopise Bulh. Knižovného Družestva 1908, **Опрѣдѣлени и неопрѣдѣлени форми въ български езикъ** v rektorské řeči 25. XI. 1910 atd.) učinil základem prvního, v jednotlivostech pochybeného, ale celkově významného svazku svého životního díla »**История на българский езикъ**«, jenž vyšel v Sofii r. 1919 (srvn. o něm zejména prof. J. Polívka ve Slavii 1. 120 n., prof. St. Mladenov tamže II. 430 n., prof. S. Kul'bakin v Južnoslov. filologu II. 1921, 149 n., jakož i můj referát v LF. 49, 1922, str. 152—156).

Prof. Conev věděl dobře, že jen důkladné prozkoumání staršího období bulharského jazyka může dáti pevný základ pro sepsání historické mluvnice bulharského jazyka. Věnoval proto především stálou pozornost starým rukopisným sbírkám v Bulharsku i mimo ně, jakož i popisům všech těchto rukopisů a konečně i edicím. Z tohoto oboru jeho působnosti vznikly četné práce o rkp. sbírkách v Bulharsku (povšechně v stati »**Ржкописни сбирки**

въ България«, Бълг. сбирка 1907, a jednotlivě v pracích »Ржкописната сбирка въ Рилския манастиръ, Бълг. Прѣгледъ VI., kn. X. 1900, Кирилски ржкописи и старопечатни книги въ Загребъ, Sofie 1912, (srvn. můj referát v LF. 41, 1914, str. 140—144), a zejména v cenných třech foliantech, vypravených s četnými facsimily i celým příslušným aparátem: Описъ на ржкописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната библиотека въ София I. 1910, II. 1923, a Славянски ржкописи и старопечатни книги на Народната библиотека въ Пловдивъ, Sofie 1920), jakož i rozbory jednotlivých textů středobulharských, počínaje drobnými charakteristikami a ukázkami (na př. Кюстендилско четвероевангеле, Периодич. Спис. LXVI, 1905; Изъ софійской Національной библиотеки ve Sborníku V. J. Lamanského v Petrohradě 1906, Книжовни старини отъ Елена, Годишникъ на Соф. Университетъ 19, 1923, № 1 s důležitými úvahami o bulharských damaskinech), kritikami edicí cizích (upozorňuji na př. na pěkný posudek Sčepkinovy edice Boloňského žaltáře ve Sborníku »отчетовъ о премiяхъ и наградахъ за 1907 г.« v Petrohradě 1908), a konečně i cennými edicemi vlastními (Добрѣйшово Четвероевангеле, v publikacích Бълг. старини, založených a vedených samým Conevem, Sofie, 1906; Врачанско евангеле, tamže 1914; o něm viz podrobný rozbor v mých »Nových příspěvcích k dějinám střbulh. jaz. a písemnictví« LF. 42, 1915, 240 nn.). Conev také hleděl uvésti v určitou soustavu zkoumání těchto rukopisů ve své sporné »Класификаци-i на български книжовни паметници« (Унив. Годишникъ Sofie 1904—5), a hledal také styčné body mezi starou a novou bulharštinou (ve studii »Кои новобългарски говори стоятъ най-близу до старобългарски въ лексикално отношение«, Спис. на Бълг. Акад. на наукитѣ XI., Sofie 1915; srvn. můj posudek v LF. 1916, str. 363—8), stejně jako hledal styčné body — ovšem ne vždycky šťastně — ve svých bulharsko-ruských (Руско-български паралели, Славянски Гласъ, I. 1902, kn. 1) a nejnověji v bulharsko-rumunských paralelách (Езиковни взаимности между Българи и Ромъни, Унив. Годишникъ XV—XVI, Sofie 1921).

Prof Conev dbal vždy o ryzost a správnost bulharského jazyka a přísně stíhal všechny nepřesnosti. Za tím cílem založil o vánocích v r. 1920 společně s Argirovem, Teodorovem-Balanem a Mladenovem měsíčník »Българска рѣчь«, bohužel záhy zaniklý, a ve statích »Към правописна обнова« (samostatně v Sofii 1920 a znova v revui »Слънце« Sofie 1921) radil k správné úpravě bulharského pravopisu. A když vydalo ministerstvo nár. osvěty r. 1925 »Правописенъ речникъ«, ihned ve zvláštním »Отзив-u« (Sofie 1925, Какъв е сегашния »Правописенъ речникъ etc.«) včas nabádal k přesné a konečné reformě. Při tom mnoho se napřemýšlel o jednotném umělém všeslovanském literárním jazyku (Общославянски езикъ, Славянски Гласъ IV, 1906, kn. 1. a znova ve Slovanském kalendáři v Sofii na r. 1912), ale posléze přiklonil se k jazyku ruskému.

Conev také těžce nesl citelný nedostatek dobrého bulharského slovníku a proto již v r. 1916 společně s Teodorovem-Balanem vypracoval pro Akademii plán na slovník bulh. jazyka (Прѣдложение и планъ за Рѣчникъ на българския езикъ etc.) a r. 1920 s Argirovem, Teodorovem-Balanem a Mladenovem vytiskl »25 думи за български тълковенъ рѣчникъ«.

Z literárně-historických prací Conevových, celkem nemnohých, zmiňuji se aspoň o jeho výkladech o Trojanské pritči (Сборникъ за нар. умотв. VII.), o bulh. literatuře v XVII. a XVIII. stol. (Бълг. Прѣгледъ I. 8.), o bulh. jazyku a literatuře v Sedmihradsku (tamže IV. 10), o pěkné črtě o Vas. D. Stojanovu (Споменъ за Василя Д. Стояновъ, Sofie 1911), o Pajsiu (Отъ коя школа е излѣзълъ Паиси Хилендарски, Слав. Гласъ X, 1912, kn. 5—6), a nejnověji o autoru prvního dobrého bulh. slabikáře dru P. Beroviču-Beronovi (ve Sborníku Beronově, Sofie 1926); bibliografického rázu jest »Показалецъ на женския книжовенъ трудъ у насъ« (Sofie 1911), zaznamenávající u příležitosti pražské výstavy »Bulharská žena« v r. 1911 a za účasti Conevových studentů literární činnost žen v Bulharsku do r. 1911.

Při svých dialektických pracích nashromáždil si Conev také hojně lidovědného materiálu, z něhož hned tu a tam drobné ukázky otiskoval. Souborně vydal výbor z národních písní »Родна китка« (Sofie 1916: srvn. můj

posudek v Nár. Věstn. Čsl. 12., 206—8) a »**Отборъ народни пословици, гатанки и ладанки**« (Sofie 1917).

Prof. Conev byl milý, skromný člověk, dobrý Slovan a rád při jednotlivých příležitostech zajížděl do slovanských zemí. Zmínky tu zasluhuje jeho úvaha »**Следъ слав. събори въ Прага и Любляна**« ve Slavj. Glasu VI. 1908, kn. 5—6. Dlel také u nás o velikých oslavách Palackého a o všesokolském sletu v roce 1912, kdy byl oficiálním řečníkem kulturního Bulharska. Ovocem toho byla drobná knížečka »**Пражкитѣ славянски тържества прѣзъ 1912 год**« (samostatný to otisk ze sofijského Slovanského kalendáře na rok 1913), načrtávající srdečně ráz našich oslav a podávající také stručný nákres života a díla Fr. Palackého (Sofie 1913; referoval jsem o ní podrobně v stati »Bulharský ohlas pražských slavnostních dnů slovanských r. 1912« v Osvětě 1914, str. 192—6). Fr. Palackému věnoval Conev stručnou zmínku již v r. 1898 při oslavách stého výročí narození a znova při nedávných oslavách 50. výročí úmrtí v r. 1926, kdy byl slavnostním řečníkem o Palackém na velkém večeru sofijského spolku Bulharsko-československé vzájemnosti dne 20. června t. r. — tentokráte ne bez dojemné hořkosti se zřetelem k faktu, jak přese všechny ohromné proměny dneška my Slované ještě jsme vzdáleni velikého hesla Palackého »Svoji k svému a vždy dle pravdy!« (Přednáška ta byla vytištěna v sofijském časopise »**Българо-чехословашка взаимность**« roč. II. 1926, č. 2—3, str. 2. a násl.) — Nesčetná je řada referátů, recensí a kritik, jimiž Conev sledoval domácí i cizí práce o bulharském jazyku, pronikavá byla i jeho činnost kulturně-společenská, zakladatelská a organisační. Smrt zasáhla ho náhle za největší práce — u korektur druhého svazku »**Истори-е на българский езикъ**«, díla to, v němž chtěl v sedmi svazcích »obsáhnouti všechno, co se vztahuje k bulharské mluvě, jak psané, tak nepsané, v její minulosti i v přítomnosti«, to jest podati soustavné dějiny bulharského jazyka, doplněné pak i seznamem všech pramenů a pomůcek, všechno to dávno již přežádoucí. Tím spíše dlužno litovati předčasného Conevova odchodu. Nejenom bulharská věda, ale slavistika celá utrpěla tím citelnou ztrátu, jak hned nad rakví Conevovou řekl prof. St. Mladenov ve svém projevu (vytištěném v sofijském deníku »**Миръ**« ze dne 7. října 1926), jak také napsal prof. St. Romanski v časopise «**Свободна речь**« ze dne 15. října 1926 a pro cizinu v oficiální »La Bulgarie« ze dne 27. října 1926. Jménem všech bulharských Slávomilců rozloučil se s Conevem dr. N. Bobčev srdečným nekrologem ve Slov. kalendáři na rok 1927, str. 69—72.

Jos. Páta.

Zprávy.

Обзоръ трудовъ по византиновѣдѣнію съ 1914 г.

(Окончаніе.)

Не въ хронологическомъ, а въ топографическомъ разрѣзѣ касаются Византіи мѣстныя исторіи, стремящіяся изучить развитіе отдѣльныхъ областей Византійской Имперіи или тѣхъ государствъ, которыя возникли на территоріи, ранѣе входившей въ составъ Византійской Имперіи.

Сюда относятся, напр., работы о византійскомъ Египтѣ. Превосходный сжатый очеркъ культурной исторіи Византійскаго Египта данъ въ статьѣ англійскаго ученаго H. Idris Bell: The byzantine servil state in Egypt (Journal of Egyptian Archeology, 4 ⟨1917⟩, стр. 86—106).

Нѣмецкій папирологъ В. Шубартъ далъ общій очеркъ матеріальной и духовной культуры Египта эпохи эллинистической, римской и византійской: „Ägypten von Alexander dem Großen bis auf Mohammed von Wilhelm Schubart", Berlin (Wiedmannsche Buchh.) 1922, 8⁰ стр. 379. Книжка распадается на три отдѣльныхъ очерка: 1. Alexandria, 2. Memphis und das Faijum, 3. Thebaïs. Библіографіи нѣтъ. Обзоръ исторіи эллинистическаго и византійскаго Египта имѣется также въ другой книгѣ Шубарта, Einführung in die Papyruskunde, Berlin (Weidmann) 1918 (см. гл. XII на стр. 226—242: „Geschichte Ägyptens von Alexander bis zu arabischen Eroberung" — съ библіографическими указаніями).

Аѳинскимъ историкомъ-юристомъ (нынѣ покойнымъ) проф. Момферрато (*Ἀ. Γ. Μομφερράτος*) было издано нѣсколько очерковъ, касающихся исторіи средневѣковаго Пелопонниса (*Οἱ Παλαιολόγοι ἐν Πελοποννήσῳ*, Аѳины 1913, 8⁰, стр. 84; *Σιγισμοῦνδος Π. Μαλατέστος*, Аѳины 1914, 8⁰, стр. 55; *Μεθώνη καὶ Κορώνη ἐπὶ Ἑνετοκρατίας*, Аѳины 1914, 8 , стр. 59).

Французскій ученый J. Laurent (ученикъ Шарля Диля) выпустилъ изслѣдованіе „L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886", Paris (Fontemoing et Cie) 1919, 8⁰ стр. XII + 398 (= Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 117).

Другая работа того же г. J. Laurent — „Byzance et les Turcs Seldjoucides dans l'Asie occidentale jusq'en 1081". Nansy-Paris-Strasbourg (Berger-Levrault), 1914—1919, 8⁰ стр. 140 (= Annales de l'Est, t. XXVIII).

Обращаясь отъ Восточныхъ границъ Имперіи на сѣверъ, на Балканы, слѣдуетъ прежде всего упомянуть замѣчательную работу проф. В. Н. Златарскаго: „История на Българската Държава прѣзъ Срѣднитѣ Вѣкове, т. I. Първо Българско царство, ч. I. Епоха на хуннобългарското надмощие", София (Държавна Печатница), 1918, 8⁰ стр. 485. Тому же В. Н. Златарскому принадлежитъ общій очеркъ средневѣковой болгарской исторіи на нѣмецкомъ языкѣ: „Geschichte der Bulgaren von der Gründung des bulgarischen Reiches bis zur Türkenzeit (679—1396)", Leipzig 1918, 8⁰ (12⁰, стр. X + 182 (входитъ въ серію Bulgarische Bibliothek hrsg. von Prof. Dr. Gustav Weigand, Nr. 5).

Имѣетъ значеніе и для византиновѣда и для слависта и для монголовѣда работа П. Никова: Татаробългарски отношения прѣзъ

срѣднитѣ вѣкове съ огледъ къмъ царуването на Смилеца (София 1921; 8°, стр. 95 — отдѣленъ отпечатъкъ отъ XV—XVI „Годишникъ на Софийския университетъ“ за 1919—1920 год). [1])

Назову далѣе покойнаго Константина Иречка. Извѣстенъ его превосходный очеркъ исторіи сербовъ на нѣмецкомъ языкѣ; [2]) первый томъ (Geschichte der Serben bis 1371) появился въ 1911 г. Въ 1918 г. вышла первая половина второго тома (періодъ 1371—1537), Gotha (Fr. A. Perthes A.-G), 8° (12°), XVI + 288 — въ той же серіи Allgemeine Staatengeschichte, erste Abteilung — Geschichte der Europäischen Staaten, 38. Werk. [3])

Въ 1920 г. появился чешскій переводъ сербской исторіи Ст. Становича: Stanoje Stanojević, Dějiny národa Srbského. Podle druhého, opraveného a doplněného vydání se svolením spisovatelovým přeložila Dr. Milada Paulová. Český překlad přehlédl Dr. Jarosl. Bidlo. V Praze (Jan Laichter) 1920, 8° стр. 487.

Цѣнный очеркъ византійско-сербскихъ средневѣковыхъ отношеній даетъ работа проф. М. Ласкариса: Михаило Ласкарис, Византиске принцезе у средњевековној Србији (прилог историји византискосрпских односа од краја XII до средине XV века), Београд 1926, 8°, стр. 138.

Неутомимый румынскій историкъ г. Н. Іорга издалъ за послѣдніе годы нѣсколько книгъ по исторіи румынъ и исторіи отношеній румынъ съ ихъ союзниками по міровой войнѣ — русскими, сербами, греками.

Общій очеркъ исторіи Румыніи даетъ французская книга г. Іорга: Histoire des Roumains et de leur Civilisation (Paris, H. Paulin, 1920). [4]) Главы, касающіяся средневѣковой Румыніи, говорятъ разумѣется и о Византіи.

Изъ отдѣльныхъ обзоровъ отношеній румынъ съ ихъ союзниками для византиновѣда можно отмѣтить исторію отношеній румынъ съ греками: „Roumains et Grecs au cours des siècles. A l'occasion des mariages princiers de (Bucarest 1921 8° стр. 54). Ср. также „Relations entre Serbes et Roumains. A l'occasion du mariage de la princesse Marie et du roi Alexandre“ (Bucarest 1922, 8° стр. 50).

Вопросу о румынскомъ элементѣ въ западной части Балканскаго полуострова — влахахъ и черныхъ влахахъ (мавровлахахъ) въ Хорватіи на Далматинскомъ побережьѣ въ средніе вѣка посвящена работа проф. Сильвіо Драгомира (Silviu Dragomir): „Vlahii și morlacii. (Studiu din istoria Românismului Balcanic“ (Universitatea din Cluj, publicatiunile Institutului de istorie universală — Cluj 1924, 8° стр. 134).

Обзоръ матеріала, даваемаго византійскими авторами для древней исторіи Венгріи сдѣланъ въ очеркѣ г. Шӧнебаума: Die Kenntnis der byzantinischen Geschichtsschreiber von der ältesten Geschichte der Ungarn vor der Landnahme, von Herbert Schönebaum, Berlin und Leipzig 1922 (въ серіи Ungarische Bibliothek ... hrsg. von Robert Gragger, Erste Reihe, 5.), 8° стр. 50.

2. Языкъ, литература, палеографія.

Превосходнымъ введеніемъ въ исторію греческаго языка византійской эпохи является очеркъ аѳинскаго профессора Г. Н. Хаджи-

---

[1]) См. извлеченіе изъ этой работы G. Cahen въ Revue Historique, t. 146, Mai-Juin 1924, стр. 55—59.

[2]) Есть и сербскій переводъ.

[3]) Ср. K. Kadlec „Konstantin Jireček“ въ Č. Č. H., XXIV 1918 str. 1—12. M. Murko, Österreich I (1917), str. 537—597. V. Jagić, Almanach der Akademie der Wissenschaften (7) in Wien, Jahrg. 1918. N. Radojčić, Narodna Starina (Zagreb) 1923.

[4]) Ср. также брошюру проф. Іорга на нѣмецкомъ языкѣ: Kurze Geschichte des Rumänischen Volkes für die Romanischen Bürger Deutscher Nation. Brașov 1921, 8° стр. 16.

дакиса *(Γεωργίου Ν. Χατζιδάκι)* „Краткая исторія греческаго языка“ *(Σύντομος ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης)*, Аѳины 1915, 8⁰ (12⁰), стр. 144. (въ изданіи *Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφελίμων βιβλίων*). Небольшая, но очень содержательная книжечка проф. Хаджидакиса содержитъ свѣдѣнія о развитіи греческаго языка до новѣйшаго времени, а также свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣстныхъ народныхъ греческихъ говорахъ и діалектахъ.

Частному вопросу изъ исторіи византійскаго греческаго языка посвящена работа румынскаго ученаго N. Bănescu, Die Entwicklung des griechischen Futurums von der frühbyzantinischen Zeit bis zur Gegenwart (Букарестъ, Göbl, 1915, 8⁰, 120 стр.).

Интересный матеріалъ для исторіи греческаго языка въ позднемъ средневѣковьѣ изданъ и обработанъ проф. Фасмеромъ: Max Vasmer, Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch (Leipzig 1922; 8⁰; стр. 178; входитъ въ серію Veröffentlichungen des baltischen u. slavischen Instituts an der Universität Leipzig, hrsg. von G. Gerullis u. M. Vasmer, Bd 2).

Сжатый очеркъ исторіи Византійской литературы на итальянскомъ языкѣ представляетъ собою книжечка Giovanni Montelatici, Storia della letteratura bizantina (324—1453), Milano (Hoepli), 1916; 16⁰ (8⁰) стр, VIII + 292 входитъ въ серію Manuali H epli, serie scientifica, 95—96). Изложеніе раздѣлено на три періода: 1) отъ 324 до 640 г., 2) отъ 640 до 1080, 3) отъ 1080 до 1453. Въ каждомъ періодѣ разсматривается отдѣльно поэзія и проза, а въ послѣдней особое мѣсто удѣляется исторической литературѣ. Въ концѣ — сжатая библіографія и указатель.

Вопросъ о театральныхъ представленіяхъ въ Византіи разсматривается въ интересномъ изслѣдованіи французскаго ученаго Брейе: Les miniatures des Homélies du moine Jacques et le théâtre religieux à Byzance par Louis Bréhier, Paris (Leroux) 1921; 4⁰ (f⁰), стр. 30 (Extraits des Monuments Piot, XXIV). Изслѣдованіе это примыкаетъ къ итальянской книгѣ G. La Piana, Le rapprezentazioni sacre nella letteratura bizantina dalle origini al sec. IX, изданной въ 1912 г.

Изъ отдѣльныхъ византійскихъ писателей подробное изслѣдованіе посвящено Михайлу Пселлу (XI в.). Это французская книга Émile Renauld, Étude de langue et du style de Michel Psellos, Paris (Aug. Picard), 1920; 8⁰, стр. XXIX + 614. См. также его же „Lexique choisi de Psellos — Contribution à la lexicographie byzantine“ (Ibid., 1920, 8⁰, стр. XXVIII + 160).

Византійскихъ хроникъ касается одинъ изъ очерковъ проф. Гейзенберга въ указанной выше его работѣ „Aus der Geschichte und Litteratur der Palaiologenzeit“ (1920); это замѣтка объ одномъ кодексѣ Георгія Пахимера (Cod. Monac. gr. 442).

Проф. Грегуаръ напечаталъ очеркъ о продолжателѣ Константина Манассіи: H. Grégoire, Un continuateur de Constantin Manassès et sa source (= Mélanges Schlumberger, t. I).

О древнеславянскихъ переводахъ византійскихъ хроникъ вышло въ 1922—23 гг. цѣнное изслѣдованіе чешскаго ученаго проф. Вайнгарта: Miloš Weingart: Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Část I. V Bratislavě 1922. Část II (Oddíl 1 a 2). V Bratislavě 1923.[1]) Первая часть книги проф. Вайнгарта даетъ обзоръ славянскихъ переводовъ хроникъ Іоанна Малалы, Георгія Синкелла, Никифора Патріарха, Симеона Логоѳета, Іоанна Зонары, Константина Манассеи. Вторая часть посвящена вся (оба отдѣленія) хроникѣ Георгія Амартола и представляетъ на мой взглядъ центръ тяжести въ изслѣдованіи проф. Вайнгарта. Славянскій переводъ хроники Георгія

---

[1]) Книга входитъ въ серію Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, č. II a IV. — О работѣ проф. Вайнгарта см. подробную рецензію проф. В. А. Розова въ „Славіи“, ročník III, IV.

Амартола т. о. подвергнутъ за послѣдніе годы разбору въ двухъ капитальныхъ изслѣдованіяхъ.[1])

Упомяну здѣсь также о цѣнномъ изслѣдованіи проф. Шмида: H. Schmid, Die Nomokanonübersetzung des Methodius (Leipzig 1922; составляетъ 1-й выпускъ упомянутой серіи Veröffentlichungen des balt. u. slav. Seminars an der Universität Leipzig).[2])

Изъ области палеографіи, какъ науки вспомогательной для исторіи языка и литературы, укажу работу сербскаго ученаго г. Гранича: Branko Granić. Die Subscriptionen in den datierten griechischen Handschriften des 9. und 10. Jahrhunderts. Sr. Karlovci, 1922; 8°, стр. 40 (докторская диссертація Мюнхенскаго университета). Авторъ разсматриваетъ вопросы: о положеніи въ рукописяхъ и почеркѣ помѣтъ (надписаній и подписей), о языкѣ, формѣ и содержаніи помѣтъ (дата, элементы даты и пр.) Несомнѣнно, подобныя детальныя изслѣдованія могутъ оказать большія услуги византійской палеографіи. Продолженіемъ этой работы служитъ статья того же автора „Der Inhalt der Subscriptionen in den datierten griechischen Handschriften des 11. 12. und 13. Jahrhunderts“ (Byzantion, I, 251—272).

3. Археологія и исторія искусства. — Сигиллографія, нумизматика.

Отдѣлъ археологіи и исторіи искусства можетъ быть наиболѣе блестяще разработанъ въ современной наукѣ византиновѣдѣнія. Въ его границахъ наблюдается едва ли не самая напряженная дѣятельность — преимущественно представителей французской науки. Патріархомъ и главою этого отдѣла византиновѣдѣнія долженъ быть конечно признанъ скончавшійся 17 февраля 1925 г. въ Прагѣ Н. П. Кондаковъ. Главнымъ образомъ въ результатѣ работъ Н. П. Кондакова по исторіи византійскаго искусства къ началу XX вѣка произошла коренная перемѣна во взглядахъ ученыхъ на византійское искусство. Византійское искусство, считавшееся ранѣе „мертвой безжизненной муміей“, стали теперь цѣнить и изучать. Самъ Н. П. Кондаковъ во время послѣдняго своего заграничнаго пребыванія мало успѣлъ напечатать.[3]) Его замѣчательный, подводящій итоги его работамъ курсъ лекцій по исторіи искусства восточной Европы (читанный въ Карловомъ Университетѣ въ Прагѣ) остался недописаннымъ.[4]) Въ извѣстіяхъ Болгарской Академіи Наукъ (Списание на Българската Академія на наукитѣ, книга XXII, София 1921) напечатанъ цѣнный очеркъ Н. П. Кондакова „Миѳическая сума съ земною тягою“. Въ I томѣ „Byzantion“ помѣщена Н. П. Кондаковымъ блестящая страница изъ исторіи византійскаго костюма, посвященная ѣздовому кафтану византійскихъ императоровъ — скарамангію („Les costumes orientaux à la cour byzantine“). Въ II томѣ сборника статей, посвященныхъ г. Шлюмберже (Mélanges Schlumberger, см. выше), помѣщена работа Н. П. Кондакова „Un détail des harnachements byzantins“.

---

[1]) Имѣю здѣсь въ виду, кромѣ книги проф. Вайнгарта, изслѣдованіе академика В. М. Истрина. Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ. Томъ I. Текстъ. Петр. 1920. Томъ II: а) Греческій текстъ „Продолженія Амартола“; б) Изслѣдованіе. Петроградъ 1922. Автореферат В. М. Истрина см. въ „Славіи“, II, 460—467. Ср. П. А. Лавровъ, Георгій Амартолъ въ изданіи В. М. Истрина („Славія“, IV, стр. 46—484 и Н. Дурново, К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола („Славія“, IV, 446—460).

[2]) См. отзывъ В. Н. Бенешевича въ „Славіи“, II, 135—138.

[3]) Въ Россіи за отчетный періодъ напечатанъ былъ капитальный трудъ Н. П. Кондакова Иконографія Богоматери, Петроградъ т. I—1914, т. II—1915.

[4]) Есть надежда, что записанныя лекціи Н. П. Кондакова будутъ изданы Чешской Академіей Наукъ.

Сданы въ печать книги Н. П. Кондакова — одна о русской иконѣ (имѣетъ выйти по англійски въ Лондонѣ и по русски въ Прагѣ), другая по иконографіи Мадонны (рукопись куплена Папскимъ Престоломъ).

Изъ общихъ обзоровъ византійскаго искусства нужно отмѣтить прежде всего второе (сильно расширенное) изданіе извѣстнаго руководства Ш. Диля — Manuel d'art byzantin par Charles Diehl, 2e édition revue et augmentée, tome premier, Paris (Aug. Picard), 1925; 8°, стр. I—XV, 1—480; tome second, 1926, 8°, стр. 481—946. Первый томъ второго изданія руководства Диля заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) origines et formation de l'art byzantin, 2) le premier age d'or de l'art byzantin, 3) Le second age d'or de l'art byzantin — époque des Macédoniens et des Comnènes (IXe—XIIe siécles), начало; во второмъ томѣ — продолженіе эпохи Комниновъ, а затѣмъ 4) la dernière évolution de l'art byzantin (du milieu du XIIIe siècle au milieu du XVIe siècle). Руководство Диля слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы о немъ нужно было сколько нибудь подробно высказываться. При второмъ изданіи приняты во вниманіе всѣ важнѣйшія явленія византологической литературы за послѣднія 15 лѣтъ (первое изданіе вышло въ 1910 г.).

Другой превосходный обзоръ восточно-церковнаго искусства принадлежитъ англійскому ученому Дальтону: O. M. Dalton, East christian art, Oxford 1925, 4°.

Краткій общій очеркъ византійскаго искусства — книжка Louis Bréhier, *L'art byzantin, Paris (H. Laurent), s. a. (1924) въ серіи „Les Patries de l'art", 8°, стр. 204, рис. 106[1]).

Обзору византійскаго искусства посвящена одна изъ главъ II тома извѣстнаго руководства Шпрингера (Handbuch der Kunstgeschichte von Anton Springer. II. Frühchristliche Kunst und Mittelalter, — 11-ое изданіе, обработанное профессоромъ Joseph Neuwirth, Stuttgart 1921).

Другой, болѣе ранній, нѣмецкій обзоръ: O. Wulff, Altchristliche und byzantinische Kunst. II: Die byzantinische Kunst von der ersten Blüte bis zum Ausgang. Berlin 1916. Книга хорошо издана, съ многочисленными илюстраціями и представляетъ собою обстоятельное руководство по исторіи византійскаго искусства.

Общаго значенія вопросъ о вліяніи восточнаго искусства на византійское затрагивается въ работахъ извѣстнаго вѣнскаго профессора I. Стржиговскаго. Укажу относящіяся сюда слѣдующія работы проф. Стржиговскаго: Altai — Iran und Völkerwanderung, ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- u. Nordvölker in die Treibhäuser geistigen Lebens von Josef Strzygowski anknüpfend an einen Schatzfund in Albanien. Leipzig (Hinrichs'sche Buchhandlung) 1917. 8° стр. XII + 319. Затѣмъ — Die Baukunst der Armenier und Europa. Ergebnisse einer vom kunsthistorischen Institute der Universität Wien 1913 durchgeführten Forschungsreise planmässig bearbeitet von Josef Strzygowski. (Kunstverlag Anton Schroll & Co.) Wien. 1918. 8° (4°). Стр. XII + 888. 2 тома Т. I: стр. I—XII и 1—455. Т. II: 456—888. Обѣ книги отлично изданы и снабжены большимъ количествомъ хорошо исполненныхъ иллюстрацій.

Изъ отдѣльныхъ трудовъ по исторіи византійскаго искусства прежде всего должны быть конечно упомянуты работы французскаго ученаго г. Габріэля Millet. Альбомъ фотографій фресокъ Мистры былъ изданъ г. Millet ранѣе отчетныхъ лѣтъ моего обзора (въ 1910 г.). Въ 1916 г. (въ Парижѣ) г. Millet издалъ цѣнное изслѣдованіе по византійской архитектурѣ — L'école grecque dans l'architecture

---

[1]) „Un charmant petit livre" по отзыву Габріеля Millet въ Byzantion, I, 581—586.

byzantine, Paris (E. Leroux), 1916, 8⁰ стр. XXVIII + 328 (= Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sciences religieuses. Vingt-sixième volume). Книга имѣетъ цѣлью изслѣдованіе памятниковъ церковной архитектуры собственной Греціи, комбинацію художественныхъ вліяній на нее Востока (Арменіи) и Константинополя. Книга иллюстрирована большимъ числомъ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ.

Въ томъ же 1916 г. въ другой серіи — Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 109 — появился капитальный трудъ Millet по византійской живописи — „Recherches sur l'iconographie de l'Évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont-Athos", Paris (Fontemoing et Cie) 1916, 8⁰ стр. LXIV + 809. Снабженная (какъ и всѣ работы г. Millet) тщательной и подробной библіографіей, большимъ количествомъ рисунковъ и подробными указателями, книга эта надолго останется основнымъ руководящимъ пособіемъ для всѣхъ историковъ средневѣковаго искусства.[1])

Въ своей книгѣ Millet удѣляетъ большое вниманіе византійскому искусству на славянской почвѣ — средневѣковой Сербіи. Послѣдніе годы Millet ведетъ работу именно надъ изученіемъ сербскаго средневѣковаго церковнаго искусства. Предварительнымъ очеркомъ въ этомъ направленіи является книга Millet: „L'ancien art serbe: Les églises", Paris (Boccard) 1919, 4⁰ стр. 208.[2])

Стѣнопись сербскихъ средневѣковыхъ церквей составляетъ также предметъ изслѣдованія находящагося сейчасъ въ Прагѣ русскаго ученаго Н. Л. Окунева. Н. Л. Окуневъ помѣстилъ въ „Славіи" (Ročník II, 1923—24, стр. 371—399) небольшую статью „Сербскія средневѣковыя стѣнописи"; другую статью (по-сербски) *„Стари српски живопис и његови споменици у ближој околини Скопља" („Црква и Живот", Скопле, 1923, вып. 1—2).

Совершенно новый и свѣжій матеріалъ по исторіи византійскаго искусства собранъ и изслѣдованъ проф. Жерфаніономъ, книга котораго имѣтъ первостепенное значеніе для археологовъ и историковъ искусства: G. de Jerphanion, Une nouvelle province de l'Art Byzantin: les églises rupestres de Cappadoce, Paris (Geuthner). Отдѣльно текстъ и альбомы таблицъ. Пока вышло: Texte — tome premier, première partie (1925; 4⁰, стр. LXIII + 294); Planches — premier Album (f⁰, pl. 1—69).

Цѣнный обзоръ исторіи византійской миніатюры сдѣланъ фрнацузскимъ археологомъ г. Эберсольтомъ (Jean Ebersolt: La miniature byzantine (Ouvrage accompagné de la reproduction de 140 miniatures), Paris — Bruxelles (Van Oest), 1926. Книга эта, снабженная большимъ количествомъ таблицъ, представляетъ выдающееся научное явленіе.[3])

Константинополю, какъ средоточію византійскаго искусства и старины, посвящены другія работы г. Эберсольта. Назову прежде всего его работу: „Les Arts somptuaires de Byzance, étude sur l'art impérial de Constantinople" (Paris, Leroux, 1923, 4⁰ стр. 165).[4])

Въ этой работѣ авторомъ поставлена широкая задача — дать обзоръ важнѣйшихъ отраслей византійской художественной промышленности, костюма и украшеній Византійскаго двора, внутренней раздѣлки и деко-

---

[1]) Къ сожалѣнію я не видѣлъ другое французское пособіе, гдѣ удѣлено мѣсто и византійской иконографіи — L. Bréhier, *L'art chrétien, son développement iconographique jusqu'à nos jours, Paris (H. Laurent) 1918; 8⁰ стр. 456.

[2]) См. рецензію В. Петковића въ „Slavia", roč. II (1923—24), str. 556—557.

[3]) По византійской миніатюрѣ см. еще „Die Miniaturenhandschriften der Nationalbibliothek in Athen" von P. Buberl (mit 32 Tafeln), Wien 1917 (Ak. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. Denkschriften, 60. Bd., 2. Abh.).

[4]) Рец. O. M. Dalton, Byzantion, I, pp. 593—597.

рацій помѣщеній дворцовыхъ и церковныхъ. Авторъ использовалъ большой матеріалъ письменныхъ свидѣтельствъ о развитіи придворнаго искусства и художественной промышленности. Привлечены къ объясненію данныя миніатюръ — и иллюстрацій рукописей. Слабѣе использованы вещественныя находки, обозрѣніе которыхъ конечно очень бы увеличило объемъ книги. Въ послѣдовательномъ изложеніи авторъ разбираетъ и приводитъ сначала свѣдѣнія о художественныхъ мастерскихъ Константинополя (шелкоткацкихъ, золотыхъ дѣлъ и т. д.) и сокровищахъ царскаго двора. Затѣмъ слѣдуетъ историческое разсмотрѣніе памятниковъ Константинопольской художественной промышленности, которое авторъ дѣлитъ хронологически на четыре періода, IV—VI вв., VII—X вв., XI—XII вв. (эпоха Комниновъ), XIII—XIV (эпоха Палеологовъ). Наконецъ двѣ послѣднихъ главы посвящены отраженію въ византійскомъ искусствѣ „античной традиціи" и „восточныхъ вліяній".

Интересную сводку впечатлѣній путешественниковъ въ Константинополь отъ среднихъ вѣковъ до XIX в. далъ г. Эберсольтъ въ книжечкѣ „Constantinople Byzantine et les Voyageurs du Levant", Paris (Leroux), 1918; 8⁰, стр. 280.

Цѣнныя историко-археологическія справки собраны въ другой работѣ г. Эберсольта — „Mission archéologique de Constantinople" (Avec 6 figures et 40 planches hors-texte). Paris (Leroux), 1921; 8⁰, стр. II + 70. Это отчетъ г. Эберсольта объ его поѣздкѣ въ Константинополь въ 1920 г. Отмѣчу особенно первую главу отчета — о саркофагахъ, поставленныхъ во дворѣ Константинопольскаго музея, и послѣднюю — о рукописяхъ библіотеки Сераля, являющуюся существеннымъ дополненіемъ къ описанію Ѳ. И. Успенскаго въ XII томѣ Извѣстій Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Популярный историко-археологическій очеркъ Константинополя данъ г. Шарлемъ Дилемъ: Ch. Diehl, Constantinople (въ серіи Les Villes d'Art célèbres, Paris. H. Laurent 1924, больш. in- 8⁰, стр. 172). Очеркъ написанъ съ обычнымъ для Диля блескомъ. Книга Диля раздѣляется на 7 главъ: I — Константинополь нынѣшній; II — Остатки исчезнувшей Византіи (стѣны, дворецъ, ипподромъ); III — Чудо св. Софіи; IV — Обозрѣніе византійскихъ церквей; V — Что остается отъ турецкаго Константинополя; VI — Вокругъ Константинополя; VII — Константинопольскіе Музеи. Какъ почти всѣ книги серіи „Les villes d'art célèbres", книга отлично издана, снабжена большимъ количествомъ фотографій съ различныхъ памятниковъ древняго и современнаго Константинополя. Въ заключеніе своей книги Диль даетъ яркое опредѣленіе грядущихъ задачъ археологической науки по отношенію къ Константинополю: „Такъ же какъ подъ Римомъ папскимъ сохранялись остатки Рима императорскаго, такъ же подъ Константинополемъ султанскимъ находятся остатки исчезнувшей Византіи. Научное изслѣдованіе Рима было одною изъ большихъ задачъ археологіи XIX вѣка: научное изслѣдованіе Константинополя можетъ и должно составить одну изъ большихъ задачъ XX вѣка".

Нѣсколько очерковъ Константинополя и окрестностей собрано въ книжечкѣ G. Schlumberger, Les Iles des Princes — Le Palais et l'église des Blachernes — La Grande muraille de Byzance, Deuxième édition (Paris, Boccard, 1925; 8⁰ [16⁰], стр. 395).

Помимо Константинополя, вниманіе источниковъ и археологовъ привлекала за послѣдніе годы и Солунь. Объ изданіи памятниковъ христіанской Солуни гг. Дилемъ, Летурно и Саладиномъ я говорилъ уже выше. Дилю же принадлежитъ и популярный очеркъ Солуни: Diehl *Salonique („Memoranda" 1920). Упомяну здѣсь кстати и историко-топографическій очеркъ г. Тафрали: O. Tafrali *Thessalonique, des origines au XIVe siècle. Paris (E. Leroux), 1919, 8⁰ стр. XIX + 344.

Описанію храма Св. Димитрія Солунскаго послѣ пожара 7 августа 1917 года и произведенныхъ подъ храмомъ расчистокъ крипты посвящена цѣнная работа греческаго ученаго проф. Г. А. Сотиріу: Ὁ ναὸς τοῦ

ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης ὑπὸ Γεωργίου Ἀ. Σωτηρίου, ἐν Ἀθήναις 1920, 4⁰ стр. 46 (приложеніе къ изданію *Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον Ὑπουργείου Ἐκκλησιαστικῶν* за 1918 г.).[1])

Тому же г. Сотиріу принадлежитъ отчетъ о раскопкахъ храма св. Іоанна Богослова въ Ефесѣ: *Ἀνασκαφαὶ τοῦ ἐν Ἐφέσῳ ναοῦ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου. Πρῶτον ἔτος ἀνασκαφῶν. Ἐν Ἀθήναις* 1922, 4⁰ стр. 25; *Δεύτερον ἔτος ἀνασκαφῶν* — 1924, 4⁰, стр. 115—226. (Отд. оттиски изъ того же изданія *Ἀρχαιολ. Δελτίον).* Раскопки производились лѣтомъ 1921 г. на холмѣ у древняго Ефеса, нынѣ Айя-Сулукъ. Раскопки обнаружили много интереснаго матеріала, но были прерваны вслѣдствіе малоазіатской катастрофы грековъ.[2])

Другой греческій археологъ г. Орландо напечаталъ интересную работу о церкви Паригоритиссы въ Артѣ *Ἀ. Κ. Ὀρλάνδου. Ἡ Παρηγορήτισσα τῆς Ἄρτης),* Аѳины 1921, 4⁰ стр. 82 (отд. оттискъ изъ того же *Ἀρχαιολ. Δελτίον).* Церковь эта — любопытный памятникъ искусства Ипирскаго (Эпирскаго) деспотата XIII—XIV вв.

Тотъ же г. Орландо опубликовалъ работу о т. наз. „Красивой церкви" около Аѳинъ *(Ἀ. Κ. Ὀρλάνδου, Ἡ Ὄμορφη Ἐκκλησιά).* Аѳины 1921, 8⁰ стр. 42. Постройку этой церкви г. Орландо относитъ къ первой половинѣ XI столѣтія.

Отмѣчу затѣмъ относящіеся къ археологіи очерки въ указанной выше работѣ г. Гейзенберга (Sitzungsberichte der Bayer. Akad. 1920), именно очерки о двуглавомъ орлѣ византійскихъ царей (стр. 13—25 указ. раб.) и замѣтку (на стр. 51—55) объ изображеніяхъ царей Ѳеодора II Ласкаря, Михаила VIII Палеолога и Андроника II Палеолога изъ Мюнхенской рукописи Пахимера (Cod. Monac. gr. 442; фотографическіе снимки приложены къ работѣ проф. Гейзенберга).

Существенный вкладъ въ исторію ранне-византійскаго искусства представляетъ собою изслѣдованіе болгарскаго ученаго г. Миятева: Декоративната живопись на Софийския некрополь отъ Кръстю Миятевъ. Съ 36 образа въ текста. София 1925; 4⁰, стр. 135. Некрополь около церкви св. Софіи относится къ IV—VI столѣтіемъ послѣ Р. Хр. Украшенныя росписями гробницы (погребальные покои) были обнаружены въ разное время, начиная съ 1888 г., но преимущественно въ XX в. и даже за послѣдніе годы. Росписи даютъ интересный и свѣжій матеріалъ. Въ книгѣ описано девять гробницъ.

Цѣннымъ очеркомъ въ области раннехристіанскаго и византійскаго искусства является работа чешскаго ученаго проф. Josef Cibulka, Starokřesťanská Ikonografie a zobrazování Ukřižovaného. 1924. Družstvo Přátel Studia v Praze (Nikodemu Pavloviči Kondakovu věnováno). 8⁰ 216., 12 табл.

Другая чешская работа касается архитектуры: Ravenská architektura.... napsal Dr. Vojtěch Birnbaum. I. Část. Její původ a vzory. Работа вышла въ изданіи Rozpravy České Akademie věd a umění, třída I., č. 57 и 62. Первая книга (Formálné živly architektury Ravenské, 8⁰ стр. 102) вышла въ Прагѣ въ 1916 г., вторая (Slohový obsah architektury Ravenské, 8⁰ стр. 72) — въ 1921. Авторъ приходитъ къ выводу, что Равеннская архитектура непосредственно развивалась изъ Римской, и не имѣетъ никакихъ корней въ архитектурѣ Востока.

Византійское искусство наложило свою печать на искусство всѣхъ народовъ, возросшихъ на почвѣ византійской культуры. Поэтому для историка византійскаго искусства необходимо знакомство съ искусствомъ вышедшихъ изъ Византіи культуръ. О сербскомъ искусствѣ XIV вѣка упомянуто было выше.

Очеркъ исторіи древнерусскаго искусства принадлежитъ французскому ученому г. Луи Рео: Louis Réau. L'art Russe des

[1]) См. мою рецензію въ ČČH, XXVIII (1922) seš. 1—2.

[2]) Ср. мою замѣтку въ ČČH, XXIX (1923), стр. 284—285.

origines à Pierre le Grand. Paris (Henri Laurens) 1921, 8° стр. 387 + 103 стр. рисунковъ (таблицы). Около трети книги посвящено прямо развитію византійскаго искусства въ Россіи (L'art byzantin à Kiev et à Novgorod). Библіографія по исторіи какъ русскаго такъ византійскаго искусства.

Болѣе краткій, но весьма содержательный обзоръ исторіи древнерусскаго искусства составленъ чешскимъ ученымъ Ф. Таборскимъ: Fr. Taborský. Ruské umění. Několik kapitol. Díl I. Část 1. Praha (Jan Štenc) 1921. 8° стр. 169. Въ книжкѣ двѣ части. Первая (ме́ньшая) озаглавлена Nejstarší ruská architektura. Do rozkvětu Moskvy. Вторая — Staré ruské malířství. Do Petra Velikého. Написана книга очень тепло, съ глубокой симпатіей и проникновеніемъ въ цѣнность древнерусскаго искусства. Книга хорошо издана и иллюстрирована.

Мало полезна небольшая нѣмецкая книжка: „Alt-Russische Kunst. Eine Einführung von Dr. Fannina W. Halle", Berlin (Ernst Wasmuth), годъ не обозначенъ (1922? 8° стр. 27, табл. 48. Въ серіи Orbis Pictus, Weltkunst-Bücherei, hrsg. von Paul Westheim). Текстъ кратокъ. Есть интересныя иллюстраціи, но довольно плохо исполненныя.

Проф. Б. Филовъ написалъ исторію болгарскаго искусства: „Старобългарското изкуство", София 1924 (изданіе Народнаго Музея въ Софии. 4°, стр. VIII + 128; 85 рис. въ текстѣ и 58 таблицъ, въ т. ч. многія въ краскахъ). Книга проф. Филова является основнымъ введеніемъ въ исторію болгарскаго искусства и вмѣстѣ первымъ очеркомъ этой исторіи. Иллюстраціи новыя и хорошо изданныя. За нѣсколько лѣтъ до болгарскаго изданія, книга проф. Филова появилась на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.[1]) Болгарское изданіе 1924 г. является какъ бы вторымъ изданіемъ книги, со многими поправками и дополненіями.

Сжатый обзоръ памятниковъ древне-болгарской церковной архитектуры сдѣланъ директоромъ Народнаго Музея въ Софіи г. А. Протичемъ: André Protitch, L'architecture religieuse bulgare, София 1924, 12°, стр. 72; составляетъ 4 выпускъ серіи „La Bulgarie d'aujourd'hui — Bibliothèque rédigée par N. R. Nicolaev et Chr. Borina). Книжечка г. Протича отлично издана, обильно снабжена иллюстраціями. Большая часть обзора посвящена именно средневѣковой церковной архитектурѣ въ Болгаріи (XI—XIV вв.), т. е. въ сущности развитію византійскаго искусства на болгарской культурной почвѣ.

Изъ отдѣльныхъ разысканій по исторіи болгарскаго искусства отмѣчу работы А. Н. Грабара и проф. Мутафчиева. Работы А. Н. Грабара напечатаны въ „Годишникѣ на Народния Музей". Въ этомъ Ежегодникѣ за 1920 годъ (София, януари 1921) напечатаны г. Грабаремъ (по-русски) „Матеріалы по средневѣковому искусству въ Болгаріи. I. Стѣнописи 2. Архитектура". Работа эта представляетъ отчетъ объ ученыхъ командировкахъ лѣтомъ 1920 г. Г-ну Грабару удалось собрать много интереснаго матеріала по болгарскому искусству. Сдѣланныя имъ фотографіи памятниковъ болгарской старины обнаруживаютъ богатство и художественную цѣнность этой старины, уцѣлѣвшей при всѣхъ тяжкихъ и историческихъ испытаніяхъ болгарскаго народа. Первое мѣсто въ отчетѣ удѣлено церковной стѣнописи, которая даетъ непрерывный рядъ памятниковъ отъ XI вплоть до XIX в.

Въ томъ же Ежегодникѣ за 1921 годъ (София 1922) напечатана (по-болгарски) работа г. Грабара о наиболѣе древнемъ памятникѣ болгарской церковной стѣнописи (датируется 1230 г.): А. Грабар. Стенописѫт в цѫрквата Св. Четиредесет мѫченици в В—Тѫрново.

[1]) Французское изданіе: „L'ancien art Bulgare", Berne, 1919; 4°, стр. VIII + 88; 72 рис. и 48 табл. Нѣмецкое изданіе „Die altbulgarische Kunst" Ibid. 1919.

Изъ работъ проф. П. Мутафчиева отмѣчу здѣсь два очерка въ Извѣстіяхъ „на Българското Археологическо Дружество“ за 1915 годъ. стр. 20—111. Одинъ очеркъ: „Еленската църква при Пирдопъ“ — результатъ раскопокъ 1913 г. На основаніи откопанныхъ частей фундамента монастыря св. Иліи у Пирдопа г. Мутафчиевъ устанавливаетъ форму постройки (базилика съ куполомъ). Постройку г. Мутафчиевъ относитъ къ концу V или нач. VI в. Другой очеркъ — „Кръстовидната църква въ с. Клисе — кьой“ (раскопки 1914 г.) — фундаментъ церкви въ формѣ латинскаго креста. Предположительное время постройки: до VI в.

Очень интересно изданіе Народнаго Музея въ Софии „Мадарскиятъ Конникъ. Популярно изложение съ 15 образа“. София, 1915; 4⁰ стр. 38. Книжка состоитъ изъ четырехъ статей (А. Протича, Р. Попова, Г. Фехера, Г. И. Кацарова), посвященныхъ разсмотрѣнію интереснѣйшаго древнеболгарскаго памятника IX в. — высѣченнаго въ скалѣ при с. Мадара рельефа всадника (открытъ былъ въ 1872 Каницемъ, описанъ К. Шкорпиломъ при раскопкахъ Абоба-Плиска).

Исторія румынскаго искусства написана проф. Н. Іорга при участіи инж. Г. Бальша: Histoire de l'art roumain ansien par N. Jorga et G. Balș (Paris, Boccard, 1922; 8⁰ 4⁰, стр. 400).

По византійской сигиллографіи можно указать работу г. Kurt Regling, Byzantinische Bleisigel (Byz. Zeitschr. XXIV).

Имѣютъ большое значеніе для византиновѣдѣнія работы по нумизматикѣ и сигиллографіи Болгаріи и Румыніи. Болгарскій нумизматъ г. Н. А. Мушмовъ напечаталъ въ Годишникѣ на Народния Музей за 1921 г. (София 1923, стр. 113—146) „Развитието на българската нумизматика и класификация на българските монеты“.

Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ полный обзоръ памятниковъ болгарской нумизматики и сигиллографіи того же автора: „Монетитѣ и печатитѣ на Българскитѣ Царе, отъ Никола А. Мушмовъ. Съ 266 образи въ текста и 7 автотипни таблици“. (Издания на Народния Музей въ София). 1924; 8⁰ (4⁰), стр. XVI + 197. Въ книжкѣ данъ полный перечень сохранившихся типовъ монетъ и печатей съ подробнымъ описаніемъ ихъ. Вводныя главы въ сжатой формѣ сообщаютъ цѣнныя свѣдѣнія историко-нумизматическаго характера (развитіе болгарской нумизматики, техника изготовленія монетъ въ средніе вѣка, историческое значенія болгарской нумизматики и т. п.).

Укажу далѣе изданія Румынскаго нумизматическаго Общества, выходящія подъ редакціей проф. Constantin Moisil. Это 1) Cronica numismatică și archeologica, гдѣ въ 1920—23 гг. редакторъ напечаталъ свою Istoria monetei in România (expunere sumară). 2) Buletinul Societăţu Numismatice Române, въ одномъ изъ номеровъ котораго помѣщена между прочимъ статья французскаго ученаго г. A. Blanchet, Les villes fortifiées de la péninsule Balcanique d'après les monnaies de l'époque romaine (Buletinul, anul XVIII Nr. 45, Ianuarie-Martie 1923).

4. Церковь, религія, философія.

Отмѣчу прежде всего небольшую, но цѣнную работу проф. Н. Н. Глубоковскаго „Православната църква и християнското междуцърковно единение“ (Годишникъ на Софийския Университетъ. VI. Богословски факултетъ, год. I, 1923—54, стр. 163—260, София 1925). Проф. Глубоковскій разсматриваетъ вопросъ о христіанскомъ единеніи между церквами прежде всего въ историческомъ освѣщеніи, при чемъ останавливается въ частности и на отношеніи Византіи (а затѣмъ Московской Руси) къ латинству. Другая часть работы проф. Глубоковскаго — оцѣнка новѣйшихъ попытокъ римско-католической церкви навязать свою волю православнымъ церквамъ подъ видомъ равноправнаго объединенія — уніи.

Вопросъ о попыткахъ церковной уніи между соборами Ліонскимъ (1274) и Ферраро-Флорентійскимъ (1438—39) послужилъ предметомъ обстоятельной статьи бельгійскаго ученаго г. Villers „La question de l'union des Églises entre Grecs et Latins depuis le concil de Lyon jusqu'à celui de Florence (1274—1438)" = Revue d'Histoire ecclésiastique, т. XVII и XVIII (1922).

Спорнымъ вопросамъ объ отношеніи византійскаго православія къ римскому католицизму посвящены содержательные очерки проф. Ф. Гривца (Fr. Grivec, Cerkveno prvenstvo i edinstvo po bizantinskem pojmovanju, Ljubljana 1921; 8°, стр. 111; входитъ въ серію: Bogoslovna Akademija v Ljubljani, knjiga III).

Характеристика средне-византійской религіозности составляетъ задачу французской работы ученика Ш. Диля греческаго ученаго г. Икономоса: La vie religieuse dans l'Empire Byzantin au temps des Comnènes et des Anges, par Lysimaque Oeconomos. Préface de M. Charles Diehl. Paris (Leroux) 1918. 8°, стр. III + 224. Помимо обзора проявленій духовной жизни интересны въ книгѣ указанія на отраженіе религіи въ практической жизни — богоугодныя заведенія (глава XI: Les institutions charitables). Той же темѣ посвященъ докладъ г. Икономоса 1920 г.: Prof. E. Jeanselme et L. Oeconomos. Les Oeuvres d'assistance et les Hôpiteaux Byzantins an siècle des Comnènes. Communication faite au 1er Congrès de l'histoire de l'art de guérir (Anvers, 7—12 août 1920). Anvers, 1921. 8°, стр. 20.

Важные документы, относящіеся къ попыткамъ уніи XIII вѣка опубликованы проф. Гейзенбергомъ въ Sitzungsberichten Баварской Академіи за 1922 и 1923 г., (см. выше).

Французская наука дала въ области исторіи церкви большую работу г. Лейба, Bernard Leib: Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle: Rapports religieux des latins et des gréco-russes sous le pontificat d'Urbain II (1088—1099), Paris (Aug. Picard), 1924 8° стр. Работа посвящена интересной темѣ, широко задумана, но къ сожалѣнію на книгѣ чувствуется нѣкоторый налетъ церковнической (уніатской) тенденціи. Отсюда иногда натяжки въ освѣшеніи фактовъ. Б. Лейбомъ внимательно изучена большая литература и источники какъ по византійской, такъ и по русской исторіи. Однако въ области византиновѣдѣнія авторъ чувствуетъ себя больше дома, чѣмъ въ области русской исторіи. Автору остались неизвѣстны нѣкоторыя важныя работы по исторіи русской церкви (напр. М. Д. Приселкова).

Рядъ работъ греческаго ученаго Ралли (*Κ. Μ. Ῥάλλη*) по различнымъ вопросамъ исторій права православной церкви помѣщенъ въ Научномъ Ежегодникѣ (*Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρίς*) Аѳинскаго университета, начиная съ 1914 г. (отмѣчу работы о должностяхъ сакелларія въ 14-мъ томѣ указаннаго изданія и о должностяхъ II и III пентады Великой церквй въ томѣ 15—17-мъ).

По исторіи церкви въ Болгаріи очень существенна небольшая работа В. Н. Златарскаго (Български архиепископи — патриарси презъ първото царство" „Известия на Историческото Дружество. VI. Отдѣленъ отпечатъкъ. 8° стр. 28 — София 1924).

По исторіи византійской философіи можно отмѣтить работу о Пселлѣ: *Chr. Zervos, Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle: Michel Psellos, Paris (E. Leroux) 1920, 8° стр. XIX + 262.

5. Хозяйство и право.

Выдающееся явленіе въ области исторіи хозяйственнаго быта Византійской имперіи представляетъ книга аѳинскаго профессора Андреадиса, (*Ἀνδρεάδης*, Andréadès) половина I тома которой вышла (на греческомъ языкѣ) въ Аѳинахъ въ 1918 г. подъ заглавіемъ *Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας ἀπὸ τῶν ἡρωϊκῶν χρόνων μέχρι τῆς συστάσεως*

τοῦ Ἑλληνικοῦ βασιλείου (Исторія греческаго государственнаго хозяйства отъ героическихъ временъ до образованія Греческаго Королевства), 8⁰, стр. *ιβ'* + 624.

Приблизительно половина вышедшаго полутома посвящена довизантійскому греческому государственному хозяйству (начиная со временъ Гомера) и половина (около 300 страницъ) — византійскому. Обзоръ византійскаго государственнаго хозяйства содержитъ пока однако только отдѣленіе о государственныхъ расходахъ. Отдѣленіе о государственныхъ доходахъ Византіи должно составить слѣдующій полутомъ труда Андреадиса. Вышедшая часть византійскаго государственнаго хозяйства содержитъ (помимо библіографическаго введенія) главы объ издержкахъ по управленію, расходахъ на войско на дипломатію, на дворъ, на церковь, благотворительность, просвѣщеніе, на городъ Константинополь.

Нѣкоторые итоги своей работѣ Андреадисъ подвелъ во французской своей статьѣ „Le montant du budget de l'empire byzantin" (Revue des études Grecques, t. 34, 1921). Выводы Андреадиса о размѣрахъ византійскаго бюджета колеблютъ прежнее представленіе историковъ о необычайно высокихъ цыфрахъ этого бюджета (Папарригопуло, напр., устанавливалъ цыфру 640 милліоновъ зол. франковъ номинальныхъ, т. е. свыше 3 милліардовъ франковъ примѣнительно къ покупной силѣ византійскихъ денегъ). Андреадисъ считаетъ возможнымъ говорить о суммѣ лишь 150—200 милліоновъ зол. франковъ номинальныхъ (т. е. до 1 милліарда франковъ реальныхъ). Нѣмецкій историкъ Штейнъ (въ указанныхъ выше „Очеркахъ по исторіи Византійской имперіи") еще уменьшаетъ эту цыфру до 100 милліоновъ зол. франковъ (съ чѣмъ Андреадисъ уже не соглашается). [1])

Особая работа проф. Андреадиса касается финансоваго управленья Семиостровья (Іонійскіе острова) подъ владычествомъ Венеціи: *Περὶ τῆς οἰκονομικῆς διοικήσεως τῆς Ἑπτανήσου ἐπὶ Βενετοκρατίας* (2 тома, Аѳины 1914). Обширную рецензію объ этой работѣ написалъ Henri Monnier въ Revue historique de droit Français et étranger за 1916 г.

Не спеціалисту византиновѣду, но крупному ученому въ области политической экономіи, проф. Lujo Brentano принадлежитъ сжатый общій очеркъ византійскаго хозяйства. Die byzantinische Volkswirtschaft. Ein Kapitel aus Vorlesungen über Wirtschaftsgeschichte (Sonderabdruck aus Schmollers Jahrbuch, 41. Jg, 2. Heft). München und Leipzig, 1917, 8⁰ стр. 50. Основная точка зрѣнія Брентано состоитъ въ томъ, что Византія явилась передатчицей античнаго капитализма новымъ временамъ. Соприкосновеніе итальянцевъ съ Византіей послужило исходныхъ пунктомъ для умственнаго и хозяйственнаго развитія итальянскихъ городовъ, съ которыхъ началось хозяйственное развитіе новой Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Брентано высказываетъ положеніе, что Византійское государство основывалось главнымъ образомъ на денежномъ хозяйствѣ, ремеслѣ и торговлѣ, а не на земледѣліи.

Къ финансовой исторіи Византіи относится еще работа A. Piganiol, L'impôt de capitation sous le Bas. Empire Romain (Chambéry, 1916). Сюда же примыкаетъ обширная статья проф. Лота: F. Lot, De l'étendue et de la valeur du „caput" fiscal sous le Bas-Empire Revue Historique de Droit français et étranger, 1925.

Касается ранне-византійской эпохи работа г. Гуммеруса о римской промышленности. Hermann Gummerus, Die römische Industrie, wirtschaftsgeschichtliche Untersuchungen — „Klio", 14 (1915) и 15 (1918). Первый отдѣлъ — Das Goldschmied — und Juweliergewerbe. III глава содержитъ историческій очеркъ развитія римскаго ювелирнаго

[1]) Подробная рецензія Штейна о работѣ Андреадиса „Le montant du budget de l'Empire Byzantin" въ Byzantinische Zeitschrift Bd 24, Heft 3/4. Ср. мою замѣтку „K otázce o rozměrech byzantského rozpočtu" ČČH, 1922, Ročník XXVIII, seš. 3/4.

дѣла, при чемъ § 3 этой главы касается и Византіи („Die spätere Kaiserzeit“, „Klio“, 15, стр. 291—302).

По исторіи византійскаго права должна быть прежде всего отмѣчена работа одного изъ столповъ этой исторіи N. Monnier: „Les nouvelles de Léon le Sage. Introduction. Droit public. Droit pénal. Les personnes. Les biens“ (Bibliothèque des Universités du midi, fasc. XVII, Bordeaux-Paris 1923); 8⁰, стр. VII + 226.[1]) Это посмертное изданіе не вполнѣ законченной работы Монньe, подготовленное къ печати г. Раде (Georges Radet). Работа имѣетъ большое значеніе; авторъ — глубокій знатокъ византійскаго права,[2]) чувствующій себя какъ дома въ юридической жизни Византіи X в.

Полезная книга для исторіи византійскаго гражданскаго права — „Pactes et contrats en droit romain et byzantin. Simples remarques par G. Paturini (G. Platon). Paris (Fontemoing) 1917; 8⁰, стр. 167 (Extrait de la Revue générale du droit, de législation et de la jurisprudence, 1913—1916). Въ „Замѣткахъ„ Патурини широко используваются данныя Царскихъ Книгъ (Василикъ).[3])

Въ области государственнаго права Византіи, для пониманія природы государственной власти можетъ быть указана небольшая, но содержательная работа Louis Bréhier et Pierre Batiffol, Les Survivances du culte impérial romain. A propos des rites shintoïstes. Paris (Aug. Picard) 1920; 8⁰, стр. 73. Книжка состоитъ изъ двухъ очерковъ — монсиньора Батиффоля (Церковь и переживанія императорскаго культа) и проф. Брейе (Переживанія императорскаго культа въ Византіи). Для византиниста имѣетъ значеніе собственно второй очеркъ. Книжка написана по спеціальному поводу, въ отвѣтъ на запросъ католическихъ миссіонеровъ въ Японіи объ отношеніи католиковъ къ культу императора въ Японіи. Очерки Батиффоля и Брейе даютъ историко-догматическую справку по этому поводу. Брейе, какъ мнѣ кажется, идетъ слишкомъ далеко, пытаясь доказать наличность въ Византіи организованнаго культа императоровъ, или особой „монархической религіи“ (religion monarchique).[4])

Важное значеніе имѣютъ работы по изслѣдованію отдѣльныхъ должностей византійскаго двора и управленія. Работы эти имѣютъ основаніе въ превосходномъ анализѣ табели чиновъ Византійскаго двора (клиторологій Филоѳея 899 г.), который сдѣланъ былъ англійскимъ историкомъ проф. J. B. Bury въ его работѣ 1911 г. „The Imperial Administrative System in the Ninth Century“. Вслѣдъ затѣмъ проф. Бюри приступилъ къ изслѣдованію римской „табели о рангахъ“ — Notitia Dignitatum IV—V вв. („The Journal of Roman Studies“, 1920).

Назову далѣе американскія работы проф. Артура Бока и г. Джемса Дэнлапа, помѣщенныя въ XIV томѣ Humanistic Series изданія University of Michigan Studies подъ общимъ заглавіемъ „Two Studies in later Roman and Byzantine administration by Arthur E. R. Boak and James E. Dunlap“. New York. Macmillan and C⁰, London (Macmillan and C⁰) 1924, 8⁰ стр. 323. Первую часть тома составляетъ работа проф. Бока, озаглавленная „The master of the offices in the later Roman and Byzantine Empires“ (съ приложеніемъ списка извѣстныхъ магистровъ отъ Константина Вел. до Комниновъ). Вторую часть тома занимаетъ работа г. Дэнлапа: „The office of the grand chamberlain in the later Roman and Byzantine Empires“ (изслѣдо-

---

[1]) Ср. рецензію г. Paul Collinet въ „Byzantion“ I, pp. 617—618.

[2]) Къ сожалѣнію не владѣвшій русскимъ языкомъ и потому не использовавшій русской научной литературы.

[3]) Объ изслѣдованіи Н. Monnier и того же G. Platon, Meditatio de nudis pactis, Paris 1915 — см. выше въ отдѣлѣ изданія источниковъ.

[4]) См. указанную выше (стр. 398) мою работу въ Recueil Kondakov („Византійскія ученія о власти царя и патріарха“).

ваніе о препоситахъ — также съ приложеніемъ списка извѣстныхъ препозитовъ).

Къ строю управленія преимущественно V—VI вв. имѣетъ отношеніе работа нѣмецкаго историка проф. Эрнста Штейна (E. Stein) Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian, Wien (Rikola Verlag A.-G.) 1922, 8⁰ стр. 77.[1]) Въ основаніи работы проф. Штейна лежитъ анализъ данныхъ сочиненія De magistratibus Іоанна Лидійскаго.

Особо стоитъ цѣнное изслѣдованіе болгарскаго ученаго проф. П. Мутафчиева Войнишки земи и войници въ Византия прѣзъ XIII—XIV в." (Сп. Болг. Акад. XXVI и отдѣльно, София 1923, 8⁰ стр. 113). Предметомъ изслѣдованія являются т. наз. στρατιωτικὰ κτήματα — земельные надѣлы солдатъ — важный институтъ соціально-государственной жизни Византійской Имперіи. Проф. Мутафчиевъ касается поздневизантійской эпохи, въ которую институтъ солдатскихъ надѣловъ какъ разъ очень мало изученъ. Тѣмъ болѣе цѣнно его изслѣдованіе. Одна глава разсматриваетъ вопросъ о „проніи и ея отношеніи къ военной службѣ". Въ этой главѣ проф. Мутафчиевъ на основаніи внимательнаго разсмотрѣнія матеріала приходитъ къ интереснымъ выводамъ о томъ, что византійская пронія вовсе не была типично-военнымъ „леномъ" или „помѣстьемъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Мутафчиевъ предостерегаетъ вообще отъ преувеличеннаго сближенія соціальныхъ формъ византійской жизни съ западно-европейскимъ феодализмомъ.

Вопросамъ исторіи византійскаго хозяйства и права посвящены мои двѣ небольшія работы, напечатанные одна по-чешски, другая по русски. По-чешски: Jiří Vernadskij, Byzantské popisy půdy (Český Časopis Historický sv. XXIX, 1923). По-русски: „Замѣтки о крестьянской общинѣ въ Византіи" (Ученыя Записки Русской Учебной Коллегіи въ Прагѣ, т. I. ч. II, 1924). Въ обѣихъ работахъ я указываю, между прочимъ, на существованіе въ народной жизни греческаго средневѣковья явленій аналогичныхъ славянской „большой семьѣ" и семейной общинѣ.[2])

Вліянію византійскаго права на славянское посвящена работа чешскаго ученаго г. Т. Сатурника: Theodor Saturník, Příspěvky k šíření byzantského práva u Slovanu, v Praze 1922 (= Rozpravy České Akademie Věd a Umění, třída I, č. 64), 8⁰ стр. 175. Работа г. Сатурника раздѣлена на двѣ части. Первая разсматриваетъ важнѣйшіе для слависта памятники византійскаго права (Еклогу и Прохиронъ) и исторію перевода ихъ на славянскій языкъ (важнымъ выводомъ является заключеніе о томъ, что оригиналомъ славянскаго перевода Еклоги послужила не официальная Еклога, а т. наз. Ecloga privata). Разсматривается и Законъ Судный Людямъ, который по мнѣнію г. Сатурника есть „славянская компиляція Еклоги". Вторая часть книги даетъ обзоръ „византійскаго права у славянъ" съ догматической точки зрѣнія. Книга г. Сатурника является отличнымъ введеніемъ въ исторію рецепціи византійскаго права у славянъ. Но все же это только предварительная развѣдка. Нужна еще упорная работа многихъ изслѣдователей по изученію юридическаго языка, состава и содержанія славянскихъ переводовъ памятниковъ византійскаго права.

Отмѣчу здѣсь также книгу: Стефанъ С. Бобчевъ. Съкратенъ учебникъ по историята на българското право (София 1919; 8, стр. 8 – 226).

Вопросу о вліяніи византійскаго права на румынское посвящена небольшая работа румынскаго ученаго г. Мототолеску. Работа эта

---

[1]) Эта работа не использована въ вышеотмѣченныхъ американскихъ изслѣдованіяхъ.

[2]) См. также мою статью въ Сборникѣ въ честь В. Н. Златарскаго (см. выше стр. 398).

касается одного изъ институтовъ семейнаго права, т. наз. преждебрачныхъ даровъ: Darurile dinnaintea Nunții în dreptul vechin Românesc comparat cu cel Romano-Bizantin și Slav. Dimitru D. Mototolescu. București. 1921. 8° стр. VI (нен.) + 83.

Прага Чешская 9/7 1926. *Г. Вернадскій.*

Sofijská Národní knihovna, hlavní bulharská studijní knihovna, obsahující nepřebraný a celkem dosud málo známý poklad starobulharských rukopisů a prvních tisků, shromažďuje v sobě také veškeru knižní a časopiseckou produkci bulharskou, jakož vůbec uschovává všechno, cožkoliv bylo v Bulharsku jakýmkoliv jazykem vytištěno. Poněvadž je to ústav státní, je skutečně možno docíliti tu poměrné úplnosti; knihovna od svého založení v r. 1879 stále vzrůstá a dobře prospívá.[1]) Správa knihovní ve snaze, aby bylo i nejširším vrstvám zřejmo, co nového přibylo, jala se na samotném sklonku minulého století vydávati podrobné roční bibliografické zprávy o přírůstcích knižních a časopiseckých. V důsledku neklidných poměrů v zemi uvázla výroční bibliografie knih r. 1908 při svazečku XII, výroční bibliografie periodik v roce 1911. Nynější správa knihovní chce pokračovati v bývalých bibliografiích a chce ovšem také vyplniti mnohaletou mezeru ve vydávání. Vydala proto loňského roku 1925 statný svazek — „Библиографически бюлетинъ за депозиранитѣ книги въ Софийската Народна библиотека презъ 1919—1923 год.", obsahující na V + 814 stranách bibliografii knižního přírůstku knihovního za pětiletí 1919—23 jakožto svazky XXIII — XXVII. Knihy nejsou zaregistrovány souborně za celé pětiletí, nýbrž za každý rok zvláště a zvláště jsou také zaznamenány knihy, vytištěné v bulharských tiskárnách v cizích jazycích. Sofijský »Bibliografický bulletin 1919—1923« je velice zajímavý a poučný. Především hned svým pravopisem: zabírať totiž právě období, v němž třikráte byl bulharský pravopis měněn. Je to hotový chaos ve psaní jerů, nosovky ж a ѣ, bohužel, ještě dnes trvající. Ale bulletin je zajímavý i jinak. Neboť přes to, že podává soupis knižních přírůstků docela mechanicky v abecedním pořádku, můžeme i při povlovném prolistování stanoviti, co novinek ze všech oborů lidského vědění bylo v Bulharsku v příslušném pětiletí vytištěno. Vyšloť tu podle závěrečné statistiky v 37 bulharských městech na osm tisíc bulharských a na čtyři sta cizojazyčných knih (z nich téměř polovina knih ruských a francouzských, něco málo tureckých, německých a italských; nalézám tu také několik tisků českých), knih, z nichž nejvíce zabírá sociologie, krásná literatura a všeobecné kulturní publikace. Vědeckých spisů vyšlo poměrně málo: nejvíce z pomocných věd, dále z historie a z mediciny, méně z přírodních nauk, práva a nejméně z národopisu, zeměpisu a z jazykozpytu.

Mechanický abecední pořad nedovoluje ovšem sledovati přesně, jaká literatura nejvíce se pěstuje a jaké spisy z cizích jazyků jsou přeloženy. Bylo by mnohem účelnější, kdyby všechny publikace za jeden rok byly přímo rozvrstveny v příslušné obory tak, aby bylo hned zřejmo, co vyšlo na př. nového v národopise, v zeměpise, v dějepise, v jazykozpytu, v poesii, v krásné próse atd. Těžko lze také kontrolovati úplnost soupisu. Jen mimochodem podotýkám, že nejsou uvedeny všechny knihy, které jistě musely býti do knihovny zařazeny: z nich na př. pro nás zajímavá brožura P. Cenova „Чехословашка Република" s úvahou R. Künzla-Jizerského „Карел Хавличек Боровски", vydaná jako 1. č. II. ročníku Slovanské bibliotéky sofijské r. 1922, chybí i poutavá knížka Kirilova „Бащино огнище" (Pleven 1919), chybí dokonce B. Coneva „Описъ на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека, томъ II", vydaný samotnou Národní knihovnou v r. 1923 (!), v indexu opomenuti autoři Lekov, Penov pro stránku 529, neuvedeni Grabowski a jiní; chybí i četné separáty, jež by rovněž měly býti pravidelně zařazovány do Národní knihovny.

Opakování jmen autorů — na př. hlavního hesla: Бобчевъ С. С. a hned vedle С. С. Бобчевъ — není-li rozvedena zkratka křestního jména — zde

[1]) O ní podrobněji píši v Osvětě 1912 v úvaze »Z dějin vzdělanosti nejmladšího slovanského státu« na str. 731 a d., rovněž tak ve studii »Ze sofijské Národní knihovny« v Čas. pro mod. fil. a lit. IV, 1914, str. 105 a d.

tedy С(тефанъ) С(авовъ) — zdá se mi zbytečným. Někdy není standartní slovo dosti vhodně voleno: na př. Pinkertonova historie „Кучешката глава, нощното привидение" z r. 1922 zaregistrována na str. 530 pod G: Глава místo pod P: Пипкертон. Takovýchto nedopatření, jež svědčí o mechaničnosti práce, je tu více. Ale těm může se správa při slíbeném dodatečném vydání sv. XIII—XXII za léta 1909—1918, jakož i při edicích dalších snadno vyhnouti. A může také přihlížeti spíše k ideové stránce bulletinů, jak jsem shora naznačil. Vzejde tím větší prospěch jak knihovně, tak čtenářům, usilujícím o rychlé a přesné poučení. A vzejde, tuším, také prospěch samotné bulharské vědě, literatuře a umění, uvidí-li se jasně a názorně, jakého druhu spisy nejvíce se tisknou, jakého druhu spisy chybí, co je přeloženo a co nutno překládati. Z vydaného soupisu na př. lze i přes nepřehlednost dosti dobře konstatovati, jak žalostně málo je překládáno z naší literatury, když Česká knihovna, založená r. 1919, uvázla na dvou svazečcích: Čechových »Písních otroka« a Macharově »Římu«. Odborné zpracování bulletinů by věci jistě neobyčejně prospělo. Ostatně Conevovy Opisy starých rukopisů a tisků Národní knihovny (ve dvou svazcích z roku 1910 a 1923) a Pogorelova Opis bulharských prvních tisků (1802-1877) téže knihovny z r. 1923 tvoří vzornou předlohu také pro bulletiny novinek, jichž další vydávání možno jistě vřele doporučiti.

Jos. Páta.

Vědecké styky francouzsko-ruské. V letošním říjnu navštívil Paříž tajemník ruské Akademie nauk Sergěj Oldenburg. Byl velmi srdečně přijat ve francouzských vědeckých kruzích a zvláště ve Francouzském výboru pro vědecké styky s Ruskem. Za jeho pařížského pobytu došlo mezi jiným zejména i k praktickému precisování vědeckých styků mezi Francií a sovětským Ruskem, jak jsou v programu zmíněného již výboru: bylo uvažováno o výměně publikací, o vzájemném usnadňování cest profesorů a studentů do obou zemí, o vzájemných publikačních informacích a vědecké spolupráci mezi oběma státy.

Po Oldenburgově návštěvě ve Francii došlo k zájezdu A. Mazona, profesora slovanských řečí a literatur na Collège de France a generálního tajemníka Francouzského výboru pro vědecké styky s Ruskem, do sovětského Ruska. Na tomto zájezdu prof. A. Mazon navštíví vedle Leningradu a Moskvy i Kijev a své bývalé působiště Charkov. Na zpáteční cestě zastaví se ve Varšavě a v Praze. *J. Frček.*

André Lirondelle, profesor řeči, literatury, dějin a civilisace Ruska na universitě v Lille, kde působil 24 let, byl ustanoven od počátku škol. roku 1926/27 rektorem university a akademie v Clermont-Ferrand. Tím se uprazdňuje jedna ze čtyř francouzských vysokoškolských stolic ruštiny. A. Lirondelle přichází v Clermont-Ferrand na universitu, na níž slavistická tradice není úplně nová: za války byl tam totiž lektorát polštiny a ruštiny, jenž v poslední době nebyl obsazen. *J. F.*

Na filosofické fakultě university Karlovy v Praze byl jmenován jako nástupce profesora Františka Pastrnka řádným profesorem srovnávacího jazykozpytu slovanského a staré slověnštiny Dr. Miloš Weingart, dotud řádný profesor slovanské filologie na filosofické fakultě university Komenského v Bratislavě, a dosavadní mimořádný profesor srovnávacích dějin literatur slovanských při filosofické fakultě Masarykovy university v Brně, Dr. Jiří Horák, řádným profesorem srovnávacích dějin literatur slovanských, jako nástupce prof. Jana Máchala. Zároveň byl pověřen Dr. Alexander Kolessa, profesor a t. č. rektor Ukrajinské university v Praze, přednáškami o ukrajinské řeči a literatuře a seminárními cvičeními o témž předmětě. Od zimního semestru 1926—1927 konají se též lektorská cvičení z ukrajinského jazyka (lektor M. Lubynećkyj).

Výtahy z časopisů.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1919 г. Тома XXIV-го книжка 1-я. Петроградъ 1922.

I. Виноградовъ. Отчетъ о занятіяхъ исторіей русскаго языка въ 1919 году (стр. 1—22). Работа автора сосредоточена была около вопроса объ исторіи звука *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ. В. дѣлитъ рукописи на слѣдующія категоріи: I. Памятники. употребляющіе *и* вм. *ѣ* во всякомъ положеніи. II. Памятники, употребляющіе *и* вм. *ѣ* только передъ мягкими согласными. III. Памятники, употребляющіе *ѣ* и *е* этимологичсеки правильно, хотя нѣкоторые изъ нихъ и знаютъ единичные случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* — большею частью передъ мягкими согласными. IV. Памятники, употребляющіе *ѣ* и *е*, смѣшивая ихъ. Указанное дѣленіе касается новгородскихъ памятниковъ; судьба *ѣ* въ псковскихъ памятникахъ разсматривается отдѣльно въ виду спорности вопроса о фонетическомъ значеніи *ѣ* въ псковскихъ рукописяхъ и условіяхъ перехода его въ *и*. Выводъ автора таковъ: ,,въ псковскихъ говорахъ *ѣ* передъ твердыми согласными переходило въ *ê*, измѣнившись діалектически, подъ вліяніемъ восточно-русскихъ элементовъ, въ *е* открытое; передъ мягкими согласными совпало съ *ê*, подвергшись переходу въ *и* лишь при наличіи благопріятствующихъ условій“ (9 стр). Приведены эти условія. Изъ за того, что др.-московскія рукописи находились подъ сильнымъ вліяніемъ сѣверно-русскимъ, въ кругъ изслѣдованія автора вошелъ вопросъ о судьбѣ *ѣ* и въ московскомъ говорѣ. Наконець, касается вопроса о ,,новомъ *ѣ*“, замѣны *ь* и *е* черезъ *ѣ*. — II. Его-же. Изслѣдованія въ области фонетики сѣверно-русскаго нарѣчія. В. I. Очерки изъ исторіи звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи (стр. 150—245). Работа представляетъ попытку въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить этапы въ судьбѣ звука *ѣ* и его діалектическихъ развѣтвленіяхъ — и при томъ только въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія (стр. 155). Гл. 1-я: Основные діалектическіе типы рефлексовъ *ѣ* въ современныхъ с.-в. говорахъ. Указывается 6 діалектическихъ группъ на основаніи рефлексовъ *ѣ* въ ударяемомъ положеніи. Гл. 2-я: Классификація ,,новгородскихъ“ памятниковъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *и*. Также приводится 6 группъ памятниковъ. ,,Новгородскими“ памятниками условно считаются рукописи, содержащія фактическія указанія на свою принадлежность Новгороду или территоріи его, а также — тѣ, которыя въ своей орѳографіи имѣютъ одну общую съ несомнѣнно новгородскими памятниками черту — смѣшеніе *ц* и *ч*, при отсутствіи восточно-русскихъ или псковскихъ примѣсей. Среди многочисленныхъ рукописей значится и Мусинъ-Пушкинская рукопись Слова о полку Игоревѣ, которую онъ помѣщаетъ въ ряду ,,новгородскихъ памятниковъ“ съ интересующей его точки зрѣнія — отраженія *ѣ*. Въ концѣ помѣщенной въ 1-й кн. XXIV т. части работы въ 9 пунктахъ предлагаются общіе выводы. — III. Іеремія Айзенштокъ. Къ вопросу о литературныхъ вліяніяхъ (Г. Ѳ. Квитка и Н. В. Гоголь. Стр. 23—42). Авторъ приходитъ къ выводу, что ,,вопросъ о вліяніи Квитки на творчество Гоголя рѣшается отрицательно, въ крайнемъ случаѣ остается открытымъ: положительныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ такого вліянія мы не имѣемъ, факты же приводимые апологетами заимствованія, весьма мало убѣдительны и рушатся при одномъ соприкосновеніи съ критикой“ (стр. 42). — IV. Д. Якшичъ. Нѣсколько

словъ о ,,Раконашахъ" въ Крайнѣ и объ ихъ языкѣ (стр. 43—50). Авторъ относитъ поселеніе въ Крайнѣ ,,Раконашей". т. е. цыганъ къ концу первой и началу второй половины XVI в., разсказываетъ о ихъ кочевой и разбойничей жизни. наконецъ, приводитъ маленькій словарикъ, который онъ нашелъ въ рукописи римско-католическаго священника Валенчича. — V. Н. Чечулинъ. О стихотвореніяхъ Державина (стр. 51—112). Статья касается вначалѣ мѣста Державина въ исторіи русской литературы и тѣхъ культурныхъ условій его времени, въ которыхъ развернулся талантъ поэта; затѣмъ г. Ч. разсматриваетъ цѣлый рядъ стихотвореній Д., какъ со стороны содержанія ихъ, такъ и со стороны формы; большинство стихотвореній г. Ч. находитъ возможнымъ съ точки зрѣнія содержанія раздѣлить на пять группъ; указываетъ, что Д. ,,въ смыслѣ языка далъ слѣдующему поколѣнію очень много" (72 стр.), но не былъ чуждъ и недостатковъ, которые авторъ объясняетъ ,,частью тѣмъ, что Д. не обладалъ въ достаточной степени чувствомъ изящнаго и чувствомъ мѣры, а частью тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ онъ сочинялъ, брался за перо по разсудочнымъ соображеніямъ" (85 стр.); IV глава приводитъ изъ творчества писателей, слѣдовавшихъ за Д., нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ эти писатели съ Д. значительно сближаются; особенно авторъ статьи останавливается на совпадающихъ съ Державинскими образахъ и картинахъ изъ творчества Пушкина, при чемъ отмѣчаетъ большую красоту Пушкинскихъ образовъ, силу и музыкальность его языка; отмѣчаетъ у Державина нѣчто, напоминающее даже письмо Татьяны, хотя никакой рѣчи о зависимости не допускаетъ (,,письмо къ супругу" 1779 г.); V глава касается Д., какъ личности, ,,представляющей собою явленіе во всякомъ случаѣ — не банальное" (стр. 110). — VI. Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи. LXXI—LXXXV (стр. 113—140). Др.-русс. *тировати* ,пребывать'. И. выводитъ его отъ корня *(s)tei-* и ставитъ въ связь съ лит. *stírsti* ,окаменѣть', лат. *stiria* ,капля'. — Русс. *болванъ* ,отрубокъ, бревно, чурбанъ, истуканъ; дуракъ'. И. признаетъ вѣрнымъ объясненіе Ficka-Torpa (Vergl. Wrb. III. 267). Съ формальной стороны *bolъvanъ* представляется И. образованымъ отъ старой основы **boly* съ помощью суффикса *-anъ*, какъ отъ *buky* сх. *bùkvanъ* ,дуракъ', отъ *tyky* — *tikvan*. Написаніе *бълъванъ* можетъ указывать на иде. базу **bh(o)lōu-*. — Русс. *телѣга* ,родъ повозки'. И. отрицаетъ турецкое происхожденіе слова и ставитъ его въ связь съ р. *стелюга* ,слега; долгое и тонкое бревешко, между бревномъ и жердью; настилка, стлань, козлы для штукатуровъ и моляровъ'. Этимологія корня *(*s*)*tel-* ,стлать' есть этимологія слав. *steljǫ*, нѣм. *stellen*, гр. *στέλλω* — хорошо извѣстныхъ. — Русс. *сковорода* ,sartago'. Въ прасл. яз. рядомъ съ формой **skvorda* И. предполагаетъ **skorda*, на которое указываетъ цсл. скрада; корень **skerdh*- тождествененъ съ корнемъ **skuerdh-* ,жарить'; изъ взаимнаго вліянія; а потомъ — контаминаціи явилась форма **skorvoda*, откуда р. **сковорода*, мр. *скоровода*. — Русск. *багоръ* ,родъ шеста'. И. сопоставляетъ *bagъrъ* съ агс. *becca* ,ligo'; вмѣстѣ съ van Wijk-омъ принимаетъ И. корень слова **bheg-*, суффиксъ *-ъr-* представляетъ низшую ступенъ форманта *-or-* (ср. *kosorъ*, *sochorъ*, *stoborъ* и пр.). — Русс. *коровай* ,большой круглый хлѣбъ'. Какъ и Zubatý, И. думаетъ, что *коровай* получилъ свое названіе по круглой формѣ и восходитъ къ иде. корню **koru-* 〉 гр. **κορϝ-*; съ слав. фонетически и семасіологически сближаются гр. *κορωνός* ,кривой', *κορωνίς* ,кривизна, изгибъ', *κορώνη* ,кольцо, вѣнокъ'; отъ низшей ступени того-же корня **kuru-* образованы лат. *curvus* ,кривой' и ср.-ирл. *curu* ,кругъ', др.-ирл. *cruind* ,круглый', др.-брет. *cron* ,круглый' — всѣ эти кельтскія имена и даютъ какъ разъ понятіе ,,чего то круглаго", что лежитъ въ основѣ **korvajь*. — Влр. *коврига* ,цѣльный хлѣбъ, коровай'. И. видитъ возможность вывести *ковригу* изъ корня **kev-* ,быть кривымъ'. **kov-ьr-iga* — исконно слав. имя, образованное съ помощью двухъ суффиксовъ *-ьr* и *-iga* отъ корня *kov-* ,быть кривымъ'. — Влр. діал. *жбень* ,толстая ржаная лепешка'. Если предположить, что *жбень*

произошло изъ болѣе древней формы *жьбень, то его можно сопоставить съ лат. *gibbus* ,изогнутый; выпуклость, бугоръ, горбъ'. Лтш. *gībt* ,нагибаться', *gibbis* ,горбатый', др. исл. *keifr* ,косой, кривой', нрв. діал. *keiv*, наклонный', лит. *geibus* ,неуклюжій, неловкій' указываютъ И., что значеніе ,быть выпуклымъ' развилось въ иде. корнѣ *gib- изъ болѣе древняго ,быть изогнутымъ'. На основаніи этого въ семью корня р. *жбень* включаются слав.: діал. р. *жбечѐкъ* ,веревочка изъ мочала, изъ рагозы', ч. *žbár, žber* ,подпорка', сх. *žbȉca* ,спица', р. *живецъ* раст., р. *жабрей* ,Galaeopsis'. — Влр. *колбаса* выводитъ И. съ Brückner-омъ изъ прасл. *kъlbasa, гдѣ *-asa* суффиксъ, а *kъlb-* — корень; корень этотъ представляетъ собой низшую ступень по отношенію къ высшей *kolb-, лежащей въ основѣ р. *кóлобъ* ,скатанный изъ чего-либо комъ, шаръ', въ частности, ,круглый хлѣбъ'. — Влр. *ветчина* ,копченая свинина'. И. признаетъ, что слово *ветчина* — одно изъ многочисленныхъ образованій отъ корня *u̯ed-, который живетъ въ п. *więdzina, więdlić,* р. *вялить*, п. *więdły*, сх. *vȅnuti*, с. *véniti*, ч. *vadnouti*, вл. *wjadnyć*, п. *więdnąć*; корни же *vęd- и *vǫd- въ предполагаемомъ для нихъ *ǫd- только присутствіемъ носового инфикса отличаются отъ корня лат. *odor* ,запахъ', гр. *ὄζω* ,пахну'; слав. *ęd- представляетъ насалированную ступень *-e-* того же корня; *ǫd- въ б. ч. говоровъ прасл. яз. должно было получить протетическое *u̯*, откуда *vǫd-; а этотъ, контаминируясь съ закономѣрнымъ *ęd-, далъ начало корню *vęd-. — Влр. *клопъ* ,насѣкомое, cimex'. И. ведетъ это слово отъ иде. двусложной базы *(s)kelep-. — Влр. *пугать* ,устрашать'. И., останавливаясь на малорусскомъ названіи филина *пугá*, предполагаетъ, что значеніе „устрашать" развилось изъ значенія „кричать какъ филинъ"; имя *пугъ, обозначавшее „крикъ филина", пріобрѣло значеніе „внушающій ужасъ крикъ", а потомъ вообще — „ужасъ, страхъ" (ср. р. *ис-пугъ*). — Влр. *шаръ* ,круглое тѣло'. И. считаетъ наиболѣе вѣроятной гипотезу Брандта, что *шаръ* обозначало первоначально „круглое пятно", восходитъ къ корню *chēr- (< *khēr-). — Влр. *серьга* ,ушная подвѣска'. И. сближаетъ р. *серьга* съ гр. *ἕρμα* ,ушная подвѣска', которое не отдѣляется отъ гр. *εἴρω* (< *σερι̯ω) ,укладываю въ рядъ', лат. *sero*, *series*, лит. *sēris* ,нитка'. — Млр. *присéрбитися* ,присосѣдиться, пристать, привязаться'. Безъ приставки глаголъ *сербитися обозначалъ то-же, что лат. *serere* и гр. *εἴρω*; корень въ млр. глаголѣ на низшей ступени *sr̥-; расширенъ онъ формантомъ *bho-, означавшимъ ,бытіе, существованіе', т. е. прасл. *sъrbiti sę* есть denominativum отъ имени *sъrbъ* или *sъrbь* (ср. др.-р. *сьрьбь* ,сербы') или даже *sъrba. Именная тема *sъrb- обозначала первоначально не ,серба' въ совр. смыслѣ слова, а „того или то, что связано общей цѣпью въ прямомъ или переносномъ смыслѣ слова". И. говоритъ далѣе: „въ противоположность имени *sěmь* resp. *sěmьja* — *sъrbь*, resp. *sъrbьja* обнимала собой людей, связанныхъ узами не малой семьи, а семьи большой, т. е. *задруги;* сообразно съ этимъ, и *sъrbinъ* означалъ не члена семьи въ нашемъ смыслѣ слова, а члена *задружнаго* и вообще *родового* союза" (стр. 139). — VII. Его-же. Славяне и нѣмцы съ точки зрѣнія этимолога (стр. 141—149). Имя *slověninъ* можетъ обозначать лишь того, кто живетъ въ *slovъ или въ *slova. Это же слово необходимо сопоставить съ греч. *ἀλωή* ,обработанная земля'; *ἀλωή* черезъ *ἀλωϝή восходитъ къ иде. *s^e^lōu̯ā; *slověninъ* ,человѣкъ, живущій на воздѣланной землѣ, земледѣлецъ'. Иде. база *s^e^leu̯- есть расширеніе простой базы *sele-, *su̯ele- съ исконнымъ значеніемъ ,низменности', откуда нѣкоторыми учеными *slověninъ* толкуется, какъ ,обитатель низменности', но И. указываетъ, что морфологическая структура слова вынуждаетъ принять значеніе ,земледѣлецъ'. Наконецъ даетъ И. объясненіе слова *němьсь*, которое выводитъ отъ *něm- < *nēm-, т. е. отъ удлиненной ступени извѣстнаго иде. корня *nem-* ,пасти', лат. *nemus* ,роща, лѣсъ съ пастбищемъ', гр. *νέμειν* ,пасти скотъ'. Образованіе подобное тому, какъ отъ *zem- — *zemьсь*. Значитъ, *slova- ,обработанная земля', *němъ, resp. *něma ,пастбище', что согласуется съ нашими сдѣдѣніями о древнѣйшемъ бытѣ

обоихъ племенъ. — VIII. А. В. Бубрихъ. Изъ прасловянской фонетики. I. Монофтонгизація дифтонговъ на носовой и перегласовка въ прасловянскомъ языкѣ (стр. 246—284). II. Монофтонгизація дифтонговъ на гласный въ прасловянскомъ языкѣ (стр. 246—284). Въ 1-й главѣ разсматриваетъ авторъ послѣдовательно случаи монофтонгизаціи и приходитъ къ выводу, что ,,монофтонгизація дифтонговъ на носовой протекла полностью до перегласовки" (стр. 252), хотя явленія этой монофтонгизаціи протекли неодновременно, напр., монофтонгизація дифтонговъ на *n* въ положеніи передъ древними спирантами *s*, *x* изъ *s* и *z* протекала въ иную эпоху, чѣмъ монофтонгизація прочихъ дифтонговъ на носовой. ,,Монофтонгизація на носовой — говоритъ Бубрихъ — произошла въ два пріема: сначала, въ силу тенденціи еще праиндоевропейской, монофтонгизовались дифтонги на *n* (не *m!*) передъ древними спирантами (не древними взрывными!) — это первая, ранняя монофтонгизація дифтонговъ на носовой — а затѣмъ, въ силу тенденціи спеціально прасловянской, монофтонгизовались прочіе дифтонги на носовой — это вторая, поздняя монофтонгизація дифтонговъ на носовой" (стр. 261). Далѣе предлагается исторія монофтонгизаціи дифтонговъ, причемъ указывается, что первая монофтонгизація дала только долгіе монофтонги, при чемъ въ дальнѣйшемъ судьба ихъ измѣнилась въ зависимости отъ того, были ли они въ послѣднемъ или не послѣднемъ слогѣ слова; результатомъ второй монофтонгизаціи было появленіе носовыхъ гласныхъ, ,,которыя количественно продолжали особенности дифтонга въ цѣломъ, а качественно — особенности перваго его элемента (гласнаго)" (стр. 262). 2-я гл. посвящена вопросу о монофтонгизаціи дифтонговъ на гласный въ прасловянскомъ языкѣ, при чемъ и въ этомъ вопросѣ существенную роль играетъ хронологическій моментъ — отношеніе къ перегласовкѣ. По вопросу о *ѣ* и *i* изъ дифтонга Бубрихъ замѣчаетъ: ,,Въ праиндоевропейскомъ языкѣ, согласно прямыхъ указаній греческаго и литовскаго языка, было двоякое исходное *-ŏi -ăi*: одно возглавляло долгій слогъ, а другое возглавляло краткій слогъ. На прасловянской почвѣ *ŏi* (праие. *ŏi — ăi*), если возглавляло долгій слогъ, дало долгое *ѣ*, а если возглавляло краткій слогъ, дало не долгое *ѣ*, а краткое *ĭ*" (стр. 281). Избѣгая въ вопросахъ праславянскаго вокализма толкованій, основанныхъ на различеніи праиндоевропейскихъ и праславянскихъ интонацій, Бубрихъ во всей работѣ своей учитывалъ только качество звука и его количество. — IX. З. К. Плотникова. К вопросу объ окончаніи род. пад. ед. ч. муж. и средняго рода мѣстоименій и сложныхъ прилагательныхъ (стр. 285—304). Статья имѣетъ цѣлью ,,представить нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что *-оγо*, *-оо*, *-ово* въ тѣхъ говорахъ, на которые опирается А. А. Шахматовъ, . . . восходятъ именно къ *-ого*, слѣдовательно отнюдь не вынуждаютъ насъ реконструировать прасл. ф. въ видѣ **toho*, **тоγо*" (стр. 286). — X. Критика и библіографія (305—320).

Тома XXIV-го книжка 2-я. Петроградъ 1923.

I. Е. С. Истрина. Синтаксическія явленія Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи (стр. 1—172). Во введеніи задача работы опредѣляется авторомъ такъ: ,,изслѣдованіе совокупности синтаксическихъ явленій одного памятника — Синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи". — II. Б. В. Варнеке. Творчество А. Н. Островскаго (стр. 173 до 187). Изслѣдователь отмѣчаетъ въ статьѣ, что при чрезвычайной внѣшней пестротѣ въ творчествѣ Островскаго проступаетъ внутреннее единство. Такъ въ разсмотрѣнныхъ авторомъ статьи 16 пьесахъ Островскаго повторяется все одинъ и тотъ же мотивъ, по которому О. можно назвать ,,пѣвцомъ женскаго увлеченія"; въ своихъ драмахъ О. является ,,тончайшимъ изобразителемъ женской души, прекрасно ему знакомой (стр. 182)". — III. В. В. Виноградовъ. Изслѣдованія въ области фонетики сѣверно-русскаго нарѣчія. В. I. Очерки изъ исторіи звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи (стр. 188—348). Статья представляетъ про-

долженіе работы, помѣщенной въ 1-й кн. XXIV т., и начинается главой о произношеніи ѣ въ говорахъ древняго Пскова, при чемъ авторъ приходитъ къ выводу: 1. Въ произношеніи ѣ между говорами др. Пскова не было однообразія — въ однихъ ѣ звучало, какъ ê, передъ ʲ и передъ слогомъ съ и діалектически, какъ и; въ другихъ — ѣ было близко къ и и даже совпало съ нимъ; въ третьихъ — произошло полное совпаданіе ѣ и е. 2. Вліяніе бѣлор. нарѣчія значительно сузило область распространенія говоровъ, гдѣ ѣ произносилось какъ ê. 3. Въ графикѣ ѣ и е отразилось чужое вліяніе на др.-псковск. писцовъ, шедшее съ Западной Руси. 4. Критеріемъ для опредѣленія живого народнаго произношенія ѣ въ языкѣ различныхъ писцовъ должны служить случаи перехода ѣ въ и или отсутствіе ихъ (стр. 212). Гл. 4-я говоритъ о звукѣ ѣ въ „полоцко-смоленскомъ говорѣ"; авторъ въ этой главѣ выдвигаетъ лишь предположенія, что 1) полоцко-смоленскіе говоры діалектически переживали процессы измѣненій звука ѣ, общіе съ частью новгородскихъ и псковскихъ говоровъ" . . . и что 2) въ полоцко-смоленскихъ грамотахъ отразились два типа говоровъ: а) говоры съ переходомъ ѣ въ е откр. передъ твердыми и въ ê передъ мягкими согласными и б) говоры съ произношеніемъ ѣ, какъ ê во всякомъ положеніи (подъ удареніемъ)" (стр. 223). Въ 5 гл. разсматривается судьба ѣ въ говорѣ Москвы XIV—XVIII в. в. и подвергаются критическому разбору всѣ гипотезы о произношеніи ѣ въ говорѣ Москвы въ эту эпоху. Выводы таковы: „1) Въ литературномъ языкѣ слагавшагося въ Ростово-Суздальской землѣ Великорусскаго государства, видоизмѣнившемъ въ новыхъ условіяхъ унаслѣдованный имъ изъ Кіева фонетическій строй, ѣ сохраняло свое дифтонгическое произношеніе подъ удареніемъ, находя себѣ опору въ такомъ же или сходномъ произношеніи этого звука въ окружающей сѣверо-русской средѣ; 2) тотъ же характеръ звука ѣ удержался въ говорѣ высшихъ классовъ Москвы; 3) ослабленіе безударнаго вокализма, явившееся слѣдствіемъ вліянія восточно-русской стихіи, вызвало переходъ рефлексовъ безударнаго ѣ (ê) въ е; 4) Ударяемое ѣ въ говорѣ высшаго слоя литературно-образованныхъ людей Московскаго государства звучало, какъ дифтонгъ іе (или іê), до начала VIII в; 5) наряду съ такимъ выговоромъ ѣ въ языкѣ верхнихъ слоевъ Московской интеллигенціи, сохранившимъ архаическія черты, очень рано ѣ совпало съ е въ произношеніи низшихъ классовъ Москвы, болѣе ярко окрашенномъ особенностями южно-великорусскаго вокализма. Отсюда такое произношеніе проникло и въ литературный языкъ въ собственномъ смыслѣ; 6) съ XVIII в. языкъ „образованного общества" въ фонетическомъ строѣ своемъ направился стремительно по пути сближенія съ рѣчью низшихъ классовъ (процессъ демократизаціи языка не связанъ ли съ эпохой Петра В.?) и подъ ея вліяніемъ развилъ произношеніе ѣ, какъ е; 7) звукъ е въ литературномъ языкѣ XIV—XVII в. звучалъ подъ удареніемъ во всѣхъ положеніяхъ открыто; 8) мнѣніе проф. Будде и его сторонниковъ о вліяніи малорусскаго духовенства на литературное произношеніе въ XVIII в. ѣ и е надо отвергнуть (стр. 281)." — Судьба звука ѣ въ сѣв.-русскомъ нарѣчіи въ неударяемыхъ слогахъ — составляетъ содержаніе гл. VI-й. Въ ней авторъ приходитъ къ выводамъ, что 1) „звукъ ѣ монофтонгизировался прежде всего въ безударныхъ слогахъ; 2) въ говорахъ, не сохранившихъ архаическаго произношенія ударяемаго ѣ, переходъ ѣ въ и интенсивнѣе всего развивался въ слогахъ ударяемыхъ; 3) діалектическій процессъ измѣненія въ и безударнаго ѣ нельзя относить къ эпохѣ раньше конца XIII — нач. XIV в. в.; 4) въ судьбѣ безударнаго ѣ сѣверно-русскій законъ о переходѣ ѣ въ и діалектически вступилъ въ столкновеніе съ южно-великорусскими вліяніями, вызывавшими рѣдкія измѣненія въ безударномъ вокализмѣ с.-в. говоровъ; 5) совпаденіе безударнаго ѣ съ е, наряду съ частичной редукціей неударяемыхъ гласныхъ, мягкимъ к и др. явленіями, свидѣтельствуетъ о глубокомъ внѣдреніи степныхъ говоровъ въ сѣверно-русское нарѣчіе; 6) изученіе исторіи измѣненій

звука *ѣ* внѣ ударенія и предѣловъ распространенія разнообразныхъ рефлексовъ неуд. *ѣ* въ с.-в. говорахъ еще разъ подрываетъ гипотезу Д. К. Зеленина о „соціальной“ основѣ въ развитіи мягкаго *к*“ (стр. 297). Гл. 8 — О сѣверно-великорусскомъ переходѣ *е* въ *и*. По автору оказывается, что 1) замѣна *и* черезъ *е (ѣ)* выдѣляетъ изъ псковскихъ памятниковъ группу, обнаруживающую въ своихъ графическихъ пріемахъ тѣсное родство съ новгородскими; 2) что „достовѣрные случаи перехода *е* въ *и*, особенно въ рукописяхъ, отражающихъ псковскіе говоры со стершейся сѣверно-русского основой, по преимуществу въ слогахъ за удареніемъ, рѣже передъ удареніемъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, надо ставить въ связь съ явленіями аканья въ широкомъ смыслѣ этого слова“; что, наконецъ, „въ разсмотрѣнныхъ особенностяхъ нельзя искать указаній на то, что древне-псковскому говору былъ свойственъ сѣверно-русскій переходъ *е* въ *ѣ* и далѣе въ *и*“ (стр. 330). — IV. Е. Поливановъ. Слѣды суффикса imperativi **-dhi* на славянской почвѣ (стр. 349—250). Замѣтка касается формъ дáждь, вѣждь и ꙗждь, въ которыхъ отражается иде. суффиксъ **-dhi*. Славянское ждь авторъ считаетъ правильнымъ отраженіемъ указаннаго суффикса на томъ основаніи, что соотвѣтствующимъ комплексомъ для ждь въ даждь и пр. въ индогерманской праформѣ служитъ не **-dhi*, а **-d-dhi*, „т. е. сочетаніе съ геминантнымъ согласнымъ, которое отнюдъ не должно апріорно подчиняться „закону“, констатированному для простого **dh* или **d*“ (349). Значитъ, нѣтъ необходимости объяснять эти формы извѣстной гипотезой о контаминаціи imperativa на **-dhi*, слав. *-dь* и optativ-a на **-i̯ē-*. — V. Р. О. Якобсонъ. Замѣтки о древне-болгарскомъ стихосложеніи (стр. 351—358). Автору удалось установить, что др.-русс. церковныя пѣснопѣнія, какъ и др.-болг. протографы ихъ, написаны силлабическимъ стихомъ. Въ замѣткѣ предложена попытка ритмической реставраціи кондаковъ. — VI. В. П. Адріанова. Замѣтка по поводу рецензіи Петровскаго (стр. 359—361). — VII. Н. И. Дурново. Отвѣтъ проф. Е. Ѳ. Будде (стр. 362—371). *Л. Копецкій.*

Archiv für slavische Philologie. Neununddreissigster Band. Berlin 1924—1925.

A. Brückner: Waldnamen und Verwandtes (1—11). Indevr. prajazyk neměl zvláštního jména pro les a pojmy příbuzné, označoval je jako ‚dřevo, strom‘ neb i ‚pláň, paseku, horu‘; druhy stromů byly specialisovány pozdě. Z toho vycházeje vysvětluje autor slova: *derva* plur., *lěsъ, borъ, dǫbьje* (collect. k *dǫbъ* ‚strom, kmen‘), *dǫbrava* a *dǫbrova, dręzga, gvozdъ, lǫgъ* a jejich příbuzenství. Z vedlejších poznámek: kritika Lidénova zákona, o dubletách *-ǫ-* a *-y-* (*dǫb-* souvisí s *dyb-*), *-ǫ-* a *-u-*, o etymologiích Hoopsových, o střídání tenuí a medií. — **J. J. Mikkola:** Beiträge zur baltischen Etymologie (12—14). 1. Die baltischen Ausdrücke für Milch und Butter. (Prus. *klente* ‚kráva‘ souvisí s rus. *kljača* ‚kobyla‘). 2. Lit. *žirgas*, lett. *zírgs* ‚Pferd‘, pr. *sirgis* ‚Hengst‘. — **N. van Wijk:** Zu den altbulgarischen Halbvokalen. (Pokračování článku ze sv. XXXVII, 330 n.) (15—43). IV. Der Umlaut der Halbvokale im Codex Zographensis. Zografské evangelium, tak jak jest nám zachováno, a jeho bezprostřední předloha vznikly v době, kdy právě působila t. zv. přehláska hlásek jerových vlivem následujících slabik. Protože však pravidlo není bez hojných odchylek, snaží se autor zjišťovati činitele, kteří spolupůsobili při tomto vývoji. Tak sousední souhlásky (předcházející i následující) dílem přehlásku podporovaly, dílem jí bránily; působil slovní rytmus a stupeň intensity polovokálu; k tomu přistupovaly ještě poměry obou redakcí kodexu, jak je autor určil již v svých dřívějších pracích. Křížením tolika vlivů se pak vyvinula ona »přehláska«, při níž autor předpokládá mnoho zjevů přechodných, buď silněji neb slaběji. Autor musí však sám přiznati, že materiál a shledávání příčin k jeho vysvětlování působí veliké obtíže. — **G. Gerullis:** Baltica (44—69). Přehled a ocenění toho, co vykonáno v baltské filologii v posledních letech. — **Ernst Fraenkel:** Zur baltoslavischen Sprachgeschichte und Grammatik (69—92). 1. Zur Entwicklung der Privativbedeutung. Pří-

klady, kdy se vynechává substantivum, označující odloučený předmět; srv. č. *stíti někoho*, při významu oslabeném r. *otnimatь* ‚ochromiti'. O kontrastech jako *zavříti-otevříti*. Má-li lit. *vérti* vedle významu ‚zavříti' také význam ‚otevříti', jest to vlivem významu složeného slovesa *atvérti*. »Das Präfix erschien einfach als perfektivierende die Entfernung deutlicher ausdrückende Verstärkung.« Podobný vývoj je při lit. slovese *vóžti* ‚decken, stülpen', ale i ‚otpiratь otvorjatь'. 2. O vzniku nových sloves jednoduchých z komposit, zvláště ne,správným výkladem neb rozložením složeného slovesa, jako ml. *bačyty*, č. *bádati* z *ob-ačyty*, *ob-ádati* a pod. Doklady, které autor uvádí jsou však většinou známy již z dřívější doby. 3. Příklady zjevu, že se jazyk vyhýbá jednoslabičným formám: aoristy typu *dastъ, bystъ*, pol. *zowię* proti *nazwę, zwę się* (reflex. zájmeno tvoří se slovesem jednotku). 3. os. pra t. dial. lit. *pradė̃* vedle *pradėjo*, ale jen *dė́jo* a j. 4. K vyjádření výrazů ‚zemříti osudem určenou, přirozenou smrtí' užívá se poss. zájmena **suos*, na př. lit. *sãvo smerčiù miřti* atd. Přirozená smrt se může ovšem chápati velmi rozmanitě. 5. O přetvořování adverbií, přejatých ze slov., v lit.: dostávají charakt. lit. koncovku adverb. *-ai*. 6. V stbulh. *nejęvěrъ* a *nejęsytъ* máme v slabice *-ję-* 2. sing. aor. v smyslu injunktivním. 7. K užívání lit. *dė̃l* ‚wegen'. — **Karl H. Meyer**: Die slovenischen protestantischen Drucke bei den Lausitzer Wenden (93—103). Autor zkoumá, pokud staří lužičtí spisovatelé měli znalost slovinských protestantských tisků, a oceňuje zejména zprávy hornolu̇ž. círk. historika Chr. Knauthe. — **Karl Vossler**: Russische Zustände am Ende des 17. Jahrhunderts, nach dem Zeugnis eines italienischen Sängers (145—153). Obsah toho, co vypravuje o Rusku pěvec Filippo Balatri z Pisy (asi 1694—1701) v své autobiografii, zachované v rkpe městské knihovny mnichovské. Mimo jiné uvádí též první strofu lidové písně o strace a vráně, snad nejstarší zlomek ruského lidového básnictví. — **Jos. Schnetz**: Die *-(ьn)ika*-Flußnamen Österreichs (153—184). Běží o jména nyní většinou zakončená na *-ing* (na př. *Liesing* z **Lěstьnika* k *lěska*). Soupis a výklad 79 jmen takových z Korutan, Štyrska, Dolních a Horních Rakous. Byla přejata do němčiny po hn. posunutí *t, p, k* (> *hh*), většinou v 2. pol. 7. a hlavně v 8. stol., jen některá na zač. 9. stol. Jména ta mají důležitost pro chronologii některých hláskových změn slovanských, ukazují na př., že metathese likvid nebyla ještě dokončena na konci 8. stol. — **R. Ekblom**: Die Waräger im Weichselgebiet (185—211). Autor podává výsledky svých dřívějších studií o tomto předmětu, zabývaje se zejména také recensí Rudnického v Slavii occ. II. Podle jeho výkladu jest v polských jmenech jako *Waręgowice, Waręż, Warężanka, Waręzyn, Waręska Kuźnica, Wierzynek*, snad i ve *Warzęgowo*, pocházejících z kmene *varęg* < *væring*, spatřovati zbytky severské kolonisace v úvodí řeky Visly. Autor všímá si dopodrobna jednotlivostí gramatických, zeměpisných, historických a j. — **N. van Wijk**: Zur Grenze zwischen dem Ost- und Westbulgarischen (212—216). Isoglosa *ъ-o* (typus *sъn-son*) je důležitá a pro svou starobylost zvlášť cenná při určení hranice mezi vých. a záp. bulharštinou. — **J. Melich**: Über eine Gruppe von ungarischen Ortsnamen (217—235). O takových slov. jmenech místních, která jsou utvořena z maďarských jmen osobních příponami odvoz. *-inъ, -ovъ, -evъ, -išt-: -ic, -ič*, na př. *Buda-Budín, Szata* — srbchrv. *Sotin, Vác* — slc. *Vacov, Vacovo, Appony* — slc. *Oponice, Kassa-Košice*. Vznikla v obou jazycích současně, za života osob, jejichž jména vzata za základ: obyvatelstvo takových míst bylo tedy v té době smíšené, slovanské i maďarské. V pozdější době přijatá jména slov. neb maďar. trvají v původní podobě: maď. *Csaba* — slc. *Čaba, Vlkov* — maď. *Vukovár*. Nakonec exkurs o srb. jméně *Braničevo*, majícím prý za základ stuher. osobní jméno *Barancs*, pozměněné lidovou etymologií v *Branič*, odkudž *Braničevo*. — **O. v. Güldenstubbe**: Gebrauch der Kasus im Altrussischen (235—266). Dokončení (z r. 38, str. 150—181) rozboru pádové syntaxe v kronice Nestorově: dativ, instrumentál, lokativ, nominativ, vokativ. — **Bücherbesprechungen.** A. v. Löwis of Menar posuzuje knihu: Lia Calmann, Altrussische Heiligenlegenden, München-Berlin 1922 (104—107). N. Trubeckoj kritisuje Meyerovu Historische Grammatik der russischen Sprache, Erster Band, Bonn 1923 (107—114; »Karl H. Meyers Werk bleibt

ein empfehlenswertes Hilfsmittel für den Ausländer, der sich in das wissenschaftliche Studium der russischen Sprache einarbeiten will«). St. Mladenov posuzuje Ekblomovu studii »Le développement des voyelles originairement nasalisées dans le moyen bulgare«, Le Monde Oriental XII, 1918, 177—225, (114—118; »Prof. Ekbloms Erklärung des mittelbulgarischen Nasalwechsels begrüße ich mit Freude und nehme sie völlig an. Sie gilt aber nicht für alle bulgarischen Mundarten«) a Pogorělovův **Опис на старите печатани български книги, София** 1923 (118—124; mimo jiné také o jazykové otázce makedonské). L. Miletić podává odmítavý posudek Meyerovy práce »Der Untergang der Deklination im Bulgarischen«, Heidelberg 1920 (267—276). G. Gerullis referuje o Būgově článku »Priesagos *-ūnas* ir dvibalsio *uo* kilmė«, Lietuvos Mokykla IV, 1921, 417—457 (276—278) a o I. knize časopisu Tauta ir Žodis (278—280). A. Brückner posuzuje práci Ad. Stendera-Petersena, Die Schulkomedien des Paters Franciszek Bohomolec S. J., Heidelberg 1923, (280—282; »Das Buch bleibt eine wesentliche Bereicherung unserer Kenntnis der Literatur jener Tage«) a Niederlův Manuel de l'antiquité slave, Paris 1923 (282—283). — **Kleine Mitteilungen. Kamil Suchý:** Über den alten Optativ *si* im Slovakischen (125—126). Ve rčeních jako *len si ryba naša* ,wenn nur der Fisch uns gehört', *mladej len si muž* ,dem jungen (sc. Weibe) sei nur der Mann', je *si* starý optativ v samostatném postavení ve větě, srovnává s tím i srbchrv. *si* v obratech jako *Blago li si meni!* ,Wohl mir!' ,Beatum me!« Týž tvar je i v spojkách *lensi, lensisi,* v adverbiích *asi, a-s-poň, a-z-da* ,vielleicht', v neurčitých pronom. a adverb. *kto-si, kam-si* a j. — **F. Schmidbauer:** Bemerkungen zum altpolnischen Alexiuslied (126—132). Uvádí přesněji, než bylo dříve (u Nehringa), důvody pro příbuzenství stpol. legendy o sv. Alexiovi se stčhn. textem B a zjišťuje ještě pramen druhý; zdali to byl text staročeský, nechce rozhodnouti. — **Edmund Sandbach:** Die aksl. Endungen *-y*, *-ę* im Gen. Sg. bei den fem. *ā*- bzw. *i̯ā*-Stämmen (133—139). Koncovka *-y* je z pův. *-ōn* (prodlouž. stupeň formantu *n*-kmenového) + *s* (při plném stupni samohl. kmenové byl zánikový stupeň koncovky; tato starobylá zvláštnost je tu zachována proto, že nebylo vlivu se strany kmenů konsonantických, kdež je jinak *-es).* Při *i̯ā*-km. třeba vyjíti nejspíš z *-i̯ēn-s*, které dalo *-ę*; zbytky *i̯ēn*-kmenů spatřuje autor v tvoření typu *Slověne, Slověninъ.* — **J. J. Mikkola:** Zum altpreußischen Wortschatz (139—140). 1. Zum Elbinger Vokabular. II. *Mixkai* ,deutsch'. Prý z **mimikiskai,* to od **mīmikis* z pol. *miemiec* m. *niemiec.* — **J. Schnetz**: Zur Entwicklung der Gruppe *-sk-* vor Palatalen im älteren Slovenischen (141—142). Jméno potoka *Liesingu* (Štyrsko, kraj Leoben) ukazuje v pravopise nejstarších pramenů *-st-*, na př. r. 860 *Liestinicha;* autor přisuzuje tomuto *-st-* fonetickou platnost *š't'*, podobně jako to bylo ve vých. Krajině a v Dolních Rakousích. — **O. Grünenthal:** Zu Lermontov (142—143). — **O. Grünenthal:** Ergänzungen zu Arch. XXXVIII, 137 ff. (143). K pojetí forem *Rimljaninъ, graždaninъ* a pod. jako deminutiv; k 5. kapit. leg. o Konstantinovi (srv. Slavia II, 790) (všechny rukopisy mají akk. юношѫ!); významový přechod ,eben' k ,leise' ukazuje také dolnoněm. *eben.* — **G. Gerullis:** Lexikalisches zu Būgas Besprechung von Leskiens Lit. Lesebuch (284). — **O. Grünenthal:** Zum russischen Akzent (284—290). Ukazuje na důležitost historického materiálu pro stanovení zákonů ruského přízvuku. Také kritika zpracování ruského přízvuku v Meyerově mluvnici. — **O. Grünenthal:** *Stumm: stammeln* (290—291). K příbuznosti významů slov *němý* a *koktati.* — **Eduard Hermann:** Litauisch *sekti* und *sekinti* (291). Mají vůbec význam ,vyprahnouti, vyschnouti, vysušiti'. — **Ed. Hermann:** Der altlitauische Lokalis Pluralis auf *-sa* (291—293). Běží o vliv direktivu (*-sa* podle *-na*). — **E. Schwab:** Zum Übergang von *g* zu *h* im Čechischen (293—296). Historickými důvody podpírá Bergmannovo datování přechodu *g* v *h* v češtině: r. 1131 byla změna ta již velmi rozšířena, 1169 úplně pronikla. Německou kolonisaci v Čechách posunuje autor podle toho o jedno století do minulosti (do 12. stol.). — **Nekrolog.** Vatroslav Jagić (144).

J. K.

Časopis Národního Musea. Ročník 98. V Praze 1924.

Články. F. M. Bartoš: Studie o Žižkovi a jeho době (1—15, 97—105, 209—221). I. (2—9). Autor shledává, že jest v jádru správná známá zpráva Eneáše Silvia o Rokycanově prostřednictví mezi Prahou a Žižkou, když tento přitrhl před svou výpravou na Moravu k Praze, aby vynutil, měsíc před svou smrtí, vítězství rozhodného směru. II. (10—15). Autor přehlíží historii sbírání Žižkových listů a připomíná dva projevy: manifest Jana Žižky a Chvala z Machovic k členům landfrídu plzeňského nejspíše ze sklonku prvé polovice února r. 1421; a t. zv. Řád nového bratrstva Žižkova z jara r. 1423. III. (97—105). Definitivní rozchod Prahy a Tábora nastal v listopadu r. 1420, kdy se objevuje znovu na scéně neústupný Koranda a vítězí nad táborským biskupem Mikulášem z Pelhřimova, stoupencem strany umírněné; porážka Biskupcova jest i porážkou Žižkovou, který byl pro jednomyslný postup Tábora s Prahou: provedením mešní novoty byla roztržka mezi oběma městy vystupňována a Žižka se s Táborem zcela rozešel. IV. (209—221). Autor vyvrací další námitky, které proti jeho tvrzení, že Žižka byl pohřben v Čáslavi, pronesli nově Urbánek (Žižka v památkách a úctě lidu českého, Spisy fil. fak. Mas. univ. č. 10) a Sedláček (ČČH 1924, 313 sl.). — **E. Šebesta:** Město Praha a Museum (15—21). — **Jos. Volf:** Amerlingovi Stálci (21—26, 156—170). Opravuje dosavadní chybné výklady o vzniku, rozšíření a působení Stálců a sám se snaží podati na základě dopisů a vlastnoručních provolání Amerlingových pravou podstatu této organisace: vznikla v l. 1836/7 z podnětu Amerlingova, aby zajistila odbyt vědecké knihy a aby se šířila láska k české knize vůbec. Stálec jest muž ve svém dobrém konání stálý, vytrvalý a neúnavný, stálý odběratel a rozšiřovatel přísně vědeckých spisů. Organisace Stálců netrvala dlouho, zájem nebyl valný a Amerling nebyl ducha praktického: vydání 4. čísla bibl. klasiků r. 1844 (Homérova Odyssea v překladě Ant. Lišky) jest posledním projevem jejím. — **Jar. Božek:**[1] Rozptýlené kapitoly o životě a dílech dra Ign. J. Hanuše (26—43, 138—155, 232—242). Viz 96 r. Str. 26—43, 138—155: Hanušova léta nejstrašnější (1852—1860). Vylíčení života a snah Hanušových po té, když mu byla odňata profesura universitní. O poměru jeho k Fr. Lad. Čelakovskému, který byl tehdy jediným povzbuzovatelem jeho poklesle mysli, sám však zemřel již 5. srpna 1852. O horlivé činnosti Hanušově v Král čes. společnosti nauk. O jeho vlivu na Boženu Němcovou, zejména na vznik »Babičky«. O neshodách jeho s jednou částí českých spisovatelů (Erbenem, K. V. Zapem, polemika V. Nebeského). Podrobně o Hanušových zásluhách o badání o nejstarším slov. písmě, jemu v podstatě náleží priorita vyslovení názoru o vyšším stáří hlaholice, ač čerpal též z dřívějších studií Šafaříkových (z doby před r. 1858), vznik cyrilice kladl Hanuš teprve do času roztržky mezi východní a západní církví. O názorech H-ových na rukopisy: rkp. Zelenohorský pokládal za formální padělek, Královédvorskému věřil, ale žádal bližší zkoumání. O H-ově redaktorství čspu Krit. Blätter. Nadmíru horlivá Hanušova činnost vědecká a redaktorská béře se v ochranu. Str. 232—242: Hanušovo nazírání na mytologii vůbec a slovanskou zvláště. — **A. Dolenský:** Z korespondence Julia Zeyera (43—52, 124—138, 242—253). Dopisy sochaři Mauderovi z let 1888—1891, psané z Vodňan a z cesty do Paříže a do Španělska. Obsahují mnoho podrobností zajímavých k pochopení duševního života a literární práce básníkovy, i jeho poměrů hmotných, poměru k přátelům, k literární veřejnosti (zmínka o volbě do Čes. akademie), doklady vřelého Zeyerova cítění národního. — **Jos. Hanuš:** Musejní časopisy za redakce Palackého (52—62, 170—183, 253—259). Viz i předchozí ročníky. Pokračování rozboru českého čspu musejního. — **V. Driml:** Po stopách zapadlého literáta českého (62—65). Dodatek k čl. v ČNM. 97, 1923, 127 a 264. — **Fr. Škrdle:** O t. zv. »aféře Konecchlumský-Chuchelský« (105—124). Vzorný tento článek objasňuje momenty, které vedly k odsouzení a k popravě p. Viléma Staršího Konecchlumského, rytíře z Konecchlumí. — **Jos. Volf:** Z dějin osvícenské censury (221—232). Vypravuje, jak Dobrovský a Fr. F. Procházka provedli censuru německých a čes-

[1]) Pseudonym gymn. profesora Otakara Joska (1854—1926).

kých katolických i nekatolických knih, vydaných v l. 1780—1785 u knihtiskaře Václ. Turečka v Litomyšli, které tento musil zaslati do Prahy k prohlídce podle památného gub. dekretu z 23. března 1786. Dobrovský knihy pečlivě prohlížel a byl posuzovatelem mírnějším než Procházka: podle jejich posudku byly některé knihy povoleny, jiné zakázány, v jiných nařízeny opravy. Pro příště bylo zdůrazněno, že se žádná kniha nesmí tisknouti bez předchozí censury. — **Drobné články. F. M. Bartoš:** Husovo kněžství (65—72). Hus byl vysvěcen na jáhna 3. dubna 1400, na kněze 2. června 1400 nejspíše v Roudnici, počátek jeho kazatelství spadá pak asi v pol. r. 1400. Tím se doplňuje důmyslný výklad již Tomkův. — **F. M. Bartoš:** O poslání Martina zv. z Krčína (72—75). — **F. M. Bartoš:** Osudy pozůstalosti Pavla Skály ze Zhoře (75—77). — **F. M. Bartoš:** Chronicon veteris collegiati Pragensis (260—267). Autorem tohoto zajímavého rkpu byl nejspíše mistr Jan Borotín. — **Ant. Podlaha:** Drobné příspěvky k dějinám starší literatury české (267—272). Poznámky životopisné a literární o Jak. Janu Dukátovi, Ant. Frozínovi, Fr. Aug. Höchenbergerovi, Štěp. Fr. Náchodském, Václavu Rosovi, Karlu Rosenmüllerovi, Janu Ben. Smolíkovi. — **Úvahy.** K. Paul referuje o těchto spisech: Miloš Weingart, Byzantské kroniky v literatuře církevně-slovanské, část 2., odd. 1., Bratislava 1923 (77—81), Jerzy Pogonowski, Iliryzm i słowiańszczyzna, Lwów 1924 (88—90: vyslovuje námitky proti metodě zpracování té studie a končí, že jest v ní třeba viděti přípravnou práci pro podrobnější badání o polských stycích a vlivech v době ilyrismu), Ljub. Stojanović, Život i rad Vuka Stef. Karadžića, Beograd 1924 (188—194), Andra Gavrilović, Slovenska putovanja, Beograd 1922 (194—196). Jos. Volf posuzuje tyto spisy, dodávaje k nim namnoze bibliografické poznámky: Sborník Blahoslavův, Přerov 1923 (81—85), Vl. A. Francev, Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka do Ruska v letech 1792—1793, v Praze 1923 (85—88), Arnošt Kraus, Husitství v literatuře, zejména německé 3, Praha 1924 (273—276) a novou jubilejní literaturu o Žižkovi (276—282), F. Kleinschnitzová podává posudek o práci Kompišově, Slovenské povstanie r. 1848—49, Praha 1924 (183—185). J. Máchal píše o studii V. Pražáka, Neuberkův sborník a Májový sen, Bratislava 1924 (185—188) — **Hlídka literární.** (90—96, 197—205, 283—288). K. Paul referuje o Popovićově vydání Nenadovićových Písma iz Nemačke, Beograd 1922, a o Saturníkových Příspěvcích k šíření byzantského práva u Slovanů, Praha akad. 1922 (výsledky celé studie jsou pro literární dějiny slovanské velmi cenné), J. Menšík o knize Št. Krčméryho, Pät rokov Matice Slovenskej (1919—1923). F. M. Bartoš píše o demonstrativním spálení papežské buly proti Husovi Voksou z Valdštejna: zařazuje tu událost do druhé polovice r. 1410, šlo nejspíše o spálení listu Jeronyma Seidenberka, královského prokurátora, králi Václavu IV. A j. *J. K.*

Zur etymologie des urslav. *gorazdъ*.

§ 1. Der hervorragende bulgarische sprachforscher Mladenov, der sich doch sonst nicht davor gescheut hat, in seiner bekannten abhandlung über die germanischen lehnwörter im slavischen[1]) einer ganzen reihe von gemein- und urslavischen wörtern, die bisher von der forschung mehr oder weniger einmütig als lehnwörter aus dem germanischen betrachtet zu werden pflegten, ihre slavische indigenität — mit oder ohne erfolg — wiederzugeben, hat es nicht gewagt, der fabel vom gotischen ursprunge des slav. wortes *gorazdъ* mit entschiedenheit entgegenzutreten. Ohne auf eine endgültige lösung der mit diesem worte zusammenhängenden fragen anspruch erheben zu wollen, möchte ich doch in den folgenden zeilen den versuch machen, die völlige grundlosigkeit jener immer noch lebenskräftigen legende zu erweisen. Die wissenschaftliche geschichte unsres wortes ist insofern psychologisch interessant, als sie eine konkrete illustration dafür bietet, wie sich die ihrem wesen nach kritisch sein sollende wissenschaftliche forschung gar gern bei einer bequemen antwort auf eine unbequeme frage zu beruhigen weiss. Šafařík ist bekanntlich der erste gewesen, der es vorschlug, das slav. *gorazdъ* aus einem völlig unbelegten, nur ganz ad hoc konstruierten got. **ga-razds* abzuleiten: er schrieb diesem worte die bedeutung ‚disertus', also ‚beredt' zu und meinte, dass es aus dem präfixe *ga-* und dem stamme des tatsächlich existierenden got. *razda* ‚mundart, zunge, sprache' gebildet sein könne. Das letztere, aus einem urgerm. **razđō* entstanden, wäre dann mit dem an. *rǫdd*, ahd. *rarta* identisch und aufs nächste mit dem ags. *reord* ⟨ urgerm. **rezđō* verwandt: es steht bis jetzt noch immer, trotz verschiedenartiger versuche, ohne sichere etymologie da.[2]) Šafaříks deutungsversuch wurde von Mi-

[1]) S. Mladenov, Staritě germanski elementi v slavjanskitě eziki (Sbornik za narodni umotvorenija, nauka i knižnina, bd. XXV : 1, Sofia 1909).

[2]) Vgl. S. Feist, Etymologisches wörterbuch der gotischen sprache, 2. aufl (Halle 1923), s. 298.

klosich,[1]) Uhlenbeck,[2]) Hirt,[3]) Brückner,[4]) Jagić[5]) und Loewe[6]) akzeptiert; auch Berneker[7]) und Feist[8]) nahmen diese herleitung des wortes ohne prinzipielle reservation in ihre wörterbücher auf. Diese bereitwilligkeit zur resignation ist eigentlich umso auffallender, als doch schon Miklosich sich in seinem etymologischen wörterbuch[9]) von jener deutung unsres wortes wieder zurückzog, indem er nicht nur die ableitbarkeit des slav. *gorazdъ* von einem got. **garazds*,[10]) sondern auch die möglichkeit einer zurückführung der verschiedenen bedeutungen des wortes in den slavischen sprachen auf eine grundbedeutung stark in zweifel zog. Das wichtigste argument, das gegen die ableitung des slav. wortes von einem got. **garazds* vorgebracht werden kann, ist meiner meinung nach ein rein lautgeschichtliches: wie ich nämlich in meiner demnächst erscheinenden grossen arbeit »Slavisch-germanische lehnwörterkunde« dargetan zu haben glaube, gibt es auch nicht den geringsten anlass zu der vermutung, dass ein got. *a* im slavischen je etwas anderes als ein (aus *a* entstandenes) slav. *o* hätte ergeben können; die lehnwörter, die wirklich als sichere entlehnungen aus dem gotischen bezw. urgermanischen angesprochen werden können, spiegeln samt und sonders ein germ. *a* durch ein slav. *o* wieder. Es ist daher schon an und für sich ganz unglaublich, dass in dem slav. *gorazdъ* das *a* des got. präfixes zwar mit einem *o*, das *a* der stammsilbe dagegen mit einem *a* sollte wiedergegeben sein. Dieser widerspruch zwischen den beiden silben eines und desselben wortes ist bei der annahme einer entlehnung aus einem got. **garazds* platterdings unerklärlich.

§ 2. Wie ich aber gleich zeigen zu können glaube, gibt es auch sehr gewichtige semasiologische gründe gegen jene hypothese. Wenn wir das uns vorliegende material mustern, so finden wir zunächst, dass unser wort so oder anders in allen slavischen sprachgruppen

---

[1]) F. Miklosich, Die fremdwörter in den slavischen sprachen (Denkschriften d. k. akademie d. wissenschaften, phil.-hist klasse, bd. XV, Wien 1867), s. 90.

[2]) C. C. Uhlenbeck, Die germanischen wörter im altslavischen (AslPh., bd. XV, s. 487).

[3]) H. Hirt, Grammatisches und etymologisches, kap. 6: Zu den germanischen lehnwörtern im slavischen und baltischen (PBB., bd. XXIII, 1898).

[4]) A. Brückner, Cywilizacja i język (Warszawa 1901).

[5]) AslPh., bd. XXIII, s. 536.

[6]) R. Loewe, Altgermanische elemente der balkansprachen (KZ., bd. XXXIV).

[7]) E. Berneker, Slav. etymolog. wörterbuch, bd. I, s. 230.

[8]) A. a. o., s. 298.

[9]) F. Miklosich, Etymologisches wörterbuch der slavischen sprachen (Wien 1886), s. 73.

[10]) »Ehedem dachte ich an got. *ga* und *razda* ,sprache'.«

belegt ist und daher ohne weiteres als ein gemeinurslavisches angesehn werden darf. Zufrühst finden wir unser *gorazdъ* als slavisches lehn- oder fremdwort in einem griechischen texte belegt, nämlich in Konstantinos Porphyrogennetos' werk »De thematibus«: es wird hier mitgeteilt, wie der berühmte gelehrte Euphemios — auf die slavisierung von Hellas und dem Peloponnes nach oder während der pest 746 n. Chr. anspielend — von einem eitlen Peloponnesier, der sich viel auf seinen hellenischen adel einbildete, aber durch seinen gesichtstypus seine wenig adlige herkunft von slavischen barbaren verriet, witzig gesagt haben soll: *Γαρασδοειδὴς ὄψις ἐσθλαβωμένη*. Das wird nun, wie ich glaube, nichts anderes oder mehr bedeutet haben als »ein *gorazdъ*-aussehendes, slavisiertes antlitz«; was nun das wort *γορασδο-* = *gorazdъ* hier bedeutet haben kann, lässt sich aus den worten des Euphemios kaum mit sicherheit erschliessen, und Kretschmer[1]) scheint mir daher durchaus allzu voreilig gewesen zu sein, als er ohne zögern die bedeutung ‚schlau' ansetzte. Wir dürfen nicht einmal behaupten, dass es zur bezeichnung irgendeines physischen merkmales gedient habe, denn Euphemios wird das antlitz des betreffenden menschen sicher nur mit dem typischen gesichte eines slavischen don Ranudo verglichen haben wollen. Wahrscheinlich werden wir aus jener textstelle nur den allgemeinen schluss ziehen dürfen, dass den griechen jener zeit das wort als typisches slavisches wort geläufig war, und dass die slaven selbst es zur bezeichnung einer von ihnen besonders geschätzten eigenschaft anwandten. Darauf deutet wohl auch der umstand, dass das wort schon im 9. jahrhundert (und wohl auch schon bedeutend früher) als personenname bei den slaven recht beliebt war: bekanntlich hiess der Vita Methodii nach[2]) Methods nachfolger im mährischen bistume gerade *Gorazdъ* und war nach den Method selbst zugeschriebenen worten[3]) ein eingeborener mährischer freibauer oder edelmann; derselbe *Gorazdъ* wird auch in der Vita Clementis[4]) genannt. Als ortsname, abgeleitet von einem personennamen, erscheint das wort sowohl auf tchechischem boden als *Horazdějowice*[5]) wie auch auf polnischem als *Gorazdów*.[6])

[1]) AslPh., bd. XXVII, s. 232.
[2]) Vgl. V. Jagić, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen sprache (Berlin 1913), s. 85.
[3]) *„Vašeja zemlę svobodь mužь učenъ že dobrě vъ latinьskyja knigy pravověrьnь"*.
[4]) A. a. o., s. 95.
[5]) Gebauer, Slovník staročeský, bd. 1.
[6]) Vgl. AslPh, bd. XI, s. 117.

§ 3. In altkirchenslavisch-altbulgarischen texten scheint das wort als adjektiv oder substantiv nicht belegt zu sein. Wenn es aber auch den modernen südslavischen sprachen, dem serbokroatischen, bulgarischen und slovenischen unbekannt ist, so ist daraus nicht zu schliessen, dass es der südslavischen sprachgruppe immer fremd gewesen sei, denn das oben angeführte griechische zitat ist ein unzweideutiges zeugnis dafür, dass es eben im südslavischen einstmals völlig heimisch gewesen sei. Bewahrt ist es vorwiegend auf russischem boden: in kirchenslavischen texten russischer provenienz finden wir *gorazdъ* in der bedeutung ‚geschickt, erfahren'; daneben haben wir ein mit dem *-ьn*-suffix abgeleitetes adjektiv **gorazdьnъ* 〉 *goraznъ* mit lautgesetzlichem schwunde des *d* zwischen zwei konsonanten, die nach dem wegfalle des schwachen halbvokals ь aneinander rückten, und das dazu gebildete, im Ostromir-evangelium belegte komparativische *gorazněje*. Auch das adverb tritt auf in der form *gorazdo*, einerseits in der bedeutung ‚geschickt, gut (nicht im ethischen sinne)', andrerseits in der bedeutung ‚vollständig, gänzlich': die letztere bedeutung dürfte sich aus der ersteren über die zwischenglieder ‚genau' und ‚sorgfältig' entwickelt haben. In der jetzigen russischen sprache haben wir das adjektiv sowohl in der nominal-prädikativen form *гора́зд* als auch in der pronominal-attributiven *гора́здый*; es hat die bedeutungen 1. ‚geschickt, erfahren', 2. ‚genügend, beträchtlich (in qualitativer bedeutung)' und 3. ‚gut, dauerhaft, hübsch'. Berneker verzeichnet in seinem wörterbuche auch noch die bedeutung ‚schlau', ich habe sie aber nirgends belegen können und zweifle durchaus an ihrer existenz. Die zuerst angeführte bedeutungsgruppe ist jedenfalls in der litteratursprache die unbedingt vorherrschende. Was das dazugehörige adverb anbetrifft, so führt Berneker zwei, der bildung nach verschiedene adverbielle reihen an: 1. *гора́здо, гора́зно, гора́зо* und 2. *гора́зд, гора́з* in der bedeutung ‚genug, viel, beträchtlich'. Ich folge hier der lockung, die zweite reihe als gar nicht adverbiell aufzufassen: sie ist nämlich wahrscheinlich aus der bekannten russischen redensart *раз да гора́з(д)*, wo das *d* des letzteren wortes wohl des reimes wegen geopfert wird, abstrahiert, hier ist aber *гора́з(д)* unbedingt als prädikatives adjektiv zu fassen, da der satz einfach bedeutet: ‚ein einziger schlag, ein einziges mal, aber ein genügender, ein genügendes' (bezw. ‚ein geschickter, -tes'). Das in der ersten reihe auftretende adverb *гора́зо* ist natürlich zu dem betreffenden adjektiv *гораз* nach dem muster von *гора́здо* oder *гора́зно* gebildet. Für die komparative *гора́же, гора́зже, гора́жее* kennt

Berneker ausser der bedeutung ‚mehr‘, die sich aus ‚genug‘ entwickelt hat, auch noch die bedeutung ‚stärker‘, die aber kaum für das positive adjektiv die bedeutung ‚(physisch) stark‘ voraussetzt, sondern mit ‚mehr‘ im sinne von ‚in höherem, stärkerem grade‘ identisch sein muss. Prüft man dieses material objektiv, so kann man nicht anders als den schluss ziehn, dass die grundbedeutung des wortes im russischen ‚geschickt, erfahren, fähig‘ ist; die übrigen bedeutungen des adjektivs, der adverbien und der komparative lassen sich am besten aus dieser, diese aber kaum aus irgendeiner von den anderen bedeutungen deduzieren. Dem widersprechen auch die bedeutungen der von *горазд* sekundär abgeleiteten verben nicht: wir haben ein denominatives, imperfektives zeitwort *гора́здить* ‚ausdenken, ersinnen‘ oder konkreter (vielleicht unter dem einflusse des anklingenden *городи́ть*) ‚bauen, aufführen, zustande bringen‘; als perfektive ableitung davon existiert das verbum *угора́здить* (mit dem dazugehörigen imperfektiven äquivalent *угора́зживать*) ‚verbessern‘; es kann aber auch die transitive bedeutung (mit momentaner aktionsart) ‚jemanden (plötzlich) zu etwas bestimmen, jemandem (plötzlich) etwas eingeben‘ erhalten. Ohne zweifel können diese bedeutungen einerseits auf ‚geschickt ausführen‘, andrerseits auf ‚geschickter, tüchtiger machen‘, drittens endlich auf ‚jemanden (plötzlich) zu etwas geschickt, fähig machen‘ zurückgeführt werden. Die grundbedeutung unsres wortes tritt hier somit noch deutlich genug zutage. — Auch das kleinruss. *harázd* bedeutet eigentlich ‚tüchtig, geschickt‘, wenn es aber ausserdem noch sekundär ‚glücklich‘ bedeutet, so beruht das wohl auf der psychologischen erfahrung, dass der tüchtige und geschickte auch durch erfolge materiell glücklich wird. Das von Berneker verzeichnete neutrum *harazd* ‚glück, wohlergehn‘ ist natürlich eine spätere erscheinung. Die bedeutung ‚fertig, schnell, flink‘ des weissruss. *harázdyj* mit der wohl durch schnellsprechen oder sonst irgendwie unorganisch entstandenen nebenform *hrazd*, *hrazdo* ist nur eine weitere stufe auf der ‚geschickt‘-skala. — Aus dem kleinrussischen oder weissrussischen stammt das in polnischen texten des 16. jahrhunderts belegbare *harast*; wenn wir hier im auslaut ein *-st* statt des erwarteten *-zd* finden, so wird das kaum anders zu beurteilen sein denn als folge der im auslaute stimmlosen aussprache jener konsonantengruppe: die russische form wurde ins polnische als prädikatives adjektiv entlehnt, da auch schon im russischen das letztere weit mehr im gebrauch ist als das attributive; die bedeutung ‚gut‘ des polnischen wortes, die übrigens auch im klein-

russischen vorliegt, ist nur eine verallgemeinerung der grundbedeutung ‚geschickt'.

§ 4. Ist es nun ein leichtes gewesen, diese bedeutung allen anderen zugrunde zu legen, so gestalten sich die semasiologischen verhältnisse weit komplizierter, sobald wir uns dem tschechischen gebiete nähern. Wir haben hier zunächst das auffallenderweise weder von Berneker noch auch von Preobraženskij[1]) berücksichtigte adjektiv ***horazd, horázný***: es bedeutet — ganz abweichend von jener grundbedeutung — ‚ungeschlacht, derb, grob'. Daneben gibt es ein zeitwort ***horazditi (na někoho)*** ‚ungeschlacht, derb, grob sein, toben, schelten'. Diese bedeutung muss schon ziemlich alt sein, denn das aus tschechischer quelle stammende magyarische lehnwort *garázda*, *garázna* bedeutet auch ‚impertinent, zänkisch, haderhaft', eigentlich wohl ‚grob'. Schon Uhlenbeck hat gemeint, dass diese bedeutungen für die eruierung der grundbedeutung von wichtigkeit wären, und die meisten forscher folgten ihm hierin. Diese anschauung teile ich durchaus nicht, im gegenteil, ich sehe hier eine zwar schon sehr früh entwickelte, nichtsdestoweniger aber völlig sekundäre bedeutungsstufe und glaube, dass sie in zufriedenstellender weise aus der von mir aufgestellten grundbedeutung ‚geschickt' erklärt werden kann. Wenn wir nämlich die sehr bemerkenswerte tatsache näher betrachten, dass im tschechischen ***horázný***, ***nehorázný*** und ***nerázný*** genau dasselbe, d. h. ‚ungeschlacht, derb, grob' bedeuten, so ist hier kein andrer schluss möglich als der, dass eine bedeutungsverschiebung in dieser oder jener richtung stattgefunden haben muss. Bedeuten nun sowohl ***nerázný*** als auch ***nehorázný*** ‚ungeschlacht, derb, grob', so muss das positive ***horázný*** eo ipso einst dasselbe wie ***rázný*** bedeutet haben; das letztere bedeutet aber ‚tüchtig, flink, schlagkräftig'; folglich muss auch ***horázný*** im tschechischen dieselbe bedeutung gehabt haben, und wir gelangen so zur grundbedeutung des urslav. *gorazdъ* ‚geschickt, tüchtig'. Wie ist es aber zu erklären, dass dieses wort im tschechischen seine positive bedeutung verlor und die des negativen *nehorázný* annahm? Das hängt wahrscheinlich damit zusammen, dass das wort im west- und südslavischen überhaupt schon früh die tendenz zum verschwinden hatte: es verschwand gänzlich im südslavischen, es verschwand ebenso im polnischen, und es geriet schliesslich auch im tschechischen ins schwanken. Es wäre sicher auch hier ganz verschwunden, wenn eine art volksetymologie das

[1]) A. Preobraženskij, Etimologičeskij slovaŕ russk. jazyka (Moskva 1910), s. 145.

wort nicht vermittels einer interessanten assoziierung mit dem adjektiv *rázný* gerettet hätte: man fasste die wörter *ne-rázný*, *neho-rázný*, *ho-rázný* als gegensätze jenes *rázný* auf, und so wurde endlich das positive *horázný* mit dessen ursprünglichem gegensatz *ne-horázný* einfach identifiziert.

§ 5. So kommen wir denn auf allen wegen stets zu dem einen ziele: die grundbedeutung von urslav. *gorazdъ* ist ‚geschickt, tüchtig', und es öffnet sich ein abgrund zwischen dieser bedeutung und der des nirgends belegten got. **garazds* oder seines eventuellen urgerm. vorgängers. Ich kann mich daher durchaus nicht Berneker anschliessen, wenn dieser, sich auf die unabweisbar sekundäre bedeutung der tschechischen und magyarischen wörter stützend, wahrscheinlich zu machen sucht, »aus der bedeutung ‚beredt, verständig redend' (des got. **garazds*) habe sich die allgemeinere von ‚geschickt, tüchtig' entwickelt (woraus ‚tüchtig, sehr' und ‚fähig, bereit, fertig, schnell')«. Wir haben ganz im gegenteil die mehr oder weniger allgemeine bedeutung ‚geschickt, tüchtig' als urquelle aller übrigen bedeutungen anzusehn. Unter diesen ist die von ‚beredt, verständig redend' auf slavischem boden auch nicht ein einziges mal zu belegen. Wir müssen daher die schon von Miklosich mit recht angezweifelte hypothese von der vermeintlich gotischen abstammung des wortes endgültig aufgeben und sagen, dass durch nichts wahrscheinlich gemacht werden kann, dass es je ein got. **garazds* gegeben habe. Die nächste aufgabe wäre nun die, dem slavischen worte eine selbständige etymologie zu schaffen, ich muss aber bekennen, dass auch hier der satz gilt, es sei leichter niederzureissen als wiederaufzubauen. Vor allen dingen gilt es, sich von der alten vorstellung freizumachen, unser wort habe irgendetwas mit ‚reden' zu tun: eine solche vorstellung ist nur zulässig, solange wir an ein got. **garazds* ‚beredt' glauben, haben wir aber diesen glauben aufgegeben, dann liegt auch kein grund mehr vor, unser wort mit ‚reden' zu verbinden, und wir müssen andre ausgangspunkte wählen. Wie eingewurzelt diese vorstellung ist, zeigt Brückners versuch, mit aufgabe der auch von ihm früher befürworteten gotischen hypothese[1]) das wort aus slavischen daten zu erklären:[2]) auch er hält noch, von der alten vorstellung irregeführt, daran fest, dass die grundbedeutung des wortes ‚beredt' sei, und will es zu der slav. wurzel **gor-* ‚sprechen'

[1]) Vgl. oben § 1.

[2]) AslPh., bd. XXVIII, s. 48, 52; KZ., bd. XLIII, s. 307.

stellen. Demgemäss muss auch sein vorschlag einer etymologischen deutung unsres wortes wegfallen.

§ 6. Andrerseits möchte ich aber glauben, dass Brückner dennoch prinzipiell und methodologisch recht hat, wenn er in unserem *gorazdъ* ein mit hilfe eines suffixes *-azd-* von irgendeinem stamme **gor-*, der aber nicht ‚sprechen' bedeuten darf, gebildetes adjektiv sieht. Es fragt sich, ob wir nun wirklich annehmen dürfen, dass ein solches suffix, das sonst nirgends scheint nachgewiesen werden zu können, wirklich existiert habe. Ich sehe keinen anderen ausweg als den von Brückner vorgeschlagenen: er behauptet, dass es im slavischen einen regelmässigen suffixwechsel *-d-:-zd-* gegeben habe.[1]) Schon früh hat er die aufmerksamkeit seiner mitforscher auf diesen wechsel zu lenken gesucht, zum ersten male schon 1888 bei der besprechung von Miklosich' etymologischem wörterbuch:[2]) er führte damals die beispiele tschech. *hyd* ‚scheusal': tschech. *o-hyzda* ‚ekel', ksl. *gruda* ‚schollen': ksl. *gruzdije* koll. ‚ds.', russ. *громáдить : громо(а)здúть* ‚häufen' an; 1910 zog er unser *gorazdъ* dazu,[3]) 1917 sprach er den satz aus: »So tritt im slavischen *-zd-* und *-zg-* für und neben *-d-* und *-g-* häufig auf, und es fällt nicht weiter auf ein *jazda* ‚ritt' neben *jadǫ* ‚reiten'; der sprachvergleicher[4]) bringt das unmögliche fertig, beide wörter voneinander zu trennen.«[5]) Das belegmaterial für diesen wechsel sammelte er schon in KZ., bd. XLV, s. 52—55, wo er die ansicht vertrat, dass sich *jazda* zu *jati*, *uzda* zu *uti*, **borzda* zu **borti* genau ebenso verhielten wie etwa *čudo* zu *čuti*, *čędo* zu *čęti*, *stado* zu *stati*, d. h. dass das suffix *-zd-* mit dem suffixe *-d-* faktisch identisch sei; dass dieselben, wie er meinte, ganz nach belieben und ohne unterschied zur bildung eines und desselben namens angewandt werden könnten, gehe aus dem nebeneinander der schon oben angeführten beispiele hervor wie auch daraus, dass es neben einem russ. *глуда* ‚klumpen' ein weissruss. *hluzd* ‚hirn', neben einem russ. *глудкий* ‚schlüpfrig' ein *глуздкий* ‚ds.' u. s. w. gäbe; dasselbe verhältnis scheint ihm auch in der parallele urslav. **borda:* lit. *barzdà* ‚bart' vorzuliegen. Hierher — meint

---

[1]) Den von ihm angenommenen wechsel *-zd-* : *-zn-* können wir hier unberücksichtigt lassen, da ich glaube, oben § 3 die doppelform *gorazdъ : goraznъ* besser erklärt zu haben.

[2]) AslPh., bd. XI, s. 136.

[3]) KZ, bd. XLIII, s. 307. — Vgl. auch AslPh., bd. XXXVIII, s. 53.

[4]) Augenscheinlich ist hier Brugmann gemeint, der IF., bd. XV, s. 102 ff. beide wörter voneinander trennte.

[5]) Grundriss d. idg. sprach- u. altertumskunde, hrsg. von Brugmann und Bartholomae (Strassburg 1917), bd. II : 3, s. 71.

nun Brückner — »gehört *gorazdъ* ‚kundig‘, das nicht aus einem nichtvorhandenen gotischen **garazds* entlehnt ist«, sondern mit dem sonst gern mit *-d-* alternierenden und mit ihm identischen suffixe *-zd-* gebildet sei. Wenn Brückner fortfährt: »die nebenform *goraznъ* ist nicht aus *gorazdьnъ* ... zu erklären, sondern es wechseln *-zd-* und *-zn-*, vgl. ebenso *grozdъ*: *groznъ* ‚traube‘, *drozdъ* : *droznъ* ‚turdus‘«, so liesse sich zwar zum schutze dieser hypothese das verhältnis zwischen lit. *žvaigzdė̃*: lett. *zvàigzne* ‚stern‘ anführen, so ganz unanfechtbar dürfte sie denn aber doch nicht sein; für unsre zwecke hier ist sie übrigens belanglos. Dagegen scheint der wechsel *-d-* : *-zd-* sich nicht in abrede stellen zu lassen. Vondrák hat daher sicher gut daran getan, denselben als feste regel in die zweite auflage seiner vergleichenden grammatik mit anführung einiger Brücknerscher beispiele aufzunehmen.[1]) Es fragt sich nun aber, wie wir das verhältnis zwischen *-d-* und *-zd-*, auf die indogermanische grundsprache bezogen, eigentlich aufzufassen haben. Mit der einfachen feststellung der tatsachen, mit der Brückner sich begnügt hat, ist doch im grunde genommen noch gar nichts erklärt, sondern wir müssen uns fragen: wie ist es wohl gekommen, dass eine solche alternation im slavischen bezw. litauischen hat so um sich greifen können? Ich glaube, dass Persson[2]) uns hier einen sehr gangbaren weg gewiesen hat, indem er das suffix *-zd-* als das resultat einer ähnlichen »konglutinierung« eines formans *-s-* mit *-d(h)-* auffasst, wie jene, die zur entstehung des suffixes *-st-* aus den selbständigen formantien *-s-* und *-t-* geführt habe, wobei dann daneben noch bildungen mit einem *-d(h)-* ohne vorhergehendes *-s-* möglich wären. Damit wäre dann etwa gesagt, dass von einem und demselben stamme wurzelerweiterungen mit *-s-*, *-d-*, *-t-* bezw. *-st-*, *-zd-* nebeneinander bestehn könnten, ohne dass ein eventuelles *-zd-* unbedingt als nächste und axiomatische alternation eines eventuellen *-d-* aufzufassen wäre. Von einem idg. stamme **qeu̯-* : **qou̯* : **qu-* wäre ebenso ein erweitertes **qeu̯-s-* : **qou̯-s-* : **qu-s-* etwa in germ. **χūsa-* ‚haus‘ oder germ. **χŭsa-*, ags. *hosa* ‚pisan, siliqua‘, nhd. dial. *hose* ‚hülse, schote‘ wie ein erweitertes **qeu̯-dh-* in griech. *κεύϑω* ‚verberge‘ oder ein erweitertes **qeu̯-s-t(h)-* etwa in altind. *kōṣṭha-* ‚behälter‘ oder schliesslich ein erweitertes **qeu̯-z-d(h)-* : **qou̯-z-d(h)-* im got. *huzd* ‚hort‘ möglich.[3])

[1]) W. Vondrák, Vergleichende grammatik der slav. sprachen, bd. 1², s. 602—603.

[2]) P. Persson, Beiträge zur indogermanischen wortforschung, Uppsala-Leipzig 1912, insbesondere s. 348.

[3]) A. a. o., s. 181 ff.

Dann wären ein urslav. **borzda* ‚furche' und lit. *barzdà* ‚bart' miteinander völlig identisch, d. h. auf ein idg. **bhar-z-dh-ā* von der erweiterten wurzel *bher-s-* ‚spitz, scharf' zurückzuführen, woneben es ein slav. **borda* aus idg. **bhar-dh-ā*, einer unmittelbaren erweiterung von der wurzel **bher-*, gäbe. Ebenso wäre auch das verhältnis zwischen slav. *gyda : gyzda* als idg. **gū-dh-ā : *gū-z-dh-ā*, zwischen slav. *gruda : gruzdije* als idg. **ghrou̯-dh- : *ghrou̯-z-dh-*, zwischen slav. *jadǫ : jazda* als idg. **i̯e-dh- : *i̯e-z-dh-* zu deuten. In einer ähnlichen weise könnte nun das verhältnis zwischen den slavischen suffixen *-as-*, *-at-*, *-ad-*, *-ast-* und *-azd-* beurteilt werden: d. h. wir hätten einerseits »primäre« suffixe *-as-*, *-at-* und *-ad-*, andrerseits »konglutinierte« suffixe *-as-t-* und *-az-d-*. Als beispiele des suffixes *-as-* könnten die adjektivischen bildungen tschech. *bělasý*, poln. *białasy*, *żółtasy* u. s. w., als beispiel des suffixes *-at-* ein slav. adjektiv **bordatъ*, als beispiel des suffixes *-ad-*, das freilich sehr unproduktiv ist, das slav. *gromada* dienen; mit der konglutinierten suffixform *-ast-*, die im slavischen sehr fruchtbar wurde, träte eventuell ein slav. **bordastъ* auf, und als beispiel des zweiten konglutinierten suffixes *-azd-*, das im gegensatz zu jenem mehr und mehr an produktivität verlor, wären die zwei wörter *gromazditi* und *gorazdъ* zu nennen. Es liegt meines erachtens überhaupt gar kein anlass vor, daran zu zweifeln, dass die beiden letzteren wörter mit genau demselben suffixe gebildet sind. Ebenso wenig liegt anlass vor, mit Berneker[1]) zu vermuten, dass »vielleicht von **gramoda* auszugehn sei, woraus **gramada* durch vokalassimilation und **gromada* durch reziproke fernversetzung« entstanden sei. Freilich ist das formans *-ada* »ganz singulär«, man wird aber dennoch nichts anführen können, was Bernekers verlegenheitsvermutung glaubhaft machen dürfte. Ebenso singulär ist das suffix *-azd-*, das wir nicht nur, wie ich vorschlage, im worte *gorazdъ* zu suchen haben, sondern auch im verbum *gromazditi*, und diese singularität desselben wird es wohl bewirkt haben, wenn daneben auch ein *gromozditi* entstand. Das verbum ist natürlich denominativ seiner bildung nach und setzt somit ein nomen mit dem suffixe *-azd-* voraus: dieses nomen finden wir auch tatsächlich im weissruss. *hramazdá* ‚gerümpel', aus dem das lit. *gramozdas* ‚gerümpel' (neben dem lehnworte *grumadas*, *graumadas*, *grumodas* ‚gesellschaft') entlehnt ist.[2]) Ich glaube nach dem obengesagten mit ziemlich grosser gewissheit sagen zu dürfen, dass

---

[1]) Berneker, Slav. etym. wörterb. I, s. 345.

[2]) Brückner, Slav. fremdwörter im litauischen (Weimar 1877), s. 84, 86, 172.

genau wie *gromazditi* in *grom-azd-iti* zu zerlegen ist, so auch unser *gorazdъ* seinen bestandteilen nach ruhig als *gor-azd-ъ* aufgefasst werden darf und muss. In beiden wörtern haben wir *o*-vokalismus in der wurzel, in beiden liegt das sekundäre, »konglutinierte« suffix *-azd-* vor, und man hat somit nur noch nach der eventuellen etymologie des *gor-* zu fragen.

§ 7. Hier sind natürlich mehrere, verschiedenartige vorschläge möglich. So könnte man etwa an ein idg. *$*g^{u}\mathring{r}$-* : *$*g^{u}or$-* denken, dass einfach mit einem *d*-suffix erweitert im lat. *gurdus* ‚dumm, tölpelhaft‘, im griech. *βραδύς* ‚langsam, träge‘ und im slav. *gr̥dъ* ‚stolz, garstig‘ vorliegt: vermittels des suffixes *-azd-* wäre das slav. *gorazdъ* ‚erfahren, tüchtig‘ daraus entstanden. Die starken semasiologischen gegensätze lassen sich aber wohl kaum auf einen gemeinsamen generalnenner zurückführen. Wenn wir nun aber die bildung andrer eigenschaftswörter betrachten, die zur bezeichnung von ‚erfahren‘ tüchtig, gewandt, flink‘ u. s. w. dienen und somit ursprünglich wohl die physische, dann auch die geistige gewandtheit aller grade charakterisieren, so finden wir in zahlreichen fällen, dass die vorstellung des ‚greifens, nehmens, raffens‘ diesen bildungen zugrunde liegt. So gehört das lit. *grabùs* ‚gewandt, geschickt, fingerfertig‘ zum zeitworte *gróbiu, gróbti* ‚greifen, packen, fassen‘, slav. *grebǫ, grebti* ‚greifen, raffen‘.[1]) Genau ebenso hängt lit. *gabùs, gabsnùs* ‚begabt‘, *gebù, gebė́ti* ‚imstande sein, verstehn‘ etymologisch mit slav. (iterat.) *gabati* ‚greifen‘, lit. *gãbužas* ‚handvoll‘, *gãbana* ‚armvoll‘, ir. *gaibim* ‚nehme, greife, habe‘ u. s. w., altind. *gábhasti-* ‚arm, hand‘ zusammen,[2]) und russ. *ло́вкий* ‚gewandt, flink‘ ist von *лови́ть* ‚fangen, greifen‘ abgeleitet. Es sei daran erinnert, dass got. *handugs* ‚weise‘, altnord. *hǫndugr* ‚tüchtig‘ zweifellos zu got. *handus*, altnord. *hǫnd* ‚hand‘ und lat. *capax* ‚fähig‘ zu *capio* ‚nehme‘ gehören und ursprünglich wohl den ‚behenden‘ bezeichneten. Wenn endlich auch russ. *хват*, poln. *chwat* ‚gewandter, flinker, kühner mensch‘, tschech. *chvat* ‚räuber‘ zum verbum *xvatiti* ‚greifen‘ gehört, so bestätigt das nur unseren satz. Es fragt sich daher, ob nicht jenes *gor-* in *gorazdъ* zur idg. wurzel **ger- : *gor- : *gr̥-* gehört, der die bedeutung ‚greifen, nehmen, sammeln‘ zukommen dürfte; diese wurzel liegt bekanntlich dem griech. *ἀ-γείρ-ω* ‚versammele‘, *ἀ-γοσ-τός* ‚zum fassen gekrümmte hand‘, *ἀ-γύρ-της* ‚bettler‘, auch *γρόνθος* ‚faust‘, *γάργαρα* ‚haufe, schar, gewimmel‘ zugrunde; das lat. *grex, gregis* ‚herde‘,

[1]) R. Trautmann, Baltisch-slavisches wörterbuch (Göttingen 1923), s. 95.
[2]) A. a. o., s. 74.

mittir. *graig* ‚pferdeherde', das lit. *gurgulỹs* ‚haufen' gehören dazu. Innerhalb des baltischen wird noch lett. *gùrste* ‚flachsknocke' hinzuzufügen sein, das zusammen mit dem urslav. **gr̥stь* ‚handvoll, hohle hand zum fassen' die schwundstufe **gr̥-* vertritt. Als erweiterung derselben wurzel wird das slav. zeitwort *gr̥tati* ‚sammeln, zusammenscharren' betrachtet, und auch das substantiv *gromada* ‚schar' wird von **grem-* : **grom-*, das seinerseits eine wurzelerweiterung von **ger-* ist, abgeleitet: so müsste unser *gorazdъ*, das schon oben wegen seines suffixes mit *gromada* zusammengestellt worden ist, auch rein etymologisch mit diesem worte aufs nächste verwandt sein. Unser wort wird, wenn die hier gegebene etymologie akzeptabel ist, ursprünglich die bedeutung ‚der greifer', dann die bedeutung ‚der behende, flinke, gewandte' gehabt haben, und erst hieraus wird sich die allgemeinere bedeutung ‚tüchtig, erfahren' und die ganze übrige skala der semasiologischen nuancen entwickelt haben. Mag diese herleitung auch noch so unsicher sein — ich bin der erste, ihre schwäche einzusehn, und betone ihren ganz hypothetischen charakter — so ist sie doch der durch nichts zu erhärtenden theorie der entlehnung des wortes aus einem nichtbelegten und allenfalls etwas ganz anderes bedeutenden gotischen worte vorzuziehn. Das slav. *gorazdъ* ist ein durchaus indigenes slavisches wort, das aus slav. daten erklärt werden muss; ein got. **garazds* aber hat es überhaupt nie gegeben. Das ist die einzig mögliche antwort auf jene frage, die wir uns oben gestellt

Gotenburg (Schweden).

Ad. Stender-Petersen.

Evangelistar und Tetraevangelium.

Eine Anzahl Varianten, welche auf Unterschieden zwischen dem zuerst von Konstantinos übersetzten Evangelistar und den etwas später übersetzten kompletorischen Teilen des Evangeliums beruhen könnten, haben Jagić Entstehungsgeschichte² (S. 289, 302, 310f., 316, 319, 329f., 330f., 351f., 357, 358, 394, 416), Zum aksl. Apostolus II, III (Lexicalisches I, II; S. I, 55, 76, II, 27, 77, 116, 107f.) und Vondrák O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech (zvláště též v Nik., Nik. b. a Hval.), Даничићев Зборник 9—27, zusammengestellt. Nicht all diese Fälle sind gleich überzeugend; als besonders beachtenswert hebe ich hervor: *katapetazma : opona, čaša : stьklьnica, peštь(-era) : vrьtъpъ*[1]), *kъnigy : bukъvi*. Interessant kommt mir auch folgender, soviel ich weiss noch nicht in diesem Zusammenhang berücksichtigter Fall vor: das griechische *ὕπαγε ὀπίσω μου* wird Mat. 16, 23, Mar. 8, 33, L. 4, 8 übersetzt: *idi za mъnojǫ* (Mar. Zogr., L. 4, 8 fehlt Zogr.); diese Stellen sind in Assem. Savv. Ostr. nicht aufgenommen und fehlten offenbar im ältesten Evangelistar. Dieses enthielt aber wohl Mat. 4, 10, wo Zogr. Assem. die drei griechischen Wörter zusammen durch *otidi* übersetzen, während Savv. Ostr. Deč. *idi za mę* haben. Auf jeden Fall werden wir für die älteste Übersetzung von Mat. 4, 10 einen andern Ausdruck als an den andern Stellen annehmen müssen; ich möchte die Lesart von Zogr. Assem. für die ältere halten.

Leiden.

N. van Wijk.

---

[1]) Für das Abg. ist diese Form die einzig richtige, nicht *vrьtьpъ*. Mit *o* < *ъ* kommt auch врътопъ vor.

Но́чь - ноче́сь, о́сень - осене́сь, зима́ - зиму́сь, ле́то - ле́тось.

I.

1. В русском языке при существительных, обозначающих четыре части суток и четыре времени года, существуют соответствующие наречные выражения,[1]) отличающиеся от существительных наличностью конечного *-сь* и иногда местом ударения: *у́тро - у́трось* и *у́тресь, де́нь - дне́сь, ве́чер - вечо́рось, но́чь - ноче́сь, весна́ ве́сну* при *весну́ - ве́снусь, ле́то - ле́тось, о́сень - осене́сь, зима́ зи́му - зи́му́сь*; к ним можно было бы прибавить *ло́ни́ - ло́ни́сь*. Основное значение этих наречных выражений — „прошлым утром, вечером, прошлой ночью, минувшей весной или осенью или зимой, минувшим летом“; наконец, *лони - лонись* — „в прошлом году“; *днесь* — „сегодня“. При основном значении истекшего промежутка времени по говорам наши выражения имеют и значение определенного промежутка времени вообще. Приведу пример для русского языка, заимствуемый из Академического словаря (s. v. *зиму́сь*): *зиму́сь я издилъ къ ему въ гости, а осенесь онъ былъ у меня, а на лѣто оба пойдемъ вмѣстѣ къ тёшшѣ; веснусь было собрались, да не удалось* [Пермск. г. (Словцовъ)].

Формы эти представляют интерес троякого рода: во-первых, фонетический или у́же — акцентологический: почему, с одной стороны, сохранение места ударения в *у́трось, ле́тось, ве́снусь*, с другой, — перенос его на следующий слог в *дне́сь, вечо́рось, ноче́сь, зиму́сь* и даже через слог в *осене́сь?* во-вторых, морфологический и, в-третьих, семасиологический. Что касается их последней стороны, то — как она ни интересна сама по себе — она тем не менее мною будет обойдена; вторая, морфологическая, будет затронута отчасти (как увидим ниже, эта сторона достаточно уже разработана), и это все для того, чтобы сосредоточить

[1]) Употребляю этот громоздкий термин „наречное выражение“ в силу необходимости: нареч**и**е — adverbium (а о них как раз я и буду говорить) и наречие — dialectus (часто употребляемое мною слово) путали бы, в чем я убедился на опыте, понятия.

внимание на их акцентологических особенностях, вопрос о которых до сих пор, насколько я знаю, совершенно не поднимался.

2. А. И. Соболевский, первый обративший внимание на морфологический состав наших наречных выражений, еще в 1883 году (Статьи по славяно-русскому языку [Отд. оттиск из РФВ. Варшава], стр. 9—11) указал на праславянское их происхождение и предложил об'яснение происхождения конечного *-сь*, об'яснение, которому он остался верен и позднее (РФВ. LXXI, 1904, № 1, стр. 15—17). Пополняя приведенные им данные из других славянских языков, отмечу из литературных языков: болгарск. *днéсь днéска, нощéсь (-ка), лѣтось (-ка), есенéсь, зимѫсь (-ка);* сербо-хорватск. *jу̏трос (-ке), да̏нас (-ке), вечѐрас (-ке), но̀ħас, љѐто̄с (-ке), jесѐнас (-ке), зи̏мус (-ке);* словенск. *jútros (-ka), dánəs dənə̀s (-ka),*[1] *noćes, lệtos, jesệnəs*; чешск. др. *jutros jitros, dnes,* др. *večeros* (J. Gebauer H. Ml. I. 231), *letos;* польск. *dziś* [не смотря на многочисленные попытки (последний раз V. Vondrák в Prace linguistyczne, ofiarowane prof. Baudouinowi de Courtenay) до сих пор окончательно не раз'ясненное], *latoś.* Как видим, лишь русский и сербо-хорватский сохраняют в полном составе праславянские наречные выражения, остальные языки хранят лишь остатки праславянского наследия; но и по отношению к сербо-хорватскому нужна оговорка; в нем, как и в болгарском, нет слова прямо соответствующего русскому *вéснусь*, и это потому, что едва ли мы имеем основания полагать для праславянского одно лишь *vesna* для обозначения времени года между зимой и летом. Уже западно-славянские языки колеблются в его названии: польск. *wiosna — jar, jarz,* чешск. при *vesna — jěř, podletí*; а в болгарск. и сербо-хорватск. *vesna* отсутствует нацело (хотя это слово и засвидетельствовано Синайской Псалтырью: **веснѫ** 94, 20): здесь вместо его **prolětȉje, prolětь* женск. рода, откуда „минувшей весной“ по-болгарски *пролѣтось, prolétes* (A. u. D. Kyriak Cankof, Grammatik der bulgarischen Sprache, Wien 1852, S. 198; Н. Геровъ в словаре „неграмотно“: *пролѣтѣсь),* по-сербо-хорватски *про̀љето̄с (-ке).*[2]) Не представлены

[1]) Относительно *-ка* см. E. Berneker SEW. s. v. (I, 463—464), там приведенную литературу и, сверх того, Г. Ильинский Сложные местоимения...[2] 26—29 и Прасл. грамм. 441—442.

[2]) A. Leskien в Gr. d. s.-kr. Spr. 408 производит *про̀љето̄с* от *про̀љето* Frühling; прав М. Решетар AslPh. 36 (1916), 548, отвергающий это производство от несуществующего **прољето* и устанавливающий производство от *про̀љеħе* „unter Anlehnung an *љетос*“.

и выставленные мною для русского языка формы во всех его наречиях: полностию они бытуют в северно-великорусском, для малорусского могу лишь указать *днéсь (-ка)* и предположить соответствующие формы наречных выражений на основании прилагательных *лiтошнiй* „прошлогодний“ и угро-русского *зимýшнiй* „зимний“, для белорусского — *днéсь денéсь днéска, ючóрась* „вчера“ (контаминация **вячóрась* и *ючóра?)* и *лѣтась.*

Указано было древне-чешск. *večeros*; если бы памятники не сохранили нам *jutros, jitros*, мы его должны были бы предположить уже на основании *večeros*, где *-o-* заведомо — плод аналогии. Я. Гебауер в Древне-чешском словаре (I 673) предполагает возникновение *jutros* из *jutro-se*, и в Mater verborum находим *letose*, из которого О. Гуер (Sborník filologický II 192) выводит *letos*; едва ли можно видеть старину в этом *letose*, скорее это осмысление (живое, в роде Гебауеровского „ученого“) старого *letos*, не поддерживаемого вымершей категорией подобных наречных выражений для времен года.

Я не дал инославянских соответствий для русского *лонúсь* (Толковый словарь[3] В. Даля, А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельскаго нарѣчія, Спб. 1885, А. Грандилевский, Родина М. В. Ломоносова, Сб. 83 (1907) № 5 (Словарь), Матер. IX 54), *позалонúсь* „третьего года“ при *лонú, позалонú*, не дал потому, что образований с конечным *-сь* славянские языки, за исключением русского или лучше северно-великорусского наречия русского языка (впрочем, для малорусского и белорусского я не могу указать и *лони*), не знают; прямое указание на то, что северно-великорусские формы с *-сь* — результат аналогии нашей категории наречных выражений, к которой естественно примкнуло и *лóнú*,[1]) точно так же, как и *вчярàсь* (Харугино Московск. у. В. Чернышев, Сб. 68 № 3, 61), *третёвась* (Харугино, Радомля того же у., ibid. 21, 53, 63; Юрьевск. у. Влад. г., ibid. 21), *третéнись* (ibid. 53), *третéднясь* (Ростов Ярославск. В. Волоцкий, Сб. 72, 93), *третé(д)несь* (ibid. 113), *третьёвось, третéннись* (Кашинск. у. И. Смирнов, Сб. 77 № 9, 142), *онагды́сь, онегдáсь, онóгдысь, ономéсь, ономнясь* (А. Подвысоцкий, А. Грандилевский) и под.

---

[1]) Последним, насколько мне известно, этимологии *лони* касался в РФВ. № 4 1916 г., стр. 251—252, Б. Ляпунов. Вопрос об ударении этого наречного выражения им разрешен только отчасти, ибо не были приняты во внимание данные чакавские и штокавские со старым (= чакавскому) ударением.

3. Предложенное А. И. Соболевским об'яснение *-sь* просто, — это форма винительного падежа единственного числа от основы *si-*, литовск. *ši-*, явившаяся в результате фонетического совпадения у всех трех родов, и сравниваемая для женского рода с *кость, вѣсть* и для среднего рода с „*чь-то*, основа *ki-*“. Мнение А. И. Соболевского безоговорочно принято Г. А. Ильинским в Сложн. мест.[2] 233 и Прасл. грамматике 411.

Относительно того, что вин. ед. муж. р. есть форма старой основы на *-i*, прямо равняющаяся литовск. *šį* при имен. *šis*, согласны все, в том числе и названный уже последний исследователь этого указательного местоимения О. Гуер (l. c.); что форма имен.-вин. ед. ср. р. могла восходить к **k̑id*, полную параллель чему находим в лат. *id* (к *is)*, др.-инд. *id-ám*, готск. *it-a*, др.-сакс. *it* и т. д., О. Гуер признать согласен, но „выражения эти (как *лѣтось)* правдоподобнее об'ясняются из былого *lěto se* утратою конечного *e*“, как это думали Я. Гебауер и В. Вондрак (Vergl. slav. Gram. II 109), утратою, поддержанной и формой **dьnьsь*. По поводу Гебауеровского толкования этой формы я уже высказался; теперь прибавлю, что данные всех славянских языков, данные, могущие быть хронологически углубленными для сербского (см. Даничић Рјечник II 32 s. v.) и русского языков (см. Материалы И. Срезневского II 79 и А. Дювернуа, s. v.), дружно говорят за существование лишь формы **lětosь*; то же надо сказать и по поводу обойденного молчанием О. Гуером *(j)utrosь*, засвидетельствованного только в этой форме всеми славянскими (кроме польского) языками, в том числе и др.-чешским (так называемые Пресбургский конца XIV в. и Райградский середины этого века словари, J. Gebauer, Slovník st.-č. I 673). Я полагаю посему, что отказываться от предложенного А. И. Соболевским истолкования формы *-sь* в *lětosь* и *(j)utrosь* нет никаких оснований.

Но если в этом случае О. Гуер допускал возможность об'яснения и в духе А. И. Соболевского, то в этимологии вин. ед. женского рода он пошел совершенно самостоятельным путем: в вин. ед. (и некоторых других) местоимения *sь* он видит основу **k̑ii̯a-*, на ряду с которой на индо-европейской почве существовала и **k̑i̯ā-*; как при **ali̯os* (греч. *ἄλλος*) имеем **alii̯os-* (лат. *alius*), при **medhi̯os* (греч. *μέσσος*, др.-ц.-сл. междоу) — **medhii̯os* (лат. *medius*), — так и при **k̑ii̯ām* (слав. *sьją)* имеем **k̑i̯ām* (лит. *šią*). „Отношение обеих форм таково, как между готск. *ija (*ii̯ām)*

с одной стороны и др.-в-нем. *ia* (**ịam*) с другой стороны. Почему в славянском у местоимения *jь* в женск. роде основа *ịa*-, односложная, а у местоимения *sь* — основа *k̑iịā*-, двусложная, причину этого скорее всего повидимому надлежит видеть в различном значении обоих местоимений: *jь* — местоимение анафорическое, местоимение третьего лица, в большинстве случаев неударяемое или лишь слабо ударяемое; местоимение же *sь* „hic" имеет всегда полное ударение, постоянно противопоставляется местоимению *онъ* „ille", а в таких случаях язык предпочитает формы многосложные, более длинные, ср. Wackernagel Göttingische gel. Nachrichten 1906, стр. 183 сл. Кроме того **k̑iā*- и фонетически было неудобно, ибо вело к форме с начальным *š*-, отличной от остальных падежей, что также могло содействовать возобладанию в славянском *k̑iịa*-" (ibid. 194). Допустим на минуту, что О. Гуер прав в своем предположении фонетического сосуществования форм с *i* и без него, но ведь именно в наших сочетаниях, как **noktьsь*, (**vesnǫsь*), **jesenьsь* и **zimǫsь*, мы и имеем случай ее слабой ударяемости и полного отсутствия противопоставления местоимению *онъ*: ожидаем, стало быть, **sịām*, откуда **šǫ*, „форма отличная от остальных падежей". О существовании только что указанных выражений О. Гуер совершенно, впрочем, не упоминает и с ними не считается. А ведь их *-sь* уж никак нельзя об'яснить „утратою конечного" гласного ни в форме **sьịǫ*, ни в форме **šǫ*. — И здесь, таким образом, остается незыблемой этимология А. И. Соболевского (со всеми, кстати сказать, вытекающими отсюда последствиями, входить в которые я здесь не нахожу уместным).

4. Перед нами, таким образом, винительные падежи (что с непреложностью и прямо следует из формы **zimǫsь*) времени в роде др.-и. *náktam* ‚ночью', *vasar*- в *vasar-hán* ‚бьющий утром', *sajám* ‚вечером', греч. *νύκτωρ* ‚ночью', лит. *vãkar* из вин. ед. *vãkarą*, *šeñdien* = *šią̃ dieną*, *šęnakt* = *šią̃ nãktį*, *šį̇met* = *šį̇ mẽtą* и проч. (см. K. Brugmann Gr.² II, 2, 682—683). Последние образования могли бы быть прямо сближены с праславянскими, если бы тому не мешала препозитивность местоимения, заставляющая сближать их с такими сложениями, как **si-nokti* (др.-ц.-сл. синошти, др.-русск. *синочи синочь*, болгарск. *сѝнокь*, сербохорватск. *сӣноћ*, *прѐксиноћ*, словен. *sinǫ̑či*), русск. диалектическ. *се́утра, се́дни, се́днева, се́днишка, седе́нный* (напр. хлеб), *сиде́нь, се́вечор, се́лѣть, селѣ́та, сё́лита, сё́лито, селѣ́тье, селѣ́тній, се́-*

года, сегоды́сь (В. Даль), белорус. *сёлита* (В. Добровольский Смол. областн. слов.). И, вообще, индо-европейский язык, повидимому, знал употребление местоимения основы **k̂o-*, **k̂i-*, **k̂(i)i̯o-* только перед существительным: греческ. *σήμερον*, аттическ. *τήμερον* = **κι̯άμερον* ‚сегодня‘, *σῆτος* ‚се́года‘, готск. *himma daga*, др.-сакс. *hiu-diga*, др.-в.-немец. *hiu-tu* = *hiu-tagu* ‚hoc die, hodie, heute‘, *hiu-ru* = *hiu-iāru* ‚hoc anno, heuer‘, приведенные выше литовские; равно, частицы **k̂e*: греческ. *κεῖνος*, дорич. лесб. *κῆνος* ‚тот‘ = **κε-ενος*; но в италийск. при латинск. *cēterus* < **ce-etero-s*, *ce-do*, *ci-s*, *ci-trā* найдем и постпозитивно *nun-c*, *hi-c*, *isti-c*, *illi-c* (см. обо всем этом K. Brugmann Gr.² II, 2, 321—324). Едва ли мы заключим отсюда к диалектическому индо-европейскому постпозитивному употреблению указательного местоимения. Все вероятия за то, что такое употребление не было унаследовано праславянским из дославянского (вспомним факты литовского языка).

5. Имеем, стало быть, дело с образованиями языка праславянского и при том такими, последняя морфема которых энклитизировалась, надо думать, после обращения в нуль звука конечного у существительных муж. рода, у существительных женск. рода основ на *-i* и у существительных средн. рода основ на *-o* согласного *-m* (но, если в последнем случае было *-d*, что почти невероятно, ибо обращение его в нуль звука датируется балтийско-славянской эпохой, — оно, все равно, фонетически должно было дать нуль звука перед следующим *s*, как **vъsь* < **vъdsъ*, **dasi* < **dadsi* и под.); иначе имели бы **večerǫsь*, **dьnęsь*, **noktęsь*, **jesenęsь* и, быть может, **(j)utrǫsь* и **lětǫsь*.

Но здесь нужны оговорки. Во-первых, для языка русского. В. Даль приводит тамбовское *есеня́сь*, в начальном *е-* которого, как и в рязанском *е́сень*,¹) соблазнительно видеть, идя вслед за А. И. Соболевским, признающим, как известно (Лекции³ 31), начальное в слове *о* из *е* „мнимой особенностью русского языка“, исконное, дославянское *е* при дублетной форме с *о* (готск. *asans* ж. р. „время жатвы“ с производным *asneis* „поденщик, наемник“) и в *'а* отражение исконного *ę*; тем паче, что указать источник аналогии для этого *есеня́сь* я положительно затрудняюсь [что

¹) Академический словарь к слову *есеня́сь* делает такое неясное для меня примечание: „*есеня́сь*, вероятно, фонетически вм. *осенясь*, вследствие изменения *о* в начале слова. Ср. *есенью* Ряз. (Макар.) вм. *осенью*. Что до *есеня* в смысле осень Ряз. (Макар.), то существование его недостоверно“.

здесь могла быть аналогия, показывает *осеню́сь* (Грандилевский; с. Нагорное Слободск. у. Вятск. г. Мат. IX 107) под влиянием *зи́му́сь*; или здесь утрата *į* после *н* в форме твор. пад. под тем же влиянием?]. За сим, в словаре А. Подвысоцкого находим для архангельского наречия употребляющееся повсеместно в губернии *лѣ́тусь* и в Дијалектима источне и јужне Србије А. Белића (Београд 1905, стр. 28) — *проле́тус*, которое А. Белич считает заимствованием из других диалектов, агент аналогии для которых может быть указан без затруднения: *зи́мусь* и *зиму́ска*. Наконец, В. И. Чернышев приводит из говора с. Радомли Московск. у. (Сб. 68 № 3, стр. 26) „*вечёрясь* и *вечёрсь* (*р* почти твердо)“; по замечанию на стр. 7 для того же говора „*я* вместо *е* в слогах неударяемых слышится исключительно за ударением“ и непосредственно за этим следующих примеров ясно, что *'а* может восходить и к старшему *е* из *ь*, которое, как увидим ниже, могло быть в этом наречном выражении, если принять за основу его существительное **vèčerь* женск. рода, но тогда ждали бы иного ударения — **вечеря́сь* (почему, — опять увидим ниже); можно предположить контаминацию *вечёрось* и *вчера́*, но откуда тогда мягкость *р* (замечание „*р* почти твердо“, повидимому, относится только к *вечёрсь*)? Во всяком случае, по тому же акцентологическому соображению, по которому нельзя фонетически об'яснить нашу форму из **večerьsь*, нельзя ее об'яснить и из **večerę̀sь*. Если предположить перенесение ударения под влиянием **večèrъsь*, открываются обе возможности. Отмеченное Подвысоцким, Грандилевским и Материалами IX 192 Вятск. губ. *у́тресь* (при обычном *у́трось*) может иметь *е* из *ę* по закону северно-великорусского диалектического перехода *'а* в *е* перед палатализованным согласным (так можно об'яснить и *дне́сь, ноче́сь, осене́сь*), но кашинское (Смирнов) *утре́сь*, вероятно, из **utrь-sь* (польск. *nazajutrz*); так же может быть об'яснено парфенковское *у́трьс̂* (Н. Дурново 225); полагаю, аналогия *у́трѣ* „завтра утром“ исключается семасиологически.

Во-вторых, Б. Ластавица в описании Кореничского говора в Лике указывает *нòћес* (Nastavni vjestnik XIV, 1905, str. 754) и Ст. Ившич свидетельствует, что „для обычного наречия *нòћас* в Посавье местами говорят *нòћес* (Канижа, Куты)“, отмечая: „но это *е* не должно соответствовать старому *ь*, ибо это *е* может быть ослабленным *а*“. „И Решетар допускает, что *нòћес*, указанное в Лике, могло получиться редукцией *а* (см. Der štok.

Dial. 98)“ прибавляет Ст. Ившич в подстрочном примечании (Rad 196, 176). В указанном же месте М. Решетар ставит Кореничское *нòћес* в связь с такими явлениями этого говора, как „*нòћети* вм. *ноћити, нѝкед* и *нѝкеда* вм. *никада, нѐкеда* вм. *некада*, равно слогообразующее *н* вм. *ни* в неопределенном наклонении глаголов II-го класса, напр. *вйкн̥ти, крѐсн̥ти* и т. д.“. Предлагаемое М. Решетаром об'яснение этих явлений, — „очевидно во всех этих примерах имеем дело с редукцией краткого неударенного гласного, производящего впечатление то *е*, то *и*, относительно обращающего предшествующее *н* в слогообразующее“, меня не удовлетворяет уже потому, что, отведя показательность *нòћети*, в качестве документирующего „редукцию“ *а*, ибо и в Кореничском говоре сказывается влияние глаголов типа *забòљети* на глаголы типа *стидити се (стиђети се*, стр. 723), остаемся лишь при наречных выражениях, продолжающих **-къда*, остающихся, правда, неясными, но все же представляющих особую категорию случаев, которым противопоставляются все остальные примеры с рефлексом редуцированных *а* неударяемым, редукции не подвергающимся. Видеть же вслед за Ст. Ившичем редукцию *а* в посавском *нòћес* совершенно не представляется возможным, ибо других случаев такой редукции для Посавья не указано. Можно скорее предположить аналогию местного падежа единственного числа *нòће*, с *е* из основ на *-а*, каковое явление документируется Ст. Ившичем между прочим и для Канижи (Rad 197, 14); но можно в этом *е* видеть и рефлекс праславянского *ę*, но не безусловно, ибо тогда ждали бы **нòћес* (как *зѝмӯс*) с *е* долгим. Если же имеем *ĕ*, пришлось бы, допустив последнее производство, признать сокращение *е* результатом той или иной аналогии, что вообще для наречного выражения, в особенности в виду *зѝмус*, мало вероятно. — И сербские факты, таким образом, не дают решающих указаний в поднятом нами вопросе. Отмечу еще, что во всех болгарских примерах с *е* перед *-sь* это *е* может восходить в той же мере к *ь*, как и к *ę*, как это было уже отмечено для северно-великорусского.

Но, с другой стороны, позволительно ли возвести эти формы, известные лишь единичным говорам (конечно, насколько мне известно), к праславянским с *ę* или *ǫ*? — Я бы затруднился и окончательное решение этого вопроса на основании русских данных предоставил бы тем, кто лучше меня знаком с диалектографией и историей русского языка, прибавив, что если бы и пришлось

признать указанные образования праславянскими, то, во всяком случае, — диалектически.

II.

6. После всех этих замечаний перехожу к вопросу главным образом меня интересующему, — вопросу акцентологии наших наречных выражений.

Попытаемся установить основную акцентную форму для тех существительных, которые лежат в основе наших наречных выражений, и форму этих последних, для того. чтобы затем попытаться установить взаимоотношение этих акцентологических форм.

Привлекаться к сравнению будут, главным образом, формы языков литературных; отсутствие ссылки при словах будет значить, что для русского они заимствуются из 3-го издания Толкового словаря В. Даля и Академического; для болгарского — из словаря Н. Герова и болгарско-немецкого словаря, составленного Г. Вайгандом в сотрудничестве с А. Доричем (Лейпциг 1913), при чем уже самое правописание (я сохраняю правописание Н. Герова) выдаст в большинстве случаев источник: для сербохорватского — из Рјечника Вука Караџића (изд. 1852 г., т. е. 2-го) и Rječnika Югославянской Академии (alias Загребскаго, 6 томов); для польского — из 2-го издания словаря Линде и Варшавского (до буквы S). Сверх того диалектические словари, при которых обозначается лишь имя автора: А. Подвысоцкого уже названный, равно названный А. Грандилевского, Колымский (северно-великорусский) В. Богораза (Сб. 68); для белорусского — словари И. Носовича и В. Добровольского; для малорусского — Б. Д. Гринченка; для польского языка — Я. Карловича.

Ссылка „Материалы“ означает соответствующий выпуск академических „Материалов для изучения великорусских говоров“. Н. Дурново — Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии, по оттиску из РФВ. (Варшава 1903).

Ссылка „P. Budmani Gramm.“ обозначает его Грамматику сербо-хорватского языка на итальянском языке (Вена 1867).

Ссылка „Cankof“ указывает на уже названную грамматику болгарского языка Цанковых.

„т.-л.“ (тимочско-лужничский), „св.-з.“ (сврлижско-запланьский) и „ю.-м.“ (южно-моравский) обозначают соответственные говоры восточной и южной Сербии, по труду А. Белића; цифра

после указания говора, каковым я заменяю Беличевскую ссылку на отдельные поселения, означает страницу труда; форма приводится в том ее упрощенном виде, какой принят в Указателе. — M. Rešetar'a Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, Wien 1900, сокрашается „Beton.“. — „А. Белич. Зам.“ = Заметки по чакавским говорам. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук XIV (1909), 2 (описание Новлянского говора), цитируются по оттиску. — S. Ivšić = Današńi posavski govor (штокавские говоры со старым, совпадающим с чакавским, местом и характером ударений; переходные говоры от старой к новой (скажем, Вуковской) системе акцентуации и говоры с новой акцентуацией; три рядом приводимые формы принадлежат этим группам) в Radu; указывается книга и страница ее. — Штокавская форма для отличия от чакавской передается вуковицей (т. е. данные трудов М. Решетара и С. Ившича транслитерируются).

Ссылка „M. Vaḽavec“ обозначает статью его в Radu 132: Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine; цифра указывает на страницу Rada.

7. Праславянская форма, из которой получен русский *день, дня*[1]) восстанавливается в виде **dь̏nь̆, *dь̏ne,*[2]) с ̏ на исконно кратком ь, которое:

а) подлежит в своем отражении удлинению перед редуцированным следующего слога, давшим нуль звука, на почве сербохорватской: *да̑н,* род. *дне̑* при возникшей по аналогии именит. падежа форме *да̑на* с заведомо нефонетическим *а̑; dân, dâna;*

б) удлиняется по общему закону в словенск. (и перешло бы в виде ̑ на следующий слог, если бы он оказался): *dân, dnȩ̑;*

в) переходит на следующий слог в болгарск.: *день, денъ̀тъ* (Б. Цонев, Сб. VI, 66; Cankof *den-ŭ̀t*).

г) переходит на первый слог акцентологической единицы в праславянском: русск. *на́ день, че́рез день, по́ дню, со́ дньм* (Н. Дурново 110); сербо-хорватск. *пре̏ко да̄на, о̏бда̄н* (P. Budmani, Gramm. 142, 134), *dȍ dana* (А. Белич, Зам. 29), *nȁ dan* (Добринь. I. Milčetić, Čak. kv. ot., Rad 121, 99).

---

[1]) На первом месте ставлю форму винит. падежа, лежащую в основе наших наречных выражений, форму фонетически совпавшую в мужеск. роде и основах женск. рода на *-i* с формой именит. падежа, а в средн. роде равняющуюся ей.

[2]) „Птичкой“ над редуцированным обозначаю вслед за А. Шахматовым „слабый“ его вид, по Шахматову — его „полукраткость“.

В наречном выражении —*dь̏nь̏sь̌ с `` дальнейшим изменениям не подлежащим: русск. *днéсь, поднéсь,* малорусск. *днéсь (-ка);* болгарск. *(д)нéсь, (д)нéска* при нефонетическом (аналогия *день*) *денéсь;* сербо-хорватск. *да̏нас (-ке), данӓс* (S. Ivšić, Rad 196, 147, 180), в говорах западной и южной Сербии *дьнь́с (-ке)* (62, 70 и др.), *danäs* (А. Белич, Зам. 58); словенск. *dənə̀s (-ka), dánəs* с оттяжкой на заместитель редуцированного гласный полного образования, явившийся под влиянием существительного *dân*, и *dnês*, под влиянием *dnę̂*; не указывают, по понятным причинам, на ударение: чешск. *dnes* (польск. *dziś*).

**nȍktь̌* с тем же ударением, что и в **dь̏nь̌*, посему:

а) сербо-хорватск. *нôħ, нȍħи, nôć, dvî nȍći* (А. Белич, Зам. 50);

б) словенск. *nộč, nočî;*

в) болгарск. *нощь, noš, noš-tŭ* (Cankof 16); т.-л. *ночтýту* (451);

г) русск. *нá ночь*, белорусск. *ночь прú нӧчь* „еженочно“ (Носович); сербо-хорватск. *ȍбнōħ, сӥнōħ* „вчера вечером“; болгарск. *сúнокь* „вчера вечером“; т.-л. *нá ноч, ý ноч, прекó ноч* (175); словенск. *na nộč* (со вторичным перенесением ͡ на следующий слог);

д) в местн. единств. имеем перенесение ударения с краткости на восходящую долготу по закону Фортунатова-де Соссюра: русск. *в ночú;* сербо-хорватск. *нòħи, noćî* (А. Белич, Зам. 50); словенск. *nóči*, с *о*, не *ọ*, указывающим на оттяжку с конечного открытого гласного (M. Vaḽavec 199).

В наречном выражении — *noktь̏sь̌*: русск. *ночéсь* (Подвысоцкий, Богораз), болгарск. *нощéсь (-ка),* сербо-хорватск. *нòħас,* т.-л., св.-з. *ночь́с (-ке)* (62—63, 70, 175, 178, 466, 470); в словенск. *nočəs* у Плетершника ударение не обозначено.

Для существительного, обозначающего время, предшествущее ночи, мы должны считаться с тем обстоятельством, что все славянские языки, кроме русского и чешского, знают его в двух формах — **vȅčerъ̌*, **vȅčera*, основа мужеск. рода на *-o*, и **vȅčerь̌*, *vȅčeri*, основа женск. рода на *-i*: болгарск. *вéчеръ* мужеск. рода и *вéчерь* женск. рода; сербо-хорватск. *вȅчēр, вȅчери* женск. рода и *вȅче, вȅчера* мужеск. рода *(добȁр вече!)* и даже, обычно, средн. рода, под влиянием нефонетической утраты конечного *р; vȅčer, vȅčera* обычно мужеск. рода, но „может в некоторых пад. быть и женск. рода: *drȕgī vȅčēr*“ (А. Белич, Зам. 31), т.-л. „*дó-вечер* . . . сущ. . . . сознается в этой форме существительным жен-

ского рода“ (279), ю.-м. *добра́ ве́чер*, т.-л. *дру́гу ве́чер* (306); словенск. *večȇr, večȇru* (sveti večer) и *večȇri (Bog vam daj dobro večer):* польск. обычно *wieczór, wieczora* и *wieczoru*, но диалектически и *wieczerz* (Я. Карлович, VI 106); русск. и чешск. — мужеск. рода: *ве́чер, ве́чера, večer, večera*. От основы женск. рода имеем:

б) указанные уже словенские формы;

в) болгарск. *вечерь-тж̀* „вечером“;

и от основы мужеск. рода:

б) опять таки, уже указанные словенские формы;

г) русск. *при́вечер, по́двечер, на́вечер* в наречном значении „к вечеру“, *по́д вечер* и т. д, малорусск. *на́д вечір* „под вечер“, болгарск. (может быть и основы женск. рода) *на́дъ-вечеръ, при́вечеръ* „под вечер“, сербо-хорватск. (тоже может быть от основы женск. рода) *ȕ вечер, pȍd večër* (А. Белич, Зам. 31), приведенное т.-л. *до́вечер*.

Отмеченная только что двойственность существительного, полагаю, сказывается и в наречном выражении: как при **jësenь* < **jesënь* имеем **jesenȉsь̆*, реч о чем будет сейчас, так при **večërь* (откуда, с обычным переходом ` на начальный слог **vëčerь̆*[1]) имеем **večerȉsь̆* (но без дальнейших изменений): сербо-хорватск. *вечѐрас (-ке), večeräs* (А. Белич Зам. 58); но, конечно, русск. из **večërъsь̆*: *вечо́рось* (В. Даль; в Академическом словаре слово отсутствует), *вичо́ръс̑* (Н. Дурново 112, 226), указанное уже Московского уезд. *вечёрясь*, белорусск. *ючо́рась*.

Что исконная форма имени для обозначения времени, следующего за летом, должна была быть, как только что отмечено, **jesënь*, следует из русск. *в осени́*, малорусск. *в осени́*, сербск. *о јесѐни* (P. Budmani Gramm. 212), и это потому, что предположенная Педерсеном (KZ. 38, 307) перетяжка ударения по закону Фортунатова-де Соссюра не только с непосредственно предшествующего, но и со слога, отделенного другим слогом, отвергнута с полным правом С. Кульбакиным (Известия Отделения русск. яз. и словесн. Академии Наук XI, 4, стр. 262—263) и А. Шахматовым (Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 69). Стало быть, **jesënь̆* и далее **jësenь̆*: русск. *о́сень о́сени* (и *е́сень*), малорусск. *о́сінь о́сени;* болгарск. *е́сень*;

---

[1]) Исконная форма **večërь̆* документируется посавск. родительным множественного *вечери̑* (*вѐчер вѐчери*), S. Ivšić Rad 197, 27; об акцентологических отношениях в формах родительного множественного реч будет ниже.

сербо-хорватск. *jѐсен jѐсени, jѐsēn jѐseni* (А. Белич Зам. 50); чешск. *jeseń jeseně* (при сильных конкурентах *podzim, podzimek, podzimí);* польск. *jesień, jesieni:*

б) словенск. *jesę̂n jesę̂ni* и т. д.

в) болгарск. *есень-тѫ̀* „осень“ и „осенью“.

г) русск. *нá-осинь* (Пудожск. у. Мансикка, Изв. XIX, 4, стр. 171), *пóдъ-осень* (с. Ильинское Кологривск. у. Костромской г., Мат. IX, 127); сербо-хорватск. *дȍ јесени* (P. Budmani Gramm. 187), *nȁ jesēn* (А. Белич Зам. 50), т.-л. *дó ꞌесен* (653).

д) примеры уже приведены.

В наречном выражении **jesenь̂sь̌* (\`\` не подлежит дальнейшим изменениям): русск. *осенéсь* (Даль, Богораз, Грандилевский), об *есеня́сь* и *осеню́сь* речь была выше, а приводимое А. Подвысоцким *óсенесь* имеет, конечно, ударение по основному существительному; болгарск. *есенéсь;* сербо-хорватск. *јесѐнас (-ке),* т.-л. *јесенѐс* (63, 131); наконец, словенск. *jesę̂nəs* — под влиянием *jesę̂n* и наличности *ə*.

Следующая акцентологическая категория рассматриваемых основных существительных — основы женск. рода на *-a*, меняющие в парадигме ударение по закону Фортунатова-де Соссюра: **zīmȁ* и так во всех падежах всех чисел, кроме винительного единственного, именительного-винительного двойственного и множественного: **zîmǫ, *zîmѣ, *zîmy*: русск. *зимá зи́му зи́мы,* малорусск. *зимá (зiмá) зи́му (зíму) зи́ми (зíми)*; болгарск. именительный падеж сохраняется в *зимá ми е* „мне холодно“, *zimá j'* („es ist kalt“ Cankof 169) при обычном именительном падеже = винительному *зи́ма zímù* (Cankof 169), но также и *зимá* (Б. Цонев Сб. VI 68); сербо-хорватск. *зи́ма зи̑му зи̑ме, zīmȁ zîmu zîme* (А. Белич Зам. 48), т.-л. *зимá зи́му* (346); словенск. *zíma* (оттяжкой с конечного открытого гласного) *zimǫ̂ zimę̂ zimę̂* (M. Vaļavec 195, перенос ⌒ на следующий слог). В винительном падеже, лежащем в основе наречного выражения, таким образом, — исконное ⌒, которое переносится на следующий слог, как только что показано, в словенском и переходит на начальный слог в виде \`\`: русск. *нá зиму*; сербо-хорватск. *пȍд зи̅му, ȍб зи̅му* (P. Budmani Gramm. 142, 211), *nȁ zīmu* (А. Белич Зам. 48); словенск. *na zîmo* со вторичной передвижкой.

В наречном выражении — **zimǫ́sь*, с ударением на *ǫ*: болгарск. *зимѫ́сь;* сербо-хорватск. *зѝму̅с (-ке)*, с \` на исконно долгом, сократившемся по общему закону еще на праславянской почве

в начальном слоге трехсложного слова перед следующим долгим слогом (что установлено А. Шахматовым, Известия Отделения русск. яз. и словесн. VII (1902) 2, стр. 317); т.-л. *зимýс-ка* (470). Что до русского, то здесь в соответствии с приведенным — *зимýсь* (малорусск. в свое время указанное *зимýшній)*, при отклоняющемся *зи́мусь* (Даль, Подвысоцкий, Богораз), легко об'яснимом аналогией существительного *зи́му*.

Сюда же относилось бы и **vesnä* **vĕsnǫ*, отличающееся лишь краткостью коренного гласного, если бы была возможность признать его общеславянским, как в свое время было уже отмечено. Наречное выражение от него отмечено лишь в языке русском: *вёснусь* (Подвысоцкий, Грандилевский), *вéснусь* (Богораз, Грандилевский), совпадающие по ударению с формой винительного падежа имени и — все вероятия за это — заимствующие его отсюда.

Остаются имена среднего рода на *-о*: **lѣto* и **(j)utro*.

Для первого из них должно быть восстановлено **lѣ́to*. Русск. *лéто*, малорусск. *лíто* и польск. *lato* ничего, конечно, не говорят о характере ударения. Восходящий же характер его доказывается: языком словенским — *lẹ́tọ*, долготой в чешском *léto* (впрочем, на ряду с *leto)*, сокращением долгого гласного в сербохорватском — *љѐто, lèto* (А. Белич Зам. 40) и отсутствием переноса ударения на следующий слог в болгарском *лѣ́то, лѣ́то-то*.

Равно — **(j)útro*: русск. *ýтро*, польск. *jutro* „завтрашний день“; словенск. *(j)útrọ*, сербо-хорватск. *jȕтро, jȕtro* (А. Белич Зам. 40), болгарск. *ýтро, ýтро-то*.

Но, при всем этом, и противопоказания: сербо-хорватск. *нȁ љето, ȕ љето, прȉко љета* (St. Ivšić Rad, 196, 158), т.-л. *прекó лета* (654), чешск. *leto*. Равно: чешск. *jitro*, русск. *пó-утру*, сербо-хорватск. *ȕ јутро* (P. Budmani Gramm. 216), *ȕ јутру* (St. Ivšić Rad, 196, 158; 197, 127), *нȁкс(ј)утра, прѐксјутра, прѐкосутра* (Прчань; M. Rešetar Beton. 140), т.-л. *óд јутру, ý јутру*, ю.-м. *нá-јутро* (28); при *ȍд јутра* (St. Ivšić Rad 196, 158), *прѐк(о)с(ј)утра* (P. Budmani Gramm. 134), *прикȍсутра* (Дубровник; M. Rešetar Beton. 140). — Достаточно уже обратить внимание на краткость рефлекса **ѣ* и краткость *у* в сербо-хорватском, чтобы решительно отвергнуть возможность фонетического об'яснения ̏ на предлоге, а, значит, и возможность **lѣ̑to* и **(j)ûtro* (сопоставьте *злȃто : ȍд злāта, тй̑јело : пȍ тијелу, мȇсо : ȕ мȇсо* и т. д. P. Budmani Gramm. 142). И эти случаи не

стоят уединенно в сербо-хорватском: довольно много слов среднего рода основ на *-о* с исконным ´ на коренном долгом гласном знают ` ` на предлоге, как это указал А. Лескин в Untersuchungen über Betonungs- und Quantitätsverhältnisse in den slavischen Sprachen AslPh. 21 (1899), S. 395—396, и правильно истолковал это ` ` на предлоге аналогией существительных среднего рода с исконным ⌒

Что выравнивание между этими двумя типами существительных среднего рода — явление, имеющее место не только в языке сербо-хорватском, показывают и чешские, уже отмеченные, *leto* (при старом фонетическом *léto*) и *jitro;* что выравнивание у существительных среднего рода не ограничивается этими типами и захватывает и третий тип с ударением на гласном основы, показывают русские *до утрá, по утрý, в семь часов утрá* и т. д.

И характерно, — те же нестройные показания находим и в соответствующих наречных выражениях: при качественно непоказательных русских *лѣтось* (Подвысоцкий, Грандилевский, Богораз), *лéтъċ* (Н. Дурново 225), *лѣтась* (Радомля Московского уезд., В. Чернышев, Сб. 68 № 3, 26), белорусск. *лéтась,* болгарском *лѣтось (-ка),* тимочско-лужничском *лéтоска* (470), польском *latoś,* имеем, с одной стороны, сербо-хорватск. *љѐто̄с (-ке)*[1]), речское *lètos* (Strohal Rad 124, 166), ведущее к тому же ударению, что и в основном существительном; с другой стороны — словенск. *lę̑tos* с ⌒ на следующий слог непередвигающимся. В этом словенском ⌒, для которого аналогии не придумать и которого нельзя, посему, об'яснить иначе, как фонетически, я и вижу исконность. Чешское *letos,* всего вероятнее, — результат аналогии *leto.*

Полное уодноображение найдем в **(j)útrosь*: при русском *ýтрось* (Подвысоцкий, Грандилевский), *ỳтрась* (Харугино Московского уезд., В. Чернышев, Сб. 68 № 3, 61) и тех вариантах, о которых реч была выше (см. стр. 684), найдем и сербское *ју̏тро̄с (-ке),* с предлогом *ȍјтро̄с* (St. Ivšić Rad 196, 188, 206; 197, 58) и *ȍд јутрос* (St. Ivšić Rad 197, 58 с замечанием „нет у Вука, но так обычно говорится"), и словенское *jútros (-ka).*

В связи с **lѣtosь* стоят аналогичные, а потому и следующие своему образцу, сербское *прȍљето̄с (-ке)* при *прȍљето̄с, прȍ-*

---

[1]) *„лѐто̄с* (ист.)" у Вука, стр. 326, выправлено в опечатках на *лѐто̄с.*

литōс (St. Ivšić Rad 197, 58) и болгарск. *пролѣтось (-ка)* при *prolétes* (Cankof 198): у Н. Герова *пролѣтѣсь*, думаю, в виду формы Цанковых, с дурным аналогическим (*лѣтѣ* „летом“), но не историческим правописанием. Это *prolétes* образовано от существительного *про́лѣть* женского рода, у Цанковых (14) *prólêt*, *prolê-tǘ* (следовательно **prolѣ̄tь > prȍlѣ̄tь*) и должно было относиться к нему так, как какое-нибудь *есене́сь* к *е́сень;* следовательно, ждали бы **proletés*, и если имеем то, что имеем, необходимо допустить воздействие со стороны *пролѣтось*.

Итак,

а)	*dь̏nь*	и далее *nȁ dьnь:*	*dьnь̏sь*	с ̏ непередвигающимся
	nȍktь	„ „ *nȁ noktь:*	*noktь̏sь*	„ „ „
	vȅčerъ	„ „ *nȁ večerъ:*	*večȅrъsь*	„ „ „
	večȅrь	„ „ *vȅčerь, nȁ večerь:*	*večerь̏sь*	„ „ „
	jesȅnь	„ „ *jȅsenь, nȁ jesenь:*	*jesenь̏sь*	„ „ „
б)	*zîmǫ*	„ „ *nȁ zı̄mǫ:*	*zı̏mǫsь*	с ударением на *ǫ;*

в) *lѣ́to : lѣtosь*, с ударением на коренном гласном, дающим в словенском ⌒, не переходящее на следующий слог,
(j)útro : (j)utrosь, с тем же искони ударением, что и в *lѣtosь?*

Т. е. *а)* краткое ударение основной формы, отступающее на начальный слог акцентологической единицы, в производной переходит на следующий краткий слог в виде краткого же, но не отступающего ударения; *б)* долгое нисходящее основной формы, отступающее на начальный слог акцентологической единицы, переходит на следующий слог в производной и *в*) долгое восходящее основной, не изменяя места, переходит в производной в долгое нисходящее, отличающееся от обычного тем, что в словенском оно дальнейшим передвижкам не подлежит.

Причина этих акцентных изменений — присоединение к слову энклитизировавшегося местоимения, семасиологически вносящего указание на бытность в прошлом того, что выражено основным винительным времени.

8. Словом, перед нами акцентные изменения при тех же условиях, которые были наблюдены проф. А. Беличем в его работе Акценатске студиjе, књ. I, у Београду 1914, на материале славянских именных прилагательных, как форм основных, и местоименных их форм, как производных.

До выхода в свет этих Студија проф. А. Белич опубликовал результаты своих наблюдений кратко в рецензии на акцентологическую работу Ст. Ившича, помещенной в V-ом томе Rocznika slawistycznego, Kraków 1912, и подробнее в статье Јужнословенског Филолога, књ. I (1913), стр. 38—66: Изменения ударений в праславянском языке (Промене акцената у прасловенском језику); по выходе в свет книги, в XXI-ом томе Mémoires Парижского лингвистического общества (1919 г.) напечатана его статья под заглавием „Праславянская акцентологическая система“ (Un système accentologique du slave commun, стр. 149—165), построенная на том же материале и с теми же выводами, но, как заявляет сам автор (стр. 164—165), „некоторые мысли его здесь более развиты“ и, прибавим от себя, в двух случаях изменены.

Проф. А. Белич в установленных им акцентологических изменениях видел явление языка праславянского той его эпохи, когда, во-первых, уже произошло обращение конечных в слове согласных в нуль звука (Введение и стр. 155 и 156), когда, во-вторых, уже успели произойти те акцентологические изменения, природу которых установили Ф. Ф. Фортунатов и А. Мейе, первый, видя в этой перетяжке восходящей долготой, перешедшей затем в нисходящую, ударения со следующего соседнего слога краткого или нисходяще долгого, явление фонетическое (А. Шахматов, Очерк... 71); второй (Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову = РФВ. XLIII, Варшава 1902, стр. 193—200) — выражаясь словами А. Белича, „известное уодноображение морфологизованного ударения, получившее вид фонетической особенности“ (Студије 154), и, само собой разумеется, после балтийско-славянского закона Фортунатова-де Соссюра (164—165). Далее, из изложения А. Белича следовало бы, что установленные им праславянские акцентологические изменения имели место после перехода ⁀ и ̏ на начальный слог слова; что это так, говорят приводимые А. Беличем факты, хотя он им и не дает истолкования в этом направлении: выводя *okrúglō* и *vesȅlō* из именных *ȍkrūglo* и *vȅselo* (стр. 51) или родительный множественного *obrúč (*obrȗč)* из именительного *ȍbrūč* (стр. 158), он постулирует *ȍkrūglo, vȅselo, ȍbrūč*, которые ведь получились из **okrǫ̑glo*, **vesȅlo*, **obrǫ̑čь*; или стр. 150: „литовское *ketvir̃tas* дало бы славянское **четвь̑ртъ* и далее **чȅтвьртъ*; и действительно, в славянском имеем: *četvь̏rtyi* (ср. чакав. *četvŕtī*, русск. *четвёртый* и т. д.), как имеем: **ȍkrǫglъ* : **okrǫ̏glyi*‘

Наконец, опять таки по косвенным указаниям фактов, а не по прямому их истолкованию, следовало бы предшествующее акцентологическим изменениям сокращение конечных гласных, раз при именной форме *добра̏* женск. рода имеем местоименную *до̏бра̄* (стр. 45).

Те же акцентологические изменения, какие устанавливаются А. Беличем в результате исследования славянских прилагательных, распространяются им и на формы склонения и спряжения, материал которых им на сей раз не обследуется, а приводится лишь в качестве иллюстрационного. с целью „показать, что и у них имеем ударения той же эпохи, что и у прилагательных, и что эти ударения у них, по всей вероятности, получены подобным же образом“ (стр. 167); это: родительный множественного по отношению к остальным падежам единственного и множественного числа, именительный множественного основ средного рода на *-о* по отношению к именительному единственного и формы настоящего времени, кроме 1-го лица единственного, по отношению к этому последнему и глагольной основе в других формах (стр. 158 и след.); сверх того, роняется указание на существительные, как чакавск. *súša (*sȕša)* по отношению к *sûho* и чакавск. *lístje* по отношению к *lȉst* (стр. 163).

Причину всех этих изменений ударений А. Белич видит в изменении состава слова („промена склопа, састава речи“, стр. 163). Это совершенно понятно у прилагательных, где к форме именной примкнуло энклитизировавшееся местоимение, что отразилось и на реальном значении слова; понятно, если угодно, изменение „склопа, састава речи“ в *súša*, *lístje;* но — должен откровенно признаться — в чем заключается „промена состава, облика речи“ (стр. 159) именно в родительном множественного „по отношению к остальным падежам ед. и мн. ч.“, или в именительном множественного среднего рода „по отношению к им. ед.“, или во всех лицах единственного числа, кроме 1-го, „по отношению к 1 л. ед. и глаг. основе в других формах“, как думал А. Белич в Студиjама, заменив это отношение в Системе (стр. 157) другим: напр. 3 л. ед., как форма основная, и 1 л. мн., как акцентологически производная, — я не понимаю, как, кстати сказать, не могу уразуметь до конца и того, что по этому поводу, расходясь с А. Беличем, думает А. Мейе в своей рецензии на Студиje в 21-м томе (1918) Bulletin Парижского лингвистического общества, стр. 105—109, признающий труд А. Белича „знаменующим

дату в столь трудном и столь мало подвинутом изучении славянской акцентологии“ (стр. 105), выводы полученные на материале прилагательных, — „для теории славянской акцентологии — окончательными приобретениями, подчеркивать значение которых было бы излишне“, но по отношению к остальным категориям находящий: „не все еще ясно в фактах, изложенных А. Беличем; и они несомненно не так гомогенны, как это можно было бы думать по их изложению“ (стр. 108). Со всем этим, конечно, нельзя не согласиться. — Прибавлю, что в Системе причина акцентологических изменений формулирована так, что ее можно применить к любому падежному или личному образованию: „более или менее ощутительному изменению конечной части слова соответствует изменение его ударения“, или ниже: „фонетическо-морфологическое изменение формы слова вызывает изменение... ударений“ (стр. 150).

Исходя из исконной наличности трех праславянских ударений: ′, ⌒ и ``, А. Белич устанавливает появление в указанных им категориях трех новых ударений: ˀ, ~ и ⁓:

1. ⌒ переходит в ˀ в двух последних слогах слова,
2. ′ „ „ ~ „ „ „ „ „ ;
3. *а)* `` переходит с конца слова на предпоследний слог } долгий — в виде ˀ.
б) `` переходит со второго и третьего (с конца) слога на следующий слог } краткий — в виде ⁓.

1. *mo⌒ldo : mòˀldoje,*
2. *stáro : stãroje;*
3. *а) bѣ̄lȍ : bѣˀloje,*
б) bȍso : bosõje, vȅselo : vesèloje.

(Стр. 163—164).

Новые ударения дают:

	Сербо-хорватский Штокав.	Чакав.	Словенский	Чешский	Лехитский
~	⌒ не отступающее		⌒ не переходящее на следующий слог	Долгота	
ˀ	⌒	′	′	Долгота	
⁓	``		Иногда ⌒, на следующий слог не переходящее		

Эти изменения имеют силу и тогда, когда во втором или третьем от конца слоге имеется редуцированный (стр. 164), откуда выводится (стр. 165), что „в это время полугласные в середине слова (в открытых слогах) были уже настолько редуцированными, что не ощущались в качестве отдельных слогов“.

Перед нами, таким образом, цельная система праславянской акцентологии: три старых, еще дославянских, ударения: ´, ⌒ и ``, к которым присоединяются три новых: ˎ, ˜ и ˜, от них по своей дальнейшей истории отличных.

9. Уже оставаясь при тех материалах, на которых построена эта система, можно поставить ряд недоуменных вопросов. — Во-первых, — когда действовал закон перенесения ⌒ и `` к началу слова: до или после появления новых ударений? Мы видели, — А. Белич относит переход нисходящих ударений на начало слова к эпохе, предшествующей появлению новых ударений, но в исследование этого вопроса не входит. — Во-вторых, — где бы ни находилось старое ``, оно должно перейти на начальный слог слова; но откуда тогда *selȍ* (стр. 160), *bě̄lȍ* (стр. 147), *dobrȍ* (стр. 45), *visokȍ* (стр. 51), *mirȍvno* (стр. 53), *zelenȍ* (стр. 147), мужеск. р. *добръ̏* (стр. 45) и т. д.? Были, стало быть, случаи, где старое `` могло быть и не на начальном слоге слова. И это чувствует А. Белич, отметив на стр. 53 по поводу различия ˜, могущего стоять во всех слогах, от старого ``, возможного только в начале слова: „но, конечно, этим еще не очерчиваются особенности этого ударения по отношению к кратким ударениям других слогов, кроме первого; чтобы быть в состоянии это сделать, я должен был бы остановиться и на отношении этих старых кратких ударений к краткому ударению первого слога. Этого, между тем, я здесь не буду теперь делать.“ Сделать же это, кажется мне, нужно было бы, иначе построения А. Белича теряют характер законченности, и утверждение о наличности в предшествующий период лишь одного краткого ударения остается необоснованным. В Системе А. Белич пошел дальше. „Что касается кратких ударений, то нужно различать равным образом [как и для долгих] два ударения: ударение краткое первого слога (по природе нисходящее), подлежащее всегда перенесению на первый слог слов, с которыми он составляет единое целое, и ударение краткое других слогов (по природе восходящее), сохраняющее свое место. В предшествующую эпоху это было, вероятно, единое краткое ударение, получившее в первом слоге слова качество циркумфлекса“

(стр. 149). По существу, таким образом, не вербально, в эпоху, непосредственно предшествующую наступлению изученных А. Беличем изменений ударений, признается четырехакцентная система, сводящаяся к более ранней — трехакцентной. Но, если два кратких ударения восходят к единому, — надо указать, что̀ удерживало в определенных случаях это единое ударение от стремления покинуть неначальный слог и перейти на начальный. Пока не указаны причины, мешающие ему это сделать (а они не указаны), оснований для утверждения исконного единства кратких ударений нет. — В-третьих, — редуцированные в слабом положении (или полукратком, по А. Шахматову, виде) в эпоху действия закона А. Белича не могли быть слоговыми; но откуда тогда *bъ̄lъ̏, *čъ̄rnъ̏ (стр. 149), *sporъ̏ (стр. 150), *стариньскъ (стр. 48), или на стр. 152: „если имеем bъ̄lъ̏, čъ̄rnъ̏ с удержанным ударением, почему не имели и *živъ̏, *nāgъ̏, *sȳrъ̏ и т. под.?“ Правда, А. Белич избегает этих форм мужеск. рода и предпочитает указывать вместо их формы среднего рода (bъ̄lò, golò, напр. на стр 147) и, быть может, ответил бы нам тем, что форма именительного-винительного единственного числа мужеского рода в местоименном прилагательном подпала влиянию других падежей, но, во всяком случае, с этим надо было сосчитаться, вспомнив при этом старославянский язык и его Константиновскую азбуку. — В-четвертых, — исследование ведется, главнейшим образом, на формах именительного падежа единственного числа и, при том, главным образом, мужеского и среднего рода; устанавливается, на основе этого, взаимодействие различных акцентологических типов, между тем во многих случаях акцентологическая разнотипность может быть и, думаю, должна быть выведена взаимодействием акцентологических типов внутри парадигмы, но только в том случае, если в поле исследования попадут все формы склонения прилагательного (в том числе, конечно, и целое и невредимое в эпоху действия закона двойственное число). — В-пятых, — по закону о переходе ⌒ в ⸢ ожидаем в типе *svę̂tъ — *svę̏tȳjь̑, а имеем, на ряду с каставским svétī, засвидетельствованное штокавским наречием сербо-хорватского языка, кашубским наречием и русским языком *svę̆tȳjь̑ (стр. 42—43, 101—103, 115—119, 126—139, 140 и 147—149); категория эта с наконечным ударением не чужда и чакавшине, — ниже будут указаны примеры ее для новлянского говора. А. Белич вынужден признать последнюю форму дублетно праславянской; для об'яснения ее и сосуществования

формы *svę̀tȳjĭ он прибегает в Студиjама к уже отмеченному нами закону Фортунатова-Мейе. Какое-нибудь *žīvъ̏, имеющее своим соответствием литовск. gývas из *gīvàs, др.-инд. ǰīvás давало *žîvъ. „Для нашего вопроса, говорит А. Белич (стр. 154), достаточно самаго факта, что *žīvъ̏ дало, под влиянием ли морфологическим, или фонетически, — žîvъ. Но и другое обстоятельство для нас не без значения: если мы хотим об'яснить *žīvъ̂i̯e, мы должны предположить, что žīvъ̏ являлось только при тех условиях, которые находятся в простой или неопределенной форме прилагательного. Стало быть, *žīvъ̏ давало žîvъ, но в živъ̀jь ударение оставалось на своем месте. Это не трудно предположить вследствие того, что неопределенные прилагательные образовывали одну группу с существительными, для которых это также имеет силу, а определенные своей формой от них до известной степени отличались“. Далее žîvъ, совпав с типом krîvъ, где ⁀ старое (литовск. kreĩvas), давало žîvъjь, как krîvъjь (в эпоху до действия закона Белича); после этого настало действие этого последнего: žȉvъjь (krȉvъjь) при старом žīvъ̀jь. — Допустим, что все это — надо согласиться, все же искусственное — построение верно, но откуда же тогда сохранение пусть изолированной „отделенной от своей простой формы“ žīvъ̀jь? Раз начал действовать фонетический закон, вне его действия živъ̏jь остаться не могло: как bě̄lъ̏jь давало bě̏lъjь, так žīvъ̏jь дало бы, пройдя лишь другой путь, все то же žȉvъjь, которое получилось и из žîvъ + jь.

Не заявляя своего отказа от только что изложенного, А. Белич в Системе предлагает другое об'яснение сосуществования на праславянской почве вариантов „žȉvyj и živȳ̏j“ к именному žîvъ.[1]) „Вариант žȉvyj — законная определенная форма от žîvъ; но при неопределенной форме женского рода žīvá (с ударением, перенесенным по закону де Соссюра-Фортунатова) в праславянском должно было образоваться определенное прилагательное *živȁja, давшее в русском живáя, в сербском живâ и т. д. В параллель к этой форме женского рода были образованы формы мужеского и среднего рода с наконечным ударением: в русск. напр. живóй — живóе, так же как по форме мужеского рода žȉvyj была создана форма женского рода žȉvaja. — Отсюда —

[1]) Отсутствие отказа от старого об'яснения (и тем самым оснований этого отказа) и заставило меня изложить тот взгляд А. Белича, от которого он, повидимому, теперь отказывается.

две формы определенные (*žìvoje* и *živȍje*), отражающиеся в различных славянских языках и различно обобщающиеся“ (стр. 156). — Это новое об’яснение едва ли удовлетворительнее старого. *Živá* — *živa͂ja*; значит, конечные гласные в слове еще не сократились; значит, и при каком-нибудь **dëvě̄tъ, devě̄tá, dëvě̄to* должно было быть **devě̄ty͂i̯i, devěta͂i̯a, devě̄toi̯e*, при *bösъ, bosá* — **bosy͂i̯i, bosa͂i̯a*, при *vëselъ, veselá* — **vesēly͂i̯i, vesela͂i̯a*. Значит, и во втором типе прилагательных, с исконным ударением на окончании, при мужеском роде *bě̄lъ* — родит. *bě̄lâ*, дат. *bě̄lû* и т. д., женском *bě̄lá, bě̄lý* и т. д. были формы **bě̄ly͂i̯i, bě̄lȃi̯ego, bě̄lȗi̯emu* и т. д., **bě̄la͂i̯a, bě̄ly͂i̯ei̯e* и т. д.; при *dobrъ*, род. *dobrâ* и т. д., женск. р. *dobrá* и т. д. — **dȍbry͂i̯i, dobrȃi̯ego* и т. д, *dobra͂i̯a* . . . словом, ударение на корне в имен.-вин. ед., твор. ед., дат.-тв. дв. и дат. и род. множ. мужеского рода (в последнем случае — если закон Белича, минуя именную форму, действовал только в местоименной), в имен.-вин. ед. и мн. ч. среднего рода (в последнем случае — при только что указанном условии) и, наконец, в род. мн. среднего и том же падеже, единственном, женского рода (опять таки, при указанном условии). Этому числу форм с ударением на корне были противопоставлены подавляющие своей численностью падежи всех родов и всех чисел с ударением на окончании. Спрашивается, могло бы уднообразиться, хотя бы и не в полном виде, во всех славянских языках ударение на корне. Нет. — А. Белич был прав в Студиjама, молчаливо допуская предшествовавшее действию его закона сокращение конечных гласных именных форм.

10. Теперь перейдем к тому, что было получено в результате анализа наших наречных выражений, отметив еще раз полную параллельность их образования местоименным прилагательным: перед нами также „явления, своим образованием принадлежащие вполне праславянскому языку“, в них мы имеем „и основную форму и, при определенных условиях, измененную, новую акцентную форму“, другими словами — в них мы находим „формы, в которых мы . . . имеем и отправную точку, надежную и несомненную, и результат изменения основной формы“ (стр. 1); мало того, если скрещивание типов прилагательных сильно стерло старые отношения, по мнению А. Белича сохранившиеся вполне лишь в каставском говоре, если они в различных славянских языках, а часто и в одном и том же, дают сплошь и рядом безнадежно разноголосящие формы, — наши наречные выражения почти не

претерпели этих изменений и, не взирая на свою немногочисленность (или, если угодно, благодаря ей), дают надежный материал для выводов.

Подведем то, что было получено в результате анализа наречных выражений под систему А. Белича:

а) *dь̏nь*	и далее	*nȁ dьnь :*	*dьnь̑sь,*
nȍktь	„ „	*ȍb noktь :*	*noktь̑sь,*
vȅčerъ	„ „	*nȁ večerъ :*	*večerъ̑sь,*
večȅrь	„ „	*vȅčerь, nȁ večerь :*	*večerь̑sь,*
jesȅnь	„ „	*jȅsenь, nȁ jesenь :*	*jesenь̑sь;*
б) *zîmǫ*	„ „	*nȁ zîmǫ :*	*zĭmǫsь*, с ударением на *ǫ*;

в) *lѣ́to : lѣ̑tosь,*

*[(j)útro : *(j)ũtrosь?].*

Dь̆nь̑sь̆, [1]) *noktь̑sь* и *večerъ̑sь* подтверждают выводы А. Белича о переходе ̏ со второго и третьего слога на следующий краткий в виде ̑; *lѣ̑tosь* [и **(j)ũtrosь?*] подтвердит вывод о переходе ́ в ̃. Но **večȅrь : večerь̑sь* и несомненное **jesȅnь : jesenь̑sь* заставят еще раз поднять вопрос о том, действительно ли переход ̏ на начальный слог слова предшествовал закону А. Белича; но *zîmǫ : zĭmǫsь* с ударением на *ǫ* заставит еще раз поднять вопрос о судьбе ̑ в эпоху действия закона А. Белича.

11. Как только что показано, имеем несомненные данные наших наречных выражений для признания перенесения ̏ на начальный слог акцентологической единицы явлением более поздним, нежели действие закона А. Белича. Но этого мало; нет ли в материалах А. Белича противоречащих этому данных? А. Белич молчаливо исходит из предположения о предшествовавшем его закону перенесении обоих нисходяших ударений и в этом духе об'ясняет многосложные формы прилагательных типа чакавск. *glâdan, glādnȁ : gládni* (стр. 31—35), *tȁnak, tankȁ. tánko : tankî* (стр. 37, 40), *vȅsēl : vesȅlı* и *vesêlī* = штокавск. *вȅсео, весѐла, вȅсело : вȅселӣ* (стр. 50), *ȍkrugal : okrúglı, dȅvet, dȅset* (числительные) *: devétī, desétī* (стр. 50).

Начнем с первого типа (говорю о типах и беру посему здесь и впредь в качестве их представителей по одному прилагательному). Чакавскому *glâdan, glādnȁ, glâdno : gládnī* в што-

---

[1]) Оторванная от своего окружения форма *dь̆nь̑sь̆* могла бы получить свое об'яснение перенесением ударения с коренного ь̏ (полукраткого) на следующий ь̆ (краткий).

кавщине соответствуют две категории: *а) гла́дан, гла́дна, гла́дно* и *б) сра̂ман, сра̂мна* и *сра́мна, сра̂мно* при совпадающей, говорит А. Белич (стр. 33), местоименной форме *гла̂дни̅, сра̂мни̅,* что ведь не совсем так, ибо Даничич дает здесь и категорию с двояким ударением, как *зла́тан : зла̂тни̅* и *зла̀тни̅*, а в поцерском говоре (М. Московљевић Дијалектолошки зборник II, стр. 354) имеем лишь *зла̀тни̅*; об этих формах говорит и А. Белич на стр. 42. Что первая категория именных прилагательных не изначальна, указывает с полным правом А. Белич, следует из того, что при указанной форме с ударением окончания имеем обычно сохраняющее старое ударение наречное *гла̂дно : гла́дан* получилось вторично так же, как из старого *мла̂до* получилось *мла́до* (по А. Беличу — смешение старых типов *mlâd, mlādȁ, mlâdo* и *bȉlъ, bȉlȁ, bȉlȍ*). О второй категории А. Белич говорит так (стр. 34—35): „я думаю, что эти прилагательные не имеют старого ⌒, а соответствуют чакавским образованиям типа *sílnī, skrájnī* [*sȉlan : sílnȉ* (вм. *sȉlnī* вследствие положения *i* перед *l* + согласный), стр. 33], для которых я сейчас не мог найти в своих заметках удовлетворительных примеров („згодне примере“) для неопределенной формы, или [эти примеры] имеют совсем новое ⌒. Они могли возникнуть (под влиянием слов, от которых они произведены, положения, в котором находится ударений слог и т. под.) самым различным образом; только здесь я не могу в это входить“ . . . А. Белич видит поэтому в ⌒ категории *сра̂ман* заместителя старшего ′, прибавляя, что в дубровницком и буневачском говорах наш тип пошел за типом *кра̂так* и имеет в женском роде и имен.-вин. множ. средн. рода *сра́мна.* — Примеров со старшим ′ в чакавском нет, есть примеры с ⌒, А. Беличем не приведенные, но могущие быть об'ясненными „самым различным образом“; есть дубровницкие и буневачские формы падежей, как раз тех, где действовал закон Фортунатова-де Соссюра, со старшим ударением на окончании, по А. Беличу полученные аналогически . . . Нет, как угодно, поверить тому, что засвидетельствованное чакавское и штокавское ⌒ восходят к ′ — нельзя, нельзя отнести за счет аналогии и те формы, которые могли получиться по только что названному закону. Перед нами старое **goldь̏nъ, *goldьnȁ* (переходом нисходящего на начало слова > *glâdān, glādnȁ*) : **goldьny̑i̯ĭ, *goldь̏naįa* > (после разложения редуцированных) *gladnî,* чакавск. *gládnâ* и штокавск. *гла̂дна̄* (как **krālь̏* > чакавск. *král* и штокавск. *кра̂љ*).

В чакавском имеем *mlâd, mlādȁ : mládī* и точно так же *svêt, svētȁ : svétī*; в штокавском — *млâд, млáда : млâдӣ*, но *свêт, свéта: свêтӣ* и *свѐтӣ*. Старые отношения по моему мнению (не по Беличевскому ни согласно Студиjама, ни согласно Системе; мое мнение будет изложено и обосновано ниже): **mȏldъ, *mōldȁ, *svętъ, *svętȁ: *mȍldȳjĭ, *mòldaja, *svȅtȳjĭ, *svètaja;* откуда **mȍldî, *mòldā*. Чакавщина обобщила женский род (и не только имен. единств., да и не только, как увидим, женский род), откуда *mládi, mládā, svétī, svétā*; штокавщина — то тот, то другой, откуда: с одной стороны *млâдӣ*, по женскому роду, с другой — *свѐтӣ*, по мужескому роду. Точно так же **goldȉnъ, *goldьnȁ : *gȍldьnȳjĭ, *gōldȉnaja > *glȁdan, *glādnȁ : glȁdnî, glàdnā;* откуда чакавск. *gládnī, gládnā*, по женскому роду, и штокавск. *глâднӣ, глâднā*, по женскому же, при *злâтнӣ, злâтнā* по женскому и *злàтнӣ, злàтнā* по мужескому роду.

Tȁnak, tānkȁ, tánko : tankî — тȁнак, тȁнка, тȁнко (с уподображенным по мужескому роду ударением, что с непреложностью следует из формы женского рода, — старое **танкȁ* дало бы **тáнка*, старое **тàн(ъ)ка — *тâнка*) *: тàнки* и *тȁнкӣ*. Старые отношения: **tьnȉkъ, *tьnъkȁ : *tьnъkȳjĭ, *tьnȉkaja*; чакавщина — по мужескому роду, штокавщина — параллельно употребляя обобщенные формы обоих родов; вместо чакавщина, впрочем, надо сказать — каставский говор, ибо то, что имеем в штокавщине, находим и в чакавщине: в Заметках (стр. 52) А. Белич указывает новлянское *tȁnak, tānkȁ* и *tánka : tánkĭ* и *tănkî*. — Здесь, таким образом, полная параллель тому, что имеем в **bȍsъ, *bosȁ, *bȍso : bosȳjĭ, *bōsaja, *bosōje*, откуда каставский говор по мужескому роду *bosî, bosâ, bosô*, штокавщина и по мужескому роду: *бòсӣ, бòсā, бòсō* и по женскому роду: *бȍсӣ, бȍсā, бȍсō*, точно так же и новлянское *bôs, bosȁ, bȍso : bosî* и *bȍsī* (Зам., стр. 52). — Так же об'ясняется и *мирòвнӣ*, недостающую именную форму которого я бы восстановил не в виде **мирȍвьнъ*, как это делает А. Белич (стр. 46), а в виде **mirovȉnъ, *mirovьnȁ*; значит, *мирòвнӣ* — по мужескому роду.

Далее, *vȅsēl : vesêlī, вȅсео, весѐла, вȅсело : вȅсели* и *вѐселӣ*. Старое **vesȅlъ, *veselȁ : *veselȳjĭ, *vesēlaja;* чакавщина — по женскому роду, штокавщина — тоже, *вȅселӣ* — ударение именной формы.

Наконец, *ȍkrūgāl, okrūglȁ : okrúglī, òкрӯгао, окрýгла : òкрӯглӣ; *okrǫ̑glъ, *okrǫglȁ : *okrǫglȳjĭ, *okrǫ̀glaja*, чакавщина и штокав-

щина по женскому роду. — То же и для числительных *devéti*, *deséti*, *дѐветū*, *дѐсетū*.

Что до других славянских языков, то словенщина, судя по тому материалу, который приведен у А. Белича (стр. 63–64), обобщает во всех этих типах женский род; кашубщина знает ударение наконечное (стр. 104—105), значит, обобщила мужеский род: *casnï*; великорусские говоры знают уоднообраэкение то того, то другого рода (стр. 131 и след.): *гóрький* и *горькóй*; то же и в малорусском (стр. 143 –144). Однако, великорусск. *весёлый*, малорусск. *весéлий*, равно *девя́тый*, *дев'я́тий* только по женскому роду.

Итак, и данные наших наречных выражений, и данные прилагательных говорят за перенесение нисходящих ударений на начальный слог слова в эпоху более позднюю, нежели действие закона А. Белича.

12. На очереди второй вопрос: о судьбе старого ⌒ в эпоху действия закона А. Белича.

Ударение на *ǫ* в **zimǫsь*, засвидетельствованное всеми славянскими языками, знающими это образование (к сожалению, не нахожу его в чакавских и словенских материалах, что лишает возможности ближайшим образом восстановить характер ударения), не может быть об'яснено никакой аналогией; все вероятия за то, что эта акцентологическая форма — старая. А если так, то старое ⌒ формы винительного падежа **zîmǫ* перенесено в наречном выражении на следующий слог. И я думаю, что вопреки А. Беличу, устанавливающему переход ⌒ в ʽ, необходимо признать перенесение его на следующий слог. Что это так, за это говорит не только **zĭmǫsь* (с тем же сокращением коренного гласного, что и в *свѐтū*), но и все другие факты, акцентологически от этого наречного выражения неотделимые: прежде всего 1-й Беличевский тип прилагательных (чакавск. *mlâd : mládi*), а затем и формы именительного множественного имен среднего рода основ на *-o*, и формы родительного множественного. Все эти последние категории форм А. Беличем, как указано, не обследованы, а из них приведен лишь иллюстрационный материал. Конечно, окончательные решения возможны только после их подробного обследования, для которого, думает А. Белич, время еще не наступило, ибо не приведены в известность относящиеся сюда факты славянских языков. Прав, конечно, и А. Мейе, указавший, как уже отмечено, что „не все еще ясно в фактах, изложенных А. Беличем; и они несомненно не так гомогенны,

как это можно было бы думать по их изложению". Но эти факты А. Беличем истолковываются в определенном смысле, и раз мы пытаемся изменить это истолкование для другой категории однородных, как думает А. Белич, явлений, мы обязаны будем установить, по крайней мере, отсутствие противопоказаний со стороны этих фактов.

Итак, было ли перенесение старого ͡ на следующий слог в местоименной форме 1-го типа прилагательных **mol͡dъ*, **moldȁ*, **mol͡do*? Думаю — да. Начну с формы именной. Чакавщина и говор Мажуранича, Брлича, дубровницкий и буневачский здесь совпадают (оставляю в стороне формы творительного единственного мужеского рода и родительного и дательного множественного; „совпадают" — в смысле однородности после освобождения форм от акцентологических новшеств в определенных штокавских говорах): *mlâd*, *mladȁ*, *mlâdo*, родит. *mláda* (каставское *mlă̈degȁ* под влиянием местоимений, стр. 174), *mladé* и т. д. „Может быть, говорит А. Белич (стр. 11—12), в других чакавских говорах в имен. множ. средн. имеем такое же ударение, как и в имен. единств. женск., но в говорах указанных выше [каставском и винодольском] имеем в имен. множ. средн. *mláde*, как и в имен. множ. женск.", в то время как у Брлича и в Дубровнике именительный-винительный множественного среднего рода — *ли́ра*, *су́ха* при буневачском *мла̏да*. „Если предположить, говорит А. Белич в примечании на стр. 186, что штокавское ударение возникло из старого ′ (= старому ′), имели бы в *мла̏да* старое **mláda*, одинаковое с чакавским ударением у подобных существительных (ср. *jȁja* : *jája* в чак., Заметки, § 52). В дубровницком тогда имели бы в этом падеже новую особенность". Думаю, нет: дубровницкое *мла̏да*, как и Брличевское *ли́ра*, А. Беличем отмеченное (стр. 177—178), но здесь к сравнению не привлеченное, хранят старину, остальные из названных говоров имеют *mláda*, конечно аналогией всех падежей, всех чисел и родов, кроме именительного-винительного двойственного в мужеском роде, большинства форм женского рода (где действовал закон Фортунатова-де Соссюра), именительного-винительного множественного среднего рода и родительного множественного всех родов. Хранят старину, т. е. имеют в именительном множественного среднего рода старое перенесение ͡ на следующий слог. Расходясь с А. Беличем в вопросе о судьбе старого ′, отмечу здесь же свое расхождение во взгляде на формы имени-

тельного множественного среднего рода: я склонен думать, что здесь мы имеем дело с действием закона Фортунатова-де Соссюра. С этим считается и А. Белич: „по известной теории И. Шмидта. именит. множ. средн. возник из старых собирательных существительных женск. рода: но нас это ныне здесь [при применении установленных на прилагательных акцентологических явлений к именит. множ. средн. рода] не касается". Для А. Белича предшествующее должно, стало быть, иметь силу, но, повторяю, в этом явлении я вижу более древнее явление и даже склонен думать, что самое изменение ударения в именительном множественного среднего рода слов других акцентологических типов ведет свое происхождение от этого изменения в ударении по закону Фортунатова-де Соссюра, морфологизируясь и распространяясь на другие типы по линиям, фонетически намеченным в именах прилагательных; над морфологизацией ударения в этих случаях задумывается и А. Мейе в своей рецензии, думал об этом и А. Шахматов. По связи отмечу, что система этой морфологизации существовала несомненно. Держится в словенском система: именительный множественного *lệ̂ta* и родительный множественного *lệ̂t*, с одной стороны, в отношении к другим падежам с ʹ (именительный единственного *lẹ́to* и т. д.), с другой, — держится в этой системе и *lệ̂tos*; но стоит одному члену этой системы выпасть под влиянием аналогии, — выпадает из системы и наречное выражение: штокавск. *љѐто . . . : љѐта* (не **лиjета* **lȍta*) *: ље̂та̑* (уже не *лиjета̑*, как ждали бы) — *љѐто̄с* (не **лиjето̄с*), чакавск. *lȅto . . . : lȅta : lêt* (А. Белич Зам. 40) — *lȅtos* (речское): штокавск. *jутро . . . : jутра* (не **jу̏тра*)*: jута̄ра̄ — jутро̄с*, чакавск. *jȕtro . . . : jȕtra : jȕtar* | *jutár — jȕtros* (речское); судя по отсутствию упоминания *jútrọ* в числе существительных среднего рода, меняющих ударение в именительном и родительном множественного у М. Валявца (стр. 172—173), — ударение этих падежей не отличается от именительного единственного, — отсюда наречное выражение — *jútros*. Теперь ясно, почему мы не нашли ни в чакавщине, ни в штокавщине, ни в словенщине формы, равняющейся теоретически построяемой **jȕtrosъ*.

Однако, я отошел от прилагательных типа **mo͡ldos*. В местоименной его форме имеем каставское *mládī, mládā*, но в штокавщине — две категории: *а) мла̑дӣ, мла̑да̄* с ͡ = чакавск. ʹ, следовательно — старый ˜ и *б) све̂тӣ, све̂та̄* (как и *мла̑дӣ*), на ряду с *свѐтӣ, свѐтӣ*; те же две категории известны и чакавщине: имеем

новлянское (Зам., 52) *jâk, jākă, jâko : jákī* и *jăkî* (= штокавск. *jâk, jákā,* наречие *jâko : jâkū*). Мы знаем уже об'яснение, предложенное А. Беличем в Студиjама, и то об'яснение, которое явилось, повидимому, на его смену в Системе; указаны были и основания, по которым эти об'яснения подлежат отклонению. Но, отвергнув их, мы тем самым уполномочены заменить их. Я и думаю, что ключ к разгадке — в нашем **zimǫsь* с ударением на *ǫ*; т. е. ⌒ не изменялся, как думает А. Белич, в ⌐, а переходил на следующий слог. Следовательно: в мужеском роде — **moldy̑i̯i, *moldāi̯ego . . .,* но именительный-винительный двойственного (при именной **mōldă,* по закону Фортунатова-де Соссюра) **mŏldai̯a,* родительный-местный двойственного **mŏldui̯ci̯u,* и быть может, родительный множественного (всех родов) **mŏldy̑i̯ixъ,* если в основе его лежит уже претерпевшая изменение именная форма **moldъ̑* (есть основания думать, что ˜ в таком положении подвергалось дальнейшим изменениям, о чем ниже); в среднем роде — **mo͡ldo : *moldòi̯e* и т. д. (включая форму именительного-винительного двойственного), но, кроме форм, общих с мужеским родом, — вероятно, именительный-винительный множественного **mŏldai̯a;* в женском роде — винительный единственного **moldǫ̑i̯ǫ;* именительный-винительный двойственного **moldѣ̑i̯i,* именительный-винительный множественного **moldy̑i̯ę,* но, с другой стороны, вся масса других форм (относительно некоторых не с полной уверенностью) с тем же ударением, что в именительном единственного **mŏldai̯a.* Как видим, в каждом роде были формы с ⌐ на корне и с ˜ на окончании, но распределение их по родам было неравномерно: в мужеском и среднем количественно господствовали формы с ударением окончания, в женском — наоборот; суммы тех и других форм были равны. Удноображение в пределах сначала парадигмы рода, а затем и всей парадигмы, как показывает история местоименной формы во всех славянских языках, было неизбежно: чакавщина пошла по пути обобщения большинства форм женского рода и меньшинства мужеского и среднего, штокавщина обобщила по всей парадигме или то же, что чакавщина, или большинство форм мужеского и среднего и меньшинство женского рода, откуда или *млâдū,* или параллельное употребление какого-нибудь *свêтū* и *свȅтū.*[1])

---

[1]) Впредь, говоря „удноображен мужеский род", я буду разуметь удноображение большинства форм этого рода и меньшинства других; для женского рода — наоборот.

Из изложенного следует, что и историю сербо-хорватских местоименных прилагательных я толковал бы иначе, нежели это сделано в Дополнении к Студиjама.

Перехожу к падежным образованиям у существительных, прося помнить все те оговорки, которые по поводу их были сделаны выше. Для именительного множественного основ среднего рода на *-o* А. Белич дает чакавск. *jâje: jája *jȁjā*, *sȗnce: súnca *sȕnca* и *sêno: séna *sȅna* (стр. 160). Обратившись к Заметкам, найдем ⌒ у следующих существительных для которых приведено множественное число: *jȃje: jája*, *jáj; mêso : mêsa*; *sêno : sêna; sȗnce* и *súnce (*sȕnce)*, *nȁ sūnce : súnca*, gen. *sunác*. „Сюда ли относится существ. *ústa*, *vráta* и *jétra*, *jétār*, или к группе типа *krīlȍ* — трудно сказать: но важно то, что эти pluralia tantum имеют всегда такое ударение“, прибавляет А. Белич (стр. 41).

Проанализируем эти слова. — *jȃje : jája*, род. *jáj*; М. Решетар (Beton., 71) дает прчаньское *jȃje : jajȁ* и дубровницкое *jȃje: jája;* у Вука-Даничича *jáje: jája;* другие славянские языки знают это слово в другом образовании (= русск. *яйцó)*. Прчаньская и дубровницкая формы документируют перенесение ⌒ на следующий слог, Вуковская и озриничская форма, где, как правильно замечает М. Решетар (стр. 72) „вероятно ед. ч. подверглось влиянию со стороны чаще употребляемого мн. ч. (ср. ед. *звонȍ* по аналогии мн. *звонȁ* в Пиперах)“, говорят о том же; новлянское *jája* имеет ударение родительного множественного (именительный и родительный среднего рода в одной ведь системе), т. е. *jājь*, откуда *jáj* (как **kraļь > kráļ*). — *mêso* (болгарск. *méсó,* словенск. *mesộ*) : *mêsa* имеет ⌒, перенесенное из единственного числа; зато у Даничича *мêсо : méса* „nates“. — *sêno* (болгарск. *сѣнó*, словенск. *sẹnộ) : sêna*, как и *mêsa*, зато у Даничича *сиjено : сиjѐна,* в Посавье *сйнã*, (St. Ivšić, Rad. 196, 251, цитирующий и шаптиновачское *месâ*; ˜ Ст. Ившича = чакавск. ´); прибавьте сюда по М. Решетару озриничское и дубровницкое *дриjево : дриjѐва* (словенск. *drẹvộ)*, приводимое П. Будмани *цриjево : цриjѐва* (Gramm. 40) (словенск. *črẹvộ*) и Вы обязаны будете признать переход ⌒ на следующий слог, переход, еще раз подчеркиваю, по моему мнению, старший закона А. Белича, переход по закону Фортунатова-де Соссюра. — Что же касается *sȗnce : súnca *sȕnca*, то этот пример попал сюда по недоразумению. Достаточно провести по славян-

ским языкам это слово в параллель с другим словом такого же образования, чтобы убедиться в том, что на начальном плавном сочетании его был не ⌒: русск. *со́лнце : на со́лнце — се́рдце : на́ сердце,* болгарск. *слъ́нце — сърдце́,* сербо-хорватск. *су̑нце : ѝз су̑нца* (B. Budmani Gramm. 142) — *ср̏це : ӣз срца,* словенск. *sȏłnce — srcȩ̂;* что до чакавск., то, независимо от этих соответствий, подозрительны разноударенные формы в именительном единственного. Исконной формой этого слова будет та, которую А. Белич в Заметках привел со звездочкой: с ‶ = ′; и *sȗnce* и *nȁ sūnce* (как и посавск. *нȁ сӯнцу, дȍ сӯнца, ȍ(д) сӯнца* при *à сӯнца* St. Ivšić, Rad. 196, 159), как видим, вторичны.[1]) — Что до *vráta, ústa,* штокавск. *вра́та, у́ста,* то, не входя в подробности, отмечу, что, если исходить из именительного единственного **vо̄́rto*, получили бы такие „чудища“, как **vо̄̃rta, *vо̄̃rtъ*; остается исходить из **vо̄̑rto,* откуда именительный множественного **vо̄rtà*, родительный множественного **vо̄rtъ̀:* чакавск. родительный *vrát*, по которому и именительный *vráta* (на месте фонетического **vо̄rtà,* как *jája*), штокавск. *вра̄тȁ = вра́та,* родительный *вра̄та̑* (Озриничи, Beton. 57), *вра́та̄*, русск. *ворота́, воро́т,* по последнему и *воро́та;* болгарск. *врата́* (сюда же и словенск. *vráta* само по себе непоказательное).[2]) Кстати, по А. Беличу, и из **vо̄rtȍ* и из *vо̄̑rto* получили бы **vȍrta, vȍrtъ,* что дало бы штокавское „чудище“ **вра̑та* (с ⌒ на предлог переходящим в виде восходящего), а **vо́rto*, т. е. последняя, третья возможность, как указано, дало бы точно такое же „чудище“ **vо̄̃rta.*

В связи с этим я по иному толкую и такие случаи, как чакавск. *lȋst : lístje* (стр. 163). Для основного слова имеем несомненное **lȋstъ:* болгарск. *листъ́тъ* при *ли́стътъ,* чакавск. *lȋst lȋsta,* штокавск. *ли̑ст ли̑ста,* словенск. *lȋst listȗ,* чешск. *list,* и лишь русский язык дает отклоняющееся *ли́ст листа́,* но малорусск. *ли́ст ли́сту;* для производного имеем чакавск. *lístje,* штокавск. *ли̑шħе,* словенск. *lístje,* болгарск. *ли́ст(и)е.* Значит — **lȋstъ : listьje,* откуда, при редукции *ĭ : lȉstje.*[3])

Случаи, как чакавск. *súša, stráža,* мельком отмеченные в Студијама (стр. 163), несколько подробнее рассмотрены в Системе

---

[1]) Этот пример хорош в качестве показывающего неудобства переоценки показательности чакавских данных.

[2]) Ставлю в именительном множественного *-ă*; но не забываю о том, что есть данные для *-a*, но это не влияет на ход моих рассуждений.

[3]) На основе этого получают свое об'яснение соответствующие факты Киевского миссала и Азбучной молитвы

(6, стр. 162). Русск. *сторо́жа,* чакавск. *strȃža* при штокавск. *стра̂жа* с несомненностью говорят за старшее **strāža,* которое рассматривается, как производное от **stor͡gjĭ* (сто́рож). Но ведь эти случаи с долгим гласным корня неотделимы от случаев с кратким коренным гласным, как **volja,* **kozja* и т. д., где ̑ на *o* может быть лишь перенесенным: чакавск. *vȍḷa,* штокавск. *во̏ља,* словенск. *vǫ̑lja,* чешск. *vůle,* польск. *wolå,* словинск. *vùǫlå.* Сделайте одно допущение: исконное ударение находилось в этой категории не на корне, а на окончании, и факты, выстроившись в стройные ряды, молча заявят о своем на то согласии. Получит об'яснение и ̃ на долгом гласном и ̑ на кратком, получат об'яснение и факты языков западно-славянских, а, в связи с этим, станут ясными и такие случаи как **bratrĭi̯a* ... Но сообщение результатов обследования относящихся сюда фактов я откладываю до другого раза.

За сим, родительный множественного. Уже в предшествующем изложении попутно были затронуты относящиеся сюда факты. Перейдем к тому, что дает А. Белич. Указывается: *vlȃs* : *vlás* **vlās* и *cȋv* : *cív* **cĭv* (стр. 158), что повторено и в Системе с прибавлением: „отношение то же, что в *mlȃd* — *mládī*“ (стр. 159); *ȍbrūč* *ȍbrūča* : *obrúč* **obrūč* (ibid.) рассматривается на ряду с *rȏg* *rȍga*: „то же отношение, что в чакавск. *ȍkrūglo* — *okrúglo*“ (Система, стр. 160) и, наконец, *glāvä* : *gláv* **glāv* в ряду *koláč* *kolačä* (ibid.): „то же отношение, что в *belȍ* — *bȇlō*“ (Система, стр. 159). Я полагаю, что если *glāvä* : *gláv* и можно рассматривать в типе *belȍ* : *bélō* (но можно рассматривать и в типе *mlad* : *mládī*), — *ȍbrūč* должен быть отнесен только к этому *mlȃd.* Итак, родительный множественного с накоренным ̑ основ: *а)* на *-o* (не только мужеского, но и среднего рода), *б)* на *-a* и *в)* на *-i.*

а) чакавск. *vlȃs* : *vlás,* штокавск. *зу̑б* : *зу́ба̄,* прчаньское и озриничское *зу̑ба̂* (Beton., 69), посавское *вра̄га̃* (St. Ivšić, Rad 196, 228), словенск. *lȃs* : *lás,* *mǫ̑ž* : *mǫ́ž* (M. Vaļavec, 172). Все это получает гладкое об'яснение при допущении **v͡olsъ* : **volsъ̃.* При этом, может быть, только об этом говорят словенские факты, хотя они для меня до конца и не ясны: что *mǫ́ž* могло получиться из **mǭžъ̃,* это сомнений не вызывает (*kǫ́t,* род. *kǫ́ta,* *ǫ̑ž,* род. *ǫ̑ža* и т. д.); что ́ его не может быть старым ́, тоже несомненно *(mòt, mǫ́ta),* но не давало ли ̃ в этом положении несокращающегося ́, для меня неясно. Но в штокавских формах ударение наконечно; в них, правда, неразгаданное до сих пор *-ā̃*

но они говорят только за наконечное ударение. Если чакавск. *obrúč* еще и можно вывести из *ȍbruč*, то этому решительно противятся формы Даничича и дубровницкие: *ȍбрӯч : обру́чā* (Beton., 76); их можно об'яснить, исходя лишь из **obrǫ̑čь : *obrǭčь*.

б) в основах на *-a* имеем отношения: чакавск. *pētȁ pêtu* (вин. ед.) *pête* (им.-вин. мн.) : *pét* (род. мн.), штокавск. *пе́та пе̂ту пе̂те : пе́тā,* озриничск. *пе̄та̑* (Beton., 94), посавск. *пе̄т* (St. Ivšić, Rad 197, 15), словенск. *péta petǫ̂ petę̂* (им.-вин. дв.) *petę̂ : pę́t* (M. Vaļavec, 194). И здесь нет фактов, противоречащих перенесению ⁀ на следующий слог, если исходить из исконного ⁀ на корне.

в) основы на *-i* с непреложностью доказывают переход ⁀ на следующий слог: русск. *лю́ди : людéй,* штокавск. *љу̑ди (љу̑ђи) : љу̑ди̑* (прчаньское и озриничское *љу̑ди̑* Beton., 69), словенск. *ljudję̂: ljudî*; дубровницк. *за̏повиjед : заповиjѐдӣ* (Beton., 106), озриничский родительный множественного *заповиjести̑* при более обычном с ударением именительного единственного (ibid.), посавские: *заповӣди̑ заповӣди̑ запови́дӣ* (St. Ivšić, Rad 197, 26). Старые отношения: **l̑ūdьje : *l̑udьjь, *zapovědь : *zapovědьjь.* И последний пример, отметим, указывает на переход на следующий слог еще не откатившегося на начало слова ⁀. Что до чакавских примеров, то при именительном *ļûdi* (А. Белич Зам., 30) в родительном, судя по парадигме (на стр. 29), имеем *ļúdīh* и *ļūdíh*, а для имен женскаго рода, кроме приведенного *cîv : cív*, имеющего новое окончание, я в Заметках А. Белича примеров не нахожу.

Говоря о прилагательных типа **mōldos*, я занимался, главным образом, формами сербо-хорватскими, оставив без внимания формы других славянских языков, и сделал это намеренно, не желая, с одной стороны, усложнять изложение, а, с другой стороны, потому, что эти формы, за исключением форм языка русского, вообще говоря в большинстве случаев мало показательны. Дело в том, что словенский язык „потерял особые формы именного и особые формы сложного склонения" (стр. 55), в чешском имеем взаимодействие между обеими формами, а в польском именные формы за более чем немногочисленными исключениями утрачены, сохраняясь лишь как наречия. Однако, кой-что можно указать и в них, отмечая главным образом пути аналогии.

Если в словенском при именных *mlâd, mláda* (оттяжкой с конечного открытого), *mladǫ̂* (вторичная передвижка ⁀) имеем *mládo*, винительный единственного женского рода *mládo* и т. д.,

которые А. Белич считает формами местоименными (стр. 61, что правда не стоит вне всяких сомнений). то, значит, здесь обобщился женский род; форма *mlâdi* не находит своего оправдания в пределах старой парадигмы, и ее надо, вместе с А. Беличем, об'яснять влиянием типа *stâri*.

Западно-славянские: чешск. *skup* || *skoup* : *skupý* || *skoupý* (стр. 88), польск. *skąpo* : *skąpy* (стр. 89), кашубск. *glúpī*, словинск. *skôųpī* (стр. 98—99) будут образованиями по женскому роду, но в чешской краткости и кашубск. *mlodē* (стр. 101) надлежит видеть обобщенную форму мужеского рода. Образованиями по женскому роду будут и чешск. и польск. *pátý piąty*, *devátý dziewiąty*, *desátý dziesiąty*, при чем конечно надо исходить, как было показано, из **devętъ*, **desętъ* (стр. 89), равно как для *okrouhlý* (стр. 93) — из **okrǫglъ*.

Что касается русского языка, то в нем (и во всех его диалектах) А. Белич устанавливает три вида местоименной формы прилагательных 1-го типа:

а) си́в — си́вый = чак. *sȋv — sívī*;

б) мо́лод — молодо́й = шток. *свȇт — свѐтӣ (светӣ)*;

в) то́лст: { *то́лстый*, *толсто́й*.

Последнюю группу, как мы уже знаем, он считает наиболее древней, еще праславянской, а в первых двух видит лишь удноображение одного из ее вариантов, „имевшее место уже в праславянском, в то время как вариант *tústī* стал преобладающим в сербо-хорватском в той же мере, как формы в роде *свѐтӣ* стали совершенно редкими“ (Система, стр. 155—156). Со всем этим, конечно, должно согласиться, но в первой группе русских местоименных прилагательных, как и в чакавских, надлежит видеть обобщенную форму женского рода, а во второй — мужеского рода, а третья окажется группой, где обобщился и женский и мужеский род.

Остаются глагольные образования настоящего времени. Мы знаем уже те два исключающие друг друга об'яснения, которые были предложены А. Беличем: первое — в Студиjама (стр. 158), второе — в Системе (стр. 157).

Начну с последнего. Рассматривая образования, как чакавск. *gȋneš*, *pogȋneš* — **gĩneš* при неопределенном наклонении *gȉnut* — **gínūt*, А. Белич говорит (на указанной стр.): „Можно лишь спросить, как нужно понимать отношение между ударением формы

gîneš и основным ударением. Мне кажется, что это отношение находилось в формах самого настоящего времени. Напр., если в форме 3-го лица единственного числа было ударение ´ **gíne* = **gýnet*, во множественном числе в 1-ом лице можно было бы ожидать форму с ˜ **gỹnemo* = **gĩnemo*, ср. *stáro* — *stãroje*. Последующее нивеллирование могло дать в 3-м лице единственного ˜ *(gîne)*." То же об'яснение применяется А. Беличем и для интересующего нас в настоящее время типа глаголов чакавск. *vezȁt : véžeš*, **vȅžeš*, *mlatȉt : mlátīš*, **mlȁtiš*, *dosegnȕt : doségneš *dosȅgneš*, *pītȁt : pítāš*, **pȉtāš*, при соответствующих формах других славянских языков. „Эти глаголы," говорит А. Белич, „имели в первом слоге ⌒, которое в неопределенном наклонении, по закону де Соссюра-Фортунатова, должно было переместиться на следующий слог; но в настоящем времени оно должно было сохранить свое место. Здесь оно в различных лицах дало чередование ⌒ : ˫, второй член которого был обобщен. Следовательно, это чередование соответствует типу прилагательного чакавск. *mlâd* — *mládī*" (ibid.).

Так говорит А. Белич; но чем доказывается это чередование ⌒ : ˫ „в различных лицах" (каких именно и почему)? Доказательства этого положения остались в долгу за А. Беличем (onus probandi лежит ведь на авторе выдвигаемого положения). Но и этого мало, -- можно высказать основанное на фактах опасение, что это положение не только недоказано, но что оно вообще недоказуемо; по крайней мере мне остатки чередования ударения „напр." в 3-м лице единственного числа и 1-м лице множественного неизвестны, а А. Беличем они не указаны. Данных для принятия выдвигаемого А. Беличем положения, таким образом, — впредь до указания обоснований и оснований его — нет.

Второе (хронологически — первое) об'яснение наших глагольных форм настоящего времени, замененное только что изложенным, исходит из форм 1-го лица настоящего времени и „глагольной основы в других формах" не настоящего времени, как основных, которым противопоставляются другие формы настоящего времени, как акцентологически производные (Студиjе. стр. 158). При таком взгляде на дело в нашей категории имели бы какое-нибудь **vęžǫ : *vȩ̏žeši*, **moltjǫ : *mȍltīši* и т. д., т. е. переход ударения основной формы на предшествующую долготу формы производной в виде ˫. Но ведь, если исходить, как это думал в данном случае А. Белич, из ударения формы 1-го

лица, — оно подлежало бы перенесению с краткости на следующий, последний в форме слог (все формы настоящего времени, кроме 1-го лица единственного числа, minimum трехсложны) и никак не на предшествующий, третий от конца; на долготе же оно должно было остаться, изменив свою природу, и никак, опять таки, не перейти на предшествующий, третий от конца слог.

А. Белич был прав в своем отказе от этого об'яснения, но как мы видели, заменившее его об'яснение является сказанным, но не доказанным и, по моему мнению, даже недоказуемым. Акцентологические изменения в интересующих нас формах ждут, таким образом, еще своего раз'яснения и, как таковые, привлекаться для освещения акцентологических явлений в других категориях (по крайней мере, пока) не могут.

III.

13. Анализ найденной нами категории наречных выражений и полученные в результате его выводы привели нас к пересмотру части положений, добытых А. Беличем на аналогичной по своему происхождению категории местоименных прилагательных, равно на падежных образованиях существительных.

Результатом этого пересмотра оказалось:

1. ⌒ не изменяется в ˎ, как заключал А. Белич, а переходит на следующий слог. Повидимому, на долгий слог ⌒ преходил в виде ˎ, если вообще были такие случаи, на краткий — заведомо в виде ̀.

2. Нисходящие ударения, краткое и долгое, в эпоху рассмотренных акцентологических изменений занимали свое исконное место, не откатывались, другими словами, на начальный слог акцентологической единицы.

3. Те краткие звуки, из которых впоследствии получились редуцированные, не только могли быть носителями старых ударений, но и принимали на себя перенесенное ударение; они, стало быть, ничем не отличались от других кратких звуков.

4. Termini post quos акцентологических изменений: *а)* конечно, балтийско-славянский закон Фортунатова-де Соссюра, *б)* сокращение конечных в слове (неодносложном) долгих гласных и *в)* обращение конечных в слове согласных в нуль звука. — Последнее в том случае, если окончательно будут опорочены указанные мною факты языка русского и сербского;

иначе начало действия закона придется отнести к эпохе, когда конечные согласные были еще живы или, во всяком случае, сохранялись диалектически.

Перед нами, таким образом, закон не „позднейшей эпохи праславянского языка“ (Студиjе, стр. 165), а глубокой праславянской древности, более близкий к дославянскому периоду, нежели к периоду праславянского дробления. Если так, понятна та предшествующая трехакцентность, о которой говорит, но которой не доказывает и оставляет без об’яснения противоречащие этому факты А. Б е л и ч. В самом деле, почему *dobrъ̏, *dobrȍ не давали последующего *dȍbrъ (не *dȏbrъ), *dȍbro, почему *selȍ не давало *sȅlo, раз имеем vȅselъ, vȅselo из *vesȅlъ, *vesȅlo, ȍbrǫčь из *obrǫ̑čь? — Теперь ясно: потому же, почему из *dobrá, *mōldá сокращением конечной долготы получилось *dobrȁ, *mōldȁ, и дальше никакого *dȍbra, *mȍlda быть не могло, ибо только н и с х о д я щ е е ударение откатывалось к началу слова. Значит, в эпоху, когда сокращались конечные долготы (а это было д о действия закона наших акцентологических изменений), ударенные конечные, и только конечные, краткие гласные меняли свое ̏ на ̑. Унаследованная трехакцентная система обогатилась четвертым (а при одном едином кратком — вторым кратким) благоприобретенным кратким, судя по всему, нисходящим ударением, заместившим ′ и ⁀ на сократившейся долготе и ̏ на краткости в конце слова. Далее наступило действие нашего закона: нисходящие ударения передвинулись на следующий слог, долгий, повидимому, в виде ˥, краткий, — заведомо в виде ˜; конечное ˜ передвинулось на предшествующий слог, дав тот же ˥ на долгом и тот же ˜ на кратком гласном; ′, не меняя места, перешел в ˜. За сим нисходящие ударения переместились на начало акцентологической единицы. И только затем произошла редукция определенных, а в конечном слоге и при определенных условиях, кратких звуков. Дальнейшие изменения — уже на почве окончательно распавшегося праславянского языка, конечно, как и всякого языка, и до этого диалектически дробившегося.

Стало быть, вот последующие акцентологические эпохи:

I. Балтийско-славянская трехакцентная система: ⁀ и ′ на долгих и ̏ на кратких гласных; к этой же эпохе относится и действие закона Ф о р т у н а т о в а - д е С о с с ю р а.

II. Эпоха праславянская:

1. Сокращение конечных долгот,[1]) изменение ̏ на конце слова, откуда осложнение трехакцентности четвертым ударением (кратким — вторым): ̑, ́, ̏, ̑̀.

2. Осложнение четырехакцентности новым нисходящим и новым восходящим ударением: ˜ и ⸢, т. е. шестиакцентность: два нисходящих долгих, два восходящих долгих, два краткие — нисходящее и восходящее.

3. Перенесение в пределах этой шестиакцентности нисходящих ударений на первый слог акцентологической единицы.

4. Возникновение редуцированных.

III. Эпоха обособленной жизни славянских языков. Утрата редуцированными способности носить ударение (значит, составлять слог) и отдача ударения предшествующему слогу, характерно — в том же виде, как и раньше при передвижке ударений по закону А. Белича: долгому в виде ⸢, краткому — в виде ̑̀.[2])

14. С настойчивостью подчеркиваю, что все эти обобщения относятся лишь к материалам, легшим в основу наших разсуждений. Строить научную систему можно лишь после анализа всех категорий фактов или, по крайней мере, в том случае, если система покрывает собой хотя бы и не проанализированные, но все же достаточно ясные, сами по себе, категории. А ведь многое, очень многое, не обследовано еще в должной мере; есть целые части речи, почти совсем не проанализированные акцентологически (хотя бы местоимения, числительные); даже для прилагательных сделано еще не все: с первообразными после исследования А. Белича вопрос покончен, но производные ждут еще более обстоятельного исследования, задерживаемого недостатком приведения в наличность и предварительной группировки материалов по отдельным славянским языкам.[3]) Огромная заслуга

[1]) Есть указания на долготу конечных гласных в ряде случаев, собранных А. Шахматовым в Очерке..., стр. 74—76. Во всяком случае, если это и сохранение старых отношений, а не новшество, — это сохранение ограничивается определенной категорией: более или менее вероятно лишь именительным множественного среднего рода.

[2]) Отсюда можно было бы извлечь указание на то, что слог, предшествующий восходяще ударенному имел восходящий же характер, и сравнить это с явлениями на почве большинства штокавских говоров.

[3]) В частности, детальному обследованию подлежат прилагательные с краткими суффиксами, представляющие ряд аномалий, требующих об'яснения (как *debelъ*, как а) *bobovъ* и б) *surovъ*, *gotovъ*, если только последнее не, в самом деле, заимствование из германского). Требуют об'яснения с новых точек зрения и такие случаи как сербо-хорватск. *на̏род*,

А. Белича перед славянским языкознанием и состоит в том, что им первым создана система славянской акцентологии на основе определенного материала определенной категории и при том категории, образовавшейся на праславянской почве; А. Белич указал пути для будущих исследователей.

Я верю в то, что результат анализа ныне необследованных категорий не изменит того, что добыто на таком надежном материале, как прилагательные, или как наши наречные выражения, но пока я не знаю, что это так. Думая так, я не забываю, что сумма знаний так и остается суммой знаний, не становится наукой, пока эта сумма знаний не будет сведена в систему, не забываю, что всех фактов для системы мы никогда не будем знать.

Со всеми этими оговорками я готов говорить об общей системе акцентологии, но при этом обязан четко отграничить то, что в этой системе построено в результате анализа фактов и что провизорно, в качестве гипотезы распространено на факты анализу еще не подвергнутые. И только в этом смысле прошу понимать заключительную часть моих рассуждений.

Петроград, декабрь 1923 года.

Милий Долобко.

словенск. *národ*, *narȍda*, русск. *наро́д наро́да* (с „полифтонгом“ в известных великорусских говорах). Настоятельно требуют, наконец, хронологизации те вопросы сокращения гласных, о которых говорил А. Шахматов во 2-ой кн. VII т. Известий (стр. 312—320).

Корректурное послесловие. По условиям того времени, когда писалась настоящая работа, мною не могла бытъ использована зарубежная литература. Последующее ознакомление с нею не приводит меня к каким либо изменениям положений, развиваемых в настоящей работе, за исключением одного: на западно-славянской почве неоциркумфлектированные гласные сокращались, а не сохраняли долготу, как я полагал вслед за А. Беличем (стр. 696). Значит, чещск. *letos* не результат аналогии *leto*, а закономерное отражение **lě̄tosь : *lě̄to* (стр. 674). *М. Д.*

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.

(Schluß.)

Bei den Kroaten widmete der Historiker Ivan *Kukuljević* besondere Aufmerksamkeit den Schriftstellern der Gegenreformation in den Resten Kroatiens,[1]) von denen mehrere wie M. Krajačević-Sartorius, Juraj Habdelić, Atanasije Georgičević, Ivan Tomko Marnavić, Rafael Levaković, Peter Petretić und Juraj Križanić schon genannt wurden. Von den Reformatoren behandelte er in seiner beschreibenden Art nur Stjepan Konsul.[2])

Außer Ivan Kostrenčić steuerten wertvolles Aktenmaterial zur Geschichte des Protestantismus und der Gegenreformation unter den Kroaten und auf dem Balkan R. *Lopašić* [3]) und P. Eusebius *Fermendžin* [4]) in den Publikationen der Südslavischen Akademie der Wissenschaften in Zagreb bei. In jüngster Zeit bringt Julijan *Jelenić* [5]) Materialien und Monographien zur Geschichte der bosnischen Franziskaner und ihrer kulturellen Tätigkeit.

Die allgemeine Geschichte der Kroaten berücksichtigt zu wenig beide Perioden. „Povjest Hrvata" von Vjekoslav *Klaić* [6])

---

[1]) Književnici u Hrvata s ove stane Velebita, živivši u prvoj polovini XVII. vieka, Zagreb, 1869. SA. aus Arkiv za povjestnicu jugoslavensku knj. IX, X (Zagreb, 1868, 1869).

[2]) Glasoviti Hrvati prošlih vijekova. Zagreb, 1868, 98—125.

[3]) Prilozi za povijest protestanata v Hrvatskoj. Starine XXVI. (1893). Dazu Fr. Bučar, Širenje reformacije v Hrvatskoj i Slavoniji u XVI. stoljeću, Vjesnik hrvatskog zemaljskog arkiva, Zagreb, II (1901), III (1902); — Prilozi protestantizmu u Hrvatskoj iz nadbiskupskog arkiva u Zagrebu. Ib. (VI.) 1904. — F. Bučar i Gj. Šurmin: Hrvatski prilozi povijesti reformacije. Ib. VI (1904).

[4]) *Acta Bosnae* potissimum ecclesiastica. Monumenta spect. historiam Slavorum meridionalium. V. XXIII. *Acta Bulgariae* ecclesiastica. Ib. v. XVIII. Listovi o izdanju glagolskih crkvenih knjiga i o drugih književnih poslovih u Hrvatskoj od god. 1620—1648. Starine XXIV, 1—40.

[5]) Von selbständigen Werken seien erwähnt: Izvori za kulturnu povjest bosanskih franjevaca, Sarajevo, 1913; Bio-bibliografija Franjevaca Bosne Srebreničke I. (Zagreb, 1925).

[6]) Svezak prvi, Zagreb, 1899; II. 1. 1900; II. 2. 1901. III. 1. 1911.

endigt mit dem Tode Rudolf II. (1608). Der Kulturische Teil über die erste Zeit der Habsburger (1527—1608), der erst nach dem Weltkrieg erschienen ist,[1]) bringt ganz kurz nur die wichtigsten Nachrichten über die Verbreitung der Reformation unter den Kroaten,[2]) bei denen sie hauptsächlich durch die deutschen Soldaten und ihre Kommandanten in der slavonischen und kroatischen Grenze Eingang fand (Hans Ungnad war vor seiner Auswanderung oberster Kapitän dieser Grenze in den J. 1552—1556), und über die bereits 1564 beginnende energische Gegenreformation des Zagreber Bischofs Juraj Drašković und seiner Nachfolger, die von den habsburgischen Erzherzögen in den innerösterreichischen Ländern unterstüzt wurden. Erwähnt wird die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das mittlere Schulwesen Kroatiens. Die höheren Studien absolvierten viele Kroaten zu Beginn der Reformation in Deutschland, hauptsächlich auf den protestantischen Universitäten in Strassburg, Tübingen und Wittenberg, sonst meist in Italien (Bologna, Padua, Rom), in Wien und Graz, in Krakau, manchmal auch in Paris. Die Angaben über die Literatur beider Perioden[3]) sind dürftig; z. B. wird Kašić mit 15 Zeilen abgetan, wobei aber seine große Bedeutung für die Geschichte der serbokroatischen Schriftsprache nicht hervorgehoben wird. F. *Šišićs* Pregled (Übersicht) povijesti hrvatskoga naroda (Zagreb, 1916, neue Ausgabe 1920) geht über die politische und Kriegsgeschichte nicht hinaus. Dagegen fand wenigstens die Reformation bei den Kroaten einen Spezialhistoriker.

In den beiden letzten Jahrzehnten beschäftigte sich mit ihr Dr. Franjo *Bučar*, Gymnasialprofessor in Zagreb, veröffentlichte Aufsätze und Materialien in verschiedenen kroatischen und slovenischen Zeitschriften[4]) und gab zwei Monographien heraus: Geschichte der kroatischen protestantischen Literatur in der Zeit der Reformation,[5]) und eine Geschichte der Reformation und Gegenreformation auf der Murinsel (das Gebiet zwischen Mur und Drau im ehemaligen Ungarn) und im benach-

[1]) Povjest Hrvata. Šesti svezak. Snopić prvi. Gr. 8°, 96 S.
[2]) O. c. 56—70.
[3]) O. c. 70—74, 77—79.
[4]) Prosvjeta 1900, 1901, Vitezović I (1903), Savremenik II (1909).
[5]) Povijest hrvatske protestantske književnosti za reformacije. U Zagrebu 1910. 8°, 3+246+8 S. Mit 35 Abbildungen.

barten Kroatien.[1]) In dem ersten Werk behandelt Bučar die *äußere* Geschichte der kroatischen protestantischen Literatur und schildert ihre Begründer, die Buchdruckerei in Urach und ihre Mitarbeiter, den Vertrieb der Bücher und das Ende der Druckerei. Im Schlußkapitel bringt er ein kurzes Verzeichnis (bibliographisch nicht vollständig) der mit glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Lettern gedruckten serbokroatischen Bücher und von acht italienischen, eine Übersicht der von den kroatischen erhaltenen Exemplare und ihre Aufbewahrungsorte und zuletzt eine chronologische Übersicht der von den kroatischen Reformatoren herausgegebenen serbokroatischen und italienischen Bücher. Einer Besprechung der religiösen Seite der Reformationsbewegung unter den Kroaten weicht der Verfasser laut Vorrede aus; offenbar fühlte er sich dazu nicht berufen und überließ die Arbeit den Theologen. Überdies war es in den Publikationen der Matica Hrvatska, die das Werk herausgab, mehr als notwendig üblich, heikle Fragen mit Rücksicht auf das breite Publikum zu umgehen. Ebenso fremd sind dem Verfasser sprachliche und eigentliche literarhistorische Fragen, denn er schenkt keine besondere Aufmerksamkeit dem Inhalt und den Quellen dieser protestantischen Übersetzungsliteratur und berücksichtigt sogar auffallend wenig die deutschen und namentlich die kroatischen Vorreden der Übersetzer.[2]) In dieser Hinsicht sind jedoch wichtig seine historischen Feststellungen, welche Übersetzer bei den einzelnen Werken oder Teilen derselben beschäftigt waren. Überhaupt ist die historische Seite übersichtlich und erschöpfend behandelt, doch schwingt sich der Verfasser nicht zu selbständigen Urteilen empor (auch er macht Konsul und Dalmatin zu viel von Trubar abhängig) und nimmt manche Nachrichten

---

[1]) Povijest reformacije i protureformacije u Medjumurju i susjednoj Hrvatskoj. Varaždin, 1913.

[2]) Ihre Berücksichtigung war einem II. Bande (Bibliographie) vorbehalten. Eine genaue Bibliographie der protestantischen Drucke hat Bučar dann im Verein mit Dr. Fancev für die Südslavische Akademie der Wissenschaften in Zagreb ausgearbeitet, die sie zur Veröffentlichung in den Starine übernommen hat. Da Bučar aus allen Büchern auch Photographien bringen will, die größere Kosten verursachen, so konnte das Werk während des Krieges und auch in den Nachkriegsverhältnissen bisher nicht erscheinen. Die baldige Herausgabe desselben ist höchst wünschenswert; die Anzahl der Abbildungen kann unter Umständen verringert werden, wenn für eine genaue Wiedergabe der Titel und anderer Texte im Druck Sorge getragen wird, was selbstverständlich und nicht schwierig ist (K. N.).

allzu gläubig auf, z. B. die vom Vorhandensein einer vollständigen kroatischen Bibel.[1])

Bučar benützte die bisher genannten und andere Quellenwerke,[2]) den Nachlaß Th. Elzes, Notizen von J. Kostrenčić und ganz besonders die 4 großen Faszikel „Slavischer Bücherdruck" der Tübinger Universitätsbibliothek, welche die Korrespondenz Ungnads, Trubars, der kroatischen Übersetzer St. Konsul und A. Dalmatin und verschiedener Personen enthält, die mit ihnen in Verkehr standen. Hier sind auch zahlreiche Originalrechnungen und Quittungen jener Zeit, genaue Beschreibungen der Auflagen und des Vertriebes der Bücher durch Verkauf, Schenkungen usw. erhalten. Unter anderen sind auch drei kroatische glagolitische Originalbriefe von drei Zensoren der protestanitschen Bücher vorhanden, die umso wertvoller sind, als von den kroatischen Reformatoren handschriftlich nichts übrig geblieben ist. Wertvoll sind auch Siegel, eigenhändige Briefe und Unterschriften verschiedener interessanter Persönlichkeiten. Einen großen Teil dieses ungedruckten Materials wollte Bučar veröffentlichen, fand aber keinen Herausgeber (der Südslavischen Akademie waren die Abschriften nicht verläßlich), so daß er Teile davon in kroatischen und slovenischen Zeitschriften abdruckte oder verwertete.[3])

Das zweite Werk bietet nur eine Geschichte der Reformation und Gegenreformation unter den Kroaten der Murinsel und der anliegenden Gebiete Kroatiens mit interessanten kulturhistorischen Zügen.

---

[1]) Starke Einwendungen gegen den Inhalt und die Komposition des Werkes machte vom literarhistorischen Standpunkte Dr. Fr. *Kidrič* im Ljubljanski Zvon XXXI (1911), 275—278, schloß aber seine Ausführungen mit der Anerkennung, daß Bučars Buch wegen des darin enthaltenen neuen Materials jeder Forscher der südslavischen protestantischen Periode in die Hand nehmen müssen wird (K. N.).

[2]) So *Sixt*, P. P. Vergerius; *Gruden*, P. P. Vergerij in njegov stik s slovenskimi deželami, Izvestja muzejskega društva za Kranjsko 1909; *Hubert*, Vergerius publizistische Tätigkeit; *Kaussler* und *Schott*, Briefwechsel zwischen Herzog Christoph von Württemberg und Vergerius; H. *Mosap*, Herzog Christoph von Württemberg; *Gratianus*, Mönchshof zu Urach; *Voigt*, Briefwechsel des Hans Ungnad mit dem Herzog Albrecht von Preussen; W. *Preger*, M. Flacius Illyricus; *Schellhorn*, Ergötzlichkeiten aus der Kirchengeschichte; Werke über die deutsche Buchdruckerkunst und den deutschen Buchhandel usw.

[3]) Vjesnik kr. zem. arkiva XV (1913), XVIII (1916), XIX (1917, auch als S.-A.: Reformacija među Hrvatima po Istri, Zagreb, 1918); Carniola (neue Folge) II (1911), V (1914), VI (1915), VII (1916, das wichtige Verzeichnis der gedruckten Bücher, die Tübinger Originale wurden vom Germanisten Šamšalović verglichen), IX (1917), *Građa* za povijest kńiževnosti hrvatske IX (1920).

Von allen diesen Schriften in serbokroatischer und slovenischer Sprache erfuhr die deutsche Wissenschaft nichts, auch nicht aus dem „Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich", dessen Pflicht es gewesen wäre, solche Schriften wenigstens zu registrieren. Im XXX. Jahrgang (1909) desselben berichtet O. Hegemann nur über die Artikel zum 400jährigen Jubiläum Trubars in der deutschen Carniola, sonst stand aber der Pfarrer „der neuen Trubergemeinde" in Laibach, wie sich Elze und Hegemann mit berechtigtem Stolz nannten, dem slovenischen Geistesleben so fremd gegenüber, daß er von der Festschrift der Matica Slovenska und nicht einmal von der Gelegenheitsschrift I. Prijateljs (s. o. 532) etwas wußte, in der doch eine schwungvolle und trotzdem sehr sachliche Huldigung für die slovenische Reformation enthalten war, die er in seinem Trubarartikel so sehr vermißte. Auch der verdienstvolle Herausgeber des „Jahrbuches" Professor Dr. Georg Loesche in Wien wußte sich mit den ihm von Fr. Bučar eingesandten Schriften keinen Rat und verlangte vom Verfasser Autoreferate, die doch nicht jedermanns Sache sind, und speziell in kleineren Verhältnissen als Eigenlob angesehen werden können. Ich weiß aus eigener Erfahrung, daß es nicht immer leicht ist, entsprechende Referenten zu finden, aber in diesem Falle saßen zwei Slavisten, I. Prijatelj und Fr. Kidrič, die sich mit der südslavischen Reformation beschäftigten, in der Wiener Hofbibliothek, und namentlich Kidrič, der ihre Schätze um diese Zeit für die Geschichte der slovenischen Reformation schon ordentlich ausbeutete, wäre der berufene Berichterstatter gewesen. Der ganze Jammer der deutsch-slavischen Beziehungen vor dem Weltkriege spiegelt sich in der Tatsache wider, daß sogar von slavischen Schriften, die sich auf ein Ruhmesblatt der deutschen Kulturgeschichte beziehen, in dem am meisten dazu berufenen deutschen Organ keine Notiz genommen wurde.[1])

[1]) Ich verweise auf meine an die Antrittsvorlesung in Leipzig (19. Mai 1917) „Die slawische Philologie in Deutschland" geknüpften Bemerkungen in der „Internationalen Monatsschrift f. Wissenschaft, Kunst u. Technik", 12. Jahrg., S. 297 bis 319. Die dort gegen Ende beklagten Zustände in der deutschen wissenschaftlichen Literatur haben sich unterdessen bedeutend gebessert. Immerhin erachtete es noch unlängst Heinrich Felix Schmid (Graz) für notwendig, in den „Jahrbüchern für Kultur und Geschichte der Slaven" Bd. II. S. 90—91 die deutschen Slavisten auf ihre großen Pflichten aufmerksam zu machen, als Vermittler der slavischen Wissenschaft auch außerhalb der Linguistik zu dienen. Als Beispiel führt er an: „. . . wieviel deutsche Gebildete mit historischen Interessen wissen etwas davon, daß es eine blühende, gut organisierte, höchst leistungsfähige polnische, čechische histo-

Selbst Schnurrers „Slavischer Bücherdruck in Württemberg“ geriet in Vergessenheit, so daß G. Loesche in seinem Werk „Luther, Melanchthon und Kalvin in Österreich-Ungarn“ (Tübingen, 1909) der serbokroatischen Übersetzungen der Schriften Luthers und Melanchthons gar nicht gedenkt (S. 352, 356).

Wie sehr sich das Studium der protestantischen Literatur im Laufe der Zeit bei den Slovenen selbst vertiefte, zeigt die gründliche „literarisch-kulturhistorisch-philologische Untersuchung“ von Franz *Kidrič*: Die protestantische Kirchenordnung der Slovenen im XVI. Jahrhundert.[1]) Mustergültig ist die bibliographische Beschreibung der Trubarischen Cerkovna ordninga aus dem Jahre 1564 nach dem einzigen Exemplar der Dresdner Bibliothek, der kleinen Agenda in Trubars Katechismus sdveima islagama (1575) und der wahrscheinlich J. Dalmatin zuzuschreibenden Agenda aus dem Jahre 1585. Nach Berichten über die Auffindung dieser seltenen Drucke folgt die äußere Entstehungsgeschichte der Trubarischen Kirchenordnung, die unter besonders schwierigen Verhältnissen für ein Land mit einem katholischen Herrscher verfaßt und auch gleich konfisziert wurde, und die endgültige Verbannung des slovenischen Reformators zur Folge hatte. Weiter gibt Kidrič die erste genaue Analyse der Quellen des Werkes und untersucht auf Grund derselben auch seine innere Entstehungsgeschichte. Da zeigte sich, wie

---

rische Forschung gibt!“ Allerdings muß ich auch ein entgegengesetztes Beispiel anführen. Prof. Dr. Hermann *Hirt* schreibt in seiner „Geschichte der deutschen Sprache“ (München, 1919), S. 187: *Eine Literatur besitzt das Slovenische kaum*, und so handelt es sich auch hier zum Teil um die Sprache verschiedener Stände und Volkskreise, die miteinander ringt.“ Unglaublicher Weise wird dieser Satz auch in der zweiten Auflage (1925, S. 151) wiederholt. Niemand verlangt von einem vergleichenden Sprachforscher, daß er die slovenische Literatur kennt, aber er soll davon auch nicht reden; dagegen könnte und sollte ihm die slovenische Sprachgeschichte soweit bekannt sein, daß er wüßte, daß die erste slovenische Bibel und Grammatik im 16. Jahrh. gedruckt worden sind (vgl. Slavia IV., 500 und die Urteile der deutschen Pastoren Th. Elze und O. Hegemann s. o. S. 500—501, 526—527.

[1]) Slavica I., Heidelberg, 1919. Carl Winters Universitätsbuchhandlung. Von Besprechungen seien erwähnt: V. Jagić, Archiv f. slav. Phil. XXXVII, 522—525 (würdigt zu wenig die literar- und kulturhistorische Bedeutung des Werkes und vermißt eine grammatische und lexikalische Behandlung, die dem Verf. fernlag): G. Loesche, Theolog. Literaturzeitung, 1920, Nr. 5/6; Hashagen (Rostock), Theolog. Literaturblatt, 1920, S. 186—187; N. Bonwetsch (Göttingen), Deutsche Literaturzeitung, 1921, Sp. 489—490; Karl Völker, Mitteilungen des Instituts f. österr. Geschichtsforschung, B. 39, S. 390/91; P. B., Literarisches Zentralblatt, 1920, Nr. 7. Mit großem Nutzen benützte G. Loesche das Werk bereits für die neue Ausgabe seiner „Geschichte des Protestantismus in Österreich“ (Wien—Leipzig, 1921), S. 80—81, doch ist eine Zitierung desselben auf S. 319 unterblieben. Slovenische Besprechungen: Fr. Ramovš, Ljubljanski Zvon, 1919, 500—503; J. Prijatelj, Časopis za slov. jezik, književnost in zgodovino II., 114.

Trubars eigene Angaben und die rein historischen Nachrichten über die Entstehung des Werkes trügen können. Danach benützte er für seine Kompilation die Württemberger Kirchenordnung, die sich begreiflicherweise als Hauptquelle herausstellt, die Nürnberger und Mecklenburger, aber dazu kommen noch die Kurbrandenburger Kirchenordnung, Dietrichs Agendbüchlein, die Hallische Kirchenordnung und sogar die lateinische Liturgie der Frankfurter reformierten Kirche,[1]) außerdem fügte er ganze Kapitel und eine Reihe von Zusätzen aus Eigenem oder aus Quellen, die nicht eruiert werden können, hinzu.[2]) Die neuen Kapitel und eigenen Einschaltungen ermöglichen ein Urteil über Trubar als Schriftsteller, Theologen und Organisator. Er zeigt einen Hang zum Pleonasmus, bringt zahlreiche Erweiterungen des schon im deutschen Original ausgesprochenen Gedankens, Marginalnoten veranlassen ihn zu neuen Zitaten und Verweisen auf die Bibel, zahlreich sind seine polemischen Einschaltungen, namentlich gegen die katholische Kirche. Als Liturgiesprache bestimmte Trubar ausdrücklich die slovenische und dachte an eine „slovenische Kirche" mit allen Folgerungen, da er sogar das Examen ordinandorum übersetzen zu müssen glaubte.[3]) In der sprachlichen Untersuchung behandelt Kidrič Trubars Neu- und Weiterbildungen, darunter viele mißlungene, seine Fremdwörter, besonders auch solche, für die er gute einheimische hatte und selbst erwähnte, und seine Umwertung etlicher übernommener liturgischer und hierarchischer Begriffe. Der Verfasser hätte mehr hervorkehren sollen, daß Trubar kein besonderer Sprachschöpfer ist, und als Wortkünstler nicht hoch steht. In dieser Hinsicht wäre besonders lehrreich ein Vergleich mit der kroatischen Übersetzung der Württemberger Kirchenordnung, um zu erfahren, ob die Übersetzer auch in dieser Hinsicht Trubar überragen, denn im allgemeinen steht ihre Sprache gewiß unvergleichlich höher. K. Schlußurteil lautet:[4]) „In der Geschichte der Reformation gebührt Trubar trotz seiner Kirchenordnung nur die bescheidene Rolle eines uneigennützigen und begeisterten Propagators fremder Ideen, in der Geschichte seines Volkes sichert ihm eben diese Kirchenordnung einen der

[1]) Wir möchten auch über die Motive dieser Quellenauswahl hier und bei anderen Werken aufgeklärt sein.

[2]) O. c. 120—121.

[3]) O. c. 164.

[4]) O. c. 149.

vorderen Plätze." Die Erörterungen über die Aussichten seiner „slovenischen Kirche" könnten noch mehr skeptisch sein.

Neue und sichere Grundlagen für die weitere Forschung wurden durch die Gründung einer Universität in Ljubljana (Laibach) in dem vereinigten Königreich der Serben, Kroaten und Slovenen geschaffen. Von Wien kamen an dieselbe Kidrič und Prijatelj als Professoren der älteren und neueren (Grenzjahr 1848) slavischen Literaturgeschichte mit besonderer Berücksichtigung der slovenischen, von der Grazer Universität R. Nachtigall als slavischer Philologe und Fr. Ramovš, der sich in den letzten Jahrgängen von Jagićs Archiv für slavische Philologie [1]) als hervorragender Kenner der slovenischen Sprachgeschichte und Dialektologie vorgestellt hatte. Noch 1918 begann in Laibach, Graz und Wien, seit dem 3. und 4. Heft des ersten Jahrganges 1919 in Laibach Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino (Zeitschrift für slovenische Sprache, Literatur und Geschichte) zu erscheinen. Hier begann Fr. *Kidrič* gleich seine „Beiträge und Bemerkungen zur Geschichte der Reformation unter den Slovenen" zu veröffentlichen und behandelte zuerst in seiner gründlichen Art „Johann Ungnad in der Verbannung".[2]) Weiter brachte er eine Bibliographie der gegenreformatorischen Literatur und besprach einzelne Erscheinungen derselben.[3]) Eine besondere Studie widmete er dem Engländer Stapleton, einem der berühmtesten katholischen Kontraversisten des 16. Jahrhunderts, unter den Slovenen,[4]) wobei speziell die Evangelistare aus der Zeit der Gegenreformation gewürdigt werden.[5]) I. *Grafe-*

---

[1]) Slovenische Studien, o. c. XXXVII, 129f.

[2]) O. c. I. 64—78, 153—178, II. 47—62, 188—209.

[3]) O. c. III. 73—133. Dazu über Gregor Vorenc (ib. IV., 139—146) und die Abhandlung über den italienischen Serviten Fra Gregorio Alasia da Sommaripa, dessen Vocabolario Italiano e Schiavo, Udine 1607, das erste bekannte Buch der Gegenreformation vorstellt, Ljubljanski Zvon, 1924, 102—110. Weiter: Doneski k zgodovini slovenskega lekcionarja in slovenske pridige od konca srednjega veka do l. 1613, Bogoslovni Vestn k III (1923), S. 149—169; Primož Lavrenčič, Časopis za zgodovino in narodopisje (Maribor) XX., 80—85.

[4]) O. c. IV., 76—105.

[5]) Aus demselben Časopis seien noch die kleineren Beiträge von Kidrič erwähnt: Die Korrespondenz aus der Zeit des südslavischen Protestantismus im „Gemeinschaftlichen Hennebergischen Archiv Meiningen" (I., 215—217), wo im Gegensatz zu Emil *Sehling*, Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrh., II., 276, hervorgehoben wird, daß Graf Georg Ernst zu Henneberg kein besonderes Interesse für den Protestantismus außerhalb seines Kleinstaates an den Tag legte und nicht mit Trubar, sondern nur mit Ungnad in den J. 1561 bis 1562, nicht 1563, korrespondierte; eine Anzeige von Georg *Loesche's Truberiana* (über Tr. Wirksamkeit in Kempten) aus den *Beiträgen zur bayer. Kirchengeschichte*, XXVI., 17—25 II., 114—117); Trubarji na Raščici (ib. 251—273); J. Kobila (ib. 276—281).

nauer[1]) fügte gleich „Anmerkungen zum slovenischen Stapleton" hinzu. Hier fand Kidrič auch Platz für Miszellen über die slovenisch-kroatische Kinderbibel aus dem Jahre 1566 und eine slovenische von 1580, über Bohoričs noch unbekanntes Elementale labacense cum Nomenclatura und die slovenischen Bücher in der protestantischen ständischen Schule in Laibach von 1563—1598. Der letzte Jahrgang (V. 1926) bringt eine noch nicht vollendete Abhandlung von Fr. Kidrič über Theatervorstellungen in Laibach bis 1790 und von Miroslav *Premrou* Vatikanische Dokumente aus den Jahren 1603—21 über den Bischof Hren (Chrön) und die kirchliche Visitation in Krain in den Jahren 1607—08 (Auszüge im Originale). Im *Zbornik za umetnostno zgodovino* (Sammelband für Kunstgeschichte, II., 1—8) besprach Kidrič das Votivbild Trubars und seiner Familie in Derendingen aus dem J. 1587.

Auch die Sprachgeschichte kam wieder zum Wort. Fr. *Ramovš* behandelt „Das Revisionswerk der Dalmatinischen Bibel".[2]) Historisch wurden wir von W. Šmid[3]) unterrichtet, wie eine aus elf Personen bestehende Kommission die von den Ständen von Steiermark, Kärnten und Krain herauszugebende Bibel Dalmatins vom 28. August bis 22. Oktober 1581 in Laibach revidierte. Man wußte seit Kopitar, daß diese Revision der slovenischen Literatur auch eine neue rationelle Orthographie brachte, die bis ins 19. Jahrhundert in Geltung blieb. Bis 1581 gab es zwei verschiedene Orthographien, die Trubar und Krelj begründeten, doch war die Trubarische herrschend. Eine Vergleichung mit der vorangehenden Literatur, speziell mit den Schriften Dalmatins und mit seinem Probeblatt der Bibel, von dem ein einziges Exemplar im Nachlaß Elzes in Graz erhalten ist, ergibt das Resultat, daß nicht Bohorič der eigentliche Reformator der Orthographie ist, wie Kopitar und namentlich Oblak meinten; er hatte allerdings ein bedeutendes Wort mitzusprechen, da ihm auch die Abfassung einer Grammatik übertragen wurde, doch der eigentliche Begründer der nach

---

Außerdem im Archiv f. slav. Phil. XXXVII., 541—2: Slovenische Protestanten aus dem Gailtale in der Lausitz; über P. P. Vergerins slavische Sprachkenntnisse, Ljubljanski Zvon, 1922, 189.

[1]) O. c. 106—116.

[2]) Delo revizije Dalmatinove biblije. O. c. I., 103—152.

[3]) Über Entstehung und Herausgabe der Bibel Dalmatins, Laibach, 1904. SA aus den „Mitteilungen des Musealvereins für Krain", 1904.

Bohorič benannten Orthographie ist Dalmatin, der die im Vergleich zu Trubar viel bessere Orthographie Kreljs zur Geltung brachte. Die einzige Neuigkeit von 1581 ist die Einführung des Buchstaben *j* für die Laute *j* und konsonantisches *i*, und *ji* für die Lautgruppe *ji*, während alles übrige Dalmatin und Bohorič von Krelj übernahmen, der nach 14 Jahren dennoch siegte. Die sprachlichen Änderungen sind nicht so bedeutend, die Formenlehre blieb fast unberücksichtigt, doch ist beachtenswert die starke Zurückdrängung des Artikels, den Dalmatin, Trubar folgend, in seinen ersten Übersetzungen noch viel gebrauchte. Was den Text anbelangt, so wurde bei der Revision mehr auf Luthers Übersetzung als auf den griechischen und lateinischen Wortlaut Rücksicht genommen.

Mit besonderem Beifall begrüßte Ramovš im „Zusatz" (S. 146—47) die Abhandlung von A. *Breznik*,[1]) welche zeigte, daß Trubars und Dalmatins Text der Evangelien bis auf den heutigen Tag fortlebt, und schließt mit den Worten: „Jetzt wissen wir wenigstens etwas von ihrer Tätigkeit, aber alles ist nicht mehr und kann nicht mehr sein als ‚etwas'. Die slovenischen Literarhistoriker erwartet noch eine große und schöne Aufgabe: es wird notwendig sein, das Verhältnis zwischen den Übersetzungen Trubars und Dalmatins aufzuklären, den Einfluß von Krelj und Juričič zu zeigen, die Vorlagen der einzelnen Übersetzungen zu untersuchen usw. Alle diese Fragen sind kaum angeschnitten, und erst ihre endgültige Lösung wird uns die großen Männer (velikane) des 16. Jahrhunderts im richtigen Licht zeigen." Aus meinen bisherigen Ausführungen geht klar hervor, daß ich diesen Worten über die künftigen Aufgaben der Erforschung der slovenischen Reformationsliteratur wenig beizufügen habe. Ich würde auf Quellenuntersuchungen und auf den Zusammenhang der slovenischen (und kroatischen) Schriftsteller mit dem ganzen geistigen Leben ihrer Zeit noch größeres Gewicht legen. Natürlich stehen auch der Sprachwissenschaft noch große Aufgaben bevor: sie wird über das Studium der Laut- und Formenlehre hinausgehen, die sprachlichen Fortschritte erforschen, den Wortschatz vollständig und systematisch ausbeuten und ein grammatikalisches und lexikalisches Gesamtbild der Sprache der slovenischen Protestanten geben müssen. Verheißungsvolle Anfänge liegen in Abhandlungen (z. B. „Lexi-

[1]) S. Slavia IV., 501.

kalische Beiträge aus Trubars Werken“ [1]) und in dem bisherigen Bande der „Historischen Grammatik der slovenischen Sprache“ von Fr. Ramovš [2]) selbst vor.

In der neuen Universitätstadt Ljubljana wurde auch eine Gesellschaft für humanistische Wissenschaften (Znanstveno društvo za humanistične vede) gegründet, in deren *Razprave* (Abhandlungen) Fr. *Kidrič* „Das Gerippe für eine Biographie Primus Trubars“ [3]) veröffentlichte. Auch Kidrič will die noch immer vermißte (zuletzt von G. Loesche) Biographie Trubars nicht schreiben, sondern bietet nur ein Gerippe, worin er die Beiträge von Andreä, eine Quelle ersten Ranges, von Hren [4]) (Chrön) und Rossolenz, die fast gar nichts Brauchbares bringen, und von Valvasor, bei dem er eine wertvolle Heranziehung archivalischen Materials konstatiert, einer gründlichen Kritik unterzieht, und das ganze bekannte dokumentarische Material für eine zuverlässige Biographie „des angesehensten Reformators der Slovenen“ herbeischafft. Alle Angaben über Trubars Leben, geistige Entwicklung und Wirken werden kritisch beleuchtet, sehr häufig aus seinen eigenen Schriften, von denen die slovenischen bisher wenig ausgenützt wurden.[5]) Der Beachtung empfehle ich auch die Serie der Schriften Trubars (S. 261—62), die den Biographen bisher wenig bekannt waren und deren einige bisher Unikate oder sehr selten, zwei aber gar nicht bekannt sind (Ta celi katechismus 1567 und die Konkordienformel um 1581), da neue Funde in deutschen und anderen Bibliotheken nicht ausgeschlossen sind. Auffällig ist es, daß Trubars erster und bester Biograph, der Tübinger Theologe Andreä, der viel Nachrichten von Trubar und seiner Familie hatte, auch von den deutschen Vorreden Trubars zu seinen slovenischen Schriften nur 4 in Evidenz gehabt hat, von den deutschen Vorreden zu den kroatischen Drucken nur eine einzige (S. 263).

Es ist zu hoffen, daß Kidrič seine von außerordentlichem Fleiß, kritischer Schärfe und pünktlicher Genauigkeit zeugenden Grundlagen zu einer wirklichen Biographie Trubars ausgestalten

---

[1]) Časopis za zgodovino in narodopisje, X. (Maribor, 1913), 144—151.

[2]) Historična gramatika slovenskega jezika, II., Konzonantizem, v Ljubljani, 1924.

[3]) Ogrodje za biografijo Primoža Trubarja. Razprave I., 179—271.

[4]) Diese Quelle hat kritisch neu herausgegeben Fr. Kidrič, Časopis za zgodovino in narodopisje XIX (Maribor, 1924), 20—24.

[5]) Eine Zusammenfassung seiner Ausführungen gibt der Verf. in deutscher Sprache auf S. 269—272.

wird. Vorläufig notiert er in seinen Anmerkungen folgende im Manuskript fertige Werke: Literatur- und Kulturgeschichte der Reformation bei den Slovenen, Bibliographie der Geschichte der Reformation unter den Slovenen mit besonderer Berücksichtigung der Literatur- und Kulturgeschichte, Entwicklung des Reformationsgedankens bei den Slovenen bis 1547, Bibliographie der Bücher der slovenischen Reformation mit Angabe der Aufbewahrungsorte, geschichtlichen Notizen im Text und handschriftlichen Anmerkungen der Exemplare; Provenienz der protest. Bücher des 16. Jahrh. in der Studienbibliothek in Laibach; Prozeß gegen die Laibacher Protestanten 1547. Daß die Laibacher Slavistik auch auf diesem Gebiete bereits Schule macht, beweist die Erwähnung einer handschriftlichen Dissertation von Mirko Rupel: Die literarischen und sprachlichen Beziehungen zwischen den slovenischen Articuli (d. i. Trubars Zusammenfassung der Augsburgischen, Württembergischen und Sächsischen Konfession), Tibinga, 1562, und den kroatischen Articuli mit cyrillischen und glagolitischen Lettern, Tibinga 1562.

Außerdem prüfte Fr. Kidrič [1]) verschiedene problematische Titel in der Geschichte des südslavischen Schrifttums im Reformationszeitalter nach und behandelte die Autorschaft der 4. Ausgabe des slovenischen protestantischen Gesangbuches.[2])

Wie man sieht, wurde bei den Slovenen unter den neuen Verhältnissen in kurzer Zeit sehr viel auch auf dem uns interessierenden Gebiete geleistet. Der linguistische-literarhistorische-historische *Časopis* und die *Razprave* der Gesellschaft für humanistische Wissenschaften in Laibach erfüllen eine Aufgabe, deren Bedeutung auch über die Grenzen Jugoslaviens hinausgeht. Ihre Erhaltung gehört zu den Aufgaben einer einsichtsvollen Kulturspolitik.

Die Laibacher Philologen und Historiker machten sich auch schon an ein zusammenfassendes Werk über das kulturelle Leben auf slovenischem Boden und geben seit 1925 „Slovenski bijografski Leksikon“ [3]) heraus, das ähnlichen biographischen

---

[1]) Slavia I., 360—378. Besonders beachtenswert ist die Zusammenstellung und Revision der Nachrichten über den kroatischen Kalviner Michael Bučić, dem mit Sicherheit nur eine unbekannte kajkavisch-kroatische Schrift gegen die Eucharistie zugeschrieben werden kann (darnach sind die Ansgaben Slavia IV., 520 zu korrigieren), auf S. 368—377.

[2]) Južnoslovenski filolog II., 301—308 (1921).

[3]) Uredil Izidor Cankar. S sodelovanjem: Jože Glonarja, Franca Kidriča, Janka Šlebingerja. I. zvezek: Abraham—Erberg, II. zvezek: Erberg—Hinterlechner.

Werken würdig zur Seite steht und ein unentbehrliches Handbuch auch für alle Forscher der Reformation und Gegenreformation sein wird. Auch hier schreibt die die Reformation behandelnden Artikel Fr. Kidrič im wirklichen Lexikonstil, ohne daß die an ihm gerühmten Eigenschaften darunter leiden würden. So schildert er das Leben und Wirken der Schriftsteller Adam Bohorič und Jurij Dalmatin, den Humanisten Peter Bonomo, Bischof von Triest, den Lehrer und Förderer Trubars, die Schulmänner Leonhard Budina, Nicodemus Frischlin (mit zahlreichen urkundlichen Belegen über seine Tätigkeit in Laibach; beachtenswert ist, daß er dem Slovenischen auf der ständischen Schule mehr Raum gewährte als die einheimischen Faktoren) und Hans Gebhardt, die krainerisch-kärntnerische Pastorenfamilie Faschang, die Anhänger des Protestantismus in den Adelsgeschlechtern Gall von Gallenstein, Gallenberg, Glušič, Gusič, Hasiber und Herberstein. Natürlich wird dem Historiker der slovenischen Reformation Theodor Elze die gebührende Aufmerksamkeit geschenkt (S. 156—159), ebenso Anton Chráska, einem Nachkommen der Böhmischen Brüder, der im Sinne ihrer Unität die Reformation unter den Slovenen an der Scheide des 19. und 20. Jahrh. ohne Erfolg wiederzubeleben suchte und zu diesem Zwecke zuerst die Vorrede zu Dalmatins Bibel wiederabdruckte, andere Schriften und zuletzt die ganze Bibel (Sveto pismo starega in novega zakona, v Ljubljani, 1914) mit Hilfe von einheimischen Sprachkennern auf Kosten der englischen Bibelgesellschaft revidiert herausgab.

Kidrič's Artikel verarbeiten ein reichhaltiges gedrucktes und archivalisches (aus Krain) Material (einigemal wird konstatiert, daß Archivalien, die Elze und anderen Forschern vorlagen, nicht mehr zu finden sind), prüft es kritisch, bespricht auch die Motive der handelnden Personen und gibt eine Synthese unseres bisherigen Wissens. Besonders erwünscht sind die Literaturangaben, viel zahlreicher als man erwarten möchte (z. B. über J. Dalmatin mehr als zwei Spalten, der Artikel selbst auf S. 116—124). Wer die Artikel genau nachprüft, wird sich leicht überzeugen, wie weit Kidrič über Elze und Dimitz hinausgegangen ist. Als Beispiel sei nur seine Würdigung der Tätigkeit Jurij Dalmatins erwähnt (S. 121—122): „Die slovenische Vorrede der

---

V Ljubljani, 1925, 1926. Založila Zadružna gospodarska banka. Gr. 8⁰, 320 S. Für meine Abhandlung konnte das Lexikon natürlich nicht mehr benützt werden.

Bibel ist eine kurze Dogmatik für Laien. Das Werk, welches die Hauptunterschiede der beiden Konfessionen unterstreicht, war der Idee nach eine Fortsetzung ähnlicher Schriften von Trubar und Krelj, stützte sich aber auf neues Material, das er während seines Aufenthaltes in Wittenberg von Leiser und anderen Theologen erhielt. Seine deutschen Widmungen sind mehr theologisch und weniger historisch und allgemein aktuell als die Trubars. Im ganzen repräsentiert Dalmatin die systematischeste Fortsetzung der literarischen Tätigkeit Trubars, den Höhepunkt der literarischen Aktivität der slovenischen Protestanten im 16. Jahrhundert, zugleich aber auch das Ende der zielbewußten Vervollständigung ihres Schrifttums und der zielbewußten Tätigkeit für die Konsolidierung der slovenischen Schriftsprache. Die Polemik in seinen Schriften ist dogmatisch und gemäßigt, den damals üblichen Schimpfwörtern wich er vielleicht bewußt aus. Für Beseitigungen der Behandlung aktueller zeitgenössischer Probleme gab ihm der Charakter seiner Schriften nicht viel Gelegenheit (vgl. die Lieder und Gebete zur Abwehr der Türkengefahr, im slov. Vorwort zur Bibel den Absatz über den Gehorsam gegenüber der Obrigkeit und über das unglückliche Ende aller Aufrührer). Keime für die Pflege des nationalen slovenischen und slavischen Bewußtseins und einer derartigen Aktivität brachten seine Bücher unter die Slovenen noch mehr als die von Trubar und Krelj.“

Der Sprache der serbokroatischen protestantischen Drucke des 16. Jahrhunderts wurde lange keine Aufmerksamkeit geschenkt; selbst Gj. Daničić ließ sich diese außerst wertvollen Quellen für seine Istorija oblika (Formen) srpskog ili hrvatskog jezika (1878) entgehen. Auch das große historische Wörterbuch der Südslavischen Akademie benützte nur den glagolitischen Katechismus, die glagolitische Postille und den ersten und zweiten Teil des Neuen Testamentes, aber selbst diese Werke waren in Zagreb nicht vorhanden, „so daß die Belege aus denselben weder kontrolliert noch erweitert werden konnten.“ Seit 1897 wurden noch die von Jagić wieder abgedruckten Propheten ausgebeutet. Daher kam sehr erwünscht eine größere Abhandlung „Jezik hrvatskih protestantskih pisaca 16. vijeka“ von Franjo *Fancev.*[1]) Dieser Beitrag „zur historischen Grammatik der kro-

[1]) *Rad* jugoslav. akademije knj. 212/92 (Zagreb, 1916), 147—225, knj. 214/93 (Zagreb, 1917), 1—112

atischen oder serbischen Sprache“ berücksichtigt wirklich alle Teile der Grammatik und auch das Lexikon mit Benützung von 17 glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Drucken. Das Material ist also weder vollständig — bei der großen Zerstreuung der Werke ist das auch schwer zu verlangen — noch gleichartig, aber immerhin liefert es den deutlichen Beweis, daß die kroatischen Protestanten im Sinne der Grundsätze der Reformation den von ihnen gesprochenen čakavischen Dialekt von Istrien und des kroatischen Küstenlandes [1]) schrieben, obwohl sie auch das ältere čakavische Lectionarium und kirchenslavisch-kroatische Missale und Breviare trotz der daran geübten Kritik und auch kirchenslavisch-serbische Drucke benutzten. Ob es nur der nördliche čakavische Dialekt war, wie Fancev meint, muß allerdings dahingestellt bleiben, solange die Anton Dalmatin zuzuschreibenden Übersetzungen oder Herstellungen des Textes nicht sichergestellt und genauer erforscht sind, woraus auch Schlüsse für den Dialekt seiner Heimat gezogen werden könnten. Auf jeden Fall bieten nach den Angaben Fancevs die cyrillischen Texte, die hauptsächlich auf Anton Dalmatin zurückgehen, eine mehr archaisierende Sprache und einen reineren ikavischen Dialekt.

Ich suchte in meinem Beitrag zur Sprache der serbokroatischen protestantischen Bücher [2]) der „fleißigen und verdienstvollen“ Arbeit Fancevs gerecht zu werden, mußte aber erklären, daß sie nur den Anfang der noch notwendigen Untersuchungen bilden kann. Wünschenswert wäre eine genauere Scheidung zwischen denjenigen Werken, für die alte čakavische und kirchenslavische oder slovenische Vorlagen vorhanden waren, und den Übersetzungen, die selbständig nach lateinischen, deutschen und italienischen Quellen angefertigt worden sind. Natürlich wäre auch das gegenseitige Verhältnis der glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Drucke näher zu studieren und die Arbeit der einzelnen Übersetzer, beziehungsweise Redaktoren, nach Möglichkeit festzustellen, wofür es viele historische Anhaltspunkte gibt. An der Abhandlung in der vorliegenden Form mußte ich weiter tadeln, daß darin die statistische Methode allzuwenig oder gar nicht angewendet wird. So bietet Leskien

[1]) Rad 212, S. 158, 188.

[2]) Nekoliko reči o jeziku srpsko-hrvatskih protestantskih knjiga, Даничићев Зборник 1925, S. 72—106.

(Grammatik der serbokroatischen Sprache, 425—430) ein viel besseres und genaueres Bild von der Deklination nur auf Grund der Übersetzung der Propheten als Fancevs Abhandlung auf Grund von 17 Werken. Ich wiederhole hier nur ein einziges Beispiel. Für den Gen. pl. m. nach der Analogie der i-Stämme bringt Fancev aus den Proroci nur *trsti* neben *trstov*, Leskien (427): konji 3mal, muži 17, meseci 4, vereinzelt neprijatelji, oltari, progonitelji, učitelji und von harten Stämmen boki (civi als Fem. ist zu streichen), dari, kusi, do oblaki, postoli, puki, devet rogi, trupi. Geradezu unverständlich ist es mir, wie sich Fancev gegen slovenische Einflüsse wehrt, obwohl sie selbstverständlich — die ersten Übersetzungen wurden doch nach den Trubarischen aus dem „Krainischen" angefertigt — und häufig geradezu handgreiflich sind.[1]) Man beachte nur solche slovenische Dialektismen, die allerdings auch in die Schriftsprache Eingang fanden, wie *oskruniti* für *oskvrniti*, *bruna* für *brvna*, oder Fehler, welche Abschreiber bekanntlich immer am sichersten verraten, wie *drošje* neben der richtigen Form *drožje* (nom. pl. fem., Hefen, belegt bei Pleteršnik schon aus Trubar und Dalmatin), *žibak* für slovenisch *šibek* (Miklosich EW 339), weil Trubars Vorlage zwischen *š* und *ž* keinen Unterschied machte und für beide *sh*[2]) schrieb, so daß sich der „Übersetzer" bei den ihm wenig geläufigen oder gar nicht bekannten Worten nicht zurecht finden konnte. Bei manchen Worten sind Zweifel möglich, aber die hinzugefügten Glossen verraten deutlich, daß sie den Übersetzern auch nicht geläufig waren, oder ihnen selbst als erklärungsbedürftig erschienen. Außerdem verwies ich mit Beispielen auf die Wichtigkeit literarhistorischer Tatsachen auch für sprachgeschichtliche Untersuchungen.

Das III. Kapitel meiner Abhandlung sollte den Nachweis für meine oben[3]) aufgestellte Behauptung bieten, daß die südslavische protestantische Literatur den Anstoß auch zur Schreibung des Kaj-Dialektes der Kroaten gab, und daß Anton Vramec in seiner Postila Evangelientexte aus der Regensburger von St. Konsul und A. Dalmatin lateinisch gedruckten Postila mit geringen Veränderungen abschrieb. Zu diesem Zwecke druckte ich das Evangelium am ersten Sonntag nach Ostern (Joh. XX.

[1]) S. meine Abhandlung, S. 82—86.
[2]) B. Kopitar, Grammatik der slav. Spr., 17.
[3]) S. Slavia IV., 519—522.

19—23) aus dem glagolitischen Neuen Testament, aus der glagolitischen und Regensburger Postille und aus Vramec so ab, daß Zeile für Zeile untereinander die orthographischen und sonstigen Varianten verzeichnet sind, das Evangelium am zweiten Sonntag nach Pfingsten (Luk. XIV, 16—24) aber untereinander Zeile für Zeile vollständig aus dem čakavischen Lectionarium, glagolitischen Neuen Testament (die Postille konnte als ganz davon abhängig unberücksichtigt bleiben), aus der Regensburger Postille, aus Vramec und Petretić. Die Texte sind mit reichlichen Anmerkungen und Kommentaren auf Grund der Vulgata und der Bibel Luthers versehen. Schon diese beiden Bruchstücke zeigen, daß die kroatischen Protestanten das čakavische Lectionarium in der Volksprache benutzten, was schon bekannt ist, das Neue Testament aber auch nach der Vulgata (auch schon von Polovič erwähnt), nicht bloß nach Luther (und Trubar, was eine Frage für sich ist) übersetzten. Konsul und A. Dalmatin druckten in Regensburg die Evangelientexte nicht bloß aus dem Neuen Testament und der Postille nach, sondern redigierten sie von neuem nach der Vulgata und nach Luther. Aus der Regensburger Postille übernahm A. Vramec wenigstens die Evangelientexte mit orthographischen, grammatikalischen und lexikalischen Änderungen, wahrscheinlich aber auch die Erklärungen zu den Episteln und Evangelien, was allerdings noch untersucht werden müßte. Daß solche Nachdrucke protestantischer Texte auch in katholischen Werken ganz üblich waren, zeigt die Textgeschichte des slovenischen Evangelistars.[1])

Gegen alle diese Ausführungen als eine „ganz und gar neue Hypothese" und gegen „die Hypothese (!) von der Abhängigkeit der kroatischen kajkavischen Literatur von der kroatischen und slovenischen protestantischen Literatur" nimmt Franjo Fancev vorläufig Stellung in einem Artikel O najstarijem bogoslužju u Posavskoj Hrvatskoj.[2]) Auf diese äußerst gereizten Bemerkungen kann ich hier nur ganz kurz erwidern. Bei Fancev wiederholt sich, was bei den Slovenen über das Vorhandensein einer Literatur *vor* Trubar vorgebracht wurde.[3]) Für ihn genügt sogar die Sitte, daß das Evangelium dem Volke in seiner Sprache erklärt wurde, „auch die Existenz eines Evangelistars in der

---

[1]) S. Slavia IV., 501.

[2]) Zbornik kralja Tomislava, izd. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb, 1925, S. 540—543.

[3]) Vgl. o. 521, 534.

Volksprache zu supponieren";[1]) Vramec soll zu den angeblich vorhanden gewesenen Evangelien nur die fehlenden Erklärungen hinzugefügt haben, deshalb gab er die Postille heraus, und „durch diese Erklärungen hat Vramec stillschweigend die Existenz eines Evangelistars zugegeben." Auf diese Weise könnte man alles beweisen! Denn von einem solchen kajkavischen Evangelistar aus der Zeit *vor* der südslavischen Reformation ist bisher keine Spur bekannt, selbst Bruchstücke davon werden nirgends erwähnt. Das erste vollständige handschrift-liche Evangelistar stammt aus dem Jahre 1644,[2]) ist also nur sieben Jahre älter als das erste gedruckte (Sveti Evangelliomi, 1651) des Bischofs Petretić in der Redaktion des Jesuiten Krajačević. In der Vorrede betonen die Herausgeber, daß es bisher im nordwestlichen Kroatien (vu našem Slovenskom orsage) in der „slovenischen" Sprache (Slovenskem jezikom) keine „würdig gedruckten Evangelien" (dostojno štampanih Evangeliumov) gab, weshalb sie gedruckt werden, damit die geistlichen Hirten und Prediger sie dem Volke vorlesen können „nach der Sitte und dem Brauch der ungarischen, deutschen, čechischen und krainischen Prediger". Daraus zog Fr. Kidrič den Schluß, daß im Zagreber Bistum diese Sitte zugleich mit dem offiziellen Lectionarium nach dem Beispiele der Nachbarn erst eingeführt werden mußte. Auch darüber ist Fancev entsetzt, aber daß zumindestens daran sehr viel Wahres ist, beweisen die Worte, mit welchen der Banus von Kroatien Graf Peter Erdödy für die Zusendung protestantischer Bücher am 15. Januar 1563 dankte:[3]) „Ich habe die überschickten Bücher gegeben meinen ainfeltigen ellenden pfaffen, sich *darauss das Vatter Unser zu erlernen.*" Von einer solchen Geistlichkeit war in der Tat noch weniger zu erwarten, daß sie die Evangelientexte dem Volke richtig übersetze und erkläre, wie das bei den Slovenen und den dalmatinischen und türkischen Kroaten der Fall war. Man beachte nur, wie Kašić die Notwendigkeit einer Bibelübersetzung damit begründete, auf daß sich nicht jeder be-

[1]) A. a. O. 541.

[2]) Der Vollständigkeit halber sei noch erwähnt, daß sich Fancev weiter auf handschriftliche Passionale aus den Jahren 1683 und 1691 (543) und auf die kirchliche Poesie überhaupt (546) beruft. Was sollen die erst genannten Nachzügler für das 16. Jahrhundert beweisen? Einige Kirchenlieder, die vor der Reformation vorhanden gewesen sein können (vgl. S. 509--10), bilden aber ebensowenig eine Literatur wie bei den Slovenen, bei denen sie nachgewiesen sind (vgl. S. 533).

[3]) J. Kostrenčić, Urkundliche Beiträge, 161.

liebige Pfarrer oder Prediger seine Übersetzung aus dem Latein beim Predigen mache oder beim Erklären extemporiere.[1]) So waren die wirklichen Verhältnisse selbst dort, wo der unmittelbare kulturelle Einfluß Roms stärker war als in den Resten Kroatiens. Übersetzungen und Erklärungen des Evangeliums wurden also beim Predigen extemporiert, was uns genügend erklärt, warum es keine kajkavischen geschriebenen und gedruckten Evangelistare vor der Mitte des 17. Jahrhunderts gibt.

Die einzige Tatsache, die Fancev gegen meine „Hypothese" vorbringt, ist ein 1560 auf Kosten der Gräfin Katharina Zrinska, Gemahlin des Nikola Zrinski († 1566), gedrucktes Gebetbuch (Molitvene knjižice), das wir aber nur dadurch kennen, daß es der Jesuit Milovec in seinem „Dvojdušni kinč" (Wien, 1661) stark ausgeschrieben hat.[2]) Dazu ist jedoch zu bemerken, daß der Held von Siget zur Reformation neigte und die serbokroatischen protestantischen Tübinger Drucke wie andere Personen in Kroatien zugeschickt erhielt.[3]) Diese Zusendungen erfolgten allerdings erst nach 1560, doch Trubars slovenische Drucke, ausdrücklich auch für die kajkavischen Kroaten bestimmt,[4]) waren schon früher in Kroatien, das mit den slovenischen Gebieten in innigen Beziehungen stand, ganz gut bekannt, und können die Gräfin Katharina Zrinska zur Herausgabe ihres Gebetbuches angeregt haben, denn exempla trahunt. Wir kennen leider weder die Vorrede noch das Werk selbst, um eventuelle Aufklärungen über die Motive der Herausgeberin erhalten zu können. Doch zugegeben, daß dieses Gebetbuch gut katholisch war und sich Katharina Zrinska an den bis dahin bekannten Werken Trubars (darunter zwei Katechismen mit Kirchenliedern, I. Teil des Neuen Testamentes und Postille) kein Beispiel nahm, macht eine Schwalbe noch keinen Sommer. Es kann jedoch keinem Zweifel unterliegen, daß die erste Buchdruckerei auf kajkavisch-kroatischem Gebiet in Ungarn von einem Anhänger der Reformation, Grafen Georg Zrinski, errichtet wurde, daß Michael Bučić, der bisher als „Begründer der kroatischen Literatur diesseits des Velebit"[5]) angesehen wurde, ein Kal-

[1]) S. o. S. 83, Anm. 3.

[2]) Fancev a. a. O. 543. Br. Vodnik, Povijest hrv. knjiž., 205. Anm. ist davon nicht ganz überzeugt.

[3]) Fr. Bučar, Povijest hrv. prot. književnosti, 12, 84, 132, 231, 237.

[4]) S. Slavia IV., 507.

[5]) Bučar o. c. 16. Auch Br. Vodnik, o. c. 210, meint, daß Bučić zuerst im kajkavischen Dialekt geschrieben habe. R. Strohal's (Nastavni Vjesnik XXXV, 58)

vinist war, daß die genannte, als protestantisch geltende Druckerei, die vorübergehend nach Varaždin und dann zurück nach Ungarn kam, und die protestantische Buchdruckerei in Laibach I. Pergošić und A. Vramec die Anregung und die Möglichkeit zum Druck ihrer Werke gaben.

Mein Hauptargument bleibt aber, daß A. Vramec die Evangelientexte seiner Postila, wie ich an zwei Beispielen gezeigt habe, aus der Regensburger Postille einfach ausgeschrieben hat. Wer die Zeile für Zeile untereinander gedruckten Texte in meiner Abhandlung (S. 95—102) unbefangen prüft, wird selbst diesen Ausdruck nicht zu stark finden. Ich verweise bloß darauf, daß in den kleinen Bruchstücken nicht weniger als 4 Glossen vorkommen, wie sie in den slovenischen und deutschen protestantischen Bibelwerken üblich waren: vrata zatvorena *ali zaperta* (95), obraduvaše se ali *obveseliše se,* odpustite *ali oprostite* (96), počeše odimati *i spričavati se* für odnimati Lekt., odnimati skupa N. Test. glag., odnimati Regensburger Postila et coeperunt simul omnes excusare (98); odnimati der Vorlage war Vramec offenbar unverständlich, Petretić hat auch nur seine Glosse spričavati beibehalten. Zu mindestens eine unbedingt auf Luther zurückgehende Stelle kann ich auch aus den kurzen Stellen nachweisen. Luk. XIV., 17: Et misit servum suum hora coenae *dicere invitatis ut venirent,* quia iam parata sunt omnia, bietet das Lectionarium, welches Fancev noch als einzige Quelle für die kajkavischen Evangelistare gelten läßt, der Vulgata gemäß: da reče onim, *ki su zvani, da pridu,* N. Test. glag.: da *pozvanim* reče: *Pridite,* Regensburger Postila: da reče *zvanim Pridite,* Vramec: da reče *zvanim, Pridete,* Luther: zu sagen den *geladenen, kompt.* Petretić — Krajačević halten sich in diesem Falle ganz an die Vulgata: *povedati* zvanem, da bi došli (98). Ich erwähne noch eine charakteristische und beweisende Stelle, wo der Text des Lectionariums und des glagolitischen Neuen Testamentes in der Regensburger Postila nach der Vulgata verdorben worden ist. Luk. XIV, 20: Et *alius* dixit = *A treti* reče. Lect., N. Test. glag., der *dritte* Luther, I *drugi* reče Regens-

Behauptung, auf der Murinsel sei im 16. Jahrh. nicht kajkavisch, sondern čakavisch gesprochen worden, weil Graf Juraj Zrinski daselbst Urkunden „in einem reinen und schönen" čakavischen Dialekt ausgestellt hat, ist ganz verkehrt; die aus čakavischen Gebieten stammenden Zrinski hatten einfach Schreiber aus dem kulturell höher stehenden kroatischen Küstenlande, wo die Volkssprache schon lange geschrieben wurde.

burger Postila und Vramec nach *alius* der Vulgata, was aber eine Wiederholung ist von V. 19 Et *alter* dixit = A *drugi* reče. Kann es hier einem Zweifel unterliegen, daß Vramec von der Regensburger Postille abhängig ist?

Natürlich wäre es wünschenswert, noch mehr Evangelienstücke so zu vergleichen, namentlich die Abweichungen Luthers von der Vulgata, und Vramecs Abhängigkeit von den protestantischen Vorgängern auch durch Fehler, die immer das sicherste Kriterium bilden, nachzuweisen. Doch wer schon zwei Sonntagsevangelien (das erste habe ich nicht einmal vollständig abgedruckt) so gründlich abgeschrieben hat, unterzog sich der Mühe einer vollständigen Neuübersetzung auch nicht bei den andern. Geradezu köstlich ist der Einwand Fancevs, daß sich Vramec nicht einmal für den ersten Teil seiner Postila der Regensburger Vorlage bedienen konnte, weil er sich an den Cursus almae Ecclesiae Zagrabiensis hielt (549), in dem die Ordnung der Evangelien vielfach eine andere ist. Man muß doch Vramec so viel Verstand zumuten, daß er die betreffenden Evangelienstücke auch an anderen Orten ausfindig machen konnte, überdies lagen aber alle Evangelien in dem glagolitischen und cyrillischen Neuen Testament vor, im äußersten Fall kann er auch einige selbst übersetzt haben. Wir wären Fancev sehr dankbar, wenn er das nachweist und dabei zeigt, wie sich Vramec seiner Vorlage bediente und wie er selbständig übersetzte.

Es ist natürlich höchst wahrscheinlich, daß Vramec auch die Erklärungen zu den Evangelien, die den Kern einer Postille bilden, in ähnlicher Weise benützt hat, doch sagte ich selbst, daß dies erst bewiesen werden müßte, was bei der Seltenheit und Zerstreutheit der beiden Teile der Postillen von Vramec und Regensburg und ihrer Vorlagen keine leichte Aufgabe sein wird. Mit Sehnsucht sehe ich solchen Untersuchungen entgegen, bleibe aber schon auf Grund des hisberigen Materials bei der Überzeugung, daß die slovenische und die čakavisch-kroatische protestantische Literatur auch zur Schreibung des kajkavischen Dialektes einen starken Anstoß gegeben hat, daß Vramecs Postila von ihr hervorgerufen wurde und deren Evangelientexte unbedingt von ihr abhängig sind, und daß das erste kajkavisch-kroatische Evangelistar der Gegenreformation, wie bereits Jagić gezeigt hat, unbedingt auf Vramec und daher auch auf der protestantischen Literatur beruht. So wird auch immer mehr ver-

ständlich, warum Vramecs Postila auf solche Gegnerschaft stieß,[1]) und warum Petretić-Krajačević ihre Quelle ganz verschwiegen und sogar behaupteten, daß die Evangelien bisher kajkavisch-kroatisch „in würdiger Weise" (slovenskim jezikom *dostojno* štampanih) nicht gedruckt worden seien. Die Zeitgenossen und Petretić-Krajačević wußten ganz gut, daß Vramec von der protestantischen Literatur allzusehr abhängig war. Ebenso können Petretić-Krajačević mit der Sprache Vramecs, die weder einheitlich noch rein kajkavisch war, nicht einverstanden gewesen sein. Dieser sprachliche Dualismus, der bei Vramec viel stärker ist als bei Pergošić, wie F. Fancev selbst festgestellt hat,[2]) findet ebenso seine natürliche Erklärung in der unmittelbaren Abhängigkeit von der protestantischen Postille.

Über die Aufgaben der künftigen Forschung kann ich mich ganz kurz äußern, da ich im Laufe meiner Ausführungen genug Wünsche und Winke vorgebracht habe.

Vor allem möchte ich den Wunsch nach einer weiteren Durchsuchung deutscher und anderer Bibliotheken wiederholen, da wir höchstwahrscheinlich noch nicht alle südslavischen protestantischen Drucke kennen, von anderen aber nur Unikate. Daß solche Nachlesen nicht aussichtslos sind, habe ich gleichfalls gezeigt.[3]) So ist es zum Beispiel fraglich, ob die nach Reutlingen, Memmingen, (in Kempten fand ich eine cyrillische Postille), Lindau und Kaufbeuren geschickten Exemplare doch nicht irgendwo verborgen sind. Bloße Anfragen führen gerade in kleineren Orten nicht immer zum Ziel. So kündigte ich zum Beispiel in einer größeren wohlgeordneten Herrschaftsbibliothek in Böhmen meinen Besuch mit dem Seminar für slavische Philologie an und bat im voraus um die Aushebung zweier daselbst aufbewahrter südslavischer protestantischer Drucke, aber sie konnten nicht ausfindig gemacht werden und niemand wußte etwas davon. Die alten Kataloge wurden nach anderen Gesichtspunkten angelegt und heute ist die Bibliothek einem Pensionisten anvertraut, der von solchen Raritäten nicht leicht etwas wissen kann. Wie Schlägl in Oberösterreich können auch andere Kloster- und sonst wenig bekannte Bibliotheken irgend ein Werk erhalten

[1]) S. Slavia IV., 522—523.
[2]) Archiv f. sl. Phil. XXXI, 380, XXXIII, 50, 52.
[3]) S. Slavia IV., 516—517.

haben. In Polen müßte in den Bibliotheken Umschau gehalten werden, in denen sich Bücherschätze der Radziwill und anderer Anhänger der Reformation erhielten, die mit Süddeutschland Beziehungen hatten.

Ich mache weiter aufmerksam, daß der erste slovenische katholische Katechismus von Pachenecker (Graz, 1574),[1]) ein von Jesuiten herausgegebener kleiner Katechismus mit Holzschnitten (Augsburg, 1615) und die ersten Übersetzungen des Katechismus des Canisius von dem Jesuiten Johannes Čandek (Tschandik, Tsandek) bisher nicht bekannt sind.[2]) Für Bibliographen erwähne ich, daß die slovenische Literatur ein fachmännisches Werk besitzt von Franz Simonič,[3]) die kroatische Bibliographie von I. Kukuljević ist aber weder vollständig noch verläßlich,[4]) Sime Ljubićs biographisch-bibliographische Literaturgeschichte[5]) ist unübersichtlich und bibliographisch nicht genau, bei den Serben existiert aber eine Bibliographie über die älteren cyrillischen Drucke überhaupt nicht. Das beste, aber nicht vollständige Nachschlagebuch ist noch immer Šafaříks Geschichte der südslavischen Literatur. Die Bibliographie des Jesuitenordens von Carlos Sommervogel[6]) ist zwar von den Slavisten noch nicht genügend ausgenützt worden, hat aber viele Mängel, denn der Verfasser benützte nicht Kukuljević und Ljubić, bringt viele Titel nicht im Original, druckt die Originaltitel mit Fehlern ab, verweist im Index unter Kroatisch zwar auf Illyrisch, trennt aber dieses von Dalmatisch, „Slavon" ist ihm sogar „Tout slave", obwohl sclavonice offenbar dasselbe bedeutet wie Illyrisch.[7]) Bei B. Kašić verzeichnet er[8]) 16 gedruckte Werke (Stojković 17), erwähnt aber nicht die ungedruckte Übersetzung der ganzen Heiligen Schrift.

Ein dringendes Bedürfnis sind Neudrucke,[9]) am besten anastatische oder Manuldrucke oder auch photographische Reproduktionen einzelner Werke, namentlich der Unika, zum min-

[1]) S. Slavia IV., 501, Anm. 1.
[2]) J. Grafenauer, Kratka zgodovina slovenskega slovstva, 67.
[3]) Slovenska bibliografija, izd. Slovenska Matica, v Ljubljani, 1903—1905.
[4]) Eine neue wurde schon von J. Kostrenčić vorbereitet.
[5]) Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske, I (kommt wenig in Betracht), II. Riečki, 1864, 1869.
[6]) Bibliothèque de la Compagnie de Jésus.
[7]) S. o. 281 f.
[8]) O. c. IV., 936.
[9]) Einen entsprechenden Antrag stellte ich beim Daničić-Jubiläum in Belgrad im Oktober 1925.

desten für einige Bibliotheken, in denen eine größere Anzahl von Originaldrucken zum vergleichenden Studium vorhanden ist. In Jugoslavien würde sich dazu am besten die Studienbibliothek in Laibach eignen. Wünschenswert sind auch kritische Ausgaben nach allen Drucken (glagolitischen, cyrillischen, lateinischen), wobei nur die wichtigeren Varianten zu berücksichtigen wären, die rein graphischen aber durch genaue und erschöpfende Studien in der Einleitung abgetan werden könnten. Die Akademien von Beograd und Zagreb und die Gelehrte Gesellschaft in Laibach erwarten schöne Aufgaben auf diesem Gebiet der Sprach- und Literaturgeschichte.

Die Nachrichten über den Aufenthalt der südslavischen Protestanten in Deutschland sind vielfach lückenhaft. Namentlich über Trubars Stellung und Tätigkeit in Rothenburg a. d. T. sind wir wenig unterrichtet, doch versichert mich Professor A. Schnizlein,[1]) der die Akten des dortigen Archivs, soweit sie die Kirchen- und Schulgeschichte betreffen, gut kennt, daß ihm der Name Truber gar nicht aufgestoßen ist. Die Direktion des K. bayerischen Kreisarchivs Nürnberg, das Bestände der früheren Reichstädte Nürnberg und Rothenburg a. d. T. enthält, konnte mir nur einige Notizen über Stephan Konsul und zwei Schreiben desselben (die Unterschrift auf dem zweiten Stephanus Istereicher kommt auch in den deutschen Vorreden seiner Drucke vor) ausfindig machen.[2])

Nicht ganz aufgeklärt sind wir darüber, warum man in Württemberg „die erste Bibel- und Missionsanstalt" Deutschlands, wie das Unternehmen Ungnads mit Recht genannt wird, eingehen ließ. Allerdings war dasselbe von seiner Tatkraft und Geldunterstützung abhängig, aber Hans Ludwig Freiherr von Ungnad und seine Gebrüder waren zu weiteren Geldunterstützungen bereit, wie ihr Sendschreiben vom 12. August 1565 an den Bürgermeister und Rat der Reichstadt Kaufbeuren beweist,[3]) von dem Bučar[4]) mit Recht vermutet, daß es auch an andere deutsche Städte und Fürsten geschickt worden ist. Man hatte ja noch große Pläne und wollte auch die ganze Bibel

---

[1]) In einem Schreiben vom 10. I. 1923.

[2]) Ich beholte mir deren Veröffentlichung vor, fühle mich aber verpflichtet auch schon an dieser Stelle dem Herrn Archivdirektor Altmann für seine Nachforschungen meinen Dank abzustatten.

[3]) I. Kostrenčić, Urkundlich Beeiträge 229.

[4]) Povjest hrv. prot. knj. 225.

serbokroatisch in allen drei Schriften herausgeben, und Herzog Christoph war noch im Sommer 1564 sehr zufrieden, „daß diß hochnutzlich Werck der Crabatischen, Zirullischen und Servischen Sprachen des allein seeligmachenden Worts Gottes also von statten geet",[1]) was um so mehr ins Gewicht fällt, da er mit der Versendung italienischer Bücher von Basel aus nach Italien und gar mit dem Druck des Alten und Neuen Testaments in italienischer Sprache nicht einverstanden war. Trotzdem meldeten sich St. Konsul und A. Dalmatin am 2. März 1566 beim Herzog Christoph in Stuttgart ab und baten um ein Wohlverhaltungszeugnis, das sie noch an demselben Tage erhielten.[2]) Offenbar war der Herzog darauf schon vorbereitet, aber wir erfahren nichts darüber und über die Motive der handelnden Personen.

Beachtenswert ist die Erwähnung von Basel, wohin St. Konsul im Sommer 1564 geschickt wurde, um die bereits fertigen italienischen Bücher nach Italien zu versenden. Diese Stadt spielt eine bisher noch nicht aufgeklärte Rolle auch in der Geschichte der südslavischen Protestanten, denn es ist ein Sendschreiben des Rektors und der Regenten der Hohen Schule zu Basel an Ungnad (27. I. 1564) bekannt und die Universitätsbibliothek von Basel bewahrt noch heute eine auffallend große Zahl serbokroatischer protestantischer Drucke (15, um einen mehr als Tübingen und Wien, ebensoviele Laibach, Dresden weist 19 auf).[3]) Um diese Zeit hielten sich in Basel besonders viele Polen aus den hervorragenden Adelsgeschlechtern auf und sammelten sich um die berühmten Humanisten Curione (lateinische Literatur) und Castellio (griechische Literatur), welche dazu beitrugen, daß viele reformatorische Italiener in Polen Zuflucht fanden,[4]) um das Chaos der dortigen protestantischen Sekten zu vermehren. Da Basel bei den katholischen und protestantischen Orthodoxen nicht gut angeschrieben war, wird es auch begreiflich, daß es Herzog Christoph für einen Stützpunkt seiner Propaganda nicht geeignet hielt.

Ich habe wiederholt aufmerksam gemacht, welche Fülle von sprachlichen, literarhistorischen, religions- und kulturhisto-

---

[1]) Schnurrer, Slav. Bücherdruck 67, 11.

[2]) Ib. 73.

[3]) Bučar o. c. 244.

[4]) Stanisław Kot, Polacy w Bazylei za czasów Zygmunta Awgusta, in seiner Zeitschrift Reformacja w Polsce, rocznik I. (1921), 105—133.

rischen Aufgaben und Problemen die südslavischen protestantischen Drucke in sich bergen. Es ist wünschenswert und geradezu naheliegend, daß sich auch die deutsche Forschung dem Studium dieser interessanten Episode im deutschen Kulturleben wieder zuwende; namentlich den Slavisten bieten die deutschen Bibliotheken wertvolle Bücher als Ersatz für fehlende slavische Handschriften. Speziell von deutschen Forschern kann man auch ein näheres Eingehen auf den Inhalt der gesamten südslavischen protestantischen Literatur und eine endgültige Würdigung des besonnenen, seiner Zeit vorauseilenden Trubar erwarten, der ein merkwürdiges Gegenstück des unruhigen, in den Kämpfen seiner Zeit ganz aufgehenden M. Flacius Illyricus bildet. Zu den Aufgaben der deutschen Wissenschaft würde ich auch eine Sammlung und einen Wiederabdruck der namentlich kulturhistorisch hochinteressanten deutschen Vorreden der südslavischen Protestanten zählen, selbstverständlich mit Berücksichtigung der slovenischen und serbokroatischen.

Natürlich werden die Südslaven selbst beiden Perioden, namentlich auch der bisher vernachlässigten Gegenreformation, noch mehr Aufmerksamkeit schenken müssen, denn es stellt sich deutlich heraus, daß auch diese in der Kulturgeschichte der europäischen Menschheit bedeutende Epoche im slavischen Süden tiefe Spuren hinterlassen hat. Die historische Wahrheit bleibt immer eine gute Lehrmeisterin und mehr Sinn und Verständnis für die Arbeit vorangehender Generationen und für sprachliche und literarische Tradition wird auch der Gegenwart und Zukunft gute Dienste leisten.

Nachwort.

Als ich in Graz Vorlesungen über die Geschichte der südslavischen Literaturen hielt, fiel es mir auf, daß die Perioden der Reformation und Gegenreformation in der Entwicklung des geistigen Lebens der Südslaven zu wenig berücksichtigt und noch weniger richtig gewürdigt werden. Wie und wo ich diesem Mangel abhelfen wollte, ist oben (IV. S. 499) in der ersten Anmerkung gesagt. Die ersten Kapitel dieser Schrift wurden daher bis 1916 zum größten Teil in Graz geschrieben und jetzt für den Druck in der „Slavia" ergänzt, behielten aber stark den Charakter einer gedrängten Einleitung bei. Außerdem ist die Reformation

mehr bekannt und die Literatur über sie leichter zugänglich als dies bei der Gegenreformation der Fall ist, die daher breiter behandelt werden mußte. Im Laufe der Zeit entschloß ich mich, auch manches auszuführen, was zuerst nur angedeutet wurde. Verschiedene Ungleichmäßigkeiten sind daher durch die Entstehung der Schrift zu erklären. Dazu gehören auch die Namen, die nicht immer konsequent in der richtigen slavischen Form geschrieben werden. Rücksichten auf die Tradition und weitere Kreise, denen meine Aufsätze von Anfang an dienen sollten, können auch nicht leicht mit den Anforderungen vereinigt werden, die an eine Abhandlung für slavische Philologen zu stellen sind, bei denen vieles als bekannt vorausgesetzt werden kann. Deshalb geriet auch manches in Anmerkungen, was im Text stehen könnte. Überdies leitete mich dauernd das Streben nach Kürze. Ich muß daher eine größere Anzahl von Anmerkungen besonderer Aufmerksamkeit empfehlen, da sie oft Wesentliches enthalten, allerdings auch nur andeuten, weil nicht alles behandelt werden konnte, was zum Gegenstand in irgend einer Beziehung steht. Man vergleiche z. B. meine Bemerkungen (O. 77, Anm. 4) über die Verbreitung der Sprache Luthers durch Jesuiten in oberdeutschen Schulen, die zur Wirksamkeit des Ordens bei den Südslaven sehr gut passen würde, oder meine Behauptung, daß von den Heroen der slavischen Philologie nur Kopitar eine richtige Vorstellung vom Verhältnis zwischen Kroaten und Serben hatte, worüber man eine ganze Abhandlung schreiben könnte, während ich mich nur auf zwei Anmerkungen stütze (S. 514, Anm. 4).

Herrn Dr. Fr. Bučar, Gymnasialprofessor in Zagreb (Agram), und den Herren Dr. Fr. Kidrič und Dr. Fr. Ramovš, Professoren an der Universität in Ljubljana (Laibach), danke ich für Winke und Angaben im VI. Kapitel.

Zusatz. Diese Aufsätze aus Slavia IV., Heft 3—4 und Slavia V., H, 1—4, erscheinen als Sonderabdruck in Carl Winters Universitätsbuchhandlung, Heidelberg 1927.

M. Murko.

Посошков и Крижанич в их общественно-политических воззрениях.

Сочинения Посошкова, как давно уже отмечено исследователями, представляют причудливое сочетание старины и новизны. В одних отношениях и в одних вопросах Посошков является убежденным сторонником преобразований и, вообще, всякого движения вперед, в других — он оказывается, наоборот, противником новшеств и горой стоит за старый, веками сложившийся уклад жизни. Эта смесь прогрессивного и консервативного элементов обусловлена, прежде всего, обстоятельствами и духом времени, но еще больше — складом ума и характера и, вообще, миросозерцанием Посошкова. В преобразовательную эпоху кроме людей, которые приветствуют всякое нововведение, всякую реформу, чего-бы она ни касалась, и таких, которые ко всякой реформе относятся отрицательно и ничем из старого не хотят поступиться, всегда оказывается еще группа людей, занимающих среднее положение. Они признают необходимость движения вперед, одобряют преобразования и, может быть, сами их предлагают, но в то-же время есть такие стороны жизни, в которых старина представляется им священною, и которые они ревниво оберегают от всяких новшеств. В преобразовательную эпоху только более ярко, может быть, сказывается различие этих миросозерцаний, но и во всякое другое время находятся люди, по самой натуре своей склонные к такому среднему пути. Таким и был Посошков.

В этом отношении есть большое сходство между ним и Крижаничем. С первого взгляда кажется — что́ может быть между ними общего? Один — чужой человек в России, другой вышел из самой глубины русского народа; один — католик, мечтающий об унии, другой — человек вполне православный и даже, на заре своей жизни, склонный к старообрядчеству; один получил законченное европейское образование, владеет многими языками, много путешествовал, другой — самоучка,

никогда не выезжавший из пределов России, да и в России-то знавший хорошо только один небольшой край. И, тем не менее, между ними много общего.

Жили они, в сущности, в одну и ту-же эпоху. Отделяет их друг от друга всего только одно поколение. Когда, в 1659 г., Крижанич сорокалетним человеком приехал в Москву, Посошкову было 6—7 лет, и он даже мог случайно видеть на улице его странную на русский взгляд фигуру. Близость преобразований уже чувствовалась во время Крижанича; нельзя было только предвидеть, что они пойдут таким быстрым ходом. Неудивительно, что обоих привлекают одни и те-же темы, и взгляды их во многом оказываются сходными. В области религиозно-церковных вопросов тот и другой являются непримиримыми противниками раскола: Крижанич пишет Обличение Соловецкой челобитной, Посошков — Зеркало очевидное. В сфере экономической оба требуют покровительства отечественной торговле и восстают против засилия иностранцев, и в этом смысле оказываются сторонниками меркантильной системы. Но оба переросли меркантилизм и высказывают взгляды, роднящие их с физиократами и даже с промышленной теорией конца XVIII века. Так напр. и Крижанич, и Посошков говорят почти одними и теми-же словами, что благосостояние крестьянского сословия есть основа государственного благосостояния, и оба настаивают на необходимости развития производительных сил страны. Оба уделяют большое внимание вопросам, связанным с устройством войска; наконец оба горячо стоят за распространение образования. И во всех этих вопросах сходство между обоими мыслителями выражается не только в общем и главном, не только в принципиальной постановке вопросов, но и в ответах на них, иногда — в мелких, совершенно незначительных подробностях. При этом Крижанич — совершенно также, как Посошков, занимает середину между стариной и новизной, в иных случаях склоняясь к одной, в других — к другой. В своих „Разговорах“ он помещает особую главу „О суеверии старинников или о старине и новизне“, где развивает свою мысль о золотой середине, о среднем пути и подробно обсуждает, где и в какой мере допустимы заимствования и преобразования.[1])

---

[1]) В. Вальденберг. Госуд. идеи Крижанича стр. 221 и след., 275 и след.

При такой близости взглядов Посошкова и Крижанича естественно задаться вопросом: простирается-ли эта близость также и на область политики? Можно-ли подметить параллельность в их политических воззрениях?

Прежде всего, сходство между ними в основной точке зрения, которая определяет все вообще их политические суждения. Это — государственный абсолютизм, взгляд на государство, как на всеобъемлющую организацию, для которой нет ничего невозможного или запретного, которая охватывает всю решительно жизнь человека во всех ее самых разнообразных проявлениях и не оставляет ему ни одного уголка, где он был-бы хозяином и мог-бы не опасаться вторжения государства. Государству до всего дело, оно за всем смотрит, во все вмешивается. С этим связывается и вера в силу приказа. Где-бы власть ни подметила какой-нибудь непорядок, достаточно издать соответствующее повеление, соответствующий закон — достаточно запретить или выставить надлежащие правила, и дело сделано. В „Разговорах об владательству", Крижанич говорит решительно обо всем: способ выделки кож, чистота языка, собственные имена, прическа волос, одежда, меры против неурожаев, астрология и пр. и пр. Все это государство должно урегулировать, и все это может быть урегулировано только распоряжениями государства, а не свободной деятельностью самого народа. Совершенно также Посошков. Хотя в своей книге „О скудости и богатстве" он поставил себе вполне определенную тему экономического характера, но говорит он здесь о самых разнообразных предметах: о духовенстве, о вере и церкви, о школах, о больницах и богадельнях и т. д. И о всем этом »Его Императорское Величество должно соизволить«: не только быт духовенства государь должен устроить, не только предписать архиереям, кого ставить в священники, но и »Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположенiемъ«.[1]) В этом отношении оба они нисколько не расходятся с воззрениями своего времени, когда и на Западе процветала теория полицейского государства, и в России государственная власть в лице Петра считала для себя все возможным. Да и раньше,

[1]) О скудости и богатстве. Пам. русской истории под ред. А. Кизеветтера, М. 1911 стр. 5.

правительство царя Алексея Михайловича стояло, в сущности, на той-же точке зрения. Иного взгляда трудно было-бы и ожидать. Общественной самодеятельности еще не было, а в пору, когда правительство открыто и решительно стало на сторону преобразований, которых одни не понимали, и которым другие не сочувствовали, всего менее можно было ожидать общественного усовершенствования путем внутреннего процесса перемены нравов. Древняя Русь, впрочем, знала другие воззрения на задачи государства. И до Крижанича не было недостатка в учениях, которые подчиняли государству все разнообразные цели человеческой жизни. Так, Иосиф Волоцкий считал, что правительство должно »все обладаемое отъ треволненія спасати и соблюдати, и отъ нужа и скорби и отъ бѣдъ избавляти«;[1]) митр. Даниил видел задачу государства в том, чтобы »снискати яже ко благополучію всѣхъ сущихъ подъ нимъ«;[2]) Максим Грек определял эту задачу еще шире, как »устраяти житейская«.[3]) С другой стороны, заволжцы отстаивали свободу духа и высказывались против вмешательства государственной власти в церковное управление, а вопросу о еретиках они давали такую постановку, которая делала ненужной заботу государства о чистоте веры.

Таким образом, Крижанич и Посошков примкнули к одному из существовавших в древней Руси направлений общественной мысли — к тому направлению, которое можно считать наиболее распространенным и до известной степени господствующим. Но они не просто к нему примкнули, а значительно его развили и сделали гораздо более определенным. До них абсолютизм выражался в общих формулах, которые только своей общностью свидетельствовали о широком понимании государственных задач, а по обстоятельствам времени они имели целью выдвинуть одну определенную задачу, именно указать, что государству подчинены не одни мирские дела, но также дела веры и церкви. Крижанич-же и Посошков не ограничиваются одними формулами; все их изложение, в котором они рассматривают одну за другой самые разнообразные стороны общественной жизни и выставляют

---

[1]) Послание к дмитровскому князю Юрию Ивановичу. Доп. А. И. I. № 216.

[2]) Слово к благохотящим царем. В. Жмакин, Митрополит Даниил. 1881. Прил. стр. 70.

[3]) Главы поучительны к начальствующим правоверно. Соч. т. II.

конкретные проекты указов и законов, свидетельствуют об абсолютизме их политических воззрений. При этом они говорят о деятельности государственной власти не только в области религиозной, но и в отношении общественных нравов, науки, внешнего уклада жизни и т. д.

Другой пункт, где сходятся Посошков и Крижанич, это — идея правды, как выражение нравственного начала в государстве. Для них государство не есть только организация, которая должна устроить благополучие человека, не есть только механизм для распределения земных благ или »страховой союз взаимной защиты;« всего менее склонны они видеть в государстве простую организацию властвования одних над другими: власть сама по себе не оправдывает государства, но сама еще должна быть наперед оправдана, и то, что может ее оправдать, и есть правда. »То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство«, говорит Посошков, »аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію имутъ жить«. То-же говорит и Крижанич. »Какова суть та кралевская хвалы достойная дѣла, по коихъ ся добываетъ вѣчная слава въ послѣдующихъ временехъ? Ни храбро-ли воеваніе и новыхъ державъ обладаніе? Ни, наименѣ.« И между »повинностями« царя, или задачами государства он ставит на первом месте богочестие и правду.[1]) Однако в понимании этой темы и в ее развитии можно подметить между ними довольно значительное различие.

В воззрениях Крижанича правда составляет очень важную сторону государства, но она не выделяется значительно из ряда других задач, не господствует над ними и не определяет их собою. »Кралево настояніе есть богочестіе, правда, покой и обиліе, илити вѣра, судъ, миръ и дешевина. То четверо мораетъ всякій краль своему людству промышлять, и на то го есть Богъ кралемъ поставилъ«.[2]) В другом месте он указывает четыре »столпа« или основания государства: богочестие, благо, силу и мудрость. Здесь правда даже совсем отсутствует; ее заменяет мудрость, которая, однако, в полити-

[1]) О скудости стр. I. Русское Государство в половине XVII в., I. стр. 386.

[2]) Русское Государство I. стр. V.

ческом учении Крижанича имеет совершенно другое значение и не совпадает с правдой. Но и в той формуле, где упоминается правда, она занимает положение совершенно равноправное с другими задачами: правда не более важна для государства, чем обилие, т. е. возможно полное удовлетворение материальных потребностей, и покой, т. е. установление внутренней и внешней безопасности. И первые параграфы своего большого труда о государстве Крижанич, что чрезвычайно показательно, посвящает не учению о правде, а рассуждениям о торговле, ремеслах, земледелии, горном деле, устройстве войска и т. д. Мы даже не найдем у него отдельной главы или параграфа, где-бы говорилось специально о правде. Она как-то затерялась между другими вопросами, более практическими или более широкими, хотя, с другой стороны, нужно признать, что весь его труд од начала до конца проникнут живой верой в правду, в ее святость и вечность. Совершенно иначе говорит о правде Посошков. По его воззрениям, о правде надлежит заботиться прежде и больше, чем о чём-бы то ни было ином; и с другой стороны, правда является условием, обеспечивающим осуществление всех остальных задач, лежащих на правительстве. »Паче вещественнаго богатства надлежитъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ; правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ«. И далее Посошков говорит: »Самъ бо Господь рекъ: »ищите прежде царства Божія и правды Его; и прирече глаголя: яко вся приложатся вамъ, то есть, богатство и слава. И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; и егда правда въ насъ утвердится и твердо вкоренится, то неможно царству нашему Россійскому не обогатитися и славою не возвыситися«. Правда, следовательно, есть условие и основа народного богатства. Не общественный, не экономический вопрос лежит в основе политической проблемы, а, на-оборот, разрешение общественного вопроса зависит от того, как будет разрешена политическая проблема. С этой точки зрения экономические отношения не суть результат действия каких-то

самопроизвольных сил, которые чрез посредство этих отношений оказывают влияние на строй политических отношений или даже предопределяют его; напротив, экономические отношения Посошков рассматривает, как результат планомерной деятельности государства, и от того, лежит ли в основе его нравственное начало правды, зависит, будет ли эта задача розрешена государством удовлетворительно. Справедливое распределение народного богатства обусловливается тем, насколько действенно начало правды в государстве.[1])

Содержание идеи правды у Крижанича и Посошкова тоже невполне совпадает. Древнерусской литературе эта тема также была известна; приблизительно с XIII века много встречается памятников, где говорится о правде. И большей частью, если не исключительно, она означает правый, справедливый суд. Так, „Слово о судиях и властелех" говорит о князьях: »князи мира сего правда«, и обращается к ним и к поставленным ими судьям с увещанием: »служители есте царства и не судисте въ правду, ни сохранисте закона и въ повелѣніи Божіи не пребысте.« Тоже читаем и в Слове Сирахове: »почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите; како-ли не судите по праву, но злата дѣля погубляете истину«. Князь рисуется здесь, как источник правды, и потому является ответственным не только за себя, но и за своих тиунов. При этом нравственная, практическая правда отожествляется — совершенно так же, как уже в греческой этимологии — с теоретической истиной: судить в правду значит — не погубить истину, т. е. не скрыть ничего из того, что в данном деле заключается.

У Крижанича правда есть также выражение религиозного начала; она вытекает из требований веры и даже совпадает с ее нравственной стороной. Царя, говорит он, связываетъ правда или заповѣдь Божія и почтеніе или »срамъ людской«, т. е. общественное мнение.[2]) И так же, как в древне-русской письменности, для него правда осуществляется, прежде всего, в суде и выражается в форме право-

[1]) Следовательно, только с оговорками можно принять мнение Брикнера, будто по взгляду Посошкова вещественным богатством обусловливается нравственное и умственное развитие. Ж. М. Н. П. 1875 г. 181 стр. 67. Ср. того же автора Мнения Посошкова о судопроизводстве и законодательстве. Русск. В. 1879 т. 141 стр. 502, 504.

[2]) Русское Государство I стр. 271.

судия. Он приводит слова из Книги Премудрости Соломона — те самые, которыми воспользовался и автор „Слова о судиях": »нѣсте праведно судили, нить обдержали закона праведнаго«. Ивану Грозному он ставит в вину, что он уничтожил »праведные суды« и ввел судебные пошлины в пользу казны — »пресуды и десятины«, что̀ явилось источником неправды. так как судьи для увеличения доходов казны стали осуждать невинных; и мы, прибавляет Крижанич, »не престаемъ правды бить и затирать«.[1]) Но наряду с этим у него есть и более широкое понимание правды, по которому областью ее применения является не только суд, но и управление во всем его объеме. Выражением правды в этом смысле является вообще »добро законоставіе«, а нарушением ее — всякого рода обиды и тяготы, чинимые народу, в особенности — чрезмерные и неравномерные налоги. Поэтому монархию, в противоположность тираннии, он называет »праведным кралеством«, тиранния же, напротив, есть »людодерство« т. е. притеснение народа. »Первая и наивящая отъ всѣхъ слободинъ есть правда. Особито хочемъ, да ся никаковыя общия обиды не чинятъ и да никто не будетъ могелъ нашимъ кралевскимъ именомъ людства ни къ каковой тяготѣ приганять, безъ выразного нашего кралевского указа«. В широком смысле, следовательно, правда представляет идеальные нормы справедливости, сообразно которым должны быть устроены отношения между властью и народом. Устроить их так есть дело власти. Это она должна заботиться о добром законоставии; а по проэкту Крижанича, главную часть этого законоставия образуют слободины, т. е. такие права населения, которые делали бы невозможным его угнетение. От имени царя Крижанич говорит: »Таковыхъ привластій мы нить по правдѣ можемъ, нить хочемъ потерть«.[2])

Воззрения Посошкова на правду представляют дальнейшее развитие идеи. Он тоже примыкает к древнерусской письменности, и разумеет под правдой, главным образом, правду судебную или правосудие. »Наипаче всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранити не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорити, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья

[1]) Русское Государство I, 263—4, 293—4.
[2]) Русское Государство I, стр. 281, 302—303; II стр. 32, 56, 58.

никогда не говорилъ бы«.[1]) Так же, как Крижанич, он расширяет понятие правды, так что она совпадает у него с задачами управления вообще. Благосостояние народа немыслимо без насаждения правды, т. е. без уничтожения всякого рода обид и тягот, от которых страдает население. Надобно беречь людей т. е., во-первых, охранять их от обид, а затем, с уважением относится к личности человека, признавать за каждым его внутреннюю, собственную ценность. »Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ . . . того ради у нихъ люди и богаты зело«. В особенности »надлежитъ крестьянство беречи, понеже . . . крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣніе царственное«. Сходство с Крижаничем выражается и в том, что финансовое управление, организацию податного обложения Посошков считает тою областью, где преимущественно должна проявиться правда, и где ее отсутствие особенно ощутительно. »В собраніи царского сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирати, а царства бы его не разоряти«.[2])

Но Посошков существенно расходится с Крижаничем в понимании того, каким путем правда может получить свое осуществление в жизни и из идеи стать действительностью. В то время, как Крижанич возлагает обязанность блюсти правду исключительно на государственную власть и думает, что одной деятельности правительства может быть совершенно достаточно, чтобы вся жизнь государства, во всех ее разнообразных проявлениях, проникласъ правдой, — Посошков ставит вопрос гораздо шире. В этом пункте его абсолютизм не идет так далеко: он не считает власть в такой мере всесильной. Чтоб добиться торжества правды, чтобы государственные отношения были, действительно, проникнуты правдой, одних мероприятий правительства, по его убеждению, мало: нужно, чтобы все общественные классы, все, какие только есть, группы и слои населения сами стремились к правде и были одушевлены ею. Нужно, чтобы они старались построить на правде все отношения, как внутри группы, так и к другим группам, в частности же необходимо, чтобы то занятие, тот вид труда, который принимает на себя данный

[1]) О скудости стр. 19 и 33. Ср. стр. 37.
[2]) О скудости стр. 2, 30, 81—82, 89.

класс, и в форме которого выражается его участие в устроении народного блага, производилось во всех отношениях согласно с идеей правды. Поэтому-то Посошков говорит, что государство Российское может процветать только при том условии, если »правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ насадится и твердо вкоренится, и вси яко богати, тако и убозіи между собою любовію имутъ жить«. А затем, в соответственных главах он говорит о правде в отношении к каждому сословию отдельно — купечеству, крестьянству и проч.[1]) Достичь ее односторонней деятельностью правительства, конечно, нельзя: нужна еще собственная работа над собой каждого сословия. Это, несомненно, новая мысль, и она-то и составляет то дальнейшее развитие, которое получила у Посошкова идея правды.

Затем оба мыслителя опять сходятся. Они не находят правды на Руси, или, вернее, они видят, и очень ясно видят, неправду в русской государственной и общественной жизни. Много страниц у того и у другого наполнено изображением этой неправды. Посошков говорит, главным образом, о неправде в суде, о неправосудии — к нему относится его замечание, что »у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла«; но много метких замечаний разбросано у него о господстве неправды и во всех других частях правительственного механизма, а также и в самом обществе. Крижанич останавливается преимущественно на неправде в системе финансового хозяйства, на людодерстве, как он называет эту систему, и в чрезвычайно мрачных красках рисует тяготы, которые приходится от нее терпеть населению. Но он говорит и вообще о »неумѣркованомъ, крутомъ владанію«, о беззакониях судей и приказных, которые живут »изъ продаванія правды«. При этом Посошков значительно резче, чем Крижанич, подчеркивает противоречие между высотой исповедуемой Русью правды и грубой неправдой, укоренившейся в русской жизни. В этом отношении он близко подходит ко многим русским писателям. Указанное противоположение встречаем в посланиях старца Филофея, в грамоте арх. новгородского Феодосия к Ивану Грозному, где он говорит о царском многоочитом уме, который »содержитъ твердо добраго закона

[1]) О скудости стр. 1, 50, 51, 62, 76.

правило«, противополагает его »беззаконія потокамъ« и выражает надежду, »да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія«.[1]) В особенности же напоминает Посошков Пересветова. »У насъ«, говорит он, »вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная«.[2]) Это — совсем как у Пересветова: »вѣра христіянская добра, всѣмъ сполна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ«.

Заметим еще любопытную черту. В древней русской письменности любили сопоставлять русскую неправду с правдой, будто бы уже осуществленной у других народов. С сознанием своего достоинства выставляли чистоту православия и высоту его нравственных идеалов и, в то же время, смиренно, с сокрушением сердечным и с горечью обиды признавались, что другие народы стоят впереди народа русского в практическом осуществлении правды. Уже Максим Грек восклицал: »Гдѣ у латыномудренныхъ онѣхъ обрящеши сицевъ образъ неправосудія, яковъ же нынѣ есть дерзаемъ у насъ православныхъ«? И, кажется, Максим Грек стал первый сравнивать Россию в этом отношении не только с латынскими народами Запада, но и с неверными магометанами. Он находил »у невѣрныхъ Божіе повелѣніе и оправданіе, еже о судѣ«.[3]) В устах Максима это сопоставление вполне понятно: для него естественно было, по закону контраста, идеализировать поработителей своего отечества. Это давало ему едвали не единственное разумное объяснение их победы и их господства над православными греками, — иначе этот факт оказывался в грубом противоречии с мировой справедливостью и с Промыслом Божиим, в который Максим глубоко верил. После него такого рода сравнение становится уже литературным приемом. Иван Пересветов еще белее определенно говорит о »правдѣ турецкой«: она так хороша, что, еслибы к ней прибавить веру христианскую, тогда уж ничего не оставалось бы желать, и с ними бы »ангелы бесѣдовали«. Он подробно разбирает, в чем состоит эта турецкая правда, и отсюда выводит всю свою политическую программу, дает ей видимость исторической основы. Трудно сказать, дошла-ли

---

[1]) Др. Р. Вивл XIV стр. 238—239.
[2]) О скудости стр. 37.
[3]) Слово о неизглаголаннем Божии промысле. Соч. II стр. 200—203.

каким-инбудь образом русская литературная традиция до Крижанича, или это у него влияние Запада, где тоже были в ходу подобные идеи,[1]) — но и у него мы встречаем эту турецкую правду, эту идеализацию турецких порядков. Он также уверяет, что »луче и праведнѣе ся суды судятъ у Турковъ, неже гдѣ коли индѣ на свѣту«. »Для ради праведныхъ судовъ Богъ наравитъ турскому народу въ его грѣхехъ«.[2])

Эту же идею находим у Посошкова. »Намъ сіе вельми зазорно, говорит он, не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ«. Поэтому он предлагает »Турецкой судебникъ перевести на славянскій языкъ и прочіе ихъ судебные и гражданскаго устава порядки управительные переписать . . . слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче нѣмецкаго правленія«.[3]) Мало вероятно, чтобы Посошков заимствовал эти идеи у Пересветова; скорее нужно видеть здесь отражение тех розговоров, какие шли в народе или в тех кружках, с которыми имел связи Посошков. Турецкая правда легко могла стать крылатым словом и, путем устной традиции, могла получить широкое распространение.[4])

Значительно совпадают друг с другом меры, которые предлагают Крижанич и Посошков для искоренения неправды. Меры эти сводятся, в главном, к двум пунктам: во 1-х, издание нового уложения и во 2-х, установление постоянного и достаточного жалования. Крижанич говорит, собственно не об уложении, а о коренном преобразовании всего государственного строя, без чего „тиранство и злое владаніе" на Руси не может

[1]) В. Ржига. Пересветов и западная культурно-историческая среда. Изв. 2 Отд. Ак. Н. 1911 кн. 3. Д. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. — Р. Мысль 1907 кн. VII. Автор приводит факты, говорящие об идеализации турок в Европе, начиная с XVI в.; светлыми сторонами турецких порядков представлялись: единая, сильная власть, отсутствие сословных привилегий, правда в судах, определенное жалованье служащим.

[2]) Госуд. идеи Крижанича. стр. 199.

[3]) О скудости стр. 32 и 37.

[4]) Иначе освещает вопрос И. Павлов-Сильванский, который в ссылке на турецкие уставы видит доказательство малого знакомства П-ва с иностранным законадательством. — И. Т. Посошков. Соч. т. II, 1910 стр. 61. — Отметим еще ссылку на турецкие судебные порядки, как на заслуживающие подражания, у современника Посошкова — А. Курбатова в его Пунктах о кабинет-коллегиуме. Прил. к книге Павлова-Сильванского Проекты реформ в записках современников Петра В., 1897 стр. 50.

быть исправлено. Его проект конституции заключает в себе новые законы о престолонаследии, расширяет компетенцию земского собора, устанавливает понятие гражданской свободы, права отдельных сословий и т. д. Посошков же говорит именно об уложении. »Надлежитъ сочинить правосуднную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла«. »Надлежитъ для установленія самыя правды первѣе состроить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшить«. Он убежден, что »самыя правды и праваго и здраваго разсужденія ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными (т. е. сменяемыми) судьями, ни иными каковыми вымыслы учинить невозможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливымъ, понеже древніе уставы всѣ обветшали и отъ неправыхъ судей всѣ исказились«.[1]) В этом отношении Посошков опять заставляет вспомнить Пересветова, который тоже соединял свои надежды на искоренение неправды с изданием нового судебника (устав, книги судебные, суд палатный). Как и Крижанич, Посошков предлагает в качестве материала для нового закона привлечь и иностранное законодательство: »кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять и присовокупить къ нашему судебнику«. Стремление к реформе всегда и везде склонно делать своим знаменем новое уложение, однако мысли Посошкова об этом менее всего можно рассматривать, как простой литературный прием или риторическую фигуру. Он, весьма понятно, не устанавливает подробно, в чем должно состоять содержание уложения — это он предоставляет сделать другим; но мы находим у него несколько отдельных замечаний, которые ясно показывают, чего он от него ожидал, и почему новое уложение представлялось ему настоятельной потребностью. Действующее уложение устарело и не предусматривает всех случаев, какие выдвигает практика. Новое уложение должно быть, прежде всего, полным, а затем, оно должно положить конец усмотрению и предписать судье, решать дела по буквальному смыслу закона — чтобы судьи »отъ своего ума не мудрствовали бы и ни едину черту сверхъ указу не

[1]) О скудости стр. 32, 37, 38, 48. Ср. Сочинения II стр. 293.

прибавливалибы «.[1]) Тогда, думает Посошков, в судах воцарится правда. Что касается жалования, то это, очевидно, была ходячая мысль в то время: в кружках, где собирались недовольные, охотно говорили на эту тему: »еслибъ посажены были судьи и данобъ имъ было жалованье, чѣмъ имъ сытымъ быть, а мзды не брать, и тобъ было добро«.[2]) Посошков держится того же мнения, и для искоренения взяточничества и воровства считает нужным прежде всего хорошо обеспечить служащих: »опредѣлить кормомъ, чтобы было чѣмъ питатися«. Безмездных должностей не должно быть: нужно всем »учинить жалованье«, целовальники, бурмистры и проч. должны быть »жалованные«.[3]) В этой мысли ничего нет оригинального и характерного для данного только времени: всегда и везде существовало взяточничество и т. п. злоупотребления, а казенная служба всегда оплачивалась недостаточно. Поэтому неудивительно, что и Крижанич говорит о том же. И он развитие воровства и мздоимства ставит в связь с плохой оплатой служебного труда. »Откудъ такова приказныхъ людей худоба? Отъ недостатныя плачи имъ оброка, коимъ ся никако не могутъ преживать.« Нужда заставляет их »искать корыстей и емать дары отъ воровъ«. Поэтому »достатная плача« есть необходимейшее средство для борьбы с неправдой.[4]) Но и Крижанич не первый эту мысль высказал: тот же Пересветов предлагал уничтожить кормления и дать вельможам и наместникам оброк, т. е. постоянное жалованье от казны. Любопытно, что и Крижанич, и Пересветов указывают при этом опять на Турцию, где такая мера будто бы давно уже проведена, где суды »пооброчены« (Пересветов),

---

[1]) О скудости стр. 37.

[2]) Соловьев. Ист. Р. т. XIV стр. 242.

[3]) О скудости стр. 95, 99, 100. — Отсюда видно, как несправедлив упрек, который бросает Посошкову Г. Плеханов, История русской общественной мысли т. II стр. 174: Посошков будто бы объясняетъ преступность исключительно »потачкой«, и это в глазах Плеханова свидетельствует о наивности его социологических воззрений. Автор сопоставляет его с Т. Мором, который »высказал правильный взгляд на происхождение преступности«, Мор как известно, объяснял преступления ненормальными имущественными отношениями, необеспеченностью некоторых общественных классов; это объяснение находим и у Посошкова. Но на Утопии, изображаемой Мором, уничтожена частная собственность, а преступления все-таки совершаются, след. он принужден признать, что есть и другие факторы преступности, и что имущественные отношения не сполна определяют волю человека.

[4]) Русское Государство I стр. 292—296.

и этим путем восстановлена правда.[1]) У Посошкова мы этой мысли не встречаем.

Но меры, предлагаемые им для восстановления правды в суде и в управлении, не ограничиваются тем, что раньше его предлагал Крижанич. Во-первых, он, подобно Пересветову, считает, что в этом деле не обойтись без суровых и даже жестоких наказаний. Одно новое уложение не поможет; нужно без всякой пощады карать виновных; нужно утвердить его »жестокимъ указомъ«. »Аще судей малыхъ и великихъ не казнить«, говорит Посошков — »и великими штрафами ихъ не штрафовать, то и правое изложенiе учиня, правды и праваго суда уставить будетъ невозможно.«[2]) Затем, он дает судье длинный ряд наставлений, как находить во всяком деле правду, и как, вообще, быть справедливым судьей. Эти наставления имеют, отчасти, технический характер: Посошков указывает, как составлять выборки из дел, как проверять работу подъячих, как делать допросы и т. д. Отчасти же находим здесь то, что может быть названо судебной этикой. Посошков учит судью быть добросовестным, внимательно, душевно относиться к людям, с которыми он сталкивается по своей должности, стараться войти в положение каждого человека.[3]) Наконец, он проектирует еще особое учреждение для охраны правды: »ради твердости въ судахъ и во всякомъ правленiи« должна быть, по мнению Посошкова, »особливая канцелярiя«, во главе которой стоял бы »самый ближнiй и вѣрный царю« человек. Он должен смотреть за всеми судьями и правителями, а сам не должен никого бояться, кроме Бога и царя. Сюда должны приходить все, кто узнают о какой нибудь неправде, всякий, кто не мог добиться в суде защиты своих прав.[4]) Такими разнообразными способами думает Посошков искоренить »древностную неправду«.[5])

---

[1]) Сочинения Пересветова стр. 72 (по изд. Ржиги).

[2]) О скудости стр. 22, 34, 36, 37. — Пересветов, как известно, обосновывал необходимость жестоких мер ссылкой на те же турецкие порядки. У Посошкова намек на это можно видеть в словах: »Во всѣхъ государствахъ христiанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все отъ того, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ«. Стр. 66.

[3]) О скудости стр. 20 и след.

[4]) О скудости стр. 34—35.

[5]) Что помешает служилому классу восстановить старые злоупотребления? Плеханов (стр. 189) находит, что Посошков отвечает на этот вопрос неудовлетворительно: он предлагает одни только жестокие

Третій пункт, где сходятся Посошков и Крижанич, это — национальный вопрос. Посошков так же, как Крижанич, не любит немцев. Он признает их превосходство над русскими людьми в отношении науки, искусства и внешней культурности. Он соглашается, как и Крижанич, что без немецкой выучки нам никак не обойтись, и что технику нам не от кого больше приобресть, как только от них. Но в то же время он, подобно Крижаничу, относится к ним подозрительно, не доверяет им, считает их прирожденными врагами России. Посошков удивляется, »что сказываются нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою«; »будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ«. Поэтому »вельми сумнительно въ иноземцахъ« Посошкову. »Вѣрить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброхоты. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки.« Как и Крижаничу, ему особенно обидно, что немцы приезжают в Россию под видом доброжелателей, выведывают все наши слабые места и пользуются этим. »Они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ«. Дыра эта — не что иное, как почта, благодаря которой »что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца«, »всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ«. И прогрессивный Посошков думает, что »лучшибъ та дира загородить накрѣпко«, т. е. уничтожить почтовые сношения с Европой. Как сильно это напоминает »запертіе рубежей«, которое отстаивал Крижанич![1]) При всем том нельзя скрыть огромной разницы в постановке национального вопроса у того и у другого. Как человек широкого житейского опыта, с трезвым умом, Посошков не мог не заметить оборотной стороны начинавших в его время развиваться торговых и промышленных сношений с Западом. Его чувство простого русского человека было оскорблено высокомерием, которое, вероятно, позволяли себе »нѣмцы«, приезжавшие в Россию за наживой. Отсюда — приведенные выше его соображения о немцах. Но

наказания. Это неверно: он предлагает кроме того улучшение материального быта чиновников, он предлагает служебную этику, проектирует особое учреждение. Чего еще мы можем от него требовать, если только не требовать такого ответа, какого мы и сами не можем дать?

[1]) О скудости стр. 52—53, 62; О ратном поведении. То же издание стр. 120—121. Ср. Русское Государство I стр. 181—221; 333.

это только отдельные замечания. Для Крижанича-же национальная идея, это все. Она образовалась у него, не как результат случайных наблюдений; она есть плод всего жизненного опыта, плод долгих размышлений и чтений исторических, философских и иных. Она есть главная пружина его миросозерцания, и в его сочинениях ей посвящены не замечания, а целые главы и, что важнее еще, самые сочинения его продиктованы этой идеей, ибо едва ли не все вопросы, которые в них затрагиваются, освещаются ею. Национальная идея разработана у Крижанича с такой полнотой и разносторонностью, что и в последующей литературе нелегко найти мыслителя, который бы превзошел его в этом отношении. На стороне Крижанича, поэтому, здесь все преимущества, и Посошков не может с ним равняться.

Наконец, следует указать четвертое крупное сходство Посошкова с Крижаничем. Это довольно смелая по тому времени мысль об отношении богатства государственного к народному. Посошков горячо восстает против того взгляда, по которому вся задача финансового управления сводится к тому, чтобы как можно больше взять с населения. »В собраніи царскаго сокровища«, читаем у Посошкова, »надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобы никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирати, а царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать«. »Не то царственное богатство», говорит он в другом месте, »аще въ царской казнѣ лежащія казны много,... но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ«. »Во коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому«. »Все, что есть въ народѣ богатства — богатство царственное; подобнѣ и оскудѣніе народное — оскудѣніе царственное«. Те же мысли находим и у Крижанича, и почти в тех же выражениях: »убого кралество, убогъ краль; богато кралество, богатъ краль. Краль, кій хочетъ постать богатъ, онъ мораетъ промыслить, како бы подданники неговы были богаты«. »Ни въ чемъ тако не стоитъ прецѣнба владательства, како въ богатству подданниковъ . . . Гдѣ единая казна есть богата, а вся земля убога, тамо скоро не станетъ силы«. Оба одина-

ково ратуют против роскоши, особенно против роскоши высших классов и придворной знати, которая дает государю вредную иллюзию народного благосостояния и чаще всего соединяется с бедностью широких народных масс. Сходство между обоими выражается еще и в том, что оба ставят народное благосостояние в связь с численным составом населения. Крижанич говорит: »Богатство владательско не стоитъ тако въ казнѣ сребра и злата, но много паче во множинѣ людства. Нѣсть онъ краль богатѣй, кій имаетъ множе злата, но онъ, кій имаетъ множе людей«. У Посошкова этому соответствует мысль о бережении людей, т. е. о бережном отношении к человеку и ко всему населению, как к главному источнику и условию народного благосостояния.[1])

Таковы те точки, где сходятся политические взгляды Посошкова и Крижанича. Государственный абсолютизм, идея правды, национальный вопрос, или отношение к Западу, и идея народного благосостояния, как основы для богатства и силы государства — вот в чем их воззрения оказываются параллельными или даже совпадают. Как видим, это все не мелкие или случайные совпадения, но, на-оборот, очень крупные и существенные; они касаются не второстепенных вопросов, о которых можно думать так или иначе, не изменяя своим основным взглядам. Напротив, они затрагивают самую глубину этих взглядов. Следовательно, сходство между Посошковым и Крижаничем свидетельствует о родстве их коренных убеждений, об общности их миросозерцаний. С другой стороны, если иметь в виду, что они жили приблизительно в одну и ту же эпоху, а сами имели между собой очень мало общего и по происхождению, и по образованию, и по общественному положению — это совпадение между двумя мыслителями может говорить также и о том, что они, в общем, правильно поняли потребности и дух своего времени, и что предлагаемые ими меры отвечают тому и другому.

В. Вальденберг.

---

[1]) О скудости стр. 1, 30—31, 89. Русское Государство стр. VI—VIII, 5, 7, 41 и друг-

„Treće“ rusko pleme.

I.

Pitanje o podrijetlu ruske države i ruskog imena — t. zv »Varjaški vopros« možemo smatrati u glavnom riješenim. Ni velikoj erudiciji Gedeonova, ni vrućem rodoljublju Ilovajskoga nije pošlo za rukom da obore glavnu tvrdnju normanističke teorije, naime, da utemeljitelji ruske države u Novgorodu bijahu Normani, i da ime **Русь** stoji u vezi s finskim imenom Ruotsi, kojim Fini i sada nazivaju Švede. Više zapadnih i bizantskih izvora direktno zovu Ruse Normanima. Mnogobrojni arapski izvori razlikuju Ruse od Slavena i opisuju običaje prvih kao normanske. Imena prvih ruskih knezova, bojara i trgovaca u ljetopisu i »ruska imena« dnjeparskih brzica kod Konstantina Porfirogenita s najmanjima poteškoćama dadu se izvesti jedino iz skandinavskih jezika. Tragovi skandinavskog upliva, koje opažamo u staro-ruskom pravničkom rječniku, u uređenju kneževskog dvora, u ruskoj poganskoj vjeri, ruskom pjesništvu i ruskoj ornamentici potvrđuju ljetopisnu legendu o prizvanju kneza od skandinavskih Varjaga. Napokon vrlo živahni odnošaji Rusije sa skandinavskima zemljama u X. vijeku razjašnjavaju nam, kako se čuvala prvo vrijeme normanska tradicija, dok pod djelovanjem asimilacione snage slavenskog plemena varjaška porodica prometnula se u slavensku dinastiju.

Ali, dok je temeljno pitanje »Varjaškog voprosa« sada riješeno, javilo se u krilu varjaškog voprosa više novih pitanja, koja još čekaju na odgovor. Takvo je na primjer pitanje o odnošaju oblika **Русь** i **Рось**. Kad su se ovi oblici stvorili i preko koje je sredine došlo rusko ime k Slavenima? Da li se ime **Русь** stvorilo još u gotsko doba, kad je »$\bar{o}$« u pozajmljenim riječima prelazilo kod Slavena u »$\bar{u}$«, ili je nastalo u IX. vijeku kod stvaranja Novgorodske države prijelazom iz finskog oblika »Ruotsi«? Kad se je u južnoj Rusiji javio oblik Rosj i da li on stoji u vezi sa sličnim riječima, koje su nastale u gotsko doba? Kako se dogodilo, da Normani u IX. vijeku na Crnom moru sami sebe zovu slavenskim indeklinabilnim oblikom »Rhos« (**Рось**)? U koliko je istinita ljetopisna legenda o »prizvanju Varjaga«? Kako je uopće stara normanska kolonizacija na istoku?

Kada su se javili Normani na Crnom moru; kojim su putem oni ovamo došli, i više drugih pitanja.

Zadnje od pomenutih pitanja — o Rusima na Crnom moru — više je puta postalo predmetom istraživanja. Poslije radova Eversa, Gedeonova, Ilovajskoga, Šćeglova, Kunika, Golubinskoga, Vasil'jevskoga, Harkavija, Hruševskoga i drugih naučenjaka ne smijemo više poricati, da su se Rusi javili na obalama Crnog mora za dugo prije utemeljenja Rjurikove države u Novgorodu. Žitije sv. Stefana Surožskoga pripovijeda o pustošenju krimske obale po Rusima krajem VIII. stoljeća; žitije sv. Georgija Amastridskoga, koje je sastavljeno prije 842. godine, opisuje navalu Rusa na Amastridu (grad na južnoj obali Crnog mora); Bertinski anali pod 839. god. govore o dolasku u Franačko carstvo iz Carigrada Rusa, koji su s Crnog mora obilaznim putem putovali u Skandinaviju; Ibn Hordađbeh opisuje putovanja ruskih trgovaca po Crnom i Kaspijskom moru u prvoj polovici IX. vijeka. Ti su Rusi Normani: oni su »švedskog roda«; njihove skandinavske običaje arapski suvremeni izvori uspoređuju s običajima Slavena, koji trpe neprestane navale Rusa i služe im kao robovi. Po svoj prilici i na pontskim obalama osnivali su Normani svoje »gardi« — utvrđene kolonije, slične onima u zemlji polapskih Slavena, u Litavskoj, kod Fina — na Ladoškom jezeru, na Bijelom jezeru i na srednjoj Volgi, kod istočnih Slavena — u Novgorodu, Izborsku, Polocku, Kijevu, na Pripeti i t. d. Tragovi tome čuvali su se do XVII. vijeka u topografskim imenima na sjevernoj obali Crnog mora. Više puta bila je naglašena hipoteza, da se najveća ruska crnomorska kolonija nalazila na Tamanskom poluotoku (u to doba-otoku), gdje se spominje grad Matraha-ruski Tmutorokan, koji je bio najvažnija trgovačka luka za saobraćaj između crnomorskih i kaspijskih zemalja, a u XI. stoljeću, potpavši pod kijevske knezove, postao političkim središtem jugo-istočne Rusije.[1]) Tamo su se u IX. vijeku nastanili Rusi sa privolom hazarskog hagana; tamo, pod uplivom susjednih Turaka, počeo se njihov *konung* zvati *haganom*; odanle su oni navaljivali na južnu obalu Crnog mora i na krimske gradove, napadali su na slavenska sela na sjeveru, putovali u Kaspijsko more radi trgovine ili grabeža, 839. godine dolazili u Carigrad. Nekoliko se puta nagađalo, da ovu rusku (Tamansku) koloniju spominju orijentalni izvori pod imenom trećeg ruskog plemena — Artanije. U ovome članku htio bih predložiti jedno novo tumačenje ovog imena.

---

[1]) Ovo je pitanje kratko prikazano u mom članku »Ruski otok« (Jugoslavenska njiva, godina IX., knj. II., br. 2—4).

El-Balhi, arapski pisac IX. stoljeća, pripovijeda: »Rus' sastoji od tri plemena. Jedno je najbliže k Bulgharu i car njegov stanuje u prijestolnici po imenu Kujabâ; grad je veći od Bulghara. Drugo pleme, koje je od njih udaljeno, zove se Selavija. Treće se pleme zove Artanija, i car njegov stanuje u Abarki. Dolaze ljudi u Kerbaa. Što se tiče Abarke, to ne pripovijedaju, da bi kadgod došao tamo stranac; jer oni ubijaju svakog stranca, koji dolazi u njihovu zemlju. Sami oni dolaze vodom radi trgovine; i oni ne pripovijedaju ništa o svojim poslovima i svojoj trgovini; isto tako i ne puštaju nikoga da ih prati i dolazi u njihovu zemlju. Iz Arfe izvoze crne samure i olovo. Rusi zapovijedaju spaljivati sebe po smrti i zajedno s njihovima bogatašima dobrovoljno se spaljuju djevojke. Nekoji od njih režu si bradu, drugi je pak zavijaju poput vitica. Odijelo se njihovo sastoji od kratkih kaputa, odijelo pak Hazara, Bulghara i Pečenjega od punih »kaftana«. Ovi Rusi vode trgovinu s Hazarijom, Bizantskom državom i velikom Bulgharijom, i oni graniče sa sjevernom stranom Bizantske države. Oni su narod mnogobrojan i tako jaki, da nameću danak susjednim pokrajinama ove države«.[1])

Ovo se svjedočanstvo sačuvalo u varijantama kod nekih kasnijih pisaca: Džejhanija, Istahrija, Ibn Haukalja, Dimeškija, Ibn el Vardija, Idrisija i dr. Tamo nailazimo na neke nove podatke. Ibn-Hauhal dodaje, da Rusi trećeg plemena iz Arbe izvoze krzno crnih samura i crnih lisica i olovo; kaže, da stranci »dolaze k njima radi trgovine do Kerbaja.«[2]) Horasani kaže, da »trgovci ne dolaze onamo i ne idu dalje od Bulghara, jer, ako stranac ide u Erzu, poginut će tamo; i ako trgovci dolaze radi trgovine, trguju na svojim brodovima ,a onda se vraćaju natrag; unutra nitko ne ostaje. Izvrsni crni samuri, kositer i olovo dolaze jedino iz Erze«.[3]) Dimeški pak veli, da oni »jedu svakoga stranca, koji dolazi k njima, budući da kao divlja zvjerad žive u šumama i trskovim šikarama kraj svjetskoga mora«.[4]) Vidimo iz ovih primjera, da stvarni i dosta jasni podaci kod pisca iz IX.—X. stoljeća, koji pripovijeda o suvremenim prilikama, sve se više zamršuju primjesama iz drugih legenada u kasnije doba, kad već nije bilo ni traga diobi ruskog naroda na spomenute dijelove.

---

[1]) Д. Хвольсонъ, »Извѣстія о Хозарахъ... Славянахъ и Руссахъ... Ибнъ Даста«. С. Петербургъ 1869, str 170—171.

[2]) Frähn, »Ibn Foslan's und anderer Araber... Berichte...« St. Petersb. 1823, str. 258.

[3]) Ibid. 266.

[4]) Ibid. 143.

Ali naročito veliku zbrku opažamo u imenima neveđenih plemena i njihovih prijestolnica.

Prvo je pleme nazvano po imenu samo u kasnijim izvorima: Krkbân, Kerkian, Kerakertija — čudnovata imena, koja ne daju nikakvog materijala za određivanje geografskog smještaja ovog plemena. Ali zato u starim izvorima tačno je označena njegova prijestolnica: Kujaba, Kujava = Kijev. Prema tome pod prvom ruskom oblasti moramo razumijevati dnjeparsku Rusiju sa središtem u Kijevu, na čemu se svi istraživaoci slažu.

Ime drugog plemena glasi: Selavia, Salavia, u kasnijem perzijskom prijevodu Istahrija — »Dž-lâba«, kod Ibn el-Vardija (XIII. st.) i Ibn Ajasa-Atlavia sa prijestolnicom T-lu- (var. Tlawa Talwa) kod Dimeškija (XIV. vijek) K-labia. Glede ovog plemena naučenjaci se isto tako slažu,[1]) da se pod imenom S-lavia mora razumijevati oblast novgorodskih Slavena — krajevi uz Volhov i Ilmensko jezero u sjevernoj Rusiji. Prema tome »T-lua« moralo bi označivati Novgorod.

Najviše varijanata ima ime trećeg plemena: Artanija s gradom Artom ili Abarkom (El Balhi), Arzaija s Arzom (Ibn Haukal), Ausani s Erzom (Horasani), Arsania (Edrisi), Arti (Ibn ef Vardi). Osim toga možemo dopustiti drugi način čitanja ovih imena — na primjer mjesto Arti: Arani, Erni, Ereni, Erti.

Napokon kod Dimeškija imamo i četvrto pleme — Beraria.

Vidjeli smo, da se kod te zbrke u imenima dvaju prvih plemena naučenjaci ipak slažu u lokalizaciji njihovih oblasti. Drukčije je s trećim plemenom, kojega je ime izazvalo više tumačenja. Frähn ga je tumačio kao »Ertsania« i smatrao Ruse trećeg plemena za mordvinsko (finsko) pleme Erzjane.[2]) Uz Frähna pristali su mnogi naučenjaci, i u zadnje doba njegovu hipotezu zastupa Marquart.[3]) Hvolson je čitao ovo ime »Armania« = Bârmânjjh i mislio, da ono označuje Biarmaniju = Biarmiju, kako skandinavske sage zovu Permsku oblast, bogatu krznom i rudama.[4]) Niederle je tvrdio, da Artanija = Antanija i dovodio to u vezu s Antima[5]) — velikim slavenskim narodom, koji je u VI. stoljeću stanovao u Crnomorskim stepama, ali je kasnije pristao uz Šahmatova,[6]) koji vidi u Artaniji

---

[1]) Izuzetak čini Dr. Fritzler, koji za izvorni oblik smatra riječ Atlavija, te je dovodi u vezu s imenom slavenskog plemena Duljeba (Das russische Reich — eine Gründung der Franken. Marburg 1923.)

[2]) Frähn, »Ibn Fosclan ...« 141 sq.

[3]) Marquart, »Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge«, Leipzig 1903.

[4]) Хвольсонъ, »Ибнъ Даста« 174—177.

[5]) Niederle, »Antové«, Věstn. král. uč. spol., Praha 1909, str. 8.

[6]) »Slavia« I., str. 138. Recenzija na knjigu Šahmatova.

iskrivljeno ime »Rjazanija« i lokalizira treće rusko pleme u zemlji Vjatića uz rijeku Oku.[1]) Napokon Dr. Fritzler, bazirajući na ovom svjedočanstvu svoju teoriju turske seobe iza Kavkaza u srednju Rusiju, dovodi riječ Arsania u vezu s imenima Orše i Araksa. Ali se većina istraživalaca uklanjala filološkom tumačenju riječi »Artha« i »Arthania« i kušala da odredi treće rusko pleme na temelju onih geografskih podataka, koji su navedeni u pomenutom svjedočanstvu. U glavnome osim navedenih teorija postoje tri hipoteze. Jedna, koju sada zastupa Vestberg, smještava Arthaniju na Skandinavski poluotok, jer je roba, kojom su tržili Rusi, mogla dolaziti samo sa Skandinavskog poluotoka.[2]) Drugu je hipotezu predložio Sćeglov, koji je na osnovi maršrutnih podataka i robe, koju su dovozili Rusi, zaključio, da se Arthania morala nalaziti u oblasti srednje Volge, a to mu je dalo temelj za izgradnju svoje »finske teorije varjaškog pitanja«.[3]) Treće se mišljenje Ilovajskoga[4]) (uz koga sada pristaju Parhomenko[5]) i Polonskaja)[6]) temelji na riječima El-Balhija, da Rusi vode trgovinu s Bizantom, Hazarima i Bugarima. Iz toga ovi naučenjaci zaključuju, da je oblast trećeg ruskog plemena bila smještena između Bizanta, Bugarske i Hazarske države i zato vide u Artaniji Azovsku slavensku »Rusj«, smještenu na Tamanskom poluotoku, u oblasti kasnije Tmutorakanjske kneževine.

Promatrajući tekstove navedenog svjedočanstva došao sam do slijedećih zaključaka:

Prvo: na osnovi zemljopisnih prilika, napomenutih u izvoru, ne možemo stvoriti nikakovih zaključaka o smještaju trećeg ruskog plemena. Izvor ne kaže, da Rusi stanuju između Hazara, Bugara i Bizanta, nego, da oni putuju radi trgovine u ove zemlje, a putovati tamo mogli su i iz udaljenijih krajeva. Riječi: »oni graniče sa sjevernom stranom Bizantske države« odnose se ne na Artaniju već na sve Ruse zajedno. Riječi Dimeškija (XIV. st.) o tome,

---

[1]) А. Шахматовъ, »Древнѣйшія судьбы русскаго племени«. Петроградъ 1919.

[2]) Вестбергъ, »Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ«, Журн. Минист. Нар. Просв. 1908 II., 398.

[3]) Щегловъ, »Первыя страницы русской исторіи«, Журн. Минист. Нар. Просв. 1875 i 1876.

[4]) Д. Иловайскій, »Разысканія о началѣ русской исторіи«. Москва 1882, str. 243.

[5]) Пархоменко, »Три центра древней Руси«. Извѣст. отд. рус. яз. Имп. Акад. Наукъ XVIII., кн. 2.; »Русь въ X. вѣкѣ«, Изв. Акад. Наукъ. 1917.

[6]) Н. Полонская, »Къ вопросу о христіанствѣ на Руси до Владимира«, Журн. Минист. Нар. Просв. 1917, IX.

da Rusi stanuju na obalama svjetskog mora u trskovim šikarama, potječu iz posebnih legenada, koje su sačuvale uspomenu na skandinavsko podrijetlo Rusa,[1]) a nisu uzeti iz izvora našeg svjedočanstva, jer ih osim Dimeškija ne navodi nijedan drugi autor.

Drugo: ni roba, kojom trguju Rusi, ne daje podataka o njihovoj domovini. U izvoru nije rečeno, da Rusi trećeg plemena izvoze iz »svoje zemlje« samurovo krzno i olovo, nego da oni izvoze tu robu iz jednog mjesta, kojega se ime razlikuje od imena glavnog grada Arthanije. Da to nije slučajna pogrješka, vidimo iz toga, što je kod El-Balhija ime Aarthanijske prijestolnice spomenuto dva puta u istom obliku »Abarka«, a dalje je rečeno, da Rusi izvoze svoju robu iz Arfe. Isto tako i kod Ibn-Haukala: ime je plemena »Arzaija«, prijestolnica njegova »Arza«, a roba se izvozi iz »Arbe«. A da uistinu Rusi nisu izvozili svu ovu robu iz svoje zemlje, nego da su putovali za njom u druge zemlje, direktno svjedoči pisac prve polovice IX. vijeka Ibn-Hordadbeh: »Oni iz najudaljenijih krajeva Slavenskih putuju k Rumskomu moru i prodaju tamo krzno dabara i crnih lisica, a također i mačeve ... ili ... idu u Hamliđ prijestolnicu Hazara, ... izlaze na more Đorđan ... katkada prevoze svoju robu devama od grada Đorđana do Bagdada ...«.[2]) Moglo bi se navesti još više izvora, koji

[1]) Dimeški je napisao ove riječi pod uplivom slijedećeg mjesta kod Ibn el-Vardija: »Zemlja Rusa. Ona ima veliki opseg ... Rusi se sastoje od moćnih plemena, koja se ne pokoravaju nikakvom kralju i nikakvim božanskim zakonima. Kod njih se nalazi zlatan rudnik. Nikakav stranac ne ulazi u njihovu oblast, — odmah pogube njegov život. Njihova zemlja leži među gorama, koje je okružuju i iz kojih potječu mnogi izvori; svi oni utječu u jedno jezero, t. zv. Tuhi. Ovo je veliko jezero, usred kojega se uzdiže visoko brdo, na kojem ima mnogo kozoroga i mnogo sirovog zlata. Iz njega izlazi rijeka Dijanus. K zapadu od zemlje Rusa leži otok Darmuša, na kojem raste prastaro golemo drveće, među kojim se nalaze tako velika debla, da dvadeset ljudi, koji stanu oko stabla, ne mogu ga obuhvatiti raširenim rukama. Radi udaljenosti sunca i slabog svijetla žitelji i po danu pale u svojim kućama vatru. Na ovom otoku stanuju također divlji ljudi, koji se zovu Berari, kod kojih glava bez vrata sjedi neposredno na ramenima. Oni običavaju izdupsti velika drveta i u toj udubini stanovati kao u kolibici. Njihova se hrana sastoji od žira ...« (Frähn, Ibn Foslan ... 51, 55; Вестбергъ, »Къ анализу ...«, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II., 400—401.) Vrlo je vjerojatno, da je ova tradicija o skandinavskoj pradomovini Rusa donesena na istok po samim Rusima, koji su onamo putovali radi trgovine. Svakako ne stoji u nikakvoj vezi s pripovijesti o tri ruska plemena. Dimeški je spojio oba izvora i na taj se je način pojavilo kod njega četvrto rusko pleme »Beraria«, kako drugi izvori zovu po svoj prilici Lopare.

[2]) Vestberg, »Къ Анализу восточиыхъ источниковъ«, Ж. М. Н. П. 1908, II., 37 (Također kod. Hvolsona »Ibn-Dasta« 159; Garkavi, »Сказанія Мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ«. С. П. Б. 1870, стр. 47; Bibliotheca Geographorum Arabicorum, edid. M J. De Goeje. Pars sexta. Ibn Hordadbeh. Lugduni Batasorum 1889, p. 115.)

svjedoče, da Rusi u IX. i X. stoljeću nisu trgovali samo proizvodima svoje zemlje, nego da su većinom bili trgovci-tranziteri, koji su putujući širom cijele istočne Evrope i Kaspijskih zemalja vozili različnu robu iz jedne zemlje u drugu.

Treće: Vrlo nestalna geografska nomenklatura u paralelnim tekstovima svjedoči, da je morao postajati nekakav teško — razumljivi prvotni izvor, koji je služio arapskim autorima X. stoljeća. Za samo ime trećeg plemena imamo variante: Ausani, Arsanija, Arthanija, Arzaija, Arani, Ereni, Arza. Kakva podloga mora da se nalazi pod ovima promjenama? Otkuda je uzeo Ibn-Haukal grad Kerbaja, kamo dolaze Rusi radi trgovine sa Artanijom? Ovo nije Kujaba (Kijev) jer je ona pomenuta posebno i to više puta. Kakve su to Kerkijana i Kerakertija mjesto Kujabe kod kasnijih autora? Kakvo je to čudnovato ime »T-lua« prijestolnica Slavije, koje bi moralo označivati Novgorod na rijeci Volhovu? Čini se, da sva ova pitanja mogu biti riješena tako, dopustimo li, da je postajao jedan prvotni izvor teško razumljiv za arapske pisce X. stoljeća, i da su se radi različne interpretacije ovog izvora javile navedene promjene u nomenklaturi, koje su prešle u još iskvarenijem obliku ka kasnijim autorima. Takvim prvotnim izvorom mogao bi biti hebrejski izvor.

II.

Nema ništa nevjerojatno u tome, da je takav izvor mogao postojati. U VIII.—X. stoljeću Arapi su dobivali sve podatke o historiji i geografiji istočne Evrope preko Hazarske države. Masudi na primjer na nekoliko mjesta kaže, da je doznao o mnogome iz pripovijesti trgovaca, koji putuju u zemlju Hazara i na Crno more. Isto je tako od Hazara dobivao Ibn Haukal podatke o ruskoj navali na Hazariju. To je posve razumljivo, ako se sjetimo, da su se u Itilju-hazarskoj prijestolnici, smještenoj na ušću Volge, — križali svi putovi, koji su vezali istočnu i sjevernu Evropu s istočnom Azijom i arapskim halifatom. Ovaj je grad, naseljen stanovništom najrazličitijih plemena i religija — muslimanima, izraelićanima, kršćanima i neznabošcima, — postao jedno od najvećih svjetskih tržišta, gdje se je stjecala roba iz svih krajeva Evrazije.

U VIII.—IX. vijeku, kad je Hazarija bila u naponu svoje snage, glavnu su riječ vodili u njoj Židovi. Oni su bili državnici i činovnici, koji su se brinuli za obranu zemlje, državnu upravu, sudstvo, pobirali su državne prihode, čuvali red u trgovačkim odnošajima, osiguravali mirno obavljanje poslova stranim trgovcima, uzdržavali stalnu

gardu, vodili diplomatske odnošaje s kulturnim susjedima — Bizantom i Arapima. Svakako — nisu te poslove obavljali sami Hazari, jer se to nije slagalo s njihovim polunomadskim načinom života. Još je u X. stoljeću car sa svima doglavnicima i slugama čitavo ljeto od aprila do septembra boravio u stepama, a upravo u to doba bila je sezona najživahnijeg volškog i kaspijskog prometa. Svima su poslovima upravljali Židovi. Oni su bili najugledniji sloj društva i po svojoj mnogobrojnosti i po kulturi, kojom su daleko nadvisivali turska, finska, alanska i slavenska plemena, rasijana po teritoriju Hazarske države.

Ne znam, da li je zaista židovska kolonizacija u južnoj Rusiji tako stara, kako to tvrdi Barac: najme, da su semovci počeli dolaziti onamo još za Isusa Navina, kad je ovaj osvojio Kanaan, te istjerao njegovo stanovništvo na sjever.[1]) Dubnov također dokazuje, da su se Židovi u Krimu javili dugo prije razorenja jerusalemskog hrama.[2]) Svakako su već u starom vijeku stanovali u velikom broju na crnomorskoj obali, kako to dokazuju kerčenski pogrebni spomenici.[3]) U II. stoljeću naše ere Hadrian je preselio zarobljenike iz Palestine u južnu Rusiju, gdje su se oni raspršili po pontskim gradovima. Najzgodnije su pak prilike za židovsku kolonizaciju nastale u VII.—IX. vijeku, kad je arapska trgovina, povezavši sredozemske krajeve s najudaljenijima tačkama staroga svijeta, dala Židovima mogućnost i priliku, da se na tom velikom području iskažu kao vrsni trgovci i novčari. Kršćanske države zapadne i srednje Evrope nisu ih u to doba rado primale, ali su im zato bila širom otvorena vrata istočne Evrope, gdje su ih protežirali i Arapi, koji su imali veliki upliv na hazarske poslove, naročito poslije sedamdesetgodišnjeg rata. Ima mnogo podataka, koji potvrđuju mnogobrojnost Židova u Hazariji u to doba. Theophanes na primjer kaže, da staro-grčka kolonija Fanagorija ima pretežno židovsko stanovištvo.[4]) Ibn el-Fakih jednostavno naziva grad Kerč (koji on zove S-m-k-r-š) židovskim gradom.[5]) Arapski pisci jednoglasno kažu, da u hazarskim gradovima Belendžeru, Itilju i dr. stanuje mnogo Židova.

---

[1]) Г. М. Барацъ, »О составителяхъ повѣсти временныхъ лѣтъ и ея источникахъ, преимущественно еврейскихъ«. Берлинъ 1924.

[2]) С. М. Дубновъ, »Историческая тайна крыма«, Еврейская старина 1914, выпускъ 1.

[3]) Хвольсонъ, »18 еврейскихъ надгродныхъ надписей изъ Крыма« С. П. Б. 1866.

[4]) Theophanis Chronographia, ed. de Boor, p. 357, A. M. 6170: »*καὶ εἰς μὲν τὰ πρὸς ἀνατολὴν μέρη τῆς προκειμένης λίμνης ἐπὶ Ῥαναγουρίαν καὶ τοὺς ἐκεῖση οἰκοῦντας Ἑβραίους παρακειντai ἔθνη πλεῖστα.*«

[5]) Marquart, »Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge«, Leipzig 1903, s. 163. Nikako ne stoji ,da se pod S-m-k-r-š'em razumije grad Matraha, kako

Budući ovako mnogobrojni, i daleko nadvisujući mjesne žitelje svojom kulturom, morali su Židovi postati vrlo uglednim elementom u Hazariji, kako je to bilo posvuda, gdje ih nisu tištili progoni. Oni su na primjer doglavnici na dvorovima arapskih halifa; oni obavljaju diplomatske poslove, putuju kao halifovi poslanici u druge države; njihovi naučenjaci predavaju u arapskim školama. Ako su oni mogli doći do takvog ugleda u kulturnim arapskim zemljama, lako je razumjeti, da su tim veće značenje morali dobiti u Hazariji, gdje su polunomadski vladari trebali vješte organizatore, diplomate i novčare. I zaista, izvori pripovjedaju, kako Židovi postaju hazarske vojskovođe i državnici, u odnošajima sa susjedima vode tanku, prepredenu politiku po bizantskom uzoru, uspijevaju napokon, da i samog hazarskog hagana obrate na židovsku vjeru. Hazarski dostojanstvenici nose židovske naslove, zovu sa hebrejskim imenima podržavaju neprestane veze za zapadno-evropskim i azijskim Židovima, istupaju kao njihovi branitelji od vjerskih proganjanja. Naravno, da su oni bili jedini mjerodavni informatori Arapa o prilikama istočne Evrope; iz ovog vrela izlazili su oni podaci, koje nalazimo kod Masudija, Ibn Haukalja i drugih orijentalnih pisaca, koji su ili sami putovali u Itilj, ili su ispitivali one ljude, koji su k njim iz Itilja dolazili.

Ali ne bi bilo ništa nemoguće u tome, da su se arapski pisci osim usmenih pripovijesti hazarskih trgovaca služili i pisanim izvorima, koji su k njim dolazili iz Hazarije. Vrlo je vjerojatno, da su se i na hazarskom dvoru prikupljali podaci o okolnim narodima i zemljama, jer je to zahtijevala državna korist. Takvih dokumenata nije pronađeno na teritoriju Hazarske države, jer su u XIII. vijeku Tatari uništili svaki trag negdašnje kulture ove zemlje, ali u stranim zbirkama sačuvalo se nekoliko izvora, koji su potekli iz Hazarije. Dva su takva izvora došla iz X. stoljeća. Jedan je list hazarskog cara Josifa k Hasdaju Ibn Šaprutu, znamenitom židovu, doglavniku španjolskih halifa Abderahmana III. (912—961) i Al-Hakama II. (961—976).[1]) Drugi je izvor — pronađen od Schechtera fragmenat

---

to misle neki naučenjaci. Ime Matrahe (koje je u njegovu fonetičkom obliku sačuvano kod orijentalnih pisaca, kod Talijana i kod Grka) — tursko-arapskog podrijetla (od osnove ta-ra-ha طَرَحَ مَطْرَح), i označuje »mjesto kamo se bacaju kakovi predmeti«, ili gdje se što utemeljuje. Grci su počeli ovo razbacano seoce zvati *τὰ Μάτραχα*, iz čega javio se oblik *Ταματάρχα* i ruski Tmutorokanj. O tome moj članak »Tmutorokanj, Krh i Smkrc« u »Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски«, София 1925, str. 157—162.

[1]) Cassel, »Der Chazarische Königsbrief aus dem X. Jahrhundert« 1876; »Еврейская библіотека« VII. (1880).

nekakvog djela, koji je napisao nepoznati Židov, suvremenik cara Josifa oko 945.—959. godine.[1]) Ovi izvori pripovijedaju o Hazariji, dolasku Židova onamo, njihovom uzvišenju; opisuju državnu upravu i običaje; govore o ratovima Hazara sa susjednim narodima; pri-općuju podatke o susjednim zemljama. Već samo ova dva izvora, napisana na hebrejskom jeziku kvadratnim pismom, nesumnjivo dokazuju, da je kod Hazara u X. stoljeću postojala historijska i geografska literatura na hebrejskom jeziku. Moramo misliti, da je ona bila tamo razvijena i u IX. vijeku, jer se u to doba selilo onamo mnogo židovskih naučenjaka iz Bagdada.[2]) Iz ovog doba potječu dva djela pisana na hebrejskom jeziku (koja pripovijedaju i o Hazarskim Židovima) — Eldad ga Dani i Josippon.[3]) Ako se takva književnost razijala u IX. v. na teritoriju arapskog halifata, još je više bilo uvjeta za njezin procvat u Hazariji.

Mislim dakle, da je jedan takav izvor dospio u bagdadski arhiv i da je poslužio arapskim piscima X. stoljeća, koji su iz njega uzeli podatke o tri ruska plemena. Možda je to bila samo kratka bilješka, napisana od nekakvog Židova-trgovca, koji je boravio u Bagdadu, te je možda na molbu kojega znanca zabilježio ono, što mu je bilo poznato o Rusima. Možda je iz ovog izvora potekla i legenda o kanibalizmu Rusa, koja bi morala odvratiti poduzetne trgovce od putovanja k Rusima i na takav način odstraniti mogućnost konkurencije. Kod transkribiranja nekih nejasno napisanih hebrejskih riječi na arapski jezik lako su mogle nastati pogrješke, koje su prouzročile spomenutu zbrku u imenima ruskih plemena i njihovih prijestolnica. Ove su pogrješke mogle nastati tim lakše, što su hebrejski izvori toga doba pisani kvadratnim pismom, u kojem su mnoga slova vrlo slična, i nemaju diakritičnih znakova, — t. j. vokalizacija u njima nije naznačena.[4])

III.

Na takav je način nastalo ime T-lua — prijestolnice drugog ruskog plemena, koje se zove Slavia, i koje smatraju za oblast

---

[1]) An unknown Khazar document. By S. Schechter. The Jewisch Quarterly Review. Filadelfia 1912. X. Newteries, Vol. III., N. 2; ruski prijevod Kokovceva u »Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія« 1913, XI., str. 150—172.

[2]) Graetz, »Geschichte der Juden« V., s. 214 sq.

[3]) Гаркави, »Сказаиія еврейскихъ писателей«.

[4]) Kod kasnijih arapskih autora mogle su nastati pogrješke zbog različnog čitanja ranijih arapskih izvora, bez svakog odnošaja k prvotnom hebrejskom izvoru.

ilmenskih Slavena. U hebrejskom jeziku bilo je napisano תליא — teluja, što znači: ovisi, odvisan.[1]) To bi moglo značiti, da je u to doba Novgorod bio pod tuđom vlasti (pod Varjazima, ili podređen Kijevu, koji je u izvoru spomenut malo prije). Arapi su stvorili iz toga ime Tlua.

Ime je trećeg plemena bilo u izvoru napisano אַרְצֵינוּ — arcejnu, što znači »naša zemlja«. Prema tome navedena riječ ne bi bila ime plemena, nego bi značila, da treće pleme stanuje na hazarskom teritoriju, ili ono stoji u vazalnim odnošajima prema Hazariji. Ovaj se izraz potpuno slaže s legendom, koja se sačuvala kod pisca iz kasnijeg doba Mirhonda, o tome, da su Rusi došli u zemlju Kazara, i da im je hagan poklonio nekoliko otoka[2]) Isto se tako slaže to i s naslovom »hagana«, koji je nosio knez nekakve ruske kneževine, kako o tome svjedoče izvori IX. stoljeća — Bertinski anali[3]) i arapski anonim, koji se sačuvao u kasnijim kompilacijama Ibn Rosteha, Gardizija, Mukaddesija i drugih.[4]) Ovaj arapski izvor opisuje nekakvu rusku koloniju, smještenu na otoku; njezino stanovništvo ima normanske običaje; živi od haranja susjednih slavenskih oblasti i od trgovine robljem. Uspoređujući različna orientalna svjedočanstva, koja govore o Rusima-otočanima (Ibn Rosteha, Mukaddesija, Gardizija, Masudija, Al-Bekrija, Al-Aufija, El-Šabangareja, Dimeškija, Mirhonda i Bakuvija) možemo doći do zaključka, da se je ta ruska kolonija nalazila na obalama Crnog ili Azovskog mora, gdje talijanske karte navode više topografskih imena, koja stoje u vezi s ruskim imenom (Rossi, Rossa, Rusia.[5]) Najvjerojatnije je, da se ona nalazila na Tamanskom poluotoku, koji je u VIII. stoljéću spadao pod Hazarsku državu i koji je prema Mirhondovoj tradiciji bio poklonjen Rusima otprilike onako, kao Normandija Rolonovim Normanima.[6]) U takvom slučaju «treće rusko pleme« bila bi ona varjaška državica, koja se utemeljila na hazarskom teritoriju na sjevernoj obali Pontusa.

---

[1]) U takvom napr. značenju ovaj glagol upotrebljen u Bibliji, V. knj. Mojs. Gl. 28, r. 66: וְהָיוּ חַיֶּיךָ תְּלֻאִים לְךָ מִנֶּגֶד »I život će tvoj ovisiti od stranca«.

[2]) Mirhond pripovijeda: »Poslije toga (kad su Hazari naselili svoju zemlju), dođe Rus u okolinu zemalja hazarskih, te, poslavši poslanika, zatraži od njega (hagana), da se naseli na tom mjestu. Hazar je prijazno primio njegova poslanika, i poklonio mu je nekoliko otoka svoje oblasti, koji su imali dobar zrak i čistu zemlju«. (Вестбергъ, »Къ анализу восточныхь источниковъ о восточной Европѣ«, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III., 31.)

[3]) Monum. Germ. hist. Script. I., 434.

[4]) Хвольсонъ, »Извѣстія . . . Ибнъ Даста . . .« 1869.

[5]) Spruner, »Histor.-geogr. Handatlas«, 2. Aufl. Nordische Reiche, Nr. V.

[6]) Vidi moj članak »Ruski otok« (Jugoslavenska Njiva, God. IX., knj. II., str. 2—4).

Za tumačenje imena Abarka, kako je nazvana prijestolnica trećeg plemena, ne mogu predložiti nikakve hipoteze, te mi jedinom utjehom ostaje to, da i nijedna druga teorija nije to ime protumačila. Takvog mjesta nema ni u Rusiji, ni na Skandinavskom poluotoku; ovo ime ne pruža nikakvih podataka za određenje smještaja toga grada. Ako ćemo smatrati treće rusko pleme azovsko-crnomorskom kneževinom, morali bismo Abarku istovjetovati s Matrahom-Tmutorokanjom, ali ova imena očito nemaju nikakve veze. Nije li možda riječ Abarka služila mjesnom hazarskom ili alanskom stanovništvu za označivanje Matrahe, te ne bi li se možda dala protumačiti iz turskog ili alanskog jezika? Ili možda ovo ime stoji u kakvoj vezi s hebrejskom transkripcijom Ptolemejeva grada *Ἀζαράσα*, ili strabonovom *Ἑρμόνασσα*, ili pak možda s gradom šar el-Bakas, kako Magrebi zove staru Fanagoriju.

Ime Grada Kerbaa, do kojega dolaze trgovci radi trgovine s Rusima trećeg plemena, u hebrejskom izvoru bilo je napisano K-r-k, i bilo je pogrješno transkribirano radi vrlo velike sličnosti slova kaf כ i bet ב.[1]) Ovo pak ime označuje isti grad, koji se u orijentalnim izvorima zove K-rk, K-rh, K-rc, K-rz, K-rš, K-rj, K-rjw. To je sadašnji *Kerč*, staro-ruski *Korčev*, bizantski *Κόρτζος*, staro-grčki Bospor Kimerijski, — grad smješten na zapadnoj obali kerčenskih vrata nasuprot Tamanskog poluotoka. U IX.—X. vijeku ovaj je grad imao mnogobrojno židovsko stanovništvo i bio je jednom od najvećih trgovačkih luka na Crnom moru. Ovamo su Madžari, po riječima Ibn Rosteha, vodili na prodaju slavensko roblje; Ibn el-Fakih kaže, da su ovamo dolazili s robom ruski trgovci. Smješten u blizini Tamanskog poluotoka nasuprot Tmutorokanje ovaj je grad bio vrlo zgodan za podržavanje neprestanih trgovačkih odnošaja s Rusima trećeg plemena.[2]) Moguće je, da su kasniji autori zbližili ime ovog grada sa Kujabom-Kijevom (prijestolnicom prvog plemena) i tako se rodilo za označivanje Kijevske Rusije ime Krkban kod Ibn el Atira, Kerkian kod Ibn el-Vardija i Kerakertija kod Dimeškija.

Arfa, — mjesto, iz kojega Rusi izvoze svoju robu —, u hebrejskom izvoru bilo je napisano ארפח, ali to se može pročitati na dva načina: kao Arfa i kao Rafa. Sigurno je, da izvor upotrebljava

---

[1]) Takve su pogrješke vrlo obične. Na primjer mjesto Zikus stoji Zibus, mjesto Sam-k-r-š — Smbrj.

[2]) Vidi moj članak »Tmutorokanj, Krh i Sm-krc« u Zborniku prof. Zlatarskomu.

drugo značenje Rafa i Refa, pod kojim razumije otok, koji arapski pisci zovu Refaa ili Rfaga, a smještavaju ga na skrajnjem sjeveru Evrope, oko jezera Tuli (Baltijskog mora). Na ovaj se otok po riječima Dimeškija uklanjaju ispred neprijatelja čudnovati ljudi, kojima je glava pričvršćena na trupu bez vrata.[1]) Kako tumači Vestberg pod otokom (ili poluotokom, jer kod Araba nema posebnog izraza za poluotok) Refaa možemo razumjeti jedino Norvegiju.[2]) Prema tome izvor govori, da su Rusi morali za svojom robom putovati na skandinavski poluotok, što se slaže s podacima drugih izvora. Ibn Hordadbeh na primjer pripovijeda o takvim putovanjima ruskih trgovaca za robom u »najudaljenije krajeve«, otkuda se oni vráćaju k obalama Rumskog mora. Mislim, da je i u Bertinskim analima pod 839. godinom sačuvano svjedočanstvo o pokušaju azovskih Rusa uspostaviti sa Skandinavijom trgovačke veze, kad je volški put bio zatvoren madžarskom seobom ili sagrađenjem tvrđave Sarkela na Donu. (Ruski su poslanici kušali, da se provezu u Skadinaviju preko Carigrada i zapadne Evrope.)

Prema tome predložio bih takvu rekonstrukciju onog hebrejskog teksta, koji je postao osnova kasnijih arapskih preradbi.

»Rusi sastoje od tri plemena. Jedno je najbliže Bulgharu i njegov car stanuje u gradu, koji se zove Kujaba, a veći je od Bulghara. Drugo udaljeno od njih pleme zove se Slavia i njegov vladar stanuje u gradu, koji ovisi (od prvoga). Treće je pleme — naša zemlja — i njegov car stanuje u Abarki (?). Dolaze k njima ljudi po trgovačkim poslovima u K-rh (Kerč). Ali što se tice Abarke, to ne pripovijedaju, da bi kadgod došao tamo stranac; jer oni ubijaju svakog stranca, koji dolazi u njihovu zemlju. Ali oni sami dolaze vodom radi trgovine; i sami ništa ne pripovijedaju o svojim poslovima i svojoj trgovini; također i ne puštaju nikoga, da ih prati i dolazi u njihovu zemlju. Iz Refa (Skandinavije) izvoze crne samure, crne lisice, olovo ...« i t. d.

---

[1]) »K zapadu odavde (od Refaa) leži veliko jezero, u koje utječe istočni ocean, koje se zove Tuli. Na njemu se nalaze otoci i naseljeni krajevi, čije je stanovništvo pleme Krkz. A neki tvrde, da su to drugi, naime takovi, koji su potekli od ljudi i posebnih morskih životinja i djelomice imadu malene oči i male rogove; oni su goli; hrane se morskim životinjama i kopnenim biljem, i piju slanu i slatku vodu... odanle se proteže zaliv sjevernog oceana, uzduž morske obale, dok ne dosegne zemlju Krkz na krajnjem sjeveroistoku, gdje drugi zaton iz njega izlazi; dužina mu je mjesec i pô, a širina — 20 dana. Ovdje se nalaze otoci, koji su naseljeni gore opisanim plemenima, kao na primjer žitelji otoka Tuli i otoka Refaa«. (Вестбергъ, »Къ анализу восточныхъ источниковъ...« Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія 1908, II., стр. 401—402.

[2]) Ibid.

U trećem ruskom plemenu viđim dakle normansku naseobinu, koja se ugnjezdila na hazarskom teritoriju na Tamanskom otočju, ali je podržavala veze s maticom zemljom.

IV.

Čini se, da upravo za ovo pleme pripovijeda Masudi: »Rusi sastavljaju mnoge narode, koji se dijele na razbacana plemena Među njima postoji pleme, koje se zove el-Ludz'ana, koje je najbrojnije od njih. Oni putuju s robom u zemlju Andalus (na Pirenejski poluotok), Rumiju (Rim), Kustantiniju (Carigrad) i Hazar.« Zatim pripovijeda o provali ovog plemena u južne krajeve Kaspijskog mora. U toj pripovijesti navedene prilike ne dopuštaju, da smjestimo ovo pleme ni na kojem drugom mjestu osim na crnomorskim obalama.

Zaista Masudi kaže, da je 500 ruskih brodova unišlo u »zaliv mora Najtasa« (Najtas-Crno more, dakle Rusi su unišli u Azovsko more) koji je rijekom Donom vezan s Volgom. — »Tamo« stoji tvrđava za obranu od neprijatelja, koji bi mogli doći iz Azovskog mora ili iz Dnjeparsko-Donske stepe. Prema tome riječ »tamo« označuje smještaj tvrđave u blizini donskog ušća, i to nipošto ne na Kerčeskim vratima, jer u tom slučaju ona ne bi mogla braniti hazarsku državu od zadonskih nomada. Ispred ovog su se grada zaustavili Rusi i obratili na hazarskog cara s molbom, da im dozvoli prolaz kroz svoje zemlje u Kaspijsko more. Dobivši dozvolu Rusi su zaplovili Donom i njegovim pritokom Ilovljom do onog mjesta, gdje se ona približuje Volgi na 12 kilometara, prenesli su tamo lađe u Volgu i zaputili se niz vodu. Prošavši kroz hazarsku prijestolnicu na ušću Volge, preplovili su Kaspijsko more po cijeloj dužini i opustošili čitavu južnu i jugozapadnu obalu od Turkmenske pustinje do Kavkaskog gorja. Izgubivši veliki broj ljudi Rusi su se s velikim plijenom vratili k ušću Volge, gdje su predali hazarskom haganu obećani dio plijena, ali na povratku uz Volgu bili su zatečeni od muhamedovske i kršćanske hazarske vojske koja se i protiv volje hagana htjela osvetiti Rusima za njihova haranja. Iskrcavši se na obalu Rusi su dočekali muslimane, ali su u trodnevnoj bitki bili poraženi. Ostatak se njihove vojske učvrstio na suprotnoj obali Volge, ali kad je ovdje nastradao od Burtasa, zaplovio je na sjever u oblast Bugara, gdje je bio do kraja uništen.

Iz podataka ove pripovijesti možemo zaključiti:

Prvo: Rusi plemena Ludzana ne dolaze iz Skandinavije. Odanle ne bi u Kaspijsko more putovali dugim i pogi-

beljnim obilaznim putem preko dnjeparskih brzica, pečenjeških nastambi i uz Don mimo hazarkih tvrđava, kad je postojao ravni put niz Volgu. Isto tako i na povratku progonjeni od neprijatelja ne bi napustili Volškog puta i ne bi se iskrcavali na obalu. Po svoj prilici oni su bili prisiljeni, da se iskrcaju na tom mjestu, gdje su se lađe prenašale u Don. Samo skrajnja nevolja prisilila ih je, da zakrenu na sjever, gdje su i poginuli.

Drugo: nije ova provala bila poduzeta iz Kijeva. Ljetopis ništa ne zna za koji slični događaj, premda broj vojske i njezina žalosna sudbina ne bi mogla biti zaboravljena narodnom tradicijom. Osim toga i političke prilike, koje su 914. godine bile u Kijevu (borba s pobunjenim slavenskim plemenima), nisu mogle dopustiti Igoru tako daleku ekspediciju na istok. Napokon, ako bi kijevski Rusi htjeli ići na Volgu, sigurno ne bi putovali spomenutim nezgodnim putem preko Crnog mora, nego ravnim putem, koji je vodio iz Kijeva prema Doncu i Donu.

Treće: Ako pak ovi Rusi nisu došli ni iz Skandinavije, ni iz Kijeva, moramo smatrati Ludz'anu posebnom normanskom državicom, koja je bila smještena na obali Crnog mora, jer odanle Rusi dolaze u Hazariju i tamo nastoje, da se povrate natrag.

Da su Rusi zaista u to doba stanovali na pontskim obalama, svjedoči isti Masudi govoreći o Rusima još na nekoliko mjesta. »Kaže Masudi: nekoji su se ljudi prevarili, i mislili, da je more Hazarsko (Kaspijsko) sjedinjeno s morem Maiotas (Azovskim); ali ja nisam vidio među trgovcima, koji putuju u zemlju Hazara i voze se morem Majotas i Najtas u zemlju Rus i Burgar ni jednoga, koji bi mislio, da se s Hazarskim morem sjedinjuje jedno od ovih mora, ili dio od njihovih voda, ili jedan od njihovih rukava, osim Hazarske rijeke (Volga)«.[1]) Vidimo, da u zemlju Rusa, kao i u zemlju Bugara, trgovci iz Kaspijskih krajeva putuju preko Azovskog i Crnog mora. Na drugom mjestu stoji: »Možda su oni, koji su spominjali, da se Hazarsko more sjedinjuje s rukavom Kustantinije, pod Hazarskim morem razumjeli more Majotas i Najtas, koje je more Burgara i Rusa.«[2]) Ove riječi nesumnjivo dokazuju, da su Rusi kao i Bugari u Masudijevo doba stanovali na crnomorskim obalama, i to bi moralo biti ono pleme Ludz'ana, koje je 914. godine iz Crnog mora provalilo u Kaspijske krajeve.

[1]) Гаркави, »Сказанія мусульманскихъ писателей« 127.
[2]) Ibid. 134.

Ime ovog plemena u drugom obliku spominje Masudi u Kitab-a Tenbihu, gdje govori o morskim rukavima. »Šesti je uski protok poznat pod imenom Abada; to je ušće kanala, koji utječe u Egipatsko i Sirsko more. Početak je njegov od mora Maiotas, koje se zove također Hazarskim morem. Širina njegova na početku iznosi oko deset milja. Ovdje se nalazi rumski grad pod imenom Musannat, koj odbija brodove Kudkana i drugih ruskih plemena, koj plove na ovom moru«.[1])

Ovo je čudnovato ime bilo više puta protumačeno na razne načine. U raznim rukopisima sačuvalo se nekoliko varijanata ovog imena: Lûdhagîa, Lûdhâgâna, Mûdgâna, Kûdkâna, Kudhkana.[2]). Sada je primljeno čitanje Ludagia = Ludgana, ali Charmoy [3]) i d'Osson[4] čitali su ovo ime Lûdżana Lûdzâ'aja, i Hvolson je s formalne strane odobrio takvo čitanje.[5]) U ovom su plemenu razni naučenjaci vidjel razna plemena: Sprenger-Litavce (Ludgana-Litava), Charmoy i Lelewel Lučane, D'Osson-Lenčane *(Λενζενῆνοι)*, Frähn, Savel'jev, Harkavi Ladožane (Lodagia-Ladoga), Hvolson-Normane (Nûrmâna), De Goeje Gotlanđane (Gotlâna), Vestberg-Norvežane (N-rvêgîa); Marquart je kušao da protumači na nekoliko načina: Wargâna (Varjag), Lordmani rhdânija (Ibn Hordadbeh ovim imenom zove židovske trgovce). Bio je i pokušaj smatrati Kûdkâna za posebno pleme i tumačiti ga kao Kijevljane (Kujavana po Harkaviju i Dornu).[6])

Izgleda, da će pitanje o ovome imenu biti riješeno na osnovu onog hebrejskog anonima, čiji je fragmenat 1912. godine pronašao hebraista dr. Schechter.[7]) U zemljopisnom djelu ovog izvora među hazarskima susjedima spomenut je narod Luzanija, pod kojim izvor po svoj prilici razumije nekakvu rusku oblast. Kažemo: »po svoj prilici«, jer nažalost, upravo na onom mjestu, gdje je spomenuta Luzanija, fragmenat se svršava i ne daje o njoj nikakovih podataka te moramo određivati ovu oblast na osnovu onih podataka, koj su zaključeni u historijskom djelu.

U zemljopisnome dijelu spomenuti su susjedi i neprijatelji Hazara Asija, Bab el-Abvab, Zibus, Turci i Luzanija. Asija — »narod As-

---

[1]) Гаркави, »Дополненія къ сказаніямъ ...« 31; Marquart, »Osteuropäisch und ostasiatische Streifzüge« 342.

[2]) Вестбергъ, »Къ анализу восточныхъ источниковъ ...« Журналъ Мин Нар. Просв. 1908, II., 389.

[3]) Charmoy, »Relations de Masoudi. Les prairies d'or«, II., 18—24.

[4]) D'Osson, »Les peuples de Caucase«, 86, bilj. 4.

[5]) Хвольсонъ, »Ибнъ Даста ...« 166–168.

[6]) Вестбергъ, ibid. 389—391.

[7]) Vidi str. 11, bilj. 2.

arapskih pisaca, „Ясы“ ruskog ljetopisa — stepska je Alanija. Bab-el-Abvab — arapsko je ime grada Derbenda, koji se nalazi na zapadnoj obali Kaspijskog mora, a spadao je pod arapski halifat. Zibus je bio pogrješno napisan mjesto Zikus (zbog sličnosti slova kaf i bet) i označuje Zihiju, — primorsku oblast smještenu k jugu od rijeke Kubanji. Turci su Pečenjezi: anonim kaže na jednom mjestu, da su Turci navaljivali na Hazare na molbu Grka, a na drugom mjestu, — da su Hazari iznajmili Turke za navalu na Alane; takav smještaj između Bizanta, Hazarije i Alana u polovici X. vijeka imali su Pečenjezi, koji su neprestano ratovali sa susjedima. Luzanija je dakle spomenuta zajedno s Arapima, Alanima i Pečenjezima kao neposredni susjed Hazara. Čudno je pak samo to, što među ovim susjedima nisu spemenuti Rusi, o kojima se dosta pripovijeda u historijskom dijelu. Što se tiče historijskog dijela, tamo su opisani odnošaji sa svima susjedima, koji se navode u zemljopisnom dijelu, osim Luzanije. Pošto u ovom dijelu pored Bizanta, Pečenjega, Alana i Rusa nije spomenuta Luzanija, a u geografskom — među susjedima Hazara pored Bizanta, Pečenjega, Alana i Luzanije nisu navedeni Rusi, jasno je, da Anonim istovjetuje Luzaniju s ruskom oblasti, što se posve slaže s riječima Masudija, koji govori o ruskom plemenu Ludzana.

Vidjeli smo, da Musudijevu Lûdzânu možemo tražiti samo na pontskim obalama — isto se može zaključiti i o Rusima-Luzaniji Schechterova fragmenta.

Izvor pripovijeda, da su u doba cara Josifa, kad je u Bizantu bio progon Židova, Hazari poklali mnogo kršćana, koji su živjeli u njihovoj državi. Radi toga car Roman nagovori ruskog kneza Halgu-a, da navali na hazarski grad Smrkš (Kerč), što je Halgu i učinio. Ali Hazari su ipak porazili Ruse, vratili Kerč, i prisilili ruskog kneza da okrene oružje protiv Grka. Pretrpjevši poraz od grčke vatre Rusi se nisu htjeli vratiti sramotno kući, nego su otišli u Perziju, gdje su skoro svi poginuli. Njihova je oblast potpala pod vlast Hazara.

Na osnovi onih prilika, koje su navedene u pripovijesti, možemo dosta točno datirati opisani događaj. Suvremenik car Josifa Masudi kaže, da se progon Židova u Bizantu dogodio 943.—944. godine. [1]) Ovaj datum potvrđuju još dva podatka. Anonimni izvor, koji je sastavljen oko polovice X. stoljeća, opisuje rusko-hazarsko-bizantinski rat kao posljednji događaj, koji je poznat autoru, dakle takav, koji

[1]) Masoudi, »Les prairies d'or.« ed. Barbier de Meynard. Paris 1861, vol. II., p. 8—9.

se dogodio za malo vrijeme prije sastavljanja izvora. Zatim: mnogi orijentalni izvori opisuju provalu Rusa u Tabaristan 944. godine.[1]) Prema tome možemo opisani događaj datirati 943.—944. godinom.

Ovaj datum ne dopušta, da Halguove Ruse smatramo za Kijevljane. U Kijevu je u to doba vladao Igor, dok anonim govori o knezu Halgu. Poslije rata 944. godine Igor se vratio kući, gdje je poginuo od ruke Drevljana, — Halgu je otišao u Perziju, gdje je izgubio život (što se slažc s podacima izvora, koji opisuju rusku provalu u Tabaristan 944.—945. god.). Nikako se ne mogu na Kijevsku Rusiju protegnuti riječi anonima, da je ruska oblast nakon ovog rata u polovici X. stoljeća potpala pod vlast Hazara.

Mnogo je vjerojatnije držati Halgu-a za kneza Tamanskih Rusa. Odanle je mogao nenadano navaliti na susjednu hazarsku Kerč, tamo je mogao sakupiti za provalu u Tabaristan susjedna plemena: Alane, Lezge, Hazare i Burtase, kako o tome govore pripovjedaoci provale 944. godine. Napokon jedino ova »Rusija« mogla je poslije nesretnog rata potpasti pod hazarsku vlast, koju je ona priznavala i prije — u IX. vijeku. Mislim dakle, da kao Masudjea Ludz-ana, tako i ruska Luzanija hebrejskog anonima može biti smještena jedino na obalama Crnog ili Azovskog mora, tačnije — na Tamanskom otočju, koje Hazari u X. vijeku zovu »svojom zemljom«.

Otkud se javilo ime Luzanije, i što ono znači — ostat će i nadalje zagonetkom. Svakako sva tumačenja, koja su se osnivala na čitanju ovog imena Lûdgâna ili Kûdkâna, moraju se sada zabaciti, jer se to protivi hebrejskom izvoru. Ali i ona tumačenja, koja su se osnivala na obliku Lûzanâ, nisu zgodna. I D'Ossonovi Lenčani i Lelewelovi Lučani bili su mala slavenska plemena, koja nisu mogla poduzimati u X. stoljeću takve provale u Tabaristan, kao one 912. i 944. god. Ne bi se na njih mogli odnesti i podaci navedeni u Schechterovu fragmentu. Zato se čini, da nijedno od dosadanjih tumačenja ne može da se obrani od kritike, i »zagonetno ime« još očekuje svog tumača.

Završujući ovaj članak, ne mislim, da bi svi zaključci bili bez prigovora, ali mi se čini, da ne će biti ni sasvim suvišni. Svakako one hipoteze o imenu Artanije, koje su tumačili samo ovo ime, puštajući druga tamna mjesta izvora, ne mogu reflektirati na priznanje, dok ne protumače izvor u cjelini. Tumačenje pak izvora u njegovoj cjelini sili nas, da potražimo i one putove, kojima su njegovi podaci došli

[1]) Дорнъ, »О походахъ древнихъ русскихъ въ Табаристанъ«, Записки Академіи Наукъ, XXVI., стр. 495—519.

k Arapima, a kod toga ne smijemo zaboravljati na posredničku ulogu Hazara, preko kojih su Arapi dobivali vijesti o istočnoj Evropi. U ovoj oblasti moj bi članak bio jedan od prvih i nemnogih pokušaja, te, ako bi se njegovi zaključci i oprovrgnuli, on će možda pokazati stazu novim istraživanjima, koja će doći do tačnijih i pouzdanijih rezultata.

Vladimir Mošin

Kritiky a referáty.

Słoński Stanisław: **Wybór tekstów starosłowiańskich.** (Lwowsk bibljoteka slawistyczna, tom pierwszy.) We Lwowie, 1926 VI + 151.

Хрестоматія предназначена для студентовъ-поляковъ и состоитъ из предисловія, текстовъ и словаря, въ которомъ даются польскія значені старословянскихъ словъ. Предъ текстэми находимъ краткія свѣдѣні о памятникѣ, изъ котораго печатается отрывокъ. Къ библіографическо полнотѣ въ этихъ свѣдѣніяхъ составитель хрестоматіи не стремился Такъ, давая указанія на работы, посвященныя Зографскому Евангелію составитель цитируетъ статейку Ван-Вейка о прототипѣ этого памятник въ Roczn. Slaw. IX (1921 г.), но не упоминаетъ о статьѣ того же автора посвященной тому-же памятнику — въ журналѣ Slavia I (1922 г 215—218. Въ литературѣ Маріинскаго Ев. не находимъ указанія н статьи П. Бузука »Къ вопросу о мѣстѣ написанія Маріинскаго Еван гелія« въ Изв. (ОРЯСл) XXIII (1918 г.) и »Замечания о Мариинско Евангелии« въ Изв. (ОРЯСл) XXIX (1924 г.). По отношенію къ Савино книгѣ необходимо было отмѣтить поправки къ изданію Щепкина — Каринскаго — перечень важнѣйшихъ неточностей изданія (въ Изв. XIX, 3 1914 г.). Синайской Псалтыри посвящена статья Ю. Петровской »Къ во просу о мѣнѣ глухихъ въ старославянскихъ памятникахъ. Мѣна глухих въ Синайской Псалтыри« Изв. XXI (1916) 1, 279—319. Въ числѣ ра ботъ, посвященныхъ Кіевскому Миссалу, не упомянута статья Н. Н. Дур ново »К вопросу о языке Киевских листков« въ ж. Slavia I (1922 г. 219—227; новѣйшая замѣтка Ван-Вейка »Kilka uwag o pochodzeni Mszala Kijewskiego (Lwów 1925), вѣроятно, не успѣла попасть въ рук автора въ надлежащее время, такъ же, какъ и статья того же автора посвященная Супрасльскому кодексу: »Zur Komposition des altkirchen slavischen Codex Suprasliensis« Amsterdam 1925 г. (Mededeelingen de koniklijke Akademie van Wetenschappen, afdeeling letterkunde deel 59 Serie A, № 4).

Что касается выбора текстовъ, то составитель далъ отрывки из всѣхъ крупныхъ старословянскихъ памятниковъ, глаголическихъ и ки рилловскихъ. Памятники, дошедшіе до насъ въ отрывкахъ, оставлен въ сторонѣ. Оставлено въ сторонѣ также Остромирово Ев., — древнѣйші представитель русской редакціи, какъ оставлены въ сторонѣ и древ нѣйшіе представители среднеболгарской и сербской редакціи. Отрывк изъ глаголическихъ памятниковъ напечатаны въ кирилловской тран скрипціи. Тексты даны по лучшимъ имѣющимся изданіямъ памятниковъ безъ свѣрки съ подлинникомъ или снимками. Кромѣ отрывковъ изъ о

ѣльныхъ памятниковъ данъ параллельный евангельскій текстъ изъ Zogr., Mar., Assem. и Sav. (Io. XVI 1—12, XI 1—45), такъ же параллельный текстъ изъ Supr. и Cloz. (отрывокъ изъ гомиліи св. Епифанія, еп. Кипрскаго). При словянскомъ текстѣ Кіевскаго Миссала данъ параллельный латинскій текстъ, а при текстѣ изъ Supr. и Cloz. — параллельный греческій.

Корректура изданія не безукоризненна: можно пожалѣть, что составитель хрестоматіи не присоединилъ къ своей книжкѣ списка опечатокъ — можно думать, что списокъ этотъ былъ бы достаточно великъ. Я, конечно, не свѣрялъ всѣхъ текстовъ, данныхъ составителемъ, съ соотвѣтствующими изданіями, но то, что я свѣрилъ, оправдываетъ пожеланіе о спискѣ опечатокъ: ср. на 2 с. 10 стр. св. бы вм. бъı, на 5 с. 2 стр. сн. мн вм. ми, ibid. 10 сн. имаши вм. імаши и кладѧзь вм. кладѧѕь, ibid. 9 сн. есі вм. еси, 6 с. 1 св. отвѣшта вм. отъвѣшта, 5 с. 16 стр. сн. твои вм. твоі, 16 с. 1 стр. сн. бъıстъ вм. бъıстъ, 7 с. 16 стр. св. возьлѧте вм. козьлѧте, 21 с. 17 стр. св. нынѣ вм. ныне, ibid. 18 св. слабѫ вм. славѫ, ibid. 20 св. всемоу о тебѣ вм. всемоу мироу о тебѣ, ibid. 2 сн. нѣсмъ вм. нѣсмь, 24 с. 6 сн. (сѣ)дѣаше вм. (сѣ)дѣше, 27 с. 3—4 св. послѣдьнъı вм. послѣдьны, ibid. 14 сн. и 10 сн. — гл҃юще вм. гл҃ѭще, 29 с. 4 св. сътво- вм. тво-, ibid. 9 сн. оумръı вм. оумры, 33 с. 6 сн. плъті вм. плъти, 4 с. 11 св. гъ вм. г҃ъ, 36 с. 6 сн. но/щьныѩ вм. нощьнъıѩ, ibid. сн. б҃оу вм. б҃оу, 37 с. 15 сн. дроужинъı вм. дроужинъ, 39 с. 7 сн. б҃жнемь вм. б҃жиемъ, 54 с. 6 сн. христосовъ вм. христосовъ, 55 с. 4 сн. ıако вм. ıако, 56 с. 17 св. призъвавъ вм. призъвавъ, 63 с. 5 сн. разломенъıѩ ногъı вм. разломеныѩ ногы, ibid. 16 сн. покоушаѩштоу вм. покоушаѫштоу, 65 с. 16 св. чѧдолюбива вм. чѧдолюба, 69 с. 2—3 св. видѣвъı и вм. видѣвъı и, 75 с. 1 св. коудоу вм. кѫдоу, 42 с. 1 св. оутвръді вм. оутврьді и др. Правда, въ большинствѣ случаевъ ошибки эти легко исправитъ самъ читатель; должно признать все же, что въ общемъ тексты изданы хорошо, имѣя въ виду ихъ соотвѣтствіе изданіямъ памятниковъ.

Рядъ замѣчаній вызываетъ приложенный къ текстамъ словарь. Составитель предупреждаетъ, что, по примѣру Лескина, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тексты имѣютъ и и ь одно рядомъ съ другимъ (абиѥ и абьѥ), онъ пишетъ только и, на мѣстѣ ръ и рь, лъ и ль (= r, l слоговые) — только ръ и лъ, а на мѣстѣ з и ѕ (т. е. z и dz) — только з (z). Съ первымъ пріемомъ легко согласиться (абиѥ и т. п.); замѣчу только, что составитель его не выдержалъ до конца: у него находимъ на 128 с. вовьıати — ср. биѭ, пролиıати и т. п. Студентъ будетъ въ недоумѣніи, почему здѣсь ь, а не и. Второй и третій пріемы (ръ, лъ и з) трудно признать правильными: какъ будетъ студентъ смотрѣть на такіе факты Кіевскаго Миссала, какъ скврьностні, наплънені, срьдьцѣ, тврьдь (рядомъ съ этимъ на 42 с. 1 св. у составителя ошибочно оутвръді вм. правильнаго оутврьді), дрьжімъ, разъ въ словарѣ онъ находитъ скврънность, наплънити, сръдьце, тврьдь, дръжати? Точно такъ же неудобно писать стьза, разъ въ отрывкѣ изъ Синайской Псалтыри въ хрестоматіи находимъ стеѕь gen. pl., или зѣло, разъ въ отрывкѣ

изъ Zogr. находимъ ѕѣло (кладѧзь въ хрестоматіи на 5 с. — Io. IV11 у составителя-невѣрно вм. кладѧѕь, какъ это — въ изданіи Ягича.)

Кромѣ того въ словарѣ находимъ и другіе промахи: на 99 с. — блюдъ вм. блюдо, на 108 с. десьница, десьнъ вм. десница, деснъ, на 109 с. желѣзьнъ вм. желѣзнъ, на 131 с. присьно, присьнодѣва, присьнъ вм. присно и т. д., на 136 с. рѣсьнотивьнъ вм. рѣснотивьнъ: какъ извѣстно, эти слова въ памятникахъ всегда пишутся безъ полугласнаго, такъ что мы не имѣемъ права предполагать въ нихъ суффиксъ -ьн-.

Далѣе, на 123 с. находимъ нива вм. ӥива (ср. серб. њива), на 115 с. — конь вм. коӈь: ср. въ томъ же словарѣ лазаръ, корабль — возможно, что это простыя опечатки; опечатки и въ словарѣ, вообще говоря, встрѣчаются.

Не вполнѣ удобно давать, какъ основную, форму гнати-женѫ, а форму гънати давать въ скобкахъ и со ссылкой на первую („гънати р. гнати“), какъ это дѣлаетъ авторъ (ср. правильно у него же бьрати-берѫ и „брати р. бьрати“). Неточно на 110 с. „иждити (из-ж.)“: изъ группы *zž* не получилось бы *žd*. *С. Кульбакинъ.*

Академик А. А. Шахматов: **Очерк современного русского литературного языка.** Государственное Издательство. Ленинград 1925. Портрет Шахматова + 212 стр.

Книга издана Ленингр. Отделением Гос. Изд-ва к юбилею Академии Наук. Внешность производит хорошее впечатление, но в виду спешности (10 дней!) печатания, содержащего, м. пр., много слов в фонетической транскрипции, в неё вкралось много опечаток, впрочем, по б. ч. неважных.

Это университетский курс, читанный Ш-вым в 1911—1912 г. В предисловии редактора сказано, что Ш. еще во время войны приготовлял его к печати, но сравнение со студенч. литогр. изданием 1913 обнаруживает их дословное тожество; даже библиографический список пособий в конце остался без изменений. Т. о. настоящий курс отражает более ранние научные взгляды Ш., чем то, что́ печаталось им в 1915—1919 гг., и чем изданный в 1925 г. русский синтаксис, над которым Ш. трудился последние годы своей жизни. Кроме того, от него, как университетского курса, не приготовленного автором к печати, нельзя ждать той полноты и точности научного аппарата, как от труда, предназначенного для печати.

Курс содержит I. Историч. введение (5—19), II. анализ составных элементов р. л. я. (19—53), его III. фонетику, т. е. обзор звуков с указанием на действующие в нём теперь и действовавшие раньше звуковые законы и явления аналогии, их нарушившие (53—83), и IV. морфологию a. склонения (83—150) и b. спряжения (150—207); в последнем отделе говорится и о песпрягаемых фф. глагола.

Современным р. л. я. Ш. называет яз., »который образованные русские люди употребляют и в разговорной и в письменной своей речи« (5). В описании его фактов Ш. исходит из собственного своего словоупотребления, нигде не приводя цитат из писателей и не делая на них ссылок. Факты, известные этому яз., но не свойственные собственной

ечи Ш., он указывает не везде, нигде почти не оговаривая, где они аблюдаются, принадлежат ли одним и тем же или разным лицам насколько те или другие из них общеприняты, распространены или ипичны для известного города или области или группы образованных юдей. Лишь изредка делаются ссылки на Востокова и Грота. Но полота сообщаемых Ш-вым сведений показывает, что предшествующая итература им использована достаточно полно. Не говорит Ш. и о том, асколько фонетический и грамматический строй его собственной речи его словоупотребление нормальны, т. е. общеприняты. Т. о. безусловную аучную ценность книга представляет лишь постольку, поскольку в ней ано подробное научное описание фактов речи самого Ш., и поскольку онетика и морфология его речи и его словоупотребление нормальны ля р. л. я. В обоих отношениях ценность »Очерка« не подлежит омнению, п. ч. яз. Ш-ва, как высоко образованного москвича, не представлял значительных уклонений от этой нормы и мог быть потому зят им за основу для описания р. л. я.

I. Согласно взглядам Ш., р. л. я. »по происхождению своему ревнеболг. яз., пересаженный в Россию в качестве церковного яз. На Руси, сначала на Ю., в Киеве, потом на С.-В., в Москве, он подвергся брусению, проникся живыми народными элементами и в сильной степени приблизился . . . к наречию г. Москвы« (19); это помогло ему тать разговорным языком образованных москвичей и ускорило процесс превращения его в одно из в.-р. наречий, обнаруживающее однако в своем составе первоначальную природу (церковнославянизмы), во торых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы . . .)« (19). Попутно Ш. останавливается на вопросе об образовании моск. наречия, как главной народной основы р. л. я., представляя его себе, как своего рода *κοινή*, в создании которого участвовали разные в.-р. говоры, и в основе которого лежит с.-в.-р. говор.[1])

Остановлюсь на одном пункте. Ш. думает, что после Владимира Св. русские усваивали цсл. яз. только книжным путём, а не от ю. славян, т. к. »учителей мы оттуда (из Болгарии) не выписывали, довольствуясь тою школою русских попов и дьяконов, которая . . . была создана еще при Владимире« (8). По моему, правописание р. ркпсей и р. переводы 11. и 12. вв. свидетельствуют, что после Владимира, в течение 11 в., гл. о. при Ярославе, на Руси были ю. славяне, участвовавшие в переводах и содействовавшие появлению на Руси иного правописания и иного произношения, чем те, какие, повидимому, были усвоены русскими от в. болгар при Владимире Св.

II. Из составных элементов р. л. я. Ш. подробно останавливается на элементах цсл. В них он усматривает два главных слоя: »древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в.« (20); кроме них были и промежу-

[1]) Эта схема развития р. л. я. и образования моск. наречия была повторена Ш-вым в статье ,,Русскій языкъ. Его особенности. Вопросъ объ образованіи нарѣчій. Очеркъ основныхъ моментовъ развитія литературнаго языка" в I. т. ,,Исторіи русской литературы до XIX в. подъ редакціей А. Е. Грузинскаго", М. 1916.

точные, не имевшие такого значения. Но разграничить их Ш. не берется и только немногие из цсл. элементов относит к определённой эпохе а именно, *о* и *е* на месте *ъ* и *ь*, подлежавших выпадению — к 11. в. а *жд* в соответствии с русским *ж* — к 14. (25). Я бы к той же поздней эпохе отнёс и сохранение *е* без изменения в *о* в начале сло и перед твёрдыми: в цсл. словах, усвоенных в 11 в., *е* изменялось в *о* ср. *Олёна*, *Олфёр*, *Пётр*, *крёстный* и, м. б., народное *хрёст;* позднее чем 11. в., и начальное *j* в *Елена*, *евангелие* и т. п.

Ш. стремится указать, по возможности, все фонетические, морфологические и словарные цсл. элементы р. л. я. и даёт исчерпывающий или почти исчерпывающий список основ и морфологических элементов выдающих своим звуковым видом цсл. происхождение. Кроме очевидных цсл. элементов, Ш. относит сюда *о* и *е* на месте подлежавших выпадению *ъ* и *ь*, образования с суфф. *-тель* (кроме *жи́тель* и *волосте́ль*) *-ство* с ударением на основе и *-ствие*, все прич. »в их полной склоняемой форме« с сохранением значения прич. (41—42, 182), глаг. осн с ударяемым суфф. *á* с кратным значением. Нельзя не согласиться с доводами Ш., что и эти элементы цсл. Вывод, — что р. л. я. »в словарном своем составе . . ., по крайней мере, на половину, если не больше остался цсл.« (44).

Из древнейших (идущих с 11. в.) ю-р. элементов Ш. называет только *γ* в словах *Бога* и т. п. и произношение *позволить, дозволить вызволить* без *і* перед *г*. О ю.-р. элементах, проникших в р. л. я позднее, в моск. эпоху, Ш. не говорит; м. т., кроме случайных ю.-р элементов, проникавших в него в разное время и разными путями в XVII в., особенно во 2-й половине, проявилось и систематическое очень сильное ю.-р. влияние на р. л. я., вызванное массовым исправлением церковных книг ю.-р. деятелями в Москве, проникновением большого количества ю.-р. литературных произведений и переводов и литературной и руководящей культурной деятельностью ю.-р. выходцев

Не стану останавливаться на главах, посвященных заимствованиям из иностранных языков (47—50), диалектологическим элементам в р. л. я (вернее — областным разновидностям р. л. я. на почве местных говоров, 50—52) и архаическому и искусственному произношению (52—53) эти главы очень коротки и существенно нового не вносят.

III—IV. При обзоре звуков и форм р. л. я. Ш. даёт и историческое освещение рассматриваемых им фактов, поскольку считает это необходимым для их понимания. Некоторые из высказываемых здесь соображений были им повторены или пересмотрены в вышедших после 1912 г. печатных работах, но другие, гл. обр. относящиеся к эпохе после XII в., нигде еще в печатном виде не появлялись и потому заслуживают внимания. Тем не менее, останавливаться на них, за исключением немногих частностей, не буду, п. ч. их трудно рассматривать вне связи с остальными историческими построениями Ш., изложенными в других его работах, и потому, что в настоящем курсе Ш. воздерживается от подробного обоснования своих взглядов.

III. В части, посвящённой фонетике р. л. я., Ш. перечисляет звуки своего произношения, даёт их физиологическое определение и указывае

онетич. положения, в которых они встречаются; далее, точнее опредеяет фонетические положения, обусловливающие в р. л. я. появление ех или других звуков, и те фонетич. изменения, каким подвергаются олько что заимствованные иностранные слова, и затем говорит о звуовых законах, которые теперь не действуют, но действовали раньше отразились частью на морфологических чередованиях звуков, частью а расхождении между нынешним правописанием и произношением, о нарушивших эти законы явлениях аналогии.

Отдельные звуки описаны очень тщательно и подробно. Несколько енее подробно — группы согласных; о некоторых второстепенных звуовых явлениях не говорится. Недостаточно, по моему, выяснены условия характер редукции неударяемых гласных. Не обращено внимания на азличия в условиях редукции гласных по количеству, по степени вонкости и по качеству; не говорится о зависимости редукции от хаактера соседних согласных и перехода сонорных в соседстве с редуированной гласной в слоговые. Ш. вообще отрицает существование логовых сонорных в р. л. я. (59); ср. примеры *ón značit, dá brat* (59), итаемые Ш-вым с неслоговыми *n* и *r* и со слоговым редуцированным ласным звуком, и *kažl'ónʌčik*, где, по Ш., после неслогового *n* — ласный звук, обозначаемый им посредством ʌ, произносимый »при соершенно спокойном положении органов речи, вследствие чего прохоящий через полость рта голос не изменяется в зависимости от того ли другого резонанса« (57). Я в подобных случаях произношу и налюдал у других слоговые *n* и *r*. Возможно, что в индивидуальном роизношении Ш. слоговые сонорные, действительно, отсутствовали, но таком случае не понимаю, что́ он обозначал ʌ. При артикуляции, писанной им, должно бы получиться лишь очень открытое *a*, но он, чевидно, имел в виду что-то другое. М. б., Ш. этим знаком хотел бозначить одно выдыхание без голоса? Но такое выдыхание может аменять гласный звук только не по соседству с сонорными.

Некоторые звуки или их оттенки я произношу или только восприимаю иначе, чем Ш.; впрочем, эти различия или разногласия касаотся гл. о. трудно определимых оттенков звуков. Не стану на них станавливаться, п. ч. о своём произношении я подробно говорю в своем Очерке«.[1])

IV. Морфологию Ш. делит на 2 отдела: *a)* склонение, где говорит е только об изменении по падежам, но и о всех фф. согласования роде и числе, включая и прош. вр. глаг., и *b)* спряжение, где рассматривается не только спряжение в том значении, какое придает этому онятию Ш., но и все неспрягаемые фф. глаг.; спряжение Ш. опредеяет, как изменение по лицам, а изменением по лицам называет как фф. лица глаг., так и способы выражения отпошения к лицу помощью личных слов и вспомогат. глаг., если в фф. самого слова выражена предикативность; поэтому к спряжению отнесены и прош. вр. глаг.

[1]) Очерк истории русского яз. (М. 1924). Ср. также Кошутић, Граматика руског језика I А., Петрогр. 1919 (в основу положено произношение москвичей, в том числе моё и проф. Д. Н. Ушакова, мало отличающееся от моего).

и предикативные (т. н. краткие) фф. прилаг. и прич. страд. Т. о. некоторые фф. рассматриваются в обоих отделах, но с разных точек зрения. Склоняемые слова Ш. называет именами и делит на 2 класса: слова-определяемые — сущ. и личные местоим., и слова-определители — прилаг., местоим., кроме личных, числит., прич. В пределах последней группы Ш. оставляет традиционные рубрики: местоим. (140—143), прилаг. (143—147) и числит. (147-150), но основывает эту верность традиции на морфологич. и, отчасти, синтаксич. особенностях каждой из назв. категорий. Исходя из этих морфологич. признаков, он относит к местоим. и слова *весь*, *вся*, *всё*, а в категории числит. рассматривает только числит. колич. и собират.; впрочем, в первой группе упоминаются и »местоимения, склоняемые, как прилаг.« (143), а во второй — числит. порядк. с замечанием, что они »склоняются, как прилаг.« (150). »Именное склонение прилаг.«, куда отнесены склонение прилаг. притяжат. и фамилий на *-ов*, *-ин* и названий городов на *-ов*, *-ин*, *-ск*, а также образование рода и числа у »прилаг.-сказуемых«, прич. страд. и прош. вр. глаг., составляет особую главу (137—140).

Этот план — не классификация; на несоотносительность категорий местоим., прилаг. и числит. указывает и сам Ш.; о том, что inf., склоняемые прич. и деепр. не принадлежат к спрягаемым словам, а спрягаемые фф. прилаг. — не глаг., он также говорит. Удобство плана Ш. в том, что здесь б. ч. однородных явлений обьединена в соответствующих группах, и указаны морфологич. признаки категорий, выделявшихся раньше по признакам неграмматическим или не признававшихся за грамматические; при этом Ш-вым учтены как те морфологич. признаки, которые обьединяют целую категорию (сущ., прилаг., глаг., спрягаемые слова), так и те, которые свойственны той или другой категории не во всём её обьёме, но не повторяются в других и потому позволяют говорить о ней, как о грамматич. факте яз.; категорий, выделяемых только по значению, здесь нет.

Кроме этих более обширных категорий, Ш. говорит и о более дробных к а т е г о р и я х, т. е. группах значений или слов, обьединённых общими или соотносительными значениями, которым соответствуют и известные морфологические признаки, как в тех случаях, когда эти значения и признаки вполне покрывают друг друга, так и в тех, когда соответствие известных морфологич. признаков известным значениям наблюдается не во всей группе слов с данным признаком или данным значением, но тенденция к тому, чтобы связать данные морфологич. признаки с данной группой значений, сказывается достаточно отчтотливо. Между собой эти категории частью соотносительны, частью несоотносительны. У сущ. Ш. различает категории 1. рода, 2. числа, 3. падежа, 4. одушевленности и неодушевленности, 5. лица и нелица, 6. отвлечённости и конкретности, 7. единичности и множественности, 8. собирательности, 9. вещественности, 10. умалительности, уничижительности и увеличительности. У глаг. кроме лица, также 1. времени, 2. наклонения, 3. вида, 4. залога; категории лица, врем. и накл. и у спрягаемых прилаг. и прич. У прилаг. таких категорий Ш. не устанавливает, хотя о прилаг. притяжат. и говорит в главе об именном

склонении прилаг.,[1]) а местоим. делит на группы частью только по различиям в образовании пад. фф., без отношения к значению, частью только по значению, без отношения к различиям в образовании пад. фф.

Под категорией рода Ш. понимает традиционные категории m., f. и n. (86—87), различаемые им не только в sg., но и в pl. (88); категорию числа усматривает не только в словах, образующих фф. обоих чисел, но и в т. н. sg. и pl. tantum, где, по его мнению, с морфолог. и синтакс. признаками числа связывается представление о единичности или множественности (87—88, ср. 93—94);

к морфолог. признакам категорий одушевлённости и неодушевлённости Ш., кроме совпадения a. sg. m. и a. pl. с nom. или g., относит *а)* потерю средним родом возможности определять живые существа, вследствие чего имена одушевл. на *-о* получили значение m., а n. типа *теля*, перейдя в m., получили другой суфф. — *телёнок* *б)* наличие g. sg. m. на *-и* только и имён неодушевл. (вероятно опиской надо считать отсутствие упоминания здесь и о l. sg. на *-и*),[2]) *в)* наличие только у m. неодуш. nom. pl. на *-ý*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением, кроме *паны́* (92, 108);

указание на различение категорий лица и нелица Ш. видит *а)* в наличии среди m. на *-а* только названий лиц, а не животных, *б)* в переходе m. на *-о*, обозначающих лица, в склонение имён на *-а*, *в)* в присутствии подвижного суфф. *-ин*, отпадающего в pl., только у m., обозн. лица,[3]) *г)* в присутствии nom. pl. m. на *-і* от основ на твёрдую, на *-е* неудар. и на *-ья́* с ударением на конце только у имён лиц, а на *-ья* без ударения гл. о. от имён неодуш., кроме *братья* и *холопья*.[4]) *д)* в употреблении числит. двое, трое, четверо и т. п. только с именами лиц муж. пола, но не с f. и не с именами животных и неодуш., кроме pl. tantum;

категории отвлечённости и конкретности, по Ш. морфологически и синтаксически различаются тем, что слова с отвлеч. значением *а)* не соединяются с числит. и не образуют pl., в противном случае получают конкретное значение, *б)* обычно образуют g. sg. на *-у*, *в)* не имеют ударения на оконч., кроме m. на *-ёж* (93);

---

[1]) Можно было бы здесь, напр., говорить о категориях *а*) прилаг. качеств., выделяемых по признаку образования сравн. ст. и наречий на *-о* и по признаку наличия особых предикативных (кратких) фф., и относительных, куда принадлежат и числит. порядк., по признаку отсутствия сравн. ст., наречий на *-о* и особых предикативных фф. и *б)* прилаг. притяжат. по признаку именного склонения, образования наречий на *-ски* и отсутствия сравн. ст. Но т. к. об этом говоритс и в традиционных грамматиках, то Ш. не было надобности на этом останавливаться.

[2]) В литогр. изд. l. sg. на *-и* здесь также не упомянут.

[3]) У f, наоборот, подвижной суфф. *-ин*, как признак единичности, употр. при неодуш.: *штаны - штанúна, ягоды - ягодина, слёзы - слезúнка;* обычно названиям единичных предметов с этим суфф. противополагается, впрочем, не pl., а sg. с собират. значением: *трава - травинка, горох - горошина, сор - соринка, крупа - крупинка* и пр.

[4]) Ср. в-р. диалект. *братья́; холóпья* и раньше было мало употр.; более обычным было *холóпи*.

для категории вещественности Ш. указывает один признак — g. sg. на *-и*, в отличие от других категорий не только с ударением на основе, но и на оконч.;

категорию умалительности и пр. Ш. выделяет потому, что она, кроме известных суфф., обозначается и синтаксически тем, что род слов этой категории определяется не окончаниями, а родом соответствующего простого слова.

В б. ч. случаев указываемые Ш-вым морфологич. признаки не характеризуют категории в целом; тем не менее, можно думать, что тенденции яз. к различению именно назв. категорий подмечены Ш-вым по б. ч. верно. Но не все эти категории теперь в р. л. я. одинаково жизненны, и было бы желательно выяснить, какие из них вполне жизненны и продуктивны, какие только зарождаются, и какие представляют отмирающий пережиток другой эпохи, другого строя яз. Намёки на это у Ш. имеются; ср. его указания на утрату средним родом возможности определять живые существа (90), на расширение категорий одушевлённости и неодушевлённости за счёт категорий лица и нелица (92), на сокращение категории собирательности благодаря тому, что собирательные получили значение pl. (94), и на ограниченное распространение в р. л. я. категорий лица и нелица и. собирательности. Но определённо вопроса о жизненности в р. л. я. тех или иных категорий Ш. не ставит и даже оставляет без ответа вопрос, как смотреть на ряд уклонений от замеченных им морфологических тенденций р. л. я., напр. а. *его, её, их* для обозначения как одуш., так и неодуш., n. животное, насекомое, чудовище, ударения *бра́тья, паны́*, ударение у имён на *-ёж* и др.; в каких случаях на подобные примеры можно смотреть, как на остатки прошлого, противоречащие нынешней системе яз., в каких они свидетельствуют о начавшемся разрушении старой категории или зарождении новой и в каких о столкновении живой тенденции языка с книжническим отсутствием живого чутья языка.

Не понимаю, почему Ш., так отчётливо определивший морфологические признаки остальных категорий, не сделал того-же по отношению к категории числа, ограничившись замечанием, что она »входит в склонение сущ.« (87), и даже в главе об изменениях основ сущ. при склонении (95—99) не упоминает о различиях между основами sg. и pl., а в главе о pl. m. с nom. на *-ья* (117—120) не замечает, что, в сущности, в этом случае мы имеем дело с образованием осн. pl. помощью суфф. j, и даёт, по-моему, неверное обьяснение g. pl. типа *друзе́й* (см. ниже).

Напрасно Ш. пытается определить род т. н. pl. tantum, где, и по его словам, род »только в некоторых случаях может быть определён морфологически« (88). Но и в этих случаях, по-моему, можно говорить о принадлежности сущ. к известному роду только с историч. точки зрения, а в р. л. я. понятие множ. ч. вообще противополагается понятию рода; устранение понятия рода pl. можно наблюдать, напр., в таких образованиях, как родители, внучата, хозяева, крестьяне, сербы, куры и пр.; конечно, pl. петухи, отцы, братья, матери, хозяйки, сербки мыслясся, как совокупность существ определённого пола, но это представление — не грамматическое. М. б., устранение

понятия рода из pl. облегчило и переход сущ. собирательных в pl. Сам Ш., упоминая об определении рода pl. tantum по отсутствию оконч. *-ов* в g., замечает, что »этот критерий произвольный«, т. к. m. »употреблявшиеся преимущественно во мн. ч., как раз не имеют в р. мн. окончания *-ов*« (88). Могу добавить к этому, что g. на *-ов* имеют, м. пр., слова *штаны*, с которым ассоциируется sg. *штанина*, и *очки*, по происхождению pl. от *очко́*. Несомненным показателем рода у pl. tantum Ш. считает лишь nom. на неудар. *-а*, как признак n. Но и этот признак, по моему, указывает лишь на то, что некогда такие слова представляли pl. к n., кроме слова *воро́та*, являющегося по происхождению dual. к sg. *во́рот* m.;[1]) теперь же в р. л. я. имеются и m. с nom. pl. на неударяемое *-а: хозяева, бояра*, а также *телята* и пр., ассоциирующиеся с sg. *телёнок* и пр. m.; кроме того, произношение в таких случаях конечной гласной, отличной от *-ы*, книжное: в живых говорах, не подвергшихся книжному влиянию, здесь после твёрдых — *ы*, после мягких и *j* — *и*. Устранение категории рода в pl. сказывается и в том, что a. pl. одуш. n. совпадает с g. pl.: животных, чудовищ, лиц.[2])

Наблюдению Ш., что ср. р. утратил возможность обозначать одушевлённые существа, противоречат только животное, насекомое, чудище, чудовище, дитя и лицо в значении »человек, personne«. Первые 4 — книжные, последнее в таком значении тоже принадлежит книжному яз., дитя — архаизм книжной речи, почти неизвестный живому яз.; т. о. все они свидетельствуют лишь о том, что книжное словообразование и семасиология не всегда подчиняются законам живой речи.

На стр. 99—140 Ш. даёт очень детальный обзор склонения сущ. по классам; указаны, кажется, все различия в образовании падежных фф.; много внимания уделено различиям в ударении, и, по возможности, определены условия, с которыми они связаны, или же приводятся довольно полные перечни слов, уклоняющихся от известной нормы в образовании фф. или постановке ударения. Сущ. группируются по родам: сначала m., затем f. и, наконец, n.; в пределах каждого рода — по ф. nom. sg.: pl. рассматривается вместе с sg. тех же основ, и только pl. m. отдельно от sg. m., по ф. nom. pl. Благодаря такому порядку, ряд однородных явлений попал в разные отделы, что́ может вызвать у читателя неверное представление о тех грамматических ассоциациях, которые в действительности существуют в р. л. я. Так, pl. *зятья́*, *зятьёв* и пр. рассматривается (119—120) отдельно от pl. *шурья́*, *шурьёв* и пр. (121) в виду различия sg. *зять* и *шурин;* отдельно от тех и других говорится о подобных же образованиях pl. n. (134), и вообще однородные фф. pl. рассматриваются в разных классах, благодаря тому, что к разным

[1]) Первонач. *ворота́*, сохран. в песнях и диалектич.; ударение перенесено по аналогии с многочисленными f. с суфф. *-от* и такими pl. как *боло́та*, *доло́та* и с отсутствием других nom. pl. на *-ота́*, *-ата́*.

[2]) Употребление a. pl. *лица* свойственно только книжному яз. и мало известно живому яз. Ср. подобное же употр. a. pl. m. *типы* в приложении к людям. Ср. мою статью Catégorie du genre en russe moderne, RÉS. IV, 1924, 208—221.

классам относятся nom. sg. тех же основ. Это обстоятельство мешает иногда самому Ш. верно понять сущность некоторых из описываемых и морфологических явлений.

Говоря о склонении pl. m., имеющих nom. pl. на *-ья* (117—120), Ш. обращает внимание на то, что одни из них имеют g. pl. на *-ьев*, другие на *- éй*, и усматривает между теми и другими принципиальное различие: первые, по его мнению, примыкают к склонению основ на *-* с неподвижным ударением (типа *воробьёв, урожáев)*, вторые — к склонению старых осн. на *-i (коней* и т. п.). Но здесь следовало говорить не об оконч. *-ья, -ьев, -ей,* а об осн. pl. на *j*, ср. d. pl. *друзья́м* и пр. и обьяснять g. pl. »на *-ей*«, как ф. без оконч. с инфиксом основы *е* ассоциирующуюся, следовательно, не с g. pl. типа *коней, людей, царей* а с g. pl. типа *статéй, свинéй, сýдей, рýжей, земéль, деревéнь,* ср. тот же инфикс в nom. sg. *воробей, соловей* и пр. Исторически, повидимому *мужей* восходит к старому g. pl. на *-ей* от основы на *-i*, и к той же ф. могут восходить и g. pl. *князей, друзей,* но с течением времени они вошли в другие ассоциации; иначе мы имели бы только *мужáм, *друзя́м* и т. п.

Неудобно в смысле расположения матерьяла, что о месте ударения у имен с подвижным ударением говорится при рассмотрении каждого пад. в отдельности, и общей картины чередования ударения в каждом типе сущ. не даётся.

Некоторые формулировки можно было бы упростить. Так, Ш. устанавливает, м. пр., такие рубрики для случаев, в которых ударение сущ всегда неподвижно: ударение падает 1. в nom. sg. f. »на первый слог двусложного слова«, 2. в nom. sg. f. на *-а* и nom. sg. n. »в многосложном слове на предпоследний слог«, 3. в g. sg. m. »на предпоследний слог исконно русского слова« (98—99). Эти условия можно свести к двум ударение неподвижно 1. у всех f. на *-а* с ударением nom. sg. на основе кроме *дерéвня* и 2. у всех имён с двусложной и более длинной основой с ударением на последнем слоге осн. в том или другом пад. sg., имеющем оконч., кроме *офицéр*.

I. sg. *басней, песней* — правильные образования к nom. sg. *бáсня песня* (ср. a. sg. *бáсню, песню,* g. pl. *басен, песен)* и с неупотр. nom sg. *баснь, песнь* не ассоциируются (ср. ошибочно у Ш. 122).

На отделах о склонении местоим., прилаг. и числит. не останавливаюсь.

В отделе о спряжении оригинально учение о спряжении прилаг и прич. в предикативной форме. Выделение всех видов предикативного отношения, обозначаемых, как такое, формами самого слова, в особую группу, основанное на их синтаксической однородности, чрезвычайно важно; обьединение их под одним термином »спряжение« очень удобно но термины »изменение по лицам« и »изменение по временам« по отношению к сочетаниям предикативных фф. прич. и прилаг. с личными словами и вспомогательными глаг. неудобны. Изменением по временам или по лицам можно называть лишь изменения самих слов; т. е. по временам изменяются только нестрадат. фф. глаг., по лицам — только наст., буд. и imp. глаг.; прош. же вр. глаг. и прилаг. и прич. преди

кативные по лицам не изменяются, а только по родам и числам. То, чтó Ш. называет изменением по лицам и временам, следовало бы назвать выражениями предикативного отношения к лицу и времени у слов с фф. предикативности, указавши, что с этими фф. обязательно соединяются те или другие способы выражения этих отношений. Следовательно, и спряжение в Ш-ском смысле — не изменение по лицам, а синтаксическая ф., выражающая предикативное отношение к лицу, времени и наклонению.

В спряжении слов, не имеющих фф. лица и обозначающих отношение к лицу с помощью личных слов, Ш. различает 10 лиц: 1 и 2 sg. m. и f, 3-е всех трёх родов и три лица pl. (153). Отчего не 12? вполне возможны и нередки поэтические обращения к n.; в сказках n. могут говорить и сами о себе. Но т. к. категории рода и лица независимы одна от другой, то в р. л. я. можно различать только 6 лиц.

Неудачна формулировка 3 л. »как лицо или предмет, о котором идет речь«, т. к. это определение одинаково подходит и к 1 и 2 л.

Очень подробно рассматривает Ш. категорию вида (157—167, 171—175). В определении видов и других глаг. значений, связанных с фф. вида, Ш. следует Фортунатову,[1] впрочем без поправок, изложенных последним в Отчёте Отд. р. яз. и слов. Акад. Наук за 1912 г., и с некоторыми несущественными изменениями. Однако определение несоверш. в., как означающего »действие или состояние, длившееся в прошедшем или продолжающееся (не в своем результате, а в самом действии или состоянии) в настоящем или имеющее длиться в будущем« (158), совершенно расходится с обоими определениями Фортунатова[2] и неточно, п. ч. действие, длившееся в прошедшем или имеющее длиться в будущем, может означать и соверш. в. в том случае, когда он обозначает прекращение длительности или результат длительного действия, с другой стороны, ф. несоверш. в. (ср. *вскакиваю, бросаюсь* и пр.) может и не заключать значения продолжающегося или длившегося действия. Кроме анализа значений, связанных с формами вида, Ш. подробно рассматривает и способы образования видов в р. л. я.

Категория залога (168—170, 175—177, 178, 179) понимается, как соотносительные глагольные образования; глаг. без *-ся*, при которых нет образований на *-ся* и страд. прич., и глаг. с *-ся*, при которых нет образований без *-ся*, (такие глаг. Ш. называет »отложительными« 177) рассматриваются, как не имеющие ф. з. У остальных Ш. различает три з.: 1. действит. без *-ся*, 2. страд. — прич. страд и образования с *-ся* со страд. значением и 3. средний — образования с *-ся*, кроме образований со страд. значением; одни и те же образования могут быть в одних случаях средним з. *(он моется)*, в других — страд. (*шерсть моется)*.[3]) Определение функций среднего з. совпадает с определением функций образований на *-ся* у Фортунатова, но, в отличие от схемы Фортунатова, формами среднего з. считаются и образования на *-ся* со

[1]) Критич. разбор соч. Г. К. Ульянова. Сборн. Отд. р. я. и сл. И. Акад. Наук, т. 64. 1897.

[2]) В разборе соч. Ульянова, стр. 91. и в Отчёте.

[3]) О залогах р. глагола, Изв. 1899. 4.

значениями усилительным, определительным и безличным от непереходных глаг. без *-ся* и не считаются образования со страд. значением. В первом случае я примыкаю к Ш., во втором стою на точке зрения Фортунатова. В безличных образованиях с *-ся* Ш. видит возникновение новой грамматич. категории »личности и безличности: каждый личный глагол может быть превращен формально в безличный« (179).

Отдел о глаголах заканчивается обзором глаг. осн. по классам (185—207). В основу классификации положены различия в образовании наст. вр. По этому признаку Ш. различает 3 класса, соответствующие обычным I-му и 2-му тематическим и нетематическому спряжениям и 4-й класс — основы неправильные (точнее — разнотемные) и недостаточные, а в 1-м классе — основы на твердые согласные, на мягкие согласные и на *i̯*. Дальнейшие подразделения основаны на различиях инфинитивной основы. И здесь, как и в отделе о склонении, Ш. подробно останавливается на различиях в ударении и стремится включить в свой обзор, по возможности, все различия в образовании глаг. осн. и фф. и указать те значения глагольных основ, которые связаны с этими различиями в случаях, где такая связь может быть замечена. При некоторых типах, насчитывающих в своём составе лишь небольшое число глагольных основ, дан полный или почти полный перечень относящихся к таким типам глаголов, но указания на распространенность остальных типов редки и несистематичны.

Остановлюсь на некоторых исторических экскурсах Ш.

Вероятно, Ш. прав, считая *пи́сарь* и *ле́карь* заимствованиями с поль.[1]) (116). Но одно ударение, на котором он основывается, не доказательно, ср. *па́харь*, *су́дарь*, *зна́харь*.

Вряд ли существовало когда-ниб. предполагаемое Ш. сущ. собират. **сынья́* (117); сущ. этого типа происхождения о-сл., и потому, если от *сын* было собират. на *-ья*, оно должно было явиться в ф. *сыновья*.

Слово *молния*, конечно, книжное: в живых говорах — только *мо́лонья* и *молонья́* (у Ш. 125 под вопросом).

Ш. не обьясняет, что́ вызвало g. pl. на *-ей* от имён на *-а* с основами на мягкие или шипящие с неподвижным ударением на оконч. (127—128). Кроме *свеча́*, *вожжа́*, *сопля́* и *ноздря́* все они, как и не назв. Ш-вым другие слова на *-ня́* и на *-ча́* с g. pl. *-е́й*, имеют в nom. pl. ударение на оконч. или допускают двоякое ударение: на осн. и на оконч., и в последнем случае g. pl. и без оконч. и на *-е́й*: *зо́ри*, *ме́жи*, *про́стыни* и *зари́*, *межи́*, *простыни́*, g. pl. *зорь*, *меж*, *про́сты́нь* и *заре́й*, *меже́й*, *простыне́й*. Т. о. из слов с ударением nom. pl. на оконч. не образуют g. pl. на *-ей* только *госпожи́*, g. *госпо́ж* и имена с осн. на *i̯*: *статьи́*, *вереи́*, *струи́* (и *ве́реи*, *стру́и*) и пр. Повидимому, *-е́й* явилось по аналогии с m., имеющими nom. pl. на ударяемое *и́*: *харчи́*, *мечи́*, *слепни́* и пр.; т. к. остальные f. с осн. на мягкую и шипящую имеют в nom. pl. ударение на основе, то f. с ударением nom. pl. на оконч. ассоциировались не с ними, а с pl. m., что́ указывает на известную

---

[1]) К этой группе принадлежит и несомненное заимствование с поль., на что́ указывает произношение со звуком *е*, — *пе́карь*.

независимость ассоциаций в пределах pl. от различий, имеющихся в sg. Осн. на *ĭ* не могли получить в g. pl. оконч. *-ей*, п. ч. это оконч. у таких основ вовсе не известно, ср. *воробьёв, краёв, друзей*. Появление g. pl. на *-ей* у некоторых старых осн. на *-а*, т. о., позднее переноса ударения на основу в nom. pl. других основ с неподвижным ударением на оконч. В nom. pl. *свечи* ударение, повидимому, в то время, когда возник мало употр. теперь g. pl. *свечéй*, могло быть на окончании. Слова *сóпли* и *нóздри*, по происхождению, pl. к *сопль*, уцелевшему почти во всех слав. язз., и **ноздрь* (ср. ст.-сл. *ноздри*); также и *слюни* во всяком случае не pl. к *слюна*, а предполагает что-ниб. в роде **слюнь*. F. *сопля́, ноздря*[1]) и разговорное *слюня́* — новообразования к pl. tantum *сопли, ноздри, слюни*. Таким же новообразованием могло быть и *бýкля;* заимствовано было, повидимому, *букли*, как pl. tantum. То обстоятельство, что g. pl. *-ей* не помешал возникновению новообразований от тех же основ с nom. sg. на *-а*, показывает, что g. pl. на *-ей* перестал ощущаться, как ф., неспособная ассоциироваться с nom. sg. на *-а;* это могло произойти лишь тогда, когда фф. g. pl. на *-ей* при nom. sg. на *-а* уже были. G. pl. *вожжéй* мог явиться по аналогии с g. на *-ей* от pl. tantum и названий парных предметов благодаря малой употребительности sg. *вожжа*. Из имён на *-а* с неподвижным ударением на основе, имеющих, по Ш., g. pl. на *-ей*, б. ч. обычно образует g. pl. без оконч.; фф. на *-ей* встречаются значительно реже, кроме имен на *-кля, -хля*, а также *дядя* и *юноша*, от которых g. pl. без оконч. не употр. G. pl. *юношей* при *святош, вельмож, невеж* и пр., м. б., указывает на утраченный р. л. я. nom. sg. *юнош*. Это слово – несомненное заимствование из ю.-сл. Из ю.-сл. яз. в с.-х. и слов. есть только *junoš*, и только в таком виде оно перешло и в в-р. народные говоры.

Ш. предполагает, что у имён на *-о* с неподвижным ударением оконч. nom. pl. *а* заменилось через *ы* (после *г, к, х* — *и*), позднее оно »легко вытеснялось окончанием *а*, частью в живом произношении, частью только на письме«, по аналогии с nom. pl. *-а* от основ с подвижным ударением (118, 135), основываясь, повидимому на различии между *-á* в *облакá* и *-ú* в *очкú*, стоящем, м. б., действительно, в зависимости от подвижности и неподвижности ударения, ср. m., где nom. pl. на *-á* — только у имён с подвижным ударением.[2]) Но я ни у кого не замечал разницы в произношении н е у д а р я е м о г о окончания nom. pl. n. в зависимости от подвижности и неподвижности ударения: все произносят или одинаково *ы* или одинаково звуки, соответствующие орфограф. неударяемому *а*; nom. pl. на неудар. *-ка, -га, -ха* мне не известны. Поэтому можно думать, что в живом яз. оконч. nom. pl. *-а* без ударения всюду заменилось через *ы*, после *г, к, х* и мягких — *и*; т. о. окончания nom. pl. всех родов совпали; часто же встречающееся, только у образованных людей, произношение в безударном окончании nom. pl. звука, отличного от *-ы*, — книжного происхождения.

---

[1]) Старое образование на *-а* от этой основы имело *r* твёрдое, ср. чш. *nozdra*.

[2]) Впрочем, ср. nom. pl. *озорствá, торжествá*.

Мало вероятно, что в g. pl. »осн. *семян* заменила собою *сѣмен* под влиянием *сѣмя*« (136), п. ч. в nom. sg. *семя* конечное *а* в в-р давно изменилось в *о*, и конечная гласная здесь в р. л. я. восходи непосредственно не к старому *а*, а ко вторичному *о*.

Ш. повторяет этимологию слова *застрял* от основы *стряп-*, дан ную Соболевским. Более вероятна этимология этого глаг., как и гла *встрять* от **stręg* (ср. Буга, RS. I. 287, Trautmann, Balt.-slav. Wb. 290 или **strem-* (родств. со **strьm-* в *стрьмити* и пр.).

Не стану останавливаться на тех немногочисленных местах, гд указания Ш. расходятся с фактами р. л. я., известным мне из моег личного употребления или из наблюдения над речью образованны москвичей, а также на тех местах, где хотелось бы видеть бóльшу полноту и отчётливость. Так, в некоторых случаях указания Ш. могу дать не совсем верное представление о распространённости тех или други явлений. Неточно, напр., указание Ш., что из m. с основой на мягку неподвижное ударение в pl. имеют лишь »некоторые слова на *-ич* . . и *-ищь*, а также »государь, родители, камни« (116).[1]) На самом дел таких слов много, т. к. сюда принадлежат все patron. на *-ович*, *-еви* и те на *-ич*, которые образованы от основ с неподвижным ударение на осн., почти все многочисленные сущ. на *-тель* и некоторые слов на *-нь: будни, олени* и др. Так же, напр., неясно и указание, чт у имён с nom. sg. на *-о*, *-е* неподвижное ударение, кроме имён с уда рением на срединном слоге и имён на *-ко* и неударяемые *-ье*, *-и* является »в отдельных словах« (132). На самом деле сюда относятс также все имена на *-ство* с ударением как на основе, так и на окон чании,[2]) на *-ище* и на неудар. *-ı̯e* и б. ч. имён на *-ло* с ударением н основе, кроме 5 слов.

Но эти пробелы несущественны. Вообще же книга даёт очень полно описание морфологических фактов р. л. я., относящихся к склонени спряжению и образованию глагольных фф., ценное между прочим тем что основано на собственном, богатом словоупотреблении самого Ш., н представляющем существенных уклонений от нормы т. н. »правильного р. л. я., и на его чрезвычайно развитом чутье языка. Описание грам матического строя яз., сделанное человеком, для которого он не являетс родным, как бы оно полно ни было, никогда не заменит подобно описания, основанного на анализе фактов собственной врождённой речи Но главное значение курса Ш. не в этой полноте, всё таки относи тельной, ограниченной размерами и специальными задачами курса, н в высокой доброкачественности сообщаемого матерьяла и не в истори ческом освещении, занимающем в курсе второстепенное место, а в выя нении морфологических тенденций р. л. я., в установлении тех кат горий, которые определяются стремлением яз. использовать свои звуковы и грамматические средства для выражения тех или других смысловы

---

[1]) Кстати, у меня *кáмни* с подвижным ударением: *камнéй*, за *грéбни*, *пéрстни* с неподвижным (у Ш., наоборот — *пéрстни*, *-нéй*).

[2]) Впрочем, р. л. я. явно стремится избегать образований pl. имён на *-ствó;* вместо pl. от *воровствó*, *родствó* мы говорим *слýча воровствá* (или заменяем синонимом *кражи*), *родственные связи*.

ношений. Не везде Ш-ву удалось эти тенденции выяснить; кое-что, б., обьяснено неверно, не разграничены тенденции разных эпох в жизни ., но все это — дело будущих работников в той же области; путь, которому следует идти, указан. Для нас курс Ш. интересен и тем, о это — первая известная нам работа Ш. в области грамматики: все едыдущие его работы по языку были посвящены или исторической нетике (в том числе и диалектологические) или исторической диалектогии р. я. в связи с вопросом о взаимоотношении между фактами политиской и социальной истории и диалектологическими фактами языка.

Brno. 19. II. 1926. *Николай Дурново.*

. *М. Каринский:* **Образцы письма древнейшего периода истории русской книги.** 68 фототипических снимков с древне-русских памятников, преимущественно XI. в. на 29 таблицах. Ленинград 1925.

Prof. Karinskij, pod jehož redakcí vydal Археологическiй Институтъ Petrohradě 1908, řadu snímků z památek hlaholských (Образцы аголицы), vydal loni kusé sice, ale nádherně upravené dílo z dějin ského písma. Řečený archeologický ústav uložil již v r. 1913 autorovi, y připravil k tisku snímky knižního cyrilského písma z epochy XI. XIV. stol.; měla to být patrně sbírka snímků památek psaných písmem ciálním (уставомъ).

Z těchto bylo zhotoveno 27 již před válkou. Tato ovšem zarazila kračování tohoto široce založeného a nákladného díla, a autorovi neylo, než aby se omezil na stol. XI. a vydal takto ucelené dílo, doplniv několika snímky z let posledních. Dílo začaté Archeologickým institutem šlo nyní nákladem Ruské akademie nauk. Jak autor připomíná v předluvě, všecky snímky byly pořízeny z originálů, a sice v přirozené velisti; při vybírání předloh přihlížel k tomu, aby tu byly zastoupeny rázoté zvláštnosti památek XI. věku.

Pět prvých listů je vyplněno snímky z evangeliáře Ostromírova; sice na dvou prvých dvě celé strany kodexu in folio (l. 2 a 228), na ech ostatních úryvky jednotlivých sloupců s ukázkami ozdobných písen počátečních, záhlaví a přípisů.

Další 3 listy přinášejí ukázky ze Svjatoslavova sborníku r. 1073; tabulka šestá a sedmá rovněž dvě celé strany in folio (l. 263 v 38), sedmá a osmá jednotlivé sloupce neb jich úryvky.

Tab. 9. a 10. podávají snímky Svjatoslavova sborníku z r. 76; na tab. devaté jsou ukázky celých stran (4), na desáté osm meneh úryvků téhož kodexu.

Tab. 11. znázorňuje evang. Archangelské z r. 1092; jedna ázka celé strany (l. 123) a dva snímky zlomkovité. — Tab. 12—14 ou věnovány Minejím z 1095, 1096, 1097; celkem pět snímků ceeh stran (malého folia), a dvě ukázky zlomkovité, jeden s vročením ҂ѕ҃х҃д҃ (= 6604) t. j. 1096, мц҃а марта.

Tab. 15. přináší jednu stranu in folio t. zv. Novgorodských ll zbytku to památky, vedle Ostromírova evangeliáře a ev. Miroslavova jedné z nejnádherněji upravených.

Tab. 16.—17. ukázky památky známé pod jménem »Katechesí« sv. Cyrila Jerusalemského; na prvním listě snímek celé strany in fol., na druhém tři ukázky zlomkovité, z nichž jedna (asi z posledního listu) vedle přípisu cyrilicí končí tímto přípisem hlaholským; спаcї г҃ почїта...[1]) Tab. 18—19 přináší tři celé strany »Pandekt« Antiochových a dva sloupce; na l. 20 vedle dvou sloupců kaligraficky psané uncialy je i ukázka celé strany z téže památky s písmem méně dbale psaným. Autor v předmluvě mluví o tomto písmě jako o pravzoru cyrilské polouncialy.

Na třech násl. listech jsou ukázky: zlomek sv. Quadrata (житиѥ Кондрата) velikého fol., sinajského Pateriku, a ze Slov Řehoře Bohoslovce (Grigorije Bogoslova).

Již na l. 23 a dvou následujících máme snímky tří důležitých žaltářů Byčkovův, Čudovský a Jevgenijevský. Poslední dva jsou in folio; Čudovský s kommentářem Theodoretovým psaným touž krásnou uncialou jako vlastní text žaltářní, čehož není ani v ž. Pogodinově ani v Boloňském, a Jevgenijevský s kommentářem Hesychiovým, psaným rovněž tou uncialou jako text. V čele žalmu 97, 1 (v slově Въспоите) začáteční velké písmeno je hlaholské Ⰲ, známý doklad o prvenství hlaholice, jehož se dovolává Jagić (Entstehungsgeschichte der kirchenslavisch Sprache 125).

Na zbývajících čtyrech listech jsou snímky zlomku sv. Tekly (26 a Jefremovské Kormčeje (29); oba velikého folia. List 27. přináš ukázku evangelia (aprakosu) Turovského a dvě strany, textu druh ruky, ze Saviny knigy; list 28. konečně snímek mineje.

Snímky jsou provedeny bezvadným světlotiskem, takže dílo řadí s důstojně k předním publikacím toho druhu vůbec; jediný nedostatel pociťujeme v tom, že dílo nevyšlo v mezích Archeologickým ústavem původně vytčených — to však nezáviselo na autorovi. Při prohlížení jednotlivých tabulek nejednou narazili jsme i na písmo hlaholské; tu se vynořuj sama sebou myšlenka, kdy dojde k podobnému dílu na poli paleografi hlaholské, jako tuto bylo vykonáno v příčině cyrilice. Již sama základn otázka o původu hlaholice zasluhuje, aby tu bylo podniknuto vše, co v t věci vůbec lze zjistit. Je pravda, že prof. Jagić snesl ve stati o písmě hlaholském, co za dobré uznal, a co mohl.[2]) Vykonal i v té příčině mnoho ale to nestačí. Kdybychom mohli na tom přestat, a s tím se spokoji nebyl by se mohl vyskytnouti tak odvážný soud o dosavadním míněr

---

[1]) U Gorského-Nevostrujeva klade se tato památka do konce XII. neb poč XIII. stol. Gorský přepisuje vzpomenutý hlaholský přípis takto: спаси г҃и полит. Já na první pohled bez cizích dojmů čtu почїта . . . a nemohu nijak v třetím písmeně 3. slova poznati hlaholské ⰾ, všecky tahy jsou písmene ⰻ; ostatně j ze snímku patrno, že slovo to není ukončeno. (Srov. Описание славянских рукописей московской синодальной библіотеки II. 2. str. 44—62).

[2]) V Encyklopedii slovanské filologie III, 51—257 »Глаголическо письмо«, 1911.

o původu hlaholice, jako čteme v »Zeitschriftě f. vergleichende Sprachenforschung 1913, 217.[1])

Jiná otázka, která potřebuje, nepravím revise, ale dokladů, je otázka o poměru obou slovanských azbuk k sobě. Nemůžeme popříti, že je mezi odborníky paleografie obecné (řecké a latinské), až na malé výjimky, vůči paleografii slovanské jistá nedůvěra. Poněkud je tato nejistota zaviněna tím, že se neřeší a nezdůrazňuje otázka o původu a poměru obou azbuk se širšího hlediska paleografie vůbec. Slavistům jsou tyto věci jasné, méně však těm, kdo nestudovali slov. filologii; ano i u některých slavistů zaráží způsob psaní a vyjadřování i z doby nejnovější.[2])

V obecné paleografii, latinské i řecké, vycházíme od písma epigrafického, a považujeme za nejstarší písmo knižní ono, jež se nejvíce blíží písmu epigrafickému či t. zv. kapitálu. Od kapitály přecházíme k unciale a polounciale, po těchto pak přimíšením prvků kursivních vzniká minuskula. Je tudíž v paleografii pravidlem, od něhož není výjimky, že písmo unciální předchází minuskulu. Řekne-li tudíž někdo, že výsledek badání o písmě slovanském je ten: »hlaholice, původní písmo slovanské, je stylisovaná řecká minuskula (ať již s přimíšením východních prvků či bez nich), a cyrilice mladší písmo slov. je s nepatrnými změnami přejaté řecké písmo unciální«, zní tato věta aspoň zdánlivě parodoxně. Věc spočívá v poměru obou azbuk k sobě. Uvedené tvrzení by bylo neslučitelné, a skutečné paradoxon, kdyby běželo o jednu a touž abecedu a její organický vývoj. Nemůžeme tudíž dosti zdůrazniti, že hlaholice a cyrilice jsou dvě paralelní azbuky, byť ne sobě úplně cizí, nýbrž jedna závislá na druhé, ne však tak jako by jedna byla organickým pokračováním druhé.

---

[1]) Zur Frage nach d. Herkunft d. glagolitischen Alphabets. »Besieht man nun diese Tafeln (t. j. Jagićovy) ohne Voreingenommenheit, oder geht man von ihnen gar auf die griechischen Handschriften des 9—10. Jahrh. selbst zurück, so wird die angebliche Ähnlichkeit der glagolitischen mit den griechischen Schriftzügen in nichts zerfallen!« A dále: »Selbst bei den Buchstaben, welche Leskien ausdrücklich nennt, vermag ich, abgesehen von δ keine Ähnlichkeit zu entdecken. Eine einzige Ähnlichkeit beweist aber bei einem Alphabet, das aus so vielen Buchstaben besteht, absolut nichts. Die Herkunft d. glagolitischen Schrift aus der griechischen Minuskel ist also nichts weniger als bewiesen, ja sie scheint mir sogar völlig ausgeschlossen.«

A. Rahlfs.

[2]) Viz u Lavrova: Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма: str. 2—3. »И. В. Ягичемъ выставлена была гипотеза о томъ, что при дворѣ Симеона въ восточной Болгаріи появилось кирилловское письмо на смѣну глаголическому. Эта гипотеза покоится на убѣжденіи, что глаголица была составлена Кирилломъ на основѣ греческаго письма«.

Tamtéž str. 5 a násl. Но есть и другой взглядъ на происхожденіе и взаимное отношеніе двухъ алфабитовъ. И до сихъ поръ св. Кириллу приписываютъ кириллицу въ пользу чего говоритъ уставный характеръ кирилов. письма . . . Na str. 335. se sice mírní působením stati Fortunatovovy o původu hlaholice. ale přes to píše dále »Если допустить, что Кириллъ изобрѣлъ глаголицу . . .« (Encyklopedie slov. filologie, Petrohrad 1914, 4).

Srov. též Извѣстія отдѣленія русск. языка и словесности 1923, str. 240—43. a jinde.

Tyto a podobné otázky týkající se písma slovanského, lépe nežli dlouhými výklady slovními, objasní se a ozřejmějí pokud možno hojnými a dokonalými doklady z památek samých. Dokud toho nebude, můžeme být i dále připraveni na tak břitké úsudky o původu hlaholice, jako je onen výše uvedený, pod jehož dojmem se obracejí podrobné výklady jednotlivých písmen v niveč. Tím větší je zásluha prof. Karinského, že věnoval takovou péči počátkům písma cyrilského, kteréž nezápasí s takovými obtížemi a nepotřebuje obrany jako hlaholice. *J. Vajs.*

Sborník prací věnovaných profesoru dru Janu Máchalovi k sedmdesátým narozeninám 1855—1925. Pořádali *Jiří Horák* a *Miloslav Hýsek*. Vydal Klub moderních filologů v Praze. Tiskem Edv. Leschingra. 1925. Str. I—XL + 1—368.

Podle dobrého zvyku pocta starému mistru, předčící bohatostí příspěvků přátel, žáků a ctitelů podobné publikace poslední doby.

K dějinám české a literární historie náležejí tři úvodní stati redaktorů. Ve stati »*Jan Máchal a česká literární historie*« (V—XV) Miloslav Hýsek podal dobrou perspektivu doby, ocenil eidografické a srovnávací hledisko Máchalovo pro českou literární historii, zdůraznil význam jeho práce v slovesnosti ústní a lidové vedle Polívky a Tille. Jiří Horák ve stati »*Jan Máchal a česká slavistika*« (XVI—XXIII) podal stručný sice, zato obsažný a bystrý přehled práce vykonané u nás v dějinách písemnictví slovanského (t. j. srovnávacích), kde lví podíl připadá na Máchala. Máchalovy »Slovanské literatury« řadí Horák, aniž se ovšem pouští do rozboru, vypadajícího z rámce, »k nejdůležitějším vědeckým činům české školy slavistické, která si v osvobozené vlasti, téměř sto let po prvním pokusu Šafaříkově, znovu dobývá prvenství v duchu slavné tradice« (s. XXII). Obě stati dokládá »*Soupis prací prof. Jana Máchala*«. Sestavil Miloslav Hýsek (XXIX—XL). Vzpomínkový »*Lístek Janu Máchalovi*« (XXIV—XXVIII) od Josefa Penížka, přítele jubilantova, křísí dobu mladosti a studií, a některými črtami zajímavými (na př. vliv vídeňského profesora Zimmermanna) hledí také sem.

K dějinám české slavistiky hlásí se z vlastního obsahu Sborníku dva příspěvky o Dobrovském a dva o Šafaříkovi. Jan Jakubec v článku »*Dobrovský spolupracovníkem Hromádkových ‚Vídeňských novin'*« (38—43) otiskl zábavně vzdělavatelné prosaické článečky, celkem pět anekdotických vypravování o ušlechtilých ženách antických a tři veršované sentence mravoučné a vlastenecké, jimiž přispěl Dobrovský do ‚Víd. novin' r. 1813. Pro autorství kromě podpisových zkratek uvádí Jakubec důvody vnitřní.

Františka Kubky »*Dobrovského rusofilství*« (stať synthetická) (44—49) je skutečně formálně tím, zač se vydává, jak je patrno nyní ze zatím vytištěné brožury téhož autora »Dobrovský a Rusko« Počátky vztahů českoruských a názory Josefa Dobrovského na Rusko« (Knihovna České Mysli sv. 1, 1926, Čin, Praha). Ale synthetickým dovršením problému, který hluboko souvisí s názory Dobrovského na slavism vůbec přece není. A tu by se musil napřed přesně stanoviti vývoj názorů Dobrovského na slovanství. Nelze přece operovati s tvrzením, že některé ná-

zory (všeslovanské) napsal Dobrovský v chorobném stavu (r. 1795) a jiné naproti tomu, na př. »Uiber die Ergebenheit« r. 1791 v rozumném stavu! To už prof. Krejčí (spoluredaktor Knihovny České Mysli notabene) před lety zdůrazňoval při filosofii Nietzschově, že netřeba se příti o šílenství či nešílenství autorově, ale o kvalitu myšlenek. A zde by bylo třeba vyjíti z kriterií i v případu Dobrovského a nikoli z dnes uznaných autorit. Už z toho, co uvádí Kubka, plyne, že Dobrovský v praktické aplikaci slovanské myšlenky byl — a ve své době musil býti — rozštěpený a neujasněný, stejně jako po stu letech je ještě Čechů, niterně rozlomených, většina. Na př.: nepřekonání pocitu věrnosti k »císaři a králi« u Dobrovského nedá se přece uvésti v souhlas s jeho nenávistí vůči Vídni. Dobrovský nebyl prostý sedlák josefinský, aby se nedomyslil kausálního vztahu. Tedy plynulo to odjinud. Prozatím je jisto, že se nevystačí s dnes přejímanou osvícenskou positivistickou klasifikací Dobrovského.

V. A. Francev v článku »*J. W. Goethe a P. J. Šafařík*« (50—56) přispěl otištěním konceptu listu Šafaříkova Goethovi a německého překladu »morlacké« písně »Hajkuna's Hochzeit« od Šafaříka z knihovny Nár. Musea; list provázel něm. překlady morlackých, slovenských a srbských písní, ke kterým vyzval Šafaříka jenský prof. Hand. K. Paul sestavil z různých publikací svůj článek »*P. J. Šafařík a Poláci*« (57—66) a dospěl k úsudku, že styky byly většinou náhodné a krátké (kromě styku s Maciejowským), zajímavější jsou polské vlivy na dílo Šafaříkovo (hl. na »Geschichte« Bentkowského »Historya lit. pol.« a Potockého »Pochwały«, na »Starožitnosti« Surowieckého »Śledzenie początku narodów słow,« a j.), zde ovšem stručnost zabránila hlubšímu rozboru, nezabránila však nadbytku poznámek (také slátaniny, jako Pogonowského »Iliryzm i Słowianszczyzna«, po zásluze několikráte odsouzená, v přítomné knize opět D. Prohaskou, neměly by se v seriosní práci vůbec citovati).

Velmi cenným příspěvkem k historii slavistiky je stať Dragutina Prohasky »*Představitelé dějin jihoslovanské literatury*« (218 až 232), kde jsou pregnantní charakteristiky předních literárních historiků srbských, chorvatských a slovinských, bystré zařazení zjevů v evropský vývoj literární vědy, právem se pozastavuje u činnosti prof. Mat. Murka, který ovšem program jihoslovanský chápe šíře, zahrnuje v to i Bulhary, snad jen očekávaní dalších plodů zkrátilo charakteristiku Branka Drechslera Vodnika, nyní žel předčasně odešedšího, a jiných mladších pracovníků českých a německých (neboť Prohaska uvádí též práce nejihoslovanské). Neschází ani synthetický závěr o nacionalisujících tendencích v jihoslovanské historiografii, které nejsou ve shodě »s více individuálním (až anarchistickým)« duchem slovanským.[1])

Také Evg. Ljackého »*Něskolko myslej po povodu „naučnosti" knigi N. A. Koltjarevskago o Puškině*« (255—260) náleží k historii slavistiky. Ruský učenec podává tu sice stručnou, zato výstižnou kritiku

[1]) Na tento základní tón slovanský referent sám upozornil už r. 1920 v »Osobnosti a socialismu«, indukcí vyvodil jej z jihoslovanské dramatiky, ukázal filosoficko-politické závěry jeho v »Bohokráli« (1921) a v stati »O novou theokracii« (Život 1925), jeho vztah ke kollektivismu ve studii »Żeromski a Reymont. K slovanskému individualismu« 1926 a j. Budiž to zde dovoleno připomenouti pro důležitost tohoto názoru jako kriteria slovanské tvorby.

dosavadní literární historie ruské. Vyčerpání materiálu, kritický poměr k němu, způsobilost pragmatické perspektivy, indukční vývody, v tom byla vědeckost starší literární historie ruské podle Ljackého, tedy krátce filologická kritika. Cizí jí byla rekonstrukce forem intelektuálně životných procesů, tvůrčí citlivost, způsobilost poetického zájmu, tedy kritika sociologická, esthetická. »Učenec, celý život potlačující spisovatele množstvím poznámek pod čarou, často, jak ukazovala zkušenost, zcela zbytečných nepronikal zkoumajícím, milujícím zrakem v tvorbu a v duši vybraného spisovatele« — tedy scházela podle Ljackého i kritika psychologická a vlastní tvůrčí proces kritické synthesy. Ani Alex. Veselovskij nebyl oceněn od takových »učenců« ve své historické intuici ani Ključevskij. S toho stanoviska chce Ljackij obhájiti vědeckost Kotljarevského v knize o Puškinovi a zdůrazňuje u něho znalost celé puškinovské epochy, osvětlení bludiště puškinovské literatury. Další kritiku ruské vědy, ze které mohl by se poučiti mnozí vědci též neruští, vyslovil Ljackij v odmítnutí názoru, že kniha Kotljarevského je »dlja širokoj publiki«. Musíme být vděčni ruskému učenci, že zdůraznil v slovanských kruzích, že vědeckost není v zkostnatělosti vědecké hantýrky a že je předností knih vědeckých, řeší-li hluboké problémy srozumitelně a že termín »belletristiky«, jímž chtěli ruští kolegové znevážiti dílo Kotljarevského, není k necti. Ljackij se ptá: »Než zda historik literatury je odsouzen věčně zůstati antikvářem nikdy opravdu neprojeviti kongeniálnost s poetou, kterému během mnohých let oddal své myšlenky a srdce?« A dokládá: »Objektivní v ideálním smyslu je toliko to, co je mrtvé. Jestli vědeckost vnější má své zákonné potřeby, má je vědeckost niterná: ona vyžaduje na historiku vyšší způsobilosti a právem povznáší jeho spisovatelský pathos na výši tvůrčího nadšení.«

Leckterý detail lužický přináší k historii našich slavistů článek Jos. Páty »*Z archivu pražské Serbovky*«. *Úryvek z Dějin česko-lužické vzájemnosti* (285—290). Dobrovský, Hanka, Erben, Doucha byli učiteli chovanců Lužického semináře, zrušeného budyšínskou kapitolou r. 192? po dvou stoletích platných služeb. Bolestný tón Pátova nekrologu je pochopitelný.

Pak podle obsahu nejblíže bylo by uvésti synthetický přehled Marjana Szyjkowského »*Styky česko-polské v dějinách a písemnictví*« (172—183), vstupní to přednášku polonistovu na Karlově universitě r. 1923, první po Jelínkovi vyčerpání thematu s hojnými postřehy sociologickými a psychologickými, zahrocující se konstantováním, že idea humanity je také vůdčí v kultuře polské; přináší tak nepřímo a mlčky důkaz, že nutno bude vždy »čisté člověctví« určovati blíže podle prostředí, ve kterém se hlásá.

Z dalších příspěvků nejširší oblast historickou chce zabrati S. Vilinskij statí »*Osnovnyje idei ukrainskoj literatury*« (261—266) kde zbytečně mnoho místa věnuje polemice o nejstarší období kijevské, svůj vlastní úkol si podivuhodně usnadňuje indukcí z tvorby Ševčenkovy: nacionální uvědomění, demokratičnost, realističnost. Rozhodně nelze souhlasiti s jeho postulátem sub[3]), že ukrajinská literatura »dolžna byt realističnoj, ibo kaprizy izbalovannogo vkusa (vrode teorii »iskusstva dlja iskusstva«, dekadentščiny: simbolizma i t. p.) narodu čuždy i ne nužny«

Ukrajinská literatura podléhá stejně jako každá jiná literatura změnám ve stylu evropské slovesné tvorby a této »kaprizy« jí neuchrání jistě diktát literárního historika, který jako historik bohudík přichází už k hotovým faktům. A že »masy národní« nemilují a neprodukují jen literatury realistické, jak se na ni těší s prof. Kolessou Vilinskij, je dostatečně známo z literatury bolševické.

František Tichý v *»Prvé vlně západnictví v písemnictví podkarpatském«* (267—276) kreslí z příslušné uvedené literatury profil biskupa Michaila Manuila Olšavského, jeho nástupce Joana Bradače, Joana Pastelije a j. žáků tohoto hnutí.

Cosi jako náběh k monografii, jako vzpomínky a jako materiály jsou Miroslava Zelenky *»Vzpomínky na polskou emigraci v Moskvě«* (177—284).

Studie Stanislava Součka *»Traktát Štítného »O múdrosti«* (1—13) je klasickou ukázkou filologické kritiky. Určuje prameny, vznik, poměr a stavbu tří výkladů o múdrosti v Štít. Op. a charakterisuje je jako velmi volné zpracování Hugova spisu »De arca morali«, vzniklé asi 1402—3, jako trojdílnou stavbu téhož celku, jako »dokument Čecha, který dovedl vážně, ale při tom svobodně a ne neúspěšně zacházeti s odkazy minulosti«. Mistr štítenských studií dotýká se tu letmo i jiných traktátů, takže studie je vážným obohacením štítenské literatury.

Podobným rozborem tekstovým, opírajícím se o velkou sečtělost, dokazuje Fr. Ryšánek v článku *»Tak zvané Menší Zrcadlo člověka hřiešného m. Jana Husi«* (14—29), že toto dílo dochovalo se v českém tekstu Klement. a v lat. Víd., nikoli v Mikul. a že to, co se pokládalo v Mikul. za necelý tekst »Zrcadla«, nijak s ním nesouvisí, leč že to jsou kusy stč. »Ráje duše«. Tekst český je původina. Zjišťuje předlohy latinské (zvl. Meditatio de humana conditione a De interiori domo) a j.

Že filologická metoda není jen antikvární rekvisitou a že se dá skvěle uplatnititi na dílech novější literatury, dokázal Jan Menšík srovnáním *»Malczewského ‚Marie' a Máchův ‚Máj'«* (75—101). Upozorniv na »vskutku podivuhodné vnější i vnitřní shody života, díla a jeho významu u polského i českého básníka«, přikročil Menšík k stylistickému rozboru, který provedl do podrobností hlavně v technice verše, řídě se dílem Ujejského o Malczewském, a došel k překvapujícím výsledkům. Techniku »Máje« a Máchových prací veršových po r. 1835, kdy Mácha četl »Marii« lze vyložiti jen veršem Malczewského. Pro absolutní změření vlivu bylo by třeba míti ovšem parallelu nejen Malczewského s Byronem, ale se všemi byronisty současnými, bylo by třeba totéž provésti pak s poesií Máchovou, práce přirozeně ohromná, která nebyla cílem Menšíkovým.

Jak důležitou složkou a podmínkou i u zjevů geniálních je společná dobová nálada, těhotná na podobný a někdy skoro týž výraz, jak komparace ve starší vědě snad neprávem zabírala zjevy, vyložitelné anthropologickou metodou, již badání o ústní slovesnosti chtěj nechtěj dávno přijalo, dokazuje druhá máchovská studie Sborníku *»Karel Hynek Mácha a Karel Ferdinand Drächsler-Manfred«* (102—108) od Alberta Pražáka. Ideový a formový rozbor veršů K. F. Drächslera, který psal v Praze do r. 1829 německy a česky byronovské verše pod pseudonymem Manfred, působí jako objev.

Na kolik je tu přímá závislost Máchova na Drächslerovi a na těch básnících druhého a třetího řádu, kteří, jak pěkně Pražák praví, »třebas neuměle a nesložitě, dávno před Máchou třeli jeho barvu a vyluzovali jeho zvuk, jež dotykem mistra staly se pak ovšem mistrovskými«, musilo by se ještě stanoviti s přihlédnutím k naznačenému momentu anthropologickému. Nálezy Menšíkovy a Pražákovy ovšem přispěly značně »ke stanovení organické souvislosti Máchova díla s celkovým básnickým vývojem.«

To, co učinili Menšík a Pražák pro »Máj«, byla by musila podniknouti Flora Kleinschnitzová pro »*Sládkovičovu ‚Marinu' v československém písemnictví*« (118—129), aby dostala skutečnou hodnotu básnického zrodu. Že význam básně litováním, že nebyla čtena v Čechách a tvrzením, že je »přes to dílem živým« estétsky a slovakofilsky nadsadila, dovolím si popříti konstatováním, jehož profesorská nediskrece budiž mi odpuštěna v zájmu přiblížení literární vědy skutečným hodnotám života a přesvědčením, že nepronikne z odborného časopisu tam, kde by to snad bolelo: dívka z krve básníkovy, nesoucí jméno hrdinky básně, neznala básně ve svých 19 letech, dala se donucovati k četbě a po přečtení nedovedla reprodukovati nic z toho všeho, o čem myslí Kleinschnitzová, že v básni »zůstalo živo do dneška«, co »hovoří i k přítomnosti silou slova, které neumírá«.

Jana Mukařovského »*Pokus o slohový rozbor ‚Babičky' Boženy Němcové*« (130—139) je vlastně rozborem jen líčení autorčiných a tu dochází autor proti starším tvrzením o barevnosti stylu Němcové k poznání vlastní stylové nebarevnosti, zato nalézá v něm dějovost a osvětluje ji syntaksí. Upřílišeně hledá v tom však optimism spisovatelčin.

Zajímavě spojil látkovědnou komparaci s tím, co jsem naznačil nahoře jako anthropologický moment, Arnošt Kraus v studii »*Smetanův Hákon jarl*« (140—146) a došel tak k ideovému vlivu Viktora Rydberga, autora protikřesťanského románu »Poslední Athéňan« na Smetanovu symfonickou báseň, vzniklou v Göteborgu, pojetím odlišnou od tragedie Oehlenslägerovy.

Bedřicha Václavka »*Josef Hora. Kritická studie*« (158—171) je promyšlený doklad psychologické kritiky, jemuž schází ovšem nutný odstup časový, což nelze vytýkati, a organická souvislost s ostatní tvorbou doby, což zaviněno jest touž časovou předčasností, a tak nemůže nekončiti než otazníkem.

Franka Wollmana »*Veronika Desenická. Studie z dějin a přítomnosti slovanské dramatiky*« (233—254) způsobem eidografickým chce dokázati význam dramatického výtvoru Otona Župančiče z r. 1923, sledujíc přelévání historické události v kadlubu slovesného umění.

Skupina mistrovských příspěvků stejné methody z hranic ústní a umělé slovesnosti vznikla asi z téhož uznání zásluh Máchalových právě v této oblasti. Miroslav Haškovec ve »*Václavu a Radslavu*« (291—297) českou pověst historickou odhalil pravděpodobnou motivovou parallelou jako literární motiv, uvedený do českého kronikářství z literatur západních, kde byl oblíben a rozšířen.

Václav Flajšhans naopak dokázal, že »*Klaretovy hádanky*« (298—306), nejstarší to a největší v Evropě sbírka hádanek (kol r. 1360), pronikly většinou do lidu.

Jiří Polívka *»Povídku o Papyriovi«* (307—311), kterou našel v »Masopustě« Rvačovského a v »Koruně šlechetnosti« Dobřanského, sleduje se známou vzácnou sečtělostí v středověkých pramenech, ale ani jeho učenosti se nedaří rozhodnouti předlohu českých vzdělání z XVI. stol. Také přímých ohlasů v lidovém podání nenalézá.

Václav Tille seskupil povídky typu vyznačeného titulem studie *»Dívky — ptáci«* (312—328) ze všech konců Asie a Evropy a mohl tak určiti příslušenství versí českého podání, které má všechny samostatné druhy povídek o dívkách — ptácích.

Matyáš Murko *»Pramen národní písně ‚Jakšiči zkoušejí ženy' ve sbírce Vuka Karadžiće«* (329—335) našel v Reljkovićově »Satiru«, zdůvodnil své tvrzení svými staršími překvapujícími objevy o nestejné reprodukci písní zpěváky, které jsou stále ještě nejlepšími pracemi z oboru studia živé tradice; Vuka zjišťuje tedy zcela v duchu grimmovských úprav.

Látkovou podstatu přinášejí tyto články: Ferdinanda Strejčka *»Jarmareční písně 18. stol. a Šeb. Hněvkovský«* (67—74), Bohumila Vydry *»Julius Zeyer v polské literatuře«* (147—152), Jana Vobornika *»Sedm dopisů Svatopluka Čecha«* (153—158), Václava Buriana *»Český repertoir v novodobé slovinské dramatice«* (1848—1924) (184—217); Otokara Fischera poznámky *»K českým překladům Fausta«* (109—117) pronikají leckde filologií v ráz doby a do nitra překladatelů. Josef Volf opravil detail historie našeho knihtisku článkem *»Domnělý knhitiskař Jan Nep. Koniáš čili skutečný knihtiskař Jiří Koniáš«* (30—37).

Tři články jsou jazykozpytné. Josef Janko v stati *»Husovo a Šimona Lomnického ‚pik mezi všecky' a jeho hlubší vztah a význam«* (336—348) podal nový doklad svého kouzelnického umění, s kterým oživuje jednotlivá slova, aby mluvila o celých epochách. František Trávníček ve stati *»K vývoji čes. kvantity«* (349—357) podává další ukázku svých důkladných studií předmětu (1. náš, náše atpod.; 2. měřiti — mieřiti atpod.; 3. dievčě — děvčě atpod.) Miloš Noha sestavil doklady k *»Slov. šępъ, šępati«* (358—360).

Bratislava v červnu 1926. *Frank Wollman.*

Zdeněk Nejedlý: **Bedřich Smetana.** V Praze. Nákl. Hudební Matice Umělecké Besedy. Díl I. (Doma) 1924. Díl II. (Na studiích) 1925.

»Jest vždy šťastným údělem společnosti, v níž se rodí něco nového, v co lidé věří, že je to plní zvláštní blažeností a tím i rozjařuje jich duše až v upřímnou radost ze života....« Ibid. II.-177.

Redakcí »Slavie« byl jsem předem upozorněn, abych se ve svém referátě zmínil jen o partiích týkajících se slovanské filologie; plním tedy rád tento úkol, sice velmi omezený, avšak vděčný, neboť zmíněné dílo poskytuje vzácnou příležitost seznámiti širokou oblast slavistů s kulturním pozadím české literatury minulého století.

* * *

V této obsáhlé monografii profesora hudební vědy na pražské universitě o tvůrci české národní zpěvohry, kterou autor rozpočetl — jak hlásí úvodem k dílu I. — na sedm period, samostatných knih, zahrnujících dohromady dobu od r. 1824 do r. 1884, dostává se vědě literárně-dějepisné vzácného příspěvku. Zatím dospívá k letům třicátým (v díle prvním) a k letům čtyřicátým (v díle druhém). Své životní dílo, které má býti též kulturním obrazem celé této doby v podstatě romantické, prof. Nejedlý připisuje »svému národu na cestu svobody pro příklad, poučení a povzbuzení« neboť vpravdě v práci své jedná o dějinách českého obrození, a úsilí, které přivedlo ke svobodě. A proto, že se dotýká všech složek našeho národního života, »Bedřich Smetana« s českou literární historií souvisí těsně, methodicky i věcně.

Methodicky Nejedlý postupuje ne podle osvědčených vědeckých aksiomů, tedy, chcete-li podle Tainea – ačkoliv zkoumá lépe nežli kdokoliv jiný u nás, s nevšední pílí a vytrvalostí dobu, prostředí, ráz, povahu i rasu, a již z toho důvodu díl I. je dnes nejucelenějším obrazem života české rodiny v letech dvacátých. Autor podotýká, že úkol tento byl značně nesnadný a zcela nový. V české literatuře jediný Arne Novák podal obraz života předbřeznového (v Literatuře české 19. stol. III-1), a v »Praze barokní« (Zlatoroh) pokročil k esthetice dobového prostředí a vlivu. Avšak Nejedlý do doby předbřeznové musel zařaditi konkrétní českou domácnost, konkrétní postavy a charaktery; a studium toto přivedlo autora k zajímavému závěru, vyjádřenému úvodem, že totiž každé to desítiletí, jež dnes literární historie ráda shrnuje v domněle jednotnou dobu »předbřeznovou«, žilo docela jinak, svými zvláštními zájmy, takže docela jinak žijí lidé let dvacátých a docela jinak lidé let třicátých. Věc velmi důležitá, zejména při ražení portretů českých autorů (Tyl, Mácha Rubeš), na pomezí obrození a romantismu. Aby přechod tento nebyl tak náhlý, Nejedlý svazuje věc svými bohatými znalostmi folkloristickými a hudebně slovesnými. Avšak — de facto — literárně historicky vzato, český praeromantismus dodnes prozkoumán není, chybí zde celá řada prací, které by překlenuly propast, jaká se prohlubuje mezi osvícenstvím a romantismem. Nejedlý svým stylem, mnohdy sugestivně působícím, oživuje domácí prostředí líčením života a společnosti. A to se mu krásně daří. Rod Smetanův a maloměšťáctví všem našim předkům vrozené, Nejedlý zachycuje věrně a bez předsudků. Sám, rodák Litomyšlský (r. 1824 se tam narodil Smetana), autor dovede se vžít v historii »malých lidí« a malého světa, kterou nám soustavně odhaluje — jak sám praví — s radostí, kterou naplňuje se jeho snažení. Obávám se, nepropadá-li Nejedlý místy vášni, sobectví — a zvláště tam, kde závodí jako učenec s literaturou krásnou. — *Nejedlý tvrdí* úvodem, *že* dílo své píše v době, kdy nejvyspělejší methoda vědecká 19. stol., *methoda positivistická*, *jest v nesporném úpadku*, ano rozkladu, neboť »zničila ji upřílišněná víra či vlastně pověra v možnost zjistiti objektivně a neosobně t. zv. fakta, což vedlo až k jakémusi popření tvůrčího ducha.« i dovolává se tedy »zduchovění« vědy z celého díla. Pokud je to na místě uvidíme později.

Po důkladném rozboru pramenů (»hlavním pramenem však bylo mi tu soudobé časopisectví« — str. 59) a literatury (»na prvním místě je to Otokar Hostinský« — str. 51), Nejedlý přistupuje k vylíčení rodu

B. Smetany. Věc zaujímá téměř polovinu prvního dílu monografije. Životopis Františka Smetany, »muže podivuhodného«, a otce Bedřicha, čte se jako napínavý román z doby napoleonské, neboť autor-učenec místy stává se umělcem, a to zase upadá do těžkopádnosti citační a důkazové. Tím se stává, že mnohdy celé strany jsou složeny z výtahů; avšak to nikterak nevadí, neboť logická souvislost zůstává vždy uhájena. Musí činiti tak, a ne jinak, protože Nejedlý neomezuje se pouze do vědeckých pramenů, on rád a s úspěchem sahá po literatuře krásné jako pramenu. Srovnejte n. p. partii o Boženě Němcové, jak v ní odhaluje hluboké sociální cítění, jak si ji proto váží, a jako pramen doby uvádí. Ještě dále uvidíme, jak jsou mu vítaní Tyl, Rubeš, Havlíček, Kamenický, Chmelenský, Picek atd. atd. — jako prameny. Sleduje též s úspěchem lidovou tradici (n. p. na Náchodsku str. 172 a násl.). — Avšak jakmile Nejedlý blíží se ke Smetanovu zrození »zduchovňuje« vědu. Str. 191 a násl. buďtež dokladem toho: ». . . . Ano pí. Smetanová potom vypravovala, že měla několik dní před jeho narozením živý sen, v němž se jí zjevil anděl, a ten jí zvěstoval, že porodí syna, jenž bude jednou velikým hudebníkem, i rozkázal prý jí, aby mu dala jméno Bedřich, a aby ho dala učiti hudbě . . . .« I líčí radost všech. Není to sugesce? Není to radost autorova z události tak světodějné — že se totiž nám narodil genius v pravý čas? Ale i v jiných místech *Nejedlý* rád dává promluvit náhodě, krátce *věří v osud*. Je to velmi nápadné i v jeho práci »Zdenka Fibicha milostný deník« (Praha, 1925, ibid.), kde subjektivismus svůj dovršuje: »Je-li pravda, že velký duch neumírá, dokud nevykonal, k čemu byl určen, ale že za to tím jistěji umírá, jakmile v něm uzrálo vědomí, že jeho dílo jest hotovo, pak Fibich jistě nezemřel náhodou právě v tu dobu, kdy zemřel« (str. 252). — Poukazuji na tyto věci, které mohou míti vliv na literárního historika, jakým Nejedlý beze sporu ve všech svých knihách jest. A protože literární historik musí býti také filosofem, je nutno po uvedených slovech předmluvy a místech skladby říci, že *Nejedlý je rozhodným idealistou.* Stanovisko toto (vyjádřené již shora pověrou o positivismu), je mi nepřijatelné, a zaráží zvláště u socialisty tak ryzího, jakým je autor. Omyl povstává prostě v tom, že si naši idealisté neuvědomují, že transcedento není poznatelno, a že ho není třeba k názoru na svět. Nejedlý (snad jenom ve snaze látku vyčerpati úplně), často odvolává se něčeho nadpřirozeného, tak příkladem stůj zde tento obrat: »(Kolářům) 5. března 1827 narodilo se druhé dítě, dceruška Kateřina, později choť Bedřicha Smetany. Narodila se zvláštní hrou osudu právě v den, na nějž v kalendáři připadá jméno Bedřich. A ještě zvláštnější náhodou porodní bába, jež ji pomáhala na svět se jmenovala Smetanová« (str. 348). Nevěřím v osud, nepřikládám žádné váhy tomu, co děje se náhodou, co sice okrašluje, avšak zatěžuje vědeckou monografii, která sama vyrůstá z kořenů posivitismu, a kterou toužebně očekávala jeho generace. — I provází nás Nejedlý celou tehdejší maloměšťáckou společností; neboť Smetana, Palacký a jiní, byli opravdově typickými buržoy, jak Nejedlý výslovně ve své přednášce (16. února 1926 v Jednotě Filosofické) podotkl: Buržoa je i Mácha ve svém bílém plášti. — A proto, že si všímá všeho, tedy soustřeďuje svoji pozornost nejen na společnost, ale i na literaturu. — Divadlu věnuje značnou péči, příležitostně i od-

borně. Tak líčí zámecký svět na panství Valdštejnském v Litomyšli, a tamní kulturní život vůbec (str. 205—306), ba i genealogii českých soudobých umělců dovede na pravém místě uvést (Julius Mařák, Leopoldina Dostálová). Příspěvek o litomyšlském divadle vyplňuje mezeru v české literatuře theatrologické. Již v letech dvacátých hráli tam česky, což bylo novotou v tehdejší době. Stejně důkladně tam probírá prostředí jindřichohradecké, kde se setkáváme s povídkářem Františkem Pravdou, kdysi velmi oblíbeným venkovským autorem, kde panovali Černínové, z nichž Eugen stýkal se s Goethem, zejména byl však osobním přítelem Jos. Dobrovského, Frt. Palackého, J. E. Vocela a j., s nimiž zase pracoval v národních českých ústavech. Jakož vůbec podle historické spravedlnosti — což zdá se být neuvěřitelným — Nejedlý stejně jako prof. Pekař béře v ochranu českou šlechtu, když toho zasluhuje. I divadlo tam bylo, při čemž bylo ctí divadlo hráti (str. 325). Polské revoluci r. 1831 věnuje několik stran práce, a zabývá se polonofilstvím, kterému hned s počátku podlehl Hradec a většina české společnosti. Otázkou polskou zabýval se Nejedlý již dříve, totiž ve své monografii »Richard Wagner« (I., 1916), kde opět s literárně-dějepisného hlediska charakterisuje mladou Evropu (str. 45—70). A tak vidíme, že v díle Nejedlého — jakožto hudebního učence — nalezneme partie literární, které bývají pravým osvěžením v jeho vkusném podání. — Léta třicátá nalézala zvláštní oblibu ve zpěvu písní s průvodem harfy, a při nejmenším kytary. A zde se setkáváme s bohatou, ale zcela nenáročnou písňovou literaturou, která se šířila neobyčejně rychle a zpopulárněla tak, že nahradila i starší písmě lidové. České písně byly módní, k čemuž značně přispěl »Věnec«, který tehdy začali vydávati Jos. K. Chmelenský a Frant. Škroup. — V Hradci hrálo se divadlo německy, teprve v r. 1844 tamní ochotníci pokusili se o českou hru, či vlastně computer poločeskou, totiž Štěpánkovu veselohru »Čech a Němec«. A stejně stopuje i vlivy hudby lidové, která tehdy tam neobyčejně vzkvétala (str. 395 a násl.).

V díle druhém Nejedlý dále a radostně »putuje za Smetanou«, a v mnohých místech osvětluje věci z literárních dějin sice známé, avšak přezírané, nebo z nedostatku pramenů náležitě do celkového literárního rozvoje nezařazené. To právě, že autor vyvozuje Mistra z celé doby a prostředí, činí jeho dílo tak dokonalým, že vyčerpává předmět úplně. Nejedlý tedy se Smetanou studuje vlastně český život kulturní, a literaturu zvlášť, ukazuje, kterak z tohoho celku vyrůstá B. Smetana. A vhodně tedy praví na jiném místě (»Var« č. 68, str. 226), že Smetana jako Palacký a jiní autoři, mysleli za jedno s národním kolektivem, a že Smetana dokonce potřeboval tohoto vědomí přímo i ke svému uměleckému probuzení. Jen v takovém případě, uznáme-li, že ne individua svou individuální schopností dělají společnost, nýbrž naopak, že společnost vytváří hrdiny — pochopíme plně životní práci Zd. Nejedlého. A nemohl postupovati jinak nežli právě tak: musel podati onu celou kolektivní základnu, z níž Smetana vyrůstal, protože v tom právě tkví velikost Smetanova, jak jeho umění vyrůstá hluboko z kolektivu. Jevy a směry, současné věci se navzájem proplétají spoustou událostí historických, celkových. A úvodem Nejedlý praví, že *»nejde o tyto jevy jako o produkty osobní vůle spisovatelovy, nýbrž jako o jevy*

společenské«. Líčí tedy prostředí jihlavské (postupuji s autorem chronologicky), a vysvětluje na příklad, proč zapomenutý český povídkář Václav Kosmák znal tak mnoho z tehdejší hudby vokální (str. 27), zařazuje tohoto nepatrného a přezíraného Kosmáka mezi ty řady buditelů a nadšenců, jakých bylo tenkráte nemálo. Po rozkvětu hudby v Jihlavě, divadlo znamenalo tam méně. S neúnavnou pílí Nejedlý snáší detaily o učitelích a profesorech B. Smetany, zvláště v Něm. Brodě, o vlastencích a členech Národního musea. Poznáváme a cítíme, jak z tohoto obrozenského prostředí, na pomezí let třicátých a pozdějších vyrůstají K. Šindelář, K. Havlíček, F. J. Rubeš a j. Tragický konec Rubešův je líčen až dramaticky. K. Havlíček se Smetanou byli oddanými přáteli, měli se upřímně rádi. Sešli se již ve svém mládí, a zůstali si stále věrni. Proč? Protože ve Smetanovi a v Havlíčkovi objevil se právě »typický český cit . . . . . . To jsou opravdu jako dvě mohutnosti téhož, typicky českého člověka nové doby« (str. 106). — Tanci, lásce, vycházkám, zpěvu a deklamaci věnuje Nejedlý překrásnou kapitolu V., podávaje notové výtahy písní, a dále stopuje vlivy sousedů na postup revoluční myšlenky předbřeznové. — Tak zejména je to polská píseň »Přísahá tisíc u Varšavy . . . Hle z Polska táhne deset granátníků, k hranicím pruským v nepříhodný čas . . . .« v překladě Havlíčkově, hojně užívaná a populární. Tyto vojenské písně nebyly snad typicky slovanské, ale zněly snad mohutně ve slovanském pojetí. Podklad jich byl napoleonský, revoluční. Vzpomeňme na Heinovy-Schumannovy »Dva granátníky«, které nám v Praze zazpíval F. Šaljapin (9. X. 1925), o tom, jak »šli kdys z Ruska zpět, do Francie, země slávy. Leč v říš jak německou vkročili v sled, své žalostně věsí hlavy. Neb truchlivých zvěstí k nim doletěl roj, že veta je po francouzské slávě . . . .« — Vedle těchto vojenských písní, byla to ovšem pozdější »Kde domov můj«, kterou tenkráte venkovští studenti zpívali nejraději. Avšak pravým miláčkem mladé generace byl F. J. Rubeš, a jeho »Deklamovánky«. — V době kdy přichází tato nová g e n e r a c e umírá Mácha (1836), a ponechává tomuto mládí svůj odkaz. Jsme v době, »k d y s e n e n á h o d n ě r o d í t e n n e b o o n e n g e n i u s« (str. 142), totiž V. Náprstek, J. V. Frič, K. Světlá, Mir. Tyrš, J. Neruda, V. Hálek, atd. — a to že jsou — geniové? Tato generace není již pouhou filologickou generací, jako předcházející (Dobrovský), nýbrž dovede již sama hodnotit náplň českého života, pronikati k samému jádru národního charakteru — jak Nejedlý poukazuje. Mládež tato vyznačovala se smělostí, odvahou svých životních plánů, a s Máchou praví: »Pohřbi harfu, hloubi černá, pevný meč mi v pravou ruku, vzhůru za mnou, mládež věrná, skončíme ať vlasti muku . . . .« A novou je také společnost i její celý, politický duch. Typickým zástupcem této doby byl Jos. K. Tyl; požadavkem života byla radost, síla a odvaha. Tyl je proti »zromančilosti« tehdejšího českého divadla, proti hrůzostrašným německým hrám, dávaným na českém jevišti. Jeho ideálem je dobrá česká veselohra nebo i fraška (1834 »Fidlovačka«), neboť doba žádala radosti. A proto právě — jak vysvětluje Nejedlý — Máchův »Máj« nemohl býti v této době vítán s nadšením pro svůj světobol a zmatený tón. A zde Nejedlý zásadně je v rozporu s literárními dějinami, jež konflikt Máchův se současníky vysvětlují jako souboj poety-romantika se zbytky pseudoklasicismu,

jako zápas Mladé Evropy s osvícenstvím. — Nejedlý vysvětluje to velmi vhodně těmito slovy: »Mácha zajisté nechtěl svou básní dusiti v lidech víru v život. Vždyť jeho původní myšlenka zajisté byla opěvovati máj, jak ukazuje již titul básně, tedy měsíc lásky a s ní i odvážných činů. Jen z lásky vzniká tu všechna hrůza děje, a tedy z citu, jenž jest nejmocnějším pramenem života. A teprve při tvoření díla nabýval v něm jeho vlastní smutek takové převahy, že jím nakonec zahalil všechno, rozkvétající přírodu i milující lidi. Ale to tehdejší doba nerožlišovala, nýbrž pro chmury neviděla, co vlastně tyto chmury zahalují. A proto právě ti, kteří od Máchy, jako vůdce hnutí čekali dílo, jež nejvíce je v tomto boji posílí, byli Májem i nejvíce zklamáni . . . . .« (str. 179). — A tak tedy doba žádala radosti. V české literatuře, jež byla až dosud takřka jediným pramenem všeho života u nás, bylo radosti a veselosti vůbec málo. Mácha byl typ člověka moderního, moderního svým niterným světobolem a neúspěchem životním. — Rovněž tak vyzdvihuje Nejedlý z celé doby rázovitou postavu Rubšovu. Vtip Š. Hněvkovského byl již zastaralý, nevyhovoval době. Rubeš dovedl pochopiti tyto nové požadavky, a o jeho humoru lze právem říci, že to byl český humor. Byly to jeho známé »Deklamovánky« (1837—1839), které nalezly široký ohlas v tehdejší společnosti. Svět se tehdy kořil vídeňskému žurnalistovi M. G. Saphirovi — ale srovnejme s ním Rubše. Nejedlý činí to výrazně, jak český humorista i při svém vtipu měl na mysli stále něco vyššího, ušlechtilejšího . . . . Český humorista naproti takovému vtipkaři byl zkrátka básník a proto jeho humor nejen rozesmál, ale i těšil a hřál. Rubeš ani v době svého největšího rozmachu nebyl vlastně duch veselý. Jakýsi nevyslovitelný smutek ležel vždy na jeho duši, takže, kdo ho poznal ve společnosti, nikdo v něm nemohl tušiti prvního českého humoristu. A ten tón zní i jeho humorem. (Str. 183 a násl.) Pro Čelakovského je příznačné, že tento »pěvec« tolika písní a textů ke zpěvu — nebyl nikdy hudebníkem, avšak za to Tyl byl vlastně hudebníkem z povolání; a i Mácha byl dobrý hudebník, dokonce i skladatel, miloval prý nejvíce molové melodie, a v té náladě si složil i vlastní nápěv k Mignonině písni »Znáš-li ten kraj« i k jednomu místu z Byronovy »Child Haroldovy pouti.« Zpěv ve společnosti stal se též hlasatelem lidové písně. Sbírky lidových písní, jak jsou známy z historie, působily na generaci let třicátých nejvíce. Jako nejlepší sbírku uvádí Nejedlý Erbenovy »Písně národní v Čechách«, s nápěvy. Sbírka Martinovského, který Erbena harmonisoval, uplatnila tyto písně prakticky (vyšla 1842). Nejedlý podává její obsah (str. 194, 195) i celý písňový repertoir. Zdůrazňuje, že jeho písňové texty nemají sice valné básnické hloubky, ale vystihují dobře lidový vtip i lahodnost lidové erotiky. — Po důkladném rozboru balad (byly v oblibě, protože »lákaly společnost zvláště tím, že byly něco nového, poněvadž z lidové písně balady u nás tehdy známy nebyly, a tak působily jakousi umělostí, jež zpívající těšila« str. 210), Nejedlý přistupuje k široce založenému studiu písně lidové, vlastenecké i společenské. Zajímavou věcí je, že písně slovanské se tehdy v naší společnosti nezpívají, ani lidové ani umělé. Pro zpěv bylo tenkráte pravé nadšení. Nejlépe nám tento mocný účinek písní na tehdejší společnost ukazuje historie písně »Horo, horo, vysoká jsi«, jež vznikla v letech třicátých. Jak vznikla tato

píseň? . . . Nejedlý vyvozuje podle pramenů, že jejím skladatelem byl švec jménem Bechyně. V Jičíně — jako voják — seznámil se s děvčetem, a pro její žárlivost ji zavraždil. Na to byl zatčen a odvezen k vojenskému soudu do Hradce Králové, ale tam byl dlouho v žaláři, až r. 1834 popraven. A tu tedy, ve vězení, složil tuto píseň, jíž se loučil se svou vzdálenou milenkou . . . (Str. 228 a násl.). To je ukázka z jediné jen písně, doprovázena melancholickou perokresbou Jos. Mánesa: »Horo, horo, vysoká jsi. Má panenko vzdálená jsi, vzdálená si za horama — vadne láska mezi náma. — Vadne, vadne, až uvadne. Není na světě pro mne žádné, není žádné potěšení pro mne více k nalezení.«[1])

Texty a melodie písní, a klavírní výtahy tanců činí dílo tím cennějším. Dovídáme se velmi podrobně, jak vznikl český tanec, t. zv. polka (str. 325—384), tedy máme před sebou celou rozpravu o tomto tanci (a vhodné ukázky v pěkné klavírní úpravě . . .). Věrným ctitelem polky byl známý učenec Ismail Iv. Srezněvskij, který byl v Praze několik měsíců.

Kapitola XI. věnovaná výlučně divadlu, podává v novém osvětlení počátky české literatury dramatické a divadelního života v době obrozenské. Jen dík tomu, že Nejedlý hledí na tyto otázky jako na jevy společenské, a ne pouze literární, je možno říci, že tato samostatná kapipitola, kterou Nejedlý končí díl II., je dnes nejucelenějším obrazem mladé, české teatrologie. Aby dosáhl toho, Nejedlý prolistoval tehdejší časopisy a prostudoval především literaturu vědeckou a krásnou. České obecenstvo účastnilo se rádo českých představení, a tleskalo tam, co se mu v kuse líbilo (statečné jednání, čestnost a spravedlnost), a nikoliv výkonům hereckým, po výtce slabým. Nejedlý rozděluje české divadlo obrozenské na tři periody. První pokusy o české představení již v 18 stol., avšak malý smysl se strany obecenstva. Až teprve skupina Thámova se snažila, aby divadlo stalo se milým vyražením i školou pěkné, přirozené řeči i dobrých, zušlechťujících mravů. Nejedlý podává přehled her, probírá jejich úspěch. V druhém období, které počíná v posledních létech válek francouzských, r. 1811, vyniká Jan Nep. Štěpánek, a končí vystoupením Klicperovým. R. 1824, t. j. převzetím vedení stavovského

[1]) Tato píseň i její autorství staly se právě předmětem úvah, pochybností a nařčení, které po stránce hudební pronesl mistr Ludvík Kuba (Tribuna, 1. června t. r.), a po stránce literárně historické prof. Miloslav Hýsek (Národ. Listy 9. června t. r.). Oba shodují se zásadně asi v tom, že nápěv písně není původní, protože vyskytuje se v moskevské Maksimovičově sbírce ukrajinských písní nápěv až na nepatrné odchylky s naším nápěvem, »připisovaným« Bechyňovi, totožný, a to již v roce 1834, tedy v roce Bechyňovy popravy, a že počátek tradice je v tištěných záznamech pozdní. Oba rádi operují slovem »sensace«, avšak Hýsek — zdá se — vítězí uvedením fakta, že totiž Tyl tuto píseň vložil do své »Fidlovačky« hned při jejím napsání.

Je nutno poznamenati, že recens. kniha Nejedlého zůstala pro oba pochybovače neznámou v neprospěch věci, neboť Nejedlý o tom uvažuje a podává příslušnou literaturu a prameny v celku a zevrubně, aniž by ovšem stál na nezvratném stanovisku Bechyňova autorství. Pokud jde o píseň ukrajinskou »Šumyť bude dibrovoňka«, »nelze dobře stanoviti, poznal-li ty motivy Bechyně jako voják v Haliči anebo obráceně potom Ukrajinci se jim naučili od českých vojáků v Haliči« (str. 230 v pozn.). V první české sbírce slovanských národních písní z r. 1844, kterou vydal Jos. Vašák »Národní zpěv a ples slovenský« vyskytují se podobné písně. Rubeš již r. 1835 udává v »Obrazech«, že v mládeži nyní vítězí nová píseň »Horo, horo vysoká jsi« . . .

divadla I. triumvirátem (Polavský, Kainz a Štěpánek), končí třetí období. — Skutečnou láskou obklopuje Nejedlý Tyla. Poznali jsme již dříve na příkladě Máchově a Rubšově, kterak Nejedlý dovede zařaditi jednotlivce do celkového rozvoje kulturního. Pravé české divadlo vytvořil teprve J. K. Tyl; bylo to v r. 1832, kdy převzal »Květy« (»Jindy a Nyní«) Tyl byl dovedný redaktor a zručný organisátor, takže tím také Tyl až dotud u nás jen málo známý stal se nejen jedním z nejoblíbenějších a nejznámějších lidí u nás, nýbrž i nejvlivnějších. A na tom se nic nezměnilo, ani když r. 1834 Čelakovský se ujal zanedbaných »Rozličností« a utvořil z nich podobný deník »Českou Včelu«. Naopak nyní teprve srovnáním obou časopisů se ukázalo, oč jest Tyl duchu tehdejší společnosti bližší než Čelakovský.« (Str. 386). »Květy« mocně působily také venku, kam se dostaly za pražskými studenty. Nejedlý upozorňuje na umělost řeči a spisovného jazyka, jako by literatura měla býti něčím povýšeným, prostým smrtelníkům nepřístupným. A Tylova zásluha právě spočívá v tom, že byl ve své době prvním průkopníkem přirozené řeči lidové, a dovedl vštípiti tehdejší společnosti i důvěru v krásu české řeči Tehdejší divadlo mělo mnoho, velmi mnoho chyb. Tyl směřoval k očištění českého divadla od nešvarů, chtěl, aby herec nebyl pouhým komediantem s nejhorší pověstí morální — a aby i kusy, po česku provozované stály na umělecké výši svojí cenou literární, ale nikoliv emoční, strašidelnou. »Odtud však plyne i ona opravdovost Tylova úsilí, neboť jemu již nejde o divadlo jako místo, kde se pěstuje jen řeč a literatura neb kam lidé docházejí pro zábavu, nýbrž o divadlo jako přímý projev života národního a proto i zjev svrchovaně závažný a důstojný.« (Str. 495 a násl.) Jako herec společnosti Hilmerovy poznal zbídačelost tehdejších divadelních »šmír«, ale nezalekl se toho, nýbrž tím víru utvrdil v přesvědčení, že nutno pracovati o nápravu. Autor praví vhodně (str. 407), že Tyl trpěl opravdu za krásnou a velkou myšlenku a osobně trpěl vlastně za jiné za všechny ty české herce, kteří měli přijíti po něm, aby je zbavil potupy komediantství, jež na nich až dosud ležela. Či mohl si potom někdo troufati hoditi takto kamenem, když věděl, že by jím zasáhl i — Tyla?« Jak se má hráti divadlo, s nadšením ukázal Tyl na malém, soukromém divadle kajetánském; kraji tu vedle Tyla, jako ředitele, Mácha, Sabina Rubeš, Zap a j. Už v r. 1837 vzalo kajetánské divadlo za své. — Nejedlý končí kapitolu rozborem zpěvohry této doby, a přistupuje k charakteristice české veselohry — což bylo ideálem Tylovým — oproti vídeňské frašce, u nás tehdy zakořeněné, a stojí již u idee Národního divadla které bylo tužbou celé Smetanovy generace. — Doslovem (Smetanův odchod do Prahy) Nejedlý končí díl druhý monografie.

* * *

Uvažme, že měli jsme před sebou dvě krásně vypravené knihy (spolupráce Fr. Kysely,) velkého akademického formátu, z nichž díl I má 450 stran a 60 vkusných a účelných příloh, a díl II. 464 strany 28 obrazových příloh, krom příloh hudebních. A při tom jsou to knihy velmi laciné (jako díla Nejedlého vůbec), jaké si může každý pořiditi

Víme, že Nejedlý je pracovník neúnavný, ale že mnohdy, má několik prací rozdělaných a nepodaří se mu některou ukončiti. Tak v r. 191

vyšel první díl »Richarda Wagnera« (v Melantrichu), a v r. 1924 první díl bibliofilské monografie »B. Smetana« (ve Zlatorohu), aniž by dodnes byly ukončeny. Doufejme, že Nejedlému podaří se toto životní dílo brzy ukončiti, neboť dává tím celé slovanské obci monografii velmi vzácnou, bez níž neobejde se žádný slavista, který studuje kulturní pozadí literární minulého století.

Miroslav Zelenka.

П. А. Аргунов. **Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты.** К истории сеньерьяльных отношений на Руси. (Отдельный оттиск из „Ученых Записок Саратовского Гос. Университета т. IV. вып. 4.) Саратов 1925. Стр. 41. Тираж 200 экземпляров.

История вопроса об изучении феодальных институтов в Древней Руси за последние 15—20 лет после выхода известных трудов Павлова-Сильванского, почти не сдвинулась с мертвой точки. Несколько отдельных метких замечаний у М. Н. Покровского составляют кажется все ценное, что внесено исторической наукой в этот вопрос. В то же время появляются работы, основной лейт-мотив которых принципиальное игнорирование всего, что сделано западной наукой для изучения феодализма за последние 40—50 лет. Понятно, что они могут иметь не положительное, а лишь чисто отрицательное значение.

Поэтому можно, с особым удовольствием, приветствовать появление настоящей статьи, изучающей феодальные моменты в »Псковской судной грамоте«, тщательно анализирующей и самостоятельно оценивающей ее спорные статьи, часто в разрез с укоренившимися научными мнениями, которые однако вполне учитываются автором. Медиевисту-западнику полезно прочесть эту статью, много интересного можно из нее извлечь, но кое с чем все таки можно не согласиться. Но, во всяком случае с основным ее положением, выраженным словами Проф. А. Е. Преснякова, спорить не приходится: »землевладельческая власть над крестьянством старше уничтожения Юрьева дня«, псковский »изорник« это арендатор издольник (отнюдь не исполовник) и его отношения к сеньеру можно понять, только исходя из аналогий с нормами западноевропейского обычного феодального права. В этом смысле статья должна сыграть свою роль в процессе разрушения не совсем изжитой некоторыми социологической аномалии — сравнительно позднего развития русского серважа.

Однако, согласившись с основным положением автора, я позволю себе не согласиться с рядом деталей. Он, как почти все впрочем историки русского права, употребляет термин »сениориальный« (который кстати сказать пишет везде »сеньерьяльный«) почти как эквивалент »феодального«, тогда как теперь, после J. Flach'a, его связывают, преимущественно, с ранним »инкубационным« периодом феодализма. Сравнительно много уделено у него внимания аналогиям с пиринейским феодализмом (преимущественно с каталонским), по концепции Проф. В. К. Пискорского. Между тем более выгодное по сравнению с французским сервом положение »изорника« допускает скорее аналогию с английским

»вилланом«, также как псковский »отрок«, mutatis mutandis, допускает известные сближения с французским »обенажем«.

Но, во всяком случае, все своеобразие псковского феодализма учтено и очень выпукло подчеркнуто в этой статье и тем не менее правильно подчеркнуто, что земельные отношения Пскова проникнуты именно »феодальными« элементами. Старое, социологически правильное разделение феодализма на ф. »в широком« и »в узком« смысле слова, предложенное проф. И. И. Кареевым и так легкомысленно отрицаемое сейчас некоторыми, еще раз блестяще оправдывает себя. *Юрий Иванов.*

Їван Каманін. Олександра Вітвіцька. **Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. (1566—1651).** Київ 1923.

Под таким заглавием Всеукраинская Академия Наук выпустила в ученый оборот ту часть труда покойного киевского историка и архивиста И. М. Каманина, которую он успел напечатать до тех пор, пока жребий войны не вынудил его в 1915 г. покинуть Киев, находившийся под угрозой вражеского нашествия, и эвакуироваться с своим архивом в далекий Саратов. Заботы Академии в данном случае ограничиваются лишь тем, что она снабдила отпечатанные автором листы вводной заметкой и указателем к знакам (стр. 1—29), но уж и в одном выявлении из-под спуда бесполезно лежавшего материала не малая заслуга.

Из коротенького предисловия, написанного дружеской рукой проф. С. И. Маслова, мы узнаем, что И. Каманин начал заниматься изучением бумаги, обращавшейся в Малороссии, и близко связанными с этим вопросами, в том числе и собиранием филиграней, еще с 1896 г. Из личного общения с этим высокоуважаемым деятелем нам известно, что все подобные вопросы глубоко интересовали его чуть-ли не до последних дней жизни. Несомненно, что за такой долгий срок у него должен был накопиться богатый запас ценных наблюдений всякого рода. Действительно, как сообщает проф. Маслов в предисловии, »покойный Каманин предполагал предпослать изданию свое специальное исследование, об'емом листов в 5 (= страниц 80), в котором, судя по сохранившимся заметкам, хотел рассмотреть вопрос о происхождении бумаги, использованной для актовых книг, о связи собранных знаков с польскими геральдическими эмблемами и т. п.« Исследование, обещавшее много нового и интересного, осталось не написанным, а из зарисованных свыше 4000 знаков увидели свет только 1336. Т. о., перед нами лишь несколько вырванных из книги страниц, едва четверть предпринятого труда и при том лишенного одной из наиболее существенных частей — об'яснительного текста, позволяющего нам судить о методологических приемах автора. При таком условии приходится, как это ни грустно, оценивать настоящую публикацию почти исключительно со стороны практической ее полезности. Впрочем, подобный подход находит себе оправдание в том, что и сам И. М. Каманин на первый план выдвигал удовлетворение практических запросов архивной практики. Рассматривая публикацию Всеукраинской Академии с этой стороны мы должны признать, что даже и то немногое из труда Каманина, что доступно теперь для всеобщего пользования,

имеет, несомненно, большое значение. По совершенно справедливому замечанию С. И. Маслова, существующие сборники филиграней мало интересуются эпохой после 1600 г., между тем как при наших русских условиях XVII и XVIII вв. особенно важны. Из числа же филиграней, помещенных в разбираемом сборнике, 941, т. е. около 70%, падают именно на XVII в., преимущественно на 1-ю его половину, и, т. о., как раз пополняют ощущавшийся пробел.[1]) Но только таким пополнением не исчерпывается значение сборника. Не считая Пекосинского, остановившегося на XV в., в руках наших исследователей совершенно не имеется альбомов, специально посвященных филиграням бумаг, употреблявшихся в польско-литовских областях. Правда, такие филиграни мы найдем во всех русских сборниках бумажных водяных знаков: у Лаптева, у Тромонина и у Н. П. Лихачева, но попадали туда они случайно, что не только ставит в затруднение исследователя, но и лишает самые филиграни значительной доли их доказательности. Между тем »Водянї знаки« дают (или вернее, хотели дать) то, в чем ощущается настоятельная необходимость: систематическое собрание знаков из бумаг, обращавшихся на определенной территории. Значение труда И. М. Каманина повышается еще и тем, что имевшаяся им в виду территория исторически близко связана с русским государством. Если для более древней эпохи провениенция документа при оценке палеографического значения извлеченного из него знака почти не играет никакой роли, то для конца XVI, для XVII XVIII вв. это далеко не так. Образуются многочисленные центры бумажного производства, определяются, часто перекрещивающиеся, пути распределения бумаги по странам ее потребляющим и, т. о., складываются районы, по характеру потребляемых в них бумаг (следовательно, и встречающихся в них знаков) отличающиеся друг от друга, имеющие свою собственную физиономию. В виду этого, напр., для большинства русских исследователей, имеющих дело с нашими памятниками XVII ст., собрание филиграней того же XVII в., извлеченных из документов, обращавшихся на юге Балканского полуострова, будет иметь весьма скромное значение. В подобном отражении местных особенностей, как известно, кроется причина широкой популярности у нас альбома Тромонина, несмотря на все его недостатки: он составлен в значительной части по русским документам.[2]) Следует думать, что еще более прочная популярность станет уделом и посмертного труда И. М. Каманина, заимствовавшего свои филиграни, если не ошибаемся, почти исключительно из книг Луцкого суда, представленных в б. Киевском центральном архиве непрерывной серией со 2-й пол. XVI-го до конца XVIII в. По нашему мнению его работа является не только ценным дополнением к имеющимся у нас в обиходе альбомам

---

[1]) Кстати, в подзаголовке крайним годом почему-то указан 1651-й; на самом деле значительное число филиграней захватывают и вторую половину века.

[2]) Нам известны два сборника филиграней, составленных исключительно по русским документам: один посвящен специально XVII в., другой — XVIII-му. Оба они по условиям современности не могут быть опубликованы и их, по всей вероятности, ждет судьба многих таких русских попыток, т. е. полное забвение в каком нибудь архиве.

филиграней, но она, кроме того, поможет правильнее оценить и рассеянный в них случайный »польский« материал.

При обращении к сборникам филиграней прежде всего естественно возникает вопрос, насколько достоверен содержащийся в них материал, можем-ли мы безусловно доверять приводимым при знаках датам? Другими словами — правильно ли датированы документы, из которых зарисованы филиграни. Категорически отвергая всякое подозрение в желании с нашей стороны »опорочить« сборник Каманина, мы все же считаем себя обязанными поставить этот вопрос. Как указывается в предисловии и как известно нам из личных бесед с автором, выбирал из документов и зарисовывал знаки не сам он, что в некоторой степени как бы понижает авторитетность собрания, тем более, что как раз Киевский центральный архив приобрел особенно печальную известность обилием поддельных документов. Если есть в этом отношении какие либо из'яны, то они, несомненно, обнаружатся впоследствии. Проверка показаний сборника облегчается тем, что точно указывается документ, из которого знак заимствован. Пока-же мы можем лишь сказать, что сверка таких филиграней, которые были обычны и в московских документах XVII в. (напр., Страсбургский герб №№ 1330—1336) убеждает нас в полном совпадении периодов обращения их в Москве и на Украине, т. е. подтверждает правильность их датировки.

К несомненным достоинствам сборника следует отнести принятую в нем систему расположения филиграней по типам. Такой порядок не только дает экономию места (что далеко не лишено значения), но и чрезвычайно облегчает пользование альбомом, т. к. избавляет от необходимости постоянного перелистывания всех 144-х страниц. Остается пожалеть, что система проведена не со всей строгостью, а филиграни разбиты еще и по векам. Вследствие этого типы, существовавшие и в XVI и в XVII вв. (а таких не мало), разделены на две группы, отдельные одна от другой. Между тем зарисованные в альбоме знаки, представляющие в большинстве изображения польских гербов, бедны по сюжетам, очень константны и при пользовании ими для хронологических определений существенно важно не столько точное совпадение, являющееся всегда редкой случайностью, а показания, извлекаемые из наблюдений над эволюцией знака.[1]) Поэтому законно желание для облегчения работы иметь все знаки данного типа в одном месте. Но кроме того, особенно по отношению к филиграням настоящего сборника, существенно важно возможно точное воспроизведение всех, даже самых мелких, деталей их. И как раз в этом отношении перед нами весьма досадный дефект: почти ни один, хоть сколько нибудь сложный знак, не зарисован полностью. Особенно досадны пробелы в зарисовке таких деталей, которые, как напр. имеющиеся при знаках надписи, важны для установления происхождения самой бумаги. Едва-ли вина в подобной небрежности может быть отнесена на счет одной типографии.

---

[1]) Подобно тому, как это сделано Н. П. Лихачевым для филиграни ввиде головы быка, или В. Н. Щепкиным по отношению к знаку, изображающему Ярославский герб.

Сборник И. М. Каманина имеет несомнененные и крупные достоинства, потребность в подобном издании чувствуется давно, выпущен он в свет в довольно ограниченном количестве экземпляров. Все это дает основания предполагать, что он быстро разойдется и окажется необходимость в повторном издании. На этот, весьма возможный и крайне желательный случай, мы позволим себе высказать некоторые пожелания. Прежде всего, еще раз с сожалением приходится подчеркнуть, что пока Украинская Академия дает в руки исследователя не целую работу такого ученого, как И. М. Каманин, а только кусок ее, почему и нет возможности использовать ее с специально филигранографической стороны. А мы в праве думать, что она была бы весьма ценной и в этом отношении. Как директор крупного архива Каманин использовал не для всякого доступную возможность обработать непрерывную серию документов одного и того же учреждения на протяжении более двух веков. В его руках был наиболее надежный материал для разрешения многих существенных вопросов филигранографии. Так, напр., при его средствах с наибольшей точностью возможно определить хронологию знака, порядок постепенного вытеснения одного знака другим, проследить мельчайшие детали изменения филиграни во времени. Можно установить, какими сортами бумаги и когда пользовались в данной местности, проследить борьбу местных фабрикатов с продуктами иноземного производства, определить излюбленные для данного времени сорта, форматы и т. п. И все это с недостижимыми при иных условиях полнотою и точностью. Поэтому, при повторном издании желательна не только публикация всех собранных И. М. Каманиным знаков, но и тех заметок, хотя-бы в отрывочном и необработанном виде, относящихся до бумаги, которые остались после покойного. Таким актом Академия не только обогатит науку, но и воздаст должную память неутомимому труженику на научной ниве. Далее, при повторном издании хотелось-бы устранения того дефекта в размещении знаков, на которые указывалось выше, и, кроме того, для облегчения справок мы считали-бы желательным указание на дату не только в оглавлении, но и при самой филиграни.

Саратов. *А. Гераклитов.*

Dr. P. Chotch: **Bibliografia del Montenegro.** Napoli, 1924. (Pubblicazione dell' Istituto per l'Europa orientale in Roma. — Bibliografie I.)

Prema sasvim kratkom uvodnom obavještenju autora o sadržini ove knjige ona je u prvom redu skup građe, što ju je u nekim vanjskim bibliotekama, naročito u Rimu i Parizu, prikupio o Crnoj Gori i Crnogorcima. Vremenski nije materijal ograničen, seže od najstarijih djela do doba štampanja knjige, ali obuhvaća samo što je na stranim jezicima štampano. Premda prema tome ne sadrži ono, što bi se iz generalnoga natpisa u njoj očekivalo, ipak bi i ovakva bibliografija, makar nužno jednostrana, mogla biti vrlo željen prilog bibliografiji južnih Slavena i Balkana uopće. Vrlo bi dobro došla napose historicima najnovije političke historije Crne Gore, kad bi dobili u ruke pun pregled svega, što

je štampano porazbacano kojekuda po Evropi, naročito za balkanskoga pa svjetskoga rata i iza njih, a što sve može sabrati samo tko je imac prilike da to sve prati i da obađe različne strane biblioteke i političke centre, gdje su se nakupljale i taložile publikacije u prvom redu političke i historičke. Koliko je literaturu ove kategorije o Crnoj Gori g. Šoć temeljito sabrao, moći će da prosude svakako najbolje oni, koji su imali na jednak način prilike, da je prate. Za ostalu građu ove bibliografije napose stariju, dade se odmah kazati, da nije sabrana ni temeljito (koliko se temeljitosti i potpunosti mora općenito za ovakva djela zahtijevati), ni kritično, ni savjesno. Nema tu na pr. čitava niza važnih knjiga i rasprava koje se ravno tiču same Crne Gore, dok s druge strane ima dobar broj takvih, koje s njom imadu jedva kakvih dalekih sveza, koliko nisu neke i sasvim efemernoga karaktera, novinski članci, koji redovno u ovakve bibliografije ne ulaze. I dok tu na pr. nalazimo i Miklošičev etimologički rječnik i njegovu poredbenu slavensku gramatiku, pa Krummbacherovu povijest bizantinske literature, ili Heyer-Rosenfelda »Staatswappen der bekanntesten Länder der Erde etc.«, ili Bluntschlija (u tekstu Bruntschli!) »Le congrès de Berlin« (bez ikakve dalje oznake mjesta i godine, što se dešava na svakoj stranici!) — dotle tu nema djela kao što je na pr Cvijićevo: »La peninsule balcanique«, ili G. Buschana »Die Balkanvölker«, ili A. Haberlandta »Die Volkskunst der Balkanländer« ili »Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Volkskunde von Montenegro, Albanien und Serbien«, K. Lucerne »Die Hochzeit des Maxim Crnojević« (Studienblätter etc.) i t. d. A koliko se na Crnu Goru odnosi na pr. Vukov rječnik (citirano samo prvo izdanje) toliko se bez sumnje odnosi i Rešetarov »Der štokavische Dialekt« — kojega nema, da se ne govori i o različnim drugim sličnim stručnim radovima na stranim jezicima, koji bi se na isti način mogli na nju odnositi. Dok se autor ograničio na gore navedene jezike, navodi ipak i jedan švedski članak o Crnoj Gori i drugi pače jedan, preveden na švedski pa i par norveških — a ipak nema spomena o Jensenovu prijevodu »Gorskoga vijenca«. Navodi se samo ovo nekoliko slučajeva primjera radi, jer nije ovdje nikako svrha, da se praznine knjige popunjaju. Ali i brojne i znatne netočnosti dotično nekritičan postupak g. Šoća s materijalom, koji je skupio, oduzimaju djelcu još više cijenu. Tako su iznakažena — za primjer — različna imena (jamačno prema katalozima stranih biblioteka), na pr. Jeppen mj. Ippen, u dva maha Kazančić mj. Kaznačić; najčudnovatije je svakako, kad se na str. 36. jedan kraj drugoga nalaze kao dva različna autora navedeni Fortin Abbé Albert (Sur les moeurs du Monténégro) i Fortis Abate (Viaggio in Dalmazia) — da se ne nižu dalje druge takve omaške svake ruke. Nebrojeno tu ima navedenih knjiga i članaka sad bez ikakve oznake mjesta gdje je štampano, sad bez oznake godine, sad bez citata, gdje je objelodanjeno (kod periodica), a među te pripadaju i slučajevi, gdje se različni, većim dijelom publicistički članci nekih plodnijih autora citiraju prosto i jednostavno pod generalnim imenom »Articoli« a uza to samo s jedinim podatkom o periodu vremena kada su objelodanjivani, i ničim drugim potanjim. Takva i slična materijala iz novina i časopisa dalo bi se bez svake sumnje nabrati možda još jednom toliko, napisana jezicima, koji su ovdje uzeti u obzir. Po svemu tome izgleda, kao da je autoru bilo

više stalo do toga, da upozori, tko je sve o Crnoj Gori pisao na stranim jezicima. Stajalo ga je možda velika truda, dok je sav taj materijal po bibliotekama i inače pobilježio i to bi mu trebalo priznati, ali rad njegov nije zaista u razmjeru prema objektivnoj vrijednosti knjige i ona može poslužiti tek djelomice, svagda s naročitim oprezom i kritičnošću, većma informativno za neke partije literature o Crnoj Gori — dok ona ne dobije bibliografiju, koja će odgovarati svim zahtjevima za takvo djelo, a koja bi po obilju literature o njoj i njezinu narodu bila dragocjen pothvat.

M. Gavazzi.

† Volodymyr Hnatjuk.

Dne 6. října 1926 zemřel po dlouhé nemoci znamenitý ukrainský ethnograf. Narodil se dne 9. května 1871 ve vesnici Velesnevě, okres Bučač. ve vých. Haliči, z chudé duchovenské rodiny. Gymnasijní studia vykonal v Bučači a Stanislavově, a universitní studia na filosofické fakultě ve Lvově. Po absolvování r. 1898 působil nějakou dobu na akad. gymnasiu ve Lvově a brzy potom byl jmenován sekretářem učené spol. Ševčenkovy ve Lvově. Od dětských let byl již odkájen národní poesií. Děd jeho uměl vypravovat přemnoho pohádek a babička i matka učily ho písním. Brzy začal si zapisovat národní písně, když již byl na měšťanské škole v Bučači, a některé takové materiálie začal již brzy po časopisech tisknout.

Všechna vědecká práce Hnatjukova byla téměř výhradně soustředěna v publikacích vědecké společnosti Ševčenkovy. Etnografičnyj zbirnyk, Materjaly do ukrajinśkoji etnologiji přinášely hlavní jeho spisy, nemálo rozprav také tiskl v »Zapyskách nauk. tovar. im. Ševčenka«. Kromě těchto publikací tiskl velmi málo. Již v druhém svazku Etnograf. zbirnyka r. 1896, str. 76 otiskl sbírku náboženských písní »lirnyků« (kobzařů) z okresu Bučačského se všeobecnějším úvodem o jich učení, s autobiografií jistého lirnyka, o jich mluvě, hantýrce se slovníčkem. Roku 1895—6 vykonal dvě cesty po Podkarpatské Rusi a jejích pomezních krajích. Sehnal zde ohromný materiál, který vydal v III.—IV. sv. Etnograf. zbirnyka (r. 1897—8, str. XX. + 236; V. + 254). Vytištěno jest tu 47 legend, 36 »novel«, 38 pohádek (kouzelných), 3 bájky, 6 pověstí historických a 18 anekdot. Přesně zaznamenáno, kdy, kde a od koho byla která zapsána. Každé povídce dodány bibliografické odkazy na podobné verse, hlavně slovanské, místy též neslovanské. V úvodě se zmínil o svých hlavních vypravovatelích a dodal i autobiografie dvou vypravovatelů. V VI. svazku r. 1899 Etnogr. zbirnyka sebral »haličsko-ruské anekdoty« (str. XII. + 370 + III.); obsahuje 700 čísel, zapsaných od celé řady osob, částečně i od příbuzných i známých z rodného kraje. V úvodě píše vydavatel o svých zkušenostech sběratelských, a opět otiskuje životopisy dvou selských znalců anekdot.

Hnatjuk rozšířil svou badatelskou a sběratelskou činnost ještě do krajů východoslovenských, osídlených »Rusíny« i také na »rusínské« kolonie, roztroušené po někdejších jižních Uhrách, v Báčce a stol. Aradské. Tyto materialie vydal v IX. sv. Etnograf. zbirnyka (str. 284). Tento svazek obsahuje v první části povídky i písně z některých osad stol. Zemplin., Šaryš. a Spiš. (str. 116), v druhé části pak písně sebrané ve dvou osadách stol. Báčské, celkem 430 písní. V. Hnatjuk vyložil své mínění o dialektech i o národnosti obyvatel těchto osad ve zvláštních statích »Ruské osady v Báčce« (Zapysky nauk. tov. Šev. XXII.), »Rusini prešovského biskupství a jich nářečí« ibid. XXXV.—XXXVI., Slováci či Rusini ib. XLII., aniž by mohl vyvrátiti, že zvláště nářečí osadníků v Báčce náleží do okruhu nářečí východoslovenských. Ještě později tiskl V. Hnatjuk své »etnografické materiálie z uherské Rusi«, v XXV. sv. Etnograf. zbirnyka vydal pohádky, legendy, novely, historické vzpomínky z Banátu (str. XXI. + 248); obsahuje 39 povídek. Hnatjuk konal výzkumné cesty, nehledě na svoje silně otřesené zdraví, chronický neduh plicní, pro který byl nucen r. 1902 hledati pozdravení na Korfu. Ještě na tomto ostrově, kde se poněkud pozdravoval, narýsoval si plán na jarní exkursi po jižních Uhrách r. 1903. Tu si načrtl seznam osad, kde bylo možno očekávati, že se udrželi a žijí rusínští osadníci.

Hnatjuk vzbudil již předtím podezření maďarské policie a skutečně na těchto svých cestách byl zatčen a pronásledován od místních úřadů, že mu byla práce znemožňována a slabé jeho zdraví znovu silně otřeseno. Celkem sebrán byl tu přece značný materiál, ovšem jen v 5 osadách, v jedné osadě Aradské stolice bylo zapsáno 26 čísel, v jiné 9. V V. a VI. sv. těchto etnografických materiálů (Etnogr. zbirnyk XXIX.—XXX.) vydal povídky zapsané ve dvou osadách stol. Báčské (str. VII. + 318), bajky, 8 čísel, legendy č. 9—74, pověsti č. 75—91, reprodukce srbských epických pověstí — novely č. 92—134 a anekdoty č. 135—171 (str. IV. + 355). Bylo tu několik vypravovatelů, jmenují se zvláště tři, a autobiografie dvou otištěny jsou v předmluvě.

Dále vydal Hnatjuk dva svazky »haličsko-ruských národních legend« 1902 (Etnogr. zbirnyk XII.—XIII., str. XI. + 215; V. + 287). Sestaveny jsou zde starší zápisy, ale většinou nové od různých sběratelů, jak je všude u každého čísla přesně poznamenáno. Brzy potom sestavil příspěvky k haličsko-ruské démonologii (Etnogr. zbirnyk XV. 1904 str. 272), obsahuje 400 čísel, z nichž převážná část byla jim samým sebrána. Všechny z novější doby. Dále pořídil ještě velkou sbírku ukrajinských bájek r. 1916 (Etnogr. zbirnyk sv. XXXVII.—XXXVIII.) str. LVI. + 559; otištěno tu 400 čísel, kromě toho ještě »hlasy zvířat« čísel 32. Jen nepatrná jich část jest otištěna ze starších tisků.

Konečně sestavil v XXVI. sv., r. 1910 sbírku lidových povídek o zbojnících, hlavně z dvou osad huculských, celkem 258 čísel (354 str.), téměř naskrze nově sebraný material. Kromě prosy začal V. Hnatjuk pořádati systematické sbírky písní, v XVII.—XIX. sv. vydal Kolomyjky (str. XLIII., 259 + 315 + 251), a v XXXV.—XXXVI. sv. Koljadky i ščedrivky r. 1914 (str. XXXIV. + 270, XV. + 380). K tomu druží se sbírka velkonočních písní »Hajivky« r. 1909 (Mater. ukrajin. etnolog. sv. XII. str. 267) i tu částečně přičiněny parallely. Uspořádal konečně sbírku ukrajinských kryptadií »Das Geschlechtleben des ukrainischen Bauernvolkes in Österr.-Ungarn«. II. Teil. (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia V.) 1912 str. XX. + 464. Kromě vydavatele přispěla ještě řada jiných sběratelů. Jako ve všech ostatních sbírkách přesně zaznamenáno, kdy, kde, kým byla ta která povídka zapsána. Za původními texty otiskován německý překlad.

K jeho studiím o národní poesii náleží ještě vydání několika legend z rkp. z poč. XVIII. st. z vesnice Chitar, okr. Stryj, v XVI. sv. Zapysků 1897, náboženských písní uhersko-ruských v XLVI., XLVII. a XLIX. sv. (1902), též zvl. otisk: Uhroruśki duchovni virši str. 271. V XXXI.—XXXII. sv. vytiskl pojednání »Slovenský zbojník Janošík v národní poesii, str. 50; Veršovaná legenda o rytíři a smrti, ib. LXXXV. str. 140 sl. Choceňský zpěvník Levických ze sklonku XVIII. st., ib. XCI., str. 95—125. Legenda o třech ženských povahách, příspěvek k dějinám stěhování folklorních motivů sv. XCVII. str. 74 sl. Ztracená sbírka uhersko-ruských pohádek ib. CVII.—CVIII. str. 235 sl. Lidové povídky o pěstitelích tabáku ib. CXXII. str. 167 sl. Dále v CXXIII.—CXXIV. sv. 1917 vytiskl některé úřední zprávy o Huculech z pol. min. stol. a stať známého své doby etnografa Fr. Hellwalda o Huculech; Lidské figurky z vosku sv. CXXVIII., str. 212 sl. Rukopisné humoristické časopisy sv. CXXX., 133—167 stať »Pisenni novotvory v ukrainśko-ruśkij narodnij slovesnosty« v L. sv. Zapys. tovar. im. Ševč. Konečně buďtež zaznamenány drobnější stati etnografické o kožišnictví v Haliči (Mat. etnolog. I. 68—78), lidové potravy a jich přípravy ibid. 66—110, bojkovská svatba ve Mšanci ibid. 10., 1—29, svatba v Keresturu ibid. 30—81 a o svatebních obřadech, o panenství a p. s hojnými ukázkami svatebních písní z Kijev. gub. Anthropophyteia VI., 113—149. Sebral a vydal pohřební obyčeje a obřady v Etnogr. Zb. XXXI.—XXXII., 1912 s úvodní studií od Zen. Kuzelje, str. 131—424.

Ze svých sbírek pohádkových uspořádal pro širší čtenářstvo výbor, dialekt lidových povídek nahradil spisovným jazykem, »Narodni kazky« 1913, str. 168, »Narodni noveli« 1917, str. 184.

Sběratelská a vydavatelská práce Volod. Hnatjuka byla ohromná. Srovnávána byla leda se sběratelskou činností Čubinského r. 1869. ač jinak nebylo jí rovné po rozsáhlých oblastech slovanských, a pochybuji, nalézá-li se u jiných

národů etnograf, který by byl vyvíjel stejnou, horlivou a výtěžky svými tak bohatou činnost. Tím obdivuhodnější jest duševní energie V. Hnatjukova, že to byl muž tělesně chorý, od mladých let stižený těžkým plicním neduhem, který po desítiletí, od r. 1903 po osudné cestě po někdejších jižních Uhrách hrubě ani neopouštěl svůj příbytek. Generace budou čerpati z přebohatých materiálů jím nasbíraných a vydaných, a na jich základě doličovati velkou tvořivou sílu jeho národa.

J. Polívka.

Zprávy.

En l'honneur et en mémoire de Louis Leger. Сборникъ въ честь и въ паметь на Луи Леже 1843—1923. Подъ редакцията на *Проф. Б. Цоневъ, Д. Мишевъ* и *Ал. Дзивговъ.* София, Държавна Печатница 1925. М. 4-а стр. 335 съ много портрети и приложения.

Презъ януарий 1923. г. и въ София бѣ чествувана 80-годишнината отъ рождението на Луи Леже, именитъ славистъ и приятель на славянскитѣ народи. Тъкмениятъ Сборникъ отъ статии въ честь на Леже става обаче и Сборникъ за поменъ, понеже три месеца следъ отпразнуването на 80-годишнината си Леже почина. Въ предговора на книгата редакционниятъ комитетъ изказва съжаленията си, че пуща на свѣтъ Сборника съ единъ голѣмъ недостатъкъ - безъ животописъ на Леже и безъ книгописъ на Лежевитѣ трудове, па обещава да ги напечати като нераздѣлна часть отъ Сборника, щомъ бѫдатъ готови. Секретарьтъ на комитета, по независещи отъ него причини, не успѣлъ да отиде на време въ Парижъ да прегледа въ тамошнитѣ библиотеки нѣкои рѣдки издания, както и да изучи огромната архива на покойния славистъ. Но чини ми се, че Сборникътъ би трѣбало да съдържа животописенъ и книгописенъ очертъ, какъвто, ако и непъленъ, би могълъ да се приготви въ София, а въпроснитѣ подробни студии, за които ще трѣбатъ може би и години, можеха да не забавятъ Сборника.

То се знае, че съ изоставенитѣ приноси книгата щѣше да бѫде още по-ценна, ала дължни сме да изтъкнемъ, че и въ тоя си видъ Сборникътъ има голѣма научна стойность. На първо мѣсто е описано споменатото чествуване, като сѫ дадени приветствената речь на проф. Б. Цоневъ и речитѣ: на българския министъръ на Народното Просвѣщение, на пълномощнитѣ министри френски, чехословашки и полски, и речьта на проф. М. Г. Попруженко, следъ която иде сказката на Ал. Дзивговъ: Животъ и дейность на Луи Леже (стр. 11—22), замѣстваща до известна степень изоставената биография. Следъ разнитѣ привети и адреси до юбиляра (стр. 23 32) е обнародвана обширна студия отъ проф. Ив. Д. Шишмановъ: »Френската наука и ,Веда словена' съ особенъ огледъ къмъ критиката на Луи Леже (Страници изъ историята на българската етнография)«, стр. 33 108. Откакъ преди повече отъ 20 години очерта становището на всички по-видни учени, които нѣкога сѫ се занимавали съ »Веда словена« (»Glück und Ende einer berühmten literarischen Mystifikation« въ Ягичовия Archiv für slav. Philol. отъ 1903 г.), сега г. Шишмановъ разправя подробно за отношението къмъ »Веда словена« на люде като Burnouf, Albert Dumont, Auguste Dozon и др. Когато мнимата Славянска Веда получи научна

санкция отъ единъ Дозонъ, едничкиятъ ученъ, който си позволи во Франция да изкаже известни съмнения въпрѣки доказателствата на Дозона, бѣше младиятъ 29-годишенъ Луи Леже. Интересни сж разнитѣ документи, които сж намѣрили мѣсто въ студията на г. Шишманова и които не оставятъ вече мѣсто за подозрение, че Верковичъ самъ е подправилъ т. н. Веда: фалшификаторътъ, който се е водилъ отъ патриотически съображения, билъ учительтъ Иванъ Гологановъ, за когото единъ неговъ роднина [1]) писа въ »Седмиченъ прѣгледъ« I, № 8, авг. 1917 »Изъ преписката на Верковича« (стр. 72 до края) съдържа писма отъ Em. Burnouf, Alb. Dumont, A. Dozon, Alex. Chodźko, професоръ въ Collège de France и особено ревностенъ защитникъ на »Ведата«, който обаче добре схваталъ, че младиятъ Иречекъ, авторътъ на българската история е най-опасниятъ отъ противницитѣ на »Ведитѣ«, та 4 – 5 пжти казва на Верковича, че трѣба категорично да отговори на Иречека и по въпроса за оня »bývalý učitel Krušovský, jenž Vedy za drahé peníze Verkovićovi prodával«. Ала такъвъ отговоръ не последвалъ, понеже наистина Крушовскиятъ учитель Гологановъ е сжщинскиятъ майсторъ на »Ведата«.

Статията на Л. Ив. Доросиевъ: »Французки учени, писатели публицисти и политици за българския народъ« (стр. 109—138) съдържа въ преводъ важни извадки изъ съчиненията на Cousinéry, Lamartine, Ami Boué, Blanqui, Cyprien Robert и други. За »Славянофилството на Луи Леже и българитѣ« дава статийка К. Стояновъ (стр. 139—143).

Приносътъ на проф. Б. Пеневъ: »Автобиографията на Софроний Врачански« (стр. 145—157) съдържа хубава характеристика на това бележито произведение.

Отъ писача на тѣзи редове е дадена статия: »Луи Леже и въпросътъ за македонскитѣ говори« (стр. 159—168). Изтъква се, че още въ »Cyrille et Méthode, étude historique« отъ 1868 година Луи Леже правилно схваща въпроса за националната принадлежность на Кирило-Методиевския езикъ. »N'oublions pas d'autre part, que, suivant la grande majorité des témoignages, Cyrille commença sa traduction à Constantinople. En quelle langue? Évidemment dans la langue des Slaves de la Péninsule, langue qui, adoptée peu à peu par les Bulgares touranieus, prit le nom de langue bulgare, comme le français, idiome né du latin, reçut le nom d'un peuple germanique« (стр. 202—203 разр. м.). Така пише предъ близу 60 години младиятъ Леже и нарича тритѣ главни редакции на Кирило-Методиевския езикъ: »la rédaction bulgaro-slavonne, la rédaction bulgaro-serbe, la rédaction bulgaro-russe«, безъ да се бои, че можело ужъ да възникне нѣкакво недоразумение. Нататъкъ се отбелѣзва, че Леже правилно е схващалъ и въпроса за границитѣ на българската езикова область и съ извѣстно право е говорилъ за четири главни диалекта на българския днешенъ езикъ: le thraco-mésien, le schope, le macédonien et le roupalan ou rhodopien, сиречь излиза отъ общоприетото дѣление на източнобългарски и западнобългарски, като

[1]) Д-ръ С. Гологановъ, За „Веда словена". „Седм. прѣгл." № 8 (1917), с. 5—7.

въ източнобългарски различава, както всички български езиковедци, североизточнобългарски (мизийско-тракийски) и югоизточнобългарски (рупско-родопски), а пъкъ въ западнобългарски сѫщо напълно основателно различава югозападни говори (македонски) и северозападни (»шопски«). »La province de Macédoine, malgré les affirmations contraires des Grecs et des Serbes, est à peu près entièrement peuplée de Bulgares« пише просто и ясно Леже въ La grande Encyclopédie, и пакъ тамъ заявява: »En réalité, le mont Char (Tchar-dagh) marque la limite des nations bulgare et serbe.« И по-късно въ статията за Македония, пакъ тамъ, Леже пише: »A la vérité le dialecte slave de Macédoine se rapproche à certains égards du serbe, mais il présente les particularités les plus caractéristiques du bulgare, notamment l'existence d'un article enclitique et la disparition presque complète de la déclinaison«. И въ своята книга »Le panslavisme et l'intérêt français« (1917 г.) Леже не измѣни на истината. Българитѣ, казва той, се наредиха между нашитѣ (френскитѣ) врагове, и ние нѣмаме причина да хранимъ къмъ тѣхъ нѣкаква особена нежность. Обаче »le devoir des savants est avant tout de rechercher et de proclamer la vérité« и тази истина е, че Шаръ планина означава границата между българската и сръбската народность, че »les slaves macédoniens se considèrent comme bulgares et parlent un dialecte bulgare.«

За »Рѫкописната фолклорна сбирка на Найдена Геровъ« пише А. П. Стоиловъ (стр. 169—198). Разправена е доста подробно историята на тая богата сбирка, а отъ стр. 175 до края върви показалецъ на пѣснитѣ по мотиви съ посочване на разнитѣ вариянти.

Твърде важна тема засѣга Цвѣтанъ Минковъ: Неологизми въ »Кървава пѣсень« на Пенча Славейковъ (стр. 199—209). Авторътъ е събралъ доста материялъ (1. сѫществителни имена, 2. прилагателни имена, 3. глаголи 4. наречия). Въ нѣкои случаи имаме работа съ думи стари, известни, и преди Пенча Славейкова со сѫщото значение; другожъ пъкъ не е речь за сѫщински неологизми, а за различия въ начина на образуването. Основната мисъль на автора, именно че Пенчо Славейковъ е единъ голѣмъ майсторъ на българското слово со заслуги за развоя на българския поетически езикъ, е вѣрна и се подкрепя отъ примѣритѣ.

»Македония и България като духъ и сила« отъ А. Теодоровъ-Баланъ (стр. 211—224) показва нераздѣлностьта на българскитѣ словѣне въ България и Македония во всички области на културната история отъ поселянето на Балканския полуостровъ до днесъ, като особено изтъква личноститѣ на Паисия Хилендарски, даскала хаджи Йоакимъ Кърчовски, ученика му Кирилъ Пейчиновичъ, архимандрита Теодосий Синаитски, всички отъ Македония, сбирката отъ български народни пѣсни на братя Миладинови отъ Македония и др.

Подъ общъ насловъ »Нашитѣ духовни училища« Ст. Станимировъ дава статия »VI. Изъ историята на Българското свещеническо екзархийско училище въ Одринъ« (стр. 225—267) (съ документи). Проф. М. Г. Попруженко е обнародвалъ »Страницы изъ болгарской исторіи« (стр. 269—278), въ които м. др. говори и за Теодосия

Търновски, а проф. В. Н. Златарски дава »Страница изъ старат: културна история на българитѣ« (стр. 278—292), дето разправя з: прѣложение кънигъ въ 893—894 г., подъ което трѣба да се разбир : »замѣна на гръцкитѣ богослужебни книги съ словено-български.« Съ »Пограничниятъ окопъ Еркесия« между България и Византия се зани мава Н. П. Благоевъ (стр. 293—302), а К. Стояновъ е далт бележки за »Полско-българскитѣ отношения презъ вѣковетѣ« (303—306)

Сборникътъ се сключва съ нѣколко спомена за Луи Леже: В. Маринова, Приятельтъ на славянитѣ (307—8), Ана Червенакова Единъ споменъ за Луи Леже (309—310), С. С. Бобчевъ, Въ памет на Луи Леже (311—315), Юрд. Михаиловъ, Луи Леже и Българи (317—322), М. Сарафовъ, Запознаването ми съ Луи Леже (323—4) Д-ръ С. Даневъ, Споменъ (325—6), Д. Уста-Генчовъ, У професора Луи Леже (327—332) и Л. Золотовичъ, Спомени за Лу Леже (на френски, 333—335).

Ст. Младеновъ.

Jihoslovanská národopisná musea.

Velká národopisná musea se širokým všestranným programem mají dne: v království SHS čtyři města, centra někdejších předválečných celků, Bělehrad Sarajevo, Záhřeb a Lublaň. K nim se čestně řadí i několik jiných muse s vymezenějším cílem, zejména krajinské museum pro lidové umění a průmys ve Splitu a Městské museum v Mariboru svým národopisným oddělením, kter bylo teprve nedávno vytvořeno odloučením národopisného materiálu. Slibným počátky v oboru lidovědy hlásí se i nové městské museum ve Varaždině V jiných museích provinciálních nebylo pečováno o národopis téměř vůbe a převažuje v nich ráz archeologický. Národopisné museum ve Skoplji, kter bylo již před válkou připravováno, nebylo dosud uskutečněno.

Musea jednotlivých oblastí, Srbska, Bosny, Dalmácie, Chorvatska i Kraňsk: vyvíjela se za velmi různých podmínek. Závisela na jejich odlišných poměrech byla vedena různými zřetely a podléhala různým správním ustanovením a toh při jejich posuzování nesmíme nikdy zapomínati. Jejich ujednocení patří mez přední kulturní úkoly nového státu. Ministerstvo národní osvěty je si pln vědomo, jak naléhavě je třeba poměry v musejnictví upraviti, a chystá za po moci odborníků nový jednotný zákon o museích, který má býti již tohoto rok uskutečněn.

Národopisné museum v Bělehradě (Етнографски музеј у Београду) dnes samostatné státní museum, podléhající správně Královské srbské akademii není sice ani největší, ani nejstarší, ale bylo v něm od začátku projevován nejvíce zájmu pro živou etnografii a život širokých vrstev národa.

Existuje od r. 1901, kdy bylo založeno jako oddělení Národního muse odloučením národopisného materiálu. Tehdy byla proň získána budova a ustanoven správce, dr. Sima Trojanovič. Ovšem vlastní museum, t. j. sbírky, musil být teprve vytvořeny, neboť do vínku nedostalo se novému ústavu od mateřského nic více než 111 předmětů.

Národní museum bělehradské mělo dotud ráz povětšině historický. Svů oficielní počátek datuje od r. 1844, kdy na návrh Jovana Sterije Popoviće vydalo Попечительство Просвѣщенія výzvu ke krajským úřadům, aby se staral o zachování a shromažďování starožitností, zejména starých mincí.[1]) Jak chudé byly jeho počátky, můžeme si učiniti představu z Popovićova referát v Srbské učené společnosti, do jejíž péče spadalo.[2])

[1]) Іоаннъ С. Поповићъ, Станѣ србсконароднога музеума. Гласник друштва србске словесности I. 1847. str. 153—183. O sbírkách v předchoz době srovn. III. Р. Ђорђевић, Из Србије кнеза Милоша I. str. 145.

[2]) Tamže s. 155. n.

Od r. 1853 bylo museum připojeno k národní bibliotece,[1]) jíž se dostalo toho roku prvního knihovníka. Oba ústavy měl spravovati sám jediný, neboť pomocník mu byl přidělen až r. 1864, ale přece sbírky vzrůstaly, jak čteme ze zpráv Milićevićových z r. 1871 a 1874.[2]) Od knihovny bylo odloučeno až r.1883, kdy bylo osamostatněno a za správce ustanoven prof. Michal Valtrović, jenž pak po dlouhá léta je řídil a za jehož správy došlo i k uskutečnění musea etnografického.

Snahy a návrhy na shromažďování národopisných sbírek nechyběly na slovanském jihu sice již ani dříve, zvláště od probuzení zájmu moskevskou národopisnou výstavou v r. 1867, ale jsouce příliš osamocené a příliš odvážné zůstávaly teoretickými sny. Tak zejména utopický tehdy návrh V. Bogišiće na zřízení všeslovanského musea,[3]) podnícený panslavistickými ideami, tak i skromnější a reálnější návrh Stojana Novakoviće na založení srbského národopisného musea, živený ideami o jednotnosti všech Jihoslovanů.[4]) Tento plán na organisování historicko etnografického musea, který přednesl Novaković r. 1872, ve funkci bibliotekáře na schůzi historické a státovědné skupiny Srbské učené společnosti, nebyl tak přespříliš odvážný svým pojetím. Odvážné bylo jen chtíti jej prosaditi v době, kdy navrhovatel sám si musí naříkati na neudržitelný stav, kdy celé museum nemělo svého vlastního úředníka a kdy na ně i na knihovnu bylo věnováno 520 dukátů ročně. A Novaković představoval si tehdy veliký ústav, kde by byla předvedena celá země a její lid v přítomnosti i minulosti. Chtěl museum, ve kterém by byly ukázky lidových krojů ze všech oblastí a to krojů starých i nových, všedních i slavnostních, pro mladé, staré i děti a vedle toho pro podrobnější studium i jednotlivé kusy oděvu zvlášť. Chtěl míti oddělení mnohostranného domáckého průmyslu, textilního, kovodělného, hrnčířského, chtěl sbírku nábytku, zbraní, zemědělského nářadí i hudebních nástrojů, chtěl modely mlýnů a architektur a pomýšlel i na modely vesnických staveb a na znázornění celých hospodářství a vsí, alespoň obrazy. Uvažoval i o seřazení sbírek, které by bylo jednak chronologické, jednak »etnografické« podle krajů, neboť všude vyvyšoval srovnávací hledisko.

Návrh nenašel porozumění a zapadl vůbec neprojednán.[5]) K uskutečnění musea došlo pak až po 30 letech v obrysech daleko skromnějších a na jiných základech. Jak málo zájmu Novaković vzbudil, ukazuje na př. výzva Simy Trojanoviće z r. 1898 k srbským dámám, aby samy založily museum krojů, neboť v národním museu je uložen prý jen jediný oblek.[6])

Ale již téhož roku přiblížila se otázka národopisného musea svému uskutečnění. Národnímu museu dostalo se odkazem Stevči Mihajloviće budovy, která byla ustanovena hned pro nově zamýšlené národopisné oddělení. V jejím poschodí zůstalo museum podnes, kdežto přízemí zaujaly sbírky přírodovědné (Музеј српске земље). Správou byl pověřen Sima Trojanović, jenž stál v jeho čele až do r. 1921, kdy byl povolán na universitu do Skoplje. S jeho jménem zůstanou počátky tohoto musea neodmyslitelně spojeny. Spoluprací Nikoly Zegy, nynějšího ředitele, museum vlastně vytvořil přes všechny obtíže a nedostatek prostředků a pomůcek, na které si ve výročních zprávách musí stále stěžovat,[7]) kterak většinu námětů nelze provésti ani pevný plán uskutečňovat. Jak mohl postupovat vzrůst sbírek, lze posouditi z okolnosti, že poměrně nejvíce získávalo museum jen z velkých zahraničních výstav, na které byly věnovány značnější obnosy, takže bylo možno nakoupiti větší kolekce. Zejména stoletá oslava

---

[1]) М. Ђ. Милићевић, Народна библиотека у Београду. Глас српске краљевске академије, Београд 1888.

[2]) М. Ђ. Милићевић, Кнежевина Србија, Београд 1876, str. 47–48.

[3]) Богишић Валтазар, Словенски музеум. Србски Летопис за г. 1866 XV. str. 31–83.

[4]) Стојан Новаковић, Српски историјско-етнографски музеј. Гласник српског ученог друштва XXXIV. 1872, str. 336–356.

[5]) Srovn. Гласник срп. уч. друштва XXXVI. 1872 str. 306—307, XXXVIII. 1873. str. 327—328.

[6]) Искра I. 1898 str. 214.

[7]) Viz Годишњак српске краљ. академије od r. 1903 sv. XVII.

prvního povstání r. 1904, v niž bylo národopisné museum pojato, pomohla mu hned při prvních krocích. Tehdy bylo možno objeti všecky oblasti Srbů i Chorvatů, aby bylo zběžně představeno celé Srbstvo, a počet předmětů přesáhl rázem číslo 8000.

Ale systematická snaha a úsilí správy byly příliš opravdivé a sbírky byly přece všestranně doplňovány. Opatřovány byly především exkursemi obou úředníků. Tím ovšem mohl býti musejní materiál odborně vybrán na místě samém, nejsa zatěžován starými sbírkami amatérů. Předmětů sice nemohlo býti vzhledem k malým dotacím nakoupeno mnoho, ale zato předměty vesměs typické a pro jednotlivé oblasti charakterické. Další předností tohoto sbírání bylo detailní určování a ohled k původním názvům předmětů, čemuž při složitých migračních procesech srbského národa a při národnostní směsici Balkánského poloostrova náleží významný úkol. Stálá péče o co nejpodrobnější datování předmětů patří vůbec mezi přednosti bělehradského musea. Správa jeho pomýšlela i na vypracování velkého slovníku lidových názvů a shromažďovala materiál, bohužel výsledky mnohaleté píle byly válkou téměř zničeny.

Jejím vypuknutím byla od r. 1914 nejen jakákoli práce na dlouho zmařena, nýbrž i sbírky samy utrpěly velké škody. Zejména část jejich, která byla odeslána do vnitrozemí, vrátila se ve zbědovaném stavu, pokud se vůbec vrátila. Jak mezitím samo museum bylo zpustošeno, líčí správa Folnesicsova z r. 1915 po rakousko německé okupaci.[1]) Vcelku pozbylo bělehradské národopisné museum za války téměř jedné třetiny svých sbírek, zejména šperků, zbraní a zlatem vyšitých krojových součástí. Ztraceny byly i některé unikáty, penízové ozdoby ženské hlavy z okolí Bělehradu a ze siriničské župy, část skiz Arsenovičova alba, kresby starosrbských malířů analfabetů a velký díl výšivek ze sbírky Layovy.[2])

Po uklidnění poměrů bylo museum znovuzřízeno a nově instalováno. Ale nedostatek místa opět znemožňuje jeho rozvoj. Celé říšské národopisné museum zemí etnograficky tak svěžích a bohatých, jako jsou jihoslovanské, disponuje výstavním prostorem toliko šesti nevelkých místností, nikoli o mnoho větším, než věnovalo slovanskému jihu lidovědné museum vídeňské. Proto výstavní rozvržení nemohlo se díti ani podle krajových skupin ani podle druhu materiálu A doplňování některých oddělení, jako zvykoslovného, zemědělského nebo interieurů je naprosto ilusorní.

Předmětů obsahuje museum dnes na 10.000, nejvíce ovšem ze Srbska samého. Kromě toho sdružuje fotografický archiv, knihovnu a antropologické oddělení.

Vědecký personál musea tvoří ředitel Nikola Zega, kustos dr. Borivoje Drobnjakovič a »kustos-pripravnik« Petar Z. Petrović.

Illustrovaný průvodce sbírkami (Вођа кроз етнографски музеј у Београду) byl vydán r. 1924 a obsahuje celkem podrobné vypsání vystavených sbírek. Proto omezím se zde jen na přehledné vytčení nejvýznačnějších skupin.[3])

Ve veškerém materiálu musea převládají kroje a výšivky. Různé typy lidových krojů představuje celkem 36 oblečených voskových figurin, při čemž oblasti předválečného Srbska jsou zastoupeny pochopitelně nejúplněji, ostatní alespoň předními typy. Vzácností jsou některé kroje staré, zaniklé. V prvním sálku především starý kroj šumadijský, mužský i dívčí, a starý oblek měšťanský Neméně poučné pro badatele jsou primitivní ráz obleku starého muže od Pirotu úbor hlavy ženy z Kolubary, ženský »litak« z Vlasiny, jehož rozšíření zasahuje i do Bulharska, a kroj zlatiborský. V II. síni, kde stojí figuriny jednak ze starého

[1]) Hans Folnesics, Das serbische ethnographische Museum in Belgrad Z. f. ö. V. XXI—XXII. 1915—1916. str. 176—178.

[2]) Srovn. Годишњак академије XXVIII. 1921. str. 230—236.

[3]) Z význačnější literatury o museu srovn.: Dr. Semayer Vilibáld, Magyar néprajzi múzeumok, A m. nem. muzeum néprajzi osztályának értesitöje V 1904. str. 323—327.— Сима Тројановић, Задатак етнографског музеја, Просветни Гласник XXXII. 1911. str. 128—133. — E. Schneeweiss, Zum Stand der ethnographischen Museen in Belgrad und Sofia, Z. f. ö. V. XVIII. 1912 str. 223—229.—Srovn. dále i Z. f. ö. V. XV. str. 208, XVI. str. 223.

Srbska a Makedonie, jednak z Chorvatska, Slavonie, Kraňska i Dalmacie, nejvíce zaujmou právě kroje jihosrbské. Bohatý kroj Pelagonie (zastoupený nevěstou a ženichem z Bitoljského Pole) ukazuje nejen typ širokého opásání žen, obvyklého i dále v západní Makedonii po Ochridské jezero, nýbrž i význačné ozdoby nevěstiny, kocelj z dlouhých šňůr a plátěnný preves, splývající po zádech hluboko k zemi. Makedonského původu jsou ještě kroje manželů a dítěte z Galičniku a ženy z Debru. Z území Starého Srbska vybrána byla dívka ze Skopské Černé Hory s černě vyšitým oblekem, pro tuto oblast tak typickým, a s pérovou ozdobou hlavy (»šike devojačke«) na znak dospělosti. Dívka z Kosova Pole dokazuje svou kratičkou skládanou sukénkou (»bojče«), jejíž rozšíření se pokusil určit A. Haberlandt,[1]) že tento kus oděvu sahá i mimo Metochii dále na východ. Severnější kraje Starého Srbska zastupuje žena od Peći a pod tureckými vlivy vyvinuvší se oděv křesťanských měšťanek žena z Prizrenu. Kroje z Banátu, Baraně a Báčky jsou odbyty bohužel dost chudě, ačkoli směs maďarských a jihoslovanských vlivů vytvořuje zde tak zajímavé problémy. Kroje ostatních jihoslovanských oblastí předvedeny jsou ovšem jen ukázkově, jak ani sám výstavní prostor jinak nepřipouští.

Kromě vystavených krojů velká řada úplných obleků je uložena ve skladišti. Přiřadíme-li k nim vystavené i deponované kolekce krojových součástí, obsahující mnohé staré kusy vzácné ceny, můžeme směle tvrdit, že pro studium srbských krojů v bělehradském museu je shromážděn materiál jedinečný. Z vystavených kolekcí jednotlivých částí krojů vyznačuji zejména skříň starých srbských zubunů a skříň bílých soukenných haljin a dolam, dnes v tomto množství jen zde přístupných, a vitriny starých srbských šňůrovaných vest a živůtků. Několik skříní je věnováno i soukenným džubetům a dolamám a dále jihosrbským ženským košilím, vybraným tak, aby vynikl rozdíl výzdoby na př. kosovské, pećské, skopljanské, bitoljské. V dalších jsou seřazeny pásy, tkané zástěry, úbory hlavy a pod. Mezi materiálem drobných výšivek v síni VI. vynikají zejména starožitné ručníky. Skladiště musejní kryje ovšem ještě celé serie textilií a výšivek. A i jestliže jsou mezi nimi obsaženy snad duplikáty, i ty podržují svůj význam pro určení ethno-geografická.

Krojový materiál doplňují četné podobizny a fotografie částečně rozvěšené v síních, většinou však uložené v archivu. Velmi mnoho poučných dat poskytuje i staré vzácné krojové album Nikoly Arsenoviće, čítající téměř 400 akvarelů, zobrazujících lidové kroje srbochorvatské ze šedesátých let minulého století.[2])

Vedle výšivek a krojů, které jsou zastoupeny poměrně nejúplněji, upoutá pozornost oddělení nářadí v síni V. Pro studium rozvoje materielní kultury patří tato skupina mezi nejomezeněji umístěné. Ukázky nářadí ke zpracování vlny a lnu, k rybolovu, k zemědělství, k mlékařství, nářadí k dobývání živého ohně, stoupy a j. ukazují již nyní, jakého významu může dosáhnouti. K těmto předmětům řadí se i několik jinde uložených, digmen z jižní Makedonie k mlácení obilí (dřevěná deska s kaménky ve spodní ploše), model žitné jámy, model člunu a pod. a ve skladišti modely některého šumadijského nářadí zemědělského. Z domácího nářadí a nábytku zasluhují zmínky kulaté i obdélné dlouhé sofry, stoly bez noh, na jakých dosud jídávají místy o rodinné »slavě,« a některé typy stolic z vesnických domácností, vedle nich pak skvostně řezané stropní růžice a dveře z domů městských. Zařízení černé kuchyně s ohništěm na zemi představuje malý interieur, jediný, který bylo možno umístiti, a naproti němu doplňuje obrázek několik stojanů pro rožeň (panjevi), kotlíků a jiného nádobí.

Bohatá skupina dřevěných nádob získává velmi četným zastoupením na přehlednosti. Zřetelně vynikají rozličné tvary a různé způsoby provedení a pozornost poutají zvláště nádoby z jednoho kusu dřeva vysekané, na př. »jagurtar« a »bakla« z Resavy. Významu dodávají sbírce i pilně zaznamenané názvy a přísně lidovědný zřetel, se kterým zde byly sbírány typické produkty denního

---

[1]) Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Volkskunde von Montenegro, Albanien und Serbien. Erg.-Bd. XII. zu Z. f. ö. V. Wien 1917. str. 146.

[2]) Srovn.: Nikola Zega, Zbirka Nikole Arsenovića, Narodna Starina 1923, str. 129—150.

života lidu, nejen umělecké předměty života svátečního. Tato sbírka nemá na slovanském jihu dosud sobě rovné.

Stejně poučnou rozmanitostí v zastoupení kraje a typu vykazuje se oddělení keramiky v téže síni. Zbytkům staré, primitivní kultury náleží nepolévané hrubé mísy a crepulje z Potpeći u Užice a blíží se jim i nádoby z Podriní. Způsob jejich výroby zobrazuje primitivní hrnčířské kolo potpećské. Pod orientálním působením bylo tvořeno nádobí Starého Srbska a podobně i typická ozdobná keramika bosenská, jednoduchou starožitnou malbou dekorovaná. Štíhlé nádoby albánské, jichž je zde vzácná kolekce, prozrazují zřejmě klasický vliv. Od nich všech zcela se liší nové glasurované nádobí chorvatských krajin. Dekorativní polévaná keramika srbská, jako celek pro sebe, oddělena je zvlášť a představena hojným výběrem.

Pozornosti zasluhuje i sbírka hudebních nástrojů ve IV. síni, jejíž podrobný popis podal svého času ředitel Trojanović.[1]) Četná je i sbírka zbraní a cenná je velká sbírka šperků a kovových ozdob, jmenovitě srbského původu. Obě docházejí doplnění sbírkami historicko-archeologického musea v Bělehradě.

Zvykosloví je více zachyceno fotografiemi než rekvisitami. Mezi ně patří především dřevěná jelení hlava (»šerbulj«), kterou nosívají v Banátě mladíci na Štědrý den po domech, a model »prokletija«, zvyku, kterým bývá proklínán neznámý vrah, palič nebo zloděj ve Svrljigu ve východním Srbsku.[2]) V depôt uschovány jsou ukázky vánočního pečiva a mezi jiným i hůl — odznak mladíkovy dospělosti zpod Kopaoniku. Fotografiemi jsou znázorněny podrobně dubocké rusalje, ovšem v archivu musejním je celá řada cenných zvykoslovných snímků jiných. O bogomilských náhrobcích a o obětním kameni na nádvoří bylo již častěji referováno. (Srovn.: Mitt. d. Anthrop. Gesellschaft 1909 str. 165, Wörter u. Sachen I. 2.)

V plánu musejní správy je vybudovati soustavné oddělení modelů lidových staveb, od nejprimitivnějšího pastýřského dubirogu až po budovy nových typů. Mezi zatímními modely vynikají modely pomoravských mlýnů na člunech, celkového hospodářství z Liky, roubené »kuće zaplotnjače« od Kopaoniku, hospodářství od Užice, velký model »kuće polubrvnary«, zdařilý model hercegovinské »pločary« kamenné a horského bosenského domu.

Záleží jen na vnějších poměrech, kdy dovolí uskutečnění tohoto i jiných významných plánů, aby se národopisné museum říše mohlo konečně rozvíjeti tak, jak potřebuje a jak národ, jemuž je posvěceno, zasluhuje.

Národopisné sbírky v Sarajevě tvoří část zemského musea. Zemské museum (Zemaljski muzej za Bosnu i Hercegovinu u Sarajevu) vzniklo r. 1885,[3]) původně jako soukromé dílo spolku k jeho založení vyvolaného, aby domácí památky mohly býti shromažďovány doma a nebyly vyváženy ze země. Přední zsluha o to patří dru J. Makanci a K. Hőrmannovi. Snahy nového ústavu nalezly od počátku podporu jak u města tak i u vlády a již r. 1888 bylo nové museum úplně převzato v zemskou správu. Tím byl zajištěn jeho rozvoj a odborné čilé vedení, v jehož čele stál Konstantin Hörman a později Ćiro Truhelka, stvořilo z něho jeden z nejbohatších ústavů balkánských zemí. Brzy po pozemštění došlo k vydávání vlastního orgánu, Glasnika zemaljskog muzeja za Bosnu i Hercegovinu, který od r. 1889 publikoval výsledky musejní práce a soustřeďoval badatelskou činnost v anektovaných zemích. Tresť jejich byla vydávána pro cizinu od r. 1893 jako Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien u. der Herzegovina.

Od r. 1913. jsou sbírky umístěny v nových krásných musejních budovách, ve čtyřech pavilonech, seskupených kol botanické zahrady, a zde je převzal

---

[1]) Музички инструменти Етнографског музеја. Светлост, 1901.

[2]) Srovn.: С. Трojановић, Лапот и проклетиje. Београд 1898. (Viz též Искра 1898.)

[3]) Др. Владимир Ћоровић, Научни рад Земаљског музеја. Gl. Z. M. XXVI. 1914, str. 4—34.

C. Hörmann, Zür Geschichte des bosnisch-herzegovinischen Landesmuseum, Wissenschaftliche Mitteilungen I. 1893.

nový stát jihoslovanský. Podle statutu z téhož roku[1]) je museum rozděleno celkem v 10 velkých sbírek z oboru historických a přírodních věd. Mezi nimi je i sbírka národopisná. Ke sbírkám je přiřazen i archiv a musejní biblioteka.

Sbírka národopisná vyvinula se z oddělení pro lidové umění a průmysl, které bylo od počátku pojato v plán musea. Podle prvních stanov z r. 1885, vcelku dost neujasněných, mělo býti cílem musea především »shromažďování všeho, co je archeologicky, kulturně historicky, umělecky a průmyslově, významné«, dále studium a ochrana památek a konečně podporování domácího průmyslu a uměleckého průmyslu. S úkoly vědeckými měly tedy byti spojeny i úkoly praktické a museum mělo býti i archeologické i průmyslové zároveň. Důraz na praktickou stránku byl pojat ve stanovy na výslovné přání ministra Benjamina Kallaye a podle něho octlo se tedy mezi úkoly musea i sbírání domácích krojů, nábytku, nádobí, nářadí a průmyslových výrobků, což dalo základ k nynějším národopisným sbírkám. Ale vývoj musea obrátil se záhy jiným směrem, než Kallay zamýšlel, a jeho význam tkví dosud v jedinečných sbírkách archeologických a přírodovědných, zatím co k péči o domácký průmysl nikdy nedošlo.

Sbírka národopisná sice časem roste, ale na jiných základech a o tak systematické činnosti jako v druhých odděleních nelze tu dlouho mluviti. Spojena byla od počátku se sbírkami středověké archeologie pod správou dra Círa Truhelky, který řídil i oddělení archeologie předhistorické. Truhelka byl povolán do Sarajeva r. 1866. z umělecko-průmyslového musea záhřebského, aby stvořil podobné museum v Sarajevě. Svou dráhu vytkl si však záhy na poli praehistorie, o niž si získal velké zásluhy. Zájmy čistě etnografické ustoupily ovšem dopozadí. Ale třebaže vzrůst národopisné sbírky byl řízen více vnějšími nahodilými okolnostmi než systematickou snahou a získávány byly především předměty, jež byly nabízeny anebo jimž hrozilo odvezení do ciziny, tedy především skvostné doklady muslimanského umění, shromáždil přece pozoruhodný materiál. Nejsoustavněji byla tvořena sbírka krojů, k jejímuž doplnění přiměla i výstava krojů pořádaná r. 1891. v umělecko-průmyslovém museu ve Vídni,[2]) na které byly anektované země čestně zastoupeny. Od té doby též se datuje převaha textilního materiálu v národopisném oddělení, kdežto ostatní doklady lidového života teprve čekají na své soustavné doplnění.[3])

Ráz etnografické práce v Bosně lze posouditi i z musejního časopisu, v němž se roztříštěné folkloristické příspěvky nemohou rovnati studiím z jiných oborů a zvláště prací z věcné lidovědy je mizivě málo.

O dnešní rozvoj národopisného oddělení získal si zásluhy kustos Vejsil Ćurčić, spolupracovník a nástupce Truhelkův. Od r. 1891. spoluúčastnil se při budování musea v různých odděleních, zvláště prehistorickém, až nakonec se mohl věnovati cele svému lidu při sbírkách národopisných. Po uskutečnění nového musea bylo mu svěřeno vedení národopisného oddělení a tehdy teprve oddělil lidové sbírky od středověkých. Z řetelem k současnému životu lidu, jak jej poznal na svých cestách, změnil dosavadní směr sbírání a zejména péčí o znázornění různých zaměstnání přiblížil jej živoucnosti. V plném rozvinutí činnosti brání však naprostý nedostatek prostředků a pomocníků. Kromě kustoda a výpomocného asistenta není v tomto oddělení druhého úřednictva.

Národopisné sbírky jsou umístěny v samostatném menším pavilonĕ na východní straně . Ve dvou velkých přízemních sálech a na schodišti jsou vyloženy různé exposice předmětů, poschodí je rozděleno v malé interieury, vypravené skvostným zařízením bohatých muslimanských obydlí. Vezděno je zde sedm světnic a jejich uměle vyřezávané obložení stěn a stropů, vyřezávané

---

[1]) Gl. Z. M. XXV. str. 235.

[2]) Др. Ћиро Трухелка, Изложба народног одијела у Бечу 1891. Gl. Z. M. III. 1891. str. 19-23.

[3]) Jak sbírek přibývalo, ukazují tato čísla: R. 1888. obsahovala etnografická sbírka 357 předmětů. R. 1893 stoupl počet předmětů na 575 a krojů bylo 75, v r. 1906. bylo předmětů již 3042 a krojů 117. (Ћ. Трухелка, Садашње стање земаљског музеја у Босни и Херцеговини. Gl. ZM XVIII. 1906, str. 111—114.) Nyní obsahuje národopisné oddělení na 5000 předmětů a 170 úplných krojů.

stěny - banjí a dušekluků a jejich vyšívané mindery jsou bohatství, jakým se nemůže pochlubit žádné druhé museum. Nádherná je zejména soba z bývalé ruždije v Sarajevě a zajímavá je malovaná poslední soba z Tešnje. Jako památky bosenského umění zůstanou vždy hledanými doklady vedle okolnosti, že představují věrně stará domácí zařízení panské vrstvy. Škoda, že nemohly být pro nedostatek místa znázorněny i interiury vesnických domácností, národopisně ještě poučnější.

Protože přízemí zabral materiál detailní, bohatá sbírka krojů musila býti vystavena v těchto interieurech, ač jsou to většinou kroje lidové. Ve všech místnostech poschodí jsou tedy rozestaveny figuriny v krojích, při čemž byl obrácen zřetel k tomu, aby byly zastoupeny typické obleky všech oblastí a všech tří věr.

V první síni jsou umístěny kroje z centrální Bosny. V druhé stojí figuriny v krojích z jihovýchodní Bosny a Hercegoviny. Pozornost poutá především »mlada« z Popova Pole se šperkem »ovrljinou« na hlavě[1]) a pravoslavné ženy z Batova (okolí Čajniče) v zaniklém již kroji s krátkými, drobně skládenými sukénkami »okoljačami «. Třetí síň obsahuje starobylé kroje ze severovýchodní Bosny, ukazující zřejmý rozdíl mezi pravoslavnými a katolíky téhož kraje. Zejména kroj staré katoličky z Vukšiće u Brčka je význačný. Další síň představuje soud, na němž předsedají soudcové všech věr, musliman, pravoslavný, katolík i žid. V páté síni vynikají kroje pravoslavných z Osatice, zvláště vysoká ozdoba ženiny hlavy, upravená z květin a pávového peří, která zaměnila starožitné rohové pokrytí, »vrljinu«, vystavenou v levém přízemním sále.[2]) Další soba je vyhrazena městským krojům, opět podle věr se lišícím. V poslední jsou předvedeny muslimanské kroje horácké z Umoljane a z Visokého a kroje katolíků z okolí Travniku, při kterých mimo jiné vyniká složitý úbor ženské hlavy s typickým čepcem. Figurinami cikánů z okolí Sarajeva je pak zakončen tento pestrý přehled bosensko-hercegovinských krojů, sbírky v takovémto množství jedinečné (na 60 figurin). Celá řada úplných obleků zůstává kromě toho nevystavena.

Krojová sbírka je doplněna oddělením výšivek a krojových součástí v levém přízemním sále. Zřetel je obrácen na jejich estetickou cenu a vyloženy jsou jen vybrané kusy jako ukázky vzorů a technik. Tím je způsobeno, že muslimanské výšivky a práce zdají se převládati a budí více pozornosti, ač jsou zastoupeny i výšivky křesťanského lidu. Význačnou předností jejich instalování jsou za to v některých skříních tabulky se vzorem výšivky a názvy vzorů a techniky anebo i fotografie celého kroje, s něhož výšivka pochází. Péče kustodova o doplňování názvosloví a detailní určování je tím cennější, že nikde nejsou podobná data publikována.

Z množství materiálu byly k vystavení vybrány ženské pleny, zejména katoliček od Kupresu, pásové výšivky ze širokých spodních částí (»skutů«) ženských košil od Gradišky a čepce žen od Kupresu. Vzácná je v prostředních skříních vyložená skupina zlatem vyšitých muslimanských košil s uvedenými jmény a bohatá kolekce starožitných ručníků. Ve svém množství jedinečná je sbírka jemných harémových výšivek, získávající přehlednosti umístěním v zasunovacích rámech. Našívané technice šňůrování jsou věnovány skříně podél stěn sálu, ve kterých jsou rozvěšeny části svrchního měšťanského oděvu, dolamy, různé srmadal a teřebaš a j. anterije, ćurdije a fermeny atd., vesměs přebohatě různými zlatými šňůrami a prýmky vyšité, exposice v tomto bohatství bosensko-hercegovinské práce opět význačná.

K textiliím jsou přidruženy v tomto sále ženské šperky, vesměs starožitné cenné práce, a dřevěné vyřezávané drobnosti ženám určené.

K tužbám sarajevského národopisného musea patří vybudování oddělen pro lidová zaměstnání, řemesla i zemědělství. V sále výšivek je umístěna

---

[1]) Srovn. Томо Братић, Народна ношња у Херцеговини, Гласник З. М XVIII. 1906 str. 229-243.

[2]) Srovn. Ћ. Трухелка, Фригијска капа, комад босанске женске ношњ GIZM. VI. 1894 str. 89—94. С. Трojановић, Српске старине, Искра I. 1898 Str. 197, 198.

skupina vztahující se k textilnictví, stav, viják, »tucanj« pro přípravu kozí vlny, destičkový stávek pro tkaní pasů, přeslice, vyšívací rámy a pod. Než bude možno více ji rozvinouti, doplňují ji kreslené přehledné obrazy, znázorňující nářadí některých sarajevských řemeslníků, způsob jejich práce a postup výroby od přípravy materiálu až po hotový výrobek, vesměs s pečlivým názvoslovím. Tak je předvedena především primitivní výroba »mutapčije«, pracujícího z kozí vlny pokrývky, a drobná práce kazadžijská, prýmkařská, které jsou věnovány tři tabule. Jejich přehled oživuje tableau skutečných ukázek různých gajtanů a širiti, bademli a bajrekli tkanic s názvy i udáním účele, k čemu se jich používá.

Jiné skupiny, týkající se zaměstnání, musily býti rozděleny v druhém sále a na schodišti. Na př. rybářské nářadí z Dolní Doliny na Sávě, získané při podrobných studiích Ćurčičových,[1]) musilo býti stísněno v jednom koutu vestibulu zároveň s ukázkami dřevěného nádobí. V druhém sále zastupuje zaměstnání opět několik obrazů, výroba hliněných dýmeček a zejména skupina věnovaná hrnčířství s fotografiemi primitivního vypalování nádob na otevřeném ohni v Orubici v severní Bosně.[2]) Sbírka zemědělského nářadí, kterou kustos zamýšlí uspořádati (až finanční poměry připustí), je prozatím v začátcích, ale jednou bude patřit jistě mezi památnosti musea, když staré nářadí rychle mizí.

V tomto sále vyniká bohatá sbírka zbraní. Vybrána je nejen se zřetelem k drahocenné výzdobě, nýbrž i vzhledem k různým typům a druhům.[3]) Pozoruhodností při jejich etiketování jsou uváděné verše z lidových písní, ve kterých se oněch druhů zbraně vzpomíná. Podobnými citáty jsou oživeny i hudební nástroje v druhém rohu síně umístěné. Prostřední skříně sálu jsou věnovány předmětům domácího řemeslného umění. Především jsou to kovové ozdoby bojovníků, bohaté náprsní toke, nábojnice, ozdoby koňských postrojů a pod. a ozdobné kovové nádobí bohatých domácností, při čemž není bez zajímavosti srovnání s indickými nádobami v jedné z postranních skříní, právě co do tvarů a výzdoby. Dřevěné vyřezávané předměty, vybrané podle estetických měřítek, sestaveny jsou ve skříních a vitrinách posledních.

K zvykosloví vztahují se amulety a některé ochranné prostředky a hliněná nádoba, nalezená ve zdivu vyšehradského mostu.

Nakonec zůstává exposice, kterou můžeme řaditi rovněž mezi přednosti sarajevského musea, sbírka modelů staveb, pečlivě a detailně provedených. Ve velkém sále jsou to model begovské kuče s celým vnitřním zařízením, model »krovary« z Hutova a kamenné pločary hercegovinské. Vestibul pod schodištěm vyplňují pak čtyři rozsáhlé skupinové modely, představující svůj předmět s celým jeho okolím. Vynikají skupina koželužen ve Visokém a skupiny kolových staveb v Dolní Dolině na Sávě.

Život bosenského lidu výstižně ilustruje řada fotografií, rozvěšených po stěnách schodiště, kde vedle pohledů krajinných a ze života lidu upoutá pozornost kolekce snímků úlů a včelínů. Z velké musejní sbírky fotografií je to ovšem jen nepatrná část.

Se sarajevským zemským museem je dnes sloučen i bývalý Patschův Ústav pro zkoumání Balkánu, jehož knihovna a fotografický archiv (na 5000 kopií a o něco méně negativů většinou z Bosny a Albanie) poskytuje pro národopisná studia vítané pomůcky.

Národopisné oddělení chorvatského národního musea v Záhřebě (Etnografski odio Hrvatskog muzeja u Zagrebu) bylo vytvořeno jako samostatné museum, jen správně závisící na museu národním, teprve r. 1919. Původ jeho sbírek je ovšem daleko starší a složitější. Sloučeno je v něm vlastně pět velikých kolekcí, vzniklých v různých dobách při různých ústavech nebo péči jednotlivců.

Nejstarší základ byla národopisná sbírka při historickém oddělení Národního musea. Národní museum, od r. 1829 připravované, r. 1846 uskutečněné umístěním

---

[1]) Srovn: Vejsil Ćurčić. Narodno ribarstvo u Bosni i Hercegovini. Gl. Z. M. XXII. 1910, str. 379—388.

[2]) Srovn. Gl. Z. M. XXII. str. 25—40.

[3]) Kustos Ćurčić chystá právě jejich publikování.

sbírek v Národním domě a r. 1866 pozemštěné, od počátku nestavělo se k lidovým produktům odmítavě.[1]) Prohlášení Akademie z r. 1866[2]) předvídalo dokonce i zvláštní národopisné oddělení vedle průmyslového a ředitel musea, S. Ljubić, shromažďoval pro ně materiál (jmenovitě výšivky a šperky). Ale k vytvoření většího celku nikdy nedošlo, zvláště když pak část sbírek vytrhlo odtud čilejší a životnější Društvo Umjetnosti pro museum umělecko-průmyslové a tím až do nové doby překazilo vlastně vytvoření musea skutečně a všestranně národopisného.

Toto Društvo Umjetnosti, »Společnost pro podporování umění, zejména domácího s ohledem na umělecký průmysl«, bylo založeno r. 1870 a agilností svého prvního tajemníka, Jse Kršnjaviho, rozvilo hned tak čilou činnost, že již r. 1880 mohlo učinit své umělecko-průmyslové sbírky přístupné veřejnosti, třebaže jen na krátkou dobu.[3]) Přední péče společnosti náležela tehdy podporování domácího průmyslu, v první řadě textilního, a podle takových směrnic byly i sbírky shromažďovány. Myšlenka spojit národopisné sbírky a vytvořit ústav velkého rozsahu byla však předem ztracena, jednak pro cíle společnosti, které směřovaly jinam, jednak pro nechut Ljubićovu, pro nedostatek místností a prostředků i pro pozdější odklon společnosti od lidu. R. 1866. přešlo její umělecko-průmyslové museum v zemskou správu, ale k novému otevření došlo až po dvaceti letech. O jeho sbírkách při otevření poskytuje obraz katalog sestavený Jelicí Belović Bernadzikowskou. (Katalog tekstilne zbirke zemalj. umjetničko obrtnog muzeja u Zagrebu. 1907.)

Třetí velikou sbírku shromáždilo chorvatské školské museum (Hrvatski školski muzej), zařízené a udržované péčí Hrvatskog pedagoško književnog zbora. Otevřeno bylo r. 1901. při oslavě třicetiletého trvání sboru. Úkolem jeho bylo sbírati vše, co se vztahuje k chorvatskému školství. Jakožto učebné pomůcky byly zařazeny i některé předměty lidové práce a zejména oddíl ženských ručních prací měl býti co nejobsažnější. Lidové výšivky a tkaniny v něm převládaly oproti pracím žaček a jiným, které ustupovaly v daleké menšině, a zastoupena byla i řada celkových krojů na figurinách. Založení i řízení tohoto oddílu bylo prací první ředitelky odborné dívčí školy v Záhřebě a první inspektorky dívčího školství, Klotildy Cvetišić. Kromě textilií obsahovalo museum i některé modely lidového nářadí. Katalog sbírek a zpráva o vzniku musea byly vydány následujícího roku, Hrvatski školski muzej, njegov postanak i uređenje. U Zagrebu 1902.[4])

Nejmladší veřejná sbírka vznikla konečně v museu obchodní a živnostenské komory v Záhřebě. (Trgovačko-obrtni muzej.) Toto museum bylo vedeno výhradně průmyslovým zájmem, proto materiál jeho záleží opět ve výrobcích domáckého průmyslu. Převažují opět textilie, kdežto jiná odvětví lidového průmyslu byla zastoupena celkem chudě několika malovanými tykvicemi, šperky, řezbami, modely tkalcovského nářadí a pod., jak můžeme posouditi z katalogů J. Bernadzikowské. (Katalog hrvatske narodopisne sbirke trgovačko-obrtnog muzeja u Zagrebu. 1906, II. dio 1910.)

Vedle těchto veřejných sbírek vznikaly i soukromé. Na prvním místě stála pozoruhodná sbírka lidového umění S. Bergera, majitele závodu pro podporování domácího textilního průmyslu, která tvoří i dnes podstatný díl nového národopisného musea.

Všemi těmito sbírkami byl shromážděn značný materiál, ale naprostým nedostatkem jakékoli centralice množily se předměty stejných druhů a pro

[1]) Viz Dr. Viktor Hoffiler, Hrvatski Narodni Muzej u Zagrebu. Jugoslavenska Njiva V. 1921. str. 23—24, 41—43.

[2]) Proglas jugoslavenske akademije u poslu narodnoga zemaljskoga muzeja. Vijestnik narodnoga zemaljskoga muzeja u Zagrebu I. 1870 str. 21—25.

[3]) II. godišnje izvješće Društva Umjetnosti u Zagrebu za g. 1880.

[4]) Srovn: M. Murko: Nachtrag zu den Mitteilungen über die Volkskundemuseen im südöstlichen Europa. Z. f. ö. V. XVI. 1910 str. 222—224. a Max Hübner, Die Ausländischen Schulmuseen. Veröffentlichungen des städtischen Schulmuseums zu Breslau. 1906.

zřetele umělecké a průmyslové hromadily se jednostranně produkty lidového umění, zatím co jiné stránky lidového života byly víc než zanedbány.

Dnešní národopisné museum, dědic těchto sbírek, může se tedy vykázati nejpočetnějšími sbírkami (na 30.000 předmětů),ale sbírkami jednostrannými, kupenými povětšině nahodile, bez lidovědných zřetelů a obyčejně bez jakýchkoli údajů.[1])

Správa musea snaží se ovšem cílevědomě a soustavně vybudovati ostatní oddělení a dosavadní materiál všestranně doplnit s hlediska věcné úplnosti i krajového zastoupení.[2]) Ku pomoci založila instituci svých důvěrníků, jejichž síť snaží se rozšířiti po celé zemi a jejichž úkolem je napomáhati musejním úředníkům poskytováním zpráv, pomocí při zájezdech a nákupu a případně spoluprací a činností sběratelskou. Kromě této péče rozvíjena byla živá činnost i jinými směry. Založen byl národopisný archiv, shromažďující folkloristické zápisy a popisy, archiv fotografický a pořizována je soustavně sbírka kreseb, především výšivek a krojů. Jako významný podnik třeba vyznačiti oddělení pro lidovou hudbu, které pečuje o zapisování písní a vůbec lidové hudby i přístroji fonografickými. Kromě toho bylo vytvořeno oddělení pro využití lidového umění v řemeslech i průmyslu.

Posledního roku přistoupilo museum i k činnosti publikační a začalo s vydáváním velkého obrazového díla Zbirka jugoslavenskih ornamenata, co do rozsahu a provedení prvního toho druhu v Jugoslavii. Ve stadiu přípravném stojí oddělení antropologické a kinematografické.

Při tom okruh zájmů nezůstal omezen toliko na chorvatský lid, ke kterému jinak je ovšem brán přední zřetel, ani na oblasti toliko jihoslovanské, nýbrž šíří se i na národy sousední a na všechny národy slovanské. Skupinou exotického národopisu vstupuje pak i na mimoevropskou půdu národů polokulturních.

Umístění dostalo se národopisnému museu v nové budově bývalého obchodně-průmyslového musea na náměstí Ivana Mažuraniće. Průvodce po sbírkách bude vydán po definitivní instalaci.

Vědecký sbor musea tvoří ředitelé S. Berger a Vladimír Tkalčić a kustodi dr. Milovan Gavazzi, Zdenka Sertić a dr. Kus. Kromě nich pracují v museu tři odborné síly úřední.

Budova je rozdělena tak, že přízemí zaujímají jednak pracovny, ateliery a skladiště, jednak oddělení lidového zaměstnání a exotického národopisu, poschodí pak převážně kroje, výšivky a lidové umění.

Sbírka krojů a textilií vůbec je nejúplnější a skutečně pozoruhodná jak svým bohatstvím tak cenou vzácných dokladů technik a vzorů. Kromě množství materiálu nevystaveného vyplňují většinu šesti sálů, z nichž každý je vyhrazen určité oblasti. Instalace je provedena vesměs tak, že ve velkých světlých hranolových skříních uprostřed síní jsou rozvěšeny na skutečných nebo schematických figurinách celkové obleky, se všech stran dobře viditelné, na dně skříní a ve vitrinách a rámech kolem sálu jsou vyloženy detaily k nim, jednotlivé krojové součástí a výšivky z týchž oblastí.

Uvedení do prvního sálu tvoří několik jiných kolekcí. Především ukázky některých druhů lidového umění, velká sbírka malovaných slavonských a srěmských tykvic, různé předměty dřevořezby (pastýřské čerpáky, přeslice, hole a j.), zdobené volské rohy a pod. Další kolekce zabírají několik menších kojí. Hudební nástroje ze všech téměř krajin, sesbírané povětšině Kuhačem, vyloženy jsou v prvním oddělení, kde se dostalo místa i kraslicím. Vedlejší prostor zaujímá interieur selské světnice z chorvatského Záhoří. V sále samém je vyhrazena jedna koje předmětům náboženského významu a druhá význačným kusům nábytku, kde vynikají zvlášť starožitné dřevěné truhly tvaru sarkofágů a nizoučké kolébky. V postranních vitrinách jsou uloženy některé

---

[1]) J. Bertndzikowská v katalozích neužívá termínů původních, nýbrž názvosloví jednotného, ať pochází z kraje předmětu či nic.

[2]) Srovn. Prof. Vladimir Tkalčić, Etnografski muzej u Zagrebu, Naša starina I. str.173—75.— Týž: Etnografski muzej u Zagrebu. Jugoslavenska Njiva VIII. 2. 924, str. 394—397.

dětské hračky a pernikářské formy. Jinak ostatek sálu celý je věnován oddělení krojovému a sice oblasti centrálního a severního Chorvatska z okolí Karlovce a Záhřebu.

Předností odborné instalace je zde zřetel k co největšímu zpřístupnění předmětů. Při většině krojů jsou rozvěšeny tabulky, na kterých jsou jednotlivé části vykresleny a původními názvy určeny (prací Zdenky Sertićevé), čímž je studium velmi usnadněno. Mezi různými kroji tohoto sálu zajímá zvláště ženský oblek z Jamnice se starožitným úborem hlavy,[1]) kroje ze Záhoří, oblek muže šlechtice a v poslední skříni rozličné úbory tří žen různého stáří ze Zadvorska. Po stěnách sálu jsou rozvěšeny jednotlivé kusy svrchního oděvu. Po jedné straně různé druhy kožichů a prsluků, mezi nimi i barvami malované kožíšky z okolí Samoboru, a dva starožitné pláště vázané z dlouhé trávy pro pastýře v době deště. Po druhé straně dlouhé bílé soukenné haleny, pestré zubuny, tmavé suriny a menteny mužské i ženské.

Druhý velký sál, věnovaný Posáví, obsahuje bohatství starobylých tkanin a výšivek, zejména z okolí Sisku a Petrinje a drobné výšivky z oblastí přilehlých. Ve skříních uprostřed síně ukazuje opět velká řada celkových krojů různé typy podle území, stáří nebo výzdoby, kolem pak množství výšivek a tkanin tvoří vzácný materiál pro studie ornamentální i technologické. Při výběru hledělo se jak ke vzorům, pro které byly zvoleny kolekce různého stáří a typů, tak i k technikám, zejména tkacím. Starobylé způsoby vetkávání vzorů jsou znázorněny i přímo na stavu začatou prací.

Další malý sálek leží uprostřed ostatních a šperky v něm vystavené patří také všem oblastem. Ve vitrinách kol stěn rozloženy jsou rozmanité korálové náhrdelníky a dívčí párty, k nimž se druží několik svatebních nevěstinských věnců. Jedna z vitrin je věnována i velmi zajímavé celkové exposici pasů, tkaných, kožených i vyšívaných. Sbírka kovových šperků, umístěná zejména v šestiboké skříni prostřední, vynucuje si uznání svou obsáhlostí. Tím, že jsou tak četně zastoupeny šperky z Banátu a Slavonie, šperky z Istrie, Dalmacie a Slovinska, ale kromě toho i starožitné ozdoby srbské a bosensko-hercegovinshé, přispívá nemálo ke studiu tohoto odvětví a kulturních vlivů v různých krajinách. Sestavení jejich je vkusné, třebaže leckdy na úkor soustavnosti a přehlednosti.

Čtvrtý sál Slavonie tvoří přechod k východním krajinám Banátu. Přední místo patří zde bohatým, zlatem vyšitým krojům Djakovštiny, ale předvedeny jsou ovšem i jiné typy podle zásad předchozích síní. Z drobných výšivek vzácné jsou staré, zlatem vyšité konce ručníků a konce šatek a poučné jsou exposice čepců. Rozvité výroby slavonských koberců a pokrývek nebylo ovšem opomenuto a řadu ukázek na stěnách sálu, většinou starých kusů, můžeme již dnes počítati ke vzácnostem musea. V poslední skříni bylo pamatováno na slavonské haleny a kožichy, co do výzdoby prozrazující již styk s typy maďarskými.

Jestliže takto byly chorvatské a slavonské kraje představeny materiálem pokud možno nejvšestrannějším, ostatní jihoslovanské oblasti mohou být zastoupeny jen typickými ukázkami.

Z Bosny, Hercegoviny a Dalmacie, kterým je věnována celá sousední síň, vynikají krásné a cenné doklady výšivkové, kdežto kroje, přirozeně, nemohou se vyrovnati bohatství sarajevského musea. Ale ukázky s porozuměním vybrané a sestavené charakterisují přece tyto krajiny výstižně a jako studijní cenný materiál nesmějí býti pomíjeny.

V posledním sále má býti podán obraz o krojích z východních a jižních oblastí, ovšem při složitosti poměrů a ne dost podrobném prozkoumání zůstává při zastoupení hlavních typů. Zastoupení toto jest však přes to hojné. Vedle výšivek a krojových součástí z rumunského pohraničí a ze západního Bulharska je zde vystaveno množství materiálu ze Starého Srbska a Makedonie. Řada obleků, většinou ženských, doplněna je i kolekcemi výšivek, tkanin a krojových součástí a to nejen slovanských, nýbrž i albánských. Pozadí sálu tvoří oddělení »orientálního vlivu«, t. j. sbírka městských krojů jihosrbských a muslimanských

[1]) Srovn. Dr. Arthur Haberlandt, Der Hornputz. Slavia II. 1923 (str. 699-700).

a jako interieur sestavené zařízení bosensko-muslimanské světnice s bohatou sbírkou zbraní. Tato poslední oddělení právě tak jako kolekce z Maďarska, Bukoviny a Československa zůstávají jen materiálem srovnávacím.

Oddělení pro obydlí a lidová zaměstnání jsou umístěna v přízemí, a třebaže jsou to začátky, poskytují v mnohém ohledu poučné informace.

V levém přízemním sále jsou vystaveny především skupiny domácího dřevěného nádobí a ukázky nebo modely některého zemědělského nářadí. Domáckému průmyslu patří kolekce košikářská, ukázka výroby brašen z rákosové slámy a při protější stěně výroba opánků a několik modelků řemeslného nářadí. Nejpřehledněji je sestaven početný oddíl nářadí textilního. K stavům v ukázkách i modelech a různým vijákům přistupuje nářadí pro zpracování materiálu, trdlice, přeslice, hachle a pod, a několik stávků pro starobylé tkaní pomocí destiček. Zde je třeba zmíniti se též o celistvé skupině rybářského náčiní z Posáví, pro rozměrnost umístěného na schodišti vestibulu.

V zadní části sálu je spořádán oddíl keramiky chorvatského původu, kde vedle poučného srovnání tvarů a druhů nádob zajímá současná produkce hrnčíře Jerovce. V rozích sálu sestaveny jsou kolekce keramiky bosenské a maďarských džbánků.

Dřevěné lidové stavitelství je předvedeno několika staršími modely, které ovšem nevyčerpávají jeho rozmanitosti: pěkným modelem mlýnu na člunech (s terminologií), zádružného domu posávského a řezbami zdobeného domu a ambarů ze Slavonie. Z jiných staveb umístěny jsou v sále modely sušárny, chlebové peci a dílny opánků.

Tato oddělení přízemí, kterým starší musea věnovala velmi málo péče, trpí i dnes nedostatkem prostředků nejvíce. Ale jako byly dnešní správou doplněny pozoruhodné sbírky krojů, budou jistě i tyto skupiny patřit brzo k chloubě musea.

Druhý přízemní sál je vyhrazen asijskému východu a národům polokulturním pro sbírky z Číny, Japonska, Indie, z centrální Afriky, Polynesie, Melanesie a Australie.

Letoškem vstupuje záhřebské národopisné museum v sedmý rok svého trvání, ale již si dobývá čestného postavení mezi ostatními ústavy, netoliko bohatstvím svých sbírek, nýbrž i svou odbornou snahou po mnohostranném doplnění materiálu a po obsáhnutí všech složek lidového života.

Národopisné sbírky v Lublani vznikly a rostly v rámci zemského musea Rudolfinum, tvoříce vždy jeho soustavnou součást. R. 1923 byly osamostatněny jako zvláštní národopisné museum a dostalo se jim vlastní správy. Uloženy musily zůstat sice v téže budově a v týchž místnostech, ale neodvislým vedením a neodvislými dotacemi vzrostla možnost soustavné práce na poli slovinské lidovědy, která byla dotud tak zanedbávána.[1])

Oproti druhým oddělením musea bývaly národopisné sbírky vždy popelkou. V lublaňském museu, r. 1821 zemskými stavy založeném [2]) a r. 1831 otevřeném, převažovaly vždy zájem přírodovědný a později, zvláště od dob Dežmanova kustodství, zájem archeologický. Sbírky těchto oddělení, v první řadě archeologického, vzmáhaly se nadprůměrně a v nové krásné budově, v níž se museum r. 1888. přesídlilo, zaujaly čestné místo. Ale národopis slovinský nenašel zde dlouho pěstitele, který by se mu byl věnoval, shromažďování materiálu nezašlo nikdy do hloubky skutečného studia lidu, nýbrž spokojovalo se ukázkami a stanovisko zůstalo dlouho estetisující.

Ještě r. 1904 vytýká dr. Otto Jauker [3]) nedostatek domácího zařízení a interieurů. Od té doby změnilo se mnoho ve prospěch tohoto oddělení a sebrán byl vzácný materiál, ale přece zůstalo nové správě hodně k doplňování. Nejen vzhledem k rozšířenému území, neboť dříve bylo lublaňské museum čistě oblastní ústav pro Kraňsko, kdežto dnes spadají v obvod národopisného zájmu

---

[1]) Ředitelem národopisného musea je dr. Niko Županić, asistentem dr. Vurnik.

[2]) Dr Jos. Mantuani, Djelovanje Ljubljanskog muzeja. Naša starina 1923 str. 313—317.

[3]) Über volkskundliche Sammlungen in Krain. Z. f. ö. V. X. 1904 str. 158.

všecky krajiny obývané Slovinci, nýbrž i vzhledem k materiálu, aby byl život slovinského lidu zobrazen všestranně.

Dnes je národopisné sbírce z celé musejní budovy věnována jediná síň a část chodby, což není z posledních okolností, které rozvoj musea brzdí. Otázka výstavního prostoru patří vůbec v lublaňském musejnictví k základním bodům krise. Ale i na tak nepatrném místě byla intalace rozvržena souměrně na různé oddíly. Značná část sbírek musila ovšem zůstat nevystavena.

Pozadí sálu zaujímají tři interieurové skupiny. Kout kuchyně s otevřeným vyvýšeným ohništěm a příslušným nářadím je přistavěn k interieuru světnice, tak že ohniště je spojeno s její kachlovou pecí. Světnice pro nedostatek místa představena je sice jen částečně, totiž koutem s pecí a koutem se stolem, ale věrně. Ve vedlejší koji je rozestaven některý nábytek, malovaná postel z r. 1794, truhly, kolébka a pod. Zajímavé jsou po stěnách těchto interieurů rozvěšené obrázky na skle malované, jichž je řada zjištěna jako domácí slovinský výrobek. Zmínky zasluhuje zejména jeden obraz zhotovený na památku skutečné události, kterak »Lenka Gashperzhizh je utonila ta 12 dan velkiga travn'a v'leto 1849 stara 13 let« a představující celou scénu stáda přecházejícího přes řeku a tonoucí pasačky. Ostatní nábytek, zvláště malované truhly a židle, umístěny jsou podle možnosti i jinde v sále a v chodbě. Zde na stěně chodby dostalo se místa i veliké sbírce dřevěných malovaných štítků z úlů (»panjevske končnice«), poučných nejen jako malířské lidové produkty, nýbrž i jako kulturně historické doklady pro tradování starých látek. Kromě biblických námětů znázorněn je na př. několikrát mlýn na staré ženy, broušení ženských jazyků, anekdoty o původu krejčích a kozlu, o krejčích a šneku, knězi a jeptišce a j.

Zaměstnání lidu a drobnému průmyslu vyhrazen je prostor kol stěn sálu. Kromě domácího nářadí v interieurech (mezi ním i ruční žernov a stoupa) jsou zastoupeny stavy, několik kolovratů, vijáků a přeslic a několik modelků zemědělského nářadí, zajímavého svými typy. Ve vitrinách jsou uloženy dřevěné vyřezávané předměty, sbírka kovových ozdob a hřebenů, sbírka slavnostního pečiva a pernikářských forem, exposice štočků pro ruční tištění látek a velká sbírka kraslic. Krásnými doklady vyspělého stavu řemesel jsou různé vývěsní štíty živnostníků.

Ostatek sálu zabírají kroje a textilie v prostředních skříních, Na desíti figurinách jsou oblečeny celkové kroje z Gorenjska, Notranjska, Dolenjska i Bílé Krajiny, kroje vesměs staré, zaniklé. V dalších jsou vyloženy jednotlivé části obleku, živůtky, pláště, kovové ženské pasy (»sklepance«) a pod. a zejména početné kolekce čepců, goreňské »javbe« se zlatem vyšitými předními pruhy, »zavijače« z bílého plátna s naškrobenými cípy vzadu a j. Poslední skříně jsou věnovány výšivkám a tkaninám, sestaveným podle technik a stáří. Bílé a pestré pleny a pokrývky jsou odděleny od výšivek provedených jednoduššími technikami, křížky a »raličanjem« a od ručníků s vetkávanou výzdobou. Výšivky jsou velmi cenné jak ornamenty tak i stářím a mnohé z nich jsou datovány i z XVIII. století.

Charakteristické stavby Kraňska jsou zobrazeny několika diapositivy na oknech. Fotografický archiv musea obsahuje ovšem ještě celé serie snímků typických staveb hornokraňských i bělokraňských i scén ze života. Nejvíce vzrostl v poslední době fotografiemi výšivek, k jejichž odbornému studiu je obrácen zřetel v první řadě.

S těmito sbírkami etnografickými, vztahujícími se na slovinský lid, souvisí částečně i sousední oddělení zemského musea pro historickou archeologii a umělecký průmysl. Na př. mezi keramikou je řada malovaných majolikových džbánů (zejména s dvojhlavým orlem v dekoru, práce istrijská a italská z Pesare), kterých užívají vesměs po venkově. Rovněž sbírka osvětlovacího náčiní a voskových votivních dárků patří i lidu venkovskému. Spor o typ vlastivědných a čistě etnografických museí vystupuje i zde naléhavě a je dobře, mohl-li být takto rozřešen.

V lublaňském museu jsou uloženy i některé sbírky exotického národopisu z Afriky, Ameriky a Číny, darované domácími cestovateli a misionáři.

Pro studium slovinské lidovědy je lublaňské národopisné museum jediný ústav, který může poskytnouti materiál v takovémto rozsahu. Jakožto samostatné

museum s tak pěknými základy má tedy dnes nejlepší možnost státi se centrem dalšího lidovědného badání na jihoslovanském západě.

Vedle těchto čtyř velkých musei třeba zařaditi i krásné sbírky **Krajinského musea pro lidové umění a průmysl ve Splitu.** (Pokrajinski muzej za narodni obrt i umjetnost u Splitu.) Museum bylo založeno r. 1910 s cíli umělecko-průmyslového musea s výhradním zřetelem k umění lidovému, protože Dalmacie je země, kde lidové umění dodnes žije a kde je dodnes projevem národní tvořivosti. Povstalo při městské odborné průmyslové škole ve Splitu péčí ředitele ing. K. pl. Tončiće z odborné školní výstavy, na které bylo oddělení lidového umění zúmyslně postaveno v popředí. Sbírky na výstavě vyložené zůstaly základem stálého ústavu a úsilím ředitelovým byly vůčihledě rozmnožovány, takže dnes bývají odborníky nazývány pokladnicí lidového dalmatského umění.[1]) Mně bohužel nebylo možno Split navštíviti, abych mohla podati o nich obšírnější zprávu.

V Mariborském městském museu zastoupen je lidovědný materiál některými kusy nábytku, krojů, keramiky, kraslic a několika předměty drobného nářadí, zejména ku přádlu a tkaní, vše vesměs z úzce omezené oblasti slovanského území v bývalém Štýrsku. Podle posledních zpráv byl tento materiál oddělen v samostatnou skupinu, čímž nejen vynikne oproti druhým sbírkám pěkně zřízeného musea, nýbrž bude možno i soustavněji jej doplňovati.[2])

V ostatních oblastech, jak jsem uvedla, nebyl téměř vůbec obrácen zájem k lidovědě, ale jistě že tomu nezůstane nadále. Nejžádoucnější je prozatím, aby bylo co nejdříve uskutečněno národopisné museum ve Skoplji, které by bylo východiskem detailní etnografické práce v Makedonii a Starém Srbsku za součinnosti nové vědecké společnosti Skopsko naučno društvo, a aby bylo více péče věnováno srbským oblastem bývalých Uher.[3]) Srbská Matice v Novém Sadě je v prvé řadě povolána ujmouti se organisování tohoto badání a skutečně obrací se pozornost k národopisným otázkám stále intensivněji. Doufejme, že se tyto počátky rozvinou ve stálou činnost a že zamýšlené museum v Novém Sadě dohoní, v čem dříve maďarská vláda soustavně bránila.

V Praze 1925.

Drahuše Stránská.

Organisace slavistických studií ve Francii.[1])

V rozmachu a vývoji francouzských studií slavistických je světová válka mezníkem rozhodujícím a epochálním. Francouzská slavistika, před válkou omezená v počtu i rozsahu příslušných vysokoškolských stolic a ústavů, rozvila se náhle v nové orientaci a před novými úkoly, jež poválečná situace postavila před Francii. Před válkou jedna stolice slovanských řečí a literatur a tři stolice ruštiny, ruské řeči, literatury, dějin a civilisace stačily při tehdejším francouzském zájmu o Slovany a při vágní představě, již o nich měla převážná většina francouzského obyvatelstva. Všechny ostatní a neruské odbory — z nichž všech zvlášť ve francouzském školství byla zastoupena jen srbochorvatština, a to jen zcela episodicky (za působení L. Légera na Státní škole východních živých jazyků v Paříži v letech 1877—1885) — byly před válkou ve Francii pěstovány především ze spontánního a vzácného zájmu, jenž tehdy přes všechnu nepřízeň okolností vznikal na neslavistických stolicích nebo mimo vysoké školy.

---

[1]) O vzniku a účelu musea viz Koledar pokrajinskog muzeja za nar. obrt i umjetnost, Split 1913.

[2]) O vzniku musea srovn. Kazalo k časopisu za zgodovino in narodopisje I—XX. Maribor 1926. Dod. pozn.

[3]) a Černé Hory. M. M.

[1]) Měl jsem v úmyslu připomenouti u všech představitelů francouzské slavistiky i jejich stěžejní díla z oboru studií slovanských a podati tak stručný obraz současné francouzské slavistiky i po stránce produktivní. Vyhovuje však přání redakce »Slavie« uvádím jen filologická díla poválečná; práce, o nichž bylo již ve »Slavii« referováno, jsou označeny hvězdičkou.

Takto rekrutovaná skupina francouzských slavistů, která dovedla za války organisovati tu všechnu vyučovací a informační práci, jíž bylo třeba ve chvílích, kdy se rodila nová Evropa právě v krajích slovanských, připravila půdu, z níž vyrostla a roste nová francouzská generace slavistická, nová v osobách i formaci.

Schematicky vyjádřen, byl *před válkou* stav francouzských slavistických *stolic a ústavů* tento: Stolice slovanských řečí a literatur na Collège de France (zřízena r. 1840); stolice ruštiny na Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes (zříz. r. 1877); stolice řeči, literatury, dějin a civilisace Ruska na universitě v Lille (zříz. r. 1897); stolice ruské řeči a literatury na universitě v Paříži (zříz. r. 1902).

Po válce byly zřízeny: Institut d'Etudes Slaves (r. 1919), připojený od r. 1922 k pařížské universitě; stolice slovanských řečí a literatur na universitě ve Strasburku, kde zřízen i Institut de Langues et Littératures Slaves (r. 1919); stolice ruské řeči a literatury na universitě v Lyonu (r. 1920); stolice češtiny, stolice polštiny, stolice srbochorvatštiny (všechny tři r. 1920) a volné přednášky o bulharštině (ve šk. r. 1920-21) na Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes v Paříži; stolice dějin a civilisace Slovanů na universitě v Paříži (r. 1922).

Za války a po ní vznikly rovněž obě dnešní francouzské *revues* slavistické: »Le Monde Slave« a »Revue des Etudes Slaves«.

To úvodem. Následujících několik podrobnějších údajů o jednotlivých slavistických stolicích, ústavech, periodických publikacích, knihovnách a společnostech chce být spíše upozorněním než vyčerpáním rozmanité této látky, ostatně dosti choulostivé, protože stále se vyvíjející.

Stolice. Nejstarší slavistickou stolicí ve Francii je *stolice slovanských řečí a literatur na Collège de France*. Tato stará a slavná badatelská instituce mohla, dík svému statutu, vytvořiti za vhodných a naléhavých okolností politických r. 1840 — dávno před všemi ostatními slavistickými stolicemi, jež ve Francii postupně vznikaly vesměs z důvodů obdobných — stolici slovanské řeči a literatury pro slavného člena velké polské emigrace, Ad. Mickiewicze. Jeho nástupci byli postupně Cyprien Robert, Al. Chodzko a od r. 1885 L. Léger. V únoru 1924 zahájil na této stolici přednášky André Mazon, žák P. Boyera a A. Meilleta, přicházející z university strasburské, jenž po svých studiích a pracích z různých oborů slavistiky[1]) a v různých slovanských zemích je nejagilnějším členem moderní francouzské školy filologické. Jeho přednášky, jež nejsou ostatně, vzhledem k badatelské povaze Collège de France, vázány žádným určitým programem pedagogickým, týkají se postupně jednotlivých oborů rozsáhlé látky, jež je předmětem této stolice. V tomto školním roce konal tyto přednášky: Vývoj slovanského slovesa; Genese některých prací V. Turgeněva podle jeho rukopisů.

Stolice ruské řeči a literatury na Sorbonně byla zřízena r. 1902 a je jí od té doby pověřen Emile Haumant, žák Légerův na Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes, jenž byl v letech 1892—1902 nejprve docentem a pak profesorem na stolici ruské řeči a literatury na universitě v Lille. Jeho první práce byly věnovány zejména ruské literatuře a kulturním vztahům rusko-francouzským, v poslední době se pak zabývá zejména historickými problémy jihoslovanskými, jimž věnuje i část svých přednášek. Je dáno charakterem francouzských universit, že universitní přednášky mají na zřeteli především přípravu ke zkouškám a, v části seminární, konkrétní zkouškový program. E. Haumant konal ve šk. r. 1925/26 tyto přednášky: Ruská literatura druhé polovice devatenáctého století; Jugoslavie od r. 1860; v semináři výklad autorů a oprava písemných prací. Lektorkou ruštiny, přidělenou k této stolici, je paní Prochnickaja.

---

[1]) Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1919). (Bibliothèque de l'Institut français de Petrograd V. E. Champion, Paris. 1919) 65 pp. *Grammaire de la langue tchèque. (Collection de grammaires de l'Institut d'Etudes Slaves II. E. Champion, Paris, 1922) 252 pp. Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale (régions de Florina et de Kastoria): étude linguistique; textes et traduction; notes de folklore. (Collection des Travaux publiés par l'Institut d'Etudes Slaves. E. Champion, Paris, 1923) 235 pp.

Stolice dějin a civilisace Slovanů na Sorbonně byla zřízena podporou čsl. vlády 1. ledna 1922 a pověřen jí Louis Eisenmann, jenž před tím, po formaci právnické, historické a geografické, byl docentem nejprve na universitě v Dijonu a pak na Sorbonně. Jeho přednášky, jež se týkají pravidelně středoevropských problémů slovanských, byly ve šk. r. 1925/26 tyto: Všeobecné dějiny Slovanů od XVII. st.; Panslavismus 1848—1868; seminář.

Knihovna Sorbonny, velmi chudá na slavica, obsahuje mezerovitě hlavní díla ruské literatury 19. století; ostatní slovanské odbory, až na některé výjimky polské a jihoslovanské, jsou v ní zastoupeny slabě.

Střediskem francouzských a zejména pařížských slavistických studií jazykových je *Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes*, v níž byla r. 1877 zřízena první francouzská stolice ruštiny, kterou byl pověřen Louis Léger, a kde po světové válce byly umístěny dosud jediné francouzské stolice češtiny, polštiny a srbochorvatštiny. Tato škola, jíž procházejí a jsou formováni snad všichni francouzští slavisté, byla zřízena velkou revolucí (10 germinal an III = 30. března 1795) a má, podle svého posledního statutu, dvojí účel: »**1.** Naučiti žáky čísti, psáti a mluviti živými jazyky východní Evropy, Asie, Oceanie a Afriky, a učiti je zeměpisu, dějinám a zřízením zemí, v nichž se těchto jazyků užívá; 2. přispívati pracemi a publikacemi k pokroku vědeckých studií, vztahujících se k shora vytčeným oborům.«

Tato vysoká speciální škola, jež je především školou linguistickou a jež byla vzorem mnohým pozdějším obdobným školám nebo fakultám v jiných zemích, rozvinula se po více než stoletém vývoji a po řadě změn a reforem, z původních svých tří stolic (pro literární a vulgární arabštinu, pro perštinu a malajštinu a pro turečtinu a krimskou »tatarštinu«) do široce založené a bohatě rozčleněné formy, jež vykazuje dnes vedle několika předmětů a přednášek mimořádných 22 řádné předměty (19 řádných stolic s dalšími 2 mimořádnými profesory, 3 docenty a 14 lektory) rozdělené na tři skupiny: jazyky Přední Asie a Afriky, jazyky Dálného východu a Indie, a jazyky východní Evropy; mezi tyto poslední jsou zařazeny vedle moderní řečtiny, arménštiny a rumunštiny i jazyky slovanské, jimž jsou věnovány tyto řádné stolice: pro ***ruštinu*** (profesor Paul Boyer, lektorka V. P. Končalovskaja), ***češtinu*** (prof. Fuscien Dominois,[1]) lektor Dr. J. Frček), ***polštinu,*** (prof. Henri Grappin, lekt. Jaworski) a ***srbochorvatštinu*** (prof. André Vaillant,[2]) lektor doc. Dr. Banašević); poslední tři stolice byly zřízeny z přednáškových kursů, jež byly za války konány na této škole a v jichž rámci přednášel min. Dr. E. Beneš o čsl. řeči a literatuře. Bulharštině, stejně jako ruské palaeografii, dějinám Ruska, polské a jihoslovanské literatuře budou věnovány ve šk. r. 1926/27 volné přednášky mimořádné.

Klasický typ metody a systému výkladů, jež podává tato škola, vytvořil správce školy Paul Boyer ve svých přednáškách o ruštině: v prvním ročníku vykládá mluvnické základy moderní ruštiny na široké basi tvaroslovné, v ostatních dvou ročnících podává široce založený filologický výklad moderních i starších ruských textů, z něhož vychází k výkladům všeobecným, historickým a kulturním. Studium na této škole je tedy tříroční s každoročními závěrečnými zkouškami před komisí rozšířenou o jednoho člena externího (v poslední době to pro slovanské jazyky bývá prof. A. Mazon z Collège de France). Pevná a jasná linie výkladů učinila z P. Boyera pedagogického vůdce značné části mladší generace francouzských slavistů, kteří prošedše jeho posluchárnou, často rozšířili a rozšiřují svůj zájem z věcí ruských na studium jiných větví slovanských. Odtud ten osobitý a významný rys francouzské erudice slavistické, založené poměrně široce, šíře než pravidelně u Slovanů samotných.

Na konci školního roku 1925/26 z celkového počtu 161 kandidátů přihlásilo se jich ke zkouškám ze čtyř slovanských jazyků, přednášených na řádných stolicích, 40 (28 z ruštiny, 6 z češtiny, 4 ze srbochorvatštiny, 2 z polštiny).

---

[1]) F. Dominois: Jozef Miloslav Hurban, Rieger et l'unité tchécoslovaque Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer, pp. 214—222. Travaux pubilés par l'Institut d'Etudes Slaves II.) E. Champion, Paris, 1925.

[2]) A. Meillet et A. Vaillant: Grammaire de la langue serbo-croate. (Collection de grammaires de l'institut d'Etudes Slaves.) E. Ghampion, Paris, 1924. VIII+302 pp.

Bohatství knihovny této školy — obsahující na 100.000 svazků — je přirozené v rozsáhlosti její koncepce. Ze vzácných kolekcí, jež se v ní najdou je pro slavistu zvláště pozoruhodný fond ruský; z ostatních, méně bohatých fondů slovanských, je fond československý, vytvořený zejména z darů čsl. ministerstva školství a národní osvěty, prozatím nejbohatší ve své části linguistické a textové, skoro úplné. Všeobecný ráz této knihovny a zejména její charakter jediné pařížské slavistické knihovny půjčovní činí z ní v oboru studií slovanských nepostrádatelnou možnost pracovní a nezbytný doplněk presenční knihovny Slovanského ústavu.

Mimo tyto speciální stolice je slavistika přednášena v Paříži i na některých stolicích jiných, jejichž poslání není specielně slavistické. Tímto způsobem je zastoupena slavistika na *Ecole Pratique des Hautes Etudes*, umístěné v budově Sorbonny a věnované, doplňkem k omezenému pedagogickému poslání francouzských universit, specielně výchově vědeckého dorostu; studie a osobní práce žáků této školy řídí ředitelé rozsáhlé řady jednotlivých odborů, seskupených v oddělení.

Předsedou oddělení věd historických a filologických je prof. A. Meillet, jenž na své stolici indoevropské filologie přednáší pravidelně jednou týdně o thématech z filologie slovanské a baltské. Ve šk. r. 1925/26 přednášel: Slovanské přizvukování.

Na téže škole prof. G. Millet, historik srbského náboženského umění, na své stolici byzantského křesťanství a křesťanské archeologie zasahuje ve svých přednáškách a cvičeních pravidelně přímo i obor studií slovanských. Ve šk. r. 1925/26 vykládal: Dějiny byzantského a slovanského náboženského malířství. Studie byzantské a slovanské archeologie.

Podobně jiný pařížský byzantolog Ch. Diehl, profesor *Sorbonny*, zabývá se, na stolici byzantských dějin, styky byzantsko-slovanskými. Tak letos přednášel: Byzantské císařství a slovanské státy na Balkáně od počátku XIII. st. do konce XV. st.

Stolice řeči, literatury, dějin a civilisace Ruska na universitě v Lille trvá od r. 1897, kdy byla zřízena z přednášek, jež o témže předmětu tam konal již od r. 1892 Emile Haumant, nynější profesor Sorbonny. Haumantovým žákem a nástupcem je André Lirondelle, jenž po studiích v Lille a Petrohradu se stal r. 1902 profesorem na této stolici a na ní přednáší dosud.[1]) Vedle úvodu do ruské mluvnice a výkladu ruských textů, jejž podává v semináři, přednáší pravidelně o ruské literatuře se zvláštním zřetelem ke srovnávacím dějinám literatury (letos: Nicolas Gogol; Dějiny ruské literatury od r. 1750 do r. 1830), kterýmžto oborům je také věnována většina jeho publikací.[2])

Lektorka ruštiny E. S. Střeleckaja vyučuje ve třech odděleních.

Vedle ruských klasiků, jež pro účely vyučovací má knihovna filosofické fakulty, jsou slavica, převážnou většinou ovšem opět russica, obsažena v knihovně universitní, kde významný fond ruský obsahuje texty z 18. a 19. století a publikace literárně historické, z knih poválečných zejména publikace edice »Plamja«. Ostatní slovanské fondy jsou v Lille dosud bezvýznamné.

Stolice ruské řeči a literatury na universitě v Lyonu vyvinula se z přednášek jež tam o témže thematu konal od r. 1916/17 L. Lewtov. pozdější profesor Francouzského ústavu v Praze; přednáší na ní od jejího založení v r. 1920 Jules Patouillet. žák E. Haumantův na universitě v Lille, P. Boyerův na Ecole Nationale des Langes Orientales Vivantes a L. Légerův na Collège de France, autor řady publikací o ruském dramatu a divadle,[3]) jen-

---

[1]) Od počátku školního roku 1926/27 je rektorem university a akademie v Clermont-Ferrand.

[2]) Vydal dvě knihy překladů s úvodními studiemi: La poésie lyrique russe, (XIXe siècle). (Rennaissance du Livre — Les cent chefs-d'oeuvre étrangers, Paris 1921) 198 pp. Pouchkine: oeuvres choisies. Introduction, traduction et notes. (Rennaissance du Livre — Les cent chefs-d'oeuvre étrangers, Paris 1926) 205 pp.

[3]) Po válce: **Мольеръ въ Россіи.** (Edit. Pétropolis, Berlin 1924.)

byl v letech 1913—1919 ředitelem Francouzského ústavu (Institut Français) v Petrohradě. Ve svých přednáškách se věnuje jednak výkladům z mluvnice moderní ruštiny, jednak filologickým a historickým výkladům ruských autorů a csl. textů a cvičením seminárním, v celém rozsahu vývoje ruštiny od dob nejstarších. Lektorem ruštiny je M. Gorbatov.

Slovanský fond lyonské universitní knihovny byl založen v polovici minulého století tehdejším profesorem cizích literatur na této universitě Eichoffem. Je to ovšem převážně fond ruský, jejž účelně doplňuje Seminární knihovna ruských studentů (Bibliothèque de Travail pour les étudiants russes), studujících na lyonské universitě, jež obsahuje důležitá příruční díla pro studium literární a gramatické.

Slavistické přednášky na universitě ve Strasburgu byly zahájeny v r. 1919 A. Mazonem; od r. 1924 je koná docent Lucien Tesnière, žák A. Meilletův, P. Boyerův a A. Leskienův, autor nedávno vydané obsáhlé studie »Les formes du duel en slovène« a »Atlas linguistique pour l'ètude des formes du duel en slovène«.[1]) Jeho přednášky týkají se zejména ruštiny a staroslověnštiny: tak ve šk. r. 1925/26 vedle úvodu do ruské mluvnice přednášel o ruském slovesu a podával úvod do církevní slovanštiny a výklad některých textů csl.

Lektor ruštiny Grabar vedle praktických cvičení jazykových přednáší pravidelně rusky o dějinách ruské civilisace.

Strasburská universita, jež je jedinou francouzskou universitou s tak širokým rozsahem slavistických přednášek. má nejrozsáhlejší zkouškové možnosti z celé Francie: vedle menších zkoušek je tam možno dosáhnouti doktorátu ze všech slovanských řečí, literatur a dějin civilisace.

Na *dijonské universitě* Jules Legras, profesor cizí literatury, ze spontanního zájmu o Rusko, Československo a Polsko, z nichž zejména prvnímu věnoval řadu svých prací, pravidelně přednáší o ruské literatuře a koná dva praktické kursy: kurs ruštiny a kurs češtiny. V druhém z těchto kursů nachází spolupracovníka i v čsl. profesoru čsl. oddělení dijonského chlapeckého lycea (ve šk. r. 1925/26 to byl prof. M. Sova).

Slovanský fond dijonské universitní knihovny je nečetný.

Ústavy. *Institut d' Etudes Slaves de l' Université de Paris* má, podle vymezení svých stanov, za účel pěstovati studia Slovanů a střední i východní Evropy vůbec a pečovati o rozvoj těchto studií. Tohoto cíle se má snažiti dosáhnouti zřízením knihovny, čítárny a pracoven, přednáškami, schůzemi, výstavami atd., cestovními a studijními stipendii a vydáváním revue a vědeckých publikací. Vedle toho Slovanský ústav, jenž má býti ve styku a popřípadě i ve spolupráci s podobnými vědeckými institucemi za hranicemi, chce pečovati po stránce vědecké i mravní o slovanské studenty ve Francii a informacemi, jimiž disponuje, přispívati k utužení duševních a přátelských styků mezi Francií a Slovany.

Slovanský ústav byl založen r. 1919 z podpory vlády československé[2]) a jihoslovanské jako ústav stejnojmenné společnosti, jež dodnes trvá a na ústav vykonává přímý vliv i po jeho přičlenění (dne 14. března 1922) k pařížské universitě. Na rozdíl od ostatních vědeckých ústavů pařížské university zachoval si totiž Slovanský ústav, vzhledem ke svému zvláštnímu finančnímu statutu (je udržován zejména stejnými a pravidelnými ročními podporami vlády československé, francouzské, jihoslovanské a polské), úplnou administrativní autonomii a hmotnou nezávislost vůči universitě.

Slovanský ústav je řízen správním výborem složeným z předsedy (A. Meillet), čtyř místopředsedů (Paul Boyer; E. Haumant; A. Honnorat, senátor a bývalý ministr školství; E. Fournol, bývalý poslanec), generálního tajemníka

---

[1]) Obojí vyšlo ve sbírce Travaux publiés par l'Institut d'Etudes Slaves E. Champion, Paris 1925.

[2]) Zákonem ze dne 12. srpna 1921 byl věnován čsl. vládou a parlamentem pařížské universitě dar 1,000.000·— frs. na zřízení a honorování stolice dějin a civilisace Slovanů na Sorbonně a na zřízení a vybavení Slovanského ústavu, enž byl v r. 1922 z téhož fondu i stavebně rozšířen.

(L. Eisenmann) a pokladníka (P. Chasles). Správní výbor je volen třicetičlennou správní radou, jíž volí valné shromáždění společnosti, obsahující z převážné většiny francouzské vědecké pracovníky slavistické. Vědeckou úroveň ústavu zaručuje ustanovení stanov, že předsedou a generálním tajemníkem mohou býti pouze vysokoškolští profesoři, a poměr k universitě precisuje členství a virilní hlas zástupce university ve správním výboru, jímž je dnes děkan filosofické fakulty Ferd. Brunot. Slovanský ústav má přímý vztah současně k francouzskému ministerstvu školství i k ministerstvu zahraničí.

Uvnitř Slovanského ústavu byly zřízeny, z důvodů organisačních i pracovních, komise a sekce: první pro jednotlivé a zvláštní úkoly, druhé pro speciální práce týkající se jednotlivých slovanských národů a vůbec pro obor styků mezi ústavem a státy jej podporujícími.

Komise, složené i z osobností stojících mimo ústav, jsou dnes ve Slovanském ústavu zřízeny čtyři: 1. Komise pro organisaci knihovny Slovanského ústavu, 2. Komise pověřená organisací ruského školství ve Francii (je složena, za předsednictví rektora pařížské akademie, z Francouzů i Rusů, schvaluje organisaci přednášek a zejména disponuje úvěry pro ruské profesory a studenty), 3. Komise pro řízení Francouzského ústavu v Praze, a 4. Komise pro řízení Francouzského ústavu ve Varšavě (má mezi svými členy i R. Poincaré, býv. presidenta franc. republiky). Oba tyto Francouzské ústavy jsou administrativně podřízeny Slovanskému ústavu, jsou řízeny jeho komisí a jeho prostřednictvím jsou připojeny k pařížské universitě, jejíž jsou tak částí; budiž připomenuto, že generální tajemník Slovanského ústavu prof. L. Eisenmann byl ve šk. r. 1925/26 ředitelem Francouzského ústavu v Praze.

Tři národní oddělení (oddělení československé, jihoslovanské a polské), odpovídající třem ústav subvencujícím slovanským státům, mají každá svého národního tajemníka a zabývají se v míře a způsobem různým dnes hlavně administrativou školských a vědeckých styků francouzsko-slovanských.

Knihovna Slovanského ústavu je dosud ve stavu organisačním; ve své dnešní formě je to zejména filologicko-historická knihovna *příruční* a tedy presenční. Pečlivě organisována A. Mazonem po zkušenostech v knihovně strasburského Ústavu slovanských řečí a literatur a celkem na stejných zásadách jako knihovna pražského Slovanského semináře, je knihovna Slovanského ústavu rozdělena na část seminární a hlavní fond. Základem jejím byla osobní knihovna Denisova, z níž rostou z různých darů jednotlivá oddělení všech slovanských jazyků, jež přes mládí této knihovny a omezenost jejích vlastních prostředků finančních obsahují dnes již přes 5.000 invent. čísel (přes 8.000 svazků) s poměrně nejbohatším fondem československým, vybudovaným z knihovny Denisovy a darů čsl. ministerstva školství a nár. osvěty. Knihovna Slovanského ústavu dík již tomuto poměrnému bohatství a dík své pečlivé úpravě, jež z ní činí zároveň malou, ale příjemnou pracovnu, otevřenou jen práci badatelské, je jedním z nejcennějších nástrojů slovanských studií v Paříži.

Čítárna, jež je zároveň klubovní místností národních sdružení československých, jihoslovanských a polských studentů i Jednoty sdružení slovanských studentů ve Francii, obsahuje slovanské noviny a revues, a tvoří, spolu s posluchárnou a kancelářemi, celý, poněkud těsný dnešní rozsah Slovanského ústavu, v němž někdejší pracovna Denisova, zachovaná pietně ve stavu, v němž byla opuštěna, je nejdražším klenotem vzpomínek na zakladatele tohoto pevného a šťastného střediska slovanských studií ve Francii.

Činnost Slovanského ústavu je dvojí: jednak publikační, jednak administrativní a organisační.

Publikační činnost ústavu spočívá v jeho Revue des Etudes Slaves — vycházející od r. 1921 za redakce A. Meilleta a P. Boyera dvakrát do roka v dvousešitových svazcích s obsahem původním, založeným na široké spolupráci zahraniční, a zprávami (hlavně publikačními a osobními) — a zejména v jeho publikacích, dnes řízených péčí A. Mazona a rozčleněných ve čtyři řady, jež jsou:

Sbírka historická: C. Jireček, »La civilisation serbe au Moyen-Age«[1]) (VIII + 101 pp.), *E. Denis,* »Du Vardar à la Sotcha« (351 pp.), *G. Plékhanov,* »Introduction à l'histoire sociale de la Russie« (XII+160 pp.). Sem se hlásí i *L. Réau,* »L'Art russe des origines à Pierre Le Grand« (XI+387 pp. + 104 planches hors texte), »L'Art russe de Pierre Le Grand à nos jours« (XI+291 pp. + 72 planches hors texte).

*Sbírka mluvnic: *Antoine Meillet* et *Mme de Willman-Grabowska,* »Grammaire de la langue polonaise« (223 pp.), **André Mazon,* »Grammaire de la langue tchèque« (252 pp.), **A. Meillet* et *A. Vaillant,* Grammaire de la langue serbo-croate« (VIII+302 pp.).

Sbírka rukovětí: Lubor Niederle. »Manuel de l'antiquité slave«. Tome I: L'histoire (VIII + 246 pp. + 2 cartes), *A. Meillet,* »Le slave commun« (XVI+448 pp.).

Práce: André Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale. Étude linguistique; textes et traduction; notes de folklore« (236 pp. + 1 carte), »*Mélanges* publiés en l'honneur de *M. Paul Boyer*« (VI + 376 pp.), *L. Tesnière,* »Les formes du duel en slovène« (XX + 454 pp.), *L. Tesnière,* »Atlas linguistique pour servir à l'étude des formes du duel en slovène« (42 pp. + 70 cartes + VI pp.), *F. Dvorník,* »Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle«. (V + 360 pp.).

Revue des Etudes Slaves, publikace dosud vyšlé i ty, jež Slovanský ústav k publikování připravuje, jsou převážně charakteru filologicko-historického, odborného a eruditivního. Jsou to velkou většinou buď práce původní, nebo nové, zvláštní redakce jinojazyčných spisů již publikovaných. Naproti tomu nová, samostatná řada publikací »Bibliothèque polonaise«, již se Slovanský ústav chystá zahájiti v nejbližší době překladem J. Rutkowského »L'histoire économique de la Pologne«, bude sbírkou překladů, v níž budou po tomto prvním díle následovati překlady jiných vynikajících polských prací historických a právních.

Přes to, že typ universitního ústavu je ve Francii a zejména v Paříži značně pružný a v jednotlivých případech zcela různý, je Slovanský ústav z nejsamostatnějších a nejšíře založených ústavů pařížské university. Odtud vedle jeho činnosti universitní, badatelské a publikační i jeho činnost organisační i administrativní. Tato činnost, jež se děje ve spolupráci se zúčastněnými ministerstvy, je dnes značnou složkou celé činnosti ústavu, ať se týká řízení tří ruských fakult (právnické, přírodovědecké, a filosofické),[2]) přiřazených k pařížské universitě a spravovaných s ostatními ruskými školami zmíněnou již komisí Slovanského ústavu, nebo školských a vědeckých styků mezi Francií a slovanskými zeměmi, v nichž Slovanský ústav zakládá a řídí Francouzské ústavy (Instituts Français), nebo konečně organisace francouzské slavistiky, zejména francouzské slavistiky pařížské, již Slovanský ústav přibližuje obecenstvu seskupením všech slavistických přednášek a cvičení vysokých

---

[1]) Je to překlad dvou kapitol z druhého svazku Jirečkovy »Geschichte der Serben«.

[2]) Tyto ruské fakulty, přiřazené k pařížské universitě, měly ve šk. r. 1925/26 tyto profesory:

Právnická fakulta: A. N. Ancyferov, A. L. Bajkov, M. V. Bernackij, M. A. Bunatjan, B. E. Šackij, M. J. Dogel', J. N. Efremov, V. B. El'jaševič, G. D. Gurvič, P. P. Gronskij, A. M. Kulišer, V. D. Kuzmin-Karavajev, P. A. Michajlov, A. M. Michelson, B. S. Mirkin-Gecevič, B. E. Nolde, D. M. Odinec, A. A. Pilenko, P. B. Struve, M. V. Višnjak, S. O. Zagorskij, K. I. Zajcev.

Přírodovědecká fakulta: 16 profesorů.

Na filosofické fakultě konali přednášky o thematech ze slavistiky: *M. L. Hofman,* konservátor Puškinskago doma při ruské Akademii nauk, o dějinách ruské poesie, *A. V. Koire.* o slavjanofilech a západnících, *N. K. Kul'man,* profesor ženského Pedagogického institutu v Petrohradu, o dějinách ruského jazyka a o L. Tolstojovi, vedle čtení a výkladu starých ruských textů, *K. V. Močul'skij,* soukromý docent petrohradské university, o Puškinovi a jeho plejadě. Ostatní: L. I. Šestov, S. G. Elisějev, N. N. Golovin, A. M Gorovcev, A. A. Gulevič, M. A. Žirmunskij, A. V. Kartašev, A. Ja. Levinson, G. L. Lozinskij, C. N. Maksudov, V. F. Minorskij, S. P. Remizova-Dovgello, S. G. Svatikov.

státních škol na jednom plakátu, jenž tak ve školním roce 1925/26 vykazoval překvapující a radostný poválečný rozmach zdejších slovanských studií: 34 přednášky a cvičení, konané 17 profesory a lektory, a to mimo slavistické přednášky konané na ruských fakultách a na vysokých soukromých školách a institucích.[1]) Slovanský ústav svých vlastních soustavných přednášek dosud nemá, jeho posluchárny je však pilně užíváno pro přednášky ruských fakult, Ecole Nationale des Langues Orientales Vivantes a pro přednášky hostujících profesorů, v jeho knihovně se pak občas konají slavnostní přednášky a schůze příležitostné, vzpomínkové a jubilejní; v ní také byl Slovanský ústav slavnostně inaugurován presidentem Masarykem za jeho oficielní návštěvy Paříže na podzim r. 1923.

Tak je možno charakterisovati Slovanský ústav, po prvním sedmiletí jeho bohatého vývoje a šťastné činnosti, jako universitní badatelské a publikační středisko francouzské slavistiky a jako administrativní a organisační ohnisko některých kulturních, zejména školských a vědeckých styků mezi Francií a slovanskými státy. Tato dvojí činnost splývá v jednom konečném a konkrétním cíli, jenž byl ideálem zakladatele Slovanského ústavu.

Ecole des Hautes Etudes Sociales, jež je rámcem řady kursů z věd sociálních a mezinárodní politiky, věnuje každoročně zájem i otázkám slovanským. Ve šk. r. 1925/26 byly na této škole pořádány zejména dvě řady přednášek, v cyklu »Velké národní problémy«, o slovanských věcech: André Pierre: Rusko (12 přednášek), Michel Lheritier: Střední Evropa (12 přednášek).

Popularisující *Collège libre des sciences sociales* organisuje, v rámci všeobecných informačních přednášek o jednotlivých zemích světa, pravidelně i vulgarisační přednášky o zemích slovanských. Ve šk. r. 1925/26 to byly tyto přednášky: George Blondel: Dojmy z nedávné cesty po střední Evropě; Plukovník Lamouche: Bulharsko; Georges Bienaimé: Polsko; B. Mirkin-Gecevič: Rusko; veřejné právo současné demokracie a sovětský režim.

Institut Franco-russe des Sciences Sociales et Politiques byl založen na jaře r. 1926. Předsedou organisačního výboru tohoto ústavu je Gaston Jèze, profesor pařížské právnické fakulty, místopředsedy A. Aulard, profesor Sorbonny, a P. Miljukov, bývalý profesor moskevské university a býv. zahraniční ministr Ruska, generálním tajemníkem B. Mirkin-Gecevič. Přednášky, vybrané se zřetelem k poměrům ruským a směřující k formaci ruského politického personálu jsou rozvrženy ve dva ročníky a byly zahájeny v letním běhu šk. r. 1925/26 za značné účasti ruských studentů, jimž jsou určeny. V hlavním kádru přednášek, konaných ruskými profesory většinou z ruských fakult přiřazených k pařížské universitě, se pojí i několik přednášek profesorů francouzských. Celkový ráz a orientace tohoto ústavu, jemuž přednáškovou spolupráci slíbila velká řada ruských profesorů sídlících v Paříži i řada vynikajících odborníků francouzských (Bouglé, Eisenmann, Fournol, Patouillet, Pierre, Rist) a jenž je umístěn v místnostech chlapecké školy rue Lhommond, jsou dány zejména osobností Miljukovovou.

Institut Musical Russe (Conservatoire Russe) je ústavem stejnojmenné společnosti, jejímiž zakládajícími členy jsou někteří bývalí profesoři a ředitelé konservatoří v Rusku, sídlící nyní v Paříži. Tento ústav má právo, podle svých stanov, mimo své pravidelné vyučování udělovati i ceny a diplomy, pořádati koncerty a býti činným i publikačně. Za tři léta své dosavadní existence se rozvinul do té míry, že ve školním roce 1925/26 měl 27 profesorů, 130 posluhačů a uspořádal 12 vlastních koncertů. Ředitelem ústavu je M. Čerepnin, ve zřízení a vyučování jsou mu vzorem konservatoře petrohradská a moskevská.

Institut de langues et littératures slaves de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg je rámcem slavistických přednášek konaných na této universitě a striktním ústavem universitním. Ve dvou místnostech, o něž se dělí s Ústavem srovnávací literatury, disponuje tento ústav knihovnou,

---

[1]) Tak zejména na *Ecole libre des Sciences Politiques* je *stolice ethnografie střední a východní Evropy* (stolice A. Leroy-Beaulieu), na níž přednáší eden semestr v roce prof. René Henry.

organisovanou svého času A. Mazonem, v níž nejbohatší je fond československý a ruský.

Slavistika, zejména ve své ruské části, je ve Strasburku rovněž dosti dobře zastoupena i v tamější knihovně universitní a krajské (Bibliothèque universitaire et régionale), jež se svým více než milionovým bohatstvím je druhou největší knihovnou ve Francii.

Z revues vedle dotčené již »Revue des Etudes Slaves« a nehledě k vulgarisačním revuím »La Pologne« a »Les Amis de la Pologne« je pro slavistiku nejvýznamnější revue *„Le Monde Slave“*, jedna z nejlépe psaných a redigovaných dnešních revuí francouzských, jež vycházejíc zcela samostatně mimo rámec Slovanského ústavu pařížské university, má s ním přesto společné některé jeho vedoucí činitele, řídící i tuto moderně historickou a politickou publikaci, jež svým lehce přístupným a neeruditivním charakterem je zářivým doplňkem »Revue des Etudes Slaves«.

»Le Monde Slave« po své jednoroční válečné existenci (od července 1917 do čísla za červen-září 1918), za níž si zajistil, dík redakci A. Denise a R. de Caix, poměrně dosti širokou spolupráci francouzskou i slovanskou (A. Meillet, E. Haumaut, L. Réau, A. Lirondelle, H. Grappin, L. Pinon, La Chesnais, G. Millet, Dr. E. Beneš a m. j.), byl obnoven v listopadu 1924 bývalým Denisovým redakčním sekretářem prof. L. Eisenmannem, jenž řídí jako člen redakčního kruhu (vedle něho: E. Fournol, A. Gauvain, J. Legras, H. Moysset) tento měsíčník, vycházející za rozsáhlé francouzské i zahraniční účasti a věnovaný všem, i sporným a zejména současným otázkám slovanského života.

Knihovny. Vedle zmíněných již slavistických knihoven a fondů a nehledě k Národní knihovně (Bibliothèque Nationale), jejíž slovanský fond trpí namnoze nedostatkem soustavnosti a neúplností, jsou v Paříži pro slavistu zajímavé ještě tři knihovny: Bibliothèque Slave, Bibliothèque Polonaise a Turgeněvskaja obščestvennaja bibliotěka.

Bibliothèque Slave, zvaná také Musée slave des Sts. Cyrille et Méthode, je vlastně knihovnou převážně ruskou, věnovanou dějinám slovanského schismatu a dějinám myšlenky náboženského sjednocení všech Slovanů. Ruský fond je tu daleko nejpočetnější, kdežto ostatní slovanské i jiné fondy mají tento centrální, hlavně ovšem náboženský fond jen doplňovati. Je to knihovna presenční, umístěná po bohatých příhodách [1]) a mnohém stěhování dnes v rue de Sèvres a spravovaná P. J. Rouët de Journel. Obsahuje nyní na 15.000 svazků z theologie, historie a věd příbuzných, zejména ethnografie a archeologie; vedle mnohých vzácných publikací starších nacházíme v ní i četné mezery, jež pro publikace poválečné jsou pravidlem v této knihovně rozhodně zajímavé, ale trpící do jisté míry nesoustavností.

Bibliothèque Polonaise byla založena r. 1838 společností »Towarzystwo historyczno-literackie«, jehož prvním tajemníkem byl K. Sienkiewicz a jež vzniklo r. 1831 za velké polské emigrace z r. 1831/32. Po různých obtížích byla umístěna tato knihovna, obsahující dnes kolem 110.000 svazku — z nichž mnohé vzácné tisky z XVI. st., básnické spisy z XVIII. st. a rukopisy vynikajících polských emigrantů, v první řadě A. Mickiewicze — r. 1854 ve své vlastní budově na Quai d'Orléans, zakoupené ze sbírky mezi polskou emigrací a v níž je umístěna dosud. Museum A. Mickiewicze, jež je k ní přiřaděno, obsahuje i na 10.000 výstřižků z novin a revuí, týkajících se této chlouby Polska a prvního učitele slavistiky ve Francii. Polská knihovna byla krátce před válkou připojena k polské Akademji umiejętności, z jejíchž fondů je udržována a doplňována. Tato presenční knihovna, bohatá i ve své části moderní a před válkou činná i vydavatelsky, disponuje i čítárnou revuí a pracovnou.

Turgeněvskaja obščestvennaja bibliotěka byla založena v lednu r. 1875 Ivanem Turgeněvem a Hermannem Lopatinem. Obsahuje přes 60.000 svazků z ruské literatury klasické i moderní, ruské literární historie, dějin Ruska, ruské filologie a z různých jiných odborů vědeckých. Je to převážně knihovna půjčovní veřejně přístupná.

---

[1]) J. Rouët de Journel: L'oeuvre des Saints Cyrille et Méthode et la Bibliothèque Slave. R. E. S., III., 90—104.

Společnosti. O věci slovanské se zde zajímá způsobem vzájemně různým řada společností, z nichž mnohé jsou vulgarisační a společenské (hlavně: »Association franco-slave de l'Université de Paris«, »Amis de la Pologne«, »France-Pologne«, »Polskie towarzystwo przyjaciół książki«; poslední tři činné i publikačně).

Pro slavistiku má největší význam jednak *„Société de Linguistique“*, — jež majíc mezi svými členy i slavisty a mnohé slavistické instituce francouzské i cizí, věnuje část svého opravdu universálního zájmu i slavistice, — jednak, a to způsobem zcela odlišným, *Comité Français des relations scientifiques avec la Russie.* Byl založen v listopadu r. 1925 z iniciativy fysika P. Langevina a indologa S. Léviho, profesorů na Collège de France; jeho předsedou je P. Langevin, místopředsedou sinolog P. Pelliot a generálním tajemníkem A. Mazon. Organisuje výměnu vědeckých publikací mezi Francií a sovětským Ruskem, umožňuje a usnadňuje pobyt ruských učenců ve Francii; chce učiniti podobně i pro pobyt francouzských vědeckých pracovníků v sovětském Rusku, kde hodlá — prozatím v Leningradu — zříditi pro ně vlastní foyer, chce organisovati výměnu profesorů a studentů mezi oběma státy a reorganisovati Francouzský ústav (Institut Français) v Leningradu. a konečně chce, v neposlední řadě, připraviti vědeckou a publikační spolupráci francouzsko-ruskou.

Tento výbor, jenž obsahuje vědecké pracovníky nejrůznějších odborů a je tedy koncipován co nejšíře, nalezl snad v každém bodu svého programu půdu připravenu, na níž první kroky byly již učiněny. Jeho programem i odůvodněním je však soustavné a všestranné vybudování vědeckých styků francouzsko-sovětských, nepostradatelných pro vědeckou dokumentaci a práci.[1])

Bylo by zbytečné uvažovati na konci tohoto prostě informativního článku o dalším vývoji dnes již pozoruhodné organisace francouzské slavistiky. Počet slavistických stolic, množství posluchačů na těchto odborech a intensita styků francouzsko-slovanských jsou podmínky, jež se vzájemně drží a určují vývoj, jehož předpoklady jsou slibné. Rozsáhlost slavistické formace nejmladší francouzské generace a pravidelný studijní pobyt těchto mladých slavistů ve slovanských zemích a na slovanských universitách — možný dík systému recipročních stipendií mezi Francií a některými slovanskými státy — jsou okolnosti, jež opravňují naději v cenné výsledky této nehlučné, ale vážné a solidní přípravy. Konečně pak vůdčí postavy francouzské školy slavistické jsou štěstím i zárukou blahodárného dalšího vývoje slovanských studií ve Francii.

Le Mont-Dore, v červenci 1926.

Dr. Jan Frček,
tajemník čsl. oddělení Slovanského ústavu pařížské university.

Sborník k poctě Pavla Boyera. Jméno vynikajícího pracovníka v oboru studia ruského jazyka a jazyka vůbec je příliš známo, než aby bylo potřebí zmiňovati se zvláště o této jeho činnosti v bibliografické zprávě. Během své dlouho trvající vědecké práce stvořil Boyer celou školu žáků. Jeho účast v organisaci vědeckých ústavů — jako je Institut d'Études Slaves v Paříži, dřívější Francouzský Institut v Petrohradě, ruské oddělení knihovny Školy živých východních řečí v Paříži — zajišťuje mu zvláštní uznání se strany ruské a taktéž i se strany všeho slovanského světa. Byl to právě on, který zavedl v programu École des langues orientales vivantes vyučování jazyku českému, polskému, srbsko-chrvatskému a bulharskému.

Osobní vlastnosti P. Boyera přispěly značnou měrou k vytvoření živých a skutečných styků mezi učencem a profesorem a širokým kruhem žáků, pracovníků a příznivců slovanské vědy. Proto též sborník vydaný k jeho poctě (Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer. Travaux publiés par l'Institut d'Études slaves. II. Paris 1925. Edouard Champion. 376 str.) obsahuje tak bohatý a pestrý výběr jmen a článků.

---

[1]) *P. Boyer:* Les Relations scientifiques entre la France et la Russie. La revue du Mois scientifique, XIX. č. 172. — *A. Mazon:* Le Comité français des Relations scientifiques avec la Russie. Tamtéž.

Většina těchto článků je věnována Rusku, filologickému zkoumání v oboru ruského jazyka, literatury, dějin a umění. Autoři musili ovšem omeziti rozsah svých příspěvků, ale to neubralo jejich pracím ceny. Jmenujme: H. Cordier — »Les débuts des relations des Russes avec l'Extrême-Orient«; J. Legras — »Note sur un passage du Roman russe«; Ch. Salomon — »L'Abécédaire de Tolstoi et Arvède Barine«; A. Mazon »Le nom du chamir dans la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras«; L. Réau — »Les relations artistiques entre la France et la Russie«; Ch. Quénet — »Tchaadaev dans la Russie intellectuelle de la première moitié du XIX-e siècle«; H. Neymarck — »Proverbes russes«; E. Mendras — «Remarques sur le vocabulaire de la revolution russe«; A. Martel — »Un point d'histoire du vocabulaire russe«: Россія, Русскій«; A. Miroglio — »La philosophie de Léontiev«; G. Dumézil — »Soukhmanti Odikhmantievitch«; M. Guihomard — »Des systèmes traditionnels du classement des verbes russes«; V. Jankelevitch — Les thèmes mystiques dans la pensée russe contemporaine«; J. Fontenoy — »De l'adjectif attribut au nominatif avec la copule быть«.

A. Mazon vysvětluje v svém přesvědčivém článku — srovnáním paralelních míst různých recensí — slovo šamir, vyskytující se často v textech báje o Šalomounovi a Kitovrasovi. Proti mínění akad. Veselovského a jiných ruských učenců, kteří vysvětlovali toto slovo jakožto pojmenování ptáka (pštrosa, orla, jestřába), Mazon určuje pojem šamir — nogot' (texty báje) oniks drahokam.

A. Martel podal historický výklad o původu slov Rossija a russkij. V celku se přidává k názoru prof. L. Niederle o finském původu slova Rus, vyjadřujícího kdysi celek slovanských plemen na rozdíl od jiných etnických skupin.

Velmi cenné poznámky o jazyce a slohu Turgeněvově sepsal J. Legras. Kdysi Melchior de Vogüé nazval sloh Turgeněvův opakem slohu Puškinova, spatřuje u Puškina stlačenost — u Turgeněva domnělou rozvodněnost a mnohořečnost. Legras právem činí námitky proti tomuto stanovení.

Podle jeho názoru nelze zapomínati, že Turgeněv pro těžké censurní poměry často neměl možnosti vyjadřovati své myšlenky s »křišťálovou jasností«. Musil se často utíkati k obšírným popisům, kdežto idea spisu vyžadovala seskupení veškeré pozornosti na vyobrazené osobnosti. Zvláštní zájem chová Legras k tomu, co Vogüé pojmenoval »klaviaturou ruského jazyka s nevyčerpatelnými prameny«. Uvádí zajímavou okolnost: Turgeněv, jenž uměl vytvořiti všechny odstíny ruské řeči, sahal k nim jen zřídka za účelem individualisace svých osob. Turgeněv nedychtil zářiti ani lingvistickou erudicí ani etnickými odstíny, ačkoliv každá fráze je velmi pečlivě zpracována. »Prosa Turgeněvova«, píše p. Legras, »lépe než jiná obráží kouzlo, měkkost, zaokrouhlení, soulad a vlídnost vyskytující se v jazyce, jímž mluví vzdělaní lidé centrálního Ruska«.

S touto charakteristikou lze souhlasit pouze s jediným omezením. Sotva možno uznati, že popisy přírody u Turgeněva byly v jakékoliv závislosti na censuře. Příroda byla pro tohoto spisovatele vyšším pramenem jednak uměleckého pathosu jednak specifického básnického zármutku a možno se zamysliti nad otázkou, jaké představy poskytovaly mu více pro jeho tvůrčí emoce, zda obrazy přírody či lidé. Lyrika osobního »já« utonula vždy v líčení přírody, druzí lidé pak vnášeli v základní tón nelibozvuk skoro vždy tam, kde Turgeněv s nimi nesplýval a tato meze dvou citů je dostatečně patrná.

Přes to však výběr dokladů, charakterisujících poměr Turgeněvův k přírodě, podal p. Legras se skutečnou pronikavostí, zvláště při věcech týkajících se oduševnění přírody a personifikace zvířat.

Uvážíme-li, že badání o Turgeněvovi je nyní na denním pořádku, musíme uznati, že pozorování francouzského učence ukazuje cesty, které bezpochyby povedou k rozluštění nejdůležitějších otázek, týkajících se složitého Turgeněvova tvoření, vynikajícího sice viditelnou jednoduchostí, avšak tak záhadného při vší jasnosti kresby.

Dumézil v svém bystrém článku o Suchmanovi Odichmantěviči proniká v záhadný labyrint vzniku jedné z variant bylin tohoto jména. Ukazuje zvláště na ten motiv, jenž se vypravuje v jednom záznamu u Rybnikova, kdež hrdina,

zacpav si rány živými květy, později je obnažuje a vykrvácí potoky krve, odkudž béře svůj začátek řeka Suchona. Autor vyslovuje domněnku, že se tento motiv zakládá na zachovaném tradičním zvyku házení obrazů pohanských božstev jako Jarylo, Kostroma, ozdobených květy, do řeky. Myšlenka o sebevraždě spojená s tímto motivem dává autoru příležitost vysloviti domněnku, že v tomto jednání hrdiny byliny lze spatřiti jakýsi protest osobnosti proti nespravedlivosti knížete Vladimíra, že však element pomsty úplně schází.

Bohatý obsah sborníku nevyčerpává se výše uvedenými články. Poznamenáváme jenom tolik, že některé z nich se týkají i nynějšího stavu otázek spojených se studiem různých jazykových a etnických zvláštností slovanských národů.

Většina článků je pravděpodobně pouhými nárysy budoucích obšírnějších prací anebo tituly již sepsaných děl. V každém případě svědčí Boyerův sborník o tom, jak různými cestami se ubírá studium slovanství na západě.

E. A. Ljackij.

„Тьма“ Андреева и „Записки из подполья“ Достоевского.

Нетрудно показать огромную разницу между идеями Андреева и Достоевского. Нравственный и религиозный идеал Достоевского не находит себе места в хаотическом и опустошенном мире Андреева. Последний охотно нагромождает ужасы на ужасы, но ему редко удается убедить нас в том, что его герои люди, а не автоматы. В силу этого Андреев не достигает потрясающего эффекта Достоевского, герои которого всегда живые люди, наши братья, даже тогда, когда они глубоко порочны.

И все же, между обоими писателями имеется тесная связь, и часто легко установить, что Андреев шел по следам Достоевского, но к другой цели. Подробности, отдельные эпизоды, попутные замечания взяты у старшего и более крупного писателя, но находятся в иной системе. Иногда эти перемены так велики, что можно подумать, не случайные-ли это совпадения. Но есть случаи, когда влияние не подлежит сомнению. Именно такой случай мы имеем в „Тьме“ Андреева.

Несколько лет тому назад А. Е. Редько, нападая на философию и искусство Андреева, указывал, как этот рассказ похож на романы Достоевского („Хорошие и плохие у Леонида Андреева“, „Русское Богатство“ 1908. VII, стр. 15—16). Он пишет: „Наконец, заметили-ли вы, что Леонид Андреев, этот мастер своей собственной выдумки как-то необычайно перепевен в „Тьме“? Поглядите и вы убедитесь, что Леонид Андреев в ней чуть что не Леонид Андреев. Немного от автора „Нана“ (эпизод с женскими панталонами, которые герою предлагается надеть); очень много от автора Грушеньки в „Братьях Карамазовых“ (Люба даже говорит, как Грушенька Достоевского) и еще больше от автора Кати Масловой. Ведь сцена после просьбы „потушить огонь“ — сцена из „Восресенія“ в тюрьме, когда Нехлюдов заявляет о своем желании жениться на Масловой: слова, „ты рассчитывал: отдам ей невинность, и оттого, что отдал стану я еще невиннее и получится у меня вроде как бы „неразменный рубль“ — это перифраза Масловой: „ты мной хочешь спастись . . . ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись!“ Как на курьез укажем, что героиню Леонида Андреева зовут так же, как звали Маслову до публичного дома; что у Льва Толстого героиню развращает писатель, а в „Тьме“ Люба больше всего ненавидит писателя, который „ходит“ к ней и „подлец“.

Сказанное совершенная правда, но если припомнить сочинения, напоминающие „Тьму“ Андреева, то легко заметить, что А. Е. Редько не включил в свой список то произведение Достоевского, в котором больше всего точек соприкосновения с „Тьмой“, — а именно „Записки из подполья“.

В „Тьме“ известный террорист, скрываясь от полиции до покушения, решает укрыться в доме терпимости. Он считает это надежным убежищем, так как полиция знает его нравственный образ жизни и не станет его искать в публичном доме. Он заходит, выбирает проститутку и засыпает

ее комнате. После пробуждения он разговаривает с ней о чистоте, и это ее раздражает. Она оскорбляет его фразой: „какое-же ты имеешь право быть хорошим, когда я плохая“ (изд. Маркса, стр. 60). В начале он не может этого понять, но в конце концов он убеждается в ее правоте и отказывается от своих прежних взглядов на добродетель. Но и она чувствует свои недостатки и, когда появляется полиция, позванная ею и ее товарками, она раскаивается и старается его спасти, но напрасно.

С этим сюжетом можно сопоставить „Записки из подполья“ Достоевского. Герой этого рассказа, как известно, тип забитого человека, который хорошо сознает свое ничтожество, но в то же время старается доказать себе свою значительность. После обеда с школьными товарищами он следует за ними в дом терпимости; здесь он машинально выбирает проститутку и лежит в полузабытьи с нею несколько часов. Когда он приходит в себя, он начинает говорить об отвратительности разврата и советует проститутке отказаться от прежней жизни, если она не хочет погибнуть. Она ему рассказывает о студенте из Риги, который любил ее. Когда герой уходит, он оставляет ее почти убежденной в истине своих слов. Через несколько дней она, по его приглашению, заходит к нему. Но какую перемену она находит в нем! Теперь он не говорит, чтобы порисоваться. Он оскорбляет ее и смеется над добродетелью. „Зачем ты пришла? . . . Отвечай! Отвечай! Я тебе скажу, матушка, зачем ты пришла. Ты пришла потому, что я тебе тогда жалкие слова говорил. Ну вот ты и разнежилась и опять тебе „жалких слов“ захотелось. Так знай же, знай, что я тогда смеялся над тобой. И теперь смеюсь. Чего ты дрожишь? Да, смеялся. Меня перед тем оскорбили, за обедом, вот те, которые тогда передо мной приехали. Я приехал к вам с тем, чтоб исколотить одного из них, офицера; но не удалось, не застал; надо же было обиду на ком нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся. Меня унизили, так и я хотел унизить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотель показать . . . Вот что было, а ты уж думала, что я тебя спасать нарочно тогда приезжал, да? Ты это думала?“ (стр. 556, издан. Ладыжникова). Позднее он признается ей, что он мерзавец, подлец, себялюб и лентяй. Она в ответ на это самообличение только обнимает его, так как она искренне полюбила этого несчастного, но не будучи в силах перенести всю его грубость, она уходит. Только после того, как она исчезла, он понимает, что она его любила и что вовсе не для „жалких слов“ она пришла к нему. Его ничто уже не может воскресить. Жизнь, живая жизнь умерла уже для него.

Теперь легко видеть, как похожи эти рассказы. Основные идеи совершенно различны. Положение героев тоже иное. Нравственные точки зрения тоже различны. Но ход событий не так уж различен. В обоих произведениях — герой ненормальный человек: террорист-девственник и человек в подполье. В обоих случаях герои идут в публичный дом, не давая себе отчета в цели своего посещения. Они сейчас же засыпают и, только проснувшись, читают проповеди о чистоте и правах личности, о добродетели и пороке. В обоих случаях девушки принимают их точку зрения, но безрезультатно. Развязка произведений иная, и это, конечно, зависит от основной идеи авторов. Достоевскому интересен герой из подполья, его стремления и его неудовлетворенность жизнью. Андрееву интересна идея: имеет ли право человек быть хорошим, когда другие дурны? Он думал уже раньше об этом, когда писал „Защиту“, но тогда это был вопрос скорее судебного, чем нравственного порядка.

Еще один вопрос с этим связанный. А. Е. Редько, как мы видим, делает особенное ударение на влиянии Толстого, указывая на эпизод развращения Катюши писателем. Не случайно Люба негодует на писателей. Писатель, который „ходит“ к ней, „говорил, сперва, что хороший, а потом сознался, что тоже подлец“. В другом месте она говорит о нем: „А ведь вы действительно похожи на писателя. Вы не обижаетесь? Он тоже сперва пожалеет, а потом начинает сердиться, отчего я не молюсь на него, как

на икону. Такой обидчивый. Будь бы он Богом, ни одной лампадки бы не простил . . .“ (стр. 156).

Все это только намеки, но писатель, говорящий, что он хорош, а потом поступающий подло, гораздо больше похож на оскорбленного человека из подполья, чем на писателя из „Воскресенья“, спокойно развращающего Катюшу. Дело не в подражании в деталях, а в общем ходе действия.

Следовательно, мы можем сказать, что Андреев пользуется тем же матерьялом, что и Достоевский. Источник „Тьмы“ Андреева надо искать у Достоевского, но не в „Братьях Карамазовых“, как думал А. Е. Редько, а в „Записках из подполья“. Возможно, что Андреев не только подражал Достоевскому, но что он намекал на тот странный вечер, когда человек из подполья чуть было не совершил хороший поступок, но затем снова впадает в свою прежнюю злость и подлость. Однако, чем ближе эти рассказы по темам, тем больше разница со стороны нравственных их основ и авторских намерений, и тем легче видеть, как высоко над всеми человеческими точками зрений других писателей стоит великий пророк — Достоев кий.

Columbia University. *Clarence Augustus Manning.*

Литература въ русскихъ журналахъ.[1])

Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Москва. Государственное издательство. 1923—1925 г. г.

Кн. 1-я 1923 г. *В. Переверзев.* К вопросу о соціальном генезисе творчества Гончарова (стр. 32—45). Авторъ сначала устанавливаетъ два подхода русской критики къ вопросу о соціальной природѣ образовъ Гончарова. Одна точка зрѣнія вилитъ въ нихъ отраженіе дореформеннаго дворянско-помѣщичьяго быта (Бѣлинскій, Добролюбовъ, Окрейцъ, Острогорскій, Коганъ), другая считаетъ образы Гончарова мертвыми аллегоріями, лишенными соціально-бытового смысла (Кушелевъ-Безбородко, Милюковъ. Писаревъ). Дальше авторъ ставитъ своею задачей пересмотрѣть вопросъ о соціальной природѣ героя ,,Обыкновенной исторіи“ Александра Адуева. Въ результатѣ этого анализа авторъ приходитъ къ выводу, что Адуевъ происходитъ даже не изъ дворянско-помѣщичьей среды. ,,Адуевъ выросъ въ сонной и невѣжественнной атмосферѣ дореформеннаго провинціальнаго города“ и ,,владѣніе Адуевыхъ Грачи — это большая городская усадьба зажиточной мѣщанской или купеческой семьи, обслуживаемая крѣпостной прислугой, не помѣщичье-дворянскаго типа“.

Кн. 2-я. 1923 г. *Валерий Брюсов.* Звукопись Пушкина (стр. 48—62). Наблюденія надъ евфоніей пушкинскихъ стиховъ. — *В. Переверзев.* К вопросу о социальном генезисе творчества Гончарова (стр. 34—47). Продолженіе (см. выше). Сравненіе типа лишняго человѣка с Адуевымъ. — *В. Фриче.* Русский социализм в художественной литературе (стр. 63—68). По поводу книги проф. П. Н. Сакулина ,,Русская литература и социализм“ (1922 г. ч. I).

Кн 3 1923 г. *Д. Благой.* Из прошлого русской литературы. Тургенев-редактор Фета (стр. 45—64). Авторъ выдвигаетъ заслуги Тургенева въ дѣлѣ оживленія интереса къ поэзіи въ серединѣ 50-хъ годовъ. Затѣмъ излагается роль Тургенева въ редактированіи второго изданія стихотвореній Фета, 1856 г., которое, какъ извѣстно, носитъ яркіе слѣды редакторской руки. На основаніи сохранившагося у родственника поэта, И. С. Остроухова, экземпляра изданія стихотвореній Фета 1850 г., съ отмѣтками и указаніями, сдѣланными рукою Тургенева, авторъ статьи анализируетъ характеръ редактированія Тургеневымъ стихотвореній Фета. Этотъ анализъ подтверждаетъ, что подъ воздѣйствіемъ Тургенева, Фетъ внесъ много

[1]) См. V. 2, стр. 403.

исправленій, противорѣчащихъ самому духу его поэзіи. Статья даетъ рядъ неизвѣстныхъ варіантовъ къ стихотв. Фета и является вкладомъ въ изученіе Фетовскаго текста. — *Н. Кашин.* Смена классов в русском обществе по произведениям А. Н. Островского (К столетию со дня рождения[1]) (1—13). Авторъ отмѣчаетъ отраженія въ пьесахъ Островскаго соціальнаго процесса дворянскаго оскудѣнія и сближенія съ приходившимъ ему на смѣну купечествомъ.

Кн. 4. 1923 г. *Л. П. Гроссман.* Бакунин и Достоевский (стр. 82—112). Авторъ поставилъ своею цѣлью доказать, что Бакунинъ явился прототипомъ Ставрогина въ ром. „Бѣсы". Біографическія сближенія, на которыхъ основывается авторъ, предполагаютъ столь детальное знакомство Достоевскаго съ данными біографіи Бакунина, что не могутъ быть оправданы фактами біографіи Достоевскаго. Не менѣе натянутымъ является нахожденіе идейныхъ отраженій взглядовъ Бакунина въ ром. „Бѣсы". Для этого пришлось идейное міровоззрѣніе Бакунина на разныхъ стадіяхъ его развитія распредѣлить между отдѣльными героями романа Достоевскаго: Ставрогинымъ, Шатовымъ, Петромъ Верховенскимъ и Кирилловымъ.

Кн. 6-я. 1923 г. *Иван Евдокимов.* Русские песни. (стр. 88—97). Отзывъ о книгѣ „Изборник народной лирики", составленный М. Н. Картыковымъ, съ предисл. Н. К. Пиксанова (Вологда, 1922 г.).

Кн. 1-я 1924 г. *Валерий Брюсов.* О рифме (стр. 114—123). Критическій разборъ книги В. Жирмунскаго: „Рифма, ее история и теория". Росс. Инст. Истор. Искусств. Вопр. поэтики. В. II. Изд. „Academia". П. 1923. Главное вниманіе обращено на вопросъ объ отличіи новой риѳмы отъ старой, классической.

Кн. 2-я. 1924 г. *Вал. Брюсов.* Лирика Пушкина в рифмах (стр. 81—92). Статья разсматриваетъ особенности пушкинскихъ рифмъ по отношенію къ согласованію до-ударныхъ звуковъ. Авторъ доказываетъ, что Пушкинъ обращалъ при риѳмовкѣ большое вниманіе на звуки слѣва отъ ударнаго и въ этомъ во многомъ предвосхитилъ практику новѣйшей русской поэзіи. — *Г. Лелевич.* Был-ли ранний русский социализм социализмом (стр. 15—23). Авторъ останавливается на общественномъ міросозерцаніи А. И. Герцена и В. Бѣлинскаго, доказывая, что оно было проникнуто взглядами утопическаго соціализма, который явился предшественникомъ народническаго соціализма 60-хъ гг. — *Вячеслав Полонский.* Бакунин и Достоевский (стр. 24—50). — Возраженія противъ статьи Л. П. Гроссмана, (см. выше). Авторъ беретъ подъ сомнѣніе предположеніе Л. П. Гроссмана о присутствіи Достоевскаго на Женевскомъ конгрессѣ 1867 г. во время рѣчи Бакунина; далѣе отрицаетъ совпаденія біографическихъ фактовъ жизни Бакунина и эпизодовъ въ жизни героя „Бѣсовъ" Ставрогина, не считаетъ возможнымъ видѣть въ Огаревѣ источникъ знакомства Достоевскаго съ подробностями біографіи Бакунина и приходитъ къ выводу о полной независимости образа Ставрогина отъ М. А. Бакунина. Во второй главѣ „Исторія Николая Ставрогина" устанавливается связь героя „Бѣсовъ" съ недовершенными образами „Атеизма" и „Житія великаго грѣшника".

Кн. 3-я. 1924 г. *С. Обручев.* „Островский и Чижевский (стр. 131—135). Разборъ формальныхъ пріемовъ передѣлки для современнаго театра пьесы Островскаго „Свои люди сочтемся" Д. Чижевскимъ въ его „Сиволапинской комедии", изд. „Красная Новь". М. 1923. Статья ничего для изученія Островскаго не даетъ.

Кн. 4-я. 1924 г. *Ник. Апостолов.* Материалы по историко-литературной деятельности Л. Н. Толстого: Л. Толстой в работе над „Войной и миром". Приведено 4 письма Л. Толстого къ П. Бартеневу 1867—1868 г. въ связи съ печатаніемъ „Войны

[1]) Статья не отмѣчена у Богатырева „A. N. Ostrovskij: Bibliographische Materiallen „Prager Presse". 1924, 10. IX. 24. N 253.

и мира“ въ первомъ изданiи. Письма свидѣтельствуютъ о неустанной работѣ надъ деталями уже во время печатанiя произведенiя. — Источники „Войны и мира“ в Яснополянской библиотеке. Сообщается перечень книгъ по исторiи Наполеоновскаго времени, бывшихъ въ библiотекѣ Л. Н. Толстого. — Следы чтения Л. Толстым исторических монографий. Приводятся отмѣтки и надписи на поляхъ использованныхъ историческихъ сочиненiй по исторiи войны 1812. — Из личных воспоминаний С. А. Толстой и Т. А. Кузминской. Даны выдержки изъ писемъ гр. С. А. Толстой (5. III. 1918) и Т. А. Кузминской (5. дек. 1916 г.) къ автору, дающiя матерiалъ къ исторiи создания „Дѣтства“ и „Войны и мира“. — Как определилось заглавие „Войны и мира“? — Нѣсколько предположенiй о литературныхъ источникахъ заглавiя ром. Толстого („Записки о 1812 г.“ С. Глинки, стих. В. Г. Бенедиктова „Война и миръ“, изслѣдованiе Прудона „О принципѣ и содержанiи международнаго права,“ вышедш. въ 1864 г. подъ заглавiемъ: „Война и миръ“). В статьѣ данъ снимокъ съ автографа письма Л. Н. Толстого къ Бартеневу отъ 22 янв. 1868 г. — *Л. П. Гроссман*. „Бакунин в Бесах“: Ответ Вячеславу Полонскому (стр. 56—77). Статья по существу является дополнительнымъ изслѣдованiемъ къ статьѣ „Бакунинъ и Достоевскiй“ (см. выше), имѣющимъ цѣлью доказать, что Бакунинъ явился прототипомъ Ставрогина въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго. Авторъ останавливается на слѣдующихъ спорныхъ вопросахъ: 1) Женевскiй конгрессъ и возможная встрѣча на немъ Достоевскаго съ Бакунинымъ, 2) бiографическiя сближенiя между Бакунинымъ и образомъ Ставрогина, 3) Проблема литературнаго прототипа и обоснованiе этого понятiя на ист. литературномъ матерiалѣ. — Письма М. А. Бакунина М. Н. Каткову из Сибири. Сообщил *Вячеслав Полонский* (стр. 78—88). Сообщены четыре письма М. А. Бакунина къ Каткову, рисующiя сибирскiя настроенiя его (1858—1861 гг.). Письма хранятся въ Пушкинскомъ Домѣ Р. А. Н. Въ письмѣ отъ 21 янв. 1858 г. изъ Томска — мнѣнiя Бакунина по славянскому и въ частности по польскому вопросу. — *А. В. Луначарский*. Чем может быть Чехов для нас? (стр. 19—34). Статья для изученiя Чехова ничего не даетъ.

Кн. 5-я. 1924 г. *Л. Гроссман*. Бакунин в „Бесах“ (стр. 39—65). Окончанiе статьи (см. выше). Въ настоящей статьѣ авторъ останавливается на слѣдующихъ вопросахъ: 1) Источникахъ знакомства Достоевскаго съ Бакунинымъ (гл. IV „Информацiя художника“), 2) отношенiяхъ Достоевскаго къ Огареву (гл. V „Огаревъ и Достоевскiй“), 3) значенiи Нечаевскаго процесса, какъ источника для „Бѣсовъ“ (гл. V „Процессъ нечаевцевъ“), 4) отношенiи образа князя-героя „Атеизма“ и „Житiя великаго грѣшника“ къ образу Ставрогина (гл. VI: По поводу „Исторiи Николая Ставрогина“). — *Вяч. Полонский*. „Бакунин и Достоевский. По поводу „отвѣта“ Леонида Гроссмана“ (стр. 66—100). — Отвѣтъ на предшествующую статью. Вяч. Полонскiй вновь беретъ подъ сомнѣнiе утвержденiе Л. Гроссмана, что Достоевскiй слыхалъ рѣчь Бакунина на Женевскомъ конгрессѣ въ сент. 1867 г.; возражаетъ противъ бiографическихъ сближенiй между Бакунинымъ и Ставрогинымъ, высказываетъ предположенiе, что прототипомъ Ставрогина послужилъ не Бакунинъ, а петрашевецъ Н. А. Спѣшневъ, останавливается на проблемѣ литературнаго прототипа, разсматриваетъ критически возможные источники детальнаго знакомства Достоевскаго съ бiографiей Бакунина и его отношенiя къ Огареву, затѣмъ выясняетъ въ какой мѣрѣ процессъ нечаевцевъ могъ послужить для Достоевскаго источникомъ „Бѣсовъ“ и, наконецъ, высказываетъ осужденiе методологическимъ прiемамъ работы Л. Гроссмана. Статья не закончена. — Въ книгѣ, кромѣ того, цѣлый отдѣлъ отведенъ вопросу о формальномъ методѣ въ изученiи литературы. Здѣсь полемическая статья *Б. М. Эйхенбаума*:

Вокруг вопроса о „формалистах“ (стр. 1—12), въ защиту формальнаго подхода къ литературному изученію и рядъ статей-возраженій Б. М. Эйхенбауму: *П. Н. Сакулина* Из первоисточника (стр. 12—15), *С. Боброва* „Метод и апологет“ (стр. 16—19), *А. В. Луначарскаго* Формализм в наукѣ об искусстве (стр. 19—32), *П. С. Когана* „О формальном методе“ (стр. 32—35), *В. Полянскаго.* „По поводу Б. Эйхенбаума“ (стр. 35—38).

Кн. 6-я. 1924 г. *Н. К. Пиксанов.* Из переписки Достоевского“ (стр. 55—72). Статья даетъ извлеченіе изъ опубликованной за послѣдніе годы переписки Достоевскаго. Среди перепечатанныхъ полностью писемъ Достоевскаго имѣется раннее письмо къ Е. Б. Майковой отъ 14 мая 1848 г. (впервые напечатанное въ однодневной юбилейной газетѣ: „Достоевский“, Пет. 1921 г.), рисующее угнетенное душевное состояніе Д-го подъ вліяніемъ литературныхъ неудачъ. Особенную біографическую цѣнность представляетъ письмо Достоевскаго къ брату М. М. Д-му изъ Петропавловской крѣпости отъ 22 дек. 1849 г., написанное подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ приготовленія къ смертной казни. Письмо впервые напечатано въ „Красномъ Архивѣ“ за 1923 г. (кн. 2-ая) и полностью перепечатано Пиксановымъ. Изъ того же журнала (1922 г. № 1, стр. 399) извлечено замѣчательное письмо Д-го къ женѣ, написанное изъ Москвы непосредственно послѣ возвращенія съ историческаго пушкинскаго засѣданія Общества Любителей Российской Словесности, 8 іюня 1880 г. Статья Пиксанова имѣетъ значеніе, какъ сводка матеріала, разбросаннаго по разнымъ заграницей не всегда доступнымъ изданіямъ.

Кн. 1-я. 1925 г. *Е. Казанович.* Некрасов и Писарев (стр. 79—95). Авторъ ставитъ вопросъ о причинахъ, побуждавшихъ Некрасова не давать Писареву отвѣтственной работы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и отвѣчаетъ на него слѣдующими соображеніями. Некрасовъ весьма цѣнилъ въ Писаревѣ литературную силу и дорожилъ его будущимъ участіемъ въ журналѣ. Однако, зная горячность и склонность Писарева къ крайностямъ, онъ хотѣлъ его приручить, „дать ему осмотрѣться въ новомъ для него литературномъ обществѣ и понять, чего требуетъ отъ него вся обстановка солиднаго журнала, основой котораго являются старые ветераны „Современника“: Елисеевъ, Щедринъ, самъ Некрасовъ и ихъ общая литературная программа“ (стр. 91). Статья отчасти опирается на новый ист. литерат. матеріалъ: письма Писарева къ его родственницѣ — М. А. Марковичъ отъ конца ноября и начала декабря 1867 г., дающія интересные факты изъ отношеній Писарева къ Некрасову. — *П. Сакулин.* Методологические задачи историка литературы (стр. 96—104). Авторъ выдвигаетъ значеніе соціологическаго метода въ примѣненіи къ проблемамъ литературовѣдѣнія. — *И. Мацa.* О новой чешской литературе (стр. 153—158). Авторъ, венгерскій критикъ и драматургъ, принадлежащій къ лѣвому крылу „активистовъ“, даетъ подъ угломъ зрѣния марксистской критики оцѣнку К. Чапека, А. Дворжака, Яр. Сейферта и др.

Кн. 2-я 1925 г. *Вяч. Полонский.* Николай Ставрогин и роман „Бесы“ (стр. 79—104). Авторъ слѣдитъ за творческой исторіей романа и склоненъ видѣть въ немъ два замысла съ двумя героями — Петромъ Степановичемъ Верховенскимъ и Николаемъ Всеволодовичемъ Ставрогинымъ. Первонально романъ былъ задуманъ и планированъ какъ „тенденціозное“ произведеніе, съ сатирической манерой повѣствованія. Затѣмъ въ него проникъ „новый герой“, связанный съ неосуществленными замыслами „Атеизма“ и „Житія великаго грѣшника“. Попутно авторъ оспариваетъ традиціонный взглядъ на Ставрогина, какъ на руководителя и вождя революціоннаго движенія. По мнѣнію автора, Ставрогинъ революціонеромъ не былъ и въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ стоитъ ближе къ Достоевскому, чѣмъ къ Бакунину. „Это — характернѣйшій персонажъ Достоевскаго, излюблен-

ный и постоянный герой его романовъ, раскаявшійся нигилистъ прошедшій черезъ невѣріе въ Бога, черезъ преступленія и паденія' (стр. 102). Слѣды неорганичной спаянности этихъ двухъ замысловъ романа, по мнѣнію В. Полонскаго, легко могутъ быть вскрыты во взаимоотношеніяхъ Верховенскаго и Ставрогина. — *В. Переверзев.* Социальный генезис обломовщины (стр. 61—78). Какъ и въ своей статьѣ объ ,,Обыкновенной исторіи" (см. выше), автор пытается отрицать помѣстное происхожденіе героя романа — Обломова. Онъ является представителемъ зажиточнаго мѣщанства. Явное противорѣчіе съ трактовкой самого Гончарова авторъ обходитъ утвержденіемъ, что ,,всѣ попытки выставить Обломова помѣщикомъ вносятъ въ его романъ фальшивыя ноты" (стр. 65). Авторъ оспариваетъ также установившійся въ литературѣ со времени Добролюбова взглядъ на Обломова, какъ на представителя романтическаго идеализма ,,лишняго человѣка", разновидность Онѣгина или Рудина. Съ точки зрѣнія Переверзева, Обломовъ-преставитель зажиточнаго мѣщанства, не сумѣвшаго приспособиться къ новымъ соціальнымъ отношеніямъ въ періодъ капиталистической ломки русской общественной жизни. — *А. М. Смирнов-Кутачеcкий.* Происхождение частушки (стр. 42—60). Содержаніе видно изъ слѣдующихъ главъ: 1) Частушка въ смыслѣ орудій производства (фабричный характеръ частушки). 2) Частушка-показатель соціальнаго кризиса (соціальные мотивы въ содержаніи частушекъ), 3) Частушка и наслѣдіе удалого пѣсеннаго мотива, 4) Скоморошья сторона въ частушкѣ, 5) Демократизація поэтическаго творчества въ частушкѣ, 6) Критика взглядовъ на происхожденіе частушекъ. Выводъ автора: ,,Обвѣянная старыми скоморошьими и удалыми, разгульными мотивами, частушка гармонизована въ ритмѣ современнаго производственнаго темпа". Наименованія частушекъ: ,,прибаски", ,,прибаутки", ,,ихахошки" (Курск. губ.), ,,тарантушки". *А. Бемъ.*

Aurelio Palmieri: **La geografia politica della Russia Sovietista.** — Publicazioni dell' »Istituto per l'Europa orientale« — Roma, seconda serie, IX. Roma 1926, стр. 159 + VIII, цѣна 10 лиръ.

Въ отношеніи информаціоннаго и научнаго значенія книга можетъ быть охарактеризована слѣдующими чертами: 1. описаніе отдѣльныхъ губерній и другихъ административныхъ дѣленій современной Россіи, по большей части, заимствовано въ нѣсколько сокращенномъ видѣ изъ Всеславянскаго календаря „Пламя", Прага 1926. При заимствованіи этомъ нѣкоторыя данныя авторомъ неправильно поняты, напр., указаніе Всеславянскаго календаря на то, что площадь нынѣшней Мурманской губерніи на 9.000 кв. верстъ меньше площади бывшаго Александровскаго уѣзда, въ виду уступки части территоріи этого уѣзда Финляндіи, А. Пальміери воспроизвелъ въ видѣ утвержденія, что Мурманская губ. имѣетъ площадь „около 9.000 кв. верстъ" (въ дѣйствительности — площадь Мурман. губ. — болѣе 100.000 кв. верстъ). Лицамъ, ищущимъ данныхъ о пространствѣ и населеніи основныхъ административныхъ дѣленій современной Россіи, нужно рекомендовать обратиться непосредственно къ Всеславянскому календарю, а еще лучше — къ совѣтскимъ первоисточникамъ. Всеславянскій календарь и вслѣдъ за нимъ — Пальміери останавливается на 1923 г. Но уже много мѣсяцевъ, какъ появились за рубежомъ совѣтскія изданія съ соотвѣтствующими свѣдѣніями для 1925 года, 2. данными о пространствѣ и населеніи губерній и автономныхъ областей ограничиваются указанія А. Пальміери, касающіяся доуральской части Р. С. Ф. С. Р. (собственно Россійской республики), если не считать общихъ геополитическихъ разсужденій въ краткомъ предисловіи и заключеніи. Относительно другихъ частей С. С. С. Р. Пальміери приводитъ добавочныя данныя, иногда — общеисторическія, иногда же — касающіяся спеціально событій послѣ 1917 года; его вниманіе привлекаетъ также состояніе народнаго образованія. Нужно имѣть въ виду, что эти дополнительныя данныя часто представляютъ собою сводку офиціальныхъ совѣтскихъ версій, а также агитаціонно-полемической

даже памфлетной коммунистической литературы (напр. разсказъ о событiяхъ въ Сибири). Авторъ исправно указываетъ на составъ этой литературы въ подстрочныхъ примѣчанiяхъ (которыя, тѣмъ самымъ, представляютъ нѣкоторый библiографическiй интересъ). Только въ отношенiи такихъ частей совѣтскаго союза, какъ Украина, Бѣлоруссiя и Грузiя, авторъ привлекаетъ также анти-совѣтскую (украинскую, бѣлорусскую и грузинскую) политическую и полемическую литературу, и въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ именно за антисовѣтской версiей, 3. вообще же — въ ходѣ изложенiя — исключительное вниманiе автора привлекаютъ разъединительныя тенденции въ предѣлахъ С. С. С. Р.; тенденции объединительныя онъ игнорируетъ, упоминая о нихъ только въ заключенiи — и то совершенно въ публицистическомъ родѣ, безъ приведенiя конкретныхъ данныхъ, 4. въ виду полнаго отсутствiя сколько либо подробныхъ свѣдѣнiй о собственно русскихъ частяхъ союза, при наличiи болѣе обстоятельныхъ данныхъ о частяхъ и группахъ союза, являющихся или считающихъ себя не-русскими, трудъ А. Пальмiери можно опредѣлить, какъ географiю совѣтской Россiи, въ которой собственно Россiи — то и нѣтъ . . . 5. Самостоятельная точка зрѣнiя автора выражена въ его геополитическихъ разсужденiяхъ въ концѣ книги; это точка зрѣнiя католическаго писателя, который ратуетъ за созданiе барьера между Россiей и Европой подъ гегемонiей католической Польши. Авторъ настойчиво убѣждаетъ Финляндiю, Эстонiю, Латвiю, Литву принять и подчиниться этой гегемонiи. — Авторъ останавливается также на восточной политикѣ совѣтовъ; онъ считаетъ, что въ своихъ усилiяхъ „пробудить" Азiю совѣтскiе политики могутъ вызвать духовъ, съ которыми потомъ сами не справятся. *П. Савицкiй.*

* * *

(Wotgrono kn̍ězu Taszyckemu.)

Na pšašańe kn. W. Taszyckego we Slaviji V., str. 359 wótgronim, až »pana dobrodzieja« som nadejšeł južo w leśe 1902: Jěducy z faraŕom Riesom po Gubinskej zeleznicy, powedachmej serbski. Toś se měšašo do našogo grona pólski sobudrogowaŕ, gólnik. We powedańu nama naŕaknu »pan dobrodziej« a ako jogo pšašachmej, co to ma byś, nama rozkłaźe kaž som napisał. Tosame mě hobwěsći tuderski młynik, kenž jo rożony a wótkubłany we hokrejzu Oborniku ale bližej k městu Czarnikowu. Wón pó słowe nimski rozkładowašo: »Wenn ich zu jemandem spreche, so sage ich auf deutsch »Geehrter Herr«, auf polnisch sage ich »szanowny panie« oder »pan dobrodzieja«, das ist beides dasselbe«.

Až pólski *trz* se hugronijo »we lepšej Warszawskej rěcy« ako nimski *ts* som namakał we jadnej rěcnicy, z kótarejež za młode lěta som huknuł. To se naka tež z rěcnicu Ioela, 4. nakład 1887, źož stoj, až *rz* se hugronijo ako nimski *rſ*.

Kněz recensent pórokujo, až móje wědne pśispomńeńki ńejsu dosć pšawe. Na to wótgronim, až ńejsom pisał za filologow, ale za swójich łužyskich kraŕanow, laikow, kótrež wót zwiska serbskeju dialektowu mjazy sobu a z drugimi słowjanskimi rěcami wele ńeznaju a se něto akle na to pokazuju. Krotkosći dla som to a druge ześěgnuł, což gromadu ńesłuša, ale tegdy som ze słowami »meist, in der Regel« pokazał, až dalšego pytańa a pšašańa jo třebne. Studujucym słuša Mukowa rěcnica, a chwalobńe by było, gaby zastupjaŕe słowjanskeje filologije wo nowy nakład tych knigłow se póstarali.

Śwela.

Výtahy z časopisů.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1920 г. Томъ XXV. Петроградъ 1922.

Посвящается памяти Алексѣя Александровича Шахматова и содержитъ статьи и рѣчи, произнесенныя въ различныхъ ученыхъ засѣданіяхъ и имѣющія въ виду освѣщеніе научныхъ вкладовъ покойнаго академика, изслѣдованіе его творчества и характеристику его личности.

Содержаніе: Автобіографія А. А. Шахматова (3—6). — Списокъ печатныхъ трудовъ А. А. Шахматова (7—19). — В. М. Истринъ. А. А. Шахматовъ какъ ученый (23—43). — П. А. Лавровъ. Первые годы научной дѣятельности А. А. Шахматова (44—60). — С. Ѳ. Ольденбургъ. А. А. Шахматовъ какъ человѣкъ и дѣятель (61—74). — Е. Ѳ. Карскій. А. А. Шахматовъ какъ историкъ русскаго языка (75—87). — М. Д. Приселковъ. Памяти А. А. Шахматова (91—93). — Л. В. Щерба. Методы лингвистическихъ работъ А. А. Шахматова (94—99). — Е. С. Истрина. Труды А. А. Шахматова по русскому языку (100—106). — М. Г. Долобко. Славяновѣдѣніе въ трудахъ А. А. Шахматова (107—111). — Д. И. Абрамовичъ. Труды А. А. Шахматова въ области исторіи русской литературы (112—127). — М. Д. Приселковъ. Русское лѣтописаніе въ трудахъ А. А. Шахматова (128—135). — С. Ѳ. Платоновъ. А. А. Шахматовъ какъ историкъ (136—140). — Д. К. Петровъ. А. А. Шахматовъ какъ университетскій дѣятель (141—150). — Н. К. Никольскій. Памяти А. А. Шахматова (153—162). — А. Е. Прѣсняковъ. А. А. Шахматовъ въ изученіи русскихъ лѣтописей (163—171). — В. В. Виноградовъ. Методы изученія рукописей, какъ матеріала для построенія исторической фонетики русскаго языка, въ изслѣдованіяхъ академика А. А. Шахматова (172—197). — Д. В. Бубрихъ. О трудахъ А. А. Шахматова въ области славянской акцентологіи (198—207). — С. И. Бернштейнъ. Основные вопросы синтаксиса въ освѣщеніи А. А. Шахматова (208—233). — М. Г. Долобко. Изученіе явленій общеславянскаго праязыка в трудахъ А. А. Шахматова (234—238). — С. Ѳ. Ольденбургъ. Памяти А. А. Шахматова какъ библіотечнаго работника (239—242). — В. И. Срезневскій. Изъ припоминаній объ А. А. Шахматовѣ въ Академической библіотекѣ (243—246). — †А. О. Круглый. Воспоминанія объ А. А. Шахматовѣ какъ директорѣ I-го отдѣленія библіотеки Р. А. Н. (247—252). — Д. Н. Ушаковъ. А. А. Шахматов—историкъ русскаго языка (255—267). — Ю. В. Готье. Шахматовъ-историкъ (268—282). — В. К. Поржезинскій. А. А. Шахматовъ, как лингвистъ (283—287) — М. Н. Сперанскій. А. А. Шахматовъ, как историкъ древне-русской литературы (288—301). — П. Н. Сакулинъ. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова (302—311). — †В. Н. Щепкинъ. Академикъ А. А. Шахматовъ (312—317). — П. А. Расторгуевъ. Къ характеристикѣ личности А. А. Шахматова (318—325). — И. Г. Голановъ. Воспоминанія о курсахъ и практическихъ занятіяхъ А. А. Шахматова въ Петербургскомъ Университетѣ в 1913—14 уч. году (326—333). — Къ біографіи А. А. Шахматова (изъ архива Московскаго Университета сообщилъ Д. Н. Ушаковъ). — Е. Ѳ. Будде. Ученые труды А. А. Шахматова въ области русскаго языкознанія (351—355). — † Н. М. Петровскій. О нов-

городскихъ ,,Словѣнахъ" (357—389). — Б. М. Соколовъ. Памяти ак. А. А. Шахматова (393—408). — Н. Н. Дурново. А. А. Шахматовъ, какъ изслѣдователь русскаго языка (409—418). — Г. А. Ильинскій. Проблема праславянской прародины въ научномъ освѣщеніи А. А. Шахматова (419—436). — А. Сиротининъ. Памяти А. А. Шахматова (437—449). — С. П. Обнорскій. Памяти академика А. А. Шахматова (453—475). — В. Пархоменко. Изъ древнѣйшей исторіи восточнаго славянства I—II (476—485).

Томъ XXVI (1921 г.). Петроградъ 1923.

I. А. И. Соболевскій. Русско-скиѳскіе этюды. I—XII (стр. 1—44). Эти этюды имѣютъ въ виду развить и доказать положеніе, что ,,славяне нигдѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ — не автохтоны". I. Названіе Скиѳовъ и скиѳскихъ племенъ. Разбираются названія: Саки, первоначально *Сакъ* въ значеніи *гонщикъ*, *охотникъ*, родственное русскимъ *сокъ*, *осочить* ,,окружить звѣря", *осока* ,,облава"; осложненное окончаніем *-ata* (какъ русск. *-инъ*, *-анинъ*, *-ичъ*) 〉 **Sakata*, передѣланное греками в *Σκύϑης*, мн. ч. *Σκύϑαι* (у Птоломея— *Ζακάται*—Закаты); названіе области было бы **Sakala*, назв. жителей— **Sakalata*, у грековъ—*Σκολότοι*, в славянскомъ памятникѣ XII—XIII в.—*Сакулатинъ*, в другихъ текстахъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ— *Секула* (житель Трансильваніи; русская фамилія Сакулинъ). Скиѳское племя *Массагеты*-*Μασσαγέται*, др.-инд. *Maśaka* предполагаетъ **Maгasakata*, гдѣ *maгa*—великій: ,,Великіе Саки". Далѣе акад. С. останавливается на названіяхъ именъ: Мосхи, Катіары, Авхаты, Паралаты, Агры, Спалеи, Урги, Ревксиланы, Абики, Констобоки, Сабоки, Бастрарны. Вопреки признанному мнѣнію, что Анты — группа славянскихъ племенъ, А. И. считаетъ, что *Ἄνταξ*, указанное А. Л. Погодинымъ въ греческой надписи сѣвернаго берега Понта, — скиѳское племя, жившее ок. Р. Х. близъ Азовскаго моря, при чемъ имя его, какъ и другія этнографическія названія, употреблялось у огреченныхъ скиѳовъ въ качествѣ личнаго. Въ результатѣ географическихъ передвиженій и смѣшеній получилось впослѣдствіи, что ,,нѣкоторыя славянскія племена историческаго времени стали потомками скиѳскихъ племенъ, смѣшавшихся со славянами и утратившихъ свой языкъ, но сохранившихъ свои скиѳскія названія" (8 стр.). Здѣсь объясняетъ авторъ названія: Сербы, Хорваты, Хорутане, Куявы, Берендичи, Коуи, Турнѣи, Тиверцы, Болоховцы. — II. Даи, Давы, Даки. А. И. С. держится мнѣнія о принадлежности Гетовъ — Даковъ къ Скиѳамъ и видитъ въ нихъ ,,близкихъ родичей Агатирсовъ-Акатировъ, проникшихъ въ глубь Европы и оставившихъ тамъ слѣды своего языка въ названіяхъ рѣкъ, озеръ, горъ и т. п. — III. Каменныя бабы. Авторъ, ограничивая обычное употребленіе названія ,,каменная баба", считаетъ, что такъ можно называть лишь тотъ ,,каменный столбъ", гдѣ при чертахъ человѣческаго лица имѣются еще какія-нибудь очертанія человѣческаго тѣла и одежды, главнымъ образомъ чаши (точнѣе: стакана) у живота или подъ животомъ и рукъ, касающихся чаши" (16 стр.). Такія бабы могли принадлежать только Скиѳамъ. Дальше слѣдуютъ главы: IV. Курганы съ окрашенными костяками. — V. Грифы, стерегущіе золото и Аримаены. — VI. Герръ, Уголъ, Покутье. — VII. Тамъ—Черное море (*тамъ* — скиѳское названіе моря). VIII. Пантикапъ — Керчь (,,Если предположить, что Пантикапъ значило: горлышко сосуда для воды и что **кърчь* имѣло нарицательное значеніе: горло,— нельзя-ли считать др.-русскія названія переводомъ названія города, какъ оно звучало у крымскихъ Скиѳовъ VIII—X вв. стр. 40). — IX. Ледовитый океанъ (его названіе у Гекатея *Amalchius* акад. С. объясняетъ при помощи др. бактрійскаго *a-mahrka* ,,безсметрный", т. е. ,,не умирающій, не мертвѣющій"). — X. Бескидъ, Ящадъ (первая часть названій неясна; во второй — скиѳское нарицательное слово со значе-

ніемъ: „подъемъ, высота“ — было принято греками за собственное и въ огреченномъ видѣ *Σκάθεον* или *Κάθεον* (*ὄρος*) дошло до Плинія). — XI. Хоревица и Алаунъ, Певке (первое изъ нихъ по даннымъ др.-бактрійскимъ — скиѳское слово (*Harā* — назв. миѳ. горы, *Haraiva* — названіе горной области); второе — искаженное производное отъ *Haraiva* съ *л* на мѣстѣ *р* и суффиксомъ *н*, значеніе его — „горная группа у средняго Днѣпра“; третье стоитъ въ связи съ предполагаемымъ скиѳскимъ **pente* — **pende*, а съ нимъ въ связи — Пятигорье въ 141 в. отъ Кіева, гдѣ нѣкогда пролегалъ Черный шляхъ). — XII. Кавказъ и Черкасы (наиболѣе распространенное въ древнемъ мірѣ названіе кавказскихъ горъ *Καύκασος* у Скиѳовъ звучало — *Croucasis*, а это послѣднее могло имѣть въ своемъ основаніи скиѳское *karkās* — др. бактр. *karkasa* — „ястребъ“). II. В. М. Истринъ. Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія. I—IV (стр. 45—102). Статья касается, во-первыхъ, такъ наз. „Древнѣйшаго свода“, возстанавливаемаго Шахматовымъ и относимаго имъ къ 1037—39 г. г. и, во-вторыхъ, редакцій „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, при чемъ по обоимъ вопросамъ авторъ сильно расходится съ Шахматовымъ во взглядахъ на составъ и способъ сложенія „Др. Свода“, а равно и на такъ наз. „Начальный Сводъ“ 1095 г. Именно: 1) нѣтъ, по его мнѣнію, данныхъ для пріуроченія составленія „Древнѣйшаго Свода“ къ 1039 г.; 2) нѣтъ препятствій къ пріуроченію его составленія по времени послѣ смерти Ярослава, т. е. послѣ 1054 г.; 3) послѣднее пріуроченіе согласуется: a) съ исторіей появленія русскихъ переводовъ произведеній византійской литературы и съ исторіей сложенія хронографическихъ памятниковъ и b) съ указаніемъ хронологической таблицы подъ 852 годомъ. Это была первая редакція „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (стр. 102). — III. В. И. Перетцъ. „Актъ о Сарпиде, дуксе ассирійскомъ“. (Изъ исторіи театра эпохи Петра I. Стр.103-123). Это первая пьеса рукописи Театральнаго Моск. Музея А. Бахрушина, содержащей рядъ старинныхъ пьесъ, напечатанныхъ въ „Сборникѣ Отд. Русск. яз. и словесности“. Пьеса должна быть отнесена къ оригинальному репертуару; написана скорѣе для любительскаго театра гдѣ-нибудь около Москвы украинцемъ; по замыслу и плану примыкаетъ къ типу „*Staatsactionen*“, по времени возникновенія должна быть отнесена къ послѣднимъ годамъ Петровской эпохи, т. е. къ 1720 г. г. — IV. М. Н. Сперанскій. Международный странствующій сюжетъ въ сказаніи о чудѣ святителя Николая (стр. 124—142). Статья представляетъ попытку освѣтить литературную исторію одного небольшого сказанія о св. Николаѣ, именно: „Чудо св. Николая, написанное патріархомъ Меѳодіемъ о златѣ, отъ жидовина нѣкоему христіанину взаимъ данномъ“. Приводится небольшой текстъ цѣликомъ по кіевскому изданію 1680 г. Наблюденія автора надъ текстомъ фактически подтверждаютъ его мысль, что „происхожденіе этого текста на русской почвѣ — иное, нежели обычныя сказанія, вошедшія въ рукописные тексты и тексты печатные“ (стр. 126). Сюжетъ текста представляется автору маждународнымъ, бродячимъ, лишь усвоившимъ имя Николая Чудотворца; авторъ считаетъ его, далѣе, приписаннымъ авторству Меѳодія, патріарха Константинопольскаго: „Чудо, написанное Меѳодіемъ — заключаетъ М. Н. — есть поздній переводъ, сдѣланный на юго-западѣ Руси, не получившій распространенія на ея сѣверо-востокѣ, по содержанію своему — это примѣненная къ Николаю Чудотворцу ходячая, международная легенда о хитромъ должникѣ, обработанная въ эту форму въ Зап. Европѣ, откуда эта обработка путемъ перевода перешла въ русскую письменность. Самая же легенда о хитромъ должникѣ, безъ связи съ именемъ Николая, также была извѣстна на Руси (псковское преданіе о Судомѣ); она, повидимому, идетъ изъ иного источника — восточной версіи этого сюжета“ (стр. 142). — V. *Его-же*. Къ исторіи взаимоотношеній русской и юго-славянскихъ литературъ. — (Русскіе памятники письменности на югѣ славянства. Стр.

143—206). Указавъ на тѣ выводы, къ которымъ пришла наука путемъ сравнительнаго изученія древн. русской и юго-славянскихъ литературъ, авторъ находитъ, что эти выводы недостаточно полно выражаютъ действительныя взаимоотношенія русскаго и юго-славянскаго племенъ въ области книжности. Прежде всего ему представляется, что эти взаимоотношенія не были такъ просты, какъ это кажется по общимъ выводамъ. Возникаетъ въ частности вопросъ, какъ на эти взаимоотношенія вліяли наши непосредственныя связи съ Византіей, которая и сама несла на Русь ту же культуру, м. б. дополняя то, что не доходило черезъ юго-славянъ и т. п. Далѣе авторъ пересматриваетъ литературный матеріалъ; касается его группировки и освѣщенія, ограничиваясь періодомъ съ XI по XV и XVI в.в., при чемъ въ области русской литературы онъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на первыхъ вѣкахъ русской письменности, гл. обр. до-монгольскаго періода. Разсматриваются сначала оригинальные произведенія русской письменности: труды митрополита Іоанна I, ум. 1639 г., Иларіона, Преп. Ѳеодосія Печерскаго, митрополита Іоанна VI (каноническіе отвѣты), Нестора (Житіе Ѳеодосія Печ.), Кирилла Туровскаго — нашедшіе откликъ очень рано въ юго-славянской литературѣ. Затѣмъ разсматриваются византійскіе памятники, переведенные непосредственно на Руси и затѣмъ перешедшіе къ южнымъ славянамъ: Номоканонъ, Прологъ, Пчела, Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ, Сказанія о чудесахъ Николая Чудотворца. Наконецъ приведено нѣсколько юго-славянскихъ текстовъ, списанныхъ съ русскихъ изводовъ старо-славянскихъ памятниковъ: Врачанское Евангеліе, Четвероевангеліе Академіи Наукъ (конца XIII в.), Минея за іюль (Собр. Хлудова № 160, XIII—XIV в.), Зайковскій требникъ XIV в. — VI. Е. С. Истрина. Синтаксическія явленія синодальнаго списка I Новгородской лѣтописи (стр. 207—239. Окончаніе). — IV. Осложненныя предложенія, § 32. Предложенія съ повторяющимися однородными и съ изолированными членами. — „Осложненными" авторъ считаетъ предложенія, которыя по своему составу являются болѣе сложными, чѣмъ простыя, но которыя не могутъ быть раздѣлены на нѣсколько предложеній (207 стр.). Таковыми и являются предложенія съ повторяющимися однородными членами (слитныя), а также предложенія съ изолированными членами или сочетаніями „съ нѣкоторой степенью независимости. съ союзами или безъ нихъ". Осложненныя предложенія связываются съ расположеніемъ словъ, которое авторъ не склоненъ считать, какъ синтаксическую особенность языка Синодальнаго списка; онъ объясняетъ ее „невыработанностью литературной рѣчи, недостаточностью цѣльности и стройности въ теченіи мысли" (209 стр.), а это въ свою очередь отражаетъ степень культурности и развитія литературной рѣчи. § 33. Дательный самостоятельный. Онъ тоже относится авторомъ къ числу синнтаксическихъ конструкцій, создающихъ осложненныя предложенія. § 34. Подчиненіе предложеній. — Указаны разнообразные случаи подчиненія съ помощью союзовъ іако, оже, аже, аки, око, зане, олна. — § 35. Относительное подчиненіе. — Имѣются въ виду случаи подчиненія при помощи относительныхъ мѣстоименій иже, аже, еже, въ им. п. которыи, кто, что, а также съ помощью относительныхъ нарѣчій идеже и др. мѣста и времени. — § 36. Инфинитивныя предложенія. — § 37. Сложныя предложенія съ сочинительными союзами. — VI. Нѣсколько выводовъ. § 38. Замѣчанія о синтаксическихъ особенностяхъ отдѣльныхъ частей Синодальнаго списка. — § 39. Основныя данныя варіантовъ списковъ КАГ. — *Критика и библіографія:* 1. А. И. Соболевскій: Ис Куриловицѣ. Книги XII малыхъ пророковъ съ толкованіями въ др.-славянскомъ переводѣ. Приготовилъ къ печати Н. Л. Туницкій (стр. 240—243). — 2. А. В. Михайловъ. Н. Л. Туницкій. Матеріалы для исторіи жизни и дѣятельности учениковъ Св. Кирилла и Меѳодія (стр. 243—251). — 3. В. Н. Перетцъ: В. П. Адріанова. Житіе Алексѣя, человѣка Божія въ древней русской лите-

ратурѣ и народной словесности. Петроградъ, 1917. — 4. В. П. Адріанова. Изъ начальнаго періода русскаго стихосложенія. По поводу статьи Н. П. Попова: „Къ вопросу о первоначальномъ появленіи виршъ въ сѣверо-русской письменности" (стр. 271—276). — 5. А. А. Назаревскій: Новые труды по описанію рукописныхъ собраній г. Кіева. Отзывы о книгахъ А. Лебедева и С. Щегловой (стр. 277—288). — 6. А. В. Пруссакъ. Проф. Селищевъ, Діалектологическій очеркъ Сибири. Вып. I (стр. 288—307). — 7. Н. Л. Туницкій. По поводу рецензіи А. В. Михайлова (стр. 307—311).

Томъ XXVII. (1922). Ленинградъ. 1924.

I. Д. В. Бубрихъ. Сѣверно-кашубская система ударенія (стр. 1 до 194). Приложеніе I. Праславянская акцентологическая система (стр. 112—176). Приложеніе II. Праиндоевропейская система интонацій слова (177—194). — Первая часть труда обнимаетъ §§: „Сѣверо-кашубская система ударенія въ ея современныхъ чертахъ. Изъ исторіи собиранія матеріаловъ по сѣверокашубскому ударенію" (§§ 1—6). Указаны труды Cenôv-ы, Гильфердинга, Ramułta, G. Bronischa и Fr Lorenza. Далѣе указаны четыре кашубскихъ ударенія: 1. на окончаніи, 2. на послѣднемъ слогѣ основы, 3. на предпослѣднемъ, 4. на первомъ слогѣ основы и ихъ различныя группировки. — § 7 существительныя перваго склоненія. Здѣсь различаются существительныя типовъ краткостнаго и долготнаго, твердаго и мягкаго, существительныя съ двухъ- и болѣе-сложной основой и съ основой односложной; приводится составъ окончаній. — § 8 существительныя краткостнаго типа съ двухъ- и болѣе-сложной основой. Сильное и слабое удареніе. — Въ зависимости отъ того, въ какихъ формахъ то или другое удареніе встрѣчается, этого типа существительныя разбиты на 2 группы; приведены существительныя съ распредѣленіемъ по указаннымъ группамъ. — § 9 разсматриваются того-же типа существительныя, но съ односложной основой; сильное и слабое удареніе въ нихъ; сильное конечное и сильное основное ударенія. — § 10 существительныя 1 скл. долготнаго типа съ двухъ- и болѣе-сложной основой. Указаны тѣ-же ударенія. — § 11 существительныя съ односложной основой. — § 12 касается существительныхъ II склоненія, а въ слѣдующихъ §§ эти существительныя разбираются по той же схемѣ, что и сущ. склоненія 1-го. — § 19 прилагательныя. — По свидѣтельству автора, „противоположность между именнымъ склоненіемъ и мѣстоименнымъ въ кашубской рѣчи находится на самой грани исчезновенія". Отъ именного склоненія сохранились лишь Sg. NV. Msc. притяжательныхъ прилагательныхъ на *-īn* и *ōv* и нѣсколько отдѣльныхъ формъ Sg. NV. Msc. *(zdrȍv, żȉv)*, а потому все вниманіе при изученіи ударенія въ прилагательныхъ авторъ удѣляетъ мѣстоименному склоненію. — §§ 23 и 24 посвящены глаголу, въ которомъ разсматриваются въ отношеніи ударенія двѣ группы формъ: praesentis imperativi и формы praeteriti. — Часть II-я: Сѣверо-кашубская система ударенія въ ея происхожденіи. — Предваряется главой — „Изъ исторіи объясненій сѣверо-кашубскаго ударенія" (объясненія Бранта, Mikkol-ы, Белића). — § 37 о морфологизованномъ характерѣ сѣверо-кашубскаго ударенія; только принявъ этотъ характеръ его, можно „осмыслить сѣверно-кашубскую систему ударенія в цѣломъ" и „вразумительно опредѣлить важнѣйшія діалектическія расхожденія". — § 42 1-е склоненіе долготнаго типа и § 47 2-е склоненіе того же типа. — § 52 сильное и слабое удареніе въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ долгій или закрытый слогъ; удареніе здѣсь нѣкогда было послѣдовательно сильное; § 54 — то же съ окончаніемъ, составляющимъ одинъ краткій открытый слогъ; здѣсь удареніе нѣкогда было послѣдовательно слабое. — § 57 сильное и слабое удареніе въ формахъ съ окончаніемъ, составляющимъ два слога. Удареніе было нѣкогда послѣдовательно сильное и притомъ основное: — § 60 сильное и слабое ударенія въ формахъ съ окончаніемъ, не составляющимъ слога. — § 62

сильное конечное и сильное основное ударенія: „Сильное конечное удареніе — въ формахъ съ основой, составляющей одинъ краткій слогъ; сильное основное удареніе — въ формахъ съ основой, составляющей одинъ долгій слогъ или два и болѣе слоговъ, считая приставку, предлогъ, отрицаніе и т. п. въ составѣ основы, исключая формы съ окончаніемъ, составляющимъ два слога, гдѣ первоначально только сильное основное удареніе" (97 стр.). — § 65 собраны всѣ положенія относительно сильнаго и слабаго ударенія въ формахъ съ различнымъ количествомъ слоговъ въ основѣ и окончаніи. Въ § 67 приводится единый, строгій фонетическій законъ, дѣйствовавшій въ сѣв.-кашубской рѣчи въ далекомъ прошломъ: „Если послѣдній слогъ былъ долгій или закрытый, и ему предшествовалъ одинъ краткій слогъ, удареніе падало на послѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ долгій или закрытый, и ему предшествовалъ одинъ долгій слогъ или нѣсколько слоговъ, удареніе падало на предпослѣдній слогъ слова. Если послѣдній слогъ слова былъ краткій открытый, удареніе падало на третій отъ конца слогъ слова (или, за недостаткомъ таковаго, на первый. Стр. 100).— § 68 пересматриваетъ ударенія въ существительныхъ и прилагательныхъ, которыхъ не касались приведенные выше §§. 71 и 72 §§ — дополненія. §§ 74—79 экскурсъ о праславянской долготѣ послѣдняго въ словѣ слога. Здѣсь выдвигается законъ: „Если удареніе падало не на послѣдній слогъ слова, какъ мы этого ждали бы на основаніи законовъ Фортунатова-de Saussure'a-Meillet. а на предпослѣдній — то послѣдній слогъ слова сохранялъ исконную (праиндоевропейскую) долготу. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ послѣдній слогъ слова долготу сокращалъ (106 стр.)." Причины авторъ обѣщаетъ указать въ другой работѣ. — Наконецъ, приведены два объемистыхъ приложенія: „Праславянская акцентологическая система" и „Праиндоевропейская система интонаціи слога". — II. Е. Ѳ. Карскій. Къ столѣтію со дня выхода »Institutiones« I. Добровскаго. 1822—1922. (Стр. 195—206). Статья даетъ въ общихъ чертахъ содержаніе знаменитаго труда „патріарха славистики" съ историко-критическими замѣчаніями къ труду. — III. В. М. Истринъ. Замѣчанія о началѣ лѣтописанія. V—VII. (Окончаніе. Стр. 207—251). Замѣчанія касаются изслѣдованій акад. Шахматова въ области др.-русской лѣтописи. Въ частности, авторъ не согласенъ съ усвоеніемъ Никону, продолжателю „Древнѣйшаго свода", вставокъ: статьи о Лиственской битвѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ (1024 г.), похвалы Мстиславу (1036 г.), разсказа объ избіеніи дружины Болеслава, доставившаго Кіевскій столъ Святополку Окоянному въ 1108 г., вставокъ въ разсказъ 1043 г. о неудачномъ походѣ Владимира Ярославича на грековъ, разсказа о „нѣкоторыхъ прославившихся черноризцахъ" печерскихъ. Иначе, чѣмъ акад. Ш., представляетъ авторъ проникновеніе въ „Лѣтопись" подъ 1051 г. повѣствованія о началѣ Печерскаго монастыря: оно „должно быть считаемо принадлежащимъ одному автору и не носящимъ слѣдовательно признаковъ позднѣйшей переработки" (214 стр.), составлено послѣ смерти Антонія, т. е. послѣ 1073 г.; когда вставлено было въ „Лѣтопись" — сказать трудно, но во всякомъ случаѣ тѣмъ лицомъ, который разсказалъ подъ 1074 г. объ успеніи Ѳеодосія" (ib.). Не согласенъ акад. Истринъ и съ основнымъ положеніемъ акад. Ш., что „Начальный Сводъ" представляетъ соединеніе двухъ сводовъ — „Древнѣйшаго" (т. е. Кіевскаго) и Новгородскаго: „если и былъ, говоритъ авторъ, какой либо сводъ 90-хъ г. г. XI в., то это не былъ въ собственномъ смыслѣ „сводъ", а простое продолженіе старой лѣтописи, прошедшей, б. м., и черезъ руки Никона. Самъ „Др. Сводъ", какъ былъ составленъ въ 50-хъ г. г., такъ и продолжалъ переписываться безъ всякихъ вставокъ" (216 стр.). Не пользовался авторъ „Нач. свода" и Житіемъ Антонія. Въ общемъ „Нач. сводъ", какъ его изображаетъ ак. Ш., по мнѣнію акад. Истрина, не существовалъ. — VI гл. посвящена обозрѣнію редакцій въ собственномъ смыслѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ"; ихъ, по мнѣнію автора, было двѣ: первая — составлена въ 50-хъ г. г. XI в. и вторая — въ 10-хъ г. г. XII в., авторомъ

ея былъ Несторъ. VII гл. даетъ 17 выводовъ изъ всей статьи. — IV. А. И. Соболевскій. Русско-скиѳскіе этюды. XIII—XX. Приложенія 1—4. Заключеніе. Что такое славянскій праязыкъ и славянскій пранародъ? (Стр. 252—332. Окончаніе. См. Изв. О. Р. Я. С. т. XXVI). — XIII. Гологоры — голыя горы лѣтописи по Ип., Хлѣбн. и Погод. сп. подъ 1231 г.; Гологоры получилось изъ Горогоры черезъ диссимиляцію плавныхъ; послѣднее предполагаетъ *Гаргəр- (ср. у Страбона названіе кавказскаго народа *Γαργαρέες*.). XIV Акесинъ - Ока (у Плинія *Acesinus*, гдѣ *-sina* — нарицательное: рѣка, а Аке- — рѣка, протекающая внутри материка европейской Сарматіи, — Ока русская). XV. Эксампай — Супой, одинъ изъ притоковъ Днѣпра < *Сжпой, *Сампой — скиѳское названіе. XVI. Тотарданъ — Терекъ (*-dan-* рѣка, собственное названіе *Totor-*, ср. греч. *τέταροι* у Атенея „фазанъ“, рѣка Фазанъ). XVII. Названіе русскихъ рѣкъ и озеръ. Данъ небольшой списокъ рѣкъ, названія которыхъ встрѣчаются неоднократно въ разныхъ мѣстахъ Россіи. XVIII. Нѣсколько вопросовъ. Именно въ отношеніи названій рѣкъ: Шатъ, Лохва, Босна, Снеролка, Снепородъ, Сновитъ, Стесна и нѣк. др. XIX. Нѣсколько гипотезъ. 1. Андрофаги. Въ первой части названіе скиѳское по происхожденію. 2. Аргинеи и Невры. 3. Ѳиссагеты. 4. Харіи. 5. Таркинеи. 6. Скиѳскій Зевсъ. XX. Изъ природы Скиѳіи. 1. Жертвенники на Дону. 2. Перья въ воздухѣ. Приложеніе 1-ое. Киммерійцы. Приложение 2-ое. 1. Голядь. 2. Медынская Литва. 3. Смоленская Сибирь. 4. Сѣтьгола. 5. Ругіи и Лемовіи. 6. Недрова. Приложеніе 3-е. Къ вопросу о финизмахъ. Приложеніе 4-ое. Погребеніе съ конемъ. Заключеніе. Что такое славянскій праязыкъ и славянскій пра-народъ? — Разсматривая случая перехода **s* въ *ch* и сохраненія его, разбирая аномаліи въ законѣ перехова *s* > *ch*, Соболевскій на первый вопросъ отвѣчаетъ такъ: „славянскій праязыкъ представляетъ собою соединеніе двухъ языковъ, одного языка *-s* и одного языка *-ch*“ (стр. 331); первый изъ нихъ славяно-балтійскій, ему принадлежатъ формы словъ съ *s* на мѣстѣ древняго *s*; это *s* никогда не переходило въ *ch* (палатализація *sj* > *š* произошла позднѣе); языкъ *-ch*, повидимому, языкъ иранской вѣтви, м. б., въ своемъ основаніи одно изъ нарѣчій скиѳскаго языка (къ нему относятся слова съ *ch* на мѣстѣ древняго *s*). Языкъ *-s* — языкъ славяно-балтійскаго народа, о которомъ акад. Соболевскій не рѣшается утверждать, откуда онъ прибылъ къ Балтійскому морю, „Венедскому заливу“, но врядъ ли съ запада, юга и юго-запада. Народъ съ языкомъ *-ch* — старожилъ береговъ Балтійскаго моря; ему принадлежатъ названія рѣкъ Эриданъ-Немънъ, **Одра*. Взаимодѣйствіе двухъ языковъ при ихъ сліяніи было сильнымъ; въ культурномъ отношеній эти два народа были равносильны. — V. Критика и библіографія: 1. В. Н. Перетцъ: Е. Ѳ. Карскій, Бѣлоруссы, Т. III. Очерки словесности бѣлорусскаго племени. 2. Старая западнорусская письменность (333—337). 2. Его-же: А. И. Никифоровъ. Русскія повѣсти, легенды и повѣрья о картофелѣ (стр. 337—338). — VI. А. И. С. И. Н. Соколовъ (некрологъ. Стр. 338—339).

Л. Копецкій.

Revue des Études Slaves. Tome cinquième. Paris 1925.

A. Meillet: Les origines du vocabulaire slave: I. Le problème de l'unité balto-slave (5—13). Autor ukazuje na příkladech, jak se shoduje i liší slovní poklad jazyků baltských a slovanských, a shledává, že nelze mluviti o periodě společného života těchto jazyků po době indoevropské. Jen základ indoevropský je pro obě tyto skupiny jazyků týž a jediný; potom »il y a parallélisme, il n'y a pas identité«. — II. De quelques noms de nombre (177—182). Slov. používá pro číslovky od 5—9 sklonných jmen podstatných, srv. *pętь* proti lit. *penkì*, ř. *πέντε*. Vyvinulo se to podle číslovky *desętь*, při níž se jeví v jaz. slov., balt., a patrně i v germ., vliv decimálního systému. V jaz. balt. číslovky od 5—9 jsou v staré své podobě, ale skloňují se. »Ici comme partout se manifestent à la fois l'indépendance et le parallélisme du baltique et du slave«. — **Petar Skok:** La semaine slave (14—23).

V slovanských jménech dní lze rozeznávati trojí element: číselný (úterý, čtvrtek, pátek), křesťanský (sobota, neděle), relativní (dni se jmenují podle svého místa v týdnu v poměru k ostatním dnům: pondělí, středa). Zkoumání prvních dvou druhů názvů vede k latině. Tak Slované počítají dni týdne od neděle patrně vlivem církevní latiny vulgární, s kterou sousedili (friaul.: jevila se tam snaha úplně se přizpůsobiti myšlence křesťanské, podle níž byla neděle nejdůležitějším dnem v týdnu). Název *sǫbota* je z latiny balkánské, *sobota* z latiny patriarchátu akvilejského, *nedělja* je patrně překladem vulg. lat. *feria* ‚svátek'. Pojmenování středy ukazuje však na odlišný systém, známý v církvi řecké a římské, ve kterém se počítají dni od soboty: pro slov. je nejspíše předpokládati prostředí německé (tak vykládal již Miklosich). Výraz pro jméno týdne **tъdьnь* (je jen v těch jazycích, které mají *sobota* ⟨ *sabbata*, nikoliv v jazycích, které mají *sǫbota* ⟨ *sambata*) měl původně funkci příslovečného určení času; teprve později stal se pojmenováním určitého časového celku. — **N. Trubeckoj:** Les voyelles nasales des langues léchites (24—37). Psl. **ǫ* a **ę* měly v prajazyce lechickém platnost **ъN* a **ьN*. Odtud vzniklo spojení čisté samohlásky orální + nas. kons., a to všeobecně v každé posici; později teprve se vyvinuly nosové samohlásky před spirantami, před *l* a na konci slov, jak jest to patrné ve všech nářečích lechických. Pro vývoj před okklusivami je tedy nejstarší typ *zomp*, z toho mohlo vzniknouti *zõmp* a *zõp*. V jiných nářečích slov. vyslovovalo se **ę* a **ǫ* docela jinak. »Mais il est fort douteux que ces voyelles aient jamais été nasalisées«. Podobnou výslovnost jako v prajazyce lechickém lze předpokládat ještě pro jednu část nářečí prabulharských: pro tu, jejímž pokračováním je také dnešní bulh. spisovná. — **A. Seliščev:** Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: un balkanisme ancien en bulgare (38—57). Autor vypočítává některé zvláštnosti lexikální, syntaktické, morfologické a hláskoslovné, společné jaz. balkánským (bulh., rum., alb., řečtina). Podrobněji vykládá o zdvojování substantiva k vyjádření distributivnosti. Shledává tento rys také v arm.; je to prý zbytek z dob, kdy Arméni sídleli na Balkáně v sousedství Albánců. V bulh. bývá před subst. zdvojeným předložka *na*; ale později *na* zaniká, v čemž S. spatřuje vliv turecký. — **Léon Beaulieux:** Les origines de la réforme orthographique bulgare (58—81). O minulých bulharských opravách pravopisných (systém Marina Drinova 1870, projekt komisí z r. 1892 a 1895, reforma Ivana Vazova a Todora Ivančova 1899). Na konci článku přehledná tabulka bulharských oprav pravopisných až po naše dny. O nových opravách pravopisných viz článek autorův v »Mélanges Boyer« 1925, 147—169. — **V. Tille:** Svatopluk et la parabole du vieillard et de ses enfants (82—84). Legenda o Svatoplukových prutech má pramen ve spise Konstantina Porfyrogeneta; ten čerpal buď z Plutarcha nebo z nějaké staré tradice orientální. Historického podkladu tu patrně není. — **André Mazon:** L'élaboration d'un roman de Turgenev: Terres vierges (85—112). Autor otiskuje a kommentuje koncept Turgenevova románu »Новь«, který se nalezl v Paříži. Tento koncept obsahuje: 1. La première idée du roman. 2. Le curriculum vitae des personnages. 3.—4. La première esquisse du roman, rédactions A et B. Studie ukazuje, jakou methodou Turgenev pracoval. Historie románu »Новь« se těmito dokumenty doplňuje a opravuje. — V druhé studii (244—268) autor podobně kommentuje koncepty románů »Накануне«, »Первая любовь«, »Дымъ«. Turgenev měl určitou pracovní methodu, které se držel. — **N. Iorga**: Les plus anciens états slavo-roumains sur la rive gauche du Danube (VIIe siècle) (171—176). — **G. Plākis**: Les dialectes lettons. Lette moyen et Haut-Lette (183—192). Charakteristika těchto dialektů. — **V. Bogorodickij**: Observations expérimentales sur la prononciation du russe: l'articulation labiale (193—204). Po poznámkách obecného rázu vyjadřuje autor čísly výsledky měření labiální artikulace při *p* a v slabikách *pa, ap, pap, pápă, papá, pápъpă, papápă, pъpapá, pápъp,* načež přistupuje k popisu a k interpretaci svých dat. — **Georges Dumézil**: Les bylines de Michajlo Potyk et les légendes indoeuropéennes de l'ambroisie (205—237). Autor nalezl v ruském vypravování o Michalu Potykovi slovanskou obměnu indoevropských legend

o ambrosii. Sleduje a oceňuje poměr ruských zpracování mezi sebou i poměr jich k formě původní; podává kritiku starších výkladů, kterým unikají právě nejpodstatnější znaky; přijímá výklad o totožnosti jména Michala Potyka a bulharského svatého Michala z Potuky, ale není obsahové příbuznosti s bulh. legendou hagiografickou. »Son nom chrétien (Michal Potyk) n'a rien changé à sa personnalité héritée à la fois d'un dieu et d'un démon ambroisiens«. Konečně se zabývá novgorodskou pověstí, jejímž hrdinou je Michalko Ofonaskin syn.— **Grégoire Lozinskij**: Le prince Antioche Cantemir, poète français (238—243). L. otiskuje dvě frc. básně knížete Kantemira, ruského vyslance v Paříži v l. 1738—1744 a ruského básníka. O Kantemirovi viz též v čas. »Le Monde Slave« 1925, 2, 223—247, a 3, 402—421. — **Chronique**: (113—165, 269—314). O některých pracích jsou tu dosti podrobné úvahy, tak o Kuřbakinově studii o Miroslavovu evangeliu (299—300), o Paulově edici dvou povídek L. K. Lazareviće (303—304) a j. Nécrologie (165—168, 314—318: N. P. Kondakov, N. A. Kotljarevskij, N. Milev, Fr. Drtina, V. Vondrák od A. Mazona, A. J. Jacimirskij od G. A. Il'jinského). Informations (169, 318—320). *J. K.*

Македонски Прегледъ. Списание за наука, литература и общественъ животъ. Издава Македонскиятъ наученъ институтъ. София.

В течение двух последних лет (с июля 1924 до августа 1926 г.) Македонский Научный Институт, открытый в Софии, выпустил 8 книг своего журнала „Македонски прегледъ". Историческое прошлое Македонии составляет главное содержание научных статей этого журнала (рецензии оставляем в стороне). Ценные статьи на исторические темы даны В. Н. Златарским: 1) Де се намирала епископията на св. Климентъ Охридски (I, 1), 2) Къмъ историята на мънастиря св. Наумъ в Македония (I, 2, 3), Западната българска държава до провъзгласяването на Самуила за царь (II, 1, 2), Й. Ивановым: Аксиосъ — Велика — Вардаръ (I, 3), Г. Кацаровым: Нови изследования върху археологията на Македония (I, 1), Л. Милетичем: 1) Къмъ фрескитѣ на манастиря св. Наумъ (I, 3), 2) Струмишкитѣ манастирски церкви при с. Водоча и с. Вемса (II, 2), Мушмовым: Охридскитѣ монетарници (II, 1), Стояновым-Вълкановым: Борбата на Самуила съ Византия (II, 3); П. Мутафчиевым: Сръбското разширение въ Македония презъ среднитѣ вѣкове (I, 4).

Кроме исторических работ, важное значение представляют статьи по этнографии Македонии и записи произведений народного творчества. Й. Иванов, Българо-албанската етнична граница (I, 4). Ст. Романски, Македонскитѣ ромъни (I, 5-6). Л. Милетичъ, Женската носия въ Галичникъ (Дебърско) (II, 2). Его же, Проф. В. Ягичъ за Македония (приложено 20 писем Ягича. II, 3).

Диалектологические записи имеются из слелующих местностей: из Тетова (I, 1), Костура (I, 2-6), Ениджевардара (I, 3, II, 2), Марнова (I, 4, 5-6), Охрида (II, 2). *А. М. Селищев.*

Rejstřík osobní.

Abderahman III. 771
Abgar 201 sl.
Abraham Wł. 389, 418, 419, 428, 429, 430, 434, 437, 438
Abramić M. 397
Abramovič D. I. 412, 858
Adoratskij V. V. 197
Adrianova V. P. 414, 660, 861, 862
Agafonik 195
Agrell S. 215
Achmatova A. 410
Ibn Ajas-Atlavi 766
Ajzenštok J. 655
Aksakov S. 178
Al-Aufi 773
Al-Bekri 773
Aleksander III., cís. 198, 199
Aleksandrov A. 200
Aleksandrov N. 196
Alekseev M. P. 180, 199
Alekseev V. 199
Aleksěj Petrovič, carevič 196
Al-Hakam II. 771
Altmann 741
Amerling 663
Ancyferov A. N. 845
Andreä 728
Andréadès 649 sl.
Andreev L. 178, 411, 850 až 852
Andreev P. N. 411
Andronik II. Paleolog 646
Andreeva M. A. 398
Angelov B. 164—168
Annenkov P. V. 408
Annenskij I. 411
Anninskij A. 198
Anninskij S. 198
Apostolov Nik. 853
Appendini F. 88[1], 285
Aprilov V. 254, 265
Argamakova 408[2]
Argirov 637
Argunov P. A. 813 sl.
Arnault A. V. 104
Arsen'eva V. V. 410
Arsenij, biskup 403
Arsenović N. 829
Asboth 175
Ashburner W. 401
Askol'dov S. 410
Aškerc A. 534
Atanasov T. 266
Aulard A. 846
Avseenko B. 125 sl.
Avvakum, protopop 177
Babev Dm. 166
Bagalij Dm. 196
Bajkov A. L. 845
Bakunin M. A. 199, 853, 854, 855
Bakuvi 773
Balabanov A. 165
Bal'mont K. 178
Balş G. 648
Baluchatyj S. 411
Balzac H. 199
Bandtke J. S. 64
Bănescu N. 398, 641
Barabasz St. 385
Barac G. 268, 700
Baraković Juraj 68[3]
Baranov V. V. 189
Barberini, kardinál 90
Bărbulescu J. 146
Barczewski W. 383
Barić H. 153
Barsukov N. P. 340
Bartenev P. 853 sl.
Barthel de Weydenthal Marja 387
Bartholomae Ch. 415
Bartoš F. M. 203, 663, 664
Basar, jezuita 506
Bošković B. 297
Batiffol P. 651
Baudouin de Courtenay 175
Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa C. 388, 624
Barykova A. P. 200
Baženov A. N. 129
Beaulieux L. 865
Bees N. A. 396, 401
Běgner Hanuš, župan 190 sl.
Bechyně, švec 811
Bejlin S. Ch. 267 sl.
Bel'čikov N. F. 197 — 199
Belić A. 99, 140, 141, 143, 219, 223, 515, 684, 693 až 717
Bělinskij V. 178, 189 sl., 196, 199, 341, 410, 853
Beljaev D. N. 391
Běljaev M. D. 408
Běljaev N. M. 395[4], 398
Bell H. Idris 639
Bellarmino, kardinál 81
Bělokopytova A. S. 408[2]
Belorussov J. M. 591
Belostenec 285
Bělyj Andrej 410
Bem A. L. 194—196, 197 až 201, 208, 408—411, 852—856
Benedikt XIV., papež 234 sl., 296
Benedikt A. 416
Benediktov V. G. 854
Beneš E. 841, 847
Benjamin, mitropolita 202
Benkendorf K. A. 200
Bentkowski 801
Berger S. 834, 835
Bernackij M. V. 845
Bernadzikowska J. B. 834, 835[1]
Berneker E. 1—57, 151, 152, 153, 439—450, 453, 454, 666, 668, 669, 670, 671, 673, 679
Bernštejn S.
Berovič P. 264
Bezsonov P. 256
Bidlo Jar. 406, 519, 640
Bienaimé Georges 846
Bilecka V. 197
Birjukov P. I. 410
Birnbaum V. 646

Blagoj D. D. 199, 852
Blagoev N. P. 826
Blanchet A. 648
Blanqui 824
Blondel Georges 846
Boak E. R. 651
Bobčev N. 638
Bobčev S. S. 652, 825
Bobrov S. 855
Bobrowski Mich. 172 sl.
Bocian 499
Bogišić V. 827
Bogoev I. 256
Bogorodickij V. 865
Bogrea V. 201
Bohorič A. 507, 522, 530, 727
Bonkáló A. 175—179
Bopp Fr. 516
Boratynskij E. A. 195
Borisov I. P. 408
Borotín Jan 664
Borozdin K. 539
Botkin M. P. 410
Botkin V. P. 410
Boué A. 824
Bouchet J. 416
Boyer Paul 841, 843, 844, 847
Bowring 64[2]
Božek J r. 663
Bradač Ioann 803
Brătulescu V. 404
Bréhier L. 405, 641, 643, 651
Brenn K. 312
Brensztajn M. 616
Brentano L. 650
Breyer A. 384
Breznik A. 531, 727
Brjusov V. 178, 392, 852, 853
Broch O. 560
Broniewski Marcin 472
Broz J. 298
Bruck-Auffenberg N. 182
Brückner A. 1, 209, 386, 417—438, 481, 593, 657, 660, 662, 666, 671, 672, 673
Brugmann K. 452, 672
Bruchnalski W. 383
Brunot Ferd. 844
Bubrich D. V. 658, 858, 862 n.
Bučar Fr. 533, 719—721, 741
Bučič Mich. 729[1], 736
Budde Je. F. 412, 573, 659, 660, 858
Buđinić S. 69, 81
Budmani P. 517
Budny Sz. 473
Būga K. 415, 662, 796
Bugiel Wł. 614
Bujak Fr. 379, 387
Bulatov V. 166
Bulić Fr. 397
Bullinger 504
Bunin Iv. 178
Burdin F. A. 116, 118, 128, 130
Burian V. 202, 805
Burnouf E. 823, 824
Bury J. B. 405 sl., 651
Busilin G. 264
Buš V. V. 208
Buzuk P. 140, 179—181, 197, 412
Byron 410
Bystroń J. S. 378—380, 614—625
Cadafalch J. 399
Calmann L. 661
Cancel P. 404
Candrea J. A. 146
Canisius Petrus 506
Capidan Th. 146—157
Cartojan N. 201 sl.
Cassius v. Kašić B.
Celesius Thomas, arcibiskup 82
Cenov P. 653
Cerkovski C. 166
Cibulka Jos. 646
Cieszyński 382
Ciszewski St. 381, 386, 620 sl.
Clajus Joh. 77[4]
Cleemann Z. 173
Coleti Jac. 286
Collinet P. 405
Conev B. S. 146, 147 až 150, 265, 636—638. 653, 654, 823
Cordier H. 849
Corneille 133
Cousinéry 824
Cronia Arturo 593 sl.
Cureton W. 202
Cvijić Jos. 511
Cvetišić Kl. 834
Cyril v. Konstantin
Czechowicz 473, 498
Czekanowski J. 385, 624
Czubek J. 390
Čurčin Milan 518
Čurčić V. 831, 833
Čađaev P. 849
Čandek Joh. 740
Čapek K. 855
Čarnojević z Rašky 286
Čečulin N. 656
Čech Sv. 654, 805
Čechov A. P. 179, 201, 346 sl., 411, 854
Čelakovský Fr. Lad. 663, 810, 812
Čerepnin M. 846
Čerin Jos. 532 sl.
Černověžd P. 258
Černý Adolf 171
Černyšev V. I. 412, 684
Černyševskij N. 196
Čertkov A. K. 196
Červenakova A. 826
Čilingirov St. 165
Čiževskij D. 853
Čop M. 522
Črnčić I. 299
Čučmarev Z. I. 179 sl.
Dal' V. 541
Dalmatin A. 277[1], 501, 502 sl., 504, 520 sl., 528, 726 sl., 730, 742
Dalmatin Jurij 530
Dalton O. M. 399, 400, 643
Daminč A. F. 196
Danev S. 825
Daničić Dj. 71, 215 n., 217, 220, 224, 225, 292 sl., 515, 517 sl., 731
Daniil, mitrop. 748
Daniil-moskopolec 251 sl.
Daniil Zatočnik 177, 195
Danilevič V. 633—635
Dankovs'ka R. 197
Dante A. 392
Darkó Eug. 402
Daudet A. 123
Davyđov D. 105
Dejob Charle 512
Delbrück B. 415
Della Bella Arđelio 88[1], 91 sl., 94, 98, 285
Denis A. 844, 847
Densusianu 148
Deodat L. 72
De-Ribas A. M. 180
Derkos I. 97, 514
Deržavin G. 133
Deržavin I. S. 412, 656
Diehl Ch. 397, 404, 405, 406, 407, 643, 645, 649, 842
Diels P. 412
Dimeški 765, 766, 767 sl., 773
Dimitria Nikolaevič ot Sofija 262

Dimitz Aug. 528
Diokletian, císař 281[2]
Dloževs'kij S. S. 197
Długosz 386
Dmitriev V. 201
Dmitriev-Ozenburgskij N. D. 408[2]
Dobiaš - Roždestvenskaja O. A. 208
Dobřanský 805
Dobrowolski K. 388, 389 sl.
Dobrovský Jos. 59, 60, 61, 63, 64, 158, 284, 299, 314, 520 sl., 663 sl., 800 sl., 802, 808, 809, 863
Dobrzycki St. 615
Dolci Seb. 285
Dolenský A. 663
Dölger Fr. 400
Dolinin A. S. 409, 411
Dolobko M. G. 412, 678 717, 858
Dominois F. 841
Dónaj H. 615
Dopsch A. 630
Dorosijev L. I. 824
Dostálová L. 808
Dostoevskaja A. G. 198 sl.
Dostoevskij F. M. 177, 178, 197, 200 sl., 409, 410 sl., 850—852, 853, 854, 855
Dostoevskij M. A. 409
Dostoevskij M. M. 198, 855
Doucha 802
Dozon A. 824
Dragomir S. 640
Dragović Maro 277[2]
Drächsler K. F. (Manfred) 803
Drašković J. 283, 719
Drexl Franz 399
Driml V. 663
Drinov M. S. 257, 260
Drobnjaković Bor. 828
Drtina Fr. 866
Dubnov S. M. 770
Duhr Bernhard 73
Dukát Jak. Jan. 664
Dumont A. 823, 824
Dumézil G. 865
Dunlap J. E. 651
Durnovo N. N. 140, 188 sl., 342—347, 350—357, 365, 412, 560, 563—571, 660, 783—796, 859
Dušan Stefan 401, 505
Duvernois A. 527
Dvořák A. 855
Dzivgov A. 822
Ebersolt J. 400, 407, 644 sl.
Ebert M. 634
Edel'son E. N. 410
Efimenko P. P. 539[1]
Egerštrom F. F. 195
Egger R. 397
Egorov Z. D. 756[1]
Ehrhard Alb. 399
Eisenmann Louis 841, 844, 847
Ejchenbaum B. M. 854 sl.
Ekaterina II., cís. 195
Ekblom R. 233—248, 661, 662
El-Balhi 765, 767
Eleonskaja E. N. 187
Eleonskij S. F. 187, 189
Eličev S. G. 846
El-Šabangare 773
Elze Th. 500, 502, 524—526, 533, 721, 722, 730
Erasmus Rotterdamský 495[1]
Erben K. 663, 802, 809
Erbi 260
Erdödy Peter, hrabě 735
Ernst Georg, hrabě 725[5]
Erofiiv Iv. 197
Erzepki B. 173 sl.
Esenin S. 176
Evdokimov Ivan 853
Evsěev I. E. 414
Evsevij Alexandrijský 194
Ibn el-Fakih 770, 774
Fancev Fr. 71, 720[2], 731—733, 735—739
Farlati D. 286
Fecher G. 648
Feierfeil W. 300
Feist S. 666
Fel'ten N. 410
Feodosij archim. 261
Feodor, žid 268
Feodosij, archimandrita 258, 259, 260, 261
Feodosij, arch. novhorodský 754
Feodosij Pečerskij 177
Ferić J. 96
Fermendžin P. E. 718
Fet A. A. 178, 408 sl., 852
Fettich F. 399
Fibich Zdeněk 807
Filalet viz Broniewski M.
Filofej, stařec 754
Filov B. 404, 647
Fischer A. 379, 380, 383, 388, 389, 623, 624
Fischer Ot. 805
Flacius Matthias Illyricus 502—504
Flach J. 633, 813
Flajšhans V. 804
Flamini Fr. 512
Folnesics H. 828
Fomin A. A. 108
Fomin A. G. 414
Fontenoy J. 849
Fortis Albert 71[7]
Fortunatov F. F. 351, 352, 355, 356, 357, 573, 694, 793
Fournol E. 843, 847
Fraenkel E. 660 n.
Frähn 766, 778
Francev V. A. 380, 398, 664, 801
Franko Iv. 267, 275 sl., 498
Frankowski E. 618, 622
Frazer J. G. 625
Frček J. 654, 839—848
Frič J. V. 809
Friče V. M. 197, 852
Friedländer 203
Fritzler K. 767
Frozín Ant. 664
Funke O. 416
Furmann 109 sl.
Fustel de Coulanges 629
Gaj Lj. 288, 516
Galjatovskij Ioannikij 273
Galjuf M. F. 96
Ganszyniec R. 387 sl.
Gardizi 773
Garkav 778
Gartner 139, 140
Gauvain A. 847
Gavazzi M. 625—628, 817—819, 835
Gavriil, mnich 404
Gavrilović A. 664
Gawelka Fr. 379
Gawroński Fr. R. 615
Gebauer J. 415, 432, 680, 681
Gedeonov S. 763
Georgijević Bart. 202
Georgius Sisgoreus Sibinicensis 282
Georgov Cvětok 258
Geraklitov A. 814—817
Gerbel N. V. 195 sl., 410
Gercen A. I. 178, 196, 199, 853
Gerov N. 825
Gerullis G. 557, 660, 662

Giacometti P. 128
Gippius V. 573
Giuglea G. 150
Gjorgjić Ignjat 507
Gjurini Jos. 285
Glinka S. N. 195, 854
Glišić 366
Glivenko I. 200
Gloger 429
Glonar J. 506 sl.
Glubokovskij N. N. 648
Glück H. 405
de Goeje 778
Goethe J. W. 60, 167, 199, 801, 805, 808
Gofman M. L. 410, 845
Gogol' N. V. 129 sl., 178, 183, 199, 411, 655, 842
Golanov I. G. 858
Goleniščev-Kutuzov A. A. 198
Gologanov I. 824
Golovačev A. G. 200
Golovin N. N. 846
Gołubiński 430
Gončarov I. 178, 198, 199 852, 856
Gorban M. 197
Gorbatov M. 843
Gorčinskij P. 410
Gordievs'kij M. I. 197
Gordon G. O. 200
Gorkij M. 178
Gornfel'd A. G. 410
Gorovcev A. M. 846
Gorskij A. 798[1]
Goťje Ju. V. 858
Götz L. K. 430
Gozzi K. 122
Grąbczewski B. 625
Grabar A. 398, 404, 647
Grabar Igor 405
Grabovac Filip 289
Gradić I. 81
Gradić St. 91
Grafenauer J. 531, 725
Graindor Paul 396
Granić Br. 642
Grappin H. 847
Grbić (Garbitius) M. 502
Grégoire Henri 396, 641
Grek viz Maksim Grek
Griboědov A. S. 195, 208
Grigorij, archim. 473, 481
Grigor'jev A. 410, 414
Grigorovič D. V. 178, 410
Grigorovič V. I. 258 sl.
Grimm Jakob 71[7], 99[3]
Grivec Fr. 649
Gronskij P. P. 845
Grossman L. P. 853, 854
Gruden Jos. 529
Grünenthal O. 662
Gruszecka Anna 624
Gruszecka Anna 624
Gruzinskij A. E. 199, 474, r476—479, 483[1], 493[2], 497, 498
Grzegorzewski J. 380
Gudzij N. 195, 456—469
Guevič A. A. 846
Guihormard M. 849
Guizot F. 632, 633
Güldenstubbe O. 661
Gulgowski J. 382, 383, 617, 621
Gummerus H. 650
Gundulić 297
Gurvič G. D. 845
Habdelič Jur. 285[3, 4], 510
Haberlandt A. 182, 303, 540, 829
Haberlandt M. 181 sl.
Hahn W. 386
Hála B. 415
Hálek V. 809
Halický Jaroslav 188
Halee F. W. 647
Hamartol G. 359—365, 641 sl.
Hamuljak M. 60, 64
Hand, jenský prof. 801
Hanka V. 802
Hanuš Ign. J. 663
Hanuš Jos. 508, 663
Haškovec P. M. 416, 804
Ibn Haukal 765, 768, 771
Haumant Emile 840, 842, 843, 846
Havlíček Borovský K. 653, 807, 809
Havlík A 415
Havránek B. 94, 415
Hegel G. 189
Hegemann O. 501, 526, 534, 722
Heine H. 167, 189
Heisenberg Aug. 396, 399, 403, 406, 641, 646, 649
Hektorović Peter 69, 92
Hellwald Fr. 820—822
Henry B. 846[1]
Herder J. G. 60
Hermann E. 415, 662
Hesychius 163
Hibbon Ed. 405
Hippolytus, mnich 507
Hirt H. 666, 723
Hnatjuk V. 820—822
Hněvkovský Šeb. 805, 810
Hoernes M. 634
Hoesick F. 382
Hoffiler V. 397
Hogaş 146
Höchenberger Fr. Aug. 664
Holszańska Anastazja 474, 497
Holszańska Zofja 474, 497
Holtzmann R. 137—139
Hołubianek Z. 385
Honnorat A. 843
Hora Jos. 804
Horák Jiří 654, 800
Ibn Hordadbch 764, 768, 775, 778
Hörmann K. 830
Hostinský Otakar 806
Hren (Chrön), biskup 726, 728
Hrinčenko B. H. 2
Hudec J. 367[1], 370—378, 595[1], 597—603, 607, 609—611[1], 613
Hug 158
Hugo V. 416
Hujer O. 415, 680, 681
Hus Jan 470, 664, 803, 805
Hýsek Mil. 800, 811[1]
Chadžidakis G. 399, 641
Challandon F. 405
Chaloupecký V. 136—139, 139
Charlampovič K. V. 204
Charmoy 778
Chasles P. 844
Chataubriand 410
Chetnik A. 382, 383, 385, 390
Chir'jakov A. M. 196
Chlumský J. 233—249, 414
Chmelenský Jos. K. 807, 808
Chmielińska A. 382, 383
Chodakowski Z. 380
Chodźko A. 824, 841
Chomjakov A. S. 339, 340
Chorowicz A. 614
Chotch (= Šoč) P. 817—819
Chrabr, mnich 470
Chráska Ant. 730
Christoph von Württemberg herzog 501 sl., 526, 742
Christov K. 166
Chruščev M. A. 200
Chvojkov 633

Chvol'son D. 766, 778
Chybiński Ad. 619
Iakov, knčz 195
Ibn viz druhou část složeniny
Ichčiev L. D. 166[1], 168
Ikonnikov V. S. 190
Ilešič Fr. 533 sl.
Il'jinskij G. A. 194, 205—208, 412—414, 656—658, 679, 681, 859, 866
Ilovajskij D. 763, 767
Ioakim Krčovski 252 n., 257, 261, 262 n., 825
Iorga N. 865
Iosif, car chazarský 771
Ipavec A. 532
Ironik Nikolaj 403
Istahri 765, 766
Istrin V. M. 188, 362, 363—365, 858, 860, 863
Istrina Je. S. 204, 658, 858, 861
Ivan Groznyj 176, 177, 752
Ivanišević 92
Ivanov Jurij 252, 392, 628—633, 813 sl.
Ivanov Vsev. 176, 392
Ivanov-Razumnik 106
Ivković M. 141
Ivšić S. 684, 685, 694
Izmajlov N. 410
Jacimirskij A. I. 194, 260, 866
Jacobsohn S. 203
Jagić V. 1, 91, 139, 158, 161, 162, 190, 195, 291, 299, 300, 350, 405, 514, 517, 559, 593, 662, 666, 738, 798, 799[2]
Jakóbowicz Abraham 425
Jakobson R. O. 660
Jakovlev L. A. 199
Jakšič D. 655 n.
Jakubec J. 415, 801
Jakubovič P. F. 200
Jakubowski St. 616
Jambrešić 285
Janin J. 411
Jankelevič V. 849
Jacker Otto 837
Janko J. 415, 806
Janów Jan 470—499
Janowski A. 381
Jarnik U. 93
Jaroslav Osmomysl 188
Javorov P. 165
Jazykov A. P. 198
Jazykov D. D. 109 sl., 117
Jazykov N. M. 195
Jazykov P. M. 198
Jeanselme E. 649
Jelenić Jul. 718
Jellinek A. 270
Jellinek H. 77[4]
de Jerphanion G. 644
Jeze Gaston 846
Jireček Konst. 151, 254, 640
Jorga N. 398 sl., 404, 405, 406, 640, 648
Josef I. 286
Josek Otakar viz Božek Jar.
Joung R. F. 416
Jukić J. 68[1]
Jungmann Jos. 58[1], 63
Juričič J. 531, 727
Jurjević B. 280
Juškov S. V. 628—633
Kacarov G. I. 648
Kačenovskij V. 199
Kadlec K. 405
Kagan M. 119—123
Kagarov Je. G. 205, 412
Kaiser Fr. 109 sl.
Kalču, pop ot Drjanovo 262
Kalitinskij A. P. 399
Kallay Ben. 831
Kal'nofojskij A. 204
Kalvin 470
Kamanin I. M. 476, 814—817
Kamburoglu D. G. 408
Kamenický 807
Kančalovskaja P. V. 841
Kanižlić A. 507
Kantemir A. 866
Kantor J. 614
Kantor R. 199
Karadžić Vuk St. 60, 62, 63 sl., 71, 92 sl., 98 sl., 256, 277[1], 514—516, 664, 805
Karaman Matija 293, 294, 297, 298, 300
Karamzin N. M. 195
Karapetrov Panteli 258
Karastojanovič Nikolaj 260
Karcevskij S. 356, 357
Karěev N. I. 208, 628, 815
Karinskij N. M. 797—800
Karlgren A. 215 n.
Karłowicz J. 380, 614
Karnarutić Brno 69
Karskij Je. F. 572, 573, 575—592, 858, 863, 864
Kartašev A. V. 846
Kartykov M. N. 853
Kastelec Matija 507
Kašić B. 66, 69—73, 76, 78—92, 95, 277—279, 293, 295, 512, 740
Kašić-Miošić Andrija 90, 97, 289
Kašin N. 853
Katančić M. P. 83, 96
Katkov M. N. 200, 854
Kazanovič E. P. 195
Karataev J. 194
Karinskij N. M. 188
Kašin N. 107—135, 180, 189
Kazin 176
Keppen P. I. 63, 254
Kidrič Fr. 71, 524, 534, 721[1], 722—726, 728—730
Kieckers E. 415
Kieszkowski J. 616
Kigala M. 201
Kircher Athanasius 283, 512
Kiril Pejčinovič 252, 253, 256 n., 260, 261, 263 n., 825
Kirill Trankvillion 195
Kirilov 653
Klaić V. 718 sl.
Kleinschnitzová F. 664, 804
Kleman M. 408, 410, 411
Klement VIII., papež 72 sl., 75
Klicpera V. 811
Klinger W. 388, 389, 615
Kľučevskij V. O. 204
Kljuev 176
Kłosowski K. 618
Knauthe Ch. 661
Knjažnin V. N. 410
Kočubinskij A. 473
Kogan P. S. 855
Kogen M. O. 204
Koire A. V. 845
Kol'cov A. 103, 166, 178
Kol'cov A. V. 412
Kolessa Al. 654, 803
Kollár Jan 60
Kolman O. 366—378, 416, 594—614
Kolodziejczyk Ed. 172
Komarovič V. 411
Komenský J. A. 416
Kompiš 664
Komulović A. 69, 92
Kondakov N. P. 396, 398, 404, 642 sl., 646, 866

Konecchlumský Vilém Starší 663
Koniáš Jiří 805
Konopacki L. 624
Konstantin Bogrjanorodnyj 407
Konstantin (Cyril) 290, 593, 799
Konstantin Filozof 292
Konsul St. 277[1], 501, 502 sl., 520 sl., 525, 528, 532 sl., 718, 742
Konšina E. N. 189
Kopeckij L. 204—208, 412—414, 655—660, 858—864
Kopernicki I. 384
Kopitar Bart. 58—64, 71, 299, 514—516, 520—523, 726
Köppen P. 254
Koranda 663
Korněeva - Petfulan M. 190—194
Körner J. 172
Korolenko V. 167, 199, 201
Korošec Fr. 514
Korš F. E. 188
Kosmák Václav 809
Kosov F. D. 269
Kostomarov N. J. 204
Kostrenčić I. 505, 527, 718, 721
Košutić R. 357, 613
Kotljarevskij N. A. 339, 801 sl., 865
Kotnik F. 93[3]
Kotošichin 177
Kovačić Fr. 397, 532
Kovalivs'kij A. 197
Kozanovič E. 855
Kozierowski St. 622
Kozłowski L. 624
Koz'min B. P. 200
Kračkovskij I. Ju. 208
Krajačević 509 sl., 735, 737
Kral J. 359
Kraszewski J. I. 386
Kraus Arnošt 664, 804
Krčméry Št. 664
Krejčí Fr. 801
Krek Gr. 423
Krek Janez 514
Krelj S. 530 sl., 727
Krestova (Golubcova) L. V. 189
Kretschmer P. 667
Krivič V. 411
Križanić Jurij 284, 512, 745—762
Krstev-Miroljubov 164
Kršnjavi J. 834
Kruglyj A. O. 858
Krumbacher K. 391
Krupjanskaja V. 188
Krylov I. A. 412
Krzywicki Ludwik 379, 624
Kuba Lud. 811[1]
Kubarev A. M. 339
Kubijowicz W. 385
Kubka Fr. 800 sl.
Kucharski A. 380
Kukuljević I. 289[2], 299, 523, 718, 740
Kul'bakin S. M. 141—145, 412, 563—571, 636, 689, 782—784, 866
Kulibin I. P. 195
Kulišer A. M. 845
Kul'man N. K. 845
Kunić R. 96
Kuncevič G. Z. 196
Künzel-Jizerský R. 653
Kuprin A. 178
Kurbatov A. 756[4]
Kurbskij Andr. M. 177, 196, 472
Kurz J. 414—416, 660—664, 863—865
Kus 835
Kutuzov A. 201
Kutuzov viz Goleniščev-Kutuzov A. A.
Kuzel'a Z. 2
Küzmič Stefan 504
Kuz'min P. A. 196
Kuzmin-Karavaev V. D. 845
Kuzminskaja T. A. 854
Kvitko-Osnov'janenko Gr. F. 315
Kysela Fr. 812
La Chesnais 847
Lamartine A. 824
Lamberg, baron 283
Lambros 396
Lamouche, pluk. 846
Landwogt Johann 173 sl.
Langevin P. 848
Laonikos Chalkocandyles 281, 402
Larin B. 411
Laskaris Mich. 411, 640
Laurent J. 639
Lavrov P. A. 364, 365, 799[2], 858
Lavrov P. L. 196
Lay 181
Lazarević L. K. 366—378, 594—614
Łazarski Z. 616
Lebeďev A. 862
Łega Wł. 203
Léger L. 822—825, 839, 840, 841
Legras J. 843, 847, 849
Leib Bernard 402, 649
Lelevič G. 200, 853
Lelewel 778, 780
Lemke M. K. 196
Leopardi D. 392
Leopold I., císař 286
Lepszy L. 617
Lermontov M. J. 100—106, 178, 195, 197, 409, 662
Leroy-Beaulieu A. 846[1]
Lësik J. 571—592
Leskien A. 71, 175, 222, 662, 679, 734
Lěskov N. S. 178 sl., 411
Lev, císař 403
Lev XIII., papež 299, 301
Levaković R. 65, 81, 290 sl., 293, 294, 300
Lévi S. 848
Levinson A. Ja. 846
Lewtov L. 842
Lheritier Mich. 846
Liewehr Ferd. 209—213
Lichačev N. P. 190, 816[1]
Lilientalowa R. 381, 384
Linhart Ant. 284
Lirondelle A. 654, 842, 847
Lisicin M. M. 410
Ljackij Evg. 801 sl., 848—850
Ljapunov B. 680
Ljaščenko A. I. 195
Ljubić S. 741, 834
Ljubimov S. 200 sl., 409, 410
Ljuvčiev Naum 259
Loesche Georg 722 sl.
Loewe R. 666
Lokar I. 532
Lomnický Šimon 805
Lomonosov M. 177
Lopašić R. 718
Lopatin G. 847
Lorentz F. 383, 621
Lorendzato P. 399
Loserth Joh. 529
Lot F. 650
Löwis of Menar A. 661
Lozinskij G. L. 846, 865
Lubjenski H. 173, 174[1]

Lubyneckyj M. 654
Lucić J. 286
Lučić Hanibal 69
Lukian 162 sl.
Lunačarskij A. B. 854, 855
Luther 77[4], 202, 470
Maas P. 399
Maca I. 855
Mackenzie 260
Macun I. 70
Mahnić A. 301[3]
Mácha K. H. 416, 803 sl., 806, 807, 809, 810, 811
Máchal J. 664, 800
Machar J. 654
Machek V. 415
Maine H. 631
Majewski E. 380
Majkov A. 178
Majkova E. B. 855
Makanec J. 830
Makarij, arcib. novgorodský 189
Maksakov V. V. 197
Maksim Grek 748, 755
Maksimov Vl. 200
Maksimovič M. A. 194
Maksudov C. N. 846
Malczewski 803
Małecki A. 471[1], 497
Malewicz S. 615
Malinowski B. 624
Maliszewski E. 385
Mánes Jos. 811
Manfred v. Drächsler K. F.
Mańkowski A. 621
Manning Clar. Augustus 850—852
Mařák Julius 808
Marc Paul 396
Marcus 62
Marek A. 415
Maretić T. 71, 99, 143
Marinova V. 825
Markovič M. A. 855
Marks M. 383
Marn J. 530
Marquart 766, 778
Martel A. 849
Martin z Krčína 664
Martinovský 810
Martynov I. I. 195
Marulić Marko 69
Masaryk T. G. 508, 518
Maslov S. I. 195, 814 sl.
Maslov V. I. 195
Masudi 769, 771, 773, 776, 777, 778, 779
Maštakov P. L. 412
Matěj z Dvořiště 495[1]
Matković S. I. 80 sl.
Matlakowski K. 616
Matusiak S. 380
Mauder 663
Mazepa J. 476
Mazon A. 357, 654, 840, 841, 843, 844, 847, 848, 849, 864, 865
Meillet A. 1, 141—145, 694, 695, 704, 706, 842, 843, 844, 847, 861
Mej L. 178
Melich J. 137—139, 631
Mendel Gustav 400
Mendras E. 849
Menšík J. 664, 803, 804
Mercati Ioh. 402
Meringer R. 317, 321
Mertz Georg 75[4]
Mesarit Ioann 403
Mesarit Nikolaj 403
Meschinot J. 416
Metoděj 290, 593, 594, 642
Meyer E. A. 240, 241, 242, 244
Meyer K. H. 661, 662
Micalia Jakob 88, 90, 91
Mickiewicz A. 197, 198, 624, 840, 847
Michail Paleolog 403, 646
Michailov Ju. 826
Michajlov A. V. 162, 163, 861, 862
Michajlov viz Šeller-Michajlov A.
Michajlov M. I. 195 sl.
Michajlov P. A. 845
Michajlović St. 827
Michajlovskij St. 164
Michel'son A. M. 845
Michov D. 147
Mijatev K. 646
Mikkola J. J. 660, 662
Miklosich F. 95, 98, 146, 204, 226, 299, 300, 514, 516, 517, 530, 594, 666, 671
Mikulič V. 411
Milčetić J. 293, 295[3]
Miletić B. 234
Miletič L. 264, 662
Milev N. 866
Milinovič 301[1]
Miljukov P. 846
Miller V. F. 190
Miller W. 405, 407
Millet G. 398, 643 sl., 842, 847
Milovec, jezuita 736
Minkov C. 825
Minorskij V. F. 846
Mirhond 773
Mirkin-Gecevič B. S. 845, 846
Miroglio A. 849
Mišev D. 823
Mladenov St. 146—157, 636, 637, 638, 662, 665, 823—826
Močul'skij K. V. 845
Modzalevskij B. L. 105, 195, 408, 411
Modzalevskij V. L. 196
Moisil C. 648
Mokłowski 616
Molendzińska-Wernerowa L. 390
Molière 107, 119—135
Momferratos A. G. 639
de Monembassie Dor. 201
Monnier H. 402, 650, 651
Montelatici G. 641
Morassi 509
Moravcsik J. 408
More T. 758[3]
Moszyński K. 381, 620, 622
Mošin Vlad. 763—781
Mototolescu D. D. 652 sl.
Moysset H. 847
Muka A. 357, 359
Mukaddesi 773
Mukařovský Jan 804
Muñoz A. 398
Muratov N. P. 200
Murav'ev M. N. 189
Murav'ev N. A. 189
Murko M. 65—99, 277—302, 366[2], 395[4], 500—534, 594, 718—744, 801, 805
Murkovič L. 404
Murzakevič N. 254
Murzynowski St. 481, 494
Musnickij I. I. 196
Mušicki L. 58
Mušmov N. A. 648
Mutafčiev P. S. 395[4], 398, 407, 648, 652
Muzička A. V. 197
Mysovskaja A. D. 122
Načov N. 254
Nafanail, mitropolita 259, 265
Náchodský Št. Fr. 664
Nachtigall R. 725
Namysłowski B. 620
Náprstek V. 809
Nazarevskij A. 473, 862
Nebeský V. 663
Nečaeva V. N. 198, 199
Nejedlý Zdeněk 805—813

Nekrasov N. A. 168, 178, 197, 855
Němcová Božena 663, 804, 807
Neofit, mnich z kláštera Němca 259
Neofit Rilski 264, 265
Neruda J. 809
Nestruev S. P. 414
Netzhamer Raym. 397
Neuwirth Jos. 643
Neymarck H. 849
Niederle L. 202 sl., 399, 417, 419, 421, 429, 430, 437, 633—635, 662, 766, 849
Niemcówna St. 379
Niemojewski A. 624
Nikifor, patriarcha 399
Nikiforov A. I. 864
Nikiforovskij N. J. 549, 553
Nikitin I. 178
Nikolaev A. S. 198, 199
Nikolaev N. I. 134 sl.
Nikolov Chr. K. Sičan 265
Nikol'skij N. K. 195, 858
Nikov P. 639 sl.
Nitsch K. 384
Noha M. 415, 805
Nol'de B. E. 845
Nopcsa Fr. 625—628
Novák Arne 508, 806
Novak Jos. 298
Novaković St. 65, 827
Novikov N. J. 195
Oblak V. 726
Obnorskij S. P. 560, 859
Obručev S. 853
Odinec D. M. 845
Odoevskij A. I. 410
Odoevskij A. I. 410
Odoevskij V. F. 410
Oeconomos L. 649
Ogarev N. P. 199, 409, 854
Ohijenko I. 476³, 480
Oksman J. G. 200
Okunev N. L. 398, 644
Ol'denburg S. F. 194, 654, 858
Ol'gin V. 199
Olisov V. P. 200
Olšavskij Michail M., biskup 802
Orbini Mauro 82, 281
Origenes 163
Orlando A. K. 646
Orlov A. S. 187
Ossendowski F. 625
d'Osson 710, 778
Ostrogorskij G. A. 395⁴, 398, 402¹, 853
Ostrovskij A. N. 107 až 135, 178, 179 sl., 189, 195, 658
Ostrožskij Konst. 472
Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. 573, 586, 591
Pachenecker 740
Pajsij 250, 253, 825
Palacký Fr. 59, 63, 638, 663, 807, 808
Palmieri Aur. 856 sl.
Palmotić 87, 90 sl., 297
Panaev I. I. 410
Panzer Georg W. 202
Papahagi P. 252
Paparrigopulo 650
Parczewska M. 383
Parczewski A. 173
Parczewski M. 173
Parčić Dragutin 299
Parchomenko V. 767, 859
Pascu G. 146
Pastelij Ioann 803
Pastor L. 506
Pastrić Ivan 293
Pastrić Jerko 282 sl.
Pastrnek Fr. 160, 161, 162—164, 593 sl.
Páta Jos. 170—174, 359, 416, 636—638, 653 sl., 802
Patouillet Jul. 842
Paturini G. 651
Paul K. 58—64, 366—378, 415, 416, 594—614, 664, 801, 866
Paulová M. 640
Pavel V., papež 80
Pavlov-Sil'vanskij I. 628, 756⁴
Pavlović M. 141
Pawlik S. 622
Pedersen H. 452, 689
Pekař Jos. 808
Pellican 503
Pelliot P. 848
Penev B. 253, 824
Penížek Jos. 800
Pereselenkov S. A. 196, 409
Peresvětov Jos. 755, 757, 758, 759
Peretc V. I. 860, 861, 864
Peretc V. N. 195, 267 až 276
Pereverzev V. F. 199, 852, 856
Pergošić I. 737, 739
Persson P. 414, 673
Pervan I. P. 180
Peškovskij A. M. 573
Peterson N. M. 350—357, 573
Petíra S. 203, 415
Petković V. 398, 404
Petretić, biskup 735, 737
Petrov A. L. 175—179, 190, 194
Petrov A. V. 196
Petrov D. K. 858
Petrov M. 480
Petrov N. I. 204
Petrović Petar Z. 828
Petrovskij N. M. 58—60, 258, 414, 660, 858
Petrus z Baru (Antiv ri), arcibiskup 83
Pětuchov E. V. 195
Piasecki E. 390
Picek V. 807
Pičeta V. I. 197
Piganiol A. 650
Pierre André 846
Piksanov N. K. 198, 853, 855
Pilenko A. A. 845
Pil'njak 176
Piłsudski Bronisław 380
Pinon L. 847
Piperov P. G. 265
Piprek J. 417, 419, 422, 429, 430
Pisarev D. I. 200, 855
Pisareva V. D. 200
Piskorskij V. K. 813
Pivko Lj. 533
Pjech J. B. 171
Plākis G. 865
Platon G. 402, 651
Platonov S. F. 858
Plavil'ščikov 108 sl.
Plechanov G. 758³, 759⁵
Pleteršnik M. 531
Plevak M. 197
Plotnikova Z. K. 658
Pobědonoscev K. P. 198 sl.
Podlaha Ant. 664
Pogodin M. P. 199, 339 až 341
Pogonowski J. 380, 664, 801
Pogorělov V. 158—162, 250, 255—266, 348, 654, 662
Poincaré R. 844
Pokrovskaja E. 408
Pokrovskij F. I. 196
Pokrovskij M. N. 197, 813

Pol Wincenty 379
Polavský 812
Polevoj N. A. 628
Poležaev 189
Polivanov Je. 454, 660
Polívka J. 362, 453, 636, 805, 820—822
Polonskaja N. 767
Polonskij J. P. 178, 201
Polonskij V. P. 197, 199, 853—856
Polović Iv. 533
Polunosov-Jarusov A. S. 187, 189
Poniatowski St. 381, 389, 623, 625
Popov N. P. 862
Popov R. 648
Popovič Dimitrij Mich. 262
Popovič Georgij D. 262
Popović Jov. St. 826
Popović Pavle 71, 512
Popovič Rajna 258
Popruženko M. G. 823, 825
Porzeziński W. 355, 858
Posilović Pav. 289
Posoškov I. 745—762
Potapov P. 365
Potebnja A. 102, 196 sl., 591
Potkański K. 379, 382, 383, 385, 386
Pravda Fr. 808
Pražák Albert 62, 803 sl.
Pražák V. 664
Prelog M. 416
Preobraženskij A. 204, 670
Preradović P. 512
Prěs jakov A. E. 813, 858
Prijatelj Iv. 532, 722
Priselkov M. D. 858
Prohaska Dr. 801
Procházka Fr. F. 663 sl.
Prochnickaja 840
Protič A. 398, 647, 648
Prusík F. 451, 452
Prussak A. V. 862
Psellos M. 402, 641, 649
Pundev V. 167[1]
Puškin A. S. 105, 177 sl., 189, 195, 410, 801 sl., 842[3], 845, 849, 852, 853
Puškin B. 199
Puškin L. S. 105
Puškin V. L. 105
Pypin A. 171
Quénet C. 849
Racine 134, 339
Rački 299
Radet G. 651
Radiščev A. N. 189, 195
Raevskij E. P. 200
Raevskij I. I. 200
Rahlfs A. 161, 162, 799[1]
Ralli K. M. 649
Ramovš F. 140, 215, 725 až 727
Rastorguev P. A. 858
Ratkaj, baron 280
Ravnikar 63
Rayski Kietlicz 617, 619
Réau L. 646 sl., 847, 849
Red'ko A. E. 850, 851
Regling Kurt 648
Rej z Nagłowic 434
Reljković A. M. 88[1], 90
Remizov 179
Remizova Dovgello S. P. 846
Renauld Ém. 402, 641
Resti Junius 96
Rešetar M. 90, 95, 141, 219, 220, 222, 232, 679, 684, 685
Rěšetnikov F. M. 201
Retšer F. 189
Riceputi F. 286
Rippl E. 415, 416
Robert C. 824, 840
Rogerius, kapucín 506 sl.
Rokycana Jan 663
Romanov B. A. 631
Romanski St. 146, 150n. 252, 638
Ros Václ. 664
Rosa Stjepan 295, 512
Rosenmüller K. 664
Rossolenz 728
Ibn Rosteh 773, 774
Rostovcev M. I. 398, 399, 634
Rouët de Journel P. J. 847
Rousselot P. 414
Rozanov I. N. 189
Rozengejm P. M. 198
Rozenkranc I. 100—106
Rozov Vl. 359—365
Rozwadowski J. 1, 10, 24, 140, 359
Rubeš F. J. 806, 807, 809, 810, 811[1], 812
Rusko Kristoforović 228 až 231
Rutkowski J. 385, 845
Ružičić G. 214—232, 366
Rvačovský 805
Rydberg Vikt. 804
Ryšánek F. 415, 803
Ržiga V. F. 187—189
Sabina K. 812
Sakulin P. N. 852, 855, 858
Saladin H. 404
Salomon C. 849
Saltykov-Ščedrin M. E. 199, 200
Samurkaš Georgi 259
Sandbach E. 662
Sandfeld Jensen 147
de Sanglen Jakov 195
Saphir M. G. 810
Sapieha Al. 380
Sarafov M. 826
Saturník Th. 652, 664
Sauer J. 397
Savel'ev 778
Savickij P. 856 sl.
Sedel'nikov A. D. 187—190
Sedláček A. 209, 663
Sejfert Jar. 855
Seklucjan 479, 481, 494
Seliščev A. 164—170, 250—266, 862, 865
Selivanov Kondratij 196
Semevskij V. I. 196
Semkowicz Wł. 619 sl., 621
Serebrjakov I. I. 408[2]
Sertić Zd. 835, 836
Seweryn T. 618 sl., 621, 623
Schechter S. 771 sl., 778
Schiller 339—341
Schloezer 60
Schlumberger M. G. 396 sl., 407, 645
Schmid H. 642, 722[1]
Schmidbauer F. 662
Schmidt K. F. 174
Schnurrer Chr. Fr. 502, 519 sl., 522 sl., 723
Schnetz J. 661, 662
Schönebaum H. 640
Schubart W. 639
Schultz V. 397
Schwab E. 662
Schwarz E. 137—139
Sictor z Rokycan J. 416
Sič Albert 182—186
Sičan Nikolov K. 265
Sienkiewicz K. 847
Sieroszewski W. 380
Siess 497
Sievers E. 557—563
Silberstein L. 203
Silvia En. 663
Simonič Frant. 740
Sipovskij V. V. 410
Sirotinin A. 859
Skála ze Zhoře Pavel 664
Skarga P. 472, 498
Skok P. 149, 150, 864 n.

Skovoroda G. S. 197
Slabý F. 416
Sládkovič A. 804
Slavejkov Penčo 164 sl., 167, 825
Slomšek Ant. M. 530
Słoński St. 348—350, 415, 782—784
Smal-Stockyj R. 1—57
Smal-Stockyj S. 139—141, 196 sl.
Smetana Bedř. 804—813
Smirnov A. A. 411
Smirnov A. M. 188, 856
Smirnov I. M. 414
Smirnova A. O. 196
Smolej J. E. 171
Smolík Jan Ben. 664
Smotrickij Meletij 295
Sobolevskij A. I. 208, 260, 340, 365 sl., 414, 439 až 455, 679, 681, 682, 683, 796, 859 n., 861, 864
Soden 159 sl.
Sofronij Vračanski 250 n., 259 n., 261, 824
Sochaniewicz K. 387
Sokolov 859, 864
Sokolov B. M. 187, 190
Sokołowski M. 616
Sommervogel C. 740
Sosnowski K. 382
Sotiriu G. A. 398, 399, 645 sl.
Souček St. 803
Souvestre Em. 109—117
Sova M. 843
Sović M. 293 sl., 296 sl.
Spasovič V. 100, 171
Speranskij M. N. 190, 858, 860 n.
Spěšnev N. A. 854
Spicyn A. A. 540
Sporck F. A. 416
Sprenger 778
Springer A. 643
Sremac 366
Sreznevskij I. I. 254, 257, 299, 811
Sreznevskij V. I. 194, 410, 411, 858
Stählin K. 203
Staniewicz W. 383
Stanimirov S. 825
Stanojević St. 640
Starčević A. 517
Starčević Š. 88[1]
Stay (Stojković) Benedikt 96
Stecki K. 385, 616, 620
Stein E. 407, 650
Steklasa Iv. 532
Stender-Petersen A. 662, 665—676
Stern L. 195
Sternberk J. 664
Stoilov A. P. 825
Stojanov K. 824, 826
Stojanov V. 262
Stojanović Lj. 349, 517 sl., 558, 563, 564, 565, 664
Stojkovič M. 72, 87, 277, 279
Stokłos J. 621
Stolov Nik. 198
Stolpjanskij P. N. 196
Stránská D. 181—186, 825—839
Strašimirov A. 165
Streitberg W. 415
Strejček Ferd. 805
Střeleckaja E. S. 842
Stroev V. N. 204
Strossmayer J. J., biskup 299, 505, 518
Struve P. B. 845
Strzygowski Jos. 643
Stulli 92, 285, 286
Suchý K. 415, 662
Sumcov M. 196 sl.
Surikiv Iv. 178
Surowiecki 801
Svatikov S. G. 846
Světlá K. 809
Svetokriški Janez 506
Svistunov P. N. 200
Symeon, car bulharský 505
Symond John A. 512
Syroečkovskij B. 200
Szarffenberger 471[1], 479, 481
Szyjkowski Mar. 802
Šafařík P. J. 58—64, 158, 219, 221, 291, 293, 295, 299, 416, 515, 522 sl., 665, 741, 801
Šachmatov A. A. 140, 175, 194, 356, 357, 411, 412, 573, 689, 706, 716, 717, 766 sl., 784—797, 858 n., 860
Šalikov P. 105
Šaljapin F. 809
Šambinago S. K. 188, 190
Šamraj A. 197
Šamšalovič 721
Šapkarev 166[1]
Ibn Šaprut 771
Šarapov S. F. 201
Šarov N. V. 189
Ščedrin v. Saltykov-Ščedrin M. E.
Ščeglov 767
Ščeglova S. 862
Ščepkin V. N. 357, 637, 816[1], 858
Ščerba L. V. 858
Ščerbatov M. M. 203
Ščogolev Ja. 197
Šebesta E. 663
Šelgunov L. P. 195
Šelgunov N. V. 195 sl.
Šeller-Michajlov A. 199
Šenšin A. A. viz Fet A. A.
Šestakov S. P. 391 sl.
Šestov L. I. 846
Ševčenko T. 197, 802
Šimek F. 414 n.
Šindelář K. 809
Šišić F. 719
Šišmanov I. D. 823 n.
Škarić Ivan M. 84
Škrabec S. 530
Škorpil K. 648
Škrdle Fr. 663
Škroup Frant. 808
Šljapkin I. A. 175, 195, 208
Šmid W. 756
Šmilovský A. V. 415
Šmurlo E. 296
Šopov I. 254, 260
Šrepel M. 70, 78
Štěpánek J. N. 809, 811, 812
Štítný T. 803
Štrekelj K. 93[3]
Šwela B. 357—359, 857
Táborský Fr. 647
Tafrali O. 645
Talko-Hryncewicz J. 382, 384
Tanzlinger-Zanotti Ivan 288
Taranušenko 197
Tarasov E. I. 196
Tarnovskij Vas. Vas. 196
Taszycki W. 136—139, 170—174, 357 až 359, 662, 857
Tatić Ž. 404
Teffi 178
Temlin Ferencz 504[5]
Teodorov Balan A. 254, 262, 266, 637, 825
Teodosij Sinaitski 825
Teodosij Trnovski 825
Teplouchov A. 539
Terlecki Methodius, biskup 291, 293

Tesnière L. 843
Thám K. 811
Theophanes 770
Thietmar Merseburský 632
Tiapiński 473
Tiffernus Mich. 502
Tichovs'kij P. 197
Tichý Fr. 803
Tille V. 805, 865
Titelbach 181
Tjutčev F. 189, 199, 339, 456 sl.
Tkačenko Iv. 197
Tkalčić I. 299
Tkalčić Vl. 835
Todorov P. 165
Toll' N. P. 399
Tolstaja S. A. 854
Tolstoj Aleksěj 178, 198
Tolstoj L. N. 177, 178, 195, 196, 198, 200 sl., 410, 411, 845, 849, 853, 854
Tomaševskij B. 410, 411
Tončić K. 839
le Tourneau M. 404
Tračov Koce 252 sl.
Trautmann R. 79?
Trávníček F. 412, 415, 805
Tripković Anton 297
Trojanović Sima 826, 827, 830
Trubar Pr. 500—504, 520, 521 sl., 525—527, 530 až 534, 724, 727 sl., 731, 733, 743
Trubeckoj Al. 340
Trubeckoj N. 661, 865
Truhelka Ćiro 67[8], 830 sl.
Truhlář J. 203
Tunickij N. L. 414, 861, 862
Tureček Václ. 664
Turgenev Al. Iv. 339
Turgenev I. S. 167, 178, 179, 198, 199, 322, 408, 410, 411, 840, 847, 849, 852, 865
Turgenev N. N. 408[2]
Turgenev S. N. 410
Turgeneva V. P. 410
Turchi N. 406
Tuwim J. 387
Tyl Jos. K. 806, 807, 809, 810, 812
Tyrš Mir. 809
Udziela S. 382, 616, 618, 621
Uhland 503
Uhlenbeck C. C. 666, 670
Ungnad Hans 501, 502, 505, 520, 525, 527, 742
Urban VIII., papež 83
Urbánek 663
Uroš Simeon 401
Usov P. S. 201
Uspenskij F. I. 633
Uspenskij K. I. 633
Uspenskij N. V. 178, 408[2]
Usta-Genčov D. 826
Ušakov D. N. 342—347, 858
Václavek Bedř. 804
Vaillant A. 141—145, 841
Vajs Jos. 158—164, 301, 797—800
Val'denberg V. 745—762
Valtrović Mich. 827
Valvasor 728
Ibn el-Vardij 765, 766, 768
Vári R. 403
Varneke B. V. 108, 110, 117, 133 sl., 179 sl., 339—341, 658
Vasić M. 398
Vasil'ev A. A. 405, 633
Vasmer M. 1, 5, 6, 10, 25, 30, 415, 557, 641
Vašák Jos. 811[1]
Vazov Iv. 164 sl.
Velamin Rutski, mitrop. 292
Veličkov K. 164
Vengerov S. A. 129 sl.
Verantius v. Vrančić F.
Vergerius P. P. 501, 502, 520, 525
Verković S. 824
Verlaine P. 105
Vernadskij G. 195, 395 až 408, 639—653
Veselinović 366
Veselovskij Al. Nik. 130
Veselovskij Jur. 123
Vestberg 767, 778
Vetuchov O. 19?
Vidic Fr. 531
Vilinskij S. 802
Villers 649
Vinogradov N. N. 204 n.
Vinogradov V. V. 410, 411, 655, 658—660, 858
Višnjak M. V. 845
Vitelleschi Mutio 85
Vitezović Ritter Pavel 286
Vjazemskij P. A. 198, 410
Vladimir Monomach 177
Vladislavov Stojko v. Sofronij Vračanskij
Vlček Jar. 507
Voborník Jan 805
Vocel J. E. 415, 808
Vodnik Br. 736[5], 801
Vodnik V. 284
Vogt A. 405
de Vogüé Melchior 849
Volf J. 479[1], 663, 664, 805
Volk-Levonovič I. 571 až 592
Volkonskaja Z. A. 198
Volkov R. M. 180 sl.
Volockij Josif 748
Voltiggi 88[1], 284 sl.
Vondrák V. 161, 216, 415, 558, 673, 677, 679, 681, 866
Voskresenskij G. 477 sl.
Vossler K. 661
Voznjak M. 480
Vramec Ant. 733—735, 737 sl.
Vrančić F. 69, 89, 278
Vurnik dr. 837[1]
Vydra Boh. 805
Vyšenskij Ivan 472
Wackernagel J. 682
Waitz G. 632, 633
Walde A. 415
Walis Ł. 615
Warchałowski J. 616, 617
Warmiński 481, 494
Wasylewic Michał 473, 474, 481, 498
Wawrzeniecki M. 616
Weigand E. 397
Weigand G. 346
Weingart Miloš 136—139, 359—365, 641 sl., 654, 664
Wenger L. 399
v. Wijk N. 139—141, 205, 348—350, 453, 557—563, 656, 660, 661, 677
Wiklef 470
Wilpert Jos. 404
Witkiewicz K. 618 sl.
Wollman Fr. 800—805
Wujek 471[1]
Wulff O. 643
Zabělin I. 414
Zagorskij S. O. 845
Zagoskin M. N. 410
Zaguljaeva F. A. 411
Zajcev K. I. 178, 845
Zamanja B. 96
Zamjatin 176
Zap K. V. 663, 812
Zasławski Kuźma 474
Zatočnik Daniil v. Daniil Zatočnik
Zborowski J. 385, 621, 622, 623

Zega N. 827, 828
Zeiller J. 397
Zelenin Dm. 303—338, 535—556
Zelenka Mir. 803, 805—813
Zervos Chr. 649
Zeyer Jul. 663, 805
Zíbrt Č. 306, 321
Zilberštein I. S. 180
Zimmermann, vídeňský prof. 800
Zlatarski V. N. 258, 260, 398, 639, 649, 826
Zlatovratskij N. 178
Zmajević Matija 293
Zmajević V. 294, 297, 298
Zois Žiga 521
Zolotovič L. 823
Zoranić Petar 69, 280
Zrinska Katharina 736
Zrinski Georg 736
Zrinski Nikola 736
Zschorn Joh. 202
Zubatý J. 656
Zubrzycki J. S. 616
Žebelev S. A. 399
Želechovśkyj Je. 2
Žinzifov R. 166, 167 sl.
Žirmunskij M. A. 846
Žirmunskij V. 410, 853
Žiteckij P. 475 sl., 478, 492, 498 sl.
Žižka Jan 663
Žukovskij V. A. 105, 195, 198, 339, 392
Župančić Oton 804
Županić Niko 837[1]
Žurman I. V. 196
Žurman V. M. 196

Rejstřík věcný.

Abarka, město 765, 768, 774, 775

abecedy slovanské, vzájemný poměr 799 sl.; u Jihoslovanů 65—68; viz cyrilice, hlaholice.

Academia linguae Illyricae 73, 76 sl.

adjektivum, užívání jmenných a slož. forem v st.-ruš. 204; — v. též deklinace

advar-amulet 201

akcent: chronologie zákona Fortunatovova-de Saussurova 714, 715; — Pedersenův zákon o pošinování akcentu s cirkumfl. slabiky přes jednu slabiku na akut. ve slovanš. 689; pošinování akc. na praeposici 692; pošinování akc. s cirkumfl. slabiky k začátku slova 694 n., 697 n., 701 n.; metatonie 695—717 (u slož. adjektiv 697—700, 701—704, 705—707, 711 n.; u komposit typu *dьnьsь* 700, 704, 706, 707; v nom. pl. neutr. subst. 708 n.; u subst. na *-ьje* 709; u subst. typu čak. *súša* 709 n.; v gen. pl. 710 n., u sloves 712 n.); — sev.-kašubs. 862 n.; — rus. 662; u typu *родила́, родился́* 205

Akt o Sarpidě 860

Albanie: materiální kultura 625—628

Aleksěj, Žitije Alekséja v starorus. liter. 414, 861 n.

Alexius, stpols. píseň 662

allíterace u Ťutčeva 456—469

Arfa (Rafa), místo 765, 774 sl., 775

archeologie: látka 194; kultura lužická 202 sl.; jižního Ruska 633—635; ukrajinská 634 sl.; byzantská 642 sl.

Archiv für slav. Philologie XXXIX. 660—662

Artanije a pod., ruské plémě 764—769, 773—776, 780

assonance u Ťutčeva 456—469

azbuky-propisy 208

Balatri Filippo, zprávy o Rusku 661

balkánské jazyky, společné rysy 865; v. též člen

baltskoslovanská jednota 864

„Bědnosť ne porok“ A. N. Ostrovského 107—122.

Beraria ruské plémě 765, 768[1]

bibliografie bulharských knih 653 sl., etnografie 379, Černé Hory 817—819

Braševskoe Evangelie 190—194

Bulhaři: dějiny 639, umění doby staré 647 sl.; tradiční poesie 169 sl.; literatura od 2. pol. XVIII. st. 164—168, ruské vlivy 166—168; knihy doby obrozenské 250—260; numismatika a sigillografie 648, exarch. škola v Drinopoli 825; Makedonie a Bulharsko 825; polsko-bulh. styky 825

bulharský jazyk: staré tisky a jejich jazyk 250—266; stbulh. verš 660; hranice mezi západ. a východ. dial. 661; maked. dial. 824 n.; pravopis 865; neologismy u P. Slavejkova 825; rumuns. vliv 146—157

byliny: o Sadku 187, o Suchmanovi Odichmantěviči 849 sl.

byzantologie 392, 395—408, 639—653, 842

cikáni 384

církevně-slovanský jazyk: Słońského chrestomathie 782—784; rozdíl mezi překladem evangelistáře a tetraevangelia 677; staroslovanský překlad evangelní, vliv latinský 158—162; překlad knihy Rut 162—164; jazyk církevní 470 sl., v Dalmácii 593 sl.; jeho rusifikace u Chorvatů 291 sl.

cyrilice 65—68, 510[5], 663, 797—800

Časopis Národního Musea 663—664

Časopis pro moder. filologii a literatury XII. 415

Čechy: „O múdrosti“ traktát Štítného 803; tak zvané „Menší zrcadlo člověka hřiešného“ m. Jana Husi 803; doba Žižkova 663; censura osvícenská 663 sl.; historie písně „Horo, horo, vysoká jsi“ 810 sl.; styky česko-polské 802, 803, 805; organisace Stálců 663; B. Smetana 805—813; divadlo 807 sl., 811 sl.

československý jazyk, nejst. modlitebníky 416; jazyk A. V. Šmilovského 415; doplňky ke Gebauerovu slovníku a mluvnici 415; slova utvořená A. Markem 415; příspěvky k etymolog. slovníku 415; české vlivy v Peresopnickém evangeliu 475, 478—80, 481—96, 498; kvantita 805

чиститель 364
člen v balkáns. jazycích 147, 148, 155
Čudo sv. Nikolaja 860
deklinace: ř e c. instr. na *-φι* 453; — l i t e v. lok. pl. na *-sa* 662; — s l o v. gen. sg. *ā*-kmenů 662; dial. instr. sg. *ā*-kmenů na *-ovь* 453; gen. sg. *-go* 658; — c s l o v. dat. pl. na *-ěmъ* 566; lok. pl. konson. kmenů na *-ěchъ* 566; dat. sg. slož. adjektiv 569; — klassifikace s c h r v. substantiv 143; gen. pl. 214—239; — č e s. nom. sg. *svatvy* (*ū*-km.) a pod. 415; slovens. instr. sg. na *-om* 415; slovens. konc. nom. sg. neutr. slož. adj. *-ó* 415; — r u s. nom. pl. *o*-kmenů 795; gen. pl. u subst. 794 n.; subst. mask. s nom. pl. na *-ьja* 782
dekomposice mylná 661
etnografie: v Polsku: bibliografie 379, historie 379 sl., časopisy a sborníky 380—382, monografie a sbírky pramenů 382—384, etnické skupiny a hranice 384 sl., hospodářství 385 sl., pověry 386 sl., obřady, zvyky a zábavy 388—390, divadlo lidové 615, umění 616—619, hudba lidová 619, znaky 619 sl., kultura materiální 620 sl., práce na hranici filologie 621 sl., organisace práce etnografické 622 sl., metodologie 623; materialní kultura: Albánců 625—628, Jihoslovanů 829, 833, 837, 838, ruská 817—819; jihoslovanská národopisná musea, viz musea; manželství, svatba a pod. u starých Slovanů 417—438; Rakonaši v Kraňsku 656; rus. národ. obyčeje 412; viz též folklor.
Evangelium z r. 1575 v Novhorodě 195
feodalismus 628—633, 813 sl.
folklor: epická píseň ruská 187; byliny o Sadku 187; píseň polská 614 sl.; píseň „Jakšiči zkoušejí ženy" 805; častušky ruské 187 sl., 856; pohádky 180 sl., 187; zagovory 187; betlem v Bělorusku 615
Frisinské zlomky 557—560
Geschichte der slawischen Sprache und Literatur P. J. Šafaříka 58—64, 801
gusle u jižních Slovanů a Albánců 626
heraldika polská 619 sl.
hlaholice 65—67, 594, 663, 798—800, hlaholská literatura chrvatská 290-302
hláskosloví: transkripce ruské literární výslovnosti 342—347
illyrský, dalmatinský a slovinský, vývoj pojmů 279—290
„illyrský" jazyk 71, 77—79, 84—88, 95—97
Imperat. Mosk. Archeol. Obščestvo (1863—1914) 414
Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris 843—846
intonace vokálů v němč. 240—242; v češt. a srbšt. 233—240; vliv konsonantů na intonaci vokálů 242—249
Izvěstija Otdělenija rus. jaz. i slovesnosti XXIII—XXVII. 204—208, 412—414, 655—660, 858—864
Jihoslované: bibliografie Černé Hory 817—819; abecedy v době protireformační 65—68; latinka pro církevní knihy chrvatské 301; tisk hlaholských knih v Římě 290—295 a hlaholská literatura vůbec 295—306; mluvnice 69—71, 73; jazyk spisovný: dějiny 99, v době protireformace 68—71, 78 sl., 84—88, 95—97, míchanina před V. Karadžičem 295—299, názvy pro společný jazyk 277—290; činnost jezuitů 510—512; B. Kašić 72—82; přehled dosavadní literatury o jihoslov. reformaci a protireformaci 519—534; vztahy mezi rus. a jihoslov. lit. 860; viz výšivky a musea
Jména kmenů podle jejich charakteristických slov 92—94
Kerbaja, město 765, 766, 769, 774, 775
Kijevské listy 557—560
Kniha Rut v překladě staroslovanském 162—164
komposita, typ *dьnьsь* 678—717; typ *sinokti* 682 n.
konjugace: reflex. slovesa 356; — zánik infinitivu v b a l k á n s. jazycích 147; — imperat. typu csl. *daždь* 454, 660, 662; — klassifikace s c h r v. sloves 144 n.; — č e s. dial. *řivat, řívat* 415; — akcent u typu r u s. *родила́, родился́* 205; — v. též p e r f e k t u m, p e r i f r a s t. t v a r y
konsonantismus: s l o v. *ch* < *s* 864; — *-sk* před palat. vok. ve s l o v i n š t. 662; — *g* > *h* v č e š t. 662; — výslovnost r u s. labiál 865
Kosmas kronikář 425
kožichy lidové slovinské 185
kraslice slovinské 184 sl.
Krasnyj Archiv 197—201
Krkbân a pod., ruské plémě 766, 769
kroje jižních Slovanů 828 sl., 832, 835, 838
kroniky: Georgia Hamartola 188, 641 sl., redakce srbská 359—363, ruská 363—365; Simeona Logotheta 361; Konst. Manassia 362, 641, Zonary 365
kvantita: p s l o v. krácení 558; — kvantita č e s. vokálů před pslov. akcentem 412
legendy: o Abgarovi v rumunské literatuře 201 sl.; o sv. Marii Egyptské v písních 614; cyrilo-metodějské 593; o Mich. Potykovi 865

letopis Ipat'evský 188
Letovnik 359—363
lidové umění Slovinců 182—186
lingua slavonica, boëmo-slavica 415
Listy filologické LII. 414 n.
Literaturnaja Mysl'. Al'manach 408—411
Litva: musulmanské osady 384, mythologie 387
lotyšský jazyk: stř. a hor.-lotyš. dial. 865
Lud, časopis polský 380
Ludzani, plémě 776—780
Lužice: studia literární 170—174; slovins. protest. tisky u Luž. Srbů 661
lužicko-srbský jazyk: mluvnice Šwelova 357—359, 857; poměr hor. luž. k dol. 358
Marianus 412
metoda: zvláštní při badání o ruských pohádkách 180 sl.; badání etnografického 303 sl.; metodologie dějin literatury 197 a etnologie 623 sl.
Miroslavovo evangelium 563—571
místní názvy na *-sna* 208; slov. míst. jména z maďars. osob. jmen 661
„Molenie" Daniila Zatočnika 195
morfologie: klassifikace materiálu 355 n., 767 n.; morfol. kategorie 788—790; funkce forem 356; pluralia tantum 790 n.; duál v srbštině 223 n.; — viz d e k l i n a c e, k o n j u g a c e
musea: Etnografski muzej u Beogradu 826—830; Zemaljski muzej za Bosnu i Hercegovinu u Sarajevu, zvláště jeho národopisné sbírky 830—833; Etnografski odio Hrvatskog muzeja u Zagrebu 833—837; národopisné museum v Lublani 837—839
musulmanské osady v Litvě 384
mythologie ruská 205, polská 386 sl., litevská 387
Nestor kronikář 420—423, 425, 661, 863 n.
Němci v Polsku 384
numerale: počítání na devítky 451 n.; — 5—9 v b a l t s k o s l o v. jaz. 864; — rus. *девяносто* 451—453
Obščestvo istorii literatury v Moskvě 187—190
ornament: jihoslovanských výšivek 182—184, kraslic 184 sl., kožichů 185, malovaného nábytku 185, ruských „sorok" 337
ozdoba ženské hlavy u východních Slovanů: metoda badání 303 sl., účes a ozdoba dívek 304—312, účes vdaných žen 312—318, namětka (ubrus) 318—320, 329, 330, rohatá ozdoba (kička) 320—326, 540, 548, kibalka 326—329, soroka 329—338, kokošnik 535—542, pozatyleň 542—544, povojnik-očipok (čepec) 545—549, šapki 549—553, povjazka a nakolka 553 sl., vznik a vývoj 555 sl.; u Jihoslovanů 832
paleografie 190—194, 195, 404 sl., 642, význam diakritických znamének 363, cyrilské písmo XI. st. 797—800, filigrány na papíře jiho-ruských dokumentů XVI.—XVII. st. 814—817
paterik v csl. literat. 414
Pečať i revoljucija, časopis 852—856
Peresopnické evangelium 473—499
perfektum v jaz. slov. 348—350
perifrastické tvary v jaz. slovanských 350
Písmo svaté: překlady do různých jazyků 83, 470 sl.
písně, viz folklor
pohádky, viz folklor
Polsko: polsko-bulh. styky 826
pokritka 305
Poláci: etnografické práce 378—390, 614—625; jména osobní 622, terminologie topografická 621 sl., styky česko-polské 802, 803, 805; Kašubové 382, 383, 614, 621
polský jazyk: vlivy v Peresopnickém evangeliu 475 sl., 478—498
pověsti o Bově-korolevičě 188
praeposice a praeverbia; *jьz* 354; *po* 354; *za* 354
pronomen: s l o v. *sь* 681 n.; *-go* v gen. sg. 658; — rus. *ея, ее* 412
proroci v csl. překladě 414
Raf, Refa, viz Arfa
Rakonaši 656
řecký jazyk 640 sl.
Revue des études slaves V. 864—866
říční názvy rakouské na *-ing* 661
Rosofar 194
rukopisy Národního musea, soupis 203
Rumuni 640
Rusové: archeologie 633—635; jméno Rus' 763; Rus' u moře Azovského 194 a u moře Černého 764 sl.; otázky o původu starých ruských kmenů 763—781; původ slov Rossija a russkij 849; dějiny 203; feodalism 628—633, 813 sl.; židovská kolonisace v jižním Rusku 769—772; polsko-ruská hranice etnografická 385; l i t e r a t u r a: metodologie 197, dějiny ruské liter. od prof. A. Bonkáló 175—179, doba stará: 188 sl., 194, židovské vlivy 267—276, památky z XI. st. 797 sl., myšlenka pravdy 749—759, doba nová: „Boris Godunov" Puškina 189, vliv Gogola na Ostrovského 189, vlivy Sterna 195, vliv Dostojevského na L. Andreeva 850—852, vliv v Bulharsku 166—168; vliv v hlaholské literatuře hrvatské

291—298; počátky literatury běloruské 383; židé v tradiční poesii ruské 615; pohádky 180 sl., folklor vůbec 187 sl.; umění doby staré 646 sl.; otázka národní 760 sl.; inteligence a lid 176; ozdoba ženské hlavy 303—338, 535—556; zprávy o Rusku Fil. Balatriho 661; počátky rus. letopisectví 860, 863; vztahy mezi rus. a jihoslov. liter. 860 n.
ruský jazyk: gramatika Petersonova 355—357; Šachmatovova gramat. spisovné ruštiny 784—797; syntax Petersonova 350—355; klassifikace vel.-rus. dial. 412; csl. a jihoslov. elementy ve vel.-rus. spis. jazyce 785 n.; srbismy v rus. rukopisech XI. stol. 569—571; st.-rus. verš 862; rus. spisov. výslovnost 342—347; — poměr malorušt. k velkorušt. 140 n.; malorušt. v Bernekerově etymolickém slovníku 1—57; — Lěsikova bělorus. syntax 571—592; Peresopnické evangelium 473—499
Savina kniga 559 n.
Sborník prací věnovaných profesoru dru Janu Máchalovi 800—805
Selavia a pod., ruské plémě 765, 772 sl., 775
semasiologie: ‚němý‘: ‚koktati‘ 662; ‚eben‘: ‚leise‘ 662; slov. názvy pro ‚les‘ 660; slov. jména dní 864 n.; slovník volžských soudních terminů 414
„Skazka o načale Moskvy“ 188
slavistika ve Francii vůbec 839 sl., stolice 840—843, ústavy 843—847, revue a knihovny 847, společnosti 848
Slované v předhist. době 412
slovanská liturgie v Dalmácii 594
slovanské jazyky: vzájemný poměr 139—141; slov. prajazyk 864; jména dní 864 n.
Slovinci: románské vlivy v době protireformační 508 sl., pravopis 727 sl., lidové umění 182—186
„Slovo o dvěnadcati snach carja Šachaiši“ 194
Slovo o polku Igorevě 188, 412
sociálně-hospodářská podstata tvorby Ostrovského 179
Sofijská Národní knihovna 653
Srbsko: české vydání povídek L. K. Lazareviče 366—378, 594—614, dějiny 640, umění středověké 644
srbskochrvatský jazyk: gramatika Meilletova a Vaillantova 141—145
staropruský jazyk: vokabulář elbłązský 662
suffixy: střídání suffixů *d*‖*зd* 672—675; *-ęb-*, *-ǫb-* 439 n.; *-yńi* 211 n.
Suprasliensis 557, 560
starcy gradskije 204
Svatopluk, legenda o prutech 865
syntax: parataxe a hypotaxe 351; forma a funkce 352; skupiny slov 352 n.; věta 354, 573 n.; pausa 354; větná intonace 354; — rus. syntax 350—355; syntakt. zjevy v Sinod. spisku Novgor. lětop. 204, 658, 861; infinitiv 584; užívání pádů v st.-rušt6. 61; — splynutí nom. a vok. v bělorušt. 580; syntax bělorus. *два, дзьве* 582
tajné jazyky: žgonský jazyk v kostroms. gubernii 204 n.
Thietmar o Slovanech 426
T-lua, město 766, 769, 772
Ťutčev, alliterace a assonance v jeho básních 456—469
umění: dřevoryt starý polský 616; lidová malba na skle v Polsku 617; „wycinanky“ 617 sl.; byzantské 642 sl.
unie církevní 648 sl.
Varangolimen 194
Veda slovena 823 n.
vokalismus: původ rumuns. *ă* 147 n.; redukce neakcent. vokálů v rum. 148 n.; — slov. střídnice za ide. difthongy 658; *-e* ‖ *je-* 560; výslovnost slov. *ě, ja* 560 n.; — výslovnost csl. *y, ь, ъ, ě* 558 n., *ę* 558 n., 561 n., *rь, rъ, lь, lъ* 559 n.; *u* ‖ *ju* po palat. konson. 412, 562; reduk. *i* v Mar. 412; *ǫ* ‖ *u* 569; přehláska jerů v Zogr. 660; jery v Mar. 412; — redukce neakcent. vokálů v bulh. 148 n.; střídání *ea* : *e* v bulh. 149 n.; — krátké neakcent. vokály v schrv. 685; — pračes. *é, 'é* v laš. dial. 415; — luž-srb. střídnice za *ь, ъ* 358; *y* 〉 *ě* v hor. luž. 358; — nosové vokály v lech. jaz. 865; — *e* 〉 *i* v rus. dial. 660; střídnice za psl. *ě* v rus. dial. 655, 658—660
Vulgáta a staroslovanský překlad evangelní 158—162
výšivky: jihoslovanské 182, 183, 832, 836, 838, u ozdob hlav ruských žen 309, 337
Zbirka jukoslavenskih ornamenata 181 sl.
Zographensis 660
zvuko-analytická methoda (Sieversova), její užití při csl. textech 557 n.
Židé v Polsku 384, 614, v jižním Rusku v době staré 769—772
žgonský jazyk, tajný jazyk v kostromské gub. 204 n.

Rejstřík slov.

1. praslovanských a církevněslovanských

abrědije csl. 440
agnędъ 441
ašutь 441
bagati 205
balьji 441
baňa 413
bľudo 413, 567
bogatъ 205
bokъ 441
borzda 674
borъ 660
brakъ (jihoslov.)
435
brědъ 440
-brojь 207
bъčela 207
bъčьvь (csl.) 413
bъdynъ 413
bъdьnь 413
bъchъma, bъšiją
(csl.) 210
bъtъ (csl.) 413
capati 20
cerъ (csl.) 445
česati 445 n.
čeznąti 414
čębrъ, čąbrъ 445
čuka (jihoslov.) 154
čuna 152 n.
čьlnъ 445
derva 660
dąbrava, dąbrova,
dąbьje 660
drębъlъ 443
dręzga 660
driskati, dristati,
dryzgati 443
droždьje 443 n.
dvignąti 443
dьnь 687
gabati 675
glogъ 442
gněvъ 442
gnivъ 442
gojiti 442
golěnь 441 n.
gorazdъ 665—676
govędo 441
grebą, greti 675
gromada 674, 676
gruda, gruzdije (csl.)
672, 674
gryzą, grysti 443
grьkъ 442 n.
gvozdъ 660
gyda, gyzda 672,
674
gъrdъ 675
gъrstь, gъrtati 676
chvala 207
jarębъ 439
jastrębъ 439
jasnъ 450
jazda 672, 674
jelenь 439
jesenь 689
jestьstvo 453 n.
ješa (csl.) 413
kadьlbъ 444
kat (záp.-slov.) 206
kip (jihoslov.) 206
klenъ 444 n.
klępъ, klinъ, kląbъ
447
kolęda 151
kosa 446
kosnąti sę 446
košara 157
kožьdo 454 n.
kurigъ (csl.) 437
kyčiti, kyka 154
kyjь 155
kъlъ 447
kъznь (csl.) 446
lalokъ 415
leměcha 415
lěcha 207
lěsъ 660
lěto 691, 692, 693
lětь (csl.) 206
listъ 207
lokati 415
lągъ 660
lьstь 206
malina 448
mečьka (csl.) 448
medvědъ 449
milo 431
mьčьta 413
neděľa 865
nejęsytъ 661
nejęvěrъ 661
nevěsta 442 n.
noktь 688
nъpera 194
oiminъ (csl.) 206
olni 680
orьlъ 439
podъpěga 432
pora 194
posagъ 433 n.
prętati 194
raměnъ (csl.) 208
remenь 413
rešeto 412
rěchati sę 414
sani 413
sanъ 413
sanь 413
sěmь, sěmьja 657
si 662
skomrachъ (csl.)
414
slonъ 413
smilьnъ 431
snąbiti, snubiti 434
snъcha 421 n.
sobota, sąbota 865
sąprągъ 425
steľą, stьlati 656
storbiti 205
stropъ 205
stьblь, στέλιχος' 207
stьblь 'дикая кошка' (csl.) 207
stьklěnica 567
svatъ 435 n.
sъto 412
sьrbiti sę, sьrbъ 657
ščetina, ščetъ 206
šępъ, šępati 805
širokъ 413
štuždь (csl.) 413
tovariti, tovarъ 413
trajati, travati, trъvati 205
trěmъ (csl.) 205
trěvoga, trъvoga
205
trězvъ (csl.) 205
trizna, tryzna 205
trocha 413
tysęšta 206
tъdьnь 865
tьstь 436
ujь 437
ulь 207
utro 691, 692
uzda 672
-va 453
večerъ, večerь 688
n.
vesna 679, 691
vesti żeną 431
vęštii (csl.) 206
věniti, věno 431
viséti 205
višňa 413
vratarь 567
vrьtъpъ 207
vyžьlъ 205
zętь 436
želądъkъ 415

2. bulharských

батитъ 156
бленика, блѣнъ
157
буника 157
ватахъ 154
вурда 156
глума 156
гринда 157
зестра 155 n.
карамъ 153
кичер 154
киякъ 155
копой 157
копторъ, кофторъ
157

костура 157
кравай 447 n.
маса 157
мелчо 157
мура (mura) 157
палария 157
пастря 151
русаля 152
стопанъ 153 n.
сугаре, сукалче, суча 157
четина 206
чука, чукара 152, 154
чума 152

3. srbskochrvatských

bah(at), bahnuti, baš 210
buta, butica 413
bukvan 656
četina 206
čupati 206
docnije 143
haz 413
kičer 154
kijak 155
kravaj 447 n.
kuga 152
last 206
pašenog 413
ploh 413
proljetos 679
si 662
skrgati, skurgutati 414
šat 413
tikvan 656
urda 156
venuti 657
vrebati 413
zapšiti 210
žbica 657

4. slovinských

čbela 207
kuga 152
kostura 157
pleh 413
trabje, trobje 206
veniti 657

5. českých

asi, aspoň, azda 662
Bech 209
bech, bechyňa (dial.) 211
bechaněc, bechnuć (dial.) 210
blikati 13
bouchoř 211
buchta 211
bzíkati 206
dřiždati 443
hlesnouti 206
horazd, (ne-)horázný 670 n.
hyd 672
chorziti se (Alx.) 206
chvat 675
jabřadek, jabřadka 440
kopet 157
kuběna 432
kujeba 439
kyj, kyják 155
lensi (slovens.) 662
manžel 424 n.
mikať (dial.) 413
ohyzda 672
pandero 416
pokútní 415 n.
postranek 413
pouhý 194
si (slovens.) 662
strabiti 205
tisíc 206
urda (dial.) 156
vadnouti 657
včela 206
žbár, žber 657

6. lužickosrbských

skoržba 414
wjadnyć 657

7. polabských

mouz 157
sagle 413

8. polských

asan 414
buta 413
bzikać, bzykać 206
cys 433
czuma 152
drzeń (stpols.) 413
dziewosłęb 434, 435
dziś 679
dżuma 152
facka 32
frymuśny 33
gas 414
gzło 446
hałas 6
horda (dial.) 156
chwat 675
jabrząd 440
kalżdy 455
kij, kijanka 155
kobieta 431
kozub 414
kubana 432
kusz 413
kuś 433
małż 157
małżonka 424 n.
posąg 207
pszczoła 206 n.
rączy 414
skarga 414
słapać, słopień 413
strona 413
warga 207
więdlić, więdzina 657
więdły 657
więdnąć 657
zbroj 207
zgłoba (stpols.) 413

9. ruských vůbec a velkoruských

альни (dial.) 412
баловать, баловен 441
бараболя 16
болван 656
бредина 440
ветчина 657
встрять 796
выль 207
вялить 657
Вятичь, Вятко 206
глохтать 442
глуда 672
гоило (strus.) 442
горазд 668 n.
громадить, громаздить 672
девяносто 451—3
дерьмо 443
деряба 439
джума 152
дребедень, дребезг 443
дробить, дробь 443
дрянь 443
дыра 444
есенясь 683 n.
жабрей 657
ждень (dial.) 656 n.
жибец 657
застрял 796
кий, киянка 155
кичливый 154
клоп 447, 657
кляча 660
коверкать, ковылять, ковырять 447
козло 446
колбаса 657
коло- 444
колобъ 657
коляба 439
копоть 157
коровай 447 n., 656
корябка 439
коструб(ат)ый 440
косушка, косынка, косяк 446
кужа, кузов 446
кулек, куль 446
кушин (dial.) 414
куяба 439
лезвее 207
лекарь 794
лестовка 207
ловкий 675
лохтать 442
молня, молонья 794
мысъ 194
олябка, олябыш 439
очерет 445
пекарь 794
писарь 794
пугать 657
раменье 207
рехнуться 414
росомаха 449
серьга 657
сковорога, скоровога 656
скоморох 414
сок 859
стебать 207
стелюга 656
-стревать 205
телюга 656
тировати (strus.) 656
тормоз 205
тревога 205
тул 440
тулуп 440
тыл 440
ушь (strus.) 207

харзить, хорзать 206
хват 675
хозяин 450
хороший 414
чесать 445 n.
чулан, чулок, (st-rus.) чюлъ 446
чума 152
шар 657
шустать, шустрый 441
шут 441
ятрышник 208

10. maloruských

атаман 43 n.
бакер, бакир, бекер 9
балакати 10
бар(а)боля 16
барабурка 17
бачити 8
блик, бликати 13
брама, бряма 15
бриндувати ся 18
броня 14
бугало 18
бурка 16
ватаман 43 n.
вурда 156
галасати 6
гаразд 669
гарататн 44
ґараболя 16
ґардибурка 16
ґартофля 51
ґелево 36
дримба 30
друзати 30
друхотати 30
заміж 207
запно 8
зястра 155 n.
кий, кияк 155
кремсати 53
мандибурка 16
можик 207
отаман 43 n.
пуга 657
розлейбаний 56
-сербити ся 657
-сторобити ся, сторопити ся 205
стрибати 206
трівога 205
удра 156
фарамушка, фармига, фармуґа 33
фацка 32
цара, царина 22
цукер, цукор, цукур 22
чамайдан, чемойдан, чемодан 25
чамбул 23
-чикрижити 53 n.
чича 24
япина 8

11. běloruských

галасіць, галасы (hałaśić, hałasy) 6
глузд (hluzd) 672
грамазда (hramazda) 673
ёвня 450
хула 207
смоўж 157

12. litevských

aimė 206
barzda 674
dėl 661
duja 414
gabsnus, gabus 675
gabana, gabužas 675
gebėti 675
geibus 657
grabus 675
gramozdas, grumadas 674
gurgulys 676
karšiu 153
kasa 446
kaukara, kaukas 152, 154
kaušas 414
kekšė 432
kujis 155
laiškas 207
regsti 412
staibas 207
staibus 207
sekinti, sekti 662
sēris 657
sterptis, stirpti 205
stiprus 207
stirsti 656
šutis 412
troba 206
usnis 207
verti 661
vypsoti 205
vožti 661
žirgas 660

13. lotyšských

dūńi 414
gibbis, gībt 657
gurste 676
lēts 206
stirps 205
-vergt 207
zirgs 660

14. staropruských

klente 660
laiskas 207
mixkai 662
sirgis 660

15. staroindických

ajās 206
arvant 414
r̥kṣa- 449
ēmas 206
kōṣṭha- 673
gabhasti 675
ghasati 414
ghasraḥ 414
tavīti, tavjaḥ, tuvī 206
bhagaḥ, bhağati 205
liśati 207
lēṣṭuḥ 207
vardhati 208
vāğajati, vāğaḥ 205
vr̥ṇakti 207
vēti 206
vādhant- 208

16. íránských

arša (stbaktr.) 449
karkās (skyth.) 860
karkāsa (stbaktr.) 860
spānas (avest.) 413

17. arménských

kark' 153
staçič' 154

18. řeckých

ἀγείρω, ἀγοστός, ἀγυρτής 675
ἀκρίδες 440
ἀλωή 657
ἄρκτος 449
βραδύς 675
βρύχω 443
γάλα, γλάγος 442
γάργαρα 675
γριμύς 443
γρόνθος 675
ἕδνα 431
εἴρω 657
ἐλαύνω 439
θιγγάνω 443
θίς 414
θορός 444
θρόμβος 443
θύρα 444
ἰός 413
ἶς 453
κάλαφος 440
κέραφος 440
κεύθω 673
κόραφος 440
κορώνη, κορωνίς, -νός 656
κύλινδρος, κυλίνδω 447
κύτος 412
λίσγος 207
νέμω 657
ξένος 413
ὄζω 657
οἶμος 206
ὀρούω 414
πυγμός, πύξ 446
ῥάμνος 413
σκέραφος 440
στέλλω 656
στιβαρός, στιφρός 207
τέραμνον 206
τόρος 413
τρέφω 443
φρύγω 443
ὦνος 431

19. albánských

kikələ 154
stopan 153

20. latinských a osko-umberských

abies 441
acer 440
aries 439
astus 441
capax 675
cerrus 445
corbis 414
(in-)coxare 414
culex 447
currus 153

curvus 656
dulcedo 443
ebulus 441
fallo 441
figo 443
focus 441
foria 443, 444
grex 675
gula 415
gurdus 675
hostire 414
lac 442
ligo 207
malus 448
nemus 657
odor 657
pugnus 446
queri 446
serere, series 657
stipare, stips 207
stiria 656
sugillare 413
tergere 413
trabs 206
triibum (osk.) 206
ursus 449
venari 206
venum 431
vergere 207
victor, vincere 206
vigil 205
virus 413
vis 453

21. románských

(slova rumuns. bez označení)

barabulă 16
chicera 154
cicea, ciceagliŭ 24
culastră 151
hărăt 44 n.
mojíc 207
pandero (špan.) 416
păstrez 151
smântână 150
stână 150
stăpân 153
zestre 155

22. keltských

carr (stířrs. kym. stbret.), carros (gals.) 153
cron (stbret.) 656
cruind (stirs.) 656
curu (stířrs.) 656
duin (gals.) 414
gaibim (irs.) 675
graig (stířrs.) 675

23. germánských

asans (gots.) 683
becca (stangl.) 656
drīta (nord.) 443
dūna, dūne (sthn.) 144
*garazds (gots.) 665
handugs (gots.), hǫndugr (stnord.) 675
haugr (stnord.), houc (střhn.) 154
hauhei (gots.) 154
hosa (stangl.), hose (něm. dial.) 673
huzd (gots.) 673
xūsa-, xŭsa- 673
kehle (něm.) 415
keifr (stisl.) 657
keiv (norv. dial.) 657
koge (něm.), kog, kögelen, kuggeln (něm. dial.) 152
mal (něm. nord.) 424
maþl (gots.) 424
rarta (sthn.) 665
razda (gots.) 665
reord (stangl.) 665
rīsan 414
rǫdd (stnord.) 665
stellen (něm.) 656
steppen, stift (něm.) 207
strom, struom (sthn.) 413
þiuda (gots.) 413
vakr (stisl.), wackar, wahhōn (sthn.) 205
witem (stněm.) 431
wrōt (stangl.) 207

24. maďarských

barabóly 16
garázda, garázna 670

25. Jména vlastní

Acesinus (Plin.) 864
Алаун 860
Amalchius (Hekat.) 859
Antové 859
Bechyně (čes.) 209-213
Бескидъ 859
Braničevo (srbs.) 661
Bratislava (čes.) 136-139
Bučino (bulh.) 153
Čechyně, Čekyně (čes.) 212
Dákové 859
Düna (něm.), Dvina (slov.) 414
Эксампай 864
Γαργαρέες (Strabo) 864
Гологоры 864
Gorazdów (pols.) 667
Horazdějovice (čes.) 667
Хоревица 860
Ящадъ 859
Кавказъ 860
Керчь 859
Μασσαγέται 859
Meča 448
Mečislav 448
němьcь 657
Пантикапъ 859
Певке 860
Pressburg (něm.) 136-139
Сакулатинъ 859
Сакъ 859
Секула 859
Σκολότοι 859
Σκύθαι 859
slověninъ 657
Стегеръ 208
Стамболи 208
Супой 864
Терекъ 864
Тотарданъ 864
Varjagové 661
Volynь 207
Ζακάται (Ptol.) 859

...OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 323 602 084
BOUND BY
HNM